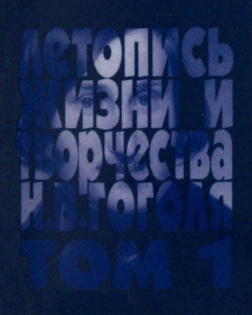
И. А. Виноградов

Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя

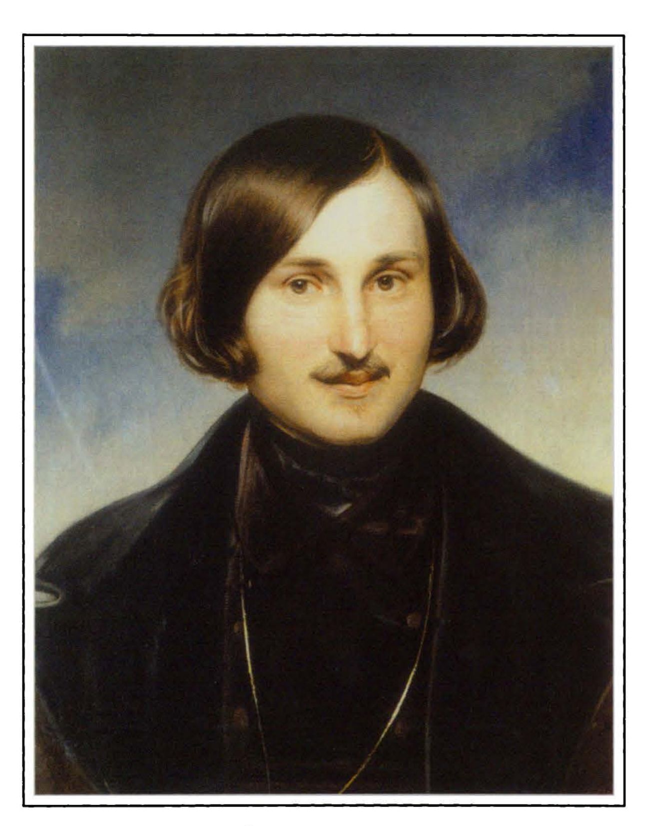
Том 1

1405–1808
1809–1828

И. А. Виноградов



1405–1808
1809–1828



Ф. А. Моллер.
Портрет Н. В. Гоголя
1841 г.
холст, масло

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

И. А. Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

в семи томах

1809–1852

Научное издание

Москва
ИМЛИ РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт мировой литературы им. А. М. Горького

И. А. Виноградов

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА Н. В. ГОГОЛЯ

том первый

1809–1828

С родословной летописью
1405–1808

Москва
2017

ББК 83.3

И. А. Виноградов. Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное изданне. В 7 т. Т. 1. 1405–1808; 1809–1828. – М.: ИМЛИ РАН, 2017. – 736 с.

Книга представляет собой первый том впервые издаваемого систематического летописного свода жизни и творчества Гоголя, с родословной летописью писателя. Том включает в себя подробные сведения о представителях рода Гоголя, с начала XV до начала XIX в. (собранные материалы служат одновременно комментарием к главной исторической повести Гоголя «Тарас Бульба»); охватывает начальные годы жизни будущего писателя. Впервые в литературе о Гоголе последовательно освещается историческая эпоха, предшествовавшая его рождению; детально описаны обстоятельства его пребывания в родном доме в Васильевке; обучения в Полтавском уездном училище, в нежинской Гимназии высших наук. Прослежены первые шаги Гоголя в Петербурге. Отдельные сведения получили необходимые уточнения. В работе использованы многочисленные мемуарные, эпистолярные, дневниковые материалы, исторические источники, документальные архивные свидетельства, собственные воспоминания Гоголя. Данные о каждом дне жизни писателя составляют отдельное аналитическое описание, с своей библиографией и необходимыми хронологическими отсылками. Том сопровожден маршрутным указателем (географической канвой жизни и творчества Гоголя), позволяющим наглядно представить перемещения писателя. Именной указатель насчитывает около двух с половиной тысяч имен.

ISBN 978-5-9208-0516-4
ISBN 978-5-9208-0512-6 (том 1)

Предисловие

Сравнительно с другими крупными классиками русской литературы, Пушкиным, Лермонтовым, Достоевским, Л. Толстым и др., Гоголь – писатель наименее изученный. Это следует сказать о всех сферах его жизни и творчества. В последние годы выходят в свет новые многотомные летописи жизни и творчества Пушкина, Тютчева, Тургенева, Некрасова, Достоевского, Чехова, Есенина, Ахматовой, Бунина и др. На этом фоне, когда полноценные летописные своды «получили» в литературоведении многие писатели более поздней эпохи, отсутствие подробной объективной летописи жизни и творчества Гоголя, потребность в которой давно ощущалась в науке, являлось существенным пробелом. Долгое время, наряду с краткими летописями жизни и творчества писателя, в гоголеведении в качестве единственного и не вполне полноценного эквивалента научного летописного жизнеописания Гоголя существовала лишь хронологическая канва «Даты жизни Н. В. Гоголя», приложенная к соответствующим томам писем Полн. собр. соч. Н. В. Гоголя в 14 т. (<Л.>: Изд-во АН СССР, 1952): Т. 10–14; составители: Г. С. Виноградов, Б. П. Городецкий, А. Н. Михайлова, Г. М. Фридлендер). Один из опытов создания более подробной летописи жизни и творчества Гоголя раннего периода представляет собой современное украинское издание: Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820–1828). Гоголеведческие студии. Вып. 8 / Сост. Жаркевич Н. М., Кирилюк З. В., Якубина Ю. В. Вступ. статья Михед П. В. Нежин, 2002 (2-е изд. – 2009).

В процессе подготовки настоящей летописи проведена обширная библиографическая и источниковедческая работа. Исследовано и опубликовано более 40 а. л. неизданных автографов Гоголя (Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 600 с.); опубликован полный систематический свод мемуарных, эпистолярных и дневниковых свидетельств современников о Гоголе (*Виноградов И. А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013. Т. 1–3. 904 + 1031 + 1168 с.); впервые созданы полные систематические своды религиозных, исторических, фольклорных текстов писателя (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.

и писем: В 17 т. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010. Т. 8, 9, 17); в полном объеме впервые исследована и опубликована двусторонняя гоголевская переписка (*Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 10–15). Написаны две популярные летописи жизни и творчества Гоголя (в соавторстве с В. А. Воропаевым) (*Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 9; *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Т. 16). Впервые составлена летопись рода Гоголя. Богатая источниковедческая база позволила ввести в научный оборот ранее неизвестные факты биографии писателя, сделать многочисленные уточнения датировок писем Гоголя и его адресатов, воссоздать его творческий и житейский путь в максимально возможной полноте.

Помимо принципа исчерпывающий полноты отражения фактов, новизна настоящий летописи обусловливается следующими методологическими подходами в ее создании. Принципиальной особенностью труда является акцент не только на биографической, но и на творческой составляющей жизнеописания художника. До сих пор эта задача в биографиях Гоголя решалась лишь фрагментарно, фиксировался выход в свет лишь основных произведений писателя, а их творческая история отражалась недостаточно. Создание биографической канвы служит в летописи основой для полноценного отражения творческой и духовной биографии писателя. В едином хронологическом ряду прослеживается творческий процесс в целом, отмечаются взаимодействие авторских замыслов, взаимопроникновение биографии и творчества художника, полнее выявляется автобиографическое начало в произведениях Гоголя; впервые представлена объективная, непротиворечивая картина развития писателя. Важная составляющая летописи — тщательное воссоздание культурно-исторического фона эпохи. В ней отмечены важнейшие события общероссийского и мирового масштаба (общественно-политической, церковной, литературной, театральной жизни), а также события локального значения, если они стали фактом биографии и творчества Гоголя и повлияли на его миросозерцание. В летописи документированы отклики на произведения Гоголя, в свою очередь оказывавшие влияние на его писательскую работу. Поскольку ряд вопросов биографии и творчества Гоголя являются спорными, летописные сведения сопровождены необходимыми комментариями, что в целом обусловливает аналитический характер летописи. Помимо именного указателя, летопись сопровождена географической канвой жизни и творчества Гоголя.

ЛЕТОПИСЬ РОДА ГОГОЛЯ

1405–1808

ПРЕДЫСТОРИЯ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА*

Николай Васильевич Гоголь (1809–1852), потомок старых казацких родов[1], в 1834 г. в объявлении «Об издании Истории Малороссийских казаков»[2] писал:

«До сих пор еще у нас не было полной и удовлетворительной Истории Малороссии и народа, действовавшего в продолжение четырех веков отдельно от Великой России. <...> Я решился принять на себя этот труд и представить в Истории моей, каким образом отделилась эта часть России, какое получила она политическое устройство под чуждым владением, как образовался в ней этот воинственный народ, Казаки, – оплот для Европы от Магометанских завоевателей, ознаменованный совершенною оригинальностью характера и подвигов[3]; как три века с оружием в руках защищал он права свои и отстоял свою Религию[4], наконец, присоединился навсегда к России; как нечувствительно исчезало воинственное бытие его и превращалось в земледельческое; и как мало-помалу вся страна получала, взамен прежних, новые права, и наконец совершенно слилась в одно тело с Россиею»[5].

Об издании Истории Малороссийских Казаков, сочинения Н. Гоголя (автора Вечеров на хуторе близ Диканьки) / Новые книги // Северная Пчела. 1834. 30 янв. № 24. С. 93.

Ответ на первый из своих вопросов – «каким образом отделилась эта часть России», попав «под чуждое владение» Литвы и Польши[6], – Гоголь мог почерпнуть в одной из старейших украинских летописей, хронике Г. И. Грабянки (1710), а именно, во второй главе этой летописи – «Сказании, како Малая Россия подпаде Лядскому игу», где предыстория происхождения казачества изложена следующим образом:

«Егда <...> самодержец всея Русския земли <...> равноапостольный Великий Князь Владимир, временное Царство остави и к вечному пойде, разделися Царство его на дванадесять Княжений, тогда <...> Владимировы сынове, братия суще, вос<с>таша сами на ся и хотящи един другого Княжением обладати, начаша убивати брат брата <и> изгоняти себе от области, отцем уделенной, род по род на многое время. Сего ради попущением Божиим найде на Рус<с>кую землю нечестивый Батый и пленив ю. <...> Но не довлело сего за грехи Рос<с>ийскому роду. Вос<с>та еще Гедим<ин>, Великий Князь Литовский, и пришед на Киев, поби над рекою Ирпенем Князей рус<с>ких и прилучи Киев своей власти, постави намес<т>ника своего Миндога,

* Составлено по произведениям Гоголя и использованным им источникам. Здесь и далее сочинения и переписка Гоголя цитируются, помимо особо отмеченных случаев, по изд.: *Гоголь 2009–2010*.

Князя Голшанского... <...> А <...> року 1471 Король Пол<ь>ский Казимир четвертый Княжение Киевское в Воеводство премени. Тако Бог грех ради человеческих попустив, яко в уничижение прийде Рос<с>ийский скипетр и от Царствия в Княжение, а от Княжения в Воеводство пременися»[7].

По наблюдениям исследователей, Гоголь в первой половине 1830-х гг. в работе над статьей «Отрывок из Истории Малороссии» (позднейшее название статьи – «Взгляд на составление Малороссии»), а также при создании первой редакции «Тараса Бульбы» использовал именно летопись Г. И. Грабянки[8]. Эта летопись впервые была напечатана, без указания имени автора, в 1793 г.[9], однако продолжала хождение в списках и еще раз была полностью напечатана в 1854 г.[10] В 1820-х гг. двумя экземплярами летописи Грабянки – рукописным и печатным – пользовался также (не зная имени автора) Д. Н. Бантыш-Каменский при создании «Истории Малой России». В списке использованных им печатных трудов он отметил: «Летописец Малыя России, помещенный в Российском Магазине Федором Туманским, часть 2 и 3, печат. в С. Петербурге у Шнора, 1793, в 8»; а в списке использованных рукописей указал: «История о начале проименования Козаков, откуда Козаки наречены и от какого племени и рода, по 1655 год. Сообщена Переяславским Протоиереем Феодором Домонтовичем: она во многом сходствует с изданною Г. Туманским»[11]. 8 мая 1834 г. Гоголь сообщал И. И. Срезневскому о книгах по украинской истории: «Печатные есть у меня почти все те, которыми пользовался Бандыш-Каменский».

Как позволяет судить сравнение с текстом летописи Грабянки, отрывок из этой хроники (начальные главы) поместил в 1833 г. (тоже без имени автора) Срезневский во втором томе «Запорожской Старины», с заглавием «Сказание, откуду Козаки Запорожане, и чим славни»[12] (текст начинается здесь со второй – цитированной выше – главы источника). При этом издатель пояснял, что «за неподложность» этого «Сказания...» «можно ручаться», так как оно «блуждает по Украине в бесчисленных списках»[13].

В письме от 6 марта 1834 г. Гоголь благодарил Срезневского: «Вы <...> сделали мне важную услугу изданием Запорожской Старины»[14]. С летописью Грабянки Гоголь, однако, познакомился раньше. Обсуждая в письме к Срезневскому список использованных последним для издания «Запорожской Старины» рукописей, Гоголь ни словом не упомянул о труде Грабянки – который Срезневский привел в этом списке с заглавием, несомненно, знакомым Гоголю – «Летопись о проименовании Козаков...» (по заглавию первой, пропущенной в публикации главы источника). Гоголь сообщил Срезневскому лишь о том, что ему неизвестны две рукописи, бывшие у того в распоряжении (одна из них – «Пространная повесть об Украине до смерти Хмельницкого», другую Гоголь не назвал; судя по всему, это «Краткий Летописец Малой России Рогалевского»[15]).

Именно с заглавием «о проименовании Козаков» – отражающим содержание первой главы хроники Грабянки, этот исторический памятник стал известен Гоголю задолго до издания Срезневским «Запорожской Старины». Кроме издания 1793 г., летопись Грабянки могла быть известна Гоголю по списку, который в конце 1820 – начале 1830-х гг. находился в Русском Музеуме П. П. Свиньина – как раз в то время, когда Гоголь принимал активное участие в «Отечественных Записках», издаваемых Свиньиным[16]. В составленном последним в 1829 г. каталоге Русского Музеума, в числе «Рукописей, относящихся до царствования Алексея Михайловича», значатся: «16. О начале и проименовании казаков. 17. Сказание, чего ради Хмельницкий поддался под Великого Князя Московского»[17] (второе заглавие, которое привел Свиньин, представляет собой название еще одной главы той же летописи Грабянки: «Сказание, чего ради Хмельницкий поддадеся под Великого Государя Московского...»[18], или, по другим спискам, «Повесть, чего ради Хмельницкий поддался Великому Российскому Монарсе...»[19], «Сказание, чесо ради Хмельницкий поддадеся Росиянам...»[20]). Позднее о распродаже (аукционе) Русского Музеума Свиньина, продолжавшейся со второй половины марта до лета 1834 г., Гоголь вспоминал при создании повести «Портрет» (1834) и при написании главы о Плюшкине в «Мертвых душах»[21].

В хранящейся ныне в Российской государственной библиотеке рукописи начала XVIII в., с заглавием «О начале проименования Козаков и освобождения оных от ига Пол<ь>ского», цитированный выше текст второй главы летописи Грабянки – об «уничижении Российского скипетра» – полностью совпадает с публикацией Срезневского 1833 г. (в «Запорожской Старине»; Т. 2. С. 15–17), а также с редакцией отдельного издания 1854 г. (С. 17–18). Этот же текст, с редакторской правкой Туманского, приводится в первом издании летописи Грабянки 1793 г.[22]

Прежде всего из хроники Грабянки изд. 1793 г. Гоголь почерпнул также сведения об аренде евреями церквей на Украине. Эти сведения содержатся в перечне податей, которыми поляки обложили в первой половине XVII в. жителей Малороссии: «Уставили же подати дуди некакие повывачные, и пороговщину, подымное, и поголовщину, бочковое, ставшину, поемщину, сухомельщину, зоособно же церкви Божия Жидом запродавали, чего для разве з позволения Жидовного крещаемы были дети Християнскии и всякии церемонии церковныи благочестивых отдавали Жидам в аренду или откуп...»[23] – К этому фрагменту летописи ее издателем Ф. В. Туманским было сделано примечание: «*Сухомельщина*, побор с мельниц: было то две части хозяйского дохода

Полякам. *Поемщина*, за наем людей, брак, за найманный скот и пр. *Ставщину*, за места, где кто или на дороге с телегою станет, или на торговом месте. *Бочковое*, с каждой бочки продаемых питей. *Поголовщина*, с каждого человека; *подымное*, с каждой избы; *пороговщина*, со скота рогатого, и т. д. Жиды получали дань за каждого младенца и прихожанина от Священников тоя церькви, кою имел кто на откупе»[24].

Пользуясь сведениями, почерпнутыми в летописи Грабянки, а также в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина[25], Гоголь в статье «Отрывок из Истории Малороссии», опубликованной в 1834 г. в «Журнале Министерства Народного Просвещения», следующим образом отвечал на поставленные им самим ранее, в объявлении «Об издании Истории Малороссийских казаков», вопросы о происхождении казачества:

«Какое ужасно-ничтожное время представляет для России XIII век! Сотни мелких Государств, единоверных, одноплеменных, одноязычных, <...> так были между собою разъединены, как редко случается с разнохарактерными народами. <...> Это был хаос <...> браней разрушительных, потому что они мало-помалу извели народный характер, едва начинавший принимать отличительную физиогномию при сильных Норманских Князьях[26]. <...> Тогда <...> ужасные Монголы <...> хлынули на Россию... <...> Испуганные жители разбежались или в Польшу, или в Литву; множество Бояр и Князей выехало в Северную Россию. <...> Когда первый страх прошел, тогда мало-помалу выходцы из Польши, Литвы, России начали селиться в этой земле, настоящей отчизне Славян, земле древних Полян, Северян, чистых Славянских племен, которые в Великой России начинали уже смешиваться с народами Финскими, но здесь сохранялись в прежней цельности...[27] <...> Между тем <...> великий язычник Гедимин <...> двинул <...> войска свои на Юг... <...> Убежавший Луцкий Князь Лев успел кое-как уговорить Киевского Князя Станислава выйти с своими немноголюдными дружинами навстречу грозному победителю... <...> Гедимин, сильно поразив их при реке Ирпети, вступил с торжеством в Киев, носивший на себе свежую печать Татарского посещения, и постановил в нем правителем Князя Миндова Ольшанского, принявшего Греческую Веру[28]. <...> ...Гедимин <...> умер в 1340 году... <...> Вслед за ним такие же два сильные характера, Ольгерд и Ягайло, вознесли Литву... <...> И вот южная Россия, под могущественным покровительством Литовских Князей, совершенно отделилась от Северной. <...> Если не к концу XIII, то к началу XIV века можно отнести появление Казачества... <...> Это скопление мало-помалу получило совершенно один общий характер и национальность и, чем ближе к концу XV века, тем более увеличивалось приходившими вновь. <...> И вот составился народ <...> в котором так странно столкнулись две противоположные Части Света...»[29]

Датировав первоначально появление казачества концом XIV – началом XV в., Гоголь затем последовательно переносил его возникновение ко все более раннему периоду.

Так, к концу XIV – началу XV в. Гоголь приурочил появление казаков в черновой редакции статьи «Отрывок из Истории Малороссии» конца 1832 – начала 1833 г.: «В конце XIV или начале XV можно положить происхождение их». В цитированных выше строках журнальной редакции статьи «Отрывок из Истории Малороссии» 1834 г., Гоголь определял возникновение казаков уже столетием ранее: концом XIII – началом XIV в. («Если не к концу XIII, то к началу XIV века можно отнести появление козачества...»). В то время Гоголь соглашался с разделением малороссийской истории М. А. Максимовичем, отводившим эпохе владычества татар на Украине сто лет – с 1240 по 1340 г.: «В сей-то литовский период Украины (с 1340) <...> зачиналось козачество...»[30]

29 мая 1834 г. Гоголь писал Максимовичу: «Ты просил меня сказать о твоем разделении истории. Оно очень натурально... <...> У меня почти такое же разделение...»

В 1839 г., когда Гоголь задумал переделку статьи «Взгляд на составление Малороссии» (а также приступил к созданию драмы из эпохи Богдана Хмельницкого), появляется еще более ранняя датировка возникновения казачества – XIII в. В написанном тогда Гоголем по материалам второго – четвертого томов «Истории государства Российского» Карамзина отрывке «Вражды, войны, битвы и замировки <...> между Россией и Литвой» центральное место занимает пересказ содержания хроники М. Стрыйковского, приводимой Карамзиным в примечании 103 ко второй главе четвертого тома. Здесь повествуется о водворении в Южной России литовских князей еще в XIII в. Вероятно, при переделке статьи Гоголь намеревался подчеркнуть, что под «могущественное покровительство литовских князей» (согласно строкам «Взгляда на составление Малороссии») Южная Россия попала едва ли не сразу после Батыева нашествия («Им было легко устремляться на еще дымившиеся от татарских пожаров села...» – заметка «Вражды, войны, битвы и замировки...»), – так что пребывание южнорусских земель под монгольским игом было весьма непродолжительным. Тем самым к более раннему периоду отодвигалось и возникновение украинского казачества. Замечание об этом появилось у Гоголя во второй редакции «Тараса Бульбы» (1842): «...Когда вся южная первобытная Россия <...> была <...> выжжена <...> неукротимыми набегами монгольских хищников <...> бранным пламенем объялся древле-мирный славянский дух, и завелось казачество...» (сравнительно с этой датировкой хронологические указания первой редакции повести носят более поздний характер[31]). Соответственно к сравнительно более раннему периоду приурочивается Гоголем в окончательной редакции «Тараса Бульбы» и военно-государственная реформа Малороссии. Если прежде эти преобразования относились ко второй половине XVI в. – на это указывает фраза в повести о том, как «Баторий устроил полки в Малороссии» (Гоголь прочел об этом у Д. Н. Бантыша-Каменского), то в новой редакции реформа отодвигается уже к более отдаленному времени и связывается теперь (в соответствии с другим источником – «Историей Русов») с деятельностью нового лица, гетмана князя Е. И. Ружинского, избранного из казачьей среды за полвека до правления Батория.

* * *

В вульгарно-социологических спорах о Гоголе 1920–1930-х гг. наиболее важным считалось определить, к какому классу помещиков – «мелкопоместных», «среднепоместных» или «крупнопоместных» – принадлежала семья писателя. В частности, исследователь А. А. Назаревский в 1936 г. заявлял: «Решительно осуждая и опровергая ложную теорию В. Ф. Переверзева о мелкопоместной основе творчества Гоголя, В. А. Десницкий правильно отнес и биографического Гоголя к среднему украинскому дворянству... <...> Положения В. А. Десницкого были приняты и пополнены фактическим материалом в статье Н. К. Пиксанова "Украинские повести Гоголя"... <...> ...Автор так суммирует свои выводы: "<...> ...Уровень семьи Гоголя следует необходимо признать *среднепоместным*. При этом надо добавить, что социально и культурно семья тяготела <...> к крупнопоместному панству"»[32].

При таком подходе вне поля зрения оставалось куда более важное обстоятельство для понимания гоголевского творчества, а именно то, что писатель по своему происхождению был выходцем из казацкой старшины. Происхождение Гоголей-Яновских от гетмана войска запорожского Остапа Гоголя одним из исследова-

телей, Д. И. Иофановым, в 1951 г. было даже объявлено «мифом». В доказательство своего мнения Иофанов приводил ссылку на еще неопубликованную в то время статью М. А. Максимовича 1856 г. – содержание которой, как выясняется, прямо противоположно такому толкованию[33]. Насущная потребность в изучении родовых корней Гоголей ощущалась, однако, всегда. Свидетельством тому – многочисленные публикации, посвященные вопросу о происхождении писателя, выводы которых использованы при составлении настоящей летописи.

Первостепенное значение здесь имеют материалы семейного архива Гоголей, «касающиеся предков Гоголя за период более столетия – от Полтавской битвы и до его времени»[34]. В 1902 г. В. А. Чаговец по поводу этого архива замечал: «Смеем думать, что, интересуясь историей Малороссии, собирая всякий материал, относящийся к этому предмету, Гоголь не мог пренебрегать тем богатым материалом, который заключал в себе их семейный архив, состоящий из множества бумаг, как имеющих прямое отношение к предкам поэта, так и относящихся к истории козачества вообще. Можно быть уверену, что при составлении истории Малороссии этот материал не был обойден поэтом. Соглашаясь с нашей гипотезой или отрицая ее, всякий, полагаем, разделит вместе с нами мнение, что сюжет, о котором мы будем говорить, представляя немалый самостоятельный исторический интерес, важен также и по отношению к Гоголю, рисуя перед нами, какую важную роль в роде Гоголя играло козачество, как из самой отдаленной поры идеалы его, переходя от поколения к поколению, проникли в чуткую душу поэта и оттуда вылились в форме высоко поэтической, давшей и самому поэту имя певца козачества»[35].

Первый биограф Гоголя П. А. Кулиш, к сожалению, почти не воспользовался этим богатым семейным архивом Гоголей. Часть этого архива была опубликована впоследствии тем же Чаговцем. В 1902 г. В. А. Гиляровский в списке «Реликвии Гоголя в Яновщине» (хранившиеся у сестры писателя О. В. Головни) отметил: «Небольшое количество документов рода Гоголей и семейных бумаг, уже просмотренных и использованных Кулишем, ничего нового и интересного не представляют, так как большинство семейных документов сгорело при бывшем в Яновщине пожаре еще при отце Гоголя, и М. И. Гоголь была очень затруднена при внесении рода в родословные книги дворянства, что видно из дел Полтавского депутатского собрания и прошения самой Марии Ивановны»[36]. Чаговец возражал: «...В Васильевке у О<льги> В<а>сильевны оказалась целая сокровищница, заключающаяся в фамильном архиве, состоящем из документов, грамот, переписки, деловых актов и т. п. Г<-н> Гиляровский говорит о них, как о не имеющих значения и использованных г. Кулишом. Такое замечание совершенно ошибочно и объясняется тем, что автор только слышал о них, а не видел, так как в то время они, вместе со многими другими предметами, находились уже у нас»[37]. Это, по словам Чаговца, «оказался в высшей степени ценный и совершенно нетронутый материал как для истории Малороссии XVIII века вообще, так и для истории рода Гоголя в частности»[38].

В 1902 г. Чаговец дал краткое описание документов рода Гоголей, представленных на выставке в Киеве сестрой Гоголя О. В. Головней:

«101. Дворянская грамота Афанасия Демьяновича Гоголя-Яновского, выданная Киевским Дворянским Депутатским Собранием 1792 г. 15 октября[39]. <...>

104. Духовное завещание Татьяны Семеновны Гоголь-Яновской (ур. Лизогуб), бабушки поэта[40].

105. Духовное завещание Ивана Матвеевича Косяровского, дедушки поэта. <...>

109. Письма Д. П. Трощинского к Василию Аф. Гоголю.

110. Письма Ивана Мартоса к В. А. Гоголю.

111. Письма разных лиц к В. А. Гоголю (Хилкова, Ил. Трощинского, Черныша и мн. др.).

112. Письма А. А. Трощинского к матери поэта.

113. Письма разных лиц к матери поэта.

114. Стихотворение на смерть Вас. Аф. Гоголя[41]... <...>

115. Отрывки сочинений Вас. Аф. Гоголя[42].

116. Коллекция автографов представителей рода Гоголей: Н. В. Гоголя, В. Аф. Гоголя, М. И. Гоголь, Аф. Дем. и Татьяны Семеновны Гоголь, Семена Лизогуба (прадедушки поэта), Анны Тансковны (прабабушки поэта), Василия Танского, полковника Переяславского, гетмана Ивана Ильича Скоропадского, Павла Полуботка и др.

117. Жалованная грамота Петра Великого Василию Танскому на с. Озеряны. 1718 г.[43]

118. Универсал гетмана Скоропадского ему же и на то же имение 1715 г.[44]

119. Духовное завещание Василия Танского 1758 г.[45]

120. Связка документов для истории рода Танских.

121. Письма и бумаги для истории рода Лизогубов»[46].

Основное внимание в представленной далее родословной летописи Гоголя уделено следующим лицам (почти все они оставили заметный след в истории):

– прапращуру Н. В. Гоголя по отцовской линии гетману Евстафию Гоголю, а также его ближайшим потомкам: пращуру Н. В. Гоголя Прокофию Гоголю; прапрадеду – иерею Ивану (Яну) Яковлевичу *Яновскому*;

прадеду – иерею Демьяну Ивановичу *Яновскому*; деду – Афанасию Демьяновичу Гоголю-Яновскому; отцу – Василию Афанасьевичу Гоголю-Яновскому;

– еще одному прапращуру Н. В. Гоголя по отцовской линии полковнику Якову Кондратьевичу *Лизогубу*, а также его потомкам: прадеду Гоголя Семену Семеновичу *Лизогубу*; бабушке – Т. С. Гоголь-Яновской (рожд. Лизогуб; жене А. Д. Гоголя-Яновского) (именно от Т. С. Гоголь-Яновской, т. е. «от Лизогубов», Гоголю досталось имение Васильевка)[47];

– третьему прапращуру Гоголя по отцовской линии гетману Петру Дорофеевичу *Дорошенко* (прапрадеду Т. С. Гоголь-Яновской);

– четвертому прапращуру Гоголя по отцовской линии полковнику Петру Михайловичу *Забеле* и прапрадеду – полковнику Василию Михайловичу *Танскому* (прапрадеду и деду Т. С. Гоголь-Яновской);

– пращуру Гоголя по отцовской линии гетману Ивану Ильичу *Скоропадскому* (прадеду Т. С. Гоголь-Яновской);

– прадеду Гоголя по материнской линии Матвею Васильевичу *Косяровскому*; деду – Ивану Матвеевичу *Косяровскому*; матери – Марии Ивановне Гоголь-Яновской (рожд. Косяровской);

– тетке матери Гоголя Анне Матвеевне Трощинской (рожд. Косяровской – дочери деда Гоголя Матвея Васильевича, вышедшей замуж за Андрея Прокофьевича *Трощинского*); министру Дмитрию Прокофьевичу *Трощинскому* (брату А. П. Трощинского); Андрею Андреевичу *Трощинскому* (сыну А. П. и А. М. Трощинских).

Преимущественное внимание в летописи рода Гоголя уделяется документам, бывшим в распоряжении писателя. Подобным образом среди печатных источников, в которых упоминаются представители фамилии Гоголей, предпочтение отдается, наряду с наиболее авторитетными публикациями памятников, тем изданиям, которые были в круге чтения самого Гоголя. Кроме лиц, носящих фамилию Гоголь, все другие фамилии предков писателя выделены в родословной летописи курсивом (далее не оговаривается).

[1] См. ***Летопись рода Гоголя (1405–1808)***.

[2] См. ***1834. Января 29. Понедельник. Санкт-Петербург***.

[3] Первому из обозначенных в объявлении периодов украинской истории – времени, когда «отделилась эта часть России» и «образовался в ней <...> воинственный народ, козаки», – соответствует в гоголевских произведениях статья «Взгляд на составление Малороссии» (первоначальное название – «Отрывок из Истории Малороссии. Том I, книга 1, глава I») *(см.* ***1834. Апрель. Санкт-Петербург***).

[4] Второму периоду украинской истории, обозначенному в объявлении, – когда украинский народ «три века с оружием в руках добывал права свои и упорно отстоял свою религию», – посвящены в гоголевском творчестве повесть «Страшная месть» (1832), незавершенный роман «Гетьман» (см. ***1833. Вторая половина года. Санкт-Петербург***), «Тарас Бульба» (см. ***1834. Июнь – июля начало. Санкт-Петербург***) и сожженная драма из эпохи Богдана Хмельницкого (см. ***1841. Августа около 26 <около 14>. Дюссельдорф, Франкфурт***), материалы которой были использованы Гоголем при создании второй редакции «Тараса Бульбы» 1842 г. (см.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009*. С. 435–456).

[5] С одним из событий последнего периода – «как мало-помалу вся страна получила новые взамен прежних права и наконец совершенно слилась с Россиею» – связан сохранившийся набросок о размышлениях Мазепы перед его восстанием против Петра I (см. ***1834. Января 29. Понедельник. Санкт-Петербург*** – примечания). Конец этого периода освещает отчасти и повесть «Ночь перед Рождеством» (1832) (см. ***1774. Апреля 20. Светлое Христово Воскресенье. Праздник Пасхи. Санкт-Петербург***; ***1775. Июня 4. Четверг. Запорожская Сечь***).

В целом круг известных Гоголю источников по истории Малороссии был достаточно обширен. В письме к И. И. Срезневскому от 6 марта 1834 г. он замечал об украинских летописях: «Я имел случай многие прочесть и, к сожалению, пропустил случай многие переписать». Здесь Гоголь сообщал, что из опубликованных материалов по истории Украины у него есть «почти все» те, которыми пользовался Д. Н. Бантыш-Каменский в своей «Истории Малой России» (1822; 2е изд. 1830; об использовании самого труда Д. Н. Бантыш-Каменского в первой и второй редакциях «Тараса Бульбы» и «Вия» см.: ***1596. Октября 6–10. Брест Литовский*** – примечания; ***1663. Июня 18. Четверг. Нежин***), а из неопубликованных ему известна «История Русов, или Малой России» (приписывавшаяся в то время перу святителя Георгия (Конисского), архиепископа Могилевского и Белорусского; опубл. 1846. Гоголь мог познакомиться с «Историей Русов» в 1831 г. через А. С. Пушкина (см.: *Айзеншток И. Я.* Комментарии // *Гоголь 1937–1952*. Т. 3. С. 715; ***1829 апрель – 1831 октябрь***) или через М. А. Максимовича (*Машинский 1940*. С. 99). (Об использовании этого памятника в первой редакции «Тараса Бульбы» см.: *Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896*. Т. 1. С. 662–684; *Машинский 1940*. С. 104; *Айзеншток И. Я.* Комментарии // *Гоголь 1937–1952*. Т. 2. С. 718–720; *Прохоров Е. И.* Исторические и фольклорные источники «Тараса Бульбы» // *Гоголь 1963*. С. 202–203; *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009*. С. 634.) Гоголь упоминал также о своем знакомстве с кратким географическим и историческим описанием Малой России А. Ф. Шафонского (опубл. 1851), «Летописным повествованием о Малой России и ее народе и

казаках вообще...» А. И. Ригельмана (опубл. 1848) и «польскими историками» (в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина Гоголь, в частности, обратил особое внимание на отрывки из «Хроники Польской, Литовской, Жмудской и всей Руси» Матвея Стрыйковского (Strykowski M., около 1547 – после 1582); эта хроника была известна Карамзину в «старинном русском переводе» 1688 г. по принадлежавшему историографу списку; *Гоголь 1994.* Т. 7. С. 547).

Следует добавить, что к мысли обратиться публично с просьбой к читателям о присылке ему исторических материалов, возможно, подтолкнула Гоголя в 1834 г. удачная находка, о которой он сообщал незадолго перед тем, 23 декабря 1833 г., А. С. Пушкину: «Порадуйтесь находке: я достал летопись без конца, без начала об Украйне, писанную, по всем признакам, в конце XVII века» (судьба этой «летописи» не известна). Можно предположить, что какие-то материалы Гоголь в ответ на свое обращение получил. Н. М. Языков сообщал 22 марта 1834 г. М. П. Погодину: «У нас есть нечто для Гоголя – по истории Малороссии, собираемся ему доставить» (см. ***1834. Марта 22. Четверг***).

В работе над первой редакцией «Тараса Бульбы» Гоголь использовал также «Описание Украйны» Г. де Боплана, изданное в 1832 г. с обширными примечаниями переводчика Ф. Г. Устрялова (*Каманин.* С. 119; *Машинский 1940.* С. 102; *Айзеншток И. Я.* Комментарии // *Гоголь 1937–1952.* Т. 2. С. 720–721; *Прохоров Е. И.* Исторические и фольклорные источники «Тараса Бульбы» // *Гоголь 1963.* С. 203–204).

Кроме того исследователи указывали, что Гоголю в то время могли быть известны:

– «Историческое известие о возникшей в Польше Унии» Н. Н. Бантыш-Каменского (М., 1805) (*Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896.* Т. 1. С. 570; *Айзеншток И. Я.* Комментарии // *Гоголь 1937–1952.* Т. 2. С. 718; *Прохоров Е. И.* Исторические и фольклорные источники «Тараса Бульбы» // *Гоголь 1963.* С. 204);

– «Краткая летопись Малой России» В. Г. Рубана (СПб., 1777) (*Каманин.* С. 120);

– «История о казаках запорожских» князя С. И. Мышецкого (опубл. 1847) (*Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896.* Т. 1. С. 573);

– летописи Г. И. Грабянки (опубл. 1793) и Самовидца (опубл. 1846) (об использовании Гоголем летописей Самовидца и Грабянки см. ниже);

– летопись С. В. Величко (опубл. 1848–1864; см. ***1840. Октября 29 <17>. Четверг. Рим*** – примечания; ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва***) (*Машинский 1940.* С. 95, 185; *Карпенко.* С. 54);

– очерк В. Д. Сухорукова «Общежитие донских казаков в XVI–XVII столетиях» (Русская Старина. Карманная книжка для любителей отечественного, на 1825 год, изданная А. Корниловичем. СПб., 1824) (*Гуковский Г. А.* Реализм Гоголя. М.; Л., 1959. С. 178–179).

С интересом Гоголя к истории Малороссии связан также ряд библиографических выписок из «Росписи российским книгам для чтения, из библиотеки А. Смирдина» (СПб., 1828), где упомянуты «Письма из Малороссии» А. И. Левшина (Харьков, 1816), «Землеописание Малой России» (СПб., 1777) и «Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России» (СПб., 1773) В. Г. Рубана, «Волынские записки» С. В. Руссова (СПб., 1809), «Королевство Польское и Великое герцогство Литовское» А. Ф. Бюшинга (СПб., 1775), «О происхождении, языке и литературе литовских народов» П. И. Кеппена (СПб., 1827), «Древняя история Волынской губернии» графа И. О. Потоцкого (СПб., 1829), «О достопамятностях Чернигова» (СПб., 1816) и «О городах и селениях Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой Летописи» (СПб., 1815) М. Е. Маркова (*Коваленко Л. А.* Гоголь – історик України. Кам'янець-Подільський, 1965. С. 12). Кроме того, Гоголю должны были быть хорошо известны исторические материалы об Украине, публиковавшиеся в 1830 г. в «Отечественных Записках» (см. ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург*** – примечания), а также документы в «Собрании государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел» (М., 1813–1826. Т. 1–4) (см. ***1835. Сентябрь-декабрь. Санкт-Петербург*** – примечания).

Об украинских хрониках Гоголь в целом был невысокого мнения, называл их «черствыми» (письмо к М. А. Максимовичу от 9 ноября 1833 г.), замечая, что летописцы «обезьянски переписывали друг у друга вырванные листки не происшествий, а разве оглавления происшествий» (письмо к И. И. Срезневскому от 6 марта 1834 г.). Наблюдение Гоголя о заимствованиях украинскими летописцами «друг у друга» подтверждается содержанием самих летописей; см. ниже содержание Краткой летописи рода Гоголя (1405–1808). Важным источником для изучения украинской истории служили также Гоголю народные песни-думы (см. примеч. ниже).

[6] «Царь Алексей Михайлович возвратил от Польши похищенные ею Малороссийские провинции» (лекция Гоголя «Обозрение Всеобщей Истории» 1835 г.). – См. ***1667. Января 30. Среда***. Село Андрусово, близ Смоленска. – «Сармат с свирепостью своею / Трофеи отдал Алексею», – замечал по этому поводу М. В. Ломоносов в переписанной Гоголем в свою тетрадь оде «На рождение Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Павла Петровича...» (1754) (сборник Гоголя «Сочинения Ломоносова и Державина»). В лекции по истории нового времени, озаглавленной «Происшествия на Севере» (1831–1835), Гоголь также писал: «Украинские козаки <...находившиеся? под покро>вительством Польши, страшные туркам и

<шляхте?> и составлявшие самое храброе войско, ожесточен<ные ...жестоко>стью, коварством и злодействами поляков, восстали против них под предводительством знаменитого Богдана Хмельницкого. И вся Малороссия, все древние русские города отложились от них и отдались России». – См. также ***1844. Декабря 24 <12>. Вторник. Франкфурт-на-Майне.*** – Прямыми упоминаниями о Богдане Хмельницком тема воссоединения Малороссии с Россией у Гоголя не исчерпывается. Сами события, изображенные в повести «Тарас Бульба», относятся прежде всего к XVII веку – веку Богдана Хмельницкого (предшествующие XV и XVI столетия характеризуются главным образом союзом Польши и Украины в борьбе с татарами и турками). В повести есть и более определенные указания на то, что в ней изображена именно эпоха Богдана Хмельницкого. Так, например, упоминаемый в начале «Тараса Бульбы» Адам Кисель был последним из восьми воевод, назначавшихся в Киев до 1649 г. от польской короны (с 1654 г. киевские воеводы назначались уже от России) (см. ***1649. В течение года. Киев***; ***1652. В течение года. Киев***). Дубно, или древнерусский город Дубен, под стенами которого разворачивается действие пятой – девятой глав повести, в середине XVII в. осаждался восставшими казаками Богдана Хмельницкого. По замечанию И. М. Сенько, названия древних украинских городов в заключительной, двенадцатой главе повести – Чигирина, Батурина, Глухова, Переяслава – Гоголь также использовал как своеобразные обобщения. Чигирин, вместе с Батуриным и Глуховым – гетманские столицы, а в Переяславе был подписан договор между Украиной и Россией о воссоединении (*Сенько И. М.* Художественное время и пространство украинских повестей Н. В. Гоголя // Микола Гоголь і світова культура. (Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 185-річчю з дня народження письменника). Київ; Ніжин, 1994, С. 47–48). Есть в «Тарасе Бульбе» и упоминание о польском коронном гетмане Николае Потоцком, захваченном в 1648 г. в плен казаками Богдана Хмельницкого. Показательно и то, что после сожжения Гоголем в 1841 г. драмы из украинской истории (в сохранившихся набросках которой прямо упоминается Богдан Хмельницкий) приготовленные для нее материалы были непосредственно использованы при создании второй редакции «Тараса Бульбы». Обратим, кроме этого, внимание на семь дум «про Гетьмана Хмельницкого» в сборнике Гоголя украинских песен осени 1839 – лета 1840 гг.: РГБ. Ф. 74. К. 3. Ед. хр. 4. Л. 62–64 об.; *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 407–411; ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>***.

[7] *<Грабянка Г. И.>* О начале проименования Козаков и освобождения оных от ига Пол<ь>ского // РГБ. Ф. 173. I. Ед. хр. 97. Л. 2 об.–3. Текст рукописи представляет собой первую половину летописи Грабянки, названной так по заглавию первой ее главы.

[8] Так, в черновой редакции статьи «Взгляд на составление Малороссии» к строкам о казаке, нагоняющем страх на врагов, было добавлено: «Это заставило турецкого султана сказать: когда поляки и немцы воюют, я сплю на оба уха, когда же козаки зашевелятся, я должен одним ухом слушать» («Шерер говорит, что это Амурат»; *Глинка Ф. Н.* Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия // Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1819. № 1 / Труды Высочайше утвержденного Вольного Общества Любителей Российской Словесности. 1819 год. Часть V. СПб.: В Медицинской Типографии, 1819. № 1. С. 13). Во второй редакции «Тараса Бульбы» имеется аналогичное упоминание о многочисленности казаков – «которым и счету никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их: "Кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что байрак, то казак"...» – Оба этих упоминания о турецком султане были заимствованы Гоголем из одного фрагмента летописи Г. И. Грабянки: «...Добре сказано Турскому Царю на вопрос о великости Козацкого войска: "у нас де, Турский Царю! що лоза, то Козак, а де байрак, то по сту и по двести Козаков там" (Байрок – овраг. – *Примеч. Ф. О. Туманского. – И. В.*); <...> О которых и Салтан Турский изрекл: "коли де окрестныи Панствы на мене повстают, я на обе уши сплю, а о Козаках мушу единым ухом слухати"» (*Грабянка 1793.* Ч. 2. С. 39; см. также: *Грабянка 1854.* С. 20; см. коммент. в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 686). Ср. также: «"...Что байрак, то козак". <...> Последнее изречение приводится, с вариациями, в малороссийских летописях; ими Гоголь мог пользоваться и в печатных изданиях. (Важное место между ними занимал в то время «Летописец Малыя России» <Г. И. Грабянки>, напечатанный Туманским в повременном издании «Российский магазин» 1793 г. В этом «Летописце» вышеприведенное изречение передано так: «"У нас, де, Турский царю! що лоза – то козак, а де байрак, то по сту и по двести козаков там". – Российский магазин II, 39), и в рукописях» (*Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896.* Т. 1. С. 569–570).

О возможном использовании Гоголем в работе над первой редакцией «Тараса Бульбы» труда Грабянки в рукописи см.: *Машинский 1940.* С. 95, 185; *Карпенко.* С. 54.

[9] *Грабянка 1793.* Ч. 2–3. В этом же издании было помещено «Объявление, или Манифест Гетмана Богдана Хмельницкого» от 8 мая 1848 г. («Дан в обозе нашем под Белою Церковью») (Российский Магазин. Трудами Феодора Туманского. СПб., 1793. Ч. 2. С. 1–14). На то, что опубликованный в «Росийском Магазине» «Летописец Малыя России» является летописью Г. Грабянки, впервые указал в 1855 г. М. А. Максимович (см.: Максимович М. А. Известие о летописи Григория Грабянки, изданной 1854 года Киевскою временной коммиссией // Собр. соч. Киев, 1876. С. 219).

[10] См.: *Машинский 1940.* С. 95, 185; *Карпенко.* С. 54; *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009.* С. 634; *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 686. См. также примеч. ниже.

[11] <*Бантыш-Каменский Д. Н.*> История Малой России. От водворения Славян в сей стране до присоединения оной, в 1654 году, к Российскому Государству Царем Алексеем Михайловичем. М., 1830. Ч. 1 (посвящение Императору 10 апр.). С. XVIII, XI.

[12] Ср.: <*Грабянка Г. И.*> Сказание, откуду Козаки Запорожане, и чим славни // *Срезневский И. И.* Запорожская Старина. Харьков, 1833. Ч. 1. Кн. 2 (цензурное разрешение 28 августа). С. 15–33; *Грабянка 1854.* С. 3–35.

[13] *Срезневский И. И.* Запорожская Старина. Харьков, 1833. Ч. 1. Кн. 2 (цензурное разрешение 28 августа). С. 8. Кроме Срезневского, летопись Грабянки напечатал еще в 1793 г. Ф. О. Туманский во второй и третьей частях «Российского Магазина» (без указания имени автора; см. примеч. выше).

[14] См. также ***1834. Марта 6. Вторник. Санкт-Петербург.***

[15] Кроме указанных рукописей, Срезневский упоминал также о «Мемориале о Запорожских Гетманах», который опубликовал сам, под заглавием «Сказание о Гетманах Запорожского войска», в конце тома (С. 131–138), а также о «Записках Шафонского» и «Топографическом описании Харьковского Наместничества» (*Срезневский И. И.* Запорожская Старина. Харьков, 1833. Ч. 1. Кн. 2. С. 10–11). Последние два названия относятся, по-видимому, к труду А. Ф. Шафонского «Черниговского наместничества топографическое описание, с кратким географическим и историческим описанием Малой России» (опубл. в 1851). О летописи Шафонского Гоголь упоминает – как известной ему (вместе с «Историей Русов» и хроникой А. И. Ригельмана) – в том же письме к Срезневскому от 6 марта 1834 г. (см. ***1655. Первая половина января. Умань – января 19–22. Дрижиполе, близ Ахматово. Правобережная Украина*** – примечания).

[16] В журнале Свиньина в 1830 г. Гоголь опубликовал одну из своих повестей – «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» – а также, возможно, напечатал целый ряд документов и фольклорных материалов по истории Украины, во всяком случае эти документы и материалы не могли пройти мимо его внимания (подробнее см.: ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург***; *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009.* С. 419; *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 751–752).

[17] Краткая опись предметов, составляющих Русский Музей П. С<виньина> 1829 года // Отечественные Записки. 1829. Ч. 39. Июль. № 111 (цензурное разрешение 13 июля). С. 61; см. также: Краткая опись предметов, составляющих Русский Музеум Павла Свиньина. СПб., 1829. С. 122.

[18] <*Грабянка Г. И.*> О начале проименования Козаков и освобождения оных от ига Пол<ь>ского // РГБ. Ф. 173. I. Ед. хр. 97. Л. 43 об.

[19] *Грабянка 1793.* Ч. 2. С. 272.

[20] *Грабянка 1854.* С. 120.

[21] См.: ***1834. Марта вторая половина – август. Санкт-Петербург***; *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь Н. В.* Петербургские повести / Вступит. ст., коммент. И. А. Виноградова. М., 2001. С. 282–283.

[22] Ср.: «...Когда Государь и Монарх всея России <...> равноапостольный Князь Владимир, по временном господствовании в Киеве, отходя к вечному, разделил государство свое на дванадцать Княжений, тогда <...> Владимировы сынове, братия будучия, повстали на себе, и хотя един другого княжением завладети, начали убивати брат брата и изгоняти от владения, отцом им уделенного, и того ради попущением Божиим нашол на Рус<с>кую землю нечестивый Батый и, пленив оною, и церкви Божии и красоту их опроверг и соравнил со землею. Но не довлело сего за грехи Российскому роду, вос<с>тал еще Гедимин, Великий Князь Литовский, и пришед на Киев, побил над рекою Ирпенем Князей Рус<с>ких и прилучив Киев к Литовской земли, поставил наместника своего Миндора <Миндовга>, Князя Олшанского... <...> ...А <...> Король Польский Казимир княжение Киевское на Воеводство пременил <...> И <...> в уничтожение Кievороссийский скипетр так пришел, что от царствия в княжение, а от княжения в воеводство пременился» (*Грабянка 1793.* Ч. 2. С. 35–36).

[23] *Грабянка 1793.* Ч. 2. С. 51; см. также: <*Грабянка Г. И.*> О начале проименования Козаков и освобождения оных от ига Пол<ь>ского // РГБ. Ф. 173. I. Ед. хр. 97. Л. 9; *Грабянка 1854.* С. 30).

[24] <*Туманский Ф. В.*> Изъяснение Малороссийских речений в предшедших листах / *Грабянка 1793.* Ч. 2. С. 105–106. Сведения об аренде церквей евреями на Украине Гоголь мог почерпнуть также из источников, имевших в его время хождение в рукописях, «Истории Русов» (см.: *История Руссов 1846.* С. 41, 48–49, 56) и других, кроме Г. И. Грабянки, казацких летописей (см.: *Самовидец 1846.* С. 5; и др.), а также из украинских дум (см.: Дума о жидовских откупах и о войне из-за них // Кулиш П. А. Записки о Южной Руси. СПб., 1856. Т. 1. С. 56–63; см. также: *Срезневский И. И.* Запорожская Старина. Харьков, 1834. Ч. 1. Кн. 3 (цензурное разрешение 25 мая). С. 63; Жидовские откупы // Украинские народные предания. Собрал П. Кулиш. М., 1847. Кн. 1. С. 2). Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009.* С. 634–637.

[25] Знакомство Гоголя с трудом Карамзина состоялось в Нежине в средине 1820-х гг.; см. ***1824. Февраля 9. Суббота. Нежин***; ***1828. Февраля 15. Среда. Москва*** (примечания); ***1828. Июня не позднее 23. Нежин*** (примечания). – Подробнее см.: *Виноградов И. А.* История в наследии Гоголя // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии / Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя; Ін-т літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України. Ніжин, 2015. Вып. 5 (22). С. 18–70; *Виноградов И. А.* «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А. П. Сумароков и Н. М. Карамзин в литературном процессе России XVIII – первой трети XIX вв. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 141–183.

[26] С этими размышлениями в творчестве Гоголя связано вызревание замысла не только «Тараса Бульбы», но и «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (см., в частности, ***1669. Января 6 – марта 6. Левобережная Украина*** – примечания). – См. также ***1834. Мая 28. Понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1834. Июня 10. Воскресенье. День Святой Троицы. Санкт-Петербург*** (примечания).

[27] Ср. замечание Н. М. Карамзина в записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811) (см. ***1836. Февраль. Санкт-Петербург***): «Владимир, Суздаль, Тверь назывались Улусами Ханскими; Киев, Чернигов, Мценск, Смоленск – городами Литовскими. Первые хранили, по крайней мере, свои нравы, вторые заимствовали и самые обычаи чуждые» (цит. по: Лит. учеба. 1988. № 4. С. 98). Примечательны на этот счет размышления А. С. Хомякова в статье «О старом и новом» (1839). Согласно его точке зрения, вследствие вызванного нашествием кочевых орд Азии оттока русского населения в глубь страны, «Север и Юг смешались, проникнули друг в друга, и началась в пустопорожних землях, в диких полях Москвы, новая жизнь, но уже не племенная и не окружная, но общерусская» (цит. по: *Хомяков А. С.* О старом и новом. М., 1988. С. 52). 24 октября (н. ст.) 1844 г. Гоголь на вопрос А. О. Смирновой – «Спуститесь в глубину души вашей и спросите, точно ли вы русский, или хохлик» – ответил: «...Я, как вам известно, соединил в себе две природы: хохлика и русского». Через два месяца, 24 декабря, он опять вернулся к этому вопросу: «...Какая у меня душа, хохлацкая или русская... <...> сам не знаю... <...> Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой – явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве». Ср. со строками Гоголя в записной книжке 1846–1850 гг. : «Обнять обе половины русского народа, северную и южную, сокровище их духа и характера». См. также коммент. к строкам первой главы позднейшей редакции второго тома «Мертвых душ»: «Искусственным насажденьем – север и юг растительного царства собрались сюда вместе», – в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 5. С. 651; а также статью: *Виноградов И. А.* Церковное и народное слово в творческом наследии Гоголя // *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 776–787.

[28] Ср. в выписках Гоголя из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (т. 4, гл. 8, 10): «XIV век. – 1320. Гедимин берет Овруч, Житомир, города Киевского княжества. – Разбивает киевского князя Святослава (Станислава, согласно Н. М. Карамзину. – *И. В.)* с Олегом Переяславским и союзниками его монголами при Ирпене-реке. – Берет Киев и ставит воеводу своего Миндова. Южная Россия в его власти. – 1341. Смерть Гедимина». Сам Карамзин (а за ним Д. Н. Бантыш-Каменский) ставил, однако, под сомнение достоверность этих и других сведений, сообщаемых польским историком М. Стрыйковским (а также «Историей Руссов»). С другой стороны, точку зрения автора «Истории Русов», описывавшего приход литовского князя Гедимина в пределы малороссийские в 1320 году, разделял в 1829 г. А. С. Пушкин (см.: *Оксман Ю. Г.* Неосуществленный замысел истории Украины // Лит. наследство. Т. 58. М., 1952. С. 213–214).

[29] *Гоголь Н. В.* Отрывок из Истории Малороссии. Том 1, Книга 1, Глава 1 // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. Ч. 2. Апрель. № 4. Отд. 2. Словесность и науки. С. 1–15.

[30] Украинские народные песни, изданные *М. Максимовичем.* М., 1834. Ч. 1. С. 67.

[31] Действие первой редакции «Тараса Бульбы» Гоголь относил к XV–XVI вв. В описании светлицы Тараса Бульбы он, в частности, замечал: «Все в светлице было убрано во вкусе того времени; а время это [было в годину [унии] начинавшейся унии <речь идет о конце XVI в.>] [касалось XV века] касалось XVI века, когда еще только начинала рождаться мысль об унии». Далее, говоря о самом Тарасе, автор сообщал: «Это был один из тех характеров, которые могли только возникнуть в грубый XV век....» (почти без изменений эти строки вошли и во вторую редакцию повести: «Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжелый XV век...»). Кроме того, упоминание в первой (а затем и во второй) редакции «Тараса Бульбы» о киевском воеводе Адаме Киселе относит ее действие к средине XVII в. (см. примеч. выше).

О приурочении действия «Тараса Бульбы» – как первой, так и второй редакции – к XVI в., свидетельствует также использование Гоголем при создании повести народных песен, или дум – еще одного важного, по его признаниям, источника для изучении украинской истории, наряду с летописями (см. ***1835. Сентября 10. Вторник. Москва***; ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>***). На этот источник Гоголь прямо указал во второй редакции «Тараса Бульбы», добавив в описании светлицы Тараса следующую фразу: «Светлица была убрана во вкусе того времени, – о котором живые намеки остались только в песнях да в народных думах, уже не поющихся больше на Украйне бородатыми старцами-слепцами в сопровождении тихого треньканья бандуры, <...> – во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украйне за унию» («за унию» – здесь: украинизм; означает – из-за унии). Именно в народной песне Гоголь искал – и даже в большей мере, чем в летописях, – сведений о периоде, предшествовавшем унии (а также о самой унии, т. е. о XVI в.), при создании второй и первой редакций повести. В упомянутом письме к И. И. Срезневскому от 6 марта 1834 г. он замечал: «Я к нашим летописям охладел,

напрасно силясь в них отыскать то, что хотел бы отыскать. Нигде ничего о том времени, которое должно бы быть богаче всех событиями <...> Я недоволен польскими историками <...> впрочем они могли знать хорошо только со времени унии <...> И потому-то каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи, если можно назвать летописями не современные записки, но поздние выписки, начавшиеся уже тогда, когда память уступила место забвению. Эти летописи похожи на хозяина, прибившего замок к своей конюшне, когда лошади уже были украдены. Хорошо еще, если между ними попадались с резкою физиономией, с характером: как, например, Кониский, который выхватил хоть горсть преданий и знал о чем он пишет. Но все другие так пусты, так бесцветны! и вместо того, чтобы дослушиваться к умирающему голосу последних воспоминаний, они обезьянски переписывали друг у друга вырванные листки не происшествий, а разве оглавления происшествий. Если бы наш край не имел такого богатства песень – я бы никогда не писал Истории его». В том же 1834 г. в статье «О малороссийских песнях», говоря об участи «беззащитной Малороссии, когда хищно ворвалась в нее уния», Гоголь также отмечал, что «жалобы» народа на «натиски насилий» «не могли иначе и нигде выразиться, как только в его песнях» и что «по ним <...> можно догадываться» о его «минувших страданиях».

Позднее П. А. Кулиш именно с народной песней связывал происхождение гоголевского «смеха сквозь слезы»: «...Голоса украинских песен, поражавшие слух Гоголя еще в колыбели <...> дали <...> зародышу его творчества характер трагической грусти и лирического смеха... <...> Ибо ни у одного народа песня не выходит из такой мрачной душевной глубины, как у малороссиян, и ни одно племя на земле не способно, после горького плача, <...> смеяться таким всепобеждающим смехом, каким смеются они в своих комических и саркастических песнях. Переход от горести к смеху и от смеха к горю в их поэзии и натуре так быстр и так естествен, что вся их жизнь похожа на мрачную ткань, затканную блестящим шелком, который, рисуя на одной стороне яркие цветы, тою же ниткою выражает на обороте, по сияющему полю, траурные узоры. Отсюда происходит, что "под видимым смехом" у Гоголя всегда "скрываются незримые, неведомые миру слезы" ("Мертвые души", стр. 254), а по мрачной ткани его фантазии везде рассыпаны сверкающие цветы восторга и ясного, сердечного хохота» (*Кулиш 1854* (*2*). С. 85–86). (С этим наблюдением гоголевского биографа перекликается, в частности, содержание повести «Вий», в вызревании замысла которой существенную роль сыграли веселые свадебные украинские песни, в частности, песня «Коровайове тисто...» из сборника галицких песен «Piesni polskie i ruskie ludu galicyjskiego» Waciaw'a z Oleska (We Lwowie, 1833); см. ***1834. Января 7. Воскресенье. Санкт-Петербург***; *Виноградов И. А.* Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2000. Вып. 5. С. 88–91.)

[32] *Назаревский*. С. 349.

[33] См. ***1679. Января 7 или 9. Межигорский Спасо-Преображенский монастырь*** (примечания).

[34] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 3. С. 6; Свод. Т. 1. С. 232.

[35] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 3. С. 7.

[36] *Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // Русская Мысль. 1902. № 1. С. 73; Свод. Т. 1. С. 353–354.

[37] *Чаговец В.* На родине Гоголя // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 5. С. 37; *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 3. С. 6; Свод. Т. 1. С. 230.

[38] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 3. С. 8; Свод. Т. 1. С. 233.

[39] См. ***1792. Октября 15. Киев.***

[40] См. ***1825. Июня 20. Васильевка.***

[41] См. ***1825. Сентября 25. С. Гомбори, Грузия.***

[42] См. *1818.* ***В течение года. Васильевка (?)***; ***1819. В течение года. Полтава***; ***1823. Февраля 13. Кибинцы.***

[43] См. ***1718. Июля 7. Санкт-Петербург.***

[44] См. ***1715. Декабря 3. Глухов.***

[45] См. ***1758. Апреля 10. Яготин.***

[46] *Чаговец В. А.* Гоголевская выставка (каталог) // Свод. Т. 1. С. 383–384.

[47] См. **1825.** ***Июня 20. Суббота. Васильевка.***

1405 В ТЕЧЕНИЕ ГОДА.
ЛУЦК. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

Иерей Иоанн Гоголь рукоположен во епископа Владимиро-Волынского.

По словам первого биографа Гоголя, П. А. Кулиша, «Гоголь, по своей родословной, принадлежал к высшему сословию в Малороссии и в числе своих предков мог считать несколько личностей, хорошо памятных истории»[1].

Владыка Иоанн (Гоголь), епископ Владимиро-Волынский, является, по-видимому, первым из известных в истории лиц с такой фамилией. Сведения о своем давнем однофамильце, отношение которого к гоголевским предкам установить затруднительно, Гоголь мог почерпнуть в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Сообщение о поставлении иерея Иоанна Гоголя во епископа Владимиро-Волынского содержатся в пятом томе «Истории государства Российского»:

«...Г<од> 1405 <...> Киприян Митр<ополит> был в Литовской земли, и бывшу ему в Лучьске, и ту постави Попа Гоголя во Владыки, и тот быть Епископ граду Володимерю; с Митрополитом служили на поставленьи Епископ Холмский, да другий Епископ Лучьский...»[2]

[1] *Кулиш 1856.* Т. 1. С. 4.

[2] <*Карамзин Н. М.*> История государства Российского. 2-е изд., испр. СПб., 1819. Т. 5. Примечания. С. 157–158. – Примеч. 254. (См.: *Виноградов И. А.* Первый биограф Гоголя // *Кулиш 2003.* С. 63.) – См. также: «*Афанасий II* упом<инается> в 1388–1391 гг. – *Иоанн* (*Гоголь*) рукоположен в 1405 г. – *Герасим* упом<инается> в 1415 г., не позднее 1428 г. переведен в Смоленск» (Владимиро-Волынские и Берестейские епископы // *Макарий* (*Булгаков*), *митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 642).

1543 ВЕСНА.
ЛУКОМЬЕ

К весне 1543 г. Гоголь приурочил действие своей «главы из романа» (из незавершенного романа «Гетьман») «Кровавый бандурист»:

«В 1543 году, в начале весны, ночью, тишина маленького городка Лукомья была смущена отрядом рейстровых коронных войск».

В главе «Кровавый бандурист» (отрывок датирован Гоголем дважды, по-разному: 1830 и 1832; опубл. в 1835) упоминается один из главных героев романа руководитель антипольского казацкого восстания 1638 г. гетман запорожских нереестровых казаков Стефан Остраница (Остржаница). Согласно «Истории Русов», приписывавшейся святителю Георгию (Конисскому), Остраница после двух поражений, нанесенных полякам, заключил с ними «вечный мир» и удалился на богомолье в Канев, где был схвачен врагами и предан в Варшаве мучительной казни[1]: «Немного времени спустя после вероломного поступка под Каневым голова гетьмана вздернута была на кол вместе со многими сановниками» («Тарас Бульба», 1835). По другим источникам, Остраница потерпел поражение у Жовнина (неподалеку от упоминаемого в «Кровавом бандуристе» городка Лукомья, или Лукомля) и бежал в Слободскую Украину, под защиту русского царя, где поселился на Чугуевском городище (ныне г. Чугуев на Харьковщине). Убит здесь во время волнений в связи с обострением отношений между рядовым казачеством и казацкой старшиной в 1641 г. Очевидно, дату «1543» в начале «Кровавого бандуриста» следует признать анахронизмом. В то же время если считать неозаглавленное произведение Гоголя <Начало исторического романа> началом именно «Гетьмана» (героем его также является Остраница), то дата, которой он открывается — «1645»[2], относит повествование к тому времени, когда Остраница через несколько лет после неудачного выступления «возвращается на родину, рискуя быть схваченным поляками»[3].

[1] См. ***1638. Один из дней года. Варшава.***

[2] См. ***1645. Апреля 5. Великая Суббота. Село Камишна Миргородского полка.***

[3] *Казарин.* С. 55.

1550е — 1572
В ТЕЧЕНИЕ УКАЗАННОГО ПЕРИОДА

Дворянин Иван Богушевич Гоголь (впоследствии епископ Пинский и Туровский Иона, принявший унию)[1] находится на службе польского короля Сигизмунда II Августа (ум. в 1572)[2].

Установить отношение Ивана Богушевича Гоголя к предкам Н. В. Гоголя, в свою очередь[3], представляется затруднительным. Во всяком случае Гоголь проявлял пристальный интерес к эпохе унии[4]. В 1856 г. первый биограф писателя П. А. Кулиш замечал: «В малороссийских летописях записано два лица, носившие имя Гоголя. Первый Гоголь, выдавшийся из толпы своих темных однофамильцев, был Иоанн <Иона>, епископ пинский. Он является в числе провозвестников той унии, против которой воевал герой современного нам Гоголя, Тарас Бульба. Не известно, состояли ли предки поэта в каком-нибудь родстве с этим епископом...»[5]

Кроме «двух лиц, носивших имя Гоголя», которые имел в виду гоголевский биограф (епископа Пинского Ионы и подольского полковника Евстафия Гоголя)[6], «первым Гоголем, выдавшимся из толпы своих темных однофамильцев», был, однако, не униатский иерарх Иона, епископ Пинский и Туровский, а упоминаемый Н. М. Карамзиным в «Истории государства Российского» православный епископ Иоанн (Гоголь), возглавивший в 1405 г. Владимиро-Волынскую епархию[7].

Несомненно, Кулиш знал также о том, что известный по «малороссийским летописям» «провозвестник» унии Иона Пинский называется в украинских летописях, вместе с некоторыми другими западно-русскими иерархами, поддержавшими унию 1595 г. (и отлученными за это от Церкви), не иначе как «предателем»: «И сих предателей было восемь епископов и один митрополит <...> 4-й Иоанн Гоголь, епископ Пинский и Туровский...»[8] По-видимому, стремление гоголевского биографа во что бы то ни стало, вопреки хронологии, начать рассказ о Гоголе с имени отступника – «провозвестника той унии, против которой воевал герой <...> Гоголя, Тарас Бульба», – объясняется «задней мыслью» и «затаенным чувством» биографа, относившимся к гоголевской повести с открытой неприязнью и даже заявлявшим о якобы исторической «недостоверности» «Тараса Бульбы»[9].

[1] См. ***1594. Июня 1. Суббота; 1594. Июня 12. Среда. Брест***; ***1594. Декабря 2. Понедельник***; ***1595. Сентября 22. Понедельник. Краков***.
[2] См. ***1586. Февраля 7. Понедельник. Городня.***
[3] См. также ***1405. В течение года. Луцк. Великое княжество Литовское.***
[4] См. ***XIII–XV вв. Предыстория (происхождение казачества)*** (примечания).
[5] *Кулиш 1856*. Т. 1. С. 1.
[6] См. ***Начало XVII века. Гоголи.***
[7] См. ***1405. В течение года.***
[8] *История Русов 1846*. С. 33. – См. также ***1596. Октября 6–10. Брест Литовский.***
[9] См.: *Виноградов И. А.* Первый биограф Гоголя // *Кулиш 2003*. С. 3–81. – См. также ***1819. Июля средина – август. Васильевка*** (примечания); ***1836. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1845. Ноября 6 <18>. Вторник. Москва*** (примечания); ***1847. Апреля 14 <2>. Среда. Варшава*** (примечания).

1563
ОДИН ИЗ ДНЕЙ ГОДА. КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Казнь турками, по приказу султана Сулеймана I, князя Дмитрия Вишневецкого.

С конца XVI в. Д. И. Вишневецкий отождествлялся с образом казацкого атамана Байды, гибели которого посвящена песня, помещенная Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[1] (раздел <*II*> Про атамана Байду). М. А. Максимович, комментируя эту песню, замечал: «Полубаснословная песня сия (из собр<ания> Ходак<овского>[2]), кажется, относится к временам Дорошенка, 1674. Царь турецкий – Магомет IV <1642–1693>»[3].

[1] См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>.***
[2] См. ***1833. Октябрь. Москва*** (примечания).
[3] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 106.

1569 ИЮНЯ 6. ПОНЕДЕЛЬНИК. РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ

Объединение Великого княжества Литовского (включая южнорусские земли, входившие в состав Литовского княжества) в одно государство с Королевством Польским – Речь Посполитую.

В 1830 г. в журнале П. П. Свиньина «Отечественные Записки» была опубликована статья «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян»[1]. Напечатанная в тот период, когда Гоголь принимал в журнале активное участие[2], статья представляет собой фрагмент «экстракта», составленного в 1751 г. Генеральной Войсковой канцелярией гетмана графа К. Г. Разумовского.

Кроме отрывков из грамот, свидетельствующих о подтверждении русскими царями «прав и вольностей» малороссиян[3], в «экстракте» упоминалась старая польская книга, напечатанная в Люблине, в которой «на листу 800, под № 5» сообщалось «о привилегии Короля Польского Жигмунта Августа, 1569 году месяца Июня 6, <...> которым Княжество Киевское и земли рус<с>кие от Великого Княжества Литовского присоединяются до короны Польской». Цитировался отрывок из этой привилегии: «...Его Королевское Величество, на главном всего польского съезда совете всех Станов Королевства Польского, целым и полным правом землю рус<с>кую и Княжество Киевское утвердил, и оную землю и княжество русское, Киевское, и обывателей тоей земли, взяв от Великого Княжества Литовского к Королевству Польскому, яко равных до равных и вольных до вольных, присоединил <...> и <...> определил <...> тоей же русской земли и Княжества Киевского господ Советников духовных и светских князей, урядников земских, шляхту, и все рыцерство, и всех обывателей и потомков их при их стародавной чести и достоинстве содержать... <...> В протчих же такожде всяких свободах, вольностях, чести и преимуществах земля рус<с>кая и Княжества Киевского все станы духовные и светские во всех, против других Королевства Польского земель, его Королевское Величество уравнил и утвердил там же своим привилегием...»[4]

Кроме того, в статье «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян» из той же польской книги цитировался отрывок о том, как южнорусские земли были присоединены к Польше (при этом вновь подчеркивалось, что в составе Польши они имеют с ней равные права и «вольности»): «А древних привилегиев Королей Польских и Великих Князей Литовских, когда Малая Россия, а именно княжение русское и земля Киевская и Черниговская и протчия перво присоединены были Великому Княжеству Литовскому, потом присовокуплены до короны польской, <...> ныне в архиве Генеральной канцелярии не имеется, <...> однако ж сыскана книга, печатанная на польском языке <...> в Люблине <...>, называемая Статуты, права и конституции коронные, в которой точные Малой России всем станам служащие права и Королевские привилегии напечатаны; а именно: книг седмих, в 2-й, под титулом: русское княжество, на листу 789, явствует: Титул. Русская земля вся из древних времен от предков наших Королей Польских <...> до короны польской есть присовокуплена так, что частию чрез войну, частию же чрез добровольное подданство, и спадка <наследство> по некоторых ленных князях, которую они промежь себя на разные части были разделили, <но> паки в соединение и собственность короны пришли... <...> 3. Обещаем сие, яко <...> Русь вольностей польских употреблять имеет»[5].

[1] О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. Июнь. № 122 (цензурное разрешение 3 июня). С. 324–356 (напечатано с подстрочным примечанием: «Извлечено из экстракта, сочиненного в 1751 году Войсковою Канцеляриею»; С. 324).

[2] Подробнее см.: ***1830.** Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.*

[3] В статье приводились данные о десятикратном, на протяжении столетия (с 1654 по 1751 г.) подтверждении малороссийских «прав и вольностей» (см. ***1654. Марта 27. Москва**; **1676. Февраля 1. Москва**; **1708. Ноября 1**; **1708. Ноября 6**; **1709. Февраля 3**; **1709. Мая 30**; **1711. Января 5**; **1717. Января 8**; **1749. Декабря 15**; **1751. В течение года***).

См. аналогичные документы: Речь «О поправлении состояния» Малороссии <1750-е гг.> // Киевская Старина. 1882. № 10. С. 119–125; Прошение малороссийского шляхетства и старшин, вместе с гетманом <К. Г. Ра-

зумовским>, о востановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II-й в 1764 г. // Киевская Старина. 1883. № 6. С. 317–345.

В ответ на последнее «Прошение» Екатерина II отстранила К. Г. Разумовского от его должности (в феврале 1750 г. Разумовский был избран гетманом Левобережной Украины) и передала управление Украиной второй Малороссийской коллегии.

[4] О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. Июнь. № 122. С. 341–344.

[5] Там же. № 122. С. 338–341.

1574

ИЮНЯ 14. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАЛАХИЯ

Пленение или гибель в сражении с турками запорожского атамана Ивана Свирговского (Сверчовского).

Этому событию посвящены две песни, помещенные Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[1] (раздел *<I> Про гетьмана Свирговського*). М. А. Максимович в книге «Украинские народные песни...» сообщал: «В 1564–1574 <гг.> козацким гетьманом был Иван Свирговский – *той бе Слава дней своих!*»[2] По другим источникам Свирговский звался Сверчовским. В 1574 г. войско Сверчовского, призванное молдавским господарем Иоанном Армянином на помощь против турок, одержало несколько побед, но было окружено и пленено в устье Дуная. Сверчовский или погиб или попал в плен, откуда был выкуплен родственниками. По поводу второй песни о Свирговском, внесенной Гоголем в его сборник, Максимович замечал: «Здесь говорится определительно о смерти сего славного гетьмана, последовавшей 1574 <г.>, когда он ходил на турков по призыву Господаря Молдавского Иоанна Армянина»[3].

[1] См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>***.

[2] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 70.

[3] Там же. С. 70.

1575

НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ. КРЫМ

Поход казаков под предводительством гетмана князя Богдана Михайловича Ружинского в Крым.

Этому событию посвящена одна из песен, помещенных Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[1] (раздел *<XXII> Про гетьмана Богданка*). М. А. Максимович, комментируя эту песню, писал: «Можно думать, что сия песня (из собр<ания> Ходак<овского>) относится ко времени похода в Крым (1575) Богданка Ружного, столь прославившегося своими подвигами, прошедшего с войском своим Малую Азию, грабившего Царьград и проч.»[2]

Сводку сведений о гетмане Богданко дает И. И. Срезневский: «Конисский <имеется в виду «История Русов»> о подвигах гетмана Богданка говорит следующее: «Собрав и дополнив потерянные Свирговским[3] войска, отправился он в Крым, по повелению Короля Батория преследовать Крымских Татар, нападавших во время отсутствия Свирговского на границы Малороссийские и пленявших тамошний народ. Идучи вниз по Днепру, выправил из Сечи 5000 пехоты в лодках под командою Воскового Асаула Нечая, приказал ему пристать на Крымских берегах около городов Козлова и Кафы, и запереть тамошние гавани до его прибытия к сим городам. <...> ...Атакован был между Кинбургских Кучугуров и каменного Дариева моста всеми Татарскими ордами под командою Хана Давлет-Гирея; большую часть перебил и перетопил; потом переправившись через Сиваш <...> и впустив всю армию, которая, напав на город Ор, взяла его штурмом, выбила весь гарнизон... <...> Далее взял гетман Кафу и жителей всех перерезал, исключая 500 обоего пола христиан, бывших там в плену. А как поворотили войска обходить горы Кафские <...>, то при реке Салгире встретили их ханские посланники... <...> Гетман согласился на мир <...> и <...>, получивши по том 713 пленников, возвратился в Малороссию с великою добычею. Морским войскам Гетман приказал посетить те города Турецкие, кои покупали у Татар Русских пленников, и войсками напав нечаянно на приморские города Синоп и Трапезонт и на многие местечки, предать их огню и мечу, достав у них несколько своих пленников и множество добычи. Во дни сего ж Короля Батория, когда Турецкие силы беспрестанно нападали на Христианство <...>, он приказал Гетману Богдану

сделать с войсками малороссийскими сильную диверсию в Турецкие земли.... <...> Гетман прежде выправил в Черное море Запорожского Асаула Нечая с тремя тысячами Запорожцев <...>, а потом отправился и сам со всем малороссийским войском в Крымские степи... <...> Проходя всю Анатолию, посетил Гетман главные тамошние города Синоп и Трапезонт, не делая к крепостям их приступов за неимением нарочитой артиллерии, выжег одни их фортшадты, и достигнув предместий Цареградских, принудил удивленных Турков спасаться бегством на судах в Цареград. Войска Малороссийские выжгли и разграбили предместия, отступили к Черному морю... <...> Гетман, переправившись через Дунай <...>, вступил в Молдавию и поравнявшись с городом Килией, напал на него быстро на рассвете и взяв приступом, приказал вырезать всех Турков и Армян, и разграбив город, выжег в отмщение за смерть Свирговского и Козаков. За сим гетман возвратился в свои границы со славой и добычей». – Все прочие летописцы очень кратко описывают военные действия гетмана Богданко, – столь же кратко их описывает и Бантыш-Каменский <...>, придавая оному достоинство князя Рожинского, в чем противоречит летописям. – Если верить Запорожской думе <...>, то Богданко погиб в битве с татарами»[4].

[1] См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>***.
[2] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 77.
[3] См. ***1574*. Июня 14. Понедельник. Валахия.**
[4] Запорожская Старина. 1833. Ч. 1. Кн. 2. С. 98–104.

1576 НОЯБРЬ. МОСКВА

Вместе с двумя послами от польского короля Стефана Батория (избранного 1 мая того же года) к царю Иоанну IV Грозному прибывает гонец от польских и литовских вельмож к русским боярам Иван Гоголь.

«Посланниками Королевскими были Дворяне Груденский и Буховецкий, а гонцом от Вельмож Коронных и Литовских к нашим Боярам Иван Гоголь» (<*Карамзин Н. М.*> История государства Российского. СПб., 1821. Т. 9. С. 248. – Глава IV; Примечания. С. 163–164. – Примеч. 449).

Возможно, «гонец» Иван Гоголь представляет собой одно лицо с «дворянином» Иваном Богушевичем Гоголем, принявшим впоследствии монашество с именем Иона (см. ***1586. Февраля 7. Городня***).

1578 ИЮНЯ 16. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЛЬВОВ

Казнь поляками казацкого гетмана Ивана (Гана) Подковы – Ивана Серпяги.

Подвигам и гибели И. Серпяги посвящены две песни, помещенные Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[1] (раздел <*VII*> *Про гетьмана Серпягу*). М. А. Максимович, комментируя в своем издании «Украинские народные песни...» раздел «Песни о Серпяге», со ссылкой на И. И. Срезневского, отметил: «Иван Серпяга (как заметил г. Срезневский по песням) есть народное имя гетьмана, столь известного в Истории под именем Гана Подковы. <...> Серпяга был приглашен на Молдавское господарство, но изменнически убит во Львове в 1578 <г.>, а похоронен в Каневе товарищем и другом своим гетьманом Шахом или Жахом, который постригся 1579 <г.> в монахи Каневского монастыря. По имени Серпяги названа Серпяжным шляхом дорога, идущая от Канева... »[2]

[1] См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>***.
[2] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 78.

1586 ФЕВРАЛЯ 7. ПОНЕДЕЛЬНИК. ГОРОДНЯ

Польский король Стефан Баторий жалует Кобринский Спасский монастырь дворянину Ивану Богушевичу Гоголю с тем, чтобы тот принял монашество и стал игуменом.

«Стефан, Божьею милостью король Польский и великий князь Литовский и проч., ознаймуем сим листом нашим. Бил нам челом дворянин наш Иван Богушевич Гоголь, абыхмо ему з ласки нашое господарской манастырь наш Кобрыньский, заложенья святого Спаса, дали, который первей сего держал, за даниною продка нашего славное памяти короля его милости Жикгимонта Августа, недавно с сего света зошлый Миколай Кирдей; якож и пан Виленьский, канцлер великого князства Литовского, староста Берестейский, Кобрыньский и Юрборский пан Остафей Волович, залецаючи на тот духовный помененого Ивана Гоголя быти годного, и чинечи нас господаря о службах его (которые он продку нашому королю его милости и нам господарю з себе показывал) ведомым, у причине за ним нас жедал. А так мы, з ласки нашое господарской, за причиною пана Виленьского и за залеценьем годности и учтивых служб, выш-менованного Ивана Гоголя, тот манастырь Кобрыньский святого Спаса <...> дали есьмо ему и сим листом нашим даем, до живота его. Мает он тот монастырь, со всеми подданными и кгрунты церковными и со всим с тым, яко то и першие игумены в держанью своем мели, в моцы и держанью и в уживанью своем мети, до живота своего: ведьже, найдалей, до року, в стан духовный по звыклому обычаю постановити и совершитися мает, и службу Божую сам служити, а за нас господаря устаничне Господа Бога просити повинен будут».

1586. Февраля 7. Жалованная грамота дворянину Ивану Гоголю, о предоставлении ему в пожизненное управление Кобрынского Спасского православного монастыря, с тем, чтобы он вступил в монашеский чин // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1848. Т. 3. С. 302.

См. также: «Король Стефан Баторий раздал монастыри: <...> ж) кобринский Спасский – дворянину Ивану Гоголю под условием, чтобы он принял духовный сан (1589)» (*Макарий* (*Булгаков*), *митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви*. М., 1996. Кн. 5. С. 253. – См. также ***1576. Ноябрь. Москва***.

1594

ИЮНЯ 1. СУББОТА

Архимандрит Кобринского Спасского монастыря Иона (Гоголь), в числе других духовных лиц – Киевского митрополита Михаила (Рагозы) и трех епископов: Владимиро-Волынского и Берестейского Ипатия (Потея), Луцкого и Острожского Кирилла (Терлецкого), Пинского и Туровского Леонтия (Пельчицкого)[1], – подписывает «артикулы», или условия принятия унии для представления папе римскому Клименту VIII и польскому королю Сигизмунду III Вазе.

«...1 июня <...> митрополит <Михаил> вместе с тремя владыками: Владимирским <Ипатием>, Луцким <Кириллом> и Пинским (Леонтием) и кобринским архимандритом Ионою Гоголем подписал подробнейшие артикулы, или условия, унии для представления папе и королю, а 12 июня митрополитом и всеми владыками подписано соборное послание к папе с изъявлением согласия на принятие унии.

В артикулах (изложим их с возможною краткостию) говорилось: а) о Святом Духе исповедуем, что Он исходит не от двух начал, не двояким исхождением, но исходит от одного начала, как источника,– от Отца *чрез Сына*; б) все наши литургии: Василия Великого, Златоуста и Епифания, или Преждеосвященных Даров, все наши молитвы и все вообще обряды и церемонии Восточной Церкви желаем сохранять в совершенной неизменности и совершать на нашем языке; в) таинство Евхаристии, как было всегда у нас, да преподается под двумя видами, равно и таинство крещения и его форма да остаются у нас, как было доселе, без всякой перемены и прибавления; г) о чистилище не возбуждаем спора, но желаем следовать учению Церкви и новый календарь, если нельзя удержать старого, примем, но с условием, чтобы порядок и образ празднования нами Пасхи и все прочие наши праздники, в том числе и праздник Богоявления 6 генваря, не существующий в Римской Церкви, остались неприкосновенными и неизменными; д) не принуждать нас к крестному ходу в праздник Тела Христова, у нас не существующий, и ко всем другим римским праздникам и церемониям, каких нет в нашей Церкви; е) супружество священников наших должно оставаться неизменным; ж) митрополия, епископства и другие духовные должности у нас да отдаются людям не иной нации и веры, как только русской

и греческой, и мы просим короля, чтобы он, по нашим канонам, оставил за нами, духовными, право избирать на вакантные кафедры, митрополитскую и епископские, по четыре кандидата, из которых одного он сам будет утверждать; з) епископы нашего обряда не должны ездить в Рим за грамотами для посвящения и по-прежнему да посвящаются нашим митрополитом; да и сам митрополит, хотя и обязывается ездить туда за такою грамотою, должен по возвращении из Рима посвящаться нашими епископами; и) просим, чтобы митрополит и епископы нашего обряда имели место в государственном сенате наравне с Римскими епископами; й) грамоты об открытии генеральных сеймов и частных сеймиков должны быть к нам присылаемы; к) просим, чтобы грамоты из Греции с запрещениями на нас были строго запрещены и не имели никакой силы, чтобы архимандриты и другие духовные лица нашего обряда, которые не захотят повиноваться нам, не смели нигде священнодействовать и чтобы епископы или монахи из Греции не совершали в наших епархиях никаких духовных треб в подрыв унии; л) если бы впоследствии кто-либо из людей нашего обряда захотел принять обряд римский, этого не должно быть допускаемо, ибо мы и без того будем в одной Церкви, под властию одного пастыря; м) супружества между лицами нашего и римского обряда должны быть разрешены, но во браке лица эти не должны принуждать друг друга к перемене веры, как находящиеся в одной Церкви; н) просим, чтобы церковные имения, которые иными из наших предместников незаконно переданы светским людям, возвращены были Церкви, и никто не должен произвольно распоряжаться церковным имуществом без согласия епископа и капитулы; о) по смерти митрополита и епископов церковные имения должны поступать в ведение не светских чинов, а капитулы впредь до назначения нового владыки, а собственные имущества владык переходят по наследству к их родственникам; п) настоятели монастырей и монастыри должны оставаться в подчинении своим епархиальным архиереям; р) просим, чтобы на суды трибунальские и другие, по примеру римского духовенства, и мы могли назначать по два духовных депутата нашего обряда для защиты наших прав; с) архимандриты и все вообще духовные лица нашего обряда должны пользоваться тем же уважением в народе и такими вольностями и привилегиями, как и духовенство римское, по давней грамоте короля Владислава <?> (1543), и как сами лично, так и церковные имения их должны быть свободны от податей; т) да не будет нам возбраняемо звонить в колокола в наши праздники, носить к больным Святые Тайны публично, по нашему обычаю, и совершать торжественно наши крестные ходы; у) монастыри и храмы нашего обряда да не обращаются в римские церкви, а если кто из католиков опустошит их, то должен исправить или вновь выстроить; ф) коллегии или духовные братства, недавно учрежденные патриархами и утвержденные королем, как-то: в Вильне, Львове, Бресте и других местах, если они согласятся принять унию, да останутся в целости, но только в подчинении митрополиту или епископу той епархии, в которой находятся; х) да позволено будет нам иметь семинарии и школы греческого и славянского языка, также типографии для печатания книг под надзором митрополита и епископов, без позволения которых ничего не должно быть издаваемо; ц) просим, чтобы светские особы, в имениях которых, часто по их желанию, священники самовольно расторгают браки, не защищали таких священников и не препятствовали духовной власти творить суд над ними, а если они за неповиновение или другой проступок подвергнутся отлучению от епископа, не позволяли им священствовать без разрешения епископа и чтобы все церкви в городах и других местах, построенные дворянами или горожанами, находились под властию и управлением епархиальных епископов, а не светских людей, их строителей; ч) если кто-либо за какой-либо важный проступок будет отлучен епископом нашего обряда, то пусть и римлянами считается он отлученным и не принимается к их обряду, как и мы будем поступать по отношению к отлученным Римскою Церковию; ш) если при помощи Божией со временем и прочие наши братья Восточной Церкви приступят к унии с Церковию Западною и потом общим согласием всей Вселенской Церкви будет определено что-либо, относящееся к порядку и изменению церемоний Греческой Церкви, то да будем и мы в том участниками как люди того же обряда и веры; щ) так как некоторые из наших, по слухам, отправились в Грецию, чтобы воспринять на себя церковные должности и по возвращении властвовать в клире и судить нас, то мы просим, чтобы король приказал не пропускать таких лиц в пределы своих владений, в предотвращение смуты между пастырями и народом. В заключение изложенных артикулов подписавшие их говорили: «Поручаем эти артикулы нашим почтенным братьям епископам, Владимирскому Ипатию Потею и Луцкому Кириллу Терлецкому, чтобы они испросили на них именем нашим и своим утверждение от верховного

первосвященника и короля. И тогда мы, успокоенные относительно нашей веры, таинств и обрядов, тем смелее и без всякого стеснения совести приступим к соединению с Римскою Церковию, чтобы и другие, видя, как все наше остается в целости, охотно последовали за нами»[2].

[1] По смерти владыки Леонтия (Пельчицкого) его место на Пинской кафедре, за приверженность к унии, было пожаловано Сигизмундом III архимандриту Ионе (Гоголю), который был возведен тогда в сан епископа. – См. ***1895. Сентября 22.***

[2] *Макарий* (*Булгаков*), *митрополит Московский и Коломенский*. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 5. С. 314–316.

ИЮНЯ 12. СРЕДА. БРЕСТ

Архимандрит Кобринского Спасского монастыря Иона (Гоголь), в числе других духовных лиц – Киевского митрополита Михаила (Рагозы) и семи других епископов, подписывает послание к папе римскому Клименту VIII с изъявлением согласия на принятие унии[1]. Депутатами к папе назначаются епископы Владимиро-Волынский и Берестейский Ипатий (Потей) и Луцкий и Острожский Кирилл (Терлецкий).

[1] 1595. Июня 12. Соборная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы и Литово-русских православных епископов папе Клименту VIII, о готовности их с паствовами своими вступить в союз с Римскою церковию и быть под верховною его властию, с условием, если он за себя и за преемников своих обнадежит их в том, что все догматы Веры, таинства и обряды Восточной Церкви будет для них сохранены неприкосновенными // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Т. 4. С. 94.

«...Эта соборная грамота владык едва ли составлена была на Соборе, так как в ней не обозначено место, где был Собор и где она написана, а в соборных грамотах это обыкновенно обозначалось. Соборы составлялись гласно, каждый раз по особому разрешению короля, и на Соборы, по тогдашнему обычаю, съезжались не одни епископы с своим духовенством, но и послы от братств и вообще многие знатные миряне. Таких Соборов, естественно, боялись и избегали владыки, замышлявшие унию, – они съезжались одни на тайные съезды и там обсуждали между собою и подготовляли свое темное дело. На одном из подобных съездов, вероятно, и составлена настоящая грамота и первоначально подписана только теми владыками, которые присутствовали на съезде. <...> ...Настоящая грамота, или соборное послание, к папе составлена в Бресте 12 июня...» (*Макарий* (*Булгаков*), *митрополит Московский и Коломенский*. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 5. С. 318, 413).

См. также ***1594. Июня 1. Суббота***.

ДЕКАБРЯ 2. ПОНЕДЕЛЬНИК

Епископы Владимиро-Волынский и Берестейский Ипатий (Потей) и Луцкий и Острожский Кирилл (Терлецкий) составляют от лица всех русских иерархов «соборную грамоту» о «соединении с Римским Костелом»[1].

Спустя некоторое время эту грамоту подписывают «Леонтий Пелчицкий, епископ Пинский и Туровский» и его будущий преемник на Пинской кафедре «Иона Гоголь, архимандрит Кобринской церкви святого Спаса»[2].

1594. Декабря 2. Соборная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы и Литово-русских православных епископов, о желании их отторгнуться от союза с Восточною церковию и подчиниться Римскому Папе // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Т. 4. С. 77–78.

[1] «...В начале декабря <1594 г.> Потей и Терлецкий составили от лица всех русских иерархов следующий декрет, или приговор: "Мы, нижеподписавшиеся, глубоко чувствуем лежащую на нас обязанность вести словесных овец Христовых к тому единству в вере, которому научил нас Христос, и особенно в настоящее не-

счастное время, когда между людьми так умножились ереси и многие отступают от нашей православной веры наиболее потому, что мы разъединены с римлянами, детьми одной и той же матери – кафолической Церкви, и не можем пособлять друг другу. По уставу мы всегда просим Бога в молитвах наших о соединении веры, на деле же никогда о том не старались, а смотрели только на наших старших (т. е. патриархов), ожидая, что они постараются. Но надежда на них все более и более ослабевает, потому что они находятся в поганской неволе и ничего не могут сделать, хотя бы и хотели. От времен Христа Спасителя и апостолов предки наши всегда признавали одного старшего первопрестольника и пастыря в Церкви Божией – святейшего папу Римского, и, доколе то было, в Церкви существовал порядок и ересям трудно было распространяться. Но когда настало много старших и первопрестольников, которые начали себе приписывать ту власть, теперь мы видим, до какого разделения пришла Церковь Божия и какую силу берут еретические секты. Потому, не желая, чтобы и впредь гибли человеческие души от такого разделения, мы умыслили, с Божиею помощию, соединиться, как было и прежде, с братиею нашею римлянами под одним видимым верховным пастырем и даем себе пред Господом Богом обет, что мы всем сердцем и со всею ревностию будем стараться, каждый порознь, о приведении и прочего нашего духовенства и всего народа к тому же соединению. А для большего возбуждения себя к тому мы составили между собою настоящий письменный акт, которым и свидетельствуем нашу полную и неизменную волю на соединение с Римским Костелом". Акт этот написан 2 декабря 1594 г. и подписан в подлиннике только двумя епископами: Владимирским Ипатием Потеем и Луцким Кириллом Терлецким, которых потому и следует признать его составителями. Но затем они старались собрать подписи и прочих иерархов, так как по другому современному же списку под актом этим подписались еще кроме Потея и Терлецкого: Михаил, митрополит Киевский, и Галицкий, и всея Руси; Григорий архиепископ, владыка Полоцкий и Витебский; Леонтий Пельчицкий, епископ Пинский и Туровский; Дионисий Збируйский, епископ Холмский и Белзский; Иона Гоголь, архимандрит кобринский, и тот же Иона Гоголь, нареченный епископ Пинский и Туровский. Из этих подписей необходимо заключить, что собирание их производилось очень долго, потому что, например, Григорий, архиепископ Полоцкий, мог подписаться только после 5 мая 1595 г., когда он сделан коадъютором Полоцкого архиепископа Нафанаила Селицкого (вовсе не подписавшегося) или, вернее, только после 22 сентября, когда сделался его преемником; равно и Иона Гоголь, хотя мог бы и подписаться нареченным епископом Пинским и Туровским еще при жизни Пинского епископа Леонтия Пельчицкого, но преемником его сделался только после 22 сентября 1595 г. А это было уже, как увидим, пред отъездом Потея и Терлецкого в Рим. И потому легко понять, отчего под актом нет подписей епископов – Львовского Гедеона Балабана и Перемышльского Михаила Копыстенского: к тому времени оба они уже отказались от всякого участия в унии. Таким образом, настоящий акт, придуманный Потеем и Терлецким, при появлении своем не мог иметь никакого влияния на дело унии» (*Макарий* (*Булгаков*), *митрополит Московский и Коломенский*. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 5. С. 305–306).

[2] См. ***1595. Сентября 22. Понедельник. Краков***.

1595

СЕНТЯБРЯ 22. ПОНЕДЕЛЬНИК. КРАКОВ

В связи с кончиной владыки Леонтия (Пельчицкого) польский король Сигизмунд III издает жалованную грамоту на Пинскую епархию архимандриту Кобринского монастыря Ионе (Гоголю)[1].

Став епископом, Иона (Гоголь) еще раз подписывает два документа: соборное послание к папе римскому Клименту VIII от 12 июня 1594 г., с изъявлением согласия на принятие унии[2], и декрет о «соединении с Римским Костелом» от 2 декабря 1594 г.[3] После сделанных ранее в документах подписей: «Леонтий Пелчицкий, епископ Пинский и Туровский» и «Иона Гоголь, архимандрит Кобринской церкви святого Спаса», – далее следует: «Тот же Иона Гоголь, нареченный епископ Пинский и Туровский»[4].

[1] «Жикгимонт третий, Божьею милостью король Польский, великий князь Литовский и пр. Ознаймуем сим листом нашим <...> што владычьство Пиньское и Туровское, по смерти зошлого владыки Пиньского и Туровского небожчика Леонтея Пелчинского, <...> за поданьем от в Бозе велебного Михаила Рагозы, архиепископа митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси, и за залеценьем тож от в Бозе велебных Ипатея Потея Володимерского и Берестейского и Кирила Терлецкого, Лучкого и Острозского владыков, дали есмо и сил листом нашим даем в заведанье <...> велебному Ионе Гоголю, архимандриту Кобринскому... <...> Который-тоо владыка Пиньский и Туровский в Бозе велебный Иона Гоголь, маючи и держачи тое владычьство

Пиньское и Туровское в справе, держанью и уживанью своем, повинен будет, водлуг привилью продка нашего, славное памяти Владыслава короля Польского и Венгерского, звирхность отца святейшего папежа Римского, яко истотного и властного пастыря признати и ему послушенство отдати, которое до того часу патриарсе Константинопольскому неслушне признавали и отдавали, и все от того часу под послушенством его, яко старшего пастыря костела повшехного вселеньского Римского, завжды быти мает. И на то далиесмо ему сесь наш лист...» (1595. Сентября 22. Жалованная королевская грамота Кобринского монастыря архимандриту Ионе Гоголю, на Пинскую и Туровскую епископию // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1851. Т. 4. С. 118).

«Турово-Пинские епископы. <...> Леонтий (Пельчицкий) (ранее епископ Холмский) — возведен на кафедру 5.07.1585; + 1595. Иона (Гоголь) — управлял епархией с 22.09.1595» (Архиереи Киевской митрополии (1458–1596) // *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 5. С. 520). «Туровские и Пинские епископы. Иона (Гоголь) — 1596–1602» (Там же. Кн. 6. С. 744).

«Со стороны короля употреблена была в это время только одна мера к обеспечению и упрочению замышляемой унии. Он по-прежнему пользовался правом подаванья “духовных хлебов”. Так, пожаловал он православные монастыри: мстиславский Онуфриевский — литовскому канцлеру Льву Сапеге (1594), пинский Лещинский — земянину Александру Плетенецкому (1595), пинский женский святой Варвары — какой-то Людмиле Сосновской (1593), минский Вознесенский — бытенскому игумену Паисию с согласия митрополита Рагозы, которому монастырь этот принадлежал (1515), мстиславский Никольский — сыну мстиславского протопопа Степану Ивановичу с согласия его отца, владевшего тем монастырем (1595). По этому же праву король издал теперь, 22 сентября <1895>, две жалованные грамоты: одну — архимандриту кобринского монастыря Ионе Гоголю на Пинскую епископию по смерти владыки Леонтия Пельчицкого; другую — протонотарию Киевской митрополии Григорию Загорскому на архиепископию Полоцкую по смерти владыки Нафанаила Селицкого. В обеих грамотах, как обыкновенно, предоставлялось избранным право и на жалуемое владычество, и на принадлежащие ему церковные имения, но, кроме того, помещены и две особенности, которых в прежних грамотах такого рода не встречалось. Король говорил, что дает Ионе Пинское владычество и Григорию Полоцкое “за поданьем” архиепископа митрополита Киевского Михаила Рагозы и “за залеценьем” владык, Владимирского Ипатия Потея и Луцкого Кирилла Терлецкого, а что еще важнее, прямо обязывал обоих вновь избранных на архиерейство, что тот и другой “повинен будет” признать верховную власть папы Римского и навсегда отдаться в послушание ему, которое доселе отдавалось Константинопольскому патриарху. Оба новые архиерея, рады не рады, должны были сделаться поборниками унии. Теперь-то, вероятно, они и подписались вслед за прочими владыками под известными нам грамотами на унию, хотя, как мы уже замечали, могли подписаться и прежде» (*Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 5. С. 332).

[2] См. ***1594. Июня 12. Брест.***

[3] См. ***1594. Декабря 2.***

[4] Между 26 и 28 сентября 1595 г. епископы Владимиро-Волынский и Берестейский Ипатий (Потей) и Луцкий и Острожский Кирилл (Терлецкий) выехали в Рим, где представили указанные документы, от лица всех архипастырей, папе. В начале мая 1895 г. они вернулись в Варшаву (см.: *Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 5. С. 338–345, 489).

1596

ОКТЯБРЯ 6–10. БРЕСТ ЛИТОВСКИЙ

Иона (Гоголь), епископ Пинский и Туровский, участвует в Брестском соборе, на котором, вместе с пятью другими православными иерархами — во главе с Киевским митрополитом Михаилом (Рогозой), утверждает подписанный ранее, 25 декабря 1895 г., в Риме акт о присоединении к Римско-католической церкви[1]. Вследствие этого делегаты восточных патриархов и два других западнорусских епископа с членами православного духовного собора издали грамоту о лишении сана митрополита Михаила Рагозы и его единомышленников[2]. Со своей стороны митрополит Михаил Рагоза и униатские епископы издали грамоту, в которой лишали сана всех духовных лиц, не принявших унию[3].

Об участии владыки Ионы (Иоанна Гоголя), епископа Пинского и Туровского, в Брестском соборе, Гоголь мог прочесть в известных исторических работах: «Историческом известии о возникшей в Польше Унии» Н. Н. Бантыша-Каменского (М., 1805)[4]; «Истории Малой России» Д. Н. Бан-

тыша-Каменского (2 изд. – М., 1830)[5]; в «Запорожской Старине» И. И. Срезневского (Харьков, 1833. Ч. 1. Кн. 2; 1834. Ч. 1. Кн. 3); в одном из двух печатных изданий или рукописных списков летописи Г. И. Грабянки (1710; опубл. в 1793, 1833 и 1854)[6]; в «Истории Малороссии» Н. А. Маркевича (М., 1842. Т. 1. С. 78).

Так, кроме издания 1793 г., однофамилец Гоголя упоминается в заключительном разделе опубликованного в 1833 г. И. И. Срезневским фрагмента из хроники Грабянки:

«Егдя змий лукавый отторже третюю часть звезд из Церкви Православной, аки з тверди небесной, и восхоте вринути во адову пропасть, тогда ему тии некии Архиереи в Литовской стране, не бояшеся Бога, яже дрождия суетные славы жившася, ни откуда не имущие нужды, образом благочестия хотяще отрещися, православныя апостольския Кафолические веры, собор собраша во Брестю Литовском; и на том соборе бе Митрополит Михаил Рагоза, Ипатий Прототроний, Епископ Владимирский и Брестский, Кирилл Терлецкий, Ексарх Епископ Луцкий и Острожский, Ермоген <Григорий>, Епископ Полоцкий и Витебский, Іоанн <Иона> Гоголь, Епископ Почайский <Пинский> и Туровский, Дионисий, Епископ Холмский и Белзский; и на том соборе, оставя благословение первоначального Архипастыря своего Константинопольского Патриарха, послаша послы в Рим к Папе Клементу восьмому, отдающе себе в соединение Западному Костелу. Тогда, видевше благочестивия сынове сию новоявльшую химеру, ужасахуся, и отдалиша себе от ед<и>ности тех наемников, а не истинных пастырей»[7].

Настоящий фрагмент представляет собой начало пятой главы летописи Грабянки – «Откуду и чего ради восташа козаки на поляков» (по публикации 1854 г.)[8].

Процитированный отрывок Гоголь мог прочесть также в списке летописи Грабянки, находившемся в конце 1820 – начале 1830-х гг. в Русском Музеуме П. П. Свиньина[9]. В хранящейся ныне в Российской государственной библиотеке рукописи начала XVIII в. с заглавием «О начале проименования Козаков и освобождения оных от ига Пол<ь>ского» (возможно, из собрания Свиньина) текст пятой главы – «Откуду и что ради вос<с>таша Козаки на поляков»[10] – полностью совпадает с публикацией 1833 г., а также с изданиями 1793 г. и 1854 г.

[1] «...Князь Острожский и другие православные паны явились <на Собор> с множеством вооруженных людей, с татарами, гайдуками, казаками и даже с пушками. Но это было только мерою предосторожности. Православные знали, с кем имеют дело; знали, что если они явятся без подобной охраны, то против них на Соборе могут употребить насилие и если не принудят их к принятию унии, то непременно воспрепятствуют им составить свой Собор для осуждения унии» (*Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 5. С. 356).

Акт о присоединении к Римской церкви 8 октября 1596 г. подписали: «Михаил Рагоза, волею Божою архиепископ митрополит Киевский и Галича и всея Руси»; «Ипатей Потей, Божою милостью епископ Володимерьский и Бере<с>тейский»; «Кирил Терлецкий, Божью милостью ексарха, епископ владыка Луцкий и Острожский»; «Григорей Герман, милостью Божою архиепископ Полоцкий, владыка Витебский и Мстиславский»; «Деонисей Збируйский, Божью милостью епископ владыка Холмский и Белзский»; «Иона Гоголь, Божою милостью епископ Пиньский и Туровский, архимандрит Кобринский»; «Богдан Годкинский – Климонт архимандрит Браславский»; «Гедеон Бролницкий, архимандрит Лавращовский»; «Паисей архимандрит Менский» (1596. Октября 8. Соборная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы и Литовско-русских епископов, Владимиро-Волынского, Луцкого, Полоцкого, Хелмского и Пинского, с низшими духовными властями, о вступлении их в союз с Римскою церковию и признании над собою верховной власти Папы Климента VIII и его преемников // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1851. Т. 4. С. 141).

[2] «Поневаж до иншых выступов тот апостата, митрополит Киевский, Галицкий и всея Руси, именем Михаил, з епископами своими, которые злому умыслу его помочны были, яко Ипатей Володимерский, Кирил Луцкий, Герман <Григорий> Полоцкий, Дионисей Холмский, Иона Пинский, на конец и того не хотели учинити, абу были позву нашого канонного услухали, <...> пришли есмы декрет <...> абы звыш-помененый митрополит Михаил был низвержен, также и помененые епископове...» (1596. Октября 8, или позже. Соборная грамота Литовско-русских духовных православных властей, о низложении с святительского сана Киевского митрополита Михаила Рагозы и единомысленных с ним Литовско-русских епископов, за принятие ими Унии // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1851. Т. 4. С. 141).

«На стороне православных находились: 1) два патриарших экзарха: <св.> Никифор <Кантакузин> от патриарха Цареградского и Кирилл Лукарис от Александрийского – и, кроме того, из Цареградской же патриархии: Лука, митрополит Белградский, Макарий, архимандрит монастыря Симона-Петра на Святой горе, по поручению

Паисия, епископа Веноцкого, и Матфей, архимандрит святогорского Пантелеимонова монастыря, по поручению Амфилохия, епископа Мукацкого; 2) два западнорусских епископа: Гедеон Балабан, епископ Львовский, и Михаил Копыстенский, епископ Перемышльский — и с ними девять архимандритов: киево-печерский Никифор Тур, дерманский, супрасльский, пинский и другие, два игумена и множество протоиереев, священников, монахов, по одному свидетельству, до 106, а по другому, более 200; 3) многие государственные сановники и послы, или депутаты. В числе первых были князь К. К. Острожский с сыном своим Александром, воеводою волынским; князь Александр Полубенский, каштелян новогродский; стольник земли Волынской Андрей Боговитин, судья земский луцкий Чаплич, судья гродский владимирский Павлович и другие. В числе послов одни были от воеводств и поветов <...>, другие — от городов <...>, третьи — от братств <...>. Не должно удивляться, что на Собор съехалось такое множество не одних духовных, но и мирян: сам король и потом митрополит приглашали на этот Собор своими грамотами всех православных, а митрополит еще прибавлял, что если кто не может приехать, то прислал бы своих послов, да и Собор касался вопроса, слишком близкого всякому православному.

На стороне униатов находились: 1) представители Западнорусской Церкви: митрополит Михаил Рагоза, владыки — Владимирский Ипатий Потей, Луцкий Кирилл Терлецкий, Полоцкий Герман <Григорий>, Пинский Иона Гоголь, Холмский Дионисий Збируйский и с ними, вероятно, несколько других духовных, из которых, впрочем, известны только три архимандрита: браславский, лаврашевский и минский; 2) послы папы, им самим назначенные: Ян-Дмитрий Соликовский, арцибискуп Львовский, Бернард Мациевский, бискуп Луцкий, Станислав Гомолицкий, бискуп Холмский, и с ними четыре иезуита: знаменитый Скарга, друг короля, товарищ Скарги Иуст Роб, Максим Латерна, бывший духовник Стефана Батория, и Каспар Нагай; 3) послы короля, прибывшие, впрочем, только на второй день Собора: <...> князь Христофор-Николай Радзивилл, канцлер литовский Лев Сапега и подскарбий литовский, староста брестский Димитрий Халецкий — и, кроме того, великое множество других лиц, знатных и незнатных, имена которых остались неизвестными» (*Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 5. С. 354–355).

[3] 1596. Октября 9. Соборная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы и Литовско-русских епископов, принявших Унию, о низложении Львовского епископа Гедеона Болобана с святительского и иерейского сана // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1851. Т. 4. С. 146–147 (в конце других подписей значится: «Иона Гоголь, епископ Пиньский»); 1596. Октября 9. Соборная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы и Литовско-русских епископов, принявших Унию, о низложении Киевопечерского архимандрита Никифора Тура с архимандритского и пресвитерского сана // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1851. Т. 4. С. 147–148 (в конце других подписей следует: «Иона Гоголь, епископ Пиньский»); 1596. Октября 10. Окружная грамота Киевского митрополита Михаила Рагозы и Литовско-русских епископов, принявших Унию, духовенству и мирянам, о низложении с санов Перемышьского епископа Михаила Копыстенского и епископа Львовского Гедеона Болобана, также архимандритов и игуменов, протопопов и попов, которые отреклись пристать вместе с ними к Унии // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1851. Т. 4. С. 146–147 (в конце других подписавшихся: «Иона Гоголь, епископ Пиньский»).

[4] Об использовании Гоголем «Исторического известия о возникшей в Польше Унии» Н. Н. Бантыша-Каменского в работе над первой редакцией «Тараса Бульбы» см.: *Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896.* Т. 1. С. 570; *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009.* С. 447.

См.: «Хотя <...> Митрополит Михаил Рагоза и единомысленный его Епископ Поцей письмами своими, посылая одно за другим, сильно уверяли Воеводу Киевского, Князя Острожского, что они об Унии не мыслят (по-видимому, боялись они прогневать или оскорбить благочестивого сего мужа); но наконец окружною своею граматою огласили быть непременно для сего дела Собору 6 Окт<ября> 1596 года в Брежсце Литовскому, под предлогом, будто принявшие Унию хотели с непринявшими оной учинить некоторое примирение. К определенному сроку великое число с обеих сторон съехалось Униатов (в числе коих сам Митрополит Рогоза и Епископы Прототроний Ипатий Поцей Владимирский и Брестенский: Кирилл Терлецкий, Эксарх Епископ Луцкий и Острожский; Ермоген <Григорий> Епископ Полоцкий и Витепский; Иоанн Гоголь, Епископ Пинский, и Дионисий Зибруйский, Епископ Хельмский и Бельский) не много было; но много к ним для вспоможения прислано, в виде Послов от Папы и от Польскаго Короля, духовных и мирских знатного чина и звания людей. С стороны же благочестивых два <...> Епископы Гедеон Балабан Львовский, и Михаил Копистенский Премышльский, Грек <св.> Никифор Протосингел Константинопольской Церкви, от Патриарха присланный, Кирилл Лукарий (бывший тогда Острожского училища Ректор, потом Царе-градский Патриарх) и великое число Бояр, Князей, Сенаторов и низших чинов духовных и светских, православную Греческую исповедавших веру. До начатия Собора негодовали Польского Короля Послы, для чего собрано толикое число военных людей, толикое полчище еретиков, и толикое множество священников? Но Киевский Воевода Князь Острожский уверил их, что никакого не произойдет мятежа, и что все мирно и тихо происходить будет» (Историческое известие о возникшей в Польше Унии, с показанием начала и важнейших, в продолжение оной чрез два века,

приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униатов на благочестивых тамошних жителей гонении, по Высочайшему блаженной памяти Императрицы Екатерины II повелению, из хранящихся Государственной Коллегии Иностранных дел в Московском Архиве актов и разных исторических книг, Действительным Статским Советником Николаем Бантышем-Каменским 1795 года собранное. М., 1805. С. 52–53).

См. также: «По многим распрям 9 Окт<ября> все уже сошлись. Собор начался тем, что сторона благочестивых духовных и светских, мерзящих Униею, подали собранию письменную протестацию... <...> дабы все духовные, отступившие от Константинопольского Патриарха, лишены были чинов... <...> Сим торжественно опровергая не токмо принятую в Риме Унию, но и самый оный по воле Униатов созванный Собор, <...> клялись от Константинопольского Патриарха ни на единую не отступить черты. Напротив того другая сторона Епископов, единомыслящих с Римлянами, по прочтении в Церкви Св. Николая <...> подписанной и запечатанной граматы, соединение Греков с Римскою Церковию, того ж 9 Окт<ября> 1596 года в Бресце Литовском учиненное, провозгласили.

Покушались было Польского Короля Послы убедить благочестивых к соединению с Римлянами, представляя Королевское о сем деле благоволение, но сии, отблагодарив Короля за его об них попечение, дали знать небоязненно, что они соединения, каковое учинили в Риме два Епископа Поцей и Терлецкий, не могут принять, и без воли Патриарха Константинопольского ни к какой о вере перемене никогда неприступят. Вследствие сего подписали приговор: Митрополита Михаила Рагозу со всеми Владыками, отступившими от православной Греко-Восточной веры, лишить чинов, и их «яко порочных Пастырей, яко лживых пророков, яко слепых воздов, яко вере Христианской упорствующих, яко квасом неправедного учения напоенных и яко видения сердца своего противные слову Божию и правилам Святых Отец за правду рассевающих, мирянам ни в чем не слушати и не повиноватися». И так, вместо одного, открылось два Собора, и одна сторона другую анафеме предавала» (Там же. С. 54–56).

[5] Об использовании Гоголем «Истории Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского в первой редакции «Тараса Бульбы» см.: *Казарин.* С. 21, 58–59, 66; *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009.* С. 623. 8 мая 1834 г. сам Гоголь сообщал Срезневскому, что из книг по украинской истории у него есть «почти все», какими пользовался Д. Н. Бантыш-Каменский. Для описания Брестского собора Д. Н. Бантыш-Каменский воспользовался фрагментами из книги своего отца, Н. Н. Бантыша-Каменского. Ср. две цитаты в предшеств. примеч. и текст в изд.: <*Бантыш-Каменский Д. Н.*> История Малой России. От водворения Славян в сей стране до присоединения оной, в 1654 году, к Российскому Государству Царем Алексеем Михайловичем. М., 1830. Ч. 1 (посвящение Императору 10 апр.). С. 167–169.

Оценивая труд Д. Н. Бантыша-Каменского, Гоголь в своем объявлении «Об издании Истории Малороссийских казаков» писал: «До сих пор еще у нас не было полной и удовлетворительной Истории Малороссии и народа, действовавшего в продолжение четырех веков отдельно от Великой России. Я не называю Историями многих компиляций (впрочем, полезных как материалы), составленных из разных летописей, без строгого критического взгляда, без общего плана и цели, большею частию неполных и не указавших доныне места этому в Истории мира» (Об издании Истории Малороссийских Казаков, сочинения Н. Гоголя (автора Вечеров на хуторе близ Диканьки) / Новые книги // Северная Пчела. 1834. 30 янв. № 24. С. 93). У М. П. Погодина гоголевское «Объявление...» вызвало некоторые нарекания. Вероятно, он указывал Гоголю на «Историю Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского как на труд, выделяющийся из «многих компиляций». 13 марта 1834 г. Гоголь отвечал ему: «Выговоры ваши за объявление имел <...> честь получить. Это правда, я писал его, совершенно не раздумавши. Впрочем, охота тебе вступаться за Бантыша! ведь он <...> замотал у многих честных людей многие материалы и рукописи». Можно предположить, что в данном случае Гоголь имел в виду «материалы и рукописи» директора Нежинской гимназии высших наук И. С. Орлая, высланные последним в дар московскому Императорскому Обществу истории и древностей Российских (с надеждой на их публикацию). Будучи сторонником воссоединения славянских народов с Россией, «ретивый славянофил» Орлай (по выражению историка Н. Н. Мурзакевича) в 1824 г. послал в Общество истории и древностей Российских рукопись (написанную предположительно в начале 1800-х годов М. Е. Марковым), содержащую «замечания о Малороссии, с 25-ю раскрашенными изображениями от Гетмана до крестьянина», а также «три статьи касательно запорожских казаков». Все эти материалы были тогда же переданы на рассмотрение Д. Н. Бантышу-Каменскому, — который спустя два месяца, 29 апреля, дал присланным Орлаем «замечаниям о Малороссии» резко критический отзыв («...видно несправедливое пристрастие, руководившее сочинителя. Он <...> превозносит похвалами Великороссиян и <...> бранит бесщадно Малороссиян...»), а о «трех статьях касательно запорожских казаков» вообще не упомянул (см.: Труды и летописи Общества Истории и Древностей Российских. М., 1827. Ч. 3. Кн. 2. С. 57–58, 73–76). (С «Трудами...» Общества Гоголь был знаком еще в Нежине.) См. также коммент. к <Материалам и наброскам драмы из эпохи Богдана Хмельницкого> в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 784–785.

[6] См. **XIII–XV *вв. Предыстория (происхождение казачества)*** (примечания).

[7] <*Грабянка Г. И.*> Сказание, откуду Козаки Запорожане, и чим славни // *Срезневский И. И.* Запорожская Старина. Харьков, 1833. Ч. 1. Кн. 2 (цензурное разрешение 28 августа). С. 29–30. Ср.: «Когда некоторые Архиереи в Литовском княжении, не боясь Бога, и без всякой нужды отступили от православно-кафолическия веры, и собрали собор в Брестю Литовском, где были Митрополит Михаил Рагоза; Ипатий Прототроний, Епископ

Владимирский и Брестицкий; Кирилл Терлецкий, Экзарх Епископ Луцкий и Острозский; Ермоген <Григорий>, Епископ Полоцкий и Витепский; Иоанн <Иона> Гоголь, Епископ Пинский и Туромский; Дионисий, Епископ Хелмский и Белский; и на том соборищи, оставя благословение первоначального своего Патриарха Константинопольского, послали в Рим к Папе Клименту осьмому, предаючи себе к соединению западному костелу; тогда увидевши благочестивые сынове сию новояв<л>шуюся химеру, яко ужаснулися так и отделили себе от единости тех наемников, а не истинных пастырей и, разжегся ревностию благочестия, Косенский на Ляхов с войском Запорожским пошол, многократно повоевал и Ляхов побив. Но в 1594 году под Пяткою от Ляхов поражен зостал» (*Грабянка 1793.* Ч. 2. С. 44–45).

В третьем томе «Запорожской Старины» Срезневский также замечал: «Главные из приверженцев Унии <...> были: «Митрополит Михаил Рогоза, Епископ Владимирский Ипатий Поцей, Епископ Луцкий Кирилл Терлецкий, Епископ Полоцкий Гермоген <Григорий>, Епископ Пинский Иоанн <Иона> Гоголь, Епископ Хельмский Дионисий Збируйский...» (*Срезневский И. И.* Запорожская Старина. Харьков, 1834. Ч. 1. Кн. 3 (цензурное разрешение 25 мая) С. 37–38). 6 марта 1834 г. Гоголь писал Срезневскому: «....Ожидаю с нетерпением страшным выхода в свет вашей Старины 3 и 4 книжки. Я уверен, что там будет много для меня пищи».

[8] Ср.: «Егда некие Архиереи в Литовской стране, не боящиеся Бога, ни откуду не имущи нужды, отрекшися Православия Кафолическия веры, собраша собор в Бресте Литовском; и на том Соборе бе митрополит Михаил Рагоза, Ипатий Прототроний, Епископ Владимирский та Брестский, Кирилл Терлецкий, Ексарх Епископ Луцкий и Острожский, Ермоген <Григорий>, Епископ Полоцкий и Витебский, Иоанн <Иона> Гоголь, Епископ Пинский и Туровский, Дионисий, Епископ Хелмский и Белзский. На том Соборе, оставивше благословение первоначального архипастыря своего Константинопольского Патриарха, послаша в Рим к Папе Клименту Осмому, отдающе себе в соединение западному костелу. Тогда, видевше благочестивые сынове сию новоявлшуюся химеру, ужасахуся, и отделиша себе от единости тех наемников, а не истинных пастырей; и, разжегся ревностию благочестия, Косинский на Ляхов с войском Запорожским прииде, и много замков повоева, и Ляхов поби, но, в року 1594, под Пяткою от Ляхов поражен был» (*Грабянка 1854.* С. 24–25).

[9] См. ***XIII–XV вв. Предыстория (происхождение казачества)*** (примечания).

[10] См.: <*Грабянка Г. И.*> О начале проименования Козаков и освобождения оных от ига Пол<ь>ского // РГБ. Ф. 173. I. Ед. хр. 97. Л. 5 об.–6. В рукописи представлена первая половина летописи Грабянки.

1597

АПРЕЛЯ 11. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАРШАВА

Казнь поляками казацкого гетмана Северина Наливайко[1].

Подвигам и гибели С. Наливайко посвящены две песни, помещенные Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[2] (раздел <*III*> *Про Гетмана Наливайка*). М. А. Максимович, комментируя в своем издании «Украинские народные песни...» раздел «Былевых песен о временах козачества от восстания против унии до смерти Богдана» (открывающийся «Песнями о Наливайке»), писал: «...Когда Польша, во имя унии, посягнула на веру козаков, тогда разгорелась религиозно-воинское восстание их на поляков... <...> В 1592 году Христофор Косинский, визвавшись быть гетьманом козацьким, первым ополчился на унию. По смерти его (1594) козаками избран в гетьманы Павел <Северин> Наливайко, славный и победами своими и мученическою смертью в медном быке (1597)»[3].

Около того же времени взятый поляками в плен каневский есаул Федор Тетеренко принял унию.

О предательстве Ф. Тетеренко повествуют две песни, также помещенные Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум (раздел <*IV*> Про асаула Тетеренко). Об исторической основе песен про есаула Тетеренка И. И. Срезневский писал: «Наливайко и многие другие Старшины Козацкие взяты в плен и в Варшаве преданы мучительной казни. <...> Козаки, находившиеся под начальством Подвысоцкого, в свою очередь просили у Жолкевского пощады и предались в его волю. Многие из них принуждены были принять Унию; в числе других и Федор Тетеренко... <...> Федор Тетеренко был Асаул Каневского куреня и защищал Каневские Козачьи поселения, когда пред Чигринским сражением напал на них Коронный Гетман Станислав Жолкевский... <...> В сем деле помогал ему, вероятно, отец его, Тетеря, Кошевой Атаман... <...> Отец с сыном, как говорит песнь <“Отступник Тетеренко”>, взяты в плен, отвезены в Варшаву и посажены в тюрьму, однако имели случай уйти и разбить Поляков у города Бендер и Татар у Аккермана. Неизвестно, какой случай заставил Тетеренко перейти на сторону Поляков, принять унию, сделаться отступником от веры предков. Может быть, он был одним из первых отступников между Козаками»[4].

По ошибочному мнению Гоголя и М. А. Максимовича, «во время Наливайково» произошло также событие – наказание предателя Саввы Чалого (ум. в 1741), – о котором повествуется в песне, помещенной, в двух вариантах, в тот же гоголевский сборник украинских песен и дум (раздел <VI> *Про Саву* Чалого).

Максимович, комментируя песню о Савве Чалом, сообщал: «Песня сия, весьма любимая в народе, относится к козаку Савве Чалому, который предался полякам во время Наливайково и был взят Игнатом Голым[5]. Это видно по списку, помещенному в Зап<орожской> Старине, составленному г. Срезневским из многих, в коем последние 4 куплета принадлежат к песне о Нечае»[6].

[1] См. также ***1824. Декабря конец. Санкт-Петербург*** (примечания).
[2] См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>***.
[3] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 84.
[4] Запорожская Старина. Харьков, 1834. Ч. 1. Кн. 3. С. 36, 95–96.
[5] Событие относится к 1741 г.
[6] См. ***1651. Февраля между 3 и 9. Масленица. М. Красное на Подолье***; Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 90.

1602

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

Внезапная кончина униатского епископа Пинского и Туровского Ионы (Гоголя)[1].

Спустя несколько лет, в 1619 г., архимандрит Киево-Печерской лавры Захария (Копыстенский) сообщал, что Иона Гоголь, как и другие возглавители унии, был при своей смерти наказан Богом. По словам свидетелей, он «опился горилки» и сломал себе шею[2].

Спустя еще год, в 1620 г., патриарх Иерусалимский Феофан в своем послании к православным христианам, проживающим в Польше, напомнил о провозглашенном на Брестском соборе 1596 г. «на апостаты извержение и проклятие, именно на Михаила Рагозу, бывшего в то время митрополита Киевского и Галицкого и всея Малыя России; на Ипатия Потея, епископа Володимерского и Берестенского; на Кирилла Терлецкого, епископа Луцкого и Острозского; на Дионисия Збируйского, епископа Холмского и Белского; на Гедеона <Иону> Гоголя, епископа Пинского и Туровского; на Германа <Григория> Протопопку, архиепископа Полоцкого»[3].

[1] См. ***1595. 22 сентября. Краков***.
[2] «Михаил Рагоза <...> жив еще сый, ходил, аки мертв, и смерть внезапную отчаятельную, гласы испущая, подъят <в 1599 г.>. Не упоследил его в том и Ипатий Потей, но яко начальник преставления унии, прелюте при смерти своей устрашился, и к бежанию ту сущих привел, кричачи и отчаяся, скончался <в 1613 г.>. Третьего и не последнейшего заступника унии, Германа <Григория> Полоцкого, часто злый дух поражал и люте пометал, и не избыл от него, с ними же погибе <в 1600 г.>. Четвертый, Хелмский <Дионисий>, от клятвы Верховнейшего своего Пастыря убегая, к свободе кривоприсяжной вдався, с таковым же, яко и выше помяненые, покаянием живот свой скончал <в 1604 г.>. Пятый, Пинский Гоголь, яко живии послуси свидетельствоваша, опившеся горилки, шею сломил себе. Шестый и известнейший правитель унии, Терлецкий, Луцкий посол, мужеубийством, блудодеянием и иными многими таковыми себе обложивши, еще при животе своем нос на лицы от дворския немощи избывши, о чем вся Луцкая страна добре ведает, и подпивши себе, без ведомости других, душу испроверг <в 1607 г.>» (<*Нафанаил, игумен Киево-Михайловского монастыря*>. Книга о вере единой истинной православной. М., 1648. С. 223 об.–224. – Глава 24).
[3] Грамота Феофана, патриарха Иерусалимского, православным, обитающим в державе королевства польского, о посвящении им, Феофаном, Иова Борецкого в митрополиты Киевские и шести епископов в южно-русские земли. 1620 г. // Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною Комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском Военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1872. Ч. 1. Т. 5. Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому Патриархату. С. 2.

СЕЛО ГОГОЛИ, БЛИЗ МЕСТЕЧКА ЗИНЬКОВ, ЛЕТИЧЕВСКОГО УЕЗДА ПОДОЛЬСКОГО ВОЕВОДСТВА. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

В селе Гоголи, основанном православным шляхтичем с Волыни Никитой Гоголем, предположительно родился Евстафий Гоголь, будущий гетман[1].

П. А. Кулиш в 1856 г. сообщал: «...Гоголи существовали с давних времен на Украине. Доказательством тому служит, между прочим, старинное сотенное село Гоголев[2], бывшее, вероятно, гнездом их фамилии, подобно тому как другие села, названные по известным в истории именам, указывают на домашний очаг других старинных родов в Малороссии. Впрочем, история молчит о Гоголях во все продолжение ожесточенных войн за унию и только в эпоху Богдана Хмельницкого выносит из темной неизвестности одного Гоголя. То был Остап Гоголь, полковник подольский. О нем говорится в летописях при описании битвы на Дрижиполе (1655)[3]; потом его имя упоминается, в исчислении отсутствующих полковников, под "переяславскими статьями"[4]; наконец, в "Летописи Самовидца"[5] он является рядом с Петром *Дорошенком*[6], которому он один из полковников остался до конца верен и после которого еще несколько времени отстаивал подвластную себе часть Украйны. Не больше пяти строк посвятил летописец этому обращику казацкой неугомонности, но и из них видно, какого сорта это был характер. Остап Гоголь ездил в Турцию послом от *Дорошенка*[7], в то время, когда уже все другие полковники вооружились против этой "вихреватой головы", как называли пана Петра Запорожцы, и когда *Дорошенко* колебался между двумя мыслями: сесть ли ему на бочку пороху и взлететь на воздух, или отказаться от гетманства. Может быть, только Остап Гоголь и поддерживал так долго его безрассудное упорство, — потому что, оставшись после Дорошенка один на опустелом правом берегу Днепра, он не склонился, как другие, на убеждения Самойловича, а пошел служить, с горстью преданных себе казаков, воинственному Яну Собескому и, разгромив с ним под Веною Турок[8], принял от него опасный титул гетмана, который не под силу пришло носить самому *Дорошенку*. Что было с ним потом и какая смерть постигла этого, как по всему видно, энергического человека, летописи молчат[9]. Его боевая фигура, можно сказать, только выглянула из мрака, сгустившегося над украинскою стариною, осветилась на мгновение кровавым пламенем войны и утонула снова в темноте.

И какому летописцу его времени было дело до Остапа Гоголя, полковника отдаленной надднестрянской Украйны и потом гетмана небольшой дружины казаков, обрывка грозной тучи, вызванной чародеем Хмельницким на бой с громами польских магнатов?.. Но это имя, выброшенное волнами событий на широкий берег истории, до сих пор отрешенное от живых интересов вашего ума и чувства, вяжется теперь с другим подобным именем, которое отмечено в летописях мира более яркой и приветливо сияющей звездой. Конечно, ни один луч в сиянии этой звезды не зависит от зловещего блеска[10], озарившего личность Остапа Гоголя; но любопытно, однако ж, знать, в каком разряде людей, в каком быту и при каких обстоятельствах вырабатывалась в минувшие века жизненная сила, которой в наши дни, дивной игрой природы, сообщился таинственный огонь поэзии. Вот почему пишущий эти строки с живейшим любопытством прочитал сухой дворянский протокол поэта[11], по которому род его восходит ко временам воинственного Остапа и в котором упоминается еще две старинные, исторически известные фамилии, бывшие в близком родстве с поколением Гоголей. <...> Заметим, что полковник Остап, игравший роль посла в Турцию, полковник Танский[12], знатный шляхтич польский, и Яков Лизогуб[13], генеральный обозный (то есть генерал-фельд-цехмейстер), — все это должны были быть образованнейшие люди своего времени»[14].

[1] *Чухлиб Т. Б.* Є. Гоголь — полковник Війска Запорозьского та наказний гетьман Правобережної України // Український історичний журнал. 1997. № 1. С. 94; *Чухлиб Т.* Тарас Бульба — предок Гоголя? // Родина. 2004. № 5. С. 27–29.

См. также: «...Остап Гоголь <...> возможно происходил из села Гоголи, что севернее Виньковец...» (*Степанков В. С.* Розвиток подій національно-визвольної війни на території Поділля влітку 1648 року // Подільська старовина. Вінниця, 1993. С. 159).

«Место и год рождения Остапа Гоголя неизвестны. <...> Вероятно, он родился в селе Гоголи, которое принадлежало к поместному комплексу с центром в городе Зинькове Летичивского уезда Подольского воеводства. (Такое предположение, основанное лишь на догадке, выразил Валерий Степанков... <...>) Село было основано где-то перед 1617 г.: именно под этим годом оно в первый раз упомянуто в источниках. В них же содержится первое известное нам упоминание о подольском шляхтиче по фамилии Гоголь. Оба упоминания находим в декрете каменецкого земского суда, вынесенном 1617 г. по иску "урожденного" ("generosus" <благородного>) Флорияна Олевинского к "вельможной" ("magnifica") Екатерине из Штемберга, жены коронного подчашия Адама Гиеронима Сенявского, и "шляхтича" ("nobilis") Никиты Гоголя. Эти двое якобы не возвратили нескольких подданных Олевинского, которые убежали из его села Серватинци Каменецкого уезда Подольского воеводства в село Гоголи. В декрете Екатерина из Штемберга названа "поместной владелицей" ("haeredissa"), а Никита Гоголь – "посессором" ("possessor") этого поселения. В декрете 1618 г. того же суда в том же деле (в 1617 г. суд отложил рассмотрение дела до следующей сессии) Гоголь именуется уже не только посессором, но и "осадчим" ("locator") села Гоголи, то есть непосредственным, «исполнительным» их основателем, причем Гоголи здесь – "новое сельцо на новом основании" ("villula nova novae radicis"). Очевидно, село было заложено с разрешения Екатерины из Штемберга, а Никита Гоголь в 1617–1618 годах был, вероятно, или временным владельцем, или управителем села. (В середине XVIII в. основание (locatio) села Гоголи перед (ante) 1617 г. ошибочно приписывали Василию (Bazyli) <...> Василий Гоголь реальное лицо <...> середины XVII в. <...>)

Само название села и принадлежность Гоголя к шляхте дает возможность утверждать, что в его основании приняли участие несколько (по крайней мере две) благородные семьи Гоголей. На основе доступных источников не удалось обнаружить следы Гоголей – как шляхтичей, так и нешляхтичей – в Подольском воеводстве до 1617 г., потому логично допустить, что прибыли они сюда именно перед этим годом. Достовернее всего, «основатели» села Гоголи происходили из Волынского воеводства, где украинские шляхтичи Гоголи были автохтонами. <...> (Стоит обратить внимание на то, что Екатерина из Штемберга была младшей сестрой Анны из Штемберга, – жены волынского воеводы князя Александра Острожского (умер в 1603 г., а Анна умерла 1635 р. <...>), родовые имения которого были в Волынском воеводстве, а волынский шляхтич Филон Гоголь в 1620-х гг. фигурирует как муж Софии из Штемберга <...>, очевидно, родственницы Анны и Екатерины (была ли она их сестрой, неизвестно). Таким образом, вероятно, что на Волыни Гоголи знались с Анной и Екатериной. В таком случае можно утверждать, что "подольские" Гоголи прибыли с Волыни следом за Екатериной после ее бракосочетания с Адамом Гиеронимом Сенявским, которому, кстати, поместный комплекс в Зинькове принадлежал как собственность.)

Все это может свидетельствовать о том, что Остап Гоголь был в родственных узах с кем-то из Гоголей в селе Гоголи, то есть был по происхождению шляхтичем. В пользу его шляхетства свидетельствует и надлежащее образование: его письма, которых известно четыре, демонстрируют хорошее знание тогдашнего книжного украинского языка, а также польского и латыни» (*Крикун.* С. 14–16).

[2] Гоголевская сотня входила в состав Переяславского полка, т. е. находилась на левобережной (а не на правобережной) Украине (см.: Реестра всего Войска Запорожского после Зборовского договора с Королем Польским Яном Казимиром, составленные 1649 года, октября 16 дня и изданные по подлиннику О. М. Бодянским. М., 1875. С. XVII). Ср. комментарий О. М. Бодянского: «...Нынешние Малороссийские дворянские фамилии сего <левого> боку Днепра по большей части нового происхождения, Козацкие, т. е. предки коих были разными Козацкими Старшинами. – На что указывают часто самые их прозвания, бывшие первоначально прозвищами, каковы: Тетеря, Свечка, Безбородко, Борозна, Гвинтовка, Гоголь, Гребинка, Дубяга, Журавка, Журман, Засядко, Искра, Кандыба, Кулябка, Лизогуб, Лобода, Орлик, Палий, Полуботок, Трясило, Цюцюра, Чорныш и т. п.» (Бодянский О. Предисловие // Реестра всего Войска Запорожского после Зборовского договора с Королем Польским Яном Казимиром, составленные 1649 года, октября 16 дня и изданные по подлиннику О. М. Бодянским. М., 1875. С. VI–VII).

[3] См. ***1655. Первая половина января. Умань – января 19–22. Дрижиполе, близ Ахматово. Правобережная Украина.***

[4] Речь идет о втором Переяславском соглашении 1659 г. (см. ***1659. Октября 17. Переяславль***).

[5] См. ***1674. Марта 17. Переяслав.***

См. также: «...Приступаем до сказания о войне Хмел<ь>ницкого з Поляки бывшой; в которое время повенное были при нем, Хмел<ь>ницком, два человеки знаменитих, рожаю шляхетного Козацкого: един – Петро *Дорошенко*, конюшим, а другий – Иван Бруховецкий, слугою старшим; котории обадва из были люде довцепние и в речах светових беглие, прето времен своих, и гонорами Гетманскими от Бога и войска Запорожского, Дорошенко в Чигрине, а Бруховецкий в Гадячом, были почтени» (*Величко 1848.* С. 15).

[6] Петр Дорофееевич Дорошенко (1627–1698), гетман Правобережной Украины в 1665–1676 гг., дальний родственник Н. В. Гоголя. На дочери Петра Дорошенко Любови был женат сын Якова Лизогуба Ефим (Юхим) (см. ***1673. Январь. Канев***). Е. Я. Лизогуб был прадедом бабушки Гоголя Т. С. Гоголь-Яновской (рожд. Лизогуб).

Праправнучкой П. Д. Дорошенко, отправленного в 1677 г. в Москву (см. ***1677. Марта 7. Сосница***) и окончившего жизнь в 1698 г. в Ярópольце (см. ***1698. Ноября 9. Ярополец***) была жена А. С. Пушкина Наталья Николаевна (рожд. Гончарова). – См. ***1833. Августа 26. Суббота. Москва.***

[7] См. ***1674. Июля средина. Правобережная Украина.***

[8] Сведения о том, что Остап Гоголь с королем Яном III Собеским «разгромил <...> под Веною Турок», были почерпнуты П. А. Кулишом в «Истории Русов» и не соответствуют действительности (см. ***1675. В течение года. Правобережная и Левобережная Украина***).

[9] М. А. Максимович, откликаясь на это замечание П. А. Кулиша, в письме к нему от 18 июня 1856 г. замечал: «...Между тем, как эти строки свои печатали вы в Петербурге, в Киеве печаталась небольшая книжка г. Н. Белозерского, под названьем "Южнорусские летописи" и в той книжке на 119 странице, сказано: "1676. От короля пол<ь>ского Яна Собиеского поставлен был гетман войск Запорожских Евстафий Гоголь. Он погребен в Киевомежигорском монастыре 1679 года, Генваря 7 д<ня>"» (Крикун. С. 340). – См. ***1676. Февраля 2. Среда. Праздник Сретенья Господня – марта 14. Вторник. Краков***; ***1679. Января 7 или 9. Межигорский Спасо-Преображенский монастырь (близ Киева)***.

[10] См. ***1679. Января 7 или 9. Межигорский Спасо-Преображенский монастырь (близ Киева)*** (замечание М. А. Максимовича).

[11] Говоря о «сухом дворянском протоколе поэта», Кулиш имел в виду «Дворянский протокол Гоголя», выданный деду Н. В. Гоголя А. Д. Гоголю-Яновскому 19 октября 1784 г. (см.: ***1784. Октября 19***). Согласно этому протоколу, опубликованному биографом в 1854 г., «<пра>прадедом» А. Д. Гоголя-Яновского был полковник «Андрей Гоголь», который в 1674 г. получил от польского короля деревню Ольховец <см. ***1674. Декабря 6. Воскресенье. Польский королевский лагерь под Кальником***>. Кроме того, в «протоколе» указывалось, что «дедом жены» А. Д. Гоголя-Яновского является «полковник Танский», а тестем – «бунчуковый товарищ Семен Лизогуб» (Дворянский протокол Гоголя // *Кулиш 1854* (*1*). № 4. Отд. 2. С. 150–151; см. также: Дворянский протокол Гоголя // *Кулиш 1854* (*2*). С. 201–202; Дворянский протокол Гоголя // *Кулиш 1856*. Т. 2. С. 271–272; Свод. Т. 1. С. 336–337).

[12] См., в частности: ***1678. В течение года***. – Один из Танских в свое время был известен как талантливый автор комических интерлюдий. 30 сентября 1794 г. А. К. Лобысевич, вспоминая о своем пребывании в средине XVIII в. в стенах Киевской Духовной академии, писал святителю Георгию (Конисскому): «...Может быть, годом перед моим приездом в Академию Киевскую, играна там трагедия сочинения вашего Преосвященства "о Воскресении мертвых", оную имею. (Трагедия сочинена и играна была в 1746 году; следов<ательно>, А. Лобысевич поступил в Киевскую Академию приблизительно в 1747 году. – *Примеч. Н. И. Петрова. – И. В.*) Но не имею и нигде достать не могу к оной трагедии интерлюдий, бывших сочинения вашего Преосвященства или славного Танского, природного стихотворца, во вкусе площадном, во вкусе Плавтовом. (Интерлюдии эти изданы в журнале «Древняя и новая Россия», за ноябрь, 1878 года; но в них нет упоминаемых Лобысевичем сцен. – *Примеч. Н. И. Петрова. – И. В.*) <...> ...Прошу Ваше Преосвященство велико одолжить меня; интерлюдии, Танского то или ваши, приказав списать, по почте мне в Санктпетербург доставить, да изыдет во свет, да даст величие отечеству своему наш Плавт, наш Мольер, ежели что не боле. Ибо я помню некоторые стихи, описание Великодня, бегство сатаны и смерти, смерть Иуды; прекрасные описания» (1794. Сентября 30. Письмо полковника Лобысевича Могилевскому Архиепископу Георгию Конис<с>кому // Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси. 1867. Т. 2. С. 147; см. также: Воспоминания Афанасия Лобысевича о времени обучения своего в Киевской Академии в 1747–1752 годах. (Письмо его к архиепископу Георгию Конисскому 30 сентября 1794 года) // Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии / С введением и примеч. Н. И. Петрова. Отделение II (1721–1795 гг.). Т. I (1721–1750 гг.). Ч. I. Киев, 1904. С. 387–388). «Дед Н. В. Гоголя Афанасий Гоголь женат был на Танской <на самом деле, на А. В. Танской был женат прадед Гоголя С. С. Лизогуб>, может быть, дочери <вернее, племяннице, двоюродной сестре или дальней родственнице> автора интерлюдий, вследствие чего в фамилии Гоголей издавна сохранялись поэтические традиции» (*Петров Н. И.* Очерки из истории украинской литературы XIX столетия. Киевская искус<с>твенная литература XVIII века, преимущественно драматическая. Киев, 1880. С. 112).

[13] «Прадед поэта, Семен Лизогуб, происходил от генерального обозного Якова Лизогуба, известного <...> в царствование Петра Великого и его преемников...» (*Кулиш 1856*. Т. 1. С. 3–4). – См., в частности, ***1674. Январь – июля средина. Правобережная Украина***; ***1696. Июля 17–19. Взятие Азова.***

[14] *Кулиш 1856*. Т. 1. С. 1–3, 4.

1621

СЕНТЯБРЯ 2 – ОКТЯБРЯ 9. ХОТИН

Сражение под Хотиным войск Речи Посполитой с войском Османской империи. В битве с турками принимало участие запорожское войско под командованием гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного.

По традиции считается, что походу против турок 1621 г. посвящена украинская песня «Ой, на горі та женци жнуть..» («Ой, на горі та женци жнуть, / А по-пид горою, / По-пид зеленою / Козаки йдуть. / По переду Дорошенко / Веде свое військо, / Веде запорожське / <...> / А позаду Сагайдачный, / Що проминяв жинку / На

тютюн да люльку...») Эту песню Гоголь поместил в свой рукописный сборник украинских песен и дум[1] (раздел <*XIV*> Про козака Сагайдачного); она относится к числу наиболее любимых Гоголем песен[2].

В 1834 г. М. А. Максимович, комментируя песню, писал: «Гетьман Петр Дорошенко действовал с 1665 по 1676 год, умер 1698 г. ноября 9, в 113 верстах от Москвы, Волоколамского уезда в селе Ярополче[3]. <...> Забубённого же Сагайдачного не должно смешивать с славным гетьманом Конашевичем <ум. в 1622 г.>»[4].

Возражая Максимовичу, И. И. Срезневский писал: «Дорошенко, о котором упоминается в сей песне, есть Михаил Дорошенко, бывший в 1625 году Атаманом Кошевым. В то время, к которому относится песня, он был, вероятно, еще Бунчужным, который, по обычаю козацкому, с бунчуком гетманским всегда шел пред войском, сопровождаемый главной дружиной козаков реестровых. <...> Максимович иначе думает о сей песне, утверждая, что она относится не к гетману Сагайдачному, а какому-то забубенному спутнику Дорошенка (Телескоп. 1834. № 6. <С.> 92; и Мал<оросcийские> Песн<и>. Москва. 1827. <С.> 214). Может быть, и правда; но доказательства? И почему же о спутнике Дорошенко народ, сколько мне известно, не знает ничего, как между тем гетман Сагайдачный упоминается и в сказках, хотя жил и прежде Дорошенка? Помня Дорошенко, народ, конечно, помнил бы и его спутника, если сложил о нем песню»[5].

[1] См. ***1839 октября средина <сентября конец> — 1840 августа средина <августа начало>***.
[2] См. ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва***.
[3] См. ***1698. Ноября 9. Среда. Ярополец***.
[4] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 105.
[5] Запорожская Старина. Харьков, 1834. Ч. 1. Кн. 3. С. 107–108.

1622 ИЮЛЬ. ТРАПЕЗУНД

Запорожцы под предводительством черкасского атамана Шило потерпели поражение от турецкой эскадры у Трабзона (Трапезонта, Трапезунта) (часть казаков попала в плен, часть — 8 августа 1622 г. с добычей вернулась домой)[1].

Эти события нашли отражение в рассказе об атамане Мосии Шило в девятой главе второй редакции «Тараса Бульбы» (1842).

[1] См.: *Яворницкий (Эварницкий) Д. И.* История запорожских козаков. Киев, 1990. Т. 2. С. 156; *Королёв В. Н.* Босфорская война. М., 2013. С. 154–167.

1627 В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ЧИГИРИН

В семье полковника Дорофея Дорошенко родился сын Петр, внук гетмана (с 1623 г.) Михаила Дорошенка[1].

[1] *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. От избрания Мазепы до уничтожения Гетманства. 2-е изд. М., 1830. Т. 3 (цензурное разрешение 30 ноября 1829). С. 27.

1631 ИЮНЯ 4. СУББОТА. У РЕКИ ПОЛЯНОВКИ, МЕЖДУ ВЯЗЬМОЙ И ДОРОГОБУЖЕМ

Послы русского царя Михаила Феодоровича боярин Ф. И. Шереметев, окольничий князь А. М. Львов, дворянин С. Т. Проестев, дьяки Г. И. Нечаев и В. Прокофьев подписали с послами польского короля Владислава IV ксендзом Якубом Жадиком, бискупом Хелминским и Померанским, и др. грамоту о примирении сторон и о сложении с себя Владиславом IV прав на Московский престол, к которому тот был причастен «по прежнему договору Московского Государства <...> с Гетманом Ста-

ниславом Желковским <Жолкевским>, что было его, Королевича Владислава, а нынешнего Государя их Короля, по присылке отца его Жигимонта, Короля обрати на Московское Государство, чая Московское Государство от междоусобия тем упокоить и во умирение привести...» («...и то дело волею Божиею в те поры не сталось...»)[1].

Возможно, грамота, появление которой в журнале «Отечественные Записки» стало ее первой печатной публикацией, была доставлена редактору этого издания П. П. Свиньину Гоголем. Во всяком случае во время публикации документа Гоголь принимал активное участие в журнале и был знаком с материалами, которые здесь печатались[2]. Одновременно с публикацией второй части грамоты[3] в журнале была напечатана первая половина повести Гоголя «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала»[4]. 2 апреля 1830 г. Гоголь послал матери в Васильевку этот номер журнала[5].

[1] Договорная окончательная грамота, составленная и подписанная в 1634 <1631> году полномочными Русскими и Польскими Послами об отречении Владислава от Царства Русского // Отечественные Записки, издаваемые Павлом Свиньиным. 1830. Ч. 41. № 117 (цензурное разрешение 4 янв.). С. 52–53.

[2] Подробнее см.: ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[3] См.: Отечественные Записки, издаваемые Павлом Свиньиным. 1830. Ч. 41. № 118. С. 194–240.

[4] Там же. С. 238–264.

[5] См. ***1830. Апреля 2. Великая среда. Санкт-Петербург.***

1632

НОЯБРЯ 8. ЧЕТВЕРГ. ВАРШАВА

На избирательном сейме в Варшаве присутствует, в числе других представителей от Волынского воеводства, Кристоф Гоголь (Krzysztoph Hohol).

Список западнорусских дворян, присутствовавших на избирательном сейме, бывшем в 1632 году. 1632 ноября 8 // Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною Комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском Военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Часть вторая. Постановления дворянских провинциальных сеймов в Юго-Западной России. Киев, 1861. Т. 1. С. 217.

1633

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

Казаки под предводительством кошевого Ивана Сулимы собираются в поход на поляков.

Этому событию посвящена песня, помещенная Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[1] (раздел *<XXI> Про полковника Лободу*). М. А. Максимович в комментариях к этой песне сообщал, что «полковник Иван Лобода еще при Косинском ходил под Белград (1593), сжег Цецору и разграбил Яссы (1594); потом он был другом и главнейшим сподвижником Наливайка, с коим вместе и погиб в Варшаве. В песне представлен Лободинский чура, напоминающий о подвигах своего пана и об отмщении за него взывающий к козакам, сбиравшимся в поход на поляков 1633 г. под предводительством кошевого Сулимы (который в 1635 г. четвертован в Варшаве). Про гетьманство Потоцкого и двукратное поражение его Лободою по Истории неизвестно»[2].

[1] См. ***1839 октября средина <сентября конец> — 1840 августа средина <августа начало>.***

[2] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 88.

1638

МЕЖДУ МАЯ 8 И АВГУСТА 7

В сражении с казаками погиб «пан Гоголь» из отряда князя Четвертенского.

Реестр вельможних мужей, в потребе за козаками позабиваних и постреляних, также и челяди их и коней, от 8 мая до 7 августа, в року 1638 // *Величко 1864*. С. 289.

ОДИН ИЗ ДНЕЙ ГОДА. ВАРШАВА

Казнь поляками казацкого гетмана Степана Остраницы[1] и полкового есаула Чурая.

Подвигам и гибели есаула Чурая посвящена песня, помещенная Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[2] (раздел <V> *Про Асаула Чурая*). М. А. Максимович, комментируя эту песню, отметил: «Храбрый Чурай, полковой асаул, захваченный в битве близ Старицы, замучен в Варшаве в 1638 г., вместе с гетьманом Степаном Остраницею и другими»[3].

[1] См. ***1543.*** **Весна. Лукомье**; ***1645. Апреля 5. Великая Суббота. Село Камишна Миргородского полка.***
[2] См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>.***
[3] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 95.

1645 АПРЕЛЯ 5. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. СЕЛО КАМИШНА МИРГОРОДСКОГО ПОЛКА

К указанному времени и месту Н. В. Гоголь приурочил начало действия своего незавершенного романа «Гетьман» (<Начало исторического романа>):

«Был апрель 1645 года... <...> Этот день был перед самым Воскресением Христовым».

Одним из главных героев романа является руководитель антипольского казацкого восстания 1638 г. гетман запорожских нереестровых казаков Стефан Остраница (Остржаница).

См. также ***1543. Весна. Лукомье***; ***1638.*** **Один из дней года. Варшава.**

1648 МАЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. УРОЧИЩЕ ЖЕЛТЫЕ ВОДЫ

Первая крупная победа запорожских казаков под предводительством Богдана Хмельницкого над поляками.

Этому событию посвящена первая из семи песен о Богдане Хмельницком, помещенных Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[1] (раздел <XXIII> *Про Гетьмана Хмельницького*). М. А. Максимович по поводу этой песни замечал: «Здесь воспета первая Богданова победа (1648 г., 5 апреля) над ляхами при помощи крымцев, при Желтых водах (в Екатер<инославской> губ<ернии>)»[2].

[1] См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>.***
[2] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 96.

АВГУСТА 3. ЧЕТВЕРГ. КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ

Каменецкий земский судья Лукаш Казимеж Мясковский в своем послании приводит имя Гоголя при упоминании о «панцирных» казаках в польском войске, дислоцированном в Умани под командованием М. Калиновского:

«Nad Uszycza wszytkie miasta y wsi rebellizowali y z Hoholem z wszi<tkiego> Humana kozacy pancerni; co zywo biezy z <*1 нрзб.*> taborami pieszo y konny».

«На основании этого отрывка письма <В. К.> Липинский <в статье 1912 г.> утверждает, что упомянутый здесь Гоголь, которого он без каких-либо объяснений называет Остапом, был ротмистром латных (тяжеловооруженных) казаков в Умани перед восстанием Богдана Хмельницкого. Чтобы доказать, будто в Умани в то время существовало казачество как организованная военная сила, он приводит записку королевского секретаря Иеронима Пиноччи от 1654 г. о Хмельницком и казаках, где сказано, что в Брацлавском воеводстве перед 1648 г. существовал Уманский казацкий полк "п<ана> Калиновского". Перед Хмельниччиной и в первые годы ее уманским имением владел Мартин Калиновский – черниговский воевода с 1635 г. и польный <полевой> коронный гетман от 1646 г. (погиб в битве под Батогом в 1652 г.).

Следует отметить, что свидетельство Иеронима Пиноччи косвенно подтверждается в неизданной анонимной стихотворной польскоязычной хронике, в которой идет речь о политических событиях 1648–1672 годов на украинских землях, преимущественно в Подольском воеводстве (автором хроники, достовернее всего, был шляхтич этого воеводства, а написал он ее в 1670-х годах <...>). Здесь сказано, что накануне Батожской битвы у Мартина Калиновского был свой полк из уманских подданных, который в ходе битвы должен был прийти на помощь полякам ("poddanych pulk humanskich mial byl przyjsc"). Вполне вероятно, что подобный полк из казаков мог существовать на Уманщине перед Хмельниччиной.

Вячеслав Липинский считал также, что Остап Гоголь после Корсунской победы Богдана Хмельницкого в 1648 г. прибыл со своими казаками из Умани к его лагерю и присоединился к повстанцам, а вскоре с теми же казаками очутился в Подольском воеводстве: пребывание его именно здесь – в районе притока Днестра реки Ушицы – и зафиксировано в письме от 3 августа. Эти сведения об Остапе Гоголе Липинский повторил в более поздних своих работах, и никто доныне не подвергал их сомнению, хотя автор не доказал их на фактическом материале.

Из цитируемого выше начала письма от 3 августа необязательно вытекает, будто Остап Гоголь прибыл в район Ушицы во главе уманских латных <"панцирных"> казаков; вернее всего, они появились тут сами и уже здесь начали действовать совместно с ним. Кроме того, нет доказательств, что Гоголь командовал казаками при Мартине Калиновском в Умани перед Хмельниччиной и оттуда присоединился к повстанцам.

Зато Липинский был прав, отождествляя Гоголя из цитируемого письма с Остапом Гоголем. В упомянутой "подольской" хронике под 1649 г. читаем, что зимой (очевидно, зима 1648–1649 годов) после Пилявицкой победы[1] Хмельницкого во время действий польских отрядов против казаков около Лучинца (город в Летичивском уезде, кстати, сравнительно неподалеку от реки Ушицы) отметился "овчар" Гоголь ("Hohul owczarz przyszedł do godnosci"): как-то его отряд из пятнадцати лиц, врасплох выскочив из леса, разбил поляков. Автор хроники добавляет, что благодаря таким поступкам Гоголь стал впоследствии подольским полковником в войске Богдана Хмельницкого ("z takich poczatkow zostal na potym Chmiela pulkownikiem, Woyska Zaporowskiego podolskim straznikiem"). Немного дальше в той же хронике и о той же зиме сказано, что Гоголь вместе со своим кумом Кияшком заложил в Могилеве (город в Летичивском уезде над Днестром, с XIX в. – Могилев-Подольський) "колонию" и взыскивал пошлину с тех, кто проезжал с товаром, не выдавая при этом расписок. Этот город стал центром Подольского полка, с которым Остап Гоголь на многие годы связал свою судьбу. Назвав Гоголя "овцеводом", хронист таким способом засвидетельствовал свое пренебрежение к нему, проигнорировал его благородную достоинство. <...>

Подольский полк (называемый в источниках также "Могилевским" и "Поднестрянским") <...> возник в конце 1648 или в начале 1649 г. в юго-восточной части Летичивского уезда; Богдан Хмельницкий ликвидировал его по Зборовскому соглашению 1649 г. (По Зборовскому договору 5–6 августа 1849 г. территория полка оставалась за Польшей. Могилев-Подольский влился тогда в Брацлавский полк. – *И. В.*) <...>

Следует отметить, что с лета 1648 г. до Зборовского соглашения 1649 г. <...> кальницким (винницким) полковником в Войске Запорожском был Остап (Остафий, Евстахий), в источниках упоминавшийся без фамилии или прозвища. О нем известно очень мало: в 1648 г. он принимал участие во взятии Нестервара (Тульчин – город в Брацлавском воеводстве), в осаде Львова и Замостья, причем в последнем случае он назван "обозным" (очевидно, генеральным). Некоторые авторы безосновательно отождествляют этого Остапа с Остапом Гоголем, однако это два разных лица. Это убедительно доказывает сравнение их деяльности на протяжении 1648–1649 годов»[2].

[1] См. ***1648. Сентября 11–13. Понедельник-среда. М. Пилявцы на Подолье***.
[2] *Крикун*. С. 17–21.

СЕНТЯБРЯ 11–13. ПОНЕДЕЛЬНИК–СРЕДА.
М. ПИЛЯВЦЫ НА ПОДОЛЬЕ

Победа казацких отрядов под предводительством Богдана Хмельницкого над польскими войсками.

Походу под Пиляву посвящены три песни, помещенные Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум (раздел <VIII> *Про поход пiд Пиляву*).

См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>***.

НОЯБРЯ СРЕДИНА. ЗАМОСТЬЕ

Кончина во время осады польской крепости Замостье казацкого полковника Максима Кривоноса (прозвище – Перебейнос).

Подвигам полковника М. Перебейноса посвящена песня, помещенная Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[1] (раздел <X> *Про полковника Перебiйноса*). М. А. Максимович, комментируя отрывок из песни о Перебейносе, отмечал: «Имя Перебiйноса упоминается в Истории в числе сподвижников Скалозуба. Но Перебiнос, к которому относится сей отрывок песни, есть храбрый Максим Кривонос, убитый в 1648 г. Под тем же именем он воспевается в другой песне, которой, к сожалению, я у себя теперь не имею»[2].

[1] См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>***.
[2] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 101.

1649

ИЮЛЬ – АВГУСТА НАЧАЛО. ЗБАРАЖ

Гибель в боях при осаде Збаража полковника Нестра Морозенко (Станислава Мрозовицкого).

Подвигам и гибели полковника Морозенко посвящены шесть песен, помещенных Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[1] (раздел <XX> *Про Козака Морозенка*). Упоминания о Морозенко встречаются также в других разделах этого сборника – <I> *Про гетьмана Свирговського*[2]; <VIII> *Про поход пiд Пиляву*[3]. М. А. Максимович «Песням о Морозенке» предпослал следующую заметку: «В <...> песне о Свирговском Морозенко упоминается как его сподвижник: и только основываясь на сем, я помещаю здесь песни об этом козаке, весьма любимые в народе. Из Истории Морозенко мне неизвестен»[4].

[1] См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>***.
[2] См. ***1574.* Июня 14. Понедельник. Валахия**.
[3] См. ***1648. Сентября 11–13. Понедельник-среда. М. Пилявцы на Подолье***.
[4] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С.74.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. КИЕВ

Начало воеводства А. Г. Киселя[1].

Согласно опубликованному в 1830 г. в мартовском номере «Отечественных Записок» списку «Правители города Киева от завоевания сего княжения вел<иким> князем Литовским Гедемином, с 1320 до 1828 года» (в этом номере журнала было напечатано окончание повести Гоголя «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала»), Адам Кисель был последним из восьми воевод, назначавшихся в Киев с 1577 по 1649 г. «от Королей Польских»: «1649. Король Иоанн Казимир определил Воеводою Адама *Киселя*, который еще назначен был в 1646 году. Во время его Поляки разорили Киевоподольск. По смерти Киселя в 1653 году еще были Воеводы Киевские, титулярные; но сей город уже был возвращен к Державе Российской»[2]. (Далее в списке следуют назначавшиеся в Киев с 1654 г. «Воеводы Российские».)

Ко времени воеводства Адама Киселя (до 1652 г.) Гоголь приурочивает время обучения в Киеве сыновей Тараса Бульбы Остапа и Андрия.

[1] Адам Григорьевич Кисель (1580–1653), польско-украинский магнат и политический деятель, сторонник польско-шляхетского господства на Украине; киевский воевода с 1650 г. Представлял интересы польского правительства на переговорах с восставшими казаками Богдана Хмельницкого. В 1652 г. бежал из Киева в Польшу.

[2] *М. Б.* Правители города Киева от завоевания сего княжения вел<иким> князем Литовским Гедемином, с 1320 до 1828 года // Отечественные Записки. 1830. № 119. С. 482.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«...Султан турецкий, по прошению Хмел<ь>ницкого, повелел у господаря волоского Василии Липуле, буде же не изволит дружески, то насил<ь>но, дочь его Ирину <Розанду> Тимошу, Хмел<ь>ницкого сыну, в жену взять. И того ж року Хмел<ь>ницкий виправил Гладкого с част<ь>ю войска в Полес<ь>е, а Носача, Пушкара и *Дорошенка* в 16000 козаков да в 20000 татар чрез Днестр Волощину пустошить... <...> И тогда[1] господарь неволею обещал отдать дочь свою за сына Хмел<ь>ницкого...»

Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878.* С. 226. – См. также: «Еще же Хмельницкий, упреждая Ханское хитроковарное умышление, послал Посланика своего и до Турецкого Царя, прося себе на Ляхов помощи; Царь же Турецкий <...> повелел <...> Хану Крымскому с Хмельницким итти на Волохи... <...> Потом Хмельницкий выправил Гладкого с частию войска Козацкого в поля<сье>, а Носача, Пушкаря и *Дорошенка* в шестнадсяти тысячах Козаков до двадсяти тысяч Татар чрез Днестр, <...> повелел войскам, нападши, Волощину пустошити» (*Грабянка 1793.* Ч. 2. С. 228–229; см. также: *Грабянка 1854.* С. 84–85).

[1] См. ***1650. В течение года. Яссы.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. БЕНДЕРЫ, ЯССЫ

Войска Богдана Хмельницкого занимают крепость Бендеры и столицу Молдавии Яссы, чем вынуждают молдавского государя Василия Лупу отказаться от союза с Польшей и дать обещание выдать свою дочь Розанду за сына Богдана Хмельницкого Тимофея[1].

Этим событиям посвящены две песни, помещенные Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[2] (разделы *<XXIII> Про Гетьмана Хмельницького* и *<IX> Про Яссы*). И. И. Срезневский полагал, что Богдан Хмельницкий участвовал в «походе Молдавском, что отрицают летописи»[3]. В комментарии к песне, посвященной взятию Бендер, Срезневский подчеркивал: «1, что бендерские турки и татары <...> были защитниками Василия Лупулы; 2, что казаки ограбили Бендеры в отмщение за это; 3, что Хмельницкий был и при взятии Бендер; 4, что Хмельницкий не всегда позволял казакам грабить города, иначе бы и в этом случае казаки не просили его порадовать их». «Обо всем этом,– добавлял Срезневский, – летописи молчат»[4].

[1] См. также ***1649. В течение года. Правобережная Украина.***

[2] См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>.***

[3] Запорожская Старина. Харьков, 1835. Ч. 2. Кн. 2. С. 170.

[4] Там же. Ч. 2. Кн. 2. С. 173.

1651 ФЕВРАЛЯ МЕЖДУ 3 И 9. МАСЛЕНИЦА. М. КРАСНОЕ НА ПОДОЛЬЕ

Гибель полковника Данилы Нечая в бою с войском польского гетмана М. Калиновского.

Народная песня о гибели Нечая была одной из любимых Гоголем; он знал три варианта этой песни, один из которых послал в 1834 г. М. А. Максимовичу[1]. В том же году Максимович в своем сборнике «Украинские народные песни...» во вступительной заметке к песне о Нечае писал: «*Данило Нечай* полковник Бряцлавский был женат на дочери Хмельницкого: он наносил в 1651 г. опустошения в Польской Подолии и убит под Красным: по свидетельству <И.> Пастория – *Байбузою*, в одном из моих списков поставлено *Канёвским*, а в другом – *Потоцким*; я же поставил имя Калиновского, ибо он разбил Нечаево войско, напав на него во время масленицы»[2]. М. Н. Сперанский по поводу упоминания Максимовича о «другом» списке песни, где «Каневский переменен на Потоцкого», заметил: «Ясно, что этот "другой список" и есть посланный Гоголем...»[3]

[1] См. ***1834. Марта 29. Четверг. Санкт-Петербург.***
[2] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 97.
[3] *Сперанский М. Н.* К истории собирания песен Гоголя. Нежин, 1912. С. 13.

ИЮНЯ 18–20. СРЕДА-ПЯТНИЦА. М. БЕРЕСТЕЧКО

Битва между войском Богдана Хмельницкого и войсками Речи Посполитой во главе с польским королем Яном II Казимиром. Вслед за наметившимся в первые дни битвы успехом казаков последовала измена союзника Хмельницкого, крымского хана Ислам-Гирея III. Эта измена позволила польской армии окружить казацкий лагерь. Ценою потери обоза и части артиллерии казакам удалось выйти из окружения и отступить к Киеву, где уже формировались новые отряды.

Битве под Берестечком посвящена одна из семи песен о Богдане Хмельницком, помещенных Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум (раздел *<XXIII> Про Гетьмана Хмельницького*).

См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>***.

1652 МАЯ ПОСЛЕ 22–23. ПОДОЛЬЕ

«...После Батожской битвы Богдан Хмельницкий приказал <Остапу> Гоголю "докучать" полякам "в Поділлі" ("Hoholowi zlecil dokuczac w Podole")».

Крикун. С. 19.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. КИЕВ

Окончание воеводства в Киеве А. Г. Киселя.

См. ***1649. В течение года. Киев.***

1653

СЕНТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ. МЕСТЕЧКО ЖВАНЕЦ

Осада запорожскими казаками под предводительством Богдана Хмельницкого и войском крымского хана Ислам-Гирея главного польского военного лагеря Яна II Казимира. Полякам удалось склонить на свою сторону Ислам-Гирея и с большими потерями избежать сдачи лагеря.

Жванецкой битве посвящены две из семи песен о Богдане Хмельницком, помещенных Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[1] (раздел *<XXIII> Про Гетьмана Хмельницького*). По поводу одной из песен И. И. Срезневский отмечал: «С королем польским под Жванцем были молдавцы. Их-то бандурист заставляет говорить Хмельницкому рацею угроз. Из нее узнаем, 1) что Хмельницкий имел намерение завоевать Молдавию <...>, отмщая за смерть сына Тимофея; 2) что до сражения Жванецкого занял Подолье, Студеницу, Сороку (Святую, как называли запорожцы), Яругу и намерен был от Жванца идти к Хотину, брать его. <...> Хмельницкий разбил ляхов, и молдаване бежали в Хотин: вот, вероятно, к чему относится выражение песни, что за Днестром, за горою блестит Хотин. Сравни статью проф. Шармуа в «Журнале Министерства народного просвещения», 1834, IV, 1–23»[2].

[1] См. ***1839 октября средина <сентября конец> — 1840 августа средина <августа начало>***.

[2] *Запорожская Старина*. Харьков, 1838. Ч. 2. Кн. 2. С. 177; Шармуа Ф. Ф. Набег Крымских Татар на Польшу в 1653 г. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. Отд. 2. С. 1–23.

1654

ЯНВАРЯ 8. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПЕРЕЯСЛАВ

Переяславская Рада. Представители казацких полков и городов Украины во главе с гетманом Богданом Хмельницким заявляют о намерении воссоединиться с народом России «под царскою крепкою рукою» государя Алексея Михайловича.

См. ***XIII–XV вв. Предыстория (происхождение казачества)*** (примечания).

МАРТА 27. ПОНЕДЕЛЬНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. МОСКВА

Царь Алексей Михайлович подтверждает гетману Б. М. Хмельницкому и его подданным прежние права и привилегии:

«...От Великого Государя Царя <...> Алексея Михайловича <...> Гетману Богдану Хмельницкому с старшиною <...> и народом Малороссийским, в жалованных грамотах, лета от создания мира 7162 <1654 г. от Рождества Христова> Марта 27 дня данных, <...> написано: <...> Мы, Великий Государь, <...> подданного Нашего Богдана Хмельницкого, Гетмана Войска Запорожского, пожаловали велели им быть под Нашей царского Величества высокою рукою на прежних их правах и привилегиях, каковы им даны от Королей Польских и от Великих Князей Литовских,.. <...> ...и на Наших Царского Величества неприятелей <...> ходити <...> и во всем быть в Нашей Государевой воле и в послушании навеки...»

«Экстракт» с этими сведениями[1], составленный в 1751 г. Генеральной Войсковой канцелярией гетмана графа К. Г. Разумовского, был опубликован в 1830 г., под названием «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян», в июньском номере «Отечественных Записок» — в то время, когда в журнале активное участие принимал Гоголь[2].

[1] О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. Июнь. № 122 (цензурное разрешение 3 июня) С. 324–327 (напечатано с подстрочным примечанием: «Извлечено из экстракта, сочиненного в 1751 году Войсковою Канцеляриею»; С. 324).

[2] Подробнее см.: ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

ИЮНЬ.
МОГИЛЕВ-ПОДОЛЬСКИЙ

Богдан Хмельницкий возобновляет Подольский полк (называемый также Могилевский, Поднестровский или Приднестровский)[1], который отдает в управление Евстафию Гоголю.

Крикун. С. 20–22.

[1] См. ***1648. Августа 3. Каменец-Подольский*** (примечания).

СЕНТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ.
МОГИЛЕВ-ПОДОЛЬСКИЙ[1], БРАЦЛАВ, УМАНЬ

«...Польское войско во главе с коронными гетманами (большим – Станиславом Потоцким, польным – Станиславом Лянцкоронским) вместе с татарами <сожгло Могилев-Подольский и> вытеснило из Брацлава полковников брацлавського (Михаила Зеленского), винницкого (Ивана Богуна), “поднестрского” (Гоголя; имя его <иеромонах Феодосий> Софонович, <автор «Хроники о земле Польской» (1673)>, не называет) и другую казацкую старшину (очевидно, с подчиненными отрядами) и заставило их отойти в Умань, где они и закрепились».

Крикун. С. 21–22.

[1] «История собственно Могилева начинается с конца XVI в. Основание его приписывается молдавскому господарю Иеремии Могиле, который <...> положил основание в 1595 г. будущему городу. <...> В половине XVII в. М<огилев> служил границей между Украиной и Молдавией; во время войн Хмельницкого с поляками, казаки заняли в 1650 г. Могилевский замок и всячески старались удержать его за собою; но, спустя четыре года (в 1654 г.) поляки, понимая важность Могилева в стратегическом отношении, во время похода на отпавшую от Польши часть Малороссии, выжгли город до основания» (Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета. Под редакциею священника Евфимия Сецинского. Приходы и церкви Подольской епархии. Каменец-Подольск, 1901. Вып. 9. С. 684).

1655

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ЯНВАРЯ.
УМАНЬ –
ЯНВАРЯ 19–22.
ДРИЖИПОЛЕ, БЛИЗ АХМАТОВО.
ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

Разбитые поляками и татарами полки Браславского полковника Зеленского, Винницкого полковника Богуна и Поддністровского полковника Гоголя укрываются в Умани. На помощь осажденным выступают войска гетмана Богдана Хмельницкого и воеводы В. Б. Шереметева. Однако осаждающие под командованием гетманов С. Лянцкоронского и С. Потоцкого, усиленные войсками крымского хана Махмед-Гирея, оставляют осаду города и в поле между Ставищами и Ахматовым вступают в сражение с приближающимися русско-украинскими войсками. Сражение продолжалось три дня, в жестокую стужу, отчего поле, где происходила битва, получило название Дрижиполе (Дрожи Поле). В результате Хмельницкий

и Шереметев были вынуждены отступить к Белой Церкви (где стояло московское войско под командованием воеводы Ф. В. Бутурлина), однако польско-крымское наступление на Украину было этим сражением остановлено. (От Белой Церкви войска Хмельницкого последовали к селу Буки, где встретились с полками, прибывшими из осажденной прежде Умани.)

Имя полковника Гоголя при описании битвы на Дрижиполе Н. В. Гоголь мог встретить в известных ему летописях Г. И. Грабянки[1] и А. И. Ригельмана[2]. Имя «поднестранского Гоголя» при описании Дрижипольской битвы встречается также в украинской хронике «Краткое описание Малороссии», составленной после 1734 г.[3]

[1] «В то же время Король Польский, учинивши союз братерства с Ханом Кримским, послал ему дары сто тысяч золотых, и призывая его на помощь противу Козаков и Москвы, но посланный уже не застал в живых Хана, которого якобы невольница некоторая Украинская, отраву давши ему в вине, умертвила, по наговору Хмельницкого; однако и по смерти Ислам Гирея Хана, Татаре з Миле Гиреем, новым Ханом, пришли Ляхом на помощь и повоевали Украйну; напротив которых послал Хмельницкий наказным Гетманом Томиленка, но оного Татаре и Ляхи победили. Полковники же Зеленский, Браславский; Богун, Винницкий; Гоголь, Поднестрянский, с Козаками в Умань вошли, где и<х> Поляки з Татары облегли было крепко, а послышавши, яко Хмельницкий з Москвою и Козаками идет своим в помощь, оставляя Умань, противу Хмельницкого все войска Польскии и Татарскии подвигнули, и между Ставищами и Оксиатовом <Охматовым> в поле осадили их (которое опосля Дрижиполем прозвано) и не дали Хмельницкому совокупитися ни <с> которым войском, но малое число Козаков ненадежно напали, и в обоз Козацкий увалилися, арматы отняли было. Но Козаки, укрепившися, изнова Ляхов и Татар оглоблями из саней тако поразили, яко побитыми и замерзлыми трупами Лядскими, аки валом, обоз свой обложили, и была в той день баталия знатная даже до ночи; однако же войско Козацкое тогда в тесноте великой оставалось, понеже ни воды, ни дров, ни коня паши не имели, токмо с мразом снег всем свободной, но и сей с кровию смешан был. Ибо в той битве больше пятнадсяти тысяч людей в одном дни пало. В утрие же знова Ляхи и Татаре с Козацким Войском в брань вступили и весь день той воевали и падили бесчисленные от меча и огня з обоих сторон до изнеможения, доколь всех ночь обняла; однако преодолевали Козаки Ляхов, яко от пешого войска Польского мало что осталося; понеже Ляхи всею силою на Хмельницкого налягали и Татар подкупом и обещаниями принуждали, надеясь, что когда бы его, со всеми войсками не совокупившегося, разбили и самого жива взяли, то бы был войне конец Но Хмельницкий третьего дня видев, яко Поляки и Татаре около его уже оступили, устроя обоз свой чинно и крепоко и пустился на Ляхов проломом, отвагою неслыханною, и проломил Польское войско, пошол к Великороссийским войскам, не в дальности стоящим, и не возмогли Ляхи Хмельницкому ничего зделати, ибо он добился до Белой Церькви, а з Окматова <Охматова> свободивши пехоту з Пушкаренком, и с ним совокупившися, под Руки <Буки> пришол, и тамо Полков пять Козацких застав; и за приходом из Умани еще Козаков, хотел за Ляхами пойти знова, но уведав, что и Ляхи уже восвояси отышли, оставил марши, и свое войско расположил на великий пост <с 8 марта 1655 г.> по становищех до весны. Татаре же принуждали Поляков идти з ними ко Днепру для полону, но Ляхи, утрудившися войною, позволили им самим на людей Украинских, которые им поддавалися, в неволю братии, за нагороду помочи; и тако бесурману Христианскими людьми за услугу платили. Из сего Лядского немилосердия стали Козаки противнейшии и велели лутче всем на войне от меча полягти, нежели повернувшися Ляхам поддаватися» (*Грабянка 1793.* Ч. 2. С. 286–288; см. также: <*Грабянка Г. И.*> О начале проименования Козаков и освобождения оных от ига Пол<ь>ского // РГБ. Ф. 173. I. Ед. хр. 97. Л. 45–46; *Грабянка 1854.* С. 132–134; а также: ***1596. Октября 6–10. Брест Литовский*** (примечания).

[2] «Шествие Хмельницкого своим на помощь, где поляки его осаждают и с ним сражаются. – Собравшись войска Польские и соединясь с пришедшими к ним на помощь Татарами, прямо пошли от Каменца Подольска и, вшед в Украйну, разоряли. Хмельницкий, слыша о сем, послал противу их Наказным Хетманом Томиленка с Козаками, токмо Татара оного разбили, полковники ж, бывшие с ним, Браславский Зеленский, Винницкий Богун, Поднестровский Гоголь, с Козаками ж до Умани убежали, где их Поляки с Татарами жестоко осадили; но как скоро услышали, что Хмельницкий уже с войсками Российскими и с Козаками идет своим на помощь, оставили Умань и все силы Польские и Татарские противу его двинулись и между Ставищами и Охматовым в поле осадили (которое место, после победы, Дрыжыполем прозвалося) и не дали ему соединиться с теми Козаками. А как Хмельницкий без оных противу их не весьма силен был, а паче тем, что самом пути напала вдруг и нечаянно, и так жестоко, что не только их прогоняли, но и во весь обоз их драгуны ввалились и пушками было овладели, точию Козаки, тотчас исправившись, все единодушно с Московским войском на Поляк и Татар ударили, и так ожесточившись, с ними дралися, что даже, нако-

нец, и дреколием драгун из обозу выгнали, и столько Поляк побили, что весь свой обоз, как валом, из телов мертвых оклали; которая ужасная битва продолжалась во весь день, пока ночь оную воспрепятствовала и успокоила биющихся от трудов их. Точию Козаки и все войско Московское находились тут в великой тесноте и нужде: они не могли иметь ни воды, ни дров, ниже корму лошадям, кроме стужи и снегу, и тот был смешен с кровию. <...> В заступившей же день паки Поляки и Татары с ними в брань вступили и во весь день пронаводили битву и сечу велику, так что от меча и огня бесчисленное множество пало воинства с обеих сторон, от чего приходили уже в немалое уже изнеможение, но наступившая ночь все то сократила. <...> Во утренней же день увидел Хмельницкий, что Поляки и Татара его обступают, тотчас все войское свое и обоз нерядным и оборонительным порядком устроил и ударил оным на Поляк проломом так сильно, что, пробившись сквозь их, пошел до Охматова... <...> Дошед же Хмельницкий до Охматова, освободил оттуда Пушкаренка с его пехотою, и, с ним соединясь, пошел под Буки, где, обретоша пять Козацких полков, куда и из Умани к нему Козаки ж пришли, с оными Хмельницкий хотел за Поляками идти, но уведомился, что Поляки чрез Бог реку пошли восвояси, отменил сего ради тот поход, а вместо того расположил на великой пост <с 8 марта 1655 г.> войско свое для отдохновения по становищам до весны надходящей. <...> Татара ж принуждали Поляк, чтоб шли с ними к Днепру ради взятия полону, но Поляки, утрудившиеся и ради изнеможения сил своих, от того походу отреклися, а только дозволили им, где могут, брать людей в плен, в награждение за вспомоществование из, что Татара и учинили, и немалое число плена с собой в Крым отвели» (*Ригельман 1848*. Ч. 1. С. 209).

Летописью А. И. Ригельмана Гоголь пользовался в 1834 г. в работе над «Тарасом Бульбой». 6 марта 1834 г. он, в частности, писал И. И. Срезневскому об украинских летописях: «Я имел случай многие перечесть и, к сожалению, пропустил случай многие переписать. Из означенных вами в Запорожской Старине мне неизвестны две: Пространная повесть об Украине до смерти Хмельницкого. Заглавие этой рукописи мне показалось незнакомым. Уведомите меня, имеется ли в ней что-нибудь новое против летописей Кониского, Шафонского, Ригельмана?»

[3] «Року 1655 в зиме еще татаре с поляками первее Хмелницкого полковников, а именно: браславского Зеленского, да винницкого Богуна, да поднестранского Гоголя облегли били в Умане, а потом на самого его, с козаками едущего там, всеми силами двигнулися и меж Ставищами и Охматовом осадили в полю, которое после Дрижиполем прозвано, не давши ему ни с каким иным войском совокупится; где были ляхи и в обоз козачий въвалились уже, но козаки, укрепившись, ляхов и татар оглоблями из саней так поразили, что мерзлими трупами их, как валом, обоз свой окидали. Однако ж в великой тесноте, без дров, без воды и паши оставались, тол<ь>ко что снег с морозом всем был свободный, но и сей с кровию смешен, понеже в той день бол<ь>ше 15000 людей пало. Так же и другого дня страшная битва чинилась до ночи, и уже мало что пехоти лядской осталось живих, а третого дня, как увидел Хмелницкий себе кругом от ляхов оступленного, хотящих его живого взяти, так, устроивши обоз чинно и крепко, пустился на них проломом к великороссийским войскам, недалеко стоявшим, и дошел до Белой Церквы и, с Пушкаренком совокупясь, под Буки пришел. И тогда ж ляхи позволили татарам самим людей себе поздававшихся в неволю брать за нагороду помочи, якого ради лядского бесчеловечия козаки стали им быть противнейшие и лучше желали все на войне погибать, нежели, им поверившись, поддаватся» (Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878*. С. 242–243).

1656 МАРТА 27. ЧЕТВЕРГ. ЧИГИРИН

Богдан Хмельницкий в разговоре с русским посланником к Войску Запорожскому Абрамом Лопухиным сообщает, что отправил под Каменец «полковника Гоголя».

«Речь здесь идет, бесспорно, об Остапе Гоголя, подольском полковнике» (*Крикун*. С. 22). О своем разговоре с гетманом А. Лопухин сообщил тогда в Москву.

1657 ИЮНЯ 29. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА. СЕЛО ОЗАРИНЦЫ ЛЕТИЧЕВСКОГО УЕЗДА ПОДОЛЬСКОГО ВОЕВОДСТВА

Подольский полковник Евстафий (Астафей) Гоголь сообщает гетману Богдану Хмельницкому:

«Объявляю я вашей милости о вспомогах, в украинах наших пограничных будучих, как от Ляхов, которых до Каменца пребывает немало; как и ныне староста калужский первие прислал некоторого Крушинского с хоруговью Ляхов до Каменца и сам в пяти хоругвях идет на староство Каменецкое 2 хоругви конных, а две пеших; также о орде выпадши коней с 200 Татар уж к городкам нашим идут, и взяв Господа Бога на помочь, тех розгромили и от них языка взяли есмя, которого к вашей милости посылаем есмя, прося жалованья вашей милости о помощи и о поученьи, как имеем на том пограничье пребывать, не имея ниоткуды, только будучи у дву городках на пограничье с полком моим... <...> Дан у Озаринцах, июня 29, 1657. Вашей милости всего добра желательный и слуга нижайший, Астафей Гоголь, полковник войска Его Царского Величества Запорожского Подол<ь>ский».

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1672–1674. Прибавления 1657. СПб., 1879. Т. 11. Стб. 739.

ИЮНЯ 29 – НАЧАЛО ИЮЛЯ. БРЕСЛАВЛЬ

Бреславльский полковник Михаил Зеленский сообщает писарю Ивану Выговскому:

«...Пришла к нам ведомость, что 6 дня июня везирь с войсками великими вышел ку Андринуполю... <...> О Дедиш-аге того ж часа ведомо учинил есмь пану Гоголеви полковнику, чтоб об нем помнил. <...> ...Наперед в Каменцы... над старого Зацвелиховского нет никого: тот там начал<ь>ником назывался. А Поляков никаких не было до того времени».

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1672–1674. Прибавления 1657. СПб., 1879. Т. 11. Стб. 740–742.

ИЮЛЯ 27. ПОНЕДЕЛЬНИК. ЧИГИРИН

Кончина Богдана Хмельницкого.

«При концу живота Хмел<ь>ницкого судих за благо положити здесь старшину его и полковников... <...>. Старшина енеральная. <...> Богун, Антон <Жданович>, Остап <Гоголь>[1], Кривонос, Полкожух, Тиша, Головицкий, Немерич, Хведоренко, Павел Тетера, Демко <Многогрешный>, Глухий, Криса, Переяславец, Горкуша»[2].

Кончине Богдана Хмельницкого посвящена одна из семи песен о нем, помещенных Гоголем в рукописный сборник украинских песен и дум[3] (раздел *<XXIII> Про Гетьмана Хмельницького*).

Вскоре после кончины Богдана Хмельницкого начинается период так называемой «Руины», когда южнорусские земли разделились на Правобережье[4] и Левобережье[5].

[1] «Видим Остапа Гоголя и среди полковников Войска Запорозького, как пишет Самуил Величко, "при концу живота" Богдана Хмельницкого в августе 1657 г. <...> Вспоминая Гоголя, Самуил Величко называет его только Остапом» (*Крикун*. С. 23).

[2] *Величко 1848*. С. 300.

[3] См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>***.

[4] См. ***1863. Январь. Чигирин***.

[5] См. ***1863. Июня 18. Четверг. Нежин***.

АПРЕЛЬ.
СЕЛО СРЕБНОЕ (СЕРЕБРЯНОЕ)

Гетман Иван Выговский «заслал ординанц свой до Прилукского полковника *Дорошенка*, аби з полком своим станул в городи Сребном. <...> ...Теди между <...> святами Светловоскресенскими <12–17 апреля> князь Ромодановский <...> отправил от себе з значною войска Московского партиею князя Пожарского до Сребного, на *Дорошенка*, полковника Прилуцкого; который князь прибувши, без великого труда город Сребное достал, жителей тамошних едних вырубал, а других в полон забрал со всеми их набытками, а козаков полку Прилукского, там бывших, погромил и роспудил так, же и сам полковник их *Дорошенко*, як заец по болотах тамошних гоненний, заледво бегством спаслся от беды своея тогдашнея».

Величко 1848. С. 372–373.

ИЮНЯ 11. ПЯТНИЦА.
БЛИЗ ПОЛТАВЫ

Смерть полтавского полковника Мартына Пушкаря в битве против отрядов гетмана Ивана Выговского.

Пропольская политика И. Е. Выговского вызвала недовольство казаков, во главе которых стал полковник Пушкарь[1]. Подвигам и гибели М. Пушкаря посвящены две песни, помещенные Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[2] (раздел *<XII> Про полковныка Пушкаря*).

[1] См. статью И. И. Срезневского «Выговский и Пушкарь. 1657–1658» (Запорожская Старина. Харьков, 1838. Ч. 2. Кн. 3. С. 1–24).

[2] См. ***1839 октября средина <сентября конец> — 1840 августа средина <августа начало>***.

АВГУСТА 18. СРЕДА.
КИЕВ

Киевский воевода В. Б. Шереметев сообщает в Москву царю Алексею Михайловичу о приходе в Васильков «полковника Гоголя с левенцы[1], а с ним двадцать тысяч», а также о намерении гетмана Ивана Выговского осадить Киев.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1658–1659. СПб., 1892. Т. 15. С. 253.

[1] Левенец — гайдамак, повстанец, разбойник.

АВГУСТА ПОСЛЕ 18–24.
КИЕВ

По приказу гетмана Ивана Выговского его брат Даниил с крымскими татарами и отрядами полковников: белоцерковского Ивана Кровченко, брацлавского Ивана Сербина и подольского «Остафья Гоголя», предприняли попытку захватить Киев.

Из сообщений киевского воеводы В. Б. Шереметева царю Алексею Михайловичу от сентября и от 7 октября 1658 г. (см.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1657–1663. 1668–1669. СПб., 1872. Т. 7. С. 253; Акты, относящиеся к истории Южной

и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1658–1659. СПб., 1892. Т. 15. С. 254–260), а также из статейного списка дьяка В. М. Кикина к гетману Ивану Выговскому от 10 сентября 1658 г. (см.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1657–1659. СПб., 1863. Т. 4. С. 159).

После поражения «Гоголь <...> с левенцями объявились в Полесье», в Киевском воеводстве, около Овруча, потому что, убегая, «не узнали к Белой Церкви дороги» (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1658–1659. СПб., 1892. Т. 15. С. 276).

СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА. ХМЕЛЬНИК

«По зложеню <...> Гетманства от Безпалого, поставляется Наказним Гетманом[1] Яким Сомко, швагер Богдана Хмел<ь>ницкого, значный и богатый Козак и купец Переясловский, иже быть Юрию Хмел<ь>ниченкове дядко по матце; занеже Богдан Хмел<ь>ницкий мел за собою первую жену Анну Сомковну, родную сестру Якимову Сомкову. Он прето Сомко зоставши Наказним Гетманом, выправлен з Переясловля з Васютою <Золотаренко>, новим полковником Нежинским (бо Гуляницкий, полковник Нежинский, зоставал тогда при Виговском) в килконадцати тысяч самого войска Козацкого, з розних полков сегобочных комендерованного, под Хмелик на Виговского; где, прибувши и бой з Виговским зведши, зломил и розгромил его вконец, так из все войска его едни так же трупом з Гуляницким оним, Нежинским полковником, пали, а другие, що остались, пошли в розсипку, Татаре до Криму, Козаки з Петром *Дорошенком*, полковником Прилуцким, до войска Сомкового, а Поляки з Гетманом Виговским и Данилом, братом его, уйшли до Пол<ь>щи навсегда; и уже от того погрому Виговский Гетман бол<ь>ш<е> не бывал на Украине».

Величко 1848. С. 398.

[1] Правление наказного гетмана было временным.

НОЯБРЯ 9. ВТОРНИК. КИЕВ

11 ноября 1658 г. В. Б. Шереметев сообщал царю Алексею Михайловичу:

«...Ноября <...> в 9 день гетман Иван Выговский прислал к нам <...> в Киев с Кадака полковников, подольского Степана <Остапа> Гоголя, кал<ь>ницкого Андрея Бештанку, консунского наказного Осипа Привицкого... <...> И полковники <...> тебе, Великому Государю, присягали за гетмана и за все войско запорожское, по записи, на том, что гетману и им и всему войску запорожскому на твои, Великого Государя, городы войною не приходить и с твоими, Великого Государя, ратными люд<ь>ми не биться, а быть под твоею, Великого Государя, высокою рукою, в вечном подданстве, по-прежнему. <...> А полковники присягали в церкви Софии Премудрости Божии при Печерском архима<нд>рите Ин<н>окентье Гизеле...»

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1658–1659. СПб., 1892. Т. 15. Стб. 287–288.

ИЮЛЯ 1. ПЯТНИЦА. ЛАГЕРЬ ПОД КОНОТОПОМ

Гетман северский Григорий Гуляницкий, обозный Войска Запорожского Тимофей Носач, с двенадцатью полковниками, среди которых «Иван Лизогуб, полковник каневский», «Остафей Гоголь, полковник поднестанский», «Петр Дорошенко, полковник прилуцкий», обращаются с письмом к наказному гетману Ивану Беспалому, где выражают «удивление» тем, что Беспалый поддерживает Москву в ее действиях против гетьмана[1].

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1658–1659. СПб., 1892. Т. 15. Стб. 405–406.

[1] Подписи И. К. *Лизогуба*, О. Гоголя и П. Д. *Дорошенко* под этим письмом дают основание предполагать, что в битве под Конотопом 1659 г. (где российские войска и отряд казаков Ивана Беспалого потерпели поражение) указанные полковники принимали участие на стороне гетмана Ивана Выговского – изменившего недавней присяге русскому царю (см. ***1658. Ноября 9. Киев***).

ОКТЯБРЯ 7. ПЯТНИЦА. ЛАГЕРЬ БЛИЗ КОТЕЛЬНИ

Коронный обозный Андрей Потоцкий сообщает польскому королю Яну II Казимиру, что казацкая старшина прислала к гетману Ивану Выговскому «Каневского полковника <Ивана> Лизогуба и Миргородского полковника Грицка Лесницкого <...> чтоб он через них отослал войску булаву и бунчук».

Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1852. Т. 3 (цензурное разрешение 12 сент. 1851). Отд. 3. С. 378–379.

ОКТЯБРЯ 17. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПЕРЕЯСЛАВЛЬ

На казацкой раде Юрий Хмельницкий утверждается гетманом вместо Ивана Выговского; казаки присягают на верность царю Алексею Михайловичу. Под «переяславскими статьями» упоминаются имена Ивана *Лизогуба*, Петра *Дорошенко*, и Евстафия Гоголя; первые два – в числе присутствовавших на раде полковников[1]; последний – среди отсутствовавших.

О том, что подольский полковник Евстафий Гоголь отсутствовал на Переяславской раде 17 октября 1659 г., будучи в числе еще шести полковников оставлен на границе против поляков и татар, Н. В. Гоголь мог прочесть в летописях А. И. Ригельмана и С. В. Величко, а также в «Собрании государственных грамот и договоров»[2].

«О полковниках, которые на той Раде[3] не были. – А на той раде не были тыи полковники для того, что оставлены на границе против Ляхов и Татар; а в их место к статьям руку приложил Хетман Юрий Хмелницкий: 1. Чигиринский: Кирило Андреев; 2. Белоцерковской: Иван Кравченко; 3. Киевской: Василей Дворецкой[4]; 4. Уманской: Михайло Ханенко; 5. Брацлавский: Михайло Зеленской; 6. Паволоцкой: Иван Богун; 7. Подолской: Евстафий Гоголь»[5].

[1] «А на той роде были и к стат<ь>ям руки приложили: <...> Каневский Иоан<н> Лизогуб <...> Миргородский Павел Апостол; в его место руку приложил Петр Дорошенко» (*Величко 1848*. С. 405; ошибочно датировано 17 октября 1660 г.; следует: 1659 г.).

[2] Акт избрания в Запорожские Гетманы Юрия Хмельницкого и учененные прежде с отцем его Богданом, а потом с ним, Юрием, в Переяславле, при Ближнем Боярине Князе Алексее Никитиче Трубецком с товарищами, договорные новые Статьи, вместе с присягою Гетмана и Старшин в верности Государю Царю АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ. 1659, Октября 17// Собрание государственных грамот и договоров. СПб. 1826. Т. 4. С. 51.

«Собрание государственных грамот и договоров» (СПб., 1813–1826. Т. 1–4) было в круге чтения Гоголя. Предположительно в 1835 г. он сделал выписку из первого тома этого издания (см.: ***1835. Сентябрь-декабрь. Санкт-Петербург***; *Гоголь 2009–2010*. Т. 8. С. 71–72, 629–630).

[3] Ошибочно датировано 17 октября 1660 г. (следует: 1659 г.).

[4] По другому источнику: «Киевский Василий Бутримов» (...Его Царского Пресветлого Величества статьи, албо конституции Переясловские, при обраню на Гетманство Юрия Хмелницкого, всему войску Запорожскому от Великого Государя Царя Всероссийского данные <...> генваря в 13 день <...> 1659 // *Величко 1848*. С. 405).

[5] *Ригельман 1848*. Ч. 2. С. 29.

НОЯБРЬ. ЧИГИРИН

«По оних в Переяслове церемонеях[1] и гулянях роспущена в доми чернь Козацкая и старшина некая, а другая болшая старшина вся отъехала з Гетманом Хмелниченком до Чигрина; и там при погулянях, так пред Гетманом, яко и между собою немало мручали и шемрали <бурчали и роптали>, а меновите обозний, судьи, асаули и писар енералие, и инна старшина, на статьи в Переясловле Хмелниченкове данные, подобно в них щось новоприданное, а в старых стат<ь>ях Хмелницкого небывалое усмотревши; особливо полковники Богун, Ханенко, Гоголь и инние, которые при поставленю Хмелниченка Гетманом не были в Переясловле, але знайдовалися з войсками против Поляков на границе, прибывши в Чигрин барзо были малоконтенти з тих Хмелниченкове дан<н>их статей, и крепко нарекали за неисправление на старшину, в Переясловле при Хмелниченку бывшую».

Величко 1848. С. 426. – См. также: ***1638. Между мая 8 и августа 7*** (примечания).

[1] См. ***1859. Октября 17. Переяславль.***

ДЕКАБРЯ 11 – ДЕКАБРЯ КОНЕЦ. ПОД ГОРОДОМ БАР

Составлена перепись «Подол<ь>ского полку старшины, казаков, мещан и селян, приведенных Михайлом Полянским под городом Баром в верности и в вечном подданстве Государю царю Алексею Михайловичу»: «...Подол<ь>ского полку полковник Евстафей Гогол<ь>...» (полк состоял из шести сотен; в целом перепись охватывала около двух с половиной тысяч человек).

Крикун. С. 67–79.

1559–1660

КОНЕЦ ГОДА – ЯНВАРЯ 15. БАР

«В период между завершением составления переписи <Подольского полка> и 15 января в 1660 г. Остап Гоголь со своим полком и вместе с Уманским, Паволоцким, Кальницким, Брацлавским и каким-то левобережным («Zadnieprskim») полками (руководил ими всеми по поручению Юрия Хмельницкого наказный гетман Михаил Ханенко <...>) принимал участие в штурме и осаде Бара. Казаки взяли город, но не смогли захватить замок, где крепко засел польский гарнизон во главе с тамошним комендантом Просвирой, которого на эту должность назначил Иван Выговский – тогдашний барский староста и киевский воевода».

Крикун. С. 28. – Сведения из письма Ивана Выговского к польскому королю от 15 января 1660 г.

1660

ФЕВРАЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. МОГИЛЕВ

Российский воевода и стольник князь Г. А. Козловский, с помощью осажденных в Могилеве казаков Остапа Гоголя и миргородского полковника Кирилла Андреева, освободил город от польской осады.

Киевский воевода В. Б. Шереметев сообщал царю Алексею Михайловичу: «...Марта <...> в 1 числе писал ко мне <...> князь Григорий Козловский <...> что он в Умонь пришел февраля в 19 числе, и к нему <...> князю Григорью, писал в Умонь в розных числах из Ладыжина наказной гетман, Умонский полковник Михайло Ханенко, а к нему <...> Михайлу, писали полковники: из Могилева Остафей Гоголь, да Миргороцкой Кирила Андреев, Арменской Иван Федоров: пришли де под Могилев гетман корунной Станислав, да обозной Андрей Потоцкие, да писарь Ян Сапега, да изменник Ивашко Выговский и Биневский, а с ними де войска конных и пеших людей 18000, да 11 пушек, а одна с гранаты, да с ними ж де Кайбей мурза с Татары, и город Могилев осадили... <...> и он <...> князь Козловский <...> с твоими, Великого Государя, ратными людьми на корунного гетмана на Станислава <...> из Умони ходил, и <...> гетман Станислав <...> и изменник Ивашко Выговский <...> побежали в Пол<ь>шу... <...> из Могилева полковники, которые сидели в осаде, Остафей Гоголь да Кирило Андреев, приехали к нему, князю Григорью, в местечко Кубличи. А будучи де в осаде, полковники Остафей Гоголь, Кирило Андреев и Иван Андреев и казаки тебе, Великому Государю, служили верно, на приступах и на вылазках Пол<ь>ских людей и Татар побивали много...» (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1657–1663. 1668–1669. СПб., 1872. Т. 7. С. 318–319). «...В Могилеве бок о бок с Остапом Гоголем действовали казацкие вожаки Кияшко и какие-то Дергач и Багно» (*Крикун*. С. 28).

См. также: «Бежавший в Польшу Выговский в 1660 г. вернулся с польским гетманом Станиславом Потоцким и татарскою ордою и попробовал штурмом отнять у козаков Могилев, в котором засел 8-тысячный отряд; но полковник Евстафий Гоголь и миргородский Кирило Андреев отразили приступы и прогнали поляков, потерявших здесь до 3000 человек» (Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета. Под редакциею священника Евфимия Сецинского. Приходы и церкви Подольской епархии. Каменец-Подольск, 1901. Вып. 9. С. 684).

ФЕВРАЛЯ КОНЕЦ

На казацкой раде польский посланец волынский кастелян Станислав Кодимеж Беневский и Киевский митрополит Дионисий (Балабан) уговаривали казаков выступить на помощь «цесарю христианскому» (немецкому императору Леопольду I) против Турции. На раде гетман Юрий Хмельницкий и казаки отказали посланнику, «потому что Поляки на договорных статьях не устояли: будучи

в Заднепрских городах, старинных казаков в мещанское тягло написали и емлют с них подати большие, талерей по 100 и по 200 и больши. Да на той же <...> раде говорили полковники: Уманской Михайло <Ханенко>, да Гоголь, да Зеленецкой <М. Зеленский> и Корсунские и Белоцерковские и иных городов многие Черкасы <казаки>, что <...> лутче <...> по весне <...> чинить им промысл над Поляки и над изменники Черкасы».

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1657–1663. 1668–1669. СПб., 1872. Т. 7. С. 320.

ИЮНЯ 13. СРЕДА. МОГИЛЕВ

Евстафий Гоголь сообщает русскому воеводе князю Г. А. Козловскому, что из-за Днестра с намерением перейти в царское подданство прибыл к Могилеву со своим войском Константин Шербан, которого перед тем (1658) лишили власти в Молдавии:

«Божиею милостию Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца и многих государств и земель восточных и западных и северных отчича и дедича и наследника и государя и обладателя Его Царского Пресветлого Величества, столнику и воеводе князю Григорю Афонасевичю Козловскому, другу и приятелеви моему, от Господа Бога доброго здоров<ь>я желаю, яко себе самому. Рачиш ваша княжна милость писать ко мне про всяские <так!> ведомости през Семена, которым посылаю вашей княжей милости ведомость, иж Ко<н>стянтин Шербан[1], воевода молдавской земли, наклонившися Его Царскому Пресветлому Величеству, в Могилеви при мне зостает; скории отпочинет, сам челобитность свою вашей княжей милости учинит. И тое ознаимую, иж и ляхи, яко и тотары, усилуют и чекают на веру нашу православную християнскую. Где я с Ко<н>стентином господярем сам у вашеи княжеи милости буду. При том ласце вашей княжей милости полецаю. Из Могилева 13 д<ня> июня 7168 г. Вашей княжей милости зычливый приятель и слуга Еустафей Гоголь, полковник Войска Его Царского Пресветлого Величества Запорожского подол<ь>ский».

Крикун. С. 29–30.

[1] «Согласно связанным с этим письмом сведениям, Константин Шербан прибыл в Могилев с четырехтысячным, по другой версии — даже 40-тысячным войском» (*Крикун*. С. 30).

ОКТЯБРЯ СРЕДИНА. СЕЛО СЛОБОДИЩЕ, ОКОЛО Г. ЧУДНОВА КИЕВСКОГО ВОЕВОДСТВА

Остап Гоголь в составе казацкого посольства принимает участие в переговорах об условиях направленного против Москвы соглашения — Слободищенского трактата, заключенного 17 октября 1660 г. между гетманом Юрием Хмельницким и Речью Посполитой после поражения казаков в битве под Слободищем 7–8 октября[1].

Крикун. С. 30.

[1] «Скоро <...> Могилев опять перешел во власть поляков, благодаря измене гетмана Юрия Хмельницкого, нарушившего договор с московским царем» (Труды Подольского епархиального историко-статистического

комитета. Под редакциею священника Евфимия Сецинского. Приходы и церкви Подольской епархии. Каменец-Подольск, 1901. Вып. 9. С. 684).

ДЕКАБРЯ 2. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРИ ПЕРЕПРАВЕ ДНЕПРА

Царский посол Ф. Сухотин сообщает царю Алексею Михайловичу:

«...При гетмане при Юрье Хмелницком ныне черкаские <казацкие> старшины: чигиринской полковник Петр *Дорошенко*, черкаской полковник Андрей Одинец, каневской полковник Степан Трощенко, уманской полковник Михайло Хоненко <Ханенко>, корсунской полковник Яков Влеченко, белоцерковской полковник Данило, Паволоцкий полковник Иван Богуш <Богун>, Браславский полковник Михайло Зеленский, поднестровский, Могилевской полковник Иван Гоголь...»[1]

Донесение Феоктиста Сухотина, посла царского, посланное к царю Алексею Михайловичу декабря 2 дня, 1660 года, при переправе его чрез Днепр к Юрию Хмельницкому, гетману войска Запорожского // Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1859. Т. 4. Отд. 3. С. 71.

[1] «Как кажется, одно лицо» с Евстафием Гоголем, полковником Брацлавским, «или показано ошибочно» (*Новицкий И. П.* Указатель к изданиям Временной комиссии для разбора древних актов, Высочайше учрежденной при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернатора (от 1845 по 1877 год). Киев, 1878. Т. 1. С. 148). Среди имен, перечисляемых Ф. Сухотиным, «видим и Гоголя, названного ошибочно Иваном» (*Крикун*. С. 31).

1661

ФЕВРАЛЯ 3. ВОСКРЕСЕНЬЕ. СМОЛЕНСК

Смоленский подкоморий Ян Антоний Храповицкий отмечает в дневнике, что получил письмо от коронного подкомория Готгарда Вильгельма Бутлера, где, в частности, сообщалось, что «в Украине за Днепром возникли бунты, автором которых является Гоголь, но против них послано войско».

Крикун. С. 31–32.

ФЕВРАЛЯ 15. ПЯТНИЦА. КАРПОВО

Князь Г. Г. Ромодановский сообщает в Москву:

«...Февраля в 5 д<ень> пришел в Карпово из полону выходец <...> черкешенин Ондрюшко Остафьев сын Берестовской; <...> ...За две недели до Филиппова заговейна <за две недели до 14 ноября 1660 г., т. е. 31 октября> от <...> мурзы ушел он за черкасским городом Немировым и шел он черкасскими городами <...> на Умонь. И при нем, Ондрюшке, прибежал в Умонь колницкой <кальницкий> полковник Вертелецкой да могилевской полковник Гоголь к гетману к Юрью Хмельницкому, для того, что де ляхи черкасские городы разоряют, людей мучат и скарбы и скотину всякую грабят и посылают в Польшу, и гетмана де Юрьи Хмельницкого в Умани не доехали. И с Беспалым де они о том говорили, что им делать с ляхами, биться ли или нет, и Беспалой де им отказал. И они де ездили в Чигирин к гетману к Юрьи Хмельницому, и Хмельницкий де им, Вертелецкому и Гоголю, сказал: пусть де их городы ляхи разоряют и хлеб и скотину всякую грябят за то, что де их полков казаки ленились служить великому государю и государевых медных денег не имали. И полковники де поехали в черкасской город в Смелой на раду к иным полковником, и в Смелом де черкас<с>кие полковники все приговорили при нем, Ондрюшке, ляхов, призвав на сю стороны Днепра к Переясловлю, побить... <...> А на сей де стороне реки Днепра в черкасском городе в Буду-

щах виделся с ним гетмана Юрья Хмельницкого гонец, чигиринский казак Костка, а сказывал ему, Андрюшке, что де послал его гетман Хмельницкой к *Дорошенку*, чтоб он с войском своим государевых украинных городов и слобод не пустошил и не воевал, а шел бы к Переясловлю с татары и с казаками; и Дорошенко по той его присылке с татары и с казаки к Переясловлю пошел».

Акты Московского государства, изданные Императорской Академиею Наук под редакцией Д. Я. Самоквасова. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. СПб., 1901. Т. III. С. 318–319.

АПРЕЛЯ 3. СРЕДА

«...В 1661 г. Остап Гоголь имел жену Ирину, сыновей Прокопа и Илью и дочь Настасью (запись в напрестольном Евангелии львовской печати, которое Гоголь подарил Киевомежигорскому монастырю[1]. Ныне это Евангелие хранится в Краснодарской краевой научной библиотеке)».

Крикун. С. 338.

[1] См. также ***1679. Января 7 или 9. Межигорский Спасо-Преображенский монастырь (близ Киева)***.

ИЮЛЯ 10. СРЕДА. ВАРШАВА

Остап Гоголь удостоен шляхетского достоинства.

«На Варшавском сейме, который происходил от 2 мая до 18 июля в 1661 г., Остап Гоголь вместе с другой казацкой старшиной был нобилитован — удостоен польского шляхетского достоинства; как сказано в соответствующей сеймовой конституции, "по настоянию («na instancya») гетмана Войска Запорозького" в соответствии с Гадяцким соглашением ("kommissya"). Настояние зафиксировано в инструкции Войска Запорозького своим посланцам на сейм, которую приняли 5 (15) мая того же года.

Королевская привилегия о шляхетстве была выдана Остапу Гоголю 10 июля 1661 г. Ее и доныне не обнаружено, сохранилась только очень краткое регестовое упоминание о ее выдаче. В ней Гоголь назван "полковником Войска Запорожкого" без териториального определения его правления, хотя регестовые заметки (а значит, и соответствующие номинационные привилегии, которые тоже до нас не дошли) относительно других нобилитованных тем самым сеймом казацких полковников содержат определение их правлений (Михаил Ханенко назван уманским полковником, Иван Кравченко — белоцерковским, Павел <Яненко>-Хмельницкий — чигиринским, Михаил Зеленский — брацлавским). Дело в том, что правители Речи Посполитой не признавали существования в Подольском воеводстве казацкого полка, ссылаясь на Зборовский договор в 1649 г., который запрещал любое присутствие организованного казачества на этой территории. По их убеждению, указать в номинационной привилегии Гоголя название его "подольского" полковничества значило бы признать законность существования самого полка».

Крикун. С. 32.

1662

МАЯ 10. СУББОТА. КИЕВ

Обретение Киево-Братской иконы Божией Матери.

КОНЕЦ ГОДА. КОРСУНЬ

Отказ от гетманства младшего сына Богдана Хмельницкого Юрия[1] и его пострижение (с именем Гедеон) в Корсунском монастыре.

Этим событиям посвящена песня, помещенная Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[2] (раздел *<XI> Про гетмана Хмельныченка*). И. И. Срезневский, дав этой песне название «Песня на пострижение Юрия в монахи», писал: «Может быть, и слишком смело я дал такое название песне <...>, но думаю, что она должна относиться именно к 1662 году, когда Юрий Хмельницкий пытаемый неудачами, решился проститься с миром и под клобуком монашеским искать утешения в горе»[3]. Приведя затем русский перевод песни, Срезневский пояснял: «Тут только слова "монах" не случилось, а понять нетрудно, что дело идет о перемене казацкого жупана и сабли на рясу и клобук»[4]. Рассказу о судьбе Юрия Хмельницкого, «осрамившего память своего отца, столько же разорившего Украину, сколько отец ее любил, столько же презренного памятью народной, сколько отец для нас драгоценен», Срезневский посвятил статью «Юрий Хмельниченко. 1658–1680»[5].

[1] Юрий Хмельниченко (1641–1685) в 1657 г., после смерти отца, шестнадцатилетним юношей был избран гетманом, однако генеральный войсковой писарь Иван Выговский (ум. в 1664 г.) добился на время его отстранения. Вторично Юрий Хмельницкий был избран гетманом в 1659 г. (см. ***1659. Октября 17. Понедельник. Переяславль***). После неудачного похода русских войск на Польшу в 1660 г. (см. ***1660. Октября средина. Село Слободище, около г. Чуднова Киевского воеводства***) принес присягу на верность польскому королю. В 1662 г., потерпев поражение от соединенных войск наказного гетмана Я. С. Сомко и князя Г. Г. Ромодановского, постригся в монашество в Корсунском монастыре. В 1664 г. был арестован, отвезен во Львов и посажен в крепость, где находился до 1667 г. Затем несколько лет находился в турецком плену; при участии турков вновь стал гетманом (см. ***1677. Весна-июнь. Правобережная Украина***). Осужден и задушен.

[2] См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>.***

[3] Запорожская Старина. Харьков, 1838. Ч. 2. Кн. 3. С. 126

[4] Там же. Ч. 2. Кн. 3. С. 126–127.

[5] Там же. Ч. 2. Кн. 3. С. 25–51.

1663

ЯНВАРЬ. ЧИГИРИН

Остап Гоголь на казацкой раде участвует в избрании гетмана Правобережной Украины П. И. Тетери.

Крикун. С. 32.

МАЯ 22. ПЯТНИЦА. ЧИГИРИН

Гетман войска Запорожского на Правобережной Украине П. И. Тетеря сообщает польскому королю Яну II Казимиру о нападении калмыков, а также о своих подозрениях относительно полковника Гоголя:

«Видит Бог, что я со всем войском Запорожским, с душевною радостию исполнил бы повеления вашей королевской милости, <...> если бы тому внезапно не положило преграды это несчастное смятение, вследствие вторжения в края наши Калмыцкого неприятеля, почти никогде не слыханного, и вместе с ним Запорожцев. <...> Что касается до предостережения вашей королевской милости в рассуждении Гоголя, все совершенно оправдывается. И все это делает Бар: он виною, что Гоголь не только запятнал себя, но и ко мне всем, что ни делал, возбудил такое отвращение, что меня почти совершенно перестали любить, именно по причине смятений, оттуда происходящих. Все это подробно объяснит вашей королевской милости тот же податель настоящего письма. Теперь однако Гоголь, собираясь со всем полком на службу к вашей королевской милости, <...> приближается с ним к войску, и сам явился прежде всех: но я за ним и за другими недоброжелателями, которых немало, буду следить бдительным оком».

Письмо Павла Тетери, гетмана войска Запорожского, к королю, писанное 22 мая 1663 года // Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1859. Т. 4. Отд. 3. С. 315, 317.

ИЮНЯ 18. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

На Черной раде под Нежиным избран гетман Левобережной Украины И. М. Брюховецкий.

«Наконец настал день, долженствовавший решить участь нескольких честолюбцев. 18 июня (1663 года) барабанный бой возвестил народу открытие торжественного собрания. Со всех сторон стекались за город к шатру Царскому, окруженному вооруженными Стрельцами, приверженцы трех соперников. Брюховецкий, стоя в обширном кругу своих Запорожцев, смеялся над бесполезными усилиями двух Полководцев, лишенных Царского доверия... <...> Приступлено к обыкновенному в подобных случаях обряду. Лишь только начали, по приказанию Послов, читать Государеву Грамоту, как вдруг происшедший в народе шум прервал чтение оной. Толпа Запорожцев и воины Самки заглушали всех именами своих Предводителей. <...> ...За ссорою произошла драка; Запорожцы <...>, подхватя Брюховецкого и поставив его на стол, провозгласили Гетманом. <...> Таким образом простой слуга Юрия Хмельницкого, вкравшийся в любовь воинственного и своевольного народа, заступил, с помощию оного, место своего властелина. Запорожцы, воспользовавшись потом оказанною ими услугою Гетману, расхитили обозы Самки и Золотаренки и, разбив многие шинки, причинили великие опустошения в разных городах и селах Малороссии»[1].

Непосредственно после этих строк в «Истории Малой России...» Д. Н. Бантыша-Каменского следует глава «О Запорожцах и их Сече», в которой, в частности, говорится: «Когда Запорожцы были <не> довольны своими начальниками, то <...> заставляли Кошевого отказаться от своего чина, и тогда клал он палицу на шапку, и, поклонясь всему народу, возвращался в свой Курень. То же самое делали Судья, Писарь и Асаул при своем отрешении. – Избрание в *Кошевые* не менее любопытно. Сначала Козаки, напившись допьяна, спорили между собою, из какого Куреня взять Кандидата... <...>, потом <...> десять или более удалых Запорожцев отправлялись в Курень к новому своему начальнику и объявляли его избрание. Он обыкновенно отказывался от столь трудной должности, не соответствовавшей его малым способностям, и не хотел идти с посланными; тогда двое из них брали его под руки, а двое или трое толкали сзади, понося самыми ругательными словами. <...> Старшины вопрошали еще раз народ: *быть ли этому Козаку Кошевым?* и когда все ответствовали на сие громогласным подтверждением, один из них подносил новому начальнику палицу, от которой, по древнему обыкновению, также должен он был два раза отказаться. После сего несколько старых Козаков, взяв каждый по горсти земли, иногда грязной, кидали оную на голову нового *Кошевого*»[2].

Очевидно, что именно этими описаниями обычаев запорожцев, а также сообщением об избрании в Нежине в 1663 г. гетмана Брюховецкого, Гоголь воспользовался позднее во второй редакции «Тараса Бульбы» (1842) в изображении сцены избрания кошевого: «...Скоро на площадь <...> стали собираться черные кучи запорожцев. <...> ...Курени, и пьяные и трезвые, пошли на кулаки. Крик и шум сделались общими. Кошевой <...> поклонился очень низко, положил палицу и скрылся в толпе. "Прикажете, панове, и нам положить знаки достоинства?" – сказали судья, писарь и есаул... <...> "Кого же выберете теперь в кошевые?" – сказали старшины. <...> Все кандидаты, услышав произнесенными свои имена, тотчас же вышли из толпы... <...> Дело принялись доказывать кулаками, и Кирдяга восторжествовал. <...> Человек десяток казаков <...> отправились прямо к Кирдяге, объявить ему о его избрании. <...> "Помилосердствуйте, панове! – сказал Кирдяга, – где мне быть достойну такой чести! где мне быть кошевым! Да у меня и разума не хватит к отправлению такой должности. Будто уже никого лучшего не нашлось в целом войске?" "Ступай же, говорят тебе!" – кричали запорожцы. Двое из них схватили его под руки, и как он ни упирался ногами, но был наконец притащен на площадь, сопровождаемый бранью... <...> "Что, пано́ве, – провозгласили во весь народ приведшие его, – согласны ли вы, чтобы сей казак был у нас кошевым?" "Все согласны!" – закричала толпа, и от крику долго гремело все поле. Один из старшин взял палицу и поднес ее новоизбранному кошевому. Кирдяга, по обычаю, тотчас же отказался. Старшина поднес в другой раз; Кирдяга отказался и в другой раз, и потом уже, за третьим разом, взял палицу. <...> Тогда выступило из средины народа четверо самых старых, седоусых и седочупрынных казаков <...> и, взявши каждый в руки земли, которая на ту пору от бывшего дождя растворилась в грязь, положили ее ему на голову. <...> Толпа разбрелась тут же праздновать избранье... <...> Винные шинки были разбиты...»[3]

[1] <*Бантыш-Каменский Д. Н.*> История Малой России со времен присоединения оной к Российскому Государству при Царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. Ч. 2 (цензурное разрешение 15 февр. 1821). С. 5–7; см. также: <*Бантыш-Каменский Д. Н.*> История Малой

России. От присоединения сей страны к Российскому Государству до избрания в Гетманы Мазепы. М., 1830. Ч. 2 (цензурное разрешение 5 окт. 1829). С. 59–60.

[2] <*Бантыш-Каменский Д. Н.*> История Малой России со времен присоединения оной к Российскому Государству при Царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. Ч. 2 (цензурное разрешение 15 февр. 1821). С. 13–14; см. также: <*Бантыш-Каменский Д. Н.*> История Малой России. От присоединения сей страны к Российскому Государству до избрания в Гетманы Мазепы. М., 1830. Ч. 2 (цензурное разрешение 5 окт. 1829). С. 65–66.

[3] См. также ***1827. Март. Нежин.*** – Можно отметить еще один случай использования Гоголем в «Тарасе Бульбе» описания Бантышом-Каменским в «Истории Малой России» обычаев Запорожской Сечи. Во второй редакции повести Гоголь писал: «...Более всего произвела впечатление на Андрия страшная казнь, определенная за смертоубийство. Тут же, при нем, вырыли яму, опустили туда живого убийцу и сверх него поставили гроб, заключавший тело им убиенного, и потом обоих засыпали землею. Долго потом все чудился ему страшный обряд казни и все представлялся этот заживо засыпанный человек вместе с ужасным гробом». Бантыш-Каменский в 1822 г., в главе «О запорожцах и их Сече» своей «Истории...», сообщал: «...Ничто не могло сравниться с казнию убийцы: Козак, умерщвлявший другого, был бросаем в могилу, потом опускали на него гроб с телом убитого им товарища и засыпали их землею» (<*Бантыш-Каменский Д. Н.*> История Малой России со времен присоединения оной к Российскому Государству при Царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. Ч. 2 (цензурное разрешение 15 февр. 1821). С. 16; см. также: <*Бантыш-Каменский Д. Н.*> История Малой России. От присоединения сей страны к Российскому Государству до избрания в Гетманы Мазепы. М., 1830. Ч. 2 (цензурное разрешение 5 окт. 1829). С. 68). Описание Бантыша-Каменского, в свою очередь, напоминает сцену «казни» в повести «Вий» (1834) Хомы Брута, оставшегося наедине с гробом убитой им панночки (см. также ***1834. Февраля конец – марта начало. Санкт-Петербург***). Очевидно, что это описание было известно Гоголю еще в период создания первой редакции «Тараса Бульбы» и «Вия» (см.: *Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // Гоголь 1889–1896. Т. 1. С. 572–573).

1664

ФЕВРАЛЯ 9. ВТОРНИК. ГОРОДИЩЕ

Польский полковник Севастиан Маховский[1] сообщает Гетману Войска Запорожского на Правобережной Украине П. И. Тетере:

«Вчера, под Мошнами, козак выстрелил в слугу и убил его, как собаку, сказавши: “то же будет скоро и с вашим гетманом!” Услышишь также, мой милостивый пан, что сказал в Каневе пан Гоголь в глаза моему товарищу, пану Болесту; кроме того, Гоголь поступает очень странно. Обо всем мы поговорим, когда ваша милость, <...> когда прибудешь в Смелу[2], что весьма необходимо».

Письмо Полковника Севастиана Маховского к Павлу Тетере, гетману войск Запорожских, 9 февраля 1664 года // Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1859. Т. 4. Отд. 3. С. 396.

[1] Севастиан Маховский в том же году схватил бывшего гетмана Ивана Выговского и 16 марта казнил его.

[2] Смела – город в Киевском воеводстве.

ФЕВРАЛЯ 20. СУББОТА. ШАРГОРОД

Н. Жабоклицкий сообщает холмскому кастеляну Ивану Пясечинскому:

«...Сегодня <...> получил я письмо из Лисянки от <Михаила> Зелинского, который стоит там с Гоголем и Брацлавским полком; он пишет, что у них было известие, что у короля, его милости, все идет благополучно, и что наши за границей в каком-то месте разбили Московские войска».

Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1859. Т. 4. Отд. 3. С. 402.

МАЙ – СЕНТЯБРЯ 6. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«...Марцин Голинский, который жил в городе Казимежи около Кракова, записал, что в мае в 1664 г. к Могилеву подступил полк под командованием Щербы, который действовал на стороне Ивана Сирка. Остап Гоголь позволил вступить в Могилев старшине на ста конях (“stu kony starsinc”) и приказал всю ее уничтожить на рыночной площади. Причины этой кровавой расправы, если она не вымышлена[1], кроются в междоусобной борьбе Гоголя и Сирка. В августе того же года Голинский пишет о борьбе между ними “за старшинство” (“o starsinstwo”), то есть, как можно догадаться, за то, кто должен играть более весомую роль в жизни казацкого Правобережья. <...>

3 (13) августа в 1664 г. Остап Гоголь присутствовал на совете старшины Войска Запорожского, которым еще руководил Павел Тетеря, в лагере под Прудами (село Киевского воеводства). На совете заслушали казацкого вожака Дмитрия Сулимку, который тесно сотрудничал с убитым поляками в марте того же года Иваном Выговским, чтобы выяснить причины и суть Сулимковой “предательской” деятельности относительно гетмана и Речи Посполитой. Присутствие Остапа Гоголя засвидетельствовано в составленном тогда документе его личной подписью как полковника брацлавского, причем назван он именно Остапом (точнее – “Ostap”; документ полностью написан на польском языке и все подписи в нем даны латиницей). В до сих пор известных более ранних источниках его именовали не так»[2].

«<В мае 1664 г.> Тетеря, взяв половину татар у Чарнецкого, пошел к Уманю и Днестру, чтобы воспрепятствовать жителям уманского и брацлавского полков собрать хлеб в поле за то, что они поддались московскому царю. В это же время он отправил “прелестные письма” Сашку Туровцу и Остапу Гоголю, брацлавскому полковнику, склоняя их к польскому королю. На тех “прелестных” письмах изображены были крест Спасителя и лик Пресвятой Богородицы с Младенцем, в знак того, что всем перешедшим на сторону короля, не будет причинено никакого зла именем Христа и Богоматери[3]. Но Сашко Туровец пребывал верным московскому царю, жители Уманя также не изменили царю... <...> В начале сентября месяца[4] стало известно, что Павел Тетеря заручился союзником, брацлавским полковником Остапом Гоголем, вновь предавшимся заднепровскому гетману...»[5]

[1] Ср.: «...Как только в 1664 г. в правобережной Украине появился Серко с запорожцами, Могилев вместе с другими Подольскими городами опять поддался московскому царю, и хотя, с удалением Серка, на короткое время и был занят польским отрядом, но отплатил последнему тем, что перерезал всех поляков и евреев, населявших город» (Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета. Под редакциею священника Евфимия Сецинского. Приходы и церкви Подольской епархии. Каменец-Подольск, 1901. Вып. 9. С. 684).

[2] *Крикун*. С. 36–37.

[3] «Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцу, холоп твой Василей Кикин целом бьет. <...> ...Твой Государев изменник Панка Тетеря от Чернецкого с половиною Татар пошел к Умани и ко Днестру, для того, чтобы ему тех городов жителем в Уманских и в Браславском полках, которые поддались под твою Великого Государя высокодержавную руку, не дать хлеба с

поль спрятать. Да он же, Панка Тетеря, писал в Умань к Сацку Туровцу и к Браславскому полковнику к Гоголю и по иным местам и по местечкам прелестные листы с великим лукавством и с упрошеньем, чтобы тех городов жители, которые поддались под твою Великого Государя великодержавную руку, ему, Панке, сдавались, и были по-прежнему под королевским владетел<ь>ством; а на тех его прелестных листах написан Животворящий Крест Господень, да образ Пречистые Богородицы с Превечным Младенцом. А обещаетца тем людем, к которым пишет и отводит их из подданства от тебя, Великого Государя, своею вражескою лукавою прелестью, и кленетца ложно Животворящим Крестом Господним и образом Его святым и Пречистые Богородицы в том, что зла никакого им не учинит. А после той своей клятвы в тех же прелестных листах своих пишет с угрозою, похваляючись на тех твоих, Великого Государя, подданных навесть Ляцкие и Корсунские войска и самого хана Крымского со всею Ордою» (1664 мая и позже. Извлечения из отписок воевод и других лиц в военных действиях с Поляками и Крымскими Татарами // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1867. Т. 5. С. 199).

[4] 6 сентября 1664 г. гетман войска Запорожского на Правобережной Украине П. И. Тетеря сообщал польскому коронному канцлеру Н. Пражмовскому из лагеря под Ставищами: «...Мы с паном воеводою Киевским <...> беспрестанными усилиями и трудами нашими подвигаем вперед дело усмирения зараженной бунтом Украйны... <...> Гоголь, полковник Брацлавский, оставил мятеж с Брацлавьем и Побужьем, дал присягу в верности королю <...> и получил повеление ускорить с своим полком поход против общего неприятеля, для того, чтобы на деле показать свое усердие» (Письмо Павла Тетери, гетмана войска Запорожского, к Николаю Пражмовскому, канцлеру великому коронному, 6 сентября 1664 года // Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1859. Т. 4. Отд. 3. С. 458–459). В свою очередь, Марцин Голинский 10 сентября 1664 г. получил сообщение из-под Прудов о том, что Гоголь, заглаживая свою вину перед Речью Посполитой, «всю Брацлавщину привел к послушанию королю» (*Крикун*. С. 37).

[5] *Эварницкий Д. И.* История запорожских казаков. СПб., 1895. Т. 2. С. 352, 357; см. также: *Яворницький Д. І.* Історія запорозьских козаків. Київ, 1990. Т. 2. С. 266–267, 270.

Причиной перехода Евстафия Гоголя на польскую сторону стало нахождение его сыновей, учившихся во Львове, в заложниках у гетмана С. Потоцкого (см. ***1664. Сентября 11. Могилев***). Летом 1664 г. они были взяты под стражу. «Уже тем же летом он <Евстафий Гоголь> помогал разрушать переправы через Днепр, чтобы не дать полкам Ивана Брюховецкого вступить на Правобережье» (*Крикун*. С. 36).

СЕНТЯБРЯ 11. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОГИЛЕВ

Евстафий Гоголь, Брацлавский и Подольский полковник Войска Запорожского на Правобережной Украине, обращается к польскому великому коронному гетману Станиславу Потоцкому с выражением преданности и просьбой отпустить «на короткое время» домой своих сыновей, которых тот держит у себя заложниками:

«Хотя я и поехал в Брацлав, но Бог мне свидетель, что не для каких-нибудь бунтов и своеволий, как донесли на меня вельможности вашей, а напротив, для того, чтобы других приводить снова к повиновению и верности его королевской милости <...> и Республике, и унимать те своеволия, которые было появились между Днестром и Бугом, преимущественно в полку моем Брацлавском, где дошло до того, что каждый козак был полковник, а каждый сотник – гетман. Но теперь, после благополучного приезда его милости, пана Ханенка, наказного гетмана, присланного от ясновельможного, его милости, Павла Тетери, гетмана его королевской милости Запорожского, а также и от всего войска коронного, мы, при милости Всевышнего Бога, погасили это пламя, и обратили к повиновению решительно все Поднестровье и Побужье, и утвердили вечною клятвою верность нашу его королевской милости <...> и Республике. Злобных же и своевольных людей я готов усмирять для того, чтобы после настоящего благополучного мира собрать в разные стороны разогнанных людей, чтобы земля не была пуста, чтобы крепостные каждого пана возвращались в дома свои. В этом ручаюсь вашей милости, пану моему милостивому; а что касается до тех пустых и превратных доносов, то я покорно прошу велможность вашей гетманской милости, пана моего милостивого, оставить без внимания все, что бы там ни наговорили на меня. Соизволь, ваше гетманская милость, пан мой милостивый, не обращая внимания на все это, хранить в милостивом расположении своем меня, нижайшего слугу своего, и сыновей моих, и ежели будет такое снисхождение и соизволение вашей гетманской мило-

сти, то позволь им на короткое время приехать домой, при паспорте ясновельможного, его милости, пана гетмана его королевской милости Запорожского. Препровождая при сем означенный паспорт, покорно прошу вашу милость, моего благодетеля, о таковом же для того, чтобы они могли приехать домой и возвратиться назад без всякого задержания от кого бы то ни было. Ежели же не будет милостивого соизволения вашей гетманской милости – отпустить детей моих на некоторое время домой, то пусть они остаются там, при добром расположении вашей гетманской милости...»

Письмо Евстафия Гоголя, полковника Брацлавского, гетману великому коронному, 11 сентября 1664 года // Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1859. Т. 4. Отд. 3. С. 461–463.

ОКТЯБРЯ 12. СРЕДА. СТАВИЩИ

В письме польского происхождения из-под Ставищ сообщается:

«Тетеря и Гоголь присягнули королю, а их примером и другие будут возвращены в подданство Речи Посполитой» («y tym przikiadem beda drudzy pociagnieni do poddanstwa»).

Крикун. С. 37–38.

1665

ФЕВРАЛЯ 19. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЖИТОМИР

В инструкции киевских дворян своим послам, отправлявшимся на Варшавский сейм (к 12 марта 1665 г.), отмечено, что в ходе подавления польским войском бунтов в Брацлавском и Подольском воеводствах удалось «самого Гоголя к послушанию (“ad obsequium”) королю» привести.

Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссиею для разбора древних актов, состоящей при Киевском Военном, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе. Киев, 1888. Ч. 2. Т. 2. Акты для истории Провинциальных сеймиков Юго-Западного края во второй половине XVII века. С. 181; см. также: *Крикун*. С. 38.

МАРТА 17. ПЯТНИЦА. УМАНЬ

Брацлавский полковник Иван Сербин сообщает «гетману верных войск Его Царского Пресветлого Величества Запорожских» Ивану Брюховецкому:

«...Гоголь, Дрозд, Овдеенко, Кияшко и иные желательные войску Запорожскому из-за Богу[1] объявляют, что, собрав войска, много по розным местам воюют; <...> ...а Гоголь с конными стоит в Кучмани, стрегучи дорог отовсюду[2]. <...> Пис<ь>ма к Гоголю и к Дрозду отослал...»[3]

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1659–1665. Т. 5. С. 264.

[1] Имеется в виду р. Южный Буг.

[2] «Кучмань являла собой лесной массив поблизости Рашкова и Чечельника (города в Брацлавском воеводстве) на Кучманскому пути – одном из тех пресловутых большаков, которыми татары нападали на украинские земли» (*Крикун*. С. 38).

[3] Имеется в виду копия письма «полковника комонного» Артема к гетману Ивану Брюховецкому от 12 марта 1665 г. о раздорах между Крымской и Ногайской ордами (см.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1659–1665. Т. 5. С. 265).

МАЙ.
МОСКВА

Генеральный судья Иван Криховецкий, взятый в плен сторонниками гетмана Ивана Брюховецкого, дает в Малорусском приказе в Москве показания и, в частности, сообщает:

«<Павел> Тетеря <...> ныне в Бряславле, а при нем Ляхов и Черкес с 6000, и из Бряславля <...> хотел итить в Каменку, от Бряславля в 4 милях, на полковников на Дрозда да на Гоголя, для того, чтобы их под свое владение подклонить; а слышал <...> он про то от старшего над армачами, который приехал из Бряславля в Белую Церковь на Страстной неделе <20–25 марта 1665 г.>. Яблонский <...> хочет <...> итить под Лысенку, да и Тетеря <...> к нему хочет же итить под Лысенку, будет Дрозд да Гоголь к нему склонятся».

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1659–1665. Т. 5. С. 272.

ОКТЯБРЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.
ЧИГИРИН

Избрание гетманом Петра Дорошенко.

«...Полковники тогобочнии и иншая старшина, увидевши, же Гетмана их Тетери, повороту к ним нет, и не знати, где поделся, от<ъ>ехавши в Пол<ь>щу, и же Гетман Козацкий Бруховецкий на Москву от<ъ>ехал, а з Москви повернувши, жеби не привезл им якого несмачного гостинца; з<ъ>ехалися в Чигрин о Покрову Пресвятой Деви Богородицы, и учинивши там раду, нарекли на оной Гетманом Петра Дорошенка, полковника тогда Черкаского, вручили ему в досмотр, до дал<ь>шого рассмотрения, правление и все Гетманские тогобочнии войсковии и гражданские дела; а совершенное на гетманстве том его, Дорошенка, по<д>тверждение отложили до вол<ь>ного у Чигрине з<ъ>езду пришлого Рождественского и Богоявленского» (*Величко 1851*. С. 89). См. ***1666. Января 6. Праздник Крещения Господня. Чигирин***.

НОЯБРЯ 30. ЧЕТВЕРГ.
ЛИСЯНКА

«...Остап Гоголь как брацлавський полковник вместе с другой старшиной Войска Запорожского обратился из-под Лисянки к королю с рядом просьб, которые предлагалось рассмотреть на ближайшем сейме».

Крикун. С. 38.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА.
ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«Году 1665... <...> ...Опара отозвался Гетманом и на Королевскую руку много Орды затягл; но Татаре *Дорошенка*, Асаула Тетерыного, на Гетманство постановивши, Опару з его старшиною к Королю отослали, которых тамо смертию казнено. <...> Того ж году *Дорошенко* начал приклонять с-под области Российского Монарха под державу Короля Польского державу полки Заднепровскии, которые хотя ожидая войск Его Царского Величества, <...> однако <...>, не могучи превеликим войска Польского Коронного и Козацкого силам сопротиви-

тися, принужденны поддатися... <...> Конные[1] оборонною рукою уступили за Днепр до Гетмана Брюховецкого... <...> И от того времени стали быть по обоих сторонах Днепра Украины Гетманы: еден под рукою Царского Величества, при котором и Запорожья было, другий же от Короля Польского наставлен в Чигирине».

Грабянка 1793. Ч. 3. С. 143–145.

См. также: «Году 1665. <...> ...Опара отозвался гетманом и на Королевскую руку много Орди затяг; но Татаре *Дорошенка*, Асаула Тетериного, на Гетманство постановивши, Опару з его старшиною к Королю отослали; которых тамо смертию казнено. <...>

Того ж году *Дорошенко* начал преклоняти з-под Царской власти под Королевскую державу полки Заднепровские, которые аще и много сопротивляшися, ожидая войск Его Царского Величества, <...> обаче <...>, не могуще превеликим войска Пол<ь>ского Коронного и Козацкого силам <...> сопротивостати, принужденни поддатися, <...> а инии оборонною рукою уступили за Днепр до Гетмана Бруховецкого... <...> И од того времени стали по обоих сторонах Днепра два Гетмани: еден з руки Царского Величества, при нем же и Запорожжа было, другий же от Короля Пол<ь>ского наставлен в Чигирине» (*Грабянка 1854.* С. 188–189).

См. также: *Самовидец 1846.* С. 46; *Самовидец 1878.* С. 88–89; Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878.* С. 264–265.

[1] Вместо: «Конные», – должно быть: «А иные».

1666

ЯНВАРЯ 6. СУББОТА. ПРАЗДНИК КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ. ЧИГИРИН

Подтверждение на казацкой раде гетманства Петра Дорошенко.

«...О Крещении Господнем з<ъ>ехалися в Чигрине полковники тогобочнии з иншою старшиною и товариством выборнейшим, <...> учинивши раду о гетманстве, без долгого размышления его ж, Дорошенка, полковника тогда Черкаского, единогласним Гетманом провозгласили и утвердили... <...> Дорошенко <...> разослал в сегобочную Украину, во все полки, свои универсалы, желаючи всего народа, аби к нему приклонилися, а Бруховецкого отринули...»

Величко 1851. С. 95. – См. также ***1665. Октября 1. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Чигирин.***

ФЕВРАЛЯ 20. ВТОРНИК – КОНЕЦ ГОДА. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«Году 1666. *Дорошенко* собрал Старшину свою в совете под Лисянкою[1], и усоветовали послати Послов к Польскому Королю с прошением, дабы прежние постановленные вольности Козацкие грамотою подтвердил, что Король з охотою зделав и Послов обдарив, к *Дорошенку* отпустил. <...>

Того ж года Гетман Брюховецкий возвратился з Москви по Рождестве Христове, обдарен пребогато, и привел за собою Воевод Великороссийских... <...>

И того ж года[2], в осени, повстал мятеж на насланных Воевод, за неуказные сдырства их, и напасти и переписи. <...> ...И на оную сторону Днепра под Дорошенка поддавшись, до города Золотоноши уступили, которых войско Малороссийское и Великороссийское надолзе доставали; *Дорошенко* же ради их Орду затягл, дал отпор, что принуждено войско Великороссийское от Золотоноши вооруженною рукою к Переясловлю уступити, которого было с Князем Щерба-

товым не мало; потом Орда, пошедши по-за Нежин и Прилуку, все села забрали, понеже люди надеялися на Великороссийское и Малороссийское под Золотоношею бывшее войско. З тоею ж Ордою *Дорошенко* пошол на Маховского, которий на стависку зимовав, в Украине зело людей озлоблял, но оного в Збраилове *Дорошенко* доставши, живо взял, и его жолнеров всех в полон Татаром дал; из сей причины Козаки от Короля паки отступили».

Грабянка 1793. Ч. 3. С. 145–147.

См. также: «Году 1666. Дорошенко собрал всех начал<ь>ников своих в совет под Лисянкою; на котором совете усоветовали послати послов своих к Пол<ь>скому Королю со прошением, дабы прежние постановления вол<ь>ностей Козацких грамотою по<д>твердил, – что Король з охотою зделавши и послов обдаривши, в войско к Дорошенку отпустил. <...>

Того ж году Гетман Бруховецкий возвратился з Москви по Рождестве Христове, обдарен пребогато, и привез з собою Воевод Великороссийских... <...>

Того ж году, в есени, повстали бунти на насланние Воеводи, за великие их здирства и напасти и переписи... <...> и на оную страну Днепра под Дорошенка поддавшися, до града Золотоноши уступили, которых войско Малороссийское и Великороссийское чрез долгий час доставали. И ради их Дорошенко Орду затягл и дал отпор, что принуждено войско Великороссийское и Малороссийское от Золотоноши вооруженною рукою к Переясловлю уступити; которого было з Князем Щербатовым не мало. Потом Орда, пошедши по-за Нежин и Прилуку, все села забрали, понеже люди надеялися на Великороссийское и Малороссийское, под Золотоношою бывшое войско. З тоею ж Ордою Дорошенко пойде на Маховского, которий на становиску зимовом в Украине розположившися, великое озлобление людем чинил; но оного в Браилове Дорошенко доставши, живо взял, и его воев всех в плен Татаром отдал. Для того Козаки от Короля паки отступили» (*Грабянка 1854.* С. 189–191).

См. также: Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878.* С. 265–266.

[1] «Среди старшины, присутствующей на казацком совете 20 февраля (ст. ст.) 1666 г. под Лисянкой, отмечен и Остап Гоголь как полковник “подольский” (или “поднестрянский”). Однако на то время это правление он не занимал: подольским полковником где-то от осени в 1664 г. до июля в 1666 г. был Константин Мигалевский – грек по происхождению, выходец из острова Хиоса. Его полк входил в состав войска Петра Дорошенко, но их отношения перед этим советом существенно испортились, чем можно объяснить отсутствие Мигалевского на совете и то, почему Гоголь фигурирует на ней как подольский полковник. Вследствие несогласия с Мигалевским, гетман, стремясь использовать большой полковничий опыт верного ему Гоголя, назначил его подольским полковником – в противовес Мигалевскому, планируя при удобных обстоятельствах формальное полковничество Гоголя превратить в настоящее, “территориальное”» (*Крикун.* С. 39). См. также ***1667. В течение года, не позднее 16 октября. Правобережная Украина.***

[2] В июле-августе 1666 г. «мещане г. Могилева <...> выдали *Дорошенку* своего полковника Константина, грека, родом из Хиоса, очевидно, враждебного гетману» (Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета. Под редакциею священника Евфимия Сецинского. Приходы и церкви Подольской епархии. Каменец-Подольск, 1901. Вып. 9. С. 684–685).

1667

ЯНВАРЯ 30. СРЕДА. СЕЛО АНДРУСОВО, БЛИЗ СМОЛЕНСКА

Заключение Андрусовского договора между Россией и Речью Посполитой, по которому, согласно словам летописца, «Козаки Низовые Запорожские зоставали в послушенстве обоих Монархий, Рос<с>ийской и Пол<ь>ской; а городовые Козаки, иже от Чигрина, аби зоставали под Поляками, а иже от Переясловля, ибо знайдовалися под Рос<с>иянами, и Киев приговорен уступить в державу Пол<ь>скую».

Величко 1851. С. 102.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА, НЕ ПОЗДНЕЕ 16 ОКТЯБРЯ. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

Подольский полковник Константин Мигалевский с своим полком переходит на Левобережную Украину к гетману Ивану Брюховецкому и принимает подданство царю Алексею Михайловичу. Его место на Подолье занимает Остап Гоголь.

См. также ***1667. Февраля 20 – конец года. Правобережная Украина*** (примечание).

«...Подольским полковником Остап Гоголь стал, вероятно, после отхода Мигалевского со своим полком в царское подданство на казацкое Левобережье, подвластное Ивану Брюховецкому. Можно считать, что в этой роли он выступает в двух известных нам упоминаниях, которые касаются в 1667 г., но без указания его полковничества. Одно из них встречается в "подольской" хронике: автор ее пишет, что в то время Гоголь как активный казацкий вожак действовал в районе Шаравки, Вербки, Ярмолинцев, Зинькова (города Подольского воеводства). Второе упоминание касается событий на украинских землях, которые предшествовали Подгаицкому трактату, подписанному 16 и 19 октября 1667 г. подписали, с одной стороны, гетман великий коронный Ян Собеский от имени Речи Посполитой, с другой стороны, – калга-солтан Крым-Гирей, от имени крымского хана Адил-гирея, и Петр Дорошенко. Это упоминание содержится в письме к "пану куму", отправленному из города Броды, в котором идет речь о действиях крымских татар под городами Збаражем, Тернополем, Вишнивцем, истреблении ими населения города Зборова, и после сказано, что этим татарам на подмогу "идет Гоголь со свежей ордой и с валахами" ("z Multany")» (*Крикун*. С. 40).

СЕНТЯБРЬ – КОНЕЦ ГОДА. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ И ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«1667 году <...> ....Гетман *Дорошенко* с многочисленными Татарскими силами, при нем бывшими, Яна Собецкого, Гетмана Коронного, идущего на Украину, облегл в Подганцах <Подгайцах>, где не безнужно было Ляхам; но когда Татаре получили весть, что Серко з Запорожниками гостит в Крыму, принуждены сами и *Дорошенко* з Гетманом Коронным примирие учинити... <...>

...В тое ж время и грамота Царского Пресветлого Величества Гетману принесена, объявляющая, что Боярин, сколько десятьми тысячьми войска, в Украину имеет прийти на зимовую квартиру. А понеже не знали Козаки, чего ради войско оное приидет, ибо войны от окрестных Государств слышно не было, того ради вся Старшина и Посполитый народ, страхом смущенны, разумели, что всячески приидет войско Российское <Украину> Ляхам отдати...[1] <...> Ради сих причин, когда пришло в Украину Запорожцов множество, то изперва явственно начинали з Великороссkими людьми ссориться и драки делати, а между тем и *Дорошенко*, от Ляхов знатно наущенный, Брюховецкого непрестанными своими посылками укорял, выговаривая ему: для чего де он на вечное себе проклятие в народ вольный, недавно от Лядского пленения много пролитием крови чрез отвагу и мужество свое свободившийся, добровольно же Москве поддавшийся, попустил ради тяжчайшего еще порабощения Воеводам по всех городах бытии и подати ото всякой души, и з всех имений, такожде пошлин со всех промыслов взимати...»

Грабянка 1793. Ч. 3. С. 148, 150–151; см. также: *Грабянка 1854*. С. 192; Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878*. С. 266–267.

Ср. также: «Гетман *Дорошенко* о таком, всем Козакам неполезном Андрусовском торгу певную получивши ведомость, донесл о том жалобливе Диенлет Кереину, тогдашному Хану Кримскому. Потом, когда вожделенная весна <...> землю украсила цветами, тогда и Марс <...> поджегл сердце Короля Яна Казимира

виправити войска коронниии на крайное Украини тогобочной разорение и на приклонение к себе наутралисти Дорошенка з Козаками. Король теди Казимир <...> на весне виправил войска коронниии з значним реймантором Махновским на Украину, позволивши им огнем и мечем Украину плюндровати и до корони Пол<ь>ской приклоняти. Махновский теди, на Украину прибывши, чрез килка месяцей невозбранно от Дорошенка плюндровав оную, около Браславля и по инних розних месцах; бо Дорошенко, сам з Козаками не посмевши против Махновского вийти, зоставал тилко в поготовости, а до Хана послал просячи Орди на помочь... <...> ...Король, за погром Маховского розгневанний, любо долгое время удержался был, единак потом намислившися и бол<ь>шому злу запобегаючи, виправил з войсками к Дорошенку и Нарадин Солтану маршалка великого коронного, Гетмана тогда полного, не для чинения войни, але для постановленя пактов з Дорошенком и Нурадин Солтаном. По согласию теди Гетман оний полний з Дорошенком и Солтаном зъихавшися под Подгайцами, того ж 1667 року, септеврия 12 <а также 16 сентября и 19 октября>, таковие пакта приговорили и постановили» (Величко 1851. С. 134, 146).

[1] См. также ***1672. Июня 17. Козацкая Дуброва.***

1668

ЯНВАРЯ 25. СУББОТА. КИЕВ

«...Генваря в 25 день в Киеве боярину и воеводам Петру Васильевичю Шереметеву с товарыщи явился и в роспросе сказался шляхтич Белоцерковского камендаита Яна Старховского дворовой человек, Яном зовут Здебской», который, в частности, показал, что гетман Петр *Дорошенко* «послал под Канев дву полковников казацких, Жерибала да Гоголя, с полками, чтобы Канев засесть».

1668 января 25. Распростные речи в Киеве Яна Здебского о действиях гетмана Дорошенка // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою коммиссиею. СПб., 1872. Т. 7. 1657–1663. 1668–1669. С. 30.

МАРТ – ИЮЛЯ 18. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ И ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«1668 року <...> Князь Ромодановский с войском Великороссийским на весне подступивши под город Котелву, тамо часть Козаков облег, тогда и прочии, под рейментом Брюховецкого бывшии Козаки, за непорядочное на Гетманстве правление и за безумный замысл, да за непостоянство и за непощадение Сомка и Васюти <Золотаренко> и иных знатных полководцов, такожде и многих честных жен (в том числе и за Полковницу Гадяцкую, прозываемую Острую, которую за малую вину в Гадячом повеле публично спалити), всем оным возгнушалися и, за согласием Кошового Запорожского Серка, писали к *Дорошенку*, призывая его з Украини тогобочней на Малороссийское Гетманство. И на сие всей Малой России требование пришол *Дорошенко* с рейментом своим под Опошное... <...> ...И <...> тотчас Брюховецкого табор его ж Козаки разграбили, а его самого привели, которого там же чернь боем без пощады умертвила[1]. <...>

Когда же <...> *Дорошенко* обоих сторон Днепра Гетман совершенно учинен был, пойшол со всеми Козацкими и Татарскими войсками на Князя Ромодановского под Котелву, и оного от Котелвы отогнав, граждан от облежения свободил; и пошол под Путивль, где как пришла к нему весть з Чигрина о некотором его жены бесчинии, так он Демияна, Многогрешным прозываемого, Наказным Гетманом на своем местцу учинив и ему войска вручив, повелел Воевод везде з го-

родов до последнего изгонити, не ведая, что Многогрешный Великороссии, яко долг и Бог велев, есть доброжелателен, а сам отойшол в Чигрин...»

Грабянка 1793. Ч. 3. С. 152–154, 205–206; см. также: *Грабянка 1854.* С. 194–198; Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878.* С. 267–269.

Ср. также: «На весне зась, разгневавшися Великий Государь Царь Алексий Михайлович на Гетмана Бруховенцкого и на всю Малую Россию, за измену и за вигнание воевод и войск своих из нее, повелел зараз князю Григорию Григорьевичу Ромодановскому за тое мститися. Князь теди, з многими Великороссийскими люд<ь>ми ратними и всякими военными припасами, от Путивля и Белагорода к Малой России притягнувши, облегл порубежие полку Гадяцкого, городи Котелву и Опошнее, и начал их крепко добувати... <...> На том зась боку Днепра Гетман *Дорошенко* <...> собрал тогобочное, що от Чигрина, войско Козацкое, и призвавши в помочь себе Орду Кримскую, а Днепр переправивши, рушил к Опошнему... <...> Дорошенко <...> под самий табор Бруховецкого приехавши <...> послал зараз <...> Дрозденка, полкового сотника Браславского, взяти и до себе припровадити Бруховецкого. <...> ...Зараз сотники и чернь Бруховенцкого <...> взяли Бруховецкого и повели к *Дорошенку* <...> и убиша его тиранским боем пред очима Дорошенковыми, июня семого <восьмого>, в понеделок... <...> Того ж вечера зверонравное войское Козацкое, в обоих обозах, Дорошенковом и Бруховецкого, сполне з собою по подвивавши, зашумело было на убийство *Дорошенка*; але Дорошенко килпонадцятми куфами горелки улаголил оное; обаче свирепству и шаленсвту их не доверяючи, выехал на ночь зо всею старшиною своей на край обозу своего, и там знайдовался во всякой чулосты потоль, поколь з того месца рушил <...> *Дорошенко* зась по такой тиранской кончине Бруховецкого, зоставши обоих войскам единим Гетманом, Бруховецкого тело зараз приказал отвезти до Гадячого и похоронити... <...>

А сам *Дорошенко* любо намеривал Опошнее и Котелвы от облеженя Московского боронити; единак и зичливости своей ку Царскому Величеству вес<ь>ма не тратячи, и кровопролития Христианского зрети не желаючи, послал тайно к Ромодановскому, ознаймуючи ему о своем з сил<ь>ными войсками Козацкими и Татарскими зближенюся, и советуючи ему аби за часу назад уносился, поколь Орда не заскочит; а Орду нарочно при себе удержовал, не позволивши оной нимало на пред себе вискаковати.

Якое уведомление Дорошенково князь Ромодановский благодарно принявши, и зараз все промисли свои военнии оставивши, з великою скоростию з под Опошнего и Котевли рушил назад до Ахтирки, о чем *Дорошенко* тайно уведомившись, <...> рушил <...> з поспешением, будто Опошнему и Котелве на отсечь, где прибывши и войск Московских з Ромодановским уже не заставши, <...> повернул назад <...> до Котелви, июня 15, <...> и <...> прибыл в Чигрин до своей резиденции в субботу июля осмогонадесять» (*Величко 1851.* С. 161–166).

[1] «...А самого Бруховецкого узявши, до *Дорошенко* припроводили, которого *Дорошенко* позволил забити голоте» (*Самовидец 1846.* С. 52; *Самовидец 1878.* С. 99–100).

ИЮЛЯ 22. СРЕДА. ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ И ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«...Князю Григорию Ромодановскому поступило сообщение, что Остап Гоголь прибыл к Петру *Дорошенко* на Левобережье, где тот вел борьбу с Иваном Брюховецким, с вестью, что Дорошенкового брата Григория «с войском» в Кальнике взяли в осаду поляки. Узнав <...>, что брат в опасности, Петр *Дорошенко* <...> отправился с четырьмя полками на Правобережье. Среди полков Подольский не назван, а это значит, что Гоголь прибыл к *Дорошенко* без своего полка. Следует отметить, что Гоголь в этом сообщении фигурирует как брацлавский полковник ошибочно, потому что это правление продолжал занимать Михаил Зеленецкий <Зеленский>».

Крикун. С. 40–41.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«Об Остапе Гоголе в 1668 г. рассказывает и “подольская” хроника, где ее автор характеризует тогдашнюю политическую ситуацию в Подольском воевод-

стве. Настроенный тенденциозно, он перечисляет "недостойные" поступки Гоголя и Балацко; о последнем он делает примечание: "Pasierb <пасынок> Hoholyw, tyranski Leweniec". Подчеркнем, что во всех последующих упоминаниях Балацко называют сыном Гоголя»[1].

Крикун. С. 41.

[1] См., в частности, ***1674. Декабря 6. Воскресенье. Польский королевский лагерь под Кальником.***

1669 ЯНВАРЯ 6. СРЕДА. ПРАЗДНИК КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ – МАРТА 6. СУББОТА. ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«...На сей стороне, що от Переясловля, <...> 1669 року, такое было поведение: же о Крещении Господнем <6 января> прибыли з царствующего града Москви, игумен Максановский, отец Ириней Ширкович и Петро *Забела*[1], обозний Бруховецкого войсковий енеральний, котории з совета полковников и иной старшини сегобочной, еще прошлого 1668 року, отъехали были на Москву з прошением Великого Государя, Алексия Михайловича, всея Рос<с>ии Самодержца, прощения за измену свою, при Бруховецком в том же прошлом року собывшуюся. Тии прето посланнии игумен Максаковский и обозный енеральний, прибывши в Украину, принесли веселую ведомость так полковникам и иншой старшине, яко и всему обще народу сегобочному Украинскому, что Пресветлый Великий Государь вину их прощает им, и на месце Бруховецкого иного Гетмана, кого з межи себе похотят, учинити позволяет; благоволя о том, дабы неутралиста *Дорошенко* не именовался обоих сторонам Днепра Гетманом, аиле тот, который отлучен и з тогобочною Чигринскою Украиною уступлен Полякам предречоними договорами Андрусовскими. По котором благоволении и указу Монаршом <от 12 февраля 1669 г.> так князь Григорий Григорьевич Ромодановский з товарищи, яко и полковники сегобочнии, з иншою старшиною и значним войсковим товариством, в Глухове зъехалися, и марта месяца в третий день, учививши енеральную о гетманстве раду, избрали и постановили на оной Гетманом себе Дем<ь>яна Игнатовича Многогрешного[2], в милость князю Ромодановскому еще прошлого тысяча шестьсот ос<ь>мого року, гди воевал на Чернигов, вшедшего»[3].

Петр *Дорошенко* посылает за помощью к турецкому султану[4].

[1] Петр Михайлович *Забела* (1580–1689), генеральный обозный, дальный родственник Гоголя. П. М. *Забела* был дедом Анны Степановны Танской (рожденной Забела), жены В. М. Танского, прапрадеда Гоголя (см. ***1679. Весна-лето. Киев***; ***1715. Апреля 28. Четверг***). Знал ли Гоголь о своем родстве с П. М. *Забелой*, неизвестно.

[2] Об избрании 6 марта 1669 г. на раде в Глухове Демьяна Многогрешного запорожским гетманом см. также: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1. С. 804.

Примечательно содержание одной из статей, принятых казаками в Глухове при избрании гетмана Д. И. Многогрешного. Двадцать второй пункт Глуховских статей носит название «О ссорах Малороссийских, если бы от кого произошли» (содержание этой статьи приводит на память «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя): «А буде в Малороссийских городах учнут чиниться ссори, от жителей, от кого ни есть, и Гетману и старшине потому ж того смотреть и остерегать накрепко, и о том писать к Великому Государю, к Его Царскому Величеству; а тех людей, от кого какие ссори в Малороссийских городах учинятся, их унимать и наказывать и карать смертию в правах, и как

о том постановлено на прежних радах. И Гетман и старшина и Козаки приговорили сей стати быть так» (*Величко 1851*. С. 205).

[3] *Величко 1851*. С. 178–179.

[4] «Году 1669. <...> ...Начат Многогрешний небоязненно дружество строити и соглашатися з Москвою, и аще от *Дорошенка* был поставлен Гетманом, обаче по его отшествии, компанию грошовую собравши себе, Полковников градских понуди, даби присягли ему на гетманство и послали послы своя к Царскому Величеству, просячи за милость Его Монаршую и дабы Многогрешний утвержден был на Гетманство, — что абие милостиво и получиша. <...> *Дорошенко*, видя себе з Малороссийского Гетманства хитростию Многогрешнего <...> отдаленна и презренно, лестию и обманою своею всю Старшину Заднепра Украинского подманувши, послал Портянку и прочих при нем Козаков к Цару Турскому... <...> А Юрия Хмел<ь>ницкого, з Умани <в августе 1872 г.> бежащого, Орда Белогородская уловивши, в Белград отвезоша, и за Дорошенковым тщанием и наваждением в Цариград отдан и таму в Едикуле посажен бяше» (*Грабянка 1854*. С. 199–203; см. также: Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878*. С. 271).

Ср.: «Заднепрье Малороссийское все уже в постоянстве к Царскому Величеству и в повиновении Гетмана Многогрешного стало. <...> ...А Юрия Хмельницкого, из Умани бежавшого, Орда Белогородская зловивши, в Белгород отвезли, который Дорошенковым наущением в Царьград отдан, где в Едикуле посажен был» (*Грабянка 1793*. Ч. 3. С. 207–208; см. также: Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878*. С. 271–272).

ФЕВРАЛЯ 7. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЧИГИРИН

Гетман Петр *Дорошенко* передает во владение преосвященному Иосифу (Нелюбовичу-Тукальскому), Митрополиту Киевскому и Галицкому и всея Руси, екзарху святейшего Константинопольского престола[1], местечко Стайки («впрочем опустошенное») и «Стаецкий на Днепре перевоз» «на столовое содержание».

Универсал Гетмана *Дорошенка* на отдачу местечка Стаек Митрополиту Иосифу Нелюбовичу-Токальскому. 1669 Февраля 7 // Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1846 (цензурное разрешение 15 ноября). Т. 2. Отд. 1. С. 227–231.

В универсале упоминается, без имени, «Каневский Полковник», т. е. Я. К. *Лизогуб*: «Объявляем сим нашим писанием господам Полковникам, Эсаулам, Сотникам, Атаманам и всему старшему и меньшему товариществу Запорожского войска, также господину Каневскому Полковнику и всем обывателям Стаецким...» (С. 227).

[1] Вместе с П. Д. *Дорошенко* митрополит Иосиф, будучи одним из ближайших советников гетмана, искал сближения с Османской империей, в чем позднее раскаивался. 9 августа 1670 г. он писал боярину А. Л. Ордину-Нащокину: «В горести бо есть душа моя. Како бо могу пастырь зван быти, погубль стадо Христово... <...> ...И да созиждутся стены рос<с>ийского Иерусалима о благоверном государе и великом царе Алексии, истинном и едином кесарем християнском!» (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою коммиссиею. СПб., 1877. Т. 9. 1668–1672. С. 256). Подробнее см.: *Флоря Б. Н.* Митрополит Иосиф (Тукальский) и судьбы Православия в Восточной Европе в XVII веке // Вестник церковной истории. 2009. № 1–2. С. 123–147.

МАРТА 8–13. ПОНЕДЕЛЬНИК-СУББОТА. КОРСУНЬ

На Корсунской раде ее участники объявили османскому послу о своей готовности перейти под покровительство султана. На гетмана Петра *Дорошенка* были публично возложены присланные султаном одежды[1].

«Гетман тогобочний Петро *Дорошенко* скоро получил ведомость о умалении своего рейменту и о постановленю Гетманом на месцу Бруховецкого поименного Дем<ь>яна Многогрешного; теди зараз, третой недели святого великого поста <8–13 марта 1669 г.>, зобравши в Корсунь всю старшину свою тогобочную[2], чинил з оною раду: яковим би способом Многогрешнего з сегобочного

гетманства инзложити, а самому обоим Днепра сторонам гетманствовати. Урадил прето не иначей, тилко войною того намерения своего доказивати. И так, враг нанавядяй Православия святого, а хотяй братию его искоренити, ниже довол<ь>ствуяся прежде бывшими междоусобиями и кровопролитиями, новий вынайшол и подал властолюбивим сердцам до нового междоусобия и кровопролития способ; чили за умножение беззаконий, зсякнувшой любве многих, умножися и возрасте между братиею завист и вражда, по которой абие наступило между тоею Козацко-Рус<с>кою по обоих сторонах Днепра бывшею братиею, новое чрез войну губителство и умаление...»[3]

[1] *Крикун*. С. 265–266.
[2] «По показаниям присутствующего там казака, данными в Малорусском приказе 15 (25) апреля, на совете "Гоголь, полковник могилевской... не был"» (*Крикун*. С. 41, 260).
[3] *Величко 1851*. С. 222–223.

АПРЕЛЯ ПОСЛЕ 11. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ И ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«...*Дорошенко*, допинаючи своего намерения, зараз по Светлом Воскресении Господнем <11 апреля 1669 г.>, певную часть войска своего Козацкого на сюю Днепра сторону приславши, велел оному ласкою и гневом сегобочние города и народ от рейменту Многогрешного отлучати, а до своего гетманства присвояти и нахиляти; а Многогрешний взаемне, против *Дорошенка* ставячися, виправил от себе з войском городовим Наказного Гетмана Стреевского...»[1]

Величко 1851. С. 223.

[1] Константин Стрыевский, генеральный бунчужный и переяславский полковник.

АВГУСТА 17. ВТОРНИК. ЯВОРОВ

Ян Собеский в письме к коронному канцлеру Яну Лещинскому сообщает: «Из Порты к *Дорошенко* с хоругвью и другими знаками власти («et aliis insigniis») следует паша[1], которого сопровождает Дорошенков брат[2] со своими брацлавскими и Гоголевыми людьми». Далее Ян Собеский замечает, что, вступив на территорию («in limites») Украины, упомянутый паша «взял Гоголевых сыновей как заложников («pro obsidibus») и разместил их в Яссах»[3].

Крикун. С. 42.

[1] Знаки гетманской власти паша по поручению турецкого султана должен был передать Петру *Дорошенко*.
[2] Брацлавський полковник Григорий *Дорошенко*.
[3] «На основе фрагмента о сыновьях Остапа Гоголя можно утверждать, что и сам он был в сопровождении паши: вряд ли сыновья очутились бы там без своего отца. Об Остапе Гоголя среди окружения паши упомянуто в сообщении из Львова от 23 августа 1669 г. В сообщении из Варшавы от 21 августа 1669 г. сказано, что брат Петра *Дорошенко* встретил пашу около Днестра и оттуда сопровождал его к гетьману» (*Крикун*. С. 42).

СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ И ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«*Дорошенко* <...> увидевши своего войска неблагополучие и несылу, призвал до себе Орди Кримской часть значну, и виправил оную на сю Днепра сторону з Гамалеею до войска своего Козацкого...»[1]

[1] *Величко 1851*. С. 223.

ОКТЯБРЯ 10, ВОСКРЕСЕНЬЕ; 15, ПЯТНИЦА. ЛАГЕРЬ ПОД РОМНАМИ, БАТУРИН

Гетман Демьян Многогрешный 10 октября 1669 г. сообщает преосвященному Лазарю (Барановичу), архиепископу Черниговскому и Новгород-Северскому, о разбитии под Ромнами соединенных отрядов полковника Гамалея, наказного гетмана Коряцкого[1], подольского полковника Гоголя и татар[2]. Об этом гетман сообщил также 15 октября 1669 г. из Батурина царю Алексею Михайловичу[3].

[1] Яков Коряцкий (Корецкий, Корицкий), генеральный обозный в войске Петра Дорошенко.

[2] «...По Государеву указу вышли <мы> мимо Лохвиц, суды, к Ромну, путь приял есмь; но запамятный Гамалея, яко и наказный гетман Дорошенков Корицкий и Гоголь с частию орды <...> в пятистах коней будучее, надеяся на свою силу, с теми войски своими вышед, за нами шли бол<ь>ши пяти верст. <...> ...На них нашедше, даже до самые Лохвицы секши гонили, которые не улучили, протчие в город, но розно, куды возмогли, уходити. <...> ...Роменцы, как наш приход увидели, тотчас нас с хлебом и солью встретили и Его Царскому Пресветлому Величеству в подданство склонились, а мне в послушание» (1669, октября 10. Письмо гетмана Демьяна Многогрешного к архиепископу Лазарю Барановичу, о встрече его жителями городов лубенского полка с хлебом и солью, о разбитии отряда полковника Гамалея с Татарами и о действиях Михаила Ханенка; причем изъявляет сожаление, что не получает помощь от царских ратных людей // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1668–1672. СПб., 1879. Т. 9. Стб. 71).

[3] «...И пошел мимо Лохвицы в Ромну, и где тол<ь>ко пошел, с того мест и шел с войском мимо. Вскоре <...> неприятели в Лохвице: гетман Коретский наказный, Гоголь, полковник подол<ь>ский, и Гамалея с противными полками и Татары, которые, надеясь на свою силу, встретили нас в дороге и за ними шли бол<ь>ши пяти верст, имеючи с нами бой не малой, которых выводя далее в поле, <...> приказал я полковником Вашего Царского Пресветлого Величества, чтоб купно на неприятелей <...> шли; и как я приказал, тотчас <...> на тех неприятелей, вседши на их шеи, даже до самого града Лохвицы, полторы мили секучи, изгоняючи их, которые не шли в город, куды могучи врозь бежали. <...> ...А как те неприятели уведав, что со всех сторон войсками их обступили по городом тем, которые посдавались, тотчас наказные Корыцкий, Гоголь и орда куда ни есть на ту сторону Днепра пошли, имеючи также и к себе листы от Михайла Ханенка, гетмана, ныне новообранного войсками их тое стороны Днепра запорожского. <...> А что меня Ханенко, гетман тое стороны, просит, чтоб я ему на Дорошенка помочи подал, то я о том и не мышлю, пусть сами меж собою управятся; я бы рад, чтобы сее стороны Днепра, при помощи Божией, вам, Великому Государю нашему, в подданство подклонити, а не ему помоществовати» (1669, октября 15. Отписка царю гетмана Демьяна Многогрешного об успешных его действиях против Дорошенковых войск и Татар, и о том, что многие города покорились ему, гетману Многогрешному // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1668–1672. СПб., 1879. Т. 9. Стб. 75–78).

См. также донесение от 27 октября 1669 г. хорунжего Василия Свиридова, отправленного гетманом Демьяном Многогрешным в Москву: «А изменники <...>, наказной гетман Корицкой, да полковники Гоголь да Каневец, и Татаровя из Лохвицы в то время утекли за Днепр...» (1669, октября 27. Сказка хорунжего Василия Свиридова, о действиях гетмана Демьяна Многогрешнего против Татар и о покорности ему некоторых городов и местечек лубенского полка // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1668–1672. СПб., 1879. Т. 9. Стб. 81).

См. также: 1669, октября 31 и ноября 1. Царские похвальные грамоты кошевому атаману Войска Запорожского и гетману Демьяну Многогрешному // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1668–1672. СПб., 1879. Т. 9. Стб. 126.

1670

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ И ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«Року 1670. Гетман *Дорошенко* послал своего Резидента к Царю Турецкому, и з того времени бывали у Турчина Резиденты Козацкие. <...>

Того ж году приехал от Цареградского Патриарха Роман Ракуш<к>а[1], Протопоп Браславский, объявил, что велел <видел> соборную клятву от Святейшего Патриарха на Гетмана Дамияна Многогрешного; и домыслися, что се по Дорошенковом у Турецкого Царя прошению зделано, дабы Патриарх Многогрешнего проклинал за то, что, его отступивши, сам Гетманом стал».

Грабянка 1793. Ч. 3. С. 208–209. – См. также: *Грабянка 1854.* С. 203–204; *Самовидец 1846.* С. 56; *Самовидец 1878.* С. 108–109; Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878.* С. 272.

[1] Протопоп Брацлавский Роман Ракушка-Романовский (1623–1703), уроженец Нежина, бывший казацкий старшина, посланник гетмана П. Д. *Дорошенко* и митрополита Иосифа (Нелюбовича-Тукальского) к Константинопольскому Патриарху Мефодию III; один из вероятных авторов «Летописи Самовидца».

1671

ЯНВАРЯ 15. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Издание указа «о Стеньке Разине».

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 1. С. 862.

См. также в летописи С. В. Величко: «...1669 року <...> повстал з Дону Донский Козак и крамол<ь>ник Стен<ь>ка Разин, з подобными себе легкомислниками Донцами, и прибравши значную часть войска, многую бунтом своим царству Рос<с>ийскому нанесл трудность, одобравши от него под свою власть Астрахань и Казань, и многие деревни Московские разоривши; но не по долгом времени зостал чрез Россов пойман, и достойную за свое злодеяние восприял казнь. А страни тие, их же Разин себе подчинил был, паки к достойной власти Царской возвратишася.

Повествуется же от старих людей Рус<с>ких, яко той крамол<ь>ник Разин был зросту високого и уроди красной, в силе и мужестве изобилен, и первее на морю Азовскому з Донцами Туркам и Татарам, потом на морю Хвалинском Персидам и иншим тамошним народам многие чинил пакости и разбои; навет и в самую Персиду по том же Хвалинском морю заплинувши, з премногими и богатими назад оттоль повернул користми; и таковым благополучием уведшися, возбуялся был и против владыки своего Государя Московского, пред которим на своей фортуне зпоткнувшися, упал тяжко и погибл вес<ь>ма» (*Величко 1851.* С. 235–236).

См. также: *Самовидец 1846.* С. 50–51; *Самовидец 1878.* С. 97.

МАРТ-АПРЕЛЬ. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«В известных источниках в течение марта и апреля в 1671 г. <Остап> Гоголь в целом четыре раза фигурирует как наказной гетман (<см.> <...> письмо из Бара от поручителя Мочидловского к великому коронному маршалку и коронному гетману Яну Собескому от 12 марта <...>; письмо из Львова от Яна Собеского к краковскому епископу Анджею Тшебицкому от 25 марта <...>; универсал Яна Собеского об опасности от 12 апреля; здесь сказано, что по приказу Петра *Дорошенко* Остап Гоголь с казаками под Стеной (город в Брацлавском воеводстве) присоединился к буджацким, белогородским, очаковским и добруджанским татарам, которые вторглись на Брацлавщину как союзники *Дорошенко*, причем отмечено, что Гоголь – наказной ("destynowany") гетман <...>; универсал Яна Собеского к шляхте Волынского воеводства от 16 марта, отправленный из Львова <...>; такого же содержания универсал Яна Собеского от 16 марта, адресованный шляхте Руского воеводства)».

Крикун. С. 43.

ЛЕТО-ОКТЯБРЬ. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«Летом в 1671 г. Остап Гоголь совместно из "серденятами" *Дорошенко* помогал татарским отрядам, которые совершили нападение на Подольское и южные территории Волынского воеводств. Великий коронный гетман и маршалок Ян Собеский в письме Петру *Дорошенко* от 10 июля из Товстолуга (село в Теребовельском уезде Руского воеводства) не без основания упрекнул его в том, что Гоголь делал это не без его разрешения. По-видимому, и в то время Остап Гоголь был наказным гетманом. Тогда подольское полковничество ему не принадлежало: началом сентября в 1671 г. датируется упоминание о Константине как подольском полковнике, следовательно, это правление Константин занял летом.

Летом в 1671 г. началась военная кампания под руководством Яна Собеского, который стремился вернуть Речи Посполитой украинские земли, контролируемые Петром *Дорошенко.* В частности, он намеревался ликвидировать Подольский полк — незаконный с точки зрения польских властей. Но здесь он подвергся сильному сопротивлению подольского казачества, которое особенно сосредотачивалось в Могилеве, где его возглавляли Остап Гоголь и Константин. В одной из вылазок казаков из Могилева против осаждавших поляков был ранен ("postrzelony") Балацко, а его отец, как сказано в анонимном сообщении от 21 сентября из ставки Яна Собеского из-под Бара, едва смог отступить назад в город. В начале октября поляки получили Могилев[1]. Гоголю, Константину и многим казакам, удалось, переправившись через Днестр, убежать в Молдавию. <...> Голландский путешественник Ульрих Вердум, который сопровождал Яна Собеского в этой военной кампании, в своем дневнике, описывая взятие Могилева, замечает, что Гоголь и Константин — "оба казацких полковника" ("zween kosackische Obriste"). <...>

Ян Собеский затребовал от перкулаба (наместника), который правил в округе Молдавского княжества с центром в городе Сороки над Днестром, выдать Гоголя, Константина и других казаков-вожаков из Могилева, но перкулаб ответил, что без разрешения своего властителя (господаря) их не отдаст... (письмо Яна Собеского к Анджею Ольшовскому из-под Брацлава от 13 октября в 1671 г.) <...> Собескому же стало известно, что Остап Гоголь и Константин заявили письменно о своем намерении присоединиться к Михаилу Ханенко — правобережному казацкому гетману с 1669 г., которого поддерживала Речь Посполитая. Взвесив на это, польский гетман отправил обоим охранительные грамоты, чтобы обеспечить их переход на сторону Ханенко. Однако Константин от этого намерения отказался и остался в Молдавии. Судя по последующим событиям[2], Гоголь поступил так же».

Крикун. С. 44–46.

[1] «Раздраженные поляки попытались привести западную Украину к прежней зависимости от себя и с этой целью послали в Брацлавщину гетманов Яна Собесского и Димитрия Вишневецкого, которые взяли и вырубили посад в Могилеве и оставили в замке польский гарнизон. В следующем <1672> году Подолия была за-

нята турками; последние, расставляя по разным городам свои гарнизоны, заняли и Могилев, но этому городу суждено было еще несколько раз переходить из рук в руки, причем и он и его окрестности подвергались полному разграблению» (Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета. Под редакциею священника Евфимия Сецинского. Приходы и церкви Подольской епархии. Каменец-Подольск, 1901. Вып. 9. С. 685).

[2] См. ***1672. Марта 10 Каменец-Подольский.***

ОСЕНЬ – КОНЕЦ ГОДА. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«1671. Послал *Дорошенко*[1] к Паше Силистрийскому, просячи Орды, с которою бы пойти зимою на Украину, которая прибывши, много шкод и обид людем по вольностях <по волостях>, до Короны Польской надлежащих, поделала».

Грабянка 1793. Ч. 3. С. 209. См. также: *Грабянка 1854.* С. 204; *Самовидец 1846.* С. 57; *Самовидец 1878.* С. 110–112; Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878.* С. 272–273.

[1] В то время П. Д. *Дорошенко* подписывался следующим образом: «Петро *Дорошенко*, Гетман Найяснейший Порты Отоманской Украино-Малороссийский и всего войска Запорожского» (*Величко 1851.* С. 302).

1672

ЯНВАРЯ ПОСЛЕ 16. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ И ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«...В 1672 году, по Богоявлении Господнем, паки *Дорошенко* с Ордою намалою и з своими войсками на Украину нападши, но городов нигде не добувши, посады огнем пожегл...»

Грабянка 1793. Ч. 3. С. 210–211. – См. также: *Грабянка 1854.* С. 205.

МАРТА 10. ВОСКРЕСЕНЬЕ. КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ

«В сообщении из Каменца от 10 марта в 1672 г. сказано, что Гоголь и Константин “вышли из Ясс с господарем Дукой к Мультанам”. Вероятно, речь идет о поддержке Гоголем и Константином господаря Молдавского княжества Георгия Дуки в борьбе с восставшими против него тамошними вельможами Михаилом Гинкулом и Дураком, которые около зимы 1671/1672 года заняли столицу княжества Яссы и сбросили Дуку из престола. То, что эти трое, – Дука, Гоголь и Константин – отправились из Ясс к Мультанам, означает, что они убежали к Валашскому княжеству с очевидной целью найти там политическое убежище. Вскоре при содействии турков и татар Георгий Дука опять воцарился в Яссах, а Остап Гоголь и Константин вернулись к Молдавскому княжеству».

Крикун. С. 46.

МАРТА 12–13. ВТОРНИК-СРЕДА. БАТУРИН

Взятие за измену под стражу гетмана Демьяна Многогрешного, который «до Турецкого Солтана хотел поддатися»[1] («начал был тайнии чинити корреспон-

денции з тогобочним Гетманом Петром *Дорошенком*, намериваючи такожде, як и Дорошенко, с сегобочною Украиною склонитися под державу Турецкую»[2]).

[1] Донесение Государю Царю АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ, от имени всех Старшин Войска Запорожского, Обозного Петра *Забелы*: об измене Гетмана Демьяна Многогрешного и взятии его под стражу, с прошением о присылке войск для предосторожности от крамольников и для избрания нового Гетмана. Писано 1672, марта 14 // Собрание государственных грамот и договоров. СПб. 1826. Т. 4. С. 263–265.

[2] *Величко 1851*. С. 304.

ИЮНЯ 17. ПОНЕДЕЛЬНИК. КОЗАЦКАЯ ДУБРОВА, МЕЖДУ КОНОТОПОМ И ПУТИВЛЕМ

Избрание в запорожские гетманы генерального судьи Ивана Самойловича[1], с тем, чтобы тот с «Гетманом *Дорошенком* ни о чем не списовался» и никакой помощи ему не оказывал[2].

«1672 году за повелением Его Царского Величества АЛЕКСИЯ МИХАЙЛОВИЧА, зъехавшися все войское Запорожское в Козацкую Дуброву, между Путивлем и Конотопом, в раде вольными голосами избрали Гетмана Ивана Самойловича...[3] <...> Там же били челом Царскому Величеству, не поставляя еще Гетмана, вся Енеральная Старшина: Обозный Петр *Забела*; Судии два: Иван Самойлович, Иван Домонтович <...> со всею своею Старшиною войсковою <...>, дабы были войску Запорожскому объявлены постановленные мирные договоры <...>, понеже многие чрез Ляхов, на Коммисии бывших, на словах и письмах произошли в Малороссийском народе смущения, будто нарочно Царское Величество Малую Россию з войском Запорожским и Киев постановил отдати паки Ляхам в работное иго, и Ляхи з Киева имеют мощи Святых розвезти по Польше; такожде и Козаки принужденны будут награждать чрез всю войну за забранные по всей Польше и по Костелам скарбы, аппараты, и прочих несведомых нанесли Ляхи вредительных вестей...»[4]

[1] Собрание государственных грамот и договоров. СПб. 1826. Т. 4. С. 266.

[2] *Величко 1851*. С. 320, 322.

[3] «А на раде были и к статям руки приложили: Преосвящен<н>ий Архиепископ Лазарь Баранович Черниговский и Новгородский. <...> Гетман Иван Самойлович. Обозной Петр *Забела*: в его место руку приложил сын его Степан» (*Величко 1851*. С. 310–311).

[4] *Грабянка 1793*. Ч. 3. С. 213–215. См. также: *Грабянка 1854*. С. 208–209; *Самовидец 1846*. С. 59; *Самовидец 1878*. С. 114–116, 274; Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878*. С. 274–275.

ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ

«...Перед 21 июня в 1672 г. в Каменец из Ясс поступила весть, что Гоголь – “известный полковник-мятежник” – все еще узник (“prisonnier”)[1] у Михаила Ханенко. Когда и как он попал в такое положение, можно лишь догадываться. По-видимому, за поддержку Георгия Дуки[2] его схватил и выдал Ханенко Михаил Гинкул, который, потерпев поражение от Дуки, бежал под протекцию Речи Посполитой и осел на юге Брацлавского воеводства, в частности в Рашкове – районе, контролируемом Ханенко».

Крикун. С. 47.

[1] Вероятно, с мая 1672 г., когда «Гинкул вместе с гарнизоном Рашкова, который состоял из поляков и, наверно, из Ханенковых казаков, <...> разбил Константина, который перед тем с турками, татарами, “валаха-

ми" и своими казаками, пошел на подмогу *Дорошенко*; Константину едва удалось спастись бегством», а Гоголь, вероятно, попал в плен (*Крикун*. С. 47).

[2] См. ***1672. Марта 10. Каменец-Подольский.***

АВГУСТ. КАМЕНЕЦ-ПОДОЛЬСКИЙ

«...*Дорошенко*, видя себе отвсюду утесняемого, не хотя же Гетманства потеряти, беспрестанно Турецкого Царя[1] просил о помочи, чего Турецкий Царь Христианом желая, сам со всеми войсками, приказавши и Ханам з Дорошенком к себе при<й>ти, под Каменец пришол, и <...> граждане, в облежению бывшии недели две, Августа 18 Каменец Турчину отдали. В то время для въезду Турецкого Солтана очищая место, мертвых людей из гробов выбирано и вне града вывожено, и по улицах градских, где болото и грязь была, Иконами церьковными путь постилано и мосты мощено: по которым Турчин и его подданные безбожные, не поболевши сердцем за обругание икон (все то властолюбства ради), въехали в Каменец... <...> И оттуду Царь Турецкий своего Визиря и Хана и *Дорошенка* з войсками великими города и села опустошил и людей забирать велел...».

Грабянка 1793. Ч. 3. С. 211–212.

См. также: «...*Дорошенко*, видя себе отвсюду утестяемого, не хотящу же Гетманства погубить, беспрестанно Турецкого Царя просяше о помощь, — чего Турецкий Царь Христианам желая, сам со всеми войски, приказавши и Ханове з Дорошенком к себе прийти, под Камянец прийде и <...> граждане, в облеженю бывшие недель две, 18 числа месяца августа Камянец Турчину отдаша. Для его же уезду очищающи, мертвых людей з склепов вибрано и вне града вывожено; такожде по улицях градских, где блато и грязь бяше, иконами церковными путь постилано и мости мощено, — по них же Турчин и его подданный, безбожный *Дорошенко*, — не поболевши сердцем за обругание икон Божиих, честолюбия ради — въехали в Камянец» (*Грабянка 1854*. С. 206).

См. также: *Самовидец 1846*. С. 58–59; *Самовидец 1878*. С. 114–115; Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878*. С. 273–274.

[1] Султана Мехмеда IV.

СЕНТЯБРЯ 26. ЧЕТВЕРГ. ЛЬВОВ

«Того ж лета визирь и хан и *Дорошенко* з войсками великими ходили под Л<ь>вов и куды ишли пустошили...»[1]

26 сентября началась осада Львова, а 16 октября был подписан Бучачский договор, условия которого были продиктованы Османской империей.

[1] *Самовидец 1846*. С. 59. См. также: *Самовидец 1878*. С. 115.

1673

ЯНВАРЬ. КАНЕВ

Брак Е. Я. *Лизогуба* и Любови *Дорошенко*, дочери Петра *Дорошенко*.

Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 3. С. 99.

ФЕВРАЛЯ 16. ВОСКРЕСЕНЬЕ. КАМЕНЕЦ

Неизвестный автор письма, отправленного в Польшу, сообщает:

«Гоголь и полковники были в моем доме и разные речи рассказывали».

Крикун. С. 48.

АПРЕЛЯ 13. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАРШАВА

На совете сената, состоявшемся во время работы Варшавского сейма, королевский ротмистр Марцин Богуш получает письменное полномочие вести с Остапом Гоголем и брацлавским полковником Павлом Лисицей, «склонными» к Польше, переговоры о переходе на службу Речи Посполитой.

Крикун. С. 48.

ОКТЯБРЯ 21. ВТОРНИК. ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ДНЕСТР, ВОЗЛЕ СЕЛА ЛУКИ

Среди поляков распространяется слух, что будто бы Остап Гоголь с несколькими тысячами казацкого войска должен прибыть на помощь туркам[1].

Крикун. С. 48.

[1] Ср. ***1674. Мая 14. Могилев.***

НОЯБРЯ 10. ПОНЕДЕЛЬНИК

«В сем году умре Король Польский Михаил Корибут Вишневецкий, а Ян Собеский <в 1674 г.>[1] Королевство принял».

Рубан 1777. С. 115.

[1] См. ***1874. Мая 19. Вторник.***

НОЯБРЯ 11. ВТОРНИК. ХОТИН

Битва под Хотиным, в результате которой польско-литовское войско под командованием коронного гетмана Яна Собесского одержало победу над турецкими войсками.

1674

ЯНВАРЬ – ИЮЛЯ СРЕДИНА. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«1674 году Князь Григорий Ромадановский и Петр Скуратов да Гетман Иван Самуилович с войсками пошли на *Дорошенка* и тотчас город Черкасы, чрез Ивана Гуляка, Дорошенкова обозного генерального, Генваря 7 дня, а потом Канев,

чрез Якова *Лизогуба*, взяли, и для того Дорошенко на защищение Корсуня послал семь полков с полковниками: Корсунским Михаилом Рословцем, Уманским Ефимом Торговицким, Брацлавским Григорьем Белогрудом, Подольским Григорьем Дорошенком, Могилевским Остапом Гоголлем <так>, Паволоцким Андреем Дорошенком, и с командиром их Григорьем Гамалеею, а сам затворился в городе Чигрине[1] и послал по Орду в Крым».

Рубан 1777. С. 115–116; см. также: Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878.* С. 276.
Об этих событиях Н. В. Гоголь мог узнать также из хроник Г. И. Грабянки и Самовидца, «Истории Русов», «Летописного повествования о Малой России...» А. И. Ригельмана и др. источников (см. ниже).

«...В 1674 году Князь Григорий Григорьевич Ромодановский и Петр Димитриевич Шкуратов, совокупяся з Гетманом Запорожским Малороссийским Иваном Самойловичем, потягли под Чигрин, где затворившегося Гетмана *Дорошенка* своими полками не достали и потягли под Черкасы, которые чрез Ивана Гулака, Обозного Енерального Дорошенкового, примирились, януария дня 1, и в Черкасах несколько полков оставя, под Канев рушили, но и в Каневцы чрез Якова *Лизогуба* примирились. Что видя Гетман *Дорошенко*, яко городы крепкии под Днепру Гетману Самуйловичу поддалися, бояся же и о Корсуне, послал от себе полков семь з Чигрина, над которыми были Полковники: Корсунский: Михайло Соловей; Торговицкий: Евфим, Уманский; Григорий Белогрудь[2]; Кал<ь>ницкий: Андрей Гоголь[3]; Паволоцкий: Андрей Дорошенко; Наказным же Гетманом над ними Григорий Гамалея, а сам, затворився в Чигрине, послал по Орду... <...> Того ж времени <...> Гетман Ханенко, от Короля Вишневецкого постановленый, по смерти Королевской булаву и бунчук, от Короля ему на Гетманство данные, и войско, при нем сущее, Гетману Самуйловичу (поклонилися того ж времени) з Гетманством отдал; которому определено в Киев прожити. <...> ...А Гетман *Дорошенко* <...> просил отложити раду до лета, дабы здал Самойловичу Гетманство; а тем временем затягл Орды: Солтанов трох и з Сердюками, з компаниею и Черемисами, в месяце априле з Чигрина рушив, городы, поблизу бывшие, подоставал и попалил... <...> В тое ж время <в мае> вышел из Крыму в двадцати тысячах Орды некоторый Салтан наново *Дорошенку* в помощь... <...> По якой Дорошенковой неправде, Князь Ромодановский и Гетман Самойлович, посоветовав з собою, потягли з войсками великими под Чигрин и облегли сторону от Черкас и Затясминскую, по которой *Дорошенко* в Крым чрез Гоголя[4] и в Царьград с горячим прошением посылая, подвигнул повторно Солтана Турецкого и Хана...»[5]

«Со вступления Гетмана Самуйловича в управление Малороссиею воззывал он Заднепрские полки и всех тамошних жителей в соединение с ним в одну протекцию Российскую, и многие начальники тамошние отзывались готовностью своею на сие соединение, но полагали препятствием в том одних своих самозванных Гетманов, *Дорошенка* и Ханенка, и их нелепые протекции. По сему в начале 1674 года предпринят поход Самуйловичем и Князем Ромодановским с их войсками в Заднепровскую Малороссию для поисков над тамошними Гетманами. Поход сей сначала сопровождался желаемыми успехами, Заднепровские полковые города: Черкасы, Генваря 7-го, а Канев, Февраля 3-го, сдались Самуйловичу при первом появлении под ними войск Малороссийских, а начальник Каневского гарнизона, Генеральный Старшина Яков Лизогуб, соединился с Самуйловичем. Гетман Уманьский, Ханенко, по смерти благодетеля своего, Короля Польского Михаила Корибута Вишневецкого, и когда в Польше выбран был Королем недоброжелательствовавший ему бывший Коронный Гетман Ян Собиевский, в марте месяце того же года сдал свое Гетманство Самуйловичу... <...> *Дорошенко*, видя успехи Самуйловича и преклонность к нему народа, рвался от того неистовства и истреблял варварски селения и жителей, соединившихся с Самуйловичем. Войска его, державшиеся под командою своих Полковников: Михайла Забелы, Ефрема Уманьца, Григория Белогруда, Григория Дорошенка, Остапа Гоголя, Андрея Соцкого и Андрея Дорошенка, при Асауле Генеральном Григории Гамалии, отправил он к городу Корсуню и велел держаться при нем в оборонительном состоянии до его прибытия к ним, а сам, с прибывшими к нему помощны-

ми Крымскими Татарами, отправился к реке Днестру для вызову Турецких войск от Паши Силистрийского...»[6]

«*Дорошенко* снабжает силами города свои и призывает на помощь Татар. – *Дорошенко*, видевши силу Российскую, наступающую на него, и что отбирает у него города и полки, послал того для на защищение города Консуна семь полков с полковниками, Корсунским Михайлом Рославцем, Уманским Ефимом Торговицким, Брацлавским Григорьем Белогрудом, Подольским Григорьем Дорошенком, Могилевским Остапом Гоголем, Паволоцким Андреем Седым, Кальницким Андреем Дорошенком, и, с главным над ними командиром, Григорьем Гамалеем, а сам затворился в городе Чигирине, и послал по скорости в Белгородскую Орду к Татарским Султанам с прошением, чтоб дали ему хотя несколько Татар для устрашения войска Московского»[7].

[1] Согласно сообщению Ивана Самойловича от 2 февраля 1674 г. в осаде в Чигрине вместе с Петром Дорошенко находился и Остап Гоголь (*Крикун*. С. 49).

[2] Далее пропущено: «Браславский: Григорий Дорошенко; Подольский и Могилевский: Евстафий Гоголь». Ср. ниже текст летописи Г. И. Грабянки издания 1854 г.

[3] Фамильное прозвище кальницкого полковника Андрея – Гоголь – вписано, по-видимому, ошибочно (см. предшествующее примеч.). Настоящая фамилия кальницкого полковника была Ребриковский (см. ***1674. Марта 17. Переяслав***; ***1674. Апреля 9. Москва***). – См. также ***1674. Декабря 6. Воскресенье. Польский королевский лагерь под Кальником.***

[4] См. ***1674. Июля средина. Правобережная Украина***.

[5] *Грабянка 1793*. Ч. 3. С. 218–221.

См. также: «Году 1674. Боярин Князь Григорий Григорьевич Ромодановский и Петр Димитриевич Шкуратов, злучившися з Гетманом Запорожским Иваном Самойловичем, потягли з войсками под Чигирин, где затворившегося Гетмана *Дорошенка* з своими полками не достали и, отступивши, потягли под Черкаси, которые чрез Ивана Гулака, Обозного Енерального Дорошенка, примирили, януария дня 1, – и в Черкасах скол<ь>ко полков оставивши, под Канев рушили, и в Каневци чрез Якова *Лизогуба* примирили. Что видя Гетман *Дорошенко* – же гради крепкие под-над Днепром Гетману Самуйловичу поддалися, боячися бо й о Корсуне, послал от себе полков седм з Чигирина, над ними же были Полковники: Корсунский Михайло Соловей, Торговицкий Евфимий, Уманский; Григорий Белогрудь, Браславский; Григорий Дорошенко, Подол<ь>ский, и Могилевский Евстафий Гоголь, Кал<ь>ницкий Андрей <Ребриковский>, Паволоцкий Андрей Дорошенко; над которими полками поставил Наказним Гетманом Григория Гамалею, а сам, затворившися в Чигирине, послав по Орду... <...> Того ж часу <...> Гетман Ханенко, от Короля Вишневецкого поставленый, по смерти Королевской булаву и бунчук, от Короля ему на Гетманство дан<н>ые, и войско, при нем сущее, Гетману Самуйловичу з Гетманством отдал; которому определено до времени прожити в Киеве. <...> А Гетман Дорошенко <...> просил отложить раду до лета – даби здал Самойловичу Гетманство; а тем временем затягл Орди Солтанов три <...> в месяце априлю з Чигирина рушивши, гради, поблизу бывшие, подоставал и попалил... <...> В тое ж время <в мае> вийшол з Криму в двадесяти тысячах Орди некий Солтан наново Дорошенку в помоч<ь>... <...> По коей Дорошенковой неправде, Боярин Ромодановский и Гетман Самойлович, благоразумно посоветовавши, потягли з войсками великими под Чигирин и облегли сторону от Черкас и Затясминскую, которою *Дорошенко* в Крим и чрез Гоголя в Цариград горячим прошением посылаючи, подвигнул повторне Солтана Турского и Хана...» (*Грабянка 1854*. С. 212–215). – См. также: *Самовидец 1878*. С. 276.

[6] *История Русов 1846*. С. 174–175.

[7] *Ригельман 1848*. Ч. 2. С. 131–132.

МАРТА 5. ЧЕТВЕРГ. ПЕРЕЯСЛАВ

«...5-го марта прибыли полковники: брацлавский Павел Лисица и подольский Остап Гоголь, с известием о переходе на царскую сторону полковников в Корсуне».

Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. Т. 15. Руина. Историческая монография. 1663–1687. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича. СПб., 1882. С. 460.

МАРТА 17. ВТОРНИК. ПЕРЕЯСЛАВ

Избрание запорожского гетмана Ивана Самойловича гетманом обеих сторон Днепра. Подольский полковник Гоголь (Евстафий) присягает, в числе прочей правобережной старшины, в присутствии новоизбранного гетмана и князя Г. Г. Ромодановского, на верность царю Алексею Михайловичу[1].

Собрание государственных грамот и договоров. СПб. 1826. Т. 4. С. 301. – См. также ***1674. Марта 19. Переяслав.***

[1] Самовидец, основываясь, по-видимому, на том, что уже в апреле 1674 г., спустя лишь месяц после рады в Переяславле, Евстафий Гоголь отошел от Ивана Самойловича – а затем вновь оказался на стороне Петра *Дорошенка* (см. ниже), ошибочно полагал, что на той раде Гоголь не присутствовал: «...Гетман Ханенко по смерти короля Миха<и>ла <...> здал гетманство <...> и так совершенно в обоих сторон Днепра по<д>твердили Гетманство Ивану Самоиловичу, на той раде в Переяславлю, по самий Днестр, тил<ь>ко над Днестром Гоголь, не хотяче полковництва утратить, держался при руце Дорошенковой...» (*Самовидец 1846*. С. 62. См. также: *Самовидец 1878*. С. 122).

МАРТА 19. ЧЕТВЕРГ. ПЕРЕЯСЛАВ

Старшина запорожского войска «той стороны Днепра» генеральный обозный Иван Гулак, есаул Яков *Лизогуб*, подольский полковник Евстафий Гоголь и другие представители правобережной казацкой старшины, сообщают царю Алексею Михайловичу о своей присяге на верность и просят царя писать польскому королю, «чтоб <...> Ляхи из города Белоцерковского уступили»[1].

«Яко Православной Восточной Церкви, Матери Сионской, сынове, хотя из-под ига бусурманского отступити, которому ради и не ради были есть, не имея где дет<ь>ся, с бывшим гетманом нашим Петром *Дорошенком* служити поприсягли, постерегшися и жалею поползновения своего, взяв меж собою союз братской любви и единомысленно усоветовал, тебе, Великому Государю, <...> съехався на <г>енеральную раду в Переясловль, перед бояриным и воеводою князем Григорием Григорьевичем Ромодановским и пред гетманом господином Иваном Самойловичем, согласно и добровол<ь>но поклонилися и в вечное подданство, яко православному монарху, все купно поддались, и того ж господина Ивана Самойловича над всеми нами бытии гетманом обрали и вол<ь>ными голосами упросили, с которым вечно и непременно Вашему Царскому Пресветлому Величеству отныне и до века служить верно обещаемся христианскими душами нашими и неложною совестию, при крестном целовании, обовязуемся. <...> Писан во граде Переясловле, лета от Рождества Христова 1674, марта в 19 день. Иван Гулак, обозный; Яков *Лизогуб*, ясаул, Филип<п> Горлый, черкас<с>кий; Степан Буренко, белоцерковский; Михайло Соловей, корсунский; Стефан Щербина, торговянский; Павел Лисица, брасловский; Андрей Ребриковский, кал<ь>ницкий; Евстафей Гоголь, подол<ь>ский, войска Вашего Царского Пресветлого Величества полковники, сотники и атаманы со всею черныю руки наши подписали»[2].

[1] См. ***1674. Апреля 10. Москва.***

[2] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1672–1674. Прибавления 1657. СПб., 1879. Т. 11. Стб. 409–411.

АПРЕЛЯ 9. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Подольскому полковнику Евстафию Гоголю, вместе с другими правобережными полковниками, посылается грамота царя Алексея Михайловича

с обещанием «хранить их в Царской милости». («Роспись, к которым полковником тое стороны Днепра посланы Великого Государя грамоты с милостивым словом, за отворчетою печатью, на красном воску, под гладкою кустодиею: паволоцкому Константину Михалевскому, кал<ь>ницкому Андрею Ребриковскому, торговицкому Степане Щербине, брясловскому Павлу Лисице, белоцерковскому Степану Бутенку, уманскому Григорью Белогруду, подол<ь>скому Евстафью Гоголю, корсунскому Михайлу Соловью, чигиринскому Якову Карицкому».)

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1672–1674. Прибавления 1657. СПб., 1879. Т. 11. Стб. 422–424.

АПРЕЛЯ 10. ПЯТНИЦА. МОСКВА

«1674, апреля 10. Царская грамота генеральной старшине и полковникам правобережной Украины, поддавшимся под царскую руку, где дается казакам обещание не отдавать их Полякам» (в грамоте упоминается, в числе других, подольский полковник Евстафий Гоголь: «...Войска Запорожского тое стороны Днепра старшине, генеральному обозному Ивану Гулаку, судье Якову Петрову, ясаулу Якову *Лизогубу*, да полковникам: <...> подол<ь>скому Евстафью Гоголю...»). «А что вы же, старшина, <...> писали, чтоб из Белой Церкви поляков вывести вскоре[1], – <...> указали Мы <...> отложить до съезду Наших, Царского Величества, великих и полномочных послов Коруны польской и Великого Княжества Литовского с великими и полномочными комиссары...»

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1672–1674. Прибавления 1657. СПб., 1879. Т. 11. Стб. 422–424.

[1] См. ***1674. Марта 19. Переяслав.***

АПРЕЛЯ 19. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ

МАРТА 17 – АПРЕЛЬ. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«...Тогда ж Ханенко именем Короля Вишневецкого булаву, бунчук и знамя, и войско свое и Гетманство свое Гетману Самойловичу отдал и велено ему жить в Киеве. Потом <...> по совету с Малороссийскою старшиною при Князе Ромодановском подтвердили Самуйловича на обе стороны Днепра даже до Днестра реки, единым Гетманом, тогда ж и *Дорошенко* Гетман прислал на совет в Переяслав Ивана Мазепу, желая якобы и сам прибыть и просил отложить совет, то есть раду, до лета, обещаясь поддаться, а после в Апреле оный Гетман *Дорошенко* с 3 Салтанами Орды Крымской и с войским, с Сердюками, с компанейцами и Черемисами ближние к себе городы войною достал...»

Рубан 1777. С. 117–118.

МАЯ 7. ЧЕТВЕРГ. СТЕНА

Полковник Андрей Мурашко сообщает гетману Ивану Самойловичу (послание на польск. яз.):

«Будучих <...> в Шар-городе, от Гоголя <...> взял есть <письмо>... <...> О Гоголе ведомо чиню милости твоей, что поддался войску Речи Посполитой пол<ь>скому, где и листы, ко мне писанные, для лутчего уведомленья посылаю к милости твоей...»[1]

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1672–1674. Прибавления 1657. СПб., 1879. Т. 11. Стб. 472.

[1] Письма не сохранились.

МАЯ 14. ЧЕТВЕРГ. МОГИЛЕВ

Киевский городничий Александр Ловицкий сообщает подольскому полковнику Михаилу Зеленскому (послание на польск. яз.):

«Егда предприятую из давних времен к Речи Посполитой господина Гоголя, полковника могилевского, ясневел<ь>можному его милости господину моршалку и гетману великому коронному, добродею моему, пришло чрез меня взыскивать приятства, и того упоминатись слова, которое от господина полковника могилевского дано есть пред победою, одержанною под Хотином[1], его милости, добродею моему, — тогда я, приехав в Могилев в посол<ь>стве от его милости добродея и от целой Речи Посполитой, отчасти уразумел есмь, что ты, господин мой, с другой стороны обходить изволяешь Могилев, что яко бесправие отчине нашей деется, а не по должности хранения приятства. С належности моей, чиню ведомо милости твоей, моему господину, что как преж сего, так и ныне повет Могилевский истинно склонен есть Речи Посполитой и едино разует с Речью Посполитою; прошу, дабы никакой не чинили Могилеву налоги и к нему поветом належащим. <...> И то не тайно и разумею, что воеводство Подол<ь>ское граничится по Мурахву реку»[2].

Тот же киевский городничий Александр Ловицкий в тот же день сообщает полковнику Андрею Мурашке (послание на польск. яз.):

«Приветствовати всяк себе о том может, что народ христианский приходит к единству приятством, и есть надежда во всемогущей деснице Божии, что над неприятели креста святого победу одержим... <...> Надеюся, что и ты, милостивой мой господин, егда воззришь само существо, и от того перестать похочешь предприятие, которое руководительствует тебя, господина, на разорение Могилева, которое верно подданство чрез господина Гоголя, полковника из давних времен здешнего, еще пред победою хотимской объявлено есть ясневельможному его милости господину маршалку и гетману великому корунному, добродею моему, куда я в то время будучим посланным от Речи Посполитой, ведомо чиню о том и желаю, дабы ты, господин мой, уведомлен был, что по Мурахву реку воеводство Подол<ь>ское, к которому вступатца належит Речи Посполитой: понеже издавна истинная охота склонна к Речи Посполитой того воеводства объявлена есть»[3].

[1] См. ***1673. Ноября 11. Вторник. Хотин.***

[2] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1672–1674. Прибавления 1657. СПб., 1879. Т. 11. Стб. 473.

[3] Там же. Т. 11. Стб. 474.

МАЯ 5 – МАЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. ЛАГЕРЬ ПОД Г. ЯМПОЛЕМ, БРАЦЛАВСКОГО ВОЕВОДСТВА

Назначенный подольским полковником, вместо Евстафия Гоголя, Михаил Зеленский жалуется гетману Ивану Самойловичу, что Гоголь не собирается отрекаться от подольского полковничества, заявляя, что земля к западу от Мурафы подвластна ему.

«...Ведомо твоей вел<ь>можности чиню, что Сабежский соединение имеет с везирем турским и с ханом крымским, как и ныне послы есть у салтана турского Собежского, а салтанские у Собежского. Также и Гоголь, удався там чрез вымысл господина полковника брясловского, нанял камендата в Могилев у Собежского и отымает рубеж Украйны, отчины нашей, по Мурахву реку, увещевает меня, чтоб я в заграниченое воеводство Могилевское не вступал. <...> Не изволь, вельможность твоя, на меня греватись, что к милости твоей <письма> некакого Собежского камендата, именем Ловецкого, посылаю <см. ***1674. Мая 14. Могилев***>. <...> Дан в таборе из-под Янполя, месяца маия 5, 1674»

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1672–1674. Прибавления 1657. СПб., 1879. Т. 11. Стб. 470–471.

МАЯ 19. ВТОРНИК

Избрание Яна Собеского королем Речи Посполитой.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1672–1674. Прибавления 1657. СПб., 1879. Т. 11. Стб. 479.

ИЮНЯ 4. ЧЕТВЕРГ. ПЕРЕЯСЛАВ

Гетман Иван Самойлович сообщает в Москву царю Алексею Михайловичу:

«...Гоголь, полковник бывший могилевский, оставя к Вашему Царскому Пресветлому Величеству свои склонности и замучив насмерть мучительски невинно посланного нашего Самойла Завицкого <Савицкого>, радича, за имя Ваше Государское против его стоящего, на тех днях вдался и ввел к себе в Могилев на заставу[1] некоторого Александра Ловецкого, городничего Киевского, которого листы о Гоголе и о Могилеве, особно о розграничении Украины с воеводством Подол<ь>ским, до Зеленского и Мурашки писанные[2], вместе с их листами, к нам писанными[3], к Вашему Царскому Пресветлому Величеству посылаю. Мы, однако ж, предваряя того Гоголя тем его злым поступкам, вручили есмы нынешнему полковнику могилевскому Зеленскому, чтоб около его с Мурашкою имели промысл и чтоб не давали ему в той своей воли расширятися, которой вскоре даст Бог за ту невинную кровь возмет своей конец».

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1672–1674. Прибавления 1657. СПб., 1879. Т. 11. Стб. 469.

[1] «Т. е. дозволил занять Могилев польскому отряду» (пояснение А. М. Лазаревского). А. М. Лазаревский ошибочно полагал, что «вот за эту отдачу Могилевской "фортецы", король и наградил Гоголя селом Ольховцем, в котором следует видеть теперешнее местечко Ушицкого уезда; оно действительно могло быть жалуемо королем в 1674 г., потому что в это время значится в числе *королевских имений*» (*Лазаревский А. М.* Сведения о предках Гоголя // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 2. С. 7–8; *Свод.* Т. 1. С. 340). На самом деле селом Ольховцем король Ян III наградил Гоголя после вторичной передачи им Могилева полякам в ноябре того же 1674 г. (см. ***1674. Декабря 6. Воскресенье. Польский королевский лагерь под Кальником***).

[2] См. ***1674. Мая 14. Могилев.***
[3] См. ***1674. Мая 4. Стенка*** и ***1674. Мая 5 – мая вторая половина. Янполь.***

СРЕДИНА ИЮНЯ. МОГИЛЕВ

«В третьей декаде июня в 1674 г. Михаил Зеленский, очевидно, с помощью комонного полковника Андрея Мурашка выбил Остапа Гоголя с его полком из Могилева[1]. <...> Зеленский приобщил Могилев к “владениям” Ивана Самойловича и стал таким способом териториально адекватным подольским полковником. Остап Гоголь с этой потерей мириться не собирался. Чтобы вернуться в Могилев, он начал искать поддержки у татар и турков»[2].

Крикун. С. 51.

[1] До этого Могилев находился в осаде. См.: «<7>182 <1674> года, июля в 18 день в Киеве боярину и воеводам князю Юрью Петровичю Трубец<кому> с товарыщи, Киевопечерского монастыря житель Стенка Матвеев в роспросе сказал: был де он в Турецкой, и в Волоской, и в Мултянской землях, для торгового промыслу, и тому ныне недели с четыре пришел в полоскую землю ис турской земли Каплан <Калган> Паша, а с ним турков тысячи с четыре, и стал на урочище Цоцоре от города Ясс в пяти верстах; <...> А около де Могилева, что над рекою Днестром стоит полковник Мурашка с казаками, а с ним козаков тысячи с три, и тот город Могилев осадил и хлебных запасов в тот город Могилев марашкова полку казаки не пропускают, и от того в Могилеве голод великий, а в Могилеве, де, сидит в осаде *Дорошенков* полковник Гоголь, а с ним казаков серденят человек з двесте, а мещаня де, которое в том городе Могилеве в осаде сидят, говорят, будет Вел<икого> Гос<ударя> ратные рус<с>кие люди к Могилеву придут, и они де госуд<аревым> людям город здадут, потому что им голодно» (Синбирский сборник. Часть историческая. Издатели П. А. Н. Языковы, А. Хомяков, Д. Валуев. Т. 1. М., 1845 (цензурное разрешение 27 мая 1844 г.; предисловие от издателей датировано 27 октября 1844 г.). <Пагинация 5>. С. 191).
[2] Спустя месяц, 20–25 июня 1674 г., Евстафий Гоголь вернул себе Могилев (см. ***1674. Июля 15. Умань***).

ИЮНЯ 25. ЧЕТВЕРГ. БЛИЗ ДУНАЯ

По позднейшему свидетельству беглеца из турецкого плена Петра Татаринова (данному в Москве в Малорусском приказе 29 мая 1675 г.), «переправясь через Дунай, Гоголь, полковник *Дорошенков*, писал листы <туркам>, объявляя,.. не верьте, де, вы поляком, потому что они с Москвой совершили мир, збираютца на Турка. И то послыша, Турки устрашились, что им делать».

Крикун. С. 55.

КОНЕЦ ИЮНЯ. ЧЕРНОВЦЫ

Полковник брацлавский Павел Лисица, конный полковник запорожский Андрей Мурашко и подольский полковник Михаил Зеленский сообщают гетману Ивану Самойловичу:

«Запамятный в злодействах Гоголь, кровью людскою сердце свое ожесточив, и бол<ь>ши оною проливати, и здешний край ко остатней привести погибели попечения своего полагати не престает: когда и ныне со Астаматием и с иными единомышленными побежав в Каменец, там у Галил-паши Татар скол<ь>ко тысячай выплакал, которая с Култуш-мурзою, Батырчиным братом, старшим своим, а при нем скол<ь>ко сот могилевских казаков, июня 22 дня, под Черновцы подбе-

жав, хотели собранию своему от Гоголя поставленную заплату черновскими жителями, женами и дет<ь>ми их, вычесть неложно; но тут нас, трех полковников с полчаны, хотя не разными нашими о том их намерении осторожных, и тут к Черновцам прибылых, будучи с нами, учинили помычку, где, при помощи Божией и счастием вседержавного монарха православного, <...>, утехи не отнесши и посрамленным лицем вспять возвратились».

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1672–1674. Прибавления 1657. СПб., 1879. Т. 11. Стб. 586–587.

КОНЕЦ ИЮНЯ – НЕ ПОЗДНЕЕ 1 ИЮЛЯ. ВАРШАВА

«Перед 1 июля в Польшу поступило сообщение от анонимного польского информатора на территории Подольского воеводства, из которого узнаем, что <...> в третьей декаде июня Гоголь обратился к Галиля-паши – бейлербея (губернатора) этой провинции в Османский империи (так называемый Каменецкий эйялет) – с просьбой помочь ему отвоевать Могилев. Тот направил его к султану (сыну крымского хана Селим-гирея), который тогда стоял кошем между Каменцем и Орининым (город в Каменецком уезде). Очевидно, после этого Гоголь обратился с той же просьбой к калги-султану Селамет-гирею (брату крымского хана). К этому мнению приводит фраза из сообщения, где выражено сомнение, выделил ли калга-солтан Гоголю "что-то из своей орды"».

Крикун. С. 51–52.

НАЧАЛО ИЮЛЯ. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

Подольский полковник Михаил Зеленский сообщает переяславскому полковнику Дмитряшке-Райчу:

«...Подлинно хан с ордами сил<ь>ными Волоскою страною к Хотении имеет идти, случився с салтаном турским, пред которыми наперед идет великий везирь с турецкими войсками, а сам салтан с достал<ь>ными силами на Цыцоре имеет подлинно стать, июля 8 дня. Но вашей милости <...> докучно по сей ведомости прошу, чтобы ты с войсками с немалыми к нам имел поспешити, потому что тот весь неприятель не хочет ли наперед в наш край своих сил пустити, повод имея чрез безбожного Гоголя и его хитростных согласников; а то для того, что всего Забожья[1] наперед не прислонити[2], яко на то наговаривает Гоголь, зачем гораздо бы все Украине помешкою было».

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1672–1674. Прибавления 1657. СПб., 1879. Т. 11. Стб. 588.

[1] Забожье – земли направо от Буга в пределах Брацлавского и юго-восточной части Подольского воеводств.
[2] Не защитить.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ИЮЛЯ. ВАРШАВА

«В Варшаву поступили еще два анонимных сообщения того же происхождения[1]: одно перед 17 июля из Язливца (город в Червоноградском уезде Подольского

воеводства) от 3 июля, второе перед 10 июля из Львова. Из них известно, что Гоголь заверил алепского пашу из Турции Каплана Мустафу и калга-султана в своей верности турецкому султану и просил их "взамен" за это дать ему подкрепление, чтобы самому осесть в Могилеве. Поскольку упомянутый паша со своим войском находился в то время под урочищем Цецора в Молдавском княжестве (это войско было авангардом турецкой армии, основная часть которой следовала с юга к Дунаю походом султана в Правобережную Украину, — на помощь Петру *Дорошенко*[2]), то можно допустить, что именно там Гоголь и засвидетельствовал свою верность. В тех же двух сообщениях читаем, что калга-султан предоставил Гоголю отряд в несколько сотен лиц для нападения на Шаргород, который находился в руках Самойловичевых полковников Михаила Зеленского и Андрея Мурашко; нападение было неудачным. Прибавим, что перед этим Гоголь испытал неудачи и при попытке овладеть Черновцами (город на Мурафе) силой несколько сотен своих казаков и татар, "выплаканных" у Галиля-паши. Зеленский, Мурашко и Павел Лисица успешно отбили этот нападение. Плененный при этом татарин Ага сознался в Черновцах, что Гоголь перед тем сносился с Лисицею. Узнав об этом, "поспильство" Черновцов в гневе якобы чуть ли не забило насмерть Лисицу, и только вмешательство Мурашко спасло его. Возможно, именно об этих нападениях Гоголя на Шаргород и Черновцы идет речь в письме царя к королю Яну III Собескому от ноября в 1674 г., где сказано, что Андрей Мурашко побил "с ратными охочими людьми" "чемерисов и валахов («Woiosze»)", призванных Петром *Дорошенко*».

Крикун. С. 52–53.

[1] См. ***1674. Конец июня — июля не позднее 1. Варшава.***
[2] См. ***1674. Июля 18. Киев.***

ИЮЛЯ 12. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПЕРЕЯСЛАВ.

Переяславский полковник Дмитряшка-Райча посылает подчашему Серадскому перехваченное письмо Петра *Дорошенко*[1], «гетмана войска запорожского», к султану, в котором тот советует султану поддерживать общение с Гоголем:

«...Изволь, ваша милость, господин мой, <...> ссылаясь с моими люд<ь>ми, нам желательными, яко то Гоголем и иным, на Поднестрии будущим; а особно для того, чтоб им не допустить от Орлова с войсками выходить на Поднестрие к Могилеву, которые о том крепко труждаются...»

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1672–1674. Прибавления 1657. СПб., 1879. Т. 11. Стб. 529.

[1] От июня 1874 г. Ср. ***1674. Июля средина. Правобережная Украина.***

ИЮЛЯ 15. СРЕДА. УМАНЬ

Уманский полковник Стефан Яворовский сообщает гетману Ивану Самойловичу о бегстве из Могилева полковника Михаила Зеленского[1]:

«...Сего 15 дня июля из Забожья непотешная нас ведомость пришла, что неприятели бусурманы в Забожье вбежав, край тот безо всякого отпору разоряют, что господин Зеленский, не дождався посилков, унося здоровье и пожитков своих целость, свое подлинное оставил пребывание[2], а со всеми своими тягостьми Бог реку перешед, идет к Днепру...»[3]

После бегства Михаила Зеленского «Гоголю опять удалось осесть в Могилеве и вернуть себе подольское полковничество»[4].

[1] Ранее Михаил Зеленский выбил Остапа Гоголя из Могилева (см. ***1674. Средина июня. Могилев***).

[2] 20–25 июня 1674 г.

[3] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. 1672–1674. Прибавления 1657. СПб., 1879. Т. 11. Стб. 538.

[4] *Крикун*. С. 55.

ИЮЛЯ СРЕДИНА. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«*Дорошенко* <...> чрез полковника Гоголя, который не хотел полковничества своего лишиться и держался его стороны, отправлял посольство к Туркам и искал всячески получить от них вспоможение»[1].

Ригельман 1848. Ч. 2. С. 142.

См. также: ***1674. Январь – июля средина. Правобережная Украина*** (свидетельство Г. И. Грабянки); ***1674. Вторая половина июля – августа 10–11. Правобережная Украина*** (свидетельство В. Г. Рубана); *Самовидец 1846*. С. 62; *Самовидец 1878*. С. 122.

[1] «Петр *Дорошенко* отправил Гоголя в Турцию после того, как не удалась такая же миссия Дорошенкового генерального писаря Ивана Мазепы. <...> Известно, что из Чигирина Мазепа отправился 15 (25) июня, в руки Сирка он попал через восемь дней, а к Самойловичу – 6 (16) июля» (*Крикун*. С. 54).

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ИЮЛЯ – АВГУСТА 10–11. ЧИГИРИН, ЛАДЫЖИН, УМАНЬ

«Того ж 1674 года Князь Ромодановский и Гетман Самуйлович с многими войсками Великороссийскими и Малороссийскими пошли под Чигрин и там атаковали Гетмана *Дорошенка* и чрез несколько недель доставали <с 25 июля по 10 августа 1674 г.>, но услыша, что Султан Турецкий сам по прошению *Дорошенкову* чрез Гоголя, вторично идет[1], выправили Дмитришка с войском в помочь Мурашке, который в Ладыжине от Турков был осажден...[2] <...>

Тогда же чрез наговор и присягу *Дорошенкову* и Гоголеву[3] Ладыжина города обыватели от Мурашки обманно отступили[4]. И видя Султан, что они без Мурашки покорились, несмотря на присягу *Дорошенкову* и на перемирие, велел всех вырубить и город с женами и с детьми выжечь».

Рубан 1777. С. 119, 121; см. также: Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878*. С. 278–279.

См. также в «Летописном повествовании о Малой России» А. И. Ригельмана: «Турки в Украйне усильно города отбирают и с людьми оными варварски поступают. – Король, будучи во ожидании на себя Турок, услышал, что Визирь вместо того вошел в начале Июля в Украйну и брал порубежные города, во-первых Косницу и Цену, в коих всех людей вырубил; потом приступил к Куничию <...> город одержал, а осажденных в нем всех порубил; оттоль пошел к Ладыжину, который усилен был из Заднепра от Хетмана Самуйловича пятью тысячами войском Козацким, под командою полковника Мурашки, и оной осадил. <...> ...Но Мурашка в Ладыжине противу Визиря делал ужасно вылазки, ибо одиннадцатью битвами своими жестоко его поражал и премножество Турок побил; токмо, наконец, чрез уговор и присягу *Дорошенка* и Гоголя, обыватели Лады-

жинские обманно от Мурашки отведены были от него и отступили. Видя сие, Визирь, что они без Мурашки покорились, несмотря на присягу *Дорошенкову* и примирение, велел всех вырубить и город с женами и детьми выжечь; Мурашка же в замке чрез две недели от Турок оборонялся, но напоследок, от трудов и безводья, изнемог; однако не дал себя с командою живого в руки Туркам; но Козаки его один после других в храбром супротивлении жизнь свою скончали» (*Ригельман 1848*. Ч. 2. С. 144–145).

См. также в летописи Г. И. Грабянки: «Потом Боярин и Гетман, чрез несколько недель Чигрина достаючи, известилися, что Турчин с великими силами на Украину вышол, и выправили Дмитрашка с войском на отсечь Мурашце, в Ладижине будучому от Турков в облежению... <...>

Солтан Турецкий послал Визира на местцу своем з войсками добывати города Ладижина, где был Мурашка з пятьми тысячами Козаков, от Гетмана Самойловича врученных ради защищения города, затворился, который тако сильно боронился, что на одинатцати знатных потребах многое число Турков побил; а как тогда сам Султан Турецкий тамо пришол, и так чрез намову и присягу Гетмана *Дорошенка* и Гоголя, Полковника Подольского, при Турском войску будучих, Ладижинцы от войска Заднепрского, з ними в облежению бывшего, зрадливо отступили, <...> а Турчин, вызвавши з города всю Старшину к присяги, <...> пустив в забвение присягу, всеми силами на примиренных граждан <...> напал и немилостивно мечем посекл, и город з женами и детьми весь зпалил... <...>

Того ж году, разлакомившися Турчин кровию Христианскую, подступил под Умань... <...> ...Там было з ужасом *Дорошенку* и при нем будучим войскам Христианским видети кровь, улицами текучую, где Турки от побитых Христиан головы отрезовали, и за всякую у Турецкого Паши по червонному брали... <...> ...И по взятии Умани <10–11 августа 1674 г.> Турчин в свою землю пойшол, оставил же при *Дорошенку* Орду, з которою *Дорошенко*, проходя Украину, всех, которые Царскому Величеству Всероссийскому поддалися, вырубал...» (*Грабянка 1793*. Ч. 3. С. 222, 224–226; см. также: *Грабянка 1854*. С. 216–219).

[1] По другому списку: «но, послихав о марше самого турецкого цесаря, *Дорошенковим* чрез Гоголя прошением вторично подвигненного» (Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878*. С. 278). – См. ***1674. Июля средина. Правобережная Украина.***

[2] «В одном анонимном сообщении 1674 г. читаем, что на пути к Ладыжину турки "с Гоголем и другими *Дорошенковыми* сторонниками захватили города Могилев, Кальник, Стену"» (*Крикун*. С. 55).

[3] Имеется в виду обещание под присягой, что турки не будут карать населения города, если они не окажут сопротивления.

[4] Турки вошли в Ладыжин 9 августа 1674 г. О действиях Остапа Гоголя при осаде города «<7>183 <1675>, декабря в 30 день, в приказе Малыя Рос<с>ии присланной гетмана Ивана Самойловича ротмистр Анастас Дмитриев сказал: <...> ...Салтан де с везирем, призвав могилевского полковника Гоголя, велели ему, написать лист <...> в город. И он, Гоголь, лист написал и прислал именем их, салтанским и везирским, к городу и велел кинуть. И он, Анастас, взяв тот лист, велел при войске вычесть. А в листу написано: многие де знатные люди, видя их <турков> многие силы, не противясь, сдались и служат им, и чтоб он, Анастас, также ему <султану> служил, и он, салтан, учинит его знатным начал<ь>ным человеком и будет держат в призрении. И против де того листа, писал он, Анастас, к Гоголю, что надежду он имеет на Господа Бога и на милость Великого Государя <царя> <...> и <что> поддался он, Гоголь, бусурману, диявол<ь>скому угоднику, его б и держался. И после того пис<ь>ма к городу были два приступа, и учинили три подкопа...» (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 8–9). После падения Ладыжина Анастас Дмитриев неузнанным попал в руки турков, «и бусурманин, рус<с>кой породы человек, по прошенью турченина, в волоском обозе продал его, а откупил де его Дука воевода, дал за него 80 червонных золотых. И после де того спустя три дни, в турском обозе сказал полковник Гоголь, что его, Анастаса, откупил волоской воевода, и от салтана де к волоскому воеводе была присылка, чтоб его, сыскав, отдал; и его де он, воевода, ухоронил в сено, а Турком сказал, что он такого вора без салтанского ведома не откупит; и как де об нем в турском обозе утихло, и его Дука воевода из волоского обозу отпустил с верным своим человеком турченином, и на Поднестрии де догнали их Турки, которых послал за ними полковник Гоголь, и хотели его весть к салтану; и тот же Дукин турченин Турком дал за него 675 ефимков, и проводили до Мутьянской земли...» (Там же. Стб. 9–10).

АВГУСТА 10. ПОНЕДЕЛЬНИК. ЛАГЕРЬ ПОД ЛАДЫЖИНЫМ

«Как свидетельствовал Петр Татаринов в Малорусском приказе[1], 10 (20) августа Остап Гоголь и полковник Гамалия, будучи "при войске турском"[2] на стороне *Дорошенко*, из-под Ладыжина рассылали письма "по всем местам и местечкам <Правобережья>, чтоб, оставив московского государя, поддавалися к туркам"».

Крикун. С. 56–57.

[1] См. ***1674. Июня 25. Близ Дуная.***
[2] В свою очередь, «в сообщении “из Украины”, которое поступило в Польшу 7 сентября, но касается августа, сказано: “Гоголь и Лисица находятся при цесаре <турецком султане>, советуют, чтобы шел он Волынью на Дубно к Польше”» (*Крикун.* С. 57).

НОЯБРЯ 21–22. СУББОТА. ПРАЗДНИК ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ – ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПОЛЬСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ЛАГЕРЬ ПОД БАРОМ

Остап Гоголь со старшиной своего полка присягает на верность королю Яну III Собескому и Речи Посполитой[1].

«Прибыли они сюда в сопровождении львовского земского писаря и полковника Михаила Жевуского, которого во главе отряда из 1200 лиц (“ludzi”) король послал взять Могилев. Гоголь без всякого сопротивления капитулировал перед ним и отдал ему в плен небольшой татарский отряд, дислоцированный в то время в городе...»[2]

«Удалось найти черновой, подготовительный вариант текста присяги Гоголя — неподписанный и недатированный, написанный не его рукой, без заголовка. Имя Гоголя в тексте не упомянуто, но, без сомнения, документ его касается: перед текстом есть надпись “Hoh”, сделанная другой рукой, – это три первых буквы фамилии подольского полковника. Документ написан на польском языке, очевидно, в походной канцелярии Яна III под Баром, вероятно, 22 ноября: этим днем датирована королевская привилегия Гоголю[3], <...> она сюжетно перекликается с текстом присяги»[4].

Текст присяги гласит: «Присягаю Господу Богу всемогущему, в Святой Троице единому, что найяснейшему Яну III, по Божьей милости Королю польскому и В<еликого> к<няжества> Лит<овского>, и найяснейшим его королевским преемникам, также Р<ечи> П<осполитой> верным буду до последнего мгновения живота моего и последней капли крови моей и отрекаюсь от протекции турецкой и татарской, и принимать ее больше не буду, напротив, сколько буду иметь сил и ума, направлю их на искоренение бусурман из государств Е<го> К<оролевской> М<илости>, г<осподина> м<оего> м<илостивого>, и всем другим казакам, старшине и черни, буду причиной и примером веры и честности относительно Е<го> К<оролевской> М<илости> и Р<ечи> П<осполитой>; особенно полк Подольский и Брацлавский[5] и города, мне доверенные Е<го> К<оролевской> М<илостью>, г<осподином> м<оим> м<илостивым>, в вере и добропорядочности постоянной на услугу Е<го> К<оролевской> М<илости>, г<осподина> м<оего> м<илостивого>, и Р<ечи> П<осполитой> держать буду и так буду нести обязанности, чтобы при достоинстве Е<го> К<оролевской> М<илости> и на искоренении бусурман оставалась вплоть до последней капли крови своей и верными были. Так помоги мне Г<осподи> Боже и Сына Его невинная мука»[6].

[1] «...Другой такой присяги казацкого полковника на верность правителю – королеве, царю, султану, – до сих пор не найдено. <...> ...Гоголева присяга была вынужденной: очутившись со своим полком с глазу на глаз с польским войском, он не надеялся на существенную помощь Петра *Дорошенка*» (*Крикун.* С. 9, 312). – См. также ***1830. Ноября 29. Суббота. Санкт-Петербург.***
[2] *Крикун.* С. 57.
[3] См. ***1674. Ноября 22. Лагерь польских войск под Баром.***
[4] *Крикун.* С. 57–58.
[5] Слова: «и Брацлавский», – вписаны над строкой. «Дописка, думаем, сделана уже после выдачи привилегии <см. ***1674. Ноября 22. Лагерь польских войск под Баром***>: в ней к подвластной Гоголю территории отнесены пределы не только Подольского, но и южной части Брацлавского полка (к ней принадлежали семь последних из семнадцати отмеченных в привилегии городов). Примечательно, что в черновике королевского универсала, датированного тем самым 22 ноября, сообщалось: Остап Гоголь со своей старшиной присягнул на верность Речи Посполитой «от полков Подольского и Брацлавского». Можно утверждать, что универсал был

выдан после привилегии и именно из него определение «Брацлавский» перешло в «присяжный» документ. В свете этого вывода не случайно и то, что в королевских документах с конца декабря в 1674 г. (подобных документов за предыдущий месяц, от конца ноября, не обнаружено) «Подольский и Брацлавский» полки вспоминаются как подчиненные Гоголю. Однако нужно подчеркнуть, что после выдачи привилегии «титулования» Гоголя «полковником подольским и брацлавським» не практиковалось. Причины, наверно, кроются в том, что к подвластным Гоголю пределам была отнесена лишь часть Брацлавского полка, к тому же без его административного центра, а в этом случае отмеченное титулование казалось <...> немотивированным» (*Крикун*. С. 59–60).

[6] *Крикун*. С. 58.

НОЯБРЯ 22. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПОЛЬСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ЛАГЕРЬ ПОД БАРОМ

Остап Гоголь получает королевскую привилегию, утверждающую его пожизненно полковником в Могилеве.

«...Королевская привилегия была выдана Гоголю сразу после того, как он и подвластная ему старшина были приведены к присяге[1]. В преамбуле документа сказано: король «давно с родительским уважением» относится к "урожоному" <благородному> Остапу Гоголю, полковнику "могилевскому", ценит его "желание вывести из неволи Украину и Подолье" и то, что он отдал в королевское распоряжение "мужественных" казаков своего полка. Взвесив все это, король назначил Гоголя "пожизненно единовластным («jednowladnym»)" подольским полковником, а подконтрольная ему территория в дальнейшем охватывала города Могилев, Шаргород, Озаринцы, Ярошев, Яругу, Беле, Михайловку, Копайгород, Лучинец, Мурафу, Бушу, Рашков, Ямполь, Черновцы, Каменный Колодец, Цекиновку, Кузьмин со всеми приналежними к ним селами и приселками. Всех казаков на этой территории «как людей рыцарских, которые защищают христианскую кровь против бусурман», привилегия провозгласила полностью свободными "от верховенства старых панов" <шла речь о шляхте, которая в Хмельниччину владела здесь имениями> и от любых повинностей. Гоголю же документ "поручил" составить реестр (список) этих казаков, заверенный его подписью, и "для памяти" "требовал" внести его в книгу Коронной метрики. Привилегия также даровала Гоголю право варить пиво и курить водку и собирать на пределах полка "на свой пожиток" по ползлотого и осьмину солода от каждого вара пива».

Крикун. С. 58–59.

[1] См. ***1674. Ноября 21–22. Лагерь польских войск под Баром.***

НОЯБРЯ 24. ВТОРНИК. ПОЛЬСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ЛАГЕРЬ ПОД БАРОМ

Ян III выдал грамоту (привилегию) сыну Остапа Гоголя «урожоному» Балацко на родовое (наследственное) владение мельницей в Озаринцах с приналежними к нему «рекой, прудом, сенокосами, огородами, пасеками».

«В грамоте, которая известна лишь в черновом варианте, эта поместье объявлено изъятым изпод власти родового владельца Озаринцев и свободным от уплаты "данин, чиншей, мерок", налогов, от подвод, стаций и постоев жолнеров. За это, читаем дальше, Балацко должен воевать с бусурманами и быть верным королю».

Крикун. С. 63.

НОЯБРЯ КОНЕЦ

Остап Гоголь с комендантом Могилева Михаилом Жевуским совершают рейд из Могилева в Молдавское княжество («do Woloszczyzny») за Прут.

Крикун. С. 61.

ДЕКАБРЯ 6. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПОЛЬСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ЛАГЕРЬ ПОД КАЛЬНИКОМ

Остап Гоголь получает от польского короля Яна III Собесского дарственную грамоту (привилегию) на село Ольховец[1].

Спустя более ста лет, в 1784 г., дед Н. В. Гоголя, А. Д. Гоголь-Яновский, в доказательство своих прав на дворянство представил в Киевское дворянское собрание документы, из которых, в частности, следовало, что «<пра>прадед его Андрей Гоголь, будучи в чине полковничьем, жалован был привиллегиею Его Величества Короля Польского Яна Казимира, в 1674 году, на деревню Ольховец»[2].

Приведенные А. Д. Гоголем-Яновским сведения содержат две ошибки.

Во-первых, неправильным является указание Афанасия Демьяновича на польского короля Яна Казимира (отрекся от трона в 1668 г.; умер в 1672 г.), *отсутствующее* в самой дарственной грамоте 1874 г. на владение Гоголем селом Ольховцем. На самом деле привилегию на владение селом Ольховцем полковник Гоголь получил от польского короля (с 21 мая 1674 г.) Яна III Собеского (1624–1696)[3].

Вторая ошибка допущена А. Д. Гоголем-Яновским при указании имени прапрадеда – *Андрей* Гоголь. В 1875 г. А. М. Лазаревский обнаружил в «Архиве Полтавского Дворянского Депутатского Собрания» «дело о роде Гоголей», где находилась «копия» дарственной грамоты «могилевскому полковнику» Гоголю 1674 г.[4] (грамота была представлена А. Д. Гоголем-Яновским в Киевское дворянское собрание в 1788 г.). Основываясь на тексте самого документа, Лазаревский попытался объяснить происхождение ошибки. Он отметил, что из копии «видно, что прежде Евст<афия> Гоголя собственником с. Ольховца был какой-то Андрей»[5]. Позднее, в 1902 г., Лазаревский пояснял: «Дело в том, что в грамоте имя полковника Гоголя не обозначено, но в начале ее говорится, что прежним владельцем Ольховца был *Андрей,* и после этого слова следует пропуск (может быть, переписчик не прочел подлинника). По этому основанию Афанасий Г<ого>ль и признал, что Андреем звался сам полковник...[6] Таким образом праправнук уже *не знал* имени своего прапрадеда, хотя это был человек видный, о котором можно было справиться и в книгах[7]... Кстати, мы можем объяснить, какого Андрея разумеет грамота: это был "*Adryan* Jaczymirski <Яцмирский (Ячмирский)>, podczaszy podolski"; он указан как владелец Ольховца в 1616 г., по одной из люстраций. См. Zroda Dz., V, 66»[8].

Приводим текст привилегии по публикации Лазаревского: «Za zyczliwosc ku nam y Rzptey urodzonego Hohola, polkownika naszego Mohilewskiego, ktora nam w teraznieyszych wyswiadczyl czasiech, powrociwszy do obozu naszego, posluszenstwo nam poprzysiagl y fortece Mohylewska oddal Rzptey, zachecajac go do uslug, wies nasza Olchowiec nazwana... dajemy jemu..... tak samemu, jak y teraznieyszey malzonce jego, a po smerci ich, syn ich urodznoy Prok<op> Batacko[9] Hohol takze prawem dozywotnem zazywac bedzie... Dan w oboze pod Kalnikiem, dnia 6, mca Grudnia 1674 г.»[10].

Перевод: «За приверженность к нам и к Речи Посполитой благородного Гоголя, нашего могилевского полковника, которую он проявил в нынешнее время, вернувшись[11] на нашу сторону, присягнув нам в послушании и передавший Речи Посполитой могилевскую крепость[12], поощряя его на услуги, жалуем... нашу деревню, именуемую Ольховец... как ему самому, так и теперешней супруге его; по смерти же их сын их, благородный Прокоп Балачко Гоголь, также будет пользоваться пожизненным правом... Дан в обозе под Кальником, дня 6 месяца декабря 1674 г.».

Лазаревский указывал: «...Документ Гоголей несомненно подлинный. Во-первых, для подлога этого документа не было особой нужды, потому что у Афанасия Гоголя и без него было несомненное право на дворянство по его чину. А затем и по своему содержанию королевская грамота 1674 г. не может возбуждать никаких сомнений. По этой грамоте король жалует в 1674 г. Гоголю, полковнику Могилевскому, "wies" Ольховец за то, что тот, во-первых, снова *вернулся* к нему на службу, и, во-вторых, за то, что он, Гоголь, сдал полякам Могилевскую крепость... <...> Эти факты исторически безусловно верны... <...> В виду этих данных представленная Афанасием Гоголем королевская грамота 1674 г. и должна быть признана достоверным актом. <...> ...Родоначальником

Гоголей должен считаться Евстафий Гоголь, полковник сначала Подольский, а потом Могилевский. Он <...> имел <...> сына Прокофия. Затем в конце XVII в. является священник Иван Яковлевич[13], которого связывает с полковником Гоголем только семейное предание, предание не совсем точное уже и потому, что оно отцом этого Ивана называет сына полковника – Прокофия, а не Якова, указываемого в "ставленной" грамоте. Был ли этот Яков сыном или братом Прокофия – остается неизвестным. Следует полагать, что Иван Яковлевич должен был происходить от полковника Гоголя, потому что у него по-видимому сохранилась королевская грамота на Ольховец, представленная затем внуком его в депутатское собрание»[14].

[1] «...Село Ольховец в XVII ст. существовало, входило в состав Летичивского уезда (существует и в настоящее время – в Новоушицком районе Хмельницкой области), принадлежало к государственным (королевским) имениям, а лишь такие имения король в Речи Посполитой имел право отдавать в пожизненное владение; королевский лагерь на время выдачи грамоты действительно располагался под Кальником» (*Крикун*. С. 63).

[2] См. ***1784. Октября 19. Суббота. Киев***. В 1788 г. Афанасий Демьянович также сообщал, что его «прапрадед Андрей Гоголь был полковником могилевским» (см. ***1788. В течение года. Киев***).

[3] См.: *Стилман Л.* Николай Гоголь и Остап Хохоль // Родословие Н. В. Гоголя. Статьи и материалы. М., 2009. С. 264, 276.

[4] См. также сообщение В. П. Горленко: «В дворянском депутатском архиве в Полтаве, в числе других дел, лежит дело полкового писаря Афанасия Гоголя-Яновского. <...> Род свой он ведет от могилевского полковника Андрея Гоголя, причисленного к дворянству граматой короля Яна-Казимира» (*<Горленко В. П.> В. Г.* Дворянское дело Гоголя // Новое Время. (СПб.,) 1901. 7 сент. № 9163. С. 3; см. также: *Свод*. Т. 1. С. 342).

[5] Очерки малороссийских фамилий. Материалы для истории общества в XVII и XVIII в., собираемые *А. М. Лазаревским*. <...> 8. Гоголи-Яновские // Русский Архив. 1875. № 3. С. 451; см. также: *Свод*. Т. 1. С. 338.

[6] М. А. Максимович, напротив, без достаточных оснований допускал, что могилевский полковник Андрей Гоголь мог существовать. 18 июня 1856 г. он писал П. А. Кулишу по поводу его «Записок о жизни Н. В. Гоголя»: «Может быть, в каком-нибудь документе и встретится нам еще раз – полковник Андрей Гоголь; да если б и не встретился, довольно и того, что он есть уже в одном документе, в королевской грамоте, которою дед поэта в 1784 году (как учредились и в Малороссии дворянские собрания) доказывал свое дворянство» (*Крикун*. С. 341).

В издании хроники Г. И. Грабянки 1793 г., в частности, упоминается полковник «Кал<ь>ницкий: Андрей Гоголь», однако это упоминание представляет собой результат очевидного пропуска переписчика (или издателя) в тексте летописи (см. ***1674. Январь – июля средина. Правобережная Украина***).

Еще одна проблема возникает при обращении к письму Гоголя к матери от средины февраля 1849 г., согласно опубликованному тексту которого (автограф послания не сохранился), писатель называет своего предка-полковника *Яном* Гоголем: «Давно не писал, желая дать вам какие-нибудь сведения насчет герольдии, о которой вы мне уже два раза писали. Сколько я помню, то дело по этой части было окончено совершенно и окончательно еще при покойном отце (дело о дворянстве Гоголей было окончено не при отце Гоголя Василии Афанасьевиче, а при его деде – Афанасии Демьяновиче Гоголе-Яновском; см. ***1784. Октября 19. Суббота. Киев***). Он говорил один раз при мне, что происхождение дворянства нашего записано в 6-ю книгу. Теперь нужно узнать, после ли записки оказалось сомнение. Отец мой доставил также грамоты и документы. Это я тоже помню. Теперь нужно узнать, не пропали ли эти грамоты или не затаскали ли их куда-нибудь в суде, что теперь и не вспомнят. Обо всем этом Иван Васильевич Капнист советует вам переговорить или с Любомирским (имеется в виду секретарь дворянского депутатского собрания Полтавской губернии титулярный советник Иван Семенович Любомирский. – *И. В.*), который служил еще при нем и знает всё, или с кем-нибудь другим в Полтаве, долго служившим при дворянском собрании. Впрочем, насчет всего этого не советую вам особенно тревожиться. Всё это сущий вздор. Был бы кусок хлеба, а что в том, столбовой ли дворянин или просто дворянин, в *шестую* ли книгу или *восьмую* записан. (Если не докажется происхождение от полковника Яна Гоголя, то род будет записан в 8 книгу). Шестая книга, конечно, почетнее, но права почти те же. Итак, вы узнайте: было ли записано в 6-й или еще нет?» (см. ***1849. Февраля средина. Москва***).

Поскольку подлинник этого письма до нас не дошел (оно было опубликовано в 1889 г. В. И. Шенроком; см.: Николай Васильевич Гоголь в его неизданных письмах. Сообщ. В. И. Шенрок и А. А. Гатцук // Русская Старина. 1889. № 1. С. 141), то можно предположить, что в публикацию вкралась ошибка, и вместо слов: «полковника Яна Гоголя», – следует читать: «полковника Ан. Гоголя». С другой стороны, можно допустить и то, что именно от «полковника Яна Гоголя» Н. В. Гоголь считал происходящей вторую часть своего фамильного родового прозвища Гоголь-*Яновский* (которую, по его словам, «поляки выдумали») (см. ***1674. Ноября 21–22. Польский королевский лагерь под Баром*** – примечание; ***1830. Ноября 29. Суббота. Санкт-Петербург***). Поскольку дед Гоголя Афанасий Демьянович называл своего предка Яна Гоголя «польским шляхтичем» (см. ***1788. В течение года. Киев***), то Н. В. Гоголь мог считать его полковником. («В Малороссии весьма часто поступали в духовное звание и дворяне, нередко владевшие и большими имениями. И теперь есть лица из белого духовенства, которые владеют населенными имениями, на помещичьем праве»; Иван Петрович Котляревский // Основа. 1861. № 2. С. 164).

[7] Первым русским печатным изданием, откуда можно было почерпнуть сведения об Остапе Гоголе, стала публикация Ф. В. Туманским в 1793 г. летописи Г. И. Грабянки: *Грабянка 1793*. Ч. 2–3. Таким образом, ко времени подачи в дворянское собрание документов о своем происхождении А. Д. Гоголь-Яновский дополнительные сведения о своем предке мог почерпнуть лишь в рукописных книгах (очевидно, оставшихся ему недоступными).

[8] *Лазаревский А. М.* Сведения о предках Гоголя // Памяти Гоголя. Киев, 1902 <вышло в свет в 1903>. Отд. 2. С. 6; см. также: Свод. Т. 1. С. 341.

См. также: «Ольховец <...> принадлежит к древним поселениям Подолии. <...> Он упоминется под 1443 г. в жалованной грамоте короля Владислава III Христину Щуковскому... <...> Во время люстрации 1616 г. оказалось, что половиною О<льховца> владел Адриан Ячмирский <Яцмирский>, подчаший подольский... <...> В 1661 г. владелицею О<льховца> на правах привилегированной аренды была Зацвилиховская; в 1678 г. 45 дымов принадлежало Станиславу Лянкоронскому и 15 дымов – Гумецкому... Все это время О<льховец> значился в числе королевских имений» (Ольховец м<естечко> // Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета. Под редакциею священника Евфимия Сецинского. Приходы и церкви Подольской епархии. Каменец-Подольск, 1901. Вып. 9. С. 987–989).

[9] Вернее: Balacko (от укр. слова «балачка» – разговор, болтовня).

[10] Очерки малороссийских фамилий. Материалы для истории общества в XVII и XVIII в., собираемые *А. М. Лазаревским*. <...> 8. Гоголи-Яновские // Русский Архив. 1875. № 3. С. 451; см. также: *Свод*. Т. 1. С. 338.

[11] «...Король жалует в 1674 г. Гоголю, полковнику Могилевскому, «wies» Ольховец за то, что тот <...> снова *вернулся* к нему на службу...» (*Лазаревский А. М.* Сведения о предках Гоголя // Памяти Гоголя. Киев, 1902 <вышло в свет в 1903>. Отд. 2. С. 6; см. также: *Свод*. Т. 1. С. 340). См. следующее примеч.

[12] Остап Гоголь «передавал» полякам Могилев дважды: в мае и в ноябре 1674 г. (см. ***1674. Июня 4. Переяслав***; ***1674. Ноября 21–22. Польский королевский лагерь под Баром***). В данном случае имеется в виду, очевидно, последняя, подкрепленная присягой сдача города.

[13] См. ***1695 или 1697. В течение года. Киев, Лубны.***

[14] *Лазаревский А. М.* Сведения о предках Гоголя // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 2. С. 10–11; *Свод*. Т. 1. С. 340–341.

ДЕКАБРЯ 7. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПОЛЬСКИЙ КОРОЛЕВСКИЙ ЛАГЕРЬ ПРИ РЕКЕ СОБ (ПРИТОК БУГА)

«...В конце 1674 г. Ян III считал Гоголя вторым по значению после Петра *Дорошенко* фигурой среди правобережного казачества (“Chocholius primus post Doroszenkium Cosaccus”) <...> (письмо Яна III кардиналу Альтиери, написанное 7 декабря в 1674 г. при реке Соб, притоке Буга)».

Крикун. С. 60.

ДЕКАБРЯ 12. СУББОТА.

«В первой декаде декабря Ян III поручил Гоголю помочь Михаилу Жевускому захватить Рашков, где дислоцировался полуторатысячный турецкий гарнизон. Жевуский, комендант Могилева, по королевскому приказу отправился в Рашков, где два дня ожидал Гоголя, чтобы общими силами взять город, но не дождался и начал штурм самостоятельно. Только в ходе штурма пришел на помощь сын Гоголя Балацко с казаками, что облегчило вступление Жевуского в город 12 декабря».

Крикун. С. 61.

1675

ФЕВРАЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА

Остап Гоголь с комендантом Могилева Михаилом Жевуским вновь[1] вторглись «в Волощину», «захватили и ограбили город Ботушани, многих тамошних мусульман уничтожили, переправили из тех краев немало скота и разной живности».

Крикун. С. 61.

[1] См. ***1674. Ноября конец.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА.
ПРАВОБЕРЕЖНАЯ И ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

Массовый переход жителей Правобережной Украины на Левобережье.

«Року 1675 начали все Заднепряне свою землю пусто оставлять и под Гетмана Самуйловича переходити в Малую Россию, которых Гетман, свояволю укрощая, ласково приймал и начальных урядами потешал, даби зде пребывая на Заднепрью, з Турками и Татарами при *Дорошенку* Християн не выгубляли. Того ж году и пехота *Дорошенкова* новому Польскому Королю Яну Собецкому поддалися, которых Король до дворю своего принял и плату дал; но Орда, дабы *Дорошенко* з Королем не примирился, пришли еще ему на помочь... <...>

...Однак<о>, примирившись *Дорошенко* з Запорожцами и с Кошовым <их> и з Серком, присягл, и они також присягли, Царскому Величеству на подданство, и для уверения послал з тестем своим на Москву Янычары Турецкие; И хотячи быти Гетманом Малороссийским, начал Запорожцов дарами прельщать, також и под рейментом Самойловича Гетмана на бунты, дабы черную раду собравши, яко и за Сомка Гетманове, вольными голосами избрали себе Гетмана; но и к сему мало кого намовил. Последи же уразумев, что ему Гетманом в Малой России не быть, изнову начал к Орде и к Турчину посылать; но Турчин за свои Янычарь бывши разгневанный, отрекал ему уже помощи дати; и он, с всех сторон оставленный, в полтори тысячи только своевольной пехоте, <...> на все стороны приязнею своею манил»[1].

«Заднепрские Козаки, видя неистовые поступки *Дорошенка* над собратиею своею, тамошними жителями, и гнусное его дружество с Турками, сими непримиримыми врагами и гонителями Христианства, иные перешли на жительство в Малороссию и в Слободские полки, а другие, ближайшие к границам Польским, просили себе покровительства у нового Короля Польского, который, приняв их со всею охотою, определил над ними Гетманом, выбранного из их же Старшин, Евстафия Гоголя»[2].

[1] *Грабянка 1793.* Ч. 3. С. 226–228; см. также: *Грабянка 1854.* С. 219–221; Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878.* С. 279–280.

[2] *История Русов 1846.* С. 176. – Непосредственно вслед за этими строками в «Истории Русов» (с которой был знаком Н. В. Гоголь) ошибочно сообщалось: «И сии Козаки, в числе 14700 человек, с новым Гетманом своим, Гоголем, быв во всех действиях при Короле Собиевском, славившемся отличными успехами над Турками, особенно содействовали ему при победе над Турецким Визирем и его армиею, одержанной при столичном городе Вене <12 сентября в 1683 г.>, освобожденном тем от Турок в час главного их на него приступа, в крайнее одолжение Императора Немецкого, или Римского, Леопольда, имевшего с Турками несчастную войну и ими выгнанного из той его столицы, которую Король Собиевский в целости ему воротил и доставил Императору сему счастливый с Турками мир» (*История Русов 1846.* С. 176).

Далее там же приводились аналогичные ошибочные сведения об Остапе Гоголе: «Король Польский, Ян Собиевский, присвояя себе Заднепрскую Малороссию, с согласия, однако ж, Козаков тамошних, бывших с ним в беспрестанных походах против Турков, по союзу с Цесарем, в 1683 году, возвращаясь из славной оной победы над Турками под Веною, определил в Заднепрские полки Гетманом выбранного Козаками из своих Старшин Якима Кушницкого, на место убитого под Веною Гетмана их Евстафия Гоголя» (*История Русов 1846.* С. 180).

Опираясь на эти сведения, П. А. Кулиш в «Записках о жизни Н. В. Гоголя» замечал: «...Остап Гоголь <...> пошел служить, с горстью преданных себе казаков, воинственному Яну Собескому и, разгромив с ним под Веною Турок, принял от него опасный титул гетмана...» (см. ***Начало XVII века. Начало века. Село Гоголи, близ местечка Зиньков, Летичевского уезда Подольского воеводства. Правобережная Украина***).

Откликаясь на эти строки, М. А. Максимович 18 июня 1856 г. писал Кулишу (возможно, письмо осталось неотправленным): «Вы говорите <...>, что по отречении *Дорошенковом* от Гетманства Гоголь – "пошел служить, с горстью преданных себе Козаков воинственному Яну Собескому и, разгромив с ним под Веною Турок, принял от него опасный титул гетмана, который не под силу пришло носить самому *Дорошенку*" (стр. 2). Не

говоря о том, что тревожное, замашистое гетманство "вихреватой головы" *Дорошенка* – и маленькое, спокойное гетманство степенного Гоголя – две вещи разные, – и что Гоголь принял гетманство от короля Собеского прежде его знаменитого дела под Веною, – я спрошу у вас об одном: откуда взяли вы, что Гоголь громил Турков под Веною, вместе с Собеским? – Это знаменитое дело было уже после Гоголева гетманства <...> а Гоголь тогда – уже четыре с половиною года лежал в гробу...» (*Крикун*. С. 339).

АПРЕЛЯ 4. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. БРАЦЛАВ

Польский король Ян III Собесский издает универсал о назначении Евстафия Гоголя, вместо Петра *Дорошенко*, наказным гетманом Правобережной Украины.

«"Вознаграждая" Гоголя за службу Речи Посполитой, 4 апреля в 1675 г. Ян III выдал в Брацлаве универсал, которым назначил его наказным казацким гетманом. Универсал обнаружен лишь в черновом варианте. Он адресован "всем" заинтересованным в нем лицам, "особенно же благородным и шляхетным, Могиливскому, Брацлавскому, Кальницкому, Уманскому полкам, принадлежащим к ним сотням и городам («horodom»)". <...> В универсале король объясняет, что все его попытки с осени в 1674 г. прийти к согласию с Петром Дорошенком в спорных вопросах при посредничестве отправленных в Чигирин польских комиссаров оказались напрасными через неуступчивость гетмана. <...> ...В универсале сказано: нет смысла уговаривать Дорошенко уступить, потому что его позиция стала еще жестче, ведь на помощь ему идут "чужеземные" войска (Ян имел в виду татарские отряды). Все это, по словам короля, подтолкнуло его назначить гетманом Остапа Гоголя – "для лучшего управления" ("dla lepszego rzadu") четырьмя полками, верными Речи Посполитой. Тем самым универсалом Ян III под командование Гоголя отдавались и "охотные" (негородовые) полки "благородного" Семена Артиша, "шляхетного" Барабаша и Квашни. Обязанностями Гоголя как гетмана было "управлять, предотвращать неприятельские замыслы, обеспечивать покой и повиновение в городах, защищать от бесправия и разбоев, оказывать каждому справедливость, за непослушание карать, держаться данной королю присяги, быть относительно него добропорядочным и верным". <...> За то <...> король пообещал казакам что они, "по своим древним правам и обычаями, могут иметь свою генеральную раду, чтобы на ней изложить свои жалобы («dolegliwosci») и потребности перед нашими комиссарами, согласовать права и вольности, которые подтвердить и укрепить обещаем". По этому универсалу полномочия наказного гетмана не распространялись на польские отряды, размещенные на территории четырех названных городовых полков. <...> Воспользовавшись дрязгами среди правобережной старшины, опираясь на часть ее и пытаясь ослабить позиции Дорошенка на Правобережьи и заставить его пойти на уступки, король сделал ставку на Гоголя, чтобы таким способом усилить раскол среди правобережного казачества»[1].

О назначении полковника Евстафия Гоголя гетманом Н. В. Гоголь мог прочесть у В. Г. Рубана[2], Г. И. Грабянки[3], А. И. Ригельмана[4], Д. Н. Бантыша-Каменского[5], Самовидца[6].

[1] *Крикун*. С. 63–64, 312–313, 311.

[2] «В начале 1676 году 30 Генваря Государь Царь Алексей Михайлович Самодержец Всероссийский преставился, а Государь Царь Федор Алексеевич восприял Российское Царство. Того ж году <на самом деле в 1675 г.> Естафий Гоголь Гетманом был в Малороссии. Сей Гоголь был прежде полковником Подольским на той стороне Днепра в Малороссии, потом от Короля Польского Яна Собеского учинен Гетманом Козацким: и дано ему для резиденции на Поляс<ь>е город Димер и деревни в Литве, а платье и жалованье выдавалось из казны королевской» (*Рубан 1777*. С. 126).

Дымер (Димер) – ныне поселок городского типа в Вышгородском районе Киевской области. Резиденция гетмана Евстафия Гоголя в Дымере была основана лишь осенью 1676 г. (см. ***1676. Ноября 24. Дымер***). До этого времени резиденция Гоголя, возможно, располагалась в Могилеве (*Крикун*. С. 312).

Ошибочная датировка назначения Остапа Гоголя наказным гетманом 1676 г. – вместо 1675 – в целом ряде казацких летописей, авторы которых (В. Г. Рубан, Г. И. Грабянка, Самовидец; см. примеч. ниже) пользовались материалами левобережной гетманской канцелярии, связана, вероятно, именно с тем, что в Димере, «около

самых границ русских владений, всего за несколько десятков километров от Киева» (*Крикун.* С. 322), Гоголь появляется только в 1676 г.

[3] «Року 1676 <на самом деле в 1675> <...> от Короля Польского Евстафий Гоголь, Полковник Подольский, Гетманом Козацким учинен; а понеже все Подолье и Украину Туркам отдано, сего ради дано оному становиско в Димере, который расположил войско свое в Полеию <в Полесье> и в Литве, а барву <одежды> и плату з скарбу Королевского взымали» (*Грабянка 1793.* Ч. 3. С. 228–229; см. также: Гетманство Гоголево на Заднепрю // *Грабянка 1854.* С. 221–222). См. также: «О зданю *Дорошенковом* Заднепрского Гетманства Самуйловичиве. <...> О поставленю от Короля Полского Собецкого на Гетманство Евстафия Гоголя, на Заднепру» (Реестр Гетманов, по Хмел<ь>ницкого смерти будучих, и за них отправуючихся воен<н>их действиях // *Грабянка 1854.* С. 270).

[4] «За неимением же с Польской стороны над Козаками Хетмана, а за храбрые в сей войне поступки, Король пожаловал Козацким Хетманом бывшего в Подолии полковника, Евстафия Гоголя, и для пребывания емго дал ему на резидование все Полесье, занимая к тому несколько городов и сел Литовских, где жительство свое возымел в городе Димере, а войско Козацкое расположил вокруг оного, содержание ж Козакам определено Королевское жалованье и одежда, а провиант с земли той» (Король производит над своими козаками хетмана Евставия Гоголя / *Ригельман 1848.* Ч. 2. <Отд. 2>. С. 153). См. также: «Евстафий Гоголь. Сей был от Польской стороны, полковник Подольский, а по гетманству его, в 1677 году, дано было ему, от Польской Республики, для резидования его, Полесье с несколькими городами Литовскими» (Список именной всем бывшим в Малой России гетманам // Там же. Ч. 4. <Отд. 2>. С. IX). Летописи А. И. Ригельмана (впервые опубликованной в 1847 г.) следовал в этом вопросе Д. Н. Бантыш-Каменский (см. ниже).

[5] «В сие самое время Ян III вручил Гетманскую булаву Евстафию Гоголю, служившему при Дорошенке Подольским Полковником и предавшемуся Польше в 1674 году. Ему велено было жительствовать в Полесье, занимая город Димер и несколько деревень Литовских; жалованье определено выдавать из казны. Хотя, по-видимому, Король надеялся подчинить себе Козаков, но он имел сильного соперника в предводителе Мусульман, посягавшем также на Заднепрскую Украйну. Возгоревшаяся война между сими Государями не принесла им никакой существенной пользы. Обессиленная Польша не могла заключить тогда наступательного союза с Оттоманскую Портою против России и удержать за собою страну, навсегда Царским оружием покоренную» (<*Бантыш-Каменский Д. Н.*> История Малой России со времен присоединения оной к Российскому Государству при Царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. Ч. 2 (цензурное разрешение 15 февр. 1821). С. 126; см. также: <*Бантыш-Каменский Д. Н.*> История Малой России. От присоединения сей страны к Российскому Государству до избрания в Гетманы Мазепы. М., 1830. Ч. 2 (цензурное разрешение 5 окт. 1829). С. 162).

[6] «Того ж року <ошибочно отнесено к 1676 г., вместо 1675> от короля пол<ь>ского гетманом козацким постановлено Евстафия Гоголя, полковника Подол<ь>ского, и по потребе с турками дано оному становиско у Полес<ь>ю, изимаючи городов Литовских, а сам стоял у Димери, бо немалая купа при оном войске была, которим плату и сукна от короля давано и живность от людей» (*Самовидец 1846.* С. 66. См. также: Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878.* С. 281). (Согласно другому списку, вместо: «изимаючи» — следует: «и займаючи городов» (*Самовидец 1878.* С. 133).

АПРЕЛЯ 27. ВТОРНИК. ВАРШАВА

«В известии из Варшавы от 27 апреля 1675 г. сказано, что “Гоголь по собственной инициативе послал свою жену с детьми в Польшу как заложников”. Если это правда, то, очевидно, таким образом Гоголь хотел доказать королю, что он исправно выполняет и будет выполнять обязанности наказного гетмана. Вполне вероятно, что заложничество семьи было вынужденным шагом со стороны Гоголя. Среди детей, которых Гоголь якобы отправил в Польшу, не мог быть, учитывая его возраст, Балацко: первое упоминание о нем датировано 1668 г.[1], когда он действовал бок о бок с отцом».

Крикун. С. 314.

[1] См. ***1668. В течение года. Правобережная Украина.***

МАЙ-ИЮНЬ. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«...Остап Гоголь совместно с охотно полковниками Квашой, Барабашем, Семеном Артышом и львовским земским писарем Михаилом Флорианом Жевуским успешно действовал против татар в приднестровской зоне Брацлавского и Подольского воеводств; казакам, в частности, удалось отбить у татар большое число пленных».

Крикун. С. 314.

ИЮЛЯ 26. ПОНЕДЕЛЬНИК. ЧИГИРИН

Кончина митрополита Киевского Иосифа (Нелюбовича-Тукальского).

Эйнгорн В. О. Очерки по истории Малороссии в XVII в. I. Сношения малороссийского духовенства с Московским правительством в царствование Алексея Михайловича. М., 1899. С. 997; ***Величко 1855.*** С. 384.

«...Многие поступки митрополита свидетельствуют о его несомненной преданности своей вере и Церкви, но стремление защищать свою веру и свою Церковь без России и против России привело его на тот путь, который не принес ничего хорошего ни Православию, ни Православной Церкви на украинских и белорусских землях» (*Флоря Б. Н.* Митрополит Иосиф (Тукальский) и судьбы Православия в Восточной Европе в XVII веке // Вестник церковной истории. 2009. № 1/2. С. 143).

ЛЕТО-ОСЕНЬ. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

Остап Гоголь предпринимает «рейды в район Каменца и к югу от него».

«Первый из них начался с Бара, где в то время "стояли" Гоголь с Кияшко[1]. Они вместе перехватили обоз, направлявшийся в Каменец с территории Молдавии, чтобы пополнить продовольственные запасы местного турецкого гарнизона[2], в результате чего в городе изрядно подорожал хлеб[3]. Во время другого рейда Гоголь и Кияшко караулили за Каменцем, у моста через Днестр, чтобы не дать туркам (татарам?) провести по нему пленных из Подольского воеводства[4]. По сообщению от 18 сентября из подольского города Меджибож, Остап Гоголь "с десятитысячным (!) Войском шесть дней назад ушел в Хотин и там хочет разрушить турецкий мост" <через Днестр> – с очевидной целью помешать снабжению каменецкого отряда... <...> Летом или осенью 1675 г. <...> рейд под Каменец Остап Гоголь осуществил (вместе с Михаилом Флорианом Жевуским) из Меджибожа. При том они в двух местах побили турков и татар, многих пленили, среди них и "значительного" турка».

Крикун. С. 314–316.

[1] «...Ибрагим паша с войском турским пошол от Бару, в котором Кияшко и Гоголь, полковники королевские, с войском стоят...» (1675, в конце июля. Письмо гетмана Самойловича к боярину Матвееву, со слухами о заключении польским королем с Турками договора, с целию напасть взаимными силами на соединенное войско князя Ромодановского и Самойловича // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 175).

[2] «В Каменец Подол<ь>ской идущих с запасы Турков много поперенимал Кияшко и Гоголь, о чем сами турские гонцы сказывали» (1675, сентября 2. Распросные речи бывшего Дорошенкова канцеляриста Василия Кочубея о положении Дорошенка, о бегстве народа и о надоверии к Дорошенку его союзников Турок и Татар // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 236–237).

[3] «До Каменца турские шли многие запасы; и Кияшка и Гоголь многие запасы отбили, и от того в Каменце безмерная хлебная дороговль» (1675, сентября 3. Челобитная боярину Матвееву Алексея Карандеева, с приложением показаний Василия Кочубея и Коваленка о сношениях Дорошенка с турецким визирем, и о положении

дел в Турции по отношению к Польше и Украине // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 240).

[1] «...Три воза барских людей пришло, а сказывали, что недавно на сих днях из Бару вышли; там Гоголь и Кияшко с частию войска пребывая, под Каневец <Каменец> часто подбегая, зело Туркам вредят» (1675, октября 21. <Канев>. Письмо к гетману Самойловичу нежинского судьи Федора Завадского и каневского полковника Ивана Гурского о том, что с берегов Буга жители под начальством Балюбаша пошли для переселения на левую сторону; но белоцерковские и паволоцкие люди не пустили их, многих порубили и Балюбаша взяли // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 283).

НОЯБРЯ 7. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МЕСТЕЧКО ЧЕРНОКОЗИНЦЫ В ПОДОЛЬСКОМ ВОЕВОДСТВЕ

«...Королевская канцелярия <...> выдала легацию[1] в связи с созывом коронационного сейма. Среди прочего в ней сказано, что на сейме надо рассмотреть вопрос о расходах прибылей из Самборской экономии[2], в частности, о целесообразности выделять часть их для Остапа Гоголя. На этот фрагмент легации известна лишь реакция сеймика Руского воеводства, созванного 10 декабря в Судовой Вишне[3]: на нем была принята инструкция послам от воеводства, по одному из пунктов которой они обязаны были позаботиться на сейме о содержании “запорожких казаков” во главе с Гоголем».

Крикун. С. 316.

[1] Легация — королевское послание к сеймикам Речи Посполитой.
[2] Большой королевский поместный комплекс в Перемиском крае Руского воеводства.
[3] Городок в Перемиском крае.

ДЕКАБРЯ 12. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

«Черкашенин немировского повету» Андрей Лукьянов в Малороссийском приказе показал:

«Королевское величество во Львове, а при нем корунной гетман Вишневецкой, а могилевской полковник Гоголь; а сколько с ними войска, того не ведает. И королевское величество хочет учинить коронацыю во Львове, генваря в 1 день; а быть было коронацыи в Кракове[1], и для того не пошол, что сенатори и литовские гетманы за короля его иметь и в послушании быть не хотят».

1675, декабря 12. Распросные речи немировца Андрея Лукьянова о замыслах крымского хана и турецкого султана и о нежелании многих Поляков, чтоб Собеский был коронован королем польским // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 365.

[1] См. ***1676. Февраля 2 – марта 14. Краков.***

ДЕКАБРЯ 18. СУББОТА. МЕДЖИБОЖ

Остап Гоголь обращается с письмом к сеймику Руского воеводства, который должен был состояться 31 декабря. Он просит поддержать на коронационном

сейме вопрос о предоставлении ему и его семейству, за верную службу Речи Посполитой, помощи из доходов от Самборской экономии:

«...Я больше года по постоянному военному делу удостоверял мое верное подданство господину королю <...> всегда не без вреда для неприятеля Святого Креста, на глазах и под командой его милости господина Жевуского, львовского земского писаря, моего весьма милостивого господина. Полностью потеряно имение, покинуто жилье, пролилась кровь храбрецов, которые ради хвалы и услуги Речи Посполитой вместе со мной не избегали многих страданий. <...> Я получил, по милости короля, господина моего милостивого, в вознаграждение за мои потери, поддержку на жену и детей в Самборской экономии. В настоящее время прибегаю, со многими изгнанниками и сам изгнанник[1], с моей покорной просьбой, не сомневаясь, что к публичным требованиям приложите и это мое желание <...> и <...> в предоставлении какого-либо пристанища или платы и утешения соизволите посодействовать на будущем, как Господь Бог даст, сейме. Известие о <вашей> милости придаст охоты и другим <...>, потому что, вероятно, до нескольких тысяч добрых людей к весне ко мне пристать может, если этих <...> не оставите»[2].

«Участников сеймика ознакомили с письмом, и сеймик постановил поддержать просьбу Гоголя на коронационном сейме, однако неизвестно, рассматривал ли сейм, который проходил 2 февраля — 14 марта 1676 г., этот вопрос[3]. Нет также никаких свидетельств того, что Гоголь с семейством и казаками переселился в Руское воеводство»[4].

[1] Причиной «изгнания» стало турецко-татарское опустошение Подолья. «В 1674 г., во время похода на Подолию короля Яна Собесского, последнему подчинился и могилевский полковник Евстафий Гоголь, который сдал королю все города, остававшиеся в его власти. Собесский оставил здесь незначительный гарнизон, а сам удалился, после чего турки опять заняли Могилев» (Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета. Под редакциею священника Евфимия Сецинского. Приходы и церкви Подольской епархии. Каменец-Подольск, 1901. Вып. 9. С. 685).

[2] *Крикун.* С. 330.

[3] См. ***1676. Февраля 2 – марта 14. Краков***.

[4] *Крикун.* С. 317.

ЯНВАРЯ 29. СУББОТА. МОСКВА

«Того ж 1676 года государь царь и великий князь Алексей Михайлович, самодержец всероссийский, преставился, а государь царь Феодор Алексеевич восприял царство».

Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878.* С. 281.

ФЕВРАЛЯ 1. ВТОРНИК. МОСКВА

Согласно «экстракту», составленному в 1751 г. Генеральной Войсковой канцелярией гетмана графа К. Г. Разумовского, «права и вольности» малороссиян подтверждены царем Феодором Алексеевичем:

«В <...> Грамоте <...> Государя Царя <...> Феодора Алексеевича <...>, в 7184 <1676> году Февраля 1 дня состоявшейся, <...> написано: Мы, Великий Государь, <...> учнем вас содержать <...>, и права ваша и вол<ь>ности ни в чем нарушимы не будут...»[1]

Фрагмент «экстракта», под названием «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян», был опубликован в 1830 г. в июньском номере «Отечественных Записок» – в то время, когда в журнале активное участие принимал Гоголь[2].

[1] О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. Июнь. № 122 (цензурное разрешение 3 июня). С. 327–328 (напечатано с подстрочным примечанием: «Извлечено из экстракта, сочиненного в 1751 году Войсковою Канцеляриею»; С. 324).

[2] Подробнее см.: ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

ФЕВРАЛЯ 11. ПЯТНИЦА

Гетман Иван Самойлович сообщает московскому посланнику стольнику Михаилу Деримонтову:

«Да к нему ж де гетману присылал полковник Гоголь, что он хочет быть с полком своим в вечном подданстве под высокодержавною Его Царского Величества рукою, а в полку де у него будет с 600 человек. А ныне он служит при короле пол<ь>ском».

1676, марта. Статейный список стольника Михаила Деримонтова, посыланного от царя к Дорошенку и возвращенного назад Самойловичем; с приложением речей Самойловича, приказывающих, что по причине зазорства и упрямства Дорошенкова, не следует к нему посылать его, столькина. Грамота Самойловича к царю о том же предмете // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 579.

ФЕВРАЛЯ 2. СРЕДА. ПРАЗДНИК СРЕТЕНЬЯ ГОСПОДНЯ – МАРТА 14. ВТОРНИК. КРАКОВ

Собирается сейм для коронации Яна III. Хельмский воевода Ян Гнинский составляет для произнесения на сейме похвальную «реляцию» королю, в которой в числе королевских заслуг упоминается привлечение на службу Речи Посполитой Остапа Гоголя. На сейме Гоголю во второй раз[1] предоставляется «польское шляхетское достоинство, в этот раз как наказному гетману Войска Запорозького, – с правом наследования ее лицами обоего пола его рода... <...> Такое же шляхетство сейм даровал и отдельным представителям старшины Гоголевого “Войска Запорожкого”...»

Крикун. С. 60, 317.

[1] См. ***1661. Июля 10. Варшава.***

МАРТА 2. ЧЕТВЕРГ. БОРЗНА. ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

Пехотный полковник Игнат Кальницкий сообщает гетману Ивану Самойловичу:

«В Ичне[1] священник немировский[2], который приехал с той стороны, сказывал: Гоголь стоит в Винници с своим полком, и там оставив на свое место наместника, ездил в Пол<ь>шу на коронацию. И оттуду возвратився[3], съехались к нему все сотники, а о том, ведать вестей новых; и он им сказал, что Поляки недобре о нас приятствуют, где б нам хлеб дать[4], знатно приговаривают, чтоб так и нас извели, как и Гуляницкого. А потом говорил: куды нам ходить в Пол<ь>шу, потому что там голод великой; а как вижу лацкую неправду против нас, и там советую, что надобно нам господину гетману заднепрскому поклонитись, тол<ь>ко бы нас простил и гневу на нас не держал, и то не моя проступка; и конечно хочет склонитца».

1676, марта 2. Письмо к гетману Самойловичу пехотного полковника Игната Кальницкого о том, что Гоголь желает подклониться гетману Самойловичу // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 533.

[1] Городок на Левобережье.
[2] Из города Немиров в Брацлавском воеводстве.
[3] Очевидно, Остап Гоголь оставил сейм до его завершения (см. ***1676. Февраля 2 – марта 14. Краков***).
[4] Т. е. где разместить полк Гоголя.

МАРТ – НАЧАЛО АПРЕЛЯ

«В марте 1676 г. Ян III, разрабатывая план дальнейшей борьбы Речи Посполитой с Турцией (Речь Посполитая прежде всего стремилась вернуть территорию Подольского воеводства, которая отошла к Порте за по Бучацкому миру 1672 г.), выразил желание иметь 4000 казаков “под Гоголем, Семеном <Палеем> и другими полковниками”, на содержание которых шли бы поступления от поголовного налога на евреев. В начале апреля король опять напомнил о необходимости иметь такое же количество казаков под командованием Гоголя и отметил, чтобы каждому из них выплачивали ежемесячно по 6 злотых и отпускали на год по 10 локтей сукна».

Крикун. С. 319.

АВГУСТА НЕ ПОЗДНЕЕ 15

Польский король Ян III предполагает вернуть на гетманство Михаила Ханенко (перешедшего в марте 1674 г. на службу к Ивану Самойловичу), чтобы заменить им Остапа Гоголя. (Об этом намерении Яна III сам Ханенко рассказал Самойловичу в Батурине в марте 1677 г.)

«Описание Ханенкова исповедания <в Батурине>, яко к нему король польский, привлекая к себе, с какими тайными в прошлом 1676 году летнего времени, пред Успением святые Богородицы, надежного своего человека, знатного купца любел<ь>ского, греченина, именем Тодорана, присылал... <...> Был де у меня от короля польского присланный Тодоран, купец любел<ь>ский, греченин, <...> и так сказывал, что король велел через него мне говорити <...> ...Советовал мне уходити с сей стороны за Днепр и обещал именем королевским, что буду имети на той стороне, кой час перейду, у короля гетманства и возвращения маетности, в державе королевской купленных. Которому тогда обещал <отвещал> есмь, что имеет король у себе гетмана Гоголя. И на то мне отвещал, что королевское величество на Гоголя ненадежен и не хочет его имети гетманом».

1677, марта 7–24. Инструкция посланным в Москву от гетмана генеральному судье Домонтовичу и генеральному писарю Прокоповичу о представлениях правительству по поводу укрепления Чигирина в виду ожидающегося вторжения неприятелей, и по поводу открытия козней Ханенка // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 45.

АВГУСТ.
МЕСТЕЧКО ЛАБУНЬ ВОЛЫНСКОГО ВОЕВОДСТВА

«...Отряд во главе с <...> Балацко поблизости Лабуня отбил у татар, которые возвращались домой из-под Корца и Острога (все три города в Волынском воеводстве), часть пленных и награбленного скота, а многих татар потопили».

Крикун. С. 319. – В источниках вместо Балацко ошибочно назван Остап Гоголь.

СЕНТЯБРЯ 12.
ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ДНЕПР

Гетман Иван Самойлович отдает распоряжение полковнику Илье Новицкому принять в свой полк казаков, перешедших от Остапа Гоголя:

«Як скоро товариство до нас в табор з войска Гоголева прибуло, так зараз до в<ашей> м<илости> оных отпустили есьмо: которых абы в<аша> м<илость> до своего полку принял, жадаем, а яко до новопришлых к нам людей можешь ставатися ласкавей».

1676, сентября 12. Лист гетманский полковнику Новицкому, с повелением принять в свой полк казаков, перешедших от королевского гетмана Гоголя // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1855. Т. 5. 1633–1699. С. 140.

СЕНТЯБРЯ 13. ВТОРНИК.
ЛАГЕРЬ ПОД ЛУБНАМИ. ЛЕВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

Гетман Иван Самойлович призывает полковника Илью Новицкого и ротмистра Якова Павловского заботиться о людях, которые недавно осели «на пепелищах» города Корсуня, отмечая при этом, чтобы они призывали их дать отпор отрядам или людям, посланным от Гоголя:

«Если ся вам придаст, за оказиею, приторкнути ко Корсуню, теды с тамошными людьми, яко недавно на попелиска собранными и убогими, як найласкавей хотете обыходитися... <...> О тое зась их упоминайте и утвержайте именем нашим, же если бы отколь, меновите от Гоголя хто мел з войском на их наступати, альбо яковыми оманами через письма свои шалберскии запрошали и намовляти под свою власть, <...> теды, жебы ничому згола не веручи, на наше около них старанье печаловитое были надежными, а з ними яко з неприятелем билися, и в город свой не пускали».

1676, сентября 13. Лист гетманский полковникам Новицкому и Павловскому, об охранении жителей Корсуня от наветов и прельщений Гоголя // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1855. Т. 5. 1633–1699. С. 140–141.

СЕНТЯБРЯ 19. ВТОРНИК.
ЧИГИРИН

Окончание гетманства Петра *Дорошенко.*

«Видя же Его Царское Величество *Дорошенково* коварство, лестию прикрываемое, послал-таки под Чигрин Великороссийское и Малороссийское войско и Шляхту Смоленскую с Князем Ромадановским и с Гетманом Самуйловичем... <...> ...Тогда *Дорошенко* учинил договор с Князем Ромодановским и с Самуйловичем, дабы они ему присягою обязались, что его, *Дорошенка,* животом даруют... <...> и войское свое, и клейноты Гетманские, так же и себя отдал Гетману Самуиловичу... <...> И тако с великим разорением всей обосторонной Малороссии, с окончанием 1675 <1676> года все бывшее Гетманство оного *Дорошенка* окончилось»[1].

«Року 1676. Видячи Царское Величество, что *Дорошенко* писаниями зичливими лжу и коварство свое прикрывает, и дабы чего злобою впредь не зделал, послал войска Великороссийские и Малороссийские и Шляхту Смоленскую з Князем Ромодановским и з Гетманом Самуйловичем под Чигрин <...> где *Дорошенко* <...> убоялся и начал з Ромодановским Князем и Гетманом Самуйловичем трактовати, дабы поприсягли, что его животом даруют; и сие от них получив, изышол

из города и, поклонився <Боярину и Гетману>, <с>дал Гетману Самойловичу Гетманство... <...> и тако, с неоплаканым падежем и разорением Украины, большое окончалося Гетманство *Дорошенково*, которое з великим страхом Польского Королевства было, понеже чрез его выданных <выведеный> Султан Турецкий заехал в село <во все> Подолье и Украину, поделал себе границы аж под город Коростышев и недалече от Львова»[2].

[1] *Рубан 1777.* С. 124–125.
[2] *Грабянка 1793.* Ч. 3. С. 228–229. См. также: *Грабянка 1854.* С. 221–222; *Величко 1851.* С. 397–398; *Самовидец 1846.* С. 65; *Самовидец 1878.* С. 129–130.

АВГУСТА КОНЕЦ – ОКТЯБРЯ СРЕДИНА. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«Во время польско-турецкой войны, которая с конца августа до середины октября 1676 г. продолжалась на территории Подольского и Руского воеводств, в войске Яна III, которое он собирал против турков, остро недоставало людей. Поэтому перед тем, как отправиться в поход из-под Львова, и в первой половине октября, когда турки осадили его войско под городом Журавно в Галицкой земле Русского воеводства, король не раз требовал разыскать Остапа Гоголя, чтобы тот с 2000 своих казаков прибыл на помощь. Сведений о том, что Гоголь присоединился к королевскому войску, не выявлено».

Крикун. С. 320.

ОКТЯБРЯ 23. ПОНЕДЕЛЬНИК

Постановление сената Речи Посполитой, согласно которому местопребывание войска Гоголя определялось в Полесской части Киевского воеводства.

«Постановление появилось после того, как по Журавенскому мирному договору, заключенному в середине <17-го> того же октября, Польша опять отдала Турции территорию Подольского воеводства и подтвердила переход Правобережья (территория Брацлавского и южной половины Киевского воеводства) под турецкий протекторат. Именно на этих землях <...> действовало войско Гоголя, что после Журавенского договора стало невозможным. По этому постановлению, казацких полков на Полесье могло быть не больше четырех».

Крикун. С. 321.

ОКТЯБРЯ 30. ПОНЕДЕЛЬНИК. ЛЬВОВ

Великий коронный гетман князь Димитрий Вишневецкий вручил во Львове поручику панцирной хоругви познанского подкомория Станиславу Бембновскому инструкцию, с которой тот должен был ознакомить Остапа Гоголя, его полковников, сотников, есаулов и атаманов:

«...Полки тол<ь>ко четыре постановляюца: полк самого господина Гоголя, господина Семена <Палея>, господина Кобельского, господина Шул<ь>ги, в которых все сотники гораздо заслуженные, по рассмотрению господина гетмана наказного, вместитца имеют и в полни должни будут прилучены, где себе кто из сотников излюбит. В крепость Белоцерковскую и Паволоцкую, где полк господина Раппы есть, тот же господин Гоголь с полковники из тое ж раздачи для добычи запасу

или живности нескол<ь>ко городов или мест назначат, доложась господина Раппа, которые бы ему на ту выгоду сподручнейшие и ближние места могли быти. <...> Крепость Димерскую, Черногроцкую, Корыстошевскую господин Лазнинский имеет вручение отдати господину гетману наказному до указу, в которых, где себе изволил господин гетман, имеет обрать для себя пребывание...»

1676, октября 30. Письмо польского коронного гетмана к назначенному от польского короля наказному гетману Евстафию Гоголю, и инструкция, данная от коронного гетмана Станиславу Бембновскому об устроении казаков в Полесье, с приложением статей хотимских и каменецких мирного договора Поляков с Турками // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 789–792.

НОЯБРЯ 8. СРЕДА. ЛЬВОВ

Великий коронный гетман князь Димитрий Вишневецкий сообщает «гетману запорожскому» Гоголю:

«Уже то вручил есмь господину Лазницкому, чтоб милости твоей тамошнее Полесье и городы отдал, дабы милость твоя обрал себе, как способнейшее к пребыванию место, и люд<ь>ми своими тамошние краи, крепости и залоги держал и посылал... <...> А ныне изволение есть королевского величества, дабы милость твоя добрых и воинских казаков 500 человек послал вскоре в Бар, которые бы там на залог пребывали, и естли бы того надобно было, всякой осторожности и безопаства места тамошнего и прилеглостей, к Бару належащих, остерегали...»

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 788.

НОЯБРЯ 24. ПЯТНИЦА. ДЫМЕР

Гетман Евстафий Гоголь отвечает на послание архимандрита Киево-Печерской Лавры Иннокентия (Гизеля) письмом, в котором заверяет его в своем «сыновнем» расположении, намерении охранять имения монастыря в киевском Полесье и удерживать свое войско от притеснений «стороне заднепрской».

«В списке с листа белорус<с>кого пис<ь>ма, каков писал гетман королевского величества запорожского Евстафей Гоголь к печерскому архимандриту, написано: “Самая должность сыновская всегда то от меня вымогает, чтоб я, яко сын послушный Церкви святой, <...> отдал поклон мой недостойный место святому, також и пречестности вашей... <...> ...Готов защищити маетности те, в Полесии будучие, <...> я, яко сын православный, <...> яко сын Церкви святой восточной, <...> войско свое, мне от наяснейшего престолу королевского врученое, в прилежном воздержании хощу имети, чтоб никакова смятения от них не чинилося стороне заднепрской, обаче ж всякая любовь...”»

1676, ноября 24. Письмо правобережного казацкого гетмана Гоголя печерскому архимандриту Иннокентию Гизелю с обещанием пребывать дружелюбно с левобережною Украиною // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 819–820.

ДЕКАБРЯ 6. СРЕДА. БАТУРИН

Гетман Иван Самойлович направляет царю Феодору Алексеевичу письмо, в котором советует не отправлять пока в Москву сдавшего гетманство Петра *До-*

рошенка, поскольку этим Евстафий Гоголь может быть отвращен от желания перейти на сторону царя[1]:

«...Запорожцы, именно Серко со всею старшиною своею, тотчас бы то послыша, расславили по всей Украине меж войсковыми люд<ь>ми и посполитным народом... <...> устрашивая Сибирью... <...> ...также и для Гоголя, которого Ляхи имеют у себя за казацкого гетмана, и указали ему ныне зимовое становища в Димире и в Чернобыле с войском, при нем будучим; пристоит *Дорошенку* зде пребывати; либо Гоголь, приехав, как имею ведомость, что уже сближаетца, на назначенное место и уведомясь, что ему и всей старшине, при нем бывшей, зде под высокодержавною вашею, единого православного монарха нашего, рукою и под моим региментом будучим, добро во всем поводитца и никаковы ни в чем не узнают порухи, похочет к наяснейшему вашему государскому престолу и к одному моему регименту прилучитись, как бы уже к прямому и совершенному своему все войско запорожское могло прийти к соединению в совершенство».

1676, декабря 6. Грамота Самойловича к царю о неудобстве послать *Дорошенка* в Москву, по царскому желанию, секретно объявленному чрез князя Волконского // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 823–824.

[1] «...В этих видах, чтоб не подать Гоголю и его козакам опасений, Самойлович находил вредным отправить *Дорошенка* в Москву...» (*Костомаров Н.* Исторические монографии и исследования. Т. 15. Руина. Историческая монография. 1663–1687. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича. СПб., 1882. С. 539). См. также ***1676. Декабря 7. Батурин***.

ДЕКАБРЯ 7. ЧЕТВЕРГ. БАТУРИН

В послании к царю Феодору Алексеевичу от 10 декабря 1676 г. стольник князь Иван Волконский сообщал:

«...Декабря в 7 день <...> говорил нам <...> гетман Иван Самойлович: и для того де он не послал к тебе, великому государю, *Дорошенка*: королевского де величества пол<ь>ского бывшей могилевской полковник Гоголь, а ныне он учинен гетманом и живет в Могилеве ж, а чает де он, гетман, его, Гоголя, быть у тебя, великого государя, в подданстве; а естли уведает <Гоголь>, что послан будет *Дорошенко* к тебе, великому государю, к Москве, и Гоголь де опасен будет...»[1]

1676, декабря 17. Отписка царю князя Ивана Волконского с товарищами о том, по каким причинам гетман Самойлович удерживает *Дорошенка* в Малороссии, и о сношениях гетмана с польскими гетманами // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 838.

[1] Царь согласился с доводами Ивана Самойловича (см.: 1676, декабря 16. Царская грамота гетману Самойловичу о непосылании *Дорошенка* в Москву, сообразно представлениям гетмана Самойловича о неудобстве такой посылки // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 835). Петр *Дорошенко* был отправлен в Москву лишь в марте 1677 г. (см. ***1677. Марта 7. Сосница***), после того как стало ясно, что на сторону России Гоголь переходить не собирается (см. ***1677. Февраля 6. Москва***).

ДЕКАБРЯ 13. СРЕДА. МОСКВА

«...В приказе Малыя России явились войсковой подписок Василей Скоропацкой да войсковой товарыщ Борис Моршевский, а в роспросе сказали: <...> Королевское величество на Украину прислал Гоголя с казаки и стали около Дне-

пра по местечкам: в Брагине, в Димере, в Черногородке и в иных местечках, для живности».

1676, декабря 13. Показание войскового товарища Бориса Моршевского о мире Поляков с Турками // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1882. Т. 12. 1675–1676. Стб. 829, 831.

ДЕКАБРЯ 29. ПЯТНИЦА. КИЕВ

«Расположившись в Дымере, Гоголь вскоре отправил своих казаков в подвластные Москве прикиевские поселения Петровцы (“Петровичи”) и Вышгород “для прокормленья”. Требование убраться оттуда, которое поступило из Киева, казаки проигнорировали. 29 декабря (ст. ст.) 1676 г. киевский воевода князь Алексей Голицын сообщил об этом в Москву и отметил, что Остап Гоголь, “Пол<ь>ский козацкий гетман”, прибыл в Дымер на поселение с 500 козаками».

Крикун. С. 323–324.

1677

ЯНВАРЯ 6. СУББОТА. ПРАЗДНИК КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ. БАТУРИН

«...7 (17) апреля <1677> <...> Василий Тяпкин[1] сообщил в Москву, что на казацком совете, который состоялся в Батурине на Крещение 1677 г. тайно присутствовал посланец Остапа Гоголя и что казаки на совете “советовали, как бы на весну овладеть Белую Церковь” (там был дислоцирован польский отряд). “И во всем с собой ссылаются”, – прибавил Тяпкин, имея в виду казаков Гоголя и Самойловича».

Крикун. С. 324–325.

[1] См. также ***1677. Февраля 17. Козелец.***

ФЕВРАЛЯ 6. ВТОРНИК. МОСКВА

«...Февраля в 6 день, в приказе Малыя Рос<с>ии явился войсковой товарыщ Иван Мазепа, а в роспросе сказал: <...> Гоголь отзываясь с королевские стороны пол<ь>ского казацким гетманом, стоит в Полесье близко Киева и присылает на Украйну на сю сторону Днепра прелес<т>ные свои листы, устрашивая войски королевского величества и турского салтана приходом под Киев и на всю Украйну, и постерегая того, чтоб в Украйне от того какова сметения не возросло, сам гетман <Самойлович> к Москве не поехал, а вместо себя послал сына своего Симеона...»

1677, февраля 6. Показание войскового товарища Ивана Мазепы о суде над Адамовичем и Рославцем, и о том, что гетман не может ехать в Москву, опасаясь козней заднепровского королевской сторон<ы> казацкого гетмана Гоголя, с присовокуплением летучих известий о положении военных сил бусурманских и польских // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 22, 24.

ФЕВРАЛЯ 17. СУББОТА. КОЗЕЛЕЦ

Киевский полковник Константин Солонина, отвечая на письменные уговоры Остапа Гоголя предаться на сторону Речи Посполитой, призывает его перейти на службу к московскому царю:

«...Я сам прочитал подпись руки твоей в нескол<ь>ких листах, ко мне писаных...[1] <...> Не того я от тебя чаял, яко от старого в Войске Запорожском человека... <...> Да и с той стороны гетманом трудно тебе называтца, понеже тамошние старые места гетманские со всей тамошней стороны уж под державою Царского Величества и под правлением гетманским суть. <...> Я желал бы и советовал братцки, дабы <ты> <...> на старость по пустым местам не скитался, а <приклонился> сюды, к одной отчизне нашей Украине, гнезду, покровенному крылями высоко владеющего орла, православного монарха нашего...»

Крикун. С. 331–332.

[1] Письмо не сохранилось. «...Текст ответа попал в руки московского резидента в Варшаве стольника и полковника Василия Тяпкина, который 7 (17) апреля переправил его "виленскою почтой" в Москву. Как дополнение Тяпкин приобщил экземпляр своего письма к Гоголю, по содержанию аналогичного письму Константина Солонины» (*Крикун.* С. 324). См. ***1677. Февраля конец. Варшава.***

ФЕВРАЛЯ КОНЕЦ. ВАРШАВА (?)

Стольник и полковник Василий Михайлович Тяпкин отправляет наказному гетману Остапу Гоголю письмо, в котором советует прислушаться призыва киевского полковника Константина Солонины[1] и перейти на службу московскому царю:

«Побудило меня письмо полковника киевского... <...> Церковь святая, по ней же побоpяющим Бог всемогущий, вечную дарует славу и щастие, о котором обнадеживаю, что от царского величества, государя моего милостивого, тебя ожидает, да приклонит тя, дабы, с поборниками православия и стран рус<с>ких едино имея разумение, защищал святилища Господня от неприятеля Креста Святого, которые никогда не престают в своих хотениях, еже искоренити сынов Православия... <...> ...Хотя иногда и в совершенство обещание пол<ь>ское придет, однако нездорово после его дышетца. <...> Прехвалная бо у них добродетель обмануть русака. В то время я, истинно твой приятель, братство с Пол<ь>шею желати буду, когда увижу ястреба з голубем, вместе живущих. Хто с ними хочет братство приять, надобно бичеватца, се есть самим себя бить. <...> Советую тебе, внешнею белостию не давайся в обман внутрь черного лебедя. Не верь обнадеживанию пол<ь>скому, хотя конституциею обяжут, понеже что сево дни свяжут, завтро розвяжут. <...> И обязую Богом, что царское величество, государь мой милостивый, особую милость <...> объявит, аще бо кто отдалясь от защищения царского пресветлого величества, хотя принужденным приступает образом, царское величество благоприятным приемлет лицем, много паче благоприятно тебя примет, когда под чужим быв защищением, добровол<ь>но, не оставляя защищения царского величества, государя моего милостивого, к нему притекати учнеш<ь>. Придаю и то: напрасно надеяшся улучить воздаяния за свои кровавые труды от поляков, понеже и самое войско их братия не могут установленные и заслуженые улучить заплаты, тол<ь>ко отволокою комисии и зманивая заплатою войску, понеже не имеют чем заплатить. А хотя что и дадут ныне, тебя побуждая, тол<ь>ко впредь не надейся».

Крикун. С. 332–333.

[1] См. ***1677. Февраля 17. Козелец.***

МАРТА 6. ВТОРНИК. БАТУРИН

Гетман Иван Самойлович сообщает царю Феодору Алексеевичу:

«...Опасаясь и постерегая, чтоб <...> какого зла не учинилось, особенно Запорожцов, которые издавна сами непостоянствуя, к розным посторонним заступлениям метатися извыкли, <...> также и Гоголя, которому Ляхи гетманство дав, умысленно и нарочно к нам сближився, розными способами легкомысленно здешних людей приманивати, хотя добровольным его зде бытием при ненарушении в добрах его целости и войсковых вол<ь>ностях на сю (сторону) переманить; и для того задержался было с ним[1], выписав к вам, Великому Государю, все сие и иные причины».

1677, марта 6. Грамота гетмана Самойловича к царю, в которой извещает об угрожающем вторжении турецком, просит военной помощи и кроме того ходатайствует о судьбе отправленного в Москву Петра Дорошенка // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 31, 34–35.

[1] С отправкой в Москву Петра Дорошенко.

МАРТА 7. СРЕДА. СОСНИЦА

«Из Сосницы стол<ь>ник <Семен Алмазов> и генеральной судья <Иван Домонтович>, а с ними *Дорошенко* поехали в Москву марта в 8 день, и провожатых было от города до города и от села до села казаков человек по 30 и по 50».

1677, марта 15. Донесение подьячего Вонифатия Парфеньева об обстоятельствах отправки Петра Дорошенка в Москву // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 58.

МАРТА 20. ВТОРНИК. МОСКВА

Вышел царский указ об окончательном освобождении брата Петра *Дорошенко* Григория (взятого в плен в 1674 г. под Лисянкой и отправленного в Сибирь), с позволением ему вернуться на Украину.

«В тот же день Григорий <который перед тем, в 1676 г., был возвращен из Сибири> был освобожден и передан брату без расписки».

Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльности. Нью-Йорк, 1985. С. 620.

МАРТА 29. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Царь Феодор Алексеевич пишет гетману Ивану Самойловичу:

«...Ведомо нам <...> учинилось чрез твоих посланных, что Дмитряшко Райча, бывшей переяславской полковник, из Барышевки ушол на ту сторону Днепра к Гоголю...»

1677, марта 29. Царская грамота гетману Самойловичу об отправлении войска и о разных мерах к защите Чигирина от угрожающего вторжения Турок // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 91.

АПРЕЛЯ 23. ПОНЕДЕЛЬНИК. БАТУРИН

Гетман Иван Самойлович сообщает царю Феодору Алексеевичу:

«Того ж помянутого числа апреля <18-го> приехал ко мне в Батурин с тое стороны Днепра из Димера от Гоголя Игнат Шул<ь>га, которой знатная издавна в войске запорожском особа, быв у Гоголя полковником, либо в немалой чести посылан был: понеже Гоголь к гетманом корунным в потребах своих, послан был послом; однако вспамятовав добрую нашу знаемость, особно, что и жена его на сей стороне обретается, переехав зде, и листы те Гоголевы приносили ко мне...»[1]

1677, апреля 27. Грамота гетмана Самойловича к царю с просьбою прислать денег на содержание охотного войска, с препровождением показания козака Новака о приготовлениях Турок и Юраска Хмельницкого // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 118, 121.

[1] Письма Остапа Гоголя к «гетманам корунным», которые Иван Самойлович переправил царю, не сохранились. 12 мая 1677 г. царь отвечал Ивану Самойловичу: «Да к тебе ж <...> приехал с той стороны Днепра из Димиря от Гоголя Игнат Шул<ь>га, посланный к корунным гетманом с листами, и листы Гоголевы приносил к тебе...» (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 142–143).

МАЯ 5. СУББОТА. МОСКВА

Петр *Дорошенко* ходатайствует об освобождении из сибирской ссылки еще двух взятых в плен в 1674 г., вместе с Григорием Дорошенко, казаков: Степана Новицкого и Якова Колошина[1].

1677, мая 5–6. Выписка из доклада об отыскании в Сибири, для возвращения в Малороссию, двух казаков, отправленных в ссылку. Царское решение по этому делу // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. С. 136–137.

[1] См. ***1677. Марта 20. Москва.***

МАРТ-ИЮНЬ. ПРАВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА

«Имея же салтан турецкий Подолле и Украину, а видя, что россияне Чигрин и *Дорошенка* взяли, также и людей со всею старшиною бесчисленных, за Днепр перезвавши, на пустых землях посадили, – в року 1677-м випустил умисл<ь>но из заключения на Украину Юрия Хмел<ь>ницкого ради возмущения и войск собирания, и дал ему титул князя Рус<с>ского и Гетмана Запорожского, и повелел ему ж при войсках с Ибрагим-пашою и с ханом кримским первее под Чигрин ступать, потом под Киев».

Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878*. С. 281.

ИЮЛЯ 12. ЧЕТВЕРГ. БАТУРИН

Гетман Иван Самойлович пишет царю Феодору Алексеевичу:

«О казаках с тое стороны Днепра, от Гоголя к нам переходящих, доношу к вашему царскому пресветлому величеству, что ныне невозможно их не принимать...»

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 178.

ИЮЛЯ 28. СУББОТА. НЕМИРОВ, БРАЦЛАВСКОГО ВОЕВОДСТВА

Немировский староста Стефан Куницкий сообщает гетману Ивану Самойловичу:

«Николай Бершота, греченин, послан был от Гоголя к господарю волоскому в его делех, и оттуда взят за караул в Сакчи[1] к Имбаим <Ибрагим> Шайтан паше, и сидел полторы недели, потом выпущен, ходил меж турским войском и приехал от господаря с моими посланцы».

1677, июль. Известия, присланные в малороссийский приказ старостою немировским Стефаном Куницким о движениях Турок и Юраски Хмельницкого к Чигирину // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 226.

[1] Город Исакча, на правом берегу Дуная.

ИЮЛЬ

«В июле, после того как Иван Самойлович отказал Гоголю в просьбе помочь запорожцам провиантом и отправить к ним Полтавский полк[1], Остап Гоголь при посредничестве “послов” выразил свою благосклонность Юрию Хмельницькому».

Сообщение из Переяславля, полученное в Белой Церкви 23 июля 1677 г. (*Крикун*. С. 326).

[1] «...Обращаясь к Самойловичу, Гоголь поддержал просьбу кошевого атамана Запорожской Сечи Ивана Сирка, которому уже было отказано» (*Крикун*. С. 326).

ИЮЛЯ 16. ПОНЕДЕЛЬНИК – АВГУСТА 8. СРЕДА. МОСКВА

17–23 июля 1677 г. в Малороссийском приказе рассматривалось дело казачки из Чернигова Анны Ивановны Кусовой, обратившейся 16 июля 1677 г., через своего двоюродного брата Мартына Михайлова, служившего у Петра *Дорошенко*, за помощью к последнему. В ноябре 1676 г. Кусову, бывшую замужем за казаком Яцком Федоровым, похитил черниговский воевода стольник Тимофей Чоглоков, изнасиловал, вывез в Москву и обвенчал со своим холопом Вас<ь>кой Чесноковым[1]. С помощью *Дорошенко* Кусова 8 августа 1677 г. была отправлена на родину.

1677, июля 17 – августа 8. Дело о черниговке Анне Кусовой, похищенной черниговским воеводою Чоглоковым, искавшей помощи у *Дорошенка* и после производства дела переданной ему для отправления на ее родину // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. С. 217–222.

[1] «Это событие <...> дало Костомарову сюжет для его известной исторической повести "Черниговка" <1881>» (*Дорошенко Д.* Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльности. Нью-Йорк, 1985. С. 637).

СЕНТЯБРЯ 30. ВОСКРЕСЕНЬЕ. БАТУРИН

Гетман Иван Самойлович сообщает царю Феодору Алексеевичу:

«...Войско, что было при Гоголе, одва не все на сю сторону Днепра перешли...»[1]

1677, сентября 30. Грамота гетмана Самойловича к царю о действиях казаков в погоне за бежавшими из-под Чигирина Турками // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 378.

[1] 22 октября 1677 г. царь отвечал гетману: «...Войско, что было при Гоголе, то мало не все уж на сю сторону Днепра к вам перешло, которых ты, нашего царского величества подданный, велел росставит по становищам с удовол<ь>ствованием. И нам, великому государю, нашему царскому величеству, о том известно» (1677, октября 22. Царская грамота к гетману Самойловичу о посылке к атаману Серку для уговаривания его быть послушным гетманской власти // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 353).

ОКТЯБРЯ СРЕДИНА

Стольник Василий Тяпкин сообщал в Москву, что во время встречи с гетманом Иваном Самойловичем (в начале второй декады октября) последний сказал ему:

«...Козаки только того и ждут, чья сторона верх возьмет в Чигирине. Хорошо, что вот нам теперь удалось; от этого тотчас два полковника из-под Гоголева гетманства к нам отозвались; есть надежда, что и Гоголь с остальными в подданство царю перейдет; а как Юраска <Хмельницкий> еще шел к Чигирину <в июне-июле 1677 г.>, то Гоголь уже подумывал, не придется ли ему пристать к Юраске, если Юраска одолеет нас?»

Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. Т. 15. Руина. Историческая монография. 1663–1687. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича. СПб., 1882. С. 562.

ОКТЯБРЬ. МОСКВА

«...Взятые присланные языки в приказе Малыя Рос<с>ии в роспросе сказали: первый, сербенин греческой веры Дениско Григорьев <...> А от Дмитряшки де и от Гоголя никакие посланцы к Ибрагиму паше не присыланы[1] и нигде про них он не слыхал».

1677, около октября. Показания присланных в Москву турецких пленных об отступлении от Чигирина Турок и о состоянии их войска // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 368, 374.

[1] См. ***1677. Июля 28. Немиров.***

НОЯБРЯ 1. ЧЕТВЕРГ. БАТУРИН

Гетман Иван Самойлович сообщает царю Феодору Алексеевичу в Москву:

«Запорожцы ж, хотя впрямь к тому врагу Хмел<ь>ницкому и к Ибра<г>им паше склонились было и беспрестанно пересылки меж собою имели, однако всегда на Чигирин смотрили, куды обратитца... <...> А не токмо Запорожцы на то смотрили, но и Гоголь с товарыщи, с которым войска было бол<ь>ши дву тысяч, которые стояли, по указу королевского величества, от Киева в трех милях, и те беспрестанные пересылки имели с тем же врагом Хмел<ь>ницким и ныне их посланцы тамо. А понеж услыша Господь Бог праведные его государские молитвы, сохранил при целости тот город, те все мысли противные противником отпали и войско Гоголево все к нам перешло, гораздо мало кого там осталось».

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 337.

НОЯБРЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 25

Остап Гоголь ездил на встречу с польскими гетманами.

Письмо руского воеводы и польного коронного гетмана Станислава Яна Яблоновского к великому коронному гетману Димитрию Вишневецкому от 25 ноября 1677 г.; «здесь сказано что Яблоновский посылает адресату решения ("postanowlenie"), которое он заключил с Гоголем» (Крикун. С. 328). – См. также 1677. Декабря 14. Козелец.

ДЕКАБРЯ 14. ПЯТНИЦА. КОЗЕЛЕЦ

Киевский полковник Константин Солонина сообщает гетману Ивану Самойловичу:

«По возвращении моем из Киева и по писании ведома чиня про Гоголя и о его возврате от гетманов, корунного и пол<ь>ного[1], также все при нем будучие полки под высокодержавную великого государя нашего руку склоняются и под твой гетманский регимент. И ныне в первых пехотной полковник Василей Иванов со всем полком посылает к тебе своих казаков с пис<ь>мом[2] и на нашу строну перейтить хочет; а как он перейдет с полком, и я прошу милости твоей себе о научении, куды его имею устроити и так в городы пускати и принимати, потому что не ведаем о их желател<ь>стве. Сотник острицкой ведомо нам учинил, что Богуненко, сотник полку Гоголева, со всею сотнею на нашу сторону перешел и стоит в себе Карпиловце, и как к нам в Козелец придет, и ему дав день отдохнуть, к милости твоей, благодетелю моему, в Батурин отпускати буду, а вел<ь>можность твоя укажет им, где на хлебе быти. <...> Сии казаки с Гоголем у гетманов пол<ь>ских были и про все ведают, как там Гоголя принимали, и милость твоя будете их спрашивати».

1677, декабря 14. Письмо киевского полковника Солонины к гетману... // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 411–412.

[1] См. также ***1677. Ноября не позднее 25.***

[2] «В листу полковника королевского Василья Иванова к гетману Ивану Самойловичю <от 13 декабря 1677 г. из с. Опачичи, близ м. Чернобыль> написано: <...> ...Милость твоя обовязал <...> нас <...> листом <...> обещевая нам, недостойным, свою отеческую любовь и попечение. Не токмо я <...> посвящаю мой весь живот на услугу вашу, но имея при себе с тысечю и бол<ь>ши приборных товарыщей добрых, гораздо знатных и в воинских делах выученных... <...> понеже, как видим, что королю пол<ь>скому ненадобны есмь» (Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 412).

ДЕКАБРЯ 24. ПОНЕДЕЛЬНИК. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. БАТУРИН

Подьячий Емельян Шестаков сообщает царю Феодору Алексеевичу:

«...В Батурин к гетману к Ивану Самойловичу, декабря в 24 числе, приехали от Гоголя на имя царского величества в службу два полковника, один конной Ивания, а другой пехотной Василь, а с ними конницы приехало в Батурин человек с тридцать, а полков своих казаков тысячи с три оставили в Нежине и в иных городех на сей стороне Днепра. И гетман Иван Самойлович полковникам велел быть при себе, полков их казаков велел поставить на зимовье в нежинском полку, в Глуховском и в иных уездах. Да подьячему ж гетман говорил: то чает он, гетман, что и сам Гоголь приедет к нему, гетману, вскоре, потому что при нем казаков ничего нет, тол<ь>ко осталось при нем человек с 30».

1677, после 29 декабря. Посольство подьячего Шестакова в Сечу, с приложением грамоты гетмана к царю и письма кошевого Сирка к гетману о состоянии дел в Сечи // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 430–431.

ДЕКАБРЯ 29. СУББОТА. БАТУРИН

Гетман Иван Самойлович сообщает царю Феодору Алексеевичу:

«...На сих днях вновь с тое стороны Днепра из-под державы королевские от Гоголя два полковника[1] с знаками своими, а с ними с пол-2000 товарста на сю сторону к нам перешли... <...>; по которых и самого Гоголя вскоре надеемся».

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 436.

[1] См. ***1677. Декабря 24. Батурин.***

АПРЕЛЯ 8. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЫМЕР

Евстафий Гоголь пишет гетману Ивану Самойловичу:

«Хотя затем, что с господином Искрицким к твоей милости приносили свое прошение, как выразумев из листа твоего, какову ты понес на меня досаду; однако прошу о милостивом прощении. Однако я неведом был его, Искрицкого, проступке, как и сам твоя милость в листу своем написать мне изволил; тол<ь>ко веря словам его, склонился есмь было к его желанию. Ведомости, какие имею о неприятел<ь>ских замыслах, с повинности моей ведомо чиню твоей милости: люди, мои приятели давные, которые были аж у Дуная, ныне пришли ко мне в Димер, и так сказывают, что тот неприятель Креста Святого, то есть салтан турской, со всеми своими силами готовитца на войну; и так слух носитца, что имеет замысл о Георгиеве дни <23 апреля> рушити под Чигирин (а в том кто может ведати совет их?). Волохом еще скоро с осени замышлено, дабы наготовили четыре тысячи телег, под которыми имеет быть по четыре вола, а за всякою телегою по два человека, которые, идучи вместе с ними, чтоб делали то, что им будет приказано. В Каменце Турки крепко городы крепят, неведомо для каких причин. Что впредь подлинного и надобного буду имети, днем и ночью не омешкаю твоей милости дать знати; а ныне самого себе твоей милости отдаю. Из Димиря, 8 апреля, 1678. Желательным приятелем и повол<ь>ным слугою, Евстафей Гоголь. – По написанию сего листа, имею подлинную ведомость из Пол<ь>ши, что король, его милость, государь мой милостивый, в Люблине посла его

царского пресветлого величества крепко хорошо принял и с тем, чтоб имело веры христианской с добром быть отправить, указы свои королевское величество до Речи Посполитой велел выдать; а за третьи чтоб Речь Посполитая садилась на конь, войско пол<ь>ское оказатись имеет под Птичюю, для записи коней, что под Трембовлем, опасно от того неприятеля Креста Святого. И так имею в Бозе надежду, что все христианство сохранитца на подкрепление Православия святого»[1].

1678, апреля 27. Грамота гетмана Самойловича к царю, представляющая доводы, что ни в каком случае нельзя разорить Чигирина и сосредоточиться на обороне Киева, и обещающая действовать поэтому вместе с князем Ромодановским; с приложением писем Гоголя и Куницкого о намерениях Турок выйти в поход от берегов Дуная о Георгиеве дни // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою Коммиссиею. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678. Стб. 580–581.

[1] «Это письмо – последний известный документ о гетманском периоде деятельности Остапа Гоголя и вообще о его жизни. Сколько еще после этого письма он был гетманом, неизвестно» (*Крикун*. С. 328).

МАРТ-ДЕКАБРЬ. МАЛОРОССИЯ

«Юрий <...> Хмельницкий с Татарами в Марте 1678 года, став кошем над рекою Росавою, в Переяславском полку, многие обиды в народе поделал. Того ж году Гетман Самойлович ради дачи жалованья войску пехотному и конному, от Дорошенка и от Гоголя преклонившемуся, откуп на горячее вино учредил».

Рубан 1777. С. 129.

См. также: «В сие время Гетман Самойлович, повествуют Малороссийские Летописатели, постановил откуп на горячее вино, для ежегоднаго платежа Козакам Дорошенки и Гоголя, присоединившимся к его войску; каковым учреждением Малороссияне чрезвычайно были недовольны» (<*Бантыш-Каменский Д. Н.*> История Малой России со времен присоединения оной к Российскому Государству при Царе Алексее Михайловиче, с кратким обозрением первобытного состояния сего края. М., 1822. Ч. 2 (цензурное разрешение 15 февр. 1821). С. 137; см. также: <*Бантыш-Каменский Д. Н.*> История Малой России. От присоединения сей страны к Российскому Государству до избрания в Гетманы Мазепы. М., 1830. Ч. 2 (цензурное разрешение 5 окт. 1829). Примечания. С. 34).

«Того ж году <1678> Гетман Самойлович для заплаты войску пехотному и конному, от Дорошенка и Гоголя передавшемуся, оренди на горелки в Малой России уставил» (*Грабянка 1793*. Ч. 3. С. 232). См. также: «Году 1678 <...> Гетман Самойлович, для заплати войску пехотному и конному и от Гоголя передавшомуся, оренди на горелки в Малой России уставил» (Гетманство Гоголево на Заднепрю // *Грабянка 1854*. С. 225).

«Того ж року <...> на Украине стали аренды на заплачення войску, пехоте и конным, которые от Дорошенка и от Гоголя передавалися, которым барму <одежду> давали, але то з великим шемранням <роптаньтем> людей было, же уже и отвыкли были арендам» (*Самовидец 1846*. С. 111; см. также: *Самовидец 1878*. С. 141; Краткое описание Малороссии // Там же. С. 282).

«С начала сего года состоялись в Украйне откупы для платежа и построения мундира, пехоте и конным Козакам, тем, кои, отстав от Дорошенка и от Гоголя, к войскам Российским присоединились в службу; точию откупами и сборами сими жители сего места недовольны были, потому что до времени Дорошенковых Козаков не имели они к таковым сборным платежам привычки» (*Ригельман 1848*. Ч. 2. С. 159–160).

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

Около 1678 г. родился Василий Михайлович *Танский*[1].

«Что касается до предков Гоголя по женской линии, то полковник переяславский Василий *Танский* происходил от известной польской фамилии этого имени и оставил Польшу в то время, когда Петр Великий вооружился против претендента на польский престол, Лещинского. Он усердно служил Петру в шведской войне[2] и занимал всегда одно из самых видных мест между малороссийскою старшиною»[3].

[1] См. ***1763. Января 20.***
[2] См. ***1715. Декабря 3. Глухов.***
[3] *Кулиш 1856*. Т. 1. С. 3; *Свод*. Т. 1. С. 335.

ЯНВАРЯ 5. ВОСКРЕСЕНЬЕ. КРЕЩЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. ДЫМЕР

Кончина гетмана Евстафия Гоголя.

См. ***Января 7 или 9. Межигорский Спасо-Преображенский монастырь (близ Киева)***; ***1679. Января 27. Батурин***.

ЯНВАРЯ 7 ИЛИ 9. ВТОРНИК ИЛИ ЧЕТВЕРГ. МЕЖИГОРСКИЙ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ (БЛИЗ КИЕВА)

Погребение гетмана Евстафия Гоголя[1].

18 июня 1856 г. М. А. Максимович писал П. А. Кулишу: «А что память о Гоголе, после его полковничества поднестрянского и недолгого гетманства в Полесье, не утонула в темноте и была озарена не зловещим блеском <цитируются слова П. А. Кулиша из "Записок о жизни Н. В. Гоголя..."[2]>, но — оставалась, можно сказать, в тихом свете для народа Украинского, то вы можете видеть из следующих о нем подробностей, — которые в 1851 году я приберег для моего незабвенного поэта Гоголя, а теперь передаю вам, его жизнеописателю. —

В Межигорском монастыре, до конца его (положенного загадочным пожаром в апреле 1787 года) был портрет "Гетмана Евстафия Гоголя — в рамах черных с красными маленькими травами". Там он находился в деревянной Свято-Духовской церкви, вместе с другими шестью портретами, а именно: Императора Петра Первого, Гетмана Богдана Хмельницкого, полковника Семена Палея, — и еще двух лиц, неизвестных в истории, подстаросты Димерского и последнего межигорского игумена Кощаковского (после которого начались уже межигорские архимандриты [и я замечал Гоголю[3], что у него в повести неверно показан "Межигорский архимандрит", а надо для точности поставить: "игумен"[4]]).

А в соборной Преображенской церкви, воздвигнутой на иждивение Московского патриарха Иоакима, который будучи постриженцем межигорского монастыря, любил его до кончины своей и хотел быть здесь погребенным и не переставал благотворить ему щедрою рукою, — в той знаменитой церкви, и доныне уцелевшей в числе 18-ти напрестольных евангелий было одно — львовской печати 1644-го года, в таусинном фиалковом бархате, со многими среброзолочеными образками и другими накладками, — изданное от гетмана Евстафия Гоголя — 1679 года (следовательно перед самою его кончиною)[5].

Все это значится подробнее в "Книге описной ставропигиального Киевомежигорского монастыря, совершенной 1777 года, февраля 5", — которую неожиданно встретил я, в июле 1851 года, посетив заштатный Богуславский монастырь, основанный на нынешнем живописном месте над р. Росью — <...> полковником Самусем в начале прошлого столетия»[6].

Само по себе примечательно, что ближайшие друзья Н. В. Гоголя уделяли внимание личности Евстафия Гоголя и что Максимович (обсуждавший ранее с Гоголем содержание «Тараса Бульбы»[7]) специально приготовил для передачи писателю сведения о его далеком предке. Таким образом, не только в родовых бумагах, но и в окружении самого Гоголя его имя связывали с гетманом Евстафием Гоголем, тогда как сам писатель фамилией Гоголь дорожил и неоднократно протестовал, когда его называли Яновским[8]. 20 июня (н. ст.) 1847 г. он, в частности, писал Н. Я. Прокоповичу: «У отца моего были два двоюродных брата[9] священника, но те были просто Яновские, без прибавления Гоголя, которое осталось только за отцом [как происходившим по прямой линии]».

Межигорский Спасо-Преображенский монастырь упоминается в «Тарасе Бульбе», — отсюда Остап и Андрий получили вместе с благословением матери «по кипарисному образу» (глава пятая) и куда казаки атамана Балабана привезли из морского похода «златошвейную ризу архимандриту» (глава девятая; ср. выше замечание Максимовича об этих гоголевских строках). В первой половине XVII в. Межигорский Спасо-Преображенский монастырь был одним из центров антиуниатской борьбы на Украине, отсюда Сечь избирала себе священнослужителей.

[1] См.: «1676. От короля пол<ь>ского Яна Собецкого поставлен был гетман войск Запорожских Евстафий Гоголь. Он погребен в Киевомежигорском монастыре 1679 года генваря 7 д<ня>» (Хронология гетманов, по Хмел<ь>ницком бывших / Хронология высокославных ясневельможных гетманов. 1506–1765 // Южнорусские летописи, открытые и изданные Н. Белозерским. Киев, 1856. Т. 1. С. 119).

См. также: «Гоголь прибыл в Дымер 1676 г., а с ним до 1000 козаков, размещенных в местечке и окрестных селах. Через год отказался от гетманства, не имея охоты к грабежам, которые почти одни безалаборное польское правительство предоставляло ему как средство к содержанию воинского отряда; а 5 Генваря 1679 г. умер и 9-го погребен в Межигорском монастыре, как значится в монастырском Синодике, “в склепе, в притворе положен”» (Дымер // Уезды Киевский и Радомысльский. Статистические и исторические заметки о всех населенных местностях в этих уездах и с подробными картами их. Собрал Лаврентий Похилевич. Киев, 1887. С. 26).

[2] См. ***Начало XVII века. Начало века. Село Гоголи, близ местечка Зиньков, Летичевского уезда Подольского воеводства. Правобережная Украина.***

[3] См. ***1850. Августа 10 – августа около 20. Васильевка.***

[4] Речь идет о второй редакции повести «Тарас Бульба» (1842).

[5] См.: «Евангелие напрестольное, в лист, печатанное во Львове в 1644 году. На первых страницах следующие слова, писанные внизу листов киноварью: «Лета <...> (1679) месяца Генваря дня 3 <так!> погребенъ е<сть> в монастире общежительном Межигорском Киевском, в церкве Г<оспод>ня Преображения, в склепе, благочестивий православный раб Божий Евстафий Гоголь, Гетман войска его Корол<евской> м<илости> Запорож<ского>, до которого м<о>н<асты>ря вышереченный небожчик за отпущение грехов своих надал вечными часы сие и другое Ев<анге>лие обедве напрестолие и оправнии, и келих, и крест, и кадилницу, и чарку серебрения, ризы, епитрахиль, аер, нарукавниц гафтование, булаву гетманскую серебреную, бунчук и корогов войсковую, шаблю, кантур войсковий и образ Пресвятой Богородици окладнии с перлами, при державе Вел<икого> Кор<оля> Пол<ьского> Иоанна третяго, при игумену Меж<игорскому> иером<онахе> Феодосии Васковском. Подаждь Г<оспод>и оставление грехов рабу своему Евстафию, и сотвори ему вечную память. Аминь» (Ч<лен> О<бщества> *Мурзакевич <Н. Н.>* Надписи в Екатеринодарском войсковом соборе черноморских козаков // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1848. Т. 2 (цензурное разрешение 7 дек.). С. 825). «Михаил Максимович не мог не знать об этой записи. На момент ее публикации в «Записках Одесского общества» Евангелие хранилось в Екатеринодарском военном соборе черноморских казаков, а в настоящее время хранится в Краснодарской краевой научной библиотеке» (*Крикун.* С. 345). Ср.: «Вспомянем еще некоторых Украинцев <...>, оказавших свое усердие к Межигорью. <...> Заднепровский гетман Евстафий Гоголь, который скончался в Димере 1679 года 5-го января и положен в Межигорьи в склепу 7-го января. До последнего времени монастыря <здесь> было евангелие (львовской печати 1644 года) в золочено-серебряной оправе по фиолетовому бархату, подаренное от Гоголя перед его кончиною; а в святодуховской церкви, рядом с портретом Богдана Хмельницкого, висел портрет Гоголя в черных с красными травами рамах» (*Максимович М. А.* Сказание о Межигорском монастыре. Киев, 1865. С. 30–31). Кроме того, незадолго до публикации Н. Н. Мурзакевича, весной 1848 г., в Одессу прибыл из Иерусалима сам Гоголь, где встречался с Мурзакевичем (см. ***1848. Апреля 16–30. Одесса***; ***1848. Мая 3. Понедельник. Приют, близ Одессы***).

«Судя по другой записи в Евангелии, купив эту книгу с женой Ириной, сыновьями Прокопом и Ильей и дочерью (“цуркою”) Настасиею, “полковник подольский” 3 апреля 1661 г. “придав <ее>... на вечные часы” “храму” <Межигорского монастиря>. Этот экземпляр Евангелия хранится <ныне> в Краснодарской областной научной библиотеке» (*Крикун.* С. 329). См. также ***1661. Апреля 3.***

[6] *Максимович М.* О Предке Гоголя. (Письмо к автору «Записок о жизни Н. В. Гоголя», изданных в Спб., 1856 г.) (В Русскую Беседу) // *Крикун.* С. 340, 345. Опубликовано Н. Г. Крикуном по автографу, хранящемуся в бывшей Гос. публ. библиотеке УССР (ныне – *НБУ*), – ед. хр. 2390. Впервые на существование этой статьи (или письма) Максимовича указал в 1951 г. Д. М. Иофанов, сопроводив свое указание *прямо противоречащим* содержанию статьи комментарием: «Происхождение Гоголей-Яновских от гетмана войска запорожского Остапа Гоголя было мифом. Это документально доказал украинский историк и этнограф, друг Гоголя М. А. Максимович. – Оригинал статьи М. А. Максимовича на эту тему хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки УССР, “Гоголиана”, № 2390» (*Иофанов.* С. 9–10).

[7] См. ***1835. Августа 14 – 18–19. Киев.***

[8] См. ***1830. Ноября 29. Суббота. Санкт-Петербург.***

[9] Иереи Меркурий Кириллович и Савва Кириллович Яновские.

ЯНВАРЯ 27. ПОНЕДЕЛЬНИК. БАТУРИН

Василий Леонтьевич Кочубей сообщает полковнику С. Новицкому:

«И то ведомость, ежели ее у в<ашей> м<илости> немаш, же Гоголь скончил живот свой».

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные Археографическою Коммиссиею. 1633–1699. СПб., 1855. Т. 5. С. 155.

АПРЕЛЯ 28. ПОНЕДЕЛЬНИК. КОЗЕЛЕЦ

«Последнее по времени упоминание о *Балацко* встречаем в письме киевского полковника Константина Солонины, написанном 28 апреля (ст. ст.) в 1679 г. в городе Козелец, к Мирону – судье правобережного казачества, сосредоточенного в киевском Полесье, которое находилось на службе Речи Посполитой. В письме Солонина выражает предложение, которое он согласовал с гетманом Иваном Самойловичем, Балацко и Мироном с подчиненными ему казаками, перейти на сторону Самойловича и поселиться на контролируемой им територии. Письмо Солонины попало в руки польских властей. Король Ян III Собеский очень возмутился тем, что в ходе налаживания отношений Речи Посполитой с Москвой правобережных казаков тайно переманивают на левый берег Днепра. Переведенное на польский язык, письмо, вместе с соответствующим инструктивным письмо короля, в июле 1679 г. было отправлено послу Речи Посполитой в Москве – референдарю и писарю Великого княжества Литовского Циприану Бжостовскому. На основе этих документов Бжостовский затронул вопрос о переманивании казаков на польско-русских переговорах в Москве».

Крикун. С. 337–338.

ВЕСНА-ЛЕТО. КИЕВ

«В лето от создания мира 7177, от Рождества Христова 1679. Великий Государ<ь> Цар<ь> и Великий Князь Феодор Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец, слыша врага Креста Господня, Турского Солтана, хвалящегося <...> богоспасаемый град Киев <...> под бусурманскую свою власть подбити <...>, на оборону Святых мест Киевских подвиже <...> многочисленные своя Царские войска... <...> По Его ж Царского Пресветлого Величества указу, и Малороссийские многочисленные войска ко Киеву прийдоша: Гетман Войск Запорозских Иоан<н> Самойлович, со сыном своим Григорием, и со Енерал<ь>ною Старшиною и Полковниками; между ними бяше: Енерал<ь>ный Обозный Петр *Забела*; Иоан<н> Домонтович, Судия Енерал<ь>ный; Павел Животовский, Енерал<ь>ный другий Судия; Сав<в>а Прокопович, Писар<ь> Енерал<ь>ный; Леонтий Артемович Полуботок, Асаул Енерал<ь>ный; Константий Иванович Бунчучный; Стефан *Забела*[1], Хоружий Енерал<ь>ный».

О приходе множественных сил Царских и войск Запорожских ко Киеву / Отрывки из Летописца, или Кроники Иеромонаха Леонтия Боболинского (1699) // *Грабянка 1854*. С. 311–312, 314.

[1] Сын П. М. Забелы.

НОЯБРЯ 1. СУББОТА. МОСКВА

«1.XI.1679 г. *Дорошенко* беспокоился об отпущении на Украину хлопца Федора Беляева, которого захватили москали “в поле” и вывезли в Рязанщину; парень убежал от них, пристал к польскому посольству в Москве и вместе с ним выехал в Польшу; потом вернулся в Москву вместе с тем же посольством и здесь разыскал *Дорошенко* и прибегнул к нему с просьбой о помощи. Усилиями Дорошенка он отправлен на родину в Украину».

Дорошенко Д. Гетьман Петр Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльности. Нью-Йорк, 1985. С. 637–638.

КОНЕЦ ГОДА. МОСКВА, ВЯТКА

Назначенный царем Феодором Алексеевичем вятским воеводой, Петр *Дорошенко* переезжает в Вятку.

Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльности. Нью-Йорк, 1985. С. 636.

1684

ЛЕТО. ЯРОПОЛЕЦ, ВОЛОКОЛАМСКОГО УЕЗДА

«По возвращении <Петра *Дорошенко*> из Вятки летом 1684 г. царь[1] подарил *Дорошенко* 1000 дворов в селе Ярополье с приселками Спасским, Суворовым, Никольским, Бегуновым – вместо платы 1000 рублей, которую он до той поры получал. Можно предположить, что это предоставление имений случилось в связи с бракосочетанием *Дорошенко* с Агафиею <Борисовною> Еропкиною в 1684 г.».

Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльности. Нью-Йорк, 1985. С. 636.

[1] Фактически – царевна Софья Алексеевна, регент при младших братьях Иване V и Петре I.

1685

МАРТ. ЯРОПОЛЕЦ

«...В марте в 1685 г. <П. *Дорошенко*> жаловался он царям Петру и Ивану на князя Федора Хованского, который захватил охотничью собаку *Дорошенка*, а его людей, посланных за ней, велел побить и самого *Дорошенка*, ругая при свидетелях, “бесчестил”».

Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльности. Нью-Йорк, 1985. С. 636–637.

НОЯБРЬ. ЯРОПОЛЕЦ

«Вторую жалобу[1] в ноябре в 1685 г. подал *Дорошенко* на то, что у него было ограблено сено».

Дорошенко Д. Гетьман Петр Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльности. Нью-Йорк, 1985. С. 637.

[1] См. ***1685. Март. Ярополец.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ЯРОПОЛЕЦ 1686

«1686 <...> года Евфим *Лизогуб* с женою[1] и детьми издил в гостину к *Дорошенку*, тестю своему, на Москву, за позволением Государевым и гетманским».

Летописец, или описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялося в Украини малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким (1506–1737) // Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Коммиссиею для разбора дневних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе. Киев, 1888. С. 33.

[1] Любовь Петровна, рожденная *Дорошенко.* – См. ***1673. Январь. Канев.***

ИЮЛЯ 3. ВОСКРЕСЕНЬЕ 1687

«...Сего <...> июля во третий день <...> Царского Пресветлого Величества подданние войска Запорожского, старшина и полковники: генерал<ь>ной обозной Василей Бурковский, судья Михайло Вуехеевич, писарь генерал<ь>ный Сав<в>а Прокопов<ич>, асаул генерал<ь>ной Иван Мазепа, Константин Солонина, Яков *Лизогуб*, Григорий Гамалей, Дмитрий Райча, Степан *Забела*, Василей Кочубей, подали <...> челобитную <...> в измене <...> Гетмана Ивана Самойлова...»

Статья Коломацкие, от Великих Государей и Всероссийских Самодержцев <Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и Софии Алексеевны> при обраню на гетманство Мазепи войску Запорожскому и всему народу Малороссийскому данные <...> 1687 июля во 25 день // *Величко 1855.* С. 23–24.

ИЮЛЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК

Избрание генерального есаула Ивана Мазепы в гетманы Войска Запорожского (вместо отрешенного от гетманства Ивана Самойловича).

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел. СПб., 1826. Т. 4. С. 543.

ИЮНЯ 11. СРЕДА. ЯРОПОЛЕЦ 1690

«...Поддьячий Василий Юдин <...> подал жалобу на крестьян Яропольца, подданных *Дорошенка*, которые побили и заключили под стражу несколько крестьянских семейств из соседнего села Дякова».

Дорошенко Д. Гетьман Петр Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльности. Нью-Йорк, 1985. С. 637.

ВЕСНА 1692

«Весной в 1692 г. пришел к *Дорошенко* сын бывшего полковника Чигиринского Яков Лещинский, который служил при сердюках, потом пошел на Запорожье, участвовал в походе московско-украинского войска в Крым, попал к татарам в плен, был продан в Царьград, служил у одного паши в Каменке, откуда убежал во

Львов и через Варшаву и Свободную добрался в Москву. Здесь усилиями *Дорошенко* он был отпущен на Украину».

Дорошенко Д. Гетьман Петр Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльности. Нью-Йорк, 1985. С. 637–638.

1694

СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА – СЕНТЯБРЯ КОНЕЦ. БЕЛГОРОД-ДНЕСТРОВЩИНА

«Року 1694. <...> ...Гетман Мазепа командировал Полковника Черниговского Якова *Лизогуба* в тысячах двадцати войска на Бучаки, где села Татарские попустошивши и ясару довольно и коней з добычи набравши, к домам своим в целости возвратилися. А понеже Татарские все войска Турецкому Царю противу Цесара на помощь отошли...»

Грабянка 1793. Ч. 3. С. 295. – См. также: *Грабянка 1854.* С. 243; *Самовидец 1846.* С. 84; *Самовидец 1878.* С. 184; Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878.* С. 292; *Величко 1855.* С. 254–255.

1695 или 1697

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. КИЕВ, ЛУБНЫ.

Иван (Ян, Иоанн) Яковлевич, выходец из Польши (предположительно, внук гетмана Евстафия Гоголя[1]; прапрадед Н. В. Гоголя по отцовской линии), рукоположен архиепископом Киевским Варлаамом (Ясинским) во иерея и назначен к Троицкой православной церкви г. Лубен «викарным»[2] священником[3].

«В “Ставленной Грамоте” фамилия Ивана Яковлевича не обозначено, а только прописано, что “Божиею милостию... посвящен во иерея Иван Яковлевич, муж благоговейный, всяким первее опасным истязаниям прилежно испытанный...”»[4]

«У о<тца> Владимира <Саввича Яновского> <...> в старой, пожелтевшей от времени книге записана его родословная. Запись эта помечена 1850 годом и сделана о<тцом> Владимиром со слов одного своего родственника. В ней сказано: 1) Иван Яковлев, выходец из Польши, – священник в Лубнах, в Троицкой церкви. Перевелся в начале 1700 годов в село Кононовку, в новую церковь. 2) Дамиан Иванович Яновский – священник Кононовской церкви. 3) Афанасий Дамианович Гоголь-Яновский, премьер-майор, Кирилл Дамианович Яновский, свящ<енник> Кононовской церкви. 4) Меркурий и Савва Кирилловичи Яновские, Кононовка и Олефировка»[5].

[1] Поскольку в Киеве о Евстафии Гоголе, погребенном в 1679 г. в Межигорском монастыре (см. ***1679. Января 7 или 9. Межигорский Спасо-Преображенский монастырь, близ Киева***), хорошо помнили (его гетманская ставка располагалась в Дымере, всего в нескольких километрах от Киева), то, возможно, по этой причине Ян Яковлевич не стал объявлять свое родство с назначенным польской стороной гетманом. – См. также ***1698. Ноября 9. Ярополец***.

Дед Н. В. Гоголя, Афанасий Демьянович, называет Яна Яковлевича (своего деда) «шляхтичем», сам Гоголь – «полковником» (письма Гоголя к матери от средины февраля 1849 г.). (см. ***1674. Декабря 6. Воскресенье. Польский королевский лагерь под Кальником*** – примечание).

[2] Появление в документе слова «викарство» связано с обстоятельствами того времени и, в частности, с личностью тогдашнего Киевского митрополита Варлаама (Ясинского). Будучи воспитанником Киевской Духовной академии, Варлаам (Ясинский) учился впоследствии в Краковской католической академии; позднее являлся противником подчинения западно-русской иерархии Московскому патриархату. Этой позиции преосвященный Варлаам придерживался вплоть до утверждения в 1687 г. Константинопольским патриархом зависимости Киевской митрополии от Московского патриарха, а в 1690 г. он был посвящен Московским патриархом Адрианом в митрополиты Киева. По-видимому, расположенный сначала более к Польше, *православный* архиепископ Варлаам (Ясинский) и в позднейшей его деятельности заимствовал некоторые элементы из

обихода католиков, и, в частности, практику «викарства» духовных лиц — причем не только епископов, но и священников. Позднее практика назначения викарных епископов стала обиходной, звание же викарного священника не привилось.

[3] Ср. также: «Отец Афанасия был Демьян Иванович, сын священника Троицкой церкви в Лубнах, Ивана Яковлевича, посвященного в диаконы в 1698 году и в священники, в Троицкую церковь, — в 1728 году. Демьян Иванович родился в Лубнах и, когда выстроена была в с. Кононовке, верстах в четырех от Лубен, церковь, получил там место священника» (*Гиляровский В. А.* Троюродный брат и предки Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 362).

[4] *Петровский Ал.*, свящ. К вопросу о предках Н. В. Гоголя. Письма с Гоголевщины // *Свод.* Т. 1. С. 345. См. также: *Лазаревский А. М.* Сведения о предках Гоголя // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 2. С. 10–11; *Свод.* Т. 1. С. 341; *Гиляровский Вл.* Происхождение Гоголя // Русское Слово. 1902. 17 февр. (2 марта). № 47. С. 2; *Гиляровский В. А.* Троюродный брат и предки Гоголя // *Гиляровский В. А.* На родине Гоголя. (Из поездки по Украйне). М., 1902 (цензурное разрешение 20 февр.). С. 49–59; *Свод.* Т. 1. С. 364–366.

[5] *Гиляровский В. А.* Троюродный брат и предки Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 365.

ИЮЛЯ 17–19. ПЯТНИЦА-ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВЗЯТИЕ АЗОВА

«Году 1696. <...> ...По смерти <...> Царя ИОАННА АЛЕКСИЕВИЧА <29 января> выправился повторно под Азов Его Величество Государь Царь ПЕТР АЛЕКСИЕВИЧ з множайшими силами, <...> куда повелел и войска Малороссийского пятнадцати тисячам ступати; и потому как найскорее выправил Гетман Мазепа оное число Козацкого войска, учинил над ним Наказным Гетманом Черниговского Полковника Якова *Лизогуба*... <...> ...Войска Малороссийского прислугою Царское Пресветлое Величество бывши зело доволен <...> Гетмана Наказного и всех Полковников пребогато одарил и з премногою милостию в домы свои отпустил. В достоверное свидетельство сего действия прилагается зде грамоты, от Царского Величества к Патриарху Московскому <Адриану> писанной, копия: "<...>...Июля 17, в пяток, Малороссийские Наши войска, по жребию своему в тех трудах пребывая (при которих неотступно сий муж, в добродетели и в воинских трудах искусный, Гетман Наказный Яков *Лизогуб*), попередили неприятельский блякавец подкопать и на него мужественно взыти; и там с неприятелем бившись довольно, той их блякавец опановали, и дождав ночи, з того блякавца и арматы спровадили, и в 18 числе, в Суб<б>оту рано, неприятели, Азовские люди, видячи войск Наших Малороссийских крепкое на город наступление и радетельный промысл, а свою конечную погибель, замахали шапками и корогвы прихилили... <...> А в 19 числе, в Неделю, <...> Азовци Боярину Нашему и старшего полку Воеводе Алексею Семеновичу Шейну город Азов <...> отдали"»[1].

Событиям, связанным с взятием Азова, посвящена «дума» К. Ф. Рылеева «Петр Великий в Острогожске» (1823), включенная Гоголем в 1846 г.[2] в список примеров «Учебной книги словесности для русского юношества». В примечании к думе Рылеев писал: «Петр Великий, по взятии Азова (в августе 1696 года) прибыл в Острогожск. Тогда приехал в сей город и Мазепа, охранявший у Коломака, вместе с Шереметевым, пределы России от татар. Он поднес царю богатую турецкую саблю, оправленную золотом и осыпанную драгоценными каменьями, и на золотой цепи щит с такими ж украшениями. В то время Мазепа был еще невинен. Как бы то ни было, но уклончивый, хитрый гетман умел вкрасться в милость Петра. Монарх почтил его посещением, обласкал, изъявил особое благоволение и с честью отпустил на Украину».

[1] *Грабянка 1793.* Ч. 3. С. 297–299, 301–304.

См. также: «Году 1696. <...> ...По смерти Цара Иоан<н>а Алексиевича <29 января>, виправился повторне под Азов Государь Царь Петр Алексеевич з великими силами, <...> где повелел и войску Малороссийскому пятнадесятим тисящам в тую ж компанию быти. Яко ж найскорей виправши Гетман Мазепа оное

число Козацкого войска, учинил над ним Наказним Гетманом Черниговского Полковника Якова *Лизогуба*... <...> Войска Малороссийского прислугою Царское Пресветлое Величество бывши зело доволен <...> Гетмана Наказного и всех Полковников пребогато одарил и со премногою милостию в доми свои отпустил. Коего действия бывшего и достоверное свидетел<ь>ство прилагается зде – грамоты, от Царского Величества ко Патриархе Московскому писанной, копия: " <...>...Июля 17 числа, в пяток, Малороссийские Наши войска, по жребию своему, в тех трудех пребывающе (при которих неотступно пребывающе муж, в добродетели и в воинских трудах искусний, Гетман Наказний Яков *Лизогуб*), попередили неприятел<ь>ский блякавец подкопати и на него мужественно взийти; и тамо, з неприятелями бившися довольно, той их блякавец опановали, и дождавши ночи, з того блякавца чтири армате спровадили, – ибо 18 числе, в суб<б>оту рано, неприятели – Азовские люди, видячи войск Наших Малороссийских крепкое на град наступление и радетел<ь>ний промисл, а свою конечную погибель, замахали шапками и корогви прихилили... <...> А в 19 числе, в неделю, <...> Азовци Боярину Нашему и Старшего полку Воеводе Алексею Семеновичу Шейну город Азов <...> отдали» (*Грабянка 1854*. С. 246, 250).

См. также: *Самовидец 1846*. С. 85–86; *Самовидец 1878*. С. 188–189; Краткое описание Малороссии // *Самовидец 1878*. С. 294; *Величко* 1855. С. 384, 387.

[2] См. ***1845 октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846 мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим*** (примечания).

НОЯБРЯ 24. ВТОРНИК. ЧЕРНИГОВ

«...Ноеврия 24 <...> единогласно избран на <...> архиепископию Черниговскую <...> архимандрит Черниговский отец Иоанн Максимович[1], муж знаменитый и премудрый и сана того достойный». Избрание происходило при поддержке гетмана И. С. Мазепы, в числе делегатов присутствовали «Его милость пан Яков *Лизогуб*, полковник Черниговский и Его Милость пан Иоанн *Скоропадский*, бунчужный енерал<ь>ный».

Величко 1855. С. 419–421.

[1] Святитель Иоанн (Максимович), митрополит Сибирский и Тобольский (1651–1715), предок М. А. Максимовича, друга Гоголя. Позднее из этого же рода вышел святитель Иоанн (Максимович, 1896–1966), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский.

1698

НОЯБРЯ 9. СРЕДА. ЯРОПОЛЕЦ

Кончина Петра *Дорошенко*.

«1698 год достопримечателен в Истории Малороссийской кончиною Петра *Дорошенка*, последовавшею Ноября 9, на сем<ь>десят первом году от рождения. Сей крамольный Вождь полков Заднепровских, храбрый, властолюбивый, но малодушный, неосновательный, в девятилетнее обладание большею частию Украйны обагривший свою страну кровию собратий, вредный для России, страшный для Польши, полезный одной Турции, и то временно, умевший подчинить себе Хана Крымского – провел мирно последние дни своей жизни в селе Ярополче[1], пожалованном ему Царем Феодором Алексеевичем. Тело его предано земле в тамошней деревянной церкви мученицы Параскевы, в трапезе, где ныне только погост, на правом берегу Ламы. Белый камень[2] свидетельствует о месте его погребения; над ним устроена кирписная с деревянною решеткою и крашею палатка: она разрушается и вокруг гробницы растет крапива. Однажды в год, в день кончины честолюбца, служители Олтаря приходят на могилу молить Небо о успокоении души его»[3].

«Память о *Дорошенке* еще и до сих пор живет в Малороссии; в народе сохранилось об нем много песен и рассказов»[4].

[1] «Село Янополчь в ста тринадцати верстах от Москвы, в Волоколамском уезде, принадлежит ныне Г. Загрязскому и Графине Чернышевой. *Дорошенко* погребен в имении первого. Известно, по преданию, что Янополчь досталось в наследство его дочери, вышедшей за Загрязского» (*Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. От избрания Мазепы до уничтожения Гетманства. 2-е изд. М., 1830. Т. 3 (цензурное разрешение 30 ноября 1829). Примеч. С. 16).

На самом деле «за Загрязкого» (Загряжского) вышла не дочь, а внучка Петра *Дорошенка*. Один из сыновей Петра *Дорошенко*, Александр, был отцом Екатерины Дорошенко (род. 1720; в замужестве Загряжской) и дедом Ивана Александровича Загряжского (1749–1807), от которого родилась Наталья Ивановна Загряжская (1785–1848, в замужестве Гончарова), мать Натальи Николаевны Гончаровой (1812–1863), жены А. С. Пушкина (см. ***1833. Августа 26. Суббота. Москва***).

«Два других сына <П. *Дорошенко*>, Алексей и Петр, выехали в 1710 г. «для науки за море» и, находясь за рубежом, изменили фамилию (это были <...> времена <...> <после предательства И. С. Мазепы>), так что вернулись уже не как Дорошенки, а под другим, нам неизвестным именем. Так говорит семейное предание. Следовательно прямые потомки гетмана Петра Дорошенка теперь неизвестны» (*Дорошенко Д.* Гетьман Петр Дорошенко. Огляд його життя і політичної діяльности. Нью-Йорк, 1985. С. 638).

Последнее обстоятельство, возможно, объясняет и то, почему при переходе на Левобережье потомки Остапа Гоголя, имея на руках документы, подтверждающие их родство с назначенным от Польши гетманом (см. ***1674. Декабря 6. Воскресенье. Польский королевский лагерь под Кальником***), предпочли не упоминать об этом, но стали пользоваться новой фамилией Яновские (от имени Яна Яковлевича, предполагаемого внука Евстафия Гоголя; см. ***1695 или 1697. В течение года. Лубны***; см. также ***1723. Июнь-декабрь. Санкт-Петербург*** – примечание; ***1788. В течение года. Киев***). (К тому же Ян или Иван Яковлевич мог быть сыном Настасьи Гоголь, дочери Евстафия Гоголя, сменившей фамилию при выходе замуж.) И только когда деду Н. В. Гоголя Афанасию Демьяновичу понадобилось утвердить в 1784 г. свои права на дворянство, фамилия Гоголь становится востребованной и вновь появляется в именовании потомков этого рода. К тому времени, спустя более столетия, роль, какую играл Евстафий Гоголь в русской и малорусской истории, оказалась основательно забытой, так что Афанасий Демьянович, по-видимому, даже не подозревал, что его далекий предок в 1675–1678 гг. был гетманом, и даже назвал его ошибочно Андреем (см. ***1674. Декабря 6. Воскресенье. Польский королевский лагерь под Кальником*** – примечания).

[2] «Константин Федорович Калайдович первый открыл место погребения *Дорошенка* и, по дружбе своей, уведомил меня. Я посылал нарочно живописца для снятия рисунка с гробницы, приложенного в сей части Истории Малороссийской. <...> Весь памятник сделан из цельного белого камня, равно и подножие. Длина палатки снаружи шесть аршин без двух вершков; ширина 4 аршина без вершка; вышина, кроме крыши, два аршина восемь вершков» (*Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. От избрания Мазепы до уничтожения Гетманства. 2-е изд. М., 1830. Т. 3 (цензурное разрешение 30 ноября 1829). Примеч. С. 16, 99).

[3] *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. От избрания Мазепы до уничтожения Гетманства. 2-е изд. М., 1830. Т. 3 (цензурное разрешение 30 ноября 1829). С. 27–28.

[4] <*Кропоткин Д. А., князь*> *К. Д. К–н.* Дорошенко, Петр Дорофеевич... // Энциклопедический лексикон... СПб.: В типографии А. Плюшара, 1841. Т. 17 (цензурное разрешение 30 мая). С. 189.

1704 ИЮЛЬ

Гетман И. С. Мазепа арестовывает полковника С. Ф. Палея (Гурко) и оговаривает его перед царем Петром I.

В 1705 г. Палей по ложному доносу Мазепы был сослан Петром I в Сибирь, откуда возвращен в 1709 г. и участвовал в Полтавской битве. Аресту и ссылке Палея посвящены две из трех песен[1], помещенных Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[2] (раздел <*XV*> *Про полковника Палія*). М. А. Максимович, комментируя вторую из этих песен, писал: «Палей, по козням Мазепы <...>, сослан в Енисейск 1704 г., откуда возвращен в 1708 г.; умер в декабре 1709 г.»[3]. По словам И. И. Срезневского, «Палий – один из немногих лиц старины, заслуживших особенную любовь памяти народной. Несмотря на то что в Украине все более и более забывают дела давно минувших дней, – Палий еще памятен, и мне случалось иногда слушать о нем народные рассказы, особенно от бандуристов. В этих рассказах много нелепостей, нет никакого историцизма, никаких намеков на события, но они заслуживают внимания тем, что выражают собою понятия народные о лице замечательном и по делам, и по любви к нему народа»[4].

В первой из песен о Палее, внесенных Гоголем в его сборник, упоминаются также В. Л. Кочубей и И. И. Искра, которые пытались раскрыть Петру I изменнические планы Мазепы, но были выданы последнему и казены (1708).

[1] См. также ***1709. Июня 27. Понедельник. Полтава.***

[2] См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>***.

[3] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 113.

[4] Запорожская Старина. Харьков, 1838. Ч. 2. Кн. 3. С. 162–163. – См. также две одноименные статьи Срезневского «Палий» (Там же. Ч. 2. Кн. 3. С. 86–109, 141–148).

1706

КОНЕЦ ГОДА

Василий Михайлович *Танский*[1] поступает на службу Петру I[2].

«Волох <молдованин> по происхождению, он <В. М. *Танский*> еще молодым человеком, вместе со многими другими представителями той же нации перейдя в русское подданство при Петре Великом, поступил на службу в славное козацкое войско, где обратил на себя внимание и храбростью, и отвагою, и умом, что в особенности он высказал уже в Шведскую кампанию <1708 г.>[3]. Образованный, владевший несколькими языками – в том числе французским и латинским, он легко мог стать выше многих представителей козацкой старшины и обратить на себя внимание высших властей, к чему он видимо стремился и чего достиг в очень короткое время. Впрочем, быть может, не только такие положительные качества сделали его известным... <...> хитрость и уменье пользоваться обстоятельствами – черты, свойственные и нашему коренному козачеству, – играли тоже немалую роль».

Чаговец В.А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 233.

[1] Отец Анны Васильевны *Лизогуб* (рожд. *Танской*), матери Т. С. Гоголь-Яновской (рожд. *Лизогуб*), бабушки Н. В. Гоголя по отцовской линии.

[2] См. ***1726. Декабря 7***.

[3] См. ***1715. Декабря 3. Глухов.***

1708

СЕНТЯБРЬ – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ОКТЯБРЯ

К указанному периоду относятся воображаемые «размышления Мазепы» из отрывка несохранившейся «Истории Малороссии» Гоголя.

«Такая власть, такая гигантская сила и могущество навели уныние на самобытное государство, бывшее только под покровительством России. Народ, собственно принадлежавший Петру издавна, [униженный] рабством и [деспотизмом], покорялся, хотя с ропотом. Он имел не только необходимость, но даже и нужду, как после увидим, покориться. Их необыкновенный повелитель стремился к тому, чтобы возвысить его, хотя лекарства его были слишком сильные[1]. Но чего можно было ожидать народу, так отличному от русских, дышавшему вольностью и лихим козачеством[2], хотевшему пожить своею жизнью? Ему угрожала <у>трата национальности, большее или мень<шее> уравнение прав с собственным народом русского самодержца. А не сделавши этого, Петр никак не действовал бы на них. Всё это занимало преступн<ого> гетьмана. Отложиться? Провозгласить свою независимость? Противопоставить грозной силе деспотизма силу единодушия, возложить мужественный отпор на самих себя? Но гетьман был уже престарелый и отвергнул мысли, которые бы дерзко схватила выполнить буйная молодость. Самодержец был слишком могуч. Да и неизвестно, вооружилась <ли бы> против него вся нация и притом нация свободная, <которая> не всегда была в спокойствии, тогда как самодержец всегда [мог] действовать, не дав<ая> никому отчета. Он видел, что без посторонних сил, без помощи которого-нибудь из европейских государей невозможно выполнить этого намерения. Но к кому обратиться с этим? Крымский хан был слишком слаб и уже презираем запорожцами. Да и воспомоществование его могло быть только временное. Деньги могли его подкупить на всякую сторону. Тогда как здесь именно нужна была дружба такого государства, которое всегда бы могло стать посредником и заступником. Кому бы можно это сделать, как не Польше, соседке, единоплеменнице? Но царство Баториево[3] было на краю пропасти и эту пропасть изрыло само себе. Безрассудные магнаты позабыли, что они члены одного государства, сильного только единодушием, и были избалованные деспоты в отношении к народу и непокорные демокра<ты> к государю. И потому Польша действовать решительно <не могла>. Оставалось

государство, всегда бывшее в великом уважении у козаков, которое хотя и не было погранично с Малороссией, но, находясь на глубоком севере, оканчивающееся там, где начинается Россия, могло быть очень полезно малороссиянам, тревожа беспрестанно границы и держа, так сказать, в руках Московию. Притом шведские войска, удивившие подвигами своими всю Европу, ворвавшись в Россию, [могли] бы привести царя в нерешимость, действовать <ли> на юге против козаков или на севере против шведов.

В таких размышлениях застало Мазепу известие, что царь прервал мир и идет войною на шведов».

Об измене Мазепы, а также об участи С. Ф. Палея, В. Л. Кочубея и И. И. Искры, которые безуспешно пытались раскрыть Петру I изменнические планы Мазепы, повествуют также несколько песен, помещенных Гоголем в его сборник украинских песен и дум[4].

[1] См. ***1721. Октября 22. Санкт-Петербург.***

[2] Ср. размышления на этот счет О. М. Бодянского: ***1836 ноября начало <октября вторая половина> – 1837 марта начало <февраля вторая половина>. Париж*** (примечания).

[3] В ту пору королем польским и великим князем литовским был Станислав I Лещинский.

[4] См. ***1704. Июль***; ***1709. Июня 27. Понедельник. Полтава*** (примечания).

ОКТЯБРЯ 28 – НОЯБРЯ 1. ЧЕТВЕРГ-ПОНЕДЕЛЬНИК

Петр I сообщает об измене Мазепы нежинскому наказному полковнику Л. Я. Жураковскому:

«Господин Полковник Нежинский Наказной! Объявляем вам, что Мазепа, забыв страх Божий, изменил Нам и переехал к Королю Шведскому, таковым образом: в начале объявил войску Малороссийскому, что указ Наш получил идти за Десну, против неприятеля, и когда перешед за Десну, приближился к войску неприятельскому, тогда войско поставя в боевой строй, объявил им, что он пришел не биться, но служить Королю Шведскому. И тако, тем льстивым образом вся старшина и Полковники достались в руки неприятелю. Чего ради Мы послали Наши указы ко всей генеральной старшине и Полковникам и Сотникам, дабы оные сбирались на избрание нового Гетмана, по правам и вольностям своим, вольными голосами; а вам желаем, дабы вы как наискорее для советов Наших прибыли к Нам; ибо Мы попечание имеем о Малороссийском народе, чтобы оный в порабощение и под владение польское не приведен был, и церкви и святые монастыри во осквернение и во Унию обращены не были, и уповаем, что и вы, по верности своей к Нам, о том попечение иметь, и за веру, и за отечество свое стоять будете, и того для к Нам немедленно поспешите; а Мы вас обнадеживаем Нашею особливою милостию, и будьте благонадежны, что бы вас в настоящие Полковники пожалуем. Петр»[1].

«Нигде не напечатанное доселе письмо Петра I к нежинскому наказному полковнику Жураковскому» («числа, года и месяца не означено») было впервые напечатано в августе 1830 г. в «Отечественных Записках» П. П. Свиньина. В 1830 г. Гоголь активно сотрудничал с издателем «Отечественных Записок» П. П. Свиньиным, сделав, предположительно, в его журнале ряд публикаций документов и фольклорных материалов по истории Малороссии[2]. Письмо Петра I было заимствовано из ходившей в ту пору в списках хроники А. И. Ригельмана[3], с которой был хорошо знаком Гоголь[4].

[1] Нигде не напечатанное доселе письмо Петра I к нежинскому наказному полковнику Жураковскому // Отечественные Записки. 1830. Т. 43. Август. № 124. С. 355–356.

[2] См. ***XIII–XV вв. Предыстория (происхождение казачества)*** – примечания; ***1830. Мая 4. Воскресенье Санкт-Петербург*** (примечания).

[3] См.: *Ригельман 1848*. Ч. 3. Кн. 5. С. 36–37.

[4] О знакомстве Гоголя с летописью Ригельмана см. ***1655. Первая половина января. Умань – января 19–22. Дрижиполе, близ Ахматово. Правобережная Украина*** (примечания).

НОЯБРЯ 1. ПОНЕДЕЛЬНИК

Согласно «экстракту», составленному в 1751 г. Генеральной Войсковой канцелярией гетмана графа К. Г. Разумовского, «права и вольности» малороссиян подтверждены царем Петром I.

«...В <...> грамотах <...> Его Императорского[1] Величества Петра Первого <...> написано: <...> Ноября в 1 день 1708 году, <...> на избрание нового Гетмана данной: Мы, Великий Государь, <...> обещаем вам <...> все вольности, права и привилегии <...> свято, ненарушимо и цело содержать и вас, верных своих подданных, от нападения всех неприятелей оборонять...» учнем вас держать в Нашем Царского Величества милостивом призрении <...> и права ваша и вол<ь>ности ни в чем нарушимы не будут...»[2]

Фрагмент «экстракта», под названием «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян», был опубликован в 1830 г. в июньском номере «Отечественных Записок» — в то время, когда в журнале активное участие принимал Гоголь[3].

[1] Титул Императора был принят царем Петром I в 1721 г. (см. ***1721. Октября 22. Воскресенье. Санкт-Петербург***).

[2] О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. Июнь. № 122 (цензурное разрешение 3 июня). С. 330–331 (напечатано с подстрочным примечанием: «Извлечено из экстракта, сочиненного в 1751 году Войсковою Канцеляриею»; С. 324).

[3] Подробнее см.: ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

НОЯБРЯ 6. СУББОТА. ГЛУХОВ

Избрание гетманом стародубского полковника Ивана Ильича *Скоропадского*[1].

«Року 1708. Мазепа Гетман зменив к Шведу, а Иван *Скоропадский* Указом Царского Величества по давнему обыкновению вольными голосами от Козаков на Гетманство избран, которого сам Государь ПЕТР АЛЕКСИЕВИЧ, будучи на тот час Монаршою Своею Особою со всем Сигклитом в Глухове, на Гетманстве утвердил и булаву и печать ему вручил»[2].

Согласно «экстракту», составленному в 1751 г. Генеральной Войсковой канцелярией гетмана графа К. Г. Разумовского, «права и вольности» малороссиян еще раз подтверждены царем Петром I.

«Ноября в 6 день того ж 708 года <в грамоте>, которая печатная листами во всей малой России публикована, между протчим написано: как сначалу Отец наш <...> Царь <...> Алексей Михайлович <...>, по принятии под высокодержавную свою <...> руку малороссийского народа, по постановленным пунктам оному привилегии и вол<ь>ности позволил и утвердил, тако оные и доныне (от Нас, Великого Государя, им без всякого нарушения и ущебру) свято содержимы... <...>, и <...> ни единого пенязя в казну нашу во всем малороссийском краю <...> брать мы не повелеваем...»[3]

Фрагмент «экстракта», под названием «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян», был опубликован в 1830 г. в июньском номере «Отечественных Записок» — в то время, когда в журнале активное участие принимал Гоголь[4].

[1] Дед С. С. *Лизогуба*, отца Т. С. Гоголь-Яновской, бабушки Гоголя.

[2] *Грабянка 1793*. Ч. 3. С. 311. – Заключительные строки летописи.

См. также: «Году 1708. Мазепа зменив, а Иоан<н> *Скоропадский* указом Царского Величества, по давнему обыкновению – вол<ь>ными голосами от Козаков на Гетманство избран; которого сам Государ<ь> Петр

Алексеевич, будучи на тот час Монаршою своею особою зо всем Сигклитом в Глухове, на Гетманстве утвердил, и булаву и печать Войсковую от себе дал, — понеже все Войсковые клейноты Мазепа, идучи к Шведу, з собою забрал» (*Грабянка 1854*. С. 257).

«...Року 1708. Мазепа гетман зменил Его Величеству Государю Всероссийскому и к Шведскому Королю пристал; и в том же року, в Ноебрии, тотчас по указу Царского Величества, Иван Иллич *Скоропадский*, полковник по Миклашевском бывший Стародубовский, от Козаков по давному вол<ь>ными голосами обыкновению на Гетманство избран в Глухове, в присутствии там самого Государя со всеми Министрами, который его, Скоропадского, на Гетманстве утверди и клейноты войсковые ему вручити сам изволил» (*Самовидец 1846*. С. 93; см. также: *Самовидец 1878*. С. 299).

[3] О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. Июнь. № 122 (цензурное разрешение 3 июня). С. 331–332 (напечатано с подстрочным примечанием: «Извлечено из экстракта, сочиненного в 1751 году Войсковою Канцеляриею»; С. 324).

[4] Подробнее см.: ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

1709

ФЕВРАЛЯ 3. ЧЕТВЕРГ.

Согласно «экстракту», составленному в 1751 г. Генеральной Войсковой канцелярией гетмана графа К. Г. Разумовского, «права и вольности» малороссиян в третий раз подтверждены царем Петром I:

«В <грамоте> <...> тако ж печатными листами публикованной Февраля в 3 день 1709 году между протчим изображено так: Народ Малороссийский, под Высокодержавною Нашею рукою, в таком изрядном и довольном состоянии, при вере благочестивой, при правах и вольностях своих живучи, день ото дня умножался, понеже Мы, Великий Государь, ниже пенязя в казню свою со всего Малороссийского народа никогда не брали и не требовали; ибо Мы всех подданных своих при правах и вольностях их всегда ненарушимо содерживаем...»[1]

Фрагмент «экстракта», под названием «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян», был опубликован в 1830 г. в июньском номере «Отечественных Записок» — в то время, когда в журнале активное участие принимал Гоголь[2].

[1] О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. Июнь. № 122 (цензурное разрешение 3 июня) С. 333–334 (напечатано с подстрочным примечанием: «Извлечено из экстракта, сочиненного в 1751 году Войсковою Канцеляриею»; С. 324).

[2] Подробнее см.: ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

МАРТА 28. ПОНЕДЕЛЬНИК

Переход кошевого атамана Запорожской Сечи Костантина Гордеенко (Гордиенко) с казацкой старшиной и 8-тысячным войском на сторону шведского короля Карла XII.

См. ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

МАЯ 1. ФОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПОЛТАВА

Перешедший на сторону шведского короля Карла XII запорожский атаман Константин Гордиенко начинает почти двухмесячную[1] осаду Полтавы (украинско-московский гарнизон города осаду выдержал).

Этим событиям — «Хвалылыся Запорожци Полтаву достаты...» — посвящена песня, которую Гоголь в 1830 г. напечатал в журнале «Отечественные Записки»[2], а позднее поместил в свой рукописный сборник украинских песен и дум[3] (раздел *<XIII> Про атамана Гордіенка*).

[1] См. ***1709. Июня 27. Понедельник. Полтава.***
[2] См. ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[3] См. ***1839 октября средина <сентября конец> — 1840 августа средина <августа начало>.***

МАЯ 30. ПОНЕДЕЛЬНИК

Согласно «экстракту», составленному в 1751 г. Генеральной Войсковой канцелярией гетмана графа К. Г. Разумовского, «права и вольности» малороссиян подтверждены царями Иоанном Алексеевичем и Петром I.

«...В копии <...> грамоты <...> Государя Царя <...> Иоанна Алексеевича <...> и Великого Государя Императора[1] Петра Первого <...> 1709 году Мая 30 написано: Мы, Великие Государи, <...> учнем вас держать в Нашем Царского Величества милостивом призрении <...> и права ваша и вол<ь>ности ни в чем нарушимы не будут...»[2]

Фрагмент «экстракта», под названием «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян», был опубликован в 1830 г. в июньском номере «Отечественных Записок» — в то время, когда в журнале активное участие принимал Гоголь[3].

[1] Титул Императора был принят царем Петром I в 1721 г. (см. ***1721. Октября 22. Воскресенье. Санкт-Петербург***).
[2] О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. Июнь. № 122 (цензурное разрешение 3 июня) С. 329 (напечатано с подстрочным примечанием: «Извлечено из экстракта, сочиненного в 1751 году Войсковою Канцеляриею»; С. 324).
[3] Подробнее см.: ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

ИЮНЯ 3. ПЯТНИЦА. ЛАГЕРЬ ПОД БОГАЧКОЮ

«Его Царского Пресветлого Величества войска запорожского гетман Иоанн *Скоропадский*» издает универсал «к козацкому войску, предписывающий возвратить полковнику С. Ф. Палею его имущество, разграбленное по распоряжению Мазепы». (Универсал подписан: «Дан в обозе под Богачкою, июня 3, року 1709. Звышменованный гетман рукою власною».)

Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною Комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском Военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1868. Ч. 3. Т. 2. Акты о козаках (1679–1716). С. 711–712.

ИЮНЯ 27. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПОЛТАВА

Полтавская битва, в которой русские войска царя Петра I одержали победу над армией шведского короля Карла XII.

В битве участвовал возвращенный из ссылки полковник С. Ф. Палей[1].

Участию Палея в Полтавской битве посвящена одна из трех песен[2], помещенных Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[3] (раздел *<XV> Про полковника Палія*). В этот же сборник Гоголь включил две песни, повествующие об измене Мазепы (раздел *<XVI> Про гетьмана Мазепу*). (Мазепа после поражения шведских войск под Полтавой бежал вместе с Карлом XII в Турцию и там умер.) М. А. Максимович, комментируя первую песню о Мазепе, указывал: «Песня сия, как видно, сложена около 1710 года, вскоре после того, как окончились вероломные замыслы Мазепы и признана невинность погибших от него Кочубея и Искры»[4]. Комментируя вторую песню, И. И. Срезневский писал о Мазепе: «Проклятие, наложенное на его имя, слишком

сильно впечатлелось в умах украинцев, – и до сих пор это проклятие преследует имя Мазепы, которое сделалось самым поносным ругательным именем»[5].

[1] См. также ***1709. Июня 3. Пятница. Лагерь под Богачкою***; ***1709. Сентября 3. Суббота. Местечко Сильце над Вислою***.
[2] См. также ***1704. Июль***.
[3] См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>***.
[4] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 110.
[5] Запорожская Старина. Харьков, 1838. Ч. 2. Кн. 3. С. 158.

СЕНТЯБРЯ 3. СУББОТА. МЕСТЕЧКО СИЛЬЦЕ НАД ВИСЛОЮ

Царь Петр I пожаловал С. Ф. Палею[1] грамоту на возвращение ему должности казачьего охотницкого полковника, с повелением быть «под командою» «гетмана войск запорожских Ивана Иллича *Скоропадского*»[2].

[1] См. также ***1709. Июня 27. Понедельник. Полтава***.
[2] Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною Комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском Военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1868. Ч. 3. Т. 2. Акты о козаках (1679–1716). С. 715–716.

1711

ЯНВАРЯ 5. ПЯТНИЦА. КРЕЩЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК

Согласно «экстракту», составленному в 1751 г. Генеральной Войсковой канцелярией гетмана графа К. Г. Разумовского, «права и вольности» малороссиян подтверждены царем Петром I в грамоте, данной гетману И. И. *Скоропадскому* «на достоинство гетманское»:

«Соизволяем ему, подданному нашему Гетману, войсковую Арматуру или Артиллерию и клейноты, данные при обрании, имать, так, как прежние Гетманы в верности своей к нам бывшие содержали, и всякие воинские и гражданские в малой России дела управлять по исковым правам, по прежним обыкновениям и по постановленным пунктам, на которых приступил под высокодержавную руку отца нашего <...> Царя <...> Алексея Михайловича <...> Гетман Богдан Хмельницкий, со всем войском Запорожским и народом Малороссийским...»[1]

Фрагмент «экстракта», под названием «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян», был опубликован в 1830 г. в июньском номере «Отечественных Записок» – в то время, когда в журнале активное участие принимал Гоголь[2].

[1] О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. Июнь. № 122 (цензурное разрешение 3 июня). С. 334–335 (напечатано с подстрочным примечанием: «Извлечено из экстракта, сочиненного в 1751 году Войсковою Канцеляриею»; С. 324).
[2] Подробнее см.: ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург***.

ЛЕТО

«Року 1711. Его Царское Величество з войсками Великороссийскими и Малороссийскими ходил на Турка под Прут, а Гетман Иван *Скоропадский* до Самары[1], чили до Каменного Затону. <...> Того ж року з Турками примирие учинено над Прутом, чого ради Козаки по указу Самар и Каменный Затон розорили».

Самовидец 1846. С. 95; см. также: *Самовидец 1878.* С. 302.

[1] Местечко на реке Самаре, притоке Днепра.

АВГУСТ. ЛАГЕРЬ В МЕСТЕЧКЕ САМАРА (НА Р. САМАРЕ, ПРИТОКЕ ДНЕПРА)

Гетман И. И. *Скоропадский* издает указ о наказании В. Салогуба за непоставку овец по договору:

«Его царского пресветлого величества войск запорожских обеих сторон Днепра гетьман Иван *Скоропадский.* Тоби, скурвому сыну Васылю Салогубу, нехай буде видомо, иж доносил нам жалобство пан Антон Трохимович сотник Сребрянский, же ты по своей мужицкой глупости поважилесь еще нам реиментарский указ под зарукою тысячи талярей, по жалобе ж его, пана сотника, пред сим в позовом листе до тебе выраженной, не тильки овец по договору не отдалесь, але и пред суд войсковый генеральный до нас в обоз не сталесь. Зачем, умысне пакету от боку нашего посылаючи, приказали: Тебе, як собаку за шияку взявши и в колоду забывши, присмыкнуты до обозу[1], где ты за свою упорчивость и против зверховности нашей неповиновение, не только тую тысячу талярей безотступно заплатиш, але и знатного кийового карання не выйдеш. Деклируем непременно. Дан в обозу, под Самарою. Року 1711, месяца августа <пропуск> дня. Звыш именованный гетьман рукою властною».

Раздел «Документы» «Книги всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1826–1830) Гоголя. – Выписка предположительно была сделана Гоголем из документов архива Нежинского Греческого Общества. Осенью 1824 г. директор Нежинской гимназии И. С. Орлай послал в Московское Императорское Общество Истории и Древностей Российских две рукописные книги: «о Донских козаках» и «о козаках Малороссийских», и «восемь грамот Малороссийских Гетманов». На заседании 15 ноября 1824 г. эти материалы были переданы на рассмотрение М. Т. Каченовскому (см.: Труды и летописи Общества Истории и Древностей Российских. М., 1827. Ч. 3. Кн. 2. С. 82). 6 января 1825 г. Каченовский сообщал: «История и повествование о Донских козаках по содержанию своему есть книга любопытная, а по правдолюбию сочинителя она драгоценна <...> то же самое могу сказать об истории Малороссийской, с тою же основательностью, кажется мне, одним и тем же автором собранной. Если книги сии, по неправильности слога и грубости языка, не могут быть изданы в таком, как они есть, виде, то, по крайней мере, ничто не препятствует делать из них извлечения, или руководствоваться ими при сочинении истории о козаках Малороссийских, Донских, Украинских, Чугуевских. Универсалы или граматы Гетманов имеют содержанием своим пожалование разных привилегий купечествующим Грекам и людям других наций. Документы сии хотя и неподлинные, но важность их (впрочем никем не засвидетельствованная) обеспечивается тем, что они суть списки универсалов, хранимых в Нежинском Греческом обществе» (Труды и летописи Общества Истории и Древностей Российских. М., 1827. Ч. 3. Кн. 2. С. 93–94).

[1] Выражения использованы Гоголем в четвертой главе второй редакции «Тараса Бульбы» (1842): «...Если кто в походе напьется, то никакого нет на него суда: как собаку за шеяку повелю его присмыкнуть до обозу...»

1712

ЗИМА

«Как стал Борис Петерович Шереметев с дивизиею своею на винтер квартирах в Малой России з позволения Гетмана *Скоропадского*, так и по всякий год начала армия великороссийская в малороссийских полках зимние иметь квартиры и сустанцию на себе и коней от обывателей получать».

Самовидец 1846. С. 95; см. также: *Самовидец 1878.* С. 302.

1713

МАЯ 1. ПЯТНИЦА. МУТИН

Гетман И. И. *Скоропадский* отправляет киевскому полковнику А. М. *Танскому* письмо, в котором поручает ему защиту Триполья от нападения Швайки.

Архив Юго-Западной России, издаваемый Временною Комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском Военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1868. Ч. 3. Т. 2. Акты о козаках (1679–1716). С. 770–771.

1714

ИЮНЯ 2. СРЕДА. ГЛУХОВ

«Пресветлейшего и Державнейшего Великого Государя нашего, его Царского Священнейшего Величества Войск Запорожских обоих сторон Днепра Гетман Иоанн *Скоропадский*» издает универсал о предоставлении села Ядловки, в Переяславском полку, «зо всеми до него угодиями», во владение Киево-Братскому монастырю, «где Малороссийские сынове належитое в науках имеют наставление». (Универсал подписан: «Дан в Глухове з Канцелярии Войсковой Июня 2 дня року 1714. Звышъменованный Гетман рукою власною».)

Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при Киевском военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. Киев, 1846. Т. 1 (цензурное разрешение 15 ноября). Отд. 1. С. 355–362; см. также: Памятники, изданные Киевскою комиссиею для разбора древних актов. 2-е изд., доп. Киев, 1897. Т. 2. С. 502–504.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ГЛУХОВ

«Року 1714. Димитрий Горленко, полковник Прилуцкий, да зять его Бутович, да писарь Орликов Иван Максимович и Михайло Ломиковский, да Антонович канцелярист, от послов Государевых, Петра Андреевича Толстого и Петра Павловича Шафирова, у Турчина в неволе бывших, обнадежденные пис<ь>менно милостию монаршою и животом, прийшли вол<ь>но в Киев и, бывши в Глухове у *Скоропадского* Гетмана с повинною в том, что они следовали за изменником Мазепою, побранни на житие в Москву свободное, где и поденные ден<ь>ги им з казны Государевой на корм даванни».

Самовидец 1846. С. 95–96; см. также: *Самовидец 1878*. С. 302–303.

1715

АПРЕЛЯ 28. ЧЕТВЕРГ

В. М. *Танский* получил царскую грамоту на часть имений жены Анны Степановны (рожд. *Забела*) в Борумских мельницах и на мельницу ее первого мужа Федора Быковича.

Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1996. Т. 5. Вып. 1. С. 1.

ЛЕТО-ОСЕНЬ. КИЕВ

«Року 1715. Гетман *Скоропадский* з полками реймента своего в лете над осень уже стоял под Киевом».

Самовидец 1846. С. 96; см. также: *Самовидец 1878.* С. 303.

ДЕКАБРЯ 3. СУББОТА. ГЛУХОВ

«Его Царского Величества Войск запорожских обоих стран Днепра Гетман Иоанн *Скоропадский*» выдает «пану полковникови Переясловскому» В. М. *Танскому* универсал на село Озеряны[1] (награда за воинские доблести в Шведскую кампанию 1708 г.)[2].

«...Просил Нас Пан Василий *Танский*, знатный Товарищ войсковый, о надан'е себе якового селця... <...> Теды мы, Гетман, тому оного прошению неотмовившы, а респектуючи на знаменитие его подчас бытности в Малой России неприятеля шведа под своего коммендою компанию вернее и статечне показанние услуги, до которих и под Рейментом нашим Мешкаючи метиметь охоту, яко надаемо помянутому пану Василию *Танскому* Село Озеряне в Полку Переясловском в Сотне Басанской будучее...»[3]

Универсал хранился в архиве Гоголей в Васильевке.

[1] См. также ***1735. В течение года***.
[2] См. ***1708***.
[3] *Чаговец В.А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 387–388.

1716

ЗИМА. ГАДЯЧ

«Року 1716. Гетман *Скоропадский* з войском зимовал в Гадячом для того, что Орлик з Татарами выходил на Украину и из Запорожцами и разорал людей».

Самовидец 1846. С. 96; см. также: *Самовидец 1878.* С. 303.

ВЕСНА-ЛЕТО. МЕЖДУ ДНЕПРОМ И ДОНЦОМ

Строительство пограничных оборонительных сооружений («линии») между Днепром и Донцом.

Этим событиям посвящена песня, помещенная Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[1] (раздел <*XVIII*> *Про поход на Лінію*). М. А. Максимович, комментируя эту песню, писал: «В 1761 <следует: 1716> году 20 000 казаков и 10 000 малорос<сийских> крестьян были посланы для делания линии между Днепром и Донцом»[2]. Строительство «линии», производившееся по указу Петра I, вызывалось необходимостью укрепить южные границы государства от нападения турок и крымских татар.

[1] См. ***1839 октября средина <сентября конец> — 1840 августа средина <августа начало>***.
[2] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 111.

1717

ЯНВАРЯ 8. ВТОРНИК

Согласно «экстракту», составленному в 1751 г. Генеральной Войсковой канцелярией гетмана графа К. Г. Разумовского, «права и вольности» малороссиян подтверждены царем Петром I в грамоте, данной гетману И. И. *Скоропадскому*:

«В <грамоте>, 1717 году Генваря 8 дня к Гетману *Скоропадскому* писанной, <...> между иным написано: Что <...> рассставлено <...> по нескольку полков великороссийских в краю малороссийском, <...> то учинено для народа и краю Малороссийского собственной пользы и сохранения от опасаемых турских и татарских набегов, и что там давали, по указу нашему, провианты и фураж <...> для вышепрописанных причин, <...> надлежит малороссийскому народу, яко верным подданным нашим, в сие военное время чинить всякое вспоможение, что <...> мы, Великий Государь <...>, наградим вам, верному нашему подданому и всему малороссийскому народу, по окончании сея трудныя войны, своею милостию и содержанием ваших прав и вольностей без всякого умаления»[1].

Фрагмент «экстракта», под названием «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян», был опубликован в 1830 г. в июньском номере «Отечественных Записок» – в то время, когда в журнале активное участие принимал Гоголь[2].

[1] О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. Июнь. № 122 (цензурное разрешение 3 июня). С. 335–336 (напечатано с подстрочным примечанием: «Извлечено из экстракта, сочиненного в 1751 году Войсковою Канцеляриею»; С. 324).
[2] Подробнее см.: ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

1718

ИЮЛЯ 7. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Полковник В. М. *Танский* получает жалованную грамоту Петра I, подтверждающую право *Танского* на владение селом Озеряны[1] со всеми принадлежащими угодьями, «для вящего утверждения и лутшаго впредь владения»[2].

«Грамота писана на большом листе, прикрепленном к шелковому плату посредством шелковых шнуров, припечатанных Царскою печатью». Хранилась в архиве Гоголей в Васильевке.

Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 233, 387.

[1] См. ***1715. Декабря 3. Глухов.***
[2] См. также ***1784. Октября 19. Киев.***

ОСЕНЬ. МОСКВА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ГЛУХОВ

«Року 1718. Возвратяся з Франции, Его Царское Величество Государь Петр Алексеевич был в Москве со всем двором Его монаршим, когда сужено Лопухина и других казнено за измену, куда и Гетман *Скоропадский* з полковником Черниговским, Павлом Полуботком, да з Лубенским полковником, Андреем Марковичем, и з писерем войсковым, Семеном Савичем, и из протчими ездил до Государя, а з Москвы он же, Гетман, з старшиною ездил за Государем до Санктпетербурга для повидания строения оного, и отпущени оттоль из милостию монаршею. <...>

Тогда ж Гетман *Скоропадский* з Министром Петрем Андреевичем Толстым посватался; и того ж года в осень приездил в Глухов секретарь Михайло Шафи-

ров и другий Иван Петрович Толстый на сват<ь>бу з братом своим, за Петром Петровичем Толстым, который тогда женился на Гетманской дочери, Улиянне, и на веселлю те том в Глухове были, кроме полковников рейменту Гетманского, Енарал Майор Девейсбах и Граф Кантокузин з товарищи».

Самовидец 1846. С. 96–97; см. также: *Самовидец 1878*. С. 304.

1719

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ШЕПТАКИ, ГАДЯЧ, ГЛУХОВ

«Року 1719. Светлейший Князь Александр Мен<ь>щиков был на Украине и в слободах зо всем домом своим, до которого перво в Шептаки за Десну зимою, а потом в Гадяч, по воскресенском празднику <29 марта>, ездил Гетман *Скоропадский* зо всею старшиною генерал<ь>ною и полковниками, и трактовали о порядочной сустентации драгун в Гадячом, да он же, Князь Мен<ь>щиков потом и в Глухове у Гетмана гостем был.

Того ж року Князь Мен<ь>щиков заехал межею до Почепа, маетности своей, прежде того от Гетмана *Скоропадского* ему данной, две сотни, Мглинскую, Бокланскую и часть Стародубовской, и за тое великую с<с>ору и тяжбу Гетман з Князем имел, а особливо за завладение Почепских Козаков в подданство».

Самовидец 1846. С. 97; см. также: *Самовидец 1878*. С. 305.

1720

ИЮЛЯ 6. СРЕДА. МИРГОРОД

«Року Божьего 1720, месяца июля 6 дня. Перед нами, войтом Закатыленком, атаманом городовым Кузубнею и иншими людьми зацными и веры годными, в ратуше миргородской на сих роках в лавице засели есьмы. Ставши персонально пан Федоренко с голубкою своею Еленою пропоновали справу: иж наймичка их, Вацька Куликивна, от воискового товарища Зарудного за гроши закабелеванная, деет соромитизну, же не боится их ни бийки, ни сварки. Мы, уряд, велели тую неверную Вацьку пред себя примкнуты и по доброй ласце распросити и постановленная Вацька добровольно призналась: же Акуленковѣ сыновцевѣ <......> не раз, не два и не три, то пид тыном и в соломѣ, то в сенях и в коморѣ, где лучше трапится до своей охоты. Мы, уряд вышеспецификованный, выслушавши сию пред Богом и пред людьми нечестную справу, аж об полы руками есьмы ударились; велели сию неверную Вацьку добре барбарами шмароваты и пану сотниковѣ вѣчно в пекарню отдаты и сию справу до книг местных приточити. Деялось року и дня вышеписанных. Во место неумения Божественного Писания крестами святыми подписалися».

Документ из «Книги всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1826–1830) Гоголя.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ГЛУХОВ, НЕЖИН, ПРИЛУКИ

«Року 1720. Гетман *Скоропадский* з некоторыми, старшиною генеральною и з бунчуковым товариством, многолюдно проезжался з Глухова до Нежина к зятю своему, Петру Петровичу Толстому, полковнику Нежинскому, тако ж в Прилуку и в другие места, по маетностях».

Самовидец 1846. С. 97; см. также: *Самовидец 1878.* С. 305.

1721

ОКТЯБРЯ 22. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В дни празднования Ништадтского мира Петр I провозглашается Императором Всероссийским; Россия становится Империей[1].

Гоголь в статье «Несколько слов о Пушкине» (1834) замечал: «Русская история, только со времени последнего ее направления при императорах приобретает яркую живость; до того характер народа большею частию был бесцветен...» В том же году в одном из отрывков «Истории Малороссии» Гоголь писал: «Народ <...> принадлежавший Петру <...> имел не только необходимость, но даже нужду <...> покориться. Их необыкновенный повелитель стремился к тому, чтобы возвысить его, хотя лекарства его были слишком сильные»[2].

Гоголь объяснял причины петровских преобразований необходимостью «пробуждения» русского народа, а также тем, что «слишком вызрело европейское просвещение, слишком велик был наплыв его, чтобы не ворваться рано или поздно со всех сторон в Россию и не произвести без такого вождя, каков был Петр, гораздо большего разладу во всем, нежели какой действительно потом наступил»[3]. Это объединяющее «пробуждение» народа под воздействием враждебного «просвещения», какое в полной мере совершилось, по Гоголю, в северной России — Великороссии — лишь в эпоху Петра I, гораздо ранее уже произошло, по его мнению, при тех же обстоятельствах в южнорусских землях. Во второй редакции «Тараса Бульбы» (1842) Гоголь к написанному ранее в первой редакции повести об образовании казачества добавил: «Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей, возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников <...> гетманы, избранные из среды самих же казаков, преобразовали околицы и курени в полки и правильные округи».

Размышлениями о значении императорского периода в истории России пронизана и сама гоголевская концепции развития русской поэзии, изложенная в «Выбранных местах из переписки с друзьями», в статье *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии...* Здесь Гоголь в числе источников самобытной русской поэзии и своего творчества — служащих к «построению» русского человека — указывает пословицы и слово церковных пастырей, народную песню и церковные песни и каноны, и наряду с этим — важнейшее политическое событие в истории России — принятие русскими царями в лице Петра I императорского достоинства. Именно это событие, над которым Гоголь размышлял еще в 1834 г., породило, по его словам, «верховный лиризм» одической поэзии Ломоносова и Державина и поставило Россию перед лицом ее истинного призвания — быть Священной Империей, главным назначением которой является «стремление к свету», т. е. спасение душ подданных, «приближение иного Царствия». В статье *X. О лиризме наших поэтов* Гоголь замечал: «Все события в нашем отечестве, начиная от порабощенья татарского, видимо клонятся к тому, чтобы собрать могущество в руки одного...»

[1] См. также ***1828. Июня не позднее 23. Нежин.***

[2] См. ***1708. Сентябрь — первая половина октября.***

[3] Статья *XXXI. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность* «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1846).

1722

ЗИМА-ЛЕТО. МОСКВА, ГЛУХОВ

«Року 1722. Гетман *Скоропадский* з некоторою старшиною, полковниками и бунчуковыми товарищи, ездил в Москву поздравлять Государя полученным щастливым миром и восприятою титлою[1], где в Москве, как Господа Великорос-

сийские и все чины, так и Гетман з старшиною и всеми подкомандниками своими, присягу чинили на содержание устав<а> Его Императорского Величества о правде воле монаршой свободной, кого хотя по себе наследником скиптра Российского определить, о чем и в полках Малороссийских везде присяга была того ж времени.

Того ж року[2] в Москве принесена от Его Императорского Величества Петра Великого за собственною рукою грамота к Гетману *Скоропадскому* о состоявшомся определении быть при нем, *Скоропадском*, в Глухове коллегии Малороссийской, в которой президовать Бригадиру Вел<ь>яминову, да ш<ес>ти офицерам гарнизонным погодно, то для верхней аппеляции, да для сборов денежных и хлебных, о чем и манифесты печатны в Малую Россию полинни.

Тогда ж на Москве по жалобе Гетманской на Князя Менщикова указал Его Императорское Величество лишнюю им, Князем Менщиковым, занятую в Почепу землю, привратить к полку Стародубовскому, тол<ь>ко владеть бы ему, Менщикову, Почепом, так, как Гетманы владели, да Козаков сотне Почепской тогда ж он, Князь Менщиков, уступил. <...>

Да того ж году Гетман Иван *Скоропадский*, повернувся в Петров пост з Москвы до Глухова, Юля 3 дня умре, при верности Его Императорскому Величеству, и погребен 5 дня того ж месяца в Гамалеевском девичем монастыре, от его ж, *Скоропадского*, паче же от жены его, Анастасии Марковны, каменно устроенном; а по смерти его, Гетмана *Скоропадского*, тогда ж указом Сената повеленно Павлу Полуботку з старшиною генерал<ь>ною править вместо Гетмана.

И того ж месяца Юля 20 прибыл в Глухов брегадир Стефан Вел<ь>яминов и, учинив коллегию, начал денежные и хлебные зборы збирать в Малой России от всех...»[3]

Самовидец 1846. С. 98–99; см. также: *Самовидец 1878*. С. 306–308.

[1] Речь идет о заключенном 30 августа 1721 г. Ништадтском мире и принятии 22 октября 1721 г. Петром I императорского титула.

[2] 27 апреля.

[3] См. также: «Император <...> Российский первый, Петр Великий, во время вшествия Шведского в Малороссию, року 1708, <...> утверждаючи народ Малороссийский в верности ку себе <...> такими вол<ь>ностями Малорос<с>иян ударствовати, яковими нехто з поддан<н>их под светом у своих монархов не мел похвалитися; однак <...> зараз по кончине гетмана Скоропадского, року 1722, над чаяние Малорос<с>ийское, мимо древние прави и вол<ь>ности войска Запорожского и народу Мало-рос<с>ийского, вместо Гетмана устроил в Малойрос<с>ии Коллегию и збори розние, негди пред тим не бывалие, уничтожил и обременил зело всех Малорос<с>иянов, так шляхетской козацкой, яко и посполитой кондиции сущих» (Летопись событий Юго-Западной России в XVII веке. Составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского. 1720. Киев, 1851. Т. 2 (цензурные разрешения 16 июля 1849 и 2 сент. 1850). С. 519–520).

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

В. М. *Танский* участвует в Дербентском походе[1]. Получает жалованную грамоту на «огромное» (по словам В. А. Чаговца) местечко Мурафу со всеми прилегающими селами и угодьями «за понесенные во время бывшей з Портою Отоманскою и Короною Шведскою верные службы»[2].

Грамота хранилась в семейном архиве Гоголей в Васильевке.

[1] *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1996. Т. 5. Вып. 1. С. 1.

[2] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник. Киев, 1902 <вышло в свет в 1903>. Отд. 3. С. 41–42; *Свод.* Т. 1. С. 233–234. – См. также ***1744. В течение года. Санкт-Петербург.***

ИЮНЬ-ДЕКАБРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Року 1723. Полковник Черниговский, Павел Полуботок и з ним судия Генеральный, Иван Черныш, да писарь Семен Савич, войсковый генеральный, в Юне месяце, по указу Его Императорского Величества поехали в Санктпетербург до Его Царского Величества, намеревая по давним стат<ь>ям, привилеям и грамотам Высокомонаршим, на вол<ь>ности Козацкие данным[1], просить у Его Величества милости, а паче о избрании вол<ь>ными голосами Гетмана[2]. <...>

Того ж року зимою дерзновенными запросами полковник Черниговский, Полуботок[3], с товарищи, в Санктпетербурзе прогневали Его Императорское Величество и за то взяты там под арест, а в Малой России домы их, также и оставшихся последних, Асаула енерального, Василия Жураковского, да бунчужного Якова <Ефимовича> *Лизогуба*, отписано на Его Величество и пожитки попечатано, а самих их взято туда ж в Петербург...»

Самовидец 1846. С. 99–100; см. также: *Самовидец 1878.* С. 308–309.

[1] См. «экстракт», составленный в 1751 г. Генеральной Войсковой канцелярией гетмана графа К. Г. Разумовского, который в 1830 г., под названием «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян», был опубликован в июньском номере «Отечественных Записок», – в то время, когда в журнале активное участие принимал Гоголь (подробнее см.: ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург***).

[2] В ответ на это ходатайство последовал следующий указ Петра I: «Понеже всем известно, что от времене первого Гетмана Богдана Хмельницкого даже до Скоропадского все Гетманы явились изменниками и какое бедство терпело Наше Государство от того, а наипаче Малая Россия; как еще свежая память есть о Мазепе; того ради во избрании в Гетманы зело верного и известного человека сыскать надлежит, о чем непрестанное старание имеем; а пока оный сыщется, ныне определено Правительством, дабы лучшую пользу тому краю чинили и крепкая дана инструкция, и тако остановки в делах до избрания Гетмана не будет, и для того в сем деле докучать не недлежит» (Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 7. С. 85).

[3] Умер в заключении 29 декабря 1724 г. (см. ***1724. Декабря 29. Вторник. Санкт-Петербург***).

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ЛУБНЫ, СЕЛО КОНОНОВКА

Прапрадед Гоголя по отцовской линии иерей Иоанн Яковлевич *Яновский* переведен от Троицкой церкви г. Лубен приходским священником «во вновь устроенную Успенскую церковь с. Кононовки» (в четырех верстах от Лубен).

Петровский Ал., свящ. К вопросу о предках Н. В. Гоголя. Письма с Гоголевщины // Полтавские Губернские Ведомости. 1902. 13 февр., № 36. С. 2; *Лазаревский А. М.* Сведения о предках Гоголя // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 2. С. 10–11; *Гиляровский В. А.* Троюродный брат и предки Гоголя // Гиляровский В. А. На родине Гоголя. (Из поездки по Украйне). М., 1902. С. 49–59; *Свод.* Т. 1. С. 345, 341, 365.

1724

ДЕКАБРЯ 29. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Кончина заключенного в Петропавловской крепости наказного гетмана П. Л. Полуботка[1].

Участи Павла Полуботка посвящены две песни, помещенные Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[2] (раздел <*XXV*> *Про полубітковську недолю*).

[1] См. также ***1723. Июнь-декабрь. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1839 октября средина <сентября конец> — 1840 августа средина <августа начало>.***

1725

ЯНВАРЯ 28. ЧЕТВЕРГ – ФЕВРАЛЯ 8. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Року 1725. Его Величество Петр Великий, Император и Самодержец Всероссийский, Генваря 28 дня преставился, а державу Всероссийскую Великая Государыня, Екатерина Алексеевна, восприять изволила.

Того ж року <8 февраля>, зараз по смерти блаженныя и вечно достойныя памяти Его Императорского Величества, арестанты Петербургские, Даниил Апостол, полковник Миргородский (который после Коломацкого походу, в прошлом 1724 годе, позван в Санктпетербург и там взят под арест), Иван Черныш судия, Семен Савич писарь, Василий Жураховский асаул и Яков <Ефимович> *Лизогуб* бунчужный енералны<й>, з товарищи, отпущени на волю, но Семен Савич после того вскоре умре там же, в Петербурге на воле, и оным всем бывшим арестантам возвращенни все пожитки и маетности, полковник же Миргородский, Апостол, тотчас и в дом на свое полковничество по-прежнему отпущен, а прочие еще удержани до указу».

Самовидец 1846. С. 100–101; см. также: *Самовидец 1878*. С. 310.

ВЕСНА

«В том же году з весны командировани бунчуковые товарищи в Гилянский[1] поход за Берден <Дербень>, и з оными 2000 Козаков рядовых, з Наказным Михайлом Огроновичем, обозным полковым Прилуцким, а между бунчуковым товариством камандир был Кандыба, бывший полковник Корсунский, а напрежде оного Семен <Ефимович> *Лизогуб*, которого з Андреем Горленком из пути, по плутовскому некоторого чернца Зимиевского[2] доношению, взято было в Санктпетербург, но вскоре до домов отпущено, и медлили в том походе бунчуковые при Кандыбе иный до трох, иный же до пяти год».

Самовидец 1846. С. 101; см. также: *Самовидец 1878*. С. 310–311.

[1] Второй Персидский.
[2] Имеется в виду Змиевский Николаевский монастырь.

1726

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Указом Императрицы Екатерины I В. М. *Танский* подвергнут штрафу в 100 рублей за уклонение от участия в Гилянском походе[1].

«"...Велено... доправить сто рублей денег за штраф, же а ни сам В. *Т<анский>* в гиланский поход не выйшол, а не свойственного сого не выслал, як вказ Е<я> И<мператорского> В<еличества> повелевал..." Но этого мало; интересно также, что, хотя ему послали указ для прочтения, он даже "никакой резолюции не показал", словом, отнесся к исполнению своего долга с полным пренебрежением».

Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 234.

[1] См. ***1725. Весна***.

НОЯБРЯ 9. СРЕДА

В. М. *Танский* «назначен в Малороссию на полковничью вакансию».

Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1996. Т. 5. Вып. 1. С. 1.

ДЕКАБРЯ 7. СРЕДА

«Василий *Танский* пожалован, декабря 7, за двадцатилетнюю службу, Полковником Переяславским».

Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России. От избрания Мазепы до уничтожения Гетманства. 2-е изд. М., 1830. Т. 3 (цензурное разрешение 30 ноября 1829). Примеч. С. 63. – Примечание 213; см. также: *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. От избрания Мазепы до уничтожения Гетманства. 3-е изд. М., 1842. Т. 3. Примеч. С. 61. – Примечание 213.

1728

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ГЛУХОВ

«Року 1728. Его Императорское Величество Петр вторый, Император и Самодержец Всероссийский, коронован в Москве, куда для того ездил и Гетман новоизбранный, Данило Апостол, где даны ему на его прошение решительные стат<ь>и и грамоту на Гетманство, и отпущен<н>ый он з милостивым жалованнем Государевым повернулся, в Глухов Октобря 1 дня прибыл».

Самовидец 1846. С. 102; см. также: *Самовидец 1878.* С. 313.

1729

ИЮНЬ-ИЮЛЬ. ПЕРЕЯСЛАВЛЬ

Казаки составляют челобитье на имя «ясне вельможного его милости пана гетмана» Д. П. Апостола, в котором, жалуясь на обиды и разорения, причиненные паном полковником В. М. *Танским*, просят, «жебы он не был одселе в полку переяславском полковником».

«...Не связанный кровными узами с козачеством, будучи приемным сыном, хотя и баловнем Украины, он <В. М. *Танский*> не мог любить беззаветной, отеческой любовью стоявших ниже его

козаков и людей посполитых: облеченный властью, гордый, надменный и сознающий свою силу и право, он угнетал своих подчиненных, он был деспотом как в своем полку, так и в своих владениях. <...> Долго терпели козаки <...> наконец не вытерпели <...> составили челобитье... <...> Но <...> в ту пору еще сильна была пословица: "с сильным не борись, с богатым не судись". Гетман предоставил ему возможность оправдаться, что с формальной стороны было сделано без особенных затруднений»[1].

Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 234.

[1] См. ***1729. Августа 17. Переяславль.***

АВГУСТА 17. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПЕРЕЯСЛАВЛЬ

«Его Императорского Величества войска Запорожского» полковник Переяславский В. М. *Танский* издает циркуляр, в котором обязуется не мстить тем, кто явится к нему для сатисфакции за причиненные обиды[1].

«Вам, паном сотникам Вороньковскому, Бориспольскому, Березанскому, Басанскому и Яготинскому, объявляется: понеже Ясневельможный Его Милость пан Гетман предложил мне, же будто я многим в сотнях полку моего починил обиды и разорения, того ради з сим открытым листом як в протчие сотни полку моего нарочно ординовалем, так и в сотни пана Михаила Вакуловича, атамана значкового, посылаючи жадаю, абисте в<аши> м<илости> всяк з своею атаманею и значным товариством по получении сего явилися в полковую канцелярию з обидимыми без всякого опасения и боязни для контентования и награждения, ибо я тим себе обовязую, же если кто з обидимых ко мне явится для сатисфакции, но не готов за тое мститися и памятозлобствовати, овшем во всем задосить чинить».

«Мы нисколько не удивимся, узнав, что, несмотря на ласковые обещания, расточаемые паном полковником, никто не явился для сатисфакции, и лист оказался заполненным подписями атаманов, сотников и товариства, которые единогласно заявляют, что после объявления и публикации предписания пана полковника обиженных не оказалось.

Сотники же, подписавшие челобитье, вынуждены были придумать какое-либо оправдание своих поступков, что и выполнено ими просто, но довольно неискусно: каждый из них пишет совершенно одно и то же и в своих объяснениях старается придать всему делу характер какого-то печального недоразумения»[2].

Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 234.

[1] См. ***1729. Июнь-июль. Переяславль.***
[2] См. ***1729. Августа 28.***

АВГУСТА 28. ЧЕТВЕРГ

Сотники, жаловавшиеся гетману Д. П. Апостолу на полковника В. М. *Танского*[1], объясняют это недоразумением.

«"Я, ниже подписанный Сотник Яготинский з атаманами и товариством сотне моей, сим моим писанием объявляю, иж неведомо по неякому указу назвавши себе Лука Васильевич Асаулом полковым переяславским, и Павел Черняховский писарством полковым правящим, прислали ко мне за руками своими сего 1729 году в июне м<еся>це первых чисел указ, дабы я со всею атаманею и значным товариством приездил в Переяславль будто для выбору на упалые месця в кандидаты старшина, а когда я туда приездил, они, тое закрывши, объявили на неякомусь своему умыслу и злобе написанную челобитную на имя Ясне Вельможного Его Милости Пана Гетмана, в такой силе, жебы за неякие обиды починение Его Милость п-н. полковник наш переяславский Василий

Танский одселе в полку Переяславском не был полковником и на такой челобитной согласия з единомышленники принудили и устращали без одлагательства подписатися на чом любо я з атаманом и товариством подписалися, однак ныне мы сим нашим добробольным писанием такового подпису рук наших на челобитной во всяком суде и враде з'рекаемся, ибо мы як жадных обид и разорений от Его Пана полковника *Танского* в сотне нашей не имеем и не имели и з его контентни, так Его Императорскому Величеству благодарни и просим всенижайше Его Императорского Величества дабы за подписание рук наших на помянутой челобитной во всяком суде и враде не причтено было нам в вину и в погрешение, а теперь о таковом принуждении и по десяте з'рекаемся и подписом рук наших протестуемся, року и дня выше писанного".

Следуют подписи: "Иосиф Павлович, сотник Яготинский.

Атаман Федор Крихно, Кирик Непыйвода, И. Непорожний" и др.

Совершенно такие же, в тех же выражениях, без малейшего изменения доношения сотников Баришпольского и Басанского. Очевидно, им было продиктовано, что и как писать».

Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 234–235.

[1] См. ***1729. Июнь-июль. Переяславль***; ***1729. Августа 17. Переяславль***.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Року 1729 <...> определены, указом Императорским к Гетману, и старшина генеральная из кандидатов: Обозным Яков *Лизогуб*, бывший бунчучный генеральный...»

Самовидец 1846. С. 102; см. также: *Самовидец 1878.* С. 313.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

Полковник Переяславский В. М. *Танский* делает донос на гетмана Даниила Апостола.

Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1996. Т. 5. Вып. 1. С. 1.

ИЮНЯ 21. ПОНЕДЕЛЬНИК. КИЕВ

Преосвященный Рафаил (Заборовский), архиепископ Киевский, Галицкий и Всея Малыя России, рукополагает во иерея Дамиана Ивановича Яновского, поступающего в с. Кононовку Лубенского уезда на место своего отца приходского священника Иоанна Яковлевича *Яновского*[1].

«Вот уставная грамота на имя Дамиана Ивановича: "Божиею Милостию Смиренный Митрофан, Митрополит Коринфский. По благодати, дару же и власти Всесвятого и Всеосвящающего Духа от Великого архиерея Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, данной смирению нашему по указу же Его Императорского величества и от Правления Святейшего Правительствующего Синода, от Священного духовного консистору Архиепископии Киевской представленного нам сего благоговейного православной церкви сына *Дамиана Иоанновича* по опасном истязании и достоверном не токмо от внешних, но и от слышавшего исповеди его отца духовного свидетельстве, первие в меньшие чины, потом в диакона, таже и на самый пресвитерства степень призыванием Святого и Животворящего Духа произведохом рукоположихом до Престолу и церкви Успения Пресвятыя Богородицы в село Кононувку протопопии Лубенской по чиноположению и обыкнове-

нию Святыя Соборные Православныя восточныя церкви, во еже ему святую литургию совершали, исповедующихся вязати и решите и прочие Божественные тайны по церковным уставам и порядкам священнодействовати. И однак тягчайшие и неудобо рассудительные и решительные от него падежи должен своему Архиерею Киевскому доносити и от престола и храму, до него же посвящен не преходити, разве за благословением своего Архиерея Киевского, присно же пещись о спасении душ человеческих, найпаче же своих парохиан богодухновенным поучением на вся благая наставляли, и сам, доброй образ бывая врученному себе стаду, да не постыдится в день страшного испытания Владычня. Известнейшего же ради уверения дано ему от нас сие свидетельствованное писание, при подписани руки нашей и при печати Катедральной, 1731 месяца июня 21.

Смиренный Рафаил, Архиепископ Киевской Ас."»[2].

[1] Кроме Демьяна, у о. И. Я. Яновского был еще сын Карп (см. ***1792. Октября 15. Киев***).
[2] *Гиляровский В. А.* Троюродный брат и предки Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 365.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ГОДА. ГЛУХОВ

В. М. *Танский* пишет дочери Анне (Ганусе):

«Посилал по матери й по тебе. Матку конча наклони со слезами, даби приихала, бо того потреба немалаја, а бидками приид те легко. Запасу попривозита для себе и на<*нрзб.*> и вина, що из Нежина на многдоброго, да и меду домового и прежнего».

Свод. Т. 1. С. 246.

ИЮЛЯ 30. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. М. *Танского* привозят под караулом в Петербург для расследования притеснений, причиненных им казакам Переяславского полка.

Генеральный хорунжий Н. Д. Ханенко записал в своем дневнике: «Журнал 1731 году. <...> Июля. <...> 30. Пополдни привез под караулом з Москви Василия *Танского*, полковника переясловского, капитан лейб гвардии преображенского полку, Петр Петрович Воейков, которое и следовать о обидах полку переясловского, обще з господином полковником Тургеневым, поручено и з секретарем сенатским Иваном Ивановичем Топелским».

Дневник генерального хоружаго Николая Ханенка. 1727–1753 г. Издание редакции «Киевской Старины» / Вступ. ст. и примеч. Ал. Лазаревского. Киев, 1884. С. 20; *Свод.* Т. 1. С. 246.

1733

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

«Року 1733. Король Пол<ь>ский Август вторый умер, и того ради к воспящению умысля Короля Станислава Лещинского (Французскому Королю <Людовику XV> тестя) и к усмирению многих Поляков, его партизанов, а к возведению на трон Августового сына, Фридрика, командированы от Ея Величества, Государины Императрицы <Анны Иоанновны>, войска Великороссийские и Малороссийские в Пол<ь>щу, где оные войска и зимовали на 1734 год и далей, а над Малороссийским войском и над бунчуковыми товарищи был в том походе главным комендиром Обозный войсковый генеральный, Яков Евфимиевич *Лизогуб*».

Самовидец 1846. С. 104–105; см. также: *Самовидец 1878.* С. 316–317.

ЯНВАРЯ 17 – ФЕВРАЛЯ КОНЕЦ. ГЛУХОВ, СОРОЧИНЦЫ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Року 1734. Генваря 17 дня Гетман и Кавалер Даниил Апостол в Глухове умер в покои, при верности Ея Императорскому Величеству, которого тело проважено было до Сорочинец и там в новосооруженной от него каменной церкве погребено Архиепископом Киевским, Рафаилом Заборовским, з церемониею преизрядню дня 5 Февраля. <...>

Того ж году Февраля в последних числах, по указу Ея Императорского Величества, возвратился з походу Пол<ь>ского Князь Алексей Иванович Шаховской и принял правление Малороссийское до дал<ь>шего указу и определения нового Гетмана. А наперед з Пол<ь>ши его прибытия, в Генваре присланни печатные Ея Императорского Величества грамоты высокомонаршие с милостивым обнадеживанием в Малой России о имеющем быть Гетмане, во всем по пунктам Богдана Хмел<ь>ницкого, а до избрания его, покамисть кто к оному знатному уряду добрый и верный сыщется, определено править Малую Россию ш<ес>ти персонам: тром Великороссийским, а троим Малороссийским, в том числе, во-первых, Князю Шаховскому, да Обозному генерал<ь>ному, господину *Лизогубу*, с протчиими»[1].

М. А. Максимович, встретившийся в Сорочинцах в августе 1850 г. с Гоголем, в 1854 г. сообщал: «Цветущее состояние города настало при Даниле Павловиче Апостоле, бывшем 45 лет миргородским[2] полковником, и с небольшим 6 лет гетманом. Памятником его гетманства осталась в Сорочинцах сооруженная им красивая каменная церковь, во имя Преображения, с двумя приделами. Тут и погребен предпоследний малороссийский гетман, 28 января 1734 года, в склепу под амвоном. На правой стене висит изображение герба его с надписью: "За труды и отечество". В алтаре видел я напрестольный крест с тем же гербом, и Евангелие (московской печати 1735 г.) с окладными изображениями Даниила и Улиании. В этой церкви погребен еще генерал-майор Георгий Лесли <1720–1772>»[3].

В Сорочинцах, месте погребения Д. П. Апостола, родился[4], был крещен[5] и часто бывал Гоголь[6]. Велико-Сорочинская Спасо-Преображенская церковь, где крестили Гоголя, — «лучшая из церквей Сорочинец» и «самая красивая из всех церквей местечка», примечательна тем, что она была сооружена в 1732 г. гетманом Даниилом Павловичем Апостолом, который был здесь и погребен в 1734 г. «Турист видит перед собой не заурядную сельскую церковь, низенькую деревянную, придавленную к земле, а величественное, пятиглавое, обширное здание, совершенно не приставшее к обычным сельским строениям, которому место не только в уездном или губернском, а даже в столичном городе. При ближайшем же рассмотрении церковь эта еще более поражает наблюдателя. <...> В числе других икон видное место занимают иконы пророка Даниила и великомученицы Иулиании, патронов гетмана Апостола и его супруги. <...> Обе фигуры, Даниила и Иулиании, в сильной степени национализированы художником, одевшим их в малорусские костюмы[7], особенно Иулианию. <...> Кроме этих двух икон из множества других, сильный интерес возбуждает также большой деревянный крест с рельефной фигурой Спасителя, в терновом венце, вырезанный по средине креста, как это всегда можно видеть в католических костелах, но весьма редко в православных храмах»[8].

Погребен был гетман Д. П. Апостол под церковным полом, в особом каменном склепе, в котором было несколько гробов — и который во времена Гоголя «был совершенно доступен всем»: «При входе с последней ступеньки в склеп посетитель видит несколько гробов, 15–20, различных размеров — больших, средних и малых, большею частью развалившихся от сырости, и вместе с тем поражается тем беспорядком, который царит в склепе: между разным хламом, который в нем набросан, можно видеть человеческий череп с женским головным убором, обломки оружия, куски полусгнившей материи, которыми были обиты гробы и т. п.»[9]

«...Важный в историческом отношении остаток древности составляет, без сомнения, фамильный склеп гетмана Даниила Апостола, устроенный под полом в самой церкви. <...> При входе, с последней ступеньки

вы видите по правую и левую сторону сложенные гробы <...> Затем, все остальное пространство впереди, т. е. восточная часть завалена самым беспорядочным образом всевозможных размеров гробами и их остатками. <...> Вообще все в склепе представляет самый хаотический вид»[10].

Вид церковного склепа Д. П. Апостола, а также ведущего из него подземного хода, возможно, нашли отражение в описании подземного «земляного коридора» в «Тарасе Бульбе» (1842), соединенного с храмом осажденного Дубно (в Дубно Гоголь никогда не бывал). Само описание окрестностей Дубно, перед отправлением Андрия в этот подземный «коридор», также отчасти напоминают виды Сорочинец[11].

А. И. Ксензенко в 1887 г. сообщал: «Сорочинцы, некогда полковой город, сохраняют доселе остатки земляных валов, насыпанных когда-то вокруг местечка в целях военных... <...> Уцелевший вал с восточной стороны представляет довольно значительную крутизну; на ней храм старинной постройки, внизу тихо струится один из рукавов реки Псла, так называемой Затон... <...> Это сорочинская Преображенская церковь...»[12]; «Другой очевидец, лично посещавший гетманский склеп, В. М. Базилевский, к этому описанию прибавляет еще, будто бы склеп представляет собой начало подземного хода, который идет затем под земляным валом, далее под рекой и выходит в башню, отстоящую от церкви приблизительно саженях во сто, в усадьбе одного (?) помещика. Некоторые из местных обывателей спускались будто бы по ступенькам этого хода, но до конца не доходили, так как под конец воздух становился до того спертым, что от него гасла свечка, да и, кроме того, грозила опасность быть заваленным землей»[13].

В. А. Гиляровский, побывавший в Сорочинцах в 1889 г. и посетивший здесь дом доктора М. Я. Трофимовского (врач, присутствовавший при рождении Гоголя), в свою очередь, сообщал: «Сорочинцы, некогда полковой город, когда-то окруженный высокими крепостными валами, остатки которых уцелели до сих пор. <...> Пробыв несколько минут <в бывшем доме Трохимовского>, мы вышли на большой двор, где осмотрели, между прочим, замечательно прочный подвал, сухой, чистый, оставшийся со времен гетманщины. Подвал этот принадлежал гетману Малороссии Даниилу Апостолу, а из подвала существовал подземный ход, ведущий до церкви, которая была выстроена Даниилом Апостолом. А когда она строилась, Апостол, по преданию, по ночам собирал рады в строящемся здании и сам являлся на эти рады через этот ход. <...> Это одна из древнейших церквей Малороссии, сооруженная Даниилом Апостолом... <...> Если поднять три каменные плиты посреди церкви, то открывается вход в склеп. Прежде в склеп свободно допускались посторонние, но впоследствии это было запрещено, так как посетители разграбили часть украшений одежды покойников. Склеп аршина три глубины, каменный, с каменной же лестницей, ведущей вниз. В длину склеп около трех сажен, в ширину аршина четыре. Направо и налево от лестницы несколько сгнивших гробов»[14].

Ср. в «Тарасе Бульбе»: «...Наконец опустились <...> в низменную лощину <...>, по дну которой <...> пресмыкался проток <...>, за которым возносился противоположный берег <...>, выступавший совершенным обрывом. <...> ...В этом месте был крепкий и надежный сам собою пункт городской крепости... <...> Отклонив хворост, нашли они род земляного свода... <...> Андрий едва двигался в темном и узком земляном коридоре... <...> ...Как и в пещерах Киевских, тут видны были углубления в стенах и стояли кое-где гробы: местами даже попадались просто человеческие кости, от сырости сделавшиеся мягкими и рассыпа́вшиеся в муку».

[1] *Самовидец 1846*. С. 105–106 (окончание летописи Самовидца); см. также: *Самовидец 1878*. С. 318–319.

[2] См. также ***1873. Июня 2. Сорочинцы.***

[3] *Максимович М. А.* Родина Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 639.

[4] См. ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы.***

[5] См. ***1809. Марта 22. Великий понедельник. Сорочинцы.***

[6] Сорочинский священник отец Роман в 1889 г., в частности, сообщал В. А. Гиляровскому, что Гоголь, родившийся в Сорочинцах, «после, когда вырос», ездил к нему в церковь (*Гиляровский В. А.* В Гоголевщине // *Свод*. Т. 1. С. 351).

[7] «Здесь много старинных икон, из коих две старейших писаны с Апостола и его жены, <...>: первая по правой стороне царских врат, изображающая гетмана в полном вооружении, во весь рост...» (*Гиляровский В. А.* В Гоголевщине // *Свод*. Т. 1. С. 350). Ф. Б. Якубовский, комментируя слова рассказчика в девятой главе «Тараса Бульбы» о посмертной участи атамана Кукубенко: «Садись, Кукубенко, одесную Меня! – скажет ему Христос», – отметил, что настоящий образ находит себе прямое соответствие на старинных украинских иконах, где часто рядом с тем или иным библейским или евангельским образом изображалась фигура совершенно бытовая, казацкая, в кунтуше, с усами, даже при казацком оружии» (*Якубовський Ф.* Трагедія Миколи Гоголя // *Гоголь М.* Тарас Бульба. Изд. «Сяйво», <Киев, 1927>. С. 18).

[8] *Эварницкий Д. И.* Преображенская церковь в м. Больших Сорочинцах, Полтавской губернии, где крестили Гоголя // Исторический Вестник. 1902. № 2. С. 667–668.

[9] *Эварницкий Д. И.* Преображенская церковь в м. Больших Сорочинцах, Полтавской губернии, где крестили Гоголя // Исторический Вестник. 1902. № 2. С. 672.

[10] *Ксензенко А.* Гетманская усыпальница // Киевская Старина. 1887. № 2. С. 356–357.

[11] См.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009*. С. 640–641.

[12] *Ксензенко А.* Гетманская усыпальница // Киевская Старина. 1887. № 2. С. 353–354.
[13] *Эварницкий Д. И.* Преображенская церковь в м. Больших Сорочинцах, Полтавской губернии, где крестили Гоголя // Исторический Вестник. 1902. № 2. С. 6786.
[14] *Гиляровский В. А.* В Гоголевщине // *Свод.* Т. 1. С. 349–350.

АПРЕЛЯ 21 И 24. ПОНЕДЕЛЬНИК И ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Дело жены В. М. *Танского* Анны Степановны (рожд. *Забела*, в первом браке Быкович) рассматривается в Сенате.

Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1996. Т. 5. Вып. 1. С. 1.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

Полковник Переяславский В. М. *Танский* «наказан публично» и сослан в сибирские города[1].

«...Несколько лет <...> Василий *Танский* царил над Переяславским полком, а его супруга Анна, верная помощница и сотрудница в делах мужа, с неменьшим успехом управляла имениями. <...> ... Но стонам козаков был скоро положен конец: в 1734 году по указу Е<я> И<мператорского> В<еличества> Императрицы Анны Иоанновны полковник Василий *Танский* был арестован и сослан в Сибирь, и по справке, сделанной из Секретной канцелярии, в 1735 году находился в небольшом городке Илимске, Крицкой провинции (возле Тобольска). <...>

Один за другим стали раздаваться голоса обиженных и разоренных деспотичным произволом пана полковника, взывая о помощи и защите. Среди многочисленных дел отметим интересное в бытовом отношении дело Модельницкого, относящееся к 1735 году. <...> Увлеченный обещаниями пана полковника, он долго служил ему верою и правдою, как самый преданный слуга: участвовал вместо *Танского* в походах (Смоленском и Низовом), разъезжал по делам его по различным городам, и даже перенес из-за *Танского* трехлетнюю неволю в Москве... <...> Модельницкий жалуется, что сам полковник “не только того ничего не исполнил, а еще к тому собственных его (Модельницкого) пожитков много позабирал” (приводится список этих пожитков), чем привел его в нищету и разорение. <...> ...Дело это тянулось по тогдашним порядкам очень долго и окончилось в 1742 году в пользу Модельницкого, которому между прочим присуждено за имущество, взятое В. *Танским*, 200 рублей серебром, что по тому времени для человека небогатого составляло капитал. <...>

...Делами по управлению именьями заведывала преимущественно пани полковница Анна (или Ганнуся) *Танская*.

Это тоже интересный тип энергичной, деловитой женщины, которой пришлось выносить на своих плечах все несчастия, падавшие на нее после ссылки мужа; тем не менее она не изменила своей системы и так же энергично отстаивала свои интересы без мужа, как и при нем. Как и раньше, она безучастно относилась к народу, не позволяла выгонять скот на пастбище или высылала в поле целую команду “волох и другого звания людей”, которые с дубьем и ружьями прогоняли работавших крестьян с их дедовских земель, якобы принадлежавших ныне *Танским*... <...> ...Из дел видно, что в этих схватках вооруженных волохов с крестьянами, из последних некоторые бывали убиты... Караулы, расставленные на границах полей и в степи “по разным могилам”, сообщали мирным полям какой-то чуждый характер и внушали страх и трепет среди крестьян...

Это беспримерное по своей бесчеловечности отношение к народу может быть объяснено тем нерусским происхождением самих владельцев, которые видели в простом крестьянине и козаке не “родного меньшего брата”, а холопа, быдло... И здесь рано или поздно должна была совершиться катастрофа. <...>

Уже давно происходили недоразумения между Анной *Танской* и соседом ее Забелой из-за земли, доходившие до того, что этот последний вынужден был подавать прошение в войсковую канцеля-

рию, прося защиты и указывая на те опасности, каким подвергается он со стороны прислужников Анны Танской, которые чуть его не убили на его же собственном поле. Наконец в 1741 году было подано челобитье на Высочайшее имя, сущность которого в высшей степени интересна. <...> Дело идет об Озерянах, – том самом, имении, которое получено В. *Танским* как награда за военные доблести в Шведскую кампанию; оказывается, что, добиваясь этого поместья и прося о нем у гетмана, он умышленно скрыл, что оно по праву должно принадлежать другим, именно Забеле. Вот как объясняется это в челобитьи; сотник Переяславского полка Карп Юскович был пожалован двумя селами: Щасновкой и Озерянами, со всеми прилагающими к ним угодьями, в подтверждение чего дана была жалованная грамота 1690 года... По этой грамоте пожалованные ему села должны были находиться в вечном и потомственном владении. После Карпа Юсковича владение перешло к его дочери Марии, вышедшей замуж за Василия Забелу; от него перешло к сыну Михаилу Забеле, а от последнего должно было перейти по праву наследства челобитчику, Захарию Михаиловичу Забеле. Но вышло иначе: еще при жизни прабабки истца, Анны Карпихи, и деда, Василия Забелы, полковник *Танский* "донес покойному Гетману Скоропадскому, что якобы в помянутой пробабы, на показанные села Щасновку и Озеряне наследников никаких не имеется" (минуя таким образом деда истца, Василия Забелу), и на этом основании просил у гетмана село Озеряне. Гетман, не справившись о том, насколько справедливо было заявление Танского, дал ему универсал[2]... <...> ; затем Танский, как мы видели, едет в Петербург, где и получает жалованную грамоту на село Озеряне, и Анна Карпиха с наследниками осталась в стороне... Бедная вдова со своим юным зятем, став жертвой такой несправедливости и грубого произвола, тем не менее не могла искать себе нигде управы. Причина ясна; о ней говорится в челобитьи под п. п. 11 и 12. "Что же мой помянутый дед Василь Забела не бил за то челом, то едно за тем, что опасовался гетмана, не прогневал бы ево, ибо Гетман ему Танскому оное село Озеряне подал, то невкого было і просить, и другое, что в скорости по тому умре; а отец мой Михайло Забела за тем не просил, первее, что в те поры малолетний был, второе, как прійшол до совершенного возраста, то помянутый Василий *Танский* полковником переяславским пожалован, а отец мой Басанским сотником, и уже ему было тяжело на своего командира полковника просить; к тому же отец мой умре, а его полковника Танского за его преступление взято".

И вот только теперь представилась возможность внуку вступиться за права своих предков и требовать возвращения своих владений. Дело это по своей сложности тянулось очень долгое время и наконец решено было в пользу истца. Этот факт очень важен, так как Анна *Танская* прибегала ко всевозможным средствам, чтобы отстоять село Озеряне; даже полковник Киевский Антоний Танский обещал приложить все старания, чтобы дело решилось в пользу его братовей – но правда восторжествовала!»[3]

[1] *<Лазаревский Ал. Примечание>* // Дневник генерального хоружаго Николая Ханенка. 1727–1753 г. Издание редакции «Киевской Старины» / Вступ. ст. и примеч. Ал. Лазаревского. Киев, 1884. С. 20; *Свод.* Т. 1. С. 246; *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1996. Т. 5. Вып. 1. С. 1.

[2] См. ***1715. Декабря 3. Глухов.***

[3] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 235–236.

ФЕВРАЛЯ 11. СРЕДА

Данное ранее В. М. *Танскому* во владение местечко Мурафа[1] отбирается в казну. Принадлежащие ему за границей земли велено продать.

Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1996. Т. 5. Вып. 1. С. 1.

[1] См. ***1722. В течение года.***

МАЯ 19–21. СРЕДА-ПЯТНИЦА. ПЕРЕКОП

Русская армия под командованием К. Б. Миниха успешно штурмовала крепость Перекопа.

Возможно, к этому времени относится песня, включенная Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[1] (раздел <*XIX*> *Про козака Жадченка*). По предположению Максимовича, песня, «может быть, относится к 1736 г.»[2]

В 1846 г.[3] в список «примеров» «Учебной книги словесности для русского юношества» Гоголь включил стихотворение П. А. Плетнева «Миних»[4].

[1] См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>***.

[2] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 114.

[3] См. ***1845 октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846 мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим*** (примечания).

[4] *Плетнев.* Миних. (Элегия) // Сын Отечества. 1821. № 26. С. 272–276; То же // Труды Высочайше утвержденного Вольного Общества Российской Словесности. СПб., 1821. Ч. 14. С. 53–57. – См. также ***1739. В течение года***.

1738

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. С. КОНОНОВКА (?)

В семье иерея Д. И. *Яновского* родился Афанасий Демьянович Гоголь-Яновский (дед Н. В. Гоголя по отцовской линии)[1].

Иерей Д. И. Яновский имел также старшего сына Кирилла *Яновского*, который также стал позднее священником Успенской церкви с. Кононовки Лубенского уезда, дети которого – Меркурий и Савва *Яновские* – также были священниками: в Кононовке и Олиферовке (Миргородского уезда)[2].

С отцом Саввой Кирилловичем Яновским Гоголь позднее переписывался: доставленные отцом Саввой в июле 1829 г. сведения (описание одежды дьячка) он внес в «Книгу всякой всячины, или подручную Энциклопедию»[3].

[1] *Горленко В. П.* Дворянское дело Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 342; *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 241.

[2] См. также ***1695 или 1697. В течение года. Киев, Лубны***; ***1723. В течение года. Лубны, село Кононовка***; ***1731. Июня 21. Понедельник. Киев***.

[3] См. ***1829. Июля 2. Вторник. Васильевка***.

1739

ИЮЛЯ 2. ПОНЕДЕЛЬНИК. АХТЫРКА

Обретение чудотворной иконы Божией Матери Ахтырской.

См. также ***1792. Июля 2 (?). Пятница. Ахтырка***; ***1839. Июля 2 <14>. Воскресенье. Ахтырка***; ***1846 декабря между 25 и 31 <1847 января между 6 и 12>. Васильевка***.

АВГУСТА 19. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ХОТИН

Взятие Хотина русскими войсками.

В гоголевском рукописном сборнике «Сочинения Ломоносова и Державина»[1] этому событию посвящена ломоносовская «Ода блаженныя памяти Государыне Императрице Анне Иоанновне на победу над Турками и Татарами и на взятие Хотина, 1739 года» – *XVII. На взятие Хотина*.

[1] См. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва***.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

«...В 1739 году имели войско <...> Запорожское в трех разделенных командах при Российских армиях; первая партия, под командою Российского

бывшего Генерала Фельдмаршала фон Миниха, и ходили даже до Молдавии».

<*Мышецкий С. И., князь*> История о козаках запорожских, как оные из древних лет зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. М., 1847. № 6 («По определению Общества. 1847 года, генваря 25-го дня»). <Пагинация 4>. С. 15; см. также: *Мышецкий С. И., князь.* История о казаках запорожских, как оные издревле зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся, сочиненная от инженерной команды. Одесса, 1851 (цензурное разрешение 8 дек.). С. 32.

1741

ИЮЛЯ 9. ЧЕТВЕРГ

Стефан Юркевич дает обязательство своему «владельцу» С. С. *Лизогубу* не пить водку.

«"Я ниже именованный даю сию мою росписку в такой силе, его вельможносци владельцу моему Г-ну Симеону Симеоновичу П<а>ну *Лизогубу*, что намерен быть завсегда трезвену, облекуюсь (обязываюсь) не пити горилки до смерти живота своего под клятвенным пред Богом обещанием и пред господином своим владельцем; А когда же, я Стефан Юркевич, не утерплю, да посягну впред от вышепрописанного года и месяца и числа пьянствовать, то покладаю на себе штраф и наказание, как господин мой похощет надо мною сотворить, что ради лучшего вероятия и дальшой памяти своеручно святым крестом подписался †".

Кажется, что этими характерными штрихами совершенно определился нравственный склад Семена *Лизогуба*, с его бесконечною добротою, христианским братолюбием и терпимостью. Не приводя здесь его писем, заметим, что они проникнуты религиозно-мистическим настроением и, если отбросить некоторые архаические выражения, могут напомнить нам письма Н. В. Гоголя, в последний период его жизни: та же проповедь любви к ближнему, та же покорность воле Божией и ожидание наказания за грехи...

Важно будет здесь отметить, что это религиозное настроение, перешедшее от отца к дочери, Татьяне Семеновне, жившей в глубокой старости в доме Гоголей, там, в семье нашего поэта, получило свое дальнейшее развитие. Таким образом, религиозность, впадающая иногда в мистицизм, есть одна из фамильных черт Гоголей и ведет свое начало из рода *Лизогубов*».

Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 240.

ДЕКАБРЯ 14. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вступившая на престол (25 ноября 1741 г.) Императрица Елизавета Петровна[1] издает указ о прощении вины В. М. *Танского* и возвращении его из Сибири[2].

[1] В гоголевском рукописном сборнике «Сочинения Ломоносова и Державина» (см. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва***), в частности, имеются две выписки из оды М. В. Ломоносова «Оды на прибытие Ея Величества Великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации» – *VIII. Российский флот; XVI. На что страны вечерни тмятся.*

[2] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 237.

1742

ЯНВАРЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК. ТОБОЛЬСК.

Высочайший указ о прощении В. М. *Танского*[1] получен в Тобольске.

«Вероятно, еще находясь в Сибири, В. *Танский* получал сведения о том, что за его дочку <Анну> сватается <С. С.> *Лизогуб*, что видно из коротеньких писем, адресованных на имя дочери. В одном из них отец советует дочери хорошенько обдумать свой шаг и идти замуж по влечению сердца, а не по принуждению. <...> "Ганcуся доню! По *Лизогубенку*, если ровня тобе и чи есть по желанью твоему, добре рассуди и усмотри умом, может ли тоби на целый век и честно и небедно. И о сем до мене напиши щире не соромся. А слышал я, що тебе силою сватали. Татко твой В. *Т<анский>*". В другом письме отец высказывает свое неудовольствие по поводу того, что мать поспешила дать свое согласие, не дождавшись приезда отца... <...> "Що не отписуеш мене, що писал до тебе про Лизогуба, если понoравився тоби. Матерь твоя безчестие учинила, що передом, без отца дарует"».

Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 237.

[1] См. ***1841. Декабря 14. Санкт-Петербург.***

ИЮЛЬ

В. М. *Танский* возвратился из ссылки на родину. По его приезде состоялась свадьба его дочери Анны (род. около 1714) и С. С. *Лизогуба.*

«Молодой козак, хорошего козацкого роду-племени, хотя и не особенно богатый, полюбил юную Ганнусю всею душою, всем своим чистым сердцем... А в характере Ганнуси было многое, что напоминало и мать и отца: и гордость, и своеволие, и презрительное отношение к низшим. Всего этого не замечал молодой козак Семен Семенович *Лизогуб.* Он ждал с нетерпением того часа, когда назовет Ганнусю своею женою; остановка была за согласием отца, который прямо из Сибири должен был по делам отправиться в Петербург. <...> ...В июле 1742 года Семен *Лизогуб* и Ганнуся *Танская* уже были повенчаны. Это произошло сейчас же по возвращении В. *Танского* из ссылки. <...> Этот брак, происшедший без его согласия, был *Танскому* не особенно приятен; тем не менее последний старался улаживать недоразумения, происходившие в новой семье из-за несходства характеров. <...> ...В характере Ганнуси *Танской* были некоторые несимпатичные черты; Семен же *Лизогуб* был человек нрава кроткого, тихого, умный, образованный и в высшей степени религиозный. Знание Священного Писания, которое заметно во всех его письмах, наполненных текстами из св. книг и проникнутых духом христианской терпимости и доброты, заставляет предполагать, что он получил, быть может, даже высшее духовное образование.

Все эти положительные качества способствовали тому, что первое время их семейная жизнь шла мирно, без особенных неприятностей; мало-помалу и старый *Танский* стал присматриваться к зятю и ценить его добрые качества, а главное, его деловитость... Это стало заметно после целого ряда поручений по старым земельным делам, которые С. *Лизогуб* исполнял тщательно и добросовестно».

Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 237.

НОЯБРЯ 15. ЧЕТВЕРГ. С. ГУРОВКА

Семен *Лизогуб* направляет жалобу, на трех листах, к «його милости пану Ивану Городницькому, сотнику Пирятинскому» по поводу «разбойного нападения».

Свод. Т. 3. С. 365.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Грамота на владение В. М. *Танским* местечком Мурафа[1] подтверждена Императрицей Елизаветой Петровной.

Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 233.

[1] См. ***1722. В течение года.***

1746

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ГЛУХОВ

В. М. *Танский*, «слыша о том, что его любезная дочь, вместе со своею матерью, стали жить неладно с мужем и зятем, <...> пишет своей Ганнусе:

"Надежа была совсем, что дома твоим смотрением все хорошо будет, а мне на милость Божию надеясь быть не оставленным из детьми яко прежде, так и теперь... Живите любо, що есть, то все Божье да ваше, и печали дабы мне впредь не было, чего нас Господь избавь. Целует отец матерь чада. Твой вечно В. *Т<анский>*". <...>

Но иногда семейные недоразумения доходили до того, что отец должен был советовать дочери оставить мужа и приехать к нему вместе с матерью, что бывало несколько раз».

Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 238.

1749

ОКТЯБРЯ 26. ЧЕТВЕРГ. ГЛУХОВ

Родился Дмитрий Прокофьевич *Трощинский*[1].

«Фамилия Трощинских принадлежит малороссийкому дворянству; предки их, еще в XVI столетии, перешли в Запорожскую Сечь, а затем состояли в гетманском казачестве. Первый из них, коего имя сохранилось в семейной хронике, был Матвей Трощинский, который в царствование Петра Великого атаманствовал на Запорожье и погиб, благодаря своему близкому родству с Мазепой; заподозренный в сообщничестве с изменившм царю гетманом, он был схвачен и умер в заключении, а имение его конфисковано.

Вдова его, с малолетним сыном Иваном, переселилась в Полтавскую губернию, где Иван Матвеевич, дослужившись впоследствии до чина полкового писаря, приобрел себе хутор, составлявший часть местечка Ярески, Миргородского повета.

Один из сыновей его, Иван, постригся в монахи, под именем Амфилохий, и был впоследствии архимандритом в Киеве, а затем епископом Переяславским[2]; другой же сын, Прокофий, состоя в звании войскового товарища, женился и устроил в приобретенном отцом его имении полную господскую усадьбу. Эта-то усадьба и была местом рождения его четырех сыновей, из которых одному суждено было потом играть столь видную роль в государственной деятельности и прославить неизвестную дотоле фамилию Трощинских.

По примеру предков своих, Прокофий Иванович отправил старшего сына своего Андрея[3] на Запорожье, где последний и состоял некоторое время сотником. Туда же предназначались и остальные сыновья: Ефим[4], Демьян и Дмитрий; но судьба решила иначе. Сечь Запорожская, в эту эпоху, уже доживала свои последние дни; Андрей вернулся на родину. Он и братья его Ефим и Демьян переженились на соседних помещицах, обзавелись собственным хозяйством и удовольствовались скромною, неизвестною долею.

Иною дорогою пошел младший сын, Дмитрий Прокофьевич, родившийся в 1795 <в 1749> году. Рано уже стали в нем обнаруживаться выдающиеся способности и влечение к наукам, соединенные с характером возвышенным и благородным. Эти качества обратили на него особое внимание родного дяди его, архимандрита Амфилохия; благодаря настояниям последнего, юный Дмитрий помещен был в Киевскую Духовную академию, бывшую в то время рассадником образования южной России»[5].

Впоследствии Д. П. Трощинский послужил Гоголю одним из прототипов героев «Миргорода», а именно Тараса Бульбы[6]. Возможно, какими-то чертами Трощинского Гоголь воспользовался также при создании образа Собакевича в «Мертвых душах». В частности, строки одного из писем Трощинского к Л. И. Голенищеву-Кутузову весьма напоминают реплики этого гоголевского героя[7]. Важно при этом иметь в виду время, к которому приурочено действие заключительной повести «Миргорода» — «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» — ссора героев происходит в 1812 г. Эта подсказка, указывающая на исторический фон повести (упоминание о Бонапарте имеется также в первой повести цикла, «Старосветских помещиках»), связана с размышлениями Гоголя над измельчанием и «опошлением» героического начала в обыденной жизни. И в Иване Никифоровиче Довгочхуне в Повести о ссоре, — так же, как в Собакевиче в «Мертвых душах», — скрывается, по Гоголю, Тарас Бульба, который должен впоследствии «воскреснуть» в его читателях. (Особое значение имеет здесь то, что большинство помещиков на Украине, в том числе семья самого Гоголя, происходила из казацкой старшины.) Образ героя Отечественной войны 1812 г. генерала Бетрищева во втором томе поэмы — есть некий шаг к пробуждению «мертвых душ» и одновременно напоминание о Тарасе Бульбе[8].

[1] *Попов 1868*. С. 3.

[2] Архимандрит Киевского Пустынно-Николаевского монастыря Амфилохий (Леонтович, ум. в 1799), с 1795 г. епископ Переяславский и Бориспольский («пребывание имеет в Переяславском Вознесенском монастыре»; Роспись чиновных особ в государстве. При начале сего 1796 года // Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796. СПб., <1796>. С. 40). См. также: «*Архимандриты и Игумены*: В Малороссийских монастырях: <...> Киевской епархии: <...> Полтавского Крестовоздвиженского, Игумен Амфилогий» (Роспись чиновных особ в государстве при начале сего 1773 года // Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1773. СПб., <1773>. С. 62; То же // Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1775. СПб., <1775>. С. 57); «В ДУХОВНЫХ КОНСИСТОРИЯХ Присутствующие: <...> В Киевской Дикастерии: Киевопустынноениколаевского монастыря Архимандрит Амфилохий» (Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1790. СПб., <1790>. С. 32).

[3] «Брат Дмитрия Прокофьевича, Андрей, женат был на помещице Анне Матвеевне Косяровской <ум. в 1833> (родной тетке Марии Ивановны Гоголь-Яновской, матери нашего гениального писателя). Единственный сын их Андрей Андреевич служил в военной службе, участвовал с сформированным им милиционным батальоном (впоследствии переформированным в л<ейб>-гв<ардии> Финляндский полк) в войне 1807 г. и, в чине генерал-майора, вышел в отставку, в 1811 году. Он был женат на Ольге Дмитриевне Кудрявцевой (мать коей считалась дочерью последнего польского короля Станислава Понятовского и оставила по себе любопытные записки, имеющие быть помещенными в "Русской Старине" <см. 1821. Февраль-май. Москва — примечания>). Детей у них было трое: Анна, София и сын Дмитрий (живущий поныне)» (*Ореус*. С. 642–643).

[4] «Ефим Прокофьевич имел одного сына, Ивана Ефимовича, который (уже в чине генерал-лейтенанта) устраивал Новомиргородские военные поселения, и дочь Прасковью, вышедшую замуж за полковника Карла фон-Шлихтинга» (*Ореус*. С. 643).

[5] *Ореус*. С. 641–643.

[6] *Виноградов И. А.* Неизвестный «Миргород» // *Гоголь Н. В.* Миргород. Повести. С приложением. М., 1996. С. 11; Виноградов 2000. С. 111, 122, 334; *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009*. С. 621–623. — См. также ***1850. Ноябрь. Одесса***.

[7] См. ***1821. Июня 29. Среда. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. Ярески***.

[8] См.: *Виноградов И. А.* 1812 год и «Тарас Бульба»: прошедшее и настоящее в замысле Н. В. Гоголя // 1812 год и мировая литература. М., 2013. С. 108–109.

ДЕКАБРЯ 15. ПЯТНИЦА

Согласно «экстракту», составленному в 1751 г. Генеральной Войсковой канцелярией гетмана графа К. Г. Разумовского, «права и вольности» малороссиян подтверждены императрицей Елизаветой Петровной:

«...В грамоте <...> Государыни Елисаветы Петровны <...> на избрание Гетмана 1749 года Декабря 15 дня написано: <...> ...Наше Императорское Величество в рассуждении малороссийских верноподданных обывателей <...> тягостных налогов, которые они <...> во время минувшей со Оттоманскою Портою войны претерпевать принуждены были <...> имея матернее попечение <...> дабы от имевшихся <...> налогов <они были> облегчены и освобождены <...>, Высочайше соизволили <...> повелеть избрать вольными голосами Гетмана, в силе учреждения Гетмана

Скоропадского, и тому новобранному Гетману и всей малороссийской нации утвердить все прежние права, вольности и привилегии...»[1]

Фрагмент «экстракта», под названием «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян», был опубликован в 1830 г. в июньском номере «Отечественных Записок» — в то время, когда в журнале активное участие принимал Гоголь[2].

[1] О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. Июнь. № 122 (цензурное разрешение 3 июня). С. 336–338 (напечатано с подстрочным примечанием: «Извлечено из экстракта, сочиненного в 1751 году Войсковою Канцеляриею»; С. 324).

[2] Подробнее см.: ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«...По решению Сената, Озеряне отошли <от В. М. Танского> Захарию Забеле; а *Танскому*, взамен, даны были в м<естечке> Яготине — 62 двора, в с<еле> Келеберде[1] — 2 дв<ора> и в м<естечке> Бубнове — 4 дв<ора>...»[2]

«После того как Озеряне перешли во владение г. Забелы, дела *Танских*, и без того пошатнувшиеся, стали теперь совсем плохи... <...> Здесь-то на помощь выступил С. *Лизогуб*; он писал влиятельным лицам, с которыми был в хороших отношениях, что старику <В. М. *Танскому*>, некогда служившему верою и правдою Русской земле, теперь негде преклонить своей седой головы, и просил похлопотать о награждении его, взамен отнятых угодий и земель, каким-нибудь новым поместьем. Его просьба была уважена, и Танскому пожаловали «другую, равномерную посполитными дворами и хатами и дворовыми пляцами и всякими угодии маетность безобидно Переяславского полку местечко Яготин, в деревни Решотках пустых пляцов, да село Калаберду со всеми принадлежащими к тем дворам угодии». Это было большое утешение для всей семьи, и всем этим она была обязана Семену *Лизогубу*»[3].

[1] См. ***1777. Один из дней года. Хутор Купчинский.***

[2] *Лазаревский А. М.* Очерки малороссийских фамилий // *Свод.* Т. 1. С. 339.

[3] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 238.

1751

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

Генеральная Войсковая канцелярия гетмана графа К. Г. Разумовского составляет «экстракт», фрагмент из которого, под названием «О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян», был опубликован восемьдесят лет спустя в июньском номере «Отечественных Записок» за 1830 г. (Ч. 42. Июнь. № 122. С. 324–356) — в то время, когда в журнале активное участие принимал Гоголь[1]. Кроме отрывков из грамот, свидетельствующих о подтверждении русскими царями «прав и вольностей» малороссиян, в «экстракте» приводились примеры наград и почестей, воздаваемых малороссийским гетманам со стороны русских царей[2].

[1] Подробнее см.: ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[2] См.: О прежних правах, вольностях и преимуществах Малороссиян // Отечественные Записки. 1830. Ч. 42. Июнь. № 122. С. 345–356.

ФЕВРАЛЯ 24. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Издан сенатский указ о запрете спекуляции хлебом и другими съестными припасами:

«...Перекупщикам всякого хлеба, рогатой скотины, живности, рыбы, капусты и прочих всяких съестных мелочных товаров, також сена, дров и всяких лесных припасов <...> у самих продавцов отнюдь не перекупать, <...> и согласия, как перекупщикам с продавцами, так и продавцам с перекупщиками заранее к повышению цен не иметь; а тем продавцам и промышленникам самим привозить на рынки...»[1]

Указ дословно повторял вышедший в царствование Петра I сенатский указ от 14 января 1725 г. «О продаже съестных припасов во всех городах по умеренным ценам и о воспрещении перекупа пригоняемого в С. Петербург скота и привозимых окрестными жителями припасов и продуктов»[2].

Оба указа могли быть прочитаны Гоголем в 1830 г. в изданных в том же году томах первого «Полного собрания законов Российской Империи» – после чего несколько упоминаний о «перекупках» появилось в гоголевских повестях первой части «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1831), «Сорочинской ярмарке» и «Пропавшей грамоте»[3].

[1] 1754. Февраля 24. Сенатский. – *О нечинении помешательства и препятствия крестьянам в продаже привозного ими в города хлеба и прочих съестных припасов* // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 14. С. 33.

[2] 1725. Генваря 14. Сенатский. – *О продаже съестных припасов во всех городах по умеренным ценам и о воспрещении перекупа пригоняемого в С. Петербург скота и привозимых окрестными жителями припасов и продуктов* // Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 14. С. 402–404.

[3] О «морально-экономическом» подтексте в ранних и зрелых произведениях Гоголя см.: *Виноградов 2000*. С. 17, 51–59, 112–121, 139–144, 207–274. – См. также ***1833. Февраля 1. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания).

СЕНТЯБРЯ 20. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Рождение великого князя Павла Петровича, будущего (с 1796 г.) Императора Павла I.

В гоголевском рукописном сборнике «Сочинения Ломоносова и Державина» этому событию посвящен отрывок из оды М. В. Ломоносова «На рождение Его Императорского Высочества Государя Великого Князя Павла Петровича, Сентября 20 дня, 1754 года» – *III. На рождение Павла I.* В проспекте «Учебной книги словесности для русского юношества» Гоголь дал оде следующее название: «Ода Ломоносова: На восстановление дома Романовых в лице родившегося Имп<ератора> Павла I», – и сделал к ней примечание: «Выноска к оде Ломоносова на рождение Императора Павла. Рождение императора Павла было радостнейшим происшеств<ием>, какое когда-либо запомнит Россия, по сказанию всех современников. Все единомысленно видели в нем восстановление дому Романовых, который, кажется, ежеминутно готовился угаснуть на неимением наследников мужского пола. Все услышали, что родился тот, который потом упрочил надолго и дом царский, подарив России мужественное и сильное царское поколение. Вот причина, почему вся эта ода у Ломоносова исполнена такого восторга и силы, и он пророчит младенцу все, что только можно пожелать совершеннейшему государю».

[1] См. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва***.

[2] См. ***1845 октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846 мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим***.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

В. М. *Танский* предположительно продал часть своих имений племяннику «молдавской нации» Иосифу Антоновичу Танскому, капитану в отставке (род. около 1706)[1].

«...Одно обстоятельство в значительной степени огорчило <...> последние годы <В. М. *Танского*>, это именно неприятный процесс со своим племянником, сыном Антония Танского, Иосифом, который путем подлога хотел овладеть имением своего дяди, Мурофою... <...> ...Одно место из письма к Иосифу Танскому <...> рисует нам состояние духа старого полковника. Упрекая племянника в подлоге, он советует ему обратиться к голосу своей собственной совести, если она еще не заглохла совершенно, и сделать так, как она ему подскажет. Испытав на себе силу Божественного правосудия, он напоминает о нем племяннику: "Ибо есть еще и суд Божий, грозящий на хищников чуждаго имения, в чем я с тобою, если не удовольнишь сего справедливого моего требования, пред Ним, нелицемерным Судиею, в день страшного испытания Его, судиться по моей истинной справедливости не постыжусь!" – Это уже последнее, к чему обратился старик, напоминая племяннику о Божьей премудрости, милующей правых и карающей преступников. И заключительные слова также характерны: "как ты не устыдишься и в законном наследии их (т. е. дочь его и зятя) не успокоишь, чтоб по зависти чуждого и собственного своего всего именья не лишился, буди опасен в чуждом имении: судия справедливый Бог за неправду. Аз твоего еще ища в останни исправления остаюсь твой дядько Василь *Танский*..." Так говорил человек, который в свое время не всегда разбирал, что принадлежит ему по праву и что нет, человек, который пострадал за свою неправду и из всей своей многотрудной жизни вынес одно: все суета, и над всеми нами царит Божественная справедливость...»[2]

[1] *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1996. Т. 5. Вып. 1. С. 1, 3.
[2] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 238.

1756

МАЯ 10. ПЯТНИЦА

Дед Гоголя по отцовской линии А. Д. *Яновский* после окончания «училища» в Киевской Духовной академии поступает на службу.

См. ***1785. Апреля 25; 1788. В течение года. Киев.***

1757

ЯНВАРЯ 8. СРЕДА

Дед Гоголя по отцовской линии А. Д. *Яновский* получает чин полкового канцеляриста в полковой Миргородской канцелярии.

Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 241. – См. также ***1783. Июня 2. Сорочинцы; 1785. Апреля 25.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

Гетман граф К. Т. Разумовский утвердил за Переяславским полковником В. М. *Танским* данные ему решением Сената в 1749 г.[1] имения.

«Василий *Танский*, "полковник над Волохами" <румынами>, по грамоте 1718 г.[2], получил с. Озеряне, в Басанской сотне; в 1749 г., по решению Сената, Озеряне отошли Захарию Забеле; а Танскому, в замен, даны были в м<естечке> Яготине – 62 двора, в с<еле> Келеберде – 2 дв<ора> и в м<естечке> Бубнове – 4 дв<ора>, которые Разумовский и утвердил в 1757 г. за ним, В. *Танским*, в то время Переяславским полковником»[3].

Своим универсалом Разумовский утвердил за В. М. *Танским*, что он владеет имением «в деревне Решотках, Липлявом, Бубнове и Келеберде», данном ему взамен «жалованной было[4] Вы-

сочайшею грамотою блаженныя и вечно достойныя памяти Государем Петром Алексеевичем Императором и Самодержцем Всероссийским деревни Озерян»[5].

[1] См. ***1749. В течение года. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1718. Июля 7. Санкт-Петербург.***
[3] *Лазаревский А. М.* Очерки малороссийских фамилий // *Свод.* Т. 1. С. 339. – См. также ***1788. В течение года. Киев.***
[4] См. ***1718. Июля 7. Санкт-Петербург.***
[5] См. ***1784. Октября 19. Киев.***

1758 АПРЕЛЯ 1 – 1759 ДЕКАБРЯ 15

Полковой канцелярист А. Д. *Яновский* по определению Генеральной войсковой канцелярии служит в следственной комиссии по земельным делам миргородского полка.

См. ***1785. Апреля 25.*** – См. также: *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 241.

АПРЕЛЯ 10. ПЯТНИЦА. ЯГОТИН

В. М. *Танский* составляет духовное завещание.

«Семену *Лизогубу* с женою досталось большое местечко Мурафа, с прилегающими угодьями и несколько мелких хуторов, в том числе и Купчин на Голтве (полученный, впрочем, еще раньше, в качестве приданого). Этот хуторок, переименованный впоследствии в Яновщину и Васильевку – родина нашего поэта, Николая Васильевича Гоголя...

Но распределив свое имущество, старый полковник выговаривает себе следующее: «опять же дочерь моя Анна з мужем своим паном Семеном *Лизогубом* и наследники их, пока еще в живых нахожусь, повинни мене по рангу моему полковничому во всем снабдевать, а ни в чем воли моей не нарушать; по смерти же моей тело мое по обычаю христианскому погребти и за душу мою взаконеннии панахиды и сорокоусты одправить и нищим и убогим по милостыне давать повинни»[1].

«Семен Семенович *Лизогуб* <...> за женой получил имения, пожалованные в 1757 г. его тестю Переяславскому полкованику Василию *Танскому* в Решотках, Леплевом, Бубнове и Келеберде»[2].

«Нам мало известна его <С. С. *Лизогуба*> служебная деятельность; знаем только, что он был значным бунчуковым товарищем, но выше не пошел, вероятно, потому, что и не добивался; но его семейная жизнь нам известна хорошо. Женившись на Ганнусе *Танской*, он весь углубился в дела по имениям, которые еще и после смерти Вас<илия> *Танского*[3] оставались в запутанном положении. Целые десятилетия проведены были в судебных проволочках, исках, челобитьях и т. п., а тут еще и семейная жизнь представляла много огорчений. Характер его жены с летами становился все более и более тягостным, при котором супругам жить вместе стало невозможно. Оставив всю семью в Буровке (в своем родовом поместьи), он поселился отдельно, но и там его не оставляла сварливая жена, распространяя о нем самые нелепые слухи и стараясь вооружить против него всю семью, а в особенности единственную дочь – Татьяну (Тетянку). Отвечая на все козни жены благочестивыми письмами, он старался убедить ее в безнравственности и греховности ее поступков по отношению к нему, ссылаясь во всем на слово Божие.

"Жено, убойся Создателя своего!... ты все горше грешишь, что злобствуешь на мене по всяк час и яришся гневом, яке в мыслях, так и в сердце, наруговуешся в словах всегда с бессовестною клеветницею шинкаркою..." Упрекая ее в напрасном злобствовании, он говорит о страшном наказании, ниспосылаемом Богом на памятозлобствующих. Он сам был свидетелем того, как в Чернигове, во время торжественного перенесения образа Богоматери, одну женщину

"в сук скорчило" так, что она "по земле качаючись просила помилования Божьяго, а Архиерей, идучу з церквы, сам еи пытал, что ты думала или яков твой грех, то при всех объявила, что на своего сына гневаючись, просила отомщения, и зараз де мене в сук скорчило!" Приводя такой случай, он думал повлиять на свою жену, распускавшую слухи о том, будто он ее ограбил и завладел всем имуществом, полученным в наследство от отца. Но это была неправда. Семен Лизогуб был настолько честен, что не позволял себе распоряжаться средствами жены. Все же свои деньги, кроме самых необходимых, он употреблял на дела благотворительности. Много писем сохранилось от разных священников, игуменов, в которых высказывается благодарность или просьба. Даже лица совершенно посторонние обращались к нему зачастую с просьбами и никогда не получали отказа. Интересно слезное прошение одного ученика школы риторики о вспомоществовании.

"Высокоусердному и высокопочтенному господину Бунчуковому Товарищу Семену Семеновичу *Лизогубу*. Нижайшее прошение. Обучаясь я, нижайший во училищах, и не имев откуду и малейшего спомоществования во учении моем, убежден был сего 1755 года з училищ взять пашепорт в малороссийские и слободские полки ради испрошения милостыни, в котором времени только вышол из училищ, чрез цело поллетное и есеннее время болезновал и в оскудение пришол до последних рубищ. Ныне ж, следуя во училища окончания ради учения, не ведая, где бы себе мог нужды моей получить отраду, услыхал я, нижайший, что ваше высокородие милостивое отеческое прозрение ко всем бедным являете, упав до стоп, всесмиренно прошу вашего высокородия пожаловать мне нижайшаго з одеяния, именно кожухом, за котороу полученную милость в век жизни моей Бога преблагого молить не престану. Нижайший слуга Иван Смоленский, ученик школы риторики".

Вот интересная страничка из жизни какого-нибудь Хомы Брута или Тиверия Горобця...»[4]

[1] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 238.
[2] *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1996. Т. 5. Вып. 1. С. 3.
[3] См. ***1763. Января 20. Понедельник.***
[4] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 239–240.

1760

МАЯ 1. ПОНЕДЕЛЬНИК

Служащий при Миргородской полковой канцелярии полковой канцелярист А. Д. *Яновский* получил чин войскового канцеляриста.

См. ***1785. Апреля 25. Пятница.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. СЕЛО БУРОВКА

В. М. *Танский* живет при своем зяте С. С. *Лизогубе.*

Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1996. Т. 5. Вып. 1. С. 1.

1761–63

1761 ИЮНЯ 16 – 1763 ФЕВРАЛЯ 24

Войсковой канцелярист А. Д. *Яновский* по «ордеру» Генеральной войсковой канцелярии служит «в полковой миргородской щетной Комисии по казенной сумме в разборе и рассмотрении дел и в доказательстве недоимок».

См. ***1785. Апреля 25. Пятница.***

1761 ДЕКАБРЯ 25. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Восшествие на престол Императора Петра III.

В гоголевском рукописном сборнике «Сочинения Ломоносова и Державина»[1] этому событию посвящен отрывок из «Оды Всепресветлейшему Державнейшему Великому Государю Императору Петру Феодоровичу, Самодержцу Всероссийскому, Пресветлейшему Владетельному Герцогу Голстинскому, Высокому Наследнику Норвежскому и протчая, и протчая, и протчая, Всемилостивейшему Государю, которую Его Императорскому Величеству на всерадостное восшествие на Всероссийский Наследный Императорский Престол и купно на новый 1762 год в изъявление истинныя радости, усердия и благоговения всенижайше приносит всеподданнейший раб Михайло Ломоносов» — *IX. Уже ко предстоящим слезным...*

[1] См. ***1841 октября 17 — 1842 мая 23. Москва.***

1762 В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

Дед Гоголя по отцовской линии А. Д. Гоголь-Яновский определен «в полковую миргородскую щетную Коммисию присутствующим».

См. ***1783. Июня 2. Сорочинцы.***

1763 ЯНВАРЯ 20. ПОНЕДЕЛЬНИК

Кончина В. М. *Танского.*

В 1902 г. В. А. Чаговец писал: «Предполагая, что в Шведскую войну он был уже взрослым воином, не менее лет 25, мы можем заключить, что он дожил до глубокой старости и скончался лет около 85 от роду. <...> Это, равно как и некоторые другие сведения о В. Танском, отчасти не согласные с теми, которые известны нам до настоящего времени, основаны на точных документальных данных, которые будут своевременно опубликованы»[1]. Упомянутые документы опубликованы не были. Ср.: «Налицо также приращение гоголевского фонда и гоголианы: от старого литератора В. А. Чаговца получена в дар коллекция гоголевских документов, в состав которой входят два письма Гоголя к матери (1830 и 1851 гг.), автографы отца и матери Гоголя, письмо к матери Гоголя Кулиша, "доношение в войсковой суд" А. С. Лизогуб и другие материалы, имеющие значение для изучения истории рода Гоголя»[2].

[1] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 239.
[2] *Маяковский И.* Новые поступления в Архивы СССР. Институт русской литературы Академии наук // Лит. наследство. Т. 22–24. М., 1935. С. 767.

1764 ОДИН ИЗ ДНЕЙ ГОДА

В семье Матвея Васильевича *Косяровского* и *Косяровской* (рожд. Щербаковой) родился сын Иван (будущий дед Н. В. Гоголя по материнской линии)[1].

М. И. Гоголь-Яновская вспоминала: «Мне говорили, что мой дед[2] уважаем был всеми не по одному только уму, но и по добрым качествам души его и благородству его поступков. Он имел двух сыновей[3] и двух дочерей[4]; чин имел коллежского ассессора; наследственное имение имел 60 душ, на реке Голтве, в 7 верстах от нашей Васильевки. И мне виден его ум, потому что он доставил своим детям порядочное воспитание тогда, как луч просвещения не касался еще нашей Малороссии»[5].

[1] См. ***1834. Ноября первая половина. Хутор Косяровщина***; ***1836. Март — начало мая. Хутор Косяровщина.***
[2] М. В. Косяровский (род. в 1727).
[3] Иван и Петр Матвеевичи *Косяровские.* По преданию, в 1813 г. П. М. Косяровский был городничим в Орше (данными росписей чиновых особ Российской Империи не подтверждается); по какому-то судебному делу был

отправлен в ссылку (см. ***1833. Один из дней года. Косяровщина***). П. М. Косяровский имел сыновей Петра, Павла, Ивана (с которыми переписывались мать Гоголя и сам Гоголь) и дочь Варвару (в замужестве Березина).

[4] Известны три дочери М. В. *Косяровского*, тетки М. И. Гоголь-Яновской (рожденной Косяровской): Агафья Матвеевна Лукашевич (рожденная Косяровская) («имела дочь замужем за немцем Шлихтиным»); Домна Матвеевна *Косяровская* и Анна Матвеевна *Трощинская* (рожденная Косяровская) (ум. в 1833), жена Андрея Прокофьевича *Трощинского*.

[5] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод*. Т. 1. С. 52.

1765 ИЮНЯ 12. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ГЛУХОВ

Войсковой канцелярист А. Д. *Яновский* находится в Глухове «в помощь сочинения плана расположения о квартальном зборе денег».

См. ***1785. Апреля 25. Пятница.***

1766 В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

Д. П. *Трощинский* начинает свое служебное поприще канцеляристом в Малороссийской Коллегии.

Попов 1868. С. 3.

ОДИН ИЗ ДНЕЙ ГОДА

В семье Ильи *Шостака* родилась дочь Мария (будущая бабушка Н. В. Гоголя по материнской линии М. И. *Косяровская*).

См. ***1836. Март – начало мая. Хутор Косяровщина.***

1767 В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ГЛУХОВ

Президент Малороссийской коллегии граф П. А. Румянцев, генеральный обозный Семен Кочубей, бригадир князь Платон Мещерский, генеральный писарь Василий Туманский, полковник Осип Хвостов, генеральный есаул Иван Жоранка и генеральный хорунжий Данило Апостол[1] подписывают «Наставление выборному от Малороссийской коллегии в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения, г. коллежскому советнику и члену той коллегии Наталину»: об устройстве Малороссией, ее управлении и, в том числе, о дворянском достоинстве казаков и о том, что, «к сожалению, оказывается, что в Малой России <...> люди простонародные переменяют свои названия и присвоивают часто себя <...> к знатным и благородным фамилиям»[2].

В главе «О простом народе» того же «Наставления...» сообщалось:

> «Простой народ мнимым в свободе своевольством доведен до крайнего нерадения от своей собственной лености и распутства, ибо многие, оставляя свои пахотные и другие земли, бродят из места на другое, и чтобы удобнее провождать жизнь праздную и распутную, остаются навсегда без грунта, под именем подсуседков, работая лениво за корм и напой вина»[3].

В 1830 г. «Наставление...» Д. Наталину было опубликовано (без указания лиц, подписавших документ, а также с другими пропусками и редакторскими исправлениями) в «Отечественных Записках» П. П. Свиньина[4] (в этот период активное участие в журнале принимал Гоголь)[5].

[1] Данило Петрович Апостол (1727 – после 1767).

[2] Наставление Выборному от Малороссийской Коллегии в Комиссию о сочинении проекта нового уложения Г. Коллежскому Советнику и Члену той Коллегии Наталину // Отечественные Записки. 1830. Т. 42. Апрель. № 120 (цензурное разрешение 4 апр.). С. 51.

[3] Там же. № 120. С. 64. В следующем, 1768 г. с «Возражениями» на «Наставление» выступил в Комиссии депутат от Лубенского шляхетства Г. А. Полетика (См.: Возражение депутата Григория Политики на Наставление Малороссийской Коллегии господину ж депутату Димитрию Наталину. Сообщ. Гр. А. Милорадович // Чтения в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. 1858. Кн. 3. Отд. 5. С. 71–102).

[4] Отечественные Записки. 1830. Т. 41. Март. № 119. С. 347–376; Т. 42. Апрель. № 120. С. 44–74. Новое издание «Наставления...» было подготовлено позднее О. М. Бодянским (см.: Чтения в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. 1858. Кн. 3. Отд. 5. С. 51–70).

[5] Подробнее см.: ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

1768

ИЮНЬ-ИЮЛЬ. БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ

Отряды полковника Никиты Швачки осаждают Белую Церковь.

Этим событиям посвящена песня, помещенная Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум[1] (раздел *<XVII> Про козака Швачку*). М. А. Максимович, комментируя другой вариант этой песни (без упоминания имени героя и Белой Церкви), сообщал: «Песня сия сложена, вероятно, около 1687 г.»[2] П. А. Лукашевич сопроводил песню замечанием: «...О “рыцаре” этой думы <...> мы ничего не знаем»[3].

Никита (Микита) Швачка – один из местных руководителей крестьянского восстания на Украине 1768–1769 гг., получившего название гайдаматчины, или колиивщины. В июле 1768 г. повстанцы Швачки были разгромлены, а сам он схвачен и сослан в Сибирь.

[1] См. ***1839 октября средина <сентября конец> – 1840 августа средина <августа начало>***.

[2] Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 108.

[3] Малороссийские и червоно-русские думы и песни, изданные П. Лукашевичем. СПб., 1836. С. 48.

СЕНТЯБРЯ 25. ЧЕТВЕРГ

Турция объявляет войну России.

См. ***1775. Марта 17. Вторник.***

1769

АПРЕЛЯ 9. ЧЕТВЕРГ

Д. П. *Трощинский* назначен малороссийским полковым писарем.

Попов 1868. С. 3. – По другим сведениям, «патент на первый чин (полкового писаря) дан был ему <Д. П. Трощинскому> из Малороссийской коллегии 21-го июня 1773 года...» (*Ореус*. С. 643).

МАЯ 3 – ИЮНЬ. МИРГОРОД, КРЫМ

В период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. дед Гоголя по отцовской линии войсковой канцелярист А. Д. *Яновский*, под командованием миргородского полковника Ф. Г. Заньковского, принимает участие, в составе войск князя В. В. Голицына, во втором Крымском походе (окончившемся неудачей).

См. *1785. Апреля 25. Пятница.*

1771

ВЕСНА – ИЮНЯ 4.
КРЫМ

Дед Гоголя по отцовской линии войсковой канцелярист А. Д. *Яновский* участвует в новом Крымском походе.

См. *1783. Июня 2. Сорочинцы*; *1785. Апреля 25. Пятница.*

1772–73

1772 АПРЕЛЯ 10 – 1773 СЕНТЯБРЯ 30.
КРЫМ

Дед Гоголя по отцовской линии войсковой канцелярист А. Д. *Яновский* «командирован в Крим для отводу выстатчастших с полку миргородского во вторую армию погонщиков».

См. *1785. Апреля 25. Пятница.*

1773

ВЕСНА.
ЯССЫ

Д. П. *Трощинский* поступил на службу для занятия письменными делами в штаб корпуса, занимающего Молдавское Княжество[1].

«...По назначению главнокомандующего генерал-фельдмаршала гр<афа> Румянцева состоял при *земских делах* княжества Молдавского по 1 ноября 1774 г. В это время он был пожалован во *флигель-адъютанты капитанского чина* и определен секретарем в штаб генерал-аншефа князя Николая Васильевича Репнина и 10 лет находился при нем неотлучно»[2].

«Должно полагать, что уже с этого времени он обратил на себя внимание находившегося тогда в Молдавии генерал-аншефа князя Николая Васильевича Репнина, который, будучи назначен (в 1775 г.) чрезвычайным и полномочным послом в Константинополь, взял Дмитрия Прокофьевича к себе в секретари[3]. С этих пор и до начала 2-й турецкой войны Д. П. *Трощинский* уже не разлучался с кн<язем> Репниным, управлявшим по возвращении в Россию, различными губерниями и наместничествами»[4].

[1] Письмо Д. П. Трощинского к матери от 8 мая 1773 г. из Ясс (*Ореус*. С. 643).
[2] *Попов 1868*. С. 3.
[3] См. ***1775. В течение 1775–1776. Константинополь.***
[4] *Ореус*. С. 643–644.

МАРТА 29. ПОНЕДЕЛЬНИК.
С. БОРОВИЦЫ

Федор Васильев пишет письмо А. Д. Гоголю-Яновскому.

РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 86. 2 л.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

Д. П. *Трощинский* в чине полкового писаря участвует «в походах первой армии во время первой турецкой войны».

Попов 1868. С. 3.

1774

АПРЕЛЯ 20. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Депутация запорожских старшин, направленных в Петербург для ходатайства перед Екатериной II о правах Запорожской Сечи на земли Новороссии, читают князю Г. А. Потемкину сочиненную одним из членов депутации А. А. Головатым «Виршу... на Светлый Праздник Воскресения».

«Виршу, говоренную Гетьману Потемкину запорожцами на Светлый Праздник Воскресения» Гоголь переписал в свою «Книгу всякой всячины, или подручную Энциклопедию» (1826–1830)[1]. Список этой вирши он послал в декабре 1832 г. М. А. Максимовичу[2]. Князь Г. А. Потемкин упоминается в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством» (1832); здесь же изображена депутация запорожцев к Екатерине II.

[1] См. ***1826. Января конец. Нежин***.
[2] См. ***1832. Декабря 12. Понедельник. Санкт-Петербург***.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ЯРЕСКИ

В семье сотника Андрея Прокофьевича *Трощинского*[1] и Анны Матвеевны *Трощинской* (рожд. *Косяровской*)[2] рождается сын Андрей.

Ореус. С. 673.

[1] Позднее, в 1852 г., мать Гоголя сообщала о своей тетке Анне М. *Трощинской*, что та была замужем за родным братом Д. П. *Трощинского*, «сотником» в Induces Ресках, которого Мария Ивановна не знала, так как он «давно уже умер, оставя сына Андрея Андреевича» (Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод*. Т. 1. С. 27).
[2] Во втором браке (с 1780 г.) была замужем за Иосифом Андреевичем Долговым (Долгим, 1706–1788).

1773–74

В ТЕЧЕНИЕ УКАЗАННОГО ПЕРИОДА. МИРГОРОД

Прадед Гоголя по матери М. В. *Косяровский* служит писарем в Миргородском земском суде.

«В Малой России. <...> В земских судах: <...> В Миргородском: Судья: Семен Родзянка. Подсудок: Петр Голяховский <Галяховский>. Писарь: Матвей *Косяровский*» (Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1773. СПб., <1773>. С. 193).

См. также: *Рубан В. Г.* Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России. СПб., 1773. С. 74.

1775–76

В ТЕЧЕНИЕ УКАЗАННОГО ПЕРИОДА. КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Д. П. *Трощинский* находится в Константинополе в свите чрезвычайного полномочного министра князя Н. В. Репнина.

Попов 1868. С. 3.

ЯНВАРЯ 10. СУББОТА

Обнародована «Сентенция о наказании смертною казнию изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников. С присоединением объявления прощаемым преступникам».

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 20. С. 1.
См. также ***1833. Мая 8. Санкт-Петербург.***

МАРТА 17. ВТОРНИК

Издан манифест «О заключении мира с Оттоманскою Портою».

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 20. С. 80.

ИЮНЯ 4. ЧЕТВЕРГ. ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ

Ликвидация Запорожской Сечи.

С событиями 4 июня 1775 г., когда генерал Петр Абрамович Текелли (1720–1793), возвращавшийся в Россию после русско-турецкой войны, по приказу Екатерины II занял Запорожскую Сечь, после чего, спустя два месяца, был опубликован манифест Екатерины об уничтожении Сечи и запорожского войска[1], — связаны три песни, помещенные Гоголем в его сборник украинских песен и дум[2] (разделы <*XXVII*> *На послидне поруйнуванье Січи* и <*XXIV*> *Про Гриця*). Под «Грицем» подразумевается, вероятно, князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический, благоволивший к запорожцам. В песнях упоминается также последний кошевой атаман запорожцев П. И. Калнышевский (1691–1803; причислен к лику местночтимых святых Запорожской епархии в 2014 г.), который после ликвидации Сечи был отправлен в Москву, а затем «определен» на «вечное заточение» в Соловецкий монастырь. По мнению Д. Н. Бантыша-Каменского, им была сочинена песня «Чайка» («Ой бида, бида / Чайци небози[3], / Що вывела дитки / Пры бытий дорози!..») — одна из любимых Гоголем[4].

Кроме того, намеки на исторические события, предшествовавшие упразднению Запорожской Сечи (постройка правительственных крепостей, проект замены запорожского войска регулярными «карабинерными» полками и т. д.), а также на участие запорожцев в войнах с турками и крымскими татарами, закончившихся покорением Крыма в 1774 г., содержатся в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством» (1832).

После ликвидации Запорожской Сечи часть запорожцев, недовольная переводом их на положение крестьян, выселилась из России и в турецких владениях, на Дунае, образовала так называемую Задунайскую Сечь. Вынужденное в 1820–1822 гг. принять участие на стороне Турции в подавлении религиозного и национально-освободительного движения греков, запорожско-задунайское казачество возвратилось в 1828 г. в подданство России, получило прощение Императора Николая I и было переименовано в Азовское войско.

С переселением части запорожских казаков на Дунай, в турецкие владения, в свою очередь, связаны две песни, помещенные Гоголем в его рукописный сборник украинских песен и дум (раздел <*XXVI*> *Писня, яку співали тіи запорозци, що видойшлы до турка*).

[1] См. ***1775. Августа 3. Понедельник.***

[2] См. ***1839 октября средина <сентября конец> — 1840 августа средина <августа начало>.***

[3] «Чайке бедняжке» (Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 108).

[4] См. ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва*** (примечания); ***1852. Февраля 25. Понедельник. Абрамцево.*** — См. также ***1806. Июль-август. Кибинцы Миргородского уезда.*** — М. А. Максимович, комментируя песню «Чайка», отмечал: «В летописи Кониского песня сия приписывается Мазепе; по мнению Бантыш-Каменского она сочинена Кальнашем, последним запорожским кошевым атаманом» (Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. С. 108).

АВГУСТА 3. ПОНЕДЕЛЬНИК

Обнародован манифест Императрицы Екатерины II «Об уничтожении Запорожской сечи и о причислении оной к Новороссийской Губернии»:

«...Всем же старшинам, кои служили порядочно и имеют одобрения от Наших военных начальников, объявить <...> что они соразмерно службе и званию их получат степень».

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 20. С. 190–193.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МИРГОРОД

Прадед Гоголя по материнской линии М. В. *Косяровский* служит писарем в Миргородском земском суде.

«В Малой России. <...> В судах земских поветов. <...> В Миргородском: Судья: Семен Родзянка. Подсудок: Петр Заляховский <Галяховский>. Писарь: Матвей *Косяровский*».

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1775. СПб., <1775>. С. 223.

1776

ЯНВАРЬ-МАЙ. ИМЕНИЕ А. Д. ЯНОВСКОГО В ХОРОЛЬСКОМ УЕЗДЕ

Брак А. Д. *Яновского* с дочерью С. С. *Лизогуба* Татьяной[1].

История женитьбы деда Гоголя по отцовской линии А. Д. *Гоголя-Яновского* и Т. С. *Лизогуб* нашла отражение в повести «Старосветские помещики» (1834).

«Сохранились воспоминания, указывающие на то, что Афанасий Гоголь получил в академии настолько основательное для своего времени образование, что считался знатоком языков, особенно латинского и немецкого, которые преподавал детям своих деревенских соседей. О самой женитьбе его рассказывают анекдот, что он похитил из родительского дома любимую свою ученицу, Татьяну Семеновну Лизогуб, дочь бунчукового товарища Семена Лизогуба, по матери из фамилии Танских. Он предварительно объяснился ей в любви, скрыв записку в скорлупе грецкого ореха, и, удостоверившись во взаимности, обвенчался с нею без ведома родителей. Отмечаем этот факт, как единственный известный случай из жизни деда нашего бессмертного писателя, изображенный последним в "Старосветских помещиках"[2]. <...> ...Гоголь воспользовался слухами об увозе тайком его дедом будущей своей жены в рассказе об Афанасии Ивановиче и его молодости»[3].

«Заботясь о благе ближнего, Семен Семенович *Лизогуб* не мог пренебрегать своими обязанностями как отец. Ему бесконечно тяжело было то обстоятельство, что дочь его Татьяна находилась под гнетом матери, и он старался постоянно утешить ее: "не печался доню, до молись Богу и потерпи еще маленько, Бог тебя не оставит за терпенье твое и страданье..." А страданья дочери были по преимуществу сердечные: мать не позволила ей выйти замуж за войта киевского, и это повергло Татьяну Лизогубовну в страшную скорбь и печаль. Отец с особенной нежностью и осторожностью касался этого сердечного горя дочери и сам старался подыскать хорошего человека себе в зятья... Но искать долго не пришлось: уже давно к их семье близко стоял молодой канцелярист, Афанасий Демьянович Гоголь-Яновский; по преданию, он обучал Татьяну Семеновну и ее братьев наукам, в которых был сам большой искусник, как окончивший курс Киевской академии; кроме того, он мастер был составлять дельно и толково различные исковые прошения, из которых два относятся уже к 1768 году и подписаны А. Д. Гоголь-Яновским.

Может быть, никто из родных и не подозревал, что их домашний учитель, войсковой канцелярист, человек небогатый, притом происходивший из духовного звания, вдруг станет мужем и зятем в богатой и родовитой семье Лизогубов; тем не менее, около 1768–9 года[4] Татьяна Семеновна Лизогубовна стала женою Афанасия Демьяновича Гоголь-Яновского... Подробностей этого события мы не знаем; слабые намеки есть в письмах С. *Лизогуба*, когда он отдает приказ пойти к рыболовам на Днепр, да раздобыть больших осетров и другой хорошей рыбы, а также настрелять дичи, гусей, лебедей... Уж не к свадебной ли пирушке готовился старый козак?

Но здесь на сцену выступает легенда, переходящая в роде Гоголей от поколения к поколению.

Молодой богослов, отдавший предпочтение службе в полковой канцелярии перед рясой и клобуком, случайно из Глухова попал в дом значного бунчукового товарища Семена *Лизогуба*. Занимаясь обучением детей своего нового господина, она полюбил единственную его дочь Татьяну и пользовался взаимностью. Не надеясь получить согласия от именитых родителей, а в особенности от гордой матери Анны Тансковны, которая отказывала многим и поважнее его, он, заручившись согласием Татьяны, бежал ночью вместе с нею, успевшей захватить некоторые драгоценности, жемчужные ожерелья, золотые кольца и т. п. Темною ночью пришлось им бежать через старый, густой, непроходимый лес, каких тогда было много в Малороссии... И без того страшно, а тут, как на горе, наскочили разбойники и ограбили все их имущество, отпустив лишь души на покаяние... Испуганные, ограбленные, пристыженные, воротились они к отцу — матери с повинной, кинулись им в ноги и просили прощения. Простил их отец, за ним простила и мать, да и порешили поскорее сыграть свадебку... Там-то было пированье! и гуси, и лебеди, и осетры Днепровские, и меды старые, а может быть, и вина заморские...

По другому варианту, записанному сестрою поэта <Ольгой Васильевной>, они все-таки повенчались вне родительского дома и долгое время жили в нужде, пока не получили прощения родителей.

Но почему же в повести Гоголя Афанасий Иванович не любил вспоминать, как он похитил свою Пульхерию Ивановну? Или, быть может, не к лицу старику рассказывать молодым о безрассудстве юности? Так или иначе, но жизнь их шла затем в тихой гармонии, не нарушаемая ни ревностью, ни семейным разладом. Так о ней говорит предание, такою изобразил ее их гениальный внук в трогательной идиллии, начавшейся веселым allegro и законченной грустным аккордом похоронного перезвона!.. <...>

Но в действительности — дедушка скончался[5] раньше бабушки[6]. Очень может быть, что наш поэт сам был на описанных им похоронах, и в слезах Аф<анасия> И<вановича> можно видеть слезы самого поэта, который любил свою бабушку, Татьяну Семеновну.

Для характеристики того, насколько верно изображена в главнейших чертах идиллическая жизнь этих старичков, может служить то обстоятельство, что, после выхода в свет повести, соседи Гоголя по имению, узнавшие в старосветских помещиках знакомые им оригиналы, были возмущены против поэта и даже избегали его. "Бог с ним, не хочу к нему выходить, — говорила какая-нибудь соседка помещица, — щоб ище и мене впысав, як своих ридных дедушку и бабушку"[7], — забывая, что художнику не нужны бесцветные, бесхарактерные личности»[8].

Сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «...Бабушка, отца мать <...> была из богатого дома, должно быть, она дочь той Анны Васильевны <*Лизогуб* (рожд. *Танской*)>, о которой мы читали в старинных письмах. У них был учитель, который учил ее братьев и ее. Рассказывали, как она собрала свои золотые и серебряные и прочие вещи, ушла из родительского дома, где-то повенчалась; за это родители рассердились: ничего ей не дали, а где они жили и как — не расспрашивали. Потом братья ее подарили ей Васильевку[9], которая нам досталася, и тут она жила до смерти. У них долго не было детей; на четырнадцатом году родился мой отец[10], единственное было дитя. <...>

Когда-то приезжал к нам дедушкиного брата <иерея Кирилла Демьяновича *Яновского*>[11] внук, <Степан Меркурьевич> *Яновский*, и он рассказывал, что дедушкин отец <иерей Демьян Иванович *Яновский*> жил в своем имении в Хорольском уезде. У него было сто душ крестьян, и это имение должно было делиться пополам моему дедушке <Афанасию Демьяновичу> и его дедушке <Кириллу Демьяновичу>, но мой дедушка уступил свою часть брату тогда, как получил Васильевку;

значит, после венца дедушка и бабушка там жили, а потом переехали в Васильевку»[12].

А. С. Данилевский в 1887 г. также рассказывал В. И. Шенроку: «Отец Василия Афанасьевича был домашним учителем у *Лизогуба* и женился на его дочери...»[13]

[1] *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1908. Т. 1. С. 292.

[2] «...Он даже увез довольно ловко Пульхерию Ивановну, которую родственники не хотели отдать за него...»

[3] Воспоминания А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 161.

[4] В 1776 г.

[5] См. ***Около 1820, не позднее августа. Васильевка.***

[6] См. ***Около 1830. Васильевка.***

[7] См. также ***Около 1820, не позднее августа. Васильевка*** (примечания).

[8] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 240–241.

[9] «Этот эпизод о похищении Аф<анасием> Дем<ьяновичем> дочери Сем<ена> *Лизогуба* находит фактическое подтверждение и в сохранившихся письменных документах. Хотя гнев отца быстро прошел и молодые беглецы получили в приданое сельцо Купчик, впоследствии переименованное в Васильевку, Яновщину тож, но их жизнь нельзя было назвать счастливой, ни в материальном, ни в духовном отношении. Отрывок из письма рисует нам вполне ясно эту атмосферу: "Всенайлюбезнейшая дочерь моя, Татьяна Лизогубовна! Пишешь ко мне, сожалеючи о моей и твоей беде и невидании со мною, и может быть, мнится тебе, что я к тебе якобы и жалости не имею, то поверь мне и сама за благо рассуди, что вы молодые люди повредили себе и здоровию в стуже и безвремении. А мне и паче при старости треба сохранить малое свое здоровье наипаче для тебе, аби хоть мало еще пожить и тебе вспомогти и на вечную пользу вам учинить. И хотя я и теперь еще не могу с вами видеться, еднак я тебе уверяю несумненно, и вовся оставь свою напрасную скорбь и тугу и плач; яко у мене вас не много детей, но только двое – сын да ты, дочь. И обоих вас заровно мне жалостно, а наипаче ты мне жальнейшая, ибо сын уже оженился благополучно и во всем, по милости Божией, достаточен, а ты росла при матери в горе, як при мачухе (NB – мать ее, урожд<енная> Танская, отличалась тяжелым, своевольным и вздорным характером. – *В. Ч<аговец>*), в горькой беде и нужде и вседневной скорби нещаслива, и теперь в беспокойстве и скорби пребываете, и так я о тебе по всяк день печалюсь и оставить тебе без определения не могу, но як я вам обоим уже говорил и писал, так и будет". (*Из соб<ственной> коллекции В. Ч<аговца>).* Далее следуют распоряжения хозяйственного характера и приглашение к себе, под отчий дом, чем, однако, они не воспользовались» (примеч. В. А. Чаговца).

«Васильевка – это название дано отцом Гоголя; народ же называет ее по-прежнему Яновщиной, от имени Яна, предка Гоголя» (*Чаговец В.* На родине Гоголя. (Литературные воспоминания). Васильевка (Яновщина) // Киевская Газета. 1901. 23 сент. № 263. С. 3; *Свод.* Т. 1. С. 230).

[10] ***1777. Один из дней года. Хутор Купчинский (близ р. Голтвы, в сотне Шишацкой).***

[11] «...Кирилл Дамианович – священник Кононовской церкви; его дети: Меркурий и Савва, оба священника: 1-й – в Кононовке, 2-й – в Олефировке, Миргородского уезда; сын этого последнего, ныне здравствующий о. Владимир Яновский, сохранил у себя все уставные грамоты своих духовных предков, в свою летопись занес родословную последовательность фамилии Гоголей-Яновских, а в своей ясной и твердой памяти сохранил много глубоко задушевных и интересных воспоминаний из жизни своего великого сородича – Н. В. Гоголя» (*Петровский Ал.*, свящ. К вопросу о предках Н. В. Гоголя. Письма с Гоголевщины // *Свод.* Т. 1. С. 345).

[12] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 206.

[13] Воспоминания А. С. Данилевского в статье В. И. Шенрока «Родители Гоголя» // *Свод.* Т. 1. С. 494–495.

МАЯ 3. ВТОРНИК. ЧЕРНИГОВ

Среди документов, представленных позднее, в 1784 г., секунд-майором А. Д. Гоголем-Яновским в Киевское дворянское собрание в качестве доказательств прав на дворянство[1], числилась «урядовая запись» от 3 мая 1776 г. «на выделенные жене Афанасия Гоголя, Татьяне, совместно с мужем, из имения матери ее *Лизогубовой*, села с посполитными людьми».

Свод. Т. 1. С. 44–45.

[1] См. ***1784. Октября 19. Киев.***

ИЮНЯ 3. ПЯТНИЦА

С. С. *Лизогуб* уступает часть своих имений в Решотках, Леплевом, Бубнове и Келеберде[1] дочери Татьяне[2].

«Семен Семенович *Лизогуб* <...> 3.VI.1776 и 25.VI.1781 <...> уступает часть своих имений (в т<ом> ч<исле> Келеберду) дочери Татьяне, которая была за (с 1776 г.) Афанасием Демьяновичем Гоголем-Яновским, секунд-майором».

Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1996. Т. 5. Вып. 1. С. 3.

[1] См. ***1760. Январь.***
[2] См. также ***1781. Июня 25. Пятница.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МИРГОРОД

Прадед Гоголя по материнской линии М. В. *Косяровский* продолжает службу писарем в Миргородском суде.

См. ***1775. В течение года. Миргород***; ***1777. В течение года. Миргород***.

ОДИН ИЗ ДНЕЙ ГОДА. ХУТОР КУПЧИНСКИЙ, В СОТНЕ ШИШАЦКОЙ

В семье А. Д. и Т. С. Гоголь-Яновских родился сын Василий (будущий отец Н. В. Гоголя).

«Василий Афанасьевич Гоголь родился в 1780 <1777> г. в своем наследственном хуторе Купчинском, близ реки Голтвы, в сотне Шишацкой. Впоследствии этот хутор был по его имени назван Васильевкой, а по прибавочной фамилии — Яновщиной»[1].

«Полученный от отца хутор Купчинский, близ р<еки> Голтвы, в сотне Шишацкой, Василий Г<ого>ль назвал Васильевкою (теперь село) и жил здесь до смерти»[2].

«...Сходили к могиле родителей Н. В. Гоголя, в ограде церкви. На покосившемся кресте надпись: “Василий Афанасьевич (род. 1777 г., сконч. 1825 г.) и супруга его Мария Ивановна (род. 1791 г., сконч. 1868 г.) Гоголь. Мир праху вашему!”»[3]

В первой половине декабря 1853 г. С. Т. Аксаков сообщал П. А. Кулишу: «Называлась всегда Яновщиной. Васильевка — новейшее название (но первое более известно)»[4].

М. И. Гоголь-Яновская вспоминала: «У родителей моего мужа еще была деревня на берегу Днепра, [Калаберда] Калиберда, по другую сторону реки город Канев; она продана была ими, когда муж мой был в малолетстве, по неудобству, как они говорили, так далеко ездить, и деньги прожили на расходы, не получая из этой деревни доходов, она так далеко от города, сбыту ни на что не было»[5].

[1] *Шенрок.* Т. 1. С. 37.
[2] *Лазаревский А. М.* Очерки малороссийских фамилий // *Свод.* Т. 1. С. 339.
[3] *Мошин А. Н.* Васильевка // *Свод.* Т. 1. С. 248.
[4] *Аксаков С. Т.* <Замечания о рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...»> (Черновик письма к П. А. Кулишу). <Первая половина декабря 1853. Москва> // *Свод.* Т. 2. С. 633.
[5] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 64.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МИРГОРОД

Прадед Гоголя по материнской линии М. В. *Косяровский* продолжает службу писарем в Миргородском земском суде.

«В Малой России. <...> В судах земских поветов. <...> В Миргородском: Судья: Семен Степанов сын Родзянка. Подсудок: Петр Алексеев сын Галяховский. Писарь: Матвей Васильев сын *Косяровский*».

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1777. СПб., <1777>. С. 315.

1778

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МИРГОРОД

Прадед Гоголя по материнской линии М. В. *Косяровский* продолжает службу писарем в Миргородском земском суде.

«В Малой России. <...> В судах земских поветов. <...> В Миргородском: За судью: полковый обозный, Василий Старицкий. Подсудок: Петр Алексеев сын Галяховский. Писарь: Матвей *Косяровский*».

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1778. СПб., <1778>. С. 342.

1779

МАЙ. ТЕШЕН

Д. П. *Трощинский* находится на мировом конгрессе в Тешене в свите полномочного министра князя Н. В. Репнина.

Попов 1868. С. 3.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МИРГОРОД

Прадед Гоголя по материнской линии М. В. *Косяровский* продолжает службу писарем в Миргородском земском суде.

«В Малой России. <...> В судах земских поветов. <...> В Миргородском: За судью: полковый обозный, Василий Старицкий. Подсудок: Петр Алексеев сын Галяховский. Писарь: Матвей Васильев сын *Косяровский*».

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1779. СПб., 1779. С. 412.

1779–80

1779 АПРЕЛЯ 15 – 1780 НОЯБРЯ 1

Дед Гоголя по отцовской линии войсковой канцелярист А. Д. *Яновский* по определению Миргородской полковой канцелярии «находился в исправлении по главнотрактовых дорогах для безнужного препровождения воиск мостов и гатей».

См. ***1785. Апреля 25***.

1780 В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МИРГОРОД

Прадед Гоголя по материнской линии М. В. *Косяровский* продолжает службу писарем в Миргородском земском суде.

«В Малой России. <...> В судах земских поветов. <...> В Миргородском: За судью: полковый обозный, Василий Михайлов сын Старицкий. Подсудок: Петр Алексеев сын Галяховский. Писарь: Матвей Васильев сын *Косяровский*».

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1780. СПб., 1780. С. 447.

1781 ИЮНЯ 2 – СЕНТЯБРЯ 30

Дед Гоголя по отцовской линии войсковой канцелярист А. Д. *Яновский* «по ордеру полковника миргородского Занковского был в сочинении планов в местечках Богачин, Усопивици, Япесках и Шишаке казенных строений для присутственных мест Екатеринославского намес<т>ничества»[1].

См. ***1785. Апреля 25***.

[1] Сенатский указ об открытии Екатеринославского наместничества был издан 4 июля 1784 г. (Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 22. С. 184).

ИЮНЯ 25. ПЯТНИЦА

Бунчуковый товарищ С. С. *Лизогуб* пишет духовное завещание, в котором передает свои имения дочери Т. С. Гоголь-Яновской[1].

Среди документов, представленных позднее, в 1784 г., секунд-майором А. Д. Гоголем-Яновским в Киевское дворянское собрание в качестве доказательств прав на дворянство[2], числился «уступный запис» от 25 июня 1781 г., согласно которому С. С. *Лизогуб* «отписал в Миргородском полку в урочище реки Голтвы хутора дочери своей Татьяне Яновской и родившемуся от нее внуку его Василию»[3].

«По ведомости о населении Малороссии в 1780 г., составленной при разделении последней на три наместничества, в сотне Шишацкой, Миргородского полка показан “*Хутор Купчинский бунч<укового> товар<ища> Лизогуба*”, а в нем 16 двор<ов> с 16-ю хатами. Отсюда видно, что женин “посаг” Афанасий Г<оголь> получил гораздо позже женитьбы. Этот хутор Василий Афанасьевич Г<оголь> переименовал в *Васильевку*. Здесь и родился <в 1809 г.>[4] Н. В. Гоголь»[5].

[1] *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1912. Т. 3. С. 106, 108; *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1996. Т. 5. Вып. 1. С. 3.
[2] См. ***1784. Октября 19. Киев.***
[3] *Свод.* Т. 1. С. 45, 371. См. также ***1776. Июня 3. Пятница.***
[4] См. ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы.***
[5] *Лазаревский А. М.* Сведения о предках Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 341.

АВГУСТА 7. СУББОТА

А. Д. Гоголь-Яновский за «долговременную беспорочную службу удостаивается награждения чином бунчукового товарища».

Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 241.

СЕНТЯБРЯ 16. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Издан Именной указ об учреждении Киевского наместничества из одиннадцати уездов, согласно которому местечко Городище становится уездным городом Городисского уезда[1].

Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 21. С. 247. См. также: ***1782. Январь. Киев.***

[1] См. также ***1782. Первая половина года. Миргород; Городище.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МИРГОРОД

М. В. *Косяровский* продолжает службу писарем в Миргородском земском суде.

«В Малой России. <...> В судах земских поветов. <...> Миргородского: За судью: полковый обозный, Василий Михайлов сын Старицкий. Подсудок: Петр Алексеев сын Галяховский. Писарь: Матвей Васильев сын *Косяровский*».

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1781. СПб., <1781>. С. 405.

ЯНВАРЬ. КИЕВ

Открытие Киевского наместничества.

Ригельман 1848. Ч. 4. С. 38; см. также ***1781. Сентября 16. Санкт-Петербург.***

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ГОДА. МИРГОРОД; ГОРОДИЩЕ

М. В. *Косяровский* из Миргородского уездного суда переходит на службу уездным казначеем в Городище, получив при этом чин «земского писаря»[1].

«В Малороссийских наместничествах. <...> В Киевском. <...> В городах. <...> В Городище: Городничий: Порутчик Георгий Юзефович. Уезный казначей: Земский писарь, Матвей *Косяровский*».

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1782. СПб., <1782>. С. 425.

[1] Должность земского, или полкового писаря (третьего полкового старшины Малороссийского войска) соответствовала двенадцатому разряду российской табели о рангах, т. е. гражданскому чину губернского секретаря.

ИЮНЯ 7 – ДЕКАБРЬ

Служащий при Миргородской полковой канцелярии войсковой канцелярист А. Д. *Яновский* произведен графом П. А. Румянцевым полковым писарем и опре-

делен «в учрежденую в июне над малороссийскими чинами военного суда Комисии авдитором о его превосходительства князя генерал-порутчика и кавалера Семена Ермолаевича Ширкова».

См. ***1785. Апреля 25*; *1788. В течение года. Киев*.**

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МИРГОРОД

М. В. *Косяровский* в должности «земского писаря» продолжает службу уездным казначеем в г. Городище.

«В Малороссийских наместничествах. <...> В Киевском. <...> В городах. <...> В Городище: Городничий: Порутчик Георгий Юзефович. Уезный казначей: Земский писарь, Матвей *Косяровский*».

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1783. СПб., <1783>. С. 436.

ИЮНЯ 2. ПЯТНИЦА. СОРОЧИНЦЫ[1]

Полковник Миргородской полковой канцелярии Ф. Г. Заньковский выдает полковому писарю Афанасию *Яновскому* аттестат о награждении его чином бунчукового товарища.

«Ат<т>естат

Малороссийскому Полковому писару Афанасию *Яновскому* в том, что вступя он с малороссийского шляхетства в службу *Ея Императорского Величества* з 1757 году, обретался в полковой миргородской Канцелярии, у писменных дел, а затем по определят *<так в рукописи>* генеральной войсковой Канцелярии определен в оную войсковым канцеляристом. Где продолжая службу с должною ревностию, соответствующею его обязанности (о чем по команде засвидетельствовано) был определен в 1762-м году в полковую миргородскую щетную Коммисию присутствующим. А потом в прошедшею турецкую войну был в Кримском походе. И после командирован в Крим же для отводу выстатчасших с полку миргородского погонщиков. Между тем, будучи произведен полковым писарем, определяем был в указные употребления Коммисией и разные внутренние командирования и посилки, исправляя поручаемые ему дела с прилежностью и должным усердием без и малейшего порока и подозрения добропорядочно. И как такова ним *<так в рукописи>*, Яновским, продолженная служба достойна уважена, то в рассуждении о ней заслуживает он, Яновский, награждения чина бунчукового товарища. Дан сей от меня *Яновскому* в Сарочинцах 1783-го году июня 2 дня.

Полковник Федор Зан<ь>ковский»[2].

[1] М. А. Максимович, отправившийся в августе 1850 г. в гости к Гоголю в Васильевку, в 1854 г. сообщал: «Как любителю старины, мне нечего было делать в бедном, недавно еще погоревшем, *Мир-городке* (так он написан в Книге Большого Чертежа). Хотя и считался он одним из старших полковых городов украинских, и славен был своими полковниками, но резиденция Миргородского полка находилась долго в *Сорочинцах*, на реке Псле. <...> Местечко Сорочинцы до 1782 года было сотенным городом Миргородского полка. В старину оно звалось *Красно-полем*; в гетманство Хмельницкого Краснопольским сотником был *Муха*. Но за гетмана Многогрешного, всегда сотником здесь был *Борисенко*, Краснопольская сотня называлась уже *Сорочинскою*. К ней принадлежали десять сел: знаменитая Обуховка Капнистова, Малая Обуховка, Савинцы, Опанасовка, Олиферовка, Семеренька, Митяшовка, Портянки, Перевозцы и Барановка, да 70 хуторов» (*Максимович М. А.* Родина Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 639).

[2] *Свод*. Т. 1. С. 376. См. также ***1784. Октября 19. Киев.***

АВГУСТА 2. СРЕДА

Д. П. *Трощинский* получает военный чин секунд-майора.

Попов 1868. С. 4.

В ТЕЧЕНИЕ УКАЗАННОГО ПЕРИОДА

Д. П. *Трощинский* находится в Польше, в резервном корпусе.

Попов 1868. С. 3.

ИЮНЯ 26. СРЕДА

Д. П. *Трощинский* получает чин надворного советника с определением в гражданскую службу.

Попов 1868. С. 4.

ОКТЯБРЯ 1. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. КИЕВ

Полковой писарь Афанасий Гоголь-Яновский подает в Киевское дворянское собрание доношение, согласно которому он «имеет от жены Татьяны сына Василия, по малолетству при нем в воспитании находящегося» («это означало, по тогдашнему обычаю, что обучается грамоте»).

Свод. Т. 1. С. 44, 45.

ОКТЯБРЯ 19. СУББОТА. КИЕВ

На имя А. Д. Гоголя-Яновского выписан дворянский протокол.

«1784 года, октября 19 дня, по указу Ее Императорского Величества, Киевского наместничества дворянское собрание рассматривали доказательства, представленные от полкового писаря Афанасия Гоголя Яновского, с которых усмотрено: 1) что <пра>прадед его Андрей Гоголь, будучи в чине полковничьем, жалован был привиллегиею Его Величества Короля Польского Яна Казимира[1], в 1674 году, на деревню Ольховец; 2) что он владеет жалованным по универсалу бывшего малороссийского гетмана и кавалера Разумовского деду жены его, полковнику Танскому, вместо жалованной было Высочайшею грамотою блаженныя и вечно достойныя памяти Государем Петром Алексеевичем Императором и Самодержцем Всероссийским деревни Озерян[2], в деревне Решотках, Липлявом, Бубнове и Келеберде состоящем[3]; 3) что он, за усердно и добропорядочно продолженную им через немалое время в разных местах и должностях службу, произведен прошлого 1782 года, июня 7 дня, полковым писарем[4]; в уверение чего означенные Его Величества Короля Польского Яна Казимира на село Ольховец данную привиллегию, на поданное в местечках Липлявом, Бубнове, селе Келеберде и деревне Решотках универсал, и на те имения от тестя его, бунчукового товарища Семена Лизогуба, данную ему уступку, а в подтверждение того, что точно он теми имениями владеет, выпись, из суда земского

черниговского 1776 года выданную[5], также и на настоящий его полкового писаря чин патент приложил. В Высочайшем же Ее Императорского Величества проекте о разборе дворянства в 73 пункте предписано в первую часть родословной книги вносить роды действительного дворянства, кои от Ее Императорского Величества и других коронованных глав в дворянское достоинство дипломом, гербом и печатью пожалованы; в изъяснении ж, но дабы и тем родам оказать справедливость, кои доказательства имеют на действительное дворянство до ста лет, повелено и такие роды вносить в сию часть. Для того рассудили помянутого полкового писаря Яновского с его детьми[6] внесть в родословную дворянскую киевского наместничества книгу, в первую часть[7], и изготовить грамоту»[8].

[1] Указание на польского короля Яна Казимира, появляющееся в «Дворянском протоколе Гоголя», но отсутствующее в самой грамоте на владение селом Ольховцем, полученной Евстафием Гоголем, является ошибочным. На самом деле привилегию на владение селом Ольховцем Евстафий (а не Андрей) Гоголь получил от польского короля (с 21 мая 1674 г.) Яна III Собеского (1624–1696) (см. ***1674. Декабря 6. Воскресенье. Польский королевский лагерь под Кальником***).

[2] См. ***1718. Июля 7. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1757. В течение года.***

[4] См. ***1783. Июня 2. Сорочинцы.***

[5] См. ***1776. Мая 3. Чернигов***; ***1776. Июня 3 и 25***; ***1781. Июня 25.***

[6] См. ***1784. Октября 1. Киев.***

[7] См. также ***1792. Октября 15. Киев.***

[8] *Свод.* Т. 1. С. 336.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МИРГОРОД

М. В. *Косяровский* получает чин «малороссийского полкового судьи»[1], продолжает службу уездным казначеем в Городище.

«В Малороссийских наместничествах. <...> В Киевском. <...> В городах. <...> В Городище: Городничий: Капитан Егор Юзефович. В уездном суде: Уездный судья: Бунчуковый Товарищ, Иван Булюбаш. <...> В Уездном Казначействе: Уездный казначей: Малороссийский судья полковый, Матвей *Косяровский*».

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1784. СПб., <1784>. С. 430.

[1] Должность «малороссийского полкового судьи» (второй старшина в полку) соответствовала восьмому рязряду табели о рангах, т. е. военному чину секунд-майора или гражданскому чину коллежского асессора. О том, что М. В. *Косяровский* имел чин коллежского асессора, сообщала позднее его внучка М. И. Гоголь (см.: Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 52).

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

А. А. *Трощинский*, «родившийся в 1774 г., был по обычаю той эпохи, чуть ни в колыбели записан солдатом в гвардию; в 1784 г. он уже пожалован сержантом».

Ореус. С. 666.

1785

ФЕВРАЛЯ 21. ПЯТНИЦА. КИЕВ

Полковой писарь А. Д. *Яновский* по выбору дворянства Голтвянского уезда участвует в качестве депутата «в учрежденной в городе Киеве о разборе дворянских дел Комисии».

См. ***1785. Апреля 25.***

АПРЕЛЯ 25. ПЯТНИЦА

Полковой писарь А. Д. *Яновский* подает прошение на имя Императрицы Екатерины II о переводе его из военной службы в гражданскую.

«*Всепресветлейшая Державнейшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна Самодержица Всероссийская Государыня Всемилостивейшая.*

Бьет челом малоросский полковой писарь Афанасий Демьянов сын *Яновский*, а о чем мое прошение, тому следуют пункты.

1

Я, нижеименованный, вступил в службу *Вашего Императорского Величества* з дворян 1756 года мая 10-го. Чинами происходил: полковым канцеляристом 757 года генваря 8, войсковым канцеляристом 760 году мая 1, полковым писарем 782 году <и>юня 7.

2

А в вышепрописанных чинах 1758 года апреля 1 с определения бывшей Генералной войсковой Канцелярии в следственной с земли казенной бывшего миргородского полку принадлежащий Комисии в произведении дел находился, 759 году декабря по 15 число, 1761 году июня 16, по ордеру той же Генералной войсковой Канцелярии был в присутствии в полковой миргородской щетной Комисии по казенной сумме в разборе, и рассмотрении дел и в доказательстве <?> недоимок 1763 году февраля по 24-е число, 1765 году июня 12 находился в городе Глухове в помощь сочинения плана расположения о квартальном зборе денег, 1769 году мая 3 в прошедшую турецкую войну под командой полковника миргородского (что ныне бригадир) Федора Григориевича Занковского был в Кримском походе 1771 <и>юня по 4-е, 1772 году апреля 10 командирован в Крим для отводу выстатчастших с полку миргородского во вторую армию погонщиков и находился тамо 773 году сентября по 30 число, в засвидетельствование чего и изданный мне ат<т>естат при сем подношу, справочную копию. 1779 году априля 15 по определению бывшей полковой Миргородской канцелярии находился в исправлении по главнотрактовых дорогах для безнужного препровождения воиск мостов и гатей 780 году ноября по 1-е число, 1781 году июня 2, по ордеру полковника миргородского Занковского был в сочинении планов в местечках Богачин, Усопивици, Яресках и Шишаке казенных строений для присутственных мест Екатеринославского намес<т>ничества. Того же года сентября по 30 1782 года июня 7 за произведение меня в чин полку переяславского писаря полкового был определяем того же полку по разных комисиях и в учрежденую в июне над малороссийскими чинами военного суда Комисии авдитором о его превосходительства князя генерал-порутчика и кавалера Семена Ермолаевича Ширкова, 1785 году февраля 21 по вибору дворянства уезда голтвянского в учрежденной в городе Киеве о разборе дворянских дел Комисии находился депутатом. Грамоте по-рус<с>ки, по-латини, по-гречески и по-польски чита<ть> и писать умею, лет мне от роду 47.

3

Ныне ж *по Всевисочайшей Вашего Императорского Величества воли* бывшие малороссийские козачьи полки принимают реформу на регулярное положение, а потому, *Ваше Императорское Величество,* от 28 июля прошлого 783 года всевисочайше указать изволили находящихся в малороссийских полках чиновников в <*1 нрзб.*> полный штат и обер-офицерскими чинами определять по степенях и заслугах тех, кои пожелают, а не желающих по тому же, переименовав чинами, препроводя по их желаниях, в статских делать.

4

При всей моей ревности в службе *Вашего Императорского Величества*, хотя бы я желал и военно продолжать оную, но по слабости здоровья находя себя к оной несостоятельным, <*1 нрзб.*> же

мое желание продолжать статскую службу.

О дабы высочайшим *Вашего Императорского Величества указом* повелено было сие мое челобытье принять, записа, и мене именованного по желанию моему за продолжение мне чрез 29 лет службы переименовать <*вписано 1 нрзб.*> статским чином по благорассмотрению, [и препроводить из делах статских для определения в имен<н>ое наместническое правление].

5

Всемилостивейшая Государыня, прошу *Вашего Императорского Величества* о сем моем челобитьи решение учинить. К подаче надлежит в переяславский карабинерный полк. Писана сия челобитная на гербовой бумаге 1785 году апреля 25. Сочинял и писал сию челобитную сам проситель.

<*Надпись, проходящая по всем листам рукописи:*>

К сей челобитной Малороссийский [Полковой писарь Афанасий *Яновский* руку приложил].

<*Далее другим почерком:*>

Сия челобитная за черну осталась, а отосланная <*1 нрзб.*> при репорте секунд-майора Карла Ивановича Шредера в Борзну <?> полковнику Георгию Михайловичу Богданову. <...> Степану Георгиевичу фон-Фельду <?> апреля 29-го 785 году.

Подана сия челобитная самому <...> 1785 году мая».

Свод. Т. 1. С. 376–377.

1786

ФЕВРАЛЯ 12. ЧЕТВЕРГ

Д. П. *Трощинский*, заведуя канцелярией князя Н. В. Репнина, получает чин коллежского советника.

Ореус. С. 644.

ИЮЛЯ 12. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Кабинет-секретарь А. В. Храповицкий записал вопрос Императрицы Екатерины II по поводу оперы В. Л. Левшина «Черевики»: «*1786.* <...> *Июля* <...> *12.* При чтении Москов<ских> газет объявление об опере *Черевики.* – Вопрос об том слове?»[1]

Памятные записки Александра Васильевича Храповицкого // Отечественные Записки. 1821. № 16. Август. С. 148.

[1] «Черевик... <...> Женский башмак на высоких каблуках с небольшими клюшами и запятками. Кожаные, шелковые черевики» (Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Ч. 6. Стб. 696).

1787

ЯНВАРЯ ПОСЛЕ 26. СЕЛО ГОЛТВА, КИЕВСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА

Голтвянский уездный суд в ответ на прошение полкового писаря Афанасия *Яновского* от 26 января 1787 г. выдал ему свидетельство в том, что по поводу его хутора Купчина, с 77 душами мужского пола, «никаких исков и запрещения нет и казенной недоимки не числится».

«*По указу Ея Императорского Величества* в голтвянском уездном Суде, слушанно прошения, жител<ь>ствующего уезда голтвянского, в хуторе Купчином, помещика Господина полкового писаря Афанасия *Яновского*, сего генваря 26 числа поданного, коим он представляя, имеет де во владе-

нии своем в оном хуторе купчином записанных по последней, 1782 году Ревизии мужеска пола душ семдесят семь, о которых его людях что оные точно записани за ным, и состоят в действительном его владении, никому не проданные и не заложенные, и нет ныкаких запрещений – исков, также казенных недоимок, и партикулярных взисканий не имеется, потребно ему иметь урядовое засвидетелствование, просит видачи оного, а по забратой в здешнем так же и в нижнем земском Судах Справки оказалося, что за просителем по последней, 782-го года ревизии в оном хуторе записанно, и ныне в собственном его владении состоят мужеска пола душ семьдесят семь, спору на сие имение, никаких исков и запрещения нет, и казенной недоимки не числится; *для того* и данно об оном ему господину *Яновскому* сие Свидетельство, из голтвянского уездного Суда. 1787 года генваря – ... числа» (на месте числа оставлен пробел).

На обороте листа, другим почерком, очень неразборчивым, написано: «Вследствие уложено с<*нрзб.*> а пять душ дар<*нрзб.*> один <*1 нрзб.*> а борыня <?> Лоупой <?> дети по 11 футов».

Свод. Т. 1. С. 376.

ЯНВАРЯ 28–29. ЧЕТВЕРГ-ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Посещение Нежина, проездом из Чернигова в Киев, Императрицей Екатериной II[1].

Позднее в Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине, где учился Гоголь, бытовало предание, что Императрица Екатерина II во время посещения Нежина в 1787 г. останавливалась в располагавшемся ранее на месте будущей гимназии деревянном доме, принадлежавшем князю Безбородко. Н. В. Кукольник сообщал: «Профессор российской словесности в Гимназии Высших Наук Князя Безбородко Парфений Иванович Никольский в речи, произнесенной им в торжественный день утверждения устава Гимназии 19 февраля 1828 года, говорит положительно: что "*во время путешествия в Киев и Херсонес Таврический, для встречи там Высокого Гостя Германии* (имеется в виду Император Священной Римской империи (с 1765), австрийский эрцгерцог (с 1780) Иосиф II Габсбург. – *И. В.*), *Екатерина Великая в одном деревянном домике принимала и имела Царский покой свой, Царское отдохновение*". Я за это известие не ручаюсь...»[2]

[1] *Ригельман 1848.* Ч. 4. С. 65.

[2] *Кукольник Н.* Лицей князя Безбородко // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 9. – См. также ***1787. Января 29 – апреля 22. Киев.***

ЯНВАРЯ 29 – АПРЕЛЯ 22. КИЕВ

Пребывание в Киеве, проездом в Крым, Императрицы Екатерины II.

«Незадолго перед началом второй войны с Турциею, в 1787 г., императрица Екатерина II, сопровождаемая блестящею свитою военных и гражданских сановников, посетила, как известно, вновь приобретенный Новороссийский край. Это путешествие было зарею счастия для Дмитрия Прокофьевича <Трощинского>. При остановке государыни в Киеве, он в числе прочих лиц, был представлен ей и, в это же время, кн<язь> Репнин передал его – как чиновника надежного и опытного – графу Безбородке».

Ореус. С. 644.

НОЯБРЯ 27. СУББОТА

Значковый товарищ[1] Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский, предположительно, пожалован в корнеты.

«...При отношении почтового департамента от 15-го октября 1853 года за № 13633, прислана в Полтавское дворянское депутатское собрание копия патента, записанного в военной коллегии под № 504, выданного 1788 года июня 9-го дня, из коего видно, что Василий Яновский, служивший значковым товарищем, пожалован в корнеты 1787 года ноября 27-го дня[2]. <...> Обстоятельство, что Василий был пожалован в корнеты в 1787 году, т. е. 7 или 8 лет, надо признать действительным фактом; такие примеры в Екатерининское время были не редки»[3].

«Василий Г<ого>ль в 1788 г. был корнетом[4]; потом переименован гражданским чином и служил в Малороссийском почтамте»[5].

«В бумагах Василия Афанасьевича сохранилась копия патента, в котором значится: "известно и ведомо да будет каждому, что мы Василия Яновского, который нам значковым товарищем служил для его оказанной к службе нашей ревности и примерности в наши корнеты 1787 года ноября 27 дня пожаловали и учредили"»[6].

Сестра Гоголя Ольга Васильевна (в замужестве Головня) сообщала об отце: «До женитьбы он был военным»[7].

В. А. Чаговец, однако, отрицал сведения о том, что отец Гоголя с отроческих лет числился в военной службе. Исследователь замечал, что основывается при этом на имеющихся у него «источниках, которые в скором времени будут опубликованы в печати»[8]. Упомянутые источники опубликованы не были.

[1] Чин в Малороссии в XVIII в., соответствовал чину унтер-офицера.

[2] «...При отношении почтового департамента, от 14-го марта 1854 года за № 3957, присланы две тожественные копии с аттестатами служившего в бывшем малороссийском почтамте коллежского асессора Василия Гоголь-Яновского, с уведомлением, что формулярного списка Гоголя в делах архива департамента, а равно и черниговской почтовой конторы, не оказалось, и неизвестно, когда он поступил на службу в почтовое ведомство и в какой состоял последнее время должности» (*Шенрок В. И.* Родители Гоголя // Исторический Вестник. 1889. Февраль. С. 391; *Свод.* Т. 1. С. 44).

[3] *Шенрок В. И.* Родители Гоголя // Исторический Вестник. 1889. Февраль. С. 391; *Свод.* Т. 1. С. 44.

[4] См. также ***1806. Мая 9. Чернигов.***

[5] *Лазаревский А. М.* Очерки малороссийских фамилий // *Свод.* Т. 1. С. 339.

[6] *Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 371.

[7] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 207.

[8] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 243.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. КИБИНЦЫ

Д. П. *Трощинский* приобрел село Кибинцы, Миргородского уезда, у бунчукового товарища Соханского.

Попов 1868. С. 6.

1788

ИЮНЯ 9. ПЯТНИЦА

Корнет Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский «переименован гражданским чином» (получив статский чин губернского секретаря, соответствующий военному званию корнета[1]) и поступил на службу в малороссийский почтамт[2].

Сохранилась недатированная записка к А. Д. Гоголю-Яновскому от соседа Федора Клименко: «Любезнейший сват Афанасий Демьянович, одолжите, братеку, невода, госте сей день... на завтре будут, да риби не ока, да пожалуйте, укажете моему, в какого вашего человека есть... Хочь мало продал би»[3].

[1] См. ***1799. Апреля 16. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1787. Ноября 27.***
[3] *Свод.* Т. 3. С. 365.

АВГУСТ

Д. П. *Трощинский* пишет доктору М. Я. Трохимовскому:

«...Вы так мне описали выгодность Кибинец и такую вселили мне к деревенской жизни охоту, что городская <...> еще пуще мне становится несносною. Обстоятельства, однако ж, войны, войны требуют, чтобы я до окончания оной не покидал службы; а потом, может быть, буду счастлив разделить с вами мирную и безмятежную жизнь. О сем я более всего прошу Бога...»

Попов 1868. С. 6.

ДЕКАБРЯ 6. СРЕДА. ОЧАКОВ

Взятие русскими войсками Очакова.

В гоголевском рукописном сборнике «Сочинения Ломоносова и Державина»[1] осаде Очакова посвящена ода Г. Р. Державина «Осень во время осады Очакова».

См. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. КИЕВ

Согласно документу, сохранившемуся в архиве Полтавского дворянского депутатского собрания (основано в 1802 г.), «праправнук Евстафия Г<ого>ля, Афанасий[1], о предках своих в 1788 г. показал:

"Предки мои, фамилиею Гоголи, польской нации[2]; прапрадед Андрей (т. е. Евстафий[3]. – *Примеч. А. М. Лазаревского. – И. В.*) Гоголь был полковником могилевским[4], прадед Прокоп и дед Ян Гоголи были – польские шляхтичи[5]; из них, дед по умертвии отца его Прокопа[6], оставя в Польше свои имения, вышел в российскую сторону и, оселясь уезда Лубенского в с<еле> Кононовке, считался шляхтичем[7]; а отец мой Демьян, достигши училищ в Киевской Академии (где и название по отцу его, Яну, принял *Яновского*[8]), принял сан священнический и рукоположен до прихода в том же селе Кононовке[9]. А я, окончивши училище в той же Академии[10], служил в бывшей войсковой канцелярии с 1757 г.[11], чрез 25 лет, за якие службы произведен от графа П. А. Румянцова чином полкового писаря в 1782 г.[12] Женат на дочери бунчук<ового> товарища Семена Лизогуба, по матке из фамилии Танских, Татьяне, за которою в посаг получил наследно[13] по деду ее, полковнику Василию Танскому, дворы в с<еле> Келеберде, в м. м.[14] Бубнове и Липляевом, да в д<еревне> Решетках, наданные по универсалу графа К. Г. Разумовского оному жены моей деду, Василию Танскому[15], на место прежде пожалованного было ему, но отшедшего в другие руки, села Озерян[16]. А во владении моем людей по последней 1782 г. ревизии переписанных, именно по жене в посаг доставшихся, уезда Золотоношского, в с. Келеберде, – м<ужчин> 63 и ж<енщин> 59; в м<естечке> Бубнове – м<ужчин> 1 и ж<енщин> 1; уезда Голтвянского в х<уторе> Кучине – м<ужчин> 77 и ж<енщин> 67, да собственно мне наследных в с. Кононовке – м<ужчин> 2 и ж<енщин> 3"».

Лазаревский А. М. Очерки малороссийских фамилий // *Свод.* Т. 1. С. 338–339.

[1] А. Д. Гоголь-Яновский, дед Н. В. Гоголя.

[2] См. также ***1830. Ноября 29. Суббота. Санкт-Петербург.***

[3] См. ***1674. Декабря 6. Воскресенье. Польский королевский лагерь под Кальником.***

[4] В 1675 г. Евстафий Гоголь был назначен польским королем Яном III Собеским наказным гетманом Правобережной Украины (см. ***1675. Апреля 4. Брацлав***).

[5] «До Хмельницкого существовала наряду с шляхтою польскою и шляхта русская, т. е. русские люди православной веры, получившие шляхетство (нобилитацию) от польских королей. Остатки этой русской шляхты существовали еще в XVIII в. ... <...> Но малорусское общество привыкло связывать *шляхетство* с Польшею, потому что оттуда шел этот общий титул "благородного состояния". Словами "польское шляхетство", "польский шляхтич" козацкая старшина определяла то "благородное состояние", которое она так сильно желала себе присвоить. Но при этом с понятием о польском шляхетстве вовсе не связывалось католичество; "польское" шляхетство могло быть приобретено человеком и православного вероисповедания. Поэтому малорусская козацкая старшина, присваивая себе "польское" шляхетство, разумеется, не отождествляла последнего с католичеством. Это лучше всего видно из показаний лиц, искавших дворянства, когда они, называя какого-нибудь своего предка "польским шляхтичем", тут же добавляли, что он должен был оставить Польшу (собственно правобережную Малороссию, теперешний "Юго-Западный край") и переселиться в "Российские пределы" вследствие де тамошних гонений на православие... Вот такими "польскими шляхтичами" были и два указанные в родословии Прокофий и Иван Гоголи. Ни на какое католичество их Афанасий Гоголь указывать, разумеется, не мог, а хотел только сказать, что это были люди не простые, а шляхтичи, получившие это шляхетство в Польше и от Польши» (*Лазаревский А. М.* Сведения о предках Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 340).

[6] Возможно, дед Ян был сыном не Прокопа, а Ильи — другого сына Евстафия Гоголя — или же дочери гетмана Настасьи (см. ***1661. Апреля 3***).

[7] В 1695 или 1697 г. Ян Яковлевич был назначен архиепископом Киевским Варлаамом (Ясинским) к Троицкой православной церкви г. Лубен (в четырех верстах от Кононовки) «викарным» священником (см. ***1695 или 1697. В течение года. Киев, Лубны***). Позднее, возможно, на средства иерея Яна Яковлевича, началось строительство православного храма в Кононовке, куда — «во вновь устроенную Успенскую церковь» — он был переведен в 1723 г. (см. ***1723. В течение года. Лубны, село Кононовка***).

[8] См. ***1698. Ноября 9. Ярополец.***

[9] См. ***1731. Июня 21. Киев.***

[10] См. ***1756. Мая 10.***

[11] См. ***1757. Января 8.***

[12] См. ***1782. Июня 7 — декабрь.***

[13] См. ***1776. Мая 3. Чернигов; 1776. Июня 3 и 25.***

[14] В местечках.

[15] См. ***1757. В течение года.***

[16] См. ***1749. В течение года. Санкт-Петербург.***

1790

СЕНТЯБРЯ 8. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Служащий у графа А. А. Безбородко Д. П. *Трощинский* награжден чином статского советника.

Ореус. С. 644.

ДЕКАБРЯ 11. СРЕДА. ИЗМАИЛ

Взятие Измаила русскими войсками под командованием генерал-аншефа А. В. Суворова.

В гоголевском рукописном сборнике «Сочинения Ломоносова и Державина»[1] штурму Измаила посвящены три выписки из оды Г. Р. Державина «На взятие Измаила» — *XII. Российский народ*; *XV. Представь: по светлости лазуря...*; *XXXIV. Отрывки. <№> 2* («И се уже, шумя, стремится...»); — и два фрагмента из его же «Описания торжества, бывшего, по случаю взятия города Измаила, в доме Генерал-Фельдмаршала Князя Потемкина-Таврического, в присутствии Императрицы Екатерины II. 1791 Апреля 28» — *XXVI. Пир Потемкина, данный Екатерине*; *XXXIV. Отрывки. <№> 4* («Не так ли, лира восхищенна...»).

[1] См. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва.***

ДЕКАБРЬ

Д. П. *Трощинский* пишет доктору М. Я. Трохимовскому, «наблюдавшему между прочим за хозяйством в его имении»:

«...Следствия недавно минувшей войны <...> не могли быть иначе как крайне обременительные для людей, в делах участие имеющих. Следственно, и я тут нес бремя почти превыше сил моих, так что наконец под тягостию оного низринулся в жестокую болезнь. Страдая с половины июля месяца, выдержав 16 мучительных операций, наконец дня только с три как оставил я постель, но комнаты еще надолго оставить не могу. В рассуждении села Кибинец я весьма благодарю вас за двукратное посещение и уведомления, которые вы мне о нем подаете. Строение дому заочно почти распорядить невозможно, а самому достанется ли там скоро быть, Бог знает».

Попов 1868. С. 5.

ОКТЯБРЯ 1. СРЕДА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ХУТОР КОСЯРОВЩИНА

В семье Ивана Матвеевича *Косяровского* (около 1762–1833) и Марии Ильиничны *Косяровской* (в девичестве *Шостак*, около 1763–1834), на хуторе Косяровщина, в семи верстах от Купчинского (позднее – Васильевка), родилась дочь Мария (будущая мать Н. В. Гоголя).

Сестра Гоголя Ольга Васильевна (в замужестве Головня) сообщала: «1-го октября день Покрова и именин моей матери»[1].

М. И. Гоголь вспоминала: «Муж мой был старее меня <на> 13 лет»[2]; «Отец мой был женат на Марье Ильиничне Шостак, служил в военной службе, простудился и потерял один глаз, что заставило его выйти в отставку. <...> ...У него был еще брат Петр Матвеевич»[3]; «Отец мой о многом имел сведения, и, при других науках, учился юриспруденции. Первый раз женат был на дочери бывшей фрейлины Зверевой, будучи в Петербурге с полком своим. Жена его была красавица и добра, как ангел. Она была 16-ти лет и любила своего мужа до обожания. Когда родители ее поручили зятю единственное свое сокровище на земле (больше детей у них не было), то мать, отдавая палку, оправленную в золото, сказала: “Вот вам, Иван Матвеевич, палка на вашу жену, если она когда-нибудь осмелится ослушаться вас”. С этим условием отец мой не хотел принимать палки, но жена с улыбкой взяла. Эта фраза, сказанная матерью, любящею свою дочь более всего на свете, осталась навсегда в моей памяти. С первых родов она умерла, за ней последовал и сын, виновник ее смерти. Смерть ее чуть было не скосила и ее мужа; он был в беспрестанных обмороках и когда пришел в себя, то возвратил все приданное родителям ее, которые упрашивали его оставить для памяти хотя что-нибудь из вещей ее, но он сказал, что все будет убивать его, и не мог ничего видеть. Просил генерала посылать его в опасные случаи, чтоб скорее прекратить свое существование, но религия удерживала его. Когда он был посылан по каким-то делам по службе в зимнее время, на дороге застигла его страшная стужа, он не мог никуда добиться и оставался без приюта более суток. Когда его нашли, по прекращении бури, без чувств, на глазах был лед. Поручили его докторам. По приведении его в чувства он жаловался на сильную боль головы и глаз. По долгом лечении его объявили ему (как он мне говорил), что один глаз его умер. Тогда он не мог продолжать военной службы и отправился домой. Сверстники его были генералами, покуда он мог служить по штатской уже службе.

Когда он обратился уже более к Богу, и горе его начало несколько уменьшаться, он еще был довольно молод и с расстроенным здоровьем, и увидел, что ему надобно иметь подругу в жизни.

Случилось ему быть в доме Малороссийского помещика, имеющего 100 душ и 12 своих детей, по 6 сынов[4] и дочерей, а другая такая же дюжина детей умерла. Фамилия его Шостак. Это многочисленное семейство было счастливо и очень доброе. Имея способности, сыновья оставили имение сестрам и, взяв себе по одному мальчику, пошли служить, по службе были очень счастливы, а по женитьбе богаты. Из этого-то семейства Бог указал моему отцу жену, девицу 20 лет [Марию Ильиничну], добрую и скромную. Бабушка <Шостак>, оставшись вдовой, отдала все имение меньшой своей дочери, моей тетке, – видно, чтоб не раздроблять имения, [а другим дочерям ничего, так как она не имела денег, и те 5 дочерей были замужем. Любила их одинаково всех. Но они, как я сужу по моей маминьке, никогда не роптали на это и были к матери очень почтительны и любили ее]»[5].

[1] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 201.

[2] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 63. – См. ***1777. В один из дней года. Хутор Купчинский, в сотне Шишацкой.***

[3] Воспоминания М. И. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 46. Петр Матвеевич Косяровский – отец Павла, Петра, Ивана и Варвары Косяровских.

[4] Из сыновей Ильи Шостака известен только младший сын Григорий (см. ***1830. Январь-февраль. Санкт-Петербург***).

[5] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 52–53.

1791–92

1791 НОЯБРЯ СРЕДИНА – 1792 МАРТ-АПРЕЛЬ. ОРЕЛ

Родители Марии Ивановны *Косяровской* (будущей матери Гоголя) уезжают в Орел, где Иван Матвеевич получил должность мелкого чиновника. Полуторамесячную или семимесячную Машу на десять лет[1] оставляют на воспитание у сестры отца Анны Матвеевны *Трощинской* (рожд. *Косяровской*).

М. И. Гоголь-Яновская вспоминала: «Отец мой года через два после женитьбы подал прошение на службу [до того времени он, видно, выходил в отставку]. <...> ...Ему открылось место в Орле[2]. Он поехал туда с маменькой моей, оставя меня полторамесячною в доме моего деда, Шостака, написавши к сестре своей, Трощинской, приехать за мной. Она имела только одного сына, служившего в С.-Петербурге[3]. Она взяла меня с кормилицей, любила как дочь свою, и сын ее иначе не считал меня, как родной сестрой»[4]. См. также: «Отец мой служил в Орле и оставил меня полуторамесячной у тетки Анны Матвеевны Трощинской (сестры отца моего, Ивана Матвеевича Косяровского...)»[5].

20 апреля 1858 г. Мария Ивановна сообщала также С. Т. Аксакову, что у своей тетки она «оставалась с 7-ми месяцей с кормилицей по случаю отъезда <...> родителей в Рос<с>ию»[6].

[1] До начала 1802 г. (см. 1802. Октября 1. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Ярески).

[2] Возможно, именно от орловских сослуживцев И. М. Косяровскому в 1792 – начале 1800-х гг. досталась рукописная масонская книга, хранившаяся позднее среди семейных бумаг в Васильевке: «Экономия жизни человеческой, переведенная с индейского манускрипта, сочиненного одним древним Брамином. В начале приложенно Англинского дворянина, жившего в Китае, письмо Графу Де..., в котором объясняется, каким образом оный манускрипт найден. Переведено с Аглинского языка на францу<з>ской 1751, а с оного на российской 1759 году. Его высокопревосходительству Ивану Анофриевичу <Брылкину; 1709–1770-е> ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА тайному советнику, Действи;ельному Камергеру и ордина святія Анны Кавалеру» (*ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 83 об.). На л. 84 – посвящение переводчика Дмитрия Боборикина (*Свод.* Т. 1. С. 35; см. также: Музейное собрание рукописей. Описание / Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Изд. подготовлено Т. А. Исаченко. М., 1997. С. 210). Переводчик книги – Дмитрий Лукьянович Боборыкин (Боборикин, Бобарыкин, Бабарыкин; 1739 – после 1791), выпускник Московского университета (1758), служил в Петербурге, Москве и Орле (с 1782), дослужился до чина действительного статского советника, член масонской ложи Возрастающего орла, действовавшей в Орле в 1784–1792 гг. (*Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 121, 959).

Книга состоит из шести частей. Часть первая «О должностях человека во особливости» содержит главы: «Рассуждение», «Смиренномудрие», «Прилежание», «Поревнование», «Благорассудство», «Верность»,

«Удовольствие», «Воздержность». Часть вторая «О страстях» состоит из глав: «Радость и печаль», «Гнев», «Сожаление», «Желание и любовь». В третьей части «О должностях общества» главы: «Благоволение», «Правосудие», «Щедролюбие», «Благодарность», «Искренность или чистосердечие». Четвертая часть «О Провидении или разных приключениях человеческих» заключает в себе главы: «Мудрые и невежи», «Богатые и убогие», «Вельможи и раби», «Государи и подданные». Пятая часть «О ближних и кровных сродниках» включает в себя главы: «Муж», «Жена», «Отец», «Сын», «Братья». Шестая часть – «О религии» – вся состоит из одноименной главы. (О негативном отношении Гоголя к масонству см.: ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург*** – примечания).

[3] А. А. Трощинский.

[4] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 56.

[5] Воспоминания М. И. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 46.

[6] *Свод.* Т. 1. С. 118.

1792

МАЯ 23. СРЕДА. СЛОБОДА ШПАКОВКА

Ян Стоцкий пишет письмо А. Д. Гоголю-Яновскому.

РГАЛИ. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 87. 1 л.

ИЮЛЯ 2 (?). ПЯТНИЦА. АХТЫРКА

Будущий отец Н. В. Гоголя, Василий Афанасьевич, вероятно, после поступления (предположительно, в июне 1792 г.) в Полтавскую Духовную семинарию[1], будучи на каникулах, совершает вместе с матерью, Татьяной Семеновной, паломничество к чудотворной иконе Божией Матери Ахтырской (обретена 2 июля 1739 г.[2]). Во сне ему является Царица Небесная и указывает на дитя, сидящее на полу у Ее ног: «...Вот твоя жена».

С. П. Шевырев в 1852 г., со слов М. И. Гоголь-Яновской, записал: «Сновидение Вас<илия> Аф<анасьевича> Гоголя перед браком. В церкви отворяются Ц<арские> двери, и выходит Царица в порфире, и выносит дитя. – В доме тетки Марьи Ив<ановны> Вас<илий> Афан<асьевич> узнает это дитя на руках у няни. Это была М<ария> И<вановна>. – Позднее[3] видит он, как в церкви же прекрасная девица указывае<т> на девушку 13 лет, сидящую за рабочим столиком»[4].

Позднее Мария Ивановна сообщала П. А. Кулишу: «...Выдали меня 14 лет за моего доброго мужа[5], в 7 верстах живущего от моих родителей. Ему указала меня Царица Небесная, во сне являясь ему. Он меня тогда увидал, не имеющую году, и узнал, когда нечаянно увидал меня в том же самом возрасте, и следил за мной во все возрасты моего детства»[6].

См. также в черновой редакции письма М. И. Гоголь к П. А. Кулишу от 30 декабря 1854 г.: «Во сне видеть себя или другого в церкви означает печаль, а мой муж, до знакомства еще с моим семейством и со мной, видел меня во сне 2 раза в церкви»[7]; и в промежуточной редакции мемуаров Марии Ивановны: «Во сне видеть церковь, говорят, означает печаль, а муж видел меня во сне в Ахтырской церкви два раза еще до знакомства с моим родителем и родными»[8].

В 1856 г. М. И. Гоголь писала также С. Т. Аксакову: «Теперь я опишу вам сон моего мужа, которому я вдруг не поверила, полагая, что он хотел меня удивить, покуда не уверил меня он серьезно и побожился: когда он приезжал в каникулы домой, и в то время ездил со своей матушкой в Ахтырку, Харьковской губернии, на богомолье, там есть чудовной образ Божьей Матери, они были там в обедне, отправляли молебен, и остались там ночевать, и он видел во сне тот же храм. Он стоял в нем по левую сторону; вдруг царские врата отворились, и вышла Царица в порфире и короне и начала говорить к нему при других словах, которых он не помнил: "Ты будешь одержим многими болезнями (и точно, он страдал многими недугами и, наконец, лихорадкой, которая продолжалась у него 2 года. Никакие средства не помогали; один Трофимовский освободил его от

нее), но то все пройдет". – Царица Небесная сказала ему: "ты выздоровеешь, женишься, и вот твоя жена". Выговоря эти слова, подняла вверх руку, и он увидел у Ее ног маленькое дитя, сидящее на полу, которого черты врезались в его памяти. Потом он приехал домой, рассеялся и забыл тот сон. Родители его, не имея тогда церкви, ездили в местечко Ярески при реке Псле. Там они имели 2 знакомых дома, Трощинских, братьев Д<митрия> П<рокофьевича>, в них оставались вдовы, одна тетка моя имела одного сына в Петерб<урге>, а другая имела дочь замужем за немцем *Шлихтином*. Мой муж любил его и проживал у него, познакомился и с теткой моей, и когда вынесла кормилица дитя 7 месяцев, он взглянув на него и остановился от удивления: ему представились те самые черты ребенка, которые показали ему во сне. Не сказавши о том никому, он начал следить за мной; когда я начала подростать, то он забавлял меня разными игрушками, даже не скучал, когда играла в куклы, строил домики с карт, и тетка моя не могла надивиться, как этот молодой человек не скучал заниматься с таким дитем по целым дням; я хорошо знала его и привыкла, часто видя, любить его; потом, спустя 13 лет, он видел тот же сон в том же храме, но не царские врата отворились, а боковые алтаря, и вышла девица в белом платье с блестящей короной на голове, красоты неописанной, и, показав рукой в левую сторону, сказала: "вот твоя невеста". Он оглянулся в ту сторону и увидел девочку в белом платьице, сидящую за работой пред маленьким столиком и имеющую те же черты лица. И после того скоро мы возвратились из Харькова[9], и муж мой просил родителей моих отдать меня за него»[10].

Об этом же предании М. И. Гоголь, вероятно, сообщала Н. Н. Шереметевой в 1842 г. Получив ее письмо, Шереметева отвечала: «Очень вам благодарна за подробное описание об себе с самого детства. Надо пребывать в этой уверенности, все, что с нами случается, не без промыслу...»[11]

См. также ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы*** (примечания); ***1846 декабря между 25 и 31 <1847 января между 6 и 12>. Васильевка***.

[1] См. ***1792. Август (?). Полтава.***
[2] См. ***1739. Июля 2. Понедельник. Ахтырка.***
[3] См. ***1805. Весна. Васильевка.***
[4] Воспоминания М. И. Гоголь в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод*. Т. 1. С. 13.
[5] См. ***1805. Ноября 12.***
[6] *Кулиш 1856*. Т. 1. С. 17; Воспоминания М. И. Гоголь в «Записких о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 1. С. 39.
[7] Автобиографическая записка М. И. Гоголь, письма А. В. Гоголь и др. // *Крутикова Н. Е.* Н. В. Гоголь. Исследования и материалы. Киев, 1992. С. 248; *Свод*. Т. 1. С. 65.
[8] Автобиографическая записка Марии Ивановны Гоголь, матери Н. В. Гоголя. Сообщено И. С. Аксаковым // Русский Архив. 1902. № 4. С. 718; *Свод*. Т. 1. С. 65.
[9] См. ***1805. Январь-лето. Харьков.***
[10] Из воспоминаний матери Гоголя. (Письмо М. И. Гоголь к С. Т. Аксакову от 3 апреля 1856 года) // Современник. 1913. № 4. С. 252; *Свод*. Т. 1. С. 79–80.
[11] См. ***1842. Октября 9 <21>. Пятница. С. Покровское.***

ИЮЛЯ ПОСЛЕ 2 (?)

Вернувшись в Васильевку из паломничества к Ахтырской иконе Божией Матери[1], В. А. Гоголь-Яновский через некоторое время в грудном (семимесячном) младенце, дочери соседей по имению Косяровских Марии, узнает те самые черты ребенка, которые показали ему во сне[2].

[1] См. ***1792. Июля 2 (?). Ахтырка.***
[2] Спустя тринадцать лет, на протяжении которых Василий Афанасьевич не перестает следить за своей суженой, видение еще раз повторяется, и он просит руки М. И. Косяровской, будущей матери Н. В. Гоголя (см. ***1805. Весна. Васильевка; 1805. Лето-сентябрь***).

АВГУСТ (?). ПОЛТАВА

Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский начинает обучение в Полтавской Духовной семинарии.

«Известно, что Василий Афанасьевич учился в Полтавской семинарии. В Полтаве был он на попечении некоего Стефана Городинского, по всей вероятности, учителя семинарии. Дошло несколько писем Городинского к отцу Василия Афанасьевича. Все они начинаются так: «Ваше высокоблагородие, высокомилостивый государь и благодетель мой Афанасий Демьянович». В каждом выражается благодарность за различные благодеяния и прибавляется та или другая просьба. Городинский не только учил Василия Афанасьевича, но и исполнял различные поручения отца своего ученика: покупал маслины, оливы, вино судацкое, табак виргинский. Изредка он сообщал и о своем питомце[1]. <...> Мы не знаем, сколько времени пробыл Василий Афанасьевич в Полтаве: из сохранившихся в бумагах Гоголя указаний видно, что он находился в Полтаве в 1792–1796 годах. По всей вероятности, в 1796 году он кончил свое ученье»[2].

М. И. Гоголь-Яновская вспоминала о муже: «Он учился в Полтаве. Родители его не хотели далеко от себя его учить, не имея никогда более его детей. Там была тогда семинария...»[3]

[1] См. ***1794. Ноября 26. Полтава***; ***1795. Марта 2. Полтава***.
[2] *Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 372.
[3] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 62.

ОКТЯБРЯ 1. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ЯРЕСКИ

М. И. *Косяровской* исполнился год.

ОКТЯБРЯ 15. ПЯТНИЦА. КИЕВ

На имя А. Д. Гоголя-Яновского выписана дворянская грамота.

«ГРАМОТА

КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ От Губернского Предводителя Дворянства и Уездных Дворянских Депутатов, собранных для составления Дворянской Родословной Книги, данная Дворянину *Секунд-Майору Афанасию Демьяновичу Гоголю-Яновскому.*

Рассмотрев, на основании Всемилостивейше пожалованной от ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА в 1785 году Апреля 21 дня Дворянству Грамоты[1], предъявленные от него, *Гоголя-Яновского,* О Дворянском его Достоинстве Доказательства[2], признали оные согласными с предписанными на то правилами, вследствие коих, по силе *Сем<ь>десят Сед<ь>мой* статьи объявленной Грамоты, он и род внесен в Дворянскую Родословную *Киевской* Губернии Книгу, в *Первую* ея часть. Во свидетельство чего мы, Губернский Предводитель Дворянства и Депутаты, во исполнение Высочайшего ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволения, дали ему сию Грамоту за подписанием нашим, утвердив оную печатью Дворянского собрания *Киевской* Губернии *Октября 15-го* числа *1792* года»[3].

По-видимому, свидетельство о дворянском происхождении понадобилось А. Д. Гоголю-Яновскому для того, чтобы в дворянское сословие мог вступить его двоюродный брат Иван Карпович Яновский. В 1792 г. А. Д. Гоголь-Яновский выдал ему «Свидетельство о дворянском происхождении», в котором, в частности, сообщалось: "...А как выше значащийся Иван Карпов сын Яновский точно есть произошедший от моей фамилии, то для получения ему с его семейством от кого следует по его жительству дворянского достоинства имеет неоспоримость, в чем за подписом моим и господ дворян припечатал ему Ивану Яновскому сие свидетельство"»[4].

[1] См.: 1785. Апреля 21. Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства // Полн. собр. законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 22. С. 344–358.
[2] См. ***1784. Октября 19. Киев***.
[3] *Свод*. Т. 1. 383, 384. – «Грамота на пергаменте. Сверху инициал Е / II, под ним двуглавый орел с распростертыми крыльями, с перекинутой через шею цепью, на звеньях которой висят гербы уездов Киевской губернии. По бокам и снизу виньетки из древнего и нового вооружения. Печать слева с гербами уездов и приведенным выше текстом».
[4] *Смирнова Р.* Польские корни Гоголя // Новая Польша. 2010. № 10 (123). С. 56.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

А. А. *Трощинский* выпущен в армию капитаном, с назначением во 2-й кадетский корпус.

Ореус. С. 666.

СЕНТЯБРЯ 2. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Д. П. *Трощинский* возведен Императрицей Екатериной II в звание статс-секретаря[1].

«Со 2 сент<ября> 1793 он находился в звании статс-секретаря императрицы по самую ее кончину»[2].

[1] *Ореус*. С. 644.
[2] *Попов 1868*. С. 6

МЕЖДУ ОКТЯБРЯ 1 И СЕНТЯБРЯ 30. В ОДИН ИЗ ДНЕЙ УКАЗАННОГО ПЕРИОДА. ХУТОР КОСЯРОВЩИНА

Кончина Матвея Васильевича *Косяровского*, прадеда Н. В. Гоголя по материнской линии.

Мария Ивановна в 1854 г. сообщала: «В детстве моем только и знала я дедушку[1], отца моего родителя[2], наслышась об нем так много от родных особ. Он умер, когда я была одного году. <...> [Брат моего отца[3] служил в Сибири <чиновником> 7 класса [и, приехавши оттуда, потребовал делиться имением], по смерти дедушки выписали его делиться имением. Отец мой, зная, что он несроден был к хозяйству, предлагал делить как-то имение: получить деньгами за свою половину, но он не согласился и перевел людей по своему желанию, получа за землю деньги, и, увидя трудности жить от такого имения, продал его своему знакомому [и не перевел тот по обещанию своему, и семейство по последней только ревизии перестало платить за проданные души вычетом из жалованья находящихся в военной службе. Узнавши об этом, родные хлопотали о том и вот теперь перестали вовсе хлопотать; половина имения, оставшегося у моего отца], половина оставшегося у отца моего и теперь находится у моей сестры[4], которой также предлагал мой отец уступить мне, поблизу находящейся, видя неспособность ее к хозяйству, а ей получить деньгами, но она не согласилась уступить и осталась при нем, т. е. этом хуторке]».

Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод*. Т. 1. С. 52.

[1] М. В. Косяровский.
[2] И. М. Косяровский.
[3] П. М. Косяровский. См. 1762. Один из дней года (примечание).

[4] Е. И. Ходаревская (рожденная Косяровская).

ОКТЯБРЯ 1. СУББОТА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ЯРЕСКИ

М. И. *Косяровской* исполнилось два года.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Д. П. *Трощинский* назначен членом главного почтового управления.

Ореус. С. 644.

ИЮНЯ 19. ПОНЕДЕЛЬНИК

Самуил Курновский отправляет А. Д. Гоголю-Яновскому письмо о современных внутриполитических событиях.

«Находясь уже не у дел, занимаясь пчеловодством и садоводством в своей любимой деревеньке, он <А. Д. Гоголь-Яновский> тем не менее интересовался всем, что происходило в городах; с этою целью он часто снаряжал "гусара" верхом в Миргород или Полтаву к знакомым специально за новостями. Кроме того он вел оживленную переписку со многими лицами, жившими в городах, от которых узнавал о событиях частных и политических. Эти письма интересны и по стилю, и по содержанию, и даже по форме. Особо важные события передавались при помощи некоторых секретных приемов. Так, например, перед нами лежит письмо в несколько строчек самого невинного содержания: "М<илостивый> Г<осударь> Аф<анасий> Дем<ьянович>! Я ни мало не удивляюсь, что письма сего берега очень тесны, ибо оно объяснит вам только то, что я, при засвидетельствовании моего к вам высокопочтения, имею честь быть, вас м<илостивый> г<осударь> пок<орный> сл<уга> Самойло Курновский. 1794 г. Июня 19". Но стоит только заглянуть на обратную сторону, и мы видим обширное и секретнейшее доношение об одном важном событии: "долгом моим почитаю донесть – вы может быть изволили уже слышать, что граф Румянцев паки, яко орля, обновляется. Истина сия видна из письма, которое к нему Императрица писать изволила". И далее следует текст этого интересного письма Императрицы Екатерины II графу Румянцеву. Но для нас гораздо интереснее их <А. Д. Гоголя-Яновского и С. Курновского> частная переписка в том отношении, что в ней зачастую брызжет здоровый малорусский юмор, подкрепленный иногда каким-нибудь славянским удачным словцом или выражением. В непродолжительное время мы их напечатаем в одной из следующих книжек Общества[1]. Очевидно, юмористическая жилка присуща всей семье поэта: и отец, и дед, так сказать, культивировали эту характерную черту, которая получила свое высокое развитие в уме нашего великого юмориста, Н. В. Гоголя».

Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 242.

[1] Упомянутые письма не были опубликованы.

СЕНТЯБРЯ 22. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Императрица Екатерина II награждает Д. П. *Трощинского* орденом св. Владимира 2-й степени[1].

Ореус. С. 644.

[1] См. также *1826. Сентября 22. Ярески*.

НОЯБРЯ 26. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПОЛТАВА

Стефан Городинский[1] сообщает А. Д. Гоголю-Яновскому о его сыне Василии, обучающемся в Полтавской Духовной семинарии:

«Что же касается до голубов, за которые вы изволили писать, якобы Васюта держал оные, то хотя сему и правда, однако мне несведущу. Ныне же узнавши об этом обстоятельно, заверяю вас, что уже точно не будет держать более, а меня покорно прошу извинить».

Щеголев П. Е. Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 372.

[1] См. *1792. Август (?). Полтава*.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

А. Д. Гоголю-Яновскому присвоен чин секунд-майора.

Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев, 1908. Т. 1. С. 292; 1912. Т. 3. С. 109.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. С. КОНОНОВКА

Кончина иерея Кирилла Демьяновича *Яновского*[1], сыновья которого Меркурий и Савва обучаются в Киевской Духовной академии[2].

[1] Брат А. Д. Гоголя-Яновского, деда Гоголя.
[2] *Гиляровский В. А.* Троюродный брат и предки Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 365–366.

1795

ФЕВРАЛЯ 23. ПЯТНИЦА. ПОЛТАВА

В. А. Гоголь-Яновский сообщает родителям:

«Высокомилостивейшие родители мои, батюшка и матушка. Во-первых, приношу вам всенижайшее благодарение за присланный мне гостинец, который в целости получил, при коем из письма вашего узнал, что вы за то недовольны, что не вместе приобщался Святых Таин, сие я сделал не сам от себя, то есть не по своему желанию, но по приказанию отца префекта, который в рассуждении множества спасенников, велел всем имеющим не более 15 лет семинаристам готовиться в пятницу, в коих числе и я был, и потому повеления не мог переменить. При чем остаюсь ваш, всемилостевейших родителей, покорнейший сын и слуга Василий Яновский. Р. Р. И инспектор меня за это пооралил <так!>, а Иванюшу выговаривал, что он не послухал та не зостался. Р. Р. Всепокорнейше прошу пошить мне куртку на лето и белые шаровары, да меду. 1795 года, февраля 23-го дня».

Щеголев П. Е. Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 372.

МАРТА 2. ПЯТНИЦА. ПОЛТАВА

Стефан Городинский[1] сообщает А. Д. Гоголю-Яновскому о его сыне:

«Васюта, слава Богу, по силе своих сил и дарований в учении своем успевает сообразно оных и впредь подает добрую надежду, я его понуждаю к учению, соображаяся всегда силам его телесным, которые усматриваются невелики».

Щеголев П. Е. Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 372.

[1] См. ***1792. Август (?). Полтава.***

АВГУСТА 8. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Императрица Екатерина II пожаловала Д. П. *Трощинскому* Кагорлыкское староство, Киевской губернии (в нескольких верстах от Днепровой пристани Ржищев), а также староство Вербовецкое и Хрептьевское, Подольской губернии.

Ореус. С. 644.

ЛЕТО. ПОЛТАВА

Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский оканчивает Полтавскую Духовную семинарию[1].

Сохранилось «коротенькое письмецо в стихах» В. А. Гоголя-Яновского к отцу 1793–1796 гг.:

Итак, понеже префект ныне
Начал домой всех отпускать,
То и по нас по сей причине
В сей четверток прошу прислать.
Я вечно в жизни не забуду
Сей милости ко мне драгой,
С почтением же к вам пребуду
Покорным сыном и слугой

Василий Гоголь»[2].

М. И. Гоголь-Яновская позднее вспоминала о муже: «Он учился в Полтаве, тогда была семинария... <...> Он учился там, он мне рассказывал[3], как всегда собирались на рекреации[4], там только это бывает. Он знал очень хорошо Грам<м>атику, Арифметику все части, Геометрию, Географию и натуральный самый основательный ум поэзии, учился латынскому языку и мифологию очень хорошо знал, стихи писал – когда ему приходило вдохновение очень приятно, знал архитектуру и беспрестанно в свободные минуты рисовал план на дом, и рассказывал мне, где будет какая комната и как будет выгодно...»[5]

[1] См. ***1792. Август (?). Полтава.***
[2] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 243.
[3] Возможно, рассказы отца впоследствии нашли отражение в описании бурсацкого быта в повести Гоголя «Вий» (1834) (см. также ***Около 1820, не позднее августа. Васильевка***).
[4] Рекреации – здесь: майские каникулярные дни, во время которых семинаристы, собираясь на открытом воздухе, пели, играли, устраивали складчину, иногда давали театральные представления.
[5] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 69, 62.

ОКТЯБРЯ 1. СРЕДА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ЯРЕСКИ

М. И. *Косяровской* исполнилось пять лет.

Из воспоминаний Марии Ивановны: «Родители мои, по мере возможности, навещали меня. Когда мне минуло [6] 5 лет, то они мне прислали [книгу рода букваря] букварь – толстую книгу, которой я нигде после не встречала. Она была гражданской печати, вмещала в себе, кроме отличных молитв, наставление обо всем приличном тому возрасту: как за столом сидеть и прочее, и для взрослых детей давала обо всем некоторые понятия, – первую часть арифметики и несколько из географии, нравоучительные сказочки. <...> Выуча эту книгу [с помощью моей родной тетки] или что только было доступно тому возрасту, я не знала славянской, или церковной печати, и для того учили меня Псалтыри. В этой прекрасной книге не было титлов, и я их не знала».

Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 56–57.

НОЯБРЯ 4. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Д. П. *Трощинский* произведен в чин действительного статского советника.

Ореус. С. 644.

ДЕКАБРЯ 11. ЧЕТВЕРГ. ПЕРЕЯСЛАВЛЬ

Меркурий Кириллович *Яновский*, окончивший Киевскую Духовную академию, «рукоположен преосвященным Амфилохием, епископом Переяславским и Бориспольским», и поступил на место священника в с. Кононовка.

Гиляровский В. А. Троюродный брат и предки Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 365–366.

ДЕКАБРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Один из знакомых А. Д. Гоголя-Яновского, Врончевский, сообщает ему:

«Письмо ваше по приезде моем сюда, немедленно вручил Дмитрию Прокофьевичу[1], и его превосходительство охотно был расположен удовлетворить просьбе вашей[2], но последовавшие по случаю кончины Государыни Императрицы <Екатерины II>[3] совершенно новое преобразование гвардии пресекло к тому всякие способы и всякую возможность... Буде, кто вновь хочет записаться в гвардию, тот должен служить на лицо первоначально солдатом и постепенно происходить чинами»[4].

Щеголев П. Е. Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 373; см. также: *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей // *Свод.* Т. 1. С. 243.

[1] Трощинскому. «Вот с каких пор Трощинский принимал участие в делах семьи Яновских» (*Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 373).

[2] Речь идет о просьбе Афанасия Демьяновича записать сына Василия в гвардию.

[3] 6 ноября 1796 г.

[4] Согласно принятому 29 ноября 1796 г. Воинскому уставу (см.: Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 24. С. 89, 185).

1797

АПРЕЛЯ 5. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Император Павел в самый день венчания на царство собственноручно возложил на <Д. П. *Трощинского*> <...> командорские знаки ордена св. Анны 1-й степени...»

Ореус. С. 646.

АВГУСТА 25. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Д. П. *Трощинский* произведен в чин тайного советника.

Ореус. С. 646.

1798

МАЙ

Секунд-майор А. Д. Гоголь-Яновский подает маршалу (предводителю дворянства) Зеньковскому (Заньковскому) «семейный список», подписанный самим Афанасием Демьяновичем, а также маршалом Чернышем. В списке «в особой графе значится», что Гоголь-Яновский «имеет сына Василия 15 лет».

Свод. Т. 1. С. 44.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ГОДА

«После неудачной попытки пустить сына по военной службе[1], Афанасий Демьянович остановился на штатской. Сначала он рассчитывал послать сына в пансион при Московском университете. Он уже запасся рекомендациями к влиятельным лицам в Москве[2], но почему-то дело расстроилось. Попробовал он было отослать его в Чернигов для службы под руководством своего приятеля Павла Коропчевского[3], но и здесь ничего не вышло. Так и остался Василий Афанасьевич "находящимся при малороссийском почтамте сверх комплекта"».

Щеголев П. Е. Отец Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 373.

[1] См. ***1796. Декабрь. Санкт-Петербург.***

[2] «...хлопотали через Д. П. Трощинского...» (*Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей // *Свод*. Т. 1. С. 243).

[3] Вероятно, имеется в виду Павел Григорьевич Коропчевский, служивший в 1779 г. в Глухове в Канцелярии генеральной артиллерии Малороссийской коллегии в чине бунчукового товарища (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1779. СПб., 1779. Т. 1. С. 405).

АВГУСТ (?). КИЕВ

Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский, предположительно, поступает в Киевскую Духовную академию.

В 1889 г. В. И. Шенрок писал: «...Василий Афанасьевич <...> имел умного, хорошо образованного отца. Афанасий Демьянович, хотя и не принадлежал уже к духовному званию, подобно двум ближайшим своим предкам, <...> но также, как названные предки, прошел через семинарию и завершил свое образование в Киевской духовной академии. <...> ...Василий Афанасьевич <...> не предназначая

себя по окончании курса в семинарии к духовному званию, <...> не пошел по примеру отца и деда в академию и считал свое образование законченным». К этим строкам В. И. Шенрок сделал примечание: «Ниже мы встретим противоречащее этому показание; но трудно теперь установить истину. Мы основываемся в данном случае на записках М. И. Гоголь»[1]. Имеется в виду следующее замечание М. И. Гоголь: «Муж мой учился в Полтаве, где еще не было, кроме семинарии, ничего»[2]. Под «противоречащим показанием» Шенрок подразумевал свидетельство А. С. Данилевского о том, что его отец и отец Гоголя «вместе воспитывались в киевской духовной академии»[3]. На основании этого показания, В. И. Шенрок позднее пересмотрел свое мнение: «...Василий Афанасьевич <...> не предназначая себя по окончании курса в семинарии к духовному званию, <...> хотя и *пошел* по примеру отца и деда в академию, но затем считал свое образование вполне законченным». В примечании В. И. Шенрок добавлял: «В записках М. И. Гоголь даже не упомянуто о том, что ее муж был в академии, и мы лишь случайно узнаем об этом факте из воспоминаний А. С. Данилевского. Мы не основываемся в данном случае на записках М. Ив. Гоголь, потому что она могла просто позабыть отметить эту подробность»[4]. Позднее В. А. Чаговец на основании недошедших до нас документов также указывал, что отец Василия Афанасьевича, стараясь дать сыну «возможно лучшее образование и воспитание», «сначала отдал его в Полтаву, а затем в Киев»[5].

[1] *Шенрок В. И.* Родители Гоголя // Исторический Вестник. 1889. Январь. С. 122–123; см. также: *Шенрок.* Т. 1. С. 37–38.

[2] *Свод.* Т. 1. С. 47.

[3] *Шенрок В. И.* Родители Гоголя // Исторический Вестник. 1889. Январь. С. 134; см. также: *Шенрок.* Т. 1. С. 99; *Шенрок В. И.* Ученические годы Гоголя. Биографический очерк. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1898. С. 39; *Свод.* Т. 1. 493.

[4] *Шенрок В. И.* Ученические годы Гоголя. Биографический очерк. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1898. С. 6.

[5] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 3. С. 30; *Свод.* Т. 1. С. 242.

ОКТЯБРЯ 1. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ЯРЕСКИ

М. И. *Косяровской* исполнилось семь лет.

Мария Ивановна вспоминала: «В одно время, когда приезжал Дмитрий Трощинский, для ревизовки почтамтов, сколько я припоминаю, и обыкновенно всегда бывал у моей тетки, и с ним приезжали какие-то два старика, в орденах украшенных, они обратили на меня внимание. Так как я вертелась около моей тетки, то она, говоря обо мне, прибавила, что я часто ей танцую козачка под свою музыку. Они, лаская меня, спросили, на каком инструменте я играю, удивляясь, как можно самой играть и танцовать, и я серьезно отвечала: "на языке". Все разразились смехом. Потом я слышала, что, приехавши в С.Петербург, они рассказывали, что они видели в Малороссии девицу, которая играла на своем природном инструменте — языке — и танцовала. Мне тогда было 7 лет».

Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 57.

ДЕКАБРЯ 4. ПЯТНИЦА

В. А. Гоголю-Яновскому и его матери Т. С. Гоголь-Яновской корнетом Осиповым выдана квитанция в получении денег, пожертвованных на учреждение в Полтаве пансиона благородных девиц.

РГАЛИ. Ф. 139. Ед. хр. 88.

АПРЕЛЯ 8. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Д. П. *Трощинскому* пожалован орден св. Александра Невского.

Ореус. С. 646.

АПРЕЛЯ 16. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Указом Императора Павла I В. А. Гоголь-Яновский «произведен в чин титулярного советника» (9 класс)[1]. (До этого Василий Афанасьевич имел чин губернского секретаря — 12 класса[2].)

[1] См. ***1806. Мая 9. Чернигов.***
[2] См.: *Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 373.

СЕНТЯБРЯ 16–27. АЛЬПЫ

Переход русских войск под командованием фельдмаршала А. В. Суворова через Альпы.

В гоголевском рукописном сборнике «Сочинения Ломоносова и Державина»[1] этому событию посвящена ода Г. Р. Державина «На переход Альпийских гор» (помещена под номером VII).

[1] См. ***1841 октября 17 — 1842 мая 23. Москва.***

ОКТЯБРЯ 1. СУББОТА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ЯРЕСКИ

М. И. *Косяровской* исполнилось восемь лет.

Мария Ивановна вспоминала: «В 8 лет я читала так мои сказочки в присланной мне книге моими родителями[1], что моя редкая тетка не скучала слушать меня; но <учить> писать не начинала, боясь испортить мою руку старинным своим почерком (которому она училась самоучкой, поживая у своих дедушки и бабушки Щербаковых, очень богатых помещиков, но не имевших никакого способа доставлять воспитание. Они имели одного сына <Максима>, и того, по случаю, отправили за границу учиться). <...> Трощинский[2] <...> приезжая домой при разных командировках, видел меня в разных возрастах, предлагал своей матери[3] поручить меня ему (так как он был отличной нравственности, то многие матери поручали ему своих дочерей вывозить на балы), чтоб доставить мне блестящее воспитание, но она не согласилась, сказав: "У нас в Малороссии не нужно такое воспитание. Пусть она будет хорошей хозяйкой, и ей будет хорошая партия. У моих приятелей, Гоголей, есть сын хороший, молодой человек, — неимоверно привязан к ней. Когда бывает у меня, то всегда занимается с таким необыкновенным терпением с ней и ее игрушками, приводя все в порядок, и она воображает, что и его занимают куклы, и обо всем с ним советуется в своих кукольных делах"».

Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 56–57.

[1] См. ***1796. Октября 1. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Ярески.***
[2] А. А. Трощинский, сын тетки Марии Ивановны.
[3] А. М. Трощинской.

НОЯБРЯ 18. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Д. П. *Трощинский* назначен членом совета учреждений императрицы Марии Феодоровны.

Попов 1868. С. 7.

1800

СЕНТЯБРЬ 6. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

Д. П. *Трощинский* по болезни уволен от должности президента почтового отделения.

Попов 1868. С. 7.

ОКТЯБРЯ 12. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Д. П. *Трощинский* уволен от всех дел, по болезни.

Попов 1868. С. 7.

НОЯБРЯ 10. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Д. П. *Трощинскому* пожалован командорственный крест св. Иоанна Иерусалимского[1]; кроме того, при сохранении звания статс-секретаря, он наименован сенатором и присутствующим в советах, учрежденных при Воспитательном обществе благородных девиц[2] и училище св. Екатерины.

Ореус. С. 646–647.

[1] Согласно другому источнику, награждение состоялось 8 ноября 1800 г. (см.: *Попов 1868.* С. 7).

[2] Позднейшее название – Смольный институт благородных девиц. Впоследствии в аналогичное учебное заведение – Патритический институт благородных девиц – поступил на службу Гоголь (см. ***1831. Февраля 6. Пятница. Санкт-Петербург***). До этого, в 1830 г., Гоголь несколько месяцев служил в Департаменте уделов, который когда-то возглавлял Трощинский (см. ***1803. В течение года. Санкт-Петербург***).

МАРТА 13. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Именным указом Император Александр I повелел Д. П. *Трощинскому* состоять при своей особе «для исправления дел по особой высочайшей доверенности на него возложенных», с указанием быть по-прежнему «главным директором почт и присутствовать в сенате, когда он по настоящей своей должности свободное время иметь может».

Попов 1868. С. 7.

МАРТА 30. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Император Александр I назначает Д. П. *Трощинского* членом государственного совета и заведующим канцелярией совета.

Иванов Р. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863. С. 128–129.

СЕНТЯБРЯ 15. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Д. П. *Трощинский* произведен в действительные тайные советники.

Иванов Р. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863. С. 130; *Ореус.* С. 648.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Государственный Совет. Господа члены. <...> Дмитрий Прокофьевич *Трощинский*, действительный Тайный Советник, находящийся при ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМ ВЕЛИЧЕСТВЕ у исправления возложенных на него по особой доверенности дел, Сенатор, главный Директор Почт...»

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1802. СПб., <1802>. С. 3.

ОКТЯБРЯ 1. СРЕДА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ЯРЕСКИ

М. И. *Косяровской* исполнилось одиннадцать лет.

Мария Ивановна вспоминала: «Тетка сама учила меня, как могла. Когда отец <вновь> вышел в отставку и приехал за мной, я мало знала родителей и мне очень не хотелось оставлять тетку; я много плакала. Дома в хуторе я увидела сестру и брата; но очень грустила за теткой, которая опять взяла меня и я у нее оставалась до двенадцати лет»[1];

«В это время оставил службу мой отец, чтоб несколько укрепить свое зрение. Родители мои приехали к моей тетке и объявили ей, что меня возьмут домой. Помню и теперь это тяжелое для меня время. <...> Итак, меня взяли в хутор мои родители, где я была в компании с меньшим моим братом[2] и сестрой[3], но жестоко грустила за моей тетушкой, ни на один день не забывала ее, перестала уже так резвиться, все мне казалось чуждо, и малознакомые родители мои хотели начинать учить меня писать. Они оба хорошо писали, но желали, чтоб я лучше их писала, и купили для меня отличную пропись. В то время приехала к нам другая моя тетка[4] [которая была замужем за Лукашевичем, бывшем почтмейстером в Полтаве[5], но она не любила жить в Полтаве и более жила в имении своем, недалеко <от> Кременчуга], родная сестра той, у которой я жила и часто там видела ее. Она жила в своем имении недалеко от Кременчуга и сказала родителям моим, что недалеко от нее, у богатых помещиков, есть учительница, учит их детей, и что она сказала, что у нее есть племянница, которую пора начинать учить. Они сказали привезти меня учиться вместе с их детьми, и она с ней договорилась о цене; и родители мои отпустили меня с моей теткой, и та меня отвезла туда учиться. Учительница моя была старая девица, очень религиозная, училась в монастыре, начала меня учить писать (читала я лучше моей учительницы). Разведя мелу, вместо чернил на доске, учительница написала мне азбуку такими страшными иероглифами, что мне не удавалось видеть до того времени такой рукописи, и велела копировать те слова, и я с большим прилежанием начала

писать мои каракульки, которыми она всегда была довольна. Я пробыла там год, и когда написала письмо к моим родителям, то они испугались моей рукописи и просили мою тетку привезти меня обратно к ним, жалея, что не начали сами учить меня.

Можете себе представить, какая трудность была учить детей, когда богатые помещики не имели способов лучше учить своих детей. Родители мои, сколько ни старались исправлять мою руку, дали мне пропись; но я все сбивалась на прежние мои литеры, которые я с таким усердием старалась копировать. Приехавшая тетка моя, Трощинская, выпросила меня опять у моих родителей, обещая прилежно наблюдать за тем, что я уже знала. Когда меня отпустили к ней, то я была в восторге, и оставалась у нее до 12 лет. Прежде велела она мне повторить выученную мною книгу при себе по утрам, которую я начала понимать, а прежде читала ее, как попугай; после обеда писала, держа в руках перо, как мне было ловче<е> и как я привыкла. Тетушка моя была довольна моим писанием. Когда я начала подростать, то мне дали читать *Детское Училище*, которое мне чрезвычайно нравилось. Я читала вслух, и какие лица мне нравились, то я молилась Богу уподобиться им. Именно Благоразумова пленяла меня. Потом дали мне читать *Детское Чтение*[6], в [12] 20 томах, кажется»[7].

В письме к С. Т. Аксакову от 20 апреля 1858 г. Мария Ивановна уточняла: «...Детское чтение я перечитывала в 20 томах в 13-ть уже лет, до 12-ти лет любимое мое чтение детское училище, и там-то я читала помещенную вами сказку, рассказываемой вам клюшницей, под названием красавица и зверь, и вместо алого цветочка, роза, назначенная купцу привезти младшей его дочерью»[8].

[1] Воспоминания М. И. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 46.

[2] Имя не установлено. Сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «У них <И. М. и М. И. Косяровских> было девять сыновей и две дочери: моя мать и тетка Катерина Ивановна; но сыновья все поумирали. Зато дочери прожили до 80-ти лет» (Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 197).

[3] Косяровская Екатерина Ивановна (в замужестве Ходаревская, ум. в 1870-х – нач. 1880-х).

[4] Лукашевич (рожд. Косяровская) Агафья Матвеевна.

[5] Павел Васильевич Лукашевич, надворный советник, почтмейстер губернской почтовой конторы в Полтаве (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1805. СПб., <1805>. С. 175; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1810. СПб., <1810>. Ч. 1. С. 275).

[6] «Детское чтение для сердца и разума» – первый русский детский журнал, составлявшийся А. А. Петровым и Н. М. Карамзиным и издававшийся еженедельно Н. И. Новиковым в 1785–1789 гг. (Ч. 1–18) при «Московских Ведомостях». По-видимому, в распоряжении Марии Ивановны было второе издание журнала (см.: «Детское чтение для сердца и разума. 1-е изд. 1787–1788. 9-я, 11–16 части. 2-е изд. 1802. 3–6 и 11–120 части»; Каталог антикварной библиотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, приобретенной после бывшего министра Д. П. Трощинского. Киев, 1874. С. 55). В журнале помещались нравоучительные повести, а также статьи исторического и географического содержания. См. также ***1813. Апреля 12.***

[7] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 57–58.

[8] *Свод.* Т. 1. С. 119.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ВАСИЛЬЕВКА

А. Д. Гоголь-Яновский в ответ на прошение разрешить ему купить старую деревянную церковь и перевезти ее в Васильевку получает отказ, с разрешением на строительство в селе каменной церкви Рождества Пресвятой Богородицы.

См. ***1821. Сентября 21. Среда.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ОРЕЛ, ХУТОР КОСЯРОВЩИНА

И. М. *Косяровский* по состоянию здоровья оставляет службу в Орле и возвращается на родину.

См. ***1802. Октября 1. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Ярески.***

1803

ОКТЯБРЯ 1. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ЯРЕСКИ

М. И. *Косяровской* исполнилось двенадцать лет.

НОЯБРЬ. МОСКВА

В «Вестнике Европы» появляется статья о докторе М. Я. Трофимовском[1]:

«...Имею удовольствие сообщить вам известия о почтенном человеке, который по жизни и делам своим имеет неоспоримое право на всеобщую благодарность. <...> Ласковый прием, всегдашняя готовность к помощи и долговременная опытность так прославили сего врача, что в крайности, когда уже все способы делаются бесполезными, недужные прибегают к нему, как к Оракулу, ожидая решительного приговора. <...> У него нет различия в состояниях: богатой и убогой – все равномерно занимают его, с тем различием, что последним он дает лекарства безденежно. <...> Сей человек, помогая страждущим, наймами домов и продажею деревенских произведений обогатил всех жителей селения; но за то уже приобрел такое уважение, которым не всякой вельможа может похвалиться. <...> В Сорочинцах недавно был пожар, от которого некоторые жители совершенно разорились. Господин Трофимовский доказал, что он есть не только телесный, но и душевный врач: утешал несчастных, скромным образом помогал им, и новые домы уже выстроены. <...> Сей почтенный муж, не взирая на то, что имеет уже от роду около семидесяти лет, еще бодр и весел. Он примером своим доказывает, что полезная деятельность есть самый лучший талисман для сохранения здоровья».

И. Б. Благодетельный врач в Малороссии. (Письмо к Издателю) // Вестник Европы, издаваемый Николаем Карамзиным. (М.), 1803. Ч. 12. Ноябрь. № 21 и 22. С. 88–91.

[1] Михаил Яковлевич Трофимовский (Трахимовский, Трохимовский; около 1733 – после 1810), врач. – См. также ***1809. Конец февраля – начало марта. Местечко Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии*; *1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Государственный Совет. Господа члены. <...> Дмитрий Прокофьевич *Трощинский*, действит<ельный> Тайный Советник, Сенатор, Министр Департамента Уделов, главный Директор Почт...»

Месяцеслов с роспивю чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1802. СПб., <1802>. С. 3.

1804

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ЛОХВИЦА ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Отец Марии Ивановны И. М. *Косяровский* в чине коллежского асессора служит почтмейстером в Лохвице[1].

[1] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1804. СПб., <1804>. С. 193. – До И. М. Косяровского, в 1802 г., должность почтмейстера в Лохвице занимал губернский секретарь М. Немирович-Данченко (Месяцеслов с росписью чиновных особ

в государстве на лето от Рождества Христова 1802. СПб., <1802>. С. 167). В месяцеслове с росписью чиновных особ на 1803 сведения о почтмейстере городовой почтовой конторы в Лохвице отсутствуют (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1803. СПб., <1803>. С. 186; месяцесловы с росписью чиновных особ с 1797 по 1801 г. не выходили).

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ЯРЕСКИ

В. А. Гоголь-Яновский купил у П. Тимошенко в Яресках, где у него самого был хутор, «жилой двор» за 120 рублей.

Назаревский. С. 329.

1803–04

МЕЖДУ 1803 ОКТЯБРЯ 1 И 1804 СЕНТЯБРЯ 30. ЯРЕСКИ

В. А. Гоголь-Яновский читает М. И. *Косяровской* заключительные строки трагедии А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец» (1771): «Ступай, душа, во ад и буди вечно пленна! / Ах, если бы со мной погибла вся вселенна!»

3 апреля 1856 г. М. И. Гоголь писала С. Т. Аксакову по поводу его «Семейной хроники»: «Как живо напомнил мне один монолог в книге вашей из трагедии Озерова <Сумарокова> (иди, душа, во ад) моего мужа; мне казалось, как будто он выговоря его, падал предо мною, закалываясь; он представил его в кругу девок, окружающих меня, я так испугалась, будучи 12 лет, что не знала, как очутилась на диване, ухаживаемая моими гостьми. Мне показалось, что он в самом деле заколол себя, а он испугался, чтобы я не заболела от испуга, и не мог уехать домой, не узнавши, что мне прошло совершенно».

Из воспоминаний матери Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 79.

1804

ОКТЯБРЯ 1. СУББОТА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ ЯРЕСКИ

М. И. *Косяровской* исполнилось тринадцать лет.

1805

ЯНВАРЬ-ЛЕТО. ХАРЬКОВ

Иван Матвеевич *Косяровский* в чине коллежского асессора (8 класс) служит почтмейстером в Харькове, где с ним находятся дочь и сын[1]. По выходе в оставку И. М. *Косяровский* получает чин надворного советника (7 класс)[2].

М. И. Гоголь вспоминала об отце: «Отец мой отдохнул немного дома и видел невозможность воспитывать детей. Брату приближалось время усилить воспитание. Доходы из их хутора насилу позволяли иметь чай, сахар[3] и кофе, который родители мои любили, и при всем том уделяли некоторую часть и для тех, которые также любили его, но не имели возможности иметь его. Отец мой подал желание опять служить, и ему вышла должность в Харькове — почтмейстером[4]. Уезжая туда, взял и меня, и я опять оставила мою любимую тетку, которая охотно отпустила меня, воображая, что я там приобрету много для себя полезного. При отъезде нашем я виделась с приятелем моим[5] по куклам. Он, казалось, не хотел разлучаться с нами. В

Харькове начали приходить к нам учителя французского и немецкого языка, меня учили более для соревнования моему брату. Танцовальный учитель надоедал мне своим менуэтом [не было у меня призвания к танцам. Слезы катились у меня при том монотонном танце]. *Профессор музыки* (как он называл себя) Витковский[6] [всегда разыгрывал на скрипке, имея бриллиантовый перстень на руке, подаренный Государыней за его искусство], кажется, получивший за свое искусство от Государя брил<л>иантовый перстень, брался учить меня на фортепьяно без возмездия, и только я видела, как несли наверх тот инструмент, как папенька пришел с печальным видом и сказал маменьке, что он чувствует боль в глазе и тусклее зрение. Позвали доктора, и он объявил, что если он станет так прилежно заниматься, то у него скоро покроется глаз катарактой. Изложив причины, мой бедный папенька подал в отставку, и мы переехали в наш хутор. [В Харькове <были> знакомые моим родителям дома, и одна, Дурасова, настаивала, чтобы они оставили меня у нее для доставления мне блестящего воспитания, но я упрашивала со слезами моих родителей доставить меня к тетушке своей, что они и сделали.] И так как говорят, за Богом молитва, а за Царем служба никогда не пропадает, то отцу моему дана была пенсия по 600 рублей»[7];

«...Тогда было началось мое воспитание, когда он был в Харькове губернским почтмейстером. И когда ему объявили доктора, что он лишится от излишнего прилежания зрения, то оставил службу и переехал в свой маленькой хуторок, и окончилось мое воспитание, продолжавшееся всего 1 год»[8];

«...Отец получил место почтмейстера в Харькове и взял меня от тетки, где я начала учиться с братом, но скоро доктора советовали отцу оставить службу, если не хочет потерять совершенно зрения, и мы опять приехали в свой хутор. В это время сосед мой по деревне, будущий муж мой, приехал к отцу посоветоваться о службе в Харькове. Отец мой, указывая на нас, детей, в разговоре сказал: "Вот моя забота!" Он же подумал, глядя на меня: "От одной-то я скоро избавлю вас!" Так он после мне рассказывал. Тогда мне было всего тринадцать лет. Я чувствовала к нему что-то особенное, но оставалась спокойной и думала только о тетке, моей второй матери, которой я много рассказывала о своей жизни в Харькове. Жених мой часто навещал нас»[9].

[1] Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1805. СПб., <1805>. С. 176.

[2] «Иван Матвеевич Косяровский (Надв<орный> Сов<етник>)» (Воспоминания М. И. Гоголь в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 1. С. 12). См. также ***1821. Января 30. Сорочинцы***; Дворянский протокол Гоголя. Фрагмент из «Записок о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 335.

[3] Ср. в письме Гоголя к матери от 5 июня 1851 г.: «Как вспомню о бедной Елизавете, которая уже оттого только, что недоставало сахару для гостей, издавала вопли отчаянья, — что же будет с нею потом, когда пойдут недостатки поважней недостачи сахара для гостей?» Сахар в XIX в. был почти исключительно «привилегией» высших сословий и в крестьянском быту не употреблялся. «Хотя употребление сахара в физическом смысле не токмо безвредным, но еще приятным и полезным почитается, но судя по чрезвычайно возвысившейся цене его, ежегодно составляющей знатные суммы, для Отечества нашего можно почесть оный весьма вредным, как для частных людей, так и для блага всего народа. Сие доказывается и тем, что во многих местах стараются возможнейшим образом приготовлять сахар из домашних произведений. Сие также есть единственное средство избавить себя от корыстолюбия иностранных народов» (<*Члены Государственной Медицинской Коллегии.*> Предуведомление // <*Эллизен И. Г. Д.*> Способ заменять иностранный сахар домашними произведениями. Напечатан по Высочайшему Е. И. В. повелению. СПб., 1799. С. 3–4). «Да вот же не заведу у себя, как ты там ни говори в их пользу, никаких этих внушающих высшие потребности производств, ни табака, ни сахара, хоть бы потерял миллион. Пусть же, если входит разврат в мир, так не через мои руки!» — говорит у Гоголя герой второго тома «Мертвых душ».

[4] Первоначально Иван Матвеевич получил должность почтмейстера в Лохвице (см. ***1804. В течение года. Лохвица Полтавской губернии***).

[5] В. А. Гоголем-Яновским.

[6] Иван Матвеевич Витковский, учитель музыки Харьковского университета в 1822–1829 гг.

[7] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 59.

[8] Воспоминания М. И. Гоголь в «Записиках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 39.

[9] Воспоминания М. И. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 46.

ВЕСНА. ВАСИЛЬЕВКА

В. А. Гоголю-Яновскому, спустя тринадцать лет после первого видения, во сне следует новое явление, с указанием на избранницу, тринадцатилетнюю М. И. *Косяровскую*: «Вот твоя невеста».

См. ***1792. Июля 2 (?). Ахтырка.***

ИЮЛЯ 29. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В ответ на «Прошение Действительного Тайного Советника Графа Ильи Безбородко» подписан указ «О заведении в Нежине Гимназии высших наук Князя Безбородко» («о заведении в Нежине Гимназии вышних наук»).

1805. Июля 29. О заведении в Нежине Гимназии высших наук Князя Безбородко // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Стб. 372–376. – См. также ***1810. Января 15. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1820. Апреля 19. Понедельник. Санкт-Петербург.***

ЛЕТО – СЕНТЯБРЬ. ЯРЕСКИ, КОСЯРОВЩИНА

М. И. *Косяровская* живет у своей тетки Анны М. *Трощинской* в Яресках[1]. В. А. Гоголь-Яновский часто навещает Марию Ивановну[2] и, через тетушку, делает ей предложение.

Родители М. И. *Косяровской* берут ее к себе, чтобы приготовить к венчанию, которое условились устроить 1 октября 1805 г. (когда Марии Ивановне исполнится четырнадцать лет), тогда как свадьбу назначили через год[3], в продолжение которого Василий Афанасьевич обещал оставить жену у ее родителей или у тетки[4]. В. А. Гоголь, помимо частых визитов к невесте, пишет ей письма, которые та, не распечатывая, отдает отцу. Ответы пишутся под диктовку отца[5].

В этот же период Василий Афанасьевич в качестве жениха Марии Ивановны, по-видимому, представлен приехавшему на лето на родину Д. П. *Трощинскому*[6].

[1] М. И. Гоголь вспоминала: «...Тут-то начала я ей <тетушке> рассказывать, что видела в Харькове восковые куклы целыми компаниями, в рост человека, только не говорили, комедии в театрах, какие пьесы мне случилось видеть, рассказывала в лицах все роли. Тетушка скрывала от меня свой смех, но я видела, как она дрожала от него. По окончании всего на другой день заставила меня повторить уроки начатых мною наук. Дорогая тетка моя умна была, как Жанлис, а сердце имела лучшее ее, но не понимала ничего из моих уроков, так же, как и я, хотя и болтала я бегло по-немецки и начала только кое-как переводить с французского. Она боялась, чтоб я не забыла, не зная, что мне нечего было забывать. Тогда начинался другой период моей жизни. По вечерам я читала книги из избранной библиотеки моего кузена <А. А. Трощинского>; поутру у нас было чтение; после обеда занимались рукоделием, которых я знала много сортов, пользуясь случаем где увидеть» (Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод*. Т. 1. С. 60).

[2] Мария Ивановна вспоминала: «Он иногда спрашивал меня: могу ли я терпеть его и не скучаю ли с ним. Я отвечала, что мне с ним приятно, и действительно, он был всегда очень любезен и внимателен ко мне с самого детства. Когда я, бывало, гуляла с девушками к реке Пслу, то слышала приятную музыку из-за кустов другого берега. Нетрудно было догадаться, что это был он. Когда я приближалась, то музыка в разных направлениях сопутствовала меня до самого дома, скрываясь в садах. Когда я рассказывала об этом тетушке, она, улыбаясь, говорила: "Вот кстати ты вышла гулять! Он так любит природу и, пользуясь хорошей погодой, наслаждается музыкой. Но ты больше не ходи гулять так далеко от дому". Один раз, не найдя меня дома, он пошел в сад. Увидя его, я задрожала, как в лихорадке, и вернулась домой. Когда мы остались одни, он спросил меня, люблю

ли я его; я отвечала, что люблю как всех людей. Удивляюсь, как я могла так скрывать свои чувства на четырнадцатому году» (Воспоминания М. И. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 46–47; см. также: Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 61).

[3] «Свадьба наша, или венец (а свадьба назначалась чрез год) был ровно в 14 лет. Нас перевенчали в Яреськах, и в доме тетки моей мы провели тот день» (Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 62).

[4] «...<В. А.> Гоголь просил тетушку позволения – объявить мне, что он желает просить у нее и моих родителей моей руки. Она отвечала ему, что она рада этому предложению, любя его, но что я слишком молода. Он обещал оставить меня у нее год после нашего венца, и посоветуясь с моими родителями, решили: когда исполнится мне 14 лет, венчать» (Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 61).

[5] В 1889 г. В. И. Шенрок опубликовал пять записок В. А. Гоголя к невесте, «писанных на обрывках простой синей бумаги».

«1. "Единственный друг! Итак, я, полагаясь на ваши уверения, осмеливаюсь назвать вас другом, а более чувствую удовольствие, что вы, свято почитая добродетель, чувствуете цену таковой дружбы, основанной единственно на священных правилах честности. Теперь мне одно утешение в скуке – только к вам писать, а видеться с вами нескоро буду. Мои родители едут к вам, а я остаюсь дома с гостьми, а потом всюду с унылым сердцем по делам из дому. Одно мне осталось облегчение – видеть хоть в одной строке действие души вашей. Не лишите меня сего счастия уведомить о вашем здоровье: оно составляет мою жизнь и благополучие. Прощайте, ваш вечно верный друг Василий".

2. "К великой моей горести я не могу с вами ничего поговорить, должен холодно обходиться и прикрывать видом веселости сильную любовь и печаль, происходящую от страшных воображений! Ах, может, вы меня не любите! может, вы переменили уж свое намерение, но я ничего не знаю, и отчаяние ежеминутно терзает мое сердце. Я сегодня должен ехать, не говоря с вами! О, как несносна для меня сия разлука, тем более, что я не уверен в вашей любви. Уверьте меня хоть одним словом, пожалейте несчастного! Прощайте, ваш вечно усердный Василий".

3. "Вы не отвечали на мою записку! вы меня не жалеете! Ах, когда бы вы знали, какая горесть снедает меня! Я не могу уже скрыть своей печали. О, несчастнейший, что я сделал! Я вас огорчил! Вы меня не простили! Как я могу отсюда <Из Яресок. – *Примеч. В. И. Шенрока.*> удалиться, покуда вы меня не простите! Пожалейте, простите! Удостойте меня одной строчки – и я благополучен. Более не могу писать: перо выпадает из моих рук..."

4. "Единственный друг! Некоторая надобность заставляет меня пробыть здесь <В селе Яресках, где жила тетка Марьи Ивановны; писано с квартиры. – *Примеч. В. И. Шенрока.*> до обеда. Но я сказал вчера тетушке, что рано поеду и что у вас не буду. Ах, как бы я желал еще вас увидеть! Но совестно переменять уже то, что сказал. Однако ж тетушка хотела писать матушке. Может, вы будете писать; я посылаю нарочного человека. О, когда бы мне приказали придти за письмом! Прощайте, я не могу выразить, что со мною делается. О Боже, как я отсюда выеду! Прошу вас, пожалейте несчастного! Не забудьте вашего вечно верного друга Василия!"

5. "Милая Машенька! Многие препятствия лишили меня счастия сей день быть у вас! Слабость моего здоровья наводит страшное воображение, и лютое отчаяние терзает мое сердце. Прощайте, наилучший в свете друг! Прошу вас быть здоровой и не беспокоиться обо мне. Уверяю вас, что никто в свете не может столь сильно любить, сколько любит вас и почитает ваш вечно вернейший друг несчастный Василий. Я завтра еду в Сорочинцы и всячески буду поспешать, чтобы скорее увидеться с вами".

Приписка сбоку: "Прошу вас, не показывайте сего несчастного выражения страсти родителям вашим. И сам не знаю, как пишу"» (*Шенрок В. И.* Родители Гоголя // Исторический Вестник. 1889. Январь. С. 122–123; см. также: *Шенрок.* Т. 1. С. 40–41; *Шенрок В. И.* Ученические годы Гоголя. Биографический очерк. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1898. С. 7–8; *Свод.* Т. 1. С. 49–50).

[6] Мария Ивановна вспоминала: «С Трощинским познакомился муж мой, сговоря меня, представлен ему был моим женихом теткой моей, у которой я росла и которая была за его родным братом сотником, в том местечке Яреськах, которого уже я не видала; он давно уже умер, оставя сына Андрея Андреевича... <...> и потому мы были с Дмитрием Прокофи<е>в<и>ч<ем> в сватовстве, и он узнал, что муж мой был сын его друга секунд-майора Гоголь-Яно<вского>...» (Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 27). См. также ***1796. Декабрь. Санкт-Петербург*; *1798. Первая половина года*; *1805. Ноябрь – декабря первая половина. Васильевка*; *1805. Декабря 22. Санкт-Петербург*.**

ОКТЯБРЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ЯРЕСКИ

Венчание В. А. Гоголя-Яновского и М. И. *Косяровской*, которой в этот день исполнилось четырнадцать лет[1].

Мария Ивановна вспоминала: «Играла музыка моего мужа. Вечером он сделал нам сюрприз – протанцовал *шумку*[2] и уехал домой, а я осталась у моей тетки, которая делала мне много наставлений – как я должна себя вести, когда буду в доме моего мужа»[3].

[1] См. ***1805. Лето-сентябрь Ярески.***
[2] Украинский народный танец.
[3] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 62.

НОЯБРЯ НАЧАЛО

Василий Афанасьевич упрашивает родителей своей жены «отдать» ему Марию Ивановну.

М. И. Гоголь вспоминала: «Но в начале ноября он стал просить родителей отдать ему меня, говоря, что не может более жить без меня. Так вместо году я пробыла у них один месяц. Они благословили меня[1] и отпустили»[2];

«Но когда река Голтва начала разливаться [и начались грозы] и мешать родителям моим и мужу приезжать к нам, то муж мой начал просить родителей моих и тетушку – переехать мне к ним, и они взяли меня. Там часто я виделась на несколько часов с моим мужем. [В начале ноября приехал мой муж и просил моих родителей отдать меня ему, что он не может разлучаться со мной более.] Он всегда грустил, расставаясь со мной, и начал упрашивать родителей моих – отдать меня к нему, что ему очень грустно оставлять меня; и так вместо году я оставалась под кровом родителей моих только один месяц. Они благословили нас образами и отпустили меня с мужем моим»[3].

[1] См. ***1805. Ноября 12.***
[2] Воспоминания М. И. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 47.
[3] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 62.

НОЯБРЯ 12. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Свадьба Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского и четырнадцатилетней Марьи Ивановны *Косяровской.*

Письмо А. М. Трощинской А. А. Трощинскому от 30 ноября 1805 г. (*Виноградов Г. С.* Даты жизни Н. В. Гоголя // *Гоголь 1937–1952.* Т. 10. С. 11). – См. также ***1836. Октября 3 <сентября 21>. Понедельник. Лозанна.***

НОЯБРЯ СРЕДИНА. ВАСИЛЬЕВКА

Мария Ивановна переезжает в дом мужа, в Васильевку.

Из воспоминаний Марии Ивановны: «Он меня привез в деревню Васильевку, где встретили нас отец и мать. Они приняли меня как родную дочь. Свекровь наряжала меня по своему вкусу и надевала на меня свои старинные вещи. Любовь ко мне мужа была неописанная; я была вполне счастлива. Он был старее меня на тринадцать лет. Я никуда не выезжала, находя все счастье дома»[1];

«Он привез меня в Васильевку менее нежели в час, где встретили нас его родители[2], любившие меня, как родную дочь, которой у них не было. Свекровь одевала меня по своему вкусу, надевая на меня старинные свои вещи. Муж мой никогда не вспоминал, чтоб я продолжала начатые мои науки. Он не говорил ни на каком языке, кроме латинского, и не желал, чтоб и я знала их, и с тех пор я никогда не принималась за иностранные книги; а русские книги мы с ним всегда читали, когда имели свободные часы от хозяйственных дел и оставались одни, что бывало очень редко.

Помню, как он где-то достал очень старинную книгу *Кадм и Гармония*[3], и мы с ним вместе читали. Он по своей доброй душе доволен был всем тем, что я знала, и любовь его была ко мне неограниченная; я ею существовала»[4];

«...Кадма и Гармонию я читала 14 лет вместе с своим мужем после венца моего с ним, но я не понимала, кем она изданна была в свет, и из вашей книги узнала, я считала ее такой древностей, что почти допотопной, она, видно, взята была моим мужем для прочету, и я по прочтении не видала у нас, она возбудила во мне какие-то чувства неземные, представляющиеся мне приятным сновидением по наступлении долговременной моей жизни, наполненной более горес<т>ными испытаниями, чем приятно проведенными годами»[5];

«Деревня наша Васильевка <...> находится в Полтавской Губернии Миргородского уезда, тогда в ней было 130 душ, да моих приданных прибавилось 32 души, и теперь уже в ней 205 душ[6], и по этим душам земли моей всего 880 десятин. Муж мой был точно хороший хозяин, но доходов значительных мы не могли получать[7], живя в таких местах, что сбыту никакого не могло быть при всем старании нашем, но все мы не нуждались в жизненных припасах, и у нас всегда были живущие в доме, и много приезжали добрые наши знакомые, но нарядов мы не имели, кроме самого необходимого, да и не мечтали за ними, живя спокойно и счастливо в красивом местоположении нашей Васильевки, доставшейся мужу моему от его матери, урожденной Лизогубовой»[8].

Младшая сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «...За бабушку <т. е. о бабушке, Татьяне Семеновне, рожд. Лизогуб> говорили, как она великолепно рисовала. В нашей детской, я помню, висели картины под стеклом, ее рисунки. Цветы, как натуральные. Такая досада, не знаю, где они подевалися, а других картин не видела. Соседка Цуревская рассказывала, как она хорошо рисовала дыню и разные фрукты, а все красками рисовала. <...>

Когда была я еще молода, то часто слышала, как старики вспоминали моего отца. Рассказывали, как отец выкопал пруд. «Мы тогда были малы и мы там работали, нам каждый день давали по шагу, но мы так рады были, когда получали по шагу. Когда кончили пруд, тогда построили водяную мельницу»... <...> Потом построил винокурню[9]. Я помню, когда казна наложила налог за винокурню, тогда мать уничтожила винокурню[10]; эти постройки были для дохода. Еще память его, как он спланировал сад, я еще помню остатки, как было хорошо: например, против балкона была зеленая трава. Между травами были разбросаны тюльпаны, а сбоку балкона цветник, одни кустарники всевозможного сорта. Над прудом несколько цветников и цветы вечные. Однолетних цветов он не любил. Около клена тоже цветник. Потом сделал гротик. По бокам рябиновые деревья, против гротика несколько березовых деревьев, посредине кружок белой розы. Как красиво: наверху красные ягоды рябины, а внизу белое, а сбоку цветник, цветы и кустарники душистые. Там над прудом маслиновое дерево и всевозможные фрукты. Меня занимала одна яблоня: наверху большие полосатые яблоки, а кругом этого дерева райские яблочки. Долго эта яблоня стояла, и тогда еще стояла, когда все были малы. Потом дикие деревья заглушили да и слишком старое было. Тогда был садовник грамотный и по-латыни знал, вероятно, отец отдавал его учить. Как я помню, этот садовник-старичок, имя его Касьян. Он сильно пьянствовал и от пьянства умер. Еще оставался его ученик, и тот умер, тогда постепенно все уничтожилось. Только и осталась память отца — дорожки, да по бокам желтая аллея»[11].

П. А. Кулиш, побывавший на родине Гоголя в сентябре 1854 г., сообщал: «Сад в деревне Васильевке имеет лесной характер, и летом должен быть очень прохладен. В нем показывали мне высокие толстые дубы, посаженные еще Афанасием Ивановичем <Демьяновичем>, дедом поэта. Отец Гоголя любил разводить преимущественно лесные деревья и насаживал их так искусно, что аллеи образовались как бы сами собою, в лесной чаще. В его время сад упирался в мокрую, кочковатую долину. Он обратил ее в пруды, которые приезжему кажутся рекою. Извилины их во многих местах окаймлены камышом, и это придает местности вид пустыни, спокойной, удаленной от людей»[12].

«...Как деревенский житель Василий Афанасьевич отличался преимущественно эстетическими наклонностями, которые обнаруживались в любви к саду и полям, в упоении мелодичным пением соловьев и в тонком вкусе, проявляемом в выборе и покупке вещей для дома, наконец, в планах, составляемых относительно дома, усадьбы. В саду он любил устраивать изящные гротики, краси-

вые беседки. В нем он проводил целые дни, не замечая времени за работами или любуясь посаженными им подрастающими деревьями, из которых многие доныне сохранились в обширном саду Васильевки. (Любопытно, что будучи человеком мягким и уступчивым по натуре, он настоятельно требовал, чтобы никто не смел стуком разгонять соловьев и не позволял поэтому мыть белье на пруде, находящемся в Васильевке посреди сада. – *Примеч. В. И. Шенрока. – И. В.*). Каждая дорожка, каждая аллея носила у него особые названия, причем некоторые из них характеризуют его сентиментальные вкусы, как, напр<имер>, "долина спокойствия", находившаяся в соседнем с Васильевкой леску Яворивщине (от слова явор), излюбленном месте прогулок как Василия Афанасьевича, так и Николая Васильевича. (Не можем не упомянуть, что Н. В. Гоголь унаследовал от отца эту страсть, причем даже в предпочтении одних деревьев другим вкусы сына поразительно совпадали с вкусами отца (любимыми деревьями обоих были дубы и клены[13]). <...> – *Примеч. В. И. Шенрока. – И. В.*). К сожалению, протекшее полустолетие наложило свою железную руку на многое в этой усадьбе (в том числе и на "долину спокойствия", да и самый лесок вырублен на продажу лет пятнадцать тому назад. (Многое и теперь напоминает, по крайней мере, в Васильевке, ее незабвенных хозяев. В середине сада тянется длинная тенистая аллея, представляющая эффектную перспективу с обоих концов; неподалеку от нее проходит дорожка, по обеим сторонам которой почти все деревья посажены рукою Николая Васильевича, а некоторые и Василия Афанасьевича. – *Примеч. В. И. Шенрока. – И. В.*)»[14].

«Ценным материалом является для нас множество писем к Вас<илию> Аф<анасьевичу> от многих интересных лиц, как Капнист, Хилков, Мартос, Трощинский, из которых можно вывести общее заключение, что Вас<илий> Аф<анасьевич> хотя был и небогат, но пользовался любовью, уважением и даже дружбой многих лиц, стоявших гораздо выше его на общественной лестнице. Все ценили в нем ум, честность, веселость, остроумие и в особенности поэтическую и юмористическую сторону его характера»[15].

В семейном архиве Гоголей хранилось также письмо князя Херджулидзева, «который советует деду <?> Гоголя жаловаться на обиды со стороны Ольвиопольского уездного суда», – или, согласно другому описанию, «лист князя Херджулідзева від 12-го вересня <сентября> (року не зазначено) до Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского в Миргород. Зміст – про готовність допомогати в якійсь судовій справі в Ольвіопольськім суді. 1 стор. in 8°»[16].

[1] Воспоминания М. И. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 47.

[2] Афанасий Демьянович Гоголь-Яновский и Татьяна Семеновна Гоголь-Яновская (рожденная Лизогуб).

[3] Имеется в виду роман М. М. Хераскова «Кадм и Гармония. Древнее повествование» (1789), издававшийся без имени автора (2 изд. – М.: тип. Зеленникова, 1793. Ч. 1–2). Один из экземпляров второго издания этой книги принадлежал в конце XVIII – начале XIX в. дальнему родственнику и соседу Гоголей по имению Степану Васильевичу Лукашевичу, проживавшему на хуторе Лукашовке Хорольского уезда Полтавской губернии (об этом свидетельствует владельческая надпись на книге: «Из книг Степана Лукашевича»; книга была приобретена ранее в московской книжной лавке, на что указывает графический знак на внутренней стороне верхней крышки переплета: «Из лавки И. В. Попова, на Ильинке в гостином новом дворе»). В 1803–1805 гг. С. В. Лукашевич, в звании войскового товарища, служил подсудком в хорольском уездном суде (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1803. СПб., <1803>. С. 470; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1805. СПб., <1805>. Ч. 2. С. 256). Замужем за братом С. В. Лукашевича П. В. Лукашевичем была тетка М. И. Гоголь Агафья Матвеевна (рожд. Косяровская) (см. ***1802. Октября 1. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Ярески***).

По-видимому, В. А. Гоголь-Яновский получил книгу именно от С. В. Лукашевича, а впоследствии она принадлежала Н. В. Гоголю, который 28 июня 1833 г. подарил ее курскому мещанину Василию Михайловичу Лагочеву, о чем также свидетельствует надпись на книге: «..."Кадм и Гармония" принадлежит курскому мещанину Василию Михайлову сыну Лагочеву в Санкт-Петербурге, подарена в знак искренности его благородием Николаем Васильевичем Гоголем Яновским и учителем патриотического института благородных девиц июня 28 дня 1833 года». Возможно, Гоголь познакомился с В. М. Лагочевым осенью 1832 г., по пути из Васильевки в Петербург, когда из-за поломки экипажа «принужден был прожить целую неделю в Курске» (письмо П. А. Плетневу от 9 октября 1832 г.) (см.: Морозова Н. П. Книга из библиотеки Гоголей. (К вопросу об употреблении термина поэма в русской литературе) // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII в. (XVIII век. Сборник 16.) Л., 1989. С. 252). – См. также ***1833. Июня 28. Санкт-Петербург***.

[4] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 62.

[5] Письмо М. И. Гоголь к С. Т. Аксакову от 20 апреля 1858 г. (*Свод.* Т. 1. С. 118–119).

[6] Сестра Гоголя Анна в приписке к посланию ее матери к С. П. Шевыреву от конца апреля 1852 г. также сообщала: «Именье отца его тогда <в 1809 г.> состояло не из 80-ти, но из 130-ти душ и потом из 200...» (*Свод.* Т. 1. С. 122). Тем самым Мария Ивановна и ее дочь возражали на слова П. А. Кулиша об отце Гоголя: «Всего у него было во владении восемьдесят ревизских душ...» (*Кулиш 1852.* С. 189; *Свод.* Т. 1. С. 325).

[7] Настоящие строки Марии Ивановны являются замечанием на слова об отце Гоголя П. А. Кулиша: «Отец его <...>, будучи отличным, по своему времени, хозяином, <...> получал с имения сравнительно хорошие доходы, и следовательно поэт наш в детстве не знал бедности» (*Кулиш 1852.* С. 189; *Свод.* Т. 1. С. 325).

[8] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 26.

[9] См. ***1817. В течение года. Васильевка***; ***1818. Конец года. Васильевка***.

[10] После 1837 г. (см. ***1832. Июля 20. Среда. Васильевка*** (примечания); ***1837. Января 14 <2>. Суббота. Париж***).

[11] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 206.

[12] Воспоминания М. И. Гоголь в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 40.

[13] В. П. Горленко, побывавший в Васильевке в 1879 г., писал: «Из всех деревьев, растущих у нас, Гоголь особенно любил “пасмурный” дуб и “веселый” клен и садил их везде где только можно, чем, по шутливому отзыву родных, очень удачно способствовал порче сада. Разросшиеся теперь неимоверно, деревья эти образуют страшную глушь» (*Горленко В. П.* Родина Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 402).

[14] Воспоминания А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 161.

[15] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 243.

[16] *Свод.* Т. 3. С. 365.

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. ВАСИЛЬЕВКА

В. А. Гоголь-Яновский отправляет главному директору почт Д. П. *Трощинскому* ходатайство об оставке и выдаче ему аттестата о службе в малороссийском почтамте[1]. В письме он сообщает:

«За приключившимися мне столь тягостными и продолжительными припадками, проживал я в доме для пользования себя и в списке почтамта остался невписанным»[2].

Щеголев П. Е. Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 373.

[1] См. ***1806. Мая 9. Чернигов***.

[2] См. также ***1805. Лето-сентябрь. Яречки***.

ДЕКАБРЯ 22. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Главный директор почт Д. П. *Трощинский* «объявляет» правительствующему сенату высочайший именной указ, согласно которому В. А. Гоголь-Яновский «по прошению и болезни»[1] выходит в отставку и «в награждение» «усердного» исполнения службы получает чин коллежского асессора (чин 8 класса).

См. ***1806. Мая 9. Чернигов***.

[1] М. И. Гоголь-Яновская вспоминала о муже: «До женитьбы у него 2 года была лихорадка, от которой его вылечил известный в то время доктор Трахимовский. Потом он был здоров, но мнителен» (Воспоминания М. И. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 48);

«До женитьбы еще он имел 2 года лихорадку, от которой насилу освободил его известный бывший у нас медик Трофимовский. Муж мой всегда боялся последствий такой продолжительной болезни, хотя сделался совсем здоров и [очень потолстел] растолстел, что продолжалось 15 лет <до кончины В. А. Гоголя-Яновского; см. 1825. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Кибинцы; см. также 1820. Ноябрь. Васильевка>. Но, к несчастью,

он был мнительный; надобно было скрывать от него, когда случалось мне болеть или детям» (Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 65).

1806

ВЕСНА. ОКРЕСТНОСТИ ВАСИЛЬЕВКИ

Случай с дрожками, когда после выстрела Василия Афанасьевича (Гоголя-Яновского), лошадь понесла экипаж с Марией Ивановной. Василий Афанасьевич дал слово никогда не брать больше в руки ружье.

Из воспоминаний М. И. Гоголь: «Когда он ездил по хозяйству в поле в маленьких дрожках, то всегда брал меня с собой. <...> ...Мы выехали с ним, скоро по выходе моем за него, в поле проездиться, – муж мой любил стрелять... <...> С нами был верховой; в дрожках была запряжена одна лошадка, которою управлял сам мой муж. Когда мы подъехали к реке, он, увидя птицу, схватил ружье, и только мог выговорить человеку, чтоб он стал с своей лошадью подле моей самой смирной и доброезжей лошади. <...> Когда выстрел раздался вблизи нас, лошадь под человеком стала на дыбы, моя лошадь вырвалась у него из рук и помчала меня по рвам, наполненным водой. Это было весной. Что тогда чувствовал мой друг? Отчаяние овладело им; он ту ж минуту бросил ружье, обещая во всю свою жизнь не дотрогиваться к нему, когда я уцелею, – что и исполнил»[1].

Отношение Н. В. Гоголя к охоте всегда было критическим. Ссора из-за охотничьего ружья – предмет «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1833). В 1833 г. в конспекте книги английского историка Г. Галлама «Взгляд на состояние Европы в Средние века», Гоголь отметил: «Вкус к охоте произвел презрение всех полезных занятий и угнетение крестьян. <...> Охота как вечный источник ссор между баронами». В заметке «Обычаи» он также писал: «В каждом уделе лучшая для князя прибыль были места для охоты, за них иногда переменяли они уделы». Впоследствии эти размышления нашли отражение во второй редакции «Тараса Бульбы» (1842) в критическом замечании об «уделах, мелких городках, наполненных псарями и ловчими», «враждующих и торгующих городами мелких князях».

Сестра Гоголя Ольга Васильевна, вспоминая о пребывании брата в Васильевке в июле 1848 г., сообщала, что он «никогда не стрелял». Рассказывая об одной из поездок с братом в Яворивщину, она замечала: «Недалеко от дороги было стадо дроф; брат велел остановиться, встал, подошел немного ближе к стаду и, примерно обеими руками, как будто ружье держал (но он никогда не стрелял), тотчас же сел на дрожки...»[2]

Ср. также: «...Интересна <...> одна, довольно странная черта Татьяны Семеновны <Гоголь-Яновской (рожд. Лизогуб)>: она страшно боялась лошадей, поэтому, когда ей приходилось куда-нибудь ехать, что впрочем случалось очень редко, то в карету запрягали пару волов и в таком виде ездили в город или к знакомым, нисколько не смущаясь тем любопытством, какое вызывала у всех такая оригинальная запряжка»[3].

[1] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 63.

[2] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 209. См. также: «...Помню, однажды около дороги, по которой мы ехали, паслось громадное стадо дроф, – теперь уже таких больших стад и не бывает; братец приказал кучеру остановить лошадь, встал из дрожек, прошел несколько шагов и прицелился палкой; дрофы медленно стали взлетать, а братец снова сел на дрожки, и мы поехали дальше. Я много смеялась над этим поступком брата, совершенно не понимая, зачем он это сделал» (*Головня В. Я.* Сестра Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 256).

[3] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 242.

МАЯ 9. СРЕДА. ЧЕРНИГОВ

Из малороссийского почтамта В. А. Гоголю-Яновскому выдан аттестат о прохождении службы.

«...Аттестат выдан из малороссийского почтамта в городе Чернигове 9-го мая 1806 года, из коего значится, что Василий Гоголь-Яновский, по прохождении воинской службы, поступил в мало-

российский почтамт в чине корнета, за добропорядочную службу высочайшим именным указом 1799 года апреля 16-го дня произведен в чин титулярного советника; потом высочайшим именным указом, объявленным правительствующему сенату главным директором почт в 22-й день декабря 1805 года, по прошению и болезни, уволен вовсе от службы и в награждение усердного продолжения оной произведен коллежским ассесором и приведен к присяге».

Шенрок В. И. Родители Гоголя // Исторический Вестник. 1889. Февраль. С. 391; *Свод.* Т. 1. С. 44–45.

ИЮНЯ 9. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Д. П. *Трощинский*, «награжденный щедрым пенсионом», уволен от службы по состоянию здоровья.

Ореус. С. 649.

1805 НОЯБРЯ СРЕДИНА – 1806 ИЮЛЬ-АВГУСТ. ВАСИЛЬЕВКА

В. А. и М. И. Гоголь-Яновские живут неразлучно в Васильевке.

М. И. Гоголь вспоминала: «Мы почти не разлучались до приезда из С.-Петербурга Дмитрия Прокофиевича Трощинского».

Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 63.

ИЮЛЬ-АВГУСТ. КИБИНЦЫ МИРГОРОДСКОГО УЕЗДА

Д. П. *Трощинский*, выйдя в отставку, приезжает на родину[1].

В 1862 г. П. А. Кулиш писал: «Говорят, что старик Трощинский не лишен был любви к родине, что он делал много добра землякам, по своим связям с столичною знатью, что к простому народу он относился, как помещик, очень кротко; любил слушать украинские народные песни и даже, иногда, прослушав известную *Чайку*[2], заливался горькими старческими слезами. Тем не менее был он человек XVIII века и барин, созданный по французским образцам русских бар»[3].

Дочь В. В. Капниста С. В. Скалон, в свою очередь, вспоминала о Трощинском: «...После обеда и после отдохновения приготовлялась всегда партия в шахматы, при которой старик любил присутствовать; в это время певчие обыкновенно пели разные песни. Иногда он сам заставлял их петь известную малороссийскую песню “Чайку”[4], которая аллегорически представляла Малороссию, как птицу, свившую гнездо свое близ дорог, окружавших ее со всех сторон. Прекрасная музыка этой песни, а более еще значение слов ее, до того были трогательны, что, слушая ее, почтенный старик Трощинский часто закрывал лицо свое рукою и проливал слезы»[5].

Мария Ивановна сообщала о Трощинском: «...Мы проживали у Дмитрия Прокофьевича Трощинского, который, поселясь в Малороссии, редко нас отпускал домой[6]. Там я видела все, чего не искала в свете: и балы, и театры[7], и отличное общество; бывали даже приезжие из обеих столиц. Но я всегда была рада ехать к себе в деревню»[8]; «...[Он <Трощинский> нас обоих любил] и не отпускал домой иначе как по усильной просьбе и всегда с большим неудовольствием, отчего у нас опустело имение, и мне надобно было, оставшись в вдовстве[9], все вновь устраивать...»[10]; «Книгами мы пользовались из библиотеки[11] Трощинского...»[12]

П. А. Кулиш в 1856 г. сообщал: «В числе украшений нынешнего дома в Васильевке, надобно упомянуть о трех портретах aqua tinta[13] Императрицы Екатерины, князя Потемкина и графа

Зубова, как о предметах, которые представлялись глазам Гоголя в детстве. В этом же отношении интересны и пять небольших старинных английских гравюр, представляющих: 1) Продажу рыбы, 2) Продажу серных спичек, 3) Точение ножниц, ножей и бритв, 4) Покупателей гороху и 5) Покупателей новых баллад»[14].

Ср. также свидетельство Л. М. Жемчужникова, посетившего Васильевку в сентябре 1854 г. вместе с П. А. Кулишом: «По стенам, в рамках корельской березы, висели французские картины, и между ними были канделябры о двух свечах. У правой стены от входа – фортепиано Георга Гильдебранта и над ним три портрета: в середине – Екатерины II, направо от нее – Потемкин, налево – Зубов»[15].

[1] *Ореус*. С. 649.

[2] См. ***1775. Июня 4. Четверг. Запорожская Сечь*** (примечания).

[3] *Кулиш П.* Несколько предварительных слов // Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом. Комедия в одном действии. Сочинение Василия Афанасьевича Гоголя (отца Николая Васильевича) // Основа. 1862. № 2. <Отд. 2>. С. 20.

[4] См. ***1775. Июня 4. Четверг. Запорожская Сечь***; ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва*** (примечания); ***1852. Февраля 25. Понедельник. Абрамцево.***

[5] Воспоминания С. В. Скалон (урожденной Капнист) // Исторический Вестник. 1891. Апрель. С. 364; *Свод*. Т. 2. С. 485.

[6] См. также ***1812. Декабря 24. Киев.***

[7] 2 ноября 1821 г. Д. П. Трощинский в письме из Кибинец в Петербург своему приятелю Л. И. Голенищеву-Кутузову, в частности, сообщал об одном из спектаклей, в котором, согласно приложенной к письму рукописной афише, принимала участие мать Гоголя – Мария Ивановна Яновская (см. ***1821. Октября 27. Кибинцы***). – См. также ***1821–1824. В течение указанного периода. Кибинцы. Васильевка.*** Кроме поездок в Кибинцы, семейство Гоголей ездили к Трощинским в Киев (см. ***1815. Июля 15. Киев***).

[8] Воспоминания М. И. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 47.

[9] См. ***1825. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Кибинцы.***

[10] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод*. Т. 1. С. 27.

[11] См.: Каталог антикварной библиотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, приобретенной после бывшего министра Д. П. Трощинского. Киев, 1874.

[12] Воспоминания М. И. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 47.

[13] Вид гравюры на металле (*ит.*).

[14] Воспоминания М. И. Гоголь в «Записких о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 1. С. 41.

[15] *Жемчужников Л. М.* Отрывки из моих воспоминаний о пятидесятых годах // *Свод*. Т. 1. С. 392.

ОКТЯБРЯ 1. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Марии Ивановне Гоголь-Яновской (рожд. Косяровской) исполнилось 15 лет.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ЯРЕСКИ

В. А. Гоголь-Яновский купил у казака Сергиенко «в дачах яресковских» пахотное поле «на 4 дня оранки» за 30 рублей.

Назаревский. С. 329.

1806 НОЯБРЯ 30 – 1807 МАРТА 9. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«30-го нобяря 1806 г. последовал высочайший манифест о наборе милиции из принадлежавших императорской фамилии вотчин. Ратники, поставленные удельными имениями в окрестностях Петербурга (большею частию чухны), должны были составить один батальон, с назначением при нем полуроты полевой артиллерии. (Из Ораниенбауманской вотчины государя императора

<Александра I> взято 222 чел<овек>; из Гатчинской и Красносельской вотчин императрицы Марии Феодоровны – 411 чел<овек>; из Стрельнинской вотчины цесаревича Константина Павловича – 159; а всего 792 человека.) Сформировать этот батальон государь поручил цесаревичу Константину Павловичу, предоставив ему избрать, из состоявших под его начальством, 1-го и 2-го кадетских корпусов и военно-сиротского дома, одного штаб-офицера и необходимое число обер-офицеров. По особенному вниманию цесаревича к А. А. *Трощинскому*, он назначен был командиром этого вновь образуемого батальона ("чухонского", как выражался о нем великий князь). Строевое образование ратников, вопреки незнакомству большинства их с русским языком, пошло настолько успешно, что уже 9-го марта 1807 г. батальон мог выступить в поход, в Пруссию. Перед выступлением оного А. А. *Трощинский*, допущенный во внутренние покои императрицы-матери, получил от нее перстень и благословение на счастливый путь».

Ореус. С. 667.

МАЙ.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Г. Р. Державин, «по случаю многих удачных сшибок легких войск наших, под предводительством атамана Донского, т. е. Платова, с французами», пишет оду «Атаману и войску Донскому».

Впоследствии эта ода была помещена Гоголем, под номером XIII, в его рукописный сборник «Сочинения Ломоносова и Державина»[1].

В список примеров «Учебной книги словесности для русского юношества»[2] Гоголь включил также «Песнь Донскому воинству в 1814 году» Н. М. Шатрова (1767–1841) – *«Донскому воинству», Шатрова («Грянул внезапно гром над Москвою»)*[3].

[1] См. ***1841 октября 17 – 1842 мая 23. Москва.***

[2] См. ***1845 октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846 мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим.***

[3] Знакомство с атаманом М. И. Платовым (в июне 1814 г.) произвело глубокое впечатление на В. Скотта, который использовал его черты в одном из своих романов (см.: *Алексеев М. П.* Русско-английские литературные связи. XVIII век – первая половина XIX века // Лит. наследство. М., 1982. Т. 91. С. 252–253, 374).

МАЯ 24–25 – ИЮНЯ 16.
ГУТШТАДТ, ГЕЙЛСБЕРГ, ФРИДЛАНД, ЮРБУРГ

А. А. *Трощинский* во главе милиционного батальона «был при взятии г. Гутштадта и при преследовании неприятеля до реки Пасарги; 29-го и 30-го участвовал в сражении при Гейлсберге, а 2-го июня – при Фридланде. Через две недели после этого несчастного для русских побоища, за которое Андрей *Трощинский* получил орден св. Георгия 4-й степ<ени>, он писал <16 июня из Юрбурга> дяде своему Дмитрию Прокофьевичу <Трощинскому> <...>:

«...Как я, так и брат мой Иван Ефимович (Иван Ефимович Трощинский[1] служил в кавалерии. – *Примеч. И. И. Ореуса. – И. В.*) после достопамятного кровопролитнейшего сражения <...> остались живы. <...> ...Смело могу сказать, что прошел сквозь огнь и воду...»

Ореус. С. 667.

[1] И. Е. Трощинский (1783–1832), генерал-лейтенант (с 1826 г.), герой войны 1812 года.

1806–07

1806 ОКТЯБРЬ (ПОСЛЕ 1 ЧИСЛА) – 1807 СЕНТЯБРЬ. В ОДИН ИЗ ДНЕЙ УКАЗАННОГО ПЕРИОДА

Умер, едва появившись на свет, первый ребенок В. А. и М. И. Гоголь-Яновских.

В 1852 г. М. И. Гоголь-Яновская вспоминала: «...В 15-ть я не была утешенная мать[1], имея неживого сына»[2].

[1] Т. е. была безутешной матерью.
[2] См. ***1809. Марта 19. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы***; см. также ***1805 ноября 12 – 1825 марта 19***.

1807

ОКТЯБРЯ 1. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Марии Ивановне Гоголь-Яновской (рожд. Косяровской) исполнилось 16 лет.

ДЕКАБРЬ

А. А. *Трощинский* произведен в генерал-майоры.

Ореус. С. 673.

1808

СЕНТЯБРЯ 26. СУББОТА

Н. М. Карамзин пишет А. И. Тургеневу:

«Скажите от меня приветливое слово г. Орлаю[1]. Желаю узнать его лично, как достойного человека»[2].

Внимание Карамзина привлекла уникальная по своему содержанию статья И. С. Орлая «История о Карпато-Россах, или о переселении Россиян в Карпатские горы и о приключениях, с ними случившихся», опубликованная в 1804 г. в «Северном Вестнике» (1804. № 9). Карамзин сделал ссылку на это сочинение в пятой главе первого тома «Истории государства Российского». Статья Орлая оказала впоследствии существенное влияние на формирование «славянофильских» взглядов юного Гоголя[3].

В 1808 г. И. С. Орлай служил ученым секретарем Медико-Хирургической академии в Петербурге, так что для знакомства с ним Карамзина препятствий не было. По свидетельству Тургенева, в пояснениях к цитированному письму, «доктор Орлай предлагал Карамзину также некоторые книги, до Карпато-Русской Истории относящиеся»[4].

[1] Иван Семенович Орлай де Карва (1771–1829), действительный статский советник, директор Нежинской гимназии в 1821–1826 гг.

[2] <*Погодин М. П.*> Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу, с 3 июня 1806 по 1826 год // Москвитянин. 1855. Т. 1. № 1. С. 84; см. также: *Саитов В. И.* Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу (1806–1826) // Русская Старина. 1899. № 1. С. 221.

[3] См.: *Виноградов И. А.* Гоголь и славянство (К проблеме языкового единства славян) // Язык классической литературы. М., 2007. Т. 1. С. 5–24; *Виноградов И. А.* Гоголь о единстве славян // Гоголь и традиционная славянская культура. Новосибирск, 2012. С. 20–27.

[4] <*Погодин М. П.*> Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу, с 3 июня 1806 по 1826 год. С. 84; см. также: *Саитов В. И.* Письма Н. М. Карамзина к А. И. Тургеневу (1806–1826). С. 222.

1807 ОКТЯБРЬ (ПОСЛЕ 1 ЧИСЛА) – 1808 СЕНТЯБРЬ. В ОДИН ИЗ ДНЕЙ УКАЗАННОГО ПЕРИОДА

Умер после родов второй ребенок В. А. и М. И. Гоголь-Яновских.

После вторых неудачных родов[1] Мария Ивановна дает обет, если у нее родится сын, назвать его Николаем и построить в Васильевке церковь[2].

Сестра Гоголя Елисавета (в замужестве Быкова) позднее сообщала: «У Матери моей было 12 детей[3], двое умерло не крещеными; так как она вышла замуж очень молодой, 14 лет, то первые двое родов были несчастными; когда же она была беременна 3-м, она написала в М. Сорочинцы к знаменитому в то время доктору Трохимовскому и дала обет назвать Николаем – будет в честь Николая угодника. И так молитва ее была услышана, и 3-е дитя осталось живо»[4].

[1] См. ***1806 октябрь (после 1 числа) – 1807 сентябрь. В один из дней указанного периода.***
[2] См. ***1809. Марта 19. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы.***
[3] См. ***1805 ноября 12 – 1825 марта 19.***
[4] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 177.

ОКТЯБРЯ 1. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Марии Ивановне Гоголь-Яновской (рожд. Косяровской) исполнилось 17 лет.

ОКТЯБРЯ 28. СРЕДА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО. КИБИНЦЫ

Празднование именин Д. П. *Трощинского.*

«Из этой эпохи сохранились в семейном архиве <Трощинских> разные стихотворения Миргородских Пиндаров, воспевающих добродетели и славу своего соотечественника. <...>

(1808 г.)

Дерзаю, с музою моею,
Тебе, Димитрий, так взывать:
О ты! – чей мудрая царица
Умела гений проницать,
<...>
Всегда доверие ея
Везде тебя сопровождало:
Шипела ль злобная змея –
В ней жало с ядом умирало.
<...>
Когда же тучи протекли
И после тихи дни настали,
Ты зрел валявшихся в пыли,
Которы некогда блистали...
<...>
В семействе нежный друг, отец,
И счастие тут обретаешь,
Где нет ни всякой суеты,
Ни шуму и смятений мира;
Души твоей тут красоты
Поет моя смиренна лира.

Песнь искреннюю, в день именин,
Когда вниманьем удостоишь,
То тем, России верный сын,
Достоинство ее удвоишь».

КОНЕЦ ГОДА

В. В. Капнист пишет своему семнадцатилетнему сыну Семену:

«Посылаю "Бригадира"[1]: выучи из него роль Иванушки. Никому другому, как тебе сыграть. <...> Хорошо, если б для смеха "Трумфа"[2] выучили, роли там расположа:

Князь[3] – Трумф.
Ты – царевич Слюняй.
Царь <Вакула> – Вас<илий> Аф<анасьевич>[4] или Вас<илий> Аким<ович>[5].
Гофмаршал <Дурдуран> – Вас<илий> Аф<анасьевич> или Вас<илий> Аким<ович>.
Принцесса <царевна Подщипа> – Ваня[6].
Служанка <Чернавка> – Алеша[7].
Цыганка – Владимир[8]».

Капнист Вас. В. Собр. соч. В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 453.

[1] Комедия Д. И. Фонвизина.

[2] Имеется в виду «святочная трагедия» в стихах И. А. Крылова «Подщипа» (1797). По-видимому, «святочную» пьесу предполагалось играть на Святой Неделе, т. е. во время Рождественских святок с 25 декабря 1808 по 4 января 1809 г. Любовное объяснение немца Трумфа царевне Подщипе из комедии Крылова: «Курит ли трупка мой – из трупка тфой пихтишь. / Или мой кафе пил – тфой в шашечка сидишь...», – позднее было использовано Гоголем в описании бессвязного сна героя повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» (отмечено: *Гоголь 1994*. Т. 1–2. С. 445).

[3] И. Е. Хилков.

[4] Гоголь-Яновский.

[5] Лицо неустановленное.

[6] И. В. Капнист.

[7] А. В. Капнист.

[8] Вл. В. Капнист.

ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ГОГОЛЯ

1809–1828

КОНЕЦ ФЕВРАЛЯ – НАЧАЛО МАРТА. МЕСТЕЧКО ВЕЛИКИЕ СОРОЧИНЦЫ МИРГОРОДСКОГО УЕЗДА ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

М. И. Гоголь-Яновская, опасаясь неудачных родов, приезжает вместе с мужем в Сорочинцы к доктору М. Я. Трофимовскому. Останавливаются в доме своей знакомой – «генеральши Дмитриевой»[1].

В 1888 г. правнук М. Я. Трофимовского Н. А. Трахимовский сообщал: «Николай Васильевич Гоголь родился в марте 1809 года, в местечке Сорочинцах, Миргородского уезда, Полтавской губернии, куда мать его, Марья Ивановна, приехала из имения Гоголей – Васильевки (Яновщина), расположенном в 35 верстах от Сорочинец, за несколько недель до родов...»[2]

[1] См. ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы.***
[2] *Трахимовский Н. А.* Мария Ивановна Гоголь // *Свод.* Т. 1. С. 145–146.

МАРТА 19*. ПЯТНИЦА НАКАНУНЕ ЛАЗАРЕВОЙ СУББОТЫ. 9 ЧАСОВ ВЕЧЕРА. ВЕЛИКИЕ СОРОЧИНЦЫ[1]

В семье Василия Афанасьевича и Марии Ивановны Гоголь-Яновских родился сын Николай.

Впервые в печати на год рождения Гоголя указал (ошибочно – 1808), по-видимому, И. С. Тургенев, который предположительно является автором анонимной статьи «О русской литературе: Пушкин, Лермонтов, Гоголь», напечатанной в № 125 парижского журнала «Illustration» от 19 июля 1845 г. Здесь сообщалось, что Гоголь, «родившись в Малороссии (около 1808 г.) <...> провел свое детство в обширных степях Украины, среди населения, совершенно не соприкасавшегося с европейской жизнью»[2].

По-видимому, сведениями Тургенева о годе рождения Гоголя (а также указанием О. М. Бодянского; см. ниже) воспользовался спустя семь лет П. А. Кулиш в своей первой биографической статье о писателе «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя», где замечал: «Николай Васильевич Гоголь-Яновский родился в 1808 году в деревне Васильевке Миргородского уезда Полтавской губернии»[3].

Г. П. Данилевский, побывав в июне 1852 г. на родине Гоголя[4], возражал Кулишу (со слов матери Гоголя). Впервые в печати при этом были указаны точные дата и год рождения Гоголя: «Автор статьи, напечатанной в "Отечественных Записках": *Несколько слов для биографии Н. В. Гоголя,* го-

* Даты, кроме оговоренных случаев, приводятся по старому стилю. События, относящиеся ко времени пребывания Гоголя за границей, датируются как по старому, так и по новому, европейскому стилю. Если документ датирован по одному стилю, то вторая дата добавляется в угловых скобках.

ворит, что Гоголь родился в *1808 году*, в деревне *Васильевке*, как теперь называется хутор Яновщина. — Н. В. Гоголь родился в *1809 году, 19-го марта*, в деревне *Сорочинцах*, которая находится верстах в двадцати от Яновщины. Рождение поэта нашего сопровождалось обстоятельствами, которые заняли многих. До него г-жа Гоголь имела детей, из которых ни одно не жило более нескольких дней. Поэтому появления на свет Николая Васильевича ожидали с грустным и вместе тяжелым чувством. Будет ли суждено новому ребенку остаться в живых? Восьмидесятилетний старец, доктор Трофимовский, посетил г-жу Гоголь и в утешение сказал ей, уезжая из Сорочинец: "*сын ваш* (он прямо сказал *сын*, а не дочь) *будет человеком достойным, и многие назовут его человеком необыкновенным!*" Через несколько дней после этих ободрительных слов родился мальчик, которого назвали Николаем. Новорожденный был необыкновенно слаб и худ. Долго опасались за его жизнь. Через шесть недель он был перевезен в Яновщину»[5].

В. П. Гаевский, в свою очередь, замечал о публикации Кулиша: «В статье <...> сказано, что Гоголь родился в 1808 году. Сведение это, может быть, заимствовано из предисловия к французскому переводу некоторых повестей Гоголя, изданному несколько лет тому назад г. Луи Виардо[6]. По крайней мере другого печатного указания времени рождения Гоголя до сих пор не было. Г. Виардо, сколько известно и как он сам говорит в предисловии к своей книге, знал и переводил Гоголя со слов одного из своих приятелей, И. С. Т<ургенева>. Как бы то ни было, сведение это неверно»[7]. Гаевский опубликовал при этом выданную Гоголю в 1821 г. выписку из метрического свидетельства, где год и дата его рождения были указаны ошибочно — 20 марта 1810 г.[8]

Кулиш оправдывался: «...Гоголь в последнее пребывание свое в Москве, разговаривая однажды в своем любимом кружке о женитьбе, начал считать свои годы и назвал себя ровесником О. М. Б<одянского>, который был тут же, и который родился в 1808 году. Что же касается до метрического свидетельства, то вспомним, что сорок лет назад метрика не велась так отчетливо, как в новейшее время, и потому могла произойти ошибка. Да и само свидетельство выдано не из Консистории, а от «протоиерея сорочинской Преображенской церкви», в 1821 году. В нем легко могла быть сделана описка. <...> Что касается до месяца и дня рождения Гоголя, то из метрического свидетельства видно, что он родился 20-го марта. Несмотря на то, мы соглашаемся с г. Данилевским, что днем рождения поэта было 19-е, ибо Гоголь, во время пребывания своего в Москве, ежегодно праздновал этот день у одного из близких своих приятелей; собственно же именины он праздноновал в доме другого близкого к нему человека <М. П. Погодина>, 9-го мая...»[9]

Точную дату рождения Гоголя — 19 марта — друзья и родные писателя называли в своих письмах неоднократно. 6 апреля 1851 г. Ф. И. Иордан сообщал А. А. Иванову о публичном обеде, данном в Москве М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым: «Жаль, что не было Н. В. Гоголя, тем более, день нашего обеда, 19-е марта, был день его рождения и вступления победоносного российского войска в Париж <в 1814>»[10] (Гоголь был в то время в Одессе).

12 марта 1852 г. С. П. Шевырев спрашивал М. П. Погодина: «Я не знаю, когда день рождения Гоголя. Аксаковы говорят: 19-го марта, в день взятия Парижа»[11].

В марте 1853 г. С. Т. Аксаков в статье «Несколько слов о биографии Гоголя» замечал: «...Неуместны <...> и не интересны для публики странные споры о дне и годе рождения Гоголя, когда так нетрудно и положительно можно узнать эти числа от его матери»[12]. В первой половине декабря 1853 г., Аксаков сообщал Кулишу: «Г<оголь> родился 19 марта, но не 20-го»[13]. (С М. И. Гоголь Аксаковы часто встречались во время двух ее пребываний в Москве в апреле 1840 г.[14] и в мае 1842 г.[15])

Двоюродная сестра Гоголя М. Н. Синельникова 15 апреля 1852 г. писала С. П. Шевыреву: «День его рождения мне очень памятен — 19 марта, в один день с его меньшой сестрой Ольгой...»[16]

Месяц спустя, 22 мая 1852 г., Синельникова в письме к Шевыреву привела строки из письма М. И. Гоголь-Яновской о сыне: «Родился он в 9 году 19 марта»[17].

Шевырев, посетивший Васильевку спустя около трех недель после Г. П. Данилевского[18], в свою очередь, со слов матери Гоголя, записал: «Родился <Гоголь> 1809 года, 19-го марта, в 9 часов вечера. Слово Трофимовского, когда он смотрел на новорожденного: "Будет славный сын". <...> Мария Ивановна Гоголь-Яновская (урожденная Косяровская) вышла замуж весьма рано 14-ти лет[19]. [Первые сыновья] Двое первых родов были несчастны. Она, будучи 17-ти лет, готовилась к третьим родам и для того поехали они в Сорочинец, к знаменитому в то время доктору Трофимовскому, к

которому до 60-ти семейств приезжало из разных городов и между прочим из Москвы. Родители дали обет назвать младенца, если будет сын, Николаем – и молились Николаю Чудотворцу, которого явленный образ в Дикан<ь>ской церкви привлекал поклонников нар<одных>. Когда разрешение совершилось с помощью врача благополучно, Василий Афанасьевич немедленно послал в Диканьку[20] отслужить молебен благодарный Св. Николаю Чудотворцу и записал у себя рождение сына в числе чудес Угодника Божия»[21].

21 февраля 1854 г. С. П. Шевырев упоминал также о дате рождения Гоголя в письме к Марии Ивановне по поводу сооружения в Даниловом монастыре памятника на могиле писателя: «На Крестопоклонной <14–20 марта> будет водружен бронзовый золоченый крест на диком камне, который уже поставлен; я надеюсь, что это совершится в день его рождения, 19 марта, на Крестопоклонной в пятницу. А самый памятник – большой зеленого гранита камень с надписями – поспеет, как надеюсь, ко дню его ангела <9 мая>»[22].

М. А. Максимович в статье «Родина Гоголя», напечатанной в январе 1854 г. в «Москвитянине», по-видимому, со слов самого Гоголя[23], указывал: «В первую четверть нынешнего столетия искусство и слава Михаила Яковлевича Трофимовского привлекали в Сорочинцы недужных всей Малороссии. В начале *1810* <1809> года приехала к нему Марья Ивановна[24] Гоголева, опасаясь трудных родов. Ободряя больную, Трофимовский говорил, что у нее скоро будет "славный сынок": и она дала обещание, если родится сын, назвать его во имя Николая Диканьского. Квартира ее была в домике генеральши Дмитриевой[25], в котором и родился *19-го марта Николай Васильевич Гоголь*. Восприемниками его были: молодой Трофимовский Михайло Михайлович[26], и Дмитриева. Домик тот недавно разобран новой владелицей, по незнанию, что в нем родился Гоголь»[27].

В первой половине декабря 1853 г., С. Т. Аксаков, просмотрев в рукописи «Опыт биографии Н. В. Гоголя» Кулиша, писал ему: «Г<оголь> родился 19 марта, но не 20-го»[28]. По-видимому, Кулиш колебался – и в первоначальной редакции «Опыта...» последовал данным метрического свидетельства, а не свидетельствам самого Гоголя и его родных и близких (как это сделал Кулиш ранее, согласившись с Данилевским; см. выше). Замечание Аксакова помогло биографу окончательно справиться с сомнениями.

В феврале 1854 г. вышла из печати первая часть «Опыта биографии Н. В. Гоголя», где Кулиш, воспользовавшись свидетельствами Максимовича и Аксакова, сообщал: «По показанию матери поэта, он родился в 1810 году, 19 марта, в местечке Сорочинцах. Она еще при жизни сына говаривала, что он "прибавляет себе лета"[29]. Может быть, будущему биографу Гоголя полезно будет знать для каких-нибудь соображений, что мать Гоголя имела детей до его рождения, но ни один ее ребенок не жил более нескольких дней. Поэтому, в ожидании новых родов, она переехала в Сорочинцы, где жил знаменитый в то время малороссийский врач Трофимовский. Между прочим она дала обет, если родится у нее сын, наименовать его Николаем, в честь чудотворного образа, называвшегося Николаем Диканьским. Эти подробности сообщил мне М. А. Максимович, близко знакомый с семейством поэта»[30].

Ранее, в сентябре – начале октября 1852 г., Мария Ивановна, отвечая на первую статью Кулиша о Гоголе – «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя» (см. выше), записала: «Сын мой Николай родился в местечке Сорочинцах в 9-м годе марта 19-го при известном докторе *Трофимовском*; меня туда для того отвозили, что я имела несчастные первые роды. Выдали меня замуж 14 лет, в 15-ть я не была утешенная мать, имея неживого сына, в 1<6-ть> так же, и в 17 лет мне Бог послал увидеть первое живое дитя, бесценного моего сына Николая, о котором мы молились с мужем моим в Диканьке и просили Чудотворца Николая умолять Творца утешить нас, и если Бог пошлет нам сына, назвать его именем, и поруча тамошнему тогда священнику[31] молиться до того времени, покуда мы дадим ему знать о счастливом событии, и попросим отправить благодарственный молебень, и посылала к нему тотчас; в Сорочинцах – навещал меня всегда 2 раза в день преклонных уже лет почтенный старик, упомянутый доктор, и предсказывал нам, что мы будем иметь необыкновенного сына; я принимала 9-й месяц лекарство, которое облегчило меня, но на дитя, мне кажется, оно имело влияние на всю его жизнь, как я теперь рассуждаю, он был слабого сложения и не мог жить долго...»[32]

Летом 1854 г. Кулиш получил от М. И. Гоголь по почте ее записки. 2 июля 1854 г. он писал Бодянскому: «Мать Гоголя сообщила мне свои заметки о сыне...»[33] Фрагмент из записок Марии Ивановны: «Сын мой Николай <...> отправить благодарственный молебень», — был использован позднее Кулишом в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» (1856), где сведения Максимовича и Аксакова (напечатанные ранее в «Опыте биографии Н. В. Гоголя»; см. выше) были уточнены и пополнены записками матери: «Он родился в 1809 году, 19 марта, в местечке Сорочинцах. Может быть, будущему биографу Гоголя полезно будет знать для каких-нибудь соображений, что мать Гоголя имела двоих детей до его рождения, но они являлись на свет мертвыми. Поэтому, в ожидании новых родов, она переехала в Сорочинцы, где жил знаменитый в то время малороссийский врач Трофимовский. Между прочим она дала обет, если родится у нее сын, наименовать его Николаем, в честь чудотворного образа, называвшегося Николаем Диканьским. Родители Гоголя просили священника села Диканьки молиться до тех пор, пока дадут ему знать о счастливом событии и попросят отслужить благодарственный молебен»[34].

19 марта 1857 г. М. А. Максимович писал С. Т. Аксакову: «Сегодня день рождения нашего незабвенного Гоголя, и мне живо вспомянулось, как за 7 лет мы с ним обедали у Вас в этот день взятия Парижа!»[35]

В 1903 г. сестра Гоголя Ольга Васильевна (в замужестве Головня) вспоминала о брате: «Он был на шестнадцать лет старше меня: он родился в девятом, а я — в двадцать пятом году, и заметьте, в один и тот же день, 19 марта[36], родились мы: он, первый сын, и я — последняя дочь в нашей семье. Это случайность, что он родился в Сорочинцах... Вот как это было. У нашей матери было два выкидыша... После того родители молились пред чудотворной иконой и дали обещание, что если родится у них сын, то назовут его Николаем, во имя святителя Николая чудотворца. Тогда трудно было устроить, чтобы приехали к вам вовремя акушерка или доктор. Когда пришло время, отец поехал с матерью к доктору Трофимовскому, в его имение Сорочинцы. И вот родился там, в доме доктора, мой брат, и родители назвали его Николаем»[37].

В 1909 г. Н. О. Лернер замечал по поводу ошибочной записи даты рождения Гоголя в метрической книге (см. выше): «Если сам Гоголь считал днем своего рождения именно 19-е, а не 20-е марта, то, конечно, он руководствовался семейными воспоминаниями, которым никак нельзя отказать в доверии, и точность показания метрической книги не может не быть подвергнута сомнению. <...> Показаниям самого Гоголя и его матери <...>, разумеется, приходится верить больше, чем церковной книге. Вообще метрические записи, давая верную дату крещения, сплошь да рядом ошибаются в дате рождения; день крещения записывается очевидцем и участником самого обряда, а рождение датируется на основании чужих слов, Гоголь был крещен 22-го марта[38], и весьма возможно, что данное в тот день церковному причту родными новорожденному показание, что ребенок родился три дня назад, т. е. 19 марта, было понято как — третьего дня, т. е. 20 марта. Пример точно такой же ошибки в дате рождения дает метрическая книга, в которой записаны рождение и крещение Пушкина... <...> Известно, что день рождения Пушкина — 26 мая. Поэт сам знал это... <...> Знали этот день и друзья и знакомые Пушкина... <...> Между тем в церковной книге рождение Пушкина датировано 27-м числом... Верьте после этого метрическим книгам!»[39]

По словам сестры Гоголя Ольги, «брат любил вспоминать о том, почему назвали его Николаем»[40]. Летом 1845 г., в один из кризисных периодов, когда Гоголь сжег второй том «Мертвых душ» и собирался уйти в монастырь[41], он писал матери: «Прошу вас <...> отправить обо мне молебен не только в нашей церкви, но даже, если можно, и в Диканьке, в церкви Святого Николая, которого вы всегда так умоляли о предстательстве за меня» (письмо от 28 июля н. ст.). Годом ранее, в письме к сестре Елисавете от 15 сентября (н. ст.) 1844 г., Гоголь просил мать прислать ему из Диканьки «образок Николая Чудотворца» — чтобы «носить на шее в виде благословения». «Прежний, — добавлял Гоголь, — у меня давно изломался...» В письме к матери от 24 мая 1850 г. он также замечал: «Благодарю вас, добрейшая матушка, за поздравление с протекшими именинами[42]. Радуюсь, что вы были в это время в Диканьке...»

В 1852 г. племянник Гоголя Н. П. Трушковский сообщал: «К числу главных примечательностей Диканьки, конечно, должен быть отнесен чудотворный образ Святителя Николая, редко кто не сходит, хоть раз в год, на поклонение святому Угоднику Божию. В особенности же большое стечение богомольцев бывает в пост Петра и Павла; вы встретите тут, кроме Малороссиян и русских мужичков, нередко даже обитателей отдаленной Сибири. Предание говорит, что этот образ был найден одним из людей Кочубея, который, охотившись в лесу, не-

чаянно набрел на эту икону; она стояла на пне срубленного дерева. Обрадовавшись и вместе даже испугавшись такой находки (предание говорит, что от нее распространялось большое сияние), он поспешил донесть об этом тамошнему священнику; и священник, сопутствуемый многочисленным народом, перенес ее в церковь; но на другой день, ко всеобщему удивлению, ее не нашли на новом месте. Бросились искать, и увидели, что она находится на том же месте, где явилась; ее снова принесли в церковь; но на другой день повторилось то же самое. И это повторялось до тех пор, пока не выстроили новой церкви, в которую ее и поставили; и теперь еще в алтаре видны остатки того дерева, на котором, по уверению, ее увидели в первый раз. Церковь эта довольно красивой архитектуры... <...> 9 мая здесь бывает храмовой праздник, на который съезжаются нередко и городские жители, и соседние помещики, услужливые торговки разбивают свои лавочки, а поселяне ближних деревень приносят туда масло, сыр, яйца и прочие домашние произведения, и таким образом импровизируется небольшая ярмарка. Надобно видеть, с какою дикою радостию молодые крестьянские девушки, одетые по этому случаю в самые лучшие свои платья, с огромными *намистами* на шее, и с множеством разноцветных лент на косах, бросаются на кольца, серьги, ленты и прочие мелкие товары»[43]. (Последняя черта народного быта отразились в повести Гоголя «Майская ночь, или Утопленница»[44].)

В 1868 г. священник Петр Затворницкий писал: «Первая церковь во имя Святителя Николая, стоявшая на месте настоящей, была, как сообщает предание, сооружена Леонтием Андреевичем Кочубеем, отцом казненного Кочубея. Не противореча такому преданию, хранящаяся при Диканьском храме летопись, составленная Протоиереем Платоном Житинским, свидетельствует о бывших еще двух храмах, построенных после на том же месте: одного – малого, деревянного, сооруженного "по благословению и иждивением Черниговского Преосвященного Архиепископа Лазаря Барановича", а другого – построенного в 1754 году владельцем Павлом Васильевичем <Кочубеем>, по благословению Преосвященного Митрополита Киевского Тимофея Щербацкого... <...> Церковь Св. Николая, теперь существующая зданием каменная, построена в 1797 году иждивением и усердием князя Виктора Павловича Кочубея, действительного тайного советника, управляющего министерством внутренних дел. <...> Эта церковь обладает редкими особенностями своего местоположения: в этом отношении она скорее походит на обитель или скит, чем на сельскую приходскую церковь. Ее не менее, как полуверстная отдаленность от селения, отделяемого глубоким яром, на противоположной стороне которого расстилаются плодоносные поля; ее достойная удивления уединенность, – лишенная всякого соседства человеческаго жилья, кроме бывшей гостинницы для приюта поклонников местной Святыни; окружающий ее густой лес, принадлежащий издревле знаменитой фамилии Князя Кочубея: все эти особенности местоположения Диканьской церкви Св. Николая придают ей вид не простой приходской церкви, но уединенного скита, находящегося среди богатой и живописной природы. <...> Колокольня построена в 1827 г. ... <...> Величайшее и преимущественное достояние, принадлежащее Диканьскому храму, есть находящийся в нем Чудотворный Образ Святителя Николая, в честь которого сооружен как настоящий храм, так и все прежние, преемственно существовавшие. Этот образ занимает правую сторону от наместной иконы Спасителя, украшен разными привесками и находится под серебряною золоченою ризою. Образ Св. Николая весьма удобен для благочестивого лобзания людям всякого возраста в том отношении, что поставлен ниже обыкновенного ряда наместных икон, именно на расстоянии от солеи (пред наместной возвышенности) всего не более аршина. Размер величины образа простирается в высоту 1 ½ аршина, в ширину – 1 арш<ин>. Живопись на нем очень древняя, но вместе с тем чрезвычайно живая и необыкновенно выразительная»[45].

В 1901 г. В. А. Чаговец также сообщал: «Целый день мы посвятили осмотру достопримечательностей Диканьки и первым долгом осматривали церковь, внутренность которой поразила нас серьезностью общего тона; это не была обыкновенная деревенская светленькая церковь... <...>; иконостас темно-коричневый ореховый с золотом; справа находится чудотворный образ св. Николая, в серебряном окладе; перед ним множество лампад и свечей. Этот образ имеет прямое отношение к Н. В. Гоголю...»[46]

Позднее И. С. Некрасов замечал, что Гоголю «постоянно казалось, что он совершит что-то необыкновенное. Это <...> создалось самым его воспитанием. <...> Он воспитывался на рассказе о его необыкновенном рождении, как его мать, не имея детей перед его рождением, отправилась к святому Николаю Диканьскому и как ему дано было имя Николая, хотя в роду Гоголей такое имя не употреблялось. Этим надолго могла поддерживаться в нем мысль о необыкновенной его миссии»[47].

Несомненно, Гоголю было хорошо известно и семейное предание о том, что брак его родителей был благословен Божией Матерью[48]. В 1856 г. П. А. Кулиш указывал на это как на одно из «обстоятельств», которые «биограф не должен упускать из виду при наблюдении дальнейших психологических явлений в жизни Гоголя». По словам Кулиша, «история знакомства его отца с его матерью» сделалась, «без сомнения», известной Гоголю «в числе первых узнанных им семейных преданий»[49].

В. А. Чаговец замечал: «Уже в браке Василия Афанасьевича и Марьи Ивановны чувствовалось ими присутствие какой-то высшей силы, участие Божественного Промысла. <...> ...Так и рождению нашего поэта предшествовали молитвенные обращения к Небу и Святым о ниспослании им сына, и самое имя Николай дано в честь чудотворного образа Св. Николая, что в Диканьке. Таким образом, наш поэт, как испрошенный у Бога, с самых ранних лет находился под особенным наблюдением и воспитывался в высоко-религиозной атмосфере,

созданной родною семьею, и в особенности поддерживаемой первоначально бабушкой поэта, Татьяной Семеновной[50], унаследовавшею ее от своего отца <С. С. Лизогуба>»[51].

«Очень замечательно, – говорил в конце жизни сам Гоголь, – что люди нравственно великие и что-либо благое для человечества сделавшие, рождались всегда от отца и матери не мелкодушных, благочестивых и добродетельных»[52].

Как вспоминал школьный приятель Гоголя В. И. Любич-Романович, религиозность и склонность к монашеской жизни были заметны в Гоголе «еще с детского возраста, когда он воспитывался у себя на родном хуторе в Миргородском уезде и был окружен людьми богобоязливыми и вполне религиозными...» Когда впоследствии писатель «готов был заменить свою светскую жизнь монастырем», он лишь вернулся к этому «первоначальному» своему настроению. «Все это так было понятно для нас, знавших Гоголя со школьной скамейки, но непонятно для тех, кто его знает только по отзывам историков», – добавлял Любич-Романович[53].

[1] Об отдельных достопримечательностях места рождения и крещения Гоголя – с. Великие Сорочинцы – и о вероятном отражении их в творчестве писателя см.: ***1734. Января 17 – февраля конец. Глухов, Сорочинцы, Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1845. Августа 20 <сентября 1>. Понедельник. Кобрино.***

[3] *Кулиш 1852.* С. 189.

[4] См. ***1852. Июня 21. Суббота. Васильевка.***

[5] *Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки // *Свод.* Т. 1. С. 288.

[6] Луи Виардо (1800–1883), французский писатель, муж певицы П. Виардо.

[7] *Г<аев>ский В.* Заметки для биографии Гоголя // Современник. 1852. № 10 (цензурное разрешение 14 окт.). Отд. VI. С. 141; *Свод.* Т. 1. С. 327. См. также: ***1809. Марта 22. Великий понедельник. Сорочинцы.***

[8] См. ***1821. Января 30. Сорочинцы***; см. также ***1809. Марта 22. Великий понедельник. Сорочинцы.***

[9] *Кулиш 1853.* С. 116; *Свод.* Т. 1. 333.

[10] Федор Иванович Иордан в 1850–1853 гг. Семь его писем в Рим к художнику А. А. Иванову. Сообщ<ила> Е. С. Некрасова // Русская Старина. 1892. № 2. С. 432–433; *Свод.* Т. 3. С. 381.

[11] См. ***1839. Января 30 <18>. Среда. Рим.***

[12] *Аксаков С. Т.* Несколько слов о биографии Гоголя // *Свод.* Т. 2. С. 627.

[13] *Аксаков С. Т.* <Замечания о рукописной редакции «Опыта биографии Н. В. Гоголя...»> (Черновик письма к П. А. Кулишу). <Первая половина декабря 1853. Москва> // *Свод.* Т. 2. С. 633.

[14] См. ***1840. Апреля начало, не позднее 7 – апреля 27. Суббота. Москва.***

[15] См. ***1842. Мая 9. Суббота. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва***; ***1842. Мая 31. Воскресенье – июня начало. Москва.***

[16] *Свод.* Т. 1. С. 263–264.

[17] *Свод.* Т. 1. С. 265.

[18] См. ***1852. Июля 10. Четверг. Васильевка.***

[19] См. ***1805. Ноября 12.***

[20] Диканька – знаменитое имение графа В. П. Кочубея, неподалеку от Васильевки. В 1689 г. Диканьку в числе других деревень гетман Мазепа утвердил за генеральным писарем Василием Леонтьевичем Кочубеем. В усадьбе хранилась окровавленная рубаха Кочубея, казненного Мазепой в 1708 г. В память посещения Диканьки 3 августа 1820 г. императором Александром I при въезде в парк были построены каменные триумфальные ворота (см. ***1820. Августа 3. Вторник. Диканька***). Главной примечательностью Диканьки являлась чудотворная икона Святителя Николая, называемого Диканьским.

[21] Воспоминания М. И. Гоголь в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 1. С. 11.

[22] *Линниченко И. А.* Новые материалы для биографии Н. В. Гоголя // Русская Мысль. 1896. № 5. С. 190; *Свод.* Т. 2. С. 120.

[23] См. ***1850. Августа 9. Среда. Сорочинцы.***

[24] В публикации ошибочно: «Марья Васильевна».

[25] Вдова генерал-майора Антона Дмитриева (ум. в 1791), героя русско-турецкой войны 1768–1774 гг.; Дмитриев служил в Харьковском гусарском полку; во время войны, возможно, сдружился с дедом Гоголя А. Д. Гоголем-Яновским (см. ***1769. Мая 3 – июнь. Миргород, Крым***).

[26] См. также ***1839. Марта 25 <13>. Понедельник. Рим.***

[27] *Максимович М. А.* Родина Гоголя // Москвитянин. 1854. № 1 (цензурное разрешение 1 янв.). Отд. VIII. С. 7; *Свод.* Т. 1. С. 639. См. также: «Гоголь родился, как известно, не в Яновщине, а в Сорочинцах, Миргородского уезда, куда Марья Васильевна <Ивановна> Гоголь переехала под наблюдение доктора Трохимовского. <...> Домик генеральши Дмитриевой, где 19 марта 1809 года родился Гоголь, давно не существует» (*Горленко В. П.* Миргород и Яновщина // Русский Архив. 1893. Кн. 1. Вып. 3. С. 305; *Свод.* Т. 1. С. 405).

[28] *Свод.* Т. 2. С. 633.

[29] Вероятно, слова о том, что Гоголь «прибавляет себе лета», были приписаны Кулишом матери Гоголя,

дабы извинить ошибку в указании года его рождения — 1808 — в первой статье о Гоголе — «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя» (см. выше). В «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» 1856 г. эта фраза была снята (см. ниже).

[30] *Кулиш 1854 (1).* № 2 (цензурное разрешение 31 янв.). Отд. 2. С. 40; см. также: *Кулиш 1854 (2).* С. 4; *Свод.* Т. 1. С. 36; Гоголь (Николай Васильевич)... // Справочный Энциклопедический Словарь, издающийся под редакциею А. Старчевского. СПб., 1854. Т. 3. В и Г. (цензурное разрешение 1 июля). С. 437.

[31] Настоятелем Диканьской церкви Святителя Николая был в 1803–1831 гг. протоиерей Платон Житинский, который до 1803 г. был настоятелем существовавшей в той же Диканьке Павловской церкви (уничтожена в 1824 г.). Ранее настоятелем храма Святителя Николая в Диканьке был, до 1789 г., священник Иоанн Житинский (возможно, отец протоиерея Платона Житинского); с 1789 до 1803 г. — священник Кодрат Матушевич. «В последующее время Богослужение исполняли: <...> Протоиерей Иоанн Королев с июня 1831 до сентября того же года, Протоиерей Андрей Осипов с апреля месяца 1833 года до февраля 1837 года. Что касается заслуг и личных достоинств бывших настятелей Диканьского храма Св. Николая, то из них только протоиерей Платон Житинский оставил по себе добрую память как пастырь образованный, истинно трудолюбивый и благочестивый. О протоиерее Андрее Осипове известно, что он хотя и не обучался ни в какой духовной школе, но обладая природными способностями, достиг почетных служебных мест и должностей, как-то: был Священником при кафедральном Соборе в г. Переяславле... <...> Поступив в 1817 году в армейское духовенство, он определен был в должность дивизионного благочинного и в течение семи лет исполнял ее. По возвращении в Полтавскую Епархию протоиерей Осипов назначен был Преосвященным Нафанаилом 1-м настоятелем в село Диканьку к храму Святителя Николая. <...> За верное передают, что Прот<оиерей> Осипов закончил свои служебные труды и самую жизнь в сане моношеском» (*Священник Петр Затворницкий.* Церковь Святителя Николая в селении Диканьке Полтавской губернии // Полтавские Епархиальные Ведомости. 1869. № 6. 15 марта. Часть неофициальная. С. 148–149).

[32] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 25.

[33] *Титов А.* Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому. Киев, 1898. С. 79–80; *Виноградов И. А.* Первый биограф Гоголя // *Кулиш 2003.* С. 32.

[34] *Кулиш 1856.* Т. 1. С. 5; *Свод.* Т. 1. С. 36.

[35] См. ***1850. Марта 19. Воскресенье. Москва.***

[36] См. также.: «Сегодня, 19 марта 1895 года, минуло мне 70 лет» (Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары О. В. Гоголь-Головни). Ред. и прим. В. А. Чаговца. Киев, 1909. С. 1; *Свод.* Т. 1. С. 194).

[37] *Мошин А. Н.* Поездка в Васильевку // *Свод.* Т. 1. С. 249. — Ольга Васильевна позднее сообщала: «Рассказывали, что у матери первый сын родился не живой, и второй тоже, так она за третьим ездила в Диканьку к Николаю Чудотворцу, отслужила молебен; она обещала — если родится сын, дать имя Николай; как напугана прежними родами, потому и жила у доктора» (Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 207).

[38] См. ***1809. Марта 22. Великий понедельник. Сорочинцы.***

[39] *Лернер Н.* О дне рожденья Гоголя // Русская Старина. 1909. № 5. С. 319–320.

[40] *Мошин А. Н.* Поездка в Васильевку // Вокруг света. 1903. 7 сент. № 34. С. 545; *Свод.* Т. 1. С. 249.

[41] См. ***1845. Июня 30 <18>. Понедельник. Веймар.***

[42] См. ***1850. Мая 9. Вторник. День памяти св. Николая Мирликийского. Москва.***

[43] *Трушковский Н. П.* Диканька. (Из путевых записок) // *Свод.* Т. 1. С. 267.

[44] См.: *Виноградов И. А.* ...И по ту, и по эту сторону Диканьки // *Гоголь 2009–2010.* Т. 1–2. С. 516.

[45] *Священник Петр Затворницкий.* Церковь Святителя Николая в селении Диканьке Полтавской губернии // Полтавские Епархиальные Ведомости. 1869. № 6. 15 марта. Часть неофициальная. С. 146–147, 152, 163. — См. также ***1850. Января 10. Вторник. Санкт-Петербург.***

[46] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 220.

[47] *Некрасов И. С.* Значение Гоголя в истории русской литературы // *Некрасов И. С.* О значении Лермонтова и Гоголя в истории русской литературы. Две публичные лекции. Одесса. 1887. С. 31.

[48] См. ***1792. Июля 2. Ахтырка.***

[49] Воспоминания М. И. Гоголь в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 38.

[50] См. ***1821. Сентября 21. Среда.***

[51] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник. Киев, 1902 <вышло в свет в 1903>. Отд. 3. С. 36; *Свод.* Т. 1. С. 245.

[52] *Малиновской Д.* Нечто о Гоголе // Русский. Газета политическая и литературная. (Москва), 1868. 30 июля. № 22. С. 1; *Свод.* Т. 3. С. 679.

[53] См. ***1836. Февраля 21. Санкт-Петербург.***

МАРТА 22. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. ВЕЛИКИЕ СОРОЧИНЦЫ

Крестины Гоголя.

В метрической книге Велико-Сорочинской Спасо-Преображенской церкви под № 25 сделана запись о рождении и крещении Н. В. Гоголя: «1809-го Года. <...> Март. <...> 20[1]. – У помещика Василия Яновского родился сын Николай и окрещен – 22. – Молитствовал и крестил священнонаместник Иоанн Беловольский. – Восприемником был господин полковник Михаил Трахимовский»[2].

Иофанов. С. 69 (фотокопия); см. также: Гоголь в портретах, иллюстрациях, документах. Составитель А. М. Гордин. Л., 1959. С. 37 (фотокопия); впервые опубл., с пропуском даты крещения: *Ксёнзенко А. И.* Николай Васильевич Гоголь. Заметка // Русская Старина. 1888. № 10. С. 392.

[1] На самом деле Гоголь родился не 20, а 19 марта 1809 г. (см. ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Местечко Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губернии***).
[2] См. также ***1839. Марта 25 <13>. Понедельник. Рим.***

МАРТА 28. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ

АПРЕЛЯ КОНЕЦ – МАЯ НАЧАЛО. ВЕЛИКИЕ СОРОЧИНЦЫ, ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская с новорожденным сыном Николаем возвращается из Сорочинец в Васильевку.

Г. П. Данилевский, со слов Марии Ивановны, сообщал: «Новорожденный был необыкновенно слаб и худ. Долго опасались за его жизнь. Через шесть недель он был перевезен в Яновщину».

См. ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы.***

АВГУСТА 6. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Издание указа «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Ассесоры[1] и Статские Советники»[2].

Согласно вышедшему указу, титулярный советник мог быть произведен в следующую степень (чин 8-го класса – коллежского асессора) лишь при условии окончания университета или же сдачи соответствующих экзаменов по установленной программе. Эту тему Гоголь не раз поднимал позднее в своих повестях. В чине «вечного титулярного советника» состоят герои гоголевских повестей «Записки сумасшедшего» и «Шинель». Тщеславный «майор» Ковалев в повести «Нос», стремясь из титулярных советников, отправляется на Кавказ, где чин коллежского асессора (или, согласно военной табели о рангах, «майора») присваивался без аттестата и экзаменов.

Причиной издания указа 1809 г. явилось «малое число учащихся» в университетах и то, что дворянство «в сем полезном учреждении менее других» принимало участия. («Пассивная забастовка» дворянства объяснялась реакцией на общесословный принцип образования, введенный уставом 1804 г.[3]) Для обучения чиновников указом 1809 г. было определено «в тех городах, где находятся университеты», открыть ежегодные курсы, продолжавшиеся с мая по октябрь, на которых занятия полагалось начинать «не ранее 2 часов пополудни, дабы утро могло быть употребляемо на исправление дел службы»[4]. В 1834 г., с вступлением в должность министра народного просвещения С. С. Уварова, был издан также специальный указ «О допу-

щении к слушанию университетских лекций служащих и не служащих чиновников»[5]. (В 1832/33 учебном году из подвергавшихся испытанию чиновников в Петербургском университете были удостоены получения аттестатов лишь три человека[6].)

[1] Отец Гоголя, Василий Афанасьевич, служивший ранее выхода в свет указа 1809 г., был по службе в течение более шести с половиной лет, с 1799 по 1805 г., титулярным советником и чин коллежского асессора получил, в награждение, только при выходе в отставку в декабре 1805 г. (см. ***1799. Апреля 16. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1805. Декабря 22. Пятница. Санкт-Петербург***).

[2] 1809. Августа 6. Именный, данный Сенату. – О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Ассесоры и Статские Советники // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 30. С. 1054–1057.

[3] *Алешинцев И.* Записка графа Сперанского «Об усовершении общего народного воспитания» // Русский Архив. 1907. № 12. С. 729.

[4] Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 30. С. 1054, 1056–1057.

[5] Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. С. XVII.

[6] См.: Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. С. 48.

ОКТЯБРЯ 1. ПЯТНИЦА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Марии Ивановне исполнилось 18 лет.

1810

ЯНВАРЯ 15. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Император Александр I утверждает представление графа И. А. Безбородко об устройстве в будущей Гимназии высших наук в Нежине пансиона на 60 учащихся (сверх тех 24-х, обязательство содержания которых на свой счет принял ранее[1] граф Безбородко).

[1] См. ***1805. Июля 29. Суббота. Санкт-Петербург.***

МАРТА 19. СУББОТА

Гоголю исполняется год.

МАРТ-АПРЕЛЬ

М. И. Гоголь отправляет мужу письмо о продаже ею сена в Янресках; поздравляет его с именинами.

Назаревский. С. 350.

ЛЕТО-ОСЕНЬ

Родился брат Гоголя Иван.

Свод. Т. 1. С. 15.

ИЮЛЯ 7. ЧЕТВЕРГ. ДЕНЬ ПАМЯТИ ПРЕПОДОБНОГО АКАКИЯ, О КОТОРОМ ПОВЕСТВУЕТСЯ В ЛЕСТВИЦЕ

К этой дате Гоголь отнес начало ссоры в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1833)[1]:

«...Дворянин Иван Никифоров, сын Довгочхун, сего 1810 года Июля 7 дня учинил мне смертельную обиду...»

В Повести о ссоре имеется еще одна реминисценция из «Лествицы» св. Иоанна Синайского[2].

[1] См. также ***Конец 1820-х (не позднее 1829)***; ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1842. Июля 16–17 <28–29>. Четверг-пятница. Васильевка*** (примечания). — Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Неизвестный «Миргород» // *Гоголь Н. В.* Миргород. М., 1996. С. 71–72; *Виноградов 2000.* С. 157–158; *Виноградов И. А.* Неизвестный «Миргород» // *Гоголь 2009–2010.* Т. 1–2. С. 626–627.

1810

АВГУСТА 12. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Издание постановления об учреждении Лицея в Царском Селе.

1810. Августа 12. Постановление о Лицее (Царскосельском) // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Стб. 557–583. — См. также ***1813. Декабря 31. Среда. Санкт-Петербург.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ПОЛТАВСКИЙ УЕЗД

В. А. Гоголь-Яновский купил у действительного статского советника Сем. Мих. Кочубея два хутора (208 десятин) за 5000 рублей.

Назаревский. С. 329.

1811–13

В ТЕЧЕНИЕ 1811–1813. СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

П. П. Свиньин служит в Филадельфии при русском консульстве (впоследствии издал книгу «Опыт живописного путешествия по Америке»; СПб., 1815).

В журнале Свиньина «Отечественные Записки» Гоголь стал печататься в 1830 г. (подробнее см.: ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург***).

1811

МАРТА 19. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Гоголю исполняется два года.

ДЕКАБРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. А. Трощинский по расстроенному здоровью выходит в отставку.

«С тех пор он посвятил себя управлению обширными имениями дяди, значительнейшая часть которых должна была перейти к нему»[1].

Мария Ивановна вспоминала: «Когда приехал мой двоюродный брат А. А. Трощинский, моей любимой тетки сын, выйдя в отставку и застав уже меня замужем, то мы очень приятно проводили время вчетвером. Он получил отличное воспитание, говорил отлично хорошо по-русски, как у нас говорили, петербургским языком, по-французски и по-немецки, но читал по-русски превосходно. Как-то меня несколько приспособил читать, посадил возле себя, чтобы я заметила, как он читает. У него была библиотека, но он сам назначал для меня книги самые нравоучительные, и без него и без мужа моего я никогда сама не брала ничего читать. Этот брат мой [покойный] вначале было

несколько перевоспитывал меня, но частые его отлучки по имениям и делам его дяди Д. П. Т<рощинского> мешали ему серьезно заняться мной»[2].

«В одном из своих писем А. А. Трощинский сообщает Василию Афанасьевичу, что требуемые им “математические” инструменты приобретены. Зачем они понадобились Василию Афанасьевичу, трудно догадаться»[3].

[1] *Ореус.* С. 673.
[2] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 69, 62–63.
[3] *Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 373.

ОДИН ИЗ ДНЕЙ ГОДА

Родилась сестра Гоголя Мария.

Свод. Т. 1. С. 15.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

В. А. Гоголь-Яновский купил какую-то недвижимость у Зарудного (более точные указания до нас не дошли).

Назаревский. С. 329.

ЯНВАРЯ 24. СРЕДА. ПОЛТАВА

Д. П. Трощинский на дворянских выборах избирается полтавским губернским предводителем дворянства[1].

«В то же время он был избран в губернские предводители Киевским дворянством по *большинству голосов.* Депутаты полтавские <В. В. Капнист, В. Л. Лукашевич, М. И. Корбе> приехали в деревню[2] к Трощинскому 10 февр<аля>. Он принял их предложение, отклонив избрание Киевского дворянства потому, *что надеется быть более полезным там, где находит более единодушия*»[3].

В списке чиновных особ Полтавской губернии от 29 февраля 1812 г. значится: «*В Дворянском Депутатском Собрании: Губернский Маршал,* Д<ействительный> Тайный Сов<етник> и Кав<алер> Дмитрий Прокофьевич Трощинский»[4]. (До Трощинского полтавским губернским маршалом с 1809 по 1811 г. был статский советник Василий Иванович Черныш (Чарныш) (отчим А. С. Данилевского[5].)

«...Когда Трощинский <...> был выбран в поветовые маршалы, или предводители, Василию Афанасьевичу <Гоголю-Яновскому> пришлось служить при нем в роли секретаря маршала»[6].

В ноябре 1850 г. Гоголь в письме к А. М. Трахимовскому, говоря о внучатом племяннике Д. П. Трощинского — выказавшем желание служить «юноше» Д. А. Трощинском, писал: «...Мне кажется, всем нам, дворянам, следует уважить это доброе желание юноши, который, как бы то ни было, внук того знаменитого мужа, которому много обязана полтавская губерния; по крайней мере в трудное время 12-го года, когда дворянству нужно было сильное предстательство, он не отказался принять на себя звание губернского предводителя, несмотря на то, что, находясь в должности министра[7], обременен был кучей дел и обязанностей»[8].

[1] См. также ***1812. Февраля 10 — конец года. Полтава.***
[2] Очевидно, в Киев, а не в деревню (см. ***1821. Февраля средина. Киев***).
[3] *Попов 1868.* С. 10.
[4] Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1812. СПб., <1812>. Ч. 2. С. <II>, 387.
[5] См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1809. СПб., <1809>. Ч. 2. С. 360; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской

Империи, на лето от Рождества Христова 1810. СПб., <1810>. Ч. 2. С. 364; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1811. СПб., <1811>. Ч. 2. С. 378.

[6] *Свод*. Т. 1. С. 373.

[7] См. ***1814 июля после 4 – 1815 апреля конец – мая начало. Полтава, Васильевка.***

[8] См. ***1850. Ноябрь. Одесса***.

ФЕВРАЛЯ СРЕДИНА. КИЕВ

В. В. Капнист пишет А. С. Шишкову[1]:

«Из сельского уединения привлечен я в Киев... <...> Я приехал вызвать отсюда такого благодетеля, какого во всей России другого найти не можно, а именно: его высокопревосходительства Дмитрия Прокофиевича, которого полтавское благородное сословие избрало губернским своим маршалом[2] с таким беспримерным единодушием, что при баллотировании из 419 баллов, число дворянства составляющих, ни одного неодобрительного не оказалось. Оно назначило меня, занимающего его место, и двух маршалов[3] для препоручения ему от лица всего общества просительного отзыва, чтоб он не отказался принять на себя звание, на него возлагаемое, и согласие его увенчало подвиг наш вожделенным успехом».

Капнист Вас. В. Собр. соч. В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 453.

[1] Александр Семенович Шишков (1754–1841), адмирал, министр народного просвещения в 1824–1828 гг.; председатель «Беседы любителей русского слова».

[2] См. ***1812. Января 24. Полтава.***

[3] Кроме Капниста, к Д. П. Трощинскому были направлены переяславский уездный предводитель дворянства Вас. Лук. Лукашевич и прилуцкий предводитель дворянства Мих. Ив. Корба (Корбе) (*Попов 1868*. С. 10).

МАРТА 6. СРЕДА. ОБУХОВКА

В. В. Капнист пишет графу В. П. Кочубею:

«Донесу о себе вашему сиятельству, что я был в Киеве для убеждения его высокопревосходительства Дмитрия Прокофиевича Трощинского принять звание губернского полтавского маршала. Он согласился исполнить общее желание. Я видел Киев и не познал его. <...> Пятнадцать лет прошло, как я оставил его... русским городом... Теперь польский театр, польские контракты, польский язык. Одни мощи угодников остались невредимы, ибо молитвами их перед подмываемою Днепром горою насыпалась песчаная коса, отведшая от них реку на четверть версты и открывшая набожным посетителям от берега свободный вход в пещеры».

Капнист Вас. В. Собр. соч. В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 476.

МАРТА 19. ВТОРНИК

Гоголю исполняется три года.

Много лет спустя, 1 января 1851 г., Гоголь сообщал Е. А. Хитрово: «Я долго не говорил, до трех лет...»[1]

Г. П. Данилевский в 1852 г., со слов матери Гоголя, замечал: «Трех лет от роду, не учась грамоте у учителя, он уже бегло читал и писал слова мелом, запомнив алфавит по рисованным игрушечным буквам...»[2]

Последнее сообщение вызвало возражение П. А. Кулиша: «Не можем согласиться с г. Данилевским, чтоб Гоголь, "трех лет от роду, не учась грамоте у учителя, уже бегло читал и писал слова ме-

лом, запомнив алфавит по рисованным игрушечным буквам", не можем потому, что Гоголь никогда не отличался быстрыми успехами в науках... <...> Он вообще был плохой ученик...»[3]

Данилевский не счел основательным это замечание Кулиша и, при переиздании своей статьи в 1853 г., исправлений в нее не внес[4]. В 1886 г. Данилевский вновь замечал о Гоголе: «Трех лет от роду он уже сносно разбирал и писал слова мелом, запомнив алфавит по рисованным, игрушечным буквам»[5].

[1] Гоголь в Одессе. 1850–1851. Дневник Е. А. Хитрово // *Свод.* Т. 1. С. 743.
[2] *Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки // *Свод.* Т. 1. С. 288.
[3] *Кулиш 1853.* С. 116.
[4] Уточнение матери Гоголя по поводу сообщенных Данилевским сведений см.: ***1814 марта после 19 – 1815 марта до 19. Васильевка*** (примечания).
[5] *Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем // *Свод.* Т. 1. С. 314.

ИЮНЯ 12. СРЕДА.
Р. НЕМАН

Вторжение армии Наполеона в пределы Российской Империи.

ИЮЛЯ 6. СУББОТА.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Император Александр I издает манифест «О сборе внутри Государства земского ополчения».

Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 32. С. 388.

ИЮЛЯ СРЕДИНА 1812 – 1815 АПРЕЛЯ КОНЕЦ – МАЯ НАЧАЛО.
ПОЛТАВА, ВАСИЛЬЕВКА

«В 1812 году Василий Афанасьевич принимал участие в заботах о всеобщем земском ополчении и, по предписанию Трощинского, как дворянин, известный честностью, заведывал собранными для ополчения суммами»[1].

М. И. Гоголь вспоминала: «...Я <...> всегда была рада, когда могла ехать в Васильевку, где я иногда проживала одна для моей свекрови. Она скучала одна, а мой муж должен был оставаться у Трощинского, служащего тогда по выборам предводителем в военное время, и дворянская сумма была на руках моего мужа»[2].

Позднее В. А. Чаговец указывал: «...Он <В. А. Гоголь-Яновский> состоял на службе у Д. П. Трощинского, заведуя всей хозяйственной частью по его имениям, а также всеми денежными средствами дворянской кассы и канцелярии Трощинского, бывшего в то время (по 1814 г.) губернским Полтавским маршалом»[3].

[1] *Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 373.
[2] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 63. См. также ***1814 июля после 4 – 1815 апреля конец – мая начало. Полтава, Васильевка.***
[3] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей // *Свод.* Т. 1. С. 243.

АВГУСТА 24–26. СУББОТА-ПОНЕДЕЛЬНИК.
БОРОДИНО

Бородинское сражение.

АВГУСТА 30. ПЯТНИЦА. КИБИНЦЫ ИЛИ ПОЛТАВА

Д. П. Трощинский пишет малороссийскому генерал-губернатору князю Я. И. Лобанову-Ростовскому:

«Несчастное продолжение отступления армий наших, с одной <стороны>, и медленность в выводе полтавского ополчения в назначенные ему места, с другой стороны, <с>только для меня мучительны, что я от досады и огорчения слег и уже третий день лежу в постели. Я не могу надивиться, как благородные люди могут равнодушны быть в деле толико важном, каково есть защита отечества. Всякий час получаю отзывы, что избранные чиновники, под предлогом болезней и других причин, бесстыдно уклоняются от службы, а владельцы в поставке козаков и всего принадлежащего великие остановки делают».

Четыре письма Д. Пр. Трощинского к кн<язю> Я. И. Лобанову-Ростовскому // Киевская Старина. 1886. № 12. С. 710–711; *Свод*. Т. 2. С. 484.

СЕНТЯБРЯ 2. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Оставление русской армией Москвы.

СЕНТЯБРЯ 24. ВТОРНИК. ПОЛТАВА

Д. П. Трощинский отвечает малороссийскому генерал-губернатору князю Я. И. Лобанову-Ростовскому на его письмо от 18 сентября 1812 г. по поводу «продовольствия сеном» 6500 лошадей конного земского ополчения:

«Могу сказать вашему сиятельству, что подать сеном есть одна из обильнейших всякого рода притеснениями; а потому <...> не обинуюсь представить вашему сиятельству, что таковая резкая мера может возбудить ропот и в людях найболее расположенных жертвовать общему благу. Сей новый налог на состояние, и так уже обремененное оными, не охолодит ли самоохотного рвения способствовать, по всей возможности, нуждам правительства?»[1]

См. также воспоминания о Д. П. Трощинском С. В. Скалон: «В 12-м году, когда правительством велено было отправить из Малороссии сухари для войск наших в Польшу, он с живым участием спешил помочь несчастному народу, который рисковал потерять в этой дальней дороге волов — единственное свое достояние и средство к жизни. Он упросил отца моего <В. В. Капниста> ехать немедленно в Петербург и хлопотать о том, чтобы правительство позволило это пожертвование сделать не натурою, но деньгами. Мой отец, несмотря на болезнь и на страшный зимний холод, уехал в Петербург... <...> Хлопоты его увенчались успехом... <...> Для Малороссии это было величайшее облегчение...»[2]

[1] Четыре письма Д. Пр. Трощинского к кн<язю> Я. И. Лобанову-Ростовскому // Киевская Старина. 1886. № 12. С. 712.

[2] Воспоминания С. В. Скалон (урожденной Капнист) // Исторический Вестник. 1891. Апрель. С. 359; *Свод*. Т. 2. С. 484.

См. также ***1814 июля после 4 — 1815 апреля конец — мая начало. Полтава, Васильевка*** (примечания).

СЕНТЯБРЯ 26. ЧЕТВЕРГ. ПОЛТАВА

Д. П. Трощинский пишет главнокомандующему князю М. И. Голенищеву-Кутузову:

«Боже мой! До какого по несчастию дожили мы времени! <...> С доверенностью предложу Вам мои мысли: главнейшая есть та, что сила народа нашего велика, что враг в средине нашего Царства: зачем же медлить ополчить весь народ?»[1]

В ответ Трощинский получил от князя два письма — официальное и дружеское (оба от 9 октября 1812 г.), а затем еще одно письмо от 28 октября 1812 г.[2], на которое Трощинский отвечал 10 декабря[3].

[1] *Попов 1868.* С. 10.
[2] См.: *Попов 1868.* С. 12–14; М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. М., 1955. С. 56, 225–226.
[3] См. ***1812. Декабря 10. Полтава или Кибинцы.***

ОКТЯБРЯ 7. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОСКВА

Французы покидают Москву.

ОКТЯБРЯ 23. СРЕДА. КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский пишет малороссийскому генерал-губернатору князю Я. И. Лобанову-Ростовскому :

«...К великому удивлению моему, сего месяца 17-го числа получил я <...> <извещение>, что ваше сиятельство предписать <...> изволили все пожертвованные купечеством и евреями на земское ополчение суммы собрать под ведомство казенной палаты... <...> ...Весьма прискорбно мне видеть, что <...> распоряжения мои <...> опровергаются начальническою властью вашею...»

Четыре письма Д. Пр. Трощинского к кн<язю> Я. И. Лобанову-Ростовскому // Киевская Старина. 1886. № 12. С. 714–715.

ОКТЯБРЯ 28. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО. КИБИНЦЫ

Именины Д. П. Трощинского.

«...Ода <из семейного архива Трощинских>, написанная Семеном Капнистом, отличается особенно затейливым заголовком; вензель Трощинского Т (твердо) вставлено в Д (добро), с следующей подписью:

То, что зришь здесь — он творит:
Твердо на *Добре* стоит.

Все это окружено эмблемою вечности: змием, держащим конец хвоста в пасти. Затем следуют стихи, в тогдашнем (1812 г.) вкусе:

...Так, муж почтенный! совершая
Служенью царства трудный путь,
Ты, в милой родине желая
От шумной славы отдохнуть,
Когда оставил град столичный —
Расстройство спутники обычны:
Корысть, самоуправств разврат,
Крамола, смуты и раздоры
Лишенной твердыя подпоры
Державе гибелью грозят. —
На цепь сих зол, всеместно зримых
Ты с горестью негодовал[1];
Но взор от бед неотвратимых,
Сжав сердце, отвратить желал,
В родимый край уединяся
И пышным титлом не гордяся,
От блеска скрыл ты жизнь свою.
Не алча в родине быть славным,
Но каждому являясь равным,
Составил с ней одну семью. —
Вдруг буря брани заревела...
. . . .
В бедах сих, с царством сострадая,
Ты вновь на поприще вступил;
Любовь отца к птенцам являя,
Воскрыльем нас своим покрыл...»

Ореус. С. 664–665.

[1] См. ***1821. Июня 29. Яресқи.***

НОЯБРЬ

Один из знакомых В. А. Гоголя-Яновского пишет ему:

«Вам как охотнику петь и имеющему часто приятнейший случай аккомпанировать в песнях дамам, посылаю песенку. Если захотите доложить об ней княгине[1] и если угодно будет выдчитать <так!> сей песни голос, то доложите мою покорнейшую просьбу, чтоб он был чисто русской без смеси с итальянским».

Назаревский. С. 326; *Иофанов.* С. 60.

[1] Княгиня Н. Д. Хилкова, дочь Д. П. Трощинского.

ДЕКАБРЯ 10. ВТОРНИК. ПОЛТАВА ИЛИ КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский отвечает князю М. И. Голенищеву-Кутузову на письмо от 28 октября 1812 г.:

«...В уединении моем одни злополучия отечества убивали меня: победы Ваши возвращают мне спокойствие. <...> Пала Москва, но, опершись на Вас, устояла Россия. Скоро могущею рукою подымет она падшую столицу свою, покажет ее удивленному миру еще в большем великолепии и славе и удостоверит его тем, что богатство и сила наша неистощаемы: ибо они существенно от изобилия земли нашей происходят, а не заимствуются променом за мечтательно-драгоценный металл, при кучах которого многие миллионы людей с голоду умирают. <...> Не зная, где Вы

находитесь, не видя возвращения от Вашей Светлости г. Кованьки, я решился послать к Вам еще одного гонца»[1].

В ответ Трощинский получил от князя письмо от 23 декабря 1812 г. из Вильно, в котором тот, в частности, сообщал: «Из приложенного при сем окончания военного журнала, мною Государю Императору сегодня поднесенного, Вы увидите, что Россия от врагов совершенно очищена...»[2]

[1] *Попов 1868*. С. 14–15.
[2] *Попов 1868*. С. 15–16; М. И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. М., 1955. С. 639–640. – См. также ***1812. Декабря 25. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Вильно***.

ДЕКАБРЯ 24. ВТОРНИК. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. КИЕВ

А. А. Трощинский пишет В. А. Гоголю-Яновскому письмо, где благодарит его за хозяйственные хлопоты и замечает:

«Третьего дня в вечеру через дворового человека Гаврилу доставлено ко мне извещение ваше без месяца и числа писанное, из которого замечено, что по неопытности вашей в светском обращении огорчаетесь вы такого рода сплетнями, которые для живущих в кругу большого света за ничто почитаются и не заслуживают обращения на них внимания[1]. Но при таковых неприятных встречах для каждого чувствительного и соблюдающего непорочность нравов человека надлежит быть весьма осторожным и осмотрительным в избежание важнейших неприятностей, злобной клеветой наносимых. <...> О здешних новостях я к вам не пишу для того, что по случаю пребывания вашего в доме Дмитрия Прокофьевича вы достаточнее обычных можете иметь сведений, о ваших же новизнах не оставляйте меня извещать»[2].

В 1856 г. М. И. Гоголь-Яновская вспоминала о развлечениях в Кибинцах: «Даже зимой в обширной оранжерее делали дубовые леса, обернув колонны дубовой корой с ветками, и все это было чудесно иллюминировано, и дорога, туда ведущая, в далеком расстоянии от дому вся освещена. <...> В оранжерее представляемы были, между прочим, Филимона и Бавкиду В<асилием> В<асильевичем> с старшей своей дочерью Катериной В<асильевной>. И когда спадывала с них изорванная одежда, то они в новом своем виде подходили к Трощинскому с приличными приветствиями в стихах; иногда экспромтом сочиняли комедии и играли в Кибинцах в театре Трощинского, во дворе его выстроенном; в нем играли и дворовые люди довольно хорошо, но больше были благородные актеры дети В<асилия> В<асильевича>, иногда и он сам. Князь Хилков был большой комик, и жена его играла, и мы все, случающиеся там, муж мой и я. В<асилий> В<асильевич> уверил всех, что я буду хорошо играть, и для поддержания себя находил игру мою отличной. Когда подавали Д<митрию> П<рокофьевичу> афишку о действующих лицах[3], то он с восторгом брал свой лорнет и, найдя мое имя, был всегда доволен, потому что В<асилий> В<асильевич>, сидя возле его, говорил ему о каждом нашем движении. – За обеденным столом кратко загадывали шарады, а после обеда шарады были в действии: Аркадий Гаврилович Родзянко[4] приготовлял иногда по заказу В<асилия> В<асильевича> разные маленькие пиесы. Когда, случалось, по окончании театра в последний раз на масляной, вздумается Д<митрию> П<рокофьевичу> еще просить что-нибудь сыграть, то он ровно в 2 часа сочинил комедию, и в тот же вечер играли, и все были им довольны. Кажется, целой стопы бумаги было бы мало для описания всего, сколько там было разнообразных удовольствий, какие были замысловатые маскарады 2 недели праздников в Рождество Христово и в разное время представления в зале разных родов. Родзянкиных было в семействе с разными живущими душ 14, Трощинских и Капнистов также, и все они проживали по месяцу вместе, каждый день были балы после театра; мы с мужем моим, которого Д<митрий> П<рокофьевич> очень любил, жили безвыездно у него; нельзя было проситься домой[5], в последнее его время[6] сердился до болезни, когда узнавал о помышлении нашем ехать домой, и гостям трудно было уезжать, чтобы его не тревожить, и когда начиналось провожанье гостей, то старик бывал очень не в духе; и ненадолго оставалось в доме без больших собраний – скоро опять съезжались. В эти промежутки двери амфиладой отворялись, играла музыка, иногда целый оркестр, иногда квартеты. Разыгрывали из Бетховена и Моцарта и прочих тогда бывших в славе музыкантов»[7].

Дочь В. В. Капниста Софья Васильевна также вспоминала: «Так как старик <Д. П. Трощинский> любил в особенности малороссийские пьесы, то их сочинял и устраивал всегда дальний родственник его, Гоголь-Яновский, отец известного Николая Васильевича Гоголя...»[8]

[1] См. также ***1813. Января 30. Киев.***

[2] *Иофанов.* С. 34, 59.

[3] См. ***1821. Октября 27. Кибинцы.***

[4] Аркадий Гаврилович Родзянко (не позднее апреля 1793 — не ранее февраля 1846), поэт, родовое имение которого — Родзянки — находилось поблизости от имения В. В. Капниста Обуховки. Первоначальное домашнее образование получил под руководством овдовевшей в 1803 г. матери — Марфы Михайловны Родзянко (Родзянкиной). Был дружен с старшим сыном В. В. Капниста Семеном. В 1807 г. поступил в Московский университетский благородный пансион, который окончил в 1811 г. В 1813 г. снова зачислен в студенты университета, в 1814 г. поступил в гвардию и переехал в Петербург; в марте 1821 г. в чине капитана вышел в отставку и вернулся на родину. Был знаком с Г. Р. Державиным, А. С. Пушкиным и др. В 1830 г. обвенчался с Надеждой Акимовной Клевцовой (см.: *Вацуро В. Э., Разин Н. П., Супронюк О. К.* Родзянко, Аркадий Гаврилович... // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 309–312).

Д. П. Трощинский 29 ноября 1822 г. писал Л. И. Голенищеву-Кутузову о М. М. Родзянко: «Ее дом из лучших в здешних окрестностях, во всем достаточный и отличающийся особенно любезным гостеприимством хозяйки» (*РНБ.* Ф. 791. Ед. хр. 25. Л. 89).

[5] См. также ***1806. Июль-август. Кибинцы Миргородского уезда.***

[6] В. А. Гоголь-Яновский скончался 31 марта 1825 г. (см. ***1825. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Кибинцы***).

[7] Из воспоминаний матери Гоголя. (Письмо М. И. Гоголь к С. Т. Аксакову // *Свод.* Т. 1. С. 78–79.

[8] *Скалон С. В.* Воспоминания // *Свод.* Т. 1. С. 617.

ДЕКАБРЯ 25. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ВИЛЬНО

Окончательное изгнание армии Наполеона из России[1].

В гоголевском рукописном сборнике «Сочинения Ломоносова и Державина»[2] изгнанию французов посвящен отрывок из оды Г. Р. Державина «Гимн лиро-эпического на прогнание французов из отечества» — *XI. Окончание Гимна на прогнание французов.*

[1] См. также ***1812. Декабря 10. Полтава или Кибинцы*** (фрагмент из письма князя М. И. Голенищева-Кутузова от 23 декабря 1812 г. из Вильно); ***1812. Декабря 25. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1841 октября 17 — 1842 мая 23. Москва.***

ДЕКАБРЯ 25. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Издание манифестов «О принесении Господу Богу благодарения за освобождение России от нашествия неприятельского»[1] и «О построении в Москве церкви во имя Христа Спасителя, в ознаменование благодарности к промыслу Божию за спасение России от врагов»[2].

[1] Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 32. С. 485–487. — См. также ***1812. Декабря 25. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Вильно.***

[2] Там же. С. 487–488.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

В. А. Гоголь-Яновский купил у Задорожных смежную ниву (70 кв. сажен) за 3 рубля 50 копеек и лес за 150 рублей у неизвестного.

Назаревский. С. 329.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ПОЛТАВА

«ПОЛТАВСКАЯ ГУБЕРНИЯ. <...> *В Дворянском Собрании: Губернский Маршал*, Д<ействительный> Тайный Сов<етник> и разн<ых> орд<енов> Кав<алер> Дмитрий Прокофьевич Трощинский».

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1813. СПб., <1813>. Ч. 2. С. 389.

ЯНВАРЯ 13. ПОНЕДЕЛЬНИК

В. А. Гоголь-Яновский купил у помещика Грибовского за 1000 рублей семью крепостных из четырех человек «великорусской породы», вместе с землей в местечке Лютенке Гадячского уезда[1].

В. А. Чаговец, ознакомившийся в 1901 г. с материалами семейного архива Гоголей, замечал: «...Интересно дело о купле крестьянской семьи “великороссийской породы”, оказавшееся воровскою и безнравственной; из-за этой купли-продажи произошла ссора между Василием Афанасьевичем (отцом поэта) и его соседом Грибовским, бывшими до этого времени в самых дружественных отношениях. В тоне их писем и исковых прошений чувствуется канва, по которой так художественно набросана знаменитая ссора Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем»[2].

[1] *Назаревский*. С. 329, 334.
[2] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 230.

ЯНВАРЯ 30. ЧЕТВЕРГ. КИЕВ

А. А. Трощинский пишет В. А. Гоголю-Яновскому:

«Всеусерднейше вас благодаря за все ваши извещения в упомянутом и в предыдущих двух ваших письмах заключающихся, из коих полученное мною письмо через Мих<аила> Михайловича <Трахимовского> без означения года, месяца и числа писанное из места пребывания вашего в певческой, где и поделом вас засадили за удаление Марьи Ивановны <Гоголь-Яновской> из круга большого света[1]. Мне на вас сильно жалуются и выводят жестокой донос в волокитстве, и в других предосудительных поступках, прибавляя к тому: вот до какой степени вы сделались дурным человеком? Ага! Вы конечно не ожидали такого себе описания; но когда прямодушно без хитрости и лести — проживать будете в большом свете, то сочинят еще лучший вам аттестат и такую небылицу в лицах, какой еще конечно и во сне вам никогда не пригрезится. Не унывая, любезный Василий Афанасьевич, от таковых жестоких нападков и сплетней, а напротив того, вооружась терпеньем и благоразумием, отражая иные из них презрением, а другие шутками и хладнокровным равнодушием; но отнюдь не горячась и не принимая к сердцу сплетенных на тебя нелепостей, кои не стоят того, чтобы об них много размышлять и беспокоиться ими. Вот дружеский мой совет по сему предмету».

Иофанов. С. 34–35.

[1] См. также ***1812. Декабря 24. Киев.***

ФЕВРАЛЯ 1. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

И. С. Орлай пишет письмо лейб-медику Я. Виллие (на лат. яз.), где, в частности, сообщает, что М. А. Балугьянский и В. Г. Кукольник[1] являются наставниками великих князей Николая и Михаила Павловичей; один преподает им право естественное и народное («Jus naturae et gentium»); другой – римское и русское[2].

Позднее, в конце 1828 г., И. С. Орлай в своем цензурном отзыве о книге Мак-Карти (J. Mac Carthy) «Nouveau dictionnaire géographique universell» (Paris, 1824) писал: «...Известно всем, что два Карпаторусские ученые, как то: нынешний Тайный Советник и Ст<атский> Секретарь Его И<мператорского> В<еличества> Балуг<ь>янский и Статский Советник Кукольник удостоились быть наставниками по правоведению Его И<мператорского> В<еличества> ныне благополучно царствующего Государя Императора и Его Высочества, Великого князя Михаила Павловича»[3].

Много лет спустя, 26 октября 1847 г., Император Николай I в беседе с бароном М. А. Корфом говорил: «Я помню, как нас с братом мучили[4] <...> два человека, очень добрые, может статься, и очень умные, но оба несноснейшие педанты: покойный Балугьянский[5] и Кукольник. Один толковал нам, на смеси всех языков, из которых не знал хорошенько ни одного, о римских, немецких и, Бог знает, каких еще законах; другой что-то о мнимом "естественном праве". <...> И что же выходило? На уроках этих господ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор, иногда собственные их карикатурные портреты, а потом к экзаменам выучивали кое-что в долбяшку, без плода и пользы для будущего. По-моему, лучшая теория права – добрая нравственность, а она должна быть в сердце независимо от этих отвлеченностей и иметь своим основанием – религию»[6].

[1] Василий Григорьевич Кукольник (1765–1821), первый директор Гимназии высших наук в Нежине.
[2] *Свенцицкий И. С.* Материалы по возрождению Карпатской Руси. Львов, 1906. Т. 1. С. 24.
[3] *Флоровский Ант. В., проф.* Заметки И. С. Орлая о Карпатской Руси. (1828 г.). (К столетию со дня смерти И. С. Орлая) // Карпатский свет. Ужгород, 1928. № 9. С. 336.
[4] С 1813 по 1817 г.
[5] М. А. Балугьянский умер 3 апреля 1847 г. Некролог о нем см.: *Алединский Н.* М. А. Балугьянский // Северная Пчела. 1847. 5 мая. № 99. С. 395–396.
[6] Сборник Имп. Русского Исторического Общества. СПб., 1896. Т. 98. С. 30.

МАРТА 19. СРЕДА

Гоголю исполняется четыре года.

МАРТА 26. СРЕДА

Д. П. Трощинский отвечает князю М. И. Кутузову-Смоленскому на его письмо от 10 января 1813 г. из г. Лик:

«Да благословит Господь Ваши подвиги! Да приведет Он Австрию в познание истины, да подымет на ноги Германию, да сломит рукою Вашею рог строптивого врага...»

Попов 1868. С. 16.

АПРЕЛЯ 12. ВЕЛИКАЯ СУББОТА

А. А. Трощинский пишет М. И. Гоголь-Яновской:

«Весьма похвально, что вы занимаетесь в досужее время чтением полезных книг. Жаль только того, что в походной моей библиотеке немного находится таких, которые относятся к образованию вкуса, сердца и разума[1]. Мне помнится, что Василий Афанасьевич имел намерение запастись сего рода книгами; но, по-видимому, крепится денежными на то издержками. Со временем, однако ж, я надеюсь что он лучше вразумится от меня о необходимости иметь у себя избранную библиотеку и о существенной пользе, приобретаемой в общежитии, а особливо при воспитании детей молодцов-сыновей, которых обязан он обще с вами готовить на службу царю и отечеству. <...> Весьма также вас похваляю за доставленное вами благодетелю нашему[2] семейное удовольствие в принятии на себя обязанностей по театральным представлениям, кои в согласном семейственном быту, наипаче для стариков, в большом свете живших, доставляют забавное времяпрепровождение».

Свод. Т. 1. С. 137.

[1] Реминисценция названия первого русского детского журнала «Детское чтение для сердца и разума» (см. ***1802. Октября 1. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Ярески***).
[2] Имеется в виду Д. П. Трощинский.

АПРЕЛЯ 13. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ

МАЯ 18. ВОСКРЕСЕНЬЕ. КАГОРЛЫК

А. А. Трощинский увещевает Василия Афанасьевича:

«Я не понимаю, что со всеми Вами там делается? отчего вы приходите в такое отчаяние, что охота берет вам стреляться или же забиться в глушь и не знаться более со светскими людьми».

Иофанов. С. 35.

МАЯ 27. ВТОРНИК. ПОЛТАВА

Андрей Степанович Стеблин-Каменский, губернский секретарь, депутат Полтавского дворянского собрания от Золотоношского уезда[1], пишет В. А. Гоголю-Яновскому:

«Кибинские веселости вскружили мне голову... Они оставили большое влияние на мои чувства и, так сказать, непочатую меланхолию на сердце».

Иофанов. С. 60.

[1] Полтавское дворянское собрание возглавлял губернский маршал Д. П. Трощинский. Можно предположить, что в Кибинцы были приглашены депутаты от всех пятнадцати уездов Полтавской губернии.

ИЮЛЯ МЕЖДУ 7 И 19. ОБУХОВКА, КИБИНЦЫ

Пребывание Г. Р. Державина в Обуховке и Кибинцах.

В 1856 г. М. И. Гоголь-Яновская вспоминала: «С Державиным мы проживали несколько время в имении Трощинского и в Обуховке у Василия Васильевича Капниста, куда он приез-

жал с женой своей, родной сестрой Капнистовой жены Александры Алексеевны, также из дому Дьяковых, которая была ангельской доброты. Когда Державины остановились в селе <не>далеко от дому В<асилия> В<асильевича>, то Дарии Алексеевне вздумалось явиться к сестре в виде нищей, – она была уверена, что ее не узнают, так давно не видевши. Пришла к ней в изорванном салопе, велела доложить о себе и введена была в спальню хозяйки. Та усадила ее и с большим усердием расспрашивала, в чем может быть ей полезной, начала заботиться о ее наряде, показывала разные и просила выбрать, что ей лучше понравится. В это время Дария А<лексеевна> увидела в окошко спускающуюся с горы к крыльцу дома карету своего мужа, сбросила в минуту свое лохмотье и сказала: "Соничка <Сашенька>, неужели я так переменилась, что ты меня не узнала", и начала извиняться, что обманула ее, и тогда они бросились друг друга обнимать, а между тем и Гаврила Романович пришел, и все сбежались с разных домиков, разбросанных по огромному саду, смежному с лесом на берегу Псла, – дети Василия В<асильевича>, родные, живущие у них постоянно, разные бедные и гости, в том числе и Дмитрий Прокофьевич Трощинский, бывший министр юстиции. И как угощаемы были от радушных хозяев, сколько было разнообразжено удовольствий, сколько сюрпризов! Д<митрий> П<рокофьевич> и Державин помогали разным остроумным выдумкам... <...> Когда оставались Державины и Капнисты – четверо старичков одни, то А<лександра> А<лексеевна> разыгрывала разные гимны на фортепиано и пели херувимскую песнь, хотя дрожащими уже голосами, но довольно стройно, называя друг друга: Василий Васильевич Дарию А<лексеевну> Дашенькой, а она его Васенькой... <...> Державин любил гулять в саду, взяв под руки двух хорошеньких девиц, красавицу блондинку, приехавшую с ним племянницу его, и мою сестру, брюнетку, учившуюся в Обухове у Александры А<лексеевны> Капнистовой и ее старшей дочери. А теперь, кто б мог вообразить, увидя сестру мою, что она в греческом вкусе была красавицей – это развалины хорошенького домика»[1].

Дочь Капниста, Софья Васильевна (в замужестве Скалон), также вспоминала: «Для нас особенно интересна была встреча Трощинского и Державина, двух сановников в царствование Екатерины II, впрочем, не совсем дружелюбных в то время. С каким взаимным уважением они раскланивались! Как величали друг друга вашим высокопревосходительством и не хотели сесть один прежде другого! <...> Сначала в их отношениях видна была некоторая холодность, но, прожив несколько дней вместе, они, наконец, сошлись и подолгу непринужденно беседовали друг с другом»[2].

[1] Из воспоминаний матери Гоголя. (Письмо М. И. Гоголь к С. Т. Аксакову) // *Свод*. Т. 1. С. 78–79.
[2] Воспоминания С. В. Скалон (урожденной Капнист) // Исторический Вестник. 1891. Апрель. С. 360.

АВГУСТА 13. СРЕДА. КИБИНЦЫ

В. В. Капнист пишет А. С. Шишкову:

«...Поговорю о друге нашем Гаврииле Романовиче <Державине>, который обрадовал меня нечаянным посещением с сестрою Дариею Алексеевною и племянницею Прасковиею Николаевною. Они прогостили у меня 12 дней и отправились на богомолье в Киев. Вы воображаете себе, что много было приятного говорено об вас... <...> Сердечно обрадован я, услыша, что ваше превосходительство сделались главою Российской Академии».

Капнист Вас. В. Собр. соч. В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 481.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ДИКАНЬКА

В. А. Гоголь-Яновский приобретает у графа В. П. Кочубея скот голландской породы.

Назаревский. С. 330.

1813

ДЕКАБРЯ 31. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Издание постановления об учреждении пансиона Царскосельского Лицея.

1813. Декабря 31. Постановление о Благородном Лицейском Пансионе в городе Царском Селе // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Стб. 736–750. – См. также ***1810. Августа 12. Пятница. Санкт-Петербург***.

1814

МАРТА 19. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ

Русские войска взяли Париж.

МАРТА 19. ЧЕТВЕРГ. ПАРИЖ. ВАСИЛЬЕВКА

В. А. и М. И. Гоголь-Яновские, предположительно, отмечают день рождения сына Николая, которому исполняется пять лет.

Вероятно, с детства Гоголь запомнил, что день его рождения совпал с днем вступления в Париж войск антинаполеоновской коалиции в 1814 г.[1], и потому впоследствии праздновал оба эти события вместе[2].

[1] См. ***1814. Марта 19. Четверг. Париж.***

[2] См. ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы*** (примечания).

АПРЕЛЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В. В. Капнист пишет Г. Р. Державину: «Поздравляю вас с покорением Парижа».

Капнист Вас. В. Собр. соч. В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 485.

ИЮНЯ 2. ВТОРНИК. ЯРЕСКИ

У В. А. и М. И. Гоголь-Яновских родился сын Дмитрий. (Крещен в Троицкой церкви в Ясресках на следующий день, 3 июня, в день памяти св. благоверного царевича Димитрия, Угличского и Московского. Крестным отцом новорожденного был коллежский асессор Е. Ф. Вороженко.)

Розсоха Л. О. Миргородщина козацка і гоголівська. Київ, 2009. С. 127.

ИЮНЯ 26. ПЯТНИЦА

Некто Иван Казачковский в письме к неизвестному отмечает «испытанную... расположенность» В. А. Гоголя-Яновского «благотворить ближнему».

Назаревский. С. 319.

ИЮНЬ

«Николаю Гоголю-Яновскому была привита предохранительная коровья оспа, которая на Гоголе-Яновском... хорошо принялась и благополучно кончилась».

Иофанов. С. 68; Свод. Т. 1. С. 334. – См. также ***1821. Января 26. Полтава.***

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ГОДА. ВАСИЛЬЕВКА

Посещение Васильевки Д. П. Трощинским. Первые яркие проявления самосознания Гоголя.

С. П. Шевырев, посетивший Васильевку в июле 1852 г.[1], со слов матери Гоголя, записал: «Дмитрий Прокофьевич бывал в Васильевке и игрывал в шахматы. – Анекдот о покойном Н<иколае> В<асильевиче>, который сказа<л> ему: "Плевать на вас и на вашу розгу! Папа, не играйте с ним (играли в шахматы), пусть гость". – Хотели наказать его. – "Очень будет характерен", – сказал Дм<итрий> Прокофьевич».

Возможно, к 1814 г., когда Гоголю исполнилось пять лет, относится и следующее сообщение М. И. Гоголь о сыне, записанное Шевыревым: «Малоросс<ийская> песня, которую пел маленький Н<иколай> В<асильевич>[2], выговаривая ясно каждое слово, и за дверью, чтобы никто не видел:

Баба кисель варила,
На морозе цидила»[3].

Спустя около двадцати лет, в письме к матери 2 октября 1833 г. из Петербурга, Гоголь, размышляя о воспитании сестер, вспоминал: «Детство мое доныне часто представляется мне. Вы употребляли всё усилие воспитать меня как можно лучше. Но, к несчастью, родители редко бывают хорошими воспитателями детей своих. Вы были тогда еще молоды, в первый раз имели детей; в первый раз имели с ними обращение, и так могли ли вы знать, как именно должно приступить, что именно нужно? Я помню: я ничего сильно не чувствовал, я глядел на всё, как на вещи, созданные для того, чтобы угождать мне. Никого особенно не любил, выключая только вас, и то только потому, что сама натура вдохнула это чувство. На всё я глядел бесстрастными глазами; я ходил в церковь потому, что мне приказывали или носили меня; но стоя в ней, я ничего не видел, кроме риз, попа и противного ревения дьячков[4]. Я крестился потому что видел, что все крестятся. Но один раз – я живо, как теперь, помню этот случай. Я просил вас рассказать мне о страшном суде, и вы мне ребенку так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность. Это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли».

Младшая сестра Гоголя Ольга Васильевна вспоминала: «Рассказывали, когда брат был маленьким, то ходил к ней <бабушке Татьяне Семеновне> и просил шерсти, вроде гаруса, чтобы выткать поясок, он на гребенке ткал пояски»[5].

В 1851 г. Гоголь на вопрос Е. А. Хитрово, что он любил в детстве, ответил: «...Прежде, маленьким еще, — карты»[6].

[1] См. ***1852. Июля 10. Четверг. Васильевка.***
[2] Позднее П. А. Кулиш также указывал, что «одною из первых» народных песен, «которым Гоголь научился в детстве, была песня «У поли крыныченька, / Холодна водыченька, – / Там чумак воды наповае...» (см. ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва***).
[3] Воспоминания М. И. Гоголь в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 1. С. 12, 13–14.
[4] Это же «недовольство» Гоголя «гнусавым» «пением дьячков» отмечал его нежинский однокашник В. И. Любич-Романович (см. ***1825. Январь-апрель. Нежин***).
[5] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 206.
[6] См. ***1851. Января 21. Воскресенье. Одесса.***

ИЮЛЯ 4. СУББОТА. КИБИНЦЫ

Отъезд Д. П. Трощинского в Петербург, куда он приглашал ехать с собой В. А. Гоголя-Яновского. (Мария Ивановна не пустила мужа.)

«В июне 1814 г. полтавское дворянство просило его <Д. П. Трощинского> в качестве депутата ехать в Петербург для участия в торжественной встрече, которая приготовлялась возвращавшемуся из-за границы Государю и от лица дворянства поздравить Его Величество с благополучным окончанием военных действий. Июля 4-го он выехал из Кибинец, 19-го приехал в Петербург. Появление Трощинского обратило на него внимание Императора, который предложил ему вновь вступить в службу. <...> 30 августа Д. Пр. Трощинский был назначен министром юстиции»[1].

М. И. Гоголь-Яновская вспоминала: «...Д<митрий> П<рокофьевич> при отъезде в Петербург желал, чтобы он <Василий Афанасьевич> ехал с ним, но я не пустила его»[2].

[1] *Попов 1868.* С. 17.
[2] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 69.

1814 ИЮЛЯ ПОСЛЕ 4 – 1815 АПРЕЛЯ КОНЕЦ – МАЯ НАЧАЛО. ПОЛТАВА, ВАСИЛЬЕВКА

В. А. Гоголь-Яновский временно исполняет должность губернского маршала Полтавского дворянства.

Свидетельство о том, что В. А. Гоголь-Яновский, будучи секретарем Трощинского, некоторое время «исправлял даже должность маршала» (предводителя дворянства)[1], косвенно подтверждается данными адрес-календарей. По-видимому, неофициальное исполнение Василием Афанасьевичем обязанностей губернского маршала началось с того времени, когда Д. П. Трощинский 4 июля 1814 г. отправился в Петербург[2], и завершилось концом апреля – началом мая 1815 г., когда в должность официально вступил, вместо Трощинского, новый полтавский губернский маршал А. Ф. Данилевский[3].

Адрес-календарь 1815 г., сообщающий о состоянии чинов на 1 декабря 1814 г., сообщает об исполнении тогда Трощинским сразу двух должностей – полтавской и петербургской: «Вышшия Правительства... <...> Министерство Юстиции. (Состояние чинов по 1-е Декабря 1814.) <...> *Министр,* Действ<ительный> Тайн<ый> Сов<етник> Дмитрий Прокофьевич Трощинский»[4]; «Местные правления. <...> Полтавская Губерния. <...> *В Дворянском Собрании: Губернский Маршал,* Д<ействительный> Тайн<ый> Сов<етник> и разн<ых> орд<енов> Кав<алер> Дмитрий Прокофьевич Трощинский»[5].

Передача дел исполняющим обязанности губернского маршала В. А. Гоголем-Яновским новому губернскому предводителю дворянства А. Ф. Данилевскому состоялась, по-видимому, после Пасхи 18 апреля 1815 г. Именно об этой передаче дел идет речь в письмах Д. П. Трощинского к А. А. Трощинскому от февраля 1815 г.[6] и В. В. Капниста к Василию Афанасьевичу от 15 февраля, 11 апреля и 1 мая 1815 г.[7] Вероятно, к этому времени относится свидетельство М. И. Гоголь по поводу «дворянской суммы», что «была на руках» ее мужа[8]: «Когда он сдавал ее, то дворяне без счету у него приняли; не мог он их принудить счесть»[9].

К периоду «маршальства» Василия Афанасьевича, по-видимому, относится сохранившийся черновик его официального отношения к Трощинскому, из которого явствует, что проблема «мертвых душ», то есть отсутствующих, но числящихся в имении по ревизским сказкам крепостных крестьян, занимала и Василия Афанасьевича. Впоследствии его черновое письмо к Трощинскому, сохраненное матерью Гоголя, могло быть прочитано Гоголем[10].

Бытовой основой сюжета «Мертвых душ» могли послужить и другие исторические реалии, связанные с податной системой. Некоторые из них стали известны позднее В. А. Гиляровскому — после его поездки на родину Гоголя в 1889 г. Пересказывая доклад Гиляровского на заседании Общества любителей российской словесности 11 декабря 1901 г., корреспондент московской газеты «Новости Дня» сообщал: «Оказывается, и посейчас Украйна кишит типами, встречающимися в произведениях писателя. В<ладимиру> А<лексеевичу> удалось услышать предположение, что поводом для составления “Мертвых душ” послужил некий помещик, Пивинский, который, чтобы получить право выкуривать вино, — право, предоставлявшееся только помещикам, владеющим 50 душами, приобретал мертвые души. Его примеру последовали другие, и вследствие этого население Миргородского уезда по ревизским сказкам быстро возросло. Сам г. Гиляровский думает, что покойный писатель рассказал в виде курьеза о мертвых душах Пушкину, и тот подал ему мысль написать поэму»[11].

В 1902 г. сам Гиляровский пояснял, что историю о Пивинском ему рассказала дальная родственница Гоголей М. Г. Анисимо-Яновская: «“И всю правду Гоголь писал, всю правду! Вот Коробочку взять. Сколько таких Коробочек было! И теперь они есть... А ту Коробочку прямо, кажется, с моей тети, <Марии Ивановны> Пивинской, списал... А что мысль написать “Мертвые души” взята с моего дяди Пивинского, так это я наверно знаю, и знаю, как это произошло”.

— Что же, Чичикова Гоголь писал с Пивинского?

— Нет, Чичикова с другого кого-то списал, а самую мысль “Мертвых душ” дал Пивинский. Это уж я достоверно знаю.

— Пивинские были мои дядя и тетя, у них я часто в Федунках бывала: это 17 верст от Яновщины. (Местечко Федунки (Федунка) еще ближе, чем к Яновщине (Васильевке), находится к Ярескам — где у Гоголей, так же, как у Д. П. Трощинского, была часть имения: 70 десятин земли, хутор, полтора десятка крестьян и лесные угодья. — *И. В.*). <...>

Далее Марья Григорьевна рассказывает:

— История “Мертвых душ” такова: у Пивинских было 200 десятин земли и душ 30 крестьян и детей пятеро. Богато жить нельзя, и существовали Пивинские винокурней. Тогда у многих помещиков были свои винокурни, акцизов никаких не было.

Вдруг, это еще до меня было, начали разъезжать чиновники и собирать сведения о всех, у кого есть винокурни. Пошел разговор о том, что, у кого нет пятидесяти душ крестьян, тот не имеет права курить вино. Задумались тогда мелкопоместные: хоть погибай без винокурни!

А Харлампий Петрович Пивинский хлопнул себя по лбу да сказал:

— Эге! Не додумались!

И поехал он в Полтаву, да и внес за своих умерших крестьян оброк, будто за живых... А так как своих, да и с мертвыми, далеко до пятидесяти не хватало, то набрал он в бричку горилки, да и поехал по соседям и накупил у них за эту горилку мертвых душ, записал их себе и, сделавшись по бумагам владельцем пятидесяти душ, до самой смерти курил вино и дал этим тему Гоголю, который бывал в Федунках, да, кроме того, и вся миргородчина знала про мертвые души Пивинского. <...>

Харлампий простяк был! Ни на что внимания!... <...> ...Приезжаем мы <...> к Пивинским. Выходит сам в новой чумарке, как сейчас вижу: один рукав синий, другой — пестрый, одна пола синяя, другая — красная, а спина — диванной материи с турецкими огурцами.

Мы так и остолбенели. <...>

— Как тебе, Харлампий Петрович, не стыдно таким чучелом одеваться?

А он стоит, пузатый такой, смеется, говорит:

– Эге? Бачите? Добре... И ей-Богу ж, гарно!
– Да стыдно...
– Абы новенько да чистенько... Гарный архалук!
И пошел к обедне.

А то раз за обедом собрались гости. Мария Ивановна подала пирожное безе. А Харлампий попробовал да как закричит на нее:

– Що се таке! Да якие чорты-батьки, чого повыдумывали! И нема лучше, как пшеняна каша, да еще молоком прилита... А що се таке: ни во роте, ни в животе...

Биографы Гоголя доказывают, что Пушкин дал ему тему для "Мертвых душ"[12]. Нисколько не отрицая этой версии, я смею полагать, что, может быть, Гоголь в беседе с Пушкиным рассказал ему, под свежим впечатлением, происшествие с Пивинским, и Пушкин ему посоветовал воспользоваться этим материалом. Решить, откуда тема, предоставляю более сведущим людям, а мое дело было собрать о Гоголе те материалы, которые доселе не были известны и в которое время исчезли бы»[13].

[1] *Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 373.

[2] См. ***1814. Июля 4. Кибинцы (?)***; ***1814. Августа 30. Санкт-Петербург.***

[3] «В лице А. Ф. Данилевского, миргородского поветового маршала, Трощинский нашел себе деятельного помощника, особенно в последний год, когда по служебным обязанностям он жил в Петербурге. Доверенным лицом его был и В. А. Гоголь-Яновский, отец великого русского писателя Н. В. Гоголя и Лука Пет<рович> Руденко (кременчугский предводитель дворянства)» (*Павловский И. Ф.* К истории полтавского дворянства. 1802–1902 г. Очерки по архивным данным, с рисунками. Полтава, 1906. Т. 1. С. 184).

[4] Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1815. СПб., <1815>. Ч. 1. С. 642; см. также с. 150, 173.

[5] Там же. Ч. 2. С. 395.

[6] См. ***1815. Февраля. Санкт-Петербург.***

[7] См. ***1815. Февраля 15. Обуховка***; ***1815. Апреля 11. Обуховка***; ***1815. Мая 1. Обуховка.***

[8] См. ***1812 июля средина – 1815 апреля конец – мая начало. Полтава, Васильевка.***

[9] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 63.

[10] «Зная, [сколько [вы] великую имеете вы расположенность помогать своим [сос<траданием> <?>] нашему дворянству [осмели<ваюсь>] и о искоренении зла, шипящего в глухих местах наших от <*1 нрзб.*>] сколь великое имеете вы попечение об общественных наших пользах, осмеливаюсь доложить вам: 1) все вам чрезвычайно благодарны за россрочку уравнительного рекрутского набору, но опасаются многие, что ежели теперь не отдадут всех рекрут [*далее было: а.* то войдут они в ревизию; *б.* то платить за них все подати; *в.* то платить за них, может быть, лет 15 или более, все подати] и придется отдавать за подачею ревизской сказки [и когда] и ежели из ревизии их уже не исключат, то сие будет еще отяготительнее, чем единовременное уравнение, и не будет справедливого уравнения, так и теперь [люд<и>] в людях делается уравнение; [но пожертвование наше] но с пожертвованием нашим на содержание и ополчение [оружие] оружием и лошадьми, кажется, никакая губерния не поравняется. – Почему ожидаем мы, что вы исходатайствуете для нас милость, что отдаваемые рекруты по уравнительному набору исключатся из ревизии и тогда только [мы будем] будет уравнена сия повинность;

2) [велику<ю>] великое бы было для нас благодеяние, если бы доставили, чтобы с передержателей беглых крестьян взыскивался бы штраф в казну и строжайший бы о сем последовал указ; ибо у нас подчас рекрутских наборов все молодые люди убегают в Константиноградский повет и в Екатеринославскую губернию и передерживаются тамошним<и>; чрез это принуждены мы отдавать в рекруты отцов семейства, а найпаче в нынешний набор, в которой ужасно как бракуют.

3) По милости вашей зачтены за рекрут не только не возвратившиеся козаки из ополчения, но велено принимать и искалеченных на службе в инвалидные команды [и зате<м>] и [выдать] выдавать зачетные квитанции. – [Но до получения] Многие искалеченные и потерявшие на службе совсем свое здоровье, искали получения сего милостивого разрешения возвратиться, коих также, кажется, следовало бы зачесть, но таковые получили отказ на свои просьбы» (*Свод.* Т. 1. С. 6).

[11] Хроника. <Сообщение В. А. Гиляровского о поездке на родину Гоголя> // *Свод.* Т. 1. С. 346.

[12] См. ***1835. Сентября не позднее субботы 7. Санкт-Петербург.***

[13] *Гиляровский В. А.* В Гоголевщине. (Из последней поездки) // *Свод.* Т. 1. С. 360–362.

АВГУСТА 30. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Издание именного указа «О установлении празднества Декабря 25, в воспоминание избавления Церкви и Державы Российския от нашествия Галлов и с ними двадесяти язык»[1], а также манифеста «О учреждении крестов для Духовенства, а для воинства, дворянства и купечества медалей и о разных льготах и милостях».

По манифесту «О учреждении крестов... и... медалей...» 1814 г. мать Гоголя, Мария Ивановна, спустя некоторое время, за оказанную русской армии большую материальную помощь была награждена медалью[2] — «бронзовою на Владимирской ленте» (согласно строкам манифеста)[3]. Составители путеводителя по музею Гоголя в Великих Сорочинцах И. Ф. Довгаль и Н. О. Литвин указывали: «Родители Гоголя в годы Отечественной войны 1812 года пожертвовали для нужд русской армии значительную сумму денег, продовольствие и фураж. Экспонируется фотокопия документа о награждении матери писателя медалью за участие в войне»[4]. Н. Самойленко в свою очередь сообщал: «Недавно в экспозиции Велико-Сорочинского литературно-мемориального музея <...> появилась фотокопия документа о награждении матери писателя Марии Ивановны медалью за участие в Отечественной войне 1812 года. Такой же награды был удостоен и его отец — Василий Афанасьевич. Родители Гоголя, как свидетельствуют архивные материалы, принимали активное участие в формировании полтавского ополчения, полки которого храбро сражались с войсками Наполеона. В девяти казачьих полках было немало крепостных В. А. Гоголя-Яновского, которых отправлял на защиту Отечества Василий Афанасьевич»[5].

В тот же день, 30 августа 1814 г., Д. П. Трощинский был назначен министром юстиции[6].

[1] Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 32. С. 905–906.

[2] «В период Отечественной войны 1812 года родители Гоголя оказали русской армии большую материальную помощь, за что мать была награждена медалью» (*Хоменко Н. В., Тюнин А. П.* Заповедник-музей Н. В. Гоголя. Харьков, 1988. С. 14; см. также: *Виноградов И. А.* Неизвестный «Миргород» // *Гоголь Н. В.* Миргород. С приложением. М., 1996. С. 8–9; *Виноградов 2000.* С. 108–109; *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009.* С. 411–412).

[3] Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 32. С. 907.

[4] *Довгаль И. Ф., Литвин Н. О.* Великосорочинский литературно-мемориальный музей Н. В. Гоголя. Путеводитель. 6-е изд., перераб. и доп. Харьков, 1987. С. 9.

[5] *Самойленко Н.* Медали родителей Н. В. Гоголя // Труд. 1988. 27 окт. № 247.

[6] См. ***1814. Июля 4. Кибинцы (?)***.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ЯРЕСКИ

В. А. Гоголь-Яновский купил у Ромасенко смежные с его лесом — лес и землю за 200 рублей; Ив. Скалон купил для хозяйства Василия Афанасьевича породистого заводского «бугая».

Назаревский. С. 329, 330.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ВАСИЛЬЕВКА

Случай с кошкой, испугавшей пятилетнего Гоголя.

В 1867 г. А. О. Смирнова сообщала П. А. Висковатову: «В памяти сохранился у меня рассказ Гоголя о себе еще мальчиком.

— Было мне лет пять. Я сидел один в Васильевке. Отец и мать ушли. Оставалась со мною одна старуха няня[1], да и она куда-то отлучилась. Спускались сумерки. Я прижался к уголку дивана и среди полной тишины прислушивался к стуку длинного маятника старинных стенных часов. В ушах шумело, что-то надвигалось и уходило куда-то. Верите ли, — мне тогда уже казалось, что стук маятника был *стуком времени, уходящего в вечность*. Вдруг слабое мяуканье кошки нарушило тяготивший меня покой. Я видел, как она, мяукая, осторожно кралась ко мне. Я никогда не забуду, как она шла, потягиваясь, а мягкие лапы слабо постукивали о половицы когтями, и зеленые глаза искрились недобрым светом[2]... Мне стало жутко! Я вскарабкался на диван и прижался к стене... "Киса, киса", — пробормотал я и, желая ободрить себя, соскочил и, схвативши кошку, легко отдавшуюся мне в руки, побежал в сад, где бросил ее в пруд и несколько раз, когда она старалась выплыть и выйти на берег, отталкивал ее шестом. Мне было страшно, я дрожал, а в то же время чувствовал какое-то удовлетворение, может быть, месть за то, что она меня испугала. Но когда она утонула и последние круги на воде разбежались — водворились полный покой и тишина, — мне вдруг стало ужасно жалко "кисы". Я почувствовал угрызения совести. Мне казалось, что я утопил человека. Я страшно плакал и успокоился только тогда, когда отец, которому я признался в поступке своем, меня высек»[3].

Из письма Смирновой к И. С. Аксакову от 25 сентября — 2 октября (н. ст.) 1877 г.: «Гоголь часто вспоминал свое детство в Васильевке. Описывал хаты с палисадником, перед которыми росли деревья, украшенные богатыми черными сливами и черешнями. Он особенно был счастлив в самые жаркие июльские дни. Пяти лет он лежал на густой траве, заложив руки под голову и задрав ноги. "Солнце палило. Тишина была как-то торжественна, я будто слышал стук времени, уходящего в вечность. Кошка жалобно мяукала, мне стало нудно (по-малороссийски нудно, что по-русски грустно), я встал и с ней распорядился, взял ее за хвост и спустил ее в колодец, что подле речки. Начали искать бедную кошку, я признался, что ее утопил, плакал, раскаивался и упрекал себя, что лишил Божию тварь наслаждений этой жизни". Это делал он в 5-ть лет. Какая глубина чувства!

Их домашним Доктором был Трохимовский; он по-своему лечил давно, до Греффенберга, холодной водой; вся процедура происходила у реки на солнце, не было ни завертывания в мокрые простыни, ни душ, раздражающих спинной мозг. Лекарства его составлялись из трав, которые росли в его околотке. «Бог, — говорил Доктор, — так щедр и милосерд, что дает ему на его месте, и в свое время, что ему нужно, <и> на пищу, и на его здоровье».

У Гоголя точно была тетка[4] и двоюродный брат[5], который бил мух хлопушками[6]. Ссора Никифора Ив<ановича> с соседом[7] тоже взята с натуры»[8].

[1] Агафья С. Власенкова.

[2] «Не вспомнилась ли Гоголю эта сцена из его детства, когда он в "Майской ночи" описывает кошку, крадущуюся к одиноко тоскующей дочке сотника: "Глядит: страшная черная кошка крадется к ней; шерсть на ней горит, и железные когти стучат по полу..." Ведь известно, что Гоголь каждую черту в рассказах своих списывал с натуры. Г. Свибреев <вероятно, Д. Н. Свербеев> в шипевших часах Коробочки, столь удививших Павла Ивановича Чичикова, узнал старинные часы в столовой своего поместья, потерявшие бой и хрипевшие» (примеч. П. А. Висковатова).

[3] *Висковатов-Висковатый П.* Из рассказов А. О. Смирновой о Гоголе // *Свод.* Т. 2. С. 237–238.

[4] Вероятно, имеется в виду Е. И. Ходаревская (рожд. Косяровская), родная сестра М. И. Гоголь.

[5] По-видимому, Ходаревский.

[6] Замечание, очевидно, относится к повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка».

[7] Имеется в виду «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем».

[8] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 272–273.

КОНЕЦ ГОДА

А. Г. Родзянко пишет оду «Дмитрию Прокофьевичу Трощинскому. На новый 1815 г.»

Вацуро В. Э., Разин Н. П., Супронюк О. К. Родзянко, Аркадий Гаврилович... // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 310.

1815

ФЕВРАЛЯ 15. ПОНЕДЕЛЬНИК. ОБУХОВКА

В. В. Капнист пишет В. А. Гоголю-Яновскому:

«Весьма хорошо вы сделали, что не послали дел к Алексею Федоровичу[1]. Я о сем с ним объяснюсь. Впрочем, дел разбивать никак не должно. Я писал по сему предмету к Дмитрию Прокофиевичу[2] и буду ожидать его разрешения. Долго ли вы пробудете в Кибинцах? Я слышу, что Катенька[3] выздоровела и увезена к вам или отцу. Зачем вы ее к нам не везете: она бы скорее здесь оправилась от болезни. Все мы об ней стосковались весьма давно. Дорога теперь и погода хороша: что бы стоило Марии Ивановне[4] привести ее к нам? Прощайте и за предводительскими делами не забывайте вашего преданного слугу».

Капнист Вас. В. Собр. соч. В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 489; см. также: *Иофанов.* С. 40.

[1] Речь идет о А. Ф. Данилевском, поветовом (уездном) маршале миргородского земского суда в 1813–1815 гг., губернском маршале (предводителе дворянства) Полтавской губернии в 1815–1821 гг.

После того, как А. Ф. Данилевский занял должность полтавского губернского маршала, В. А. Гоголь-Яновский поступил на место хорунжего миргородского уезда, которое занимал до 1821 г. (см. ***1816. В течение года. Миргород***; ***1818. В течение года. Миргород***; ***1819. В течение года. Миргород***; ***1820. В течение года. Миргород***; ***1821. В течение года. Миргород***).

[2] Трощинскому.

[3] Вероятно, Е. И. Ходаревская.

[4] Гоголь-Яновской.

ФЕВРАЛЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Д. П. Трощинский пишет А. А. Трощинскому:

«Василию Афанасьевичу <Гоголю-Яновскому> я благодарен за его исправность. От него получил я уже требуемую ведомость и потщусь и с моей стороны исполнить обещанное ему... Ежели не взяты из кабинета моего бумаги, относящиеся к деятельности губернского маршала, Вы весьма хорошо сделаете, отдав Василию Афанасьевичу ключ от той половины шкафа, в которой положены сии бумаги, и запечатав другую половину оного, как наполненную вещами и бумагами собственно мне принадлежащими... Василий Афанасьевич довершит усердие свое ко мне порядочною сдачею общественных дел».

Иофанов. С. 36–37.

1814–15

1814 МАРТА ПОСЛЕ 19 – 1815 МАРТА ДО 19. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь начинает писать стихи, первым читателем которых становится посетивший Васильевку В. В. Капнист.

Г. П. Данилевский, побывавший в Васильевке в 1852 г., со слов матери Гоголя, записал: «Будучи еще пяти лет от роду[1], он вздумал писать стихи. Никто не помнит, какого рода стихи писал он; но вот что осталось в памяти его домашних. Известный литератор наш *Капнист*, заехав однажды к отцу молодого поэта, застал пятилетнего сына его за пером. Малютка Гоголь сидел за столом, глу-

бокомысленно задумавшись над какою-то фразою. Капнисту удалось, просьбами, ласками и другими средствами, заставить нового литератора прочесть свое произведение. Гоголь отвел Капниста в другую комнату и там прочел ему свои стихи... Капнист никому не сказал о содержании этих стихов. Он вышел к домашним Гоголя глубоко тронутый, лаская и обнимая маленького писателя, и сказал: "Из него будет большой талант, дай ему только судьба в руководители учителя-христианина!"»[2]

В 1853 г. П. А. Кулиш, прочитав статью Данилевского, писал: «...Нам не хочется верить...тому, чтоб Гоголь, пяти лет от роду, написал такие стихи, что известный литератор, Капнист, "глубоко тронутый", сказал будто бы: "Из него будет большой талант" и проч.»[3]

Данилевский, спустя неделю, при повторной публикации своей статьи, отвечая на критику, к фрагменту о сочинении пятилетним Гоголем стихов лаконично добавил: «Это нам сообщила М. И. Гоголь»[4].

Вслед за Данилевским на родину Гоголя отправился в 1852 г. С. П. Шевырев, которому Академия наук поручила составить биографию Гоголя (это поручение осталось неисполненным). Шевырев тоже познакомился с Марией Ивановной и беседовал с ней о сыне. Это происходило спустя месяц после посещения гоголевской Васильевки Данилевским.

По-видимому, Данилевский не счел нужным послать тогда Марии Ивановне свою статью, и когда, еще через полгода, на ее глаза наконец попала газета с его очерком, это вызвало у нее некоторое раздражение. 24 февраля 1853 г. она писала Шевыреву: «Чрезвычайно неприятно удивила меня пропечатанная галиматья в газетах г-м Данилевским о детстве моего сына; он все смешал, я ему рассказывала, по его просьбе, то самое, что и Вам говорила... До пяти лет он <Гоголь> начал выписывать на столе мелом слова и слагать[5], так что мы не обратили на то никакого внимания; нам не приходило на мысль, что он делает, облокотясь, сидевши, на стол, но когда приехал к нам покойный Василий Васильевич Капнист, тогда было моему сыну 5 лет, и он сидел у стола, нагнувшись, и что-то ворсил уже на бумаге, какие-то каракульки. Он взял у него бумагу и увидел из этой нескладицы нечто похожее на рихму и сказал, как нужно его поручить отличному учителю»[6].

Казалось, Кулиш мог убедиться в своей правоте. Однако минутное раздражение Марии Ивановны лишь «по букве» совпало с заявлением стороннего наблюдателя. Данилевский был первым из почитателей Гоголя, приехавшим к ней из Москвы после смерти сына. Он приехал к ней издалека, чтобы побольше узнать о любимом Николиньке — источнике еще не утихших слез и воспоминаний. И она поделилась с молодым человеком сокровенным, памятным от самых первых лет, — а тот, то ли по занятости, то ли по молодости, обидел ее затем своим невниманием. Ничем другим не объяснить, почему она отказалась тогда от собственных слов. Потому что, как выясняется, Данилевский отнюдь ничего не «смешал» и не напутал, а напечатал почти слово в слово то, что она ему тогда говорила. Свидетельством тому — дневник Шевырева, который тот вел во время поездки в Васильевку. Так, спустя месяц после посещения Данилевского Мария Ивановна говорила Шевыреву: «...5-ти лет <Гоголь> сочиня<л> стихи, и писал иероглифы. Из карт азбучных выписывал сам — и учился писать самоучкой[7]. — Сложил стихи и записал сам. — Вас<илий> Вас<ильевич> Капнист заметил эти стихи. В. В. Капнист приезжал часто в Васильевку и к Трощинским. <...> Слово В. В. Капниста при чтении первых стихов Н. В. Гоголя, когда было ему еще пять лет: "Хорошо бы было, если бы он был отдан на воспитание на руки Христианину". — Слышано от матери»[8].

[1] Т. е. в период с 19 марта 1814 по 18 марта 1815 г.

[2] *Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки // *Свод.* Т. 1. С. 288.

[3] *Кулиш 1853.* С. 117; *Свод.* Т. 1. С. 22.

[4] *Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки. (Родина Н. В. Гоголя) // Русский Инвалид. 1853. 1 февр. № 26. С. 104; *Свод.* Т. 1. С. 288.

[5] См. ***1812. Марта 19.***

[6] Лит. наследство. М., 1952. Т. 58. С. 770; *Свод.* Т. 1. С. 126.

[7] «Серьезное» обучение Гоголя грамоте началось по достижении им семилетнего возраста (см. ***1816 марта 19 — 1817 марта 18. Васильевка***). См. также ***1812. Марта 19.***

[8] *Свод.* Т. 1. С. 12, 13.

МАРТА 19. ПЯТНИЦА

Гоголю исполняется шесть лет.

Предположительно к этому времени можно отнести следующее свидетельство М. И. Гоголь о сыне, записанное С. П. Шевыревым в июле 1852 г.: «Первые деньги, данные ему <Гоголю> дедушкой Ив<аном> Матв<еевичем> на конфект<ы>, 5 р<ублей> асс<игнациями>, употреб<и>л на вспомож<ение> бедным и на угоще<нье> конфе<ктами> семьи»[1].

Воспоминания М. И. Гоголь в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 1. С. 13.

[1] См. также ***1826. Апреля 21. Нежин.***

АПРЕЛЯ 11. ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ. ОБУХОВКА

В. В. Капнист пишет В. А. Гоголю-Яновскому:

«Милостивый государь мой Василий Афанасьевич! Сожалею душевно, что Алексей Федорович[1], зная по письму моему, две недели уже тому писанному, что я хотел с вами тогда видеться, чтоб, поехавши в Кибинцы, сделать опись всем делам и сдать их Алексею Федоровичу[2], о сем вас не уведомил и тем самым заставил вас подвергнуть драгоценное здравие переездом от вашего хутора до Барановки. Я не премину ему сделать за это дружеское внушение, что этак подвергать опасностям изнемогающее здравие ваше есть сущее бесчеловечие. Я за него прошу у вас прощения. Впрочем, на Страстной неделе[3] одно нам с вами грешным людям дело остается — скидать торбу с старыми грехами, чтоб было куда класть новые. Итак, конгресс наш, кажется, должно отложить до второй недели после праздника[4], ежели время будет не несносное. Затем прося вас простить мне прегрешения моя, равно как и милостивую государыню мою Марию Ивановну, ибо и я наконец намерен каяться, пребываю с истинным почтением и преданностью, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою Василий Капнист».

Капнист Вас. В. Собр. соч. В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 489–490; см. также: *Иофанов.* С. 39.

[1] Данилевский.
[2] См. ***1814 июля после 4 — 1815 апреля конец — мая начало. Полтава, Васильевка.***
[3] В 1815 г. — 12–17 апреля.
[4] 26 апреля — 2 мая.

МАЯ 1. СУББОТА. ОБУХОВКА

В. В. Капнист в письме к В. А. Гоголю-Яновскому дает ему «дружеский совет, как лучше упорядочить дела Д. П. Трощинского».

Иофанов. С. 40.

ИЮЛЯ 15. ЧЕТВЕРГ. КИЕВ

А. А. Трощинский сообщает В. А. Гоголю-Яновскому:

«...Верхний же этаж у нас оставаться будет для... приезжих гостей, в числе коих я с моей стороны полагаю вас с Марьею Ивановною и Никошею... здешний ваш прожиток не дорого вам будет стоить, доставит Марье Ивановне сугубую пользу, вам на будущее время спокойствие, а мне истинное удовольствие... А ежели и того еще мало... то да будет вам известно, что я трак-

товал с Неталицким о слабости здоровья Марьи Ивановны и о золотушных припадках вашего Никоши...»

Свод. Т. 1. С. 137.

ИЮЛЯ 20. ВТОРНИК

В. А. Гоголь-Яновский сообщает своему поверенному:

«Любезный приятель Борис Петрович. Из числа бежавших в 1812 году из деревни (моей) Васильевки крестьян моих доставлен мне по пересылке из Константинограда один Степан Суховей, пойманный в Константинограде, который дал показание, что он передерживался в деревне г. г. Левченков... и затем показывает, что и другие крестьяне мои Данила Боковый, Ив. Липченко там же передерживались – вам известно сколько перетерпел я убытков, лишившись столько работников, уплачивая все за них и детей их государственные подати и все повинности, прокармливая оставленные ими семейства, а сверх того несколько раз для отыскания их посылал по нескольку человек в Херсонскую и Екатеринославскую губернии, таковые обиды, причиненные мне г. г. Левченками, принуждают меня просить удовлетворения у правосудия».

«Дальше в этом же письме В. А. Гоголь просил своего поверенного сообщить помещикам Левченко, что он готов не подавать в суд, если Левченко согласны возместить его убытки».

Иофанов. С. 21.

ИЮЛЬ

У В. А. и М. И. Гоголь-Яновских умер сын Дмитрий[1].

«У нас было двенадцать детей, из которых более половины мы потеряли. Тяжело было это переносить, но я, щадя мужа, подавляла горе и старалась быть спокойной»[2].

В этом же месяце В. А. Гоголь-Яновский обратился с письмом к помещику Константиноградского уезда Полтавской губернии Левченко:

«Из показания бывшего в бегах и сего года в июле месяце из Константиноградского нижнего земского суда по пересылке ко мне доставленного крестьянина моего Степана Загороднего, увидел я, что он, Степан Загородний, более года был передерживаем в деревне вашей... <...> Чрез таковое предержательство понес я не маловажные убытки... <...> ...Прошу вас заплатить мне за все 125 р<ублей> с<еребром>»[3].

[1] См. ***1805 ноября 12 – 1825 марта 19***; ***1814. Июня 2. Вторник. Ярески.***
[2] Воспоминания М. И. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 48.
[3] *Иофанов.* С. 22.

СЕНТЯБРЯ 26 <14>. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ. ПАРИЖ

Заключение религиозно-политического Священного Союза трех европейских монархов: Российского православного императора Александра I, Австрийского императора Франца I (католика), Прусского короля Фридриха Вильгельма III (протестанта).

Священный Союз был заключен по инициативе Александра I после окончательного низложения Наполеона I. В продолжение 1815–1817 гг. к этому союзу примкнули многие короли и герцоги Западной Европы: Франции, Швеции, Дании, Норвегии, Испании, Португалии, Германии и др. Согласно трактату об основании Союза, его «единым преобладающим правилом» – как для монархов, так и для подданных – полагалось «почитать всем себя как бы членами единого народа Христианского <...> тремя единого семейства отраслями...»[1] В сознании Александра I образование Союза было связано с мыслью о необходимости сплочения христианских сил мира перед его близкой кончиной[2]. В духе возможного восстановления исконного Православия на Западе рассматривал создание Священного Союза святитель Филарет (Дроздов) (в ту пору ректор Петербургской Духовной академии). В 1815 г. он писал о «ясном действии Провидения» в «свершившемся избрании Восточных Христиан (Россиян) в главное орудие к исправлению Западного Христианства от *общего запустения духовного и наружного...*»[3] Однако на практике союзное противостояние европейских держав антирелигиозным движениям Западной Европы привело к совсем иным результатам, чем те, которые предполагались при создании Союза. Вместо борьбы с духом неверия главные усилия союзников оказались сосредоточенными на преодолении конфессиональных отличий держав – членов Союза – следствием чего стало широкое распространение идей так называемого «универсального христианства». Ж. де Местр в 1816 г. усматривал в образовании Союза осуществление «старой мечты масонов об объединении церквей»[4]. Подобная установка, естественно, исключала критику в России идей «универсального христианства» – иначе говоря, критику инославных конфессий. Такая критика была запрещена на самом высоком официальном уровне, в то время как само Православие стало подвергаться постоянным нападкам[5].

В 1833 г. Гоголь в статье «План преподавания всеобщей истории» (позднейшее название – «О преподавании всеобщей истории»), имея в виду образование Священного Союза, писал: «Освобожденные государства получают прежний вид и прежние формы, утверждают снова союз и неприкосновенность владений. Просвещение, не останавливаемое ничем, начинает разливаться даже между низшим классом народа; паровые машины доводят мануфактурность до изумительного совершенства; будто невидимые духи помогают во всем человеку и делают силу его еще ужаснее и благодетельнее; и он, в священном трепете, видит, как Слово из Назарета обтекло наконец весь мир».

Строки Гоголя содержат в себе сразу несколько примет приближения конца света. Слова о «союзе и неприкосновенности владений» напоминают предзнаменование Второго Пришествия в Первом послании св. апостола Павла к Солунянам: «Егда бо рекут: мир и утверждение, тогда внезапу нападет на них всегубительство...» (гл. 5, ст. 3).

В свою очередь, о доведенной до «изумительного совершенства» мануфактурности Гоголь в статье «Скульптура, живопись и музыка» (1834) замечал: «Все составляет заговор против нас; вся эта соблазнительная цепь утонченных изобретений роскоши сильнее и сильнее порывается заглушить и усыпить наши чувства». – Обольстительная власть ремесленной роскоши осмысляется Гоголем как еще одна из примет приближающегося конца света (ср. Откр., гл. 18).

Следующая апокалиптическая примета в гоголевской статье – проповедание Евангелия всему миру: «... Слово из Назарета обтекло наконец весь мир»: «И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец» (Мф. 24, 14); «И во всех народах прежде должно быть проповедано Евангелие» (Мк. 13, 10). Немецкий мистик И. Г. Юнг-Штиллинг (популярность которого в России в начале XIX в. объяснялась его негативной оценкой антихристианского духа французской революции 1789–1799 гг.) предсказывал конец света в 1836 г. (ожидания почитателей Штиллинга Гоголь, по-видимому, имел в виду, создавая комедию «Ревизор»)[6]. Штиллинг, в частности, замечал: «Еще примечательное знаменение приводит Господь, говоря: *И проповестся сие Евангелие царствия по всей вселенней в свидетельство всем языкам: и тогда придет кончина*. Проповедение сие уже восприяло начало. <...> ...Уже лет с двадцать Англиканское Миссионерское общество действует с силою, особливо же учреждаемые повсюду библийские общества чрезвычайно благословляются, и скоро все человечество узнает слово Божие: следовательно, и кончина уже не далека»[7].

[1] Трактат Братского Христианского Союза. 1815. Сентября 14/26 // Полн. собр. законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 33. С. 280–281.

[2] См.: *Чижевский Д.* Неизвестный Гоголь // Новый журнал. (Нью-Йорк). 1951. № 27. С. 140.

[3] <Святитель *Филарет (Дроздов)*, митрополит Московский>. Разговоры между испытующим и уверенным о православии Восточной Греко-Российской Церкви. СПб., 1815. С. 64.

[4] Цит. по: *Гречаная Е. П.* Феномен баронессы Крюденер // *Крюденер В. Ю.*, баронесса. Неизданные автобиографические тексты. М., 1998. С. 28.

[5] «...За крюденеровскую идею Священного Союза народов Россия поплатилась ослаблением царской власти, польскими восстаниями, возникновением интернациональной "левой" интеллигенции и крымской катастрофой» (*Сахаров В. И.* Романтизм в России: эпоха, школы, стили. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 68).

[6] См. ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург*** (примечания).

[7] Угроз Световостоков, сочинение Иоанна Генриха Юнга, называющегося иначе Генрихом Штиллингом. Ч. 8. <Кн. 29–30>. СПб.: В Морской Типографии, 1815. Ч. 29 («писана в 1815 году»; цензурное разрешение 10 сентября 1815; выход в свет – начало октября 1815). С. 58–59.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МИРГОРОД

«Полтавская Губерния. <...> В городах: <...> В Миргороде: <...> *В Земском Суде:* <...> *Поветовые: Маршал,* Ма<йор> Григорий Иванов<ич> Чарныш. *Хорунжий,* Кол<лежский> Асс<есор> Василий Афанасьев<ич> Гоголь-Яновский...»[1]

По-видимому, указание А. А. Назаревского на то, что Василий Афанасьевич исполнял в 1816 г. обязанности поветового маршала, является ошибочным. См.: «...В. А. Гоголю приходилось не раз нести различные обязанности по линии дворянской, вплоть до исполнения должности уездного предводителя дворянства («поветового маршала») (Это было в 1816 г.)...»[2]

[1] Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1816. СПб., 1816. Ч. 2. С. 399–400.
[2] *Назаревский.* С. 332.

ФЕВРАЛЬ. ОБУХОВКА

И. В. Капнист[1], уезжая в Петербург, пишет В. А. Гоголю-Яновскому:

«...Сделайте милость, пишите ко мне почаще в Петербург, не забывайте меня. Надеюсь, что Вы меня довольно знаете, чтобы могли подумать, что я могу когда-нибудь перемениться. Нет, я всегда буду стараться, чтобы Вы меня любили по-прежнему».

Иофанов. С. 48.

[1] Иван Васильевич Капнист (1798–1860), сын В. В. Капниста; в то время служил в Петербурге у Д. П. Трощинского в министерстве юстиции (с 1814 г.), впоследствии (с 1844 г.) – московский генерал-губернатор.

МАРТА 19. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Гоголю исполняется семь лет.

СЕНТЯБРЯ 7 – СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА. КИЕВ, БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ, АЛЕКСАНДРИЯ

Пребывание Императора Александра I в Киеве и Белой Церкви. На балу в Киеве присутствует М. И. Гоголь-Яновская (вероятно, с мужем).

«...Александр <...> прибыл в древнюю столицу России 7-го (19-го) вечером. <...> В Киеве государь расстался с графом Аракчеевым, который не сопровождал его в дальнейшем путешествии. Александр направился в Белую Церковь и остановился по случаю происходивших там смотров на два дня в Александрии, в имении графини Браницкой»[1].

Спустя десять лет, 18 декабря 1826 г., М. И. Гоголь-Яновская сообщала жившему в Одессе двоюродному брату Петру П. Косяровскому: «Дочь гра<фини> Браницкой[2] я видела в Киеве на бале во время приезду Государя, она еще тогда была невестой, все дочери Браницко<й>[3] отлично воспитаны»[4].

[1] *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 58–59.

[2] Речь идет о дочери графини А. В. Браницкой (1754–1838) Елизавете Ксаверьевне Воронцовой (рожд. Браницкой, 1792–1880), супруге (с 1819 г.) генерал-губернатора Новороссийского края (с 1823 г.) графа М. С. Воронцова (с 1845 г. – князя).

[3] У А. В. Браницкой было еще две дочери: Екатерина (в замужестве графиня Потоцкая, 1782–1820) и Софья (в замужестве Потоцкая, 1790–1879).

[4] *Свод*. Т. 1. С. 94.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

В. А. Гоголь-Яновский покупает у наследников Зарудного лес на сруб.

Назаревский. С. 329.

ДЕКАБРЯ ОКОЛО 25 (НЕ ПОЗДНЕЕ 31). ВАСИЛЬЕВКА

Знакомство Гоголя с А. С. Данилевским.

В 1887 г. А. С. Данилевский рассказывал В. И. Шенроку: «Я с Гоголем познакомился в детстве. Мне было семь лет. Наши родители вместе воспитывались в Киевской духовной академии[1]. Однажды приехали мы с отцом к нему в деревню. Мы жили от них верстах в тридцати, в Семереньках. Мы были около Рождества. Тут я увидел в первый раз маленького Никошу, будущего моего друга. Он был нездоров и лежал в постели. Мы играли с его младшим братом Иваном. Впоследствии, в одном из писем ко мне, он припоминал о начале знакомства: "помнишь, как ты в первый раз ел у нас клюкву"[2]. Мы пробыли несколько дней. Я возвратился с отцом домой и в этот довольно значительный промежуток времени мы не видались. Я лишился отца; моя мать вышла за Василия Ивановича Черныша (его имение, Толстое, находилось верстах в шести от Васильевки)»[3].

В апреле 1890 г. сестра Гоголя Анна Васильевна, откликаясь на выход в свет статьи Шенрока «Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский» (Вестник Европы. 1890. № 1–2), замечала: «А. С. Дан<илевский> был милый, красивый господин, и больше ничего! пустой, эгоист и недальный. Все знавшие это удивлялись дружбе брата, но это было основано на воспоминании детства и юности, только это его и привязывало...»[4]

В 1897 г. В. И. Шенрок опубликовал также следующее свидетельство А. В. Гоголь: «Брат всегда был доволен и весел, когда к нему приезжал Данилевский, а как красив был Данилевский в молодости, какой был приятный и добрый; он всегда был у нас запросто, точно в своем доме. Маменька его тоже любила»[5].

В 1890 г. Шенрок также замечал: «...Как мы слышали <...> из разных <...> источников, Данилевский в молодости выдавался вообще живостью, ловкостью и красотой»[6].

[1] См. ***1798. Август (?). Киев.***

[2] См. ***1838. Февраля 26 <14>. Понедельник. Рим.***

[3] *Свод*. Т. 1. С. 493–494.

[4] *Свод*. Т. 1. С. 159.

[5] Воспоминания А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 164.

[6] Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 502.

ДЕКАБРЯ 31. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА, СОРОЧИНЦЫ, ОЛИФЕРОВКА (?)

Утром В. А. Гоголь-Яновский с женой отправляются в Обуховку, заезжают в Сорочинцы к М. М. Трахимовскому, затем по пути в Обуховку сбиваются с дороги и попадают в Олиферовку.

См. ***1817. Января начало (после 4 числа). Васильевка.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА МИРГОРОД

В. А. Гоголь-Яновский состоит на службе хорунжим миргородского земского суда.

См. ***1816. В течение года. Миргород; 1818. В течение года. Миргород.***

ЯНВАРЯ 1. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. ОЛИФЕРОВКА (?)

В. А. Гоголь-Яновский с женой проводят день у Олиферовых.

См. ***1817. Января начало (после 4 числа). Васильевка.***

ЯНВАРЯ 2–4. ВТОРНИК-ЧЕТВЕРГ. ОБУХОВКА

В. А. и М. И. Гоголь-Яновские гостят у В. В. Капниста.

См. ***1817. Января начало (после 4 числа). Васильевка.***

ЯНВАРЯ НАЧАЛО (ПОСЛЕ 4 ЧИСЛА). ВАСИЛЬЕВКА

В. А. Гоголь-Яновский сообщает А. А. Трощинскому:

«...Накануне нового года поехал с М<арией> И<вановной> в Обуховку, а по пути заехал в Сорочинцы к Ми<хаилу> Ми<хайловичу>[1]. Откуда, выехавши уже поздно, сбились с дороги обуховской и насилу могли добиться до Олиферовых, где ночью так угорели, что на самый новый год целой день лежали почти мертвые в постеле и на другой уже день, немного очнувшись, прибыли в Обуховку, куда в самое время нашего приезда привезли из Петербурга больного Владимира Васильевича[2] в самом ужаснейшем состоянии. Он не владеет ни руками, ни ногами и едва только с трудом может выговаривать по нескольку слов — после этого можете себе представить, как нам было весело, и мы по усиленнейшим просьбам Вас<илия> Вас<ильевича> и детей его должны были прожить там до 4-го числа — вот причины, удержавшие писать к вам в самом начале нового году».

Иофанов. С. 40.

[1] Трахимовский.
[2] Сын В. В. Капниста.

МАРТА 4. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ОБУХОВКА

В. В. Капнист пишет князю А. Н. Голицыну в Петербург:

«Несказанно обрадовался я, услышав, что по увольнении от службы достопочтенного благодетеля моего графа Алексея Кирилловича Разумовского заняли ваше сиятельство звание министра просвещения».

Капнист Вас. В. Собр. соч. В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 489.

1816 МАРТА 19 – 1817 МАРТА 18. ВАСИЛЬЕВКА

Семилетнего Гоголя учат читать и писать.

Позднее, 1 января 1851 г., Гоголь на вопрос Е. А. Хитрово: «В какие лета выучились вы читать?», – ответил: «Я думаю, как и все, лет в семь»[1].

В июле 1852 г. М. И. Гоголь сообщала С. П. Шевыреву о сыне: «7-ми лет серьезно грамоте...»[2]

[1] См. ***1851. Января 1. Понедельник. Праздник Обрезания Господня. Одесса.***

[2] Воспоминания М. И. Гоголь в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 1. С. 12.

МАРТА 19. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

Гоголю исполняется восемь лет.

МАЯ 2. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Издание указа «Об образовании и Уставе Ришельевского Лицея».

1817. Мая 2. Об образовании и Уставе Ришельевского Лицея // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Стб. 897–932. – См. также ***1820. Апреля 19. Понедельник. Санкт-Петербург.***

МАЯ 15. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Произведенный в статские советники, Иван Семенович <Орлай>, по расстроенному здоровью, стал чувствовать тягость лежавших на нем обязанностей, почему согласно прошению и уволен (15-го мая 1817 г.) от звания ученого секретаря Академии, но оставлен доктором Государя Императора и состоящим по особым поручениям при президенте Академии баронете Виллие...»

Кукольник Н. В. И. С. Орлай. (Из памятной книжки) // *Свод.* Т. 1. С. 551; см. также: Формулярный список Действительного Статского Советника и Кавалера, Директора Одесского Ришельевского Лицея Ивана Орлаи 1828-го года / *Виноградов И. А.* «Необыкновенный наставник»: И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Новые гоголеведческие студии. Симферополь; Киев, 2005. Вып. 2 (13). С. 47.

АВГУСТА 25. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Император Александр I выехал из Царского села в Витебск и Могилев[1]. Перед этим Д. П. Трощинский, по его прошению, увольняется от службы с поста министра юстиции, в связи с кончиной его дочери княгини Н. Д. Хилковой[2].

«Не прошло и года со времени назначения в министры юстиции[3], как уже нервы его совершенно расстроились... <...> ...Схваченная им, в апреле 1816 года сильная простуда <...> сложила его в постель[4]. <...> ...Последовавшая в лето 1817 года кончина единственной дочери его, княгини Надежды Дмитриевны Хилковой, окончательно подкосила старика. <...> Вследствие <...> просьбы Д. П. Трощинский, высочайшим указом от 25 августа 1817 года, уволен был в отставку, с пенсио-

ном по 10 т<ысяч> руб<лей> в год. <...> Дмитрий Прокофьевич не тотчас, однако, по выходе в отставку уехал к себе в имение, а оставался в Петербурге еще около пяти лет...»[5]

[1] *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 71.

[2] Д. П. Трощинский, «не имев, по-видимому, возможности жениться на любимой им девушке из очень хорошей фамилии, оставался всю свою жизнь холостым, но имел внебрачную дочь Надежду, вышедшую замуж за уланского офицера князя Ивана Хилкова; плодом этого брака была дочь Прасковья, выданная <в 1827 г.> за барона Станислава Карловича Остен-Сакена» (*Openс.* С. 642). – См. ***1827. Января 18. Вторник. Кибинцы*** (примечания). – Ср. также: «Трощинский <...> сгубил себя связью с какой-то гадкою бабою, известною под именем Матрешки, на которой впоследствии женился» (*Греч Н. И.* Записки о моей жизни. СПб., 1886. С. 103).

[3] См. ***1814. Августа 30. Санкт-Петербург.***

[4] До начала августа 1816 г. (см.: *Попов 1868.* С. 20).

[5] *Openс.* С. 654–656.

ОКТЯБРЯ 24[1]. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Создание Министерства духовных дел и народного просвещения – одного из главных проводников в России идей Священного Союза[2].

В манифесте о создании «сугубого» министерства причиной образования нового учреждения – с включением в его состав высшего органа управления Русской Православной Церкви – Святейшего Синода, объявлялось желание правительства, «дабы Христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения»[3]. Главой нового министерства был назначен бывший обер-прокурор Святейшего Синода князь А. Н. Голицын, которого современники называли, с одной стороны, «вельможей-христианином»[4], «мужем царственных советов христианского милосердия»[5], но которому, с другой стороны, столь же соответствовало – по характеру его деятельности – и название «министра всяческих исповеданий»[6]. По словам архимандрита Фотия (Спасского), одного из главных противников «сугубого» министра, Голицын председательствовал в Синоде (среди правящих митрополитов и архиереев), а также в межконфессиональном Библейском обществе, «яко патриарх»[7]. Так же – «патриархом» – называли Голицына и его сторонники[8].

[1] См.: 1817. Октября 24. Учреждение Министерства Духовных Дел и Народного Просвещения // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Стб. 971–1011.

[2] См. ***1815. Сентября 26 <14>. Вторник. Праздник Воздвижения Креста Господня. Париж.***

[3] Учреждение Министерства Духовных дел и Народного Просвещения. Октября 1817 // Полн. собр. законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. 34. С. 814.

[4] *Халчинский И. Д.* К. М. Базили // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. Отд. 2. С. 7; То же // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 328.

[5] Слова А. С. Стурдзы. См.: *Неводчиков Н.*, свящ. Знакомство и переписка А. С. Стурдзы с высокопреосвященным Филаретом, митрополитом Московским // Херсонские Епархиальные Ведомости. 1868. № 1. С. 16.

[6] *Знаменский П.* Чтения из истории Русской Церкви за время царствования Императора Александра I. Казань, 1885. С. 147.

[7] *Слезкинский А.* Автобиография Юрьевского архимандрита Фотия // Русская Старина. 1894. № 9. С. 221.

[8] См.: Письма А. Ф. Лабзина к З. Я. Карнееву // Русский Архив. 1892. № 12. С. 360.

ДЕКАБРЬ. ВАСИЛЬЕВКА (?)

«Среди бумаг Василия Афанасьевича Гоголя сохранилась записная книжка, на синей бумаге, в 16-ю долю писчего листа. На первой страничке написано: Monitor. 1817. Basilii Janovsky. <...> Ряд дельных заметок перерывается записями совсем нехозяйственного характера.

«1817 года, декабрь: должно заплатить в Полтаве: 1) в казначействе подушные деньги за 2-ю сего года половину, 2) портному Белухиному за пошитье сюртука и 3) сапожнику Власу за сапоги. – На сие взять деньги от Г. полк<овника> Ал<ексея> Фед<оровича> Ляховича следуемые за него за корову. NB. не забыть справиться в Полтавской казенной палате за перевод Гернеровых людей за Орловых людей, записаны ли они в ревизии... Попросить Пол<ковника> Лях<овича> за сына Катарева о помещении его в полк».

Дальше – заметка о делах. На следующей странице: «написать до Зимина 1) за посылку денег на Украинский Вестник и календарь, 2) о переплете 2-х книг в Миргороде». Потом следуют неинтересные заметки о том, что предстоит сделать Василию Афанасьевичу по именьям Трощинского».

Щеголев П. Е. Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 375.

1815–17

В ТЕЧЕНИЕ УКАЗАННОГО ПЕРИОДА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская пишет мужу:

«Дети наши, слава Богу, здоровы. Никоша в две минуты обзнакомился с Ваней и теперь такой крик и беготня, что не знаю, что и пишу; беспрестанно кричу: тише. А между собою очень учтивы, друг на друга “вы” говорят, и Никоша подарил Ване часть из своих игрушек».

Свод. Т. 1. С. 81.

1817

ОДИН ИЗ ДНЕЙ ГОДА. ВАСИЛЬЕВКА (?)

Родилась сестра Гоголя Анна (старшая).

Свод. Т. 1. С. 15.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ВАСИЛЬЕВКА

В имении В. А. Гоголя-Яновского сгорела винокурня.

Назаревский. С. 330, 340.

1818

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МИРГОРОД

«Полтавская Губерния. <...> В городах: <...> В Миргороде: <...> *В Земском Суде:* <...> *Поветовые: Маршал,* Ма<йор> Григорий Иванов<ич> Чарныш, – *Хорунжий,* Кол<лежский> Асс<есор> Василий Афанасьев<ич> Гоголь-Яновский...»

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1818. СПб., 1818. Ч. 2. С. 416.

1817 МАРТА 19 – 1818 МАРТА 18. ВАСИЛЬЕВКА

В течение указанного периода братьям Николаю и Ивану нанимают учителя-семинариста.

С. П. Шевырев, посетивший Васильевку в июле 1852 г.[1], со слов М. И. Гоголь, записал: «До 8-ми лет в доме родителей. – Учитель взят из гимназии[2]. – Занятия самого отца с сыном[3]. – Еще не умел читать[4], а на географической карте указывал все города»[5].

Спустя два месяца сама М. И. Гоголь, составляя записку о сыне, отметила: «...Семи лет <следует: восьми лет; в 1817 г.> поручили его <Гоголя> учителю семинаристу с 6-летним <7-летним> братом Иваном, который рос с ним...»[6]

П. А. Кулиш, пользуясь сведениями из записки Марии Ивановны, сообщал: «Гоголь получил первоначальное воспитание дома, от наемного семинариста...»[7]

Позднее образ «наемного» учителя-семинариста, приезжающего «в благословенные места голтвянские» (Голтва – река неподалеку от Васильевки), Гоголь вывел в главе «Учитель» незавершенной повести «Страшный кабан» (1831). Возможно, в основу этого образа писателем были положены его детские воспоминания[8].

[1] См. ***1852. Июля 10. Четверг. Васильевка.***

[2] В первой половине 1818 г. отец Гоголя писал Д. П. Трощинскому: «...Бог благословил меня двумя сынами, коих встречают уже те годы, в которые требует долг родителей дать им [лучшее] [хорошее] приличное воспитание. <...> ...Я старался сыскать для них [хорошего] порядочного учителя, но наконец увидел, что в наших местах сыскать такового весьма трудно, да хотя бы и сыскался; но за возможное по моим достаткам жалованье не согласится глотать скуку в хуторе. Итак, я принужденным нахожусь отдать их в общественное училище...» (*Свод*. Т. 1. С. 3). – См. также ***1818. Первая половина года. Васильевка.***

[3] Г. П. Данилевский, побывавший в Васильевке месяцем ранее, в июне 1852 г., со слов М. И. Гоголь, также сообщал: «Первые годы юношеского возраста он провел вместе со своим младшим братом, Иваном, рано похищенным смертию. Отец Гоголя часто ездил в поле со своими сыновьями, и дорогою задавал им темы для импровизаций: "солнце", "степь", "небеса"! Старший сын всегда отличался изумительною находчивостию в импровизациях...» (*Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки // *Свод*. Т. 1. С. 289).

В записке о сыне Мария Ивановна еще раз сообщала: «В малых летах он не был шалун и всегда был задумчив; когда мы ездили с мужем моим по полям [и они оба, Николай и Иван, сидели напротив нас], то муж мой задавал ему сказать на виденную нами рощу или на какой курган описать, и он начинал говорить чрезвычайно хорошо, и когда я [шарила] бывала в большой суете, ища у себя карандаша, чтоб все записывать, <говоря>, как жаль, что не могу списать этого, <отвечал> – не беспокойтесь, [завтр<а>] чрез час я буду говорить совсем в другом роде. Меня чрезвычайно удивляло такое скорое и приличное на все предметы сказание...» (Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод*. Т. 1. С. 29).

[4] Т. е. до 19 марта 1817 г. (см. ***1816 марта 19 – 1817 марта 18. Васильевка***).

[5] Воспоминания М. И. Гоголь в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод*. Т. 1. С. 12.

[6] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод*. Т. 1. С. 26.

[7] Воспоминания М. И. Гоголь в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 1. С. 39.

[8] См.: *Виноградов 2000*. С. 74–75. – См. также ***1819. Июня не позднее 30. Полтава.***

МАРТА 19. ВТОРНИК

Гоголю исполняется девять лет.

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ГОДА. ВАСИЛЬЕВКА

В. А. Гоголь-Яновский, в связи с предполагаемым обучением сыновей[1], обратился к Д. П. Трощинскому в Петербург с письменным прошением предоставить ему «приличную должность в Киеве или Полтаве»: «...я расположен проживать в том городе, где будут мои дети...»

«Признаться откровенно, — замечал также Василий Афанасьевич в зачеркнутых тут же строках письма, — что я желал бы получить оную в Киеве или поблизости моего имения в Полтаве <...> именно Советника 2-го Департамента или Губернского Почтмейстера, или же Директора фабрик, т. е. попечителя нещастных колонистов. <...> ...Жить в городе без должности не только трудно, но с моим малым достатком даже невозможно».

Свод. Т. 1. С. 3.

[1] См. также ***1817 марта 19 — 1818 марта 18. В течение указанного периода. Васильевка.***

ИЮЛЯ 26. ПЯТНИЦА. ПОЛТАВА

Состоялся благотворительный спектакль, устроенный ради выкупа актера М. С. Щепкина из крепостного состояния малороссийским генерал-губернатором князем Н. Г. Репниным-Волконским.

Из бумаг А. О. Имберга. Выкуп М. С. Щепкина из крепостного состояния // Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество. М., 1984. Т. 2. С. 327–330.

АВГУСТА 3. СУББОТА. ПОЛТАВА

9-летний Николай Гоголь-Яновский вместе с 8-летним братом Иваном зачислен в высшее отделение (минуя низшее, подготовительное) первого класса Полтавского двухклассного[1] уездного училища[2].

В конце апреля 1852 г. М. И. Гоголь сообщала С. П. Шевыреву о сыне: «...Мы отдавали его с мужем моим вместе с меньшим его братом в Полтаву к семейному человеку — учителю приготовить несколько к Нежинской лицеи, по причине отлучки нашей из дому...»[3]

Сам Шевырев, побывавший в июле 1852 г. в Васильевке, со слов М. И. Гоголь, записал в своем дневнике: «8-ми лет <следует: 9-ти лет; в 1818 г.> в Полтаву к учителю гимназии, для приготовл<ения> к лицею <следует: к Полтавской гимназии>. — До 10-ти л<ет> <следует: до 11-ти; до 1820 г.>[4] в Полтаве...»[5]

А. С. Данилевский в 1887 г. рассказывал В. И. Шенроку: «В 1818 г. я поступил в Полтавскую гимназию и здесь встретился с Гоголем. После непродолжительного разговора мы вспомнили друг друга[6]. Вместе с ним мы пробыли года два. Он жил у учителя Спасского с братом»[7].

В 1870 г. И. И. Боровиковский вспоминал о Полтавской гимназии: «Учитель физики и естественной истории был *Михайло Исакич Спасский*[8], <...> из духовных, человек добрый, но, по жалкому положению физич<еского> кабинета, физику проходил без опытов, почему преподавание его мало занимало нас. Минералогию проходил он по наглядным образцам довольно полного собрания минералов, какое принесено в дар гимназии; но и это замечательное пособие не заинтересовало преподавания доброго Михаила Исакича; а ботанику проходил он, т. е. давал заучивать <...> на латинском языке»[9].

[1] Во втором классе училища, в отличие от первого, было лишь одно отделение.

[2] *Заболотский П. А.* К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 407; *Иофанов.* С. 105; *Федотов В. В.* Новые материалы о пребывании Н. В. Гоголя в Полтавском училище // *Свод.* Т. 1. С. 414.

[3] *Свод.* Т. 1. С. 121.

[4] См. ***1820. Августа вторая половина. Полтава.***

[5] Воспоминания М. И. Гоголь в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 1. С. 12.

[6] См. ***1816. Декабря около 25 (не позднее 31). Васильевка.***

[7] *Свод.* Т. 1. С. 494.

[8] См. ***1818. В течение года. Полтава.***

[9] *Боровиковский И. И.* Воспоминания о Полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия назад // *Свод.* Т. 3. С. 418.

ЛЕТА КОНЕЦ

А. А. Трощинский проездом в Воронеж заезжает в Васильевку; вместе с В. А. Гоголем-Яновским отправляется далее в Полтаву, куда тот отвозит сыновей Николая и Ивана для поступления в уездное училище.

В августе 1818 г. В. А. Гоголь-Яновский писал Д. П. Трощинскому: «Андрей Андреевич на пути своем в Воронеж удостоил нас своим посещением, а на другой день проводил я Андрей Андреевича до Полтавы. Не могу умолчать, что при сем случае представил в Полтавское училище детей моих, весьма неодобряемое Андреем Андреевичем, но нечего делать... принужден отдать <их> в Полтавское училище, не имея средств доставить им лучшее место воспитания».

Свод. Т. 1. С. 7.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ПОЛТАВА

«Харьковский Учебный Округ. <...> В Полтавской Губернии: <...>

В Гимназии: Учители: <...> Ест<ественной> Истории, Техн<ологии> и Коммерч<еских> наук Тит<улярный> Сов<етник> Михайло Исаков<ич> Спас<с>кий, Лат<инского> и Франц<узского> яз<ыков> Тит<улярный> Сов<етник> Станислав Венедиктов<ич> Квятковский... <...>

В Поветовых училищах: Полтавском, Штат<ный> Смотрит<ель> Тит<улярный> Сов<етник> Иван Зозулин[1]. Учители: Зак<она> Божия, Свящ<енник> Слотинский[2]; 2 кл<асса> Федор Фатеев; 1 кл<асса> Анастасий Савинский[3]; нижн<его> Отдел<ения> Владимир Рыков».

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1818. СПб., 1818. Ч. 1. С. 607.

[1] «Тщательный в ведении училищных дел, одобряемый за свою исправность начальством, Зозулин, как свидетельствуют о том ежемесячные ведомости об успехах, прилежании и поведений учеников "многократно" посещал классы, неукоснительно председательствовал на ежемесячных педагогических собраниях и вообще являл собою, насколько можно судить по сухим данным оффициальных документов, тип того исполнительного, аккуратного и забитого смотрителя училищ, который так знаком нам по одному из героев "Ревизора", смотрителю училищ Л. Л. Хлопову» (*Заболотский П. А.* К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 409).

[2] «Несмотря на то, что министерскими и попечительскими циркулярами усиленно выдвигалось значение Закона Божия, предписывалось, "дабы все науки имели основанием Священное Писание и вообще христианское учение" и указывалось, что при ежегодных публичных испытаниях первым экзаменом должен быть экзамен по Закону Божию, и т. д., протоиерей <Георгий> Слютинский, как видно из дел училища, не стремился играть роль в училище и оказывать свое давление на своих сотоварищей и учеников. Надо полагать, что, как это обыкновенно наблюдалось и раньше, да наблюдается нередко и теперь, законоучитель училища, обремененный своими прямыми священническими обязанностями, не мог уделять училищу много времени, и ни на одном, напр<имер>, заседании педагогического совещания училища мы не находим его фамилии в числе присутствовавших» (*Заболотский П. А.* К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 409–410).

[3] «Преподаватели Фатеев и Савинский происходили из дворян Полтавской губернии, окончили оба «курс наук математических и исторических», причем Фатеев имел аттестат от Харьковского университета, а Савинский от Петербургского Педагогического Института. Учитель Фатеев, получивший <...> благодарность в 1819 году от ревизовавшего Полтавское поветовое училище Харьковского профессора, преподавал в гоголевском классе...» (*Заболотский П. А.* К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 410).

АВГУСТ-ДЕКАБРЬ. ПОЛТАВА

Николай и Иван Яновские учатся в высшем отделении первого класса Полтавского уездного училища.

«С августа по декабрь в классе читали книгу “О должностях человека и гражданина”[1] – до главы 3-й, статьи 2-й, занимались “Российской грамматикой”[2] — до словосочетания; арифметикой[3] – частью первой, “чтением и письмом латинского, французского и немецкого языков”. Из 212 уроков Николай посетил 201, а Иван — 197, при этом оба ни разу не опаздывали. <...> ...В ведомости за сентябрь их фамилий нет. <...> К декабрю <...> Николай и Иван Яновские названы учителями “средственными” и “посредственными” по способностям и прилежанию и “тихими” по поведению»[4].

«ХАРЬКОВ, 4 марта (ТАСС). Старое “повитовое училище” в Полтаве, где учился Гоголь, сильно пострадало во время гражданской войны. Сохранявшаяся в училище парта Гоголя с его инициалами была уничтожена снарядом, попавшим в школу. Характерно, что в балловой книге 1818 года в графе “успехи” против фамилии “Гоголь-Яновский, Николай” имеется лаконичная запись: “туп, нерадив”»[5].

[1] Имеется в виду многократно переиздававшееся в конце XVIII – начале XIX в. учебное пособие «О должностях человека и гражданина, книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской Империи» (СПб., 1-е изд. –1783; 11-е – 1817). В основу пособия «О должностях человека и гражданина...», составленного сербским педагогом Ф. И. Янковичем де Мириево (приглашенным в Россию из Австрии Екатериной II), была положена книга австрийского аббата И. И. Фельдбигера «Руководство к честности и правости...», употреблявшаяся в то время в сербских школах.

Книгу «О должностях человека и гражданина...» (вместе с двумя катехизисами – «сокращенным» и «пространным»; см. ***1819. Июня не позднее 30. Полтава***) Гоголь позднее упомянул, описывая пребывание героя повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» (1832) в поветовом училище: «Было уже ему без малого пятнадцать лет, когда перешел он во второй класс, где вместо сокращенного катехизиса и четырех правил арифметики принялся он за пространный, за книгу о должностях человека и за дроби...» (хотя сам Гоголь поступил во второе отделение, или первый класс высшего отделения Полтавского поветового училища в девятилетнем возрасте, но среди его соучеников были и великовозрастные – четырнадцати- и пятнадцатилетние; см.: *Заболотский П. А.* К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 411, 412; *Иофанов.* С. 116).

Значительное место в изучаемом Иваном Федоровичем Шпонькой учебном пособии «О должностях человека и гражданина...» отводится правилам светского этикета; одна из ее глав так и называется – «О благопристойности»; она посвящена изложению «правил благопристойности» в походке, стоянии, сидении, поклонах, в молитве, лице, одежде «и прочих вещах». Очевидно, Иван Федорович – так же, как впоследствии Павел Иванович Чичиков в «Мертвых душах» (будучи в свою очередь в классах городского училища) – «вдруг постигнул дух» своих начальников «и в чем должно состоять поведение». Он был «преблагонравный и престарательный мальчик»; «тетрадка у него всегда была чистенькая, кругом облинеенная, нигде ни пятнышка. Сидел он всегда смирно, сложив руки и уставив глаза на учителя».

[2] Речь идет об одном из первых изданий учебного пособия, употреблявшегося также позднее, в годы обучения Гоголя в Нежине, в Гимназии высших наук князя Безбородко: «Российская грамматика, изданная Главным Правлением Училищ для преподавания в нижних учебных заведениях, пятым тиснением. СПб. в типографии Департамента народного просвещения, 1823, 16°, II+121. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 279). – См. ***1822. Ноября 18. Санкт-Петербург***; ***1822. Конец года. Нежин***; ***1824. Январь. Нежин.***

«Что касается учебных руководств, употреблявшихся в училище, то в § 4 отчета за 1818–19 уч<ебный> год, мы находим указание: “руководства учениками употребляются изданные от Главного правления училищ, учителями для объяснения – те же”» (*Заболотский П. А.* К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 410).

[3] В употреблении в училище было одно из изданий следующего учебного пособия: <*Головин М. Е.*> Руководство к арифметике для употребления в народных училищах Российской Империи, изданное по Высочайшему повелению Царствующей Императорицы Екатерины Второй. СПб., 1783–1784. Ч. 1–2; 2-е изд.: СПб., 1787. Ч. 1; другие изд.: СПб., 1804. Ч. 2; 6-е изд.: СПб., 1805. Т. 1; 7-е изд.: СПб., 1806. Ч. 1; <*Головин М. Е.*> Руководство к арифметике для употребления в народных училищах Российской Империи, изданное от Главного Правления Училищ 9-м тиснением. СПб., 1822. Ч. 1.

Первая часть этого учебника состоит из трех глав. Глава первая («О числах») содержит самые общие сведения («О счислении вообще», «О знаках чисел», «О выговаривании и писании чисел»), вторая глава – «О четырех обыкновенных правилах счисления в целых числах» – состоит из параграфов: «О сложении», «О «вычитании», «О умножении», «О делении», «О поверках сих четырех правил Арифметики». Глава третья содержит разделы: «Вступление» («Монеты», «Меры», «Вес»), «О раздроблении именованных чисел», «О превращении именованных чисел», «О сложении именованных чисел», «О вычитании именованных чисел», «О умножении именованных чисел», «О делении именованных чисел». («Всякое число какую-нибудь вещь означающее называется *именованное число*, например, 3 рубля, 4 лота»; С. 52.) Ср. в повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька...»: «...вместо <...> четырех правил арифметики принялся он <...> за дроби». Главой «О дробях, долях, или ломаных числах» начинается вторая часть учебника «Руководство к арифметике для употребления в народных училищах...»

«Подобно тому, как в “Мертвых Душах” мы находим отзвуки гоголевских нежинских школьных воспоминаний, так и в упомянутой повести изображение учителей в роде Никифора Тимофеевича Деепричастие с их примитивными педагогическими приемами, а равно всего школьного строя с его аудиторами, подкупами, розгами и т. д. настолько живы и ярки, что нельзя не видеть в них отзвуков непосредственных впечатлений и переживаний... <...> ...Как раз в год обучения Гоголя в Полтавском поветовом училище произошла замена книги о должностях человека чтениями из Священного Писания <см. ***1820. Декабря 28. Нежин*** – примечания>; следовательно, Гадячское поветовое училище в повести “И<ван> Ф<едорович> Шпонька” изображалось Гоголем не по изучениям и наблюдениям позднейшего времени, когда программа и курсы училищ изменились, а по воспоминаниям о годах своего учения» (*Заболотский П. А.* К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 412).

[4] *Федотов В. В.* Новые материалы о пребывании Н. В. Гоголя в Полтавском училище // *Свод.* Т. 1. С. 414.

[5] Там где учился и жил Гоголь // Известия Центрального Исполнительного Комитета СССР и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских и Красноарм<ейских> Депутатов. 1927. 5 марта. № 53 (2987). С. 4.

ДЕКАБРЯ 12. ЧЕТВЕРГ. ПОЛТАВА

Открытие Полтавского института для благородных девиц[1] (в день рождения Императора Александра I; 1777–1825). В. В. Капнист посвятил этому событию стихотворение «Хоры, петые при открытии в Полтаве Института для благородных девиц»[2].

Институт был учрежден на 15 дворянских девиц, по числу уездов Полтавской губернии[3].

[1] См. также ***1831. Октября 9. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечания).

[2] *Капнист Вас. В.* Собр. соч. В 2 т. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 611.

[3] См.: *Павловский И. Ф.* К истории полтавского дворянства. 1802–1902 г. Очерки по архивным данным, с рисунками. Полтава, 1906. Т. 1. С. 169.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ВАСИЛЬЕВКА (?)

В записной книжке В. А. Гоголя-Яновского появляются записи «о работах по дому (постройка клуня, плотины и т. п.) и различные заметки хозяйственного характера. За ними любознательный Василий Афанасьевич выписывает откуда-то:

“Качества души. *Разумение.* Простое понятие души, оно созерцает токмо сущность и вечные начала вещей. *Мудрость* размышляет не токмо о началах, но и о следствиях, из оных проистекающих; она заимствует нечто и от ума, который созерцает, и от знания, которое доказывает. *Благоразумие* ценит и слышит благо и зло, рассуждает не спешно, дает нам решимость избирать то, что наиболее сообразно с истинною нашей пользой, когда же оно, имея довольно сведений, чтобы произнести решение, не имеет довольно силы заставить нас действовать, тогда оно есть токмо здравое рас-

суждение. *Мнение* скрывается в своих сомнениях и часто завлекает нас в заблуждение. NB из всех качеств души превосходнейшее есть *мудрость*, а полезнейшее благоразумие".

Вслед за этим философским отрывком — следующая запись:

"9 осталась должна Марья Васильевна проигрышу 13 руб. 20 коп., а Федор Федорович остался за расчетом должен 4 рубля 60 коп., да проигрыш третьего числа впервые 30 коп., итого 11 руб. 90 коп."

На следующей странице Василий Афанасьевич записал для памяти значение слова импровизатор, он перевел его для себя выражением изустный рифмач.

На всякий случай Василий Афанасьевич записал, что "мозаики работаются превосходнейшие в<о> Флоренции, а особливо ландшафты, а исторические картины в Риме. В первой употребляются самые мелкие, а в последней гораздо большие камни". Дальше идут выписки о любимом предмете Василия Афанасьевича — садоводстве: "Бакон, Мильтон и Аддисон установили вкус аглицких садов. Кент, друг Попе, имел отличнейший вкус и дарование в аглицком садоводстве. Достойный его преемник Браун" и т. д., следует перечисление лучших английских садов.

На последней страничке два стихотворения, или выписанные Василием Афанасьевичем откуда-нибудь, или принадлежащие его перу. <...> Первое без названия.

О! Я, сударь, из столбовых дворян:
На бранном поприще искал мой предок славы,
А я мух колотил в деревне для забавы;
Мой предок для того без сна в трудах потел,
Чтоб после правнучек попил, поспал, поел.

Второе имеет заглавие "Купец".

За доброе подчас ты продаешь гнилое.
Не более берешь, как впятеро иль втрое.
Аршин и ножницы, весы, рука и взор,
Зуб каждый у купца и даже лавка — вор»[1].

Сохранился также переписанный Василием Афанасьевичем текст роли Карпа Саввича Искрина из комедии А. С. Грибоедова, Н. И. Хмельницкого и князя А. А. Шаховского «Своя семья, или Замужняя невеста» (1818)[2].

[1] *Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 375.
[2] *РГАЛИ.* Ф. 139. Ед. хр. 90. 6 л.

КОНЕЦ ГОДА. ВАСИЛЬЕВКА

В. А. Гоголь-Яновский восстановил сгоревшую в его имении винокурню[1], воспользовавшись материалами из соседней яресковской винокурни Д. П. Трощинского.

«...Но, должно быть, выработка была невелика, и горелку — для продажи в шинке и для ярмарочных "яток" — приходилось докупать, скорее всего — в тех же Ересках» (*Назаревский.* С. 330, 340–341).

[1] См. ***1817. В течение года. Васильевка.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ЯРЕСКИ 1818

В. А. Гоголь-Яновский купил у дворян Радченко и Макс<има> Сукачова лес с землей возле Яресок за 125 рублей.

Назаревский. С. 329.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ПОЛТАВА 1819

«Харьковский Учебный Округ. <...> В Полтавской Губернии: <...>

В Гимназии: Учители: <...> Ест<ественной> Истории, Техн<ологии> и Коммерч<еских> наук Тит<улярный> Сов<етник> Михайло Исаков<ич> Спас<с>кий, Лат<инского> и Франц<узского> яз<ыков> Тит<улярный> Сов<етник> Станислав Венедиктов<ич> Квятковский... <...>

В Поветовых училищах: Полтавском, Штат<ный> Смотрит<ель> Тит<улярный> Сов<етник> Иван Зозулин. Учители: Зак<она> Божия, Свящ<енник> Слотинский; 2 кл<асса> Федор Ильич Фатеев; 1 кл<асса> Анастасий Анастасиев<ич> Савинский; нижн<его> Отдел<ения> Владимир Давидов<ич> Рыков».

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1819. СПб., 1819. Ч. 1. С. 588.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МИРГОРОД

«Полтавская Губерния. <...> В городах: <...> В Миргороде: <...> *В Земском Суде:* <...> *Поветовые: Маршал,* Ма<йор> Григорий Иванов<ич> Чарныш, — *Хорунжий,* Кол<лежский> Асс<есор> Василий Афанасьев<ич> Гоголь-Яновский...»

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1819. СПб., 1819. Ч. 2. С. 418.

ФЕВРАЛЯ 4. ВТОРНИК

Директор училищ Полтавской губернии И. Д. Огнев сообщает «г. штатному смотрителю полтавского поветового училища» И. Н. Зозулину, что «согласно предписанию г. министра духовных дел и народного просвещения, князя Александра Николаевича Голицына... при ежегодных публичных испытаниях всегда начинать экзамен с Закона Божия... заключающего в себе главную и существенную цель образования».

Иофанов. С. 106.

ФЕВРАЛЬ. ПОЛТАВА

«В феврале 1819 г. Николай Яновский аттестуется по способностям — *посредствен,* по прилежанию — *средствен,* по поведению — *благонравен;* совершенно так же аттестуется за этот месяц и его младший брат Иван».

Заболотский П. А. К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 407.

МАРТА 19. СРЕДА. ПОЛТАВА

День рожденья Гоголя. Ему исполняется десять лет.

МАРТА 22. СУББОТА

Директор училищ Полтавской губернии И. Д. Огнев предписывает смотрителю полтавского поветового училища И. Н. Зозулину от имени «его превосходительства попечителя Харьковского учебного округа и кавалера Захара Яковлевича Карнеева[1], о прилежнейшем наблюдении во всех учебных заведениях, дабы все науки имели основание Священное Писание и вообще христианское учение».

Иофанов. С. 106.

[1] З. Я. Карнеев (Корнеев, 1748–1828), друг И. В. Лопухина и князя А. Н. Голицына, влиятельный член нескольких масонских лож в Петербурге в конце XVIII в., вице-президент Библейского общества в 1815–1817 гг. Выполненный племянником Карнеева Е. В. Карнеевым перевод «Божественной философии» швейцарского пастора Ж. Ф. Дютуа-Мембрини (М., 1812; 2-е изд. 1819; перевод посвящен Высочайшему имени) был рекомендован З. Я. Карнеевым — как попечителем Харьковского округа — в качестве учебного пособия для университетов (в 1825 г. книга была запрещена; см. ***1825. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург***). В 1822 г. З. Я. Карнеева на посту попечителя сменил его племянник.

АПРЕЛЯ 20. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПОЛТАВА

Смотритель полтавского поветового училища И. Н. Зозулин записывает в протоколе педагогического совещания: «Исполнять в точности предписания его превосходительства, назидающие души и сердца юношества».

Иофанов. С. 109.

АПРЕЛЯ 22. ВТОРНИК

А. А. Трощинский извещает В. А. Гоголя-Яновского:

«...При отъезде... <моем я> дал предписание удовлетворять всем вашим требованиям по надобностям малороссийских экономий, вашему попечению от меня вверенных».

Назаревский. С. 332.

АПРЕЛЯ 25. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

В. А. Гоголь-Яновский отправляет письмо к И. О. Танскому.

«В начале XIX века некий поручик, Иван Осипович Танский[1], задумал разыскать свое наследство — земли и угодья, пожалованные его предкам, в числе которых был и переяславский полковник Василий Танский. Как известно, бабка Гоголя, Татьяна Семеновна, была дочерью Семена Лизогуба и Анны Танской, дочери Василия Танского. Поручик Иван Танский путешествовал за границей, был в Молдавии, разыскивал фамильные бумаги. Но так как он не был единичным на-

следником, то ему пришлось обратиться к Василию Афанасьевичу и просить снабдить его доверенностью на ведение дел. Несмотря на то, что дело представлялось совсем эфемерным, искомые имения находились в разных государствах, Василий Афанасьевич увлекся мечтой стать богатым человеком и вручил Танскому "верующий открытый лист"[2]. Конечно, из поисков Танского ничего не вышло, но между Танским и В. А. Гоголем завязалась переписка, из которой одно письмо Танского к Гоголю была напечатано в "Киевской Старине" (т. 59, стр. 13, октябрь 1897 г.)[3]. Другие письма Танского и черновики писем Василия Афанасьевича сохранились в семейных бумагах»[4].

[1] Вероятно, сын И. А. Танского (см. ***1854. В течение года***).
[2] См. ***1819. Мая 16. Васильевка.***
[3] См. ***1820. Января 5. Хутор Жердева.***
[4] *Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 374.

АПРЕЛЬ. ПОЛТАВА

Николай Гоголь (Яновский), обучающийся в числе 41–46 учеников в высшем отделении первого класса уездного училища, аттестован по способностям – «посредствен», по прилежанию – «средствен», по поведению – «порядочен». «...В апрельской ведомости у него показано 18 пропущенных уроков (у его брата Ивана – 25)...»

Иофанов. С. 108; *Заболотский П. А.* К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 408, 410–411, 412.

МАЙ. ПОЛТАВА

Учитель А. А. Савинский в ведомости за май отметил, что Николай Яновский по способностям – «средствен», по прилежанию – «ленив», по поведению – «благонравен». Такие же оценки у брата Ивана.

Заболотский П. А. К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 408; Иофанов. С. 108.

МАЯ 6. ВТОРНИК. ХАРЬКОВ

И. И. Трощинский[1] пишет В. А. Гоголю-Яновскому:

«А милому Никоше и Ване прошу сказать, что по приезде моем мы будем приятно заниматься разными книгами, а особливо теми, которые они выучили...»[2]

«В письмах Ил<л>ариона Трощинского, бывшего тогда студентом Харьковского университета, часто говорится о присылке им Василию Афанасьевичу "для критики" некоторых своих произведений, а также упоминается о занятиях с "Никошей", о совместном с ним чтении стихов и других сочинений. Личность Ил<л>ариона Трощинского, судя по письмам, была далеко не заурядной и могла оказывать значительное влияние на молодого "Николиньку"»[3].

[1] Илларион Иванович Трощинский, внук Ефима Прокофьевича Трощинского, брата Д. П. Трощинского. В 1819 – начале 1820-х гг. был студентом Харьковского университета; позднее служил в Петербурге; в 1845 г. занимал место старшего столоначальника в Провиантском департаменте Военного министерства.
[2] *Назаревский.* С. 353; см. также: *Свод.* Т. 1. С. 7.
[3] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 3. С. 47; см. также: *Свод.* Т. 1. С. 7.

МАЯ 16. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

В. А. Гоголь-Яновский вторично отправляет письмо к И. О. Танскому, с приложением «верующего открытого листа»[1].

5 января 1820 г. И. О. Танский отвечал Гоголю: «Возвратясь из-за границы, имел я честь получить два почтеннейшие отзывы ваши ко мне, первый от 25 апреля, и вторый от 16 мая отпущенные; а также приложенные при последнем из них верующий открытой лист и выпись из прошения вашего, по извес<т>ному делу»[2].

[1] См. ***1819. Апреля 25. Васильевка*** (примечание).
[2] См. ***1820. Января 5. Хутор Жердева.***

МАЯ 29. ЧЕТВЕРГ. ПОЛТАВА

Смотритель полтавского поветового училища И. Н. Зозулин получает следующее предписание директора училищ Полтавской губернии И. Д. Огнева:

«Его сиятельство господин министр духовных дел и народного просвещения и кавалер Александр Николáевич Голицын предложить изволил... приняв в уважение существенную необходимость для учащихся по народным училищам в чтении священного писания, по великой пользе от того происходящей, признал за нужное, дабы во всех гимназиях, уездных приходских и других училищах сверх преподавания обыкновенных уроков в Законе Божием, читаем был в известное определенное время Новый Завет. Директоры и смотрители училищ, наипаче же наставники в Законе Божием должны необходимо сие соблюдать».

Иофанов. С. 106–107.

ИЮНЯ 13. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет двоюродному брату Петру П. Косяровскому в Будищи (Будище)[1]:

«Ради Бога старайтесь выходить в отставку, чтобы вам не и<д>ти в такой гибельной климат Грузию с вашим слабым здоровьем, и перее<з>жайте скорее к нам, мы вас будим ожидать с нетерпением. — Усерднейше благодарю вас за приписку в письме к Ва<силию> Афа<насьевичу>...»[2]

Свод. Т. 1. С. 87–88.

[1] Имение Г. С. Лукьяновича, неподалеку от Полтавы (см. ***1850. Июля 1 — сентябрь после 23. Васильевка*** — примечания).
[2] Гоголь-Яновский, муж Марии Ивановны.

ИЮНЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 30. ПОЛТАВА

В ведомости Полтавского поветового училища за июнь рукою учителя А. А. Савинского написано, что Николай Гоголь по способностям «туп», в при-

лежании «слаб», в поведении — «резв». У брата Ивана такие же оценки, кроме поведения, где он аттестован с лучшей стороны — не «резв», а «тих».

«...В ведомости за 2-е полугодие 1819 отмечено, что он <Гоголь> 4 раза не был в классе и 11 раз поздно приходил (Иван Гоголь не был 13 раз, опаздывал же 2 раза)»[1].

«Законоучителем Гоголя был протоиерей Георгий Слютинский... <...>; в ведомости за июнь месяц он знакомит нас с тем, что по его предмету было пройдено в классе, в котором учился Гоголь[2], а именно: “из катихизиса[3] пройдено до 8-й заповеди и из истории пройдена история Церкви Ветхого Завета и из Нового[4] до 14 параграфа”»[5].

«Для умственного и нравственного развития учащихся до введения в курс училища чтений из Священного Писания учитель Савинский проходил книгу “о должностях человека и гражданина”[6], изучение которой, как видно из последней июньской ведомости 1818–19 <учебного> г., было доведено до статьи 2-й; тот же учитель преподавал Российскую грамматику[7], которая была пройдена вся; под его же руководством ученики занимались разборами грамматическими и “чтением и письмом латинского, немецкого и французского языков”, причем, как видно из июньской ведомости, к концу года к чтениям по латинскому языку было добавлено изучение латинских молитв и заповедей»[8].

«Учитель Фатеев <...> преподал в гоголевском классе <...> всю первую часть арифметики, которая к тому же была повторена, и из второй части — действия с дробями до десятичных дробей»[9].

[1] *Заболотский П. А.* К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 408, 412; *Иофанов.* С. 108.

[2] Первый класс высшего отделения.

[3] В училище употреблялись два неоднократно переиздававшиеся в конце XVIII — начале XIX в. катехизиса: «Сокращенный катехизис для обучения юношества православному закону христианскому, изданный при учреждении народных училищ в Российской империи» (СПб., 1-е изд. 1784; одобрен преосвященным Гаврилом (Петровым), митрополитом Новгородским и Петербургским), «Пространный катехизис с доказательствами из Св. Писания» (СПб., 1785; 4-е изд. М., 1811). Оба этих издания упомянуты позднее Гоголем при характеристике школьного образования Ивана Федоровича Шпоньки (см. ***1818. Август-декабрь. Полтава***).

[4] Имеется в виду одно из первых изданий книги, употреблявшейся также позднее, в годы обучения Гоголя в Нежине, в Гимназии высших наук князя Безбородко: «Краткая священная история Церкви Ветхого и Нового Завета, изданная для народных училищ Российской Империи. Рассматривана Святейшим Синодом. Тиснение тринадцатое. СПб., типография Департамента народного просвещения, 1822, 16°, I+108. — <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 279).

[5] *Заболотский П. А.* К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 409; см. также: *Иофанов.* С. 110.

[6] См. ***1818. Август-декабрь. Полтава.***

[7] См. ***1818. Август-декабрь. Полтава.***

[8] *Заболотский П. А.* К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 410; см. также: «Учитель Анастасий Савинский записал: “Российская грамматика кончена; из должностей человека и гражданина <пройдено> до статьи 2; занимались разбором грамматическим, также изучением латинских молитв и заповедей и чтением французского и немецкого языков” (лист 132)» (*Иофанов.* С. 110).

[9] *Заболотский П. А.* К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 410; см. также: «В штатной ведомости этого класса за июнь 1819 г. (листы 131, 132) учителем Федором Фатеевым отмечено, что окончена первая часть арифметики, а из второй части пройдено до десятичных дробей» (*Иофанов.* С. 110). — См. также ***1818. Август-декабрь. Полтава.***

«Помимо учебников приобретались в училищную библиотеку и другие книги, число которых в отчете за 1818–19 уч<ебный> год показано 55; в число приобретенных для чтения педагогического персонала изданий, определяющих до известной степени круг интересов гоголевских учителей в Полтаве, мы находим: “Опыт повествования о древностях русских” (10 р<ублей> 50 к<опеек>, от 7 марта 1819 г.), “Харьковские Университетские Известия” (с 1820 г., отношение 3 июня 1818 г.), “Труды студентов любителей отечественной словесности” (5 р<ублей> 55 к<опеек>, 16 дек<абря> 1819), “Опыты в стихах, соч<инение> кандидата Склабовского” (4 р<убля> 45 к<опеек>, 16 дек<абря> 1819 г.), “Московские Ведомости” (25 р<ублей> 48 к<опеек>, январь 1819 г.), “Украинский Вестник” (18 р<ублей> 9 к<опеек> —декабрь 1819) и др.» (*Заболотский П. А.* К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 410).

ИЮНЯ 30. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПОЛТАВА

В Полтавском поветовом училище в присутствии гражданского губернатора, архимандрита, директора полтавских училищ И. Д. Огнева, «при стечении дворян и духовенства и разного звания посетителей» проводятся переводные экзамены за первый класс. Гоголь и его брат Иван в сдаче экзаменов, по-видимому, не участвуют.

Исследователь П. А. Заболотский в 1912 г. указывал, что Николай и Иван Яновские не попали «в список переведенных в 1818–19 уч<ебном> году из I-го класса во II-й»: «...30 июня 1819 года <...> закончились экзамены и состоялся перевод в старшие классы учеников, среди имен которых, однако, уже не находим ни Николая, ни Ивана Яновских в качестве переведенных в следующий класс»; позднее, в ведомости 1819/20 учебного года, Гоголя не оказалось и «в числе второгодичных учеников» первого класса[1].

Д. И. Иофанов в 1951 г. также отмечал, что фамилии Гоголя нет в списке учеников, «отличившихся себя прилежанием и добрым поведением, удостоенных <в июне 1819 г.> по предварительному испытанию к переводу в высшие классы»[2].

«Среди старших товарищей Гоголя по Полтавскому поветовому училищу мы встречаем Герасима Ив. Высоцкого, с которым, как известно, Гоголь сдружился в Нежинской гимназии высших наук и по окончании Высоцким в 1826 году Нежинской гимназии переписывался с ним; в бытность свою учеником поветового училища Высоцкий в противоположность Гоголю аттестовался хорошо, напр<имер>, "очень хорош" (способн<ости>), "прилежен" (прилеж<ание>), "тих" (поведение) (Май 1819 г., л. 127; июнь 1819, л. 135. – *Примеч. П. А. Заболотского. – И. В.*), и после экзаменационных испытаний 30 июня 1819 был выпущен из училища с аттестатом»[3].

«Из ведомостей полтавского поветового училища узнаем, что Герасим Высоцкий, который был на три года старше Гоголя, аттестован учителем Савинским как ученик очень хороших способностей и благонравного поведения. В июне 1819 г. Высоцкий закончил "курс наук в училище, положенных по уставу", и выдержал испытания. Ему был выдан аттестат, в котором было указано, что Герасим Высоцкий, сын поручика Ивана Высоцкого, поступивший в училище 1 октября 1813 г. и "пробывший в оном училище по 30 июня 1819 года", окончил его "с превосходными успехами – при хорошем поведении" (лист 5). Герасим Высоцкий был человеком одаренным, однако и он просидел в училище шесть лет, то есть по два года в каждом классе, о чем свидетельствует его аттестат»[4].

[1] *Заболотский П. А.* К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 407, 409.
[2] *Иофанов.* С. 108.
[3] *Заболотский П. А.* К биографии Гоголя в Полтавский период // *Свод.* Т. 1. С. 412.
[4] *Иофанов.* С. 121.

ИЮНЯ КОНЕЦ – ИЮЛЯ НАЧАЛО. ПОЛТАВА, ВАСИЛЬЕВКА

Гоголя с больным братом Иваном привозят из Полтавы домой на каникулы.

См. ***1819. Июня 30. Понедельник. Полтава***; ***1819. Июля средина – август. Васильевка***.

ИЮЛЯ СРЕДИНА – АВГУСТ. ВАСИЛЬЕВКА

Кончина девятилетнего брата Гоголя Ивана.

Спустя около шести лет[1] Гоголь посвятил памяти брата стихотворную балладу «Две рыбки» (не сохранилась).

П. А. Кулиш в статье «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя», опубликованной в 1852 г. в апрельском номере «Отечественных Записок», очевидно, со слов Н. Я. Прокоповича, сообщал: «...Гоголь был сперва определен в Полтавскую Гимназию, а оттуда уже поступил сперва своекоштным, а через год казеннокоштным воспитанником в Гимназию Высших Наук князя Безбородко, что ныне Нежинский Лицей. Причиною этого перевода были особенные права, присвоенные Нежинской Гимназии, а также и смерть старшего <младшего> гоголева брата в Полтаве. Полтава для родителей Гоголя сделалась местом горестных воспоминаний, и это обстоятельство было причиною, что Нежинский Лицей сделался местом образования одного из лучших современных нам писателей. Гоголь был нежно привязан к брату и упоминал о нем с глубоким чувством в беседе с своими соучениками, из которых, впрочем, весьма немногие пользовались его беседой. Ни о ком никогда он не писал с такой любовью, чуждою комического покрова, как об Андрее[2]. Может быть, его, прекрасного и в безжизненном виде, оставил он нам памятником братской любви своей и долгих сожалений»[3].

Летом 1852 г. в Васильевке побывали сначала Г. П. Данилевский, а затем С. П. Шевырев, которым обстоятельства смерти сына Ивана Мария Ивановна, по-видимому, не рассказывала. Поэтому Данилевский, отчасти со слов матери Гоголя, отчасти повторяя свидетельство Кулиша, писал: «Смерть младшего брата, Ивана, до того поразила Николая Васильевича, что принуждены были перевести его из Полтавы в Нежин, чтобы отвлечь его мысли от могилы брата»[4].

Осенью 1852 г. Мария Ивановна возражала Кулишу и Данилевскому: «...Отдали их в Полтаву к учителю, и когда брали домой, то меньший мой сын заболел, и доктора не могли его спасти, и умер 9-ти лет, а Николай остался 10-ти лет. Его поразительно удивило несчастное то событие и оставило надолго мрачное расположение в его характере. <...> У сына моего не было старшего живого брата, <...> а годом его младший <...> умер в Васильевке, а не в Полтаве...»[5]

Кулиш, воспользовавшись замечанием Марии Ивановны, позднее писал: «...Гоголь <...> готовился к поступлению в Гимназию в Полтаве, на дому у одного учителя гимназии, вместе с младшим своим братом Иваном. Но когда их взяли домой на каникулы и младший брат умер (9-ти лет от роду), Николай Васильевич (будучи старше его годом) оставался некоторое время дома[6]. <...> ...Соученик и друг детства и первой молодости Гоголя, Н. Я. Прокопович, сохранил воспоминание о том, как Гоголь, бывши еще в одном из первых классов Гимназии, читал ему наизусть свою стихотворную балладу "Две Рыбки". В ней, под двумя рыбками, он изобразил судьбу свою и своего брата, — очень трогательно, сколько припомнит г. Прокопович тогдашнее свое впечатление. <...> Он был нежно привязан к брату и упоминал о нем с глубоким чувством в беседах с школьными своими друзьями»[7].

Дочь В. В. Капниста Софья Васильевна вспоминала: «...Николая Васильевича Гоголя <...> я знала мальчиком десяти лет, всегда серьезным и задумчивым до того, что это чрезвычайно как беспокоило мать его, с которой мы были всегда очень дружны»[8].

[1] См. ***1825. Январь-апрель. Нежин.***

[2] Имеется в виду герой «Тараса Бульбы». Интерпретация Кулиша связана с его негативным отношением к религиозно-патриотическому замыслу этой гоголевской повести (см. ***1836. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург*** — примечания; подробнее см.: *Виноградов И. А.* Первый биограф Гоголя // *Кулиш 2003*. С. 3–81).

[3] *Кулиш 1852*. С. 192–193.

[4] *Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки // *Свод*. Т. 1. С. 289.

[5] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод*. Т. 1. С. 26, 27.

[6] Воспоминания М. И. Гоголь в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 1. С. 39.

[7] Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 1. С. 576–577.

В 1886 г. Данилевский в новой редакции своих воспоминаний о Гоголе, в свою очередь, исправил: «Смерть младшего брата до того поразила отрока Гоголя, что были принуждены отвезти его в Нежинский лицей, чтобы отвлечь мысли его от могилы брата» (*Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем // *Свод*. Т. 1. С. 314).

[8] *Скалон С. В.* Воспоминания // *Свод*. Т. 1. С. 617.

АВГУСТА 20. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА.

М. И. Гоголь пишет двоюродному брату Петру П. Косяровскому в Перевоз:

«Василий Афа<насьевич>[1] очень болен и не может ничего сказать на пис<ь>мо ваше, я же молю Бога, чтобы вы освободились небезвыгодно от походу в Грузию...»

Свод. Т. 1. С. 88.

[1] Гоголь-Яновский, муж Марии Ивановны.

ОКТЯБРЯ 14. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

В. А. Гоголь-Яновский отправляет письмо, из которого видно, что он «неплохо разбирается <...> в вопросах винокурения»[1].

В 1819 г. В. А. Гоголь, наблюдавший за экономиями Трощинских, писал в Петербург Д. П. Трощинскому: «Андрей Андреевич <Трощинский>, стараясь об улучшении здешних ваших экономий, устроил в Ячресковском винокуренном заводе паровую машину и другие могущие приносить пользу заведения, но весьма худой урожай в сих местах озимого хлеба лишает главшейшего средства к выручке процентов, тем более естли и новый управитель окажет себя столько же способным, как прежний, особенно в производстве винокурения парами, на которое мы с простыми умами смотрим, как бы на некое чудо»[2].

В недатированном письме к А. А. Трощинскому В. А. Гоголь-Яновский сообщал также по поводу хозяйства Д. П. Трощинского: «...Нам опять встретилось затруднение в производстве винокурения: муки купить не на что, а ржи своей хотя и довольно, но молоть негде, — на ветряные мельницы нет ветру, а на Псле стоят без воды»[3].

«Василий Афанасьевич принимал большое участие в управлении угодьями Трощинского. Письма А. А. Трощинского, племянника сановника, почти целиком посвящены различным сообщениям о том, что нужно сделать Василию Афанасьевичу для экономии Трощинского. Василий Афанасьевич был доверенным человеком и вел сношения с управителями, экономами и другими лицами, служившими у Трощинского. В бумагах Василия Афанасьевича сохранилась интересная жалоба на его действия от одного рассчитанного по его вине управителя. "Прискорбно сердцу моему, — пишет последний, — вести с вами переписку о деле, вам известном, коим безбожный г-н Яновский, профессор лжи, очернил меня и мою честную семилетнюю и девятидневную в экономии его превосходительства Д. П. Трощинского службу. Пусть чернит. Десница всевидящего Бога очернит и его в свое время... Я сказал уже, что не только к г-ну Яновскому писать не буду, но и видеть его, — сохрани меня Бог, — не хочу. Лучше посмотреть на паршивую в поле лежащую собаку, нежели на него". Вот каких аттестаций добился Василий Афанасьевич, ревностно стараясь об интересах своего "благодетеля"»[4].

[1] *Назаревский.* С. 340.
[2] *Иофанов.* С. 24.
[3] *Назаревский.* С. 347.
[4] *Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 374.

В ТЕЧЕНИЕ ВЕСНЫ-ОСЕНИ 1812–1817 – ОСЕНИ 1819. ЯРЕСКИ.

М. И. Гоголь пишет мужу:

«У нас теперь своя горелка работается, то лучше той мне отпусти... <...> Никоша тебе кланяется и гонит меня за тобою, чтоб привезла и тебя».

Получив ответ, Мария Ивановна вновь пишет мужу:

«Как ты меня потревожил, милый друг, написав, что Андрей Андреевич очень нездоров. И чуть было не попалось твое письмо в руки тетиньки. Я его спрятала и сказала, что ты пишешь только о Некошы. Пожалуйста, старайся сколько-нибудь облегчить его хлопоты, когда можешь, а я уже как-нибудь с Никошею буду, ему, кажется, немного уже легче, и надеюсь на Бога, что он выздоровеет».

Назаревский. С. 351–352.

1819 АВГУСТ – 1820 ВЕСНА ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь, пропустив начало учебного года в Полтавском училище (а также все первое полугодие обучения, с 1 августа до второй половины декабря 1819 г.), живет в Васильевке, где часто навещает могилу умершего брата Ивана.

См. ***1819. Июля средина – август. Васильевка.***

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ПОЛТАВА

В Полтавском театре ставятся только что написанные комедии И. П. Котляревского «Наталка Полтавка» и «Москаль-Чаривник», главные роли в которых – выборного Макогоненко и поселянина Михайло Чупруна – исполняет М. С. Щепкин. Обе эти роли были написаны специально для актера.

«В 1819 году, для существовавшего в Полтаве театра, коим управлял Котляревский, написаны им две небольшие пиесы: *Полтавка,* народная опера, и *Москаль Чаривник.* Заметим здесь, что славный комический талант Щепкина обязан Котляревскому первым развитием»[1].

«...“Чарівник” замечателен еще как пьеса, в которой с полным блеском проявлялся талант народного артиста, М. С. Щепкина. Многие в Полтаве помнят, как Щепкин, на бедном театре, приводил всех в восхищение»[2].

«Вполне вероятно, что <...> <В. А. Гоголь-Яновский> видел первые постановки «Наталки Полтавки» и «Москаля-чаривника» в 1819 г. в Полтаве, в которой бывал довольно часто. Однако из этого вовсе не следует, что он заимствовал сюжет “Москаля-чаривника” для своего “Простака”»[3].

Комедия Гоголя-отца «Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом», перекликающаяся с «малороссийской оперой» И. П. Котляревского «Москаль-Чаривник», была опубликована в 1862 г. П. А. Кулишом[4]. В отличие от комедии Котляревского, произведение Василия Афанасьевича изобилует церковной лексикой и свидетельствует о том, что богослужебную практику Православной Церкви отец Гоголя знал не понаслышке. «В этой пьесе представлены муж и жена, жившие в доме Трощинского на жалованьи, или на других условиях, и принадлежавшие, как видно, к «высшему лакейству». Они явились в комедии под настоящими именами, только в простом крестьянском быту, и хотя разыгрывали почти то же, что случалось у них в действительной жизни, но не узнавали себя на сцене. Трощинский был человек Екатерининского века и любил держать при себе шутов; но этот Роман[5] был смешон только своим тупоумием, которому бывший министр юстиции не мог достаточно надивиться. Что касается до жены Романа, то она была женщина довольно прыткая и умела водить мужа за нос. Такою она представлена и в комедии. <...> ...Вот происхождение семинариста в “Сорочинской ярмарке”, Фомы Григорьевича, героя предисловий к “Вечерам на Хуторе”, дьяка и великолепной Солохи в “Ночи перед Рождеством”»[6].

Г. П. Данилевский, побывавший в Васильевке в 1852 г., со слов М. И. Гоголь, сообщал: «Отец Гоголя сам писал; труды его состояли из театральных комических пьес, написанных для домашней

сцены в семействе Трощинских, которые постоянно ласкали и отца и сына Гоголей. Эти комедии Гоголь, при отъезде в Петербург, после смерти отца, взял с собою, для того, чтоб напечатать их. Неизвестно, какой участи подверглись они в Петербурге; потому что их никто и нигде более не видал, за исключением выписок из них, послуживших эпиграфами к некоторым повестям Гоголя»[7].

В свою очередь С. П. Шевырев, со слов Марии Ивановны, записал: «Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский сам сочинял комедийки для семейных театров. Рукописи их сохранились в семействе, но взяты были покойным его сыном... <...> Комедийки Василия Афанасьевича – Овца-Собака, писанная на Русском языке и Малороссийск<ом> наречии; Роман и Параска из Малороссийск<их> нравов на Малороссийск<ом> наречии»[8].

Примечательно, что в декабре 1852 г. С. В. Скалон писала М. И. Гоголь из Полтавы: «После праздника у нас будет благородный театр, и Саша моя <А. В. Скалон> будет участвовать. Приезжайте, друг мой, посмотреть на нее. Да нет ли у вас каких-нибудь *хорошеньких комедий или малороссийских пьес?* Пожалуйста, пришлите. Здесь ничего нельзя достать»[9]. «Очевидно, – пояснял А. А. Назаревский, – по мнению Скалон, в Васильевке, в доме Гоголей, легче было достать “хорошенькую комедию” или “малороссийскую пьесу”, чем во всей Полтаве»[10].

В 1856 г. сама Мария Ивановна вспоминала: «Муж мой писал много стихов и комедий в стихах на русском и малороссийском языках, но сын мой все выпросил у меня, надеясь печатать»[11].

30 апреля 1829 г. Гоголь писал матери из Петербурга: «...Прошу вас выслать мне две Папинькины Малороссийские Комедии: Овца-Собака и Романа с Параскою <под «Романом с Параскою» подразумевается комедия “Простак”>. Здесь так занимает всех все малороссийское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну из <н>их поставить на здешний Театр»[12].

Содержание «Простака» нашло отражение в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в «Сорочинской ярмарке» и «Майской ночи»[13]. Образ бесхозяйственного и ленивого, но при этом очень набожного казака-«простака» из комедии отца отзывается у Гоголя во второй редакции «Тараса Бульбы» (в воззваниях есаулов к «валяющимся по запечьям» казакам), в повести «Рим» (в словах автора о близорукости «политиков, упрекающих народ в беспечности и лени»), а также в образе столь же набожного и бесхозяйственного, как и герой «Простака», помещика Хлобуева во втором томе «Мертвых душ». Содержание другой комедии – «Овца-Собака» – сказалось на размышлениях Гоголя о «торговле, зародившейся в нашей литературе», и низком качестве литературного «товара»[14]. («Содержание ее основано на следующем анекдоте. Мужик вел на ярмарку для продажи овцу; двое солдат пристали к нему и уверили его, что это <не овца>, а собака их майора, так что мужик не только отдал им овцу, но еще и *копу грошей* (полтину медью), чтоб только *одкардскались* (отстали)»[15].)

10 октября 1839 г. Гоголь обещал И. И. Срезневскому «держать корректуру» второй книги «Украинского Сборника» (вышел в 1841 г.), где была опубликована опера Котляревского «Москаль-Чаривник»[16]. Позднее Н. П. Дашкевич указал на общий западный источник комедии Гоголя-отца «Простак» и «Москаля-Чаривника» Котляревского[17]. – См. также ***1832. Июля 17. Воскресенье. Полтава.***

И. И. Боровиковский, вспоминая в 1870 г. о своем обучении в Полтавской гимназии, сообщал: «Кроме своекоштных гимназистов, были и казеннокоштные – воспитанники *Дома воспитания бедных дворян,* с 1810 г., на содержание приказа общественного призрения. Смотрителем этого дома был известный малороссийский поэт, *Ив. Петр. Котляревский,* автор *Энеиды, на малороссийский язык перелицованной.* Впрочем, он управлял домом посредством дежурных надзирателей, часто исключенных надзирателей квартальных; сам же приезжал в дом редко, большею частию для розочной расправы, по суточным рапортам тех дежурных надзирателей. Воспитанники жаловались на худой корм, но на *Терешка,* ключника, дворового человека Ив<ана> Петр<овича>, не было никакой апелляции»[18].

[1] *<Стеблин-Каминский С. П.> С. С. К.* Биографя поэта Котляревского // Северная Пчела. 1839. 4 июля. № 146. С. 584.

[2] Иван Петрович Котляревский // Основа. 1861. № 2. С. 168.

[3] *Иофанов.* С. 64.

[4] Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом. Комедия в одном действии. Сочинение Василия Афанасьевича Гоголя (отца Николая Васильевича) // Основа. 1862. № 2. <Отд. 2>. С. 19–43.

[5] «Обычным развлечением служили прогулки, послеобеденная игра в бостон, а иногда и дурачества какого-то Романа Ивановича, исправлявшего в доме Трощинского роль шута (шуты, в то время, считались непременною принадлежностию обстановки богатых бар)» (*Ореус*. С. 662).

[6] Воспоминания М. И. Гоголь в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 1. С. 38.

[7] *Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки // *Свод*. Т. 1. С. 289.

[8] Воспоминания М. И. Гоголь в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод*. Т. 1. С. 11. – См. также ***1821. Октября 27. Кибинцы***.

[9] *Назаревский А. А.* Из архива Головни // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 325.

[10] Там же. С. 325.

[11] Из воспоминаний матери Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 79.

[12] См. ***1829. Апреля 30. Вторник. Санкт-Петербург***.

[13] *Гоголь 1937–1952*. Т. 1. С. 519; *Гоголь 1994*. Т. 1–2. С. 435.

[14] *Гоголь 1994*. Т. 9. С. 536.

[15] *Кулиш 1852*. С. 196.

[16] См. ***1839. Октября 10. Вторник. Москва***.

[17] *Дашкевич Н. П.* Вопрос о литературном источнике украинской оперы И. П. Котляревского «Москаль-Чаривнык» // Киевская Старина. 1893. № 10–12. С. 451–481.

[18] *Боровиковский И. И.* Воспоминания о Полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия назад // *Свод*. Т. 3. С. 418.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. ЯРЕСКИ

В. А. Гоголь-Яновский купил у Вас. Сукачова лес с землей возле Яресок за 125 рублей.

Назаревский. С. 329.

1805–1819. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

1805–19

Сыновья П. М. Косяровского[1] – Петр[2], Павел[3] и Иван[4] – обучаются, последовательно, во 2-м петербургском кадетском корпусе.

[1] Двоюродный брат М. И. Гоголь.

[2] Петр П. Косяровский умер в 1849 г. в чине полковника артиллерии.

[3] Павел П. Косяровский впоследствии находился в военной службе. В 1835–1836 гг. отставной штабс-капитан Павел П. Косяровский исполнял должность смотрителя Одесской городской больницы (см.: Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1835. СПб., <1835>. Ч. 2. С. 175; Месяцеслов и общий штат Российской Империи на 1836. СПб., <1836>. Ч. 2. С. 180). В конце 1830-х – первой половине 1840-х жил с женой в Васильевке (см.: Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод*. Т. 1. С. 201); затем (с 1845 г.), «правитель дел», или эконом Петровского Полтавского кадетского корпуса, в должности штабс-капитана; с 1846 г. – коллежский секретарь; с 1847 – титулярный советник; с 1848 – коллежский асессор; с 1850 – надворный советник.

[4] И. П. Косяровский (около 1800 – не ранее 1834), поэт; в первой половине 1820-х гг. вместе с братьями находился на военной службе на Кавказе, с 1826 г. жил в Петербурге, позднее – в Одессе.

ОКОЛО 1818–1819

1818–19

У В. А. и М. И. Гоголь-Яновских родился сын Андрей.

См. ***Около 1819–1820. Васильевка***.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА.
ПОЛТАВА

«Харьковский Учебный Округ. <...> В Полтавской Губернии:

Директор: Над<ворный> Сов<етник> Иван Дмитриев<ич> Огнев. При нем Письмоводитель, . . . [1] В Гимназии: Учители: Зак<она> Бож<ия> Свящ<енник> Дмитрий Михайлов<ич> Ширмовский, Матем<атики> и Физ<ики> Тит<улярный> Сов<етник> Филип<п> Иванов<ич> Ефремов, Истор<ии>, Географ<ии> и Стат<истики> Тит<улярный> Сов<етник> Александр Семенов<ич> Рож<д>ественский, Словесности, Тит<улярный> Сов<етник> Яков Павлов<ич> Ростовцев; Ест<ественная> Истории, Техн<ологии> и Коммерч<еских> наук Тит<улярный> Сов<етник> Михайло Исаков<ич> Спас<с>кий, Лат<инского> и и Франц<узского> яз<ыков> Тит<улярный> Сов<етник> Станислав Венедиктов<ич> Квятковский, Немец<кого> и Франц<узского> яз<ыков> Ротм<истр> Франц<узской> службы и Кав<алер> Федор Целлариус, Рис<ования> Кол<лежский> Секр<етарь> Дмитрий Плитстессер <Сплитстессер>.

В Поветовых училищах: Полтавском, Штат<ный> Смотрит<ель> Тит<улярный> Сов<етник> Иван Зозулин. Учители: Зак<она> Божия, Свящ<енник> Григорий Слотинский; 2 кл<асса> Федор Ильич Фатеев; 1 кл<асса> Анастасий Анастасиев<ич> Савинский; нижн<его> Отдел<ения> Владимир Давидов<ич> Рыков».

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1820. СПб., 1820. Ч. 1. С. 579–580.

[1] Так в источнике.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА.
МИРГОРОД

«Полтавская Губерния. <...> В городах: <...> В Миргороде: <...> *В Земском Суде:* <...> *Поветовые: Маршал,* Ма<йор> Григорий Иванов<ич> Чарныш, – *Хорунжий,* Кол<лежский> Асс<есор> Василий Афанасьев<ич> Гоголь-Яновский...»

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1820. СПб., 1820. Ч. 2. С. 431.

ЗИМА.
ВАСИЛЬЕВКА

Родители Гоголя в связи с несдачей сыном в июне 1819 г. экзамена за первый класс Полтавского училища[1] – и последовавшим пропуском первого полугодия обучения во втором классе (период с 1 августа по вторую половину декабря 1819 г.)[2] – принимают решение не продолжать занятий сына в училище, а готовить его, с весны или начала лета 1820 г., в Полтаве частным образом, для поступления 1 августа этого года сразу во второй класс Полтавской гимназии[3].

[1] См. ***1819. Июня 30. Полтава.***
[2] См. ***1819. Лета вторая половина – зима. Васильевка.***
[3] См. ***1820. Весна – июня первая половина. Полтава.***

ЯНВАРЯ 5. ПОНЕДЕЛЬНИК. КРЕЩЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК.
ХУТОР ЖЕРДЕВА

Дальний родственник В. А. Гоголя-Яновского Иван Осипович Танский, занятый розысками об имущественных правах своих предков в местечке Танск,

Варшавского герцогства, в Молдавском княжестве и в Лифляндии («под Кокенгузом»), обращается к Василию Афанасьевичу как возможному сонаследнику с просьбой передать ему имеющиеся в Васильевке «молдавские грамоты и партикулярные польские бумаги» для «отискания фамильных документов и самых имений» Танских в Молдавии[1].

Свод. Т. 1. С. 379–380.

[1] См. также ***1819. Апреля 25. Васильевка***; ***1819. Мая 16. Васильевка***.

ФЕВРАЛЯ 4 И 5. СРЕДА И ЧЕТВЕРГ. МИРГОРОДСКИЙ УЕЗДНЫЙ СУД

В. А. Гоголь-Яновский приобретает у помещицы Ольвиопольского уезда поручицы Надежды Львовны Соколовой «пахотные земли, состоящие полтавского повета при хуторе называемом Купчина, мерою восемьдесят семь десятин и двадцать пять квадратных саженей, ценою за четыре тысячи рублей».

См. ***1823. Января 17***. Среда; см. также: *Назаревский*. С. 329.

МАРТА 19. ПЯТНИЦА

Гоголю исполняется одиннадцать лет.

МАРТА 28. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ

АПРЕЛЯ 8. ЧЕТВЕРГ

«...И. Р. Мартос, <...> не раз пользовавшийся посредничеством В. А. Гоголя, <...> подчеркнул <...> его “близкое соотношение к дому”» Д. П. Трощинского.

Отсюда «многочисленные обращения к Василию Афанасьевичу от лиц самого разнообразного экономического и социального положения с просьбами – содействовать перед Трощинским в получении его “милости и покровительства” (письмо князя Федора Уракова 28 февраля 1814 г.), сообщить, когда можно приехать побывать у “благодетеля” и “милостивца” (письмо Федора Базилевича 28 июня 1814 г.), не отказать “в новом предстательстве у общего нашего благодетеля” (письмо Ивана Черненко (?) 13 июля 1822 г.) и т. д.».

Назаревский. С. 320.

АПРЕЛЯ 13. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В «Невском Зрителе» (№ 3) напечатан «Отрывок из первой песни поэмы Руслан и Людмила» А. С. Пушкина.

Цявловский. С. 176.

АПРЕЛЯ 19. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Высочайшим Рескриптом Императора Александра I на имя министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына учреждена Гимназия вышних наук в Нежине[1] (так она часто называлась от своего основания до 10 апреля 1825 г.[2]). Гимназия была приписана к ведомству попечителя Харьковского учебного округа; ее почетным попечителем был назначен граф А. Г. Кушелев-Безбородко. «Проект устава гимназии высших наук составлен был еще за год перед тем; но утверждение его <...> замедлилось с лишком на пять лет...»[3] Поэтому правлению гимназии предложено было временно руководствоваться уставом Ришельевского лицея, составленным Голицыным и утвержденным Императором 2 мая 1817 г.[4]

[1] 1820. Апреля 19. Об учреждении в Нежине Гимназии высших наук Князя Безбородко // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Стб. 1244. – См. также ***1805. Июля 29. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] *Лавровский 1879.* С. 127; *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 25.

[3] *Лавровский 1879.* С. 107.

[4] См. ***1817. Мая 2. Среда. Санкт-Петербург.*** – «Образование и устав Ришельевского Лицея в Одессе. СПб., в типографии Департамента Народного Просвещения, 1818, 8°, 94+IV. Этим уставом должна была руководиться Гимназия высших наук, своего устава при открытии не получившая. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 287).

МАЯ 29. СУББОТА. Г. ЗЕНЬКОВ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Зеньковским поветовым казначейством В. А. Гоголю-Яновскому выдана квитанция в приеме подушных за крепостных крестьян.

РГАЛИ. Ф. 139. Ед. хр. 88.

ВЕСНА. ХУТОР КУПЧИН НА Р. ГОЛТВЕ

При измерении земель на хуторе Купчине, приобретенных В. А. Гоголем-Яновским в начале февраля 1820 г. у Н. Л. Соколовой[1], их оказалось вполовину меньше, чем было объявлено при продаже («вместо показанных Г-жею Соколовою восьмидесяти семи десятин и двадцати пяти квадратных саженей всего только сорок две десятины и сто сорок девять с половиною квадратных саженей»).

См. ***1823. Января 17. Среда.***

[1] См. ***1820. Февраля 4 и 5. Миргородский уездный суд.***

ВЕСНА – ИЮНЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. ПОЛТАВА

В. А. Гоголь-Яновский, предположительно, привозит сына в Полтаву, знакомится здесь с Г. М. Сорочинским, который около этого времени поступает на

службу в Полтавскую гимназию, на должность учителя латинского языка (вместо С. В. Квятковского). Сорочинский, по поручению Василия Афанасьевича, начинает готовить Николая Гоголя к поступлению во второй класс Полтавской гимназии, проходя с ним программу первого класса.

См. ***1820. В течение года. Полтава***; ***1820. Конец года (не позднее 5 декабря). Полтава***. См. также письмо Г. М. Сорочинского к В. А. Гоголю-Яновскому из Полтавы, датируемое, предположительно, июлем 1820 г., об оплате репетиторства «за прежнее время» (и 300 рублей – за будущее), а также выборе квартиры для Н. В. Гоголя, с упоминанием о том, что Сорочинский состоит «в должности» (по-видимому, учителя Полтавской гимназии) (см. ***1820. Июля 25 (?). Полтава*** – письмо Г. М. Сорочинского). «Все это дает основание сделать вывод, что Сорочинский начал обучать Николая Гоголя раньше июля, еще с весны 1820 г.» (*Иофанов*. С. 125).

См. также ***1820. Июня вторая половина. Полтава***; ***1820. Июля 25 (?). Полтава*** (письмо Н. В. Гоголя).

ИЮНЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. ПОЛТАВА

Гоголь отправляет письмо родителям[1], в котором сообщает:

«Ваканции[2] быстро приближаются. Я не успел еще окончить всего, следовательно нужно заняться ваканциями, чтобы поспеть с честью во второй клас<с>. Учитель математики мне необходим[3]. Естли вы будете в Полтаву сами скоро[4], то я уверен, что всё устроете вся для моей пользы».

[1] Первое из дошедших до нас писем Гоголя.

[2] Имеются в виду летние каникулы 1–31 июля 1820 г.

[3] Учителем математики в Полтавской гимназии был, от самого ее основания, титулярный советник Филипп Иванович Ефремов, «родом из духовных, курской губернии, один из воспитанников первого класса педагогического института. Это был лучший преподаватель полтавской гимназии и послужил ей более тридцати лет» (*Боровиковский И. И.* Воспоминания о Полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия назад // *Свод*. Т. 3. С. 417; см. также ***1820. В течение года. Полтава***). В Полтавском училище преподавателем «математических наук» был Федор Ильич Фатеев (см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1821. Ч. 1. С. 590; см. также ***1820. В течение года. Полтава***).

[4] См. ***1820. Июля первая половина. Полтава***.

ИЮЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. ПОЛТАВА

Приезд в Полтаву отца Гоголя[1]. Василий Афанасьевич вместе с учителем Г. М. Сорочинским осматривает «квартиру Мышкова» для возможного проживания там, вместе с наставником Сорочинским, Николая Гоголя[2].

[1] См. ***1820. Июня вторая половина. Полтава***; ***1820. Июля 18. Воскресенье. Полтава***; ***1820. Июля 25. Воскресенье. Полтава***.

[2] См. ***1820. Июля 25 (?). Полтава*** (письмо Г. М. Сорочинского).

ИЮЛЯ 18. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПОЛТАВА

Гоголь обедает у полтавского прокурора И. А. Горбовского[1].

25 июля 1820 г. Гоголь сообщал родителям: «В прошедшее воскресение[2] я обедал у Ивана Алексеевича...»[3]

[1] Иван Алексеевич Горбовский, с 1818–1819 гг. — член полтавской масонской ложи «Любви к истине» (*Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1112).

[2] Т. е. 18 июля 1820 г.

[3] «Иван Алексеевич в приписке на копии Л<енинской> Б<иблиотеки> раскрыт как полтавский прокурор Горбовский» (*Дурылин С. Н.* Комментарии // *Гоголь 1937–1952.* Т. 10. С. 388). — См. также ***1838. Января 10. Васильевка.***

ИЮЛЯ 19. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПОЛТАВА

На прогулке с учителем Г. М. Сорочинским Гоголь встретил И. Д. Тишевского, который показал им свой дом.

В письме к родителям от 25 июля 1820 г. Гоголь после известия о том, что 18 июля он обедал у полтавского прокурора И. А. Горбовского, сообщал: «...На другой день[1] видел Ивана Дмитриевича[2], возвращаясь из саду с Гаврилом Максимовичем[3]. Иван Дмитриевич показывал нам свой дом. К величайшему моему удовольствию узнал я от него, что вы слава Богу живы и здоровы».

[1] Т. е. 19 июля 1820 г.

[2] «Иван Дмитриевич — по заметке на той же копии <см. ***1820 Июля 18. Воскресенье. Полтава*** — примечание> — Тишевский, знакомый родителей Гоголя» (*Дурылин С. Н.* Комментарии // *Гоголь 1937–1952.* Т. 10. С. 388). См.: «Министерство внутренних дел. <...> Департаменты: <...> Медицинский: <...> При Врачебных Управах: <...> Полтавской: <...> *Акушер,* Шт<атный Лек<арь> Кол<лежский> Сов<етник> Иван Дмитриев<ич> Тишевский, орд<ена> с<вятой> Ан<ны> 2 кл<асса> Кав<алер>» (Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1820. СПб., 1820. Ч. 1. С. 421; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи, на лето от Рождества Христова 1821. Ч. 1. С. 432).

[3] Сорочинский.

ИЮЛЯ 25. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПОЛТАВА

Гоголь сообщает родителям:

«Благодаря родительскому вашему о мне попечению, я слава Богу чувствую себя здоровым совершено. Настойку оставлен<н>ую вами, Папинька[1], я продолжаю по данному наставлению. <...> Учение в Гимназии начнется чрез неделю[2], а до того времени я слегка занимаюсь повторением».

Вероятно, в тот же день Гоголь отправил письмо к бабушке Т. С. Гоголь-Яновской (рожденной Лизогуб), в котором извинялся за долгое молчание, благодарил за присланный «гостинец», просил прислать «погребец» (дорожный ларец) («я куплю для него прибор»[3]) и добавлял:

«Обрадуйте Папиньку и Маминьку, что я успел в науках то, что в первом классе гимназии, и учитель[4] мною доволен. Прошу поцеловать за меня Гапу[5] и сестриц моих[6]».

Возможно, в тот же день, 25 июля 1820 г., учитель Г. М. Сорочинский в письме к отцу Гоголя, В. А. Гоголю-Яновскому, обговаривает условия своего дальнейшего репетиторства и выбора квартиры:

«Я согласен на Ваши условия, но только с тем, 1-е, выбор квартиры оставить совершенно нашею волю, 2-е, прислать к 1-му сентября[7] 6 четвертей ржаной муки, 6 пшенишной... гречаной

12 мерок, пшена 6 мерок, гречаных круп 6 мерок, 1 бочонок огурцов, меду 10 фунтов, сала полтора пуда, масла полпуда. 3-е. Теперь же дать 300 денег да остальные по щоту за прежнее время. Все же остальное из провизии и денег доставить к первому генваря будущего года[8].

Ка<са>тельно же квартиры Мышкова доложу вам, что я и сегодня перешел бы туда, но, 1-е, не имею ни пяти рублей денег, а должно расплатиться прежде с настоящею хозяйкою. 2-е. Не имею экипажа, без коего по причине грязного здешнего города никак не только мне, но тем более, детям жить там неудобно.

Естьли вам моя квартира вовсе не нравится[9], то... я отыщу лучшую как для себя, так и для Вашего сына. <...>

P. S. Квартира Мышкова мне нравится. Естьли бы я не был в должности, то не желал бы лучшей. Но часто опаздывать на должность, что весьма легко может случиться, весьма нехорошо»[10].

[1] См. ***1820. Июля первая половина. Полтава.***

[2] См. ***1820. Августа 1–2. Воскресенье-понедельник. Полтава.***

[3] Очевидно, прибор чайный или столовый.

[4] Г. М. Сорочинский.

[5] «Няню, Агафью Семеновну Власенкову. – <Примечание> *П. К<улиша>*» (Соч. и письма Н. В. Гоголя. Издание П. А. Кулиша. СПб., 1857. Т. 5. С. 5); А. С. Власенкова – «дальняя родственница» В. А. Гоголя-Яновского. Младшая сестра Гоголя Ольга сообщала: «По рассказу, у старших двух сестер была няня, девица, дальняя родственница моего отца...» (Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод*. Т. 1. С. 195).

[6] Имеются в виду девятилетняя Мария и трехлетняя Анна (первая) (умерла в том же 1820 г.).

[7] Провизия была доставлена к 14 августа 1820 г. (см. ***1820. Августа 14. Полтава***).

[8] Доставка провизии к 1 января 1821 г., вероятно, не состоялась (см. ***1820. Августа вторая половина. Полтава*** – примечание). В начале января 1821 г. В. А. Гоголь-Яновский обратился к В. Г. Кукольнику с просьбой зачислить его сына в «нежинский пансион» (см. ***1821. Января начало. Миргород***).

[9] В. А. Гоголь-Яновский, очевидно, осматривал квартиры Сорочинского и Мышкова во время своего приезда в Полтаву в первой половине июля 1820 г. (см. ***1820. Июля первая половина. Полтава***).

[10] *Свод*. Т. 1. С. 415.

ИЮЛЯ 31. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Попечитель Харьковского учебного округа З. Я. Карнеев обращается к Министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну по поводу «начатия учения и назначения директора» в Гимназию высших наук князя Безбородко в Нежине:

«Господину Министру духовных дел и народного просвещения.

Предписанием Вашего Сиятельства от 5-го сего июля о начатии учения в Гимназии высших наук князя Безбородко имел я честь получить.

Вслед за таковым предписанием получил я от графа Кушелева-Безбородко отношение, в коем изъявил он желание, чтоб сие учебное заведение до Высочайшего утверждения Устава приняло свое действие с началом наступающего учебного года[1].

Поелику же не имею я никаких сведений в рассуждении устройства экономического, равным образом нет еще на месте ни директора, ни профессоров, ни для первоначального хода наук учителей, то я нахожусь в невозможности сделать какое-либо распоряжение о собирании детей для начатия учения, а потому и отнесся я вместе с сим к графу Кушелеву-Безбородко, чтобы он без потеряния времени сообщил мне сведения, какие только по предварительному его усмотрению нужны к устроению Гимназии и поспешил бы известить меня о избранных им профессорах и других чиновников, чрез коих бы можно было действовать к скорейшему исполнению благодетельных намерений г. Почетного попечители графа Кушелева-Безбородко, так как он ныне просит только об определении младшим профессором немецкого языка и словесности оного надворного советника Миллера, о коем теперь же идет особое представление.

За сим я покорнейше прощу Ваше Сиятельство исходотайствовать определению директора в Нежинскую Гимназию и сделать начальничье Ваше распоряжение о скорейшем отправлении его к своему месту, ибо без сего чиновника будут встречаться великие затруднения к началию учения в столь важном учебном заведении».

Михальский. С. 222–223.

[1] См. ***1820. Августа 1–2. Воскресенье-понедельник. Полтава.***

АВГУСТА 1–2. ВОСКРЕСЕНЬЕ-ПОНЕДЕЛЬНИК. ПОЛТАВА

Начало учебных занятий в Полтавской гимназии. Гоголь, вероятно, продолжает обучаться на дому под руководством Г. М. Сорочинского.

См. ***1820. Августа 14. Суббота. Полтава***; ***1820. Августа вторая половина. Полтава.***

АВГУСТА 3. ВТОРНИК. ДИКАНЬКА

Посещение имения Кочубеев Диканьки Императором Александром I Павловичем[1].

В 1901 г. В. А. Чаговец сообщал: «Солнце скрылось за лесом, когда мы подходили к триумфальным воротам, стоящим у самой дороги, при входе в Диканьский лес. Оригинальное впечатление производит дорический стиль ворот на фоне малорусского ландшафта... <...> Четыре стройных колонны с аркой образуют один главный и два боковых входа, над которыми вделаны барельефы, с изображением греческих триумфальных колесниц; над главным входом надпись: «В память посещения Его Величеством, Императором Александром I, августа 3 дня, 1820 года». Вековые дубы протянули свои могучие ветви...»[2]

[1] По дороге из Чугуева в Умань (см. *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1898. Т. 4. С. 178).
[2] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 220.

ИЮЛЬ 24 – АВГУСТ 10. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

Цявловский. С. 193.

АВГУСТА 14. СУББОТА. ПОЛТАВА

Г. М. Сорочинский в письме к В. А. Гоголю-Яновскому сообщает, что получил от него 200 рублей и провизию, что продолжает подыскивать подходящую квартиру, что «Николаша» здоров, и добавляет:

«Николашу вашего я хочу иметь в Гимназии волонтером, то есть на некоторые предметы не посылать для того, чтобы он не потерял много времени. Извините, что я мало с вами знаком[1], а то мог бы уверить вас, что сын ваш в объятиях дружбы... <...> Естьли я не получу от вас скоро свидетельства[2], то

оно и не будет нам нужно до приезда вашего[3]. Курс учения как должно еще не начинался. Я поговорю с директором[4] и естьли нужно будет, то Никоша может ходить в Гимназию свободно. Пожалуйте пришлите денег на книги, кои можно купить здесь, а именно: латинскую и французскую грамматики».

Свод. Т. 1. С. 415–416.

[1] Вероятно, знакомство состоялось во время приезда В. А. Гоголя-Яновского, вместе с сыном, в Полтаву весной — в начале лета 1820 г. (см. ***1820. Весна — июня первая половина. Полтава***).
[2] Имеется в виду метрическое свидетельство (см. ***1820. Августа 25. Миргород***).
[3] Возможно, в последовавший затем приезд Василия Афанасьевича он забрал сына из Полтавы (***1820. Августа вторая половина. Полтава*** — примечание).
[4] И. Д. Огневым.

АВГУСТА 25. СРЕДА. МИРГОРОД

Предводитель дворянства А. И. Ломиковский выдает В. А. Гоголю-Яновскому свидетельство о дворянском происхождении его сына Николая[1].

«СВИДЕТЕЛЬСТВО

Малороссийской Полтавской губернии, Миргородского повета, дворянину Николаю Гоголь-Яновскому дано сие, по прошению отца его, здешнего повета помещика г. коллежского ассессора Василия Гоголь-Яновского в том, что по доказательствам, отцом Василия, уже умершим майором Афанасием Гоголь-Яновским в Киевскую Дворянскую Комиссию предъявленным, признан дворянином, родословной книги в часть первую внесен; почему и сын его Николай по спискам дворянским при нем Василии в сем повете состоит, имея ныне от роду 12-й год[2], в чем подписью и приложением печати удостоверяю. Миргород 25 августа 1820. Маршал дворянства Алексей Ломиковский».

Гаевский В. П. Заметки для биографии Гоголя // *Свод*. Т. 1. 328.

[1] Свидетельство понадобилось Василию Афанасьевичу для представления в Полтавскую гимназию (см. ***1820. Августа 14. Полтава***).
[2] Гоголю в то время было одиннадцать лет и шел двенадцатый.

АВГУСТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. ПОЛТАВА

Гоголь под руководством Г. М. Сорочинского, возможно, посещает занятия во втором классе Полтавской гимназии[1]; проживает на квартире Сорочинского, где знакомится с учеником И. И. Боровиковским, который приходит к Сорочинскому для частных занятий.

И. И. Боровиковский, вспоминая в 1870 г. о своем обучении в Полтавской гимназии, сообщал: «Учитель латинского языка был *Гаврило Максимович Сорочинский*. Сначала, по определении в должность, был очень хорошим учителем. Он имел у себя одного пансионера и, чтобы охотнее было ему заниматься дома, пригласил и меня ходить к нему для занятий; мы сблизились; но резвый, остроумный, белокурый мой товарищ смешил и развлекал не только меня, но и самого учителя, так что часто, смеясь от души, он останавливал его: "Николай, перестань!" Вскоре, однако, товарищ мой оставил Полтаву и поступил в нежинский лицей: это был знаменитый впоследствии — *Николай Васильевич Гоголь-Яновский*. Недолго держался Гаврило Максимович: несчастная страсть к крепкому напитку погубила его; принося ему месячные ведомости, которые он обыкновенно по-

ручал мне приготовлять, я часто заставал его — в бесчувственном положении. По представлению директора, он был удален из службы[2], и в Харькове, будучи студентом, я встретил его в положении нищего»[3].

[1] См. ***1820. Августа 14. Полтава*** (письмо Г. М. Сорочинского). Свидетельством Сорочинского исчерпываются дошедшие до нас сведения о *возможном* посещении Гоголем классов Полтавской гимназии. Мать Гоголя позднее вспоминала: «В Полтавской гимназии сын мой не был, а на квартире в учителя, потом помещен был в Лицею Нежинскую...» (Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 27). (Мария Ивановна возражала тем самым Кулишу на его слова, что Гоголь «был сперва определен в Полтавскую Гимназию»; *Кулиш 1852.* С. 193.)

М. И. Гоголь, в частности, запомнилось, что между оставлением Полтавы и поступлением сына в нежинскую гимназию прошло значительное время. Мария Ивановна даже полагала, что сын прожил тогда «дома два года» (Воспоминания М. И. Гоголь в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 1. С. 12). На самом деле Гоголь мог провести тогда в Васильевке не более восьми месяцев (см. ***1820. Августа 14. Полтава***; ***1821. Январь-апрель. Васильевка***). В свою очередь, И. И. Боровиковский отмечал, что пансионером у Сорочинского Гоголь пробыл непродолжительное время («Вскоре, однако, товарищ мой оставил Полтаву и поступил в нежинский лицей...»; см. выше). На этом основании можно предположить, что оставление Гоголем Полтавы могло состояться уже в начале осени 1820 г. <ср. ***1820. Ноября 8. С. Гавази, Кахетия***> — во всяком случае это случилось не позднее средины декабря 1820 г., когда гимназисты, в преддверии празднования Рождества Христова, отпускались на каникулы. После этого в Полтаву Гоголь, по-видимому, уже не возвращался (ср. ***1820. Конец года. Чернигов***; ***1821. Январь-аперель. Васильевка***; ***1821. Января начало. Миргород***).

[2] Служил в училище до 1827 г.

[3] *Боровиковский И. И.* Воспоминания о Полтавской гимназии и Харьковском университете за полстолетия назад // *Свод.* Т. 3. С. 418.

ОКОЛО 1820, НЕ ПОЗДНЕЕ АВГУСТА. ВАСИЛЬЕВКА

Кончина А. Д. Гоголя-Яновского, деда Н. В. Гоголя по отцовской линии.

В. П. Горленко в 1901 г. сообщал о А. Д. Гоголе-Яновском: «Родился он, как видно из дела, в 1738 году, умер, если Гоголь знал и помнил его, вероятно, около 1820 года. <...> ...По сообщению друзей поэта <Гоголя>, этот Афанасий Демьянович был прототипом Афанасия Ивановича “Старосветских помещиков”»[1].

В записках о сыне 1852 г. М. И. Гоголь-Яновская отмечала: «Дедушки <А. Д. Гоголя-Яновского> и бабушки своей <Т. С. Гоголь-Яновской (рожд. Лизогуб)> быт с отк<р>овенной стороны несколько похожий описал он <Гоголь> в А<фанасии> и Пульхерии Ива<новне> <Товстогубах>, только, верно, из рассказов других, потому что он тогда очень был мал»[2].

Это сообщение Марии Ивановны является ее положительным ответом на следующие слова П. А. Кулиша в его первой статье о Гоголе: «Если б мы захотели вообразить обстановку детских лет Гоголя, то никак не должны подниматься выше простого деревенского быта, который он с такою прелестью изобразил в “Старосветских Помещиках”. Может быть, он рисовал с натуры и поющие двери, и гляняные полы, и экипаж, дающий своим звяканьем приказчику знать о приближении господ, и продавленные стулья, внушившие ему такой чудный идиллический разговор Афанасия Ивановича с Пульхерией Ивановной. Может быть, даже это портреты каких-нибудь почтенных дедушек и бабушек, которые мирною жизнью, исполненною тихой любви, лелеяли детское сердце поэта...»[3]

Получив от Марии Ивановны летом 1854 г. ее заметки о сыне, Кулиш в 1856 г. в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» указывал: «Что касается до дедушки поэта, полкового писаря (В метрическом свидетельстве Гоголя дед его уже назван майором[4]. — *Примеч. П. А. Кулиша. — И. В.*), то уже одно это звание показывает, что он мог получить образование в Киевской духовной академии[5], <...> и кто знает, не из его ли рассказов заимствовал Гоголь разные обстоятельств жизни старинного бурсака[6], находимые нами в его повести “Вий”?[7] Если это и не так, то можно сказать почти наверное, что с него он рисовал своего идиллического Афанасия Ивановича» (далее Кулиш приводит цитату из «Старосветских помещиков»)[8].

В. А. Чаговец в 1901 г. также свидетельствовал: «Одна помещица, г<-жа> Д., рассказывала мне, как еще будучи институткой, она убежала из гостиной, где находился Гоголь. На вопрос гостей, почему она это сделала, она отвечала по-малорусски: "От ище, щоб и мене впысав, як своих бабушку и дедушку Афанасия Демьяновича! Бог с ним!"»[9]

Спустя год Чаговец, со слов сестры Гоголя Ольги Васильевны (в замужестве Головни), сообщал о А. Д. Гоголе-Яновском: «Сохранились предания о нем, как занимательном рассказчике эпизодов из полковой жизни, который каждый раз в свои рассказы вставлял новые варианты, часто придуманные им во время самого рассказа. Эти рассказы, вместе с радушием хозяев, славившихся гостеприимством, привлекали в их небольшой домик в Яновщине множество гостей, которые уважали своего любезного Афанасия Демьяновича»[10].

«Рассказы деда Гоголя, украинского полкового писаря, участника и очевидца многих казацких подвигов, также немало повлияли на его юное воображение. "Дед мой, — говорит Гоголь в повести «Накануне Ивана Купала», — умел чудно рассказывать. Бывало, как поведет речь — целый день не подвинулся бы с места и все слушал бы... Но, ни дивные речи про давнюю старину, про наезды запорожцев, про ляхов, про молодецкие дела Подковы[11], Полтора-Кожуха[12] и Сагайдачного[13] не занимали настолько, как рассказы про какое-нибудь старинное дело, от которого всегда дрожь проходила по телу, и волосы ерошились на голове. Страх бывало так и разберет от них, что с вечера все показывается Бог знает каким чудовищем"[14]. В "Пропавшей грамоте" сохранились также следы указания на то, что этот рассказ Гоголь слышал от деда. "Эх, старина, старина! Что за радость, что за раздолье падает на сердце, когда слышишь про то, что давно делалось на свете. А как впутается еще какой-нибудь родич, дед или прадед, — ну тогда и рукой махни: чудится, что как будто сам залез в прадедовскую душу или что дедовская душа шалит в тебе самом". Здесь нельзя не видеть указания Гоголя на предка своего Остапа Гоголя, буйного товарища Дорошенка»[15].

Непосредственное отражение в «Старосветских помещиках» нашла история женитьбы А. Д. Гоголя-Яновского на Т. С. Лизогуб[16]. (Имение Гоголей Васильевка унаследовано ими от Лизогубов[17]; поэтому фамильное прозвище героев повести — Товстогубы, — вероятно, также связано с родом Гоголя.)

Почти все биографы Гоголя, бывавшие в его родовом имении Васильевке, так или иначе отмечали, что быт семьи Гоголей и природа родного края писателя во многом могут служить «комментарием» к его повестям «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода». Вспоминая о «Старосветских помещиках», младший современник Гоголя Г. П. Данилевский, посетивший Васильевку в 1852 г.[18], писал П. А. Плетневу: «Меня увлекал каждый кустик старинного сада Гоголей... <...>; я слушал, как, отворяясь и затворяясь, поют воспетые им двери; я видел на стенах воспетые и осмеянные им картины...»[19]

Тот же Кулиш, который познакомился с Марией Ивановной вскоре по получении от нее воспоминаний о сыне (одно время Кулиш даже жил в Васильевке), позднее, в письме к Н. А. Белозерской 1886 г., указывал: «Изображая свою незабвенную Пульхерию Ивановну, Гоголь маскировал дорогую личность матери <...> Сквозь милые черты его Бавкиды проглядывает пленительный образ великой в своей неизвестности женщины...»[20] Для характеристики личности Марии Ивановны Кулиш вновь использовал цитату из «Старосветских помещиков»: «Пульхерия Ивановна была несколько серьезна, почти никогда не смеялась (такою знал я и Марью Ивановну); но на лице и в глазах ее было написано столько доброты, столько готовности угостить вас всем, что было у них лучшего, что вы, верно, нашли бы улыбку уже чересчур приторною для ее доброго лица»[21].

О том, что прообразом героини «Старосветских помещиков» послужила Гоголю его мать, дважды сообщается и в известных «Записках А. О. Смирновой»[22]. При чтении «Миргорода», писала А. О. Смирнова, Гоголь сказал П. А. Плетневу, что «думал о своей матери, когда описывал Пульхерию Ивановну»[23]. «Он мне также сказал, — добавляла мемуаристка, — что, работая над "Старосветскими помещиками", он думал о своей матери»[24].

Даже черты «предприимчивого приказчика» в «Старосветских помещиках» были, по-видимому, «списаны» Гоголем с приказчика в имении матери[25].

Среди других возможных прототипов «Старосветских помещиков» (кроме деда и бабки писателя А. Д. и Т. С. Гоголь-Яновских) указывали также миргородских «старичка и старушку» Бровковых[26], семейство соседей по имению старичков Зарудных[27]. Какие-то черты для своих героев Гоголь «списал» с своих дедушки и бабушки по материнской линии, И. М. и М. И. Косяровских (в частности, при создании повести писатель, вероятно, воспользовался рассказом матери о наставлении ее отца, И. М. Косяровского, данном приказчику перед своей кончиной[28]).

Очевидно однако, что именно семья Гоголей, принадлежавшая, подобно героям повести, к «старинным и коренным» малороссийским фамилиям, была прежде всего, сравнительно с другими, самой «старосветской» в родных местах писателя. Об этом свидетельствуют строки письма самого Гоголя к матери от 17 ноября 1831 г.: «Жаль, что у нас нет соседей каких-нибудь старосветских людей <...> Нас, как нарочно, сколько мне помнится, окружают модники и люди нынешнего света <...> и нам, старым людям, т. е. мне и вам, маминька, не с кем и слово завесть о старине». (Соответствующую статью, посвященную этой теме, предполагал опубликовать в 1934 г. С. Н. Дурылин: «Письма к Аксаковым сестер Гоголя появятся в моей работе: "Старосветские помещики – М. И. Гоголь, ее сын и ее дочери"».)[29]

М. П. Погодину, первому из московских и петербургских друзей Гоголя посетившему летом 1842 г. Васильевку, также сразу вспомнился быт «Старосветских помещиков». Об этом свидетельствуют строки его статьи «Путешествие за границу» (1842), посвященные встрече с хозяйкой имения[30].

И. С. Аксаков, побывавший в Васильевке 2 июля 1854 г., в свою очередь, сообщал родным в Москву (в письме из Ромен от 4 июля): «...Трушковский уехал куда-то за 25 верст с Анной Васильевной...[31] <...> Пятницу[32] провел я в обществе Марьи Ивановны и Лизаветы Васильевны[33]; Трушковскому дали знать, и он, с теткой, к вечеру также явился. <...> До приезда Трушковского мне было довольно скучно, потому что слишком много и церемонно заботятся о госте. Вообще гостить очень не выгодно: из деликатности, а главное из скуки упрашиванья и отказыванья – ешь все, без разбору, а хозяевам и не приходит в голову пощадить гостя. Очень приятно радушное угощение, – но, во-первых, в меру, а во-вторых, сообразно вкусу и привычкам гостя. Они же очень церемонны, готовы сейчас вообразить и даже сказать, что просвещенный вкус гостя не может найти удовольствия в их простой, безыскусственной пище и проч. Я уж обрек себя на жертву, ел все, готов был даже спать на пуховике, видя бесполезность отговорки, да кстати подоспел Трушковский, с которым я спал в одной комнате и который был поснисходительнее»[34].

«Сродни» Пульхерии Ивановне «Старосветских помещиков» и радушная матушка из повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька...», также накрывающая для своих гостей стол с многочисленными закусками и водкой различных способов приготовления. На мысль о «родстве» этой героини с Пульхерией Ивановной наводит и упоминание о «кошке, трусливо пробегавшей под стульями»: «кошечка» Пульхерии Ивановны (которую она, «нельзя сказать, чтобы <...> слишком любила») сыграла немаловажную роль в судьбе героини. Другие персонажи «Ивана Федоровича Шпоньки...» – две сестрицы и брат, преследующий мух хлопушкой, – также могут быть соотнесены с «родовым» окружением Гоголя. Как вспоминала А. О. Смирнова, «у Гоголя точно была тетка <Е. И. Ходаревская (рожд. Косяровская)> и двоюродный брат <Ходаревский>, который бил мух хлопушками»[35].

Некто Горова, познакомившаяся с матерью Гоголя в 1862 г., вспоминала, что Мария Ивановна «вполне оправдывала восторженные отзывы о ней бедных соседок и постоянно заботилась о том, чтобы кому-нибудь помочь или доставить какое-нибудь удовольствие»[36]. (Ср. замечание рассказчика «Старосветских помещиков» о «множестве народа всякого звания», что собралось на ее похоронах. Говоря о кончине Афанасия Ивановича, рассказчик в свою очередь замечает: «Гостей было меньше на похоронах, но простого народу и нищих было такое же множество».)

Некоторые «старосветские» черты исследователи усматривали и в отце Гоголя[37]. Кулиш в 1852 г. писал о Василии Афанасьевиче: «Он обладал даром рассказывать занимательно о чем бы ему ни вздумалось, и приправлял свои рассказы врожденным малороссийским комизмом. <...> ...Васильевка его сделалась центром общественности всего околотка. Гостеприимство, ум, красноречивая говорливость и редкий комизм хозяина привлекали туда всех близких и далеких соседей. Тут-то бывали настоящие "вечера на хуторе", которые Гоголь поместил по особенному обстоятельству[38] возле Диканьки; тут-то он видал этих неистощимых балагуров, этих оригиналов и деревенских франтов, которых изобразил потом в своих несравненных предисловиях к повестям Рудаго[39] Панька»[40]. (По поводу этого фрагмента Мария Ивановна лишь заметила, что Василий Афанасьевич «имел отличный ум и много юмору, но не имел дару красноречия»[41].)

Чаговец в 1909 г., комментируя воспоминания сестры Гоголя О. В. Головни, отмечал: «...В чертах жизни всей семьи Гоголей, как она рисуется в изложении О<льги> В<асильевны>, многое напрашивается на любопытные сравнения, начиная от "Старосветск<их> помещиков" и кончая "Мертвыми душами"»[42]. Он же указывал на хранившийся в Васильевке в «заветном сундуке» «домашний "домострой", составленный дедушками и бабушками и восполненный отцом Гоголя», – «огромную тетрадь с синими листами, исписанными всякими верными и надежными средствами... <...> Как будто бы из советов Пульхерии Ивановны...»[43] «...Что всего интереснее, там встречаются те же названия (как перегонять водку на персиковые листья, на черемуховый цвет, на золототысячник, на вишневые косточки), что и в повести Гоголя; точно также и лекарственные настойки на шалфее (от боли в лопатках), на золототысячнике (от звона в ушах и от лишая), или различные соленья и способы их приготовления, упоминаемые в повести, с тою же наивною методичностью помещены в этом Гоголевском "Домострое". – Скажем даже, что опасения Аф<анасия> Ив<ановича> насчет разбойников ("Конечно, говорил Аф<анасий> Ив<анович>, неровно всякого случая: нападут разбойники или другой недобрый человек") – имеют свое фактическое основание в целом ряде случаев нападений, засвидетельствованных делами, хранящимися в том же сундуке»[44].

Упоминаемый В. А. Чаговцем «домашний “домострой”» семьи Гоголей сохранился[45]. На двух листах большого формата белого цвета (л. 106–107) записано: «Способ чистить всякую деревянную посуду», «Как тушить пламя, выкинутое из трубы» («Смотря по устройству и ширине трубы, надобно пожертвовать: гусем, уткой или курицей, которую с верхнего отверстия трубы бросают вниз. Птица, падая вниз, старается удержаться и крыльями будет сбивать горящую сажу; этим утушается пожар»), «Лекарство от опухоли горла», «Лекарство от головной боли». Эти советы подписаны: «Из Журнала Общеполезных Сведений»[46]. Далее следуют: «Способ сохранять стеклянную и хрустальную посуду от горячей воды», «Дешевая замазка для зимних окон», «Верное средство от мокротного кашля», «Лекарство от ужаления змеи», «От расстроенного желудка», «Средство от обжога».

Тетрадь из синих листов большого формата (с отдельными вложенными листами белого цвета; л. 109–125) содержит: «Замечания, касающиеся до хлебопашества», «Способ солить огурцы», «Способ делать столярный лак и наводить оным столярную работу», «Записка, как делать Гол<л>андский или Махновский сыр», «Способ унимать жесточайшую рвоту», «Способ уваривать дрожжу хмельную», «Записка, как кормить крапевою коров, по примеру, существующему у госпожи Мадноской», «Записка о содержании, корме и лечении от разных болезней овец, по методе таганского главного Смотрителя Овцеводства Г. Протоиерея Иоанна Кешаревского», «Еще о овцах», «О закармливании овец на зиму», «Еще средство для избавления овец от оспы», «Лекарства для свиней», «Кровочистительный дикохт», «Общие диетические и медико-полицейские меры против епидемической болезни», «Состав курительный против заразы, изобретенный химиком во Франции Гитоном Марво», «Записка, как делать и пить в майе месяце из трав соки», «Рецепты» (четыре рецепта на латинском языке: «прохладительный порошок», «слабительный порошок», «желудочные капли», «потовый порошок»), «Испытанные лекарства для людей» – «От порухи».

На двух белых листах почтовой бумаги (л. 127–128) имеются также советы «Как делать зеленый цвет» (для пряжи), «Пунцовой и розовой цвет» и рецепт лекарства для домашнего скота.

Кроме того в гоголевском фонде *РГБ* хранится рецепт употребления корня неизвестного растения при простудном заболевании, датируемый концом XVIII в., написанный на отдельном листе полууставом, переходящим в скоропись: «...всяко <?> во внутренности называемые <...> или впротчих бывает вне. <Из>ряден один сей корень употребля<ть> <нужн>о, ибо когда еще он зелен, то бывает <оче>нь жесток; а ежели принимать <...> то растворяется с трудом и упруго <...> Гонит он пот у таких людей, кото<рые тр>удно потеют, а имянно которые <...>окую кровь и гипохондрическую бо<лезнь> <им>еют, то принимать в горячем <...> квинтинку арон *<1 нрзб.>* отчего <...>ое облегчение, которое во еде <...> кто б *<1 нрзб.>*; да и недельное упо<требление> <с>его кореня поочищение всяких <...> похвалает он яко самое <ле>карство; а имянно брызгать <е>жели ко отмыванию всяких <ме>ст, чего ради вел<ит>...»[47]

[1] *Горленко В. П.* Дворянское дело Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 342.

[2] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 26.

[3] *Кулиш 1852.* С. 189; *Свод.* Т. 1. С. 325.

[4] Кулиш имеет в виду опубликованное в 1852 г. В. П. Гаевским свидетельство о дворянском происхождении Гоголя от 25 августа 1820 г. (см. ***1820. Августа 25. Миргород***). См. также известное Кулишу свидетельство М. И. Гоголь в ее записках о сыне: «...муж мой был сын <...> секунд-майора Гоголь-Яно<вского>» (Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 27).

[5] См. ***1756. Мая 10.***

[6] «Бурса. Под этим названием известен принадлежащий Киевской духовной академии странноприимный дом, в котором живут учащиеся сироты, лишенные родителей и всякого пропитания, а также приходящие из чужих стран для наставления в Православной Вере. Каждый из живущих в этом доме называется *Бурсак.* Дом сначала был деревянный, но в 1753 году Арсений Могилянский, митрополит Киевский, построил новый каменный в два жилья на берегу Днепра. В прежние времена жизнь Бурсаков была очень незавидна; они имели только помещение в доме, укрываясь в нем от холода, но не имели ничего для утоления голода, а потому в известные большие праздники ходили по городу толпами и выпрашивали себе подаяние. Слово *Бурса* происходит от Латинского *Bursa,* собственно кошелек, но также в училищах сундук или ящик, в котором хранились деньги, вносимые благотворительными людьми на учение юношества» (*Яз<ыков Д. И.>* Бурса // Энциклопедический лексикон. СПб.: В типографии А. Плюшара, 1836. Т. 7 (цензурное разрешение 22 ноября). С. 417).

[7] Семинарский быт мог быть также известен Гоголю из рассказов отца (см. ***1796. Лето. Полтава***). Кроме того, в изображении школьного быта бурсаков в «Вии» нашли отражение собственные впечатления Гоголя во время его проживания в пансионе Гимназии высших наук в Нежине (см.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 1–2. С. 651–652). См. также свидетельство Л. М. Жемчужникова, посетившего Васильевку в сентябре 1854 г. вместе с П. А. Кулишом: «Соседка рассказала, что ключник ее танцевал до того, что ноги его распухли и, придя домой, он лег и через неделю сгорел, как свеча. А был молодой, здоровый парень. “Ведь вы знаете, как они пляшут навприсядки и перекидываются, – вот у него что-либо внутри и надорвалось”» (*Жемчужников Л. М.* Отрывки из моих воспоминаний о пятидесятых годах // *Свод.* Т. 1. С. 393).

[8] *Кулиш 1856.* Т. 1. С. 4; *Свод.* Т. 1. С. 335–336.

[9] *Чаговец В.* На родине Гоголя. (Литературные воспоминания). Васильевка (Яновщина) // Киевская Газета. 1901. 23 сент. № 263. С. 4; *Свод.* Т. 1. С. 222.

[10] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей // *Свод.* Т. 1. С. 242.

[11] См. ***1578. Июня 16. Воскресенье. Львов.***

[12] См. ***1657. Июля 27. Понедельник. Чигирин.***

[13] См. ***1621. Сентября 2 – октября 9. Хотин.***

[14] В «Вечере накануне Ивана Купала» нашли отражение и другие реалии Васильевки. Мать Гоголя, получив от сына журнал, где был опубликован, без имени автора, «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», легко догадалась, кто был создателем повести. По ее словам в письме к двоюродному брату Павлу П. Косяровскому от 11 июля 1830 г., в «Вечере накануне Ивана Купала» «помещены мужиков наших имена и фамилии, которые он находил странными» (см. ***1830. Июля 11. Васильевка***). Воспоминаниями о соседке по имению А. Ф. Тимченко вызваны строки повести: «Начнут, бывало, наряжаться в хари... <...> корчат цыганок... <...> один оденется жидом...» В. И. Шенрок сообщал: «Об этой Александре Федоровне Данилевский рассказывал нам, что Гоголь особенно любил ее за то, что она умела художественно изображать жида, когда он протягивается пробовать водку. Она наряжалась в жидовский костюм и говорила даже голосом жида, сохраняя все типичные жидовские приемы и ухватки... Александра Федоровна и сестра ее жили в версте от Васильевки; они так любили Марью Ивановну, что увольняли крестьян по повинности, когда она приезжала к ним» (Воспоминания А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 527).

[15] *Тарковский Н. Н.* Н. В. Гоголь как народный писатель // Одесские Новости. 1892. 9 дек. № 2474; М. В. Гоголь в Одесі. Матеріали до біографії. Упорядник О. Г. Нуньєс. Одеса, 2013. С. 177–178.

[16] См. ***1776. Январь-май. Имение А. Д. Яновского в Хорольском уезде.***

[17] См. ***1825. Июня 20. Суббота. Васильевка.***

[18] См. ***1852. Июня 21. Суббота. Васильевка.***

[19] *Свод.* Т. 1. С. 281.

[20] *Белозерская Н. А.* Мария Ивановна Гоголь // Русская Старина. 1887. № 3. С. 708.

[21] Там же. С. 708.

[22] Это псевдо-дневник А. О. Смирновой, изданный дочерью мемуаристки Ольгой Николаевной Смирновой и во многом написанный ею, а не самой Александрой Осиповной. Тем не менее многочисленные факты свидетельствуют, что в основе этих «Записок...», несомненно, лежат какие-то недошедшие до нас подлинные материалы А. О. Смирновой, использованные Ольгой Николаевной. Сама О. Н. Смирнова за пять лет до публикации «Записок...», поясняя одно из писем Александры Осиповны, признавалась: «Все эти подробности из записной книги моей матери, и она мне многое говорила, и я записывала с ее слов очень интересные подробности» (*Шенрок В. И.* А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой. 1844–1851 гг. // Русская Старина. 1888. № 7. С. 53–54). При серьезной критической проверке с привлечением других источников сведения, сообщаемые в «Записках А. О. Смирновой», должны быть приняты во внимание.

[23] См. ***1834. Декабрь. Санкт-Петербург.***

[24] См. ***1836. Января после 18 – февраль. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[25] См. ***1826. Ноября 13. Васильевка.***

[26] «На половине дороги, в маленьком городке Миргороде, мы останавливались обедать и кормить лошадей у старичков, наших знакомых, Бровковых, которые славились в то время удивительною добротою и хлебосольством. Старик и старушка встречали нас всегда с большим радушием и не знали, чем и как угощать. Чуть ли не их описал Н. В. Гоголь в своей повести "Старосветские помещики". <...> Она жила положительно только для добра. <...> Никто в городе не запомнит таких трогательных похорон, какие были устроены старушке-покойнице... <...> Дом и двор их до того были наполнены плачущими и облагодетельствованными ею людьми, что стороннему человеку трудно было добраться до ее гроба. До сих пор память о ней сохраняется в Миргороде» (Воспоминания *С. В. Скалон* (урожденной Капнист) // Исторический Вестник. 1891. № 5. С. 355–356; см. также: *Свод.* Т. 1. С. 617).

[27] См. ***1823. В течение года.***

[28] См. ***1834. Ноября первая половина. Хутор Косяровщина.***

[29] *Дурылин С.* Гоголь и Аксаковы. С тремя неизданными записками Гоголя // Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М.; Л., 1934. Т. 3–4. С. 325. Эта тема была заявлена С. Н. Дурылиным еще в 1928 г. – в первых строках его книги «Из семейной хроники Гоголя»; М., 1928.

[30] См. ***1842. Июля 16–17. Васильевка.***

[31] Сестра Гоголя.

[32] 2 июля 1854 г.

[33] Сестра Гоголя.

[34] Гоголь в письмах И. С. Аксакова // *Свод.* Т. 2. С. 937–938.

[35] *Смирнова А. О.* <Воспоминания о Гоголе. Письмо к И. С. Аксакову> // *Свод.* Т. 2. С. 273.

[36] *Горова Н.* Воспоминания о семье Гоголя // Киевская Газета. 1902. 21 февр. № 52. С. 3; *Свод.* Т. 1. С. 167.

[37] *Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // Исторический Вестник. 1902. № 2. С. 655–666.

[38] См. ***1831. Март-апрель. Санкт-Петербург.***

[39] Рудый (*укр.*) – рыжий.

[40] *Кулиш 1852.* С. 190–191; *Свод.* Т. 1. С. 325. – Панько – уменьш. от Пантелеимон (см. «Имена, даемые при крещении» в гоголевской «Книге всякой всячины»).

[41] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 26.

[42] *Чаговец В. А.* Примечания // Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары О. В. Гоголь-Головни). Ред. и прим. В. А. Чаговца. Киев, 1909. С. 65.

[43] Там *же. С. 71.*

[44] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей // *Свод.* Т. 1. С. 232.

[45] *ГИМ.* Ф. 446. Ед. хр. 41. Л. 106–128.

[46] Имеется в виду выходивший в Петербурге с 1833 г. «Журнал общеполезных сведений, или Библиотека по части промышленности, сельского хозяйства и наук, к ним относящихся, издаваемая Наркизом Атрешковым». В 1835 г. Гоголь дал согласие участвовать в составлении «Всеобщей энциклопедии наук», которую собирался издавать ректор «Журнала общеполезных сведений» (в 1833–1834 гг.) Н. И. Тарасенко-Отрешков (Атрешков) (см. ***1835. Января 18 – апреля 22. Санкт-Петербург***). – См. также ***1829. Конец года. Санкт-Петербург.***

Статья «Лекарство от головной боли» является двенадцатой по счету в девятом выпуске журнала за 1834 г.: «Распусти в рюмке воды три или четыре кусочка лимонной кислоты, каждый величиною с горошину, и пей этот раствор. Питье сие довольно приятно и имеет вкус лимонада. Менее, нежели в полчаса, как бы ни был силен припадок мигреня, он непременно прекратится от сего действительного средства» (XII. Лекарство от головной боли // Журнал Общеполезных Сведений, издаваемый, под покровительством Императорского Экономического Общества, Членом оного Наркизом Атрешковым. 1834. Кн. 9 (цензурное разрешение 30 апр.). С. 282–283).

[47] *РГБ.* Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 73. Л. 1.

СЕНТЯБРЯ 4. СУББОТА. НЕЖИН

Начало первого учебного года в Гимназии высших наук князя Безбородко[1]. На должность надзирателя гимназии с одновременным выполнением обязанностей учителя французского языка назначен Е. И. Зельднер[2].

[1] «...4-го сентября 1820 года в Нежине была открыта Гимназия Высших Наук Князя Безбородко...» (*Гербель Н.* Н. Я. Прокопович // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 423).

«4-го Сентября 1820 года, в годовщину рождения его сиятельства графа Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко (род<ился> сент<ября> 4, 1800 г.), заботливостию и неусыпными трудами его сиятельства в звании почетного попечителя гимназии высших наук князя Безбородко, как ближайшего преемника и наследника первых основателей и благодетелей этого заведения, светлейшего князя Александра Андреевича и его брата, графа Илии Андреевича Безбородков, “с Божиим благословением последовало торжественное открытие гимназии высших наук” в Нежине...» (*Хойнацкий А., свящ<енник>.* Институтская Свято-Александровская церковь в городе Нежине. Историко-статистический очерк. Чернигов, 1877. С. 5–6).

[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 8.

СЕНТЯБРЯ 12. ВОСКРЕСЕНЬЕ

В Гимназию высших наук по ходатайству ее почетного попечителя графа А. Г. Кушелева-Безбородко назначен младшим профессором Егор Иванович Миллер.

Аттестат Е. И. Миллера, выданный ему Департаментом внешней торговли при поступлении в гимназию (см.: *Михальский.* С. 220–221).

СЕНТЯБРЯ 15. СРЕДА. НЕЖИН.

На должность младшего профессора немецкой словесности назначен Е. И. Миллер. Надзиратель Е. И. Зельднер уволен с должности преподавателя французского языка.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 8.

СЕНТЯБРЯ 17. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Е. И. Зельднер начал работать в гимназии надзирателем.

Михальский. С. 224.

СЕНТЯБРЯ 18. СУББОТА

Попечитель Харьковского учебного округа З. Я. Карнеев обращается с письмом-отношением к Министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну о назначении в гимназию младших профессоров: «российской словесности Никольского, латинской словесности Пилянкевича, математики Шапалинского, учителя низших классов Чекиева и рисования Павлова».

«Господину Министру духовных дел и народного просвещения. Директор Гимназии высших наук князя Безбородко статский советник Кукольник в представлении своем ко мне изъясняет, что г. Почетный попечитель сей Гимназии граф Кушелев-Безбородко отношением к нему от 22-го прошедшего августа изъявил согласие на определение в сию Гимназию следующих просящихся чиновников: младшими профессорами российской словесности старшего учителя Новгородсеверской[1] губернской гимназии коллежского асессора Никольского; латинского языка и словесности оного старшего учителя Черниговской гимназии титулярного советника Пилянкевича[2], математики старшего учителя Киевской гимназии Шапалинского, учителем нижних классов бывшего директором Оренбургской гимназии Чекиева, учителем рисования воспитанника Императорской Академии художеств Павлова.

В следствие чего покорнейше прошу Ваше Сиятельство по увольнении всех вышеизъясненных чиновников от занимаемых ими ныне должностей, согласно желанию г. Почетного попечителя графа Кушелева-Безбородко утвердить в звании младших профессоров Гимназии высших наук князя Безбородко российской словесности коллежского асессора Никольского, латинского языка и словесности оного титулярного советника Пилянкевича, математики Шапалинского; учителем нижних классов Чекиева и рисования воспитанника Академии художеств Павлова и в разрешение снабдить меня предписанием.

Попечитель Захар Карнеев.

Старший письмоводитель Яков Подвысоцкий».

Михальский. С. 223–224.

[1] Ошибочно, следует: Новгородской.

[2] Сестра Пилянкевича была женой В. Г. Кукольника (*Михальский.* С. 232).

ОКТЯБРЯ 4. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Вступление Е. И. Зельднера в должность гувернера.

Михальский. С. 227.

ОКТЯБРЯ 8. ПЯТНИЦА. КИБИНЦЫ

Василий Глухоманский, архитектор из Кибинцов, сообщает В. А. Гоголю-Яновскому (отцу Гоголя) о своем согласии разработать план нового дома.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 10. – См. также ***1823. Декабря вторая половина (до 25 числа). Васильевка***.

ОКТЯБРЯ 13. СРЕДА. НЕЖИН

Своекоштным воспитанником гимназии зачислен выпускник Роменского уездного училища Петр Редкин, 12 лет, сын надворного советника[1].

В 1855 г., по-видимому, сам П. Г. Редкин сообщал о себе в третьем лице: «Здесь <в Гимназии высших наук Редкин> прошел все девять классов, не в девять, как было вообще положено, а в шесть лет, потому что первые годы учения были для него почти только повторением прежнего курса. В этой высшей Гимназии он обучился: Краткому и Пространному Катихизису, Библейской и Церковной Истории, Толкованию Ветхого и Нового Завета и Литургии, Логике, Нравственной Философии, Политической Экономии, Естественному, Римскому и Русскому Праву, Практическому Судопроизводству, Литовскому Статуту, действовавшему тогда в Малороссии, Минералогии, Ботанике и Зоологии, Физике, Химии, Арифметике, Алгебре, Геометрии, Тригонометрии, Механике, Военным Наукам, Русской и Всеобщей Истории и Статистике, Русской, Французской, Немецкой и Латинской Словесности, каллиграфии и рисованию, танцованию, музыке на фортепьяно и церковному пению.

Пребыванию в Нежинской Гимназии высших наук он обязан тем энциклопедическим образованием, которое впоследствии послужило ему в пользу при преподавании вообще, в особенности же Энциклопедии Законоведения, требующей знания не одних юридических наук. Кроме того, он много воспользовался подаренною, при самом учреждении Гимназии, Попечителем ее, Графом Кушелевым-Безбородко, библиотекою, которая вся почти состояла из Французских книг, не только литературных, но и по наукам, особенно историческим. Но в особенности подействовало на него благотворно господствовавшее тогда между воспитанниками, независимо от преподавания, направление, выражавшееся не только в страсти к чтению, но и в начатках литературной деятельности[2]. – В свободное от уроков и приготовления к ним время, он, в товариществе с другими тремя воспитанниками, известными теперь в русском литературном мире, отважился на труд огромный: возможно полное сокращение Всеобщей Истории, изданной обществом английских ученых и состоящей в нескольких десятках квартантов[3]. Конечно, эта работа не могла быть кончена, но она много способствовала не только основательному изучению Русского и Французского языков, но и развитию исторического смысла, а главное, приучению к ученым трудам. – Сверх того, воспитанники высших классов, никем не руководимые, кроме собственного чтения образцов и своих природных наклонностей и способностей, занимались изданием, разумеется, рукописным и в одном экземпляре, многих журналов и альманахов, которые по выходе читались и критиковались, среди небольшого кружка, в тесной комнатке, выделенной из квартиры гувернера <И. Г. Демирова-Мышковского>[4], ближайшему надзору которого Редкин был поручен. – Этими-то ученическими произведениями началось литературное поприще двух значительнейших современных наших писателей: Гоголя и Кукольника. – Впрочем, Редкин мог бы упомянуть здесь с честию и о многих других товарищах своих, которые впоследствии стали действовать с отличием на литературном или служебном поприще»[5].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 10.
[2] См. ***В течение 1824/25 учебного года (1824 август – 1825 май). Нежин.***
[3] Имеется в виду издание формата in quarto (*лат.*); в четвертую долю листа.
[4] Ср. ***В течение 1824/25 учебного года (1824 август – 1825 май). Нежин.***

[5] <*Редкин П. Г.*> Редкин, Петр Григорьевич... // Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... М., 1855. Ч. 2. С. 378–379.

ОКТЯБРЯ 28. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Своекоштным учеником гимназии зачислен Николай Григоров, 11 лет, сын коллежского советника.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 10.

НОЯБРЯ 6. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Распоряжением министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына К. В. Шапалинский назначен на должность младшего профессора математики и естественных наук Гимназии высших наук князя Безбородко.

Редкин П. К. В. Шапалинский // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 315.

НОЯБРЯ 8. ПОНЕДЕЛЬНИК. С. ГАВАЗИ, КАХЕТИЯ

Двоюродный брат М. И. Гоголь Петр П. Косяровский, находящийся на военной службе на Кавказе, пишет ей:

«...Получение Ваших писем будет неоцененным для меня подарком... <...> Маленьких Николеньку[1], Машеньку, Анниньку <...> заочно целую».

Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 3. С. 48.

[1] Возможно, к тому времени Гоголь уже оставил Полтаву (см. ***1820. Августа вторая половина. Полтава*** – примечания).

НОЯБРЯ СРЕДИНА. НЕЖИН

Директор В. Г. Кукольник направляет Попечителю харьковского учебного округа З. Я. Карнееву прошение о назначении в гимназию младшим профессором исторических наук Моисеева, учителем нижних классов Платона Кукольника и учителем французского языка иностранца Авг. И. Амана. Сообщает, что «определенный в Гимназию высших наук князя Безбородко младшим профессором немецкого языка и словесности надворный советник Миллер прибыл из С.Петербурга в Нежин сего ноября 12-го дня».

Михальский. С. 224.

НОЯБРЯ 22. ПОНЕДЕЛЬНИК. ХАРЬКОВ

И. И. Трощинский посылает В. А. Гоголю-Яновскому «книжонку» («сочинения наших господ студентов») и сообщает, что в ней помещена и его пьеса:

«Я надеюсь, Василий Афанасьевич, получить от вас строгую на нее критику»[1].

Назаревский. С. 326; *Свод.* Т. 2. С. 486.

[1] См. также ***1821. Января 21. Харьков.***

НОЯБРЯ 27. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

К. А. Моисеев утвержден младшим профессором исторических наук, Платон Васильевич Кукольник – учителем нижних классов. В отношении Авг. И. Амана затребованы дополнительные документы «о происхождении его и прежнем сословии».

Михальский. С. 224.

НОЯБРЬ[1]. ВАСИЛЬЕВКА

Умерла сестра Гоголя Анна (старшая).

Мария Ивановна вспоминала: «Из опасения потерять мужа я подавляла в себе горе до последней минуты кончины детей. Выходя к нему, я должна была казаться спокойною, и после готовый экипаж отвозил нас в Ярески к моей тетке, которая так умела в таком случае найтись, страдая и сама о нашей потере. <...> Смерть дочери нашей Анны, старее несколько лет теперешней моей Анны, много отняла у него здоровья. Он очень любил ее, воображая, что она была – мой портрет. Она умерла трех лет. В последний день ее болезни он не приходил в дом, ходил в поле до изнеможения, я его нигде не могла найти; и после прилег, или почти упал на землю, и уснул. Тогда было сыро после дождя; он был легко одет, простудил себе бок и начал болеть. <...> Четыре года продолжалась его болезнь...»

Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 65.

[1] Ср. ***1820. Ноября 8. С. Гавази, Кахетия.***

ДЕКАБРЯ 1. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

Согласно «Ведомости винокуренного завода о приходе и расходе денежной суммы, вырученной <в Васильевке> за проданную горелку с 1 октября 1819 г. по 1 декабря 1820 г.», а также «Ведомости, сколько в прошедшую зиму выкурено было <в Васильевке> горелки, сколько оной продано, по какой цене... к 1-му числу декабря 1820 года», израсходовано было на производство горелки 600 пудов 13 фунтов ржаной муки, из которых 441 пуд 28 фунтов были куплены по 1 руб. 40 коп. за пуд. Выкурено горелки 810 ведер, из которых 655 ведер было продано, а 54 употреблены на «мелкие расходы». Горелку продавали в среднем по 4 рубля ведро, и выручено было от продажи 2647 руб. 80 коп.

Назаревский. С. 341; *Иофанов*. С. 23–24.

КОНЕЦ ГОДА (НЕ ПОЗДНЕЕ 5 ДЕКАБРЯ). КИЕВ

«Харьковский Учебный Округ. <...> В Киевской <Губернии>. <...> В Гимназии:

По <...> Химии, Казимир Варфоломеев<ич> Шапалинский[1]; <...> Слов<есности> Канд<идат> Николай Белоусов; <...> Историч<еских> и Геогр<афических> наук Мойсеев; <...> Франц<узского> яз<ыка> Иван Яков<левич> Ландратов <Ландражин>...»

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1821. СПб., 1821. Ч. 1. С. 600.

[1] В Киевской гимназии К. В. Шапалинский преподавал до 5 декабря 1820 г. (см.: *Редкин П.* К. В. Шапалинский // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 318).

КОНЕЦ ГОДА (НЕ ПОЗДНЕЕ 5 ДЕКАБРЯ). ПОЛТАВА

«Харьковский Учебный Округ. <...> В Полтавской Губернии: Директор: Над<ворный> Сов<етник> Иван Дмитриев<ич> Огнев. При нем Письмоводитель, Кол<лежский> Рег<истратор> Иван Коробка. В Гимназии: Учители: Зак<она> Бож<ия> Свящ<енник> Дмитрий Михайлов<ич> Ширмовский, Матем<атики> и Физ<ики> Тит<улярный> Сов<етник> Филип<п> Иванов<ич> Ефремов, Истор<ических> наук Тит<улярный> Сов<етник> Александр Семенов<ич> Рож<д>ественский, Словесности, Осип Снигиревич, Естест<венных> наук Тит<улярный> Сов<етник> Михайло Исаков<ич> Спас<с>кий, Латинск<ого> яз<ыка> Канд<идат> Петр <Гавриил Максимович> Сорочинский[1], Немец<кого> и Франц<узского> яз<ыка> Федор Игнатов<ич> Целлариус, Рис<ования> Кол<лежский> Секр<етарь> Дмитрий Михайлов<ич> Сплитстессер».

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1821. СПб., 1821. Ч. 1. С. 589–590.

[1] Ср.: «Харьковский Учебный Округ. <...> В Полтавской Губернии: <...> В Гимназии: <...> Естест<венной> Ист<ории> Михаил Исаков<ич> Спас<с>кий; <...> Латин<ского> яз<ыка> Канд<идат> Гавриил Максимо<вич> Сорочинский...» (Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1823. СПб., 1823. Ч. 1. С. 484; аналогичные сведения см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1824. СПб., 1824. Ч. 1. С. 491; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1825. СПб., 1825. Ч. 1. С. 527–528); те же сведения о Г. М. Сорочинском (без сведений о М. И. Спасском) см.: Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1826. СПб., 1826. Ч. 1. С. 544; Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1827. СПб., 1827. Ч. 1. С. 578).

КОНЕЦ ГОДА (НЕ ПОЗДНЕЕ 5 ДЕКАБРЯ). МИРГОРОД

«Полтавская Губерния. <...> В городах: <...> В Миргороде: <...> *В Земском Суде:* <...> *Поветовые: Маршал,* Ма<йор> Григорий Иванов<ич> Чарныш, –

Хорунжий, Кол<лежский> Асс<есор> Василий Афанасьев<ич> Гоголь-Яновский...»

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1821. СПб., 1821. Ч. 2. С. 424.

ДЕКАБРЯ 11. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Попечитель Харьковского учебного округа З. Я. Карнеев обращается к директору Гимназии высших наук в Нежине В. Г. Кукольнику с предписанием составить расписание занятий гимназистов.

Сребницкий 1902. С. 320.

ДЕКАБРЯ 20. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

К. А. Моисеев утвержден «в звании младшего профессора исторических наук в Гимназии высших наук князя Безбородко».

Летопись жизни и творчества Н. В. Гоголя: нежинский период (1820–1828) / Сост. Н. М. Жаркевич, З. В. Кирилюк, Ю. В. Якубина; вступ. статья П. В. Михеда. 2-е изд., перераб. и дополн. Нежин, 2009. С. 20; *Михед, Якубина.* С. 434.

ДЕКАБРЯ 28. ВТОРНИК. НЕЖИН

Директор Гимназии высших наук В. Г. Кукольник представляет попечителю Харьковского учебного округа З. Я. Карнееву список гимназических преподавателей и расписание учебных занятий воспитанников, «начавших с сентября месяца»[1] поступать в пансион гимназии.

«Оное по усмотренным мною предварительным сведениям воспитанников, приноровлено только к первому из трех курсов, предназначенных для Гимназии, по коему кроме Закона Божия, составляющего главный предмет воспитания Христианского Юношества, преимущественно занимаются воспитанники изучением языков, показанных в оном расписании за исключением Греческого, предоставленного на волю обучающихся и для которого нет еще учителя. За неимением Профессоров и учителей по моему предложению приняли на себя труд преподаватели: Закона Божия – священник, преподающий сей же предмет в здешнем Поветовом училище[2]; и представленные мною в учители: рисования – бывший воспитанник Академии Художеств Павлов; Французского языка – Иностранец Французской нации <Авг.> Аман; Латинского языка, Российской грамматики, Арифметики и начал Географии и Истории – Кукольник[3]; Немецкого языка – представленный к утверждению в должность надзирателей при воспитанниках Зельднер. Все они приняли на себя сей труд безмездно до утверждения их вышшим Начальством. В последствии времени прибывшие младший профессор Немецкого языка – Миллер и учитель Российского – Чекиев занялись преподаванием своих предметов.

Из сего Ваше Превосходительство соизволите усмотреть: что воспитанники Пенсиона, коих ныне считается 17 человек, обучаются языкам, показанным в приложенной росписи; вдруг в одно время, чего иначе сделать было невозможно за не имением достаточного числа наставников. <...>

РАСПОЛОЖЕНИЕ
учебных предметов в Гимназии высших наук князя Безбородко
1820-го года

Дни	Учебные часы	Предметы	
Понедельник	От 8-го до 10-го	Латинский язык	Каждый день в 6-м часу пополудни занимаются воспитанники чтением книги, составленной из четырех Евангелистов и деяний Апостольских[4]. Прочее время употребляется для повторения уроков и для отдохновения.
	От 10-го до 12-го	Русская грамматика	
	От 2-го до 4-го	Французский язык	
Вторник	От 8-го до 10-го	Арифметика	
	От 10-го до 12-го	Немецкий язык	
	От 2-го до 4-го	Закон Божий	
Среда	От 8-го до 10-го	Рисованье	
	От 10-го до 12-го	География	
	От 2-го до 4-го	История	
Четверг	От 8-го до 10-го	Чистописание	
	От 10-го до 12-го	Французский язык	
	От 2-го до 4-го	Закон Божий	
Пятница	От 8-го до 10-го	Российская грамматика и чистописание	
	От 10-го до 12-го	Немецкий язык	
	От 2-го до 4-го	Французский язык	
Суббота	От 8-го до 10-го	Немецкий язык	
	От 10-го до 12-го	Рисованье	К № 19».
	От 2-го до 4-го	Российская грамматика и чистописание	
Воскресенье	"	Чтение Священных Книг	
	"		
	"		

Сребницкий 1902. С. 320–322.

[1] См. ***1820. Сентября 4. Суббота. Нежин.***

[2] Первым законоучителем нежинской гимназии был назначен священник Преображенской церкви в Нежине отец Петр Григорович, преподававший одновременно Закон Божий в нежинском поветовом училище (*Лавровский 1879 (отд. изд.)*. С. 11). Отец Петр служил в гимназии с 20 октября 1820 г. до 20 сентября 1821 г. (*Хойнацкий А., свящ<енник>*. Институтская Свято-Александровская церковь в городе Нежине. Историко-статистический очерк. Чернигов, 1877. С. 7). – См. также ***1821. Августа 20. Суббота. Санкт-Петербург***.

[3] Платон Васильевич (ум. в 1848), сын В. Г. Кукольника.

[4] «Чтения из четырех Евангелистов и из книги Деяний Апостольских, для употребления в училищах. СПб., в типографии Н. Греча, 1819, 16°, VI+294. – <Собрание> М. С<перанского>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 279).

Издание настоящей книги в 1819 г. объяснялось существенным углублением, с июля этого года, программы религиозного воспитания в российских учебных заведениях. По предложению святителя Филарета (Дроздова), состоявшего в ту пору членом Главного правления училищ, «Чтения из четырех Евангелистов и из книги Деяний Апостольских, для употребления в училищах», специально изданные для этой цели, были введены вместо изъятого тогда из употребления учебного пособия «О должностях человека и гражданина, книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской Империи» (СПб., 1-е изд. – 1783 г.; 11-е – 1817 г.) (см.: *Корсунский И.* Филарет, митрополит Московский, в своих Катихизисах // Сборник, изданный Обществом Любителей Духовного Просвещения по случаю празднования столетнего юбилея со дня рождения Филарета, митрополита Московского. М., 1883. Т. 2. С. 680). (В начале 1825 г. новый министр народного просвещения А. С. Шишков вновь просил ввести книгу «О должностях человека...» в употребление в учебных заведениях своего ведомства.) 5 июля 1819 г. вышел циркуляр Голицына, предписывающий «вместо употребляемых ныне в уездных училищах книг о должности человека и гражданина ввести в употребление по всем училищам... чтения из Священного Писания» (*Иофанов.* С. 107; выписка из «Дел Полтавского уездного училища за 1819 год»; Л. 64). В качестве правила полагалось, «чтобы каждое утро перед начатием учения во всех гимназиях, уездных и приходских училищах собирались учащиеся за полчаса до определенного времени и читана была одна глава из Нового Завета в присутствии всех учителей» (*Иофанов.* С. 107; выписка из «Дел Полтавского уездного училища за 1819 год»; Л. 65).

1820

КОНЕЦ ГОДА. ЧЕРНИГОВ

«...Черниговский губернский прокурор Бажанов[1] уведомил Гоголева отца об открытии в Нежине Гимназии Высших Наук Князя Безбородко и советовал ему поместить сына в находящийся при этой гимназии пансион...»

Воспоминания М. И. Гоголь в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 39.

[1] Егор (Григорий) Ильич Бажанов, в 1805 г. – губернский почтмейстер в Екатеринославле; в 1806 г. – советник по части заготовления и продовольствия войск провиантом и фуражом Приказа общественного призрения Черниговской губернии; советник губернского правления Черниговской губернии (1807–1815), прокурор Черниговской губернии (1820-е – 1831 гг.), гражданский губернатор Могилевской губернии (1832–1837 гг.).

1819–20

ОКОЛО 1819–1820. ВАСИЛЬЕВКА

У В. А. и М. И. Гоголей-Яновских умер сын Андрей.

Мать Гоголя в записке о сыне вспоминала: «...Андрей, его брат, умер одного году, лет 10 был его моложе; может, он случился тогда дома, когда его хоронили, я этого не по<мню>; у меня было 6 сынов, и ни одного не осталось...»

Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 27.

1821

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. МИРГОРОД

«Полтавская Губерния. <...> В городах: <...> В Миргороде: <...> *В Земском Суде:* <...> *Поветовые: Маршал,* Ма<йор> Григорий Иванов<ич> Чарныш, – *Хорунжий,* Кол<лежский> Асс<есор> Василий Афанасьев<ич> Гоголь-Яновский...»

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1821. СПб., <1821>. Ч. 2. С. 424.

ЯНВАРЬ-АПРЕЛЬ. ВАСИЛЬЕВКА

В связи с хлопотами В. А. Гоголя-Яновского о зачислении сына в Гимназию высших наук в Нежине Гоголь по-прежнему живет в Васильевке[1].

Ср. ***1820. Конец года. Чернигов***; ***1821. Января начало. Миргород***; ***1821. Апреля не позднее 30. Нежин.***

[1] После оставления Полтавы в период с начала осени до средины декабря 1820 г. (см. ***1820. Августа вторая половина. Полтава*** — примечание).

ЯНВАРЯ 14. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

В гимназию прибыли младший профессор российской словесности П. И. Никольский и младший профессор математики К. В. Шапалинский.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 13.

ЯНВАРЯ 18. ВТОРНИК. МИРГОРОДСКИЙ И ПОЛТАВСКИЙ УЕЗДНЫЕ СУДЫ

В. А. Гоголь-Яновский подал «протестовые прошения» в уездные суды Миргорода и Полтавы по поводу обмана при продаже ему Н. Л. Соколовой пахотной земли на хуторе Купчин[1] (земли оказалось вполовину меньше объявленной)[2].

См. ***1823. Января 17. Среда.***

[1] См. ***1820. Февраля 4 и 5. Миргородский уездный суд.***
[2] См. ***1820. Весна. Хутор Купчин на р. Голтве.***

ЯНВАРЯ 21. ПЯТНИЦА. ХАРЬКОВ

И. И. Трощинский пишет В. А. Гоголю-Яновскому:

«Письмо сие[1] с таким восхищением читал, что не в силах изъяснить, тем более, что нашел в нем самую тонкую критику на мое сочинение[2], которую вы, по словам вашим, не могли и не хотели писать. Но приведенными вами аллегорическими лицами, то есть *цыганом* и *попадьею*, дали мне почувствовать, что вы его прочли не с тем намерением, чтобы только прочесть, но с тем, чтобы порядочно обкритиковать... Я постараюсь как можно более сочинять, дабы я мог получать такие приятные, хотя и критические письма».

Назаревский. С. 326; *Свод.* Т. 2. С. 486.

[1] Не сохранилось.
[2] См. ***1820. Ноября 22. Харьков.***

ЯНВАРЯ 22. СУББОТА. НЕЖИН

Директор гимназии В. Г. Кукольник отправляет к Попечителю Харьковского учебного округа З. Я. Карнееву отношение о назначении Капитона Павлова,

сверх занимаемой им должности учителя рисования, надзирателем в Благородном пансионе при Нежинской гимназии.

«Господину попечителю Харьковского учебного округа.

Бывший воспитанник Академии художеств Павлов вызван был лично господином Почетным попечителем к занятию должности учителя рисования в Гимназию высших наук князя Безбородко, с назначенным за сей предмет по предполагаемому штату жалованьем 400 р<ублей>, получил вместе от него обещание быть при сей должности и надзирателем над воспитанниками пансиона Гимназии с положенным ему за сие надзирательство пятисот рублей гувернерского в год жалованья по тому же предполагаемому штату.

О утверждении его Павлова в звании учителя рисованья я имел честь представить Вашему Превосходительству прошлого года 28-го августа, а в звании надзирателя над воспитанниками того же года 27-го ноября № 12. С положением ему по обеим должностям вышеозначенного по предполагаемому штату жалованья, в коем представлении ходатайствовал я об утверждении в надзиратели же иностранца Зельднера. – Господин Павлов обучал рисованью, сверх сей должности по избранию моему с согласия господина Почетного попечителя, исправляет и должность надзирателя над воспитанниками уже с 17-го сентября прошлого ж года. – Отдавая справедливую похвалу хорошему его поведению и усердию в исполнении означенных должностей, имею честь вновь ходатайствовать у Вашего Превосходительства о утверждении его в звании учителя и надзирателя с положением ему по обеим должностям вышеписанного жалованья за обучение рисованию 400 р. и за гувернерство 500 р., всего 900 р., равно и Зельднера в звании только надзирателя. Касательно же требуемого Вашим Превосходительством диплома, выданного Павлову Академией художеств на звание художника, имею честь донести, что по окончании учебного времени в 1815-м году при выпуске его из числа воспитанников выдан был ему Академией не диплом, а Аттестат, который при избрании его в учители рисованья был отобран от него лично господином Почетным попечителем графом Кушелевым-Безбородко и доселе у него находится. – В следствие требования Вашим Превосходительством данного Павлову диплома для доставления г-ну Министру духовных дел и народного просвещения, о сим же вместе отнесся я к господину Почетному попечителю и просил его, дабы он, за неимением диплома, доставил от себя прямо помянутый аттестат Павлова в Департамент народного просвещения, приказав списать с оного копию и препроводить ко мне для хранения при делах.

Директор Василий Кукольник».

Михальский. С. 225–226.

ЯНВАРЯ 22–23. СУББОТА-ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Учениками гимназии зачислены дети подполковника К. В. Бороздина: Федор, 12 лет, Николай, 11 лет, Яков, 9 лет, и сыновья коллежского советника Я. Прокоповича: Николай, 10 лет, и Василий, 8 лет.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 13.

ЯНВАРЯ 26. СРЕДА. ПОЛТАВА

Медицинская управа выдает В. А. Гоголю-Яновскому свидетельство, что его сыну Николаю в пятилетнем возрасте была сделана прививка против оспы.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 13. – См. также ***1814. Июнь.***

ЯНВАРЯ 29. СУББОТА. НЕЖИН

Своекоштным учеником гимназии зачислен Герасим Высоцкий, 13 лет, сын подпоручика.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 14.

ЯНВАРЯ 30. ВОСКРЕСЕНЬЕ. СОРОЧИНЦЫ

Протоиерей Преображенской церкви в Сорочинцах Иоанн Беловольский выдал на имя Н. В. Гоголя-Яновского свидетельство о его рождении («...помещика коллежского ассесора Василия Афанасьевича Гоголь-Яновского сын Николай родился в 1810 году марта 20, от законного брака его с надворного советника Ивана Косяровского дочерью Мариею...») и крещении («...при восприемнике военном советнике Михаиле Трохимовском...»). (Год и дата рождения в документе – 20 марта 1810 – указаны ошибочно).

Г<аев>ский В. Заметки для биографии Гоголя // Современник. 1852. № 10 (цензурное разрешение 14 окт.). Отд. VI. С. 141; см. также: *Свод.* Т. 1. С. 327; *Иофанов.* С. 66–67.

ЯНВАРЬ. МИРГОРОД

В. А. Гоголь-Яновский отправляет директору Гимназии высших наук в Нежине В. Г. Кукольнику письмо с просьбой зачислить его сына в «нежинский пансион».

См. ***1821. Февраля 12. Миргород.***

ФЕВРАЛЯ 6. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Внезапная кончина директора гимназии В. Г. Кукольника[1].

О самоубийстве В. Г. Кукольника сообщил 7 апреля 1821 г. в письме к В. А. Гоголю-Яновскому М. М. Щербак[2].

В 1877 г. Н. Ю. Артынов (Артинов), со слов его братьев А. Ю. и П. Ю. Артыновых (Артиновых) также сообщал: «Отец его <Н. В. Кукольника> скоро после <приезда из Петербурга> заболел меланхолиею, бросился с окошка третьего этажа и умер»[3].

В 1881 г. в издании «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко» появилось также сходное свидетельство неизвестного (возможно, редактора этого издания Н. В. Гербеля, знакомого с публикацией 1877 г.), который писал: «Прибыв в Нежин, Василий Григорьевич <Кукольник> <...> впал в гипохондрию, быстро и неотвратимо увлекшую его в преждевременную могилу. Рано утром, 6-го февраля 1821 года, никем не замеченный, он выбросился из окна третьего этажа и убился до смерти на пятьдесят шестом году жизни. Тело Василия Григорьевича похоронено в ограде старого нежинского монастыря, по желанию единственного в Нежине друга его и соотечественника архимандрита Виктора»[4].

Спасая репутацию только что открывшейся гимназии, ее преподаватели на следующий день после смерти В. Г. Кукольника, 7 февраля 1821 г., сообщили попечителям З. Я. Карнееву и графу А. Г. Кушелеву-Безбородко (а также спустя день, 8 февраля, нежинскому полицеймейстеру <А. Е. Киценко>), что причиной смерти дирек-

тора явился — «по свидетельству доктора» — «апоплексический удар»[5]. Поэтому в отношении Кукольника «во всем <было> наблюдено свойственное чести умершего мужа благоустройство»: «Тело покойного 9 февраля "при стечении многочисленного народа всякого звания и при сопровождении воспитанниками, вынесено было младшими профессорами и учителями к литургии для отпевания в Благовещенский монастырь, в предшествовании архимандрита сего монастыря и прочего как белого, так и монашествующего духовенства". После отпевания и надгробной речи проф. Никольского оно было препровождено тем же порядком в Ветхий монастырь (близ Нежина), где и погребено близ южной стены церкви, вне оной»[6]. 18 февраля 1821 г. отец Гоголя Василий Афанасьевич получил от Временного правления гимназии письмо, в котором, в частности, говорилось: «...Хотя г. директор, истинный учредитель гимназии, неожиданною своею смертию оставил нас, однако оставил нас не в какой-либо запутанности дел, но в полном и ясном порядке...»[7]

[1] См. ***1821. Февраля 18. Пятница. Нежин.***
[2] См. ***1821. Апреля 7. Великий четверг. Д. Щербаковка (Щербаневка) Полтавской губернии.***
[3] *Мацеевич Л.* Гоголь и Кукольник в Нежинской гимназии высших наук // *Свод.* Т. 1. С. 556.
[4] Свидетельство приписано в этом издании сыну В. Г. Кукольника, Нестору Васильевичу: *Кукольник Н.* В. Г. Кукольник. (Из памятной книжки) // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2 е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 188. Сведения о самоубийстве в издании 1859 г. отсутствовали (см.: *Кукольник Н.* В. Г. Кукольник. (Из памятной книжки) // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 69). Н. В. Кукольник умер в 1868 г.
[5] *Лавровский 1879* (отд. изд.). С. 12; см. также: *Михальский.* С. 226–227.
[6] *Лавровский 1879* (отд. изд.). С. 11.
[7] *Лавровский 1879* (отд. изд.). С. 51. См. также ***1821. Февраля 18. Пятница. Нежин.***

ФЕВРАЛЯ 12. СУББОТА. МИРГОРОД

В. А. Гоголь-Яновский посылает с нарочным письмо на имя директора гимназии В. Г. Кукольника, в котором сообщает, что «в прошедшем месяце» уже беспокоил директора просьбой «поместить в нежинской пенсион» своего сына, однако ответа на письмо не получил, а потому вторично просит известить его о принятом решении:

«Признаюсь вам, что я сына моего совершенно уже приготовил к отдаче в нежинский пенсион, в число своекоштных воспитанников; но по слабости моего здоровья не решаюсь его представить к вам, покуда не буду уверен, что он будет вами принят».

Свод. Т. 1. С. 7–8.

ФЕВРАЛЯ 12. СУББОТА. НЕЖИН

Отпевание и погребение В. Г. Кукольника[1].

Позже настоятель Нежинского Благовещенского монастыря (с 1803 по 6 июня 1823) архимандрит Виктор (Черняев, уроженец Черногории, род. в 1761) направил жалобу Попечителю Харьковского учебного округа З. Я. Карнееву на младшего профессора П. И. Никольского как «самоуправно распоряжающегося во время церковного отпевания»[2].

[1] *Михальский.* С. 228. – См. также ***1821. Февраля 6. Воскресенье. Нежин.***
[2] *Михальский.* С. 239. – См. также ***1821. Октября 6. Нежин.***

ФЕВРАЛЯ 18. ПЯТНИЦА.
НЕЖИН

Временное правление гимназии извещает В. А. Гоголя-Яновского о том, что В. Г. Кукольник «сего февраля 6-го дня скончался» и дает согласие зачислить Николая Гоголя своекоштным учеником.

Свод. Т. 1. С. 8.

ФЕВРАЛЯ 26. СУББОТА ПЕРВОЙ СЕДМИЦЫ ВЕЛИКОГО ПОСТА.
НЕЖИН

Воспитанники гимназии приобщаются Св. Христовых Таин.

Лавровский 1879. 13.

ФЕВРАЛЯ 27. ВОСКРЕСЕНЬЕ.
НЕЖИН

Казеннокоштным учеником гимназии зачислен П. Ф. Богаевский.

Михальский. С. 234.

МАРТА 5. СУББОТА.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын пишет Попечителю Харьковского учебного округа З. Я. Карнееву:

«По отношению Вашего Превосходительства с приложением составленного на первый случай для воспитанников Гимназии высших наук князя Безбородко РАСПИСАНИЯ УЧЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ обязываюсь уведомить Вас, Милостивый Государь мой, что расписание сие одобряется ныне токмо как распоряжение временное, при настоящем положении Гимназии необходимое; в последствии же начальство Гимназии обязано будет предоставить мне чрез Вас постоянное и подробное расписание преподавания наук в оной. Впрочем, согласно с отношением моим к Вам по сему предмету от 17 ноября 1820 года № 3733, касательно постепенного преподавания иностранных языков для облегчения учащихся, покорнейшие прощу Ваше Превосходительство предписать помянутой Гимназии, чтобы и в продолжение текущего трехлетия преподавание сих языков производилось в оной не вдруг всех, но одного за другим, как-то: в первый год преподавались бы только российский и латинский языки, во второй присовокуплялся бы к тому французский, а в третий немецкий, разумею сие о порядке грамматического преподавания сих языков; ибо обучение чтению и письму может быть производимо независимо от того на всех сих языках и в одно время».

Михальский. С. 235.

МАРТА 14. ПОНЕДЕЛЬНИК.
НЕЖИН

«Своекоштными» учениками гимназии зачислены Иван и Петр Ивановичи Соковичи[1].

Михальский. С. 234.

[1] Оба выбыли в ноябре 1821 г. для поступления на военную службу (*Супронюк.* Словарь. С. 170).

МАРТА 15. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Граф А. Г. Кушелев-Безбородко пишет Попечителю Харьковского учебного округа З. Я. Карнееву по поводу назначения в Гимназию высших наук нового директора, возможно из числа младших профессоров гимназии.

«Его Превосходительству господину тайному советнику Захару Яковлевичу Карнееву.

Милостивый государь Захар Яковлевич!

Отношение Вашего Превосходительства от 26-го февраля я имел честь получить. Ваше Превосходительство можете быть уверены, что с моей стороны к изысканию чиновника достойного заменить столь важную потерю для нового заведения, каковую Гимназия высших наук князя Безбородко претерпела кончиною покойного директора господина статского советника Василья Григорьевича Кукольника.

Младшие профессоры ныне в Гимназии высших наук князя Безбородко налицо состоящие, представлены мне были покойным господином директором. Доказанная его опытность по учебной части заставляла меня совершенно на него полагаться в выборе младших чиновников сего заведения. Большею частью они мне лично неизвестны, однако же усматриваю из партикулярных писем покойного Василья Григорьевича особую похвалу рачению и стараниям младшего профессора Никольского, но так как некоторые из них находились еще прежде в самом округе Вашего Превосходительства и следственно попечительному Вашему взору более известны, то с моей стороны полагаюсь совершенно на все распоряжения, какие Ваше Превосходительство признаете нужным утвердить по печальному случаю кончины бывшего директора».

Михальский. С. 228.

МАРТА 19. СУББОТА

День рождения Николая Гоголя. Ему исполнилось 12 лет.

МАРТА 19. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

К. С. Павлов утвержден Министром духовных дел и народного просвещения князем А. Н. Голицыным учителем рисования и надзирателем над воспитанниками Гимназии высших наук в Нежине.

Михальский. С. 238.

МАРТА 21. ПОНЕДЕЛЬНИК

Родственник Гоголей-Яновских Николай Яновский[1] извещает В. А. Гоголя-Яновского о получении доверенности на получение денег из ломбарда по займу Т. С. Гоголь-Яновской.

Назаревский. С. 347.

[1] См. также *1823. Июнь — первая половина июля.*

ФЕВРАЛЬ-МАРТ

И. А. Горбовский обращается к В. А. Гоголю-Яновскому:

«Пришлите мне скорее рецепт, как и в чем мочить семена хлебные на посев, дабы я мог заблаговременно распорядиться о исполнении сего доброго дела... Ваш друг И. Горбовский».

Назаревский. С. 331.

АПРЕЛЯ 4. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. ГРАДИЖСК ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Григорий Кидтяц сообщает В. А. Гоголю-Яновскому о предстоящем в мае официальном открытии Нежинской гимназии:

«...Письмо ваше, которым вы желаете знать о подробностях помещения детей в Нежинском училище, я с истинным удовольствием получил, но жалею сердечно, что не могу вам желаемых вами подробностей описать, ибо я и сам еще детей моих не поместил. Я имею известия из Нежина, что училище еще не открыто; учатся же ученики у тех самых учителей приватно, для приготовления их в высшие классы, при открытии церемониально училище. Открытие же будет непременно в мае месяце, но не знаю, которого числа точно. Сердечно радуюсь, что сын ваш будет в одном училище с моими. Я повезу моих детей с половины мая в Нежин, и причина тому чистосердечнейшая та, что не могу прежде сего времени собраться на деньги».

Щеголев П. Е. Из школьных лет Н. В. Гоголя. (1821–1825) // Исторический Вестник. 1902. Февраль. С. 511.

МАРТА ПОСЛЕ 4 – АПРЕЛЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 6. НЕЖИН

Младший профессор немецкого языка и словесности Е. И. Миллер уволен с должности за невоздержанность к спиртным напиткам. По решению временного правления немецкую кафедру занимает надзиратель Е. И. Зельднер[1]. Преподавание немецкого языка «с общего согласия поручено младшему профессору титулярному советнику Пилянкевичу, основательно знающему оный язык»[2].

[1] *Лавровский 1879.* С. 113–114; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 17.
[2] *Михальский.* С. 229–231.

АПРЕЛЯ 7. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. Д. ЩЕРБАКОВКА (ЩЕРБАНЕВКА) ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Родственник В. А. Гоголя-Яновского Михаил Максимович Щербак сообщает ему о самоубийстве В. Г. Кукольника, об обучении в Нежинской гимназии детей из «хороших фамилий» и о преимуществах, предоставляемых ее выпускникам:

«...Я никакого не могу еще делать заключения о гимназии высших наук, учрежденной покойным советником князем Безбородко; когда отвозил я туда меньшего сына моего, то в то время нашел я там только одного директора г-на статского советника Кукольника и двух надзирателей; в

течение шести месяцев, как сын мой там находился, прибыли еще некоторые профессора и учители, но гимназия за неприбытием остальных еще и поныне формально не открыта. Директор, сколько в короткое пребывание мое в Нежине мог заметить, показался мне человеком образованным, добрым и усердным к детям, но, может быть, и до вас дошел слух, что он уже умер самым несчастным образом, бросившись с третьего этажа гимназического дома из окошка; конечно, сделал он сие не по какой другой причине, как по болезни. В сей гимназии находится теперь около тридцати пансионеров, в том числе хороших фамилий, два сына Григория Петровича Милорадовича[1], Скоропадские[2] и протчие, <...> сказывают, что учатся хорошо, но так как дети малые, то их только приуготовляют, в протчем преподаваться будут все науки, какие и в университетах преподаются, и кто кончит курс наук в сей гимназии, тот уже за получением аттестата пользуется теми же преимуществами, какими пользуются студенты, из университетов выпущаемые. <...> По сей же почте я писал к любезной сестрице Анне Матвеевне»[3].

Щеголев П. Е. Школьные годы Гоголя // Исторический Вестник. 1902. Февраль. С. 512.

[1] Лев и Сергей.

[2] Михаил и Петр Петровичи Скоропадские.

[3] Имеется в виду А. М. Трощинская (рожд. Косяровская), родная тетка матери Гоголя. Мать А. М. Трощинской (а также ее брата И. М. Косяровского, отца Марии Ивановны Гоголь) была рожденная Щербак, или Щербакова (в замужестве Косяровская; муж – Матвей Васильевич Косяровский). Очевидно, М. М. Щербак приходился двоюродным братом А. М. Трощинской. Его отец, Максим Щербак, по свидетельству М. И. Гоголь, учился за границей (см. ***1799. Октября 1. Суббота. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Ярески***).

АПРЕЛЯ 10. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Мученическая кончина Константинопольского патриарха Григория[1], поддержавшего освободительное движение греков против турецкого гнета.

Одесский губернатор граф А. Ф. Ланжерон в секретном официальном письме к министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну от 10 мая 1821 г. сообщал: «В Константинополе, в день Пасхи, почтенный Греческий патриарх Григорий, 75 лет от роду, был отторгнут от алтаря митрополии, куда прибыл совершать богослужение, и повешен на виселице, воздвигнутой, по повелению султана, перед его домом... <...> На другой день тело несчастного патриарха было, по повелению султана, предано жидам, которые волокли его по улицам, изрыгая ужасные хулы против нашей святой веры и против нашего Божественного Спасителя»[2].

Непосредственным свидетелем казни священномученика патриарха Григория был друг Гоголя, грек по происхождению К. М. Базили, отец которого, М. В. Базили, был старостой патриаршей церкви.

К. М. Базили поступил в нежинскую гимназию в 1822 г.[3] В 1854 г. учитель латинского языка в Нежине И. Г. Кулжинский вспоминал: «Базили был одним из тех лиц, которые приехали из Константинополя в Одессу вместе с телом блаженного священномученика Григория, патриарха Цареградского. Ему тогда было лет 15 от роду. Он любил рассказывать о своем плавании с этим драгоценным залогом страждущей Греции, и слезы всегда, при таком рассказе, блестели в юношеских черных очах молодого Эллина»[4].

В 1855–1856 гг. соученик Гоголя и Базили И. Д. Халчинский также сообщал: «В кровавую опалу, постигшую в начале 1821 г. всю греческую аристократию в Константинополе, отец Базили, уведомленный за час до прихода палачей в его дом, что и он был обречен казни, скрылся в доме русского посольства... <...> О бегстве из Константинополя молодой Базили рассказывал во время своего пребывания в Гимназии товарищам много примечательных подробностей»[5].

Спустя восемь лет после оставления нежинской гимназии[6], события константинопольской резни Базили описал в своих «Очерках Константинополя»: «Через архитрав ворот патриаршего двора была перекинута веревка; несколько константинопольских евреев, искавших случая выказать свою

ненависть к христианам, содействовали палачу в его приготовлениях; как будто для того, чтобы эта картина могла разительные напомнить первого небесного мученика небесной Веры; христиане стояли поодаль, и на их лицах вы бы увидели оцепенение страха и печаль, которая не смела выразиться ни вздохом, ни слезою <...> Через минуту палач, проворно как зверь, соскочил с подмосток, сбил их, и мученик висел на воздухе. Христиане, проходя мимо, вполголоса шептали молитвы, и боялись поднять взоры, а евреи ругались над ними <...> Когда палач пришел спустить тело патриарха с виселицы <...> к палачу явилась депутация от стамбульских жидов и за восемьсот пиастров купила тело патриарха. Нельзя себе вообразить ничего ужаснее и отвратительнее зрелища, представленного во весь этот день, во всех улицах, где жили христиане. Грязные, зловонные, изорванные жиды налетели как саранча из своего квартала в Фанари к патриаршей церкви, в их лицах изображалось все свирепство, природное малодушному их племени, вся злоба ничтожного врага, торжествующего вашим бедствием, могущего безнаказанно вылить всю ненависть, напитанную долговременным унижением. Они связали труп мученика за ноги и с восклицаниями дикой радости, с ругательствами, с проклятиями на весь род христиан влачили его по улицам и кругом христианских церквей. Я никогда не видал такого неистовства, такой игры самых гнусных страстей, такой шумной оргии зверской радости и фанатической мести, как в этой толпе многих тысяч израильтян, которые ругались над всем народом омерзительною своею процессиею. За то их единоверцы дорого расплатились во всех местах, где встречались потом с греками. В Одессе, куда большею частию спасались константинопольские греки, нужна была вся бдительность полиции, чтобы унять беспорядки и предупредить кровопролитие; даже в следующие годы в Светлое Христово Воскресение полиция нашлась в необходимости предписать жидам, чтобы они во все продолжение праздника, живее напоминавшего простому народу ужасы Константинополя, не смели выходить из своих домов, ни открывать свой лавки, ни даже показываться у окон. В Греции, во все продолжение народной войны, с бо́льшим ожесточением преследовали евреев, нежели турок»[7].

В 1854 г. Н. Я. Прокопович, в свою очередь, свидетельствовал: «В 1822 году, в заведении, в котором я воспитывался (Гимназия Высших Наук Князя Безбородко, ныне Лицей), г. Почетный Попечитель, граф А. Г. Кушелев-Безбородко, поместил несколько малолетних Греков из семейств, наиболее пострадавших во время этерии: в числе их был и Базили. Он был несколько старше товарищей, получил довольно основательное первоначальное образование, знал Французский язык, и необыкновенные способности его к наукам и изучению языков весьма скоро доставили ему возможность объясняться и на Русском языке. Все это было причиною, что все сверстники и новые товарищи Базили сошлись с ним и прежде, и теснее, чем с другими маленькими его соотечественниками. Можно вообразить себе, с каким трепетом все мы, тогдашние воспитанники гимназии, собирались вокруг сверстника и нового товарища, с какою жадностью выслушивали любопытные и с тем вместе страшные рассказы его о том, где он был и что видел! Могу уверить вас, что еще в то время я слышал из уст Базили рассказ о смерти Патриарха точно с теми же обстоятельствами и подробностями, с какими впоследствии он напечатал рассказ о том же в превосходном сочинении своем Очерки Константинополя. И не один раз, и не один я слышал это рассказ: в толпе, окружавшей Базили, по вечерам, после ужина, присутствовали все мы, его товарищи; там был и наш поэт, которым столь справедливо гордится современная литература наша, Н. В. Кукольник. <...> Базили был личным свидетелем описанного им происшествия»[8].

О событиях освободительной войны греков Гоголь прямо говорит в «Ганце Кюхельгартене»; напоминание о них содержится в «Мертвых душах» (портреты греческих полководцев в доме Собакевича). Определенное отражение эти события нашли в «Тарасе Бульбе»[9].

[1] Причислен позднее к лику святых; память священномученика Григория V, патриарха Константинопольского, совершается в году дважды – 10 апреля и 19 июня (ст. ст.). Казнь патриарха Григория оказала огромное влияние на весь ход дальнейшей борьбы греков за свое освобождение: она освятила и вдохновила эту борьбу (см. ***1838. Мая 25 <13>. Пятница. Рим***).

[2] *Б<артенев> П.* Современные бумаги о кончине и погребении патриарха Григория. 1821 // Русский Архив. 1871. № 11. С. 1920. – См. также: Жмакин В., свящ<енник>. Погребение константинопольского патриарха Григория V в Одессе // Русская Старина. 1894. № 11. С. 198–213.

[3] ***1822. Сентября 7. Нежин.***

[4] *Кулжинский И. Г.* Воспоминания учителя // *Свод.* Т. 1. С. 428.
[5] Халчинский И. Д. К. М. Базили // *Свод.* Т. 1. С. 545.
[6] См. ***1827. Октября 29. Нежин.***
[7] *Базили К.* Очерки Константинополя. СПб., 1835. Т. 2. С. 129–140.
[8] *Прокопович Н.* Письмо к одному из издателей Северной Пчелы // Северная Пчела. 1854. 15 июня. № 133. С. 613.
[9] *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009.* С. 411, 446, 539.

АПРЕЛЯ 27. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

Родилась сестра Гоголя Анна (младшая)[1].

Сестра Гоголя Елисавета вспоминала: «Все в доме говорили, что Ан<ет> – фаворитка Маминьки; не мудрено: она была любимицей отца. До ее рождения была дочь Анна, которую отец очень любил, и когда она умерла[2] и родилась другая дочь, то ее назвали тоже Анной, и она заменила в сердце отца отсутствие любимой дочери»[3].

[1] См.: *Черницкая А.* Анна Васильевна Гоголь. (Мое знакомство и переписка с нею) // Исторический Вестник. 1914. № 9. С. 903.
[2] См. ***1820. Ноябрь. Васильевка.***
[3] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 177.

МАРТ-АПРЕЛЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В марте 1821 г. министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын отправляет предписание на имя попечителя Харьковского учебного округа З. Я. Карнееву «О вольноприходящих для учения в Гимназии высших наук князя Безбородко»:

«Г. Почетный попечитель Гимназии в<ысших> н<аук> к<нязя> Б<езбородко> граф Кушелев-Безбородко представил мне между прочим, что допускаемое § 7 проекта Устава смешение пансионеров с вольноприходящими за нравственностию коих, особенно в большом числе оных Гимназии никак нельзя иметь равный присмотр, может быть весьма вредно, и для того просил ограничить число вольноприходящих бедными, кои лишены способов к воспитанию своему и не могли поступить в казенные воспитанники, предположив прием их постановить на одних правилах с казенными воспитанниками, и с тем, чтобы те, на чьих руках они находятся, уже сами наблюдали за их поведением и малейшие отступления от правил училищных служило поводом их исключения.

Хотя меру сию не можно не признать полезною, но как оная, по обстоятельствам может подвергаться изменению, то я признаю удобнейшим, не постановляя о сем в Устав никакого ограничения, предоставить прием вольноприходящих усмотрению гимназического начальства с утверждением Вашего превосходительства.

О сем уведомив ныне же графа Кушелева-Безбородко, за нужным считаю сообщить о том Вам, Милостивый Государь мой, для надлежащего с Вашей стороны по оному распоряжению».

В апреле 1821 года соответствующее предписание было отправлено попечителем Харьковского учебного округа З. Я. Карнеевым в Нежинскую гимназию «для должного впредь по оному исполнению».

Михальский. С. 234.

АПРЕЛЯ МЕЖДУ 25 И 30. МЕЖДУ ПОНЕДЕЛЬНИКОМ И СУББОТОЙ. НЕЖИН

В. А. Гоголь-Яновский привозит сына в Нежин для обучения в Гимназии высших наук и вносит в качестве платы 700 рублей ассигнациями[1]. Кроме того, узнав о необходимости иметь в гимназии на пансионерской кухне второго повара[2], предлагает принять «дворового его повара» Семена Стокозу[3] «в число служителей без всякой за то ему в год платы»[4].

М. И. Гоголь в 1852 г. вспоминала: «Сын мой имел светло-русые волосы, когда помещен был в Нежине, и темные немалые глаза, и был недурной наружности»[5]. – Свидетельство Марии Ивановны является ответом на слова П. А. Кулиша в его первой статье о Гоголе: «Гоголь представляется нам красивым белокурым мальчиком...»[6] Далее Кулиш, со слов Н. Я. Прокоповича, писал: «Он – любимец своих товарищей, которых привлекала к нему его неистощимая шутливость; но между ними немногих только, и самых лучших по нравственности и способностям, он избирает в товарищи своих ребяческих затей, прогулок и любимых бесед, и эти немногие пользовались только в некоторой степени его доверием. Он многое от них скрывал, по-видимому, без всякой причины. При всем этом он был еще страшный неряха»[7]. (Ответ М. И. Гоголь на последние слова Кулиша см. в наст. летописи: ***1830. Июня 3. Санкт-Петербург.***)

В 1854 г. Кулиш вновь замечал: «Судя по множеству черных фраков, о которых упоминает Гоголь в письме к г. В<ысоцкому>[8] и по его заботам о своем костюме, выраженным в письме к матери[9], можно подумать, что он был франт между своими соучениками. Между тем они сохранили о нем воспоминание, как о страшном неряхе. Он решительно пренебрегал тогда своею внешностью и принаряжался только дома, где, видно, были люди, на которых он особенно желал производить приятное впечатление[10]. В Петербурге некоторые помнят его щеголем; было время, что он даже сбрил себе волосы, чтобы усилить их густоту, и носил парик[11]. Но те же самые лица рассказывают, что у него из-под парика выглядывала иногда вата, которую он подкладывал под пружины, а из-за галстуха вечно торчали белые тесемки»[12].

В. И. Любич-Романович в конце 1880-х гг. также вспоминал: «В гимназию высших наук князя Безбородко <...> Гоголь был привезен родными, обходившимися с ним как-то особенно нежно и жалостливо, точно с ребенком, страдающим какой-то тяжкою неизлечимою болезнью. Он был не только закутан в различные свитки, шубы и одеяла, но просто-напросто закупорен. Когда его стали разоблачать, то долго не могли докопаться до тщедушного, крайне некрасивого и обезображенного золотухой Николая Васильевича. Мы чуть ли не всей гимназией вышли в приемную взглянуть на это "чудовище", как быстро окрестили его всегда насмешливые школьники. Глаза его были обрамлены красным, золотушным ободком, щеки и весь нос покрыт<ы> красными же пятнами, а из ушей вытекала каплями материя. Поэтому уши его были крайне крепко завязаны пестрым, цветным платком, придававшим его дряблой фигуре потешный вид. <...> Учился он очень плохо, всегда и во всем был неопрятен и грязен, за что особенно не жаловали его преподаватели и репетиторы, на которых, впрочем, он обращал мало внимания»[13];

«Хохота у нас было немало, когда мы увидели, что из хохлацкой простой брички, заложенной двумя волами и сопровождаемой только одним усачем-запорожцем, выкатили какой-то странный сверток, не то тюк, не то узел какого-то домашнего скарба, завернутый в платки и одеяла и увязанный поперек кушаками и шалями, и при помощи сопровождавшего его усача вкатили к нам в лицей. Распакованный перед нами узел этот, оказалось, содержал в себе небольшого роста худенького молодого человека, похожего на пигалицу, с тонким длинным носом, из которого что-то сочилось... Все лицо нашего нового товарища было покрыто какими-то прыщами и представляло собою сплошную болячку не то оспенного больного, не то худосочного субъекта. Из ушей у него также текла какая-то жидкость, хотя уши и были заткнуты большими комками просмоленной пакли...

Таков был Н. В. Гоголь, таково было наше первое впечатление от встречи с ним... Так он у нас потом и назывался “пигалицей”... Сколько мы в нем ни отыскивали человеческого образа, чтобы перестать называть его птицею, но, не найдя такового, так и оставили за ним эту первую, данную ему в момент его приезда к нам кличку...

Конечно, это Гоголю очень не понравилось, и он, не чувствуя сил сбросить с себя эту тяжесть нравственного давления своих товарищей, постоянно косился на нас, держался от всех в стороне, смотрел всегда букой, ничего не говорил с нами и был вообще человеком не от мира нашего...

Эти насмешки наши над Гоголем еще более усугублялись потому, что он держал себя каким-то демократом среди нас, детей аристократов, редко когда мыл себе лицо и руки по утрам каждого дня, ходил всегда в грязном белье и выпачканном платье. В карманах брюк у него постоянно имелся значительный запас всяких сладостей, как, например, конфет и пряников. И все это, по временам доставая оттуда, он жевал, не переставая, даже и в классах, во время занятий... Но для того, чтобы это ему легче было совершать в присутствии других, его классных товарищей, он незаметным для нас образом обыкновенно забивался куда-нибудь в угол, подальше от всех, и там уже поедал свое лакомство... Чтобы занять в классах такое удобное местечко, где бы его никто не видел, он обыкновенно приходил в аудиторию первым или последним и, засев в задних рядах никем не замеченным, так же и уходил из класса, чтобы не подлежать осмеянию...

Эта пытка в школе для Гоголя тянулась в продолжение всего времени, пока он оставался в Нежине... Благодаря его неряшливости мы все брезговали подавать ему руки при встрече в классах. Да и он сам, замечая это, не искал от нас доброго приветствия, стараясь всегда не замечать никого из нас... Словом, Николай Васильевич жил среди нас каким-то анахоретом и дружбы ни с кем не вел, вечно оставаясь один... Мы настолько привыкли к брезгливому чувству своему в отношении к Гоголю, что в конце концов даже перестали брать в руки и те книги в библиотеке[14], которые он держал когда-либо в своих руках, боясь заразиться от него какой-нибудь нечистью... Доктора, однако, находили его вполне здоровым физически, хотя в то же время и признавали за ним золотушный недуг... Но этого они не находили вредным для других, его товарищей. Хотя этот диагноз и успокоивал нас относительно заразы от него, но мы, однако, мало верили в него и отдавались чувству собственного отвращения к золотушному Гоголю... И при этой-то болезни он еще постоянно сосал медовые пряники, ел всякие сладости и пил грушевый квас, который был его любимым напитком. Гоголь или сам его приготовлял из моченых лесных груш, — каких здесь было всегда вдоволь, благодаря большому количеству грушевых лесов в Черниговской губернии, в Стародубском и других уездах, — или же покупал его на городском базаре у разносчиков-торговцев, по преимуществу у баб-хохлушек, таких же неряшливых, как и он сам. Но его ничуть, однако, не смущала эта базарная неряшливость торговцев, и он с наслаждением поедал все, что приобретал тут, как съедобное. Привычка держать себя просто в отношении пищи у себя дома, в деревне, где он получил первоначальное воспитание, не покидала его и в Нежине, во время жизни среди людей, более его избалованных в воспитательном значении, чем он сам. Это все вместе взятое никогда в нас более ничего не вызывало по отношению к Гоголю, как лишь одно отвращение... <...>

Безропотно он также переносил и все выговоры начальства, касавшиеся его неряшества в обиходе собственной личности. Например, ему многократно ставилась на вид его бесприческа. Растрепанность головы Гоголя вошла у нас в общую насмешку, и мы говорили другим своим соклассникам, неопрятно держащимся, что он похож на Гоголя. И Николай Васильевич действительно был образцом неряшливости. Голова у него едва ли когда причесывалась им; волосы с нее падали ему на лицо нерасчесанными прядями. Стричься он также не любил часто, как этого требовало от нас школьное начальство. Вообще Гоголь шел наперекор всем стихиям. Заставить его сделать что-нибудь такое, что делали другие воспитанники лицея, было никак нельзя.

— Что я за попугай! — отвечал он на такое предложение. — Я сам знаю, что мне нужно.

Его оставляли в покое, “с предупреждением впредь этого не делать”. Но он всегда делал так, как хотел, а не так, как ему приказано...»[15];

«Брезгливое чувство поднимает во мне воспоминание о Н. В. Гоголе... <...> Гоголя привезли к нам в лицей поздней осенью на волах, в простой бричке, закутанного в одеяла, как шар масла... При

нем находился один "дядька", хохол, усач с чубом на макушке, как у Тараса Бульбы или у всякого запорожца, казака екатерининских времен, сражавшегося с крымскими татарами...

Дядька этот был дик, груб и неопрятен, носил вечно одно и то же несменяемое белье, сделанное из сурового белого холста и просмоленное до того, что если он где-либо побудет несколько минут, то оставит после себя запах, который не выветривался целыми неделями: все бывало "Тишкой пахло"...

Таков же был и сам Гоголь... Представьте вы себе мальчика четырнадцати лет[16], каким был привезен Н<иколай> В<асильевич> в лицей, худого, как ободранная кошка, с вечными прыщами на лице и с гноем, текущим из ушей... Это был Гоголь...

Как иначе можно было отнестись к нему как не с чувством брезгливости?.. Ведь это оказывалось нечто невозможное!.. Человек заживо разлагался... И с этим-то юношей нам приходилось жить в одном корпусе, встречаться на лекциях, бывать на прогулках, сидеть в интернате за одним столом, читать в библиотеке одни и те же книги...

Противно было смотреть на него. И при всем том еще он постоянно жевал сладости: его карманы всегда были набиты медовыми пряниками, дешевыми конфектами и мочеными грушами, и он, по временам вынимая все это в классах из кармана, быстро жевал и глотал... Тошно было смотреть на него в это время...

Особенно он был отвратителен в то время, когда забывался в своем увлечении при жевании сладостей и чавкал ртом так, как свинья над корытом, а носом сопел, точно паровой котел... Только замечание учителей выводило его из этого транса, и он переставал на время сопеть носом... Но потом опять та же история... И так всегда и везде: и в классах, и на прогулках, и за столом, и в библиотеке, и в обществе вообще... <...> ...У него <был> полип что ли... Или золотушные папули, мешавшие ему свободно дышать носом... И вообще это был человек грязный, неряшливый, вечно ковырявший пальцами в носу и растиравший в руках извлеченное оттуда... Платков носовых он никогда с собой не носил, рук не мыл, платья не чистил, ушей от гноя не протирал.

Судите поэтому, каков это был сюжетец... А между тем с ним повсюду приходилось нам, ученикам лицея, встречаться, говорить, жать ему руку... Но я избегал всего этого в виду того, чтобы не заразиться от него какой-нибудь нечистоплотностью, грязью... Особенно противно было подавать ему руку в то время, когда я знал, что его рука постоянно что-то растирает между грязных пальцев... Ну как тут не быть брезгливым? Как не отворачиваться бывало от такого ученика?! Ведь это хуже Диогена, жившего в бочке... Тот хоть солнце любил и просил Александра Великого не загораживать ему его... А этот и света-то небесного бежал... Сидит, бывало, по целым дням безвыходно в своей комнате и строгает с своим дядькой разные деревянные игрушки... Привычка эта у Гоголя была приобретена еще в своем доме, на хуторе, в местечке Великие Сорочинцы Миргородского уезда, где он родился...

В конце концов наше отвращение к Гоголю стало ему понятно, и он сам начал всех избегать нас таким образом, что в классы приходил после всех и, оставаясь где-нибудь на задней скамейке, забивался в угол так далеко, что его мало кто и замечал во время лекций, и потом, не дождавшись конца уроков, так же незаметно ни для кого уходил из аудитории...

Это был дикарь в прямом значении слова. Его никто не мог сбить с пути жизни. И если мы замечали иногда о нечесаных волосах на его голове, то разве только наше классное начальство... Но это его нисколько не исправляло. Исполнив раз замечание, сделанное ему, он вновь его забывал очень скоро...»[17]

Особенности поведения Гоголя Любич-Романович связывал с присущим Гоголю с детских лет христианским мировоззрением[18].

К. А. Моисеев также вспоминал: «Гоголя представил в это училище его родной отец, Василий Афанасьевич, Гоголь-Яновский, человек не богатый своим состоянием, живший в селе Кибинцах Миргородского уезда, в доме Действ<ительного> Тайного Советника Трощинского, бывшего ему из родни. Этот Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский был человек нрава самого любезного и веселого и был, так сказать, поверенным Трощинского. По словам его самого пишущему сии строки, как уже бывшему инспектору[19] его <Гоголя> и вместе и наставнику, он пересказывал образ жизни деревенской своей и Трощинского, часто пересказывал, как они проводят время, представляя иногда на своем домашнем театре пиесы, которые он сам же и писал, не подвергая их описанию, как он сам выражался. В представлении сих пиес его, как он говорил, участвовал и юный сын его Николай[20]. Это, должно думать, возродило

в нем охоту к театру и к театральным пиесам, которыми впоследствии сын его столько сделался известным и своею театральностию, которою столько привлекал к себе внимание своих товарищей при представлении пиес на установленном по временам театре в Гимназии высших наук князя Безбородко»[21].

Почти одновременно с образованием в России Министерства духовных дел и народного просвещения[22] в университетах протестантской Германии вспыхнули бурные политические волнения (Вартбургский праздник в память Лютера 18 октября 1817 г., отмеченный сожжением «реакционных книг»; убийство студентом К. Зандом А. Коцебу в 1819 г.; покушение Леннинга на первого министра германского герцогства Нассау Ибелля в 1820 г. и др.). Политические волнения в Германии заставили обратить пристальное внимание российского правительства на характер университетского образования в самой России, где учительские места были заняты по преимуществу иностранными профессорами. Вследствие тревожных событий в германских университетах, в России была начата борьба с политическим и религиозным вольнодумством. В 1821 г. русские студенты были отозваны из Германии, в 1822 г. закрыты масонские ложи. В 1823 г. Комитет министров вообще запретил обучение русского юношества в четырех германских университетах, признанных особенно опасными: Гейдельбергском, Иенском, Гессенском, Вюрцбургском[23].

В самой России в то время существовало шесть университетов (в Москве, Вильно, Дерпте, Харькове, Казани, Петербурге), являвшихся центрами шести учебных округов, на которые была разделена страна. Университетскими правами пользовались также Александровский лицей в Царском Селе (где учился с 1811 по 1817 г. А. С. Пушкин) и Гимназия высших наук князя Безбородко в Нежине. Как обнаружилось уже в 1820-х гг., почти во всех этих учебных заведениях под видом «науки» часто преподавались неправославные религиозные воззрения и политическое вольнодумство. Основанием для соответствующего образа преподавания «прогрессивным» профессорам служили, помимо прочего, официально распространяемые идеи «универсального христианства»[24]. В 1820-х гг. состоялся целый ряд политических процессов, преследовавших цель пресечь политическое и религиозное вольнодумство в российских университетах. М. Л. Магницкий занимался делом Казанского университета (1820), Д. П. Рунич и князь А. Н. Голицын – Петербургского (1821). Аналогичные процессы прошли в Виленском (1824) и Харьковском (1816, 1827) университетах. Князь К. А. Ливен, попечитель Дерптского учебного округа, удалил ряд «прогрессивных» профессоров из Дерптского университета.

В конечном счете борьба с вольнодумством привела к падению самого князя Голицына и упразднению его «сугубого» министерства. В открытый конфликт с Голицыным вступили церковные иерархи. В 1824 г. Голицын был отправлен Императором Александром I в отставку. Его преемником на посту министра стал адмирал А. С. Шишков, положивший в основу своей деятельности укрепление Православия и народности. Идея борьбы с философским вольнодумством и неверием осталась при новом министре прежней, но начала вольнодумства не без оснований были усмотрены в самом космополитическом мистицизме эпохи князя Голицына.

Разразившееся в 1825 г. в России восстание декабристов повлекло за собой применение дополнительных мер по стабилизации политической обстановки в стране. Такими мерами стали учреждение в 1826 г. Корпуса жандармов и III Отделения Собственной Его Величества Канцелярии, а также новое подтверждение, в том же году, указа 1822 г. об уничтожении масонских лож. В 1826 г. Николаем I было закрыто и надконфессиональное Библейское общество.

Именно на годы сильных политических и религиозных брожений, когда российская школа испытывала на себе самые противоречивые веяния, выпало время обучения Гоголя в Гимназии высших наук в Нежине (1821–1828). В 1827 г. здесь также было возбуждено «дело о вольнодумстве», следствие по которому затронуло многих учеников. По своему содержанию это дело было «совершенно однородно»[25], «при некоторых особенностях»[26], с подобными историями в Петербургском, Казанском и Харьковском университетах[27]. Первые начала к возбуждению «дела о вольнодумстве» были положены профессором гимназии М. В. Билевичем в 1826 г., вскоре после того, как летом этого года (17 июня) в печати были опубликованы материалы следственной комиссии по делу о декабристах[28].

[1] См. также ***1821. Декабря 9. Нежин***; ***1822. Марта 3. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечание); ***1822. Марта 23***; ***1827. Января 28. Васильевка.***

[2] 25 апреля 1821 г. правление гимназии обращалось к почетному попечителю А. Г. Кушелеву-Безбородко за «позволением приискать другого повара в помощь находящемуся в гимназии» (см. ***1821. Мая 6. Нежин***).

[3] Повар Семен (Симон) Стокоза (род. в 1775) находился при Гоголе в нежинской Гимназии высших наук в качестве дядьки и служил на кухне гимназии с 1821 по 25 июля 1828 г. (*Супронюк О. К.* Из комментариев к письмам Гоголя // Русская литература. 1989. № 1. С. 162).

[4] См. ***1821. Мая 6. Нежин.***

[5] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 27.

[6] *Кулиш 1852.* С. 193; см. также: Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 575.

[7] *Кулиш 1852.* С. 193.

[8] Письмо от 26 июня 1827 г.

[9] Письмо от 20 мая 1827 г.

[10] «В письме к матери от 10-го июня 1825 года он говорит: «Также я вам писал, чтоб в Кибинцы не заезжать, потому что у меня платья совсем нет, кроме того, в котором хожу повседневно»» (примеч. П. А. Кулиша в изд. 1856 г.).

[11] О том, что Гоголь по приезде в Петербург сбрил себе волосы, вспоминала также сестра Гоголя Ольга Васильевна (см. ***1832. Июля конец – сентября 28. Васильевка***).

[12] *Кулиш 1854 (2).* С. 30; см. также: Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 578–579.

[13] *Шевляков М. В.* Рассказы о Гоголе и Кукольнике // *Свод.* Т. 1. С. 557.

[14] Ср. ***Около 1824 года. Нежин.***

[15] *Глебов С. И.* Гоголь в Нежинском лицее. (Из воспоминаний В. И. Любич<а>-Романовича) // *Свод.* Т. 1. С. 559–560, 562–566.

[16] Гоголь поступил в Нежинскую гимназию в 12-летнем возрасте.

[17] *Глебов С.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 1. С. 567–568.

[18] См. ***1836. Февраля 21. Санкт-Петербург.***

[19] См. ***1822. Марта 30. Четверг. Нежин.***

[20] Ср. противоположное свидетельство матери Гоголя: ***1821. Октября 27. Четверг. Кибинцы*** (примечания).

[21] *Михед, Якубина.* С. 295–296.

[22] См. ***1816. Октябрь. Санкт-Петербург.***

[23] См.: 1823. Февраля 22. О распространении на все вообще Губернии запрещения отправлять юношество для обучения в Университеты Гейдельбергский, Йенский, Гиссенский и Вирцбургский // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Стб. 1541–1547.

[24] См. ***1815. Сентября 26 <14>. Вторник. Праздник Воздвижения Креста Господня. Париж.***

[25] *Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 г.). Киев, 1879. С. 94–95.

[26] *Савва В. И.* К истории о вольнодумстве в Гимназии высших наук кн. Безбородко. Харьков, 1908. С. 4; см. также: *Савва В. И.* К истории о вольнодумстве в Гимназии кн. Безбородко // Пошана. Сборник Харьковского Историко-Филологического Общества. Харьков, 1909. Т. 17. С. 378.

[27] Подробнее см.: *Виноградов 2015.*

[28] См. ***1826. Июля 24. Суббота. Нежин.***

АПРЕЛЬ (?). ВАСИЛЬЕВКА

«По специально составленной для В. А. Гоголя ведомости, в 1821 г. "господского" "экономического" хлеба было засеяно всего 70 четвертей и 3 четверика (30 четвертей 6 четвериков ржи, 14 четвертей 6 четвериков пшеницы, 15 четвертей 4 четверика ячменя, 9 четвертей 3 четверика гречихи <...>), крестьянского – 117 четвертей 1 четверик (46 четвертей 4 четверика ржи, 19 четвертей 5 четвериков пшеницы, 30 четвертей 1 четверик ячменя, 20 четвертей 7 четвериков гречихи <...>), а всего 187,5 четвертей».

Назаревский. С. 335, 337.

АПРЕЛЬ. КИБИНЦЫ

«...В апреле 1821 г. денежные затруднения Кибинецкой экономии были настолько серьезны, что "денег не имелось даже и на заплату за федунских крестьян казенных податей", а живописцу, расписывающему гостиную во дворце <Д. П. Трощинского> <...>, вместо следуемых по договору 250 р<ублей>, выдано было пока что... 10 руб<лей>».

Назаревский. С. 347.

МАЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Николай Гоголь-Яновский без предварительных вступительных экзаменов зачислен в Гимназию высших наук и определен (условно, до приемных экзаменов[1]) во второе отделение[2]. До 28 июня 1821 г. живет в Нежине на квартире надзирателя гимназии Е. И. Зельднера[3].

«...Второе отделение проходило следующие учебные предметы:

Учебные предметы	Понед<ельник>	Вторник	Среда	Четверг	Пятн<ица>	Субб<ота>	Воскр<есенье>
Поутру							
Чтение Нового Завета	$7\frac{1}{2}$ – 8	То же	То же	То же	То же	То же	То же
Латинский язык	8–10		8–10				
Латинское чистописание					8–9		
Российский язык	10–12		10–12				
Росс<ийское> чистописание					9–10		
Французский язык				8–10			
Немецкий язык		10–12		10–12			
История						10–12	
География					10–12		
Арифметика		8–10				8–10	
Пополудни							
Закон Божий		2–4		2–4			
Нем<ецкое> чистописание					2–4		
Франц<узское> чистописание	2–4						
Рисование			2–4			2–4»[4].	

Позднее, в письме к С. Т. Аксакову от 16 мая (н. ст.) 1844 г., Гоголь писал, что «внутренне», в главных своих положениях он не изменялся никогда – шел «тою же дорогою», «не шатаясь и не колеблясь никогда во мнениях главных», «с 12-летнего, может быть, возраста»[5].

«...Я получил в школе воспитанье довольно плохое...» – писал Гоголь в «Авторской исповеди» (1847).

В письме к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г., являющемся продолжением «Авторской исповеди» (предназначавшемся к публикации с названием «Искусство есть примирение с жизнью»), Гоголь также замечал: «Учусь, как школьник, всему тому, чему пренебрег выучиться в школе»[6].

А. О. Смирнова в своих записках «Биография Александры Осиповны Чаграновой» (1880–1881), вероятно, со слов Гоголя, сообщала: «В Нежине был лицей, основанный Безбородкой, там воспитывался Гоголь, но профессора были самые плохие»[7]. – См. также ***1846 декабря 31 <1847 января 12>. Вторник. Санкт-Петербург.***

По свидетельству графа В. А. Соллогуба, Гоголь представлял «в лицах своих нежинских учителей с такой комической силой, что присутствующие надрывались со смеха»[8].

12 декабря (н. ст.) 1847 г. Гоголь писал сестре Анне по поводу воспитания племянника Н. П. Трушковского: «Старайся <...> доказать ему, что тот, кто *желает* учиться и быть полезным земле своей, тот сумеет научиться и у профессора не очень умного, а кто не имеет этого *желанья*, тот не научится ничему и у наиумнейшего учителя. Чтобы он не научился не радеть и о самой *науке* из-за того только, что *учитель* не совсем хорош. Но чтобы чувствовал, что тогда еще больше нужно *работать* самому, когда учитель не так хорош»[9].

В письме к графине Анне М. Виельгорской от 3 июня 1849 г. Гоголь замечал: «Около вас теперь куча племянников и племянниц. Сколько прекрасного можно передать в молодые души путем любви! Можно сызмала навеять на восприимчивое детское любопытство познанье своей родины и [разноо<бразную>] ее историю, и разнообразье ее местностей, и образ жизни ее обитателей во всех углах ее, и даже пламенное желание быть ей полезным. Можно и в отроческое время дать человеку идею о том, как должны быть святы отношенья между людьми. И тогда он счастлив на всю жизнь, потому что в остальное время жизни будет уже сам заботиться о дальнейшем своем теченьи по указанном<у> пути, о приведеньи себя в большую и большую возможность приносить пользу и благодетельствовать. О! как бы мы теперь все были подвижны, во сколько меньше было бы у нас лени, бездействия и спячки, если бы приобрели то в юности, что принуждены приобретать теперь! Как на беду, первое наше воспитание отдаляет нас вдруг от того, что вокруг нас. С первых же дней набивают нас предметами, переносящими нас в другие земли, а не в свою. Оттого мы и не годимся для земли своей»[10].

В прошении о предоставлении заграничного паспорта 1850 г.[11] Гоголь, в свою очередь, писал: «[Всем нам уже известно, сколько бедствий и беспорядков в Русской земле произошло от собственного нашего неведения земли своей. <...> ...Неведенье русских <...> земли своей точно как бы с умыслом кладется в основу нашего воспитанья в тот возраст, <...> в который <...> всё, что раз взошло, остается навеки.] Нам нужно живое, а не мертвое изображенье России, та существенная, говорящая ее география, <...> которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни, когда он отдается во власть гувернеров-иностранцев...»[12]

28 ноября 1849 г. Гоголь замечал матери о сыне А. А. Трощинского Дмитрии (оканчивавшем в следующем, 1850 г., Ришельевский лицей в Одессе): «Он несчастлив <...> тем, что попал в это жалкое время, когда воспитанье всей молодежи производилось особенно дурно. Он не один, много, много других так воспиталось. Но это мгновенное общее опьянение века, которое долго не может продолжиться. Многие из молодых людей видят теперь и сами, на каком шатком очутились пути, и начинают искать дороги, с которой сбились»[13].

[1] См. ***1821. Июня 21–28. Нежин.***

[2] См.: ***1821. Мая 6. Нежин***; Список воспитанников Гимназии высших наук Князя Безбородко с разделением казенных от своекоштных и с показанием времени поступления их в Гимназию // *Свод.* Т. 1. С. 437; *Щеголев П. Е.* Из школьных лет Н. В. Гоголя. (1821–1825) // Исторический Вестник. 1902. Февраль. С. 513.

[3] См.: *Щеголев П. Е.* Из школьных лет Н. В. Гоголя. (1821–1825) // Исторический Вестник. 1902. Февраль. С. 513; ***1821. Июня 10. Пятница. Нежин.***

[4] *Михальский.* С. 237.

[5] См. ***1844. Мая 16 <4>. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Франкфурт-на-Майне.***

[6] См. ***1848 января 10 <1847 декабря 29>. Понедельник. Неаполь.***

[7] *Смирнова А. О.* Биография Александры Осиповны Чаграновой // *Свод.* Т. 2. С. 290.

[8] ***1843 ноября 19 <7> — 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца.***

[9] См. ***1847. Декабря 12 <ноября 30>. Воскресенье. Неаполь.***

[10] См. также ***1851. Сентябрь-ноябрь. Москва*** (примечания).

[11] См. ***1850. Июля 10–18. Васильевка.***

[12] См. ***1834. Марта 25. Воскресенье. Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[13] См. ***1849. Ноября 28. Понедельник. Москва.***

МАЯ 6. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Правление гимназии сообщает почетному попечителю А. Г. Кушелеву-Безбородко о принятии поваром в гимназию дворового человека В. А. Гоголя-Яновского С. Стокозы.

«Минувшего апреля 25 дня за № 47, испрашивали приказание Вашего Сиятельства о позволении приискать другого повара в помощь находящемуся в гимназии высших наук князя Безбородко. Сего 1 мая от дворянина колежского ассесора Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского вновь

поступил в число своекоштных пансионеров сын его Николай Яновский со внесением полагавшихся с единовременными на обзаведение всего 700 р<ублей> (ассигнациями). При сем г. Яновский добровольно просил нас о принятии дворового его повара в число служителей без всякой за то ему в год платы. Усматривая из сего пользу для гимназии, так как подобным служителям от оной значительная производится плата, его, г. Яновского, повара мы приняли и придали в помощь находящемуся в гимназической пансионерной кухне прежнему повару, чем и отвращены встретившиеся означенные в донесении за вышеозначенным 47 № затруднения».

Хойнацкий А. Ф., протоиерей. К биографии Н. В. Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 9.

МАЯ 14. СУББОТА. НЕЖИН

Е. И. Зельднер утвержден в должности преподавателя немецкого языка.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 19.

Мая 20. Пятница.
Нежин.

Казеннокоштными учениками гимназии зачислены А. О. Пузыревский и Н. Ф. Немирович-Данченко.

Михальский. С. 234.

МАЯ 21. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Поступило в продажу первое издание девятого тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина[1].

Афиани В. Ю., Козлов В. П. От замысла к изданию «Истории государства Российского» // *Карамзин Н. М.* История государства Российского. В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 541.

[1] См. также ***1821. Июля 6. Ярески.***

МАЯ 30. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министр духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын выносит распоряжение, чтобы впредь гимназическое начальство сносилось лишь с Попечителем Харьковского учебного округа З. Я. Карнеевым, а через него — с Министерством[1]:

«Прошу Ваше Превосходительство поставить означенной Гимназии в руководство общее правило, чтобы во всех случаях без исключения, когда нужно разрешение, представлено было Попечителю учебного округа, который один токмо по долгу звания своего и должен разрешать таковые представления, сам собою или с утверждения Министра».

Михальский. С. 235–236.

[1] По-видимому, распоряжение вызвано активным участием, какое принимал в делах гимназии ее почетный попечитель граф А. Г. Кушелев-Безбородко.

МАЯ 21, СУББОТА, И 31, ВТОРНИК. НЕЖИН

«Своекоштными» учениками гимназии зачислены Иван, Василий и Павел Павловичи Томары.

Михальский. С. 234.

ФЕВРАЛЬ-МАЙ. МОСКВА

Д. П. Трощинский, возвращаясь из Петербурга на родину, живет с племянником А. А. Трощинским в Москве[1]. В этот период А. А. Трощинский женился на только что вышедшей из пансиона[2] Ольге Дмитриевне Кудрявцевой — «внучке, по матери, короля Станислава Понятовского»[3].

[1] См. ***1821. Июля 6. Среда. Ярески*** (примечания).

[2] См. ***1823. Июль. Васильевка, Ярески, Кибинцы*** (примечания).

[3] *Ореус.* С. 673. — См.: Краткие выписки моей жизни. Записки Софии Кудрявцевой, дочери короля Станислава Понятовского. Посвящено 10 марта 1829 г. Ольге Трощинской // Русская Старина. 1882. Т. 36. № 10. С. 119–130; с указанием: «Кибинцы, марта 10-го 1829 г.»; и примечанием: «Софья Кудрявцева имела 12 детей, умерла она в 1834 г. — С. Л<опацкая>. Сообщ<ила> из бумаг Д. А. Трощинского С. Ц. Лопацкая».

ИЮНЯ 1. СРЕДА. НЕЖИН

«Своекоштным» учеником гимназии зачислен Л. Г. Милорадович.

Михальский. С. 234.

ИЮНЯ НАЧАЛО. КИБИНЦЫ

Приезд Д. П. Трощинского из Петербурга в Кибинцы.

Письмо Д. П. Трощинского к Л. И. Голенищеву-Кутузову из Кибинец от 15 июня 1821 г. (*РНБ.* Ф. 791. Ед. хр. 24. Л. 81).

ИЮНЯ 10. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Гоголь в письме к родителям благодарит их за попечение и сообщает:

«Платие нам будут шить после каникул, но как во мне недостаток в платье, то Егор Иванович[1] заказал мне сделать летнее платие. За мною присылайте на каникулы 20-го июня <...> Федор Иванович Чекиев свидетельствует вам свое почтение».

Гоголь 2009–2010. Т. 10. С. 8.

[1] Зельднер.

ИЮНЯ 17. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

«Своекоштным» учеником гимназии зачислен Н. Я. Новицкий.

Михальский. С. 234.

ИЮНЯ 22. СРЕДА. КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский сообщает Л. И. Голенищеву-Кутузову[1]:

«Я пишу к вам, дражайший друг, урывками только; мне много мешают гости, которые со дня возвращения моего в дом[2], наполняют оный. Ближние и дальние, знаемые и незнаемые наезжают беспрестанно. Между другими, удостоился я чести нарочного прибытия ко мне из Полтавы Губернатора[3], вице-губернатора[4], прокурора[5] и пр. и пр. – Я вовсе не величаюсь таковыми посещениями, я, умея познавать цель одних и понимать предмет других, внутренно только смеюсь человеческим ухищрениям. <...> Успехи Греков и жестокое их губительство в Константинополе мне известно только по публичным нашим ведомостям. <...> ...Живя в такой глуши, и между такими людьми, которые иных разговоров не ведут, как о хозяйстве, об иных новостях не любопытствуют, как только о том, которые к ним близки. Многие из них даже газет не читают, и совсем не ведают и не заботятся знать, что в свете происходит».

РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 24. Л. 84, 85 об.–86.

[1] Логгин Иванович Голенищев-Кутузов (1765–1845), председатель ученого комитета Морского министерства; родственник светлейшего князя М. И. Голенищева-Кутузова. Мать Л. И. Голенищева-Кутузова Евдокия Ильинична (рожд. Бибикова) приходилась князю свояченицей (сестрой жены). М. И. Голенищев-Кутузов, будучи дальним родственником отца Л. И. Голенищева-Кутузова Ивана Логгиновича, воспитывался в его доме.

[2] См. ***1821. Июня начало. Кибинцы.***

[3] Вероятно, полтавский гражданский губернатор П. В. Тутольмин.

[4] А. И. Свечин.

[5] И. А. Горбовский.

ИЮНЯ 21–28. НЕЖИН

Николай Гоголь-Яновский, состоящий во втором отделении гимназии, держит вступительные экзамены; получает следующие оценки (по четырехбалльной системе, принятой в гимназии):

– Священная история – 4;
– Закон Божий – 4;
– русский язык – 2;
– арифметика – 2;
– география – 2;
– история – 2;
– латинский язык – 2;
– французский язык – 1;
– немецкий язык – 2;
– рисование – 1.

По результатам экзаменов воспитанники в числе 21 были переведены из второго отделения в третье, тогда как Гоголь, вместе с «католиком» П. И. Соковичем,

оставлены во втором отделении на следующий год. Кроме них, второе отделение составили еще семь воспитанников, переведенных сюда по результатам экзаменов из первого отделения: Владимир Марков, Александр Миницкий, Яков Бороздин, Иван Халчинский, Николай Григоров, Николай Думитрашко, Михаил Щербак[1].

«Приемное испытание происходило в присутствии всех младших профессоров, учителей и некоторых из родителей воспитанников 21–28 июня <1821 г.> ежедневно, от 8 часов утра до 5 часов вечера, "с промежутками полудневного стола". По этому испытанию все ученики, составлявшие до того два отделения, были распределены по трем отделениям след<ующим образом>: лучшие, в числе 21<-го>, образовали третье, старшее отделение, худшие <в числе 9-ти> – второе и вновь поступившие <в числе 14-ти> – первое. До экзамена Гоголь состоял во втором отделении, но по экзамену не переведен в третье, а оставлен в том же отделении»[2].

[1] Экзаменационный список воспитанников гимназии первого приема с отметками по экзамену <21–28 июня 1821 г.> // *Свод*. Т. 1. С. 439–440; *Щеголев П. Е.* Из школьных лет Н. В. Гоголя. (1821–1825) // Исторический Вестник. 1902. Февраль. С. 513.
[2] <О приемном экзамене 21–28 июня 1821 г.> // *Свод*. Т. 1. С. 438.

ИЮНЯ 25. СУББОТА. Д. ЩЕРБАКОВКА ПИРЯТИНСКОГО УЕЗДА ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

М. М. Щербак обращается в правление гимназии (письмо получено в гимназии 26 июня 1821 г.):

«Узнав, что из оной Гимназии отпущаются на определенное время пансионеры во время вакантное, покорно прошу отпустить находящихся в той Гимназии сына моего Михаила, также и сына родственника моего Господина Коллежского Ассесора Яновского; поручив обоих подателю сего, нарочно от меня посланному дворовому человеку моему Ярофею Шаповаленку».

Свод. Т. 1. С. 437.

ИЮНЯ ПОСЛЕ 28. НЕЖИН

Отъезд Гоголя из Нежина домой в Васильевку на летние каникулы.

См. ***1821. Июня 21–28. Нежин*; *1821. Июня 25. Суббота. Д. Щербаковка Пирятинского уезда Полтавской губернии*; *1821. Июль – августа начало. Васильевка***.

ИЮНЯ 29. СРЕДА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА. ЯРЕСКИ

Д. П. Трощинский сообщает Л. И. Голенищеву-Кутузову:

«В этой деревне, или, по-здешнему, в местечке, которое некогда было городом, застал я в Иванов день[1] ярмонку. – Можете представить, дражайший друг, какого рода бывают подобные местные ярмонки. Я однако ж в ней накупил много лент, серег, колец и прочих безделиц и раздарял крестьянским девкам, толпами меня провожавшим из лавки в лавку, так что я насилу от них освободиться мог. В этом же местечке, колыбели моего рождения, живут две моих невестки, вдовы умерших братьев моих родных[2], и матери двух моих племянников[3], вам знаемых. У старшей[4] я

всегда квартирую, и она теперь в сугубом восхищении от моего посещения и от того, что я привез с собою то, чего давно душа его желала, то есть женатого сына[5]. Молодая супруга[6] сего последнего в самом деле приносит всему семейству нашему истинное утешение милым, веселым своим нравом и старанием угодить каждому. — Для молодой моей невестки[7] также неожиданная случилась радость. Сын ее, узнавший о возвращении моем, прискакал сюда и, пробыв с нами только одни сутки, вчера отправился опять к своему месту. <...>

То, что вы, дражайший друг, говорите насчет нынешней операции, есть такая истинна, которой и сам министр, сею частию столь благоразумно управляющий, оспорить не может. При всеобщем бедственном и безответственном разврате людей, Гг. вице-губернаторы и их клевреты так наживаются, как никогда откупщикам и в мысль того не приходило: ибо на сих был суд и управа, а на тех и жалобы нигде и никому принести нельзя. Словом сказать, привилегированные воры и грабители, и я думаю, что они по сему так пристрастились, что кроме висильницы <так> иным ничем уже вылечить их нельзя»[8].

РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 24. Л. 91–91 об., 93.

[1] 24 июня.

[2] Самый старший брат Д. П. Трощинского Андрей Прокофьевич (ум. до 1780) был женат на тетке матери Гоголя Анне Матвеевне (рожд. Косяровской, ум. в 1833); у нее М. И. Гоголь воспитывалась. Вторым старшим братом Трощинского был Ефим Прокофьевич.

[3] Имеются в виду генерал-майор в отставке Андрей Андреевич Трощинский (1772–1852), сын А. П. и А. М. Трощинских, и генерал-лейтенант (с 1826 г.) Иван Ефимович Трощинский (1783–1832), сын Е. П. Трощинского и, вероятно, отец Иллариона (Лариона) Ивановича Трощинского.

[4] Анны Матвеевны.

[5] Подразумевается А. А. Трощинский (см. ***1821. Февраль-май. Москва***).

[6] Ольга Дмитриевна (рожд. Кудрявцева).

[7] Вероятно, имеется в виду жена И. Е. Трощинского, мать И. И. Трощинского.

[8] См. также ***1812. Октября 28. День памяти святителя Димитрия Ростовского. Кибинцы.***

ИЮЛЯ 6. СРЕДА. ЯРЕСКИ

Д. П. Трощинский сообщает Л. И. Голенищеву-Кутузову:

«Лишь только прислали из Петербурга девятый том Российской Истории[1], и я еще за него не успел и приняться; но царствование Иоанна Грозного сделалось лишь отвратительным из истории Курбского, которую лишь удалось прочитать в Москве[2]: о чем я, помнится, тогда же и писал к вам»[3].

РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 24. Л. 94 об.

[1] См. также ***1821. Мая 21. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1821. Февраль-май. Москва.***

[3] В письме из Москвы от 14 февраля 1821 г. Трощинский сообщал: «П<авел> И<ванович> <...> по дружбе своей дал мне из Библиотеки своей Летописец Курбского, которого я доселе читать не имел случая. Ежели из сказанного сим знаменитым емигрантом и десятая часть справедлива, то Россия подлинно имела в особе царя Иоанна Грозного страшного Тирана. — Нетерпеливо ожидаю я 9-го тома Истории Карамзина, чтобы уведать, какими красками изобразит он царствование его, по многим отношениям весьма интересное. Неужели на сем царствовании остановится историограф наш? и для чего бы, кажется, не продолжит ему, по крайней мере, до счастливого избрания на престол славнейшей отрасли Рода Романовых, от коего проистекло существенное для России Блаженство, до Дней наших простирающеесь. По моему понятию, Г. Карамзину не должно бы положить пера своего, доколе не доведет историии своей до времен Елисаветы» (*РНБ*. Ф. 791. Ед. хр. 24. Л. 29 об.). — См. также: ***1821. Июля 20.Ярески.***

Аналогичные суждения высказывал позднее Гоголь. В письме к князю П. А. Вяземскому от июля — сентября 1842 г., использованном позднее в «Выбранных местах из переписки с друзьями» в статье о русской поэзии, он, в частности, писал о веке Екатерины II: «Есть царствования, заключающие в себе почти волшебный ряд чрезвычайностей, которых образы уже стоят пред нами колоссальные, как у Гомера <...> Нет труда <...> который бы так сильно требовал глубокомыслия <...> Из него может быть двенадцать томов чудной истории...»

(столько же, сколько у Карамзина). Незадолго до смерти Гоголь вновь обращался к Вяземскому: «Мне все чувствуется, что если бы вы принялись за Историю Царствованья Екатерины или если бы даже написали только статью о Царствовании Екатерины с мыслью дать в ней урок и Государям и подданным, — много бы это доставило пищи вашей собственной душе» (письмо от 1 января 1852 г.).

ИЮЛЯ 20. СРЕДА. ЯРЕСКИ

Д. П. Трощинский пишет Л. И. Голенищеву-Кутузову:

«Отвещающи на ваши бесценные для меня письма, опять должен сказать, что вы, дражайший друг, слишком пристрастны ко мне, когда могли вообразить, чтобы слабое перо мое было способно к тому необъятному труду, который вы ему назначаете. — Великая, бессмертная, Божественная Екатерина, вечно останется в памяти не только осчастливленных Ею Россиян, но и всех народов, доколе они на земле существовать будут[1]. <...>

В прошедшее воскресенье[2] имел я честь принимать у себя нашего военного губернатора[3], нарочно из Полтавы ко мне приезжавшего и на другой день <...> возвратившегось. Признаюсь, я больше еще полюбил его и стал уважать с того времени, как сделались мне известны все благородные подвиги его, которые оказал он для пользы и спасения бедствовавших от голода жителей Черниговской губернии. — От сего любезного здешнего начальника узнал я крайне любопытную новость: дай только Бог, чтобы она подтвердилась. Новость сия состоит в том, что узник острова Св. Елены 5-го маия н. с. *скончался*[4]. После сего слова обыкновенно прибавляют: «дай Бог ему Царствие небесное», но в настоящем случае, кажется, не совместно будет человеческим чувствованиям желать царства Небесного тому, который, царствуя на земли, умел произвести на ней сущий *ад*».

РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 24. Л. 94 об.

[1] См. также: ***1821. Июля 6.Ярески.***
[2] 17 июля 1821 г.
[3] Князя Н. Г. Репнина-Волконского.
[4] Наполеон I скончался в этот день.

ИЮЛЬ – АВГУСТА НАЧАЛО. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь находится на каникулах.

См. ***1821. Июня после 28. Нежин***; ***1821. Августа не позднее 12. Нежин***; ***1821. Августа 14. Воскресенье. Нежин***.

ИЮЛЯ КОНЕЦ – АВГУСТА НАЧАЛО

В. А. Гоголь-Яновский в письме к надзирателю нежинской гимназии Е. И. Зельднеру сообщает об отправке провизии и денег по счетам.

См. ответное письмо Е. И. Зельднера к В. А. Гоголю-Яновскому от 13 августа 1821 г. (*Свод*. Т. 1. С. 421).

АВГУСТА 1. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ (?)

И. С. Орлай в письме к директору департамента Министерства духовных дел и народного просвещения В. М. Попову сообщает о своем намерении возглавить Гимназию высших наук в Нежине:

«Я твердо решился остаться при своем намерении избрать другой род службы, то есть быть определенным или в Московский университет, или в Нежинскую гимназию директором. Последнее место было бы гораздо для меня еще предпочтительнее как по причине умеренного тамошнего климата, могущего служить к поправлению слабого моего здоровья, так и потому, что попечитель сей гимназии гр<аф> А. Г. Кушелев-Безбородко расположен уже к помещению меня в директоры...»

Лавровский 1879. С. 124.

АВГУСТА НЕ ПОЗДНЕЕ 12. НЕЖИН

Черниговский губернский прокурор Е. И. Бажанов привозит Гоголя в гимназию. В тот же день, к вечеру, в Нежин прибывает крепостной повар Гоголей С. Стокоза, который привозит надзирателю Е. И. Зельднеру присланные ему В. А. Гоголем-Яновским провизию и деньги по счетам.

Лавровский 1879. С. 124.

АВГУСТА 11–12 – ДЕКАБРЬ. НЕЖИН

Гоголь учится во втором отделении гимназии. Изучает следующие дисциплины: Священную историю, Закон Божий, логику, русскую грамматику, арифметику, географию, историю, латинский, французский, немецкий языки и рисование[1].

«...С 1821 года, при разделении воспитанников на три отделения, Никольский преподавал логику по руководствам Лодия и Баумейстера[2] в двух старших отделениях...»

Лавровский Н. А. Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 гг.) // *Свод.* Т. 1. С. 440.

[1] См. ***1821. Июня 21–28. Нежин.***
[2] См. ***1822. Ноября 18. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 12. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Надзиратель Е. И. Зельднер наказывает Гоголя за незнание урока лишением послеобеденного чая.

Письмо Е. И. Зельднера к В. А. Гоголю-Яновскому от 1 сентября 1821 г. (*Свод.* Т. 1. С. 421).

АВГУСТА 13. СУББОТА. НЕЖИН

Е. И. Зельднер принуждает Гоголя написать письмо родителям[1]. Гоголь пишет:

«Почтеннейший папинька! Спешите приехать, чтоб вы видели, в какой печали сын ваш и какую участь он имеет».

Увидев эти строки, Зельднер делает ему «выговор» и заставляет написать новую записку, в которой Гоголь сообщает родителям, что пишет им «единственно

для того, чтоб благодарить» за родительское «расположение», и что он «здоров»[2].

В свою очередь, Зельднер извещает В. А. Гоголя-Яновского о недавнем прибытии его сына в Нежин (вместе с Е. И. Бажановым), а также о приезде в тот же день[3], вечером, С. Стокозы, крепостного повара Гоголей, который привез провизию и деньги. Отвечает отказом на приглашение в Кибинцы; обещает сообщить о приезде нового директора[4].

[1] См. письмо Е. И. Зельднера к В. А. Гоголю-Яновскому от 1 сентября 1821 г. (*Свод.* Т. 1. С. 422).
[2] Ср. ***1821. Августа 14. Нежин.***
[3] См. ***1821. Августа не позднее 12. Нежин.***
[4] Письмо Е. И. Зельднера к В. А. Гоголю-Яновскому от 13 августа 1821 г. (*Свод.* Т. 1. С. 421).

АВГУСТА 14. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Гоголь втайне от надзирателя Е. И. Зельднера отправляет родителям новое послание, где повторяет строки первоначальной редакции письма от 13 августа[1].

«Ах! как бы я желал, естли б вы приехали как можно поскорей и узнали б о участи своего сына. Прежде каникул[2] писал я что мне здесь хорошо а теперь напротив того. О! естлибы Дражайшие родители приехали в нынешнем месяце тогда бы вы услышали что со мною делается. Мне после каникул сделалось так грустно что всякой Божий день слезы рекой льются и сам не знаю от чего, а особливо когда спомню об вас то градом так и льются. И теперь у меня грудь так болит, что даже не могу много писать. <...> Не забуд<ь>те <...> доброго моего Симона, которой так старается обо мне, что не прошло ни одной нощи, чтобы он не увещевал меня не плакать об вас, <...> и часто просиживал по целой ночи над мною; уже его просил, чтоб он пошел спать, но никак не мог его принудить».

Намекает, что в Нежин его привезли слишком рано: «Учеников же еще о сю пору и половины нету».

Спустя три недели, в письме к родителям от 6 сентября 1821 г., Гоголь пояснял: «Приехавши в Нежин, на другой день стала у меня болеть грудь. Ночью так у меня болела грудь, что я не мог свободно дышать. Поутру[3] стало лучше, но грудь моя все-таки болела и потому я опасался, чтоб не было чего-нибудь худого, и притом мне было очень грустно в разлуке с вами».

Письмо от 14 августа 1821 г. произвело в Васильевке переполох[4], Василий Афанасьевич даже занемог[5]. Поняв, какую тревогу вызвал у родителей, Гоголь больше не писал таких писем, хотя «припадки» ему самому необъяснимой тоски, как писал он позднее в «Авторской исповеди» (1847), он, очевидно, испытывал и позднее[6].

[1] Ср. ***1821. Августа 13. Нежин.***
[2] См. ***1821. Июль – августа начало. Васильевка.***
[3] По-видимому, 14 августа 1821 г., в день отправления отчаянного письма к родителям.
[4] См. ***1821. Сентября 3. Васильевка.***
[5] См. ***1821. Сентября 14. Кагарлык Киевской губернии.***
[6] См., в частности: ***1828. Марта 1. Четверг. Нежин.***

АВГУСТА 20. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министр духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын утверждает настоятеля Преображенской церкви в Нежине протоиерея Павла Ивановича Волынского[1] законоучителем Гимназии высших наук князя Безбородко. (К исполнению своих обязанностей в гимназии о. Павел приступил с 20 сентября 1821 г.[2])

[1] «Родился он в 1770 году, Черниговской губернии, Борзенского уезда в селе Оленовке и как священнический сын воспитывался в Черниговской духовной семинарии. По окончании курса наук Павел Иванович в 1795 году был определен в ту же семинарию учителем сначала так называемой "первой части грамматики, географии и истории". Через три года потом повышен, т. е. был назначен учителем "синтаксиса, географии и истории" с придачей к этому еще и "арифметики", а в 1801 году еще был повышен на одну ступень и произведен в учителя "пиитики"... <...> В 1803 году Павел Иванович женился и поступил священником в Нежинской Преображенской церкви, причем получил звание "священно-наместника" и награжден набедренником с определением в Нежинское духовное правление присутствующим. <...> ...Скончался на 69 году жизни, от простуды, 21 декабря 1839 года, оставив по себе добрую, светлую память не только в гимназии высших наук у всех бывших своих сослуживцев и воспитанников, но и у всех прихожан своих и у всех нежинцев, которые и доселе вспоминают о нем с признательностию, и многие молятся с любовью» (*Хойнацкий А., свящ<енник>*. Институтская Свято-Александровская церковь в городе Нежине. Историко-статистический очерк. Чернигов, 1877. С. 48–49, 52–53; см. также: *Кукольник Н.* П. И. Волынский // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 100; То же // Гимназия Высших Наук и Лицей князя Безбородко. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1881. С. 245–247).

[2] См. ***1821. Сентября 20. Вторник. Нежин.***

АВГУСТА 24. СРЕДА. НЕЖИН

«Своекоштными» учениками гимназии зачислены Аполлон и Платон Акимовичи Лукашевичи.

Михальский. С. 234.

АВГУСТА 26. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Гоголь пишет родителям:

«Долгое время не получаю я от вас никакого известия и начинаю уже думать, что вы как-нибудь потревоженны...»

См. ***1821. Августа 14. Нежин.***

АВГУСТА 29. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ УСЕКНОВЕНИЯ ГЛАВЫ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ. НЕЖИН

Павел Кукольник, «войдя, в виде некоего свободного франта, в сборный зал воспитанников в утреннее пред литургиею время, когда они по установленному порядку, выслушав в половине восьмого часа чтение из Нового Завета, готовились идти к литургии, взяв книгу Завета, стал декламировать со всеми актерскими жестами, дерзнув даже делать политические изъяснения на тексты, каковое изъяснение и в простом смысле совершенно воспрещено при оном чтении и самим учителям».

Лавровский Н. Гимназия высших наук князя Безбородко // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. Изд. второе, испр. и доп. СПб., 1881. С. 37–38; *Михед, Якубина.* С. 391. – См. также ***1821. Сентября 19. Понедельник. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 31. СРЕДА. НЕЖИН

Е. И. Зельднер проводит урок немецкого языка во втором классе; при этом доктор К. К. Фибинг, совершая ежедневный обход гимназии, в течение десяти

минут беседует с Гоголем, расспрашивая «не течет ли его ухо», не чувствует ли он какой боли, — на что тот отвечает, что он «совершенно здоров».

Письмо Е. И. Зельднера к В. А. Гоголю-Яновскому от 1 сентября 1821 г. (*Свод.* Т. 1. С. 421).

АВГУСТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. НЕЖИН

Гоголь несколько раз берет взаймы деньги у надзирателя Е. И. Зельднера.

1 сентября 1821 г. Е. И. Зельднер сообщал В. А. Гоголю-Яновскому: «...Сын ваш нуждается деньгами, и я ему уже несколько давал по его просьбе. Он говорит, что повар ваш ему препорученные деньги почти на дороге издерживал».

Свод. Т. 1. С. 422.

АВГУСТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА[1]. МИХАЙЛОДАР, КИБИНЦЫ

И. С. Орлай покупает в Миргородском уезде, неподалеку от гоголевской Васильевки, село Михайлодар. В Кибинцах знакомится с родителями Гоголя[2].

Н. В. Кукольник вспоминал: «В это время Иван Семенович приобрел в Полтавской губернии, в Миргородском уезде, крошечное имение, при котором было всего 6 душ. Имение это находилось в соседстве с деревней матери Гоголя-Яновского. <...> Я вспомнил и о Гоголе и о крошечном имении Ивана Семеновича по забавному обстоятельству. Иван Семенович не жаловал, если ученики, во время лекций, оставляли классы и прогуливались по корридорам, а Гоголь любил эти прогулки и потому не мудрено, что частенько натыкался на директора, но всегда выходил из беды сух и всегда одною и той же проделкой. Завидев Ивана Семеновича издали, Гоголь не прятался, шел прямо к нему навстречу, раскланивался и докладывал: “Ваше Превосходительство! Я сейчас получил от матушки письмо. Она поручила засвидетельствовать Вашему Превосходительству усерднейший поклон и донести, что по вашему имению идет все очень хорошо...” – “Душевно благодарю! Будете писать к матушке, не забудьте поклониться и от меня и поблагодарить...” Таков был обыкновенный ответ Ивана Семеновича, и Гоголь безнаказанно продолжал свою прогулку по коридорам»[3].

«Для всех лиц, имеющих какое-либо значение, Василий Афанасьевич <Гоголь> был постоянным и добросовестным комиссионером. Сохранилась масса писем, в которых просят его о различных одолжениях. Тон писем меняется соответственно общественному положению корреспондента. Для Орлая, директора училища, в котором учился его сын, он присматривает покупателей на его именьице[4] и вообще наблюдает за ходом дел в имении...»[5]

[1] Ср. ***1821. Августа 1. Понедельник. Санкт-Петербург (?)***.
[2] См. ***1821. Октября 6. Четверг. Нежин.***
[3] *Кукольник Н. В.* И. С. Орлай. (Из памятной книжки) // *Свод.* Т. 1. С. 551.
4 См. ***1824. Марта 28. Пятница. Нежин***.
[5] *Щеголев П. Е.* Отец Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 374.

СЕНТЯБРЯ 1. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Е. И. Зельднер отправляет В. А. Гоголю-Яновскому письмо с известиями о сыне[1], где, в частности, сообщает, что, вместе с другими учителями, вынужден «беспрестанно» заставлять Николая учиться: «...ибо иначе он не принимается за урок...»[2]

[1] См. ***1821. Августа 13. Нежин***; ***1821. Августа 31. Нежин***; ***1821. Августа вторая половина. Нежин.***
[2] *Свод*. Т. 1. С. 422.

СЕНТЯБРЯ 3. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Указом Императора Николая I директором Гимназии высших наук князя Безбородко назначается И. С. Орлай[1].

Из указа Императора от 3 сентября 1821 г.: «По представлению Министра духовных дел и народного просвещения повелеваю статского советника Орлая уволить от должности его при Президенте Медико-хирургической Академии и определить директором Гимназии высших наук князя Безбородко с положенным по сему месту жалованьем и сохранением получаемого сверх того пенсиона, оставляя по-прежнему и в звании придворного доктора...»[2]

Уроженец Карпатской Руси Иван Семенович Орлай де Карва (1771–1829) был не только педагогом, но и выдающимся ученым, членом нескольких научных обществ, немало сделавшим, в частности, для развития Петербургской кунсткамеры и оставившим после себя ряд научных трудов. В 1806 г. в Кенигсбергском университете Орлай был удостоен ученой степени магистра словесных наук и доктора философии; в том же году в Дерптском университете защитил диссертацию на звание профессора медицины. Являлся почетным членом Российской Академии наук, действительным членом Общества Истории и Древностей Российских[3]. В Нежин Орлай прибыл из Петербурга, сохранив за собой звание «Его Императорского Двора Доктор».

Впоследствии Орлай, бывший лечащий врач Императора Александра I, послужил Гоголю прототипом «необыкновенного наставника» Александра Петровича во втором томе «Мертвых душ»[4]. В 1851 г., при чтении первой главы второго тома «Мертвых душ» князю Д. А. Оболенскому и А. О. Россету, Гоголь, на вопрос Россета: «Что, вы знали такого Александра Петровича или это ваш идеал наставника?» – отвечал: «Да, я знал такого»[5]. В. И. Шенрок, беседовавший в 1887 г. с А. С. Данилевским, сообщал: «...Гоголь, по многочисленным воспоминаниям людей близко его знавших, часто любил оживлять в своей памяти разные, правда преимущественно комические эпизоды из давних школьных воспоминаний, что давало ему иногда повод касаться в интимной беседе вопросов о воспитании и вызвало даже попытку изобразить в “Мертвых Душах” личность идеального педагога...»[6]

Важным свидетельством того, что реальным прообразом директора учебного заведения Александра Петровича во втором томе поэмы послужил Гоголю директор Орлай, являются воспоминания об Орлае Н. В. Кукольника, написанные в 1858 г. – спустя три с половиной года после посмертной публикации глав второго тома «Мертвых душ». Многое в воспоминаниях гоголевского однокашника может служить прямым комментарием к образу «чудного наставника» Александра Петровича во втором томе поэмы – что одновременно свидетельствует о знакомстве Кукольника с главами незавершенного творения Гоголя. (Тому же Кукольнику принадлежат и написанные в том же 1858 г. воспоминания о Н. Г. Белоусове[7], однако только воспоминания об Орлае обнаруживают переклички с выведенным Гоголем во втором томе «Мертвых душ» образом наставника Александра Петровича.)

Излагая во втором томе педагогические правила «необыкновенного» наставника Александра Петровича, Гоголь писал: «Многих резвостей [и шалостей] он не удерживал, видя в них начало развитья свойств душевных и говоря, что они ему нужны, как сыпи врачу, – затем, чтобы узнать достоверно, что именно заключено внутри человека». Кукольник в 1858 г. вспоминал об Орлае: «Многие жалобы на меня как инспектора, так и надзирателей принимались часто с улыбкой, а некоторые обращались на голову самих доносителей. Знал ли достойный педагог с такою подробностию мое сердце, в котором действительно, с помощью Божией, зла никогда не было <...> или толковал эти шалости резвостью, необходимою для деятельности молодых, живых нравственных сил? Мне кажется, снисходительность его имела и тот и другой источник...»[8]

Далее в своих воспоминаниях Кукольник приводит один из характерных примеров «снисходительности» директора гимназии к проступкам учеников – а именно свиданиям воспитанников с «двумя толстейшими нимфами», огородницами «одного почтенного соседа», а также к ночной «вылазке» пансионеров на разорение огорода этого соседа. Кукольник рассказывал, что жалоба Орлаю владельца разоренного огорода на виновных гимназистов не только не повела к их наказанию, но даже «обратилась на голову самого доносителя» – так что тот вынужден был просить прощения у Орлая. «Обвиняйте, если угодно, Ивана Семеновича в слабости, – заключал рассказ Кукольник. – Я этого никогда не сделаю. “Я сам шалил, – говаривал Иван Семенович, – и знаю, что степенный опаснее резвого...”» (Последние слова Орлая, запомнившиеся Кукольнику, – «степенный опаснее резвого», в свою очередь обнаруживают переклички с образом гоголевского «благонравного» ученика Чичикова – неожиданно обнаружившего по окончании училища иной «нрав».)

«Великодушное» заступничество Орлая за пансионеров не могло не вызвать ответной признательности к нему юных воспитанников. «И этот по-видимому слабый, раздражительный, странный начальник, — вспоминал Кукольник, — умел снискивать любовь к себе детей почти неограниченную. Никто в присутствии его никогда не забывался, но никто и не стеснялся его присутствием. Шалили напропалую, учились еще пуще, и наблюдали только за тем, чтобы в шалости тля подлости не залезла. Такое направление получило характер рыцарский в особенности с открытием 7-го класса (в 1823 г. — *И. В.*); тогда Иван Семенович останавливал молодежь, если больно шалила, словами: "не ловко, господа! ведь вы уже офицеры". И юношество равнялось, укладывалось в благородные формы, лезло, рвалось быть образованным, даже ученым. <...> И всем этим мы были обязаны духу заведения, тому высокому, поэтическому и веселому направлению, которое в воспитанников умел вдохнуть достойный начальник»[9].

«Толпа воспитанников его, — писал в свою очередь Гоголь во втором томе о директоре училища Александре Петровиче, — с виду казалась так шаловлива, развязна и жива, что иной принял бы ее за беспорядочную, необузданную вольницу. Но он обманулся бы: власть одного слишком была слышна в этой вольнице. <...> Он говорил, что прежде всего следует пробудить в человеке честолюбье, — честолюбье называл он силою, толкающею вперед человека <...> И точно, шалости исчезали сами собою. Презрению товарищей подвергался тот, кто не стремился быть <лучше>».

Сходство педагогических принципов директора Орлая и «директора» Александра Петровича обнаруживается и в образе преподавания обоих наставников. «...Большую часть наук читал он сам, — писал Гоголь об Александре Петровиче. — И надо сказать правду, что <...> он умел в немногих словах передать самую душу науки, так что и малолетнему было очевидно, на что именно она ему нужна...» Точно так же отличавшийся энциклопедическим образованием Орлай вел, по словам Кукольника, с учениками «беседы обо всем»: тут были «и китайцы <...> и греки, и римляне, и все науки, и все искусства» — медицина, физика, история, словесность, ботаника, минералогия... «Чистая энциклопедия в приятных рассказах», — отзывался Кукольник о беседах директора[10]. — Орлай был не только педагогом, но действительным ученым, членом нескольких научных обществ, немало сделавшим, в частности, для развития Петербургской кунсткамеры и оставившим после себя ряд научных трудов. В 1806 г. в Кенигсбергском университете Орлай был удостоен ученой степени магистра словесных наук и доктора философии; в том же году в Дерптском университете защитил диссертацию на звание профессора медицины. Он являлся почетным членом Российской Академии наук, действительным членом Общества Истории и Древностей Российских[11]. Заслуги Орлая как историка были отмечены в те годы Н. М. Карамзиным, который использовал одну из работ Орлая в первом томе «Истории государства Российского»[12].

С воспоминаниями Кукольника об Орлае (и в частности, об оставлении директором Нежинской гимназии и отъезде его в Одессу) перекликается и рассказ Гоголя о скоропостижной смерти «необыкновенного наставника». «Но этого ученья, — писал Гоголь о «науке жизни» Александра Петровича, — не удалось попробовать бедному Андрею Ивановичу. Только что он был удостоен перевода в этот высший курс <...> вдруг несчастье: необыкновенный наставник, которого одно одобрительное слово уже бросало в сладкий трепет, скоропостижно умер. <...> О, какой был для него удар, какая страшная первая потеря!» — Кукольник вспоминал: «...перемещение Ивана Семеновича в Одессу в 1826 году было для многих из нас слишком чувствительным ударом»[13].

Взгляды Орлай нашли отражение в повестях Гоголя «Страшная месть» (1832) и «Тарас Бульба» (1834)[14]. Его же влиянием объясняется, по-видимому, появление в гоголевской «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1826–1830) заметок «Аптекарской вес» и «Следующими знаками изображают вес Аптекарский»[15] и др.

[1] *Лавровский 1879*. С. 120; *Кукольник Н.* И. С. Орлай (Из памятной книжки) // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 195; *Лавровский Н.* И. С. Орлай // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. С. 205.

[2] *Михед, Якубина*. С. 396.

[3] См., в частности: *Свенцицкий И. С.* Обзор отношений Карпатской Руси с Россией в 1-ую пол. XIX в. СПб., 1906. С. 34-37; *Байцура Т.* Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Братислава, 1971. С. 192–193; *Зиморя М. І.* На відстані часу (І. Орлай) // Микола Гоголь і світова культура. Київ; Ніжин, 1994. С. 122.

[4] См.: *Виноградов И. А.* «Необыкновенный наставник»: И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Новые гоголеведческие студии. Симферополь; Киев, 2005. Вып. 2 (13). С. 14–55; *Виноградов И. А.* «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?» Проблемы интерпретации и текстологии второго тома поэмы // Гоголевский вестник. М., 2007. Вып. 1. С. 158–184.

[5] См. ***1851. Сентябрь-ноябрь. Москва.***

[6] Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 502.

[7] См.: *Кукольник Н.* Н. Г. Белоусов // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 95–100.

[8] *Кукольник Н.* И. С. Орлай. (Из памятной книжки) // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 71.

[9] Там же. С. 76.

[10] Там же. С. 71.

[11] См., в частности: *Свенцицкий И. С.* Обзор отношений Карпатской Руси с Россией в 1-ую пол. XIX в. С. 34–37; *Байцура Т.* Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. С. 192–193; *Зимомря М. І.* На відстані часу (І. Орлай)// Микола Гоголь і світова культура. Київ; Ніжин, 1994. С. 122.

[12] См. ***1808. Сентября 26. Суббота.***

[13] *Кукольник Н.* Лицей князя Безбородко // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 19.

[14] См. ***1835. Сентября 10. Вторник. Москва*** (примечания).

[15] Орлай участвовал в издании «Русской полевой фармакопеи» баронета Я. В. Виллие (на лат. яз.): «Pharmacopoeia castrensis ruthena. Auctore *Jacobo Wylie*» (Petropoli, 1808; 3-е изд. 1818); на одной из первых страниц этой книги имеется перечень весовых соотношений и условных обозначений грана, скрупула, драхмы, унции и фунта, соответствующий записям Гоголя.

СЕНТЯБРЯ 3. СУББОТА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская сообщает О. Д. Трощинской о сыне:

«...Возвратившийся из Нежина посланный несколько успокоил меня насчет моего Николеньки; он затосковал было[1], а теперь начал привыкать и сделался веселее...»

Свод. Т. 1. С. 82.

[1] См. ***1821. Августа 14. Нежин.***

СЕНТЯБРЯ 6. ВТОРНИК. НЕЖИН

Гоголь пишет родителям:

«Извините меня, что я писал такое письмо к вам[1]. Но когда бы вы знали, в каком я тогда находился положении. <...> Но теперь слава Богу всё прошло и я здоров...»

[1] См. ***1821. Августа 14. Нежин.***

СЕНТЯБРЯ 14. СРЕДА. ПРАЗДНИК ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ. КАГАРЛЫК КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ

О. Д. Трощинская пишет М. И. Гоголь-Яновской по поводу болезни Василия Афанасьевича:

«Скажи своему Василечке, что я при первом свидании с ним выдеру ему уши, за то, что он всякую безделицу очень горячо принимает. Не стыдно ли ему занемочь от того, что Никоша скучает в пансионе без вас».

Свод. Т. 1. С. 139.

СЕНТЯБРЯ 15. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА (?)

Доверенное лицо В. А. Гоголя-Яновского, его помощник в хозяйстве, обученный грамоте крепостной Антон Шлапак сообщает Василию Афанасьевичу: «Люди на сии три дня отпущены на свою работу».

Назаревский. С. 337–338.

СЕНТЯБРЯ 19. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Переводчик идиллии И. Г. Фосса «Луиза» Павел Теряев дарит экземпляр своего перевода в библиотеку Гимназии высших наук.

«Луиза, сельское стихотворение Ивана Генриха Фосса <в трех частях-«идиллиях»>, перевод с немецкого Павла Теряева. СПб. 1820 <цензурное разрешение 16 апр.; с посвящением «Императорской Академии наук президенту, С. П. Бургского Учебного Округа попечителю» С. С. Уварову>, 16°, 224+VIII. Экземпляр подарен переводчиком в библиот<еку> Гимназии высших наук в 1821 году 19/IX. Гоголь, вероятно, именно по этому экземпляру ознакомился с сочинением Фосса, следы влияния которого видны на «Ганце Кюхельгартене», писанном еще в Нежине. Немецкий язык Гоголь тогда знал слабо. Ср. Шенрок, Ученич. годы Гоголя (изд. 2), стр. 138–139. – <Собрание> И<нститута>»[1].

В идиллии встречаются определенные «экуменические» мотивы (провозглашается «равенство» католиков, кальвинистов и лютеран)[2]. Переводчик поэмы – Павел Андреевич Теряев – в 1821–1822 гг. состоял в петербургской масонской ложе Орла Российского (почетным членом этой ложи был, в частности, граф Мих. Ю. Виельгорский).

Очевидная ориентация при создании «Ганца Кюхельгартена» на «сельскую утопию» И. Г. Фосса – вялую, написанную с претензией продемонстрировать владение античной формой, – во многом объясняет неудачу Гоголя с публикацией его собственной идиллии в 1829 г.[3]

Один из фрагментов идиллии Фосса, возможно, повлиял также на создание Гоголем обольстительного образа красавицы, надевающей (или скидывающей) чулок или башмак, в «Записках сумасшедшего», в «Носе» и в черновой редакции «Тараса Бульбы»[4]:

> ...Робкой рукою держа младого знакомца, Луиза
> С камня на камень, с холма на холм с торопливостью скачет.
> Вот она перешла, осторожно прелестную ножку
> Приподняла на забор, зацепилась за сук, и подвязка
> Взор приманила друзей; Луиза платье спускает
> И, закраснев, чрез забор, как пугливая серна, стремится[5].

В гимназической библиотеке имелись также «полученные от капитана флота 1-го ранга Ю. Ф. Лисянского, уроженца Нежина, “карты и рисунки, относящиеся к его путешествию <в 1803–1806 гг., вместе с И. Ф. Крузенштерном> вокруг света в количестве 15 листов в двух экземплярах”»[6].

[1] <*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 286.

[2] См.: Луиза, сельское стихотворение Ивана Генриха Фосса в трех идиллиях, перевод с немецкого Павла Теряева. СПб., 1820. С. 41–43.

[3] См. ***1829. Июля между 21 и 26. Санкт-Петербург.***

[4] См. также ***1833. Сентябрь-ноябрь. Санкт-Петербург.***

[5] Луиза, сельское стихотворение Ивана Генриха Фосса в трех идиллиях, перевод с немецкого Павла Теряева. СПб., 1820. С. 13–14.

[6] *Михед, Якубина*. С. 449.

СЕНТЯБРЯ 19. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Распоряжение попечителя Харьковского учебного округа З. Я. Карнеева об удалении из гимназии Павла В. Кукольника и его матери С. Н. Кукольник:

«...Немедленно выслать Кукольника из Гимназии и впредь в оную ни под каким предлогом не допущать; равным образом госпоже статской советнице Кукольниковой, давшей повод к существующим в Гимназии беспокойствам и присылавшей ко мне на всех вообще профессоров, кроме брата своего Пилянкевича, жалобу, которая, по строгому разысканию[1] моему чрез заслуженного и достойного чиновника, оказалась совершенно неправильною, объявить ей с должным приличием, чтобы она тотчас оставила Гимназию и избрала для себя с семейством своим жительство по данному от меня пашпорту, где пожелает; младшему профессору Пилянкевичу, вышедшему из границ благопристойности, сделать замечание и подтвердить, чтобы он был внимательнее к долгу службы, к пользе казенной и к присяге, на все то им данной».

Лавровский Н. Гимназия высших наук князя Безбородко // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. Изд. второе, испр. и доп. СПб., 1881. С. 38.

[1] Расследовал инцидент местный смотритель поветового училища майор П. Томара, четверо сыновей которого вскоре поступили в Гимназию.

СЕНТЯБРЯ 20. ВТОРНИК. НЕЖИН

Протоиерей П. И. Волынский приступает к исполнению обязанностей законоучителя гимназии[1]. Он же становится духовником гимназистов.

Из воспоминаний Н. В. Кукольника: «Классы открывались постепенно, а потому в начале Павел Иванович не затруднялся преподаванием сокращенного катехизиса, священной истории, пространного катихизиса и сверх того читал с нами превосходную книжку, которой, к сожалению, теперь уже не встречаю. Это толкование Евангелий»[2].

Служивший позднее в Лицее князя Безбородко законоучителем профессор протоиерей А. Ф. Хойнацкий предположил, что это были толкования Евангелий св. Иоанна Златоуста[3]. Однако, вероятнее, это было неоднократно переиздававшееся «Толкование воскресных Евангелий с нравоучительными беседами» архиепископа Астраханского и Ставропольского Никифора (Феотоки) (1-е изд. – М., 1804), упоминаемое в расписании занятий, составленном В. Г. Кукольником[4].

Н. В. Кукольник также вспоминал: «Воспитанники любили своего законоучителя и духовника и все мы, бывшие в его время в Гимназии, сохранили о нем память как о чрезвычайно добром и снисходительном наставнике. <...> ...В своей приходской Преображенской церкви Павел Иванович часто читал поучения, но в нашей гимназической, не знаю почему, сколько я помню, мы ни разу не слыхали его проповеди...»[5]

Восемь лет, проведенные Гоголем в Нежине (1821–1828), имели весьма важное значение для его духовного образования. Атмосфера церковности царила в самом городе, где располагалась гимназия. В Нежине была двадцать одна церковь и два монастыря, из которых один, Благовещенский, называемый Назарет Пресвятыя Богородицы, был основан в 1702 г. уроженцем Нежина, местоблюстителем Патриаршего престола преосвященным Стефаном Яворским[6].

Распорядок дня в Нежинской гимназии включал в себя обширную программу религиозного воспитания. Согласно уставу Одесского Ришельевского лицея, которым руководствовалась гимназия вплоть до февраля

1825 г.[7], христианское воспитание лежало в основе обучения лицеистов: «В образовании Ришельевского Лицея закон Божий и познание правил веры Христианской будут главным основанием учения и воспитания. Молитвы в определенное время, чтение Священного Писания, поучения и наставления Священника, который будет и законоучителем, поставляются непременным правилом во все продолжение воспитания»[8]. С этой целью предписывалось «устроение посреди самого Лицея церкви Греко-Российского исповедания». При храме должен был жить священник – лицейский законоучитель, «коего всегдашнее присутствие с детьми и собственный пример послужат, так сказать, живым уроком для благочестивой жизни» (законоучителя полагалось избирать из числа монашествующих или из овдовевших священников). Закону Божию воспитанники должны были обучаться по одному часу «каждый день в течение первых двух лет»: в первый год давалось «краткое понятие о географическом положении Земли Обетованной», История Ветхого и Нового Завета; во второй год изучались «догматы и нравственные правила веры Христианской» – Символ веры, таинства, заповеди и церковные обряды. Всего этого в изучении воспитанниками Закона Божия считалось, по возрасту, достаточным: «после того останется токмо поддерживать в них дух и чувства, возбужденные сим двухлетним учением». С этой целью в продолжение последующих четырех лет питомцам полагалось «вытверживать ежедневно наизусть по два или по три стиха из Св. Писания». Раз в неделю священник должен был спрашивать у воспитанников выученное и давать задание на следующую неделю; кроме того каждое утро выученный урок проверяли гимназические надзиратели[9].

Уставом Ришельевского лицея предписывалось также проведение общих молитв воспитанников с священником и наставниками в «общей зале» – утренних с 6-ти часов утра и вечерних с 20 часов 45 минут. Четверть часа перед вечерней молитвой священник читал книги духовного содержания. Непосредственно перед началом уроков, а также по окончании их также читались «краткие молитвы, нарочно для сего сочиненные». По воскресным дням и большим праздникам, перед Божественною Литургией, в 9 часов 30 минут священник произносил проповедь («приличное тому дню поучение»)[10].

Помимо соответствующих предметов, устав Ришельевского лицея предполагал следующее деление учеников на классы: класс грамматики (10–12 лет), класс словесности (12–14 лет), класс риторики (14–16), класс математики и философии (два последние года обучения). В 1822 г. директор гимназии И. С. Орлай предложил разделить учеников на шесть разрядов: на принципистов, или обучающихся началам языка, на грамматиков, или обучающихся этимологии, на синтаксистов, риторов, пиитов и эстетиков, или обучающихся эстетике. По замечанию Н. А. Лавровского, такое разделение учеников «существовало в школах иезуитов, пиаров, хорошо известных Орлаю»[11]. Карпатоpосс Орлай, так же, как первый директор гимназии В. Г. Кукольник, был выходцем из Австрии; в 1789–1790 гг. он был членом римско-католического ордена пиаров.

В пансионе гимназии были устроены так называемые «музеи» – помещения пансионеров, соответствовавшие первоначально числу отделений, а потом – числу классов. С 1 ноября 1824 г. число музеев было ограничено тремя[12].

Распорядок дня в Нежинской гимназии высших наук во многом соответствовал предписаниям Ришельевского устава. День в гимназии традиционно начинался и оканчивался общей молитвой (в 6 часов 30 минут и в 20 часов 45 минут); ежедневно полчаса перед классами посвящалось чтению Нового Завета[13]. Согласно «Расположению учебных предметов в Гимназии высших наук князя Безбородко 1820-го года», составленному директором В. Г. Кукольником и действовавшему также в 1821 г., два раза в неделю два часа отводилось на изучение Закона Божия. Помимо учебных занятий (продолжавшихся с 8-ми до 16-ти часов), каждый день с воспитанниками «в 6-м часу пополудни» проводились занятия по книге «Чтения из четырех Евангелистов и из книги Деяний Апостольских, для употребления в училищах» (СПб., 1819). По воскресеньям полагалось «чтение Священных Книг»[14]. Согласно «Расписанию учебных предметов для шести классов и трех отделений», составленному И. С. Орлаем в 1822 г., «за полчаса до начатия классов» в гимназии прочитывалась «одна глава из Священного Писания Нового Завета», два раза в неделю также преподавался Закон Божий[15]. Общее «христианское говение и принятие Св. Таин евхаристии» совершалось от самого открытия гимназии. В частности, сохранились сведения о двукратном приобщении воспитанников Святых Таин в 1821 г., 26 февраля[16] (по древнему обычаю, в субботу первой седмицы Великого Поста) и 29 августа, в день Усекновения главы Иоанна Предтечи[17].

До 1824 г. воспитанники ходили на богослужения в приходскую Преображенскую церковь[18], отстоявшую от гимназии на значительном расстоянии (настоятелем этого храма был о. Павел Волынский[19]; здесь же служил и первый законоучитель гимназии отец Петр Григорович[20]). В 1822 г. директор И. С. Орлай обратился к почетному попечителю гимназии графу А. Г. Кушелеву-Безбородко с просьбой об устройстве в гимназии домовой церкви к 30 августа[21]. 17 августа 1822 г. граф А. Г. Кушелев-Безбородко уведомлял Орлая, что церковь будет учреждена «во имя священномученика Александра, иже в Пидне» (начало IV в.)[22], в память князя Александра Андреевича Безбородко (который завещал основать гимназию в Нежине), и что иконы для храма уже заказаны в Петербурге[23]. Однако сношения с Святейшим Синодом, а последнего – с местным архиереем, преосвященным Лаврентием (Бакшевским), епископом Черниговским и Нежинским, замедлили дело. Разрешение

на устроение церкви было дано лишь 2 октября 1823 г.[24]; освящена она была только 22 июня 1824 г.[25], после годичных экзаменов. Сохранился протокол конференции[26] Нежинской гимназии за март 1825 г., сообщающий о торжественном богослужении в первый храмовый праздник Гимназии[27]. Такого же рода торжественные богослужения устраивались в гимназии и в другие праздничные дни, в частности, полученным в 1825 г. Уставом гимназии было определено торжественно отмечать день его утверждения[28] (19 февраля)[29].

Употреблялось в Нежинской гимназии, в соответствии с уставом Ришельевского лицея, и заучивание воспитанниками наизусть «по два или по три стиха из Св. Писания»[30]. По свидетельству Н. В. Гербеля, в числе дисциплин, преподававшихся в Нежинской гимназии, было и «толкование Литургии»: «...преподавались <...> здесь следующие предметы: пространный катихизис, священная и церковная история, толкование Литургии, толкование воскресных и праздничных Евангелий, чтение из Ветхого и Нового Завета...»[31] Кроме «Чтений из четырех Евангелистов...», в качестве учебных пособий в гимназии применялась книга: Краткая Священная история Церкви Ветхого и Нового Завета, изданная для народных училищ Российской империи. Рассматривaема Святейшим Синодом. Тиснение 13-е. СПб., 1822[32]. 18 ноября 1822 г. департамент Министерства народного просвещения выслал, по просьбе Орлая, в Нежинскую гимназию 50 экземпляров «Священной истории», 160 экземпляров «Сокращенного катехизиса», 60 экземпляров «Пространного катехизиса», 10 экземпляров «Изъяснений Евангелия»[33]. До этого книг в гимназии в достаточном количестве, очевидно, не было. В то время Гоголь в письме к родителям (от 7 января 1822 г.) просил их выслать ему, наряду с другими учебными пособиями («Я <...> имею недостаток в книгах весьма нужных...»), «Священную историю» и «катихизис». Только в конце 1822 г. инспектор гимназического пансиона К. А. Моисеев принял в заведование необходимые пособия ученической библиотеки для пансионеров: 40 экземпляров «Священной истории» (сокращенной), 40 экземпляров «Сокращенного катехизиса», 10 экземпляров «Чтений из четырех Евангелистов...»[34]

Согласно расписанию занятий, составленному В. Г. Кукольником, в шестом классе предполагалось изучение толкований воскресных Евангелий по книге Архиепископа Астраханского Никифора (Феотоки), «обрядов Богослужений, причин, времени и цели их учреждения; чтение творений св. Иоанна Дамаскина и других сочинителей церковных песен»; в седьмом классе намечалось (очевидно, по предложению отца Павла Волынского) «чтение св. Иоанна Златоустого и Амвросия Медиоланского»[35].

Свой устав гимназия получила лишь в апреле 1825 г.[36] По словам Н. В. Кукольника, «существо содержания этого устава ни в чем не разнилось от заведенного уже по всем частям порядка»[37].

Согласно полученному уставу, «утверждение в вере и благочестии» являлось «важнейшею и первою обязанностью в воспитании». Для поступления в гимназию требовалось знание «общеупотребительных молитв» и краткого катехизиса. В распорядке дня гимназии время с 6 до 7 утра полагалось на одевание, молитву и завтрак; с 9 до 10 вечера — на вечернюю молитву и раздевание. Ставилось целью «приучить воспитанников, чтоб они ничего в течении дня не начинали и не оканчивали без приличной молитвы, как-то: при вставании с постели и пред отхождением ко сну, при начале и по окончании ученья». Чтение Священного Писания — «за полчаса до начала уроков» — поставлялось «в качестве ежедневной обязанности воспитанников во все время воспитания их в сем заведении», причем «исполнение утренних и вечерних христианских обязанностей и чтение Св. Писания» во время каникул («вакаций») предписывалось продолжать «с тою же точностью, как и в учебное время». По вечерам полагалось «назидательное чтение книг духовных и по содержанию своему полезное для возраста воспитанников». Подтверждалось правило заучивания наизусть «некоторых текстов, наипаче из Нового Завета». Законоучитель гимназии, «из духовных особ», являлся в то же время духовником воспитанников пансиона, отправлял богослужение в гимназической церкви, присутствовал на их утренних и вечерних молитвах, выслушивал выученные гимназистами тексты и изъяснял читаемое в Св. Писании. «Говение по долгу христианскому, исповедь и приобщение Св. Таин» надлежало «наблюдать ежегодно в определенное время». Приобщение Св. Таин сопровождалось наставлениями духовного отца «к изъяснению причины установления, важности и необходимости сего священного долга для всякого человека». «По воскресным и праздничным дням воспитанники ходят в церковь к слушанию Божественной Литургии, а пред оною, или после оной, священник читает и говорит им поучение, относящееся к читаемому Евангелию и Апостолу».

Так же, как в уставе Ришельевского лицея, обращалось внимание на значение личного примера наставников для учащихся: «Самое верное средство к внушению юношеству любви ко всему истинному и доброму есть страх Божий. Добрые примеры, христианский образ жизни наставников и чтение книг назидательных ведут к благочестию надежнее всех наставлений устных. <...> Инспектор и надзиратели должны иметь неусыпный присмотр за нравственным поведением воспитанников. Паче всего они должны служить им собственным живым примером благочестивой жизни...»

В отличие от устава Ришельевского лицея, отводившего изучению Закона Божия только первые два года, в уставе Нежинской гимназии предписывалось распределять этот предмет так, «чтоб в каждом классе изъясняема была часть» его, «приличная постепенно развивающимся способностям юношества». Каждую неделю предполагалось проводить «более одного» урока Закона Божия. Кроме того, директору гимназии предписы-

валось интересоваться «домашним поведением» вольноприходящих учеников (не проживавших в гимназическом пансионе), а последним рекомендовалось «по воскресным и праздничным дням приходить в гимназию для слушания вместе с казенными воспитанниками Божественной Литургии и духовного наставления»[38].

Изложенные факты свидетельствуют, что образование в Нежинской гимназии во многом напоминало семинарское. Н. Я. Аристов позднее указывал: «С 1817 г. главным основанием учения и воспитания юношей поставлено религиозное просвещение, система образования основалась на началах Священного Союза[39], из школы делали монастырь»[40]. Сам Гоголь в стихотворении, написанном в 1836 г. совместно со школьным товарищем А. С. Данилевским, прямо называл – хотя и в шутку – Нежинскую гимназию «бурсой» («Да здравствует нежинская бурса...»)[41]. В другом шуточном стихотворении Гоголя (написанном в декабре 1826 г.) школьный товарищ Ф. К. Бородин называется «Инок монастыря строптивой»[42]. Н. В. Кукольник в одном из писем в свою очередь иронически именовал гимназию «монастырем мудрости» и сообщал, что предполагает «заключиться» в него, «возложив на себя знаки монашеского смирения» (письмо к Н. Я. Прокоповичу от 29 июня 1825 г.)[43].

Множество подробностей быта Нежинской гимназии были использованы позднее Гоголем при изображении бурсацкого быта в его «малороссийских» повестях, в «Тарасе Бульбе» и «Вии». Прямые переклички с порядками Нежинской гимназии можно обнаружить в этих повестях в описании трех классов бурсы – «грамматиков», «риторов» и «богословов»[44]; в упоминании о применении телесных наказаний[45], о назначении из числа учащихся старших («аудиторов»); в изображении сходных игр учеников и др.

Так, в «Вии» (а еще ранее в «Иване Федоровиче Шпоньке...»)[46] Гоголь упоминает об «авдиторах», которые обязаны были выслушивать уроки товарищей, и о «цензорах», «обязанных смотреть за порядком и нравственностию всего учащегося сословия». В «Тарасе Бульбе» говорится также о «консуле, долженствовавшем, по обязанности своей, наблюдать над подведомственными ему сотоварищами». Назначение аудиторов из учащихся практиковалось в нежинской Гимназии высших наук. Здесь в первой половине 1820-х гг. по предложению директора И. С. Орлая было принято «из числа превосходных и благонравнейших назначать аудиторов, которым должны быть подчинены несколько учеников, от которых они спрашивают отчета в уроках». Кроме того, из числа «превосходнейших и благонравнейших» учеников назначались «старшие в комнатах для занятий и прогулках», а «чтобы старшие или аудиторы не ослабевали по беспечности в своем учении и посредственные имели надежду быть старшими», положено было «позволить всем ученикам беспрепятственно просить посредством испытания или состязания о высшем месте»[47]. Избрание старших (или аудиторов) предписывалось и уставом Нежинской гимназии от 19 февраля 1825 г.: «Для приучения к повиновению и отличия благонравнейшие из воспитанников избираются в старшины к наблюдению над прочими»[48].

Н. В. Кукольник вспоминал, в частности, о ночных «вылазках» пансионеров нежинской Гимназии высших наук на разорение огородов городских обывателей[49]. Эти вылазки гоголевских товарищей, очевидно, также отозвались в «Тарасе Бульбе» и «Вии» – в упоминаниях о «подвигах» бурсаков по обиранию «чужих садов или огородов».

С нежинскими впечатлениями связаны и упоминания в «Миргороде» о «бубликах», которые весьма часто составляют предмет торговли и вожделения героев в «Тарасе Бульбе» и «Вии»: «Торговки <...> всегда закрывали руками своими пироги, бублики, семечки из тыкв <...> если только видели проходившего бурсака» («Тарас Бульба»); «...Торговки с бубликами <...> дергали наподхват за полы тех, у которых полы были из тонкого сукна...» («Вий»). Взятки «авдиторам» в «Вии» бурсаки тоже дают «булками». Этому прямо соответствует смысл одного из гоголевских эпиграфов к циклу: «Хотя в Миргороде пекутся бублики из черного теста, но довольно вкусны. *Из записок одного путешественника*». Примечательны в этой связи воспоминания, сообщенные школьным товарищем Гоголя П. И. Мартосом в письме к П. И. Бартеневу от 16 февраля 1866 г., о некой «пирожнице», жившей в Нежине неподалеку от Гимназии высших наук. Изделиями этой пирожницы часто лакомились гимназисты, в том числе Гоголь[50]. В 1854 г. один из нежинских учителей Гоголя И. Г. Кулжинский, рассказывая о встрече с своим бывшим воспитанником, писателем Е. П. Гребенко, также упоминал о торговавших по обыкновению неподалеку от Нежинского монастыря «продавщицах бубликов»: «...В июне 1843 года, я, утомленный дневною работою, пошел прогуляться по Нежинской мостовой от Лицея к монастырю. – На углу около монастыря у нас продаются булки и бублики. Подходя к этому месту, я услышал громкий смех какого-то знакомого мне голоса. Продавщицы бубликов вторили этому добродушному смеху своим смехом и звонкими голосами»[51].

Кроме того, в образе Андрия, предающегося мечтам о женщине во время «философских диспутов», Гоголь обобщил опыт своих школьных товарищей, – поддерживавших соответствующие отношения с местными «нимфами»[52]. По-видимому, похождения товарищей по Нежинской «бурсе» послужили также Гоголю основой для изображения любовных похождений бурсака Хомы Брута в «Вии».

В изображении в «Вии» кулачных «битв» бурсаков в классе перед приходом учителя Гоголь прямо использовал статью своего школьного приятеля П. А. Лукашевича «О примечательных обычаях и увеселениях Малороссиян на праздник Рождества Христова и в Новый год», опубликованную в 1826 г. в «Северном Архиве»[53]. В третьей главе «Тараса Бульбы» Гоголь упоминает также об игре «в мяч» («...вместо сидения за указкой

и пошлых толков учителя они производили набег на пяти тысячах коней; вместо луга, где играют в мяч, у них были неохраняемые, беспечные границы...»). Вероятно, в данном случае под игрой в мяч имеется в виду игра «в кашу», производившаяся с мячом, которая упоминается также Гоголем в «Пропавшей грамоте»: «Дед <...> поднял такую за собою пыль, как будто бы пятнадцать хлопцев задумали посереди улицы играть в кашу»; и в «Вии»: «...Дворня собиралась в кашу или в крагли — род кеглей, где вместо шаров употребляются длинные палки, и выигравший имел право проезжаться на другом верхом». Суть игры «в кашу» заключается в том, что играющие собираются в кружок, и один из них, бросая мяч оземь, кричит: «тут каша, тут!» Все бросаются к мячу, стараясь поймать его на лету. Кто поймает, садится верхом на того, кто бросился ловить и не поймал. Севший на «коня» бросает мяч уже со спины товарища. Кто поймает, тоже садится на «коня». Если же всадник потянется за мячом, а поймает «конь», то происходит перемена ролей. Если мяча никто не поймает, то каша «рассыпалась» и игра начинается снова. (Мяч для игры изготавливали из шерсти линяющих весной волов или коров, которую постепенно скатывали в комок, смачивая ее водой, и затем обшивали кожей.) По-видимому, в игре «в кашу» принимал участие сам Гоголь во время его пребывания в нежинской Гимназии высших наук. В письме к В. А. Жуковскому от конца марта (н. ст.) 1839 г. он, в частности, замечал: «Я бы был счастлив совершенно, если бы в мое наслаждение не вмешалось несколько из того томительного чувства, какое чувствует школьник, когда учитель его отправится гулять за город с его товарищами, а его оставит за леность одного <...>, и он видит пропадающий вечер и видит сквозь него, глазами воображая вдали луг <...>, кучу товарищей, летящий вверх мяч, веселые крики».

В свое время Н. И. Греч писал по поводу содержания повести «Вий»: «...В каком странном виде представлено в ней одно из полезнейших и важнейших учебных заведений России, в котором образовались многие, не только достойные уважения, но и действительно великие люди. Мы видим в этих картинах забавную карикатуру, а иностранцы принимают все это за чистые деньги»[54]. Очевидно, однако, что описание в «Тарасе Бульбе» и в «Вии» семинарского быта достаточно условно и подчинено определенному художественному замыслу. И в той и в другой повести Гоголь стремился изобразить сосуществование и противоположность духовного и мирского «утешений»[55] («увеселений») не только в бурсацком, но и в общенародном быту. При этом и саму семинарию Гоголь рассматривал, в соответствии с ее действительным тогдашним назначением, не только как собственно духовное училище, готовящее будущих пастырей, но и как общеобразовательное учебное заведение, в котором проходят «закалку» и простые «рыцари» веры — такие, как сыновья Тараса Бульбы.

Согласно содержанию «Тараса Бульбы», «бурсацкие» битвы и игры друзей-школяров являются своего рода подготовительным этапом перед их будущими сражениями в качестве защитников Веры и Отечества. «Мы призваны в мир на битву, а не на праздник...» — замечал позднее Гоголь в «Правиле жития в мире» (1844). В этом свете герои «Тараса Бульбы» имеют еще одну общую черту с гоголевскими однокашниками. Хорошо известно, что запорожцы, подвиги которых одушевляли Гоголя по их контрасту с окружающей «пошлостью», всегда почитали своею покровительницею Божию Матерь. «Деревянная небольшая церковь» на Сечи была Покровской, т. е. освященной в честь иконы Покрова Пресвятой Богородицы. Именно к этой иконе — «на Покров, что на Запорожье», — казаки, по словам рассказчика, привезли однажды «оклад из чистого серебра». В этом отношении героям «Тараса Бульбы», бывшим киевским бурсакам, оказываются вполне под стать воспитанники Гимназии высших наук в Нежине. Судя по сохранившимся свидетельствам, в 1833–1835 гг., в период создания «Тараса Бульбы», ежегодные собрания выпускников «нежинской бурсы» в Петербурге традиционно устраивались именно в день Покрова Пресвятой Богородицы. Гоголь при этом был не только участником, но и прямым организатором землячеських встреч. Судя по всему, сходки друзей-«бурсаков» на праздник Покрова являлись для него своего рода собраниями «товарищей-запорожцев»[56].

В тот же день, 20 сентября 1821 г., «своекоштным» учеником гимназии зачислен А. М. Карлицкий[57].

[1] См.: *Хойнацкий А., свящ<енник>*. Институтская Свято-Александровская церковь в городе Нежине. Историко-статистический очерк. Чернигов, 1877. С. 49.

[2] *Кукольник Н.* П. И. Волынский // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 100; То же // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 246.

[3] *Хойнацкий А. Ф., протоиерей.* Из истории философской науки в России в начале XIX века // *Свод.* Т. 1. С. 434.

[4] См.: *Кукольник Н.* Лицей князя Безбородко // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 17.

[5] *Кукольник Н.* П. И. Волынский // Гимназия Высших Наук и Лицей князя Безбородко. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1881. С. 246.

[6] *Сребницкий И.* Нежин // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 23.

[7] См. ***1820. Апреля 19. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[8] Образование и Устав Ришельевского Лицея в Одессе. СПб., 1818. С. 7.

[9] Там же. С. 22–23, 32–33, 36, 38–39.

[10] Там же. С. 33–34, 60–62.

[11] *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 28.

[12] См. ***1824. Ноября 1. Суббота. Нежин.***

[13] *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 38–39, 46.

[14] Там же. С. 10; Гоголевский сборник. Киев, 1902. С. 322.

[15] См. ***1822. Января 28. Суббота. Санкт-Петербург.***

[16] См. ***1821. Февраля 26. Суббота первой седмицы Великого Поста. Нежин.***

[17] См. ***1821. Августа 29. Понедельник. Нежин.***

[18] См.: *Хойнацкий А., свящ<енник>.* Институтская Свято-Александровская церковь в городе Нежине. Историко-статистический очерк. Чернигов, 1877. С. 7.

[19] См. ***1821. Августа 20. Суббота. Санкт-Петербург.***

[20] См. ***1820. Декабря 28. Вторник. Нежин*** (примечания).

[21] Дополнительные сведения к историко-статистическому описанию Институтской Свято-Александровской церкви в городе Нежине. Чернигов, 1879. С. 1–4; *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 92–93.

[22] «Нужно заметить при этом, что собственно в теперешних наших святцах и месяцесловах, издаваемых с благословения Св. Синода, память св. священномученика Александра, "*иже в Пидне*", полагается не 14, а 13 <15> марта, под каковым числом между прочим положено и краткое жизнеописание его в прологе 1792 года. В 14-й <15-й> же день марта теперь у нас значится память мученика Александра Пресвитера, *«иже в Сиде»*. — Но это так только теперь; напротив того, во всех древнейших святцах и месяцесловах Киевских и вообще южнорусских (Львовских, Черниговских, Почаевских и др.) память св. Александра Пиднского полагается именно в 14-й день марта, т. е. в тот самый день, в который мы и доселе совершаем свой храмовый праздник, воспоминая в то же время и рождение и тезоименитство светлейшего князя Александра Андреевича (сравн. Полный месяцеслов Востока, Архимандрита Сергия. С.-Петерб<ург>. 1876 г. Т. II, стр. 65, 66). Нужно думать впрочем, что об этой разности в днях памяти св. Александра Пиднского знали и во время освящения нашего храма. Иначе нельзя объяснить, отчего в актах правления гимназии высших наук, в коих говорится об этом предмете, почти на всяком шагу замечается с настойчивостию, что этот храм посвящен именно *во имя св. священномученика Александра Пресвитера, иже в Пидне, празднуемого 14 марта»*, и т. д. <...> В настоящее время мы имеем две редакции жизнеописания св. Александра, одну в "полном месяцеслове Востока" Архимандрита Сергия, заимствованную автором из древнего мартирология, и другую — в нашем церковном "прологе" издания Св. Синода. <...> (Полный месяцеслов Востока, А<рхимандрита> Сергия. Т. II, стр. 79–80). <...> (Пролог. Москва, 1792 г. Т. III, стр. 43). <...> Но ни в одном из помянутых свидетельств <...> нет ни малейшего указания на то, чтобы св. Александр Пиндский был бросаем в горящий костер, как это мы видим на храмовой иконе этого святого в нашей церкви <см. ***1824. Июня 22. Воскресенье. Нежин***>, в миниатюрном изображении, написанном на той же иконе, внизу, у ног святого. Происхождение последнего изображения можно объяснить только тем, что художник, изображавший нашего святого, смешал его с другим священномучеником Александром пресвитером, *иже в Сиде*, память которого в четь-минеи полагается под 15 сентября <марта>, и где именно в жизнеописании этого святого говорится, что он был брошен в горящий огонь на костре... <...> Впрочем, смешения подобного рода случаются и не у одних художников. В "Полном месяцеслове" о. Архим<андрита> Сергия находим, что г. Мартынов смешивает св. Александра пресвитера *Сидского*, празднуемого 15 марта и в некоторых святцах полагаемого в 14-й день марта, с св. Александром *Пиднским*... (Полн. Месяцослов Вост<ока>. Т. II, стр. 80). Чего же требовать после этого от художников?...» (*Хойнацкий А., свящ<енник>.* Институтская Свято-Александровская церковь в городе Нежине. Историко-статистический очерк. Чернигов, 1877. С. 10–11, 82–84).

Отец А. Ф. Хойнацкий напечатал также «тропарь и кондак святому священномученику Александру Пресвитеру, иже в Пидне, с давнего времени употреблявшихся» в храме Нежинской гимназии: «Тропарь, глас 4-й. И нравом причастник, и званием священства наместник апостолом быв, деяние обрел еси, Богодухновенне, в видения восход. Сего ради слово истины исправляя, и веры ради пострадах еси до крове, священномучениче Александре Пресвитере! Моли Христа Бога тьму неверия и нечестия от нас отгнати, и просветити ны светом ведения и благочестия Христова, и спасти души наша, чтущих память твою верою и любовию.

Кондак, глас 4-й. Во иереях благочестно пожив, и мучения путь прошед, идольские угасил еси жертвы, и поборник был твоему стаду, Богомудре; темже тя почитающее верно вопием ти: от бед избави, присно твоими мольбами отче наш, Александре, Пиднская похвало» (Дополнительные сведения к историко-статистическому описанию Институтской Свято-Александровской церкви в городе Нежине. Чернигов, 1879. С. 14).

[23] *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 93.

[24] См.: Дополнительные сведения к историко-статистическому описанию Институтской Свято-Александровской церкви в городе Нежине. Чернигов, 1879. С. 4.

[25] См. ***1824. Июня 22. Воскресенье. Нежин.***

[26] Гимназия управлялась, согласно уставу, директором и конференцией, состоявшей из законоучителя и профессоров.

[27] См. ***1825. Марта 14. Суббота. Нежин.***

[28] Устав Гимназии высших наук князя Безбородко // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 226.

[29] См. ***1828. Февраля 19. Воскресенье. Нежин.***

[30] См. ***1824. Января 26. Суббота. Нежин.***

[31] *Гербель Н.* П. Г. Редкин // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 443.

[32] См. ***1819. Июня не позднее 30. Полтава*** (примечания).

[33] См. ***1822. Ноября 18. Суббота. Санкт-Петербург.***

[34] См. ***1822. Конец года. Нежин.***

[35] *Кукольник Н.* Лицей князя Безбородко // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 17–18.

[36] См. ***1825. Февраля 19. Четверг. Санкт-Петербург.***

[37] *Кукольник Н.* Лицей князя Безбородко. С. 20.

[38] Устав Гимназии высших наук князя Безбородко // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 211, 214, 216–220.

[39] См. ***1815. Сентября 26 <14>. Вторник. Праздник Воздвижения Креста Господня. Париж***; ***1816. Октябрь. Санкт-Петербург.***

[40] *Аристов Н.* Состояние образования России в царствование Александра I-го // Известия Историко-филологического ин-та кн. Безбородко в Нежине. 1879. Т. 3. С. 85.

[41] См. ***1836. Декабря 5 <ноября 23>. Понедельник. Париж.***

[42] См. ***1825. Декабря 12. Суббота. День памяти святителя Спиридона Тримифунтского. Суббота. Нежин.***

[43] *Супронюк О. К.* Новые материалы о Н. Я. Прокоповиче (к изучению литературного окружения молодого Гоголя) // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М., 1995. С. 244.

[44] См. выше о делении нежинских воспитанников на классы «грамматики», «словесности», «риторики», «математики и философии», а также на разряды «принципистов», «грамматиков», «синтаксистов», «риторов», «пиитов» и «эстетиков».

[45] О телесных наказаниях, применявшихся в Нежинской гимназии, см., в частности: *Якубина Ю.* К истокам страха у Гоголя (нежинский период) // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2001. Вып. 7. С. 27–35.

[46] «...Страшный учитель, у которого на кафедре всегда лежало два пучка розг и половина слушателей стояла на коленях, сделал Ивана Федоровича аудитором, несмотря на то что в классе было много с гораздо лучшими способностями».

[47] *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 30.

[48] Устав Гимназии высших наук князя Безбородко. Стб. 219. – Отмечено: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009.* С. 620–621.

[49] *Кукольник Н.* И. С. Орлай. (Из памятной книжки) // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 71.

[50] См. ***1824. Около 1824 года. Нежин.***

[51] *<Кулжинский И. Г.> И. К.* Воспоминания учителя // Москвитянин. 1854. № 21. (Ноябрь. Кн. 1). Отд. V. С. 9.

[52] См. ***1828. Января вторая половина. Нежин*** (примечания).

[53] См. ***1826. Апреля конец. Санкт-Петербург*** (примечания).

[54] *Гр<еч>Н.* Парижские письма // Северная Пчела. 1846. 12 марта. № 57. С. 226.

[55] См.: *Виноградов И. А.* Узы небесного братства. Повесть Гоголя «Тарас Бульба» и ее судьба // Н. В. Гоголь и Православие. Сборник статей о творчестве Н. В. Гоголя. М.: Издательский дом «К единству!» Международного общественного Фонда единства православных народов, 2004. С. 112–197.

[56] Подробнее см.: ***1835. Октября 1. Вторник. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Санкт-Петербург.***

[57] *Михальский.* С. 234.

СЕНТЯБРЯ 21. СРЕДА

В. А. Гоголь-Яновский обратился к епископу Полтавскому и Переяславскому Мефодию (Пишнячевскому) с прошением разрешить построить в Васильевке церковь[1].

М. И. Гоголь вспоминала: «Церкви еще у нас не было и люди оттого терпели много неудобств, особенно в дурную погоду и при переездах через реку Голтву. Я начала просить мужа строить церковь. Он удивился и сказал: "Помилуй! как мы будем строить церковь, когда у меня нет и 500 рублей!", а я отвечала, что Бог поможет. В это время приехала маменька[2] и начала также уговаривать. И видно, что на это было Божье соизволение, потому что все начало устраиваться как бы само собою: на другой день приехал архитектор италианец, живший у Дм. П. Трощинского. Он охотно сделал план маленькой церкви для своей <нашей> деревни (двести душ) и кстати явился каменщик, искавший работы. Когда ему показали план и спросили, что он возьмет за то, чтобы наделать кирпич с нашими рабочими, он потребовал пять тысяч и приступил к работе. Он брал деньги по частям, но требовал прибавки, сожалея, что дешево запросил. Мы ему прибавили еще тысячу рублей. Итак, с Божией помощью церковь была окончена вчерне в течение двух лет[3]. (Говорят, что обет построить церковь в Васильевке был дан Марьей Ивановной перед рождением Н. В. Гоголя после двух неудачных родов[4]. — *Примеч. В. И. Шенрока. — И. В.*) Потом мы поехали в Ромны на Ильинскую[5] ярмарку и переменили старинное серебро на церковные вещи[6]. И чрез три года[7] после постройки началось служение»[8];

«В деревне нашей не было церкви. Свекор наш хотел было купить старую и перевезти в Васильевку, но скоро после того запретили строить деревянные[9], и намерение то гораздо прежде моего замужества было оставлено. Но, видно, Богу угодно было устроить у нас церковь. Когда я начала входить в хозяйство, расспрашивала старушек, мотавших у меня мотки, как они живут и счастливы ли в своих семействах, и узнала, что одно только их сильно беспокоит — переезд через реку Голтву, когда она разливается на очень большое пространство весной и осенью, и когда им случалось переезжать или бресть с больными к священнику, чтобы напутствовать их, то болезнь увеличивается, и часто они умирали. [Мне возродилась мысль выстроить церковь.] Отец моего мужа тогда уже умер, и некому было помышлять о ней, и я приступила с просьбой к моему мужу. Он удивился и сказал: "Помилуй, как мы будем строить церковь, когда у меня и 500 рублей никогда не остается от расходов наших?" — Я сказала: "Начни только, и Бог поможет". В то время приехала к нам маменька моя. Он рассказал ей наш разговор. Она со слезами тоже сказала: "Начните, и Бог поможет". Видно, на то было Божие изволение, потому что все начало устроиваться как будто само собою. На другой день приехал архитектор итальянец, живший у Дмитрия Прокофьевича. Он с удовольствием сделал план самой маленькой церкви, — только для наших крестьян, и тут же явился каменщик спрашивать, нет ли работы. Спросили его, строит ли он церкви? Он сказал, что везде, в знакомых нам местах, его постройки церкви. Показали ему план и спросили, что он возьмет, чтобы его рабочие и кирпичи делали; он сказал: 5000 рублей (тогда считалось на ассигнации). Торговаться уже было совестно. Услыша такую малую цену, приступили к делу. Наша была выпалка кирпича[10] и возка песку. [Когда нам было трудно в рабочее время вывозить песок, то мы просили сосед<ей> казаков несколько, но они затворялись в своих избах и не хотели ничего делать, полагая, что кирпич делают на винокурню. Но когда заложена была церковь, то начали помогать[11], кто чем мог, и мастер брал у нас по частям деньги, даже и по 25 рублей и раз недоволен бывал, иногда невесел, и когда мы узнали, что он жалеет, что мало взял, то еще прибавили ему одну тысячу.] Соседи наши не верили, что кирпич для церкви делают, вообразили себе, что хотят строить винокурню; но когда заложили церковь, то начали помогать козаки возить песок, и кто чем мог помогал. Мастеру еще прибавили одну тысячу рублей, видя, как он слишком мало потребовал. Он брал у нас деньги, смотря по надобности, даже и по 25 рублей. И так, с помощию Божией, церковь <была> окончена в течении трех лет»[12].

Сестра Гоголя Ольга Васильевна (в замужестве Головня) также указывала: «Потом отец выстроил церковь, за церквой лески[13]. У нас в девичьей стоял сундук длинной в 2 аршина, вышина и ширина около аршина, на крышке по средине дырочка; я спрашивала, для чего эта дырочка. Сказали мне, что этот сундук стоял у бабушки[14], она туда бросала медные деньги, и полный сундук был медяков, и на эти медяки построили церковь. Говорили, что церковь построена на 5 тысяч ассигнаций»[15].

В. А. Чаговец писал: «...С самых ранних лет поэт мог слышать, видеть, чувствовать на себе то настроение, в котором находилась бабушка поэта, затем мать, даже отец и впоследствии вся семья.

<...> ...В семье Гоголя мистицизм и религиозность были господствующим настроением, сопровождавшим все главнейшие моменты жизни. <...> Не говоря о том, что посещение церковных служб вменялось в обязанность всем, в семье Гоголя особенно любили посещать, по возможности пешком, святые места, монастыри, как напр<имер>, в Диканьке, Будищах, Лубнах и т. п. В Васильевке долгое время находился большой, обитый железом сундук, с проделанным в крышке отверстием, чрез которое бабушка часто опускала деньги, предназначенные на устройство храма...

На столе у них постоянно лежало Евангелие, а любимым чтением матери, бабушки, а потом и Ол<ьги> Вас<ильевны>[16] были Четьи-Минеи, в старинных кожаных переплетах. Религиозно-мистическое настроение часто даже склонялось в сторону аскетизма, выражавшегося в изнурительном посте, бывшем даже отчасти причиною смерти матери поэта, в продолжительном стоянии на молитве и пр.

У некоторых из членов семьи даже развилась потребность в аскетическом уединении и подвиге; так напр<имер>, в саду был устроен грот, предназначавшийся отцом Гоголя, любившим поэтические укромные уголки, для отдохновения и поэтических размышлений. Но вскоре музы должны были уступить место иному, высшему: туда перенесли иконы, св. книги, и, вместо поэтических вздохов, там раздавалось тихое, продолжительное, однообразное чтение молитв и псалмов. Ол<ьга> Вас<ильевна> говорит о себе, что она часто молилась до потери сознания, до полного изнурения, и даже от продолжительного стояния на холодном полу у нее стала замечаться опухоль ног! Вообще следует заметить, что Ольга Васильевна ближе всех других подходит к нашему поэту в религиозно-нравственном отношении, и их письма всегда проникнуты одним духом, одной идеей.

На всей семье лежала печать монастырского смирения и послушания, лишь изредка нарушаемого веселым характером Вас<илия> Афан<асьевича>, который не всегда мог поддержать общее настроение. Живой, общительный, душа общества, он всегда вносил живую струю веселящего и бодрящего юмора туда, где находился, впрочем, лишь тогда, когда обстоятельства не слишком теснили его»[17].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 26–27.

[2] Марья Ильинична Косяровская (в девичестве Шостак).

[3] Т. е. к осени 1823 г.

[4] См. ***1806 октябрь (после 1 числа) — 1807 сентябрь. В один из дней указанного периода***; ***1807 октябрь (после 1 числа) — 1808 сентябрь. В один из дней указанного периода***.

[5] «Впоследствии эта ярмарка была перенесена в Полтаву» (примеч. В. И. Шенрока). 5 июля 1851 г. А. С. Данилевский писал Гоголю в Москву: «На будущей неделе начинается наша последняя Ильинская ярмарка. Жаль, больно жаль, что нас лишают единственного пункта для сбыта наших несчастных сельских продуктов. С досадой в сердце и негодованием в душе поеду проститься с нашей родной ярмаркой. Не хочешь ли и ты со мной?»

[6] См. также ***1823. Осень. Васильевка***.

[7] См. ***1824. Сентября 8. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Васильевка***.

[8] Воспоминания М. И. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 47. – Устройство церкви тогда окончательно не было завершено, и в 1834 г. Гоголь по просьбе матери занимался составлением «плана» для иконостаса (см. ***1834. Декабря 15. Санкт-Петербург***). – См. также ***1826. Июня 26. Васильевка***.

[9] Право воздвижения новых церквей в 1726 г. было передано на усмотрение Святейшего Правительствующего Синода. Строительство деревянных храмов было запрещено на Украине во избежание пожаров указом российского правительства от 25 декабря 1800 г. (см.: Полн. собр. законов Российской империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 26. С. 482), а также указом Святейшего Синода от 26 мая 1801 г. Запрещение строить деревянную церковь и разрешение на строительство вместо нее каменной церкви Рождества Пресвятой Богородицы было получено А. Д. Гоголем-Яновским в 1802 г., после обращения, по его просьбе, в Святейший Синод преосвященного Сильвестра (Лебединского), епископа Малороссийского и Переяславского (см.: *РГИА.* Ф. 796. Оп. 83. Ед. хр. 30). – См. также ***1834. Января 7. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[10] См. ***1821. Сентябрь. Васильевка***.

[11] Эти события (помощь сельчан в возведении церкви и нежелание принимать участие в строительстве винокурни) впоследствии нашли отражение в повести Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» (1831) (см.: *Виноградов И. А.* ...И по ту, и по эту сторону Диканьки // *Гоголь 2009–2010.* Т. 1–2. С. 513–518). – См. также ***1824 — 1825 начало. Васильевка***.

[12] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 64.

[13] Ср. ***1850. Июля 1 – сентябрь после 23. Васильевка.***
[14] Т. С. Гоголь-Яновской (рожденной Лизогуб).
[15] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 207.
[16] См. ***1846 декабря между 25 и 31 <1847 января между 6 и 12>. Васильевка.***
[17] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей // *Свод.* Т. 1. С. 245.

СЕНТЯБРЯ 30. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Н. В. Кукольник вместе с матерью переселился из квартиры в помещении гимназии в частный дом.

Михед, Якубина. С. 392.

СЕНТЯБРЬ. ВАСИЛЬЕВКА

Доверенное лицо В. А. Гоголя-Яновского крепостной Антон Шлапак дважды сообщает Василию Афанасьевичу о выжигании кирпича.

«У Гоголей издавна существовал <...> свой кирпичный завод, что не представляло какой-нибудь редкости... <...> Этот завод работал, по-видимому, не только для нужд самого васильевского хозяйства[1], но и на сбыт. Во всяком случае, в <...> черновике “Описания Васильевки” фигурирует «кирпичный завод... с коего ежегодного доходу за всеми расходами двести рублей» <...> (1835 г.)».

Назаревский. С. 337–338.

[1] Помимо других целей, кирпич в то время был нужен в Васильевке для строительства церкви (см. ***1821. Сентября 21***).

ОКТЯБРЯ 6. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Гоголь в письме к родителям сообщает:

«Сюды ожидают со дня на день директора, которой уже утвержден в здешнюю гимназию. Директор же вам известный, доктор Орлай, которой был в Кибенцах[1]. <...> ...Пришлите мне следующие книги: Латинскую граматику[2], Латинский Лексикон[3], Греческую граматику[4], Священую Историю[5], Катихизис[6], Арифметику[7], Маф<е>матику Фусса[8] в трех частях и рисовальную книгу[9]».

[1] См. ***1821. Августа вторая половина. Михайлодар, Кибинцы.***

[2] Латинская грамматика. В пользу российского юношества тщательно и ясно расположенная, и с переводом российским изданная коллежским асессором Николаем Бантышем-Каменским. М.: Типография Имп. Московского университета <у Н. Новикова>, 1779; Латинская грамматика. В пользу российского юношества тщательно и ясно с российским переводом расположенная, и при вторичном издании исправленная и умноженная Николаем Бантышем-Каменским. М.: В Университетской типографии, у Н. Новикова. 1781 (3-е изд. М., 1783; 6-е изд. – 1798; 7-е изд. – 1801); Латинская грамматика. В пользу российского юношества тщательно и ясно с российским переводом расположенная, и при осьмом издании исправленная и умноженная Николаем Бантышем-Каменским. М.: В Университетской типографии, у Любия, Гария и Попова. 1803. 392 с. (9-е изд. – 1805; 10-е изд. М.: В Университетской типографии, у Любия, Гария и Попова. 1808; 11-е изд. – 1810; 12-е изд. – 1813); Латинская грамматика. В пользу российского юношества тщательно и ясно с российским переводом расположенная, и исправленная Николаем Бантышем-Каменским. М.: В Университетской типографии. 1818. 392 с.

[3] «Латинско-росссийский лексикон, с полным объяснением всех свойств и значений каждого латинского слова и с показанием собственных имен до Древней Географии и Мифологии относящихся, составленный

Иваном Кронебергом. 2 части. СПб., 1824 г., 8°. 1096+1270 столб. Изд. второе. (Первое, которое также имелось в библиотеке Гимназии высших наук, вышло в 1819–20 г.) – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 285).

Список «Учебники Гимназии высших наук» сопровожден в «Гоголевском сборнике» примечанием: «Список книг ученической библиотеки составлен по архивным данным (см. след<ующую> статью сборн<ика> <имеется в виду статья И. А. Сребницкого «Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук»>). Часть учебников сохранилась в Институте и Гимназии. Сюда же присоединены книги, которые читал Гоголь, будучи в Гимназии, насколько это известно по данным его биографии» (Гоголевский сборник. С. 279).

[4] В библиотеке нежинской гимназии сохранилось следующее изд.: «Краткая грамматика древнего греческого языка, издана по Высочайшему повелению. Четвертым тиснением. Ц<ена> без переплета 40 коп<еек>. СПб., в Департаменте народного просвещения, 1820, 16°, 92+II. Греческий язык был не обязателен всем, но Гоголь ему обучался (Письма, изд. Кулиша, V, 6–7 <имеется в виду просьба Гоголя в цитируемом письме к родителям (от 6 октября 1821 г.) прислать ему «Греческую грамматику»>). – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 282). См. также ***1822. Сентября средина. Нежин***.

[5] См. ***1819. Июня не позднее 30. Полтава.***

[6] Неоднократно переиздававшиеся в конце XVIII – начале XIX века «Сокращенный катехизис для обучения юношества православному закону христианскому, изданный при учреждении народных училищ в Российской империи» (СПб., 1-е изд. – 1784 г.; одобрен преосвященным Гавриилом (Петровым), митрополитом Новгородским и Петербургским). В основу катехизиса были положены катехизисы митрополита Платона (Левшина).

[7] См. ***1818. Август-декабрь. Полтава***.

[8] Имеется в виду изд.: «Начальные основания чистой математики, сочиненные Николаем Фуссом: ч. I, содержащая начальные основания алгебры, извлеченные из оснований сей науки знаменитого Эймера и ныне вновь изданные от Главного Правления Училищ. СПб., в типографии Департамента народного просвещения. 1820, 16°. 379+IV. Ч. II, содержащая начальная основания геометрии. СПб., при Императорской Академии Наук. 1817, 16°, 315+IV. Ч. III, содержащая: 1) Приложение алгебры к геометрии, 2) плоскую тригонометрию, 3) конические сечения и 4) основания дифференциального и интегрального исчисления. СПб., при Имп. Акад. Наук, 1817, 16°,400+IV. – <Собрание> Гимназии при Институте» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 282). См. также ***1822. Августа 29***; ***1824. Январь***; ***1824. Февраля 9***.

[9] Возможно имеется в виду изд.: Краткие наставления о рисовании и черчении, изданныя от Главнаго правления училищ. СПб.: При Имп. Академии наук, <1811>. 75 с. См. ***1822. Конец года. Нежин***.

ОКТЯБРЯ 7. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

«Октября 7-го правление донесло попечителю, что госпожа Кукольник, по предъявлении ей предписания[1], в тот же день оставила занимаемую в гимназическом здании квартиру и поместилась в частном наемном доме в Нежине[2]. Сын ее, Платон, еще некоторое время преподававший латинский язык, пожертвовал вслед за тем гимназии значительное число книг.

"Ревнуя усердию благотворителей рода человеческого, – пишет он в правление, – <...> основавших и старающихся усовершенствовать в малорусском крае гимназию высших наук, при образовании коей отец мой истощал все свои усилия и которой я сам желаю посвятить себя на службу, осмеливаюсь предложить в дар принадлежащее мне собрание отборных классических сочинений, состоящее из 500 томов. Я осмеливаюсь ласкать себя надеждою, что хотя приношение мое не может равняться с бесчисленными пожертвованиями господина почетного попечителя, коего усердию, щедроте и попечением о благе сего заведения едва ли найдутся примеры не только в империи, но и во всей вселенной; но снисходительное правительство не отринет моей дани, которую я, по силе

возможности своей, предлагаю, и приимет оную с тем человеколюбием и благосклонностию, с какими Отец небесный принял от бедной вдовицы два лепта".

Попечитель разрешил принять это пожертвование с благодарностию. Недолго, однако, и Платон Кукольник оставался в Нежине: в октябре он подал прошение об увольнении от службы, а 3-го декабря состоялся приказ об его увольнении. Вскоре и все семейство Кукольника переселилось из Нежина[3] в небольшое принадлежащее вдове имение в Виленской губернии. Так окончилась распря гимназического правления с семейством первого директора»[4].

«О <...> подтексте всех упомянутых фактов и возмутительном поведении "мудреца-негодяя", т. е. П. Никольского, писал Попечителю Х<арьковского> у<чебного> о<круга> <З. Я. Карнееву> архимандрит Виктор, но и тот был предупрежден, чтобы не вмешивался в "мирские дела". В архиве Попечителя Х<арьковского> у<чебного> о<круга> сохранилось прошение Софии Кукольник и переписка в связи с письмом архимандрита Виктора»[5].

[1] См. ***1821. Сентября 19. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1821. Сентября 30. Пятница. Нежин.***

[3] Вместе с семьей в октябре 1821 г. покинул Нежин и Н. В. Кукольник (см.: *Михед, Якубина.* С. 392). – См. также ***1823. Сентября 16. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[4] *Лавровский Н.* Гимназия высших наук князя Безбородко // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. Изд. второе, испр. и доп. СПб., 1881. С. 38–39.

[5] *Михальский.* С. 233. – См. также ***1821. Февраля 12. Нежин.***

ОКТЯБРЯ 14. ПЯТНИЦА

В. А. Гоголь-Яновский отправляет письма надзирателю Е. И. Зельднеру и сыну Николаю в Нежин.

См. ***1821. Октября 22. Нежин.***

ОКТЯБРЯ 22. СУББОТА. НЕЖИН

Е. И. Зельднер сообщает В. А. Гоголю-Яновскому:

«Приятнейшее письмо ваше от 14 с<его> м<есяца> я имел честь получить, также как и на имя *сына вашего, который до сих пор, слава Богу, в совершенном добром здоровье и очень весел. Я также могу вам справедливо сказать, что я на счет его прилежности теперь очень доволен.* <...> Иван Семенович Орлай от 3 числа прошлого месяца утвержден директором...[1] <...> ...Попечитель Харьковского учебного округа Корнеев прошлого месяца нам приказал тотчас выгнать госпожу Кукольникову с семейством из нашей гимназии по причине разных неудовольствий и беспокойства, которое она нам сделала[2]. Дети наши все в мондире и очень хорошо одеты. Еще прибавлены два учителя: протопоп Павел, как законоучитель, и профессор политических наук, г-н Билевич».

Щеголев П. Е. Школьные годы Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 422.

[1] См. ***1821. Сентября 3. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] «Вдова Кукольника после смерти мужа занималась сочинением изветов на преподавателей гимназии и в том числе и на Зельднера» (*Щеголев П. Е.* Школьные годы Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 423).

ОКТЯБРЯ 25. ВТОРНИК. ЯРЕСКИ

Д. П. Трощинский извещает Л. И. Голенищева-Кутузова:

«Уже начали съезжаться ко дню именин моих[1], и я крайне озабочен был множеством гостей моих, ежели б для облегчения моего в сем случае не подоспел вчера возвратиться из Киева пле-

мянник мой[2]. — Сколь ни довольно помещения в доме моем, но по числу приехавших и еще ожидаемых, принуждено было приготовлять квартир и у других, здесь живущих помещиков, которые охотно оказали мне в том свое снисхождение. Не знаю отчего, но я крайне скучаю подобными многолюдными собраниями, признавая более служащими к отягощению, нежели к увеселению хозяина, особливо, ежели сей хозяин так стар, как я, и еще и не очень здоров. В числе посетителей я ожидаю завтра и князя Репнина, который едет в Чернигов, а оттоль в Петербург».

Письмо от 24–26 октября (*Свод.* Т. 1 С. 134).

[1] См. ***1821. Октября 27. Кибинцы.***
[2] А. А. Трощинский.

ОКТЯБРЯ 27. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

«Своекоштным» учеником гимназии зачислен А. Г. Макаров.

Михальский. С. 234.

ОКТЯБРЯ 27. ЧЕТВЕРГ. КИБИНЦЫ

Начало празднования именин Д. П. Трощинского (28 октября — память святителя Димитрия, митрополита Ростовского).

В дни празднеств на сцене домашнего театра Д. П. Трощинского исполняются две пьесы Н. И. Хмельницкого[1] (1791–1845), в одной из которых, комедии «Говорун» (СПб., 1817; переделка пьесы Л. де Буасси), играла Мария Ивановна Гоголь-Яновская.

Сохранившаяся в архиве рукописная афиша дает представление о круге общения Гоголей в доме Д. П. Трощинского. Афиша была приложена Трощинским к письму Л. И. Голенищеву-Кутузову от 2 ноября 1821 г., в котором он сообщал: «Не буду описывать вам ни подробности моих деревенских праздников, ни лиц, участвовавших в них; скажу только вкратце, что в течение шести дней сряду за столом у меня садилось с лишком 90 персон, а на конюшне гостинных лошадей было более 200. — Забавы выдумывали разного рода, в которых наш любезный воен<ный> губернатор[2] преимущественно отличался. — На другой день именин моих сюрпризом для меня дан был спектакль, о коем афишку при сем прилагаю»[3].

«На здешнем Театре
Сего 1821-го года Октября 27-го дня
Благородным обществом любителей театра
Представлено будет
Говорун.
Комедия в одном действии в Стихах
Соч. Г-на Хмельницкого.
Действующие Лица:
Граф Звонов — Алексей Васильевич Капнист.
Прелеста — Ульяна Ивановна Барковская.
Модест — Иван Васильевич Капнист.
Чванова — Мария Ивановна Яновская.
Свахина — Софья Васильевна Капнистова.
Вестина — Марья Яковлевна Кафторова.
Вздорова — Луиза Крестьяновна Бауерова.
Лиза — княжна Прасковья Ивановна Хилкова.
Слуга — Ларион Иванович Трощинский.

За оною последует.
Воздушные Замки.
Комедия в одном действии в Стихах
Соч. Г-на Хмельницкого.
Действующие Лица:
Аглаева – Софья Васильевна Капнистова.
Альнаскаров – Иван Васильевич Капнист.
Виктор – Алексей Васильевич Капнист.
Саша – Княжна Прасковья Ивановна Хилкова.
Ипат – Ларион Иванович Трощинский.
Начало в 8 часов»[4].

По свидетельству Марии Ивановны, Гоголь в отроческом возрасте не принимал участия в развлечениях, которые устраивались в домах Гоголей и Трощинских: «Сын мой не участвовал ни в каких удовольствиях в доме нашем, он тогда был очень мал...[5] <...> ...Когда приезжал на каникулы при отце, то тогда мы были дома, не выезжали никуда; муж мой занимался садом и другими хозяйственными делами, так что для него была довольно монотонная <жизнь>, я также по своему хозяйству была всегда занята, и он всегда любил быть один и всегда был занят по своим летам, то делал какой необыкнове<нн>ый инструмент, то клетки для птиц с своим старым дядькой, заслуженным человеком, а более барабаны всегда бывали у него любимым занятием, он делал и производил в действие где-нибудь в углу двора или саду. <...> Отец его <...> писал увлекательно – сочинял комедии на русском и малорос<си>йском языке, но сын мой при жизни его не знал об этом, комедии его на малорос<с>ийском языке были играны на театре в Дмитрия Прокофиевича Трощинского, но сыну моему не случалось быть тогда, так <как> он в то время бывал в Нежине; по смерти своего отца приехавши домой и нашедши комедии на малорос<с>ийском языке, Роман и Параска, Овца и Собака, удивился, что отец его мог писать...»[6]

Настоящие слова Марии Ивановны являются прямым возражением на недостоверное свидетельство П. А. Кулиша в его первой статье о Гоголе: «...Николай Васильевич в самом раннем возрасте был окружен литературною и театральною сферою[7], и таким образом тогда уже был для него намечен предстоявший ему путь. Он, можно сказать, под домашним кровом получил первые уроки декламации и сценических приемов, которыми впоследствии восхищал близких своих приятелей»[8].

Т. Г. Пащенко в 1880 г. сообщал: «Бывший министром юстиции, Трощинский жил в своем богатом и знаменитом имении – Кибинцах, в великолепном дворце. Дряхлый старик этот, окруженный шутами, скоморохами и разными барскими прихотями тогдашнего времени, спокойно доживал здесь свой век. По праздникам, при приезде к нему гостей, он потешался различными причудами и в числе их – бросанием золотых в большую шестидесятиведерную бочку, наполненную водою. Кто из желающих опускался в бочку, как есть, во всем одеянии, и забирал сразу все золотые – тому они и принадлежали. Находилось много охотников из простонародья и нередко из лиц более или менее образованных. Но из многих удавалось весьма немногим схватить на дне бочки все золотые; большая же часть заинтересованных выползала из бочки только с несколькими червонцами, но не со всеми, промокала до нитки и должна была с досадою бросать золотые обратно в бочку... Однажды рискнула и ринулась в бочку и духовная особа[9], но неудачно: не дохватила только одного червонца... выдержала порядочную пытку, измочила шелковую рясу и должна была бросить пять или шесть золотых в бочку... Трощинский сидел на балконе с гостями и потешался водолазами, т. е. глупостию и жадностию людей. Отец Гоголя был соседом Трощинского и нередко приезжал к дряхлому старику в гости с женою, матерью Гоголя – дивною красавицею. Брали они с собою и Николая Васильевича»[10].

[1] См. также ***1839. Ноября 16. Четверг. Санкт-Петербург.***

[2] Князь Н. Г. Репнин-Волконский. «...Михаил Семенович Щепкин рассказывал, что Репнин однажды взял его с собой на обед, даваемый Трощинским, и представил хозяину как даровитого провинциального актера; несмотря на то, его посадили за особый стол одного. После обеда Репнин сделал Трощинскому выговор за эту неделикатность, и Матвею Ив<ановичу> <Муравьеву-Апостолу>, который при нем был адъютантом и за обедом не встал, когда пили здоровье царя, сказал: “Рано свои знамена показываешь!”» (Из записной тетради

Ф. Г. Толя // Михаил Семенович Щепкин. Жизнь и творчество. М., 1984. Т. 2. С. 163). – См. также ***1825 декабря 29 – 1826 января 3***.

[3] *Свод.* Т. 1. С. 134.

[4] *Свод.* Т. 1. С. 134–135.

[5] Имеется в виду период обучения Гоголя дома у «наемного семинариста» (1817 марта 19 – 1818 марта 18. В течение указанного периода. Васильевка), а также пребывания в Полтаве и Нежине.

[6] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 26.

[7] См. также свидетельство 93-летней С. Н. Данилевской в 1980 г.: «...Дядя <М. И. Гоголь> <...> сенатор Дмитрий Прокофьевич Трощинский, статс-секретарь Екатерины II <...> любил Марию Ивановну как родную дочь, а отца Гоголя любил как родного сына. Поэтому большую часть времени они жили в его имении Кибинцы. Отец ставил на сцене театра Трощинского свои пьесы на русском и украинском языках, а мать Гоголя часто выступала в главных ролях, потому что была не только дивной красавицей, но и талантливым человеком. В доме сенатора Гоголь с детства видел полотна английских, французских, голландских художников, слушал музыку Баха, Бетховена, Моцарта в исполнении домашнего оркестра, а в парке любовался итальянской скульптурой. Всё это воспитывало и развивало его талант...» (*Смирнова Р. А.* <Воспоминания о Гоголе его сестер в передаче С. Н. Данилевской (рожденной Быковой)> // *Свод.* Т. 3. С. 967).

[8] *Кулиш 1852.* С. 192. Несмотря на возражения Марии Ивановны, Кулиш перенес свое «свидетельство» и в «Опыт биографии Н. В. Гоголя...» 1854 г., и в «Записки о жизни Н. В. Гоголя...» 1856 г. (подробнее см.: *Свод.* Т. 1. С. 31).

[9] Вероятно, речь идет об отце Варфоломее, «отставленном вследствие умопомешательства заштатном священнике» (см. ***1823. Июль. Нежин, Васильевка, Кибинцы***).

[10] *Пашков В. К.* Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя <Т. Г. Пащенко> // *Свод.* Т. 1. С. 594.

ОКТЯБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – ДЕКАБРЯ ДО 10. НЕЖИН

Гоголь получает от родителей деньги и следующие учебные книги: «Краткую грамматику древнего греческого языка», первую часть «Руководства к арифметике» и «Начальные основания чистой математики, сочиненные Николаем Фуссом».

См. ***1821. Октября 6. Четверг. Нежин***; ***1821. Декабря 10. Суббота. Нежин***; ***1822. Января 7. Суббота. Нежин***.

НОЯБРЯ 1. ВТОРНИК. НЕЖИН

И. С. Орлай приступает к исполнению обязанностей директора гимназии[1]. Профессор К. В. Шапалинский по совместительству назначается на должности кассира, библиотекаря и члена пансионного правления[2].

В тот же день в число учащихся гимназии принят старший сын Орлая Александр.

«Журнал заседания по ученой части Гимназии, проведенного 1 ноября 1821 г. под председательством И. С. Орлая, в § 5 содержит информацию о старшем сыне директора: "Александр Орлай, обучавшийся в С.-Петербургской губернской гимназии в числе пансионеров на иждивении Кабинета Его Императорского Величества, желает быть помещенным в число вольноприходящих учеников Гимназии Высших Наук Князя Безбородко. <...> ...Определено: включить его в список учащихся вольноприходящим"»[3].

[1] *Лавровский 1879.* С. 125; Сребницкий 1902. С. 323; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 28. – «До этого времени систематических заседаний не было, правильного делопроизводства также (см. I-й Журнал заседания <конференции гимназии> 1-го ноября 1821 г. § I, а, б)» (*Сребницкий 1902.* С. 420).

[2] «С 1-го ноября 1821 года по 1-е декабря 1824 года исправлял в Гимназии Высших Наук Князя Безбородко должность кассира с усерднейшею ревностью, без жалованья; а с 1-го ноября 1821 по 1-е июля 1822, без жалованья же, исправлял должность библиотекаря. <...> С 1-го ноября 1821 по 26-е октября 1830 исправлял должность члена пансионного правления без жалованья» (*Редкин П.* К. В. Шапалинский // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 318).

[3] *Михед, Якубина.* С. 404.

НОЯБРЯ 19. СУББОТА. НЕЖИН

Состоялось очередное заседание конференции Гимназии высших наук.

«И. С.Орлай нашел большой недостаток в учебных пособиях, почему и постановлено приобрести (V (19 ноября, 1821) § 1):

Учебные книги:

1. Курс математики Г. Фусса[1].
2. Всеобщая география Г. Гейма[2].
3. Всеобщая история Кайданова[3].
4. Риторика Могилянского <Могилевского>[4].
5. Руководство к красноречию Мерзлякова[5].
6. Nova chrestomatia prosaica. Mosquae. Typis universitatis Mosquensis 1818.
7. Басни Федра, изданные Кошанским[6].
8. La chrestomathie française. Moscou. 1815».

Сребницкий 1902. С. 420.

[1] См. ***1821. Октября 6. Четверг. Нежин.***

[2] *Гейм И.* <*А.*> Начертание Всеобщего Землеописания по новейшему разделению государств и земель. 2-е изд., испр. и весьма умноженное. М., 1819.

[3] Руководство к познанию Всеобщей политической Истории, сочиненное Профессором Императорского Царскосельского Лицея Иваном Кайдановым. СПб., 1821. Ч. 1–3; с синхронистическими таблицами. (2 е изд. вышло в 1823 г.) В списке книг, составленном осенью 1826 г. в Москве В. В. Тарновским, «Руководство к познанию всеобщей Политической Истории, сочиненное Ив. Кайдановым. Часть III» значится с пометой: «Гимназическая» (*Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 883).

[4] Имеется в виду книга профессора богословия в Харьковском университете протоиерея А. Г. Могилевского: Российская риторика, основанная на правилах древних и новейших авторов, изданная Кафедрального Харьковского Собора Протоиереем Афанасием Могилевским, Харьковского общества наук Членом. Харьков: В Университетской типографии, 1817. (2-е изд. вышло в 1824 г.; 263 с.) – См. также ***1825. Августа 14 – декабря средина. Нежин.***

[5] Вероятно, имеется в виду учебник А. Ф. Мерзлякова «Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических. В пользу благородных воспитанников университетского пансиона» (М., 1809; 4-е изд. – 1828). Позднее был издан его «Конспект лекций Российского красноречия и поэзии» (М., 1827).

[6] «Басни Федра, изданные Кошанским, профессором Лицея. СПб., в Медицинской типографии, 1814 года, 16°, 200+II. Латинский текст с русскими примечаниями.– <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 283).

НОЯБРЯ 30. СРЕДА. НЕЖИН

Надзиратель Е. И. Зельднер уволен с должности преподавателя немецкого языка[1]. (Вместо него на должность профессора немецкой словесности назначен М. В. Билевич[2].)

В том же ноябре, 12 числа, обсуждался вопрос об увольнении с должности учителя французского языка надзирателя Авг. И. Амана[3].

Позднее, 29 апреля 1822 г., в журнале заседания Конференции гимназии, в частности, было записано, что И. С. Орлай с самого своего вступления в должность директора отмечал низкий преподавательский уровень Авг. И. Амана: «...Аман <...> имеет знание французского языка только такое, какое практическим образом приобрел как природный француз по одному навыку от своих родителей, и к объяснению литературы языка сего в классах по ученой методе и по правилам высшей словесности неспособен, как необучавшийся наукам в публичных высших учебных заведениях... <...> ...Недостаток сей замечен не токмо и Директором, но и родителями юношей, <...> и вообще всею нежинскою публикою»[4].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 29.
[2] См. ***1821. Декабря 13. Вторник. Нежин.***
[3] *Михед, Якубина.* С. 342, 429.
[4] *Сребницкий 1902.* С. 327–328.

ДЕКАБРЯ 1. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

«Распоряжением Конференции Гимназии (VII, 1 дек<абря> 1821; § 4) запрещено иметь свои книги без разрешения инспектора; в том же заседании (§ 9) произведен подсчет всем книгам библиотеки (их оказалось 2610 отдельных книг) и постановлено составить постепенно каталог им».

Сребницкий 1902. С. 420.

ДЕКАБРЯ 9. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

И. С. Орлай получает присланную В. А. Гоголем-Яновским плату за обучение сына в размере 500 рублей ассигнациями[1].

«КВИТАНЦИЯ

Деньги пять сот рублей государственными ассигнациями, следовавшие от Г. Коллежского Асессора Василия Афанасиевича Гоголя-Яновского, за содержание сына его, Николая Яновского, в Пансионе при Гимназии высших наук Князя Безбородко, на вторую половину 1-го года, считая с 1-го ноября текущего года, получил Директор оной Гимназии Статский Советник и Кавалер Иван Орлай, в чем и дал сию ему Г. Гоголю-Яновскому за своеручным подписанием квитанцию. Деньги же 500 р<ублей> отданы исправляющему должность Кассира для причисления их к общей казенной Гимназической сумме. 1821 года дек<абря> 9.

Директор *Иван Орлай.*

№ 59.

Исправляющий должность Кассира младший Профессор Шапалинский»[2].

[1] См. также ***1821. Апреля между 25 и 30. Нежин***; ***1822. Марта 3. Пятница. Санкт-Петербург*** (примечание); ***1822. Марта 23***; ***1827. Января 28. Васильевка.***
[2] *Свод.* Т. 1. С. 385.

ДЕКАБРЯ 10. СУББОТА. НЕЖИН

Гоголь пишет родителям:

«Благодарю вас за деньги, только книги вы не все прислали[1], и для того я прошу покорнейше прислать мне книги, необходимо нужные именно: Латинскую Граматику Бандыша-Каменскаго,

Латинский Лексикон, Французкие разговоры[2] и Немецкие разговоры[3] и рисовальную книгу. <...> Еще прошу вас прислать мне Нравоучительные Сказки Г-на Мармонтеля[4], потому что мы их переводим на французкой язык. У всех здесь есть, а у меня нет.

Ежели угодно вам будет, чтоб я учился танцовать и играть на скрыпке и фортепиано, так извольте заплатить 10 рублей в месяц; я уже подписался хотевшим учиться на сих инструментах, также и танцованию, но не знаю, как вам будет угодно».

[1] См. ***1821. Октября 6. Четверг. Нежин***; ***1821. Октября вторая половина — декабря до 10. Нежин***.

[2] Новые разговоры французские и российские, разделенные на 130 уроков, для употребления юношества и всем желающим учиться сим языкам, изданы Иоан. Фил. Вегелином. М. 1788 (последние изд. — М.,1819; СПб., 1821).

[3] Новые разговоры немецкие и российские, разделенные на 130 уроков, для употребления юношества и всем начинающим учиться сим языкам, изданные Иоан. Фил. Вегелином. М., 1789 (6-е изд. — М., 1819).

[4] Нравоучительные сказки Господина <Ж. Ф.> Мармонтеля, члена Академии Французской; перевел с франц. Павел <И.> фон-Визин (М., 1764. Ч. 1–2; 2-е изд. — М., 1787–1788. Ч. 1–3).

ДЕКАБРЯ 13. ВТОРНИК. НЕЖИН

М. В. Билевич утвержден в должности учителя немецкой словесности.

Лавровский 1879. С. 165; *Лавровский 1879* (*отд. изд.*). С. 64.

ДЕКАБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. НЕЖИН

Гоголь, в числе других десяти пансионеров гимназии, наказан за плохое поведение.

21 декабря 1821 г. надзиратель пансиона «француз» Авг. И. Аман отметил: «В случай потеря <по случаю потери> прежнего Журнала замечать должно самые отличные в худом поведении во время двухдневных дижурств замеченые были многократно за шалость, драку, грубость и неопрятность и непослушание: Щербак, Данченко, Пузыревский, 2-й Миницкий, Макаров, NB 2-й Бороздин, NB Герард, 1-й Прокопович, Яновский, Бардовский — получили достойное наказание за их худое поведение».

<Листы из журнала классных надзирателей пансиона Гимназии высших наук князя Безбородко К. С. Павлова, Авг. И. Амана и Е. И. Зельднера о поведении учащихся, в том числе Н. Яновского (Гоголя), 10–22 декабря 1825 <1821> г.> // *Свод*. Т. 1. С. 453. — Датировка уточнена.

ДЕКАБРЯ 17. СУББОТА. НЕЖИН

Надзиратель пансиона К. С. Павлов дважды наказывает Николая Гоголя (Яновского), в числе других учеников-пансионеров, за плохое поведение:

«Бардовский, А. Миницкий, Яновский — за дурные слова стояли в углу»; «Яновский — за неопрятность стоял в углу».

<Листы из журнала классных надзирателей пансиона Гимназии высших наук князя Безбородко К. С. Павлова, Авг. И. Амана и Е. И. Зельднера о поведении учащихся, в том числе Н. Яновского (Гоголя), 10–22 декабря 1825 <1821> г.> // *Свод*. Т. 1. С. 453. — Датировка уточнена.

ДЕКАБРЯ 19. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Надзиратель пансиона «француз» Авг. И. Аман дважды наказывает Николая Гоголя (первый раз вместе с Андреем Пузыревским) за леность и невыученные уроки:

«Пузыревского, Яновского <т. е. Гоголя> – за леность без обеда и в углу, пока не выучат свои уроки»; «Яновского за упрямство и леность особенною <особенную> без чай <без чая>».

<Листы из журнала классных надзирателей пансиона Гимназии высших наук князя Безбородко К. С. Павлова, Авг. И. Амана и Е. И. Зельднера о поведении учащихся, в том числе Н. Яновского (Гоголя), 10–22 декабря 1825 <1821> г.> // *Свод*. Т. 1. С. 453. – Датировка уточнена.

ДЕКАБРЯ 20. ВТОРНИК. НЕЖИН

Надзиратель пансиона «немец» Е. И. Зельднер, по записке младшего профессора математики К. В. Шапалинского и по представлению законоучителя протоиерея П. И. Волынского, наказывает Николая Гоголя, вместе с другими учениками, за леность и дурное поведение:

«По записку <по записке>, которой <которую> Г-н Проф<ессор> Шапалинский отдал Инспектору, были без обеда, кроме суп<а>, за шум и шалость и леность во время его класе <его класса> следующие: 1-й Лукашевич, Халчинский, Бороздин 3-ий, Макаров, Яновский. <...>

Н. Яновский за то, что он занимался во время клас<с>а Священника с игрушками, был без чаю»[1].

12 ноября 1854 г. П. А. Кулиш, сообщая О. М. Бодянскому о собранных им материалах для биографии Гоголя, в частности, замечал: «Журнал надзирателей в лицее времен Гоголя в моем распоряжении»[2]. Журнал, был, вероятно, получен Кулишом в начале ноября 1854 г. от И. А. Максимовича[3]. Фрагмент рукописи был опубликован Кулишом в 1856 г. под заглавием: «Отрывок из журнала, веденного надзирателями гимназического пансиона во время пребывания в нем Гоголя»: «В случай потеря[4] прежнего журнала замечать должно самые отличные в худом поведении. Во время двух дневных дежурства замеченые были многократно за шалость, драку, грубость, неопрятность и непослушание: (такие-то и) Яновский (Гоголь) получили достойное наказание за их худое поведение.

13-го <17> декабря, (такие-то и) Яновский за дурные слова стояли в углу.

Того же числа, Яновский за неопрятность стоял в углу.

19-го декабря, П<рокопови>ча и Яновского за леность без обеда и в угле, пока не выучат свои уроки.

Того же числа, Яновского за упрямство и леность особенною – без чай.

20-го декабря, (такие-то и) Яновский – на хлеб и на воду во время обеда.

Того же числа, Н. Яновский, за то, что он занимался во время класса священника с игрушками, был без чаю»[5].

П. А. Кулиш ошибочно датировал листы из журнала 1828 г.[6], В. И. Шенрок – 1827 г.[7] Между тем помета в журнале: «Вторник, 20-го декабря», как и другие записи: «Суббота, 10 декабря», «11-е число, воскресенье», «12-го, понедельник», «Воскресение 18-го декабря», точно указывают, что все они относятся либо к 1821, либо к 1827 г.; при этом бумага, на которой сделаны записи, имеет водяной знак «ФС 1821» (что означает: Фабрика Сомова, 1821 г.)[8]. На 1821 г. определенно указывают и все имена упоминаемых здесь учеников, поступивших к этому времени в пансион нежинской гимназии, да и само содержание документа, свидетельствующее о том, что все пресекаемые надзирателями шалости совершались детьми, а не совершеннолетними юношами.

В 1901 г. В. И. Шенрок, имея в виду шуточное упоминание Гоголя в письме к Г. И. Высоцкому от 17 января 1827 г. о «Батюшечке» – законоучителе гимназии протоиерее Павле Ивановиче Волынском («Демиров-Мишковский, Батюшечка и Урсо кланяются по пояс»[9]) – пояснял: «Священник законоучитель Волынский, по словам Данилевского, «большой враг Гоголя», которого он часто наказывал...»[10] В связи с этой фразой

В. И. Шенрок отмечал, что в «кондуитных списках» гимназии сохранилась запись (от 20 декабря): «Н. Яновский за то, что он занимался во время Клас<с>а Священника с игрушками, был без чаю»[11]. Таким образом Шенрок ошибочно связывал запись гимназического надзирателя об «игрушках» с 1827 г. (когда Гоголю исполнилось восемнадцать лет).

Неудовлетворительные отметки Гоголя по Закону Божию также относятся отнюдь не к 1827 г., а к гораздо более раннему времени – к 1822–1823 гг.[12]

Исходя из этого, можно предположить, что приведенное Шенроком в 1901 г. свидетельство А. С. Данилевского – о непростых взаимоотношениях Гоголя с отцом Павлом Волынским – также связано главным образом с обстоятельствами, относящимися к первым годам пребывания Гоголя в «нежинской бурсе» – к 1822–1823 гг.

Что касается 1827 г., то именно Данилевский был отчислен тогда из гимназии за чтение «неприличных» книг и сочинение стихов, «не показывающих чистой нравственности»[13]. Думается поэтому, что к свидетельству Шенрока следует в данном случае относиться с осторожностью, – «врагом» отец Павел в гораздо большей степени мог быть для Данилевского, а не для Гоголя (в целом, Данилевский учился хуже Гоголя[14]). Именно в письме к Г. И. Высоцкому от 17 января 1827 г. находится замечание Гоголя о том, что Данилевский из гимназии «выбыл», так как «здесь он весьма худо вел себя». (Позднее, в 1830-х гг., Гоголь стремился оказывать на Данилевского нравственное влияние[15].) Не случайно, И. А. Сребницкий, рассматривая затронутый Шенроком вопрос о поведении Гоголя в гимназии, прямо выражал в связи с этим сожаление, что биограф не был знаком с материалами нежинского архива: «...Удивительным представляется пренебрежение со стороны биографов Гоголя <...> архивом бывшей Гимназии высших наук <...> Позволим себе выразить удивление, что В. И. Шенрок, задумавший такой обстоятельный труд о Гоголе и бывший так близко от Нежина во время поездки своей в Сумской уезд к А. С. Данилевскому, не счел нужным побывать здесь и воспользоваться здешним архивом»[16].

Критически к свидетельству Шенрока заставляет отнестись и то обстоятельство, что сам биограф оценивал религиозность Гоголя как «неправильное» направление его таланта, – высказывая при этом сожаление о якобы «недостатке образования» зрелого Гоголя, о «поразительно-смутных» представлениях его «о движении науки, о прогрессе и проч.»[17] По замечанию одного из рецензентов «Материалов для биографии Гоголя», Шенрок, рассказывая о Гоголе, постоянно «боится уронить себя чрезмерным пристрастием к человеку, уронившему себя ретроградным образом мыслей в переписке с друзьями и заклейменному кличкой "покаянного консерватора"»[18]. Примечательно, что, опубликовав в 1892 г. в «Материалах для биографии Гоголя» – со слов покойного Данилевского (умер в 1888 г.) – свидетельство о близости Гоголя к «прогрессивному» профессору Н. Г. Белоусову – одному из осужденных по «делу о вольнодумстве» («...его <...> стал отличать профессор истории Белоусов, которого он, в свою очередь, весьма уважал и любил»[19]), Шенрок не привел тогда «соответствующий» факт о «вражде» между Гоголем и протоиереем Павлом Волынским, но сделал это лишь спустя тринадцать лет после смерти мемуариста, в 1901 г. Это обстоятельство тем более настораживает, что задолго до публикации Шенрока в печати появилось (а затем было поддержано) свидетельство о прямо противоположном отношении Гоголя к домовой церкви Нежинской гимназии и ее настоятелю[20].

[1] <Листы из журнала классных надзирателей пансиона Гимназии высших наук князя Безбородко К. С. Павлова, Авг. И. Амана и Е. И. Зельднера о поведении учащихся, в том числе Н. Яновского (Гоголя), 10–22 декабря 1825 <1821> г.> // *Свод.* Т. 1. С. 453. – Датировка записей уточнена.

[2] Титов А. Письма П. А. Кулиша к О. М. Бодянскому. Киев, 1898. С. 82.

[3] См.: *Свод.* Т. 1. С. 8.

[4] См. 1821. Декабря первая половина. Нежин.

[5] *Кулиш 1856.* Т. 2. С. 274–275.

[6] *Кулиш 1856.* Т. 2. С. 274–275.

[7] *Шенрок В. И.* Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский // Вестник Европы. 1890. № 1. С. 83; см. также: *Шенрок.* Т. 1. С. 107; Шенрок В. И. Ученические годы Гоголя. Биографический очерк. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1898. С. 92.

[8] *Клепиков С. А.* Филиграни на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М., 1978. С. 58, 83.

[9] См. ***1827. Января 17. Понедельник. Нежин.***

[10] Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 505.

[11] Письма Н. В. Гоголя. Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 56.

[12] См. ниже. – Вряд ли вообще правомерно посредственные отметки Гоголя по Закону Божию – полученные к тому же в самые первые годы его пребывания в гимназии (а именно, во второй год обучения) – приводить в качестве «доказательства» «вражды» между Гоголем и законоучителем отцом Павлом. «Приводимые биографами Гоголя отметки о его лености, непослушании, дерзости, неопрятности, – отмечал в 1902 г. И. А. Сребницкий, – относятся еще ко времени пребывания Гоголя в низших классах гимназии, и эти проступки его очевидно

не выходят за пределы детских провинностей, от которых не свободен кондуит любого гимназиста и до наших дней» (*Сребницкий 1902*. С. 305–306).

[13] См. ***1826. Октября 26***.

[14] См. раздел Гоголь в документах Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине в изд.: *Свод*. Т. 1. С. 437–489.

[15] См. в частности, ***1839. Февраля 12 <января 31>. Рим***; *Виноградов И. А.* Гоголь и Литургия: К истолкованию одного письма // Лит. учеба. 1995. № 2–3. С. 204–206.

[16] *Сребницкий 1902*. С. 291–292.

[17] См.: *Шенрок*. Т. 4. С. 6, 16, 107, 193.

[18] Н. Материалы для биографии Гоголя В. И. Шенрока... // Русский Вестник. 1893. № 5. С. 336.

[19] См. ***1825. Февраля 16. Понедельник. Санкт-Петербург***; см. также ***Около 1827. Нежин***.

[20] См. ***1827. Декабрь. Нежин***.

1821

ДЕКАБРЯ 23[1]. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

В связи с приближением Рождества Христова[2] гимназисты, вероятно, отпущены на каникулы по домам[3]. Гоголь проводит рождественские каникулы в пансионе[4] (возможно, лишенный поездки домой за неудовлетворительное поведение[5]).

[1] 22 декабря 1821 г. учащиеся были еще в стенах гимназии под надзором воспитателей (см. <Листы из журнала классных надзирателей пансиона Гимназии высших наук князя Безбородко К. С. Павлова, Авг. И. Амана и Е. И. Зельднера о поведении учащихся, в том числе Н. Яновского (Гоголя), 10–22 декабря 1825 <1821> г.> // *Свод*. Т. 1. С. 456. – Датировка записей уточнена).

[2] В воскресенье 25 декабря 1821 г.

[3] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 30.

[4] См. ***1823. Ноябрь – декабря начало. Нежин***.

[5] См. ***1821. Декабря первая половина. Нежин***; ***1821. Декабря 17. Суббота. Нежин***; ***1821. Декабря 19. Понедельник. Нежин***; ***1821. Декабря 20. Вторник. Нежин***; ***1822. Декабря средина. Нежин***.

1822

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. КИЕВ

«Харьковский Учебный Округ. <...> В Киевской <Губернии>. <...> В Гимназии *Учители*: <...> Слов<есных> наук Николай Белоусов; <...> Франц<узского> яз<ыка> Иван Яковлев<ич> Ландражин; <...> Латинс<кого> яз<ыка> Семен Андрущенко...»

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1822. СПб., 1822. Ч. 1. С. 462.

ЯНВАРЯ 7. СУББОТА. НЕЖИН

Гоголь, отвечая на письмо родителей, вновь просит их прислать или привезти «весьма нужные» учебные книги[1]: «Краткую священную историю Церкви Ветхого и Нового Завета», «Сокращенный катехизис для обучения юношества православному закону христианскому», вторую часть «Руководства к арифметике», «Латинско-росссийский лексикон», «Нравоучительные сказки Г. Мармонтеля», «Краткие наставления о рисовании и черчении», а также «Французскую грамматику»[2]:

«И еще нравственные примеры[3] с картинками, о коих я уже вам писал, что они нужны для перевода с русского на французской язык».

Кроме того, просит прислать 10 рублей (8 рублей он должен за чужой ножик[4], который у него украли, и 2 рубля на письма), тулуп и два жилета. В конце письма добавляет:

«Еще прошу вас, пришлите мне тулуп, потому что нам не дают казенного ни тулупа, ни шинели, а только в одних мундирах несмотря на стужу[5]. И еще ежели б вы прислали жилетов хоть два. Здесь нам дают по одному жилету».

[1] См. ***1821. Октября 6. Четверг. Нежин***; ***1821. Октября вторая половина – декабря до 10. Нежин***; ***1821. Декабря 10. Суббота. Нежин***.

[2] Учебник профессора Московского университета Тимофея Ивановича Перелогова (1765 – 29 марта 1841) «Французская грамматика, содержащая в себе легкий и основательный способ учиться сему языку» (М.: В Университетской типографии, 1801. 167 с.; 3 изд., дополненное – 1814; 4 изд. – 1822; 6-е изд. – 1831; 7-е изд. – 1832). – См. также ***1822. Августа 29. Вторник. Нежин***.

[3] Возможно, имеется в виду переводное изд. (с нем. языка): Примеры мудрости и добродетели, выбранные из Истории, с наставлениями для детей, изданные И. Ф. Федерсеном. Для детского чтения. М., 1787. Ч. 1–2.

[4] Ср. в повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»: «Когда кому нужда была в ножике очинить перо, то он немедленно обращался к Ивану Федоровичу, зная, что у него всегда водился ножик; и Иван Федорович, тогда еще просто Ванюша, вынимал его из небольшого кожаного чехольчика, привязанного к петле своего серенького сюртука, и просил только не скоблить пера острием ножика, уверяя, что для этого есть тупая сторона».

[5] См. также ***1829. Января 3. Четверг. Рождественские святки. Санкт-Петербург*** (примечания).

ЯНВАРЯ 21. СУББОТА. НЕЖИН

Директор гимназии И. С. Орлай получил уведомление попечителя Харьковского учебного округа З. Я. Карнеева об утверждении С. М. Андрущенко на должность младшего профессора латинской словесности.

«З. Карнеев благосклонно отнесся к кандидатуре Андрущенко, “который, – как пишет Карнеев, – по известной мне христианской нравственности и хорошим познаниям может принесть желаемую пользу управляемой вами Гимназии”».

Михед, Якубина. С. 455.

ЯНВАРЯ 24. ВТОРНИК. НЕЖИН

Гоголь, обучавшийся во втором отделении гимназии, после сдачи экзаменов переходит в третий класс.

Классы, вместо отделений, были учреждены в гимназии решением конференции 24 января 1822 г.[1] (Для преподавания Закона Божьего, языков и рисования три отделения сохранялись[2]. И. С. Орлай предложил организовать их по степени подготовленности воспитанников в языках[3].) На рассмотрение конференции 24 января 1822 г. И. С. Орлай вынес также предложение о надзоре за поведением «вольноприходящих» гимназистов во внеучебное время. Эти обязанности были возложены на надзирателей Е. И. Зельднера и Авг. И. Амана[4].

«...В январе 1822 г. <...> Гоголя экзаменовали по десяти предметам (закону Божьему, арифметике, географии, истории, логике[5], российской, латинской, французской и немецкой грамматикам и рисованию). По семи из этих предметов Гоголь обнаружил отличные знания <балл 4>[6], по закону Божьему и российской грамматике хорошие <балл 3>, а слабые только по французской грамматике <балл 1>. Общая оценка его знаний на экзаменах по классификации конференции Гимназии высших наук (протокол от 24 января 1822 г.) – 4, которая являлась высшим баллом... <...> С этой общей отличной оценкой по предметам – 4 Гоголь был переведен из второго в третий класс гимназии (протокол конференции нежинской гимназии от 24 января 1822 г., подписанный директором и четырьмя профессорами)»[7].

«Отдельный перечень из 23 вопросов <составленный протоиереем Павлом Волынским> соотносится с объемом сокращенного Катехизиса: «1. Что есть Катехизис, на сколько частей разделяется, кого мы называем Богом и какие бытия Божьи? 2. Какое существо есть Бог и какие из сего выводятся заключения? 3. Что есть богопочтение, какое оно бывает и как мы должны отдавать Богу почтение? 4. Что содержится в богопочтении откровенно из откровения научаемся, что есть Вера и что содержится в учении о Вере? 5. Где изъясняется сокращенное учение о Вере и как Символ веры разделяется и читается? 6. Что доказывает первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой и восьмой член Символа? 7. Что называется Таинствами или Священствами, сколько содержит наша Церковь таинств?..»[8]

[1] *Лавровский 1879.* С. 128.

[2] См. ***1822. Января 28. Санкт-Петербург.***

[3] *Сребницкий 1902.* С. 325.

[4] *Лавровский 1879.* С. 148.

[5] В третьем классе преподавание логики было отменено.

[6] Согласно таблице с отметками Гоголя «по поведению и успехам» за 1822 год, опубликованной Н. А. Лавровским, экзаменационную оценку «4» в январе, «перед распределением по классам вместо прежних отделений», Гоголь получил по шести дисциплинам, так как его успехи по рисованию были оценены на 2 балла (по четырехбалльной системе). («Средний вывод – $3\,^{6}/_{9}$»). Кроме того, по поведению Гоголь получил «3» (Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822. <3 класс> // *Свод.* Т. 1. С. 442).

[7] <Оценки успеваемости Гоголя по результатам экзаменов в январе 1822 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 440.

[8] *Михед, Якубина.* С. 418.

ЯНВАРЯ 24 – ИЮЛЯ 1. НЕЖИН

Гоголь учится в третьем классе гимназии. Изучает девять дисциплин: Закон Божий, русскую грамматику, историю, географию, арифметику, латинский, французский, немецкий языки, рисование. Его «поведение вне класса» оценивается «от трех надзирателей»: «русского», «француза» и «немца».

Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822. <3 класс> // *Свод.* Т. 1. С. 442.

ЯНВАРЯ 28. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министр Духовных дел и народного просвещения князь А. Н. Голицын утверждает расписание занятий в Гимназии высших наук в Нежине.

Росписание учебных предметов для шести классов и трех отделений								
По утру								часы
За полчаса до начатия классов прочитывается одна глава из Священного Писания Нового Завета.								
Классы		Понедельн<ик>.	Вторник	Среда	Четверг	Пятница	Суббота	8-й час и первая половина 9-го проходит в повторении уроков под надзором Смотрителя. Вторая половина 9-го часа и 10-й час – учение в классах.
	1	Арифмет<ика>	Р<оссийская> Грамма-т<ика>	География и История	Арифметика	Р<оссийская> Граммат<ика>	География и История	
	2	География и История	Арифметика	Р<оссийская> Граммат<ика>	География и История	Арифметика	Р<оссийская> Граммат<ика>	
	3[1]	Р<оссийская> Граммат<ика>	География и История	Арифметика	Р<оссийская> Граммат<ика>	География и История	Арифметика	
	4	Словесность	Математика	География и История	Словесность	Математика	География и История	8-й час и первая половина 9-го – учение в классах. Вторая половина 9-го часа и 10-й проходит в повторении уроков и приуготовлении в отделения под надзором Смотрителя.
	5	Математика	География и История	Словесность	Математика	География и История	Словесность	
	6	История и География	Словесность	Математика	География и История	Словесность	Математика	
Отделения	1	Француз<ский>	Зак<он> Божий	Латинский	Немецкий	Латинский	Зак<он> Божий	11-й и 12-й час – учение в классах.
	2	Немецкий	Французский	Немецкий	Французский	Немецкий	Французский	
	3	Латинский	Немецкий	Французский	Латинский	Французский	Немецкий	
	По полудни							
	1	Немецкий	Французский	Рисование	Француз<ский>	Немецкий	Рисование	3-й и 4-й час – учение в классах.
	2	Закон Божий	Латинский		Закон Божий	Латинский		
	3	Французский	Закон Божий		Немецкий	Закон Божий		
Распределение времени вне класса, сделанное для Пансионеров Гимназии и Министром Духовных дел и народного просвещения утвержденное 28 января 1822 года.								

Сребницкий 1902. С. 324.

[1] С 24 января 1822 г. Гоголь учится в третьем классе. Согласно настоящему расписанию, 28 января, в субботу, он, вместе с другими учениками, с 7.30 до 8.00 ч. должен был выслушать одну главу из Нового Завета, с 8.00 до 9.30 ч. – повторить уроки под надзором смотрителя; с 9.30 до 11.00 – быть в классе на уроке арифметики; с 11.00 до 13.00 – на уроке немецкого языка; после перерыва на обед, с 15.00 до 17.00 – присутствовать на уроке рисования. – Таким же образом можно расписать каждый день учебных занятий Гоголя в первой половине 1822 г. (возможно, такой расчет будет верен также для более позднего периода).

ЯНВАРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Попечитель Харьковского учебного округа З. Я. Карнеев посылает И. С. Орлаю предписание доставить заключение конференции по предложению графа А. Г. Кушелева-Безбородко учредить в гимназии историческое общество:

«Почетный попечитель, граф Кушелев-Безбородко, желая учредить при гимназии сей ученое общество, которое в собственности занималось бы историческими изследованиями, до того края относящимися, испрашивает Его Сиятельства согласия на учреждение оного, по примеру существования такового же общества при Ярославском Демидовском высших наук училище, которого привиллегии Всемилостивейше распространены и на означенную гимназию».

Лавровский 1879. С. 191–192. См. также ***1822. Февраля 10.***

ЯНВАРЬ. ВАСИЛЬЕВКА

В. А. Гоголь-Яновский обращается к Д. П. Трощинскому с просьбой устроить его старшую дочь Марию, которая «по-русски и по-французски читать умеет», в пансион госпожи Арендт (село Богдановка Полтавской губернии)[1].

Сестра Гоголя Ольга вспоминала: «...Старших отец пристроил: брата в Нежин, а сестру Марию к Старицкому[2]. Там была учительница – немка. Говорят, отец любил немецкую аккуратность, вот ему и хотелось, чтобы и его дочь была аккуратна»[3].

[1] Письмо В. А. Гоголя-Яновского к Д. П. Трощинскому (черновик) (*Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 47). Датировка письма уточнена. – См. также ***1822. Февраля 15. Среда. Кибинцы***; ***1824. Января 22. Вторник. Нежин.***

[2] «Старицкая была начальницей полтавского института. “Немка”, о которой говорится ниже, – вероятно, г-жа Арендт, вместе с которой Старицкие имели в Полтаве пансион» (примеч. В. А. Чаговца).

[3] Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 195.

ФЕВРАЛЯ НАЧАЛО. КИБИНЦЫ

А. А. Трощинский приглашает В. А. Гоголя-Яновского приехать в Кибинцы для «подробнейшего объяснения Федору Прокофьевичу[1] о припадках».

Иофанов. С. 63.

[1] Ф. П. Голованев (Голованов), доктор в Лубнах.

ФЕВРАЛЯ 10. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Заседание конференции Гимназии высших наук по поводу предложения графа А. Г. Кушелева-Безбородко учредить при гимназии ученое общество по изучению истории местного края. Конференция нашла следующие «препятствующие затруднения к учреждению общества»: 1) малочисленность профессоров и учителей; 2) «источники, состоящие в разных сочинениях или замечаниях, относящихся в сему краю, каковы: летописи, народные повести, даже песни, особенно

древние грамоты, жалованные дворянству, волостным правлениям, монастырям и проч., из коих бы можно было заимствовать верные исторические материалы, по новости существования своего, гимназия еще не успела приобрести; равно и народный дух края сего с своими обыкновениями, по недавнему наставников вступлению в должности, некоторым совсем почти неизвестен; следственно, все сии принадлежности требуют еще нарочито-продолжительного времени для предварительного соображения оных, дабы впоследствии можно было извлекать из них что-либо существенное»; 3) «гимназия, будучи в совершенно новом обзаведении, имея во многом нужду касательно собственного устроения и преимущественно поставляя первым и главным для себя предметом постепенно открывать полные все девять классов, или полное течение предназначенного ей учебного курса, все же прочее считая более за постороннее, так сказать, не в праве употреблять и время, и свои усилия на оное, не поставивши на твердую степень своего главного и существенного»[1].

«Соображения эти, без сомнения, были внушены Орлаем, что видно из его собственнаго мнения, приложеннаго к определению конференции. Мнение это весьма любопытно: отклоняя от гимназии проектированное поч<етным> попечителем ученое общество, он в то же время, как горячий патриот, доказывает крайнюю необходимость общества для изучения южной России и преимущественно той ее части, которая лежит вне теперешних пределов России и заселена коренным русским населением (угорская русь), причем упрекает русских в равнодушии и незнании этой древней Руси, отторженной от своей матери, великой Руси. <...> <Орлай писал:> «Учреждение историческаго общества в южной России, коей малороссия составляет только малейшую часть, само по себе весьма бы было полезно и даже необходимо... <...> Вся сия Русь, по покорении удельных князей Русских, попеременно находившихся то под Уграми (Венгерцами), то наипаче нарочитое время под Поляками, до такой степени Русскими упущена из вида писателями, что они ее нередко описывали под названием Польши, между тем как она и под Польским владением удержала имя Руси... <...> В Карпатских горах, смежных с Червонною Русью, обитают 700000 русских, известных под именем Карпато-Россов...»[2]

По наблюдению исследователей, непосредственно от уроженца Карпатской Руси директора нежинской гимназии И. С. Орлая берет свое начало интерес Гоголя к Галицкой Руси, наиболее явственно сказавшийся в «Страшной мести»[3]. Орлаю Гоголь мог быть отчасти обязан и основополагающей для «Тараса Бульбы» идеей единства России и Украины[4].

Учреждение при нежинской гимназии исторического общества не состоялось. «Заключение конференции и мнение директора подействовали: министр не признал удобным учреждать ученое общество при Нежинской гимназии. Уведомляя об этом директора, окружной попечитель присовокупляет: «к сему, не лишним считаю заметить, что пример подобного общества при Демидовском училище не весьма одобрителен, по мнению его сиятельства, ибо учрежденное при оном общество не оказало никакого успеха и вообще не сделало ничего»[5].

[1] *Лавровский 1879.* С. 192.

[2] Там же. С. 192, 244–245.

[3] *Линтур П. В.* Влияние русской литературы на творчество закарпатских писателей XIX века // Наукові записки Ужгородського державного університету. 1956. Т. 20. С. 140–141; *Tardy L.* Az országos orvostörténeti könyvtár közleményei communi-cationes ex bibliotheca historiae medicae hungarica. Dr. Orlay János. 1770–1829. Budapest, 1959, S. 58; *Шультейс Э., Тарди Л.* Главы из истории русско-венгерских медицинских связей. М., 1976. С. 205; Історія міст і сіл Української РСР. В 26 т. Закарпатська область. Київ, 1969. С. 700; *Байцура Т.* Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Братислава, 1971. С. 120; *Чумак Т. М.* Исторические реалии в повести Н. В. Гоголя «Страшная месть» // Вопросы русской литературы. 1983. Вып. 2 (42). С. 79–86.

[4] *Недзельский Е.* Очерк карпато-русской литературы. Ужгород, 1932. С. 112; *Жаркевич Н. М.* Нежинский период жизни Н. В. Гоголя и становление его исторических взглядов и интересов. (К постановке проблемы) // Наследие Н. В. Гоголя и современность. Нежин, 1988. Ч. 1. С. 8; *Виноградов И. А.* Религиозное образование Гоголя в Нежинской гимназии высших наук // Н. В. Гоголь и Православие. М.: Отчий дом, 2004. С. 260–265.
[5] *Лавровский 1879.* С. 192.

ФЕВРАЛЯ 6–11. ПОНЕДЕЛЬНИК-СУББОТА. МАСЛЕНИЦА. КИБИНЦЫ

В. А. Гоголь-Яновский по приглашению Д. П. Трощинского[1], вероятно, находится в Кибинцах[2].

[1] См. ***1822. Февраля начало. Кибинцы.***
[2] См. ***1822. Марта 23.***

ФЕВРАЛЯ 15. СРЕДА. КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский в письме к Л. И. Голенищеву-Кутузову обращается с просьбой ходатайствовать у почетного попечителя гимназии графа А. Г. Кушелева-Безбородко о зачислении в состав *казеннокоштных* воспитанников нежинской Гимназии высших наук Николая Гоголя:

«Хотя я боюсь употреблять во зло <...> снисхождение ваше, но зная сердце ваше, готовое всегда оказывать помощь имеющим в ней нужду, не усумнился по<*нрзб.*>ать еще деятельность добродетельной души вашей в пользу одного из здешних моих соседей, человека весьма хорошего, честного, которого Бог наградил многими детьми, но не наделил способами доставить им приличное воспитание. Он из двух старших детей своих, поладил сына[1] в нежинское училище, учрежденное по завещанию князя Безбородка, а дочь[2] в полтавский Институт Благородных девиц; и в обеих местах принужден содержать на собственном иждивении, которое далеко превосходит все скудные доходы, из маленького его имения получаемые. И так ежели бы сын мог войти в комплект на сумму учредителя сего заведения, где, по уверению Директора оного, имеется теперь шесть ваканций, тогда воспитание дочери, без расстроения состояния бедного отца, а паче с помощию добрых людей, приемлющих в нем участие, могло бы счастливо совершиться. Он со слезами просит помочь ему в первом пункте, ходатайством у графа Кушелева-Безбородка, от которого единственно сие зависит; но я не быв с ним знаком, а приведя на память, что вы по многим отношениям имеете на него влияние, осмеливаюсь препроводить к вам записку, содержащую имена особ, о которых идет дело, и просить многомощного вашего пособия. Милость, сему доброму человеку оказанную, приму я, как бы оная мне собственно сделана была. Я буду ожидать с полною надеждою, зная, сколь вы любите и сами творить добро и других убеждать к оному. <...> Проситель коллежский ассесор Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский. Сын его находящийся в нежинском училище, так же Василий <так>».

Свод. Т. 1. С. 135.

[1] Николая.
[2] Марию. – См. ***1822. Январь. Васильевка.***

ФЕВРАЛЯ 18. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министерство духовных дел и народного просвещения «утверждает мл<адшего> профессора К. А. Моисеева инспектором над воспитанниками Гимназии с

оставлением его и при настоящей профессорской должности» (без дополнительного жалованья).

Михед, Якубина. С. 435.

ФЕВРАЛЬ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 3;
– русская грамматика – 4;
– история – 4;
– география – 4;
– арифметика – 4 (решением конференции оценка снижена на 1 балл – 3);
– латинский язык – 3;
– французский язык – 4 (решением конференции – 2);
– немецкий язык – 3 (решением конференции оценка повышена на 1 балл – 4);
«Средний вывод – 3 $^{5}/_{8}$» (решением конференции средний балл успеваемости по наукам – 4, по языкам – 3).
Рисование – 2 (оценка по рисованию не учитывалась при выведении среднего балла).

Поведение Гоголя «вне класса» оценивается всеми «тремя надзирателями»: «русским», «французом», «немцем» – 3[1].

Ср. также: «В ведомостях гимназии за февраль 1822 г. значится, что у Гоголя по 10 предметам отличные и хорошие оценки (закон Божий, российская словесность, география, история, математика, российский, латинский, французский, немецкий языки и рисование)»[2].

«...Из ведомостей, поданных законоучителем Волынским директору Орлаю, следует: в феврале 1822 г. Закон Божий и Священная история преподавались с 1-го по 5-й классы по два часа: “Из сокращенного Катехизиса и части 2-й пройдено главу II-ю о Законе Божьем с изъяснением и повторением, а по Священной истории отделения II пройдены § 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 также с изъяснением и повторением. Сверх того из Святого писания прочитано Апостольские деяния, Соборные послания св. апостола Иакова, соборные послания св. апостола Петра”. <...> ...При изучении богословских наук ученики 1–2-го классов входили в первое отделение, 3–4-го – во второе, 5–6-го – в третье»[3].

«К. А. Моисеев читал свои предметы во всех классах. <...> В феврале 1822 г., во 2-м классе “начата математическая география и пройдено из нее по книге, изданной для народных училищ, введение о точках и кругах на земном шаре <...> о полюсах, экваторе, эклиптике, тропиках и полярных кругах”. В 3-м классе пройдено из географии “обозрение физической и политической географии по сочинению г. Гейма” (вероятно, речь идет о книге И. Гейма: Начертание Всеобщего Землеописания по новейшему разделению государств и земель. 2-е изд., испр. и весьма умноженное. – М., 1819), из истории «пройдена история финикиян по сочинению Кайданова»[4].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822. <3 класс> // *Свод*. Т. 1. С. 442.
[2] <Оценки успеваемости Гоголя в третьем классе гимназии, с февраля по июль 1822 г.> // *Свод*. Т. 1. С. 443.
[3] *Михед, Якубина*. С. 416.
[4] Там же. С. 438.

МАРТА 3. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Почетный попечитель Гимназии высших наук князя Безбородко граф А. Г. Кушелев-Безбородко[1] отдает распоряжение директору гимназии:

«Состоящего ныне в Гимназии высших наук Князя Безбородко пенсионером Василья Гоголь-Яновского сына г-на коллежского асессора Гоголь-Яновского предлагаю Гимназии включить в число воспитанников, содержимых на Гимназиальном иждивении»[2].

М. И. Гоголь вспоминала: «...Сын мой <...> помещен был в Лицею Нежинскую своекоштным и был на нашем иждивении только один год, за что заплочены были 1000 рублей...»[3]

«В общем списке всех пансионеров, от 5 августа 1820 по 1 января 1824 года, время поступления Гоголя в казенные пансионеры означено 1 июля 1822 года, т. е. концом учебного года (каникулы продолжались от 1 июля по 1 августа); затем во все время пребывания в гимназии Гоголь состоял на казенном содержании»[4].

[1] Граф Александр Григорьевич Кушелев (по материнской линии – Безбородко; 1800–1855), попечитель Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине, камергер (с 1820 г.), сенатор (с 1844), государственный контролер (с 1850). 27 февраля 1854 г. П. А. Васильчиков записал в своем дневнике: «...Обедали <...> у Кушелева. У него в кабинете висит портрет, писанный Dowe <Дж. Доу>, портрет, замечательный странным выражением глаз. Сестра Баранова <Анна Алексеевна, рожденная Васильчикова> заметила, что эта картина напоминает “Портрет” Гоголя. – “Как, вы читали Гоголя?” – сказал Кушелев с удивлением; и на утвердительный ответ он прибавил, что он этому удивляется, что он не понимает, как можно читать Гоголя, что он писал сальности для лакеев, что он сам хвастает тем, что он не читал Гоголя. Это еще ничего. Кушелев глуп, как сивый мерин; но когда гр<аф> А. <К.> Толстой ходил к гр<афу> Орлову хлопотать о Тургеневе, который пострадал за статью о Гоголе <см. ***1851. Июля 1. Воскресенье. День памяти св. бессребренников Космы и Дамиана. С. Спасское*** (примечания)>, гр<аф> Орлов сначала спросил: какой Гоголь? а потом прибавил: “Sachez qu ‘aucun home comme il faut ne lit Gogol” <Знайте, что ни один порядочный человек не читает Гоголя; *фр.*>» (Тургенев о революционном Париже 1848 г. Из дневниковых записей П. А. Васильчикова. Публикация Л. М. Долотовой // Лит. наследство. Т. 76. М., 1967. С. 356).

[2] *Свод.* Т. 1. С. 441; *Иофанов.* С. 139 (фотокопия). – Обращения к И. С. Орлаю, который приехал в Нежин и вступил в должность директора гимназии 1 ноября 1821 г., письмо не имеет. Оно было отправлено из Петербурга Л. И. Голенищевым-Кутузовым Д. П. Трощинскому (см. ***1822. Марта 22. Кибинцы***). Письмо было получено в гимназии 22 апреля 1822 г.

[3] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 27. См. также ***1821. Апреля между 25 и 30. Нежин***; ***1821. Декабря 9. Нежин***; ***1827. Января 28. Васильевка.***

[4] *Лавровский 1879.* С. 153; см. также: *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 52; *Свод.* Т. 1. С. 441.

МАРТА 19. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Гоголю исполняется тринадцать лет.

МАРТА 22. СРЕДА. КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский благодарит Л. И. Голенищева-Кутузова:

«Нельзя и скорее и обязательнее исполнить желания моего, как вы то сделали, дражайший друг, доставя <...> предписание Графа Кушелева-Безбородка нежинской Гимназии о помещении в оную на казенное содержание молодого недостаточного дворянина, за которого я у вас ходатайствовал[1]. Не говоря, сколько много вы тем одолжили меня собственно, я не умею изъяснить тех чувствований, какие произвело благодеяние ваше в недрах доброго, честного семейства, проливающего слезы благодарности и воссылающего жарчайшие моления ко Всевышнему о излияниях на вас всех небесных щедрот и милостей».

Свод. Т. 1. С. 136.

[1] См. ***1822. Февраля 15. Среда. Кибинцы.***

МАРТА 23. ЧЕТВЕРГ

А. А. Трощинский сообщает своей матери, Анне М. Трощинской, что посылает письмо к В. А. Гоголю-Яновскому с извещением о зачислении его сына в состав казеннокоштных воспитанников гимназии:

«К Василию Афанасьевичу я также посылаю теперь изрядный подарок, чрез ходатайство Дмитрия Прокофьевича молодым графом Кушелевым-Безбородко ему делаемый, – включением его сына Никоши[1] в число воспитанников, содержимых в Нежинской гимназии на его иждивении; и следовательно, на будущее время Василий Афанасьевич освобождается от платежа в оную гимназию, за своего сына, в год по 1200 рублей. Он с прошедшей масленицы[2] не успел составить и подать Дмитрию Прокофьевичу[3] записки, по коей должно было просить кн<язя> Безбородко о помещении его сына на гимназиальное содержание, а между тем и без оной записки Дмитрий Прокофьевич успел удовлетворить в том его писание. Вот черта, изображающая благодетельное к нему Дмитрия Прокофьевича расположение. Сей подарок, верно, лучше всяких лекарств пособит Василию Афанасьевичу в облегчении его припадков»[4].

Свод. Т. 1. С. 138. – См. также ***1822. Марта конец (после 23). Васильевка.***

[1] С 1 июля 1822 г. (см. ***1826. Декабря 22. Нежин***).
[2] 6–11 февраля 1822 г.
[3] Трощинскому.
[4] См. ***1822. Февраля начало. Кибинцы.***

МАРТА КОНЕЦ (ПОСЛЕ 23). ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь благодарит Д. П. Трощинского за ходатайство о зачислении сына в состав казеннокоштных воспитанников гимназии:

«Почтеннейший благодетель мой, покуда муж в силах будет принести вам чувствительную благодарность за оказанное вами нам столь великое благотворение, ходатайством вашим об определении нашего сына в число воспитанников Нежинской гимназии, – примите, беспримерный благодетель, от меня таковую благодарность в сем слабом выражении, омоченном слезами, проистекающими от чувств моего сердца, исполненного беспредельной к вам преданности и совершеннейшего почтения, каковое свидетельствуя вам от всего нашего семейства, имею честь быть вашей всепокорнейшей слугой – Марья Гоголь Яновская»[1].

По-видимому, получив известие о зачислении сына в состав казеннокоштных воспитанников, Василий Афанасьевич и Мария Ивановна перестают платить за его содержание в пансионе, вследствие чего за май и июнь 1822 г. возникает задолженность, о которой Мария Ивановна будет извещена лишь в 1826 г.[2]

[1] *Свод.* Т. 1. С. 82.
[2] См. ***1826. Декабря 22. Нежин.***

МАРТА 30. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

На должность инспектора пансиона гимназии назначен младший профессор истории, географии и статистики К. А. Моисеев.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 35.

ФЕВРАЛЬ-МАРТ. НЕЖИН

И. С. Орлай в собрании конференции предлагает выделить среди трех гимназических отделений для изучения языков шесть разрядов учащихся (по уровню языковых знаний). По предположению Орлая, через два или три года, по мере обучения, эти шесть разрядов по языкам должны будут слиться с первыми шестью классами по наукам, так что учащиеся последнего трехлетия — седьмого-девятого классов — будут в состоянии писать «сочинения» на трех иностранных языках при изучении «философских наук»[1].

«Г-н Директор предложил, что для скорейшего достижения во всех существующих ныне в Гимназии высших наук князя Безбородко 6-ти классов единообразного и единоуспешного хода языков с ходом наук, нужно в учрежденных прошлого Января сего 1822-го года трех отделениях для языков[2], разделить впредь учеников на 6-ть разрядов, и именно: 1) на принципистов, или обучающихся началам языка; 2) на грамматистов или обучающихся Этимологии, 3) на Синтаксистов, или обучающихся словосочинению, 4) на Риторов или учеников Риторики, 5) на Пиитов или учеников поэзии, 6) на Эстетиков или обучающихся эстетиков; с чтением которой необходимо должно быть соединено чтение и разбор превосходных авторов как то: по Латинской словесности — Горация, Виргилия, Лукреция и про<чих>; по Немецкой — Виланда, Гердера и пр<очих>; по Французской — Лагарпа, Корнелия, Расина и пр<очих>; по Русской — Ломоносова, Державина, Карамзина и про<чих>. Таковое разделение должно начаться идти и окончиться постепенно, смотря по успехам учеников. Так, например, поелику из месячных рапортов гг. Профессоров видно, что в 3-м отделении некоторые хорошо знают Синтаксис: то из таковых составить разряд Риторов, а когда они со временем окажут довольные успехи в Риторике, тогда составить из них разряд пиитов и наконец эстетиков; что чрез два или чрез три года окончится само собою, и в то время можно будет уже таковые 6-ть разрядов соединить с 6-ю классами двух первых трехлетий, так что в последнем трехлетии или в Академическом курсе будут Студенты упражняться практически в сочинениях на всех преподающихся в Гимназии языках, проходя философские науки».

Сребницкий 1902. С. 325.

[1] Хотя на преподавание немецкого и французского языков во всех отделениях гимназии постоянно отводилось по три двухчасовых занятия в неделю, а латинского — по два (см. ***1822. Января 28. Санкт-Петербург***), однако ожидаемого Орлаем слияния шести «разрядов» и шести «классов» воспитанников к концу 1823/24 или 1824/25 учебных годов не произошло; причем «разрыв» между параллельными категориями, к которым относились учащиеся по языкам и по наукам, был подчас довольно значительным. Так, Гоголь на исходе 1825/26 учебного года, будучи переведен в седьмой класс, был оставлен по языкам в третьем отделении (вероятно, в разряде «синтаксистов») (см. ***1826. Июнь. Нежин***; ***1826. Июня конец. Нежин***). В четвертое отделение (вероятно, в разряд «риторов») он был переведен лишь в конце августа 1827 г., с началом обучения в девятом классе (см. ***1827. Августа 20. Нежин***; ***1827. Августа 27. Нежин***). До обучения языкам в разрядах «пиитов» и «эстетиков» — с «чтением и разбором» классических произведений — Гоголь, согласно этой программе, дойти не мог. «...Для получения аттестата об окончании полного курса достаточно было по языкам пройти четыре отделения» (*Авенариус В. П.* Жизнь и приключения Гоголя-гимназиста // Родник. Журнал для детей. 1895. № 7 (цензурное разрешение 21 июня). С. 682; *Авенариус В. П.* Ученические годы Гоголя. 2-е изд. СПб., 1896 (цензурное разрешение 8 авг.). С. 11).

Таким образом, «на уроке грамматистов французского языка» (ученики второго разряда по языкам) могли, к примеру, «помещаться мирно рядом равноуспешные в этом языке ученики 2-го, 3-го, 4-го и даже 5-го класса научного курса» (*Авенариус В. П.* Жизнь и приключения Гоголя-гимназиста. С. 682; *Авенариус В. П.* Ученические годы Гоголя. С. 11). «...В. П. Авенариус посетил в 1896 г. <вероятно, в 1895 г.> Нежин, и его личное знакомство с местною обстановкой благоприятно отразилось в его полу-исторической, полу-беллетристической работе об ученических годах Гоголя» (*Сребницкий 1902*. С. 292).

[2] См. ***1822. Январь. Нежин***; ***1822. Января 28. Санкт-Петербург***..

МАРТ.
НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 4 (решением конференции оценка снижена на 1 балл – 3);
– русская грамматика – 4 (решением конференции – 3),
– история – 3;
– география – 3;
– арифметика – 4 (решением конференции – 3);
– латинский язык – 2 (решением конференции оценка повышена на 1 балл – 3),
– французский язык – 4 (решением конференции оценка снижена на 2 балла – 2);
– немецкий язык – 4;
«Средний вывод – 3 $^{4}/_{8}$» (решением конференции средний балл успеваемости по наукам – 3, по языкам – 3).
Рисование – 3 (решением конференции – 2).
Поведение Гоголя «вне класса» оценивается всеми «тремя надзирателямми»: «русским», «французом», «немцем» – 3.

Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822. <3 класс> // *Свод.* Т. 1. С. 442.

АПРЕЛЯ 2. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ.
НЕЖИН

В гимназии нет занятий.

АПРЕЛЯ 5. СРЕДА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ.
КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский пишет Л. И. Голенищеву-Кутузову:

«Новые происшествия, о коих вы, дражайший друг, меня извещаете, действительно в своем роде любопытны. Я рад, что наконец правительство обратило внимание на соблазнительное ханжество б<аронес>сы Криднер и удалило ее из столицы. Она достойна бы была и заточения в монастырь, подобный Соловецкому».

РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 25. Л. 29–29 об.

АПРЕЛЯ 22. СУББОТА.
НЕЖИН

Директор И. С. Орлай получает от Д. П. Трощинского распоряжение попечителя гимназии графа А. Г. Кушелева-Безбородко от 3 марта 1822 г.[1] о переводе Н. В. Гоголя-Яновского в число казеннокоштных воспитанников[2].

В тот же день С. М. Андрущенко утвержден в должности профессора латинской словесности[3].

[1] См. ***1822. Марта 3. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] *Сребницкий 1902.* С. 318.
[3] *Лавровский 1879.* С. 165.

МАРТ-АПРЕЛЬ[1]

В семье В. А. и М. И. Гоголь-Яновских родилась дочь Татьяна. Василий Афанасьевич отправляет жене поздравление с рождением дочери:

«Письмо твое, друг мой, безмерно меня обрадовало; поздравляю тебя благополучным разрешением от бремени, и что ты родила дочь, а не сына, я этому не удивляюсь; ибо я прежде знал, что ты родишь дочь, которую весьма кстати назвать Татьяной... <...> ...Я приеду к тебе непременно в четверг, в которому ожидают Андрея Андреевича <Трощинского>, за коим послали нарочного по случаю безнадежного положения Д<митрия> П<рокофьевича> <Трощинского>... <...> ...Брат Ольги Дмитриевны[2] приехал»[3].

[1] Ср. ***1823. Март-апрель. Ярески***.

[2] Ростислав Дмитриевич Кудрявцев (1810–1870), брат О. Д. Трощинской (рожд. Кудрявцевой).

[3] *Дурылин 1928.* С. 59 (датировано условно).

АПРЕЛЬ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 3;
– русская грамматика – 3;
– история – 3;
– география – 3;
– арифметика – 3;
– латинский язык – 3;
– французский язык – 2;
– немецкий язык – 4;
«Средний вывод – 3» (решением конференции средний балл успеваемости по наукам – 3, по языкам – 3).
Рисование – 3 (оценка по рисованию не учитывалась при выведении среднего балла).
Поведение Гоголя «вне класса» оценивается: русским надзирателем – 4, «французом» – 3, «немцем» – 3[1].
Конференция утвердила оценки Гоголя без изменений.

Ср. также: «В ведомостях гимназии <...> за апрель <...> 1822 г. значится, что у Гоголя по 10 предметам отличные и хорошие оценки (закон Божий, российская словесность, география, история, математика, российский, латинский, французский, немецкий языки и рисование)»[2].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822. <3 класс> // *Свод.* Т. 1. С. 442.

[2] <Оценки успеваемости Гоголя в третьем классе гимназии, с февраля по июль 1822 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 443.

МАЯ 2. ВТОРНИК

В. А. Гоголь-Яновский берет 4000 рублей в долг у Анны Михайловны Базилевской[1].

А. М. Базилевская отличалась «баснословной скупостью»[2].

[1] Гоголь Николай Васильевич (1809–1852). Опись документальных материалов личного фонда № 139. Под ред. Н. И. Прокофьева / Главное архивное управление МВД СССР. Центральный государственный литературный архив СССР. М., 1951. С. 14.

[2] См. ***1839. Января 18 <6>. Пятница. Праздник Крещения Господня. Рим*** (примечания).

МАЯ 5. ПЯТНИЦА. КИБИНЦЫ

А. А. Трощинский сообщает В. А. и М. И. Гоголям-Яновским (черновик письма, без года):

«5 майя в 9 часов утра. Сейчас отправляю через Ярески за покупками в Полтаву, а ежели Василий Афанасьевич там будет, то прошу его не позабыть о нужных распоряжениях для приёма и доставки сюда театральных декораций, кои должно будет не позднее 8-го нынешнего месяца перевезти сюда, дабы при моей еще тут бытности можно было распорядиться о починке или переделке оных, в чем следовать будет. <...> Завтра пошлю коляску и бричку для перевозки сюда из Нежина жены нашего доктора <...> пошлю туда и вашу посылку к Никоше».

Свод. Т. 1. С. 138.

МАЯ 6. СУББОТА. КИБИНЦЫ

А. А. Трощинский отправляет в Нежин посылку В. А. Гоголя-Яновского к сыну.

См. ***1822. Мая 5. Кибинцы.***

МАЯ 17. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Распоряжением министра духовных дел и народного просвещения князем А. Н. Голицыным И. Я. Ландражин утвержден в звании младшего профессора французской словесности Гимназии высших наук князя Безбородко.

Михед, Якубина. С. 428.

МАЯ 17. СРЕДА. КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский сообщает Л. И. Голенищеву-Кутузову:

«По принятому здесь обычаю собираться всем соседям в дни храмовых праздников в то место, где они отправляются, я Троицын день всегда проводил в гостях у одного из лучших здешних моих приятелей В. В. Капниста. Я намереваюсь, ежели что особенное не воспрепятствует, нынешний год[1] возобновить сию обязанность, коей столь давно уже, по причине долговременного отшествия из малой России, не исполнял».

РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 25. Л. 42.

[1] День Святой Троицы отмечался в 1822 г. 21 мая. 31 мая 1822 г. Трощинский известил Голенищева-Кутузова о своем возвращении из Обуховки В. В. Капниста (*РНБ.* Ф. 791. Ед. хр. 25. Л. 43).

МАЯ 18. ЧЕТВЕРГ. КИБИНЦЫ

А. А. Трощинский в письме к В. А. Гоголю-Яновскому выражает надежду, что тот в «болезнях своих не в худшем состоянии против прежнего».

Иофанов. С. 63.

МАЯ 19. ПЯТНИЦА

В. А. Гоголь-Яновский получает от Н. Л. Соколовой письмо по поводу продажи ею в 1820 г. Василию Афанасьевичу земли на хуторе Купчин[1] (земли оказалось вполовину меньше)[2], «с выражениями обязательству противными и для верителя <...> весьма обидными».

См. ***1823. Января 17. Среда.***

[1] См. ***1820. Февраля 4 и 5. Миргородский уездный суд.***
[2] См. ***1820. Весна. Хутор Купчин на р. Голтве.***

МАЙ.
НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 4 (решением конференции оценка снижена на 1 балл – 3);
– русская грамматика – 3;
– история – 3;
– география – 3;
– арифметика – 3;
– латинский язык – 2 (решением конференции оценка повышена на 1 балл – 3);
– французский язык – 4 (решением конференции оценка снижена на 2 балла – 2);
– немецкий язык – 4 (решением конференции – 3);
«Средний вывод – 3» (решением конференции средний балл успеваемости по наукам – 3, по языкам – 3).
Рисование – 4 (оценка по рисованию не учитывалась при выведении среднего балла).
Поведение Гоголя «вне класса» оценивается: русским надзирателем – 4, «французом» – 3, «немцем» – 3[1].

Ср. также: «Отличная средняя оценка по предметам у Гоголя в мае <1822 г.>...»[2].

«...В марте, апреле, мае законоучитель П. Волынский из сокращенного Катехизиса рассматривал главы “О Законе Божьем”, “О молитве Господней”, “О богопознании естественном”, “О существовании Божьем”, “О вере евангельской” с “изъяснением и повторением”, некоторые главы прокомментированы с “доказательством из пространного Катехизиса”; из Священной истории рассмотрены 25 параграфов с “изъяснением и повторением”. Из Священного писания было “прочитано Апостольские деяния, Соборные послания св. апостола Иакова, соборные послания св. апостола Петра, св. апостола Иоанна Богослова, св. апостола Павла” и др.»[3].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822. <3 класс> // *Свод.* Т. 1. С. 442.
[2] <Оценки успеваемости Гоголя в третьем классе гимназии, с февраля по июль 1822 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 443.
[3] *Михед, Якубина.* С. 416.

ИЮНЯ 21. СРЕДА.
КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский извещает Л. И. Голенищева-Кутузова:

«Здешняя моя приходская церковь несколько далеко от меня, и мне иногда трудно ездить к ней, особенно же в зимнее время почти и быть в ней невозможно; и так захотелось мне иметь домашнюю, и на сей-то конец идет у меня перестройка, которая, по уверению архитектора, поспеет ко дню моего Ангела[1], во имя коего и сия новая церковь назначена».

РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 25. Л. 48.

[1] 27 октября 1822 г. См. ***1821. Октября 27. Кибинцы.***

ИЮНЬ.
НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 4;
– русская грамматика – 4;
– история – 4 (решением конференции оценка снижена на 1 балл – 3);
– география – 4 (решением конференции – 3);
– арифметика – 2;
– латинский язык – 2 (решением конференции оценка повышена на 1 балл – 3);
– французский язык – 4 (решением конференции оценка снижена на 2 балла – 2);
– немецкий язык – 2 (решением конференции оценка повышена на 1 балл – 3);
«Средний вывод – 3 $^{2}/_{8}$» (решением конференции средний балл успеваемости по наукам – 3, по языкам – 3).
Рисование – 4 (оценка по рисованию не учитывалась при выведении среднего балла).
Поведение Гоголя «вне класса» оценивается: русским надзирателем – 4, «французом» – 3, «немцем» – 3[1].

Ср. также: «...Хорошая <...> средняя оценка по предметам у Гоголя <...> в июне <1822 г.>...»[2].

«...Из ведомостей, поданных законоучителем Волынским директору Орлаю, следует: <...> В июне все время было отведено повторению: “повторен весь Катехизис с изъяснением”, а также главы Ветхого Завета из Священной истории. Ведомость П. Волынского за июнь содержит замечание: главы из Священного писания не только читались на уроках, но “через все годичное время в воскресные и праздничные дни прочтены и изъяснены Евангелия, которые по Уставу Восточной нашей Церкви положены”»[3].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822. <3 класс> // *Свод*. Т. 1. С. 442.
[2] <Оценки успеваемости Гоголя в третьем классе гимназии, с февраля по июль 1822 г.> // *Свод*. Т. 1. С. 443.
[3] *Михед, Якубина*. С. 416.

ИЮЛЯ 1. СУББОТА.
НЕЖИН

Гоголь принят в число казеннокоштных воспитанников[1] и переведен в четвертый класс[2].

Решением Конференции Авг. И. Аман уволен от должности учителя французского языка[3]. Вместо него на должность младшего профессора французской словесности назначен И. Я. Ландражин[4].

В тот же день Ландражин назначен библиотекарем гимназии вместо исполнявшего эту должность К. В. Шапалинского[5].

[1] См. ***1822. Марта 3. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1822. Июль. Нежин.***
[3] *Михед, Якубина*. С. 430. В низших классах Авг. И. Аман преподавал французскую словесность до 15 января 1823 г.
[4] *Лавровский 1879*. С. 165. – См. также ***1822. Мая 17. Среда. Санкт-Петербург***; ***1822. Июля 1 или сентябрь. Чернигов.***
[5] См.: *Лавровский 1879*. С. 234; *Редкин П.* К. В. Шапалинский // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 318.

ИЮЛЯ 7. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Почетный попечитель граф А. Г. Кушелев-Безбородко уведомляет И. С. Орлая о намерении направить в Нежинскую гимназию «нескольких детей греческих семейств, ныне по смутным обстоятельствам находящихся в Одессе».

Иофанов. С. 194.

ИЮЛЯ 8. СУББОТА. ПОЛТАВА

И. И. Трощинский пишет В. А. Гоголю-Яновскому:

«...Если не противно будет Дмитрию Прокофьевичу и угодно Андрею Андреевичу, за их изволением прислать за мною лошадей для переезда небольшого расстояния — от грязной или дождевой Полтавы до сухих Яресек, освежаемых благодетельною влагою и струями Псёла... Таким образом буду иметь я удовольствие видеть там и приезжего нежинского гостя...»[1]

Назаревский. С. 353.

[1] «Нежинским гостем» называли в семейном кругу Гоголя, учившегося в Нежине.

ИЮЛЬ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

— Закон Божий — 4;
— русская грамматика — 4;
— история — 2 (решением конференции оценка повышена на 1 балл — 3);
— география — 2 (решением конференции — 3);
— арифметика — 3 (решением конференции оценка понижена на 1 балл — 2);
— латинский язык — 3;
— французский язык — 4 (решением конференции оценка снижена на 2 балла — 2);
— немецкий язык — 3;
«Средний вывод — 3 $^{1}/_{8}$» (решением конференции средний балл успеваемости по наукам — 3, по языкам — 3).
Рисование — 4 (оценка по рисованию не учитывалась при выведении среднего балла).
Поведение Гоголя «вне класса» оценивается: русским надзирателем — 3, «французом» — 3, «немцем» — 4.

Заключительные оценки Гоголя за полгода, с января по июль 1822 г.: средние баллы успеваемости по наукам — 3, по языкам — 3, по рисованию — 3; итоговый общий балл — 3[1].

Ср. также: «В классификации поведения и успехов учеников третьего класса гимназии “по наукам, языкам и рисованию” с 1 февраля по 1 июля 1822 г. Гоголь отнесен к ученикам хорошо успевающим с общей оценкой “хорошо”. Переведен из третьего в четвертый класс гимназии»[2].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822. <3 класс> // *Свод*. Т. 1. С. 442.
[2] <Оценки успеваемости Гоголя в третьем классе гимназии, с февраля по июль 1822 г.> // *Свод*. Т. 1. С. 443.

ИЮЛЬ.
ВАСИЛЬЕВКА, ЯРЕСКИ

Гоголь проводит гимназические каникулы в Яресках[1] и, по-видимому, дома, в Васильевке.

[1] См. ***1822. Июля 8. Полтава.***

АВГУСТА 1. ВТОРНИК.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Указ Императора Александра I «О уничтожении Масонских лож и всяких тайных обществ».

Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 38. С. 579–580.

АВГУСТА 1. ВТОРНИК

Новороссийский генерал-губернатор граф А. Ф. Ланжерон извещает директора Нежинской гимназии И. С. Орлая, что дети из греческих семей для обучения в гимназии отобраны и «по причине крайней бедности родителей и родственников сих детей» будут отправлены на средства Одесской греческой вспомогательной комиссии.

Лавровский 1879. С. 137.

АВГУСТА 17. ЧЕТВЕРГ.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Почетный попечитель граф А. Г. Кушелев-Безбородко уведомляет И. С. Орлая, что домовая церковь при гимназии будет заложена в честь «священномученика Александра, иже в Пидне»[1], в память о князе А. А. Безбородко, и что иконы для нее уже заказаны в Петербурге[2].

[1] См. ***1821. Августа 20. Суббота. Нежин*** (примечания).
[2] *Лавровский 1879.* С. 194.

АВГУСТА 29. ВТОРНИК.
НЕЖИН

Распоряжением конференции Гимназии высших наук «29 авг<уста> 1822 г. (журн<ал> XXIII, § 11) опять выписываются книги для фундаментальной библиотеки, а также «для учеников».

1) Курса чистой математики Г. Фусса[1] – 200 экз.
2) Всеобщей Географии, изданной Главным правлением училищ[2] – 30 экз.
3) Руководства к познанию всеобщей истории г. Кайданова – 15 экз.
4) Риторики Могилевского – 27 экз.
5) Грамматик латинских Бантыша-Каменского[3] – 50 экз.
6) Грамматик немецких Шумахера[4] – 20 экз.
7) Грамматик французских Перелогова[5] – 50 экз.
8) Кратких Священных Историй, изданных для народных училищ[6] – 40 экз.
9) Сокращенных катихизисов, изданных для народных училищ[7] – 50 экз.».

Сребницкий 1902. С. 420–421.

[1] См. ***1821. Октября 6. Четверг. Нежин.***

[2] «Всеобщее землеописание, изданное от Главного Правления Училищ, для употребления в Гимназиях Российской Империи. Переведено с немецкаго... Евдок. Зябловским. Две части. СПб., при Импер. Акад. Наук 1807, 8°, IV+605; III+384. Ч. I. Введение, Европа. Ч. II. Азия, Африка, Америка и Южная Индия (Австралия). Экземпляр, принадлежавший Нестору Кукольнику, с его подписями и многочисленными приписками на полях. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 281).

«Всеобщее землеописание для употребления в губернских гимназиях Российской империи... Евдокима Зябловского. Издано от Департамента народного просвещения. Две части. СПб., печатано при Императорской Академии Наук, 1821, 8°, IV+364, VIII+328+40 (?). Ч. I. Введение в географию и Европа. Ч. II. Азия, Африка, Америка и Австралия. Экземпляр, по-видимому, дефектный. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 281).

[3] См. ***1821. Октября 6. Четверг. Нежин.***

[4] Имеется в виду изд.: *Шумахер*. Новая практическая немецкая грамматика. Соч. для употребления в Педагогическом институте и в других подобных училищах обучающим немецкому языку в Санктпетербургском Педагогическом институте. Изд. от Главного правления училищ. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1821. 232 с.

[5] См. ***1822. Января 7. Суббота. Нежин.***

[6] См. ***1819. Июня не позднее 30. Полтава.***

[7] См. ***1821. Октября 6. Четверг. Нежин.***

АВГУСТ-ДЕКАБРЬ. НЕЖИН

Гоголь учится в четвертом классе гимназии. Изучает предметы: Закон Божий, русскую грамматику, историю, географию, алгебру, геометрию, латинский, французский, немецкий языки, рисование[1].

«Как видно из ведомостей П. И. Волынского, в 1822/23 учебном году Закон Божий и Священная история изучались по четыре часа в неделю»[2].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822/23 учебный год. Гоголь состоит в 4 классе. <Первое полугодие. 1822> // *Свод*. Т. 1. С. 443.

[2] *Михед, Якубина*. С. 416.

АВГУСТ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у воспитанника четвертого класса гимназии Николая Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 2 (решением конференции оценка повышена на 2 балла – 4);
– русская грамматика – 3;
– история – 3;
– география – 3 (решением конференции – 4);
– алгебра – 4 (решением конференции оценка понижена на 1 балл – 3);
– геометрия – 3;
– латинский язык – 2;
– французский язык – 3 (решением конференции – 2);
– немецкий язык – 3;
«Средний вывод – 2 $^{8}/_{9}$» (решением конференции средний балл успеваемости по наукам – 3, по языкам – 2).

Рисование – 3 (решением конференции оценка повышена на 1 балл – 4).
Поведение Гоголя «вне класса» оценивается: русским надзирателем – 3, «французом» – 2, «немцем» – 3[1].

«К. А. Моисеев читал свои предметы во всех классах. <...> Ведомость за август 1822 г. содержит информацию о пройденном в 4-м классе из географии: «о Великобритании»; из истории: «Иудейскую историю». Успехи Гоголя по поведению, истории, географии за этот месяц оцениваются «3»[2].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822/23 учебный год. Гоголь состоит в 4 классе. <Первое полугодие. 1822> // *Свод.* Т. 1. С. 443.
[2] *Михед, Якубина.* С. 438.

СЕНТЯБРЯ 7. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Воспитанниками гимназии зачислены дети греческих беженцев К. М. Базили (13 лет)[1], С. А. Гютен (12 лет)[2], И. А. Агало (10 лет), И. Сканави (10 лет) и Е. С. Ксенис (8 лет)[3].

И. Д. Халчинский вспоминал: «...Базили <...> при поступлении в гимназию <...> не знал даже и русской азбуки, не говорил ни слова по-русски. <...> Он стал молчаливым и первые шесть месяцев не говорил ни слова с своими соклассниками. <...> Базили учился прилежно[4], после классов он запирался в классной комнате, и там декламировал уроки священной истории, по которой протоиерей отец <Павел> Волынский, принявший в молодом иностранце особое участие, учил его преимущественно русскому языку»[5].

[1] См. также ***1821. Апреля 10. Светлое Христово Воскресение. Константинополь.***
[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 42.
[3] *Михед, Якубина.* С. 310; *Супронюк. Словарь.* С. 17, 96.
[4] См. ***1823. Июнь. Нежин.***
[5] *Халчинский И. Д.* К. М. Базили // *Свод.* Т. 1. С. 545.

СЕНТЯБРЯ 11. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Воспитанником гимназии зачислен А. С. Данилевский (13 лет)[1].

А. С. Данилевский в 1887 г. рассказывал В. И. Шенроку: «В 1822 г. я поступил в Нежин [где опять застал уже Гоголя, поступившего годом раньше меня] и с тех пор мы были неразлучны...»[2]

«...Дети пользовались <...> большой свободой... <...> Весною и осенью к их услугам был обширный лицейский сад, в котором они проводили большую часть внеклассного времени. При тогдашних ограниченных требованиях от учащихся на долю их выпадало немало досужих часов, да и самое приготовление к занятиям происходило у них нередко в саду, под обаятельным небом Украйны. А. С. Данилевский живо припоминал, как иные из воспитанников умудрялись даже, забрав с собою необходимый письменный материал, в виде карандашей и бумаги, обдумывать и отчасти набрасывать свои сочинения, сидя где-нибудь в саду на дереве»[3].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 42.
[2] Воспоминания А. С. Данилевского в статье В. И. Шенрока «Родители Гоголя» // *Свод.* Т. 1. С. 494.
[3] Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 500–501.

СЕНТЯБРЯ 12. ВТОРНИК. НЕЖИН

Учитель Александровского греческого училища в Нежине Х. Н. Иеропес по предложению И. С. Орлая подает прошение о зачислении его в гимназию преподавателем греческого языка «для детей греческих из выходцев <из беженцев>, числом пять»[1].

Лавровский Н. Х. Н. Иеропес // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 264.

[1] См. ***1822. Сентября 7. Четверг. Нежин***. См. также ***1822. Октября 31. Вторник. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА. НЕЖИН

Гоголь пишет[1] родителям:

«Извините меня, что я в первом моем письме[2] не мог обстоятельно описать приезд мой сюда... <...> Я теперь переведен в четвертый класс и, слава Богу, учусь со всем старанием. Но меня беспокоит более всего ваше молчание и не знаю, получили ли вы то письмо, которое я вам писал. К нам приехал новый профессор французского языка Ландражень[3]. И я теперь со всяким старанием предаюсь сему языку. Но советуете ли мне учиться греческому языку, которого профессор[4] уже приехал?»

Просит прислать денег на пересылку книг, а также съестных «припасов» и «бархату»; интересуется здоровьем матери, бабушки, сестер.

[1] Датировка письма уточнена.
[2] Письмо не сохранилось.
[3] См. ***1822. Июля 1. Суббота. Нежин***.
[4] Х. Н. Иеропес (см. ***1822. Сентября 12. Вторник. Нежин***). Очевидно, с поступлением в гимназию Х. Н. Иеропеса учителем греческого языка для детей греческих беженцев И. С. Орлай предложил остальным учащимся изучать этот язык факультативно (см. также ***1821. Октября 6. Четверг. Нежин***). О преподавании Иеропеса Гоголь рассказывал позднее княжне В. Н. Репниной-Волконской (см.: ***1838 ноября 15 <3>. Четверг – 1839 июня средина <июня начало>. Рим***).

СЕНТЯБРЬ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 3;
– русская грамматика – 3;
– история – 3;
– география – 3;
– алгебра – 4 (решением конференции оценка понижена на 1 балл – 3);
– геометрия – 3;
– латинский язык – 2;
– французский язык – 3 (решением конференции – 1);
– немецкий язык – 3 (решением конференции – 2);
«Средний вывод – 3» (решением конференции средний балл успеваемости по наукам – 3, по языкам – 2).
Рисование – 2 (решением конференции оценка повышена на 1 балл – 3).
Поведение Гоголя «вне класса» оценивается: русским надзирателем – 3, «французом» – 2, «немцем» – 2[1].

«Ведомсть успеваемости по французскому языку за сентябрь 1822 г., составленная И. Я. Ландражиным, содержит сведения об упражнениях воспитанников. В первом отделении гимназисты «окончили правила о произношении и занимались чтением, правописанием и изучением нужнейших слов». Во втором отделении «прошли из грамматики местоимение, вспомогательные глаголы и о употреблении их и четыре главных спряжения; также занимались грамматическими упражнениями». В третьем отделении прошли «из синтаксиса до употребления местоимений неопределенных», а также «занимались переводом с французского на русский и обратно и упражнениями над приведенными ими примерами»[2].

«<Учитель рисования> К. Павлов стремился дифференцировать учебные задания, поскольку ученики не все владели искусством рисования: “Лучшие ученики рисуют ландшафты”. <...> “Средственные повторяют части головы человеческой и ландшафты рисуют”. В ведомости К. С. Павлова за сентябрь 1822 г. фамилия Гоголя значится в списке успевающих учеников: его “поведение” и “успехи” оценены “3”. Он в числе тех, “кои имеют по «3», а то и «4»” и, следовательно, “рисуют ландшафты. <...> ...Др<угие>, имеющие «в удостоении за успехи <...> по «2» или «1», рисуют части «головы человеческой и начальные ландшафты”. <...>

Андрей Орлай <...> в рисовальном классе обучался вместе с Гоголем, их фамилии значатся в ведомости К. С. Павлова за сентябрь 1822 г. с обозначением оценок и характеристикой успехов»[3].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822/23 учебный год. Гоголь состоит в 4 классе. <Первое полугодие. 1822> // *Свод*. Т. 1. С. 443.
[2] *Михед, Якубина*. С. 430.
[3] *Михед, Якубина*. С. 344, 404–405.

ИЮЛЯ 1 ИЛИ СЕНТЯБРЬ. ЧЕРНИГОВ

Нежинский полицмейстер А. Е. Киценков получил от исполняющего обязанности черниговского губернатора А. А. Фролова-Багреева уведомление о причастности к деятельности масонских лож профессоров гимназии И. Я. Ландражина и К. В. Шапалинского. Предписывалось взять у них расписки «об отрешении их от всякого тайного общества»[1].

«Подписка и необходимые торжественные заверения были даны...»[2]

[1] *Машинский 1959*. С. 184–185. – Датировано 1 июля 1822 г. в изд.: *Михед, Якубина*. С. 431.
[2] *Машинский 1959*. С. 184.

СЕНТЯБРЯ КОНЕЦ – ОКТЯБРЯ ДО 10. НЕЖИН

Гоголь болеет скарлатиной.

См. ***1822. Октября 10. Вторник. Нежин***; ***1822. Ноября 8. Среда. Нежин.***

ОКТЯБРЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. НЕЖИН.

Учеником гимназии зачислен П. И. Мартос, 13 лет, сын поручика.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 44.

ОКТЯБРЯ 10. ВТОРНИК. НЕЖИН

Гоголь сообщает родителям, что был опасно болен[1] и что в гимназию прибыло «множество новых воспитан<н>иков и пансионеров»[2]. Просит прислать денег и «съестных припасов», а также скрипку[3], на которой собирается учиться играть, когда «в последних числах» октября в гимназию прибудет «учитель танцования и музыки»[4].

[1] См. ***1822. Сентября конец – октября до 10. Нежин.***

[2] См. ***1822. Сентября 7. Четверг. Нежин***; ***1822. Сентября 11. Понедельник. Нежин***; ***1822. Октября 1. Воскресенье. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Нежин.***

[3] См. ***1824. Января 22. Вторник. Нежин.***

[4] См. ***1822. Октября 28. Суббота. Нежин.***

ОКТЯБРЯ 11. СРЕДА. КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский сообщает Л. И. Голенищеву-Кутузову:

«Из числа бедных тех Греков, кои успели унести свои головы в Одессу, и которых теперь по распоряжению человеколюбивого нашего правительства рассылают по южным Губерниям, я согласился взять в Кибинцы на свое содержание десять семейств, и в ожидании их прибытия занимаюсь теперь приготовлением покойных им жилищ и всего для них нужного»[1].

РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 25. Л. 77.

[1] Спустя месяц, 15 ноября 1822 г., Трощинский писал: «О переселении к нам из Одессы Греков, правительство, отобрав наши желания, никакого еще дальнейшего не сделало распоряжения, а глухой молвой обносятся слухи, что они уже к нам и вовсе не будут. Не знаю, что тому причиною. а у меня все нужное к водворению их было изготовлено» (*РНБ*. Ф. 791. Ед. хр. 25. Л. 86).

ОКТЯБРЯ 28. СУББОТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРИЯ, МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКОГО. КИБИНЦЫ

Празднование именин Д. П. Трощинского.

Спустя месяц, 29 ноября 1822 г., Д. П. Трощинский сообщил Л. И. Голенищеву-Кутузову о прошедших именинах: «...На сей раз не было у меня никакого спектакля[1], по недостатку лиц, к тому способных».

РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 25. Л. 89 об.

[1] Ср. ***1821. Октября 27. Четверг. Кибинцы.***

ОКТЯБРЯ 28. СУББОТА. НЕЖИН

На должность учителя танцев и пения назначен Ф. Е. Севрюгин.

Лавровский 1879. С. 184.

ОКТЯБРЯ 31. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Почетный попечитель гимназии А. Г. Кушелев-Безбородко в письме к И. С. Орлаю изъявляет согласие на назначение учителя Александровского греческого училища в Нежине Х. Н. Иеропеса преподавателем греческого языка в гимназии «греческим детям[1], сверх комплекта в Гимназию помещенным».

Михед, Якубина. С. 310.

[1] См. ***1822. Сентября 7. Четверг. Нежин.*** – См. также ***1822. Сентября 12. Вторник. Нежин.***

ОКТЯБРЬ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 1;
– русская грамматика – 3;
– история – 2;
– география – 2;
– алгебра – 3;
– геометрия – 3;
– латинский язык – 2;
– французский язык – 3;
– немецкий язык – 1;
«Средний вывод – 2 $^{2}/_{9}$».
Рисование – 3.
Поведение – 2[1].

«Ведомость <успеваемости по французскому языку> за октябрь 1822 г. дает некоторое представление о методах обучения И. Я. Ландражина. В первом отделении воспитанники были поделены на три разряда, в которых выполняли задания разной сложности: «В 1-м учились познавать буквы и произносить их, во 2-м повторяли произношение, в 3-м утвердились в произношении». Общие занятия учеников всех разрядов были направлены на развитие навыков чтения и письма: «Во всех же разрядах занимаемы были чтением, чистописанием и изучением употребительных слов»[2].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822/23 учебный год. Гоголь состоит в 4 классе. <Первое полугодие. 1822> // *Свод.* Т. 1. С. 443.
[2] *Михед, Якубина.* С. 431.

НОЯБРЯ 5. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Надзиратель Е. И. Зельднер получает письмо от В. А. Гоголя-Яновского.

См. ***1822. Ноября 8. Нежин.***

НОЯБРЯ 7. ВТОРНИК. КИБИНЦЫ

А. А. Трощинский в письме к В. А. Гоголю-Яновскому упрекает его в «иппохондрической забывчивости».

Иофанов. С. 63.

НОЯБРЯ 8. СРЕДА. НЕЖИН

Е. И. Зельднер сообщает В. А. Гоголю-Яновскому о выздоровлении его сына Николая от скарлатины[1].

«Приятнейшее письмо ваше я имел удовольствие получить 5-го с<его> м<есяца>. Из оного вижу, что вы изволите приехать сюда при первом зимнем пути для свидания с сыном вашим Николаем, чему и я очень рад буду. <...> ...Сын ваш был болен, имел шкарлатина, и его болезнь продолжался почти 2 недели, но мы так его берегли, как родного сына, и имели над ним всевозможный присмотр. После болезни мы все еще не позволяли ему идти за стол вниз, чтоб не простудился, целую неделю, но теперь могу вас уверить, что он совершенно выздоровел.

По случаю, что вы прислали сушеных вишен и слив к сыну, я узнал, что у вас садовник делает таких прекрасных корзинок; естьли можно было вас беспокоить, то я бы просил вас покорнейше, чтоб вы мне сделали одолжение заказать у него... <...>

P. S. Я теперь тоже перешел в гимназию и живу там, где прежде жил профессор Миллер[2], когда вам эта квартира известна»[3].

[1] См. ***1822. Сентября конец – октября до 10. Нежин.***
[2] См. ***1821. Марта после 4 – апреля до 6. Нежин.***
[3] *Щеголев П. Е.* Школьные годы Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 423.

НОЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА, ПОСЛЕ 8. КИБИНЦЫ.

Жена А. А. Трощинского (с 1821 г.) Ольга Дмитриевна сообщает родителям:

«...Опишу вам день здешнего храмового праздника, св. Архангела Михаила[1], в который дяденька пригласил к себе на обед живущих здесь мелкопоместных помещиков, коих собралось к обеду больше 20 душ; а для крестьян своих и прочих прихожан был приготовлен завтрак около самого дома. Мы все ездили в приходскую церковь[2] к обедне, которую служил Миргородский благочинный с семью священниками, из которых один говорил своего сочинения очень хорошее поучительное слово.

Дяденька в сей день принарядился в ордена свои, со звездами; за столом пели певчие и мы пили шампанское за здоровье вел<икого> кн<язя> Михаила Павловича, за всех российских кавалеров и, наконец, за всех здешних помещиков.

Дяденька чрезвычайно как всех обласкал, особливо одного старичка, самого беднейшего здешнего помещика, имеющего только шесть душ, которому он мне велел, за закуской, поднести водки и сам ввел его в комнату и посадил на стуле. В сей день, почтеннейший наш старичок уподобился сущему ангелу: он был весел и ласков ко всем... Обед наш окончился в 4 часа, после коего дяденька пошел немного отдохнуть, а мы с своими гостями пошли к себе и я им немного поиграла на арфе. Вечер же мы провели в танцах».

Ореус. С. 661.

[1] 8 ноября.
[2] См. ***1822. Июня 21. Среда. Кибинцы.***

НОЯБРЯ 12. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

В число учащихся гимназии принят сын директора И. С. Орлая Андрей.

Михед, Якубина. С. 404.

НОЯБРЯ 13. ПОНЕДЕЛЬНИК. КИБИНЦЫ

А. А. Трощинский в письме к В. А. Гоголю-Яновскому дает ему ряд врачебных советов, приглашая его приехать «со всем лазаретом» в Кибинцы[1].

Кроме Василия Афанасьевича, в 1822 г. продолжительное время болела его малолетняя дочь Анна, родившаяся 27 апреля 1821 г.

[1] *Иофанов*. С. 63.

НОЯБРЯ 18. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«...Департамент народного просвещения извещает <конференцию Гимназии высших наук в Нежине> о высылке учебников:

1) Ручной книги древней классической словесности проф<ессора> Кошанского в 2-х частях[1] – 1 экз.
2) Математики г. Фус<с>а в 3-х частях – 50 экз.
3) Всеобщего землеописания для гимназий[2] – 50 экз.
4) Руководства ко всеобщей истории Кайданова – 50 экз.
5) Грамматики немецкой – 50 экз.
6) Священной Истории – 50 экз.
7) Катихизиса сокращенного – 160 экз.
8) Катихизиса пространного[3] – 60 экз.
9) Изъяснения Евангелия[4] – 10 экз.
10) Российской грамматики[5] – 50 экз.
11) Математической географии[6] – 50 экз.
12) Латинской грамматики Кошанского[7] – 50 экз.
13) Французской грамматики Ломонда[8] – 50 экз.
14) Логики Баумейстера[9] – 50 экз.
15) Основания российской словесности Никольского[10] – 50 экз.
16) Пиитики Толмачева[11] – 50 экз.»[12]

(«Журн<ал Конференции гимназии> XXXI, § 2»).

Сребницкий 1902. С. 421.

[1] «Ручная книга древней классической словесности, содержащая: I. Археологию, II. Обозрение классических авторов, III. Мифологию, IV. Древности греческая и римские, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кашанским <Кошанским>. СПб., в типографии В. Плавильщикова, 1816–<181>7, 8°, VIII+510+II; VIII+474+II. Две части. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 283).

[2] См. ***1822. Августа 29. Нежин***.

[3] Неоднократно переиздававшийся в конце XVIII – начале XIX века «Пространный катехизис с доказательствами из Св. Писания» (СПб, 1785; 4-е изд. – М., 1811). В основу катехизиса были положены катехизисы митрополита Платона (Левшина).

Пространный катихизис для обучения юношества Православному закону христианскому, изданный при учереждении народных училищ в Российской Империи. Десятым тиснением. В Санктпетербурге, 1816. 225 с.

В первой части катихизиса, в главе «О Богопознании естественном», говорится: «Внутреннее совести нашей признание доказывает такожде бытие Божие. Когда мы сделаем добро, совесть нас увеселяет, а когда худо, она нас угрызает: а тем самым уверяет нас, что есть некоторое разумное и справедливое существо, которое добро от худа различает, одно награждая, другое наказывая» (С. 6). Положение катихизиса стало одним из важнейших представлений Гоголя, положенных им, в частности, в основу замысла «Тараса Бульбы» (см.: *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009*. С. 489–494).

[4] Вероятно, «Толкование воскресных Евангелий с нравоучительными беседами» архиепископа Астраханского и Ставропольского Никифора (Феотоки) (1-е изд. – М., 1804) (см. ***1821. Августа 20. Нежин***).

[5] См. ***1819. Июнь (после 30 числа). Полтава.***

[6] «Краткое руководство к математической географии и к познанию небесного шара, изданное для народных училищ Российской Империи по Высочайшему повелению, девятым тиснением. СПб.: в типографии Департамента народного просвещения, 1821, 8°, 77+1. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 282).

[7] Учебник Н. Ф. Кошанского «Латинская грамматика с примерами для чтения, по Бредеру» выдержал 11 изданий (СПб., 1807–1843).

[8] Аббат Шарль Франсуа Ломонд (Ломон, 1727–1794), профессор, педагог. Вероятно, имеется в виду изданная в 1818 г. Ефимом Петровичем Люценко (род. в 1776) «Французская грамматика Ломонда», с поправками француза К. К. Летелье и дополнениями издателя. Переиздавалась многократно.

[9] Христиана Бавмейстера логика, с латинского вновь переведенная и справленная Яковом Толмачевым. М.: Губ. тип. у А. Решетникова, 1807. 206 с. См. также ***1821. Августа 11–12 – декабрь. Нежин***; ***1824. Январь. Нежин*** (примечания).

[10] «А. <С.> Никольский. Основание российской словесности. Четвертое издание. СПб., в типографии Ивана Глазунова, 1822, 8°, 87+XIV; 121+VI. – Две части: введение, грамматика и риторика. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 279).

[11] «Правила словесности, руководствующие от первых начал до высших совершенств красноречия, в четырех частях, сочинение Якова Толмачева. СПб., в Морской типографии. 1814, 1816, 1818, 1822, 8°, XV+ 235; VIII+325; VI+265; III+263+14 ненум<ерованных>. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 279–280).

[12] «К концу года 1822-го – в Гимназии уже 6 классов» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 421).

НОЯБРЯ 22. СРЕДА. КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский сообщает Л. И. Голенищеву-Кутузову:

«Вы не пишите ко мне, что приехавший из Вероны курьер привез одно из примечательнейших высочайших повелений, относящееся до знаменитейшего Лабзина. Он достиг наконец того отличия, которого дерзкое его поведение давно заслуживало. Еще милостиво поступлено, предоставив ему свободу избрать для жительства уездный город, – которому, конечно, не лучший подарок собою он сделает».

РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 25. Л. 87 об.

НОЯБРЬ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 3;
– русская грамматика – 3;
– история – 2;
– география – 2;
– алгебра – 4;
– геометрия – 4;
– латинский язык – 2;
– французский язык – 3;
– немецкий язык – 2;
«Средний вывод – 2 $^{7}/_{9}$».
Рисование – 4.
Поведение – 4.

Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822/23 учебный год. Гоголь состоит в 4 классе. <Первое полугодие. 1822> // *Свод.* Т. 1. С. 443.

ДЕКАБРЯ СРЕДИНА. НЕЖИН

Гоголь пишет родителям:

«Крайне желая вас видить, пишу к вам, чтобы приехали хотя вы, Дражайший Папинька, за мною на праздник. А не то так прислали бы за мною, но только с письмом. Но лутче бы было, ежелиб вы сами приехали. Третего дни я был у Ивана Семеновича, и он говорил, ежели я буду хорошо весть себе, то он отпустит меня домой на праздник».

Датировка письма уточнена. В декабре 1821 г., согласно замечаниям классных надзирателей, Гоголь характеризовался неудовлетворительным поведением[1]. Это явно не соответствует его желанию хорошо себя вести (чтобы быть отпущенным домой), которое он высказал И. С. Орлаю (см. выше комментируемое письмо к родителям). По-видимому, такое обещание Гоголь дал директору в следующем, 1822 г. (после того как был наказан и не отпущен на рождественские каникулы в 1821 г.[2]). Позднее аналогичную просьбу взять его домой на рождественские каникулы Гоголь дважды высказывал в письмах к родителям в декабре 1823 г.[3] Вероятно, цитируемое письмо вряд ли могло быть третьим письмом с такой просьбой 1823 г., а относится к 1822 г.

[1] См. ***1821. Декабря первая половина. Нежин***; ***1821. Декабря 17. Суббота. Нежин***; ***1821. Декабря 19. Понедельник. Нежин***; ***1821. Декабря 20. Вторник. Нежин***.
[2] См. ***1821. Декабря 23. Пятница. Нежин***.
[3] См. ***1823. Ноябрь – декабря начало. Нежин***; ***1823. Декабря 11. Вторник. Нежин***.

ДЕКАБРЯ 24. ВОСКРЕСЕНЬЕ. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 2;
– русская грамматика – 2;
– история – 3;
– география – 3;
– алгебра – 3;
– геометрия – 3;
– латинский язык – 2;
– французский язык – 3;
– немецкий язык – 2;

«Средний вывод – 2 $^{8}/_{9}$».
Рисование – 3.
Поведение – 3[1].

«Согласно “Ведомости о поведении и успехах учеников по предмету латинского языка” за декабрь 1822 г., поданной преподавателем латыни С. М. Андрущенко, во 2-м отделении находилось 28 учеников, в числе которых были Гоголь и недавно поступивший[2] А. С. Данилевский»[3].

«Из декабрьской ведомости <протоиерея Павла Волынского> 1822 г. следует, что в «первом отделении <...> из сокращенного Катехизиса повторена части второй глава 1-я о вере Евангельской, а из Священной истории отделения II-го пройдено § 11, 12, 13, 14, 15 <...>. Из пространного Катехизиса части второй главы первой, толкующей о вере Евангельской, повторены первый, второй и третий члены Символа веры с изъяснениями, а из Священной истории Нового Завета повторено от § 1 по 20. В третьем отделении повторено то же, что и во втором, сверх того прочетом пройдено из апостольских деяний 20 глав»[4].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822/23 учебный год. Гоголь состоит в 4 классе. <Первое полугодие. 1822> // *Свод*. Т. 1. С. 443; см. также: <Оценки успеваемости Гоголя в первом полугодии четвертого класса гимназии, с 1 августа по 24 декабря 1822 г.> // *Свод*. Т. 1. С. 444.
[2] См. ***1822. Сентября 11. Понедельник. Нежин.***
[3] *Михед, Якубина*. С. 363.
[4] *Михед, Якубина*. С. 416–417.

1822 ДЕКАБРЯ КОНЕЦ – 1823 ЯНВАРЯ НАЧАЛО. НЕЖИН

1822–23

В связи с приближающимся Рождеством гимназисты отпущены домой. Гоголь проводит рождественские каникулы в пансионе[1].

А. С. Данилевский в 1887 г. рассказывал В. И. Шенроку: «В 1822 г. я поступил в Нежин и с тех пор мы <с Гоголем> были неразлучны и всегда вместе ездили домой[2] с Петром Александровичем Барановым (сыном вотчима). Баранов был нашим ментором; он был в первом выпуске, – постарше нас обоих»[3].

[1] См. ***1823. Ноябрь – декабря начало. Нежин.***
[2] Начиная с лета 1823 г. (см. ***1823. Июль. Нежин, Васильевка, Кибинцы***).
[3] Воспоминания А. С. Данилевского в статье В. И. Шенрока «Родители Гоголя» // *Свод*. Т. 1. С. 494.

КОНЕЦ ГОДА. НЕЖИН

1822

«...По произведенной поверке инспектором Моисеевым приняты в конце 1822 года (журн. XXXIV, § 1) в заведывание следующия пособия ученической пансионской библиотеки:

1) Священной истории сокращенной – экз. 40.
2) Катехизиса сокращеннаго – 40.
3) Чтения из 4-х Евангелистов[1] – 10.
4) Руководства к арифметике 1-й и 2-й части – 40.
5) Обозрения всемирной истории[2] – 6.
6) Истории политической Кайданова – 2.
7) Краткого землеописания Российского государства[3] – 16.
8) Краткой Российской истории с картинками[4] – 16.
9) Грамматики латинской Кошанского – 2.

10) Правил словесности Толмачева одной первой части – 3.
11) Грамматики немецкой Шумахера –17.
12) Басни Федра на латинском языке – 2.
13) Горация на латинском языке в 2-х частях[5] – 2.
14) Корнелия Непота на лат<инском> яз<ыке>[6] – 2.
15) Правил для учащихся[7] – 10.
16) Правил рисования и черчения[8] – 1.
17) Руководства к чистописанью[9] – 10.
18) Всемирной истории Бредова[10] – 4.
19) Грамматики российской – 40.
20) Леточислительного изображения древней всемирной истории таблицы[11] – 2.
21) Карта изображения реки времен[12] – 1.
22) Ландкарт больших, всех частей света с полуглобиями[13] – 2.
23) Ландкарт российского Государства[14] – 2.
24) Немецких букварей[15] – 16.
25) Французских букварей[16] – 20.
26) Латинско-российского лексикона в 2-х частях Кронеберга[17] – 2.
27) Нового российско-французско-немецкого лексикона в 2-х частях[18] – 2.
28) Полный Немецко-российский лексикон, составленный из критическ<ого> словаря Аделунга[19] – 2.
29) Грамматики латинской издания Езуитского ордена[20] – 16.
30) Цветы латинского языка[21] – 2.
31) Прописей немецких тетрадок 5 и 5 российских; всех – 10.
32) Прописей французско-аглинских тетрадок 1 и аглинских 1, всех – 2.
33) Сверх сего еще есть французских прописей листков десять – 10.
34) Глобусов малых, небесный и земный[22] – 2.
35) Руководства взаимному обучению[23] – 1.
36) Способа начального учения книга Песталоцциева очевидного учения о содержаниях чисел в 3-х частях, азбука очевидности или очевидного учения о содержании мер в 2-х частях, всего 5 частей[24] – 1.
37) Описания способа взаимного обучения[25] – 1.
38) Памятника из законов в 10 частях[26] – 1.
39) Литовского статута с российским переводом в 2-х частях[27] – 1.
40) Начертание подробных правил испытаний – 1.
41) Положения о производстве в ученые степени[28] – 1.
42) Периодического сочинения о успехах народного просвещения, нумеров[29] – 43.
43) О городах и селениях Черниговской губ<ернии>[30] – 1.
44) Месяцослов с росписью чиновных особ в 2-х частях на 1820 год[31] – 1.
45) Наставление преподанное от отца сыну при отправлении в училище – 1.
46) Наставления для составления записок в гимназиях и уездных училищах по разным наукам, тетрадок[32] – 7».

Сребницкий 1902. С. 421–423.

[1] См. ***1820. Декабря 28. Нежин*** (примечания).

[2] Вероятно, имеется в виду изд.: Обозрение всемирной истории. Выбранное из всеобщей истории Шрекка и других писателей институтором Казанской гимназии Вюльфингом и напечатанная от Главного правления училищ. 4-м тиснением. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1822. 221 с.

В те же годы были изданы следующие переводы истории И. М. Шрекка: Учебная книга всеобщей истории, сочиненная И. М. Шрекком в пользу и наставление юношества. Шестым на нем. языке тиснением изданная / Исправленная, дополненная и доведенная до новейших времен К. Г. Л. Пелицом; Переведена старшим учителем С. П.-бургской губернской гимназии коллежским ассессором Е. Константиновым. С присовокуплением синхронистических таблиц к каждому периоду и особенной краткой Российской истории. 2-е изд. СПб.: Тип. И. Глазунова и его ижд., 1819. Ч. 1–3; 1820. Ч. 4–5; Древняя и новая всеобщая история, сочиненная И. М. Шрекком для обучения юношества, переведенная с последняго немецкаго издания, исправленнаго и дополненнаго до 1816 года К. Г. Л. Пелицом, и умноженная хронологическим обозрением оной, составленным по образцу сочиненнаго Ф. Кольраушем: В 4 ч. СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1820.

[3] Известны две книги с таким названием: <*Гакман И. Ф.*> Краткое землеописание Российского Государства, изданное для народных училищ Российской Империи по Высочайшему повелению Царствующей Императрицы Екатерины Второй. <Перевод с нем. М. А. Матинского>. СПб., 1787 (2-е изд. – 1793; кроме географии, в книге значительное внимание уделено судоходству); <*Зябловский Е. Ф.*> Краткое землеописание Российско-

го Государства в нынешнем его состоянии, изданное от Главного правления училищ. Сочинено Евдокимом Зябловским, Санктпетербургского педагогического института ординарным профессором и кавалером. Второе тиснение, исправленное и дополненное. СПб.: В Имп. Академии наук, 1810. 192 с. (1-е изд. – 1807). В нежинской гимназии, вероятно, употреблялась книга Е. Ф. Зябловского.

[4] Слово: «с картинками» – написано, вероятно, ошибочно. Следует: «с картами». Ср. ниже в списке полученных нежинской гимназией в ноябре 1824 г. книг: «Истории краткой Российской с картами – 25». Возможно, имеется в виду изд.: «<*Янкович де Мириево Ф. И.*> Краткая Российская история, изданная в пользу Народных Училищ Российской Империи. Осмым тиснением. Ц<ена> без переплета 46 коп<еек>. СПб., в типографии Департамента народного просвещения, 1824, 16°, 210+II. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 279); 1-е изд.: 1799; 2-е: 1804; 3-е: 1805; 4-е: 1807; 5-е: 1810; 7-е: 1821.

[5] «Q. Horatii Flacci Carmina, expurgata, cum adnotationibus ac perpertua interpretatione Iosephi Iuvencii S. I. Nova editio accuratissima. Petropoli, Tupis Caesar. Academiae Scieutiarum. MDCCCXIV–XV. 8°. Два тома XVI+345+6; 342. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 283).

[6] «Cornelii Nepotis vitae excellentium imperatorum. Mit grammatischen und erklärenden Anmerkungen von Ckr. Heinr. Pausler. Leipzig, 1804, 8°, XXIV+488. Из книг Нестора Кукольника (подпись его по обрезу – 1807 г.), поступивших в библиотеку Гимназии высших наук. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 283–284). См. также: «Dionys Catonis Disticha de moribus ad filium in usuni scholarum adspersis notulis edita ex recensione Arntsenii. Ed. altera. Lipsiae, 1824, impres. Fr. dir. G. Vogelii, 18°, 66+IV. – <Собрание> И<нститута>» (Там же. С. 284).

[7] «Правила для учащихся в народных училищах» Ф. И. Янковича де Мириево (1783). Многократно переиздавались. См.: Правила для учащихся в народных училищах, изданные по Высочайшему повелению. Осьмым тиснением. СПб., 1807. 24 с.

[8] См. ***1821. Октября 6. Четверг. Нежин.***

[9] «Прописи и для них руководство по чистописанию» Ф. И. Янковича де Мириево (СПб., 1782). Многократно переиздавались.

[10] Достопамятные происшествия во всемирной истории, описанные *Г. Г. Бредовым*, для начального учения Истории; особенно же в уездных и приходских училищах. Перевел с Немецкого Михайла Зубакович, Учитель Истории и Географии в С. Петербургской Губернской Гимназии. Второе издание, исправленное и пополненное (СПб., 1818; с посвящением попечителю Санкт-Петербургского учебного округа С. С. Уварову). «Печатано при Императорской Академии Наук. <...> 16°, IV+IV+153+IV. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 282).

[11] «Леточислительное изображение древней всемирной истории. Большая стенная таблица синхронистическая. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 281).

[12] «Река времен, или Эмблематическое изображение всемирной истории» Фридриха Штрасса (Страсса); перевод с нем. А. Варенцова. Глядя на эту карту, Г. Р. Державин 6 июля 1816 г., за три для до смерти, написал свое последнее стихотворение «Река времен в своем стремленьи...» (впервые опубликовано в № 30 «Сына Отечества» за 1816 г.).

[13] Вероятно, имеется в виду изд.: «Новые географические карты четырех частей света с глобусом, как то: Европы, Азии, Африки, Америки и Южной Индии, по нынешнему их разделению; сочинены и гравированы А. Савинковым. Футляр с пятью картами, наклеенными на полотно. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 281).

[14] Вероятно, имеется в виду изд.: «Географический атлас Российской империи, царства Польского и Великого княжества Финляндского, расположенный по губерниям, на 80 листах.... с генеральною картою и таблицею расстояния верст по почтовым дорогам между знатнейшими городами... Сочинен <В. П.> Пядышевым. Начат 1820-го, окончен 1827г. На двух языках (русском и французском). – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 281).

[15] Список немецких азбук см.: ***1824. Январь. Нежин*** (примечания).

[16] Существовало несколько изданий французских букварей: Букварь французский, с российским переводом (СПб., 1765); Букварь французский, вновь расположенный, исправленный и дополненный (СПб., 1778); Букварь французский (новый), заключающий в себе, кроме обыкновенных начал, наставления для самоучащихся в правильном произношении букв, разные речи, полезные разговоры и проч.; издан Петром Богдановичем (СПб., 1785); Букварь французский (новый), для обучения юношества, с приобщением словаря (М., 1796); Букварь французский (новый), с приобщением словаря французских изречений и разговоров (Николаев, 1797); Букварь французский (новейший), или начальные основания французского языка (М., 1802); и др. См. также список французских азбук: ***1824. Январь. Нежин*** (примечания).

[17] См. ***1821. Октября 6. Четверг. Нежин.***

[18] <*Гейм И. А.*> Новый и полный российско-французско-немецкий словарь, сочиненный и дополненный по словарю Российской академии. СПб.: В типографии И. Глазунова, 1813. Ч. 1. А-О. 1094 стлб.; Ч. 2. П-Я. 1082 стлб.

[19] «Полный немецко-российский лексикон, из большого граматико-критического словаря господина Аделунга составленный, с присовокуплением всех для совершенного познания немецкого языка нужных словоизречений и объяснений. Издано Обществом Ученых людей. Две части. СПб., 1798, печатан в Императорской типографии у Ивана Вейтбрехта, 8°, IX+1048+1059. В конце (4 стр.) список: "Книги французские, немецкия, печатанные у И. Вейтбрехта". – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 286).

[20] «Начальные основания латинской грамматики, в пользу юношества, учащегося в школах Езуитского ордена, составленные. СПб., в типографии Ивана Глазунова, 1819, 8°, 100+78. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 283).

[21] «Flos latinitatis ex auctorum latinae linguae priiicipum monumentis in usum juventutis Rossicae latinam linguam addiscentis excerptus. Цвет чистого латинского языка, из лучших латинских писателей выбранный для пользы и употребления Российского юношества, обучающегося латинскому языку. Москва, в Университетской типографии, у Новикова, 1789, 8°, VII+367. Перевод из <Секста> Помпея (лексикографа), сделанный иеромон<ахом> префектом Серафимом, посвященный Платону, митроп<олиту> Московскому. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 283).

[22] Ср.: «Сфера, представленная на плоскости. Два полушария, одно вращается на оси. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 281).

[23] Руководство ко взаимному обучению, изданное Николаем Гречем. Спб.: Тип. издателя, 1819. 79 с., 1 л. табл., 2 л. черт.

[24] «Песталлоциевы элементарные, то есть для начального обучения, книги. Печатано с дозволения Санкпетербургского Цензурного Комитета. СПб., при Императорской Академии Наук. а) Азбука очевидности, или очевидного учения о содержания мер. Две книги. 1806–1807, 16°, XII+104; XIV+139+VI. б) Очевидное учение о содержании чисел. Три книги. 1806, 16°, XXIV+175+II; XII+267 столб. +II; IV+285+I. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 285).

[25] «Описание способа взаимного обучения по системам Белла, Ланкастера и других, в коем изложены начало и успехи сего способа в Англии, во Франции и в других странах, и подробно изъяснены правила и порядок употребления оного в училищах. Сочинение... Иосифа Гаммеля, переведенное с немецкого языка... Карлом Кнаппе. По Высочайшему повелению издано Министерства внутренних дел от Департамента Государственного хозяйства и Публичных зданий. С XII чертежами. СПб., в типографии Императорского Воспитательного дома, 1820, 8°, V+352. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 285).

[26] «Памятник из законов, руководствующий к познанию приказного обряда, собранный по азбучному порядку трудами... Федора Правикова. Издание четвертое. 8 частей, СПб., печ. в сенатской типографии, 1811–1813 г. Дополнения, части 9 и 10, собранные Александром Правиковым. СПб., 1819–1820, печ. в Сенатской типографии. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 284).

[27] «Статут княжества Литовского, с подведением в надлежащих местах ссылки на конституции, приличные содержанию онаго. СПб., 1811, печатан при Правительствующем Сенате. Две части. 4°, 643+480 (и опечатки). Польский текст с русским переводом и русскими дополнениями. — <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 284).

[28] «Положение о производстве в ученые степени» было принято 20 января 1819 г. (см. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1. СПб., 1830. Т. 36. С. 37–42). Получавшие при выходе из учебного заведения степени «студента, кандидата, магистра и доктора» освобождались от «экзамена, установленного Высочайшим указом 6 августа 1809 года, для получения чина коллежского ассесора и статского советника» (Там же. С. 42).

[29] «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения. СПб. 1803 и сл., при Императорской Академии Наук. 8°, №№ I–IV; IX–XX; XXII–XXX. — <Собрание> И<нститута> (из дублетов). В протоколах конференции Гимн<азии> высш<их> наук отмечены 53 номера» (<Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 280).

[30] Марков М. Е. О городах и селениях Черниговской губернии, упоминаемых в Несторовой летописи, как они в оной следуют по порядку годов Чернигов, 1814; СПб., 1815; То же // Периодические сочинения об успехах народного просвещения. СПб., 1815. Т. 40. С. 155–208. Статья М. Е. Маркова «О городах и селениях Черниговской губернии...», а также его работа «О достопамятностях Чернигова» (СПб., 1816) встречаются в гоголевском списке «Книги», составленном в 1834 г. по «Росписи российским книгам для чтения, из библиотеки А. Смирдина» (СПб., 1828).

[31] Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1820. СПб.: При Императорской Академии наук, 1820. Ч. 1–2.

[32] «Наставления для составления в гимназиях и уездных училищах записок по разным наукам. Издано от Главного Правления Училищ. СПб., печатано при Императорской Академии Наук, 1812, 16°, VIII+20+20+26+15+11+32+10. Наставления касаются: истории, статистики и топографии, ботаники, минералогии, метеорологии и физики, экономии. Кроме того, здесь же — классификация учебной системы. — <Собрание> И<нститута>» (<Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 285).

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, КИЕВ, НЕЖИН

1823

«Придворный Штат. <...> Его Императорского Величества. <...> Медицинские Чиновники[1]: <...> Придворные Докторы: <...>

Иван Семенов<ич> Орлай, Ст<атский> Сов<етник>, Энск<ого> Физич<еского> Учен<ого> Общ<ества> Почетн<ый> Член и Дирек<тор> Гимназии высших наук Князя Безбородко, орд<енов> с<вятой> Анны 2 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> Кав<алер>. <...>

Харьковский Учебный Округ. <...> В Киевской <Губернии>. <...> В Гимназии *Учители*: <...>

Словесн<ости> Лат<инской> и Росс<ийской> Николай Григорьев<ич> Белоусов; <...> Латинс<кого> яз<ыка> Тит<улярный> Сов<етник> Иван Николаев<ич> Пиланкевич; <...>

Гимназия высших наук Князя Безбородко[2].

Директор, Ст<атский> Сов<етник> Иван Семенов<ич> Орлай, орд<енов> с<вятой> Ан<ны> 2 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> Кав<алер>.

Законоучитель Нежинского Собора Протоиерей Павел Иванов<ич> Волынский.

Профессоры: младшие: Немец<кой> Словес<ности> Над<ворный> Сов<етник> Михаил Васильев<ич> Билевич, он же исправл<яет> долж<ность> Архивариуса; Росс<ийской> Сло-

весн<ости> Кол<лежский> Асс<ессор> Парфений Иванов<ич> Никольский; Историч<еских> наук, Кирило Абрамов<ич> Моисеев, он же исправл<яет> долж<ность> Секретаря по Хозяйств<енной> части; Математич<еских> наук, Казимир Варфоломеев<ич> Шапалинский, он же исправл<яет> долж<ность> Кассира; Латин<ской> Словесн<ости> Семен Матвеев<ич> Андрущенко, он же исправл<яет> должн<ость> Ученого Секретаря; Франц<узской> Словесн<ости> Иван Яковлев<ич> Ландращин <Ландражин>, он же исправл<яет> должн<ость> Библиотекаря.

Учители: нисших классов: Геогр<афии> и Истории *вакансия;* Росс<ийского> яз<ыка> *вакансия;* Арифмет<ики> *вакансия;* Рисов<ания> Капитон Степанов<ич> Павлов; Музыки и танцов<ания> Федор Емельянов<ич> Севрюгин, он же препод<ает> Священное песнопение.

Благородный Пансион: Инспектор, Кирилл Абрамов<ич> Моисеев. – Надзиратели: Август Иванов<ич> Аман, Егор Иванов<ич> Зельднер, Капитон Степанов<ич> Павлов. – Эконом, Кол<лежский> Секр<етарь> Афанасий Иванов<ич> Таравский <Тарновский>.

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1823. СПб., 1823. Ч. 1. С. 15, 480, 496–497

[1] «Состояние чинов на 23-е Декабря 1822» (примеч. в источнике).
[2] «Состояние чинов с 2-е Генваря 1823» (примеч. в источнике).

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ. НЕЖИН

Учитель танцев и пения Ф. Е. Севрюгин составляет список гимназистов-певчих, с указанием класса, в котором обучается каждый, и тембра голоса.

«...В графе "дисканты" помечены фамилии Н. Думитрашко, Н. Романовича, А. Макарова, П. Богаевского; "альты" – Н. Бороздин, Н. Герард, Н. Прокопович, С. Иваненко, А. Миницкий, А. Лукашевич; "теноры" – Н. Миллер, Г. Садовничий, И. Миницкий; "басы" – М. Скоропадский, И. Вишневский, В. <Любич->Романович, И. Кобеляцкий, П. Редкин, Г. Иваненко. На полях имеется приписка: "учат обедню и службу великого поста" <начинался в 1823 г. 5 марта>».

Михед, Якубина. С. 333.

ЯНВАРЯ 17. СРЕДА

В. А. Гоголь-Яновский обращается с прошением к Императору Александру I, через своего доверенного, губернского секретаря Ивана Ивановича Яременко, по поводу обмана при продаже Василию Афанасьевичу Н. Л. Соколовой земли на хуторе Купчин[1] (земли оказалось вполовину меньше)[2].

«Всепресветлейший державнейший великий Государь Император Александр Павлович, Самодержец всероссийский, Государь всемилостивейший.

Приносит исковую жалобу по доверенности помещика Малороссийской Полтавской Губернии Миргородского повета Коллежского Асессора Василия Гоголь-Яновского – Полтавской же губернии Зеньковского повета Губернский Секретарь Иван Иванов сын Яременко – Ольвиопольского уезда на помещицу порутчицу Надежду Львову дочь Соколову, о чем тому следуют пункты.

Помещица Ольвиопольского уезда порутчица Надежда Львова дочь Соколова, урожденная Лапи-Данилевских, прошлого, 1820-го, года февраля 4-го дня продала верителю моему пахотные земли, состоящие полтавского повета при хуторе называемом Купчина, мерою восемьдесят семь десятин и двадцать пять квадратных саженей, ценою за четыре тысячи рублей с таким при том обязательством, что если бы в тех проданных Г-жею Соколовою землях вышепоясненного количества по измерении не явилось, то продавица Г-жа Соколова должна возвратить за недостающее

ее количество, земли причитающейся, деньги с процентами, с пошлинами и со всеми издержками, каковые от верителя моего показаны будут, без всяких изговорок, в каковой силе и формальную крепость на вышепоясненные земли в Миргородском поветовом суде того же, 1820-го года февраля 5-го числа законно сознала. Но того же года по открытии весны по измерении землемером вышесказанных земель оказалось вместо показанных Г-жею Соколовою восьмидесяти семи десятин и двадцати пяти квадратных саженей всего только сорок две десятины и сто сорок девять с половиною квадратных саженей, следовательно, не явилось к означенному в крепости количеству проданной верителю моему Г-жею Соколовою земли сорока четырех десятин и двух тысяч двухсот семидесяти пяти с половиною квадратных саженей, за которые продавица Г-жа Соколова при совершении купчей крепости все деньги полностию получила. В таковых крайне обидных обстоятельствах относился веритель мой несколько раз письменно к Г-же Соколовой с требованием законного удовлетворения, но, не получив ни на одно из писем от нее ответа, подал 1821-го года генваря 18-го дня узаконенные в Миргородский и Полтавский поветские суды протестовые прошения и после, в прошедшем 1821-м году, еще писал веритель мой к Г-же Соколовой через нарочного человека, напоминая ей данное обязательство и требуя законного удовлетворения. И на то не получил никакого ответа; наконец прошлого 1822-го года майя 19-го числа получил от Г-жи Соколовой письмо с выражениями обязательству противными и для верителя моего весьма обидными, почему представляю при сем данный мне на сие верящий лист и <нрзб.> в рублях деньги. Всеподданнейше прошу, дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества указом поведено было сию мою исковую жалобу приняв записать. И с помещицею порутчицею Соколовою о взыскании с нее за недостающие с 44-х десятин 2275 $^1/_2$ квадратных саженей земли следующих верителю моему за оную в возврат денег двух тысяч шестидесяти шести рублей, да сверх того причитающиеся на сию сумму заплаченные в казну пошлины: ста двадцати трех рублей девяносто шести копеек, и на оных следуемых указных процентов с 4-го февраля 1820-го года по 4-е генваря 1823-го года 380 рублей 50 копеек, а всего двух тысяч пятьсот семьдесят рублей сорока шести копеек денег и отдачи мне оных для доставления верителю моему Гоголь-Яновскому дать суд по форме. Сей же иск показываю по чистой совести 2570 рублей 46 к<опеек>. С верящего же листа оставив при деле копию, подлинный мне возвратить. Всемилостивейший Государь, прошу Вашего Императорского Величества о сей моей исковой жалобе решение учинить. 1823-го года генваря 17-го дня к подаче надлежит в Ольвиопольский уездный суд»[3].

«На обороте последнего листа чернилами рукой <В. А. Гоголя-Яновского?> сделаны грубый чертеж дома и надпись: *бумаги привезенные Антошкою*[4] *из Кохановки 1823-го года Июля 17*-го *числа.* <Ниже>: *Здесь счет или опись скоту, оставшемуся на зимовки у Григория Ильича*[5], *и копии судных речей присланные от Яременка по делу с Соколовою.* — Фонд 67. Опись 1. Ед. хр. 122. 34,8 × 21,7 Пост. от Чаговец. 1958»[6].

[1] См. ***1820. Февраля 4 и 5. Миргородский уездный суд.***

[2] См. ***1820. Весна. Хутор Купчин на р. Голтве.***

[3] Лики Гоголя. Гоголевская коллекция Государственного литературного музея. К 200-летию со дня рождения писателя. Фотоальбом. Под общ. ред. М. С. Гомозковой. Авторы-составители Е. М. Варенцова, С. П. Белехова, В. Н. Куделина, Н. Г. Прохоров. М., 2009. С. 136.

[4] А. Шлапак.

[5] Г. И. Шостак, дядя, по матери, М. И. Гоголь-Яновской (рожд. Косяровской).

[6] Лики Гоголя. С. 136.

ЯНВАРЬ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. НЕЖИН

Решением конференции, возможно, после полугодичного экзамена за четвертый класс, выведены средние баллы успеваемости Николая Гоголя «с августа по генварь» 1822/23 учебного года: по наукам — 3; по языкам — 2; по поведению — 3, по рисованию — 4[1].

«В материалах учебной части Гимназии находится перечень «Вопросов для экзаменов учащихся», подписанных П. Волынским. Среди них вопросы для экзамена учащихся за 1822 г. по пространному Катехизису: «1. Что есть Катехизис? 2. Слово Катехизис какое? <...> 4. Как Катехизис разделяется? 5. Часть первая Катехизиса о чем толкует? 6. Глава первая о чем толкует? 7. Кого называем Богом? 1-е) Бытие Божье чем доказывается? 2-е) О бытии Божьем что нас уверяет? 3-е) К доказательству бытия Божьего что служит? 4-е) Внутреннее совести нашей признание что доказывает? 5-е) Врожденное нам желание верховного блага, им совершенного блаженства, чего доказательством есть? 8. Глава вторая о чем толкует?..» <...>. Таких вопросов 50»[2].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822/23 учебный год. Гоголь состоит в 4 классе. <Первое полугодие. 1822> // *Свод*. Т. 1. С. 444.
[2] *Михед, Якубина*. С. 417.

ЯНВАРЯ 25. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

В число «своекоштных» воспитанников гимназии поступают братья И. В. и П. В. Сушковы[1].

Позднее, 7 июня 1856 г., О. М. Бодянский записал в дневнике: «Племянник Н. В. Сушкова, тоже Сушков[2], помещик Полтавской губ<ернии>, Кобеляцкого уезда, рассказывал за обедом у первого, что он был товарищем по ученью Гоголю в Нежинском Лицее, из коего потом перешел в Харьковский Университет и слушал в нем Юридические науки вместе с И. И. Срезневским. Никто не думал из нас, чтобы Гоголь мог быть когда-либо писателем даже посредственным, потому что он известен был в Лицее за самого нерадивого и обыкновенного слушателя и отличался найболее *жартами*, которыми часто заставлял всех товарищей хохотать до беспамятства. Довольно бывало ему сказать одно слово, сделать одно движение, чтобы все в классе, как бешеные или сумасшедшие, захохотали в одно горло, даже при учителе, Директоре, кого бы то ни было; он же оставался как ни в чем не бывало: спокоен и важен. Пока не знали причин нашего смеха, обыкновенно наказывали нас за него тем, что мы должны были, провинившись, стоять, а он один сидеть; но, когда нам наскучило это, и мы объявили, в чем дело, уже один он стоял, а мы сидели. В театральных представлениях[3] не было ему равного: тут Гоголь и тогда казался нам совершенством. Соучениками его, кроме меня, были Кукольник[4] и Редкин. Первый считался первым по всему; а особенно силен был в Латинском и новейших языках, и частенько всех нас выручал»[5].

[1] *Михед, Якубина*. С. 546–547.
[2] Иван Васильевич Сушков (1808–1873), пансионер Гимназии высших наук в Нежине с января 1823 г. по октябрь 1826 г.
[3] См. ***1824. Февраля 11–16. Понедельник-суббота. Масленица. Нежин***.
[4] Н. В. Кукольник вернулся в гимназию в сентябре 1823 г. (см. ***1821. Октября 7. Пятница. Нежин***; ***1823. Сентября 16. Воскресенье. Санкт-Петербург***).
[5] Гоголь в дневниковых записях О. М. Бодянского 1852–1856 гг. // *Свод*. Т. 3. С. 235.

ЯНВАРЬ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 1;
– русская грамматика – 2;
– история – 3;
– география – 3;
– алгебра – 2;

– геометрия – 2;
– латинский язык – 2;
– французский язык – 3;
– немецкий язык – 2;
«Средний вывод – $2\,^2/_9$».
Поведение – 3.

Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822/23 учебный год. Гоголь состоит в 4 классе. <Второе полугодие. 1823> // *Свод.* Т. 1. С. 444.

ФЕВРАЛЯ 13. ВТОРНИК. КИБИНЦЫ

Родители Гоголя гостят у Д. П. Трощинского. В. А. Гоголь посвящает О. Д. Трощинской стихотворное послание:

«Милостивая Государыня
Ольга Дмитриевна!

Шнурочек для меня бесценный
Имел я счастье получить.
Сей дар от вас я чту священным,
И буду в памяти хранить
Отличное благоволенье,
Которым вы почли меня;
А благодарности, почтенья
Исполнена душа моя.

Ваш всепокорнейший слуга
В. Гоголь-Яновский.

Февраля 13-го
1823 года.
Кибинцы»[1].

«Нам встретился остаток сшитой нитками записной тетрадки Василия Афанасьевича, <...> белой пожелтевшей бумаги со знаком «1823», содержащий черновики писем Василия Афанасьевича... <...> На лицевой стороне 1-го листа[2] <...> помещен небольшой отрывок пьесы, бесспорно, принадлежащий самому Гоголю. <...>

Мотов. Но что же делать мне, – я, право, сам не знаю:
Без денег трудно жить, а что я затеваю,
Того уж невозможно исполнить никогда.
Но впрочем бы не худо – да что бы за беда? –
Продать отцовский дом старинного фасаду,
Но одного при нем фруктового жаль саду.
(Слуга входит)
А вот весьма ты кстати, Урвалушка, пришел.
Урв<ал>. Вы что-то так довольны...
Мот<ов>. [да] [я думал] [как денег нам достать]
Послушай, я нашел
Ур<вал>. Не деньги ли, судар? Ах, барин мой бесценный.
Мот<ов>. Какой нетерпеливый. Но средство получить.
Ур<вал>. Но прежних-то у вас осталося, я чаю,
Еще сот пять иль шесть рублей.
Мотов.
Я примеча<ю>...»[3]

«...В бумагах <В. А. Гоголя-Яновского> <...> рядом с несколькими черновыми письмами, писанными от имени Марьи Ивановны Гоголь рукою Василия Афанасьевича (<...> Бумага 1823 г. <...>), находится писанный *тою же рукою* список украинских слов на букву "к" (в количестве свыше 40) с соответствующими объяснениями, по всей вероятности самим же Василием Афанасьевичем и составленный[4]. <...> Может быть, отцовские записи и натолкнули Н. В. Гоголя на составление *своего* "Лексикона", а может быть, мать, в ответ на возможные его просьбы из Нежина, сообщала ему собранные Василием Афанасьевичем материалы»[5].

[1] *ИРЛИ.* Ф. 538. Оп. 1. Ед. хр. 155. Архив Д. П. Трощинского; *Свод.* Т. 1. С. 50.
[2] Ср.: «Отрывок этот помещен на 7 стр. записной тетрадки Василия Афанасьевича, в которой всего 10 стр. белой пожелтевшей бумаги с водяным знаком "1823", содержащей черновики писем Василия Афанасьевича» (*Иофанов.* С. 49).
[3] *Назаревский.* С. 324; *Иофанов.* С. 49–50.
[4] См.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 901–902.
[5] *Назаревский.* С. 326. — См. также в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 901–902.

ФЕВРАЛЯ 23. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Х. Н. Иеропес утвержден в должности учителя греческого языка и словесности.

Лавровский 1879. С. 165.

ФЕВРАЛЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. КИБИНЦЫ

В. А. и М. И. Гоголь-Яновские покидают Кибинцы.

См. ***1823. Февраля 13. Кибинцы***; ***1823. Октября 24. Кибинцы.***

ФЕВРАЛЬ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

— Закон Божий — 1;
— русская грамматика — 3;
— история — 3;
— география — 3;
— алгебра — 3;
— геометрия — 3;
— латинский язык — 3;
— французский язык — 4;
— немецкий язык — 1;
«Средний вывод — 2 $^{6}/_{9}$».
Поведение — 3.

Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822/23 учебный год. Гоголь состоит в 4 классе. <Второе полугодие. 1823> // *Свод.* Т. 1. С. 444.

МАРТА 19. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

День рождения Николая Гоголя. Ему исполнилось 14 лет.

МАРТА 23. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

В письме к родителям Гоголь изъявляет беспокойство, что не получил ответа ни на одно из своих трех писем.

МАРТА 31. СУББОТА. НЕЖИН

«На заседании хозяйственной части Нежинской гимназии заслушивается рапорт инспектора К. А. Моисеева о том, что изношенную одежду пансионеров (серые сюртуки Семена Кохановича, Николая Думитрашко, Николая Яновского, Ивана Халчинского; брюки Семена Кохановича, синий сюртук Николая Данченко-Немировича) следует изъять из употребления и использовать для починки другой одежды».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 49; *Свод.* Т. 1. С. 445.

МАРТ. НЕЖИН

«Николай Гоголь болеет, ему оказана медицинская помощь».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 49; *Свод.* Т. 1. С. 445.

МАРТ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 1;
– русская грамматика – 3;
– история – 3;
– география – 3;
– алгебра – 3;
– геометрия – 3;
– латинский язык – 3;
– французский язык – 2;
– немецкий язык – 1;
«Средний вывод – 2 $^{5}/_{9}$».
Поведение – 4.

Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822/23 учебный год. Гоголь состоит в 4 классе. <Второе полугодие. 1823> // *Свод.* Т. 1. С. 444.

МАРТ. ВАСИЛЬЕВКА

В. А. Гоголь-Яновский пишет А. А. Трощинскому (черновик письма, на бумаге знак «1823»):

«...Безмерно прискорбно для нас... что отъезд наш из Кибинец столько огорчил вас, но сие самое ваше огорчение обнадеживает нас и в прощении, ибо оно уверяет нас в милостивом вашем к нам благорасположении».

Назаревский. С. 322.

АПРЕЛЯ 7. СУББОТА. НЕЖИН

А. В. Лопушевский утвержден в должности учителя арифметики низших классов.

Лавровский 1879. С. 165.

АПРЕЛЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. ВАСИЛЬЕВКА

В. А. Гоголь-Яновский пишет А. А. Трощинскому:

«...Досадую на себя, что... не возвратился в Кибинцы, если не для облегчения забот почтен<ной> Ольги Д<митриевны>, то по крайней мере для составления им в скучное время компании Д<митрию> П<рокофьевичу>. Сие меня тем более беспокоит, что я сей вины моей не мог загладить по причине слабости моего здоровья и горьких обстоятельств, которых и вы даже к прискорбию моему в резон не приемлете [не потому, чтобы вы сего не знали, но потому, что знать не хотите], зная совершенно как мои припадки, так равно и домашнее мое состояние, стесняемое долгами, притом в такое тяжкое время, в которое, сидя сгорнувши руки или разъезжая для своих удовольствий, весьма легко оставить детей без воспитания и без состояния... Судите же вы теперь, должен ли я дорожить своим здоровьем и спокойствием? Я уверен, что противно сему могут только судить те, которые имеют состояние слишком достаточное... <...> ...В письме своем вы изъяснили свое неудовольствие, что мы отказываемся невозможнотью приехать к Вам на святую неделю[1], чем больно оскорбили чувства беспредельной моей к вам преданности и почтения... я летел бы увидеться с вами после так долгой разлуки, а притом и по долгу моему к почтен<ному> благодетелю Д<митрию> Пр<окофьевичу>».

В письме к О. Д. Трощинской, отправленном, возможно, в тот же день (черновик, на бумаге знак «1823»), Василий Афанасьевич добавляет: «Я весьма верю, что Д<митрий> Пр<окофьевич> доволен был бы нашим приездом».

Назаревский. С. 321–322; *Иофанов*. С. 37.

[1] Вероятно, 23–29 апреля 1823 г.

МАРТ – АПРЕЛЯ 22. ВАСИЛЬЕВКА

«...В записной тетради В. А. Гоголя 1823 г. находим <...> календарь – распределение крестьянских работ по дням недели (почему-то без понедельника):

вторник	– тяглым сеять пшеницу – пешие дома
среда	– тяглым сеять пшеницу и горох – пешим молотить
четверг	– тяглым сеять просо – пешим молотить
пятница	– тяглые дома – пешим молотить
суббота	– все дома, только девки и парубки выметать в саду».

Назаревский. С. 338.

АПРЕЛЯ 22. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ

МАРТ-АПРЕЛЬ. ЯРЕСКИ

Родилась сестра Гоголя Елисавета.

Позднее Елисавета Васильевна вспоминала: «Родина моя – Ерески; восприемницей была Ольга Дми<триевна> Трощинская, крестного отца не было, но поддерживал меня Д. П. Трощинский, министр: он отказался крестить, так как его крестники умирают. Когда мне было два года, мы лишились отца»[1]. Далее Елисавета Васильевна добавляла, что «только годом была моложе»[2] сестры Анны[3].

В 1980 г. 93-летняя С. Н. Данилевская[4] сообщала: «...Моя бабушка Елизавета Васильевна Гоголь, как и ее сестры, родилась в доме генерал-майора Андрея Андреевича Трощинского, двоюродного брата матери писателя. При крещении ее держал на руках сам бывший министр юстиции и сенатор Дмитрий Прокофьевич Трощинский, а крестной матерью была Ольга Дмитриевна, внучка последнего короля Польши Станислава Понятовского»[5].

[1] См. ***1825. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Кибинцы.***
[2] Воспоминания Е. В. Быковой // *Свод.* Т. 1. С. 177, 178.
[3] На самом деле Елисавета была моложе Анны на два года (см. ***1821. Апреля 27. Васильевка***).
[4] Софья Николаевна Данилевская (рожденная Быкова; 1887–1984), внучатая племянница Гоголя, жена племянника Г. П. Данилевского. Дочь Николая Владимировича Быкова (1856–1918) и Марии Александровны Быковой (рожд. Пушкиной – внучки А. С. Пушкина; 1862 – 1938 или 1939), С. Н. Данилевская приходилась внучкой сестре Гоголя Елисавете Васильевне (в замужестве Быковой).
[5] *Смирнова Р. А.* <Воспоминания о Гоголе его сестер в передаче С. Н. Данилевской (рожденной Быковой)> // *Свод.* Т. 3. С. 967. – См. также ***1821. Февраль-май. Москва.***

АПРЕЛЬ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 3;
– русская грамматика – 3;
– история – 4;
– география – 4;
– алгебра – 3;
– геометрия – 3;
– латинский язык – 2;
– французский язык – 3;
– немецкий язык – 2;
«Средний вывод – 3».
Поведение – 3.

Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822/23 учебный год. Гоголь состоит в 4 классе. <Второе полугодие. 1823> // *Свод.* Т. 1. С. 444.

МАЙ.
НЕЖИН

«Николай Гоголь болеет и обращается к врачу»[1]. В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у него следующие оценки:

– Закон Божий – 3;
– русская грамматика – 3;
– история – 4;
– география – 4;
– алгебра – 3;
– геометрия – 3;
– латинский язык – 1;
– французский язык – 3;
– немецкий язык – 2;
«Средний вывод – 2 $^{8}/_{9}$».
Поведение – 3[2].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 50; *Свод.* Т. 1. С. 446.
[2] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822/23 учебный год. Гоголь состоит в 4 классе. <Второе полугодие. 1823> // *Свод.* Т. 1. С. 444.

МАЯ 31. ЧЕТВЕРГ.
ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ.
НЕЖИН

«На заседании хозяйственной части Гимназии повторно[1] заслушивается рапорт инспектора К. А. Моисеева о необходимости обновить одежду пансионеров[2]. В прилагаемом инспектором списке значится Николай Гоголь-Яновский, нуждающийся в сюртуках из синего и серого сукна и брюках из серого сукна»[3].

[1] См. ***1823. Марта 31. Нежин.***
[2] См. также ***1824. Март-апрель. Нежин.***
[3] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 49–50; *Свод.* Т. 1. С. 445.

ИЮНЬ.
НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 4;
– русская грамматика – 4;
– история – 4;
– география – 4;
– алгебра – 4;
– геометрия – 4;
– латинский язык – 3;
– французский язык – 3;
– немецкий язык – 3;
«Средний вывод – 2 $^{6}/_{9}$».
Поведение – 4[1].

Гоголь сдает переводные экзамены за четвертый класс.

«В “Ведомости о поведении и успехах учеников за июнь по математическому классу и удостоений их при годичном испытании за 1823-й год по наукам и языкам” указано, что ученик четвертого класса Яновский Николай удостоен за 1823 г. по математике и по остальным предметам хороших оценок»[2].

«Отдельный перечень вопросов (больше 80), подготовленных законоучителем П. Волынским, требует глубокого знания всех частей и глав катехизиса. Им сформулированы вопросы по каждой его части, например: “5. Первая часть Катехизиса о чем толкует? 6. Глава первая о чем толкует? 7. Кого называем Богом? 8. Бытие Божье чем доказывается? 9. О бытии Божьем что нас уверяет? 10. Глава вторая о чем говорит? 11. Что есть Бог? 12. Когда Бог ни от кого не зависит, что следует из того? 13. Когда Бог сам от себя есть, что из того заключаем? 14. А когда Бог не может не быть? 15. А когда Бог есть один безначальный? 16. Что из того следует? <...> 19. Глава третья о чем толкует? 20. Что есть Богопочитание? 21. Для чего мы должны отдавать Богу почтение? <...> 25. Часть вторая Катехизиса о чем толкует? <...> 27. Глава первая о чем? 28. Что есть вера?..”»[3]

К. М. Базили успешно сдает экзамены за первый и второй классы гимназии[4].

И. Д. Халчинский вспоминал: «На экзамене 1823-года, без труда выдержав экзамен 1-го и 2-го классов, Базили был переведен в третий»[5].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822/23 учебный год. Гоголь состоит в 4 классе. <Второе полугодие. 1823> // *Свод.* Т. 1. С. 444.
[2] <Оценки успеваемости Гоголя во втором полугодии четвертого класса гимназии, с февраля по июль 1823 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 445.
[3] *Михед, Якубина.* С. 417–418.
[4] См. ***1822. Сентября 7. Нежин.***
[5] *Халчинский И. Д.* К. М. Базили // *Свод.* Т. 1. С. 545.

ИЮЛЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Решением конференции выведены средние баллы успеваемости Николая Гоголя «с генваря по июль» 1823 учебного года: по наукам – 3; по языкам – 2; по поведению – 3[1]. Гоголь переведен в пятый класс[2].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1822/23 учебный год. Гоголь состоит в 4 классе. <Второе полугодие. 1823> // *Свод.* Т. 1. С. 444.
[2] *Иофанов.* С. 142; *Свод.* Т. 1. С. 450.

ИЮЛЯ 14. СУББОТА. НЕЖИН

«Руководство Гимназии принимает решение распределить пансионеров по спальням (4 спальни по 15 человек) во главе с надзирателем и прислугой. Николай Гоголь определен в третью спальню вместе с С. Кохановичем, И. Кобеляцким, Н. Миллером, В. Любичем-Романовичем, Н. Думитрашко, Н. Данченко, Н. Григоровым, П. Матушинским, А. Миницким, И. Халчинским, Г. Бордовским <П. Д. Бардовским>, А. Пузыревским, П. Богаевским. Надзирателем в спальне назначается Е. И. Зельднер, а служкой Н. Строганов. (В обязанности прислуги входила уборка помещения и обслуживание пансионеров.)»[1]

«Как видно из документа, по спальням пансионеры распределялись независимо от того, в каком классе и в каком отделении по языкам находились. Этот факт позволяет говорить о свободном общении пансионеров всех возрастов»[2].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 51, 180; *Свод.* Т. 1. С. 446.
[2] *Супронюк О. К.* Из комментариев к письмам Гоголя // Русская литература. 1989. № 1. С. 160.

ИЮНЬ – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ИЮЛЯ

Т. С. Гоголь-Яновская (рожденная Лизогуб) «под залог 70 крепостных получила из Опекунского совета 10580 рублей ассигнациями; оставшиеся после вычета вперед положенных взносов 9855 руб<лей> Николай Яновский, должно быть какой-то родственник Гоголей[1], хлопотавший по этому делу, переслал на имя Д. П. Трощинского. Рукою последнего на приложенном “Отчете” Н. Яновского записано: “Переведенные на меня 9855 р<ублей> здесь возвращены: июля 22 Марье Ивановне – 5000, августа 4 Василию Афанасьевичу – 855, (августа) 18 ему же посланы и остальные 4000. Итого 9855”».

Назаревский. С. 347.

[1] См. ***1821. Марта 21.***

ИЮЛЯ 22. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Д. П. Трощинский возвращает М. И. Гоголь-Яновской 5000 рублей.

См. ***1823. Июнь – первая половина июля.***

ИЮЛЬ. ВАСИЛЬЕВКА, ЯРЕСКИ, КИБИНЦЫ

Гоголь на каникулах, которые проводит, вероятно, в Васильевке, бывает в Ялесках, Кибинцах; возможно, пользуется книгами из кибинской библиотеки Д. П. Трощинского[1].

А. С. Данилевский в 1887 г. рассказывал В. И. Шенроку: «Один раз (в первый год[2]) мы должны были вместе с Гоголем ехать домой; тут был и Баранов[3]. Прислали за нами лошадей; с нами навязался ехать один из наших гувернеров, Зельднер. Коляску прислали четвероместную, но к нам еще напросился Щербак, который был знаком с семейством Гоголя. (Он жил около Пирятина; это были довольно богатые люди). Зельднер тогда имел еще для нас авторитет: его присутствие было для нас стеснительно. [К тому же с ним было несчастье: каждый раз, когда он пускался в дорогу, с ним случалось расстройство желудка, да и в деревне жить с ним было не очень приятно.] Он ехал и ко мне, и к Гоголю, но нам обоим не хотелось его брать. Когда условились ехать, то он пошел с нами на черный двор, где была коляска; он нам хотел доказать, что можно ехать впятером. Он был очень забавен; ноги циркулем; мы над ним подсмеивались. Наконец, все было готово к отъезду. Накануне жена Зельднера, Марья Николаевна, приготовила пирожки, и мы должны были на другой день, чем свет, выехать. Мы составили заговор уехать раньше. На другой день утром человек Гоголя, Федор, приехавший за нами, разбудил нас в музее (так назывались отделения; их было три: старший, средний и младший). Зельднер, проснувшись, не хотел ни за что верить, что мы уехали. “А, мерзкая мальчишка!” – повторял он и везде нас искал. Дорога была продолжительная; мы ехали на своих, и на третий день прибыли. Дорогой дурачились, и Гоголь выкидывал колена. Щербак был грузный мужчина с большим подбородком. Когда он заснет, Гоголь, бывало, намажет ему лицо халвой, и

мухи его облепят [ему доставался и «гусар» (гусар – это была бумажка, свернутая в трубочку)]; когда кучер запрягал лошадей, мы наводили стекла на их крупы. Дорога была веселая. Когда проезжали Ярески [(это было в июле)], мы подбирались к Толстому[4]. (Дмитрий Прокофьевич жил в Кибинцах [но на лето переезжал в Яресказ].) Это была родина Марьи Ивановны Гоголь. Здесь с нами повстречались Василий Афанасьевич и Василий Иванович[5]. Кажется, это была случайная, а не намеренная встреча. Василий Афанасьевич был красивее сына. Помню как теперь, шляпа была у него лощеная, матросская (человек он был в высшей степени интересный, бесподобный рассказчик). <...> Нос у Гоголя был отцовский, но глаза, брови и весь облик – матери»[6].

Данилевский также сообщал: «Мы много раз бывали в Кибинцах[7] и Ересках и гостили подолгу, но Трощинский держал себя недоступно и едва ли промолвил с нами даже слово. Дом был открытый: кто ни приезжал, пользовался хорошим приемом. Был даже занимательный случай с одним Барановым, артиллерийским офицером[8]. Он случайно, совершенно незнакомый, попал как-то в Кибинцы как раз перед именинами[9] Трощинского, и в виде сюрприза, устроил великолепный фейерверк. Его обласкали, и он остался проживать в Кибинцах, года на три, совершенно позабыв про службу»[10];

«...Кто знал Кибинцы в дни их величия и славы, те не могут и теперь без увлечения вспомнить об этом сказочном мирке. Все здесь говорило, что хозяин был человек просвещенный с тонким вкусом и большой разносторонней любознательностью. Много было приманок, привлекавших сюда всех, кто имел возможность проникнуть в кибинцские чертоги. Здесь был вечный пир в праздник и в будни. Кто бы и когда ни подъезжал к господскому дому в Кибинцах, уже издалека начинал различать звуки домашнего деревенского оркестра, казавшиеся сначала каким-то неопределенным гулом и становившиеся по мере приближения все явственнее и громогласнее, и, наконец, перед путником выростал величавый дом Трощинского с примыкавшими к нему бесчисленными флигелями и службами. Дом этот походил больше на обширный клуб или гостинницу, чем на обыкновенный домашний очаг. Все было поставлено в нем на широкую ногу, всего было в изобилии и везде блистали изящество и красота. Гостей в Кибинцах круглый год бывало так много, что исчезновение одних и появление других было почти незаметно в этом волнующемся море. Большинство из них пользовались особыми помещениями и всевозможным комфортом: каждому присылался в его комнату чай, кофе или десерт, и лишь к обеду все должны были в строго определенный час собираться по звонку. До каких широких размеров доходило хлебосольство Трощинского, показывает следующий пример. По словам друга Н. В. Гоголя А. С. Данилевского, однажды был преоригинальный случай с каким-то артиллерийским офицером Б<арановым>. Он попал в Кибинцы случайно перед именинами Трощинского и в виде сюрприза устроил фейерверк. За услугу его обласкали, и ему так понравилось у Трощинских, что он так и остался у них проживать года на три. Впрочем, при всем гостеприимстве Трощинский был несколько натянут и не особенно приветлив в обращении. А. С. Данилевский передает, что много раз случалось ему бывать в Кибинцах и Ересках вместе с Н. В. Гоголем и гостить подолгу, но Трощинский едва ли промолвил с ними даже слово. С гостями он вообще беседовал мало и любил при них раскладывать гранпасьянс. Перед обедом гости, располагаясь в разных концах столовой, обыкновенно напряженно ожидали хозяина. Наконец, появлялся Дмитрий Прокофьевич, всегда в полном параде, во всех орденах и лентах, задумчивый, суровый, с выражением скуки или утомления на умном старческом лице. Усвоенная во время придворной жизни величавость, первенствующая роль хозяина и оказываемые наперерыв со всех сторон знаки подобострастия давали ему вид козырного короля среди этой массы людей. При всем том это был человек очень добрый, готовый помогать и оказывать покровительство, кому было возможно...

У этого-то «царька», как называли в соседстве Трощинского, Василий Афанасьевич состоял на правах родственника, хотя они далеко не были на равной, дружеской ноге, как обыкновенно думают. Несмотря на то, что просвещенный сановник умел ценить способности Гоголя, особенно драматические, и знание горячо любимой Малороссии, он, все-таки, не делал для него исключения в характере своих отношений к окружающим и всегда держал его на известном расстоянии. Впрочем, Василий Афанасьевич, имея несомненные преимущества перед толпой случайных посетителей Кибинцев, и сам не становился с Трощинским на одну доску, чего не допускала значительная разница между ними и в возрасте, и в положении. Относясь к Трощинскому, как к покровителю, он разделял с другими чувство благоговения перед ним, что, конечно, исключало уже всякую возможность панибратства. Но во время приездов своих в Кибинцы Василий Афанасьевич мог свободно располагаться в предоставленном в его полное распоряжение флигеле[11] и поместить в нем всю семью... <...> Кроме того, к его услугам был экипаж, люди для посылок, наконец, он мог во всякое время пользоваться советами домашних врачей Трощинского. Случалось, что и сам Дмитрий Прокофьевич приезжал к нему[12], а потом к вдове его[13], со всем штатом, с челядью и шутами. В делах практической важности Трощинский всегда оказывал содействие любимому родственнику и его семье. Итак, сношения с Трощинским вносили <...> большое разнообразие в жизнь васильевских помещиков, давая им возможность многое видеть и узнавать. <...>

Оканчивая здесь речь о Д. П. Трощинском, чтобы характеристика его не представлялась у нас одностороннею и пристрастною, а вместе и для более ясного понимания совершившейся впоследствии в юном Гоголе

перемены в отношениях его к Трощинскому, упомянем и об отрицательных сторонах быта последнего. Мы говорили о том, как ожидалось с трепетом его появление к гостям. Как ни привычно было большинство гостей к этим торжественным выходам, едва ли многие из них не ощущали некоторой робости в минуты таких появлений. Но вот кто-нибудь из гостей, – конечно, из тех, которые, с одной стороны, уже пользуются известной свободой и прерогативами, а с другой, не прочь подслужиться и угодить вельможе, — находит, что наступает время развлечь Дмитрия Прокофьевича. На сцену вызывается кто-нибудь из шутов и начинает занимать общество своими выходками. Но трудно шуту даже при невзыскательности присутствующих к увеселениям подобного рода быть постоянно, так сказать, на высоте своей задачи: шутки или повторяются, или становятся чересчур избитыми и не достигают цели. Приходится изобресть что-нибудь новое, не успевшее наскучить. К стыду наших дедов, нельзя не сознаться, что нередко в подобных случаях скудоумие шутов не только не уравновешивалось находчивостью гостей, но даже давало повод к проявлению со стороны последних возмутительной пошлости. У Трощинского в случае нужды оживить общество на выручку являлись особые *шутодразнители*, т. е. люди, не гнушавшиеся жестоким и тупоумным глумлением над несчастными, забитыми идиотами, или полупомешанными скоморохами, — для того, чтобы и хозяину угодить, и на момент выдвинуться из толпы и удовлетворить чувству мелкого самолюбия, сделавшись, подобно Добчинскому или Бобчинскому, героями минуты. В таких шутодразнителях не было недостатка при разнородном составе гостей Трощинского. Что они выделывали и изобретали в угоду знатному вельможе, можно судить по следующим примерам. Среди шутов, кроме известного Романа Ивановича[14], обращал на себя внимание жалкий, отставленный вследствие умопомешательства заштатный священник, отец Варфоломей[15]. Он был главной мишенью для насмешек и издевательства, а иногда и побоев со стороны не знавшей удержу толпы, не считавшей для себя обязательным даже уважение к прежнему сану помешанного. Этого мало: была изобретена особая, часто повторявшаяся жестокая потеха, состоявшая, в том, что бороду несчастного шута припечатывали сургучем к столу и заставляли его, делая разные движения, выдергивать ее по волоску. И это могло быть на глазах умного и доброго по природе, а главное — просвещенного вельможи!.. (Впрочем, по словам А. С. Данилевского, эти шутки мало забавляли Трощинского: он смотрел на них угрюмо, разве изредка, бывало, улыбнется.) Шут этот был не столько забавен даже, сколько отвратителен и грязен в буквальном смысле слова: неопрятность его доходила до таких невероятных размеров, что смотреть на него во время обеда было противно и непристойно и его принуждены бывали отделять от остального общества особыми ширмочками, чтобы не оскорблять по крайней мере зрения соседей, тогда как слух их ежеминутно оскорблялся его безобразным чавканьем. Несмотря на такие отвратительные привычки и наружность отца Варфоломея, с ним после стола ежедневно проделывали одну и ту же шутку. Глумясь над жадностью его к деньгам, между ним и Трощинским, садившимся нарочно возле шута, потихоньку подвигали ассигнацию и наблюдали, как, не будучи в состоянии устоять против соблазна, шут наконец ее схватывал и собирался уже ею завладеть, как вдруг, остановленный в своем намерении бесцеремонным толчком и бранным словом Трощинского, невозмутимо повторял двусмысленное: «а нехай се вам!..» Однажды во время приезда архиерея[16] шутодразнители вложили отцу Варфоломею мысль обратиться к его преосвященству с приветственною речью. Речь была действительно приготовлена и, к крайнему соблазну одних и лукавой радости других, торжественно начата. Архиерей слушает и недоумевает. Наконец, когда не осталось уже сомнения, в чем дело, находя неприличным и скучным слушать такой вздор, прервал автора словами: «хорошо, очень хорошо! остальное досказывай чушкам...»

В обычных шутках над отцом Варфоломеем принимали участие решительно все. Казалось нелепым и неестественным относиться к нему иначе, а совершенно игнорировать его при описанном выше общем настроении не представлялось возможным. Наконец, и сам отец Варфоломей, свыкшись с своим положением и исполняя свои обязанности, вероятно, силился, чем мог, обращать на себя внимание и возбуждать смех... <...>

...Есть <...> несомненный пример изображения определенной личности в VI главе «Мертвых Душ», в характеристике помещика, живущего, в противоположность Плюшкину, во всю ширину русской удали и барства, в котором нельзя не узнать так близко знакомого Гоголю в детстве Д. Пр. Трощинского, так как многие из указанных автором признаков могут быть отнесены только к одной и притом исключительной личности, и даже в те времена они были, без сомнения, большой редкостью. Вот это описание: «Небывалый проезжий остановится с изумлением при виде его жилища... <...> Полгубернии разодето и весело гуляет под деревьями» и проч. (Одна из таких прогулок Трощинского с гостями в саду была ознаменована напугавшей всех шуткою отца Гоголя, повесившего на каком-то дереве платье домашнего шута Трощинского, выжившего из ума о<тца> Варфоломея, над которым все домашние и гости бессовестно глумились, припечатывая его бороду к столу и проч. Увидя висящее на дереве платье его, многие подумали, что несчастный с отчаяния решил покончить с собой, и успокоились только тогда, когда увидали сзади важно шагавшего самого невольного виновника испуга, изумленного не менее других. Любопытны поэтому следующие слова в описании Гоголя: «И никому не является дикое и грозящее в сем насильственном освещении, когда театрально выскакивает из древесной гущи озаренная поддельным светом ветвь»)»[17].

Свидетельства В. И. Шенрока (со слов А. С. Данилевского) были напечатаны в 1892 и 1894 гг. Незадолго перед тем в апрельском номере «Исторического Вестника» за 1891 г. были опубликованы воспоминания доче-

ри В. В. Капниста С. В. Скалон, которая также сообщала о Д. П. Трощинском: «Он, обыкновенно, до двенадцати часов утра занимался серьезными делами в своем кабинете, читал и принимал посетителей, беседуя с ними в особенности о России, о правительстве, о политике и обо всем, что касалось его отечества и было близко сердцу его; потом выходил к завтраку, где ожидали его родные, и гости, и шуты, которых было всегда несколько в доме для того, чтобы шутками своими развеселять его. Так как, обыкновенно, он был серьезен и задумчив, дочь его часто давала при нас деньги которому-нибудь из шутов, чтобы он только был повеселее и усерднее забавлял старика. За обедом играл всегда оркестр музыки, угощениям не было конца; прислуги было столько же, сколько и сидящих за столом. Надо сказать, что, после господского стола, за тем же столом подавался тот же обед всем и лакеям и горничным. После этого неудивительно, что в ближайшем городке Миргороде нельзя было иногда купить курицы, ибо все закупалось на кухню Трощинского — и это было еще одно из благодеяний для его обывателей. <...> К шутам его присоединялись обыкновенно и так называемые там шутодразнители, которые и приезжали только для того, чтобы дразнить первых и тем забавлять хозяина. Иногда выходили из этого пресмешные сцены, от которых старик бывал в совершенном удовольствии. У него был некто барон Шиллинг, ста четырех лет; он был еще так здоров и так бодр, что танцевал все танцы, и в особенности французскую кадриль с разными антраша, пел дрожащим голосом разные немецкие песни и всегда был весел; зимою, в страшный мороз, ходил всегда в одном фраке, в летнее же время любимое занятие его состояло в том, чтобы ловить мух; его держали единственно для того, чтобы старик Трощинский, видя его силу и бодрость, не считал бы себя слишком старым.

В числе шутов был и священник, отец Варфоломей, расстриженный (как он всем говорил) за то, что он будто бы обвенчал кого-то вместо венцов бубликами. Конечно, он выдумал это для большей забавы; вообще он был вовсе не глуп и из хитрости и от жадности к деньгам представлялся дураком, не умеющим иногда даже сказать, когда спрашивал у него старик Трощинский, сколько дней в неделе.

Дмитрий Прокофьевич, привыкнув с молодости, учившись сначала в киевской бурсе, а потом служа в канцеляриях, спать при шуме чтения и разговоров, сохранил эту привычку и до старости, имея у себя всегда или чтецов, или сказывальщиков; когда приходила иногда очередь и отцу Варфоломею рассказывать ночью что-нибудь, то он всегда с пользой для себя употреблял этот случай, представляя иногда свое жалкое положение, и, тронув старика, получал на другой день денежное пособие, а иногда, сердясь на него за что-нибудь и говоря как бы о ком другом, представлял его таким угрюмым, сердитым и капризным вельможей, что старик легко мог знавать себя в этой особе и на другой день за завтраком, смеясь, рассказывал нам о хитрости отца Варфоломея, называя его при этом, по обыкновению, всегда скотиною.

Чтобы дать вам понятие о том, что позволялось делать в то время для забавы старика, я расскажу вам следующее.

Помню, как один раз так называемые шутодразнители, сделав чучело в виде отца Варфоломея, во весь рост, в его рясе, совершенно с его физиономией и с седой бородой, повесили его на ближайшем дереве, близ балкона, предупредив, однако, об этом Дмитрия Прокофьевича, которой немедля пришел и, усевшись на балконе, ожидал, улыбаясь, с нетерпением настоящего отца Варфоломея, чтобы посмотреть, какую фигуру он сделает при этом своем изображении.

Трудно представить себе страх и изумление несчастного Варфоломея, увидевшего себя висевшем на дереве; перекрестившись, он стал на колени, с поднятыми руками к небу, и, скривив жалобно свою физиономию, сказал с большим умилением: «Благодарю Господа, то не я!»

Я и теперь живо представляю себе довольную улыбку на лице Дмитрия Прокофьевича и громкий смех всех окружавших его!

Такими-то шутками нужно было иногда развеселять задумчивого, мрачного и всегда почти грустного старика Трощинского.

Он обожал дочь свою, и в доме она делала все, что хотела; будучи обворожительной кокеткой, она в то же время страшно ревновала ко всем своего мужа. Несчастная страсть эта довела их, наконец, до того, что они совершенно рассорились, и бедный князь, несмотря на любовь тестя и двух детей, должен был расстаться с ними и уехать навсегда из дому.

В 1813 году государь Александр I призвал к себе Трощинского и сделал его министром юстиции. В 1816 г. скончалась в Петербурге дочь его, оставив ему единственную внуку двенадцати лет, а в 1817 г. он опять попал в немилость, как известно, за прямодушие свое, и, вышед в отставку, возвратился, к большой радости нашей в Малороссию.

Тогда опять оживился наш край: праздники и веселости начались по-прежнему; только в семействе его была большая перемена. Вместо красавицы дочери была при нем внука его, княжна Хилкова, тринадцати лет, которую он очень любил и которая, несмотря на детский возраст свой, оставаясь совершенно одна при нем, развилась и начала жить слишком рано.

Хотя она не была так хороша собой, как мать ее, но миловидностью, добротой сердца и необыкновенной грациозностью не менее матери сводила с ума всех молодых людей.

Но это-то и послужило ей к большом вреду — характер ее испортился, она в свою очередь сделалась большой кокеткой, недолго жила и вскоре после замужества своего скончалась.

При ней хоть и была в то время очень хорошая гувернантка швейцарка m-lle Guene, но сколько ни старалась, не могла ее исправить от ее дурных наклонностей. Иностранку эту я очень любила, как умную и образованную женщину, и всегда с удовольствием проводила с нею время.

Хозяйкой же в доме была тетка княжны, жена племянника Д. П. Трощинского, Андрея Андреевича Трощинского. Он, будучи уже сорока лет, женился в Москве на шестнадцатилетней девице Кудрявцевой[18]. Она, едва вышедшая из пансиона, была в то время совершенным ребенком. Согласилась за него выйти потому единственно (как она сама мне говорила), чтобы надеть чудное приготовленное к венцу платье, и, одевшись в него, не помышляя ни о чем, с восторгом бежала впереди всех, через сад, для венчания в домовую церковь. Будучи хороша собою, с большими черными ресницами, с длинными густыми каштанового цвета локонами по плечам, она казалась скорее дочерью его, чем женою, в особенности, когда она прибегала, как дитя, спрашивать у него позволения идти гулять, или надеть платье, какое она желала.

Этот-то ребенок должен был в то время играть роль хозяйки в доме дяди своего, который ее очень любил и ласкал и за любовь которого часто ссорились тетка с племянницей. Вообще они во всем ривализировали <соперничали; от фр. rivalite> и завидовали друг другу; но при нем скрывали это и часто в угодность ему танцевали вместе, как большие друзья, в богатых костюмах русскую пляску (любимый его танец) и мастерски играли вместе на театре.

Обе они очень меня любили; но впоследствии я была более дружна с женой А. А. Трощинского, и эта дружба сохранилась у нас до ее смерти; она умерла несколько лет прежде своего старого мужа»[19].

[1] См.: Каталог антикварной библиотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, приобретенной после бывшего министра Д. П. Трощинского. Киев, 1874. 343 с. — См. ***1822–1823. Нежин, Васильевка или Кибинцы***.

[2] Имеется в виду 1822/23 учебный год.

[3] См. ***1822 декабря конец – 1823 января начало. Нежин.***

[4] Имение отчима А. С. Данилевского В. И. Черныша.

[5] «Отчим Данилевского» (примеч. В. И. Шенрока).

[6] Воспоминания А. С. Данилевского в статье В. И. Шенрока «Родители Гоголя» // *Свод.* Т. 1. С. 494–495.

[7] См. ***1828. Октября 26–28. Кибинцы.***

[8] Сходный анекдот рассказывали о фаворите Екатерины II С. Г. Зориче.

[9] 28 октября (ст. ст.).

[10] А. С. Данилевский о посещениях с Гоголем Кибинец в 1820-х гг. Фрагмент из «Материалов для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 497.

[11] См. ***1825. Марта между 9 и 14. Кибинцы.***

[12] См. ***1814. Первая половина года. Васильевка.***

[13] См. ***1825. Июня 20. Суббота. Васильевка***; ***1826. Мая 15. Васильевка***; ***1826. Сентября 10. Нежин***; ***1826. Октября между 7 и 14. Васильевка***; ***1826. Октября 15. Нежин.***

[14] Д. П. Трощинский 6 октября 1826 г. писал из Кибинец в Петербург своему приятелю Л. И. Голенищеву-Кутузову: «Старикам, говорят, свойственно бредить, и я это вседневно вижу на известном вам Ром<ане> Ив<анови>че, который так оглупел, что порядочно пяти слов связать не может, а память до того ослабела, что никого из знакомых по имени не знает, и даже не только года, месяца и числа, но и дня сказать не умеет, и такую чепуху городит, что глядя на него и смеяться и плакать хочется. При всем том ест еще очень хорошо, не взирая, что во рту только полтора зуба осталось, пьет еще лучше и может быть больше, нежели надобно, спит также порядочно, и только ничего не думает и нечего не делает, и ему теперь с 1-го октября наступил 88-ой год. У меня есть еще и другой старик, но только несравненно подвижнее Романа; он беспрестанно чем-нибудь занимается, сохранил память, не знает токмо настоящего числа своих лет, которое можно измерять по одному обстоятельству, что он в бытность Петра Великого под Полтавою находился там по наряду при Его конюшне. — Вот вам, любезнейший друг, краткое описание двух моих Антиков, желаю, чтоб оное вам понравилось» (*РНБ.* Ф. 791. Ед. хр. 29. Л. 32–32 об.).

3 октября 1827 г. Гоголь, в частности, сообщал Павлу П. Косяровскому: «В Полтаве у вас опять рыскает новость об войне (речь идет о русско-турецкой войне, начавшейся в следующем 1828 г. — *И. В.*). Она и сюда заехала; но по пословице Романа Иван<овича>: *не всякому слуху верь,* я стою над нею в раздумьи, верить или не верить. <...> Роману Ивановичу, Пупуре <кличка собаки>, Бондаревскому, Прохвацкому, Дорогому <кличка собаки>, Чцюцчюшке <К. Ф. Тимченко>, Петру Борисовичу и проч. мое нелицемерное уважение».

[15] См. также ***1821. Октября 27. Кибинцы.***

[16] С 1816 до июня 1824 г. епископом Полтавским и Пересяславским был преосвященный Мефодий (Пишнячевский); с августа 1824 г. до апреля 1830 г. епископом Полтавским был владыка Георгий (Ящуржинский).

[17] Воспоминания А. С. Данилевского о доме Д. П. Трощинского, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 497–499.

[18] См. ***1821. Февраль–май. Москва.***
[19] *Свод.* Т. 2. С. 485–486.

ИЮЛЯ 30. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

В гимназии открывается седьмой гласс. Конференцией Гимназии высших наук вынесено постановление о порядке преподавания языков.

Сребницкий 1902. С. 334. – См. также ***1823. Августа 21. Нежин.***

АВГУСТ-ДЕКАБРЬ. НЕЖИН

Гоголь учится в пятом классе гимназии. Изучает предметы: Закон Божий, российскую словесность, историю, географию[1], алгебру, геометрию, языки – латинский, французский, немецкий, и рисование[2].

«...С 1823/24 г. преподавание русского языка и словесности распределено было по классам: в первых трех учитель <К. А.> Персидский, занявший место <Ф. И.> Чекиева, преподавал грамматику, а в остальных <П. И.> Никольский – словесность в след<ующем> порядке: <...> в 5 классе об украшении «с предварительным по письменным урокам изъяснением общих мест риторических для обильнейшего распространения периодов»; <...> ...Преподавание происходило по руководству <А. С.> Никольского (Курс российской словесности)...»[3]

[1] См. ***1823. Августа 20. Понедельник. Нежин.***
[2] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1823/24 учебный год. Гоголь в 5 классе. <Первое полугодие. 1823> // *Свод.* Т. 1. С. 447.
[3] *Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 г.) // *Свод.* Т. 1. С. 446. – См. также ***1823. Августа 21. Нежин.***

АВГУСТА 4. СУББОТА

Д. П. Трощинский возвращает В. А. Гоголю-Яновскому 855 рублей.

См. ***1823. Июнь – первая половина июля.***

АВГУСТА 18. СУББОТА

Д. П. Трощинский посылает В. А. Гоголю-Яновскому в качестве возврата долга 4000 рублей.

См. ***1823. Июнь – первая половина июля.***

АВГУСТА 20. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Директор Гимназии высших наук И. С. Орлай отдает предписание учителю географии и истории А. И. Самойленко о преподавании математической географии:

«...В 1-ой части математической географии для решения вопроса: какое земля наша как планета занимает место в системе солнечной? необходимо нужно рассмотреть системы астрономов о сем предмете... <...>

Во II-й части математической географии должен быть решен вопрос: движется ли земля или стоит неподвижно; должно <...> привести удовлетворительные доказательства вращательного движения земли около собственной своей оси и поступательного около солнца... <...>

В III-й части математической географии — какую земля имеет фигуру? изложить мнения древних о сем предмете и основательно доказать шарообразный вид земли; но сжатый при полюсах.

В IV-й части математической географии, решая вопрос: как велика величина земли? предварительно должно изложить довлеющие понятия о земных кругах, оси, точках ее и точках горизонта, о знаках зодиака...»[1]

Предписание Орлая соответствует содержанию начальных глав первых трех изданий книги К. И. Арсеньева[2] «Краткая Всеобщая География» (СПб., 1818, 1820, 1823). Эти издания имели отдельную главу «О системах мира», с которой начинался раздел «Математическая География» (в 1-м изд.) или «Начальные понятия о Математической Географии» (во 2-м и 3-м изд.). Глава «О системах мира» иллюстрировалась четырьмя чертежами планетных систем на отдельных листах, приложенных в конце книги[3] (начиная с четвертого издания книги Арсеньева, 1827 г., эта глава и связанные с ней астрономические чертежи были исключены). С главой «О системах мира» и приложенными к ней чертежами связаны рисунки, помещенные позднее Гоголем в его «Книгу всякой всячины, или подручную Энциклопедию» (1826–1830) и в записную книгу 1835 г.[4] (Этими рисунками Гоголь пользовался при преподавании географии в Патриотическом институте благородных девиц.)

В составленном в июле 1823 г. И. С. Орлаем распределении учебных дисциплин было предложено преподавание математической географии уже в первом классе, однако распоряжением почетного попечителя гимназии графа А. Г. Кушелева-Безбородко от 18 сентября 1823 г.[5], на имя директора, этот пункт программы был отменен: «Изучение математической географии в первом классе сопряжено со многими неудобствами и превосходит еще незрелые способности воспитанников; часы, положенные на оную, полезнее обратить на чистописание и правописание»[6].

[1] *Сребницкий 1902*. С. 332–334.
[2] В 1828 г. Арсеньев был назначен в наставники к Наследнику Александру Николаевичу.
[3] См.: *Гоголь 2001*. С. 151–154.
[4] См. ***1835. Января конец – июля первая половина. Санкт-Петербург; Васильевка.***
[5] См. ***1823. Сентября 18. Вторник. Нежин***.
[6] *Сребницкий 1902*. С. 338.

АВГУСТА 21. ВТОРНИК. НЕЖИН

Директор Гимназии высших наук И. С. Орлай, «рассмотрев конспект Г<-на> младшего профессора российской словесности Никольского, нашел оный совершенно несообразным с постановлением, сделанным в журнале XVIII 1823 года 30 числа м<есяца> июля»[1].

Критически оценив конспект П. И. Никольского, Орлай «предложил ему к неукоснительному исполнению» план преподавания «языка и словесности российской» для первых шести классов. Согласно этому плану, в пятом классе (к обучению в котором приступил Гоголь в августе 1823 г.[2]) «должна быть преподана поэзия <...> во всей своей полноте и ясности при изложении правил с приведением на оные примеров лучших стихотворцев; но делать подражание оным воспитанники должны только в небольших сочинениях, поколику сочинение сатир, поэм и других больших сочинений сопряжено для них с большими неудобностями, и потому должны быть только показаны на сии сочинения одни правила и в примерах — расположения на оные. Сверх сего выучивание наизусть изящных стихотворений необходимо должно быть сопряжено с изучением сей науке, поколику чрез сие может быть отклонена натяжка в стихах при сочинении оных воспитанниками, и приобретена приятность и плавность, превосходящая самую лучшую прозу».

Сребницкий 1902. С. 334–336.

[1] См. ***1823. Июля 30. Нежин.***
[2] См. ***1823. Август-декабрь. Нежин.***

АВГУСТ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 2;
– российская словесность – 4;
– история – 4;
– география – 3;
– алгебра – 2;
– геометрия – 2;
– латинский язык – 2;
– французский язык – 2;
– немецкий язык – 2;
«Средний вывод – 2 $^{6}/_{9}$».
Рисование – 3.
Поведение – 3.

Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1823/24 учебный год. Гоголь в 5 классе. <Первое полугодие. 1823> // *Свод.* Т. 1. С. 447.

АВГУСТ

Коллежский асессор В. А. Гоголь-Яновский, «имея надобность для займа денег», представил в «Санкт-Петербургский Опекунский совет узаконенное свидетельство на залог 70 душ крестьян из числа записанных по последней ревизии Полтавской губернии Миргородского повета в деревне Васильевка».

Иофанов. С. 30.

СЕНТЯБРЯ 8. СУББОТА. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. НЕЖИН

В гимназию зачислены братья Т. Г. и И. Г. Пащенко, с их двоюродным братом А. И. Пащенко.

Михед, Якубина. С. 502.

СЕНТЯБРЯ 16. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. В. Кукольник распоряжением почетного попечителя графа А. Г. Кушелева-Безбородко восстановлен в гимназии[1] и принят «в число сверхкомплектных воспитанников».

Лавровский 1879. С. 163.

[1] См. также ***1821. Октября 7. Пятница. Нежин.***

СЕНТЯБРЯ 18. ВТОРНИК. НЕЖИН

Почетный попечитель граф А. Г. Кушелев-Безбородко, подводя итоги недавней «двукратной» проверки гимназии, предлагает И. С. Орлаю ряд мер по улучшению учебной, воспитательной и хозяйственной деятельности заведения[1].

В числе прочего, попечитель предлагал: «Для сохранения в воспитанниках гимназии доброй нравственности и для удаления от них вредной развлеченности, я признаю полезным, дабы они были отпускаемы из пенсиона в город не иначе, как с срочным от инспектора билетом, в свободное от учения время, именно: в воскресные и праздничные дни, и не к сторонним каким-либо знакомым лицам, но к родителям их, ближайшим их родственникам, или к тем, к коим родители их отпускать их просили, что и поручаю вам для исполнения»[2].

[1] См., в частности: ***1823. Августа 20. Понедельник. Нежин*** (примечания).
[2] *Сребницкий 1902*. С. 338.

СЕНТЯБРЯ 23. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

А. И. Самойленко утвержден в должности учителя географии низших классов.

Лавровский 1879. С. 165.

СЕНТЯБРЬ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 3;
– российская словесность – 4;
– история – 4;
– география – 3;
– алгебра – 2;
– геометрия – 2;
– латинский язык – 2;
– французский язык – 1;
– немецкий язык – 2;
«Средний вывод – 2 $^{7}/_{9}$».
Рисование – не аттестован.
Поведение – 3.

Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1823/24 учебный год. Гоголь в 5 классе. <Первое полугодие. 1823> // *Свод*. Т. 1. С. 447.

ОКТЯБРЯ 2. ВТОРНИК. НЕЖИН

Гоголь получает от родителей письмо (не сохранилось), в котором сообщалось, что к нему с деньгами будет отправлен крепостной Федор, которого В. А. Гоголь-Яновский хотел отдать учиться живописи.

См. ***1823. Октября 3. Среда. Нежин***.

ОКТЯБРЯ 3. СРЕДА. НЕЖИН

Гоголь в ответном[1] письме к родителям просит прислать ему журнал «Вестник Европы»[2] и вишневого клею; сообщает, что И. С. Орлай, вернувшись из Орла, на следующий день уехал на три недели в Киев, и поэтому он не успел взять у него денег в долг, чтобы заплатить за уроки танцмейстеру:

«...И я еще не начинал учиться танцовать, однако время не уйдет. Ежели вы только пришлете денег через Федьку, то я до Рождества еще буду уже совершенно уметь танцевать».

Сообщает, что был болен, и посылает записку от учителя рисования (очевидно, от К. С. Павлова), в которой тот уведомляет, на каких условиях он согласится учить их крепостного.

[1] См. ***1823. Октября 2. Вторник. Нежин***.
[2] См. также ***1824. Января 22. Вторник. Нежин***.

ОКТЯБРЯ 13. СУББОТА. НЕЖИН

К. А. Персидский утвержден в должности учителя грамматики русского языка низших классов (вместо Ф. И. Чекиева).

Лавровский 1879. С. 165, 176.

ОКТЯБРЯ 23. ВТОРНИК. КАГОРЛЫК, КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Александр Фомин, главный управляющий Кагорлыкской экономии (имения Д. П. Трощинского), пишет В. А. Гоголю-Яновскому:

«...Я поставил себе приятнейшею обязанностью принять вашего любезного сына...»

Назаревский. С. 353.

ОКТЯБРЯ 24. СРЕДА. КИБИНЦЫ

В. А. Гоголь-Яновский приезжает в Кибинцы.

Спустя несколько дней Василий Афанасьевич писал Е. И. Бажанову: «Продолжительная болезнь моя лишила меня удовольствия писать к Вам, п<очтенный> Е<гор> И<льич> <...> в феврале месяце[1] выехал я из Кибинец в свою деревню, где долговременная болезнь моя и советы медиков заставили меня сидеть без всяких занятий <...> более восьми месяцев — и я лишь 24-го октября приехал в Кибинцы».

В письме упоминается также «о пересылке в Нежин бумаг к Никоше»[2].

[1] См. ***1823. Февраль. Кибинцы.***
[2] *Свод*. Т. 1. С. 10.

ОКТЯБРЯ 28. ВОСКРЕСЕНЬЕ. КИБИНЦЫ ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Кончина В. В. Капниста.

ОКТЯБРЬ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 2;
– российская словесность – 4;
– история – 4;
– география – 4;
– алгебра – 2;
– геометрия – 2;
– латинский язык – 2;
– французский язык – 1;
– немецкий язык – 4;
«Средний вывод – 2 $^{8}/_{9}$».
Рисование – 1.
Поведение – 3.

Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1823/24 учебный год. Гоголь в 5 классе. <Первое полугодие. 1823> // *Свод.* Т. 1. С. 447.

НОЯБРЬ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 2;
– российская словесность – 3;
– история – 3;
– география – 4;
– алгебра – 1;
– геометрия – 3;
– латинский язык – 2;
– французский язык – 2;
– немецкий язык – 3;
«Средний вывод – 2 $^{5}/_{9}$».
Рисование – 3.
Поведение – 4.

Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1823/24 учебный год. Гоголь в 5 классе. <Первое полугодие. 1823> // *Свод.* Т. 1. С. 447.

ОСЕНЬ. ВАСИЛЬЕВКА

Окончено «вчерне» строительство церкви в Васильевке, после чего Мария Ивановна с мужем «поехали в Ромны на Ильинскую ярмарку и переменили старинное серебро на церковные вещи»[1].

Мария Ивановна вспоминала: «У свекрови моей было старинное серебро. Мы его променяли на церковное»[2].

[1] См. ***1821. Сентября 21***; ***1824. Сентября 8. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Васильевка***.
[2] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод*. Т. 1. С. 64.

НОЯБРЬ – ДЕКАБРЯ НАЧАЛО. НЕЖИН

Гоголь сообщает родителям:

«Уведомляю вас, что нас будут распускать на праздник Р<ождества> Х<ристова>, и для того прошу вас покорнейше или самим приехать, как папинька говорил, что он будет сам скоро, а ежели вы не приедете, то пришлить за мною, ибо вы сами знаете, что я еще ни разу на сей праздник, или лучше сказать зимою никогда не был дома и для того прошу вас покорнейше приехать за мною. Я однако ж надеюсь, что вы исполните мою просьбу.

Я трудился долго и наконец успел нарисовать 3 картины, а 4-ю еще только что начал... <...> ... они все рисованны на грунту и долго лежать никак не могут и для того прошу вас покорнейше прислать как можно поскорей рамки[1] с стеклами. <...> Итак прошу вас покорнейше заказать оные рамки: две такие, чтобы имели в длину пол аршина с вершком, а в ширину четверть аршина и полтора вершка; другие две в длину на 3 четверти аршина, в ширину на пол аршина и два вершка. <...> Ожидая, что вы мне их пришлете в скорости и что вы пришлете за мною 20-го декабря, остаюсь вашим послушнейшим и покорнейшим сыном...»

Сестра Гоголя Анна (в 1823 г. ей исполнилось два года) позднее, в декабре 1889 – январе 1890 г., писала А. М. Черницкой об одном из портретов брата: «...Портрет, который я помню еще в детстве, был величиной в пол-аршина, поясной, стоял всегда на шкафе в спальне, и говорили, что он сам его рисовал в зеркало, красками (но не в мундире, сколько помнится), но куда он потом делся — не знаю, вероятно, он сам его уничтожил!»[2]

[1] См. также ***1824. Января 22. Вторник. Нежин***.
[2] *Черницкая А.* Анна Васильевна Гоголь. (Мое знакомство и переписка с нею) // Исторический Вестник. 1914. № 10. С. 201; *Свод*. Т. 1. С. 156.

ДЕКАБРЯ ДО 11. НЕЖИН

Гоголь получает письмо от родителей, проживавших в это время в Кибинцах у Д. П. Трощинского, с сообщением, что не могут прислать за ним на Рождественские каникулы.

См. ***1823. Декабря 11. Вторник. Нежин***.

ДЕКАБРЯ 11. ВТОРНИК. НЕЖИН

Гоголь, получив письмо от родителей[1], еще раз[2] просит их забрать его на праздники:

«Вы пишете, что не можно за мною прислать. Ах! сделайте милость, пришлите за мною. Нужды нет, что живёте в Кибенцах; мне с вами везде будет весело».

[1] См. ***1823. Декабря до 11. Нежин***.
[2] См. ***1823. Ноябрь – декабря начало. Нежин***.

ДЕКАБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА (ДО 25 ЧИСЛА). ВАСИЛЬЕВКА

В связи с осложнившимся материальным положением В. А. Гоголь-Яновский вынужден отказаться от постройки нового дома[1]. В письме к А. А. Трощинскому сообщает о своем «домашнем состоянии, стесняемом долгами, и притом в такое тяжелое время»; пишет, что ждет плотника, который должен на святочной неделе (рождественские святки продолжались с 25 декабря 1823 г. до 4 января 1824 г.) начать починку старого дома и пристройку к нему; просит с этой целью прислать из Кибинцов архитектора В. Глухоманского[2].

[1] См. также ***1820. Октября 8. Пятница. Кибинцы.***
[2] *Назаревский.* С. 348; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 56.

ДЕКАБРЯ 29. СУББОТА. НЕЖИН

Н. В. Кукольник, восстановленный в гимназии[1], официально принят в число учащихся[2].

[1] См. ***1823. Сентября 16. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[2] *Михед, Якубина.* С. 392.

ДЕКАБРЬ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

— Закон Божий — 2;
— российская словесность — 3;
— история — 4;
— география — 4;
— алгебра — 3;
— геометрия — 3;
— латинский язык — 2;
— французский язык — 2;
— немецкий язык — 2;
«Средний вывод — 2 $^{8}/_{9}$».
Рисование — 2.
Поведение — 4[1].

Решением конференции средние баллы успеваемости Гоголя за первое полугодие 1823/24 учебного года: по наукам — 3; по языкам — 2; по поведению — 3[2].

См. также: «Успехи Гоголя в науках и в первом полугодии пятого класса продолжают оставаться хорошими. Он получает отличные и хорошие оценки по российской и немецкой словесности, истории и географии, алгебре и геометрии, хорошие и удовлетворительные оценки по латинскому и французскому языкам. <...> Гоголь оставался на подозрении у протоиерея Волынского и в первом полугодии 1823/24 уч<ебного> года, когда он был уже в пятом классе гимназии. В августе 1823 г. только у него одного из шестнадцати учеников пятого класса стоят по поведению и успехам в законе Божьем посредственные оценки, а у всех остальных учеников — хорошие и отличные отметки. То же имело место в августе, сентябре, октябре и ноябре. В ноябре, например, из всех учени-

ков законоучителем Волынским опять выделен Гоголь — только у него посредственные оценки, а у остальных учеников — отличные»[3].

[1] См. также ***1824. Января 5. Нежин.***

[2] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1823/24 учебный год. Гоголь в 5 классе. <Первое полугодие. 1823> // *Свод.* Т. 1. С. 447.

[3] <Оценки успеваемости Гоголя в пятом классе гимназии, с августа 1823 по июль 1824 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 450.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА

Предполагалась (но не состоялась) покупка В. А. Гоголем-Яновским имения помещицы Марковой; Зарудный собирался купить у Василия Афанасьевича «аглицкой породы бугая».

В 1893 г. В. И. Шенрок, со слов сестры Гоголя Анны Васильевны, трижды сообщал: «...Не следует <...> заключать, что Афанасий Демьянович <Гоголь-Яновский> и жена его послужили исключительно прототипами для Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны[1], большое сходство с которыми представляли также <...> старички Зарудные... <...> ...Прототипом Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны были старички Зарудные, соседи Гоголей. <...> ...Общий склад жизни и привычек, изображенных в “Старосветских помещиках”, больше всего напоминал быт некоторых знакомых и соседей Гоголя, напр<имер>, старичков Зарудных»[2].

Ранее, в 1857 г., А. В. Гоголь познакомила с этими «старичками» Н. Горову (рожд. Щитинскую). Последняя в 1902 г. вспоминала: «Желая познакомить меня с той средой, где Николай Васильевич набирал материалы для своих малороссийских повестей, А<нна> В<асильев>на предложила поехать со мной к нескольким мелкопоместным помещикам, которых знал и посещал Гоголь. Я с восторгом схватилась за это предложение — и мы побывали в трех или четырех маленьких хуторках. Ото всех их веяло мирной тишиной и той своеобразной уютностью, которая, я думаю, свойственна только Малороссии и по которой болит сердце каждого малороссиянина, занесенного судьбой из деревни в большой город. Но самой интересной и памятной для меня из этих поездок была последняя. А<нна> В<асильевна> нарочно приберегла ее к концу. Владельцами хуторка были двое старичков, брат и сестра; фамилии их[3], к сожалению, я не помню. По словам А<нны> В<асильев>ны, Николай Васильевич очень любил их и заимствовал у них многие черты для своих Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. Домик их был низенький, маленький, старенький, такими же маленькими и старенькими казались и сами хозяева, в особенности старушка. Обстановка была старинная и очень чистенькая; приезд гостей не вызывал никакой суматохи: и чистота, и порядок, очевидно, были заведены не для чужого глаза, а составляли органическую потребность хозяйки. <...> Старичок был почти совершенно слеп, а сестра его страдала какой-то неизлечимой мучительной болезнью, которую переносила с ангельским терпением. В сущности здесь происходило печальное догорание двух жизней, скрашиваемое только взаимной привязанностью старичков друг к другу, — и каждый посторонний зритель, при взгляде на них, чувствовал горячее желание, чтобы смерть, когда она наступит, милосердно покончила с обоими сразу. Старик, впрочем, был еще довольно бодр, добродушно улыбался (хотя лицо его имело то строгое выражение, какое часто придает слепота) и оживленно рассказывал нам какую-то историю о войне, в которой он сам принимал участие. Сестра следила за каждым словом рассказа так серьезно и внимательно, как будто никогда раньше не слыхала его. Ни этого рассказа, ни вообще разговоров я не помню, но общее впечатление этого визита живо сохранилось в моей памяти: так интересно было видеть эту старенькую парочку, живущую только друг для друга и, в особенности, следить за трогательной заботливостью старушки о слепом брате! Приехали мы к вечеру, и нас оставили ночевать. Подали ужин. А<нна> В<асильевна> еще дорогой предупредила меня, что нас накормят отлично. Помню, между прочим, подавали превкусные большие малороссийские галушки, облитые маслом, и сладкую сливянку. Угощали нас радушно, но без запрашиванья...»[4]

«...Неизвестно когда у казачки Никитенковой <В. А. Гоголем-Яновским> куплен жилой двор с частью сада и огорода за 65 рублей»[5].

[1] См. ***Около 1820, не позднее августа. Васильевка*** (примечания).
[2] Воспоминания А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 161.
[3] Вероятно, Зарудные.
[4] *Горова Н.* Воспоминания о семье Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 168.
[5] *Назаревский.* С. 329, 330.

1823 ДЕКАБРЯ КОНЕЦ – 1824 ЯНВАРЯ НАЧАЛО

Гимназисты отпущены домой на Рождественские каникулы[1]. Гоголь, вероятно, проводит праздники в стенах пансиона.

[1] См. ***1823. Декабря 11. Вторник. Нежин.***

1822–1823.
НЕЖИН, ВАСИЛЬЕВКА ИЛИ КИБИНЦЫ

В письме к одному из школьных товарищей (возможно, А. С. Данилевскому), находившемуся в Харькове (вероятно, во время каникул), Гоголь посылает как литературную новинку стихотворение Н. И. Гнедича «Рыбаки» (напечатанное в «Сыне Отечества» в 1822 г.)[1].

Главным в гоголевской выписке является описание «пылающих», «огненных» — с лазурью — неба и моря петербургской белой ночи, в которой «пурпур заката сливается с златом востока» и которую поэт сравнивает с такими же пленительными «прелестями северной девы» — петербургской красавицы. Как бы «по канве» этой ранней выписки Гоголь в своих повестях создал впоследствии целый ряд «сияющих», словно пронизанных светом, «транспарантных»[2] картин, завершающихся изображением красоты женщины (или хотя бы упоминанием о ней)[3].

М. И. Гоголь 3 апреля 1856 г. в письме к С. Т. Аксакову сообщала: «...Гнедич был дальний наш родственник, как говорил мне мой муж; сестру его я любила — она была живого характера и имела много юмору»[4].

[1] Приводимый Гоголем журнальный текст имеет ряд разночтений с текстом идиллии в «Северных Цветах на 1827 год» (СПб., 1827) и в «Стихотворениях Н. Гнедича» (СПб., 1832).

[2] Один из действительных светящихся транспарантов Гоголь изготовил в Нежине в 1825 г. (см. ***1825. Декабря 12. Суббота. День памяти святителя Спиридона Тримифунтского. Суббота. Нежин***). Еще один такой транспарант Гоголь сделал в 1849 г. для детей А. О. Смирновой (см. ***1849. Июля между 4–5 и 8–9. С. Бегичево***).

[3] См., в частности: «Перед ним торчали ворота, сквозь которые, как сквозь транспарант, светилось все недвижимое имущество козака. Мелькнула синяя запаска, огненная лента... Сердце в нем вспрыгнуло... и белокурая красавица <...> встретила его, отворяя ворота» («Страшный кабан»); «Боже вас сохрани заглядывать дамам под шляпки! <...> [Он опасен необыкновенно, этот Невский проспект <...> но более всего тогда, когда <...> огни сделают его почти транспарантом <...> И <...> сам демон зажигает обольстительные лампы для того, чтобы все показать не в настоящем виде]» («Невский проспект»). — См. также ***1836. Августа 23 <11>. Вторник. Женева.*** — Подробнее см.: *Виноградов 2000.* С. 65–70.

[4] Из воспоминаний матери Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 78. — См. также ***1831. Июня конец. Павловск*** (воспоминания графа В. А. Соллогуба).

ЯНВАРЬ-ИЮНЬ. НЕЖИН

Гоголь учится в пятом классе гимназии. Изучает дисциплины: Закон Божий, российскую словесность, всеобщую и русскую историю, географию, алгебру и конические сечения, геометрию и физику, латинский, французский и немецкий языки[1].

«Русскую историю преподавал <старший профессор всемирной истории и статистики> <К. А.> Моисеев по <...> руководству <изданному Главным правлением училищ>[2] «с дополнениями по Татищеву, Стриттеру[3], Карамзину и вообще тем историкам, в сочинениях коих более, нежели у других, видна любовь и почтение к нашему отечеству»; дополнения же касались только того, «что, производя в учащихся сильное впечатление о великости славяно-русского народа, может вместе развивать и возвышать в них до беспредельности почтение и любовь к своему Государю и своему отечеству». И несмотря на эти патриотические заявления, конспект его на 1826/27 г. удостоился след<ующей> надписи исправляющего в то время должность директора, Шапалинского: «замечено мною, что <...> вся история вообще проходится не в надлежащем порядке и без указания ученикам на карте мест, где достопамятнейшие происшествия происходили». В заключение требуется представление более удовлетворительного конспекта. Наконец, всеобщая история преподавалась по Кайданову «со всегдашним указанием на преуспеяние христианской Церкви и на восстановление наук и просвещения»[4].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1823/24 учебный год. Гоголь в 5 классе. <Второе полугодие. 1824> // *Свод*. Т. 1. С. 449.

[2] См. ***1822. Конец года. Нежин.***

[3] Сочинения И. Стриттера преподавались, вероятно, по русским переводам В. П. Светова: Известия Византийских историков, объясняющих Российскую историю древних времён и переселения народов; собраны и хронологическим порядком расположены Иваном Штриттером. СПб., 1770–1775. Ч. 1–4 (издание позднее, в начале 1830-х гг., было использовано Гоголем в подготовке к его лекциям; отсюда Гоголь сделал многочисленные выписки); История Российского государства, сочиненная Статским Советником и Кавалером Иваном Стриттером. Изданная по Высочайшему повелению Коммиссиею об учреждении народных училищ. СПб., 1800–1802. Ч. 1–3.

[4] *Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 г.) // *Свод*. Т. 1. С. 460.

ЯНВАРЬ. НЕЖИН

М. В. Билевич утвержден в должности старшего профессора политических наук[1].

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 3;
– российская словесность – 3;
– всеобщая история – 3;
– русская история – 4;
– география – 3;
– алгебра и конические сечения – 3;
– геометрия и физика – 3
– латинский язык – 2;
– французский язык – 2;
– немецкий язык – 1;
«Средний вывод – 2 $^{7}/_{10}$».
Поведение – 2[2].

[1] *Лавровский 1879*. С. 165. – М. В. Билевич по совместительству преподавал также в Гимназии до конца второго полугодия 1823/24 учебного года немецкую словесность (см. ***1821. Декабря 13. Нежин***; ***1824. Марта 8. Февраль. Нежин***; ***1824. Апреля 19. Нежин***; ***1824. Июля 12. Нежин***).

[2] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1823/24 учебный год. Гоголь в 5 классе. <Второе полугодие. 1824> // *Свод*. Т. 1. С. 449.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, НЕЖИН, КИЕВ

«Придворный Штат. <...> Его Императорского Величества. <...> Медицинские Чиновники[1]: <...> Придворные Докторы: <...>

Иван Семенов<ич> Орлай, Ст<атский> Сов<етник>, Энского Физич<еского> Учен<ого> Общ<ества> Почетн<ый> Член и Дирек<тор> Гимназии высш<их> наук Князя Безбородко, орд<енов> с<вятой> Анны 2 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> Кав<алер>. <...>

Харьковский Учебный Округ. <...> Гимназия высших наук Князя Безбородко в Нежине[2].

Почетный Попечитель, Граф Александр Григорьев<ич> Кушелев-Безбородко, Над<ворный> Сов<етник>, Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Камерг<ер>, Докт<ор> обоих Прав, орд<ена> с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<тепени> Кав<алер>.

Директор, Ст<атский> Сов<етник> Иван Семенов<ич> Орлай, Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Докт<ор>, Словесн<ых> наук Магист<р>, Философ<ии>, Медиц<ины> и Хирур<гии> Докт<ор>, Императ<орской> Медико-Хирург<ической> Акад<емии>, учен<ых> Общ<еств> Московских: Императ<орских> Испыт<ателей> Прир<оды>, Истор<ии> и древн<остей> Российс<ких>, Соревнов<ания> Врачебных и Физических наук, Фитограф<ического>, что в Горенках, Виленс<кого> Медиц<инского>; иностранных: Алтенбургс<кого> Физич<еского>, Эрлангенск<ого> Физико-Медиц<инского> Член, орд<енов> с<вятой> Ан<ны> 2 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> Кав<алер>.

Учитель Зак<она> Бож<ия> и Нравств<енной> Философ<ии> Протоиерей Нежинского Собора Павел Иванов<ич> Волынский.

Старшие Профессоры: Политич<еских> наук, Над<ворный> Сов<етник> Михаил Васильев<ич> Билевич, Российс<кой> Словесности, Над<ворный> Сов<етник> Парфений Иванов<ич> Никольский; Всемирн<ой> Истории и Статистики, Кирилл Абрамов<ич> Моисеев; Математ<ики> и Физики, Казимир Варфоломеев<ич> Шапалинский, он же и Член Хозяйств<енного> Правления.

Младшие Профессоры: Латин<ской> Словесности, Семен Матвеев<ич> Андрущенко, он же и Ученый Секретарь Конференции; Франц<узской> Словесности, Иван Яковлев<ич> Ландражин, он же и Библиотекарь.

Учители: Геогр<афии> и Истории, Алексей Минич Самойленко; Арифм<етики> Антон Васильев<ич> Лопушевский; Еллино-Греческого языка, Христофор Николаев<ич> Эропес <Иеропес>; Росс<ийского> яз<ыка>, Константин Андреев<ич> Персидский, он же и Секретарь Хозяйств<енного> Правления; Кал<л>играф<ии> и Фехтования, Яков Клавдиев<ич> Воаргард; Рисов<ания>, Капитон Степанов<ич> Павлов; Священ<ного> Песнопения, музыке на скрыпке и танцов<анию>, Федор Емельянов<ич> Севрюгин; музыки на фортепиано, Иван Иванов<ич> Филиберт.

Благородный Пансион: Инспектор, Кирилл Абрамов<ич> Моисеев, он же и Член Хозяйствен<ного> Правления.

Надзиратели: Яков Клавдиев<ич> Воаргард; Иван Иванов<ич> Филиберт, Август Иванов<ич> Аман, Адольф Иванов<ич> Аман, Егор Иванов<ич> Зельднер и Капитон Степанов<ич> Павлов.

Лекарь, Над<ворный> Сов<етник> Докт<ор> Медиц<ины> Карл Карлович Фибинг, орд<ена> с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> Кав<алер>.

Эконом, Тит<улярный> Сов<етник> Афанасий Иванов<ич> Тарнавский <Тарновский>. <...>

В Киевской <Губернии>. <...> В Гимназии *Учители*: <...>

Словесн<ости> Латинс<кой> и Росс<ийской> Николай Григорьев<ич> Белоусов; <...> Латинс<кого> яз<ыка> Тит<улярный> Сов<етник> Иван Николаев<ич> Пиланкевич...»

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1824. СПб., 1824. Ч. 1. С. 15, 483–484, 487.

[1] «Состояние чинов по 14-е Декабря 1823» (примеч. в источнике).
[2] «Состояние чинов по 9-е Генваря 1824» (примеч. в источнике).

ЯНВАРЯ 5. СУББОТА. КРЕЩЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. НЕЖИН

«В журнале конференции нежинской гимназии от 5 января 1824 г. в классификации успехов учеников пятого класса записано, что у Гоголя за декабрь 1823 г. по российской истории отличные оценки, по словесности и логике, алгебре, коническому сечению, геометрии и физике, географии и всеобщей истории хорошие оценки и только по закону Божьему — посредственные»[1].

О возможной теме, по которой Гоголь мог писать в декабре 1823 г. сочинение по российской словесности, предположительно позволяет судить список «Тем для сочинений по Российской Словесности», составленный позднее, в конце 1827/28 учебного года, старшим профессором П. И. Никольским:

«Ученикам 4 класса[2].
1. Прилежание похвально.
2. Прилежание успешно.
3. Леность не похвальна.
4. Леность не успешна.
5. Леность вредна.
6. Науки полезны.
7. Благонравие похвально.
8. Скромность есть украшение юноши.
9. Непослушание вредно.
10. Благонравие и успехи юношей в науках составляют радость родителей.
11. Чистота и опрятность сохраняет здоровье»[3].

[1] *Иофанов*. С. 151–152; <Оценки успеваемости Гоголя в пятом классе гимназии, с августа 1823 по июль 1824 г.> // *Свод*. Т. 1. С. 450. — Ср. ***1823. Декабрь. Нежин*** (круг изучаемых в первом полугодии 1823/24 учебного года был иным).

[2] Хотя Гоголь в этот период учился в пятом классе, однако ранее, когда он был в четвертом классе, российской словесности в программе первого – четвертого классах гимназии еще не было, поэтому содержание начального экзамена по литературе для тогдашнего пятого класса вряд ли значительно отличалось от составленного позднее тем же профессором Никольским списка тем для сочинений четвертого класса. — Ср. также ***1824. Июня 16–19. Нежин.***

[3] *Сребницкий 1902*. С. 387–388.

ЯНВАРЯ 22. ВТОРНИК. НЕЖИН

Гоголь пишет родителям:

«...Я учусь хорошо, по крайней мере сколько дозволяют силы. <...> ...Переменился как в нравственности, так и успехах. Ежели бы вы увидели, как я теперь рисую. <...>

...Ежели можете, то пришлите мне полотна и других пособий для театра. Первая пиеса у нас будет представлена[1] Эдип в Афинах, трагедия <В. А.> Озерова. Я думаю, дражайший папинька, вы не откажете мне в удовольствии сем и прислать нужные пособия. Так ежели можно прислать и сделать несколько костюмов сколько можно, даже хоть и один, но лучше ежели бы побольше, также хоть немного денег. Сделайте только милость, не откажите мне в этой просьбе. Каждый из нас уже пожертвовал что мог, а я еще только. Как же я сыграю свою роль, о том я вас извещу».

Сообщает также о получении скрипки[2]; сожалеет о смерти В. В. Капниста[3]; интересуется, отдали ли сестру Марию в пансион Полтавского института для благородных девиц[4]; вновь просит изготовить, по точным размерам, рамки для своих картин[5] (нарисованных «пастельными карандашами»). Возвращает отцу журнал «Вестник Европы»[6], просит его прислать несколько пьес, в том числе комедии А. Ф. Коцебу («Бедность и благородство души», «Ненависть к людям и раскаяние») и М. Н. Загоскина[7] («Господин Богатонов, или Провинциал в столице»).

М. И. Гоголь вспоминала: «Сын мой <...> любим был многими, очень был изобретателен, устраивал кулисы, обрисовывал масляными красками, он имел большой дар к живописи...»[8]

[1] См. ***1824. Февраля 11–16. Понедельник-суббота. Масленица. Нежин.***

[2] Ср. ***1822. Октября 10. Вторник. Нежин.***

[3] См. ***1823. Октября 28. Воскресенье. Кибинцы Полтавской губернии.***

[4] См. также ***1822. Январь. Васильевка.***

[5] См. ***1823. Ноябрь – декабря начало. Нежин.***

[6] См. ***1823. Октября 3. Среда. Нежин.***

[7] Михаил Николаевич Загоскин (1789–1852), романист и драматург, директор московских Императорских театров (с 1837 г.).

[8] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 27.

ЯНВАРЯ 26. СУББОТА. НЕЖИН

«В собрании конференции гимназии высших наук князя Безбородко 1824 года, января 26 дня, «господин директор предложил, чтобы закона Божия учитель, получающий штатного жалованья в год по 2 тысячи рублей <ассигнациями>, сверх преподавания катехизиса и священной истории с географией Св. Земли[1], присовокупил к трудам своим преподавание нравственной философии или этики». Определено:

«Так как предмет нравственной философии или этики состоит в том, чтобы объяснить права и предложить средства, которыми воля человеческая должна руководствоваться в избрании добра и уклонении от зла, а для того определить, в чем заключается добро и зло, в нравственном смысле понимаемые, ничто же так верно не определяет добра и зла и ничто не предлагает надежнейших средств и побуждений к избранию первого и уклонению от последнего – как слово Божие, которое,

по выражению апостола Павла (к Евр. IV, 12), *живо есть и действительно, и острейше паче всякого меча обоюдуостра, а проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлениям и мыслем сердечным,* – то поручить закона Божия учителю, протоиерею Павлу Волынскому преподавание нравственной философии в трех последних высших классах, или в третьем разряде гимназии, с тем, чтобы он учение сей науки не только основывал на слове Божием; но и приводил бы из оного, а наипаче из Нового Завета, приличные тексты и задавал бы ученикам к изучению на память, сообразно уставу гимназии; о чем дать ему, господину закона Божия учителю, выписку для подлежащего исполнения»[2].

[1] См.: *Вигилянский П. Б.* Опыт священной географии: Для употребления в Духовных Училищах, с приложением карт. СПб.: При Святейшем Правительствующем Синоде, 1808.
[2] *Хойнацкий А. Ф., протоиерей.* Из истории философской науки в России в начале XIX века // *Свод.* Т. 1. С. 433.

ЯНВАРЬ. НЕЖИН

Гоголь, возможно, сдает экзамены за первое полугодие пятого класса[1].

В гимназии организован театр. Гоголь вместе с К. М. Базили, А. С. Данилевским, В. И. Любичем-Романовичем и другими соучениками выбирают пьесы и готовятся к спектаклям[2].

Исполняющий обязанности библиотекаря Гимназии высших наук младший профессор французской словесности И. Я. Ландражин проводит инвентаризацию библиотечного фонда.

«В протоколах конференции за 1824 год[3] находим следующие сведения об учебных пособиях. <...> В январе (журн<ал> I, § 10) библиотекарь Ландражин сообщает список находящихся налицо экземпляров, указывая, сколько было, сколько выдано пансионерам, продано вольноприходящим ученикам: всего было 1538 экз<емпляров>, из них выдано 896 экз<емпляров>, продано[4] 194, осталось 448. Книги же были следующие:

<№№>	<Название учебного пособия>	<Было>	<Выдано>	<Продано>	<Осталось>[5]
1)	Краткая Священная история	120	76	31	13
2)	Катихизис сокращенный	160	83	16	61
3)	пространный	62	48	14	–
4)	Изъяснение воскресных и праздничных Евангелий	11	–	–	11
5)	Чтения из 4 Евангелистов	10	–	–	10
6)	" " книг Свящ<енного> Писания	10	–	–	10
7)	Краткого и легчайшого способа молиться[6]	19	19	–	–
8)	Арифметики первая часть	40	31	9	–
9)	" вторая часть	41	35	6	–
10)	Краткое руководство к геометрии[7]	2	–	–	2
11)	Математика Фусса первая часть	50	26	5	19
12)	" " вторая часть	50	–	–	50
13)	третья часть	50	–	–	50
14)	Право Кукольника[8]	15	–	–	15
15)	Грамматика Российская	91	63	15	13
16)	Словесность Никольского	50	44	6	–

17)	Логика Бавмейстера[9]	50	10	–	40
18)	Руководство к чистописанию	10	–	–	10
19)	Прописных тетрадей	14	10	–	4
	листков				
20)	Краткое всеобщее землеописание Каменецкого[10]	3	3	–	–
21)	Всеобщее землеописание Зябловского[11]	60	38	12	–
22)	Краткое руковод<ство> к математич<еской> географии	50	–	1	49
23)	Краткое землеописание Российск<ого> государства	17	17	–	–
24)	Карт России	2	2	–	–
25)	" Европы	2	2	–	–
26)	Азии	2	1	–	1
27)	Африки	2	2	–	–
28)	Америки	2	2	–	–
29)	Планеглобия	2	2	–	–
30)	Обозрение всемирной истории	5	–	–	5
31)	История Кайданова 1-я часть	52	39	13	–
32)	" " 2-я и 3-я часть	50	33	13	4
33)	Краткая российская история	17	12	1	4
34)	Греческая азбука[12]	6	6	–	–
35)	Начальные основания греческ<ого> языка[13]	6	–	–	6
36)	Таблица (4) Российской Империи	1	–	–	1
37)	Греческ<ая> Грамматика, 1-я и 2-я ч<асть>	5	5	–	–
38)	" " 3-я, 4-я и 5-я часть	1	1	–	–
39)	Латинская граммат<ика> Кошанского	52	48	4	–
40)	" " Езуитск<ого> ордена[14]	15	12	–	2
41)	Басень Федра	1	–	–	1
42)	Корнелия Непота	1	–	–	1
43)	Латино-Российского Лексикона	1	1	–	–
44)	Французской азбуки[15]	21	20	–	1
45)	Российско-французско-немецкого лексикона	1	1	–	–
46)	Французской азбуки[16]	21	20	–	1
47)	Французской грамматики Ломонда	50	31	18	1
48)	Немецкой азбуки[17]	36	36	–	–
49)	Немецкой грамматики	88	54	27	
50)	" хрестоматии[18]	20	12	1	7
51)	Немецко-российского Лексикона	1	1	–	–
52)	Правил для учащихся	10	–	2	2
53)	Картин, подаренных Его Сиятельством Почетным Попечителем				
	в тетрадях	2	2	–	–
	в листах	97	58	–	39
54)	Достопамятных происшествий во всемирной истории	2	–	–	2»[19]

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 58.

[2] См. ***1824. Января 22. Вторник. Нежин***; ***1824. Февраля 11–16. Понедельник-суббота. Масленица. Нежин.***

[3] «В это время открыт уже 8-й класс Гимназии, а затем и 9-й» (примеч. И. А. Сребницкого: *Сребницкий 1902*. С. 423). – См. ***1824. Августа начало. Нежин*** (открытие восьмого класса); ***1825. Августа 1. Суббота. Нежин*** (открытие девятого класса).

[4] См. также ***1824. Марта 9. Воскресенье. Нежин.***

[5] «Первая цифра – было, вторая – выдано, третья – продано, четвертая – осталось» (примеч. И. А. Сребницкого).

[6] Книга французской проповедницы Ж. А. Гюйон (Гион) «Краткий и легчайший способ молиться, коим каждый легко может приобресть внутреннюю, сердечную Молитву и достигнуть чрез то высокого совершенства». («Творение Госпожи *Гион*, с ее примечаниями». 2-е изд., испр. СПб., 1822; первое издание книги вышло в 1821 году) См.: «Краткий и легчайший способ молиться. Творение Госпожи Гион. Издание второе, исправленное. СПб., в типографии Карла Крайя, 1822, 16°, 139+IX. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 279). Книга запрещена в 1825 г. (см. ***1825. Мая 14. Четверг. Санкт-Петербург***).

[7] «Краткое руководство к геометрии, издано для народных училищ Российской империи по Высочайшему повелению. СПб. при Императорской Академии Наук 1814 года, 16°, 200. – <Собрание> Гимназии при Институте» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 282). См. также: Краткое руководство к геометрии, издано для народных училищ по Высочайшему повелению Императрицы Екатерины II. СПб., 1790. 200с.: 6 табл.; Краткое руководство к геометрии. Издано для народных училищ Российской империи по Высочайшему повелению. СПб.: Тип. Департ. нар. просв., 1823. 144 с., 6 л. черт.

[8] Вероятно имеется в виду изд.: «Кукольник Василий. Российское гражданское право, Ч. II. (В числе пособий указаны обе части. – *Примеч. М. Н. Сперанского и И. А. Сребницкого. – И. В.*) Обряд Гражданского судебного делопроизводства. СПб., в типографии Департамента Внешней торговли, 1816, 8°, 287. Экз<емпляр> не полный, в конце список (продолжение) подписчиков на издание. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 284). В библиотеке нежинской гимназии имелось также другое пособие В. Г. Кукольника: «Кукольник Василий. Руководство к преподаванию Римского права. Том первый. Обозрение истории Римского законодательства и права. Издано Департаментом Народного Просвещения. СПб., в типографии Департамента народного просвещения, 1821, 4°, 368. Экземпляр, принадлежавший товарищу Гоголя Ивану Кобеляцкому, ученику второго академического класса (подпись 1824 г. 12. VIII)» (Там же. С. 284).

[9] «Логика Бавмейстера, переведенная с латинского Яковым Толмачевым. Издание второе. СПб., в типографии Ивана Глазунова. 1823, 8°, 149. – <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 280). – См. также ***1822. Ноября 18. Санкт-Петербург*** (примечания).

[10] «Т. Каменецкий. Краткое землеописание по новому разделению, изданное по руководству г-на Статского Советника и Кавалера И. А. Гейма в пользу детей, начинающих учиться географии. Четвертое издание, Москва, в Университетской типографии, 1822, 8°, 268 стр. Экземпляр, подаренный составителем Титом Каменецким в библ<иотеку> Гимназии высш<их> наук в 1824 г. 16.XII. – <Собрание> Гимназии при Институте» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 280).

[11] В списке книг, составленном осенью 1826 г. в Москве В. В. Тарновским, «Всеобщее Землеописание Евдокима Зябловского. Часть I» значится с пометой: «Гимназическая» (*Гоголь 2009–2010*. Т. 9. С. 883).

[12] Существовало несколько изданий греческих азбук: Азбука греческая, с российским переводом (М., 1763; неоднократно переиздавалась); Азбука греческая, или начальное познание греческого языка, с грамматическими правилами, разговорами, Езоповыми баснями; издал Павел Антонович; 3 части, с фигурами (М., 1794); Азбука греческая (СПб., 1803); Греко-российская азбука, изданная иждивением гг. братьев Зосим. В пользу обучающегося в Московской практической коммерческой Академии юношества. 2-е изд., с прибавлениями. М., 1820. 146 с.

[13] «Начальные правила греческого языка, в пользу россиан и греков на российском и греческом языке изложенные. Изд. второе. Москва 1818. В Университетской типографии, 16°, 106. <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 282–283).

[14] В списке книг, составленном осенью 1826 г. в Москве В. В. Тарновским, «Латинская Езуитская грамматика» значится с пометой: «Гимназическая» (*Гоголь 2009–2010*. Т. 9. С. 883).

[15] Существовало несколько изданий французских азбук, которые неоднократно переиздавались: Азбука французская, с приобщением вокабулов, разговоров, нравоучительных правил и молитв (М., 1783); Новая и полная французская азбука <П. Ф. Богдановича>, заключающая в себе, кроме обыкновенных начал, наставление для самоучащихся в правильном произношении букв, разные речи, полезные разговоры, нравоучительные басни, избранные повести и ручной словарь... (СПб., 1785; 26 с.); Азбука, или начальные основания Французского языка для Российского юношества, а особливо для нижних классов вольного благородного пансиона, при Императорском Московском Университете (М., 1795); Азбука французская для детей обоего пола, с словарем и разговорами; с картинками (М., 1803); Азбука французская, сочиненная С. Ушаковым (СПб., 1809); и др. См. также список французских букварей: ***1822. Конец года. Нежин*** (примечания).

[16] Строка ошибочно вписана повторно. См. выше пункт 44.

[17] Из многочисленных изданий немецкой азбуки в нежинской гимназии могли употребляться следующие: Азбука немецкая, с вокабулами, разговорами и нравоучительными правилами (М., 1779; неоднократно переиздавалась); Азбука немецкая (новая), с российским переводом, сокращенною немецкою этимологиею, и с приобщением употребительных речений, помощию которых можно научиться говорить по-немецки чисто и правильно (М., 1787; неоднократно переиздавалась); Азбука немецкая, с российским переводом; издал И. П. (М., 1802); и др.

[18] Возможно, имеется в виду «Немецкая хрестоматия в пользу учащихся молодых людей» (на нем. яз.) М. Г. Гаврилова (М., 1792).

[19] *Сребницкий 1902*. С. 423–425.

ФЕВРАЛЯ 9. СУББОТА.
НЕЖИН

Конференция гимназии отдает распоряжение хозяйственному правлению оформить подписку на один экземпляр десятого и одиннадцатого томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина[1] и пятьдесят экземпляров второй и третьей частей «Математики» Н. И. Фусса.

Летопись 2002. С. 59.

[1] Оба тома вышли из печати в Петербурге в начале марта 1824 г. «Десятый и одиннадцатый томы *Истории Государства Российского* продаются на Моховой улице, в доме Межуева, у Коммисионера Афанасия Иванова. Цена на белой бумаге 20 р., на веленевой 30 р. за оба тома» (Смесь. Известие // Сын Отечества. 1824. 16 марта. № 11. С. 196).

ФЕВРАЛЯ 11–16. ПОНЕДЕЛЬНИК-СУББОТА.
МАСЛЕНИЦА.
НЕЖИН

В гимназическом театре остоялось представление трагедии В. А. Озерова «Эдип в Афинах» (Эдип – К. М. Базили, Антигона – А. С. Данилевский, Креон – Гоголь)[1].

Позднее, на масленице 1827 г., при деятельном участии Гоголя, в нежинском школьном театре состоялись также представления ряда французских и немецких пьес, комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» и др.[2]

А. С. Данилевский в 1887 г. рассказывал В. И. Шенроку: «Жизнь в пансионе была привольная: дети пользовались хорошим помещением, большой свободой и могли даже устраивать сообща удовольствия, из которых на первом плане должен быть поставлен, конечно, гимназический театр. <...> Артистическая жилка в школьное время не была чужда Данилевскому так же, как и Гоголю. В гимназическом театре Данилевский тоже был одним из деятельных актеров или, точнее, актрисой, потому что чрезвычайно красивая наружность его заставила кружок товарищей раз навсегда отдать ему женские роли. Так, в "Эдипе в Афинах" Базили играл Эдипа, Данилевский – Антигону; в "Фингале" ему приходилось всегда изображать Моину. Но сценическим дарованием, по

собственному откровенному сознанию, Данилевский не отличался вовсе и подвизался на товарищеской сцене больше благодаря охоте и счастливой наружности, хотя неизмеримо уступал Кукольнику и Гоголю, настоящим мастерам дела. Так, в "Недоросле" Гоголь и Кукольник приводили в восторг публику действительно блестящим исполнением: первый отличался в роли Простаковой, тогда как последний превосходно играл Митрофана. В этих ролях оба, по единодушному признанию всех, кто их видел на сцене, были неподражаемы. Кукольник же тогда обращал на себя внимание наклонностью к драме и трагедии: когда он исполнял последнюю сцену трагедии Сумарокова "Дмитрий Самозванец", он, после эффектно произнесенных заключительных слов, падал на пол как труп, чем производил сильное впечатление; он изумлял также публику патетическим исполнением заглавной роли в "Фингале" Озерова.

Театр с его волнениями, торжественной обстановкой (конечно, не в первое время, когда кулисами были классные доски) и с его многократными репетициями вносил в жизнь воспитанников, без сомнения, много необычайного, праздничного, что еще более способствовало их сближению. Но и в обыкновенное время у них не было недостатка в развлечениях. В обыденном домашнем быту воспитанники постоянно встречались друг с другом и забавлялись шалостями, изобретаемыми Гоголем и другими резвыми мальчиками. А. С. Данилевский припоминал некоторые эпизоды, как, напр<имер>, однажды Гоголь, передразнивая учителя физики Шапалинского, попался ему на глаза, за что последний, сильно рассердившись, схватил его и долго тряс за плечи, и как Севрюгин, учитель пения, замечая, что Гоголь иногда фальшивил и не был в состоянии петь в такт с товарищами, приставлял ему скрипку к самому уху, называя его глухарем[3], что, разумеется, возбуждало общее веселье. Гоголь любил все искусства вообще, любил и петь; но между тем как он делал большие успехи в рисовании, пенье не давалось ему, благодаря недостатку музыкального слуха. Но в хоре он участвовал, когда во время рекреации воспитанники пели стихи[4]:

"Златые наши дни, теките!
Красуйся ты, наш русский царь", и проч.

(На вопрос мой о любимых играх Гоголя в школе А. С. Данилевский отвечал, что любимых игр у него даже и не было, как впоследствии не было никаких любимых физических упражнений; напр<имер>, он не любил никакого спорта, верховой езды и проч.; до некоторой степени нравившимся ему развлечением была разве игра на бильярде...)

Совершенно особый мир представляла больница, служившая для некоторых воспитанников своего рода клубом[5]. В больнице особенно фигурировал друг Гоголя Высоцкий, о котором А. С. Данилевский припоминал, что он вечно находился там, страдая от болезни глаз. Он сидел обыкновенно с зонтиком. У него с Гоголем было много общего, но Высоцкий был гораздо авторитетнее»[6].

В. И. Любич-Романович в конце 1880-х гг. сообщал: «У нас, в гимназии, как-то на рождественских праздниках был устроен спектакль, наибольшее участие в котором принимал Николай Васильевич. Он расписывал роли, рисовал декорации, сооружал подмостки, делал бутафорские вещи и даже шил костюмы. Сцена была устроена на чердаке, который ко дню представления был приведен в порядок и изображал из себя очень порядочный зал. Шла трагедия "Эдип в Афинах". Гоголь играл Креона, я — Эдипа, остальных действующих лиц не помню. Многочисленные зрители состояли исключительно из товарищей, не уехавших на праздники к родителям, профессоров и их семейств. Спектакль сошел хорошо, и Гоголя очень много хвалили...»[7]

Один из соучеников Гоголя, записки которого были опубликованы в 1892 г. Шенроком (и приписаны биографом К. М. Базили[8], 1809–1884), вспоминал: «Театральные представления давались на праздниках. Мы с Гоголем и <Любичем->Романовичем сами рисовали декорации. Одна из рекреационных зал (они назывались у нас музеями) представляла все удобства для устройства театра. Зрителями были, кроме наших наставников, соседние помещики и военные расположенной в Нежине дивизии. В их числе помню генералов: Дибича (брата фельдмаршала), Столыпина, Эммануэля. Все были в восторге от наших представлений, которые одушевляли мертвенный уездный городок и доставляли некоторое развлечение случайному его обществу. Играли мы трагедии Озерова, "Эди-

па" и "Фингала", водевили, какую-то малороссийскую пьесу, сочиненную тогда же Гоголем (здесь неточность: автор, вероятно, разумеет комедию отца Гоголя. – *Примеч. В. И. Шенрока. – И. В.*), от которой публика надрывалась со смеху. Но удачнее всего давалась у нас комедия Фонвизина "Недоросль". Видал я эту пьесу и в Москве, и в Петербурге, но сохранил всегда то убеждение, что ни одной актрисе не удавалась роль Простаковой так хорошо, как играл эту роль шестнадцатилетний <семнадцатилетний> тогда Гоголь[9]. Не менее удачно пятнадцатилетний тогда Нестор Кукольник, худощавый и длинный, играл недоросля, а Данилевский – Софью. Благодаря моей необыкновенной в то время памяти доставались мне самые длинные роли, Стародума, Эдипа и другие. (Эти воспоминания принадлежат лицу, занимавшему впоследствии видное положение в дипломатическом мире. <...> Только что приведенные строки подтверждаются и воспоминаниями Данилевского; но последний, признавая выдающиеся достоинства игры Кукольника, несколько рельефнее оттеняет отмеченное выше различие между его игрой и игрой Гоголя. – *Примеч. В. И. Шенрока. – И. В.*)»[10].

П. А. Кулиш в апреле 1852 г. сообщал: «Новое литературное направление заставило <...> <Гоголя> бросить журналистику. Воротясь однажды, после каникул, в гимназию, он привез на малороссийском языке комедию, которую играли на домашнем театре Трощинского[11], и из журналиста сделался директором театра и актером. Кулисами служили ему классные доски, а недостаток в костюмах дополняло воображение артистов и публики. С этого времени театр сделался страстью Гоголя и его товарищей, так что, после предварительных опытов, ученики сложились и устроили себе кулисы и костюмы, копируя, разумеется, по указаниям Гоголя, театр, на котором подвизался его отец: другого никто не видал. (Гоголь не только дирижировал плотниками, но сам расписывал и декорации. Ученики жертвовали в театральный гардероб кто что мог. Между прочим, была пожертвована кем-то пара заржавевших и обломанных пистолетов, замечательная по следующему случаю. Однажды, перед самым представлением «Недоросля», Гоголь как-то задел своею шуткою одного из товарищей. Тот вспыхнул и отказался играть, а он играл роль Стародума. Ну, как без Стародума приступить к представлению? Гоголь сделал вид, что вышел из себя; в страшной мести он вызвал товарища на дуэль и подал ему театральные пистолеты без курков. Базили рассмеялся и стал играть.)

Начальство Гимназии воспользовалось этою страстью, чтобы заохотить воспитанников к изучению французского языка, и ввело в репертуар гоголева театра французские пьесы. Тут-то и Гоголю пришлось познакомиться с французским языком, который вообще малороссиянам, неприученным к нему с детства, кажется гораздо труднее и, главное, противнее даже немецкого. Русские пьесы, однако ж, не выводились, и предание гласит, что Гоголь особенно отличался в роли старух. Театр, основанный Гоголем в гимназии, процвел наконец до того, что на представления его съезжались и городские жители. Некоторые из них помнят его до сих пор в роли Простаковой и говорят, что он исполнял ее превосходно. Этому можно поверить. Кроме мимики, он умел перенимать и голос других. Во время своего пребывания в Петербурге он любил представлять одного старичка, Б., которого он знавал в Нежине. Один из его слушателей, никогда не видавший этого Б., приходит раз к своему приятелю и видит какого-то старичка, который играет на ковре с детьми. Голос и манеры этого старичка тотчас напомнили ему представления Гоголя. Он отводит хозяина в сторону и спрашивает, не Б. ли это. Действительно, это был Б.»[12]

В 1859 г. Н. В. Кукольник вспоминал: «Хотя в последние три академические года (1826–1829) Гимназия утратила много во внутреннем характере, но продолжала жить еще воспоминаниями, которые и теперь еще, для многих из нас, составляют истинное удовольствие. К числу приятнейших событий этого рода принадлежит устройство домашнего театра. Эта благородная забава, о которой до сих пор по пустому еще спорят педагоги, разрешена была уже Иваном Семеновичем <Орлаем>; но последовавшие за отъездом его[13] несогласия между профессорами были причиною, что исполнение предположения замедлилось и мы получили окончательное дозволение после того же достопамятного для нас приезда в Нежин графа А. Г. Кушелева-Безбородко. Нам поставлено было в обязанность каждый раз, когда у нас будут спектакли, непременно и прежде всего сыграть французскую или немецкую пьесу. Гоголь должен был также участвовать в одной из иностранных пиэс.

Он выбрал немецкую[14]. Я предложил ему ролю в 20 стихов, которая начиналась словами: "*O mein Vater*", затем шло изложение какого-то происшествия. Весь рассказ оканчивался словами: "*nach Prag*". Гоголь мучился, учил роль усердно, одолел, выучил, знал на трех репетициях, во время самого представления вышел бодро, сказал: "*O mein Vater!*" – запнулся... покраснел... но тут же собрался с силами, – возвысил голос, с особенным пафосом произнес: "*nach Prag!*" – махнул рукой и ушел... И слушатели, большею частью не знавшие ни пиэсы, ни немецкого языка, остались исполнением роли совершенно довольны! Зато в русских пиэсах Гоголь был истинно неподражаем, особенно в комедии Фон-Визина "Недоросль", в роли г-жи Простаковой; я играл Митрофанушку, Скотинина – А. А. Божко, Кутейкина – Н. П. Григоров, Цифиркина – Миллер, Вральмана – Марков и т. д. Из русских пиэс я помню еще представление "Чудаков", комедии Княжнина, "Хлопотуна", Писарева (главная роль – Гоголь); из французских – "Medecin malgre lui" <Лекарь поневоле; *фр.*> и "Avare" <Скупой; *фр.*>, Мольера. Мы собирались играть "Фингала"[15]; роли были уже розданы; даже репетиции по частям начались. Роль Старна назначалась Гоголю, Фингала – мне, Моины – Гинтовту[16], но уже теперь не помню, что расстроило этот спектакль и весь наш домашний театр»[17].

Сам Гоголь 2 июля (н. ст.) 1838 г. писал Н. Я. Прокоповичу из Рима: «...Ни роскошь этих стран, где я живу теперь, ни юг, ни чудные небеса, ничто не в силах помешать мне думать о тебе, с кем начался союз наш под аллеями лип нежинского сада, во втором музее, на маленькой сцене нашего домашнего театра...»

Т. Г. Пащенко в 1880 г. сообщал: «На небольшой сцене второго лицейского музея лицеисты любили иногда играть по праздникам комические и драматические пьесы. Гоголь и Прокопович – задушевные между собою приятели – особенно заботились об этом и устраивали спектакли. Играли пьесы и готовые, сочиняли и сами лицеисты. Гоголь и Прокопович были главными авторами и исполнителями пьес. Гоголь любил преимущественно комические пьесы и брал роли стариков, а Прокопович – трагические. Вот однажды сочинили они пьесу из малороссийского быта, в которой немую роль дряхлого старика-малоросса взялся сыграть Гоголь. Разучили роли и сделали несколько репетиций. Настал вечер спектакля, на который съехались многие родные лицеистов и посторонние. Пьеса состояла из двух действий; первое действие прошло удачно, но Гоголь в нем не являлся, а должен был явиться во втором. Публика тогда еще не знала Гоголя, но мы хорошо знали и с нетерпением ожидали выхода его на сцену. Во втором действии представлена на сцене простая малороссийская хата и несколько обнаженных деревьев; вдали река и пожелтевший камыш. Возле хаты стоит скамейка; на сцене никого нет.

Вот является дряхлый старик в простом кожухе, в бараньей шапке и смазных сапогах. Опираясь на палку, он едва передвигается, доходит крехтя до скамейки и садится. Сидит, трясется, крехтит, хихикает и кашляет; да наконец захихикал и закашлял таким удушливым и сиплым старческим кашлем, с неожиданным прибавлением, что вся публика грохнула и разразилась неудержимым смехом... А старик преспокойно поднялся со скамейки и поплелся со сцены, уморивши всех со смеху. Бежит за ширмы инспектор Белоусов[18]: "Как же это ты, Гоголь? Что же это ты сделал?" – "А как же вы думаете сыграть натуральнее роль восьмидесятилетнего старика? Ведь у него, бедняги, все пружины расслабли и винты уже не действуют как следует". На такой веский аргумент инспектор и все мы расхохотались и более не спрашивали Гоголя. С этого вечера публика узнала и заинтересовалась Гоголем как замечательным комиком. В другой раз Гоголь взялся сыграть роль дяди-старика – страшного скряги[19]. В этой роли Гоголь практиковался более месяца, и главная задача для него состояла в том, чтобы нос сходился с подбородком... По целым часам просиживал он перед зеркалом и пригинал нос к подбородку, пока наконец не достиг желаемого... Сатирическую роль дяди-скряги сыграл он превосходно, морил публику смехом и доставил ей большое удовольствие. Все мы думали тогда, что Гоголь поступит на сцену, потому что у него был громадный сценический талант и все данные для игры на сцене: мимика, гримировка, переменный голос и полнейшее перерождение в роли, какие он играл. Думается, что Гоголь затмил бы и знаменитых комиков-артистов, если бы вступил на сцену»[20].

[1] См. ***1824. Января 22. Вторник. Нежин.***
[2] См. ***1827. Февраля 7–12. Понедельник-суббота. Масленица. Нежин.***

[3] См. также ***1825. Февраля 16. Санкт-Петербург*** (примечания).

[4] Освобождение Европы и слава Александра I: Стихотворение Н. Карамзина, посвященное московским жителям. 2-е изд. СПб.: Тип. И. Иоаннесова, 1814. 22 с. Перепечатано в изд.: Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах / Изданное Обществом Любителей Отечественной Словесности. 2-е изд., испр., умнож. и содержащее... СПб.: Печ. в тип. Ивана Глазунова, 1821. Ч. 1. С. 259–273. Издание употреблялось в гимназии (см. ***1824. Июня 13. Нежин***; ***1824. Октября 1. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Нежин***).

[5] См. также ***В течение 1824/25 учебного года (1824 август – 1825 май). Нежин*** (примечания).

[6] Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 500–501.

[7] *Шевляков М. В.* Рассказы о Гоголе и Кукольнике // *Свод.* Т. 1. С. 558.

[8] Характеристика в этих записках профессоров Нежинской гимназии К. В. Шапалинского, И. Я. Ландражина, Ф. И. Зингера, Н. Г. Белоусова и Н. Ф. Соловьева во многом совпадает с оценками, данными этим профессорам П. Г. Редкиным (см. ***1827. Июня 18. Нежин*** – примечания).

[9] Шестнадцать лет Гоголю исполнилось 19 марта 1825 г.; постановка «Недоросля» в школьном театре состоялась в феврале 1827 г., когда Гоголю было семнадцать лет (см. ***1827. Февраля 7–12. Понедельник-суббота. Масленица. Нежин***).

[10] Записки К. М. Базили в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 541.

[11] Далее в статье «Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя» (1852) и в «Опыте биографии Н. В. Гоголя...» (1854) следовало примечание П. А. Кулиша: «...под заглавием: "Собака-Вивця" (Собака-Овца)...» Примечание о названии комедии П. А. Кулиш в 1856 г. снял после того, как прочитал присланные ему матерью Гоголя Марией Ивановной воспоминания о сыне, где та писала: «Сын мой не участвовал ни в каких удовольствиях в доме нашем, он тогда был очень мал... <...> Отец его <...> сочинял комедии на русском и малорос<си>йском языке, но сын мой при жизни его не знал об этом... <...> ...По смерти своего отца <31 марта 1825 г.> приехавши домой <в июне 1825 г.> и нашедши комедии на малорос<с>ийском языке, Роман и Параска, Овца и Собака, удивился, что отец его мог писать...» (см. ***1821. Октября 27. Кибинцы***).

[12] Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 577–578.

[13] См. ***1825. Сентября 30. Нежин.***

[14] Ср. позднейшее сообщение Гоголя в письме к матери от 26 апреля 1827 г.: «...Играли все прекрасно. Две французские пьесы соч. Мольера и Флорияна, одну немецкую соч. Коцебу».

[15] Трагедия В. А. Озерова.

[16] Александр Людвигович Гинтовт (Гинтофт) (1811–1860), сын генерал-майора Л. И. Гинтовта, из дворян Черниговской губернии, православного исповедания. Пансионер гимназии с августа 1825 г., куда был зачислен в четвертый класс (по наукам) и третье отделение по языкам (*Супронюк. Словарь.* С. 47). 6 декабря 1849 г. Гоголь писал А. О. Смирновой: «С Назимовым я мало знаком <...> Если вам имеется в нем надобность, может быть, насчет Билевича, то посоветуйте ему обратиться к Гинтовту, который с ним еще недавно служил вместе». В конце декабря 1851 г. полковник А. Л. Гинтовт принимал участие в ходатайстве Гоголя о получении места наставника при сыне Наследника, великом князе Николае Александровиче (1843–1865), о чем рассказывал в своих воспоминаниях художник М. И. Железнов (см. ***1851. Декабря конец. Москва***). См. также о Гинтовте: *Свод.* Т. 1. С. 538–539.

[17] *Кукольник Н.* Лицей князя Безбородко // *Свод.* Т. 1. С. 552–553.

[18] Н. Г. Белоусов был определен в Гимназию высших наук в мае 1825 г. (см. ***1825. Мая 6. Среда. Санкт-Петербург***), утвержден в августе этого года (см. ***1825. Августа 17. Понедельник. Нежин***) и вступил в должность инспектора в мае 1826 г. (см. ***1826. Мая 18. Вторник. Нежин***).

[19] Вероятно, имеется в виду роль Гарпагона, героя комедии Мольера «Скупой» (см. выше воспоминания Н. В. Кукольника).

[20] *Пашков В. К.* Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя <Т. Г. Пащенко> // *Свод.* Т. 1. С. 593–594.

ФЕВРАЛЬ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 3;
– российская словесность – 4;
– всеобщая история – 3;

– русская история – 3;
– география – 3;
– алгебра и конические сечения – 3;
– геометрия и физика – 3;
– латинский язык – 3;
– французский язык – 3;
– немецкий язык – 2;
«Средний вывод – 3».
Поведение – 1[1].

Возможно, к этому времени относится инцидент с попыткой наказать Николая Гоголя розгами[2].

Из воспоминаний Н. В. Кукольника: «...Сколько добрым, сколько снисходительным, даже на наружной слабости, казался Иван Семенович <Орлай>, столько же строгим, неумолимым являлся он в делах и поступках, которые могли повести к направлению, вредному для юношества. Он не следовал в этом отношении теориям гуманистов, а придерживался тех же начал, которые так красноречиво выразились под пером Песталоцци. И потому телесное наказание, эта чуть не смертная казнь в педагогическом смысле, у нас в гимназии существовало. Нелегко было заслужить эту казнь, потому что Иван Семенович, подписывая приговор, долго страдал сам, медлил, даже хворал, но, признавая, что подобною уклончивостью, как говорит Песталоцци, "руководят не нежность нашего человеколюбия, а слабость; что в этих случаях наша любовь не довольно сильна, не довольно чиста", – Иван Семенович одолевал свою врожденную доброту и предавал преступника ликторам. При этом случае я вспомнил забавное происшествие: Яновский (Гоголь тож), еще в низших классах, как-то провинился, так что попал в уголовную категорию... "Плохо, брат! – сказал кто-то из товарищей, – высекут!" – "Завтра!" – отвечал Гоголь. Но приговор утвержден, ликторы явились. Гоголь вскрикивает так пронзительно, что все мы испугались, – и сходит с ума. Подымается суматоха! Гоголя ведут в больницу; Иван Семенович два раза в день навещает его; <его> лечат; мы ходим к нему в больницу тайком – и возвращаемся с грустью. Помешался, решительно помешался! До того искусно притворился, что мы все были убеждены в его помешательстве, и когда, после двух недель удачного лечения, его выпустили из больницы, мы долго еще поглядывали на него с сомнением и опасением, пока не попривыклось и текущие новости не вытеснили воспоминаний... Больница вообще играла важную роль в нашей студентской жизни. Отлучаться от музеев (так назывались рабочие наши залы) куда-нибудь подальше было затруднительно; гувернер долго не видит, как-нибудь заметит, станет искать, догадается; а больница, под непосредственным надзором любознательного сторожа Евлампия, представляла все удобства для экскурсий. Доктор зайдет раз в день, инспектор раз в день – и кончено; подсунул Евлампию мадам Радклиф[3] со всеми ужасами разных аббатств – и ступай себе куда хочешь. К тому же и местоположение от вседневной гимназической деятельности удаленное. На лестнице никто не попадется»[4].

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., сообщал: «...Сравнение неопытного просителя, потратившего даром много времени для своего дела по незнанию, как и кому надо дать взятку, с застигнутым врасплох школьником, которого начальник вызвал для объяснения и вместо того неожиданно приказал высечь в секретном кабинете[5], основано, вероятно, на одном из школьных воспоминаний Гоголя о случае, рассказанном мне А. С. Данилевским, но без разрешения называть фамилию лица, с которым произошло это неприятное событие»[6].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1823/24 учебный год. Гоголь в 5 классе. <Второе полугодие. 1824> // *Свод.* Т. 1. С. 449.

[2] См. ***1824. Марта 8. Суббота. Нежин.***

[3] Анна Радклиф (1764–1823), английская писательница, автор так называемых «готических романов» из эпохи Средневековья. Помимо переводов, в России в начале XIX в. под ее именем была издана масса подражаний неизвестных авторов.

[4] *Кукольник Н. В.* И. С. Орлай. (Из памятной книжки) // *Свод.* Т. 1. С. 552.

[5] Имеется в виду следующий фрагмент одиннадцатой главы первого тома «Мертвых душ», посвященный описанию службы Чичикова на таможне: «...Он отыскивал в колесах, дышлах, лошадиных ушах и невесть в

каких местах... <...> Так что бедный путешественник, переехавший через границу, все еще в продолжение нескольких минут не мог опомниться... <...> Положение его весьма походило на положение школьника, выбежавшего из секретной комнаты, куда начальник призвал его, с тем чтобы дать кое-какое наставление, но вместо того высек совершенно неожиданным образом».

[6] Воспоминания А. С. Данилевского о последних годах жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 528–529.

ФЕВРАЛЯ 29. ПЯТНИЦА. МОСКВА

На заседании Московского Императорского Общества Истории и Древностей Российских вынесено решение опубликовать в «Трудах и записках Общества Истории и Древностей Российских» присланное И. С. Орлаем из Нежина письмо «о наших однородцах Карпатороссах, говорящих Киевским Русским наречием».

Труды и летописи Общества Истории и Древностей Российских. М., 1827. Ч. 3. Кн. 2. С. 55. – Статья была опубликована под названием «О Югозападной России» (см. ***1827. Октября 11. Вторник. Москва***).

МАРТА 8. СУББОТА. НЕЖИН

Конференция гимназии заслушала рапорты инспектора К. А. Моисеева и профессоров немецкой, латинской и французской словесности М. В. Билевича, С. М. Андрущенко и И. Я. Ландражина о поведении учащихся за февраль.

«...Г-н Инспектор пансиона показал, что в отметке за поведение получили по единице следующие воспитанники: Яновский <Гоголь> за неопрятность, шутовство, упрямство и неповиновение[1]; Лев Милорадович за совершенное неповиновение и дерзость; Кобеляцкий за отлично худую нравственность, которую скрытным образом переливать старается своим товарищам, приобретая их на свою сторону разными скрытыми *не* позволительными средствами. Г. Директор предложил внесть сие в журнал (что сим и исполняется) и объявить о сем прописанным пансионерам, <...> что если они не исправятся, будут исключены из Гимназии[2] по годичном испытании».

Гимназии высших наук Князя Безбородко конференции журнал VI (1824 года марта 8 дня) // *Свод.* Т. 447.

[1] См. ***1824. Февраль. Нежин.***
[2] Ср. ***1824. Марта 28. Нежин.***

МАРТА 9. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Младший профессор французской словесности И. Я. Ландражин, исполняющий обязанности библиотекаря гимназии, представляет И. С. Орлаю годовой отчет о продаже вольноприходящим ученикам литературы, оставшейся после удовлетворения запросов пансионеров[1].

«В списке значились: краткая Священная история, сокращенный катехизис, пространный катехизис, арифметика, математика Фусса, российская грамматика, всеобщее землеописание, история Кайданова, пособия по иностранным языкам»[2].

[1] См. также ***1824. Январь. Нежин.***

[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 60–61; *Михед, Якубина*. С. 432.

МАРТА 19. СРЕДА. НЕЖИН

Гоголю исполнилось 15 лет.

МАРТА 20. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Старший профессор математики и физики К. В. Шапалинский дает письменное признание в принадлежности к киевской масонской ложе «Соединенных Славян»[1] и обязуется больше в тайных обществах не участвовать[2].

[1] См. также ***1826. Июня 27–29. Воскресенье-вторник. Нежин***.
[2] *Сребницкий 1902*. С. 350.

МАРТА 28. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

И. С. Орлай сообщает В. А. Гоголю-Яновскому, что за время, истекшее со времени посещения Василием Афанасьевичем Нежина, в гимназии произошли «великие перемены к усовершенствованию ее», в доказательство чего прилагает список служащих гимназии. Просит засвидетельствовать свое почтение Д. П. и А. П. Трощинским, а также М. И. Гоголь-Яновской. Обращается с просьбой подыскать покупателя на его деревню Михайлодар[1], которая по причине отсутствия хозяина в имении не приносит дохода.

О сыне Николае сообщает, что тот «здоров и хорошо учится». Уведомляет, что в целом «питомцы из Полтавской губернии» — П. Г. Редкин, П. А. Баранов, Ф. К. Бороздин, И. Г. Пащенко, А. С. Данилевский, П. П. Полторацкий и Я. П. Забела — по успехам в науках и языках «верх берут над другими». Добавляет:

> «Жаль, что ваш сын иногда ленится, но когда принимается за дело, то и с другими может поравняться, что и доказывает его отличные способности»[2].

[1] См. ***1821. Августа вторая половина. Михайлодар, Кибинцы***.
[2] *Свод*. Т. 1. С. 448.

МАРТА 30. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

В письме к родителям Гоголь выражает обеспокоенность, что в течение трех месяцев не получает из дома никаких известий. Просит прислать несколько аршин тонкого полотна для рисования.

МАРТ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 3;
– российская словесность – 3;
– всеобщая история – 3;
– русская история – 4;
– география – 3;
– алгебра и конические сечения – 3;
– геометрия и физика – 3;
– латинский язык – 3;
– французский язык – 2;
– немецкий язык – 3;
«Средний вывод – 3».
Поведение – 4.

Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1823/24 учебный год. Гоголь в 5 классе. <Второе полугодие. 1824> // *Свод.* Т. 1. С. 449.

АПРЕЛЬ 6. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. НЕЖИН

В гимназии нет занятий.

АПРЕЛЯ 19. СУББОТА. НЕЖИН

Конференция гимназии заслушала рапорты инспектора К. А. Моисеева, профессоров немецкой, латинской и французской словесности М. В. Билевича, С. М. Андрущенко и И. Я. Ландражина и учителя русского языка К. А. Персидского об успехах и поведении учащихся в марте.

«...Относительно поведения Г-н Инспектор пансиона Мойсеев *доносит,* что из пансионеров, отмеченных за прошлый февраль месяц единицею (о которых уже последовало определение в журнале VI, § VI)[1] Яновский в продолжении марта вел себя отлично хорошо, прочие же, яко-то Кобеляцкий, остаются еще почти на той же степени поведения, а надзиратели Аман и Зельднер показали, что из вольноприходящих учеников Иван Сидоренко и Петр Ступаков развратными разговорами соблазняют в классе своих товарищей... <...> Определено: пансионерам, упомянутым в вышеписанном замечании Г. Инспектора подтвердить вторично, чтобы они исправили свое поведение: в противном случае будут исключены из Гимназии; о вольноприходящих же учениках Иване Сидоренке; и Петре Ступакове дать знать их родителям, дабы они внушили им удержаться от столь несообразных благородному воспитанию поступков...»

Гимназии высших наук Князя Безбородко конференции журнал IX (1824 года апрель 19 дня) // *Свод.* Т. 449.

[1] Ср. ***1824. Марта 8. Нежин.***

АПРЕЛЬ 24. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

В шестой класс гимназии зачислен М. А. фон Риттер (15 лет), сын коллежского асессора.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 63; *Супронюк. Словарь.* С. 155.

МАРТ-АПРЕЛЬ. НЕЖИН

Учащиеся гимназии получили новую форменную одежду[1].

«В архиве Гимназии сохранились записи, свидетельствующие о намерениях закупить у курского купца Петра Гладкова сукно для изготовления одежды пансионеров»[2].

Из воспоминаний Н. В. Кукольника[3]: «...Многие из нас помнят, как Кирилл Абрамович <Моисеев> в Нежине, в качестве инспектора, ухаживал за роскошной красавицей К., дочерью богатого торговца красным товаром. Поклоняясь дочери, надо было угождать и отцу, а у этого отца, как нарочно, залежалось несколько сот аршин голубого демикотона; товар не шел с рук. Кирилл Абрамович выручил; подошла весна, и пансионеры в один прекрасный вечер вдруг высыпали на площадку перед гимназической колоннадой в летней одежде цвета южно-небесного, к крайнему своему смущению и к утешению проходящих. Как нарочно случилось, что Иван Семенович <Орлай> в тот же вечер вышел в портик, увидел, побледнел и воскликнул: "Это что такое? Попугаи, чистые попугаи!.. Кто это вас нарядил так?" За ответами дело не стало. Досада и стыд оправдывают несколько нескромность воспитанников. Поднялась буря. Кому следует досталось по заслуге; но нам от того было не легче: велик был бы расход, если бы пришлось перерядить нас в одежду земную, и мы целое лето прощеголяли в небесной»[4].

[1] Ср. ***1823. Мая 31. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Нежин.***

[2] *Михед, Якубина.* С. 435.

[3] Н. В. Кукольник вернулся в гимназию в сентябре 1823 г. (см. ***1823. Сентября 16. Воскресенье. Санкт-Петербург***).

[4] *Кукольник Н.* К. А. Моисеев // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 75, 77; То же // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 288–289; То же // *Михед, Якубина.* С. 108–109.

АПРЕЛЬ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведению у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 3;
– российская словесность – 4;
– всеобщая история – 4;
– русская история – 4;
– география – 4;
– алгебра и конические сечения – 3;
– геометрия и физика – 3;
– латинский язык – 3;
– французский язык – 3;
– немецкий язык – 3;
«Средний вывод – 3 $^{4}/_{10}$».
Поведение – 4.

Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1823/24 учебный год. Гоголь в 5 классе. <Второе полугодие. 1824> // *Свод.* Т. 1. С. 449.

МАЙ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

– Закон Божий – 4;
– российская словесность – 4;
– всеобщая история – 4;
– русская история – 4;
– география – 4;
– алгебра и конические сечения – 3;
– геометрия и физика – 3;
– латинский язык – 3;
– французский язык – 3;
– немецкий язык – 3;
«Средний вывод – $3\,^{5}/_{10}$».
Поведение – 4[1].

Гоголь разыгрывает только что поступившего в гимназию ученика шестого класса М. А. фон Риттера[2], убеждая, что у него бычачьи глаза.

Т. Г. Пащенко в 1880 г. сообщал: «Был у нас товарищ Р<иттер>, большого роста, чрезвычайно мнительный и легковерный юноша, лет 18. У Р<иттера> был свой лакей, старик Семен. Заинтересовала Гоголя чрезмерная мнительность товарища, и он выкинул с ним такую штуку: "Знаешь, Р<иттер>, давно я наблюдаю за тобою и заметил, что у тебя не человечьи, а бычачьи глаза... но все еще сомневался и не хотел говорить тебе, а теперь вижу, что это несомненная истина – у тебя бычачьи глаза..."

Подводит Р<иттера> несколько раз к зеркалу, тот пристально всматривается, изменяется в лице, дрожит, а Гоголь приводит всевозможные доказательства и наконец совершенно уверяет Р<иттера>, что у него бычачьи глаза.

Дело было к ночи: лег несчастный Р<иттер> в постель, не спит, ворочается, тяжело вздыхает, и все представляются ему собственные бычачьи глаза. Ночью вдруг вскакивает с постели, будит лакея и просит зажечь свечу; лакей зажег. "Видишь, Семен, у меня бычачьи глаза..." Подговоренный Гоголем лакей отвечает: "И впрямь, барин, у вас бычачьи глаза! Ах, Боже мой! Это Н. В. Гоголь сделал такое наваждение..." Р<иттер> окончательно упал духом и растерялся. Вдруг поутру суматоха. "Что такое?" – "Р<иттер> сошел с ума! Помешался на том, что у него бычачьи глаза!" – "Я еще вчера заметил это",– говорит Гоголь с такою уверенностью, что трудно было и не поверить. Бегут и докладывают о несчастье с Р<иттером> директору Орлаю; а вслед бежит и сам Р<иттер>, входит к Орлаю и горько плачет: "Ваше превосходительство! У меня бычачьи глаза!" Ученейший и знаменитый доктор медицины директор Орлай флегматически нюхает табак и, видя, что Р<иттер> действительно рехнулся на бычачьих глазах, приказал отвести его в больницу. И потащили несчастного Р<иттера> в больницу, в которой и пробыл он целую неделю, пока не излечился от мнимого сумасшествия. Гоголь и все мы умирали со смеху, а Р<иттер> вылечился от мнительности»[3].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1823/24 учебный год. Гоголь в 5 классе. <Второе полугодие. 1824> // *Свод*. Т. 1. С. 450.

[2] См. ***1824. Апрель 24. Четверг. Нежин.***

[3] *Пашков В. К.* Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя <Т. Г. Пащенко> // *Свод*. Т. 1. С. 592–593.

ИЮНЯ 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

В гимназию прибывает почетный попечитель граф А. Г. Кушелев-Безбородко[1], чтобы лично присутствовать на экзаменах и освящении домовой церкви[2].

[1] *Лавровский 1879*. С. 190, 194.

[2] См. ***1824. Июня 22. Воскресенье. Нежин.***

ИЮНЯ 13. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Гоголь в письме к родителям выражает обеспокоенность отсутствием известий из дома. Сообщает, что готовится к экзаменам, что 20 июня начнутся каникулы, 23-го просит выслать за ним и его приятелями П. А. Барановым и А. С. Данилевским[1] коляску с шестеркой лошадей. Просит прислать ему из библиотеки Д. П. Трощинского в Кибинцах «Собрание образцовых русских сочинений и переводов», «в стихах, с портретами авторов, в шести томах»[2], «для разогнания скуки» в дороге, и десять рублей на уплату долгов и покупку красок. Предвкушает радость свидания с родными:

«...Уже вижу всё милое сердцу, — вижу вас, вижу милую Родину, вижу тихий Псёл, мерцающий сквозь лехкое покрывало, которое я сброшу, насладясь истинным счастием, забыв протекшие быстро горести».

[1] См. также ***1822 декабря конец — 1823 января начало. Нежин***.

[2] «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах и прозе, изданное обществом Любителей Отечественной словесности». Издание 2-е, исправленное, умноженное и содержащее историю словесности древних и новых народов, правила словесности вообще и каждого рода красноречия и поэзии в особенности. СПб., 1821–1824, печатано в типографии Ивана Глазунова. 12 частей (6 прозы, 6 поэзии). Экземпл<яр> не полный; не достает частей: 2-й (в стихах), 4-й и 6-й (в прозе). Каждому тому предпосылаются обширные введения, содержащие пиитику и риторику, составл<енные> Иос. Срезневским. Собрание употреблялось в качестве пособия: «Нельзя ли каким нибудь образом достать "Собрание образцовых сочинений в стихах и прозе"? ибо мы теперь, проходя поэзию и части эстетики, весьма нуждаемся в примерах...» <из письма Гоголя к родителям от 1 октября 1824 г.; см. ***1824. Октября 1. Среда. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Нежин***> <...>. (Портретов, о которых упоминает Г<оголь>, не было в издании. — *Примеч. М. Н. Сперанского и И. А. Псребницкого. — И. В.*) — <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 280). 1-е изд. «Собрания...» — СПб., 1815–1817.

ИЮНЬ. НЕЖИН

В ежемесячной ведомости[1] об успеваемости и поведении у Гоголя следующие оценки:

— Закон Божий — 4;
— российская словесность — 3;
— всеобщая история — 3;
— русская история — 4;
— география — 3;
— алгебра и конические сечения — 4;
— геометрия и физика — 4;
— латинский язык — 3;
— французский язык — 3;
— немецкий язык — 3;
«Средний вывод — 3 $^{4}/_{10}$».
Поведение — 4.

Решением конференции средние баллы успеваемости Гоголя за второе полугодие 1823/24 учебного года: по наукам — 4; по языкам — 3; по поведению —4[2].

Ср. также: «Еще выше оценки Гоголя во втором полугодии пятого класса. Ему выведен в среднем за полугодие отличный балл по наукам и языкам»[3].

В сводной ведомости за первое и второе полугодие 1823/24 учебного года учащемуся пятого класса «пансионеру гимназическому» «Яновскому Николаю» выставлены следующие оценки: «за поведение»: в первом полугодии — 3; во втором полугодии — 4; годичный средний балл — 4; «за успехи по наукам»: в первом полугодии — 3; во втором полугодии — 4; годичная оценка — 3[4].

[1] «После испытаний в июне 1824 г. поч<етный> попечитель предложил прекратить представление месячных ведомостей и ограничиваться полугодичными и годичными» (*Лавровский 1879*. С. 242). 12 июля 1824 г. в журнале конференции было записано следующее его распоряжение: «Хотя при первоначальном образовании Гимназии ежемесячные классификации были необходимы для подробного отчета об успехах воспитанников, но при нынешнем устройстве оной они излишни, а потому составлять впредь классификации токмо полугодичные и годичные, как сие заведено в других состоящих на сей степени училищных заведениях» (*Сребницкий 1902*. С. 346).

[2] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1823/24 учебный год. Гоголь в 5 классе. <Второе полугодие. 1824> // *Свод*. Т. 1. С. 450.

[3] <Оценки успеваемости Гоголя в пятом классе гимназии, с августа 1823 по июль 1824 г.> // *Свод*. Т. 1. С. 450.

[4] Гоголь в портретах, иллюстрациях, документах. Составитель А. М. Гордин. Л., 1959. С. 49 (фотокопия).

ИЮНЯ 16–19. ПОНЕДЕЛЬНИК-ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

В гимназии в присутствии почетного попечителя графа А. Г. Кушелева-Безбородко проходят годичные экзамены. Гоголь сдает экзамены за пятый класс[1].

О возможной теме, по которой Гоголь мог писать в июне 1824 г. сочинение по российской словесности, позволяет судить список «Темы для сочинений по Российской Словесности», составленный позднее, в конце 1827/28 учебного года, старшим профессором П. И. Никольским:

«Ученикам 5-го класса.
1. Майское утро приятно.
2. Быстрота и журчание ручейков занимательны.
3. Пение птиц усладительно.
4. Тишина и мрак ночи возбуждают удивление.
5. Дневной свет радует.
6. Весна оживляет природу.
7. Зелень и цветы рощий и садов прелестны.
8. Песни соловья прелюбезны.
9. Бури и громы страшны.
10. Лев рыканием страшно оглашает пустыни.
11. Леность не может быть подругою благонравного ученика»[2].

К. М. Базили, который в конце 1822/23 учебного года был переведен в третий класс[3], успешно сдает экзамены за третий и четвертый классы.

И. Д. Халчинский вспоминал: «Здесь <в третьем глассе, куда был переведен Базили летом 1823 г.> проходили словосочинение. Знание эллинского языка открывало молодому воспитаннику все законы синтаксиса, так что он объяснял иногда самому учителю грамматики логические причины оборотов речи и управления глаголов таким или другим падежом. Тогда грамматика Греча[4] еще не была известна. Молодой эллинист угадал законы взаимного сродства русских букв и постиг все правила орфографии. С этой поры и до выхода своего он постоянно был первым учеником в

классах по наукам и по языкам. По окончании учебного года, Базили выдержал экзамен третьего и четвертого классов вместе, и был переведен в пятый...»[5]

12 июля 1824 г. в журнале конференции было записано, что граф А. Г. Кушелев-Безбородко, «присутствуя при годичном экзамене, с удовольствием заметил хорошие успехи по всем предметам и в особенности по классам математики, исторических наук, российской и латинской словесности». При этом попечитель отметил, что «в иностранной словесности» «необходимо <...> обратить особое внимание на правильное изучение языков», «вследствие чего не худо было бы, чтобы гг. Профессоры оных словесностей преподавали по крайней мере в 4-м, 5-м и 6-м отделениях на иностранных языках свои лекции», а надзиратели «в их дежурство говорили на назначенном языке»[6].

[1] *Лавровский 1879.* С. 194.
[2] *Сребницкий 1902.* С. 387.
[3] См. ***1822. Июнь. Нежин.***
[4] См. ***1834. Февраля 20. Вторник. Санкт-Петербург*** (примечания).
[5] *Халчинский И. Д.* К. М. Базили // *Свод.* Т. 1. С. 545.
[6] *Сребницкий 1902.* С. 345.

ИЮНЯ 21. СУББОТА. НЕЖИН

«Почетный попечитель гимназии граф А. Г. Кушелев-Безбородко одобряет решение И. С. Орлая[1], как соответствующее уставу гимназии, вменить в обязанность законоучителю, помимо чтения Закона Божьего, катехизиса, священной истории с географией Святой земли, преподавание “практического любомудрия” в третьем (философско-юридическом) разряде»[2].

[1] См. ***1824. Января 26. Нежин.***
[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 66; *Свод.* Т. 1. С. 451.

ИЮНЯ 22. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

В гимназии освящена домовая церковь во имя священномученика Александра Пиднского (память совершается 14 марта ст. ст.)[1], в память князя Александра Андреевича Безбородко, завещавшего основать гимназию в Нежине[2].

Позднее, 5 июля 1824 г., это событие было занесено в журнал конференции гимназии: «Сего 1824 года, июня 1 дня <...> прибыл из С.-Петербурга г. поч<етный> попечитель <...> 22 июня, по благословению епархиального епископа[3], его сиятельство назначил посвятить предварительно к тому приуготовленную в гимназии церковь. К посвящению сего храма, кроме чиновников гимназии и обучающегося юношества, приглашены были воинские и гражданские чиновники, находящиеся в Нежине, равно поветовые помещики и родители воспитанников. Духовенство от всех церквей города, под ликоначальством[4] архимандрита Евгения[5], совершило чиноположение освящения храма, причем архимандритом было произнесено приличное слово как в возблагодарение и бессмертную память основателям сего знаменитого учебного заведения, так и соревнователю их, внуку, графу А. Г. Кушелеву-Безбородко. После литургии, молебствия и многолетия, духовенство крестным ходом шествовало в библиотечный зал, где, особо освятив воду, знаменовало крестом и кропило оною освященною водою как зал сей, так и прочие комнаты и классы с священным в шествии пением»[6].

«Из присутствовавших при этом торжестве воспитанников гимназии (*обучающегося юношества*, как сказано выше), выписываем для примера, «пансионеров второго начального отделения гимназии высших наук», товарищей Н. В. Гоголя: Бардовский, Богаевский, Вольский, Горонович,

Григорьев <Григоров>, Данченко, Думитрашко, Миллер, Миницкий, Пузыревский, Халчинский, и Яновский (т. е. Гоголь)»[7].

Из воспоминаний Н. В. Кукольника: «Постоянно, во все время управления Гимназией Ивана Семеновича Орлая граф <А. Г. Кушелев-Безбородко> не оставлял оказывать своему любимому заведению всевозможные пособия и покровительство. Наша гимназическая церковь благолепо украсилась богатою утварью, изящным иконостасом и ризницей. Богослужение открылось, при пении клира из учеников, согласием и музыкальной выправкой обращавшего на себя одобрительное внимание посетителей, дело разумевших...»[8]

«В так называемом южном флигеле, в зданиях института, – посредине этого флигеля на первом этаже есть крыльцо. Оно ведет в церковный коридор, или, вернее сказать, в коридор, примыкающий к церкви с северной стороны. Из этого коридора трое дверей ведут в церковь; одни, ближайшие к входным дверям от крыльца, ведут в олтарь; следующие за ними, так называемые *парадные* или главные двери, идут в самую церковь, и третьи, находящиеся не вдали от перегородки, отделяющей церковный коридор от остальной ее части с западной стороны, – ведут в переднюю часть храма или в притвор. Кроме сего можно входить в нашу церковь и из внутренних помещений института: 1) чрез так называемую графскую квартиру, или квартиру господина почетного попечителя, для чего находятся особые двери, выходящие из этой квартиры в церковный коридор прямо почти против главных или парадных дверей церковных; 2) с лестницы, идущей от заднего входа южного флигеля в остальные части здения; <3)> чрез двери, находящиеся в помянутой нами перегородке, отделяющей церковный коридор от остальной ее части, выходящей на задний ход флигеля.

Самая церковь в общем виде своем представляет 4-ре залы или комнаты, разделенных между собою арками. <...> В центре потолков предолтарной и средней части храма укреплены по одной – изящные, старинные люстры с хрустальными инкрустациями, каждая о 6-ти свечах, – дар графа Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко, принесенный его сиятельством вместе с другими вещами ко дню освящения нашей церкови в 1824 году. <...> Существующий в настоящее время иконостас в нашем храме устроен на средства, а может быть, и по плану самого графа Александра Григорьевича, в 1824 году, и отличается своею оригинальностию; по крайней мере такого другого хоть бы подобного иконостаса нам не приходилось встречать нигде, ни в какой церкви. Он весь расположен внутри предалтарный арки таким образом, что центр его составляет небольшой овальный образ "Тайной Вечери" (подражание Леонардо-де-Винчи) в верху. Отселе, от этого образа, вверх и вниз по всему пространству арки, до самого фундамента иконостаса идут большие деревянные, золоченые лучи, из коих собственно и составляется весь иконостас с царскими вратами и северными и южными вратницами, и т. д. На тех же лучах с правой стороны утверждена большая, в широких золоченых рамах художественная, *местная икона Спасителя,* Который здесь изображен с крестом в руке и с окружающими его символами четырех евангелистов и с св. пророком Моисеем с покрывалом на лице. С другой стороны от царских врат – такая же *местная икона Божией Матери* с Предвечным Младенцем, в образе Мадонны, окруженной гирляндой херувимов и радугой – вокруг главного бюста. Особенно прекрасно на этой иконе выражение больших задумчивых глаз у Пресвятой Девы и необыкновенно кроткого любвеобильного взора у Богомладенца Иисуса, на которые глаза и этот взор нельзя смотреть без особенного благоговения и умиления сердечного.

За сим *храмовая икона* св. священномученика Александра пресвитера, иже в Пидне, находится собственно вне иконостаса. Она помещена на стене арки, в коей устроен иконостас, у самой южной, церковной стены, в узкой, золоченой раме, прямо против правого клироса[9]. <...> Параллельно с иконой св. Александра, пресвитера Пиднского, в нашей церкви, на стене арки против левого клироса, находится другая, *такая же икона* с изображением святого без надписания, в виде старца с мечом или, сказать вернее, со шпагой в руках. <...> ... Икона должна всего ближе напоминать нам о покойном брате <графа А. Г. Кушелева-Безбородко> графе Илье Андреевиче Безбородко, – и в этом отношении мы бесспорно соглашаемся с свидетельством большинства, что рассматриваемая икона изображает именно св. пророка Илию, тезоименитого графу Илье Андреевичу. Только художник при этом дозволил себе, так сказать, поэтическую вольность, или, вернее говоря, настоящий анахронизм, изобразив у св. пророка в руках вместо обычного ножа, коим ревнитель Божий заклал студных жрецов Вааловых, обыкновенную шпагу классных чиновников гражданского ведомства... Но <...> чего не дозволяют себе и не такие малоизвестные художники?... <...>

Средняя часть храма. Здесь, прямо от входа, на стене арки, отделяющей эту часть храма от предолтарной части, прежде всего обращает на себя внимание большая прекрасная икона "Спасителя на кресте" из картинной графской галлерее, Венецианской школы Тинторетт. Под нею в особых резных дубовых рамах находится копия и чудотворной иконы Божией Матери, именуемой "Федоровской-Костромскою", которая поставлена на видном месте в память того, что празднование этой иконе совершается в один день с храмовым нашим праздником 14-го марта, так как в этот день и именно иконою Божией Матери Федоровскою мать Михаила Федоровича Марфа Ивановна благословила в 1613 году сына своего на Российский престол, потрясенный самозванцами

и поляками, отчего этот день и известен в отечественной истории как приснопамятный день вступления на Российский престол не только одного Михаила Феодоровича, но и всего его благословенного дома Романовых. <...>

...Ко времени освящения новосозданной церкви присланы были к гимназию высших наук *"вся необходимая церковная утварь, ризница и книги"*, как то евангелия, чаши с приборами, ризы, подсвечники, даже колокола и т. п. Часть этих вещей приобретена была покупкой на собственные средства графа Александра Григорьевича, а другая часть, по его же собственному распоряжению, была "перемещена из *Столинской придворной церкви* во имя святой Мироносицы и равноапостольной Марии Магдалины", т. е. из домой церкви графа (ныне упраздненной), состоявшей тогда в селе Стольном Сосницкого уезда Черниговской губернии, которое доселе, от времен князя Андрея Андреевича Безбородко, составляет главную резиденцию в районе малороссийских имений его наследников»[10].

Первыми старостами храма стали, с 6 сентября 1824 г.[11], инспектор пансиона К. А. Моисеев (пробыл старостой недолго, до октября-декабря 1824 г.)[12] и эконом А. И. Тарновский (Тарнавский) (до 1834 г.). С октября-декабря 1824 г. вместо Моисеева старостой храма был назначен профессор российской словесности П. И. Никольский (оставался в этой должности до 1833 г.). Хором певчих, составившихся из пансионеров гимназии, заведовал учитель музыки, пения и танцев Ф. Е. Севрюгин[13].

[1] См. ***1821. Сентября 20. Вторник. Нежин*** (примечания).

[2] См. также ***1821. Августа 20. Суббота. Нежин*** (примечания).

[3] Преосвященный Лаврентий (Бакшевский, 1776–1837), епископ (с 1826 г. – архиепископ) Черниговский и Нежинский в 1820–1831 гг.

[4] Ликоначальник – начальник торжественного собрания, сонма, или лика.

[5] «Что до личности архимандрита Евгения, освящавшего <...> церковь <...>, то об нем известно следующее: он поступил по вдовству в монашество из священников Глуховского уезда села Полошек; и в мире носил фамилию *Прозорова*. По пострижении своем состоял некоторое время преподавателем в Черниговской семинарии. После этого занимал настоятельские должности в монастырях Черниговской епархии – Козелецком и Домницком. "В 1823 году, будучи уже архимандритом, переведен в Нежин, где и умер в звании настоятеля Нежинского, Благовещенского, именуемого Назарет Пресвятыя Богородицы монастыря, 1-го сентября 1830 году и погребен близ Георгиевской церкви ветхого монастыря" (Нежинский, Благовещенский монастырь. Чернигов, 1868, стр. 48)» (*Хойнацкий А., свящ<енник>*. Институтская Свято-Александровская церковь в городе Нежине. Историко-статистический очерк. Чернигов, 1877. С. 15; Дополнительные сведения к историко-статистическому описанию Институтской Свято-Александровской церкви в городе Нежине. Чернигов, 1879. С. 9).

[6] *Лавровский 1879 (отд. изд.)*. С. 93; *Лавровский 1879*. С. 194.

[7] *Хойнацкий А., свящ<енник>*. Институтская Свято-Александровская церковь в городе Нежине. Историко-статистический очерк. Чернигов, 1877. С. 15.

[8] *Кукольник Н.* Лицей князя Безбородко // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 19.

[9] См. также ***1821. Сентября 20. Вторник. Нежин*** (примечания).

[10] *Хойнацкий А., свящ<енник>*. Институтская Свято-Александровская церковь в городе Нежине. Историко-статистический очерк. Чернигов, 1877. С. 79–82, 84–85, 93, 9–10.

[11] См. ***1824. Сентября 6. Суббота. Нежин.***

[12] См. ***1824. Октябрь-декабрь. Нежин.***

[13] *Лавровский 1879 (отд. изд.)*. С. 84.

ИЮНЯ 23. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Гоголь предположительно отправляется домой на каникулы.

См. ***1824. Июня 13. Пятница. Нежин.***

ИЮНЯ КОНЕЦ – АВГУСТА КОНЕЦ. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь на каникулах, которые проводит, вероятно, в Васильевке.

ИЮЛЯ 5. СУББОТА. НЕЖИН

«Протокол от 5 июля 1824 г. журнала конференции гимназии гласил, что Николай Яновский переведен в шестой класс гимназии, а за “успехи в науках и языках, согласно уставу гимназии”, награжден похвальным листом»[1].

«В “годичной ведомости” <от 5 июля 1824 г.> на вопрос: “сколько из наук и языков пройдено с 1-го августа 1823 года по 1-е июля 1824 года?”, из *закона Божия* значится следующее: “В 1 и 2 классах пройден весь сокращенный катехизис; в 3 и 4 пространный катехизис весь; в 5 и 6 классах священная история Ветхого и Нового Завета и география Обетованной земли вся. В 7 классе в продолжение целого года читаны были беседы св. Иоанна Златоуста и нравоучительные поучения Амвросия Медиоланского”»[2].

[1] <Оценки успеваемости Гоголя в пятом классе гимназии, с августа 1823 по июль 1824 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 450.

[2] *Хойнацкий А. Ф., протоиерей.* Из истории философской науки в России в начале XIX века // *Свод.* Т. 1. С. 433–434.

ИЮЛЯ 12. СУББОТА. НЕЖИН

Ф. И. Зингер утвержден в должности младшего профессора немецкой словесности.

Лавровский 1879. С. 165.

АВГУСТА НАЧАЛО. НЕЖИН

В гимназии с началом 1824–1825 учебного года открыт восьмой класс.

Сребницкий 1902. С. 423; ***1823. Июля 30. Понедельник. Нежин*** (открытие седьмого класса); ***1825. Августа 1. Суббота. Нежин*** (открытие девятого класса).

АВГУСТА 14. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Издание указа «О мерах, принятых по Учебным Округам по частям учебной и училищного надзора».

1824. Августа 14. О мерах, принятых по Учебным округам по частям учебной и училищного надзора // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Стб. 1597–1598. – См. также ***1824. Сентября 6. Суббота. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 24. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

В Гимназию зачислен двоюродный брат Н. Г. Белоусова А. А. Божко.

Михед, Якубина. С. 356.

АВГУСТА КОНЕЦ – СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО. НЕЖИН

Гоголь возвращается в Нежин. Вскоре получает от родителей 15 рублей.

Письмо Гоголя к матери от 30 сентября 1825 г.

АВГУСТА КОНЕЦ-СЕНТЯБРЯ НАЧАЛО – ДЕКАБРЯ 18. НЕЖИН

Гоголь учится в шестом классе гимназии. Изучает следующие дисциплины: Закон Божий, российскую словесность, всеобщую и русскую историю, географию, алгебру и конические сечения, геометрию и физику, латинский, французский и немецкий языки[1].

Согласно плану преподавания «языка и словесности российской», составленному И. С. Орлаем 21 августа 1823 г., в шестом классе предписывалось «заниматься эстетикою или разбором изящных риторов, каковы: Димосфен, Цицерон, Мурет, Боссюет, Флешье, Массильйон, Бурдалу, Феофан Прокопович, <Стефан> Яворский преосвященный, <архимандрит> Гедеон <Обдорский>, <митрополит> Платон, <архиепископ> Анастасий <Братановский-Романенко> и другие; разбором писателей, каковы: Иерузалем, Фенелон, Томас <Гоббс>, Каранчиоли <Караччиоли>, Бем <Бёме>, Татищев, Эмин, Карамзин и другие; и наконец разбором изящных стихотворцев, каковы: Гомер, Гораций, Виргилий, Овидий, Петрарк<а>, Камоэнс[2], Тасс[3], Мильтон, Буало, Рассин <Расин>, Попе <Поуп>, Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин, Жуковский и другие; но без дальнейших умствований, умозрений и умоположений, и, как словесность есть предуготовительная наука для высших трех академических классов[4], то предлагается г. Никольскому кончить оную в 6-ти классах[5], а в 7-м преподавать токмо одну логику»[6].

«...С 1823/24 г. <...> <П. И.> Никольский, <преподававший> словесность... <...> <читал> в 6<-м> <классе> о расположении как малых подробно, так и больших речей сокращенно; краткие правила всей вообще поэзии с механизмом стихосложения и с упражнением в сочинении мелких стихотворений. <...> ...Преподавание происходило по руководству <А. С.> Никольского (Курс российской словесности)...»[7]

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1824/25 учебный год. Гоголь в 6 классе // *Свод.* Т. 1. С. 451.

[2] Вероятно, с этого времени в круге чтения будущего создателя «Тараса Бульбы» (1835, 1842), появляется национальная эпопея Португалии «Лузиады» Л. Камоэнса, воспевающая борьбу христиан с маврами. В фондах Государственного литературного музея хранится экземпляр книги «Лузияда, ироическая поэма Лудовика Камоэнса. Часть I. Переведена с французского де-ла-Гарпова переводу Александром Дмитриевым» (М., 1788); на свободном листе переднего форзаца этой книги имеется надпись: «Из книг Н. В. Гоголя» (Лики Гоголя. Фотоальбом. Под общ. ред. М. С. Гомозковой. Авторы-составители Е. М. Варенцова, С. П. Белехова, В. Н. Куделина, Н. Г. Прохоров. М., 2009. С. 179).

[3] В распоряжении гимназистов, в частности, Н. В. Кукольника, был один из номеров журнала Я. А. Галинковского «Корифей, или Ключ литературы», в котором была помещена биография Т. Тассо: <*Галинковский Я. А.*> Опыт о славнейших эпических стихотворцах. Торквато Тассо // Корифей, или Ключ литературы. <СПб., между 1804 и 1807>. Кн. 10. С. 84–232. См.: *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 75, 102.

Позднее, 30 марта 1832 г., Гоголь писал А. С. Данилевскому о Кукольнике: «Возвышенный всё тот же, трагедии его всё те же. Тасс его, которого он написал уже в шестой раз, необыкновенно толст, занимает четверть стопы бумаги. Характеры всё необыкновенно благородны, полны самоотверженья и вдобавок выведен на сцену мальчишка 13 лет, поэт и влюбленный в Тасса по уши. А сравненьями играет, как мячиками; небо, землю и ад потрясает, будто перышко. Довольно, что прежние: *губы посинели у него цветом моря*, или: *тростник шепчет, как шепчут в мраке цепи* ничто против нынешних. Пушкина всё попрежнему не любит. Борис Годунов ему не нравится».

[4] Девятигодичный курс Гимназии высших наук заключал в себе шесть гимназических и три «академических», или университетских класса.

[5] Преподавание российской словесности в 7–9 классах тем не менее было продолжено.
[6] *Сребницкий 1902*. С. 336.
[7] *Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 г.) // *Свод*. Т. 1. С. 446.

СЕНТЯБРЯ 6. СУББОТА. НЕЖИН

«...Назначение <...> первых <...> старост <...> для церкви <...> было устроено в <...> заседании <...> правления <гимназии> 6-го сентября 1824 года, в котором решен был вопрос о принятии по описи церковной ризницы и прочей утвари, присланных в церковь <...>, по распоряжению графа Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко, ко времени ее освящения[1]. В заседании этом “по прочтении (означенной описи) г. директор <И. С. Орлай> <...> предложил: при церкви гимназической <...> *быть двум старостам*: инспектору пансиона и эконому гимназии... <...> ...Хозяйственное правление <...> определило: <...> ...от господина законоучителя, отправляющего богослужение в гимназической церкви, протоиерея Нежинского собора Павла Волынского, также от господ инспектора пансиона Кирилла <Абрамовича> Моисеева и господина эконома Афанасия <Ивановича> Тарнавского, *яко от старост гимназической* церкви, потребовать о приеме церковных вещей по описи квитанцию для приобщения к делам хозяйственного пра́вления”».

Хойнацкий А., свящ<енник>. Институтская Свято-Александровская церковь в городе Нежине. Историко-статистический очерк. Чернигов, 1877. С. 46–47.

[1] См. ***1824. Июня 22. Воскресенье. Нежин***.

СЕНТЯБРЯ 6. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Попечитель Харьковского учебного округа <Е. Я. Карнеев> уведомляет правление гимназии о распоряжении Министерства народного просвещения исключить из числа предметов, изучаемых в гимназии, естественное право[1] и политические науки»[2].

Курс «естественного права» вел в гимназии с 1 августа 1824 г. в седьмом и восьмом классах[3] профессор М. В. Билевич, который читал лекции, согласно указанию Министерства народного просвещения, по книге австрийского профессора К. А. Мартини «Positiones juris naturae» (Viennae, 1782). «Естественное право» было признано производящим «политическое свободомыслие» после беспорядков, происшедших в Виленском университете. Высочайше конфирмованный 14 августа 1824 г.[4] журнал Комитета по делу о беспорядках в Виленском университете, разосланный во все учебные округи, исключил естественное право из предметов, преподаваемых в обычных гимназиях. Указ гласил: «Право Естественное и науки политические исключить из числа предметов, преподаваемых в Гимназиях, а вместо того умножить число уроков для преподавания языков Латинского, Греческого и Российского»[5]. Кроме того, предлагалось сократить «число уроков, назначенных для преподавания Риторики и Поэзии», и обратить особенное внимание на то, «чтобы студенты <...> ни в какие тайные связи и общества не входили» и «книг, противных Христианской вере и существующим системам Правительства, в особенности же Российского Государства, и других соблазнительных <...> не читали и у себя не имели»[6].

В числе «предметов испытания», выносившихся указом 1809 г.[7] на экзамен для получения чина, в разделе «Правоведение» на первом месте значилось «основательное познание Права Естественного, Права Римского и Права частного Гражданского, с приложением сего последнего к Российскому законодательству»[8]. Н. М. Карамзин, имея в виду этот указ (разработанный М. М. Сперанским), в 1811 г. писал: «Сделав многое для успеха наук в России и с неудовольствием видя слабую ревность Дворян в снискании ученых сведений в Университетах, Правительство желало принудить нас к тому и выдало несчастный Указ об экзаменах. Отныне <...> ни 40-летняя деятельность Государственная, ни важные заслуги, не освобождают от долга знать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные»[9]. В свою очередь М. Л. Магницкий 9 мая 1823 г. писал князю А. Н. Голицыну: «...Сделано положение, по которому все, в старом благочестии и верности царям воспитанное, отрезано от всякого повышения и надежды по службе и заменено людьми нового разрушительного воспитания...»[10] «...В указе 6-го августа 1809 года, – замечал он также в 1831 г., – для экзамена гражданских чиновников требуется условием sine qua non <непременным условием; *лат.*> изучение *естественного права*, ибо сим средством <...> преградилась тотчас дорога к дальнейшему повышению всем титулярным и коллежским советникам, в академическом заговоре не бывшим, а просто служившим своему Государю по присяге...»[11]

Гоголь, в отличие от Магницкого, полагал, что получение основательного университетского образования еще не означало непременного «вступления в заговор». «...Если у нас, – писал, в частности, в 1832 г. один из друзей Гоголя М. А. Максимович, – дворянство приобретается просвещением и Государственною службою, то ***просвещение*** и ***служба*** суть настоящие принадлежности родового дворянина»[12]. Гораздо более «вступлению в заговор» способствовало, согласно размышлениям Гоголя, отсутствие всякого образования (чему равнозначно было для писателя и образование «удаленное от опыта» – схоластическое) или же «легкое журнальное образование». В неотправленном письме к Белинскому 1847 г. Гоголь в ответ на превознесение критиком трудов Вольтера, в частности, писал: «Волтером не могли восхищаться полные и зрелые умы, им восхищалась недоучившаяся молодежь». С этими же размышлениями связаны гоголевские образы героев-«недорослей» «Записок сумасшедшего» и «Шинели»[13], а также его понимание положения «вечного титулярного советника» как выражение нежелания или «неспособности» служить Отечеству.

[1] До этого времени «естественное право» полагалось первым среди юридических дисциплин: «Науки, входящие в круг Юридического Факультета, суть следующие: 1) Права: естественное, частное, публичное и народное. Дипломатика; 2) Право Римское; 3) Право Российское публичное, гражданское и уголовное. Права частные присоединенных Губерний, состоящих на особенных постановлениях. Судопроизводство в отношении ко всем сим частным правилам; 4) Политическая Экономия; 5) Политическая История и Статистика главнейших Государств, особливо Российского» (1819. Января 20. О производстве в ученые степени на основании Положения о сем // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Стб. 1136).

[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 69. – См. также ***1824. Октябрь. Нежин.***

[3] См. ***1825. Августа 14 – декабря средина. Нежин*** (примечания).

[4] См. ***1824. Августа 14. Четверг. Санкт-Петербург.***

[5] Высочайшие Указы, данные Правительствующему Сенату // Записки, издаваемые от Департамента Народного Просвещения. 1825. Кн. 1. С. 24.

[6] Там же. С. 26.

[7] См. ***1809. Августа 6. Пятница. Праздник Преображения Господня. Санкт-Петербург.***

[8] 1809. Августа 6. Именный, данный Сенату. – *О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Ассесоры и Статские Советники* // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 30. С. 1056.

[9] *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях <1811> // Лит. учеба. 1988. № 4. С. 117.

[10] Два мнения попечителя Казанского учебного округа, *М. Л. Магницкого* // Русский Архив. 1864. Т. 1. С. 328.

[11] *Шильдер Н. К.* Два доноса в 1831 году // Русская Старина. 1899. № 3. С. 616.

[12] *Максимович М.* О Русском Просвещении. Речь, говоренная в собрании Московского Университета, 1832, Января 12 // Телескоп. 1832. № 2. С. 180.

[13] См. ***1809. Августа 6. Пятница. Праздник Преображения Господня. Санкт-Петербург*** (примечания).

СЕНТЯБРЯ 8. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ВАСИЛЬЕВКА

Предполагаемый день освящения храма Рождества Пресвятой Богородицы и учреждения первой ярмарки в Васильевке.

Мария Ивановна вспоминала: «...С помощию Божией, церковь окончена <была> в течении трех лет[1]. <...> При освящении церкви было чувствительно вспомнить, что недавно на том месте пасли скот, а теперь воссылается молитва у престола Божия. На храм заведена <была> очень удачно ярмонка, и еще, кроме храмовой, три в разные времена года, [весной, летом, осенью и зимой], всего четыре ярмонки в год»[2].

Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 64.

[1] См. ***1821. Сентября 21. 1823. Осень. Васильевка. Сентября 21.***
[2] В. И. Шенрок в 1887 г., говоря об установленных Василием Афанасьевичем сроках для ярмарок, свидетельствовал: «Эти сроки не изменились до сих пор — в продолжение более 70-ти лет» (*Шенрок.* Т. 2. С. 63; см. также: *Шенрок В. И.* Ученические годы Гоголя. Биографический очерк. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1898. С. 70).

СЕНТЯБРЯ 20. СУББОТА.
КИЕВ

«Дворянин И. Г. Демиров-Мышковский подает в Гимназию прошение о приеме на вакантное место учителя латинского языка».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 69; *Михед, Якубина.* С. 349, 481.

СЕНТЯБРЯ 25. ЧЕТВЕРГ.
НЕЖИН

Х. Н. Иеропес произведен в должность младшего профессора греческого языка и словесности.

Лавровский 1879. С. 181.

СЕНТЯБРЯ 28. ВОСКРЕСЕНЬЕ.
НЕЖИН

Гоголь получает от родителей письмо и деньги[1] (10 рублей)[2].

[1] См. ***1824. Октября 1. Среда. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Нежин.***
[2] Письмо Гоголя к матери от 30 сентября 1825 г.

ОКТЯБРЯ 1. СРЕДА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.
НЕЖИН

Гоголь извещает родителей о получении от них 28 сентября 1824 г. письма и денег[1]; поздравляет мать с днем Ангела; просит выслать забытые им две тетради со стихами и тетрадь с пьесой В. А. Озерова «Эдип в Афинах»[2].

«Также вы писали про одну новую Балладу и про Пушкина поэму Онегина[3]; то прошу вас, нельзя ли мне и их прислать. Еще нет ли у вас каких-нибудь стихов, то и те пришлите.

Сделайте милость, объявите мне, поеду ли я домой на Рождество[4]; то по вашему обещанию прошу мне прислать роль. Будьте уверены, что я ее хорошо сыграю, чем я вам буду много благодарен.

Между прочим прошу вас еще: нельзя ли каким-нибудь образом достать *Собрание образцовых сочинений в стихах и прозе*[5], ибо мы теперь, проходя поэзию и части эстетики, весьма нуждаемся в примерах, с тем только чтоб на время, и я вам в чистоте их пришлю, переписавши».

[1] См. ***1824. Сентября 28. Воскресенье. Нежин.***

[2] См. также ***1824. Февраля 11–16. Понедельник-суббота. Масленица. Нежин.***

[3] О «Евгении Онегине», отрывки из которого А. С. Пушкин впервые напечатал только в конце 1824 г. в «Северных Цветах на 1825 год» (см. ***1824. Декабря конец. Санкт-Петербург***), В. А. Гоголь-Яновский мог узнать из сообщения, сделанного Ф. В. Булгариным в «Литературных Листках» (1824. № 4), где был процитирован отрывок из строфы XX первой главы (об Истоминой).

[4] См. ***1824 декабря после 18 — 1825 января не позднее 12. Васильевка.***

[5] См. ***1824. Июня 13. Пятница. Нежин.***

ОКТЯБРЯ 3. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Надзиратель Адольф И. Аман сообщает И. С. Орлаю:

«На требование Вашего Высокоблагородия, отчего в 3-й спальне стекло разбито, имею честь донести, что воспитанник гимназии Иван Кобеляцкий, рассердясь на Николая Думитрашко, бросил в него сапогом, но вместо его попал в окошку и разбил стекла».

Супронюк О. К. Из комментариев к письмам Гоголя // Русская литература. 1989. № 1. С. 160.

ОКТЯБРЯ 16. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Цензурное разрешение третьей части альманаха «Мнемозина», где напечатано стихотворение А. С. Пушкина «Мой демон»[1].

О реминисценциях этого стихотворения в творчестве Гоголя см.: ***1835. Сентября 21. Суббота. Москва*** (примечания).

[1] Мнемозина, собрание сочинений в стихах и прозе, издаваемая Кн<язем> В. Ф. Одоевским и В. Кюхельбекером. М., 1824. Ч. 3. С. 11–12.

ОКТЯБРЯ 18. СУББОТА. НЕЖИН

Первым дьячком гимназической церкви назначен послушник Нежинского Благовещенского монастыря Алексей Александровский.

Хойнацкий А., свящ<енник>. Институтская Свято-Александровская церковь в городе Нежине. Историко-статистический очерк. Чернигов, 1877. С. 45.

ОКТЯБРЯ 19. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

В ответном письме к родителям Гоголь выражает радость, что его заберут домой на рождественские каникулы. Просит прислать за ним к 16 декабря, потому что распускать гимназистов на каникулы будут 18 декабря. Просит прислать ему синего сукна на новый мундир.

ОКТЯБРЯ 30. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

О. Д. Урсо утвержден в должности преподавателя военных наук.

Лавровский 1879. С. 165.

ОКТЯБРЬ. НЕЖИН

И. С. Орлай в ответ на распоряжение попечителя Харьковского учебного округа Е. Я. Карнеева[1] обращается к нему от имени конференции с вопросом, следует ли в Нежинской гимназии исключать из числа учебных предметов естественное право и политические науки, «так как оные науки, по проекту устава, к преподаванию в гимназии назначены; при том же и гимназия состоит на особенных правах и постановлениях, нежели губернские гимназии, и занимает непосредственное место после российских университетов[2], а между тем из предписания не видно, чтобы сии науки исключены были из числа предметов в университетах, да и неизвестно, какие именно учебные предметы входят в круг наук политических»[3].

«Ответа на вопрос конференции не последовало, а между тем в апреле следующего года в гимназии получен был Высочайше утвержденный 19 февраля 1825 года устав гимназии[4], в котором положены естественное право[5] и политические науки: «тогда же, *по воле бывшего директора*[6], вторично начато преподавание <их> и продолжалось до июля 1827 года»[7].

В этот же период надзиратель Авг. И. Аман представляет И. С. Орлаю два рапорта:

1. «Его Высокородию директору И. С. Орлаю от надзирателя Августа Амана. Рапорт: Во время вчерашнего моего дежурства во 2 музее пансионер Риттер ударил так сильно пансионера Ивана Пащенко, что сей с ног свалился, за что я велел Риттеру не выходить с угла, что он было и исполнил, но, раздумавшись, вышел самоуправно с места. Я представлял, что он должен виноваться, но он не внимал наказу. За таковое со стороны его упрямство и неповиновение я нашел принужденным оставить его без ужина; но в столовой он опять не слушался и силою брал кушанья. Когда я ему опять запрещал ужинать, то ученики 6 класса Платон Лукашевич и Данилевский закричали, что я не имею права наказать ученика 6 класса, из которых Платон Лукашевич при всех громогласно говорил, будто Вы, ваше Высокородие, сие сами объявили ему; так как я не смог укротить сих учеников, то имею честь вашему Высокородию о сем донести».

2. «Его Высокородию директору И. С. Орлаю от надзирателя Августа Амана. Рапорт: Вчерашний день во время ужина пансионер Риттер шумел за столом и непристойно сидел; когда дежурный надзиратель Адольф Аман представлял ему, что такое поведение не годится, то он ему всячески грубил. Другой надзиратель Перион[8], тут же находившийся, начал ему выговаривать, он и ему нагрубил. После ужина я пришел во 2 музей, чтобы наказать Риттера за его грубости и неповиновение, велел ему стать на колена, но он в том мне не послушался. Я принужден был употребить угрозы, которые нимало не действовали, ибо он был подстрекаем нижеследующими заговорщиками: обоими Лукашевичами, обоими Сушковыми, Щербаком, Горленком, Данилевским, Закревским, Николаем Прокоповичем и Миницким; видя, они все упорствуют, я позвал двух служителей, сказывая ему, что возьмут его и поставят на колена, если сам не повинуется; но коль скоро люди вошли в зал, вышенаименованные бунтовщики бросились и вытолкали их, говоря: не позволим мы его брать! несмотря что я и дежурный присутствовали. О чем сим имею честь донести Вашему Высокородию, прося приказать, какие меры должно взять для отвращения хужих следствий от сих мятежников»[9].

Н. Ф. Перион подает прошение на имя И. С. Орлая о принятии его на вакантную должность надзирателя пансиона[10].

[1] См. ***1824. Сентября 6. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] Имеется в виду положение Устава гимназии: «Гимназия сия <...> состоит между учебными заведениями в числе занимающих первую степень после университетов <...> и отличается пред губернскими гимназиями как высшею степенью преподаваемых в ней наук, так и особенными ей дарованными правами и преимуществами. <...> Аттестаты, получаемые от сей гимназии, имеют равную силу с аттестатами, выдаваемыми от Российских университетов...» (Устав Гимназии высших наук князя Безбородко // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 209–210, 226).

[3] *Лавровский 1879.* С. 206.

[4] См. ***1825. Февраля 19. Четверг. Санкт-Петербург.***

[5] В Уставе говорилось, что в третьем отделении «будут преподаваться <...> сверх учения закона Божия <...> начальные основания нравственной философии и естественного права» (Устав Гимназии высших наук князя Безбородко // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 212).

[6] Ср. ***1825. Ноября 14. Суббота. Санкт-Петербург.***

[7] *Лавровский 1879.* С. 206.

[8] В 1853 г. Н. Ф. Перион вспоминал: «Я был комнатным надзирателем при Нежинском Лицее, но главною моею обязанностию было говорить всегда со студентами по-французски, обучать их этому языку более практически. В числе студентов были Н. В. Кукольник и Н. В. Гоголь. Последний был очень ленив; плохо занимался по всем предметам, пренебрегал изучением языков, особенно по моему предмету, учился он плохо; поведения же он был прекрасного; смирнее его не было, хотя товарищи часто жаловались на него; он всех копировал, передразнивал, клеймил прозвищами; но характера был доброго и делал это не из желания обидеть, а так, по страсти. Известно, как любил Н. В. Гоголь товарищей, с каким участием расспрашивал всегда о них. <...> Н. В. Гоголь любил страстно рисование, литературу, но было бы слишком смешно думать, что Гоголь будет Гоголем. <...> Странно, право, странно...» (*Негрескул В.* О Гоголе, рассказ <Н. Ф.> П<ериона> // *Свод.* Т. 1. С. 424).

[9] *Супронюк О. К.* Из комментариев к письмам Гоголя // Русская литература. 1989. № 1. С. 158–159.

[10] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 71. См. также ***1827. Апреля 15. Пятница. Санкт-Петербург.***

НОЯБРЯ 1. СУББОТА. НЕЖИН

И. С. Орлай во исполнение предписаний почетного попечителя графа А. Г. Кушелева-Безбородко учреждает в гимназии три отделения, или «музея» — «сообразно трем трехлетиям гимназического курса», — «чтобы Надзиратели исправляли без упущения свою должность и присматривали за воспитанниками» и «дабы они в их дежурство говорили на немецком и французском языках». К первому музею отнесены были воспитанники 1–3 классов (надзиратели Е. И. Зельднер и Адольф И. Аман), ко второму — 4–5 классов (надзиратели К. С. Павлов и И. И. Филиберт), к третьему — 6–8 классов (надзиратели Авг. И. Аман и Н. Ф. Перион) (9-го класса в то время в гимназии еще не было; он открылся 1 августа 1825 г.[1]).

Кроме того, в каждом музее воспитанники делились на три разряда: «на хорошо объясняющихся в положенных языках, средственно и мало или ничего не знающих»[2].

[1] См. ***1825. Августа 1. Суббота. Нежин.***

[2] *Сребницкий И. А.* Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук // Гоголевский Сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Коммиссией под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 346–348.

НОЯБРЯ 4. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Император Александр I подписывает указ «О вопрещении студентам Харьковского университета ходить в театр».

Указ был вызван беспорядками в Харьковском театре, в которых участвовали некоторые студенты университета. В указе сообщалось, что «Главноначальствующий <...> над Почтовым Департаментом <князь А. Н. Голицын>, соглашаясь с заключением Комитета <Министров>, <...> полагает необходимым не только Харьковским студентам, но и всех других Университетов запретить ходить в театр, ибо молодые люди, оставаясь в Университетах не более трех лет для обучения наукам, не имеют времени заниматься театрами».

1824. Ноября 4. О воспрещении студентам Харьковского Университета ходить в театр // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Стб. 1600–1602.

НОЯБРЯ 17. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Издание указа Императора Александра I «О строгом наблюдении, дабы как в изданных, так и впредь издаваемых сочинениях и переводах, особливо же в преподавании наук, ничего колеблющего веру и благонравие не укрывалось»[1].

Указ издан в связи с Высочайшим разрешением запрещенной ранее книги Е. И. Станевича «Беседа на гробе младенца о бессмертии души тогда только утешительном, когда истина оного утверждается на точном учении Веры и Церкви» (1818; 2-е изд. – 1825), направленной против внеконфессионального мистицизма, господствовавшего при министре духовных дел и народного просвещения князе А. Н. Голицыне.

[1] 1824. Ноября 17. Именный, данный Министру Народного Просвещения. О строгом наблюдении, дабы как в изданных, так и впредь издаваемых сочинениях и переводах, особливо же в преподавании наук, ничего колеблющего веру и благонравие не укрывалось // Полн. собр. законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 39. С. 615–616. – См. также ***1825. Января 24. Суббота. Нежин***.

ДЕКАБРЯ 16. ВТОРНИК. НЕЖИН

К Гоголю из Васильевки прибывает коляска[1] и 10 рублей[2] денег от родителей.

В тот же день составитель «Краткого землеописания по новому разделению, изданного по руководству... И. А. Гейма в пользу детей, начинающих учиться географии» Тит Каменецкий дарит в библиотеку Гимназии высших наук экземпляр своей книги[3].

[1] См. ***1824. Октября 19. Воскресенье. Нежин.***
[2] Письмо Гоголя к матери от 30 сентября 1825 г.
[3] См. ***1824. Январь. Нежин.***

ДЕКАБРЯ 18. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Гоголь выехал из Нежина в Васильевку на Рождественские праздники.

См. ***1824. Октября 19. Воскресенье. Нежин***.

ДЕКАБРЯ 20. СУББОТА. КИЕВ

На должность надзирателя за воспитанниками Гимназии назначается И. Г. Демиров-Мышковский.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 73–74.

ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ. НЕЖИН

Старший профессор российской словесности П. И. Никольский сменяет К. А. Моисеева на посту старосты[1] гимназической церкви.

«Место г. Мойсеева в том же 1824 году занял сослуживец его, профессор <...> Парфений Иванович *Никольский,* который <...> в декабре того же года хлопотал об устройстве железных решеток для окон в гимназической церкви»[2].

[1] См. ***1824. Сентября 6. Суббота. Нежин.***

[2] *Хойнацкий А., свящ<енник>.* Институтская Свято-Александровская церковь в городе Нежине. Историко-статистический очерк. Чернигов, 1877. С. 67.

ОКОЛО 1824 ГОДА. НЕЖИН

Гоголь в инциденте с инспектором пансиона К. А. Моисеевым инсценировал сумасшествие.

16 февраля 1866 г. П. И. Мартос писал П. И. Бартеневу: «В 1859 г. гр<аф> Гр. Ал. Кушелев-Безбородко издал книгу: Лицей Князя Безбородко. – В этой книге, стр. 77, в статье – Ив. Сем. Орлай, сказано, что Гоголь, который по выпискам значился: Гоголь-Яновский, притворился сумасшедшим[1]. Это бывало с ним неоднократно[2], в случаях экстренных и опасных. – Вот один из таких случаев: – В предместии Магерках, за графским садом, отделенным от гимназического высоким забором, нисколько, впрочем, нас не удерживавшим, жила пирожница, которой произведения казались нам верхом совершенства кулинарного искус<с>тва, – и кто имел деньги, часто посещали ее. – Однажды, когда нас свели к обеду, в нижний этаж, инспектор Мойсеев, человек очень строгий, несправедливый, нелюбимый и воспитанниками и своими сослуживцами, шел по корридору, тоже в столовую; в это время Яновский показался на крыльце, ведущим в корридор, от сада. – Несмотря ни на какие рас<с>просы и угрозы Мойсеева Яновский, дико выпучивая глаза, упорно молчал. Так приведен он был Мойсеевым в столовую и поставлен в угол; за ужином та же история, – но карманы его были полны пирогами. Это продолжалось несколько дней. На все вопросы Мойсеева – "где вы были?" – Яновский не отвечал ни слова. – Вообще он много представлялся и в то время; это осталось в нем навсегда, но яснее выказалось в последние годы[3] его жизни»[4].

В 1877 г. Н. Ю. Артынов (Артинов), со слов его братьев А. Ю. и П. Ю. Артыновых (Артиновых), сообщал: «...В гимназии Гоголь был тем только и замечателен, что имел слишком остроконечную бороду, да еще, пожалуй, тем, что постоянно, бывало, ходит на Магерки. Магерки – это предместье Нежина. Гоголь имел там много знакомых между крестьянами. Когда у кого из них бывала свадьба или другое что или когда просто выгадывался погодливый праздничный день, то Гоголь уж непременно был там. (Как же неправ г. Кулиш и другие, утверждающие, что Гоголь изучал народную жизнь в лакейской, что лакейская среда, эта безобразная помесь простонародности и цивилизованности, заслоняла пред Гоголем настоящую, неподдельную, неподкрашенную, *щирую* Украинскую жизнь!.. (См. Сочинения и письма Гоголя. Изд. Кулиша, т. II, примечание г. Кулиша к *Тарасу Бульбе). – Примеч. П. И. Бартенева. – И. В.*)»[5].

[1] См. ***1824. Февраль. Нежин.***

[2] См. также ***В течение 1824/25 учебного года (1824 август – 1825 май). Нежин*** (примечания).

[3] Подобно В. Г. Белинскому, П. И. Мартос, по-видимому, неодобрительно воспринял выход в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847).

[4] Письмо П. И. Мартоса к П. И. Бартеневу. 16 февраля 1866 г. // *Свод.* Т. 1. С. 548.
[5] *Мацеевич Л.* Гоголь и Кукольник в Нежинской гимназии высших наук // *Свод.* Т. 1. С. 555–556.

ДЕКАБРЯ КОНЕЦ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет альманаха «Северные Цветы на 1825 год»[1], где напечатаны произведения А. С. Пушкина: «Песнь о вещем Олеге», «Демон», «Отрывки из Евгения Онегина» (строфы VII–X второй главы) и «Прозерпина».

П. А. Кулиш, со слов Н. Я. Прокоповича, сообщал о Гоголе: «Еще мы знаем автора "Мертвых Душ" в роли хранителя книг, которые выписывались им на общую складчину. Складчина была не велика, но тогдашние журналы и книги нетрудно было и при малых средствах приобресть все, сколько их ни выходило. Важнейшую роль играли "Северные Цветы", издававшиеся бароном Дельвигом; потом следовали отдельно выходившие сочинения Пушкина и Жуковского, далее – некоторые журналы[2]. Книги выдавались библиотекарем для чтения по очереди. Получивший для прочтения книгу должен был, в присутствии библиотекаря, усесться чинно на скамейку в классной зале, на указанном ему месте, и не вставать с места до тех пор, пока не возвратит книги. Этого мало: библиотекарь собственноручно завертывал в бумажки большой и указательный пальцы каждому читателю, и тогда только вверял ему книгу. Гоголь берег книги, как драгоценность, и особенно любил миниатюрные издания. Страсть к ним до того развилась в нем, что, не любя и не зная математики, он выписал "Математическую Энциклопедию" Перевощикова[3], на собственные свои деньги, за то только, что она издана была в шестнадцатую долю листа[4]. Впоследствии эта причуда миновалась в нем; но первое издание "Вечеров на хуторе" еще отзывается ею»[5].

В 1877 г. Н. Ю. Артынов (Артинов), со слов его братьев А. Ю. и П. Ю. Артыновых (Артиновых), сообщал: «Учился же Гоголь совсем не замечательно. От профессора русской словесности Никольского получал постоянно *тройку*. В сочинениях его по словесности бывала пропасть грамматических ошибок. Особенно плох был Гоголь по языкам. Классы языков составляли тогда у нас *три* особые, независимые от других классов *отделения*, которые студенты всех курсов проходили по мере успехов. Гоголь окончил курс гимназии, но по языкам не дошел до 3-го отделения. Вообще Гоголь был самая обыкновенная посредственность, и никому из нас и в голову не приходило, чтобы он мог впоследствии прославиться на поприще русской литературы. Впрочем, нужно сказать правду, Гоголь любил чтение книг и особенно любил *самые* книги. Не могу без смеху вспомнить одной странности Гоголева библиотекарства... <...> У нас была своя, студенческая библиотека. Мы выписывали сочинения Пушкина, "Московский Телеграф"[6] и проч. Вот мы и избрали Гоголя библиотекарем. <...> ...<Гоголь> ничем особенным не выдавался... <...> ...Он был пансионер, жил в корпусе, ему было удобнее, никто другой не соглашался, а он изъявил полную готовность; вот и согласились, чтобы он смотрел за книгами. Да как смотрел – вот штука-то, просто не могу вспомнить без смеха. Очень уж он любил чистоту книг и для сохранения ее выдумал такое замысловатое средство. Наделает, бывало, из бумаги пропасть сверточков, в виде наперстков, и предлагает студентам надевать на пальцы эти *наконечники*, для того, чтобы при чтении и перелистывании книг не засаливать их пальцами. <...> ...Это он делал серьезно... <...> Смеются, бывало, да и только... Таков-то был этот Гоголь.

Вот Кукольник – совсем иная статья. Пред Кукольником все мы благоговели. Он когда еще приехал из Петербурга с отцом своим, который был назначен директором в нашу гимназию, то уже знал отлично языки французский, немецкий, итальянский. <...> Да, Кукольник был, можно сказать, ученый студент. Он брал из основной библиотеки книги для чтения на языках французском, немецком, итальянском, что было для нас в настоящую диковинку. Словом, он стоял выше всех нас целою головою»[7].

К. А. Моисеев также вспоминал: «Кукольник и Гоголь были во все время нахождения своего здесь <в Гимназии> и друзьями между собою и товарищами по классам; но Кукольник всегда был виднее своими дарованиями в учении пред Гогоолем и пред всеми своими товарищами»[8].

«Представление о <...> составе <частной библиотеки учащихся Нежинской гимназии> может дать "Реестр книгам и рукописям, предоставленный его превосходительству г-ну члену Главного правления училищ действительному статскому советнику и кавалеру Э. Б. Адеркасу[9] от бывшего инспектора пансиона гимназии высших наук кн. Безбородко проф. Н. Белоусова", составленный в апреле 1830 г. Первый раздел реестра ("Журналы и альманахи, кои составляемы были воспитан-

никами гимназии до вступления моего в должность инспектора") был полностью опубликован и прокомментирован С. Машинским[10]. Что же касается двух следующих разделов, то исследователь упомянул лишь, что в них зафиксированы произведения Вольтера, Пушкина, Рылеева и Грибоедова. Между тем, эти два раздела заслуживают пристального внимания, так как они существенно пополняют сведения о литературных вкусах и увлечениях учеников. Второй раздел реестра ("Книги") включает названия изданий, входивших в состав частной библиотеки учащихся. Список охватывает всего восемь номеров: 1) Полное собрание всех доныне переведенных на российский язык и в печати изданных сочинений Вольтера <В 5 ч. М., 1802–1805>, ч. 1–3; 2) Германия в глубоком унижении <своем. Пер. с нем. Н. И. Греча. СПб., 1806>; 3) История XVIII столетия <или обстоятельное описание всех важных происшествий и достопамятных перемен, случившихся в XVIII столетии. Пер. с нем. В 11 т. М., 1805–1809>, ч. 2, 10, 11; 4) La vie du Pape Sixt cinquieme. T. 1; 5) Велизарий, соч. Мармонтеля, с присовокуплением некоторых статей нравственной философии того же сочинителя <пер с фр. В 2 ч. СПб., 1803>; 6) Повести Михаила Сервантеса <пер. с фр. Ф. Ф. Кабрит. В 3 ч. М., 1816>; 7) Гузман д'Алфараш, <истинная гишпанская повесть, соч. Лесажа. Пер. А. К. В 4 ч. М., 1804>; 8) Граф де-Сен-Меран, или новые заблуждения сердца и ума. <Пер. с фр. П. И. Макарова. В 8 ч. Изд. 2-е. М., 1818–1819>, ч. 4, 5.

В этом же разделе реестра указано, что к нему прилагались составленные учениками «Отчет библиотеки чтения 1826 г.» и неоконченный "Реестр книгам, находившимся в библиотеке" (не сохранились).

Третий раздел реестра ("Рукописные сочинения разных авторов, бывшие и не бывшие напечатанными") включает перечень текстов произведений, которые переписывались учениками. Очевидно, именно тексты такого рода находились в тетрадях, упомянутых в одном из писем Гоголя к родителям. <...> 1 октября 1824 г. он просил прислать ему две тетради со стихами, которые он забыл дома <...>. В этот раздел реестра включены следующие произведения: 1) "Горе от ума", комедия Грибоедова; 2) "Разбойники" Пушкина; 3) "Сулима", "Эвиралла", "Ларнуль или отчаяние", "Смерть Азалы", "Песнь Рино на смерть Оскара" <Оссиана>[11]; 4) Отрывок из "Цыган" <Пушкина>; 5) Тетрадь разных сочинений, включающая произведения Андрея Шенье; 6) "Матушке", русская песнь; 7) "Горе от ума", комедия Грибоедова, в двух тетрадях; 8) "Мессенские элегии" К. Делавиня, на французском языке; 9) Стихотворения К. Делавиня (в том числе "Смерть Жанны Д'Арк"); Э. Парни; трагедия "Генрих VШ" <Мари-Жозефа> Шенье, на французском языке; 10) Стихотворения А. Ламартина, Э. Парни, на французском языке; 11) Стихотворения А. Ламартина, на французском языке; 12) Тетрадь разных сочинений, включающая "Исповедь Наливайки"[12] <Рылеева>; 13) "Опыт сатирического словаря для людей т. наз. большого света"; 14) "Андрей Шенье" <Пушкина>; 15) Список "Кавказского пленника" и "Бахчисарайского фонтана" <Пушкина>; 16) Окончание "Бахчисарайского фонтана" <Пушкина>; 17) Три списка "Войнаровского", поэмы К. Рылеева; 18) "Наполните бокал самосским мне вином", Н. Маркевича; 19) "Плащ" А. Савицкого[13]. Эти названия дают представление об имевшихся у гимназистов книгах и изданиях и свидетельствуют об их читательских интересах»[14].

Сохранился также «Список литературы библиотеки гимназии» от 18 января 1830 г. «В сохранившейся части списка — 390 позиций с указанием соответствующего инвентарного номера. В нем описаны: художественная литература, издания официальных документов, учебники и пособия, словари, журналы, газеты, атласы, чертежи, карты, эстампы, таблицы, рисунки. <...> Книги, перечисленные в списке, преимущественно на русском языке. Семь изданий — на французском, латинском, греческом; кроме того, некоторые карты и путеводители на латинском и других языках.

Реестр книг гимназии свидетельствует, что к 1830 г. в библиотеке была литература по словесности, философии, логике, истории, политэкономии, экономике, дипломатии, юриспруденции, богословию, медицине, географии, статистике, физике, химии, садоводству и сельскому хозяйству. Остановимся на художественной литературе. Из произведений русских писателей в библиотеке, в частности, имелись: Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева (В 6 ч., М., 1807–1811), ч. 3–6; Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова (В 6 ч. СПб., 1794), ч. 3–6; Сочинения Карамзина (В 8 ч. М., 1803–1804), ч. 3–7; Эпические творения М. Херас-

кова (В 2 ч. М., 1786–1787); М. <Г. Р.> Державин. Ода на рождение его императорского величества великого князя Михаила Павловича (СПб., 1798); Собрание сочинений Я. Княжнина (В 4 т. СПб., 1787); И. Кулжинский. Малороссийская деревня (М., 1827)[15]; Послания в стихах графа Дмитрия Хвостова[16] (СПб., 1814).

Значительную часть библиотеки составляла массовая литература, в основном архаичная. Здесь были книги: И. Владыкина Поэма <Потерянный и приобретенный рай> (СПб., 1776); П. Львова Российская Памела или История Марии, добродетельной поселянки (В 2 ч. М., 1794); Его же Храм славы российских героев (СПб., 1803); А. Толмачева Драма Должник (В 2 д. (рукопись). 1803); Р. Чернявского <Ода Приверженность> его светлости канцлеру князю Александру Андреевичу Безбородко (СПб., 1797); Его же. Стихи надгробные князю <Льву Александровичу> Нарышкину (СПб., 1799); Я. Штелина Подлинные анекдоты о Петре Великом <описанные из уст знаменитых особ в Москве и Санкт-Петербурге и извлеченные из забвения> (М., 1793). По каталогу также числились отдельные годовые выпуски росписей российских книг, издаваемых И. и М. Глазуновыми, В. Сопиковым и И. Заикиным.

Из переводной литературы, имеющейся в библиотеке, следует отметить: собрание Греческие классики, пер. с греч. И. Мартынова (В 26 ч. СПб., 1823–1828); Басни Федра, изд. Н. Кошанского (СПб., 1814); Историю Генриха Великого, соч. М.-Ф. Жанлис, пер. П. Шаликова (В 3 ч. М., 1816–1817); Похождения Жилблаза де Сантилланы А.-Р. Лесажа, пер. с фр. В. Теплова (СПб., <1812–1815>); Новые Мармонтелевы повести, изданные Н. Карамзиным, пер. с фр. (В 2 ч. М., 1794–1798); Луиза. Сельское стихотворение И. Г. Фосса, пер. с нем. П. Теряева (СПб., 1820)[17].

Здесь же уместно назвать периодические издания, которые числились по общему каталогу библиотеки гимназии: "Украинский журнал" за 1824 г. (24 номера), "Сибирский вестник" с 1818 г. по 1824 г., "Азиатский вестник" за 1825–1827 гг.,"Дух журналов" за 1815 г., "Вестник Европы" за 1803, 1814, 1815, 1825–1828 гг., "Журнал изящных искусств" за 1823, 1825 гг., "Русский инвалид" за 1815, 1816, 1821, 1823, 1825 гг., "Отечественные записки" с 1821 г. по 1827 г., "Новости литературы" за 1825 г., "Журнал министерства народного просвещения" за 1821–1824 гг., "Труды общества любителей российской словесности при Московском университете" за 1822–1826 гг.

Приведенные сведения о периодических изданиях, которыми располагали читатели гимназической библиотеки, можно дополнить данными об изданиях, которые выписывались правлением гимназии по решению ее конференции. В документах зафиксировано, что, например, в январе 1825 г. гимназическая библиотека получала также "Северный Архив", "Новый магазин естественной истории, физики и химии", "Указатель открытий по физике, химии, естественной истории и технологии". В мае 1825 г. этот список был дополнен "Христианским чтением". На 1827 г. распоряжением правления были выписаны кроме учтенных в каталоге библиотеки: "Московские ведомости", "Сенатские ведомости", "Христианское чтение", "Указатель открытий по физике, химии, естественной истории и технологии", "Северный архив", "Горный журнал", "Журнал мануфактур и торговли", "Сын отечества". В аналогичном списке журналов, которые определено было выписать на 1828 г., отсутствуют "Азиатский Вестник" и "Христианское чтение" и появились новые журналы – "Московский вестник" и "Московский телеграф".

Представление о реальном, а не потенциальном круге чтения гимназистов дает другой документ – список утерянных книг из библиотеки учебного заведения <предположительно 1826/27 учебного года>. В нем зафиксировано 58 позиций – по различным отраслям знаний: книги, учебники, журналы, газеты, наглядные пособия без указания времени и места издания (исключение составляют 5 книг XVII–XVIII вв., о которых эти сведения даны). В этом списке обращают на себя внимание следующие книги: Наука о стихотворстве Буало-Депрео, <пер. с фр. гр. Д. Хвостова. СПб., 1808>; Краткое начертание теории изящной словесности А. Мерзлякова <М., 1821–1822>; Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Николаевича Радищева <М., 1807–1811>; Житие и дела Марка Аврелия Антонина, цесаря римского, <пер. с нем. С. Волчкова. СПб., 1740>; Решение публичной задачи Московского Императорского университета о том, когда славяне переселились в Россию и кого летописец Нестор называет волохами, М. Антоновского <СПб., 1806>; Духовная Великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха <СПб., 1793>; Летопись Нестора <по древнейшему списку монаха Лаврентия, прерывающаяся 1019 годом. Изд. Тимковского. М., 1824>. Из периодических изданий в

этом документе зафиксированы: подшивки и отдельные номера “Северного архива”, “Отечественных записок”, “Новостей литературы”, “Вестника Европы”, “Азиатского вестника “, “Христианского чтения”, “Русского инвалида”, “Санкт-Петербургских сенатских ведомостей”, “Магазина натуральной истории”, “Нового магазина естественной истории, физики, химии и сведений экономических”, “Указателя открытий по физике, химии, естественной истории и технологии”, “Записок и трудов Общества истории и древностей российских” за 1818–1826 гг.»[18].

[1] *Цявловский.* С. 460.

[2] Среди журналов, какие были в круге чтения Гоголя-гимназиста, на первом месте должен быть назван «Московский Вестник», издававшийся с 1827 г. М. П. Погодиным и С. П. Шевыревым (См. ***1827. Января 1. Суббота. Праздник Обрезания Господня. Москва***).

[3] Дмитрий Матвеевич Перевощиков (1788—1880), математик и астроном. – См. также ***1827. Сентября 12–13. Понедельник-вторник. Нежин.***

[4] В 1951 г. Д. М. Иофанов, приводя оценки Гоголя «по физико-математическим наукам» – общей и частной физике, коническому сечению, дифференциальному и интегральному исчислению, военному делу (полевой фортификации, входящей в состав математических наук) (см. ***1828. Июня не позднее 23. Нежин***), а также основываясь на содержании письма Гоголя к Павлу П. Косяровскому от 3 октября 1827 г., замечал: «...Не только удобство формата, как утверждал Кулиш, но главным образом содержание “Математической энциклопедии” Перевощикова заинтересовало юношу Гоголя. Он обстоятельно изучил содержание и дал, как мы видим, вполне грамотную развернутую характеристику и оценку энциклопедии» (*Иофанов.* С. 146).

[5] Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 576.

[6] См. ***1825. Декабря 11. Пятница. Нежин.***

[7] *Мацеевич Л.* Гоголь и Кукольник в Нежинской гимназии высших наук // *Свод.* Т. 1. С. 555–556.

[8] *Михед, Якубина.* С. 294–295.

[9] Эммануил Богданович Адеркас (1782–1850-е), член Главного управления училищ, расследовавший «дело о вольнодумстве» в нежинской Гимназии высших наук.

[10] См. ***1826. Января конец. Нежин.***

[11] «Произведения, принадлежащие Оссиану, могли быть выписаны из книги “Оссиян, сын Фингалов, бард III века. Стихотворения, изданные Гарольдом” (пер. с нем. – М., 1803). Эта книга была в библиотеке Д. П. Трощинского (см. Каталог антикварной библиотеки книгопродавца Е. Я. Федорова, приобретенной после бывшего министра Д. П. Трощинского. <Киев, 1874>. С. 285), которой, по всей вероятности, пользовался Гоголь во время учебы в гимназии» (*Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 58).

[12] См. также ***1597. Апреля 11. Понедельник. Варшава.***

[13] «Под именем А. Савицкого, возможно, имеется в виду поэт и переводчик Анастасий Анастасиевич Савинский (Совинский), выпускник Петербургского педагогического института, учитель Гоголя в Полтавском училище» (*Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 58).

[14] *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 50–51.

[15] См. ***1826. Апреля конец. Санкт-Петербург.***

[16] Дмитрий Иванович Хвостов (1757–1835), граф, поэт.

[17] См. ***1822. Сентября 19. Понедельник. Нежин.***

[18] *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 46–48.

1824 ДЕКАБРЯ ПОСЛЕ 18 – 1825 ЯНВАРЯ НАЧАЛО. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь в Васильевке на Рождественских праздниках[1].

В письме к родителям от 1 октября 1824 г. из Нежина Гоголь просил отца прислать ему обещанную «роль», чтобы сыграть ее на рождественских каникулах[2].

«...Вообще редко можно было слышать непринужденное веселье и радость в семье Гоголя; только на именинах матери, когда в продолжение нескольких дней шло пированье, песни, пляски, когда отовсюду съезжались на традиционный праздник 1-го октября в дом уважаемой Марьи Ивановны, а еще более зимой, на святках[3]. Вся семья бывала в сборе; приезжал и Никоша, “Нежинский гость”, как его называли; он-то бывал главным распорядителем во всех этих святочных забавах. Сестры

рядились во фраки или в узкий лицейский мундир, выворачивали наизнанку шубы, а мужчины, в том числе и Николай Васильевич, в женское платье... Не обходилось без традиционного чорта, деда, ведьм. И вся эта наряженная компания с визгом, смехом, песнями неслась по улицам села к соседям, весело врываясь в старые помещичьи дома и внося веселье и радость среди полузаснувших обитателей, старосветских помещиков... Здесь молодость разбивала ледяные оковы аскетизма и с бою брала то, что ей принадлежит по праву: радость, бодрость духа и веселье! Мы не говорим здесь о том весельи, которое царило в украинских Афинах, у Трощинского. Семья поэта посещала Кибинцы больше по обязанности, а не по внутреннему сердечному побуждению; да и в раскатах смеха, часто принужденного, там можно было не раз уловить незримые и неведомые миру слезы...»[4]

Впоследствии, в 1863 г., П. А. Бессонов, публикуя пять рождественских колядок в записи Гоголя[5], сообщал: «Следующие за сим пять Стихов — развитие детских рацей, они все записаны по памяти *Н. В. Гоголем*, некогда он сам распевал их»[6].

Влияние на Гоголя народных духовных стихов изучено недостаточно. В. И. Шенрок, в частности, замечал: «Заимствование в картине ночи на Днепре[7] образов из "Голубиной книги" слишком известно»[8]. Несмотря на замечание Шенрока об «известности» сделанного им наблюдения, в печати оно явилось первым и единственным. И. М. Каманин писал: «...Г. Шенрок распространяет на Гоголя влияние духовных стихов... <...> По его мнению, изображение Днепра представлено поэтом под влиянием стиха о Голубиной книге...»[9]

[1] См. ***1824. Декабря 18. Четверг. Нежин***; ***1825. Января 12. Понедельник. Нежин.***

[2] См. ***1824. Октября 1. Среда. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Нежин.***

[3] С 25 декабря по 4 января.

[4] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей // *Свод.* Т. 1. С. 245–246.

[5] См.: <I. Духовные рождественские стихи в записи Гоголя из собрания П. В. Киреевского> // *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 7–10. – См. также ***1834. Апреля конец – май. Санкт-Петербург.***

[6] Калики перехожие. Сборник стихов и исследование *П. Бессонова.* М., 1863. Вып. 4. С. 48.

[7] В повести «Страшная месть» (1832).

[8] *Шенрок.* Т. 1. С. 167.

[9] *Каманин.* С. 118–119.

1823–24

В ТЕЧЕНИЕ 1823–1824

В. А. Гоголь-Яновский пишет А. А. Трощинскому:

«Д<митрий> П<рокофьевич> <Трощинский> по милости своей обещал мне взять 55000 из опекунского совета под залог крестьян его, но сего сделать не может прежде как в конце 1825-го года, поелику тогда только большая часть крестьян его освободится от залогу».

Назаревский. С. 347.

1821–24

1821–1824. В ТЕЧЕНИЕ УКАЗАННОГО ПЕРИОДА. КИБИНЦЫ, ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская сообщает жене А. А. Трощинского (с 1821 г.) О. Д. Трощинской об увеселениях в доме Д. П. Трощинского:

«Того же дня, в вечеру венчался повар Василий, и в доме был бал: Дмитрий Прокофьевич сам открыл оный с молодой, а я с молодым. Потом все танцевали здешние девицы и люди разные танцы, малороссийские и русские. Более всех отличался Сашка с Орькой. Дмитрий Прокофьевич очень много смеялся и оборотясь ко мне сказал: можно ли на наших балах иметь столько удовольствий, как мы теперь имеем? — 12-го, за обедом, Сашка просил позволения танцевать, в вечеру, балет с Орькой; ему позволили — и опять был бал. В балете он отличался чрезвычайно и, когда заиграла его сочинения музыка, над которой он трудился несколько дней и делал репетицию несколько раз,

то он выскочил из бухвета с палочкой в руке, одет петиметром, и вдруг пал на колени пред Орькой, делал разные странности, поднимался и опять падал, и кончилось тем, что он увел ее, при необыкновенном звуке музики, из столовой, сопровождаем аплодированием. – После начались обыкновенные танцы; Дм<итрий> Прокофьевич велел людям танцевать мазурку, и они танцевали ее в карыкатурном виде. – Я забыла тебе написать, мой милый друг, что у нас, скоро после нашего выезду, играли дети на фортопианны, в столовой: прежде Маня[1], потом Шарлота; а там Прасковья Ивановна[2], с своим учителем давала концерт; один раз был квартет...»

Ореус. С. 662.

[1] Мария Васильевна Гоголь.
[2] Княжна Хилкова.

1824 – 1825 НАЧАЛО. ВАСИЛЬЕВКА

«Среди бумаг Василия Афанасьевича <Гоголя-Яновского> сохранился поданный ему в 1824 или начале 1825 г. кем-то из винокуренных мастеров проект устройства паровой винокурни “на 20 и 24 пуда суточного затора в один наклад” – с подробным указанием размеров паровика (“по времени можно доставить вам и рисунок оному”), кубов, труб (“чем больше будет труба, тем лучше: дров меньше”)»[1].

«Один из первых в Малороссии винокуренных заводов, действующих паровиком», был устроен ранее Д. П. Трощинским в Кагорлыке[2].

История с проектом устройства в Васильевке паровой винокурни нашла отражение в повести Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» (1831)[3].

В. А. Чаговец в 1901 г. также указывал: «Точно так же и живописный пруд отразился в произведениях его: когда смотришь на эту гладкую поверхность воды, с купающимися в ней звездочками и царицей ночи – луною, с нависшими густыми деревьями, бросающими какую-то таинственную тень, – чувствуешь, что где-то, когда-то, еще в детстве ты видел эту картину, и она осталась у тебя в памяти... Ассоциации вызывают одно представление за другим, и вот, наконец, встает перед глазами такая же точно картина из “Майской ночи”... Да, это она: те же воды, те же деревья, и та же чарующая таинственность!»[4]

Позднее Чаговец добавлял: «...К саду примыкает чудный, громадный пруд, в котором прибрежные деревья купают свои зеленые ветви. Великолепный, окруженный зеленым густым бордюром деревьев, с растущим кое-где высоким камышом, он не мог не отразиться в поэзии Гоголя, и, при взгляде на него, невольно вспоминаешь такие же картины Майской Ночи и т. п. Точно для довершения впечатления, вдали, у плотины, стояла водяная мельница.

Можно себе представить, сколько поэзии заключалось в этом небольшом уголке, когда летнею ночью в кустах заливались соловьи, которых особенно любил отец Гоголя, когда издали доносился ласкающий шум воды, падающей с колес мельницы, а с другой стороны, из глубины пруда слышалась звонкая народная песня: это девушки катаются на плоту, и песня их, повторяемая чутким эхо, разносится далеко, далеко... И над всем этим божественная ночь раскинула свой волшебный покров, усеянный яркими звездочками.

Вот какая природа окружала детство поэта, вот где источник его высокой поэзии, с чудно-поэтическими описаниями украинской ночи, заснувших прудов и старого, заглохшего сада...

А когда еще ребенком он ложился в свою маленькую кроватку, его колыхала старушка-бабушка Татьяна Семеновна, которая жила при родных поэта до самой своей смерти[5]. Старая козачка, доживая свой долгий век, напевала ему тихие песни про старое, славное, вольное козачество, и, убаюканный тихим пением, он засыпал... А над его детской головкой носились образы песни, с которыми он не мог расстаться, а хранил их в своей болезнно-чуткой душе...»[6]

В словах Левко в «Майской ночи...»: «Но если бы и повеяло холодом, я <...> надену шапку свою на твои беленькие ножки», – в частности, нашли отражение строки народной песни: «Ой выди, выди, / Не бись морозу, / Я твои ніженьки / В шапочку вложу»[7].

Сходным образом в основу сюжета «Ночи перед Рождеством» была положена народная песня, сохранившаяся, в разных вариантах, в двух рукописных сборниках Гоголя[8]: «Дывитеся, чоловиченьки, / Яки у мене черевиченьки. / Се ж мини пан отец покупив, / Щоб хорошій молодец полюбив...»[9]

[1] *Назаревский*. С. 330.

[2] *Ореус*. С. 665.

[3] См. ***1821. Сентября 21***.

[4] *Чаговец В. А.* На родине Гоголя // *Свод*. Т. 1. С. 228.

[5] См. ***Около 1830. Васильевка***.

[6] *Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод*. Т. 1. С. 244; см. также: *Виноградов И. А.* Народная песня в творчестве Гоголя // *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 679.

[7] Отмечено: *Мандельштам И. Е.* О характере гоголевского стиля. СПб.; Гельсингфорс, 1902. С. 217.

[8] Отмечено: *Виноградов 2000*. С. 393. – См. также: *Шенрок*. Т. 3. С. 533–535.

[9] См.: <IV. Южнорусские песни. Тетрадь вторая> // *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 299. – См. также: <V. Южнорусские песни в записи Гоголя из собрания Н. Д. Белозерского> // *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 340; ***1834. Май-декабрь. Санкт-Петербург. В течение указанного периода***.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, НЕЖИН, КИЕВ

«Придворный Штат. <...> Его Императорского Величества. <...> Медицинские Чиновники: <...> Придворные Докторы[1]: <...>

Иван Семенов<ич> Орлай, Ст<атский> Сов<етник>, Энского Физич<еского> Учен<ого> Общ<ества> Почетн<ый> Член и Дирек<тор> Гимназии высш<их> наук Князя Безбородко, орд<енов> с<вятой> Анны 2 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> Кав<алер>. <...>

Харьковский Учебный Округ. <...> Гимназия высших наук Князя Безбородко в Нежине[2].

Почетный Попечитель, Граф Александр Григорьев<ич> Кушелев-Безбородко, Над<ворный> Сов<етник>, Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Камерг<ер>, Докт<ор> обоих Прав, орд<ена> с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<тепени> Кав<алер>. *Находится ныне при посольстве Германск<ого> Союза во Франкфурте на Майне.*

Директор, Иван Семенов<ич> Орлай, Ст<атский> Сов<етник>, Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Докт<ор>, Свободн<ых> наук Магист<р>, Философ<ии>, Медиц<ины> и Хирур<гии> Докт<ор>, Императ<орской> Медико-Хирург<ической> Акад<емии> и разн<ых> друг<их> учен<ых> Общ<еств> Член, орд<енов> с<вятой> Ан<ны> 2 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> Кав<алер>, им<еет> брон<зовую> мед<аль> 1812 г.

Учитель Зак<она> Бож<ия> и Нравств<енного> Любомуд<рия> Протоиерей Нежинского Собора Павел Иванов<ич> Волынский, им<еет> Камил<авку> и наперс<ный> кр<ест> брон<зовый> 1812 г.

Старшие Профессоры: Российс<ких> Гражд<анского> и Уголов<ного> Прав, Михайло Васильев<ич> Билевич, Над<ворный> Сов<етник>, им<еет> брон<зовую> мед<аль> 1812 г.; Российс<кой> Словесности и Логики, Над<ворный> Сов<етник> Парфений Иванов<ич> Никольский; Всемирн<ой> Истории и Статист<ики>, Кирилл Абрамов<ич> Моисеев; Математ<ики>, Физики и Хим<ии>, Казимир Варфоломеев<ич> Шапалинский, он же Член Хозяйств<енного> Правлен<ия>.

Младшие Профессоры: Римск<ого> Права, *вакансия*; Естеств<енной> Ист<ории> и Техн<ологии>, *вакансия*; Воен<ных> наук, *вакансия*; Латин<ской> Словесности, Семен Матвеев<ич> Андрущенко, он же и учен<ый> Секр<етарь> Конф<еренции>, им<еет> брон<зовую> мед<аль> 1812 г.; Еллино-Греческ<ой> Словесности, Христофор Николаев<ич> Иеропес; Франц<узской> Словес<ности>, Иван Яковлев<ич> Ландрожен <Ландражин>, он же и Библиот<екарь>; Немецк<ой> Слов<есности> Федор Осипов<ич> Зингер.

Учители: нисш<их> кл<ассов>: Арифм<етики> Антон Васильев<ич> Лопушевский; Геогр<афии> и Истории, Алексей Минич Самойленко, он же и Кассир; Росс<ийского> яз<ыка>,

Константин Андреев<ич> Персидский, он же и Секр<етарь> Хозяйств<енного> Правл<ения>; Лат<инского> яз<ыка>, *вакансия*; Французск<ого> языка и Чистоп<исания>, Яков Клавдиев<ич> Воаргард; Немецк<ого> языка, *вакансия*; Рисов<ания>, Капитон Степанов<ич> Павлов; Фехтов<ания>, Осип Демьянович Урсо[3], Кол<лежский> Рег<истратор>; Верх<овой> езды, *вакансия*; Священ<ного> Песнопения, музыки на скрыпке и Танцов<анию>, Федор Емельянов<ич> Севрюгин; музыки на фортепиано, Иван Иванов<ич> Филиберт.

Благородный Пансион: Инспектор, Кирилл Абрамов<ич> Моисеев, он же и Член Хозяйствен<ного> Правления.

Надзиратели: Август Иванов<ич> Аман, он же исправл<яет> должн<ость> Экзекут<ора>; Егор Иванов<ич> Зельднер; Адольф Иванов<ич> Аман, Иван Григорьев<ич> Демиров-Мышковский и Платон Васильев<ич> Блохин.

Лекарь, Над<ворный> Сов<етник> Докт<ор> Медиц<ины> Карл Карлович Фибинг, орд<ена> с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> Кав<алер>, им<еет> сер<ебряную> мед<аль> 1812 г.

Эконом, Тит<улярный> Сов<етник> Афанасий Иванов<ич> Тарнавский <Тарновский>, им<еет> бронз<овую> мед<аль> 1812 г.

Писцы, Конференции, Петр Иванов<ич> Скороходов; Хозяйст<венного> Правления Петр Юрьевич Артинов. <...>

В Киевской <Губернии>. <...> В Гимназии *Учители*: <...>

Словесн<ости> Латинс<кой> и Росс<ийской> Николай Григорьев<ич> Белоусов; <...> Латинс<кого> яз<ыка> Кол<лежский> Асс<ессор> Иван Николаев<ич> Пиланкевич...»

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1825. СПб., 1825. Ч. 1. С. 16, 521–522, 530.

[1] «Состояние чинов по 6-е Марта 1825» (примеч. в источнике).
[2] «Состояние чинов по 19-е Февраля 1825» (примеч. в источнике).
[3] О. Д. Урсо служил в нежинской гимназии с 30 октября 1824 г. (см. выше).

ЯНВАРЯ 12. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Гоголь возвращается в гимназию после Рождественских каникул.

См. ***1825. Января 13. Вторник. Нежин.***

ЯНВАРЯ 12 – ИЮНЬ. НЕЖИН

Гоголь продолжает обучение в шестом классе. Изучает следующие дисциплины: Закон Божий, российскую словесность, всеобщую и русскую историю, географию, алгебру и конические сечения, геометрию и физику, латинский, французский и немецкий языки.

Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1824/25 учебный год. Гоголь в 6 классе // *Свод*. Т. 1. С. 451.

ЯНВАРЯ 13. ВТОРНИК. НЕЖИН

Гоголь пишет матери:

«Приехал сюда преблагополучно и 12-го числа по полудни очутился в Гимназии. <...> Я весьма беспокоюсь о вашем здоровье. Дай Бог, чтоб оно поправилось...»

ЯНВАРЯ 15–29. НЕЖИН

«В Гимназии проходят полугодичные экзамены».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 76.

ЯНВАРЯ 21. СРЕДА. НЕЖИН

«Николай Гоголь сдает экзамены за первое полугодие шестого класса по Священной истории, российской пиитике, российской истории, алгебре, геометрии и тригонометрии»[1].

«...Преподаванию наук богословского цикла уделялось самое серьезное внимание. Подтверждение этому находим в расписании полугодичного испытания, проходившего с 15 по 29 января 1825 г. Перечень предметов, выносимых на испытание во всех классах, открывают науки богословского цикла: в 1-м и 2-м классах — сокращенный катехизис, в 3-м и 4-м — пространный катехизис, в 5-м и 6-м — священная история, <в> 7-м и 8-м — этика или практическое любомудрие»[2].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 76.
[2] *Михед, Якубина.* С. 419.

ЯНВАРЯ 24. СУББОТА. НЕЖИН

На заседании Конференции гимназии зачитывается распоряжение исполняющего обязанности попечителя Харьковского учебного округа А. А. Перовского от 9 января 1825 года, чтобы «по рассмотрении книг церковных и вообще к вере относящихся», поступать в соответствии с указом Его Императорского Величества (от 17 ноября 1824 г.)[1]: «дабы <...> в преподавании <...> ничего колеблющего веру и благонравие не укрывалось»[2].

[1] См. ***1824. Ноября 17. Понедельник. Санкт-Петербург.***
[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 76–77.

ЯНВАРЯ 27. ВТОРНИК. НЕЖИН

«Николай Гоголь сдает полугодичные экзамены по иностранным языкам в третьем (синтаксическом) отделении».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 77.

ЯНВАРЯ 29. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

«Воспитанники Гимназии сдают полугодичные экзамены по рисованию, музыке и фехтованию».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 77.

ЯНВАРЯ КОНЕЦ. НЕЖИН

Гоголь накануне масленицы (начинавшейся 1 февраля 1825 г.) получает от родителей 10 рублей денег.

Письмо Гоголя к матери от 30 сентября 1825 г.

ЯНВАРЬ. НЕЖИН

В сводной ведомости за первое полугодие 1824/25 учебного года Николаю Гоголю выставлены следующие оценки:

– Закон Божий – 4;
– российская словесность – 4;
– всеобщая история – 3;
– русская история – 3;
– география – не аттестован;
– алгебра и конические сечения – 3;
– геометрия и физика – 3;
– латинский язык – 2;
– французский язык – 2;
– немецкий язык – 1;
«Средний вывод – 2 $^{7}/_{9}$».
Поведение – 3[1].

Ср. также: «В первом полугодии 1824/25 учебного года ученику шестого класса гимназии Гоголю выведена средняя хорошая оценка по девяти предметам...»[2]

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1824/25 учебный год. Гоголь в 6 классе // *Свод*. Т. 1. С. 451.
[2] *Иофанов*. С. 143; *Свод*. Т. 1. С. 452.

В ТЕЧЕНИЕ 1824/25 УЧЕБНОГО ГОДА (1824 АВГУСТ – 1825 МАЙ). НЕЖИН

Образование среди учащихся гимназии нескольких литературных кружков[1] и студенческого исторического общества[2], члены которого предпринимают попытку написать сообща всемирную историю.

По свидетельству И. Д. Халчинского (1811–1856), в 1824/25 учебном году, когда Гоголь учился в шестом классе, а К. М. Базили – в пятом, последний «сошелся с Н. В. Кукольником, Н. Я. Прокоповичем и другими сверстниками. В пятом классе он писал уже хорошие русские стихи. Литература процветала в гимназии: составлялись воспитанниками периодические тетради литературных попыток в подражание альманахам и журналам той поры. Базили издавал (в рукописи, разумеется) вместе с Н. В. Гоголем “Северную Зарю”, в жёлтой обёртке с виньетками, которые сами они рисовали, и по воскресеньям это читалось в заседании всего литературного общества воспитанников. В то же время составилось историческое общество под председательством старших воспитанников гимназии, Редкина и Любича-Романовича. Со всею смелостию детского возраста принялись 5 или 6 воспитанников составлять полную всемирную историю в огромном размере. На долю Базили достались египтяне, ассирияне, персы и греки – и он года в полтора написал тысячу или 1500 страниц сверх уроков по классам и всех литературных *изданий*, которые шли своим чередом»[3].

В. В. Толбин в 1859 г. писал[4]: «Петр Григорьевич <Редкин> прошел все девять классов не в девять, как было вообще положено, а в шесть лет. Проходя курс гимназических наук, Редкин, независимо от общего преподавания, много почерпал сведений в гимназической библиотеке, состоявшей почти исключительно из французских книг, в особенности исторических. <...> В свободное от классных занятий время он вместе с другими тремя товарищами (Базили, Кукольником и Тарновским) предпринял огромный труд: возможно полное сокращение всеобщей истории, изданной обществом английских ученых и состоящей из нескольких десятков квартантов. Труд этот, хотя и не был окончен, много способствовал не только основательному изучению русского и французского языков, но и развитию исторического смысла, а главное приучал к ученым занятиям. Независимо от этого, в тесной комнате Редкина, в квартире гувернера Мышковского, надзору которого был он поручен, постоянно собирался кружок товарищей-журналистов, издателей рукописных журналов и альманахов, для чтения и критической оценки заключавшихся в них статей. В этих ученических изданиях впервые началось литературное поприще впоследствии известных наших писателей: Гоголя, Кукольника, Базили, Прокоповича и других, составивших себе имя в литературе»[5].

Н. В. Кукольник, в свою очередь, вспоминал тогда же об И. С. Орлае: «С его прибытием в Нежин, Гимназия получила внешнюю организацию, которая имела весьма хорошии последствия. Заведение приобрело характер своеобразный, самостоятельный. <...> ...Юношество <...> укладывалось в благородные формы <...> рвалось быть образованным, даже ученым. Я помню, например, что П. Г. Редкин и я, между делом и бездельем, в часы досуга, перевели почти целый том продолжения истории Роллена Кревье[6]. У нас многие гнушались проходить историю по Кайданову[7]. Проходят крестовые походы — все читают Мишо[8] и отвечают иногда даже к видимому смущению учености профессора; проходят историю тридцатилетней войны — все читают собственный перевод Шиллера. Каков был перевод — это дело другое, но точность его была исправлена профессором Зингером[9] — и факты от того не могли измениться. Во время преподавания истории Римского права были ученики, которые могли рассказать внутреннюю домашнюю жизнь римлян, как будто сами там в то время жили, а самое право учили по Римскому своду законов, то есть по Юстиниановым Институциям, на языке подлинника. Да и вообще многие предметы проходили ex fontibus <из источников; *лат.*>. <...> И всем этим мы были обязаны духу заведения, тому высокому, поэтическому и веселому направлению, которое в воспитанников умел вдохнуть достойный начальник»[10].

В 1887 г. А. Коялович, обращаясь к приведенным выше свидетельствам Халчинского и Кукольника, замечал: «Всем известный П. Г. Редкин (он был старше Гоголя на один курс) очень скоро по своем вступлении в Нежинскую гимназию высших наук, задумал грандиозное дело: составить из переводов лучших иностранных писателей полной курс всеобщей истории по самой подробной программе... <...> К нему присоединились его однокурсники: В. И. Любич-Романович, известный переводчик, и В. В. Тарновский, бывший впоследствии, во время крестьянской реформы, последовательно: членом от правительства в Черниговском по улучшению крестьянского быта комитете, членом редакционных коммиссий и членом от правительства в Полтавском губернском по крестьянским делам присутствии, — чем и записал свое имя в историю... <...> К этим трем вскоре присоединились и другие товарищи Гоголя. К. М. Базили, не безызвестный впоследствии деятель в области литературы и политики, который самою своею судьбой, приведшей его в нежинскую гимназию мог оказать особого рода влияние на будущего творца "Тараса Бульбы". Свидетель ужасов константинопольской резни греков в 1821 г., Базили привез своим товарищам рассказы о всем[11], что так жестоко поразило его в самый нежный возраст, и воспоминания о чем, конечно, не могли не сопутствовать ему и в этой новой жизни, которая началась для него с переездом в Россию. К ним же скоро присоединился и Н. В. Кукольник, будущий автор драмы "Рука Всевышнего отечество спасла", который поражал своей начитанностью и знаниями не только товарищей, но и учителей. К той же группе надо причислить и в высшей степени симпатичного и кроткого талантливого Гребенку[12], дарования которого, согретые лучами великолепного гения его земляка и товарища, распустились впоследствии в прекрасный цветок и дали современному обществу несколько поэтических рассказов и повестей из малороссийской жизни, на которых заметно влияние Гоголя. Наконец, нельзя не

вспомнить и Н. Я. Прокоповича, имя которого навсегда слилось с именем его знаменитого друга, которого он не долго пережил, с которым до конца делил все горести и радости его шумной и тревожной славы»[13].

Изучение истории в Нежинской гимназии было тесно связано с теми задачами, которые ставились перед воспитателями юношества тогдашним правительством. «В народном воспитании преподавание Истории есть дело Государственное», — писал, в частности, по этому поводу будущий министр народного просвещения С. С. Уваров в 1813 году (в то время попечитель Санкт-Петербургского учебного округа)[14]. В. А. Жуковский, назначенный в 1826 году воспитателем Наследника Александра Николаевича, в свою очередь отмечал: «Сокровищница просвещения царского есть *история*, наставляющая опытами прошедшего, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомит государя с нуждами его страны и его века. Она должна быть *главною наукою* наследника престола. История, освященная религиею, воспламенит в нем любовь к великому, стремление к благотворной славе, уважение к человечеству и даст ему высокое понятие о его сане. Из нее извлечет он правила деятельности царской»[15].

Судя по первым литературным опытам Гоголя, а также по материалам, собранным им в нежинский период, занятия товарищей всеобщей историей не прошли мимо него. В то время в круге чтения Гоголя появляется и «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Именно основательной постановке дела преподавания истории в Нежинской гимназии высших наук Гоголь был во многом обязан своим постоянным интересом к прошлому[16].

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., сообщал: «...Богатое воображение Гоголя тотчас облекало все разрозненные, схватываемые им на лету познания в яркие, живые представления. Он мог знать очень немного, но то, что он узнавал, рисовалось ему в характерных своих признаках, что особенно следует сказать об истории[17], которая, по словам его покойнаго школьного товарища и друга А. С. Данилевского, была в лицее любимым его предметом, несмотря на получаемые им и по этому предмету средние отметки и, конечно, на такое же поверхностное отношение к ней Гоголя, как и ко всем другим наукам»[18].

В. И. Любич-Романович в конце 1880-х гг. сообщал, что Гоголь был «очень дружен» с Н. Я. Прокоповичем и «обязан» ему «литературными советами»: «Всем было известно, что первые сочинения Гоголя проходили под строгой редакцией Прокоповича, человека очень талантливого, но крайне ленивого и не предприимчивого. Прокопович вообще имел большой литературный вкус и совершенно справедливо считался знатоком изящных искусств»[19]. «Наш товарищ П. Г. Редкин, — продолжал Любич-Романович, — имел комнату у профессора Белоусова[20]. По субботам, вечером, у него собирались некоторые из приятелей, пописывавшие стишки. Постоянными посетителями этих литературных вечеров были — Гоголь, Кукольник, Константин Базили, Прокопович, Гребенка, я и другие. Происходило чтение наших произведений, критический разбор их и решения, годятся ли они для помещения в издававшемся нами рукописном журнале "Навоз Парнасский"[21] или для блага автора должны быть преданы торжественному уничтожению. Некоторые из стихотворений Гоголя, в приятельской переделке Прокоповича, были помещены в этом журнале, чему всегда радовался безгранично Николай Васильевич. И те из бойких стихослагателей, которые в стенах гимназии трунили над его неудачными литературными попытками, с какою недоумевающею завистью смотрели впоследствии на славу талантливого сатирика!

Первая прозаическая вещь Гоголя была написана в гимназии и прочитана публично на вечере Редкина[22]. Называлась она "Братья Твердославичи, славянская повесть"[23].

Наш кружок разнес ее беспощадно и решил тотчас же предать уничтожению. Гоголь не противился и не возражал. Он совершенно спокойно разорвал свою рукопись на мелкие клочки и бросил в топившуюся печь.

— В стихах упражняйся, — дружески посоветовал ему тогда Базили[24], — а прозой не пиши, очень уж глупо выходит у тебя. Беллетрист из тебя не вытанцуется, это сейчас видно...

Но без приятельской поддержки Прокоповича и стихи Гоголя были бы негодны, так как он никогда не мог совладать с размером, с гармонией, а, гоняясь за рифмами, так обезображивал всегда смысл своих творений, что даже всегда сдержанный Прокопович приходил в ужас.

Таким образом, начало его литературной деятельности было слишком печально и в будущем не предвещало ничего хорошего, однако ожидания всех нас жестоко обманули, и мы были счастливыми свидетелями апогея его славы»[25];

«...Жизнь Николая Васильевича в школе была, в сущности, адом для него. С одной стороны, он тяготился своим "хуторным происхождением" однодворца, с другой — физической неприглядностию... И над всем-то мы смеялись, во всем у него находили недостатки и отрицали в нем всякое дарование и стремление к образованию, к наукам...

Понимая это наше отношение к нему, Гоголь и сам уже никогда не дерзал заявлять себя перед нами с этой стороны. От природы впечатлительный, он понимал это наше отношение к нему как признак столичной кичливости детей аристократов, и потому сам по-своему игнорировал нас, знать не хотел... Он искал сближения лишь с людьми, себе равными, например: со своим "дядькою", прислугою вообще и с базарными торговцами на рынке Нежина — в особенности. Это сближение его с людьми простыми, не претендующими на изящество манер, изысканность речи и на выбор предмета беседы, очевидно, давало ему своего рода наслаждение в жизни, удовлетворяло его эстетические потребности и вызывало в нем поэтическое настроение. Так, по крайней мере, мы это замечали по тому, что он, после каждого такого нового знакомства где-либо, подолгу запирался в своей комнате и заносил на бумагу свои впечатления.

Было ли это все им занесенное таким образом на бумагу когда-либо предано гласности, сказать трудно, так как из всех вышедших впоследствии его произведений не видно было, чтобы он написал что-нибудь исключительное из нежинской жизни... А те вирши, которые он писал здесь в стихах, не предавались им гласности. Правда, он присылал иногда свои стишки в наш школьный рукописный журнал, по временам выходивший в Нежине под названием "Навоз парнасский", но им не давали места в столбцах издания, как потому, что они не отвечали нашим задачам, так и потому, что в них было больше прозы, чем стихов. Да и проза-то была какая-то тягучая, точно кислое тесто, и мало отвечавшая нашей тогдашней лаконичности, какой мы придерживались, беря пример с А. С. Пушкина. Но Гоголь никаких примеров не выносил, не умел их ставить себе на вид; он был самобытен, бесподражателен, оригинален по-своему. Черта эта в нем нами не одобрялась, потому что мы в то время переживали эпоху подражания какому-либо из прославившихся своими литературными произведениями поэтов и ставили себя в зависимость от его влияний на нас. Но Гоголь, говорю я, был неподражателен, он оставался во всем самобытен, и это-то еще более отлучило его от нас и сделало, можно сказать, отшельником, нелюдимом, каких других у нас, кроме него, не было в школе.

Жить особняком среди людей, ему равных по своему положению, какими были мы, ученики школы, конечно, Николаю Васильевичу было нелегко, но так же трудно ему было и приобщиться наших тайн, не будучи достаточно подготовленным к тому, чтобы быть с нами аристократом, разделять наши вкусы и подражать нашим божкам, какими у нас были Байрон, Пушкин и др.

Однажды, впрочем, мы поместили в "Навозе парнасском", одно из небольших стихотворений Гоголя, из малороссийской жизни, на тему, "как жили в старину", но и то лишь потому, чтобы над ним потом посмеяться, придать его литературному труду юродивый характер и отблагодарить его за эти вирши фунтом медовых пряников, которые он любил и которые были ему преподнесены через особую депутацию в одной из аудиторий, перед классными занятиями. Но на это Гоголь страшно рассердился и швырнул подарок чуть ли не в лицо депутатам, а потом, оставив класс, почти две недели в него не появлялся, под предлогом болезни, и вообще после этого относился к нам чрезвычайно недружелюбно и всех нас сторонился так, как бы он нас никогда не знал.

Вообще Николай Васильевич служил нам в школе объектом забавы, острот и насмешек, и это тянулось до тех пор, пока он пребывал в нашей среде. И не было случая при встрече с ним, чтобы мы обошлись без какой-либо остроты, пущенной на его счет, и без того, чтобы еще лишний раз не посмеяться над ним[26]. Это было какая-то мишень для всех, в которую мы пускали всякие отбросы нашей мысли без всякой справки о том, достигнут ли они своей цели и принесут ли нам свой плод невзыскательной потехи... И эти потехи над Гоголем были чисто детские, избежать которых в нашем возрасте было почти невозможно. Не знаю, как другие ученики школы, но я, с своей стороны, говоря откровенно, не придавал им другого значения, кроме шалости. Но эта шалость, однако, угнетала дух юного Гоголя и приводила его в ярость против нас, когда дело доходило до личного столкновения, подобно тому, как то было в момент преподнесения ему нами подарка чрез особую депутацию за его стихотворение, помещенное в нашем "Навозе парнасском", как смехотворный

образец будущего великого писателя. Но мы в то время, когда знали Гоголя в школе, не только не могли подозревать в нем "великого", но даже не видели и малого. Хотя его школьные успехи и шли наравне с нашими, но это еще не давало нам повода думать, что в нем обнаружится литературный талант... Этого не замечали также и наши учителя. Вероятно, это происходило от того, что Гоголь никогда не обнаруживал ни перед кем своих литературных замыслов и не говорил никому, что он что-нибудь создает серьезное. Все это творилось им под спудом, скрыто от нас, неведомо ни для кого. То, что нам было известно из Гоголевских литературных произведений, как образцы его дарований в поэзии и прозе, не обнаруженные в школе, не внушало никому никакого доверия к Николаю Васильевичу, что он когда-либо станет большим писателем. И даже впоследствии мы, его однокашники, встретили появление "Ревизора" скептически и не переставали говорить до конца самой жизни Гоголя, что все это, им произведенное, суть недоразумение времени, фантазия других лиц, известных автору, мысль которых он сумел вложить в литературную форму. <...> ...Мы, простые смертные, однако, не находили в Гоголе никаких заслуг перед обществом и смотрели на его литературные труды с презрением... Было ли это то, что называется аристократической кичливостью, или что другое, — я сказать не могу, но факт тот, что среди нас, современников Гоголя, трудно было отыскать человека, хотя бы сколько-нибудь симпатизировавшего "Мертвым Душам" или "Ревизору", и тем более еще "Кузнецу Вакуле", ибо мы в то время смотрели на литературу как на творчество высшей среды. А Гоголь занялся какими-то Коробочками, Ноздревыми и Дмухановскими-Сквозниками... Это-то и отталкивало нас от него»[27];

«...Пренебрежительное отношение к нему его товарищей по классам он, однако, стал помнить довольно твердо и потому воспитывать в себе к ним затаенную злобу, проявление которой обнаружилось впоследствии в его стихотворной сатире, написанной на товарищей в своем периодическом тайном журнале, под названием "Навоз Парнасский". — Журнал этот был писанный...

Впоследствии в нем помещались произведения пера всех желавших в стихотворной форме отличиться своим юмором, остротой или сатирой воспитанников училища... Но Гоголь всегда побивал рекорд своим неподдельным юмором... Его сатира была неистощима потому, что она бралась им прямо из жизни, из той именно среды, из которой он вышел сам... Но у других учеников лицея, по преимуществу аристократов, не знавших жизни вообще, выходило все бледно, не сочно, мало юмористично, и это роняло их во мнении Гоголя, и он смеялся над ними в своей сатире еще ядовитее, острее и образнее...

В юмористическом смысле "Навоз Парнасский" имел большой успех среди своих читателей, и каждый выход его ожидался учениками лицея с большим любопытством.

Это давало нам, — говорит Любич-Романович в своем воспоминания о прошлом Нежинского лицея, — большой материал для дружеских бесед в ученических собраниях, и мы были насыщены тем, что писалось в журнале, до гомерического хохота. Особенно много смеялись мы над юмором Гоголя, дотоле нам совсем неизвестным, так как никому из нас, жителей столиц и городов вообще, не было понятным то, в чем именно заключалась главным образом жизнь русского народа, пребывавшего на русской Украине, какою было Малороссия. Но Гоголь ввел нас в нее своим описанием быта полтавских однодворцев и украинских казаков.

Красота его языка обнаруживалась перед нами не в изящной форме литературного творчества, которого не было у него в то время, а в образности речи, перемешанной русскими словами с малорусскими. Над этой-то смесью двух наречий, нам не известных дотоле в отечественной литературе, мы и смеялись до упаду... Как Гоголь ни был для нас занятен с этой стороны, но мы все-таки же к нему относились с брезгливым чувством вследствие того, что он и в старших классах лицея не покидал своих детских привычек и по-прежнему жевал сладости и ковырял в носу...

На предложение ему нами завести себе носовые платки, он ответил в журнале язвительным стишком, напоминавшим нам о своем носе, который должно держать по ветру, а не по квинте...

Это замечание среди нас долго оставалось ходячим мнением такового рода, что не следует опускать нос на квинту и должно держать его по ветру... Что означало: не быть никогда грустным и вынюхивать для себя лучший воздух, т. е. знать, где можно лучше провести время без скуки и без горя... Этот вечно угрюмый, постоянно убитый своим каким-то внутренним горем человек всегда вкладывал в нас дух смеха и веселья... Смеялся же он не лицом, а словами, своим внутренним чувством...

Но в обыденной жизни, в кругу своих товарищей Гоголь не был юмористом, он даже мало говорил, предпочитая больше слушать и молчать...

Он был только плодовит на слова и на юмор в тиши своего кабинета, где писал разные колкие вирши, всегда, однако, занимательные для нас, его товарищей... Во всяком случае это был занятный стихослагатель, но скучный собеседник... Даже среди своих искренних друзей, впоследствии им приобретенных в кругу воспитанников Нежинского лицея, он был мало занимателен, совсем неразговорчив, хотя и держал себя свободно, не стесняясь, как бывало прежде, когда ему приходилось переносить на каждом шагу его жизни разные насмешки от своих школьных товарищей...

Однажды, например, был у нас с ним такой случай. Гоголь читал среди учеников лицея одно из своих стихотворных произведений юмористического характера. Оно было из неудачных. Но ему поаплодировали, а потом порешили преподнести за это один фунт медовых пряников, которые он любил и без которых никогда не мог никак обойтись. Для передачи ему этого подарка была избрана особая депутация из трех учеников лицея старших классов.

На случай этого торжества была приготовлена депутатами соответствующая речь. Но лишь только эта речь была закончена, как Гоголь тотчас же вырвал коробку с пряниками из рук державшего и бросил ее в лицо говорившего речь... После этого случая он уже более двух недель не появлялся в классах, сказываясь больным. Да и потом, когда начал посещать лекции, то никому не показывался на глаза, а так, придя в аудиторию после всех, садился где-нибудь на задней скамейке, никем не замеченный, и уходил из классов раньше других... Это обстоятельство почти совсем отдалило его от всех своих школьных товарищей, и сделало его навсегда затворником... Что он делал у себя в комнате, чем он занимался, никто из нас не знал...

Только разве по временам его можно было заметить гуляющим в одиночку по Лицейскому саду или идущим на нежинский базар грушевый квас пить, — что он делал почти каждый день, считая это для себя большим лакомством, так как в лицее полагался только один хлебный квас...

Любимым времяпровождением Гоголя еще было выходить на большую дорогу и, встречаясь здесь с хохлами, едущими на волах в Нежин, беседовать с ними на родном ему малорусском наречии... Все эти беседы, как мы узнали потом, он заносил в свои «памятные тетрадки» и облекал их в литературную форму, давая им впоследствии то или другое бытовое назначение в своих писательских творениях...

Как говорили тогда, Гоголь в этих диалогах учился отождествлять свои литературные мысли... Возникшие потом его крупные писательские произведения также здесь имели место своего зарождения в уме поэта... Сколько было зачато Гоголем в лицее его литературных произведений, видно было потом из его дневника, оставленного после смерти — в 1853 г.[28] Но помимо своего писательского труда, Гоголь был не чужд также и ботаники... Его постоянно можно было видеть в свободные часы дня гуляющим по Лицейскому саду и беседующим с местными садовниками о развитии того или другого плодового дерева... У себя на хуторе так он собственными руками развел целый сад фруктовых деревьев и дождался их плодов... Сад этот, говорят, и до сих пор еще существует в имении Гоголя...

Но мы никак не подозревали, чтобы в этом угрюмом дикаре, — как говорит Любич-Романович о Гоголе, — скрывался такой крупный русский писатель... Даже и в то время, когда уже появился его "Ревизор" и был поставлен на казенной сцене в Петербурге, — как того пожелал сам Государь Император Николай Павлович, — мы еще не верили, что это было произведение Гоголя: так мало он внушал нам доверия к себе, как к такому крупному писателю, каким он оказался... Если бы Гоголь вел в школе менее замкнутую жизнь, чем та, которую мы знали, то что мудреного, мы могли бы знать его литературные дарования значительно раньше, чем узнали их...»[29]

Т. Г. Пащенко в 1880 г. сообщал: «Замечательная наблюдательность и страсть к сочинениям пробудилась у Гоголя очень рано и чуть ли не с первых дней поступления его в гимназию высших наук. Но при занятии науками почти не было времени для сочинений и письма. Что же делает Гоголь? Во время класса, особенно по вечерам, он выдвигает ящик из стола, в котором была доска с грифелем или тетрадка с карандашом, облокачивается над книгою, смотрит в нее и в то же время пишет в ящике, да так искусно, что и зоркие надзиратели не подмечали этой хитрости. Потом, как

видно было, страсть к сочинениям у Гоголя усиливалась все более и более, а писать не было времени и ящик не удовлетворял его. Что же сделал Гоголь? Взбесился!. Да, взбесился! Вдруг сделалась страшная тревога во всех отделениях – "Гоголь взбесился!.." Сбежались мы, и видим, что лицо у Гоголя страшно исказилось, глаза сверкают каким-то диким блеском, волосы натопорщились, скрегочет зубами, пена изо рта, падает, бросается и бьет мебель – взбесился! Прибежал и флегматический директор Орлай, осторожно подходит к Гоголю и дотрагивается до плеча: Гоголь схватывает стул, взмахнул им – Орлай уходит... Оставалось одно средство: позвали четырех служащих при лицее инвалидов, приказали им взять Гоголя и отнести в особое отделение больницы. Вот инвалиды улучили время, подошли к Гоголю, схватили его, уложили на скамейку и понесли, раба Божьего, в больницу, в которой пробыл он два месяца, отлично разыгрывая там роль бешеного...

У Гоголя созрела мысль и, надо полагать, для "Вечеров на хуторе" <для одного из ранних юношеских произведений, возможно, для "Ганца Кюхельгартена"[30]>. Ему нужно было время – вот он и разыграл роль бешеного, и изумительно верно! Потом уже догадались»[31].

[1] См. также ***1825. Январь-апрель. Нежин.***

[2] См. также ***1820. Октября 13. Среда. Нежин*** (примечания); ***1822. Февраля 10. Пятница. Нежин***; ***1825. Февраля 16. Понедельник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[3] *Халчинский И. Д.* К. М. Базили // *Свод.* Т. 1. С. 545.

[4] См. также ***1820. Октября 13. Среда. Нежин*** (примечания).

[5] *Толбин В. В.* П. Г. Редкин //*Свод.* Т. 1. С. 547.

[6] Имеется в виду шестнадцатитомная «Римская история», первые девять томов которой были написаны французским историком Ш. Ролленом (Ch. Rollin, 1661–1741), остальные тома – его учеником Ж. Б. Л. Кревье (J. B. L. Crevier, 1693–1765): Histoire romaine, depuis la fondation de Rome jusqu'à la bataille d'Actium: c'est-à-dire jusqu'à la fin de la République (Paris, 1738–1748). В XVIII в. это издание было переведено В. К. Тредиаковским, слушавшим лекции Роллена в Париже: Римская история, от создания Рима до битвы Актийской, то есть по окончание Республики, сочиненная г. Ролленем, прежде бывшим ректором Парижского университета, профессором красноречия и членом Королевской академии надписей и словесных наук. А с французскаго переведенная тщанием и трудами Василья Тредиаковского, профессора и члена Санктпетербургской Имп. Академии наук (СПб., 1761–1767. Т. 1–16). «Продолжением истории Роллена Кревье» может считаться также двенадцатитомная «История о римских императорах» Кревье: Histoire des empereurs des Romains, depuis Auguste jusqu'à Constantin (Paris, 1749–1756). Из этого издания тем же Тредиаковским были переведены только первые четыре тома: История о римских императорах, с Августа до Константина, сочиненная г. Кревиером, учеником Ролленевым, и самым заслуженным профессором красноречия. А с французского переведенная тщанием и трудами Василья Тредиаковского, надворного советника (СПб., 1767–1769. Т. 1–4). Возможно, Кукольник и Редкин, не без подсказки Орлая, занимались переводом одного из тех последующих восьми томов «Истории о римских императорах» Кревье, которые не успел перевести Тредиаковский.

[7] См. ***1821. Ноября 19.***

[8] Имеется в виду издание: История крестовых походов. Сочинение Г. Мишо, Члена Академии Французской. Перевел с Французского Иван Бутовский. СПб., 1822. Ч. 1, содержащая историю первого крестового похода. С картою Малой Азии, планами Антиохии и Иерусалима; 1823. Ч. 2, содержащая в себе повествование второго и третьего крестовых походов. С картою Христианских владений в Азии и планом города Птолемаиды. (Третья – пятая части перевода вышли в свет в 1835–1836 гг.)

[9] В Нежине с июля 1824 г. (см. ***1824. Июля 12***).

[10] *Кукольник Н.* И. С. Орлай. (Из памятной книжки) // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 75, 77; То же // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. С. 195, 198.

[11] См. ***1821. Апреля 10. Светлое Христово Воскресение. Константинополь.***

[12] Поступил в гимназию в начале 1825/1826 учебного года (см. ***1825. Августа 8. Суббота. Нежин***).

[13] *Коялович А.* Детство и юность Гоголя // Московский Сборник. М., 1887. С. 212–214.

[14] *<Уваров С. С.> Попечитель Санктпетербургского Учебного Округа.* О преподавании Истории относительно к народному воспитанию. СПб., 1813. С. 2.

[15] *Жуковский В. А.* План учения Его Императорского Высочества, Государя Великого Князя Наследника Цесаревича Александра Николаевича // Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1902. Т. 9. С. 146.

[16] *Виноградов И. А.* История в наследии Гоголя // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии / Ніжинський держ. ун-т ім. М. Гоголя; Ін-т літератури ім. Т. Г. Шевченка НАН України. Ніжин, 2015. Вып. 5 (22). С. 18–70; *Виноградов И. А.* «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А. П. Сумароков и Н. М. Карамзин в литературном процессе России XVIII – первой трети XIX вв. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 141–183.

[17] См. также ***1825. Февраля 16. Санкт-Петербург.***

[18] Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 502.

[19] См. ***1825. Декабря 11. Нежин.***

[20] Ср. выше свидетельство В. В. Толбина. См. также ***1820. Октября 13. Среда. Нежин.***

[21] См. также ***1825. Январь-апрель. Нежин; 1826. Января конец. Нежин; 1827. Октября 27. Четверг. Нежин; 1836. Февраля 21. Санкт-Петербург.***

[22] Окончил гимназию вместе с Любичем-Романовичем в 1826 г. (см. ***1826. Июня 30. Среда. Нежин***).

[23] См. ***1825. Январь-апрель. Нежин.***

[24] Следует полагать, что к тому времени К. М. Базили уже в совершенстве овладел русским языком (ср. ***1822. Сентября 7. Нежин; 1824. Июня 16–19. Нежин; 1825. Июня 17–27. Нежин***).

[25] *Шевляков М. В.* Рассказы о Гоголе и Кукольнике // *Свод.* Т. 1. С. 557–558.

[26] См. также ***1825. Февраля 16. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[27] *Глебов С. И.* Гоголь в Нежинском лицее. (Из воспоминаний В. И. Любич<а>-Романовича) // *Свод.* Т. 1. С. 560–562.

[28] Гоголь умер в 1852 г. Дневник Гоголя не сохранился. В дневниковой записи Е. А. Хитрово от 5 марта 1851 г. сообщается: "Я как-то осмелилась сказать, почему бы ему не писать записок своих. Гоголь: "Я как-то писал, но, бывши болен, сжег. Будь я более обыкновенный человек, я б оставил, а то бы это непременно выдали; а интересного ничего нет, ничего полезного, и кто бы издал, глупо бы сделал. Я от этого и сжег"» (см. ***1851. Марта 4. Воскресенье. Одесса***).

[29] *Глебов С.* Воспоминания о Гоголе // *Свод.* Т. 1. С. 567–568.

[30] См. ***1827. В течение года. Нежин.***

[31] *Пашков В. К.* Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя <Т. Г. Пащенко> // *Свод.* Т. 1. С. 593.

ФЕВРАЛЯ 16. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет отдельного издания первой главы «романа в стихах» «Евгений Онегин» А. С. Пушкина[1].

П. А. Кулиш в 1856 г., со слов Н. Я. Прокоповича, сообщал о Гоголе: «Литературные занятия были его страстию. Слово в эту эпоху вообще было какою-то новостию, к которой не успели приглядеться. Самый процесс применения его, как орудия, к выражению понятий, чувств и мыслей, казался тогда восхитительною забавою. Это было время появления первых глав "Евгения Онегина", время, когда книги не читались, а выучивались наизусть. В этот-то трепетный жар к поэзии, который Пушкин и его блистательные спутники разнесли по всей России, раскрылись первые семена творчества Гоголя, но выражались сперва, разумеется, бесцветными и бесплодными побегами, как и у всех детей, которым предназначено быть замечательными писателями»[2].

А. С. Данилевский в 1887 г. рассказывал В. И. Шенроку: «В школе Гоголь ничем не обращал на себя внимания; он был худенький, золотушный мальчик; лицо было какое-то прозрачное; вечно у него была течь из уха... (Несмотря на это он любил музыку и хотел непременно учиться, но не имел слуха; учитель Севрюгин называл его глухарем и подносил скрипку к самому его уху[3].) Впрочем, под конец он стал выдаваться: он был нашим редактором. Сначала он писал стихи и думал, что поэзия — его призвание. Мы втроем, с ним и Прокоповичем, выписывали журналы, альманахи. Он заботился о высылке денег. Мы втроем отправлялись за ними и читали. "Онегин" выходил по главам; мы им восхищались с благоговением. Наш проф<ессор> Никольский Пушкина не признавал, и даже Державин был для него новый человек. Гоголь его отлично копировал. Гоголь воспроизводил такие черты, которых никто из нас раньше не замечал, но которые были чрезвычайно характерны. Он был превосходный актер; если бы его приняли на сцену, он был бы, вероятно, Щепкиным. Эту способность и юмор он унаследовал от отца, который представлял истый тип малороссийского казака; у него было серьезное лицо, но правильные черты»[4];

«В школе Гоголь мало выдавался, разве под конец, когда он был нашим редактором лицейского журнала. Сначала он писал стихи и думал, что поэзия — его призвание. (В Нежине, по сло-

вам А. С. Данилевского, Гоголь писал во вкусе Бестужева, и у него встречались пышные описания природы, лес и т. п. Все это помещалось в лицейском издании “Звезда”[5].) Мы выписывали с ним и с Прокоповичем журналы, альманахи. Он заботился всегда о своевременной высылке денег. Мы собирались втроем и читали “Онегина” Пушкина, который тогда выходил по главам. Гоголь уже тогда восхищался Пушкиным. Это была тогда еще контрабанда; для нашего профессора словесности Никольского даже Державин был новый человек. Гоголь отлично копировал Никольского[6]. Вообще Гоголь удивительно воспроизводил те черты, которые мы не замечали, но которые были чрезвычайно характерны. Он был превосходный актер. Если бы он поступил на сцену, он был бы Щепкиным. В Нежине товарищи его любили, но называли: *таинственный карла*[7]. Он относился к товарищам саркастически, любил посмеяться и давал прозвища. Сам он долго казался заурядным мальчиком. Он был болезненный ребенок. Лицо его было какое-то прозрачное. Он сильно страдал от золотухи; из ушей у него текло. Над ним много смеялись, трунили[8]. Но перед окончанием курса его заметил и стал отличать профессор Белоусов[9], которого он, в свою очередь, весьма уважал и любил»[10];

«По свидетельству друга Гоголя, покойнаго А. С. Данилевского, еще из школы вынес Гоголь немало сведений по истории[11]; но эти сведения ему удалось приобрести помимо правильных занятий и усидчивого труда; они были схвачены им, так сказать на лету, причем богатое воображение даровитого отрока тотчас облекало приобретаемые разрозненные познания в яркие, живые образы. Он мог знать, впрочем, сравнительно и немного, но несомненно, что все то, что он узнавал, рисовалось ему в характерных своих признаках. Данилевский признавал за своим нежинским товарищем достаточные познания по истории, но в научном отношении вообще отмечал несомненную разницу между ним, с одной стороны, и Редкиным и Кукольником, с другой, в пользу последних. Правда, что точных расспросов о превосходстве познаний последних *именно в области истории* я не делал, но у нас есть другие данные о Гоголе-ученике. По словам А. С. Данилевского, в старшем классе преподаватель истории[12] Белоусов стал отличать Гоголя от других учеников, приглашал его к себе на дом и всячески поощрял его любознательность; но при всем том даже в последнем году отметки Гоголя и по этому любимому предмету *были весьма невысоки*»[13].

В 1854 г. И. Г. Кулжинский вспоминал: «Профессором Русской Словесности был тогда у нас один почтенный старик, который некогда был учен, но за хлопотами жизни отстал от современного состояния литературы, остановился на Хераскове и Державине, Карамзину только из милости давал место в Истории Русской литературы – да и то уже после издания им первых томов Истории Русского Государства, а на Пушкина, Козлова[14], Дельвига и вообще на “*всю эту молодежь*” смотрел с видом негодования и сожаления, которое доказывал тем, что он вовсе не читал их. – Вот у какого профессора Словесности учились Гоголь и Гребенка»[15].

Один из соучеников Гоголя, записки которого были опубликованы в 1892 г. Шенроком (и приписаны К. М. Базили[16], 1809–1884), вспоминал: «...В ту пору литература процветала в нашей гимназии, и уже проявлялись таланты товарищей моих: Гоголя, Кукольника, Николая Прокоповича, Данилевского, Родзянко и других, оставшихся неизвестными по обстоятельствам их жизни или рано сошедших в могилу. <...> Жизнь вели мы веселую и деятельную, усердно занимались; к поэзии особенно пристрастился я... Одновременно с этим составился у нас и другой кружок[17] по почину старейшего из студентов, П. Редкина... Вообще, научное и литературное воспитание наше делалось, можно сказать, самоучкою... Профессор словесности Никольский о древних и о западных литературах не имел никакого понятия. В русской литературе он восхищался Херасковым и Сумароковым; Озерова, Батюшкова и Жуковского находил не довольно классическими, а язык и мысли Пушкина тривиальными, сознавая, впрочем, некоторую гармонию в его стихах. Шалуны товарищи в 5-м и 6-м классах, обязанные еженедельною данью стихотворения, переписывали, бывало, из журналов и альманахов мелкие стихотворения Пушкина, Языкова, кн<язя> Вяземского[18] и представляли профессору за свои, хорошо зная, что он современною литературою вовсе не занимался. Профессор торжественно подвергал строгой критике стихотворения эти, изъявлял сожаление, что стих был гладок, а толку мало. “Ода не ода, – говорил он, – элегия не элегия, а чорт знает что”;

затем начинал поправлять. Помнится, и "Демон" Пушкина[19] был переправлен и переделан на лад профессора нашего, к неописанному веселию всего класса... (<...>В другой раз, подобным же образом введенный в обман, он одобрил описание весны из "Евгения Онегина"[20], не подозревая, что стихотворение было написано глубоко презираемым им Пушкиным. О Никольском, как авторе поэмы "Ум и Рок", см. в "Лицее кн. Безбородко", в его биографии; о характере влияния его на некоторых товарищей Гоголя, см. там же, отд. II. – *Примеч. В. И. Шенрока. – И. В.*)

До самого 1826 года из всех наших преподавателей только профессор математики Шапалинский, воспитанник бывшего виленского университета, и профессора немецкой и французской литературы, Ландражен и Зингер, совладали со своим предметом. <...> Французская и немецкая литература были нам не по сердцу, и те из моих товарищей, кто прежде не знал этих языков, не выучились даже говорить, хотя по положению и под страхом остаться без чаю или без десерта следовало в рекреационных залах и во время гуляний говорить день по-французски и день по-немецки. Зато русская литература процветала... <...>

Русская литература у нас процветала вопреки профессору <П. И. Никольскому> и несмотря на то, что в ту пору даже порядочных руководств не было никаких, кроме Словаря <Н. Ф.> Остолопова[21], с жадностию изучаемого нами. Я уже говорил, что даже грамматики сколько-нибудь толковой не было у нас... <...>

В 1825, 26, 27 годах наш литературный кружок стал издавать свои журналы и альманахи, разумеется, рукописные. Вдвоем с Гоголем, лучшим моим приятелем, хотя и не обходилось дело без ссор и без драки, потому что оба были запальчивы, издавали мы ежемесячный журнал страниц в пятьдесят и шестьдесят в желтой обертке с виньетками нашего изделия, со всеми притязаниями дельного литературного обозрения. В нем были отделы беллетристики, разборы современных лучших произведений русской литературы, была и местная критика, в которой преимущественно Гоголь поднимал на смех наших преподавателей под вымышленными именами. Нестор Кукольник издавал также свой журнал, в котором помещал первые опыты своих драматических произведений. По воскресеньям собирался наш кружок, человек 15–20 старшего возраста, и читались наши труды и шли толки и споры...»[22]

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 480.

[2] Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 576.

[3] См. также ***1824. Февраля 11–16. Понедельник-суббота. Масленица. Нежин.***

[4] Воспоминания А. С. Данилевского в статье В. И. Шенрока «Родители Гоголя» // *Свод.* Т. 1. С. 495.

[5] См. также ***1826. Января конец. Нежин.***

[6] В 1902 г. В. И. Шенрок сообщал случай из школьной жизни Гоголя, рассказанный когда-то Петром Н. Гороновичем: «...Приведу два анекдота о Гоголе, которые, как нам передавали, рассказывал его школьный товарищ Горонович. Однажды Гоголь во время одной из своих частых прогулок по коридорам во время лекций, проходя мимо класса, в котором торжественным тоном проф<ессор> Никольский возглашал что-то из курса риторики, в тон ему прокричал в отворенную дверь: "Здесь Парфен Никольский", на что последний опять тем же тоном продекламировал: "А там дурак Яновский". В другой раз выведенный Гоголем из терпения другой профессор, говоря с его отцом и указывая на свою звезду, клялся ею, что из Гоголя ничего не выйдет» (*Шенрок В. И.* Итоги гоголевской юбилейной литературы // Вестник воспитания. 1902. Сентябрь. № 6. Отд. 2. С. 22; см. также: *Михед, Якубина.* С. 519).

[7] О смысле прозвища Гоголя см.: ***1828. Марта 1. Четверг. Нежин.***

[8] Позднее, в 1902 г., В. И. Шенрок по поводу этого свидетельства А. С. Данилевского замечал: «О том, что к Гоголю товарищи приставали, смеялись над ним и толкали его, слышал я и от Данилевского («Материалы для биографии», I, 102), а также о некоторых совершенно неприличных его выходках, но Данилевский говорил, что в Нежине товарищи его *любили* (там же)» (*Шенрок В. И.* Итоги гоголевской юбилейной литературы // Вестник воспитания. 1902. Сентябрь. № 6. Отд. 2. С. 22).

[9] См. ***1825. Августа вторая половина – декабря 17. Нежин.***

[10] А. С. Данилевский о пребывании Гоголя в Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине. Фрагмент из статьи В. И. Шенрока «Н. В. Гоголь и А. С. Данилевский» // *Свод.* Т. 1. С. 500.

[11] См. также ***В течение 1824/25 учебного года (1824 август – 1825 май). Нежин.***

[12] «Исправляющий должность профессора естественного и римского права» (с 17 августа 1825 г.) Н. Г. Белоусов не был историком, но читал в гимназии историю «естественного» права (в первой половине 1825/26 учебного года) и историю римского права (в 1827/28 учебном году).

[13] Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 502.

[14] Иван Иванович Козлов (1779 – 30 января 1840), поэт, переводчик; с 1821 г. слепой.

[15] *Кулжинский И. Г.* Воспоминания учителя // *Свод.* Т. 1. С. 428. – Е. П. Гребенка поступил в гимназию в начале 1825/1826 учебного года (см. ***1825. Августа 8. Суббота. Нежин***).

[16] Характеристика в этих записках профессоров Нежинской гимназии К. В. Шапалинского, И. Я. Ландражина, Ф. И. Зингера, Н. Г. Белоусова и Н. Ф. Соловьева во многом совпадает с оценками, данными этим профессорам П. Г. Редкиным (см. ***1827. Июня 18. Нежин*** – примечания).

[17] По изучению истории (см. ***В течение 1824/25 учебного года (1824 август – 1825 май). Нежин***).

[18] Князь Петр Андреевич Вяземский (1792–1878).

[19] См. ***1824. Декабря конец. Санкт-Петербург.***

[20] Начало седьмой главы (см. ***1829. Декабря 29–30. Санкт-Петербург***).

[21] Словарь древней и новой поэзии, составленный *Николаем Остолоповым*, действительным и почетным членом разных ученых обществ. СПб.: Тип. Императорской Российской академии, 1821. Ч. 1: А-Ж. 531 с.; Ч. 2: З-П. 488 с.; Ч. 3: Р-Я. 500 с.

[22] Записки К. М. Базили в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 540, 542.

ФЕВРАЛЯ 19. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Император Александр I утвердил устав Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине[1].

В гимназии устав был получен в апреле 1825 г. Однако тогда же в нем были замечены погрешности[2], и в октябре 1826 г. Император Николай I, вместо подписания исправленного устава, начертал следующую резолюцию: «Надо будет подождать, доколе не окончится пересмотр всех уставов училищ в учрежденном на то комитете»[3]. Таким образом, «устав 19-го февраля 1825 г. остался без обнародования. Тем не менее из дел видно, что им руководствовались как Гимназия Князя Безбородко, так и Министерство Народного Просвещения в своих распоряжениях»[4]. По словам Н. В. Кукольника, «существо содержания этого устава ни в чем не разнилось от заведенного уже по всем частям порядка»[5].

[1] Устав Гимназии высших наук князя Безбородко // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 226.

[2] См.: *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 25.

[3] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1878. Т. 6. Стб. 637.

[4] Там же. Стб. 637.

[5] *Кукольник Н.* Лицей князя Безбородко // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 20.

ФЕВРАЛЯ 28. СУББОТА. НЕЖИН

На заседании Конференции заслушано представление о поступивших журналах, в числе которых «Вестник Европы» (№ 1, 2, 3), «Северный Архив» (№ 1, 2, 3), «Новый магазин естественной истории, физики и химии» (№ 1, ч. 1) и др.

Михед, Якубина. С. 432.

МАРТА 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

В. А. Гоголь-Яновский уезжает в Кибинцы, чтобы отправиться оттуда в Лубны для лечения[1].

Мария Ивановна вспоминала: «Муж мой болел в продолжение четырех лет[2], и когда пошла кровь горлом, он поехал в Кибинцы, чтобы посоветоваться с доктором. Я была тогда на последнем месяце беременности и не могла ехать с ним. Ему очень не хотелось уезжать и, прощаясь, он сказал, что, может быть, без меня придется умереть, но потом сам испугался и прибавил: “Может, долго там пробуду, но постараюсь скорее вернуться”»[3];

«Две недели стоял экипаж у крыльца, и все не хотелось ему уезжать, но болезнь усилилась, и он должен был уехать. Прощаясь со мной, сказал: “Как я буду без тебя? Верно, умру!”, — и как будто испугался и прибавил: “Если долго останусь там. Но постараюсь скоро возвратиться, а до того буду часто тебе писать, а к тебе буду просить из родных кого приехать”. И экипаж с ним последний раз двинулся от крыльца, по снегу жужжа»[4].

[1] См. ***1825. Марта 4 (?). Среда. Кибинцы***.
[2] См. также ***1820. Ноябрь. Васильевка***.
[3] Воспоминания М. И. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 48.
[4] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод*. Т. 1. С. 65.

МАРТА 2. ПОНЕДЕЛЬНИК. КИБИНЦЫ

В. А. Гоголь-Яновский, приехав в Кибинцы, посылает с письмом отца Емельяна к доктору Ф. П. Голованеву в Лубны «договорить там для себя квартиру».

См. ***1825. Марта 4·<?> . Кибинцы.***

МАРТА 4 (?). СРЕДА. КИБИНЦЫ

В. А. Гоголь-Яновский отправляет жене письмо хозяйственного содержания:

«Выехавши из дому[1], принужден я был ночевать в Яреськах, а оттуда в понедельник[2] приехал в Кибинцы, хотя с большой нуждою, но благополучно — здесь все здоровы и веселы. Я се<й>час послал отца Емелияна с письмом к Голованову договорить там[3] для себя квартиру — для чего и нужно мне для тамошнего прожитья прислать из дому разных припасов[4] — а естли возможно, то и повара[5] — о сем приложу особую записочку по возвращении от<ца> Ем<ельяна> из Лубен, а теперь прошу тебя приказать прикащику: 1-е, чтобы берег плотину в случае наводнения; 2-е, чтобы на прудах открывали духи, чтоб не задохлась рыба; 3-е, естли тепло будет и время позволит людям, то поньмать рыбы на прудах, а именно брать средней величины карасей и щук да мелких плоток и карасей. <...> 4-е, в Борки на сорок святых[6] послать продавать всех волов бракованых и продавать всенепременно, за что бы ни случилось — в Миргороде же скот нипочем. 5-е, естли еще дорога позволит, то те дубки я велел вырубить в Стенке, сложить там или доставить в Яреськи на двор к батюшке, ибо мы за дом уже сошлись... Дрова из Стенки перевозить для валянья сукон. 6-е, посылать надобно за сукнами, ибо оттепели начинаются. Прилагаемую при сем выписку из письма Кутозова доставь г. Клименкам. <...>

Прикажи еще прикащику, чтобы к ярмонку нашему доставлена была из Яресек горилка, чтобы зделана була ятка и прочее. Загоны нанимать москалям те, что около Снесара, около Симонихи и около Федьки.

Я дал Домне спрятать порох — сей порох, как скоро откроется весна и налетят на Яворивщину гайвороны, то дать Ходосу и Снесару, чтобы они до тех пор там стреляли, пака выгонят гайворонов оттуда.

Естли послал прикащик в Яреськи пильщиков, то резать дерево на доски толщиною в полтора вершка, а тоньше на шалевку.

Назначенные на продажу молодые быки нужно повыучить и продавать на лигачах, подобравши по шерстям и по росту попарно — продавать от 28 до 48 ср. пару, смотря по быкам. Покуда с

Голованевым посоветуюсь за твой кашель, посылаю на первый случай грудной чай, который пить, как и прочие травки, можно и с бузинным соком.

Получивши от Цюревского деньги, тотчас отправить в Полтаву подушные и за вычистку колодязя».

Дурылин 1928. С. 59–61.

[1] См. ***1825. Марта 1. Воскресенье. Васильевка.***
[2] 2 марта 1825 г.
[3] В Лубнах.
[4] См. также ***1825. Марта 14. Лубны.*** Возможно, с памятью об отце связана начатая Гоголем уже в самых ранних произведениях – в «Вечере накануне Ивана Купала» и «Ночи перед Рождеством» – критика «ремесла» корыстолюбивых «медиков и аптекарей» (*Гоголь 1994*. Т. 9. С. 556–557).
[5] См. ***1825. Марта 7. Суббота. Васильевка.***
[6] 9 марта 1825 г.

МАРТА 2–4. ПОНЕДЕЛЬНИК-СРЕДА. КИБИНЦЫ

В. А. Гоголь-Яновский отвечает на жалобу священника из соседнего с Васильевкой села.

М. И. Гоголь в 1856 г. вспоминала, что из стихов ее мужа в ее «памяти остался один куплет, который он было написал на бюро его изобретения за доской, когда принес его столяр, и то бюро подарил своему приятелю... <...>

Одной природой наслаждаюсь,
Ничьим богатством не прельщаюсь,
Доволен я моей судьбой.
И вот девиз любимый мой»[1].

«Доказательством того, что память не изменила М. И. Гоголь и четверостишие действительно написано Василием Афанасьевичем, может служить отрывок из черновика письма Василия Афанасьевича, в котором выражена та же мысль, что и в его стихотворении.

Священник соседнего с Васильевкой села написал, по-видимому, на имя Трощинского, донос, в котором он поносил В. А. Гоголя за то, что в церкви с. Васильевки была обвенчана прихожанка священника, из-за чего он якобы лишился дохода. Вероятно, Василию Афанасьевичу дали прочитать это письмо, и он отвечал на него разгневанному служителю церкви: "Письмо ваше от 13-го февраля[2] я имел несчастье видеть. Оно по своим язвительным выражениям не заслуживало бы того, чтобы отвечать". Возмущенный содержанием письма Василий Афанасьевич указывал, что письмо является свидетельством того, "до какой степени простирается корыстолюбие носящих священный образ".

Видимо, священнослужитель обвинял В. А. Гоголя в том, что тот "по своей бедности" присвоил чужой доход. И отвечая на это, Василий Афанасьевич уверял, что "за обвенчание прихожанки он не получил ни одной копейки".

Письмо заканчивалось любопытной тирадой, смысл которой напоминает четверостишие Василия Афанасьевича: "В бедности напрасно вы меня упрекаете, она служит пищею души моей... успокойтесь – я до конца жизни моей останусь бедным"»[3].

[1] *Свод*. Т. 1. С. 79.
[2] 1825 г. См. ***1824. Сентября 8. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Васильевка.***
[3] *Иофанов*. С. 46, 49.

МАРТА 7. СУББОТА. ВАСИЛЬЕВКА

Мария Ивановна сообщает мужу:

«Посылаю тебе повара[1] с прописанными тобою вещами, а я обойдусь как-нибудь и без него. <...> Дети наши благодаря Бога здоровы и веселы. <...> Колодязники еще не являлись, ты велел Борковского привезти, но он начал говеть и велел в воскресенье <8 марта 1825 г.> приехать за ним, то я вместе с поваром и провизией и посылаю за ним. Прошу тебя, мой друг, узнай там у докторов, что делать Агафии[2], у нее должна быть сильная простуда и притом испуг, как дитя ее заболело...»

Дурылин 1928. С. 61–62.

[1] См. ***1825. Марта 4 <?>. Кибинцы.***
[2] А. С. Власенкова. – См. также ***1825. Марта 14. Суббота. Васильевка.***

МАРТА 9. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская отправляет мужу письмо, в котором подробно рассказывает о хозяйственных хлопотах по имению:

«Я получила, мой друг, твою записку с письмом к Семену Федоровичу, которое к нему и отправила, и через сего ж посланного с Бузовы человека отвечаю к тебе <...>, чтобы ты обо мне не беспокоился, а берег бы, сколько можно, свое здоровье... <...> Загоны так занесены снегом, что никак нельзя очистить[1]... <...> ...Ты, верно, еще не получил моего письма[2]; писал[3], <на> полученную мною записку, что не упоминаешь за повара ничего, верно, о сю пору ты уже получил, что я тебе послала, также и Иван Елисеевич, верно, приехал к тебе, и тебе теперь веселее, как бы я желала, чтобы ты съездил в Лубны к Голованеву, он бы тебе помог...»[4]

Дурылин 1928. С. 62.

[1] См. ***1825. Марта 14. Суббота. Васильевка.***
[2] См. ***1825. Марта 7. Суббота. Васильевка.***
[3] Письмо не сохранилось.
[4] Ответное письмо В. А. Гоголя-Яновского см. в летописи: ***1825. Марта 14. Лубны.***

МАРТА 13. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Всенощное бдение в первый храмовый праздник гимназии.

См. ***1825. Марта 14. Суббота. Нежин.***

МАРТА МЕЖДУ 9 И 14. КИБИНЦЫ

В. А. Гоголь-Яновский отвечает на письмо жены от 7 марта 1825 г.[1]

«Благодарю тебя, милой друг мой, за присылку мне в Лубны провизии – меня весьма не утешает то, что ты перемостила полы и прочее, я боюсь, чтобы ты сим не заразила и дворовых заразительною болезнию, которая, по словам других, так опасна, как чума, мне очень жаль, что ты не соглашается выехать из дому с детьми – А<нна> М<атвеевна> <Трощинская> и старики поместили бы вас, да и в Кибинцах можно бы тебе быть без всяких затруднений, я весь флигель один занимаю. О! Как бы мы были щастливы вместе. <...> Агафия больна тою же самою болез-

нию, от которой никаких лекарств нет... <...> Да еще я слышу, что ямы на мертвых копают очень мелко, отчего весною может выйтить другая зараза; а потому прикажи, чтобы те могилы насыпали сверху в аршин земли, когда начнет оттаивать. – Отец Иван[2] за это строго будет отвечать пред начальством, а потому и его предостереги. <...> Мне здесь хорошо, но грудью ужасно страдаю, едва спать могу»[3].

[1] См. ***1825. Марта 7. Суббота. Васильевка.***

[2] Священник в Васильевке (см. также ***1834. Марта 9. Воскресенье. Масленая неделя. Санкт-Петербург***).

[3] *Дурылин 1928.* С. 64.

МАРТА ДО 14. НЕЖИН

Гоголь, получив от родителей письмо[1] с известием о болезни отца, Василия Афанасьевича, (и, возможно, о заразной эпидемии в Васильевке[2]), в ответном послании пишет:

«...Весьма огорчился, особливо услышавши, что вы, дражайший папинька, весьма нездоровы. (Я уже не думаю о праздниках, потому знаю сам, никаким образом нельзя теперь ехать.) Когда бы только папинька выздоровел, то я уже доволен. При том же всё-таки буду скоро с вами видеться: до каникул уже не далеко (а почему знать, может быть, и до Христова праздника)[3].

Прошу вас, дражайший папинька, прислать мне к праздникам хоть несколько книжек на прочот, ибо здесь на праздниках такая скука, что ужасть, я сам не знаю, что делать. <...> У нас почти все порозъезжались, кроме тех, которые из самых дальних мест.

Да еще пришлите пожалуста деньги портному, который мне каждый день надоедает. Вы не поверите, как страшно иметь заимодавца. Я ему должен за пошитье сертука 10 рублей[4]. Также ежели можно прислать мне сколько-нибудь на праздники. Не худо бы было и провиянту. <...>

Прошу засвидетельствовать нижайшее мое почтение Андрею Андреевичу, Ольге Димитриевне[5], также всем родным».

[1] Письмо не сохранилось.

[2] См. ***1825. Марта между 9 и 14. Кибинцы.***

[3] Вероятно, Василий Афанасьевич из Кибинец или Лубен намеревался, после выздоровления, приехать к сыну в Нежин на Пасху, 29 марта 1825 г. (см. ***1825. Марта 14. Суббота. Утро. Лубны***) (Кибинцы и – тем более – Лубны находятся ближе к Нежину, чем Васильевка.) 26 марта 1825 г. он, однако, вынужден был отказаться от этого намерения и вернуться из Лубен в Кибинцы, где и скончался (см. ***1825. Марта 26. Великий четверг. Лубны, Кибинцы***; ***1825. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Кибинцы***).

[4] См. ***1825. Марта 14. Суббота. Вечер. Васильевка.***

[5] Трощинским.

МАРТА 14. СУББОТА. НЕЖИН

Торжественное богослужение в первый храмовый праздник гимназии.

Из протокола конференции Нежинской гимназии за март 1825 г.: «Сего 14-го числа Гимназия вышних наук Князя Безбородко на память Святого Священномученика Пресвитера Александра, иже в Пидне[1], по христианскому долгу, в первый раз совершая храмовый своея церкви праздник, праздновала вместе и день тезоименитства Почетного своего Попечителя Графа Александра Григорьевича Кушелева-Безбородко, отправляя и память в Бозе почивающих предков его, высоких своих основателей, Князя Александра Андреевича Безбородко и Графа Ильи Андреевича Безбородко. Служение в церкви исправлял Архимандрит Нежинского второклассного Благовещенского Монастыря Евгений с двумя иеромонахами, с двумя иеродиаконами и с гимназиче-

скими певчими из пансионеров. Накануне праздника в 6 часов вечера[2] было всенощное бдение, а в самый день оного совершаема была Божественная Литургия, пред началом коея отправляема была панихида о упокоении в Бозе почивающих основателей Гимназии <...> За окончанием Литургии произнесено было Архимандритом Евгением приличное празднику слово, особенно для воспитанников Гимназии назидательное и трогательное. Потом воспето было просительное и благодарственное молебствие Господу Богу, благодарственное — за основание в благонадежном цвете совершенств своих возникающего, доселе никогда здесь не бывавшего вертограда наук, просительное — о здравии и ниспослании всех благ по душе и сердцу тезоимениннику Почетному Попечителю Гимназии <...> При говорении слова отец Архимандрит и при восклицании многолетия все предстоявшие обращали взоры на портреты их сиятельств, основателей, нарочито в храме на приличном месте поставленные <...> По совершении в храме служения <...> пансионеры, в память столь вожделенного дня, имели нарочито приготовленный, не в пример обыкновенным, стол...»[3]

В тот же день, 14 марта 1825 г., конференция гимназии принимает решение выписать для библиотеки книги «Поучение, как стоять в церкви во время Божественной Литургии» и «Обязанности домашнего общества по разуму исполнителей Слова Божия древних христиан»[4].

«Обязанности домашнего общества по разуму исполнителей Слова Божия древних христиан» — книга протоиерея Г. И. Мансветова. Возможно, со школьной скамьи Гоголю была также известна многократно переиздававшаяся книга того же автора «Краткое изъяснение на Литургию» («собранное из разных писателей придворным протоиереем Григорием Мансветовым»; СПб., 1822; 2-е изд. 1825; 3-е изд. 1837; 4-е изд. 1846; 9-е изд. 1894), а также «Краткое толкование на Литургию. В пользу благородных воспитанниц Общества благородных девиц и Училища ордена Св. Екатерины, из разных церковных писателей извлеченное законоучителем протоиереем и кавалером Иаковом Воскресенским» (книга отца И. И. Воскресенского, протоиерея Исаакиевского собора, законоучителя Екатерининского института, издавалась с посвящением Императрице Марии Феодоровне: СПб., 1815; 2-е изд. 1820; 3-е изд. 1822). Пятое издание этой книги вышло в 1830-х — начале 1840-х гг.

Выпускница училища Св. Екатерины А. О. Смирнова (рожденная Россет), в частности, свидетельствовала, что Божественную Литургию воспитанницы института «знали наизусть»[5]. Неоднократно издавалось и сочинение протоиерея И. И. Воскресенского «О церкви, утварях, службах и облачениях церковных с изъяснением таинственного знаменования оных» («почерпнуто из церковных писателей протоиереем и кавалером Иаковым Воскресенским»; СПб., 1821; 2-е изд. — 1825). С 1820-х гг. Гоголю могло быть известно и «Историческое, догматическое и таинственное изъяснение на Литургию...» Ивана Дмитревского (Собр. из Св. писания, правил и деяний вселен. и помест. соборов, из писаний древ. св. отцов и др. достовер. повествователей, со внесением их свидетельств. М., 1803), неоднократно переиздававшееся (2-е изд. — М.: Синодальная тип., 1804). Отметим, в частности, третье издание: <*Дмитревский И. И.*>, догматическое и таинственное изъяснение на Литургию... 3-е изд. М.: Синодальная типография, 1823, 276 с.; с приложением: Таинственное толкование на Литургию Блаженного Симеона, Митрополита Фессалоникитского, 68 с. (отдельная пагинация).

На заседании Конференции 14 марта 1825 г. заслушивается также прошение И. Я. Ландражина об освобождении его от обязанностей библиотекаря гимназии[6].

[1] См. ***1821. Августа 20. Суббота. Нежин*** (примечания).
[2] См. ***1825. Марта 13. Пятница. Нежин.***
[3] *Сребницкий 1902*. С. 343–344.
[4] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 78.
[5] *Смирнова-Россет А. О.* Дневник. Воспоминания / Издание подгот. С. В. Житомирская. М., 1989. С. 127, 335.
[6] *Михед, Якубина*. С. 432.

МАРТА 14. СУББОТА. УТРО[1]. ЛУБНЫ

В. А. Гоголь-Яновский отвечает на письмо жены от 9 марта 1825 г.[2]

«Письмо твое, друг мой, от 9-го марта получил я в Лубнах 14-го, на которое спешу отвечать тебе, 1-е, что Голованев оставил меня лечиться у себя – сие для нас будет весьма разорительно[3], но нечего делать: ужасные мои припадки заставили меня решиться остаться до праздника[4]; 2-е, Бога ради старайтесь собирать деньги; ибо мне здесь много надобно»[5].

[1] См. также ***1825. Марта 14. Суббота. Вторая половина дня. Лубны***.
[2] См. ***1825. Марта 9. Васильевка.***
[3] Подробнее см. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим*** (примечания).
[4] До Пасхи 29 марта 1825 г.
[5] *Дурылин 1928*. С. 66–67.

МАРТА 14. СУББОТА. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ[1]. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь отвечает мужу на письмо, отправленное из Кибинец между 9 и 14 марта 1825 г.[2]

«Какие у тебя, мой милой друг, мрачные мысли; воображаешь себе, что у нас у деревне заразительная болезнь, и чтобы мне выехать с таким семейством к нашим старикам[3] или к тетеньке[4], ну, скажи, как можно в обеих сих домах поместить нас, и где, разве в Кибинцах, но и там невыгодно со всеми детьми, ведь это не шутка подняться с такой обузой и надобно, по крайней мере, мне рублей сто, чтобы обмундировать прилично в таком доме кормильницу, а когда Бог даст[5], то и другую, а дома их одеяние мне ничего не стоят – посмешищем же людей я никак не хочу быть, да еще и тогда, когда все говорят и думают, что мы богаты, а от скупости не хотим ничего иметь, и не знают нашей иногда крайней нужды, но когда бы, Боже сохрани, в самом деле была какая опасность, тогда бы нечего рассуждать <о> выгоде, а спасать себя, но у нас, благодаря милосердого Бога, ни одной души нет больной, кроме Агафия[6] еще не выздоровела, и как мы приехали в дом, то никто же и не умер, кроме Аврамовой девчонки, которой болезнь так была запущена, да после выезду твоего дитя годовое у Петриченка, и больше никого. <...> ...Ярмарка началась у нас с середы <11 марта>. Приехали три хозяина стотиньщиков, но брянских еще нет, сей день приказчик продал пару волов за сто десять рублей... <...> Подушне отвезли и отдали до сроку за три дни... <...> Горелки у нас 3 бочки дома, говорят, будет <т. е. хватит> на ярмарку. <...> Загоны все повычистили[7] и отданы, а самые лучшие оставили для брянских. – Чрезвычайно мне не весело то, что ты о сю пору не ездил к Голованеву, а все принимаешь от Никаша слабительные, которые, кажется, только он и умеет составлять, а ты знаешь, что Голованев тебе отнюдь не советувал принимать слабительных, а старался укреплять тебя, а этот и в таком слабом твоем положении здоровья, как слышу, опять заливал слабительным, и от чего там очищать твой желудок, когда ты всегда на диете»[8].

[1] См. также ***1825. Марта 14. Суббота. Вечер. Васильевка***.
[2] См. ***1825. Марта между 9 и 14. Кибинцы.***
[3] И. М. и М. И. Косяровским, родителям Марии Ивановны.
[4] А. М. Трощинской.
[5] См. ***1825. Марта 19. Васильевка.***
[6] «Агафья или Гапа – няня Н. В. Гоголя» (*Шенрок*. Т. 1. С. 49). См. также ***1820. Июля 25 (?). Полтава.***
[7] См. ***1825. Марта 9. Васильевка.***
[8] *Дурылин 1928*. С. 65–66.

МАРТА 14. СУББОТА. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ДНЯ[1]. ЛУБНЫ

В. А. Гоголь-Яновский отправляет жене посылку с яблоками. В сопроводительной записке сообщает:

«Посылаю тебе яблук для печень от кашлю. Федор Прок<офьевич> <Голованев> не советовал ничем его лечить, кроме травками грудными. После ярмонки пришли ко мне с известием обо всем верхового, да пришли барашка и свежего хорошего сливочного масла, самый маленькой горщечок, да денег сребром рублей 20»[2].

[1] См. также ***1825. Марта 14. Суббота. Утро. Лубны.***
[2] *Дурылин 1928.* С. 68.

МАРТА 14. СУББОТА. ВЕЧЕР[1]. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская, вероятно, получив от сына письмо из Нежина[2], пишет мужу в Лубны:

«Я к тебе отвечала на твое письмо, с Кибинец писанное[3], но решилась не посылать, покуда ярманка не ко<н>чится, как подоспело и другое твое письмо с Лубен[4]; я очень рада, что ты лечишься у Федора Прокофиевича <Голованева>, и надеюсь на Бога, что он тебя вылечит совершенно, о расходе же на сие леченье не должно жалеть, деньги – нажитое дело, а здоровье – драгоценное сокровище, дороже сего на свете, ты это больше всех чувствуешь, мой милой друг. <...>

...Ярманка была хуже всех раз, я думаю, от погоды не могли никто приехать, через Голтву нельзя скоро переехать, и теперь с большим трудом переехал, кому необходимость была, с Яресек даже никто не был, и жидов не было. <...> ...Приказчик ко мне еще не приходил, а говорят, что ярманка совсем раз<ъ>е<з>жается... <...> ...Сколько теперь у нас на балках воды, так это ужас, топятся бедные люди с ярманку, да перееждают <так>... <...> Агафия, слава Богу, выздоравливает. – Предуведомляю тебя, мой милой друг, что, когда Бог разрешит меня от бремени, то я к тебе пошлю дать знать, и когда не будуписать, то не тревожся и не подумай, что от опасности какой в моем здоровье, а не хорошо тогда мне очень писать, я с большой нуждою и прошлой раз могла написать, чтобы тебя успокоить... <...> ...Ты пишешь, что до праздника будешь там, а праздник где же ты будешь принимать! Когда не дома, то я бы желала, чтобы в Лубнах, чтобы не прерывать леченья для того только, чтобы ехать в Кибинцы, а там будут бостоны, <...> и ты себя можешь опять расстроить... <...>

Посылаю тебе, душа моя, 20 ру<блей> серебом, требуемые тобою. <...> Николи нашему надо было бы послать еще хотя десять рублей[5], и я думаю, что там он очень задолжал, а это его будет очень беспокоить, написать же о сем он теперь не смеет, <потому> что ты написал ему выговор[6], что он тогда только и пишет, когда денег нужно...»[7]

В тот же день, спустя некоторое время, Мария Ивановна посылает мужу записку, в которой благодарит за посылку с яблоками[8].

«Усерднейше благодарю тебя, милой друг, за яблуки, они теперь так редки, что ты бы поберег лучше для себя их. Кашель мой начал, слава Богу, уменьшаться. Напиши мне, пожалуйста, открылись ли у тебя гимороиды...»[9]

[1] См. также ***1825. Марта 14. Суббота. Первая половина дня. Васильевка.***
[2] См. ***1825. Марта до 14. Нежин.***
[3] См. ***1825. Марта между 9 и 14. Кибинцы.***

[4] См. ***1825. Марта 14. Суббота. Лубны.***
[5] См. ***1825. Марта до 14. Нежин***; ***1825. Марта 18. Среда. Нежин.***
[6] См. ***1825. Марта 18. Среда. Нежин.***
[7] *Дурылин 1928.* С. 68–70; *Свод.* Т. 1. С. 82.
[8] См. ***1825. Марта 14. Суббота. Вторая половина дня. Лубны.***
[9] *Дурылин 1928.* С. 70.

МАРТА 18. СРЕДА. НЕЖИН

Гоголь, получив письмо от родителей (не сохранилось), поздравляет их с наступающим праздником Пасхи[1]. В том же письме, отправленном с отъезжающим на каникулы П. А. Барановым, замечает:

«Благодарю вас покорнейше за присылку мне денег[2] и за наставление[3], которое вы мне сделали. – Но, дражайшие родители, позвольте вам сказать, что я не имею ни одной из тех наклонностей, об которых вы мне писали, или по крайней мере ни к одной не имею пристрастия. <...> Письмо же сие пишу чрез Петра Александровича Баранова, который, надеюсь, сам привезет к вам. Может быть, дражайший папинька, не пришлете ли мне какие вещи, или что-нибудь чрез его, особливо по возвратном пути его в Нежин».

В заключение сообщает о «рисованных» им «на картонах и сухими колерами» «картинках» и вновь[4] просит отца прислать ему «несколько книжечек», чтобы не скучать на праздниках, полотна и съестных припасов.

[1] См. ***1825. Марта 29. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи. Нежин.***
[2] 10 рублей (см. письмо Гоголя к матери от 30 сентября 1825 г.). См. также ***1825. Марта до 14. Нежин***; ***1825. Марта 14. Суббота. Вечер. Васильевка.***
[3] См. ***1825. Марта 14. Суббота. Вечер. Васильевка.***
[4] См. ***1825. Марта до 14. Нежин.***

МАРТА 19. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Гоголю исполняется 16 лет.

МАРТА 19. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

Родилась сестра Гоголя Ольга.

Позднее Ольга Васильевна писала: «Сегодня, 19 марта 1895 года, минуло мне 70 лет. <...> 1825 года, 19 марта, явилась я на свет Божий... <...> ...Отец был болен. <...> Он лечился в Кибинцах у Трощинского и там он умер».

Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 194.

1805–25

1805 НОЯБРЯ 12 – 1825 МАРТА 19

В продолжение девятнадцати с лишним лет в семье В. А. и М. И. Гоголь-Яновских родилось двенадцать детей.

Из воспоминаний М. И. Гоголь-Яновской: «Мы имели 12 детей, и до его <В. А. Гоголя-Яновского> смерти[1] мы лишились шестерых[2]. <...> Мы лишились пяти сыновей. Шестой (Николай) должен был заменить нам всех, но и его потребовал от меня Бог[3]. Да будет Его святая воля над нами! Муж мой был счастливее меня: он не дождался такого удара, сразившего бедную его подругу. Смерть дочери нашей Анны[4], старее несколько лет теперешней моей Анны, много отняла у него здоровья. <...> Она умерла трех лет... <...> Другую дочь, не скоро после той родившуюся[5], мы назвали тем же именем. Потом мы лишились всех средних детей; осталось только двое старших – дорогой наш Николай, и тогда уже отличавшийся от обыкновенных детей, и старшая дочь наша Мария...[6] <...> Потом Бог нам послал 4-х дочерей последних[7], из которых осталось мне три»[8].

С. П. Шевырев (со слов М. И. Гоголь-Яновской) записал в дневнике: «Первые двое сыновей не жили. – Николай, Иван через год (скончался 9-ти лет – вместе росли и учились дома). – Мария 3-мя годами моложе. – Сын Димитрий через год – сконч<ался> 1-го года и 2-х месяц<ев>. – Анна, через 4 г<ода> после Дим<итрия>, сконч<алась> 4-х лет. – Андрей сын – по 2-м<у> году скончался. – Анна, Елизавета, Ольга»[9].

Сестры Гоголя Е. В. Быкова и О. В. Головня (рожденные Гоголь) также указывали, что в семье В. А. и М. И. Гоголь-Яновских было двенадцать детей[10]. «Сообщаем их имена: Николай, Андрей, Дмитрий, Иван (из них последние трое умерли в раннем детстве), и дочери – Мария, Анна, еще Анна, Елизавета, Татьяна и Ольга. Двое же родились мертвыми»[11].

[1] См. ***1825. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Кибинцы.***

[2] См. ***1806 октябрь (после 1 числа) – 1807 сентябрь. В один из дней указанного периода*** (потеря сына, родившегося мертвым);

1807 октябрь (после 1 числа) – 1808 сентябрь. В один из дней указанного периода (потеря второго сына, родившегося мертвым);

1814. Июня 2. Вторник.Ярески; ***1815. Июль*** (рождение и кончина сына Дмитрия).

1819. Июля средина – август. Васильевка (кончина сына Ивана; 1810–1819);

Около 1819–1820 (кончина сына Андрея).

1820. Ноябрь. Васильевка (кончина дочери Анны (старшей); 1817–1820).

[3] См. ***1852. Февраля 21. Четверг второй недели Великого Поста. Москва.***

[4] См. ***1820. Ноябрь. Васильевка.***

[5] См. ***1821. Апреля 27. Васильевка.***

[6] Мария (в замужестве Трушковская; 1811–1844).

[7] Анна (другая; 27 апреля 1821–1893), Татьяна (март-апрель 1822 – после 1 июля 1825), Елисавета (в замужестве Быкова; март-апрель 1823–1864), Ольга (в замужестве Головня; 19 марта 1825 – 5 декабря 1907).

[8] Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 65; см. также: Воспоминания М. И. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 48.

[9] Воспоминания М. И. Гоголь в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 1. С. 12.

[10] «...Я двенадцатая у матери...» (Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод.* Т. 1. С. 194); «...Из 12 детей осталось в живых только 4...» (*Чаговец В. А.* Семейная хроника Гоголей (по бумагам семейного архива) // *Свод.* Т. 1. С. 244). См. также ***1807 октябрь (после 1 числа) – 1808 сентябрь. В один из дней указанного периода.***

[11] *Чаговец В. А.* Примечания // Из семейной хроники Гоголей. (Мемуары О. В. Гоголь-Головни). Киев, 1909. С. 63; *Свод.* Т. 1. С. 194.

1825

МАРТА 21. ЛАЗАРЕВА СУББОТА. НЕЖИН

На заседании Конференции заслушан рапорт Авг. И. Амана, изъявившего желание занять место библиотекаря гимназии.

Михед, Якубина. С. 432.

МАРТА 26. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. ЛУБНЫ, КИБИНЦЫ

В. А. Гоголь-Яновский возвращается из Лубен в Кибинцы.

См. ***1825. Марта 28. Кибинцы***.

МАРТА 28. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. КИБИНЦЫ

О. Д. Трощинская сообщает мужу А. А. Трощинскому в Киев:

«Василий Афанасьевич возвратился из Лубен третьего дня[1], и в очень опасном положении. Он так иссох и переменился, что и узнать его нельзя. Голованев его так залечил, как он сам уверяет, и в такое привел его расслабленное положение, что он не может теперь уже и говорить, и мы все находимся <в> страхе за него. Сам доктор не ручается за его жизнь».

Свод. Т. 1. С. 51.

[1] См. ***1825. Марта 26. Лубны, Кибинцы.***

МАРТА 29. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. НЕЖИН

В гимназии нет занятий. Гоголь остается в пансионе.

См. ***1825. Марта 18. Нежин***.

МАРТА 31. ВТОРНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. КИБИНЦЫ

Кончина Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского[1].

Из воспоминаний М. И. Гоголь-Яновской: «После родов, на второй неделе, я только начала ходить по комнате и ожидала мужа, чтобы крестить дитя, как вместо мужа приехала жена доктора, акушерка, чтобы по просьбе мужа везти меня к нему. Я очень встревожилась и подумала, что, верно, ему очень худо, если он меня вызывает еще больную. Мы только выехали со двора, как увидели верхового, который подал письмо докторше; она, прочтя письмо, вспыхнула и сказала: “Вернемся; Василий Афанасьевич сам приедет!..” Не буду описывать своего отчаяния. Когда привезли его тело к церкви, раздался удар колокола...[2] О, Боже! какой это был звук! Я без слез не могу вспомнить!..»[3]

[1] См. ***1825. Апреля 1. Среда Светлой седмицы. Кибинцы.*** – См. также ***1836. Октября 3 <сентября 21>. Понедельник. Лозанна.***

[2] М. И. Гоголь пережила мужа на 43 года и умерла в тот же день, 31 марта, в первый день Св. Пасхи, о чем А. В. Гоголь в 1885 г. сообщала Г. П. Данилевскому: «Наша мать умерла, 76<-ти> лет, в 1868 году, в деревне Васильевке, скоропостижно, на первый день Светлого праздника; вероятно, не поберeглась после семинедельного поста» (*Данилевский Г. П.* Знакомство с Гоголем // *Свод*. Т. 1. С. 316). См. также: «М<ария> И<вановна> скончалась, 76 лет, в 1868 году, в деревне Васильевке, в первый день Светлого праздника» (*Белозерская Н. А.* Мария Ивановна Гоголь. Биографический очерк // Русская Старина. 1887. № 3 (цензурное разрешение 16 февр.). С. 707).

[3] Воспоминания М. И. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 48; см. также: Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод*. Т. 1. С. 66–67.

АПРЕЛЯ 1. СРЕДА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. КИБИНЦЫ

О. Д. Трощинская извещает мужа А. А. Трощинского:

«Я тебе писала на прошедшей почте, что бедной наш Василий Аф<анасьеви>ч приехал из Лубен без всякой уже надежды, он был так слаб, что не мог уже говорить, и на второй день Праздника <то есть 30 марта; Св. Пасха в 1825 г. отмечалась 29 марта> объявил мне желание видеть Марью Ивановну и проститься с нею; я же, узнавши, что она родила дочь Ольгу благополучно и находится, слава Богу, в хорошем состоянии, послала за нею вчера карету; он умер после обеда почти при мне, потому что я была у него беспрестанно, и он просил меня, чтоб я тотчас после его смерти отправила его в Ярески к Ивану М<атвееви>чу <Косяровскому>, а оттуда уже в их деревню, где он и препоручил себя похоронить возле церкви. Все его желания я, кажется, исполнила, и вчера же его вывезли отсюда в карете, а между тем я послала тотчас нарочного козака в Яновку с письмом к Анне Матвеевне <Трощинской> (ибо она теперь там) и просила ее приготовить Марью Ивановну к этому несчастию».

Свод. Т. 1. С. 51–52.

АПРЕЛЯ 3. ПЯТНИЦА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. ВАСИЛЬЕВКА

Похороны В. А. Гоголя-Яновского[1].

Из воспоминаний М. И. Гоголь: «На пятый <на четвертый> день его хоронили, и он был, как живой, только немного пожелтел. Я не ела и не пила ничего. Когда предлагали мне что-нибудь, то я отвечала: "Он теперь уже не ест, и я не хочу". Меня до тех пор не пускали, покуда не внесли в церковь, а до того он все был в экипаже. [Тогда повезли меня в церковь, и я сказала, говорила моя знакомая, с улыбкой: "Теперь я его увижу".] <...> Когда я входила на крыльцо и увидела множество народу, и пели *Христос Воскресе* (тогда были праздники Воскресения Христова), – такое странное торжество показалось мне, вспомня, как он любил <э>тот праздник. Гроб стоял высоко; меня ввели по ступенькам. Увидя его, я не знаю, что со мной было! После мне рассказывали, что я была вне ума, говорила громко с ним, и отвечала за него. Когда начали меня сводить оттуда, – я все возвращалась и показывала на волосы, не зная, как назвать ножницы. Тогда догадались и отрезали мне волос немного[2], я пошла к его могиле – увидеть, есть ли и для меня место, как я о том просила, – и увидела это исполненным. По возвращении домой бросилась в постель, спрятала голову, не говорила ни с кем и не отвечала никому. Тетушка моя не оставляла меня до шести недель. Она говорила, что то самое тяжелое время для остающихся, а по прошествии того времени обращаются более к Богу. Она упрашивала меня выпить чашку чаю поутру, и что-нибудь поесть в обед, но я все отказывалась. Тоска была невыразимая. Я оставалась довольно долго, не подымая головы и никого не видя. Детей мне не показывали. Старшие двое учились – один в Нежине, а другая у мадам Арендт[3], медика придворного матери[4]. (Она была при начале Полтавского Института директриссой, и потом имела свой маленькой пансион в деревне, выдав дочь свою за помещика.)

Тетушка подошла ко мне, приготовя в рюмке вина пополам с водой и маленькой кусочек хлеба, и сказала: "Ты, видно, не хочешь видеться с Василием Афанасьевичем в лучшем мире. Он обитает с ангелами, а ты никогда не будешь там. Он берег свое здоровье, лечился, хотел жить, зная, что он бы был полезен для детей, а ты хочешь быть самоубийцей, – уморить себя голодом". Я подняла голову. Она мне положила чайной ложечкой в рот тот кусочек и более не могла принудить; что продолжалось ежедневно, по одной чайной ложечке в день. Потом сказала мне, что дети скучают, хотят меня видеть. Посадили меня, обложили подушками и ввели детей ко мне троих, одетых в черном с плерезами, а четвертое было в колыбели. Посмотря на них, я погрузилась в размышление, что будет с этими сиротами, когда и я еще умру, да еще с девочками, которым нужнее мать! Велела подать мне супу и приняла одну ложку, как лекарство. Трудно мне было глотать: у меня, казалось, засохло горло и желудок. И каждый день предлагали понемногу; но когда предлагали мне что другое из ку-

шанья, то мне делалось дурно [желудок не принимал]. Оставшись одна, я рассуждала так (видно, повреждена была в рассудке): “Бог так милосерд, что если бы знал, как я приму это несчастье, то не наказывал бы меня так ужасно. Пусть же теперь посмотрит!” Мне казалось, что Бог раскаивается уже, так жестоко наказавши меня. Я бредила так, будучи уже 33 лет. Но Бог помиловал меня: более не возвращалось такое заблуждение, и я просила Творца моего простить меня за такую непокорность Его воле. Когда я вышла в первый раз в сад, когда заставили меня жить, то с таким странным чувством смотрела на все, на том же месте стоявшее. Мне казалось, что все должно было опрокинуться и погибнуть. Мне казалось, что ничто уже в жизни не может меня поразить так сильно...»

Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 67–68.

[1] См. ***1825. Апреля 4. Кибинцы.***

[2] См. ***1825. Апреля начало. Васильевка.***

[3] В черновой редакции мемуаров далее было: «...я им не могла писать о нашем несчастии и просила письменно: директора в Нежине приготовить к такому удару моего сына, и в пансион мадам Арендт приготовить мою дочь, которая после заболела в нервическую горячку; а сын в таком был горе, что хотел броситься в окно с верхнего этажа. Он писал потом ко мне» (Записки матери Гоголя в виде письма к П. А. Кулишу // *Свод.* Т. 1. С. 68). См. ***1825. Апреля 23. Нежин.***

[4] Арендт Николай Федорович (1785–1859), доктор медицины и хирургии, тайный советник, лейб-медик Николая I (с 1829 г.), лечил А. С. Пушкина после дуэли с Г. К. Дантесом. В письме к М. И. Гоголь из Петербурга от 2 февраля 1830 г. Гоголь замечал: «В столице нельзя пропасть с голоду имеющему хотя скудный от Бога талант. Одного только нужно опасаться здесь бедняку – заболеть. Тогда-то уже ему почти нет спасенья: источники его доходов прекращаются, издержки на лекарства и лекарей для него совершенно невозможны, и ему остается одно средство – умереть. Но этого со мною никогда не может случиться: здесь есть Арендт, которого искусство и благородная душа чужды всякого интереса».

АПРЕЛЯ 4. СУББОТА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. КИБИНЦЫ

О. Д. Трощинская пишет мужу А. А. Трощинскому:

«Василия Аф<анасьеви>ча вчера уже похоронили. Марья Ивановна, говорят, очень нездорова, да и немудрено, недавно родила, и такой ужасный удар... <...> ...Я бы поехала к ней, так Дядинька[1] не пускает».

Свод. Т. 1. С. 52.

[1] Д. П. Трощинский.

АПРЕЛЯ НАЧАЛО. ВАСИЛЬЕВКА

Анна М. Трощинская сообщает в Кибинцы:

«Машенька бедная утопает в слезах... Просит сделать такую могилу, чтоб и ей место было возле него... Сделали могилу на 2 гроба. Отрезала у покойника волос и спрятала его как будто для нее какое сокровище...»

Золотусский И. П. Гоголь. 2-е изд., испр. и доп. М., 1984. С. 61; см. также: *Свод.* Т. 1. С. 76.

АПРЕЛЯ 20. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

П. А. Баранов получает от М. И. Гоголь-Яновской письмо с просьбой известить ее сына о смерти отца. Баранов обращается к одному из их общих с Гоголем

школьных приятелей с просьбой поставить его в известность о получении письма из дому с тревожными вестями.

См. ***1825. Апреля 24. Нежин.***

АПРЕЛЯ 21. ВТОРНИК. НЕЖИН

По поручению П. А. Баранова один из приятелей Гоголя сообщает ему об «отчаянной болезни» отца.

См. ***1825. Апреля 24. Нежин.***

АПРЕЛЯ 22. СРЕДА. ПРЕПОЛОВЕНИЕ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ. УТРО. НЕЖИН

По поручению П. А. Баранова один из приятелей Гоголя сообщает ему о смерти отца[1].

А. С. Данилевский в 1887 г. рассказывал В. И. Шенроку: «Помню, как он <Гоголь> был удручен, когда получил известие о смерти отца... Потом он смотрел на себя, как на главу семейства. Тут произошел перелом, он из ребенка превратился в юношу»[2].

[1] См. ***1825. Апреля 24. Нежин.***
[2] Воспоминания А. С. Данилевского в статье В. И. Шенрока «Родители Гоголя» // *Свод.* Т. 1. С. 495.

АПРЕЛЯ 23. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

На следующий день по получении известия о кончине отца Гоголь пишет письмо матери:

«Не беспокойтесь, дражайшая маминька! Я сей удар перенес с твердостию истинного христианина. Правда я сперва был поражен ужасно сим известием однако ж не дал никому заметить, что я был опечален. Оставшись же я наедине, я предался всей силе безумного отчаяния. Хотел даже посягнуть на жизнь свою. Но Бог удержал меня от сего – и к вечеру приметил я в себе только печаль, но уже не порывную, которая наконец превратилась в легкую, едва приметную меланхолию, смешанную с чувством благоговения ко Всевышнему.

Благословляю тебя, священная вера! В тебе только я нахожу источник утешения и утоления своей горести! Так дражайшая маминька! я теперь спокоен – хотя не могу быть счастлив: лишившись лучшего отца, вернейшего друга всего драгоценного моему сердцу. Но разве не осталось ничего, что б меня привязывало к жизни? Разве я не имею еще чувствительной, нежной, добродетельной матери, которая может мне заменить и отца и друга и всего что есть милее, что есть драгоценнее?

Так я имею вас и еще не оставлен судьбою. Вы одни теперь предметом моей привязанности; одни которые можете утешить печального, успокоить горестного. Вам посвящаю всю жизнь свою. Буду услаждать ваши каждые минуты. Сделаю всё то, что может сделать чувствительный, благодарный сын. Ах, меня беспокоит больше всего ваша горесть! Сделайте милость, уменьшите ее, сколько возможно, так, как я уменьшил свою. Прибегните так, как я прибегнул, к Всемогущему. <...> Не забудьте что с вашим благополучием соединено благополучие и вашего сына...»[1]

Справляется о здоровье сестер Марии («...Машинька дома ли? или в пансионе»), Анны, Елисаветы, Татьяны и Ольги. Просит прислать 10 рублей на приобретение книги «Курс Российской словесности» («Основание Российской словесности» А. С. Никольского)[2], которую проходят в гимназии.

В 1874 г. М. М. Стасюлевич, комментируя письмо Гоголя, замечал: «Шестнадцати лет трудно так рассуждать в самый день получения известия о смерти любимого отца, без известного задатка душевных наклонностей, которые со временем могут привести к <...> экзальтации религиозного чувства»[3].

[1] Письмо было отправлено на следующий день (см. ***1825. Апреля 24. Пятница. Нежин***).

[2] См. ***1822. Ноября 18. Санкт-Петербург.***

[3] <*Стасюлевич М. М.*> Николай Васильевич Гоголь. Биографический очерк // Русская Библиотека. Т. III. Николай Васильевич Гоголь. СПб., 1874. С. VII.

АПРЕЛЯ 24. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

П. А. Баранов извещает М. И. Гоголь-Яновскую о выполнении ее поручения:

«С крайним прискорбием должен был принять на себя обязанность объявить сыну вашему о его несчастии, но я не имел столько твердости духа, чтобы мог сам сказать ему об этом, а поручил сие одному из моих товарищей, приготовив наперед его вашим письмом, а на второй день известием об отчаянной болезни покойника, на третий день по утру он узнал о постигшей смерти его родителя. Полагаясь на милосердного Бога, нимало не сомневайтесь о здоровье Николая Васильевича и о том, может ли он безвредно перенести постигшие его неприятности. Он имеет довольно рассудка, чем укрепиться твердостью духа, и хотя не с совершенным спокойствием противостоять предназначению судьбы; да притом и мы стараемся всячески развеселить и рассеять его мысли. Он беспокоится только о вашем здоровье и ожидает с нетерпением времени, в которое можно будет увидеть и утешить вас в горести. Препровождая при сем письмо к вам от Николая Васильевича[1]... честь имею пребыть ваш всепокорнейший слуга П. Баранов»[2].

К письму, написанному в предшествующий день[3] Гоголь прибавляет новое послание[4], в котором вновь утешает мать:

«Вообразите мою досаду. Письмо, которое я написал вчера, о сю пору не отправлено по той причине, что человек еще не едет. А между тем я мучусь каждый день об вас, мне всё представляется, что вы теперь в величайшей горести. Ах маминька! я вам говорю и повторяю, что я спокоен — что мое спокойствие зависит от вашего. Сделайте милость, не печальтесь, пожалейте нас несчастных сирот, которых всё благополучие зависит от вас. <...>

Я папиньке хотел было прислать несколько своих сочинений. Также своего рисования картинок[5]. Но... ему не угодно было их видеть. Я не знаю, прислать ли мне вам их[6] и примете ли вы милостиво первые [плоды вашего воспитания] плоды ваших родительских обо мне попечений. Уведомите меня о домашних делах».

В тот же день Авг. И. Аман был утвержден библиотекарем гимназии[7].

При сдаче бывшим библиотекарем И. Я. Ландражиным библиотеки гимназии Авг. И. Аману Гоголь берет у последнего «книги "Записки и труды Московского общества древностей русских", две части, и первую часть "Русских достопамятностей"»[8].

[1] Имеются в виду два письма Гоголя к матери от 23 и 24 апреля 1825 г., отправленные в один день.

[2] *Свод.* Т. 1. С. 534.

[3] См. ***1825. Апреля 23. Четверг. Нежин.***

[4] Согласно строкам следующего письма Гоголя к матери, от 26 мая 1825 г., оба послания, от 23 и 24 апреля 1825 г., были отправлены «чрез людей г-на Баранова».

[5] См. ***1825. Марта 18. Среда. Нежин.***

[6] Речь идет о первых несохранившихся литературных произведениях Гоголя, в число которых входили, вероятно, поэма «Россия под игом татар» (см. ***1825. Июня 3. Среда. Нежин***; ***1825. Июня конец – августа начало. Васильевка***), стихотворные баллада «Две рыбки» и трагедия «Разбойники», повесть «Братья Твердиславичи» (см. ***1825. Январь-апрель. Нежин***).

[7] *Супронюк. Словарь.* С. 201.

[8] См. ***1828. Ноября 20. Нежин.***

ЯНВАРЬ-АПРЕЛЬ. НЕЖИН

Предположительно в указанный период в гимназии начинают издаваться рукописные журналы «Звезда», «Навоз Парнасский» и др.[1] Гоголь в этот период написал стихотворение «Россия под игом татар» (не сохранилось). Вероятно, к этому же времени относятся стихотворная баллада Гоголя «Две рыбки»[2], написанная пятистопным ямбом трагедия «Разбойники», «славянская повесть» «Братья Твердиславичи» (или Твердославичи[3]) (также не сохранились).

Позднее, в «Авторской исповеди» (1847), Гоголь писал: «Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще. Знаю только то, что в те годы, когда я стал задумываться о моем будущем (задумываться о будущем я начал рано, в те поры, когда все мои сверстники думали еще об играх), мысль о писателе мне никогда не всходила на ум, хотя мне всегда казалось, что я сделаюсь человеком известным, что меня ожидает просторный круг действий и что я сделаю даже что-то для общего добра[4]. Я думал просто, что я выслужусь и все это доставит служба государственная. От этого страсть служить была у меня в юности очень сильна. Она пребывала неотлучно в моей голове впереди всех моих дел и занятий. Первые мои опыты, первые упражненья в сочиненьях, к которым я получил навык в последнее время пребыванья моего в школе, были почти все в лирическом и серьезном роде. Ни я сам, ни сотоварищи мои, упражнявшиеся также вместе со мной в сочинениях, не думали, что мне придется быть писателем комическим и сатирическим, хотя, несмотря на мой меланхолический от природы характер, на меня часто находила охота шутить и даже надоедать другим моими шутками[5], хотя в самих ранних сужденьях моих о людях находили уменье замечать те особенности, которые ускользают от вниманья других людей, как крупные, так и мелкие и смешные. Говорили, что я умею не то что передразнить, но *угадать* человека, то есть угадать, что он должен в таких и таких случаях сказать, с удержаньем самого склада и образа его мыслей и речей. Но все это не переносилось на бумагу, и я даже вовсе не думал о том, что сделаю со временем из этого употребление».

В письме от 23 октября 1825 г. из Нежина[6] Гоголь, отвечая на вопрос матери о каком-то его сочинении, замечал: «В рассуждении же сочинения скажу вам, что я его не брал, но оно осталось между книгами в шкафу. Но это небольшая беда, ежели оно и точно пропало, я постараюсь вам вознаградить новым и гораздо лучшим».

М. И. Гоголь, вероятно, часто перечитывавшая письма сына, позднее не раз вспоминала о подаренном ей сочинении.

30 мая 1842 г. В. С. Аксакова, со слов Марии Ивановны, приезжавшей в Москву, писала М. Г. Карташевской[7]: «Как интересны все те мелочные подробности, которые она рассказывает про детство своего *Николиньки*. Какое он написал один раз какое-то сочинение и поднес ей, а потом она подозревает, что сам же у ней его взял...»[8]

Г. П. Данилевский, посетивший Васильевку в 1852 г.[9], также сообщал: «Кроме поэмы в стихах *Ганц Кюхельгартен*, напечатанной им под псевдонимом Алова[10], укажем еще на стихотворение "*Россия под игом Татар*"; это стихотворение никогда не было напечатано; Гоголь прислал[11] его к

своей матушке из Нежинского лицея, тщательно переписав его в изящную книжечку, украшенную собственными его рисунками. Из всего содержания этой эпопеи, к сожалению, [тайно похищенной] увезенной из Яновщины, через несколько лет, самим автором, матушка покойного помнит только окончание — следующие два стиха:

Раздвинув тучки среброрунны,
Явилась трепетно луна!»[12]

Мать Гоголя, прочитав статью Г. П. Данилевского, писала 24 февраля 1853 г. С. П. Шевыреву из Васильевки: «...Я сказала г. Данилевскому, что он <Гоголь>, будучи 16-ти лет <т. е. в 1825 г.>, поднес мне свою рукопись в стихах, со тщанием написанную, взяв то время, когда Рос<с>ия была под игом татар. Эта тетрадка им же была и обрисована, но после, когда он приезжал в каникулы домой, взял, рассматривая в шкапу книги, и, как видно, истребил, и, когда начала ему выговаривать, зачем он лишил меня этого, то он отнекивался, что не брал. Г. Д<анилевский> очень усердно просил меня сказать ему, что запомнила из его стихов; я сказала, что очень жалею, что не помню; это было так давно, и я долго грустила, что не спрятала в таком месте, где бы он не нашел, но я не могла предвидеть, чтоб он мог взять обратно свой подарок. Один только при конце врезался в моей памяти куплет: "Раздравши тучи сребро-рунны, являлась трепетно Луна". Г. Д<анилевский> напечатал вместо "туч" — "тучки"...»[13]

В записке о сыне Мария Ивановна сообщала: «В стихах он поднес было мне тетрадку, обрисованную как можно тщательнее, когда Рос<с>ия была под игом татар, и мне казались стихи необыкновенно хороши, и мне очень было жаль, что он у меня тайно их взял с шкаба, прося ключ вынуть книги при отъезде в Нежин, и я не подозревала этого и нескоро узнала, и начала ему выговаривать, зачем он лишил меня моей собственности, он отнекивался, что не брал, и обещал мне доставить, что-нибудь лучшее»[14] (очевидно, Мария Ивановна в последних строках пересказывает слова сына в письме от 23 октября 1825 г.; см. выше).

П. А. Кулиш, со слов Н. Я. Прокоповича, сообщал: «...Сохранилось предание еще об одном ученическом произведении Гоголя — о трагедии "Разбойники", написанной пятистопными ямбами. <...> ...Она значительно возвысила Гоголя во внимании товарищей. <...>

Не ограничиваясь первыми успехами в стихотворстве, Гоголь захотел быть журналистом, и это звание стоило ему больших трудов. Нужно было написать самому статьи почти по всем отделам, потом переписать их и, что всего важнее, сделать обертку на подобие печатной. Гоголь хлопотал изо всех сил, чтоб придать своему изданию наружность печатной книги, и просиживал ночи, разрисовывая заглавный листок, на котором красовалось название журнала: "Звезда"[15]. Все это делалось, разумеется, украдкою от товарищей, которые не прежде должны были узнать содержание книжки, как по ее выходе из редакции. Наконец первого числа месяца книжка журнала выходила в свет. Издатель брал иногда на себя труд читать вслух свои и чужие статьи. Все внимало и восхищалось. В "Звезде", между прочим, помещена была повесть Гоголя "Братья Твердиславичи" (подражание повестям, появлявшимся в тогдашних современных альманахах), и разные его стихотворения. Все это написано было так называемым "высоким" слогом, из-за которого бились и все сотрудники редактора. Гоголь был комиком во время своего ученичества только на деле: в литературе он считал комический элемент слишком низким. Но журнал его имеет происхождение комическое. Был в Гимназии один ученик[16] с необыкновенною страстью к стихотворству и с отсутствием всякого таланта, — словом, маленький Тредьяковский. Гоголь собрал его стихи, придал им название "Альманаха" и издал под заглавием: "Парнасский Навоз"[17]. От этой шутки он перешел к серьезному подражанию журналам и работал над обертками очень усердно в течение полугода или более. <...>

Речь его отличалась словами малоупотребительными, старинными или насмешливыми; но в устах его все получало такие оригинальные формы, которыми нельзя было не любоваться. У него все перерабатывалось в горниле юмора. Слово его было так метко, что товарищи боялись вступать с ним в саркастическое состязание. Гоголь любил своих товарищей вообще, и до такой степени спутники первых его лет были тесно связаны с тем временем, о котором впоследствии он из глубины души восклицал: "О моя юность! о моя свежесть!" ("Мертвые души", стр. 209. — *Примеч.*

П. А. Кулиша. – И. В.), что даже школьные враги его, если только он имел их, были ему до конца жизни дороги. Ни об одном из них не отзывается он с холодностью или неприязнью, и судьба каждого интересовала его в высшей степени. <...> Бывшие наставники Гоголя аттестовали его как мальчика скромного и "добронравного"; но это относится только к благородству его натуры, чуждавшейся всего низкого и коварного. Он действительно никому не сделал зла, ни против кого не ощетинивался жесткою стороною своей души; за ним не водилось каких-нибудь дурных привычек. Но никак не должно воображать его, что называется, "смирною овечкою". Маленькие злые, ребяческие проказы были в его духе, и то, что он рассказывает в "Мертвых душах" о *гусаре*, списано им с натуры. Подобные затеи были между его товарищами в большом ходу»[18].

В. И. Любич-Романович в конце 1880-х гг. вспоминал: «В числе странностей Гоголя было много его своеобразных взглядов на все окружающее его общество и на то, что общество признавало для себя законом или правилом жизни, как нечто неизбежное, чему следовало поклоняться, веровать... И это-то все Николай Васильевич игнорировал, называл баловством, недостойным делом, от которого надо было бежать, открещиваться, как от антихриста, и избавлять себя, как от врага, мечом мысли... Может быть, это было и оригинально с его точки зрения, но не рационально, однако, на наш взгляд, и мы смеялись над ним в этом случае, как могли, и называли его карбонарием...

В церкви, например, Гоголь никогда не крестился перед образами святых отцев наших и не клал перед алтарем поклонов наравне с другими молящимися, но святые молитвы слушал со вниманием, иногда даже повторял их нараспев, как бы служа сам себе отдельную литургию или литию... Дьячков он осуждал за гнусавость пения, невнятность чтения псалтыря и за скороговорку великопостной службы... Не одобрял он также степеней и градаций в церкви и толкал мужика вперед, говоря: "Тебе Бог нужнее, чем другим, иди к Нему ближе!"... Это иногда вызывало нарекание на него со стороны именитых граждан Нежина, но он не обращал на то никакого внимания и всегда оставлял протестантов без ответа... Не находя ничего лучшим для себя, как сделать что-нибудь для мужика полезное, он нередко обращался к нему в церкви с вопросом: "Есть ли у тебя деньги на свечку?", и получив отрицательный ответ, сейчас же вынимал из кармана какую-нибудь монету и отдавал ее мужику, говоря: «На, поди, поставь свечку, кому ты желаешь, да сам поставь, это лучше, чем кто другой за тебя поставит»... И мужик шел ставить свечку тому образу, которому он молился... Это постоянно вызывало толкотню в церкви, на что иные сетовали, предлагая передавать свечи через руки других лиц, стоящих впереди подателя... Но Гоголь был счастлив... Он торжествовал, что его цель была достигнута, и мужик подошел к алтарю, опередив все мундиры, стоящие перед амвоном... Ему только этого и нужно было; он только того и хотел, чтобы мужик потерся своим зипуном о блестящие мундиры и попачкал бы их своей пыльцой... Однажды Гоголь, недовольный пением дьячков, зашел к нему на клирос и стал подпевать обедню, ясно произнося слова молитв, но священник, услышавший незнакомый ему голос, выглянул из алтаря и, увидев Николая Васильевича, велел ему удалиться... Это страшно разобидело Гоголя, и он перестал ходить в церковь. Замечая его отсутствие за обедней, священник прочел ему нотацию и сказал, что если он и впредь не будет посещать храма Божия, то наложит на него эпитимию... Но Гоголь этого не устрашился и по-прежнему за обедню не ходил. Эпитимию же, на него наложенную священником, он также не пожелал выполнять в церкви в присутствии всех молящихся и постоянно отзывался больным... За это ему в «поведении» была поставлена единица, и он над нею посмеялся в следующих словах: "Хорошо, что не двойка; единицу-то хоть можно принять за туза, а двойка так и останется двойкой"...

Вообще Гоголь отличался всякими странностями, даже и в словах. На деле же он иногда превосходил самого себя. Забывая часто, что он человек, Гоголь, бывало, то кричит козлом, ходя у себя по комнате, то поет петухом среди ночи, то хрюкает свиньей, забравшись куда-нибудь в темный угол. И когда его спрашивали, почему он подражает крикам животных, то он отвечал, что "я предпочитаю быть один в обществе свиней, чем среди людей"...

Такое отрицание было у него к обмену мыслей с людьми. Так, он не любил нас, детей аристократов, будучи сам демократом. И все это потому, что мы дурно относились к нему, как к товарищу. А будь мы менее надменны с ним в общении, весьма возможно, что Гоголь был бы общительнейший человек среди своих товарищей, и мы многое услышали бы от него, чего до сих пор еще не сказала о нем биография. Но теперь сказать о Гоголе-юноше приходится очень мало, потому что его внутренний мир для нас остался закрытым, а те незначительные проявления его в обыденной жизни, которые мы наблюдали в нем, не дают того субъекта, который скрывался в Гоголе.

Вообще, как уже сказано, Николай Васильевич не любил подражать кому бы то ни было... ибо это была натура противоречий. Все, что казалось людям изящным, приличным, ему, напротив, представлялось безобразным, гривуазным. В обиходе своем он не любил симметрии, расставлял в комнате мебель не так, как у всех, например, по стенам, у столов, а в углах и посредине комнаты; столы же ставил у печки и у кровати, точно в лазарете или в больнице. Ходил он по улице или по аллеям сада обыкновенно левой стороной, постоянно сталкиваясь с прохожими. Это давало случай обращать на него внимание всех посторонних и посылать ему вслед: "Невежа!" Но Гоголь обыкновенно этого не слышал, и всякие оскорбления для себя считал недосягаемыми,

говоря: "Грязное к чистому не пристанет... Вот если бы я вас мазнул чем-нибудь, ну, тогда было бы, пожалуй, чувствительно".

Прогуливаясь как-то по аллеям лицейского сада левой стороной, Гоголь толкнул плечом одного из воспитанников, на что тот сказал ему: "Дурак!" – "Ну, ты умный, – ответил Николай Васильевич, – и оба мы соврали"... Вообще он, бывая в обществе, ходил с опущенной головой и ни на кого не глядел. Это придавало ему вид человека, глубоко занятого чем-нибудь, или сурового субъекта, пренебрегавшего всеми людьми. Но в общем он вовсе не был зол, напротив, его душа всегда была отзывчива к ближнему. Так, например, он никогда не мог пройти мимо нищего, чтобы не подать ему, что мог, если имел, и всегда говорил просившему у него подаяния: "Извините", когда нечего было вложить тому в руку. Однажды ему даже случилось остаться в долгу у одной нищенки, которой ему нечего было подать в то время, когда он проходил мимо нее, и на ее слова: "Подайте Христа ради", ответил: "Сочтите за мной"... И в следующий раз, когда та обратилась к нему с той же просьбой, как прежде, он подал ей вдвойне, добавив при этом: "Тут и долг мой"... Вообще Гоголь относился к бедности с большим вниманием и, когда встречался с нею, переживал тяжелые минуты[19].

– Я бы перевел всех нищих, – говорил он иногда, – если бы иметь на это силу и власть.

– Но как бы вы это сделали? – спрашивали его.

– Да всем бы построил дома, дал бы им земли и заставил бы работать для себя... А то ведь им головы преклонить некуда, потому они и побираются. При доме же и земле они этого не захотели бы для себя... Ведь просить милостыню – позор. Всякий это знает. А если он просит, то, стало быть, нуждается, и потому ему надо подать. А при доме и земле он не пошел бы побираться...

Так Гоголь думал о нищих, так он полагал извести нищету и, не имея средств, чтобы помочь видимому горю, скорбел в душе.

Как человек, выросший в соседстве самой природы, Николай Васильевич любил ботанику. И всегда, когда у него была свободная минута, он отправлялся в лицейский сад и там подолгу беседовал с садовником о предметах его задач.

– Ты рассаживай деревья не по ранжиру, как войска в строю, один подле другого на рассчитанном расстоянии, а так, как сама природа это делает, – говорил он.

И, взяв в руку несколько камешков, он бросал их на поляну, добавляя при том:

– Вот тут и сажай деревцо, где камень упал.

– Да ведь это будет зря, – отвечал садовник.

– Сам-то ты "зря". Что природа-то хуже нас понимает свое дело, а она все так сажает... А то что это? – точно солдат расставил в шеренгу: на два аршина всякое деревцо... Да разве в лесу это есть?.. Там всякое растение цветет, где ему удобно, а ты заставляешь его расти, где тебе хочется. Ну, на что это похоже?..

Но садовник с Гоголем не соглашался и называл его "чудаком-барином"... На это Николай Васильевич страшно сердился, но никогда не ругался, чтобы выразить свое неудовольствие "невежде".

– Это уж его так люди научили, – говорил он, – а люди учат всегда тому, что противно природе... И это у них называется культурой, – добавлял он, – какая это культура, где идет ломка всего естества... Это варварство одно... А я бы на твоем месте, Ермил, – продолжал он назидать садовника, – поступил так, как я тебе говорю. На господ же ты плюнь. Они сами не знают, чего от тебя требуют. Им бы только маршировка. Они деревья тоже хотят выучить ходить по команде: левая, правая – где сторона... Да, все равно, где бы она ни была. И я иду там, где мне нравится. Вот так и деревцо растет, где ему хорошо. А ты хочешь заставить его цвести там, где тебе нужно. Вот почему у тебя фрукты-то плохо и родятся. А ты посмотри, сколько их в лесу. И все это потому, что они там растут свободно, без принуждения. А если бы ты их принуждал, то они тебе ничего бы и не дали. Так всегда. Ты это по себе знай. Ведь свобода дорога?.. Ну, деревцо тоже любит свободу... А ты его стесняешь... Оно растет, а ты срезаешь. Зачем это? Пусть стремится к Богу. Всякому поближе к небу хочется. Ну, деревцо тоже вверх лезет. А ты его режешь. Не трогай. Пусть себе растет.

– Невозможно-с, господа требуют "подравнять".

– Ну, а ты плюнь на господ. Порченые они люди, портят и тебя, а ты в угоду им портишь свои деревца. Не делай этого. Угода дураку – хуже всего.

– Как так?

– Да так. Разве умный скажет: отрежь мне голову, а они велят резать головки деревцам.

– Это точно.

– Да я уж зря не скажу. Все, что тебе вымолвлю, будет правда.

– Это точно, что головки деревцам резать не след. Деревцо-то от того чахнет.

– И умирает.

– И умирает... Это бывает... Точно... Особливо, ежели глубоко возьмешь.

– Вот ты и подумай, что я говорю...

И Гоголь был в восторге, что "урезонил" садовника.

– А то ни один человек не хочет согласиться со мною, – говорил он. – Ведь обидно... И добро бы – я кому зла желал. Так нет же, вот не хотят согласиться.

Убежденный всегда в своей правоте, Гоголь сильно грустил, когда с ним кто-либо не соглашался.

— Я только говорю то, что знаю, в чем убежден, и в этом мне не верят... Ну, как не обидно тут...

Вот почему он часто и не договаривал того, что хотел сказать, если вступал с кем в разговор, опасаясь, что ему не поверят, и что его истина, изреченная устами правды, останется не принятой. Из-за этого он получил прозвище "мертвой мысли", то есть человека, с которым умрет все, что он создал, что думал, ибо он никогда не изрекал ни перед кем того, что мыслил... И все это потому, что он опасался за напрасный труд рассыпать бисер перед свиньями... Скрытность эта сделала Гоголя застенчивым, молчаливым. Но на самом же деле он хотел и говорить, и поделиться своими мыслями, но странность его натуры погружала его в самого себя... Отсюда у него появилась мрачность, нелюдимость и необщительность. Было ли это явление в Гоголе чем-либо болезненным, самонадеянным и горделивым, внушенным манией величия, — пусть скажет об этом его биограф, а я передаю лишь голые факты, которые были вынесены нами из непосредственного сношения с ним во время школьной жизни. Гоголь был молчалив даже в случаях его оскорбления.

— Что это? — говорил он, — отвечать на оскорбление?.. Да кто это может сказать, что я его принял?.. А если отвечать, то это значит сознавать себя оскорбленным.

— Но разве вы не сознаете этого? — спрашивали его.

— Ничуть.

— Почему.

— Потому, что я считаю себя выше всяких оскорблений... Говоря иначе, я не считаю себя заслуживающим оскорбления, а потому и не принимаю его на себя.

Таково было отношение Гоголя к оскорблениям. Вот почему он всегда и проходил мимо нас, своих одноклассников, не проронив ни одного членораздельного звука в то время, когда мы над ним смеялись. Быть таким терпеливым к своим оскорбителям мог только характер твердый. И Гоголь его имел. Замкнутость в нем доходила до высшей степени. Какой другой человек мог бы перенести столько насмешек, сколько переносил их от нас Гоголь? И все это молчаливо. <...>

Над чем другим Гоголь, может быть, и работал в школе наравне с нами, но над своей разговорной речью он поставил крест... И такое, бывало, словечко скажет, что над ним весь класс в голос рассмеется... Однажды ему это было поставлено на вид одним из наших преподавателей, но Гоголь ему на это ответил:

— А чем вы докажете, что я по-своему неправильно говорю?

И так всегда. И чем дольше его уверяли в противном, тем непреклоннее становился он в своем упорстве... Это была какая-то холодная скала, от которой отскакивало все, принятое в общежитии...

— Почему вы думаете, что я более вас циничен? — говорил он.

— Потому, — отвечали ему, — что это признается всеми.

— Ну, эти "все" иногда менее одного смыслят.

Самоуверенность Гоголя была таким образом непоколебима. Оставалось только преклоняться перед ним... И все махнули рукой на него. А он, как бы не замечая этого, говорил:

— Ну что, чья теперь взяла?.. Кто прав во всем?

— Да, конечно, не вы, — отвечали ему.

— Но не вы же? — раздраженно говорил он. — Вот если бы вы доказали мне свою правоту, ну, тогда я поверил бы...

— Да таких доказательств нет еще на свете, в которые бы вы уверовали.

— Ну, а если нет, так и говорить нечего о том...

Противопоставить ему что-нибудь в этом случае было совсем невозможно, ибо он все равно ни с чем не согласился бы»[20].

В. И. Шенрок, со слов Петра Н. Гороновича (поступившего в гимназию в ноябре 1822 г.), также сообщал: «В другой раз выведенный Гоголем из терпения другой профессор, говоря с его отцом[21] и указывая на свою звезду, клялся ею, что из Гоголя ничего не выйдет»[22].

[1] См. также ***В течение 1824/25 учебного года (1824 август — 1825 май). Нежин***; ***1825. Февраля 16. Понедельник. Санкт-Петербург***; ***1826. Января конец. Нежин.***

[2] См. ***1819. Июля средина — август. Васильевка.***

[3] См. ***В течение 1824/25 учебного года (1824 август — 1825 май). Нежин.***

[4] См. ***1825. Июня конец — августа начало. Васильевка.***

[5] См. ***1825. Декабря 11. Пятница. Нежин***; ***1826. Августа после 16 — ноября начало. Нежин***; ***1827. Март. Нежин.***

[6] См. ***1825. Октября 23. Пятница. Нежин.***

[7] Мария Григорьевна Карташевская (1818–1906), племянница С. Т. Аксакова, двоюродная сестра В. С. Аксаковой.

[8] См. ***1842. Мая 28. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Москва.***

[9] См. ***1852. Июня 21. Суббота. Васильевка.***

[10] См. ***1829. Июля между 21 и 26. Санкт-Петербург.***

[11] Сначала хотел прислать (см. ***1825. Апреля 24. Пятница. Нежин***), но затем передумал и на каникулах привез и «поднес» матери сам (***1825. Июня 3. Среда. Нежин***; ***1825. Июня конец – августа начало. Васильевка***).

[12] *Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки // *Свод.* Т. 1. С. 288.

[13] Гоголь в письмах матери М. И. Гоголь и сестры А. В. Гоголь к С. П. Шевыреву // *Свод.* Т. 1. С. 126.

[14] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 29.

[15] См. также ***1826. Января конец. Нежин.***

[16] Возможно, М. А. фон Риттер (см. ***1826. Марта вторая половина. Москва***).

[17] См. также ***В течение 1824/25 учебного года (1824 август – 1825 май). Нежин***; ***1826. Января конец. Нежин.***

[18] Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 577, 575.

[19] См. также ***1826. Апреля 21. Среда Светлой седмицы. Нежин.***

[20] *Глебов С. И.* Гоголь в Нежинском лицее. (Из воспоминаний В. И. Любич<а>-Романовича) // *Свод.* Т. 1. С. 562–566.

[21] Ср. ***1825. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Кибинцы.***

[22] См. ***1825. Февраля 16. Понедельник. Санкт-Петербург.***

МАЯ 6. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Н. Г. Белоусов «определен г-ном министром в Гимназию высших наук исправляющим <должность> младшего профессора юридических наук».

Михед, Якубина. С. 408.

МАЯ 14. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Спустя год после оставки 15 мая 1824 г. министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына (и реорганизации возглавляемого им министерства) издан указ «Об отобрании от всех духовных училищ, мест и лиц книг, заключающих в себе учения, противные вере и благочестию», согласно которому все сочинения Я. Беме, И. Г. Юнга-Штиллинга, Ж. Ф. Дютуа-Мембрини[1], а также десять книг Ж. А. Гюйон, изданных в русском переводе в 1820–1823 гг., были запрещены – в их числе «Краткий и легчайший способ молиться...» (19 экземпляров последней книги имелись в библиотеке гимназии)[2].

В Нежине с изданием указа часть запрещенных книг осталась, вероятно, на руках у гимназистов. В списке книг, составленном спустя полтора года, осенью 1826 г. в Москве, В. В. Тарновским, «творение Гжи Гион» «Краткий и легчайший способ молиться» значится как «данное от Гимназии»[3]. В отличие от восточного православного исихастского учения об «умном делании» западные мистики рассматривали высшую степень молитвенного общения с Богом не как собственно христианское, но как общечеловеческое состояние религиозного экстаза, – и с пренебрежением относились к православной аскетике[4]. По словам М. Л. Магницкого, «...иллюминаты <...> тем охотнее вдаются в учение M-me Guyon, что оно, не обязывая их ни к каким постановлениям *власти духовной*, тешит их разум призраками мистических мечтаний и дает гордости их скорую надежду сделаться из отступников от Бога вдруг святыми, удостоясь чудесных *откровений*, видений и пр.»[5] Сочинения Ж. А. Гюйон имели хождение в среде декабристов.

Указом от 14 мая 1825 г. запрещению подлежали книги: «Печатанные в Петербурге: 1) Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению духа Христова, 1820 года, одна книга; 2) Таинство креста, 1820 года, одна книга; 3) Путь ко Христу, I. Бема, 1815 года, одна книга; 4) Победная повесть[6], Соч. Штиллинга, 1815 года, одна книга; 5) Письма к другу об ордене свободных каменьщиков, 1816 г., одна книга; 6) Сионский Вестник 1806, 1817 и 1818 годов, восемь книг; 7) Краткие рассуждения о важнейших предметах жизни Христианской,

1821 г., одна книга; 8) Краткий и легчайший способ молиться. Соч. г-жи Гіон, 1822 г., одна книга. <...> Печатанные в Москве: 9) Сочинения той же г-жи Гіон: Толкования: на Деяния и Послания Святых Апостолов, 1820 и 1821 годов, три книги; на Апокалипсис, 1821 года, одна книга; на Евангелие, 1822 года, четыре книги; на Притчи Экклесиаста, Песнь Песней и Премудрости Царя Соломона и Иисуса, сына Сирахова, 1823 года, одна книга; и 10) Божественная Философия, соч. Дютуа, 1818 и 1819 годов, шесть книг»[7].

[1] См. ***1819. Марта 22. Суббота.***

[2] См. ***1824. Январь. Нежин.*** – См. также: ***1822. Апреля 5. Среда Светлой седмицы. Кибинцы.***

[3] *РГБ.* Ф. 74. К. 6. Ед. хр. 1. Л. 3 об.; *Гоголь 2009–2010.* Т. 9. С. 884. – Рукописная книга с указанным списком книг, заведенная В. В. Тарновским 24 сентября 1826 г. в Москве и подаренная 14 ноября того же года «брату Александру Петровичу», принадлежала позднее Гоголю. В январе 1829 г. В. В. Тарновский выехал в Петербург, автографы Гоголя в этой книге датируются 1830–1834 гг. (см. ***1829. Конец года. Санкт-Петербург*** – примечания).

[4] См.: *Знаменский П.* Чтения из истории Русской Церкви за время царствования Императора Александра I. Казань, 1885. С. 167–168.

[5] *Шильдер Н. К.* Два доноса в 1831 году // Русская Старина. 1899. № 2. С. 300–301.

[6] См. ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург*** (примечания).

[7] 1825. Мая 14. Об отобрании от всех духовных училищ, мест и лиц книг, заключающих в себе учения, противные вере и благочестию // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Стб. 1627–1628.

МАЯ 24. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская посылает сыну деньги (10 рублей)[1] и отвечает на его письма[2].

[1] См. письмо Гоголя к матери от 30 сентября 1825 г.

[2] См. ***1825. Апреля 23. Четверг. Нежин; 1825. Апреля 24. Пятница. Нежин; 1825. Июня 3. Среда. Нежин; 1825. Июня 10. Среда. Нежин.***

МАЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК. С. БОГДАНОВКА, БЛИЗ ПОЛТАВЫ

Сестра Гоголя Мария пишет матери из пансиона Полтавского института для благородных девиц:

«...Целую сестриц и братца и прошу его, чтоб написал ко мне хотя две строчки»[1].

М. В. Гоголь после смерти отца некоторое время жила у крестной матери.

[1] *Свод.* Т. 1. С. 140.

МАЯ 26. ВТОРНИК. НЕЖИН

В письме к матери Гоголь выражает тревогу, что она не отвечает на его письма[1], заклинает ее «именем детей» написать хотя бы «одну строчку». Просит прислать за ним 18 июня, поскольку каникулы в гимназии начнутся 20 июня[2].

[1] См. ***1825. Апреля 23. Четверг. Нежин; 1825. Апреля 24. Пятница. Нежин.***

[2] Ср. ***1825. Июня 17–27. Нежин; 1825. Июня 27. Пятница. Нежин.***

МАЯ 30. СУББОТА. ЯРЕСКИ

Составлена опись Яреськовских лесных дач, принадлежавших М. И. Гоголь-Яновской.

РГАЛИ. Ф. 139. Ед. хр. 93. 2 лл.

ИЮНЯ 3. СРЕДА. НЕЖИН

Школьный товарищ Гоголя П. А. Баранов получил адресованное ему письмо от М. И. Гоголь-Яновской. В ответном письме Баранов сообщал:

«Получа почтеннейшее ваше письмо, я немедленно показал оное Николаю Васильевичу и тем успокоил его насчет вашего здоровья; он, как говорит, писал к вам от 24-го <26-го> мая[1]. Здоровье его с самого приезда моего в Нежин и до сих пор находится в хорошем состоянии, и дабы более уверить вас в сем, он обещал написать вместе со мною к вам письмо и в оном за себя уведомить. Приближающиеся экзамены весьма много приносят развлечения вашему сыну, ибо он занимается приуготовлением к оному; в свободное время я с Сашею[2] и другими товарищами всегда с ним разговариваем и чрез сие приносим ему развлечение. Николай Васильевич желает получить от вас письмо, в котором бы вы уведомили его о своем здоровье и насчет присылки за ним на каникулы...»[3]

Прочитав письмо матери к Баранову, Гоголь в тот же день писал ей:

«Известие, что вы в совершенном здоровье, как отрадный луч, проникло в мою душу; впрочем мне весьма бы хотелось иметь от вас письмо собственно ко мне. <...> ...Теперь я совершенно успокоился. <...> Я горю нетерпением вас видеть скорее. — Слава Богу время скоро приближается: теперь 3-е число июня, и я в радости твержу себе беспрестанно, что в этом же самом месяце я увижусь с вами, и это самое заставляет меня забывать все горести. Экзамен у нас начнется 15-го июня, в нашем классе кончится 17-го, и я 18-го могу уже ехать[4].

Жаль, что г-н Баранов теперь едет вместе с г. Забелою; следовательно уже не будет более ездить с нами. Итак нас теперь будет двое: я и г. Данилевский. Присылать же за нами надобно так, чтоб уже к 18 числу лошади были в Нежине, ибо сего числа мы выедем.

Еще прошу вас, дражайшая маминька, распорядить так, чтобы нам не зае<з>жать в Кибенцы, ибо платья у меня совсем нет кроме того, которое на мне. А присылать за нами прошу, ежели можно, желтою колясочкою, маленькою... <...> ...Я постараюсь к вам привезть несколько своих произведений[5], также хорошеньких картинок своей работы...»

Позднее, вероятно, к вечеру того же дня, Гоголь получил от матери деньги и письмо от 24 мая 1825 г.[6], адресованное ему лично, в котором она утешала сына в связи с потерей отца (на это письмо Гоголь отвечал 10 июня 1825 г.[7]).

[1] См. ***1825. Мая 26. Вторник. Нежин.***

[2] Вероятно, имеется в виду А. С. Данилевский.

[3] *Свод*. Т. 1. С. 534.

[4] Ср. ***1825. Июня 17–27. Нежин***; ***1825. Июня 27. Пятница. Нежин.***

[5] Вероятно, одним из этих первых произведений Гоголя была поэма «Россия под игом татар» (см. также ***1825. Апреля 24. Пятница. Нежин***; ***1825. Июня конец — августа начало. Васильевка***).

[6] См. ***1825. Мая 24. Воскресенье. Васильевка.***

[7] См. ***1825. Июня 10. Среда. Нежин.***

ИЮНЯ 5. ПЯТНИЦА

Полтавский помещик В. И. Черныш подает в правление гимназии прошение об отчислении А. С. Данилевского, в связи с тем, что «по домашним своим обстоятельствам не может содержать своего пасынка» в пансионе[1], а также в связи в желанием Данилевского поступить в Харьковский университет, «чтобы продолжать там науки»[2].

Спустя несколько дней, 10 июня 1825 г., Гоголь сообщал матери: «С нетерпением ожидаем теперь каникул. Данилевский, как уже вы знаете, хотел было <ехать> теперь, но его удержали до экзаменов. Чему я весьма рад, оттого что мне бы ужасная скука была ехать одному».

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 84, 185.
[2] *Супронюк. Словарь.* С. 57, 61.

ИЮНЯ 10. СРЕДА. НЕЖИН

Гоголь благодарит мать за деньги и письмо от 24 мая 1825 г., полученное им вечером 3 июня 1825 г.[1]:

«Письмо ваше, дражайшая маминька, (писанное 24 мая), я получил 3-го июня и спешу отвечать вам. – Я не знаю, получили ли вы прежние два письма, которые я к вам писал одно последних чисел мая[2], а другое первых июня[3]. Вы не поверите, дражайшая маминька, какое удовольствие принесло мне ваше письмо, но вместе с ним я не мог не быть растроган, особливо видя вашу любовь, вашу горячность родительскую, какую вы имеете к вашим детям, но ваши слова: что вы уже более для себя и для мира сего не живёте, что, может быть, я скоро должен занять место отца малолетним моим сестрам, слова сии поселили печальные предчуствия в моем сердце. Зачем предаваться горестным мечтаниям? Зачем раскрывать грозную завесу будущности? Может быть, она готовит нам спокойствие и тихую радость, ясный вечер и мирную семейственную жизнь. Будем надеяться на Всевышнего, в руке Которого находится судьба наша. Что касается до меня, то я совершу свой путь в сем мире и ежели не так, как предназначенно всякому человеку, по крайней мере буду стараться сколько возможно быть таковым. <...>

В рассуждении каникул я вам писал, что за нами надо присылать так, чтобы 18 или 19 лошади были уже здесь, потому что мы 20 или 21-го июня непременно выедем[4]. – Также я вам писал, чтобы в Кибенцы не езжать, потому что у меня платья совсем нет, кроме того, в котором хожу повседневно. Также еще я просил вас, маминька, чтобы вы за нами, ежели можно, прислали маленькою желтинькою коляскою, которая тогда, как я был, поправлена была в Кибенцах. И которую, ежели можно, прислали бы с зонтиком. Еще просил бы у вас, дражайшая маминька, прислать на дорогу несколько книг каких-нибудь новых и хороших, оттого что дорогою будет нам ужаснейшая скука, не делавши ничего».

[1] См. ***1825. Июня 3. Среда. Нежин.***
[2] См. ***1825. Мая 26. Вторник. Нежин.***
[3] См. ***1825. Июня 3. Среда. Нежин.***
[4] Ср. ***1825. Июня 17–27. Нежин; 1825. Июня 27. Пятница. Нежин.***

ИЮНЯ 17–27. НЕЖИН

Николай Гоголь сдает экзамены за шестой класс[1].

«В Журнале Конференции от 27 июня 1825 года помещено расписание летних экзаменов в Гимназии. Начинались они 15 июня и длились каждый день, исключая воскресенье, по несколько часов с перерывами в течение дня ("с утра", "11–12 ч<асов> дня", "после обеда"). В первые дни экзаменов утреннее время отводилось для сдачи дисциплин богословского цикла (Сокращенный Катехизис, Пространный Катехизис, Священная история и география Святой земли, Этика или нравственное любомудрие); обозначенное в расписании время "11–12 ч<асов> дня" отводилось лишь для экзамена "по языкам". Время "после обеда" посвящалось экзаменам в начальных (1–3) классах: Российская грамматика, Арифметика, География. Первый экзамен "по наукам" и "языкам" в шестом классе начинался 17 июня (Священная история и География), а заканчивался 25 июня (Конические сечения и История государства Российского). 27 июня – экзамен по фехтованию, танцам и музыке»[2].

О возможной теме, по которой Гоголь мог писать в июне 1825 г. сочинение по российской словесности, позволяет судить список «Темы для сочинений по Российской Словесности», составленный позднее, в конце 1827/28 учебного года, старшим профессором П. И. Никольским:

«Ученикам 6-го класса.
1. Весна приятна.
2. Солнце величествен<н>о.
3. Науки полезны.
4. Добродетель похвальна, любезна и священна.
5. Вселенная есть великолепное зрелище.
6. Течение рек премногообразно.
7. Горы суть как бы видимые узлы в связях земли.
8. Успехи в учении суть плоды прилежания.
9. Трудолюбие полезно.
10. Леность вредна»[3].

К. М. Базили успешно сдает экзамены за пятый, шестой и седьмой класс (однако с началом 1825/26 учебного года был оставлен в шестом).

И. Д. Халчинский вспоминал: «Из пятого класса Базили решился выдержать экзамен по прежним примерам на шестой и на седьмой тоже разом. В особенности это было трудно по математическим наукам, потому что надлежало знать всю алгебру и всю геометрию, а запас домашних сведений Базили был недостаточен. Профессор математики Шаполинский, принимая участие в Базили, стал для этого давать ему приватные уроки, даже без платы. В лето 1825 года трудный экзамен был выдержан, и профессора поздравляли отличного воспитанника с переводом в седьмой класс. <...> Но вслед за экзаменом И. С. Орлай был переведен в Одессу[4]. Между профессорами гимназии были раздоры. Ученый секретарь Андрущенко, профессор латинской литературы, <...> перепутал дело в конференции, не составил акта и, по возвращении Константина Михайловича из Глухова, где он проводил вакации у своего товарища Гинтовта, объявил ему, что он не в седьмом, а в шестом классе. Напрасно другие профессора заступались за обиженного, Андрущенко настоял на своем, доказывая противузаконность перехода через класс и называя это баловством. Оскорбленный Базили покорился своей судьбе, но заболел»[5].

[1] См. ***1825. Июня 3. Нежин.***

[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 85, 185; *Свод.* Т. 1. С. 451–452.

[3] *Сребницкий 1902.* С. 387.

[4] Орлай был переведен в Одессу позднее (см. ***1825. Сентября 30. Среда. Нежин***; ***1826. Августа 1. Воскресенье. Санкт-Петербург***); находился в разъездах в качестве ревизора в октябре 1825 г. (см.: Формулярный список Действительного Статского Советника и Кавалера, Директора Одесского Ришельевского Лицея Ивана Орлаи 1828-го года / *Виноградов И. А.* «Необыкновенный наставник»: И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Нові гоголезнавчі студії. Новые гоголеведческие студии. Симферополь; Киев, 2005. Вып. 2 (13). С. 49).

[5] *Халчинский И. Д.* К. М. Базили // *Свод.* Т. 1. С. 545–546.

ИЮНЯ 17. СРЕДА. НЕЖИН

«Николай Гоголь сдает экзамен по Священной истории и географии Святой Земли»[1].

«Вопросы по Священной истории составлены П. Волынским так, чтобы сначала определить суть предмета, а затем проверить его знание: "Что есть История вообще? Как история разделяется? Что есть Священная история? Что имеет своим основанием История священная? <...> Что есть период? Что есть эпоха? Что есть хронология? На сколько периодов разделяется Священная История? От чего начинается Период первый? Период второй? Период третий? Период четвертый?"

В рамках этого предмета вопросы по истории Церкви Ветхого Завета сформулированы в соответствии с периодами. "Период 1. Сколько лет от сотворения мира до потопа? Сотворение мира и первых двух человек. Блаженное состояние первых двух человек. Первая церковь в раю, § 3. Грехопадение Адама и Евы <...> Каин и Авель, § 6. Патриархи до потопа. Богослужение. Период 2. <...> Отделение 1. Всемирный потоп. Столпотворение, § 4. Упадок церкви после потопа, § 5. Отделение. 2. Переселение Аврамово, § 1. Бог обещает Аврааму сына Исаака, § 3. Испытание Аврамово, § 5. Святое житие Исааково. <...>

История Церкви Нового Завета. Рождество Христово, § 1. Явление Христа в Египет, § 2. Преображение Христа, § 10. Осуждение Христа на Распятие, § 14. Распятие Иисусово, § 15. Погребение Христово, § 16. Воскресение Христово, § 17. Вознесение Христово, § 18. Распространение веры Христианской, § 20. Обряды при крещении, миропомазании, § 21. Обряды при св. причастии, покаянии, браке, § 21–23. Знамение креста и почитание икон, § 25"»[2].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 85; ***1825. Июня 17–27. Нежин.***
[2] *Михед, Якубина.* С. 418–419.

ИЮНЯ 20. СУББОТА. НЕЖИН

«Николай Гоголь сдает экзамен по синтаксису французского языка и французской словесности в третьем отделении».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 85.

ИЮНЯ 20. СУББОТА. ВАСИЛЬЕВКА

Спустя около трех месяцев после кончины сына, В. А. Гоголя-Яновского[1], Т. С. Гоголь-Яновская (рожд. Лизогуб), будучи владелицей Васильевки (стоимость которого составляла тогда 60 тысяч рублей), в присутствии Д. П. Трощинского, завещает своему внуку Н. В. Гоголю, «преимущественно» пред его сестрами — Марией, Анной, Елисаветой, Татьяной и Ольгой, половину всего имения «в селе Васильевке и местечке Яресках, состоящее по последней ревизии из ста тридцати семи душ», и «сверх того новый дом, к нему принадлежащий сад и лес, называемый Яворивщина». Мать Гоголя по этому завещанию с того же дня назначалась пожизненно «единственною и безотчетною» опекуншею над имением своих детей[2].

А. С. Данилевский в 1887 г. рассказывал В. И. Шенроку: «Я знал также Татьяну Семеновну, мать Василия Афанасьевича. В саду был маленький домик; там жила она в старости. <...> ...Имение принадлежало Татьяне Семеновне. Татьяна Семеновна была сморщенная, как губка, вечно ходила с палочкой; молчаливая была, добрая, прекрасная старушка; Николай Васильевич любил ее. Он был очень почтителен с отцом, с матерью; с последней впоследствии он бывал и резок, но всегда говорил о ней с любовью и с большим уважением»[3].

[1] См. ***1825. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Кибинцы.***
[2] *Свод.* Т. 1. С. 386–387. – Духовное завещание подано в Миргородский поветовый суд 30 июня 1825 г.
[3] Воспоминания А. С. Данилевского в статье В. И. Шенрока «Родители Гоголя» // *Свод.* Т. 1. С. 494–495.

ИЮНЯ 21. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Кончина В. Т. Нарежного.

ИЮНЯ 22. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

«Николай Гоголь сдает экзамен по синтаксису немецкого языка и немецкой словесности в третьем отделении».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 85.

ИЮНЯ 24. СРЕДА. РОЖДЕСТВО ИОАННА ПРЕДТЕЧИ. НЕЖИН

«Николай Гоголь сдает экзамен по эстетике».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 86.

ИЮНЯ 25. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

«Николай Гоголь сдает экзамены по коническим сечениям и истории Российского государства»[1].

В тот же день в гимназии получено согласие почетного попечителя графа А. Г. Кушелева-Безбородко на утверждение И. Г. Кулжинского в должности учителя латыни[2].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 86; ***1825. Июня 17–27. Нежин.***
[2] *Михед, Якубина.* С. 368. См. также ***1825. Августа 4. Вторник. Нежин.***

ИЮНЯ 27. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

«В Гимназии проходят экзамены по фехтованию, танцам и музыке»[1].

«Решением Конференции Николай Гоголь по результатам экзаменов (I полугодие – “2”, II полугодие – “1”, годичный итог – “2”) оставлен в третьем отделении по языкам» и «переведен в седьмой класс»[2]. (В отличие от Гоголя А. С. Данилевский, по результатам экзамена по языкам был переведен из третьего отделения в четвертое[3].)

В тот же день «на основании прошения полтавского помещика Василия <Ивановича> Черныша[4] <отчим А. С. Данилевского> правление Гимназии принимает решение: “Воспитанника Александра Данилевского... уволить из Гимназии, выдать ему о учении и поведении свидетельство, с прописанием, что он назначен к переводу из 6 в 7 класс”»[5].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 86; ***1825. Июня 17–27. Нежин.***
[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 86.
[3] *Михед, Якубина.* С. 363.
[4] См. ***1825. Июня 5. Пятница.***
[5] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 86. – См. также ***1825. Августа конец. Нежин.***

ИЮНЬ. НЕЖИН

В сводной ведомости за второе полугодие 1824/25 учебного года Николаю Гоголю выставлены следующие оценки:

– Закон Божий – 3;
– российская словесность – 4;
– всеобщая история – 3;
– русская история – 3;
– география – не аттестован;
– алгебра и конические сечения – 2;
– геометрия и физика – 2;
– латинский язык – 1;
– французский язык – 2;
– немецкий язык – 1;
«Средний вывод – 2 $^{3}/_{9}$».
Поведение – 3[1].

Ср. также: «...Во втором полугодии <...> 1824/25 учебного года ученику шестого класса гимназии Гоголю выведена средняя <...> оценка по девяти предметам <...> три с плюсом»[2].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1824/25 учебный год. Гоголь в 6 классе // *Свод.* Т. 1. С. 451.
[2] *Иофанов.* С. 143; *Свод.* Т. 1. С. 452.

ИЮНЯ КОНЕЦ. НЕЖИН

Гоголь, по прибытии из Васильевки коляски[1] и денег (5 рублей)[2], от матери, уезжает вместе с А. С. Данилевским[3] домой на каникулы.

[1] См. ***1825. Июня 10. Среда. Нежин.***
[2] См. письмо Гоголя к матери от 30 сентября 1825 г.
[3] См. ***1825. Июня 5. Пятница.***; ***1825. Июня 27. Пятница. Нежин.***

ИЮНЯ КОНЕЦ – АВГУСТА НАЧАЛО. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь проводит каникулы в Васильевке; по приезде дарит матери свою поэму «Россия под игом татар»[1]. Почерпнув где-то (или от кого-то) «новые знания и новые сведения» о Петербурге[2], признается ей в своем стремлении служить России[3].

В 1852 г. М. И. Гоголь в своей записке о сыне сообщала: «...Когда <Гоголь> начал себя понимать, то лишился отца. Печаль эта сделала впечатление на всю его жизнь, и тогда он сказал, что он не будет жить для себя, а для страждущих ближних, и если Бог удостоит быть полезным своему отечеству – Рос<с>ии[4], то почтет себя счастливым, но если вообразит, что может быть его не допустят обстоятельства его, то чувствует, что холодный пот показывается на его лбу».

В заключение записки Мария Ивановна повторяла: «...В пятнадцать <шестнадцать> лет его возраста, я слышала от него непременное желание жить для пользы самого отечества, т. е. Рос<с>ии,

но в последствии времени никогда не слышала от него никаких предположений, и никому никогда не говорил из своих друзей ничего, разве только что-нибудь выдумывал, лишь бы сказать; навсегда таил в душе своей какие-нибудь добрые дела, даже и от себя, если бы было то можно»[5].

[1] См. ***1825. Апреля 24. Пятница. Нежин***; ***1825. Июня 3. Среда. Нежин***; ***1825. Октября 23. Пятница. Нежин***.

[2] См. ***1825. Августа 17. Понедельник. Нежин***.

[3] См. также ***1825. Январь-апрель. Нежин***; ***1828. Марта 1. Четверг. Нежин***; ***1851. Мая 22. Вторник. Васильевка***.

[4] См. также ***1827. Марта 24. Четверг. Нежин***.

[5] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод*. Т. 1. С. 26, 29–30; см. также: *Кулиш 1856*. Т. 1. С. 338.

ИЮНЯ 29. ПОНЕДЕЛЬНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА. НЕЖИН

«Ст<арший> профессор истории и географии инспектор К. А. Моисеев подает в Конференцию рапорт о необходимости заказать художнику иконы для 8 и 9 классов: “Беседы Спасителя нашего с еврейскими законоучителями” и “Воздвижение Креста Господня”. Правление Гимназии поручает законоучителю <протоиерею> Павлу Волынскому заказать иконы».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 87.

ИЮНЯ 30. ВТОРНИК. МИРГОРОД

Завещание Т. С. Гоголь-Яновской[1] заверено в Миргородском уездном суде.

[1] См. ***1825. Июня 20. Суббота. Васильевка.***

ИЮЛЯ 25. СУББОТА. ВОЙНОВКА, БЛИЗ ПОЛТАВЫ

Сестра Гоголя Мария пишет матери:

«...Братца[1] также очень благодарю за рассортирование шелков. Желаю ему быть здоровым и веселым...»

Свод. Т. 1. С. 140.

[1] Николая.

ИЮЛЬ. МОСКВА

Выходит в свет роман В. Т. Нарежного «Два Ивана, или Страсть к тяжбам». В журнале «Московский Телеграф» (№ 16) напечатано извещение о смерти В. Т. Нарежного.

АВГУСТА 1. СУББОТА. НЕЖИН

В гимназии с началом нового учебного года открывается девятый класс.

Лавровский 1879. С. 139; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 88.

АВГУСТА 4. ВТОРНИК. НЕЖИН

И. Г. Кулжинский утвержден в должности преподавателя латинского языка в первых трех отделениях гимназии[1].

«Согласие графа А. Г. Кушелева-Безбородко на утверждение И. Г. Кулжинского учителем латинского языка было получено еще 25 июля 1825 года»[2].

Из воспоминаний Кулжинского: «К началу нового учебного года, в августе месяце 1825 года, я переехал в Нежин учителем Гимназии Высших Наук Князя Безбородко. Служил я в Гимназии Высших наук по август 1829 года и, признаюсь, эти четыре года моей службы оставили во мне грустное о себе воспоминание. О тогдашней Гимназии Высших Наук можно было сказать словами летописца: “Гимназия наша велика и пространна, а порядка в ней нет”. <...> ...Управление этой Гимназии было самое несчастное, то есть коллегиальное. Управлял ею не директор, как бы следовало, но вместе с директором и конференция профессоров. Правители-профессоры не имели никакого контроля над своим преподаванием. <...> Умный и ученый директор наш И. С. Орлай чрезвычайно тяготился своим положением в Нежине...»[3]

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 88. – Н. А. Лавровский сообщает о назначении Кулжинского 7 августа (см.: *Лавровский 1879*. С. 165).
[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 186.
[3] <*Кулжинский И. Г.*> И.Г. Кулжинский. (Автобиография) // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 270–271.

АВГУСТА 8. СУББОТА. НЕЖИН

«Конференция Гимназии заслушивает прошение штабс-ротмистра Павла Гребенки о приеме его сына Евгения в состав учащихся. Решением конференции Евгений Гребенка зачислен в четвертый класс»[1] и во второе отделение по языкам, где с этого времени стал преподавать недавно поступивший в гимназию И. Г. Кулжинский[2].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 88–89.
[2] *Михед, Якубина*. С. 368.

АВГУСТА 14. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Гоголь вернулся в гимназию после каникул[1].

В тот же день полтавский помещик В. И. Черныш подает в правление гимназии прошение о возобновлении учения его пасынка А. С. Данилевского в связи с тем, что «домашние обстоятельства[2] изменились»[3].

[1] См. ***1825. Августа 15. Суббота. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Нежин***; ***1825. Августа 17. Понедельник. Нежин***.

[2] См. ***1825. Июня 5. Пятница***.

[3] *Супронюк. Словарь*. С. 57, 61. – См. также ***1825. Августа 22. Суббота. Нежин***.

АВГУСТА 15. СУББОТА. ПРАЗДНИК УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. НЕЖИН

Гоголь сообщает матери, что возвратился в гимназию после каникул[1]: «...Приехал <...> в самую пору, ни поздно, ни рано». Пишет о слухах по поводу возможного нового назначения директора гимназии И. С. Орлая[2] («Я не знаю <...>, справедлива ли весть, что ему в С. Петербурге есть место генерал-штаб-доктора[3]...»). Просит прислать забытую им книгу А. Х. Востокова «Опыт о русском стихосложении»[4] и сообщить адрес А. С. Данилевского[5]. Уведомляет, что заказанной А. А. Трощинским рыбы и каракатиц в городе нет, но купец Стефанеев может выписать их из Одессы. Пишет, что о «кистях» и «красках»[6] еще не успел разузнать.

В тот же день правление гимназии заслушивает рапорт протоиерея Павла Волынского (от 3 августа) о состоянии имущества гимназической домовой церкви[7].

[1] См. ***1825. Августа 14. Пятница. Нежин***.

[2] См. ***1825. Сентября 12. Суббота. Нежин***.

[3] Среди высших медицинских чинов в придворном штате были в то время «генерал-штаб-доктор по флоту» и «генерал-штаб-доктор по гражданской части».

[4] Опыт о русском стихосложении. Сочин. Александром <Х>. Востоковым, Членом С. П. бургскаго вольнаго Общества словесности наук и художеств. Изд. 2-е, значительно пополненное и испр. СПб.; Печатано в Морск. тип., 1817. 167 с. (1-е изд. – 1812).

[5] Ср. ***1825. Августа 14. Пятница. Нежин***; ***1825. Августа 17. Понедельник. Нежин***.

[6] См. ***1825. Сентября 30. Среда. Нежин***.

[7] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 89.

АВГУСТА 14 – ДЕКАБРЯ СРЕДИНА. НЕЖИН

Гоголь учится в седьмом классе гимназии. Изучает следующие дисциплины: Закон Божий (с «практическим любомудрием»[1]), российскую словесность, русскую историю, математику, физику, естественную историю (раздел минералогии)[2], латинский[3], французский и немецкий языки[4], а также (с конца ноября – начала декабря)[5] историю «естественного права» и само «естественное право» (возможно, факультативно)[6]. Частным образом, за отдельную плату, с октября 1825 г. занимается живописью[7].

Составленный в 1825/26 учебном году Гоголем конспект лекций профессора Н. Г. Белоусова по «естественному праву», позднее, в августе 1826 г. (с началом нового учебного года), переписывался по приказанию Белоусова, учениками следующего класса А. М. Новохацким и Н. В. Кукольником[8].

Согласно плану преподавания «языка и словесности российской» для первых шести классов, составленному И. С. Орлаем 21 августа 1823 г., в седьмом классе предписывалось оставить преподавание словесности как «предуготовительной науки для высших трех академических классов» (седьмого – девятого), а «преподавать токмо одну логику»[9].

«...С 1823/24 г. <...> <старший профессор российской словесности> <П. И.> Никольский <...> <преподавал> в 7 классе "пространнейшие и подробнейшие правила основательного или подлинного (fundamentalis) красноречия в изложении расположения важнейших больших сочинений в прозе и стихах (разного рода речей, посланий, поэм, драматических произведений) с присовокуплением из эстетики о слогах, приличных каждому сочинению, о возбуждении страстей, о прекрасном и высоком, о вкусе и безвкусии, о правилах здравой критики". Все это содержание заимствовалось из *Лагарпа, Бате*[10], аббата *Сабатье де Кастра* (Dictionnaire de literature. 3 vols. Paris. 1770) и *Блера*, "ибо у русских риторов, – замечал Никольский, – сих правил в полном, или по крайней мере в удовлетворительном развитии вовсе не находится – ни у Ломоносова, ни у Рижского[11], ни у Могилевского[12], ни у Гальяра, переведенного с французского языка, ни у <А. С.> Никольского, ни в руководстве к церковному красноречию, изданном от безыменного в 1804 году"[13]. Сюда же входила и логика по Баумейстеру. Все преподавание, по конспекту, должно непрерывно сопровождаться упражнениями в сочинениях»[14].

«По уставу гимназии, утвержденному в 1825 г., назначены были для последнего трехлетия *упражнения учеников в высшей словесности*. Для этих упражнений сначала назначена была для трех высших классов еженедельно одна сводная лекция; но уже с 1826/27 г. они были ограничены двумя высшими классами, 8 и 9[15]. <...> Содержание высшей словесности, по конспекту Никольского, было следующее: «понятие об изящной словесности, происхождение изящных искусств и словесности, *с указанием на историю российской словесности* (консп<ект> 1827/28 г.), об изящном подражании природе, как общем начале изящных произведений, об основных правилах словесно-изящных произведений и в особенности о совершенстве планов их и частей в каждом плане, о изражении или слогах с их свойствами, о высоком, уме, вкусе, гении и критике, с практическими упражнениями в сочинениях и разбором красот в творениях отличнейших авторов, сколько время позволит»[16].

Н. В. Кукольник вспоминал: «...С открытием 7-го класса[17] или философского курса надо было и законоучителю открыть чтения совершенно нового предмета[18], который тогда и по-гречески – этикой, и по-русски – нравственной философией неправильно называли. В руководство избрана была книга Баумейстера. Но как она написана была по-латыни, то Павел Иванович <Волынский> принужден был, пока достали печатную, сам переводить Баумейстера на русский язык. Я помню много образчиков этого перевода; например, *Вопрос:* "Что есть добро?" *Ответ:* "Добро есть то, что с нашим *концом* сходно" – и тому подобное. Наконец мы получили печатную книгу и с жадностию бросились смотреть, как там переведено то же место. Слово в слово точно так же, как и у Павла Ивановича. Значит, так и быть должно»[19].

Из воспоминаний И. Г. Кулжинского (1854): «В августе месяце 1825 года[20] я был определен учителем латинского языка в гимназию Высших Наук (что ныне Лицей) князя Безбородко. Мне от роду было 22 года. <...> Гимназия высших наук состояла тогда из 9-ти классов, для преподавания наук, и из 6-ти отделений, для преподавания языков. Трудно было по новоучрежденному заведению поравнять всех учеников, собравшихся из разных училищ России и даже Греции. К моему вступлению в учительскую должность (август 1825) гимназия сформировалась наконец всеми 9-ю классами и шестью отделениями. Я преподавал в первых трех отделениях, в которые сходились ученики разных классов, низших и высших. – Между моими учениками были два особенно замечательные, *Николай Гоголь-Яновский* и *Евгений Гребенкин* (впоследствии он подписывался *Гребенка*).

Что вам сказать о Гоголе? Как теперь вижу этого белокурого мальчика в сером суконном сюртучке, с длинными волосами, редко расчесанными, молчаливого, как будто затаившего что-то в своей душе, с ленивым взглядом, с довольно неуклюжею походкою, и никогда не знавшего латынского урока. Он учился у меня три <два учебных>[21] года, и ничему не научился, как только переводить первый параграф из хрестоматии при латинской грамматике Кошанского: Universus mundus plerumque distribuitur in duas partes, coelum et terram. Не один он был такой ленивый к латинскому языку; было еще несколько таких, и каждого из них я иначе не звал, как – Universus mundus. – "Ну-тка ты, Universus mundus, скажи свой урок!" – Мог ли я тогда думать, что этот белокурый молодой Universus mundus будет нашим первоклассным писателем?..

Во время лекций Гоголь всегда, бывало, под скамьею держит какую-нибудь книгу и читает, не обращая внимания ни на coelum, ни на terram. Принудительных средств у меня не было никаких, кроме аттестации в месячной ведомости. Я писал нули да единицы, а Гоголь три года все оставался на латынском синтаксисе и дальше Корнелия Непота не заходил в латинскую словесность – с этим и кончил курс. – Надобно признаться, что не только у меня, но и у других товарищей моих он, право, ничему не научился. Школа приучила его только к некоторой логической формальности и последовательности понятий и мыслей, а более ничем он нам не обязан. Это был талант, не узнанный школою и, ежели правду сказать, не хотевший или не умевший признаться школе. Между тогдашними наставниками Гоголя были такие, которые могли бы приголубить и прилелеять этот талант, но он никому не сказался своим настоящим именем: Гоголя знали только как ленивого, хотя, по-видимому, *не бездарного* юношу, который не потрудился даже научиться русскому правописанию. – Жаль, что не угадали его. А кто знает? может быть, и к лучшему.

Вот что достойно замечания: будучи ленивцем, Гоголь в то же время был самым благонравным юношею и вел себя всегда благородно. Хотя вообще уже принято в школах: ставя ученику худой шар за учение, вместе с тем уменьшать шары и в поведении – вероятно, на том основании, что леность есть нравственный порок; но Гоголь был в этом случае исключением: *единица* или даже *нуль* в учении и *пять* в поведении!»[22]

По наблюдению исследователя, слова И. Г. Кулжинского, что будто бы Гоголь получал по латинскому языку «нули да единицы», является, «как мы теперь можем видеть из ведомостей самого К<улжинск>ого[23], преувеличением со стороны мемуариста. <...> Если мы и не вправе утверждать, что учитель К<улжинск>ий относился отрицательно к своему ученику Гоголю, то, несомненно, вправе заключать, что в Нежине они были лично друг другу чужды»[24].

К. М. Базили, успешно сдавший в июне 1825 г. экзамены за пятый, шестой и седьмой класс, но в сентябре зачисленный в шестой[25], уделяет значительное время сочинению стихов.

И. Д. Халчинский вспоминал: «От уроков шестого класса он <Базили> был почти свободен, потому что до экзаменов прошел все, что преподавалось, и потому исключительно посвятил себя литературе и со страстию начал писать русские стихи, которые, впрочем, никогда не были в печати, хотя между ними и были некоторые прекрасные произведения в роде байроновской поэзии. Так прошло еще два года»[26].

Один из соучеников Гоголя, записки которого были опубликованы в 1892 г. Шенроком (и приписаны Базили[27], 1809–1884), вспоминал: «...В 1826 году поступили к нам два новые преподавателя, профессор Римского и Естественного права Белоусов, ученик Шада, и профессор Естественной истории Соловьев. Эти молодые ученые обворожили нас совершенным контрастом с нашими наставниками, педантами старого времени...[28] Около этого времени посетил нас граф Сперанский на пути из своего полтавского поместья[29] в Петербург, куда вызывал его Император Николай I...»[30]

[1] См. ***1824. Января 26. Нежин***; ***1824. Июня 21. Нежин.***

[2] См. ***1825. Августа 24. Нежин.***

[3] У нового преподавателя, И. Г. Кулжинского (см. ***1825. Августа 4. Вторник. Нежин***).

[4] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1825/26 учебный год. Гоголь в 7 классе // *Свод.* Т. 1. С. 459.

[5] См. ***1825. Ноября 14. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1825. Ноября конец – декабря начало. Нежин.*** – См. также ***1825. Августа 17. Понедельник. Нежин.***

[6] См. ***1826. Июля 24. Суббота. Нежин***; ***1827. Мая 7. Суббота. Нежин.*** – Еще в 1824 г., 12 июля, в журнале конференции было, в частности, записано следующее распоряжение почетного попечителя гимназии графа А. Г. Кушелева-Безбородко: «Так как г-н Профессор Юридических Наук не имеет часов в средних классах, то необходимо усилить часы его преподавания в 7-м и долженствующем открыться 8-м классе, тем паче, что в сем высшем классе юридические науки составляют главный предмет преподавания, предначертанного уставом Гимназии...» (*Сребницкий 1902.* С. 345).

[7] См. ***1825. Сентября 30. Среда. Нежин***; ***1825. Октября 23. Пятница. Нежин.***

[8] См. ***1827. Октября 31. Нежин***; ***1827. Ноября 1. Нежин***; ***1827. Ноября 3. Нежин.***

[9] См. ***1824. Август – декабря 18. Нежин.*** См. также ***1826. Июнь. Нежин.***

[10] См. также ***1832. Июля начало. Москва.***

[11] Автор «Опыта риторики» (СПб., 1796).

[12] См. ***1821. Ноября 19. Суббота. Нежин.***

[13] Руководство к церковному красноречию с примерами из Священнаго Писания, святых отец и славнейших ораторов христианских / Перевел с иностраннаго И. И. <СПб.> : Печатано при Святейшем Синоде, 1804. 400 с.

[14] *Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 г.) // *Свод.* Т. 1. С. 446.

[15] Согласно этим сведениям, Гоголь во время его обучения в 1825/26 учебном году в седьмом классе должен быть слушателем этой еженедельной сводной лекции П. И. Никольского, предназначенной для воспитанников 7–9 классов.

[16] *Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 г.) // *Свод.* Т. 1. С. 460.

[17] См. ***1823. Июля 30. Понедельник. Нежин.*** – Кукольник в седьмом классе гимназии учился в 1826/27, Гоголь – в 1825/26 учебных годах.

[18] Предмет нравственной философии, или этики протоиерей Павел Волынский стал читать в седьмом классе гимназии с начала 1824 г. (см. ***1824. Января 26. Суббота. Нежин***).

[19] *Кукольник Н.* П. И. Волынский // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 100; То же // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 246.

[20] См. ***1825. Августа 4. Вторник. Нежин.***

[21] См. ***1825. Августа 4. Вторник. Нежин; 1826. Март. Нежин; 1826. Апрель. Нежин; 1826. Май. Нежин; 1826. Июня не позднее 22. Нежин; 1827. Августа 27. Суббота. Нежин.***

[22] *Кулжинский И. Г.* Воспоминания учителя // *Свод.* Т. 1. С. 425–427.

[23] См. ***1826. Март. Нежин; 1826. Апрель. Нежин; 1826. Май. Нежин; 1826. Июня не позднее 22. Нежин.***

[24] *Сперанский М.* Один из учителей Н. В. Гоголя (И. Г. Кулжинский). Нежин, 1906. С. 65; *Свод.* Т. 1. С. 430.

[25] См. ***1825. Июня 17–27. Нежин.***

[26] *Халчинский И. Д.* К. М. Базили // *Свод.* Т. 1. С. 546.

[27] Характеристика в этих записках профессоров Нежинской гимназии К. В. Шапалинского, И. Я. Ландражина, Ф. И. Зингера, Н. Г. Белоусова и Н. Ф. Соловьева во многом совпадает с оценками, данными этим профессорам П. Г. Редкиным (см. ***1827. Июня 18. Нежин*** – примечания).

[28] См. ***1827. Сентябрь. Нежин.***

[29] Вероятно, имение Буромки Полтавской губернии. Кроме того, в 1828 г. М. М. Сперанским было куплено имение графа А. К. Разумовского на Полтавщине (*Михед, Якубина.* С. 530).

[30] Записки К. М. Базили в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 541.

АВГУСТА 17. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Гоголь в записке к А. С. Данилевскому выражает сожаление, что они разминулись, когда тот был в гимназии[1]. Пишет о своем желании встретиться с ним:

«...Теперь я осветился новыми знаниями и новыми сведениями о нашем любезном С. Питере[2]. Не знаю, придешь ли ты сегодня к нам или лучше напиши, могу ли я теперь тебя застать дома – то я сам к тебе приду».

В тот же день Н. Г. Белоусов утвержден в должности младшего профессора юридических наук гимназии[3].

[1] См. ***1825. Августа 14. Пятница. Нежин.***

[2] См. ***1825. Июня конец – августа начало. Васильевка.***

[3] *Лавровский 1879.* С. 165.

АВГУСТА 22. СУББОТА. НЕЖИН

«Конференция Гимназии заслушивает прошение капитана В. И. Черныша о помещении “по-прежнему в благородном пансионе” его пасынка А. Данилевского и принимает решение его восстановить».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 90; *Михед, Якубина.* С. 363. – См. также ***1825. Июня 27. Пятница. Нежин***; ***1825. Августа 14. Пятница. Нежин.***

АВГУСТА 24. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Н. Ф. Соловьев утвержден в должности профессора естественных наук[1].

«С открытием старших классов последнего трехлетия[2] предстояло замещение кафедры естественной истории и технологии. Орлай обратился к С.-Петербургскому университету и исправлявший в то время должность ректора, <Е. Ф.> Зябловский, рекомендовал только что окончившего курс в университете, Соловьева, который и был определен в Нежинскую гимназию в августе 1825 года. <...> В 7 классе, с которого начиналось его преподавание, после предварительных сведений о природе, ее телах, о системе естественной истории, прочитывалась *минералогия* – теоретическая (предмет минералогии, понятие о происхождении правильных и неправильных видов минералов, геометрические, физические и химические признаки, отличающие минералы между собою) и практическая, в которой рассматривались важнейшие виды минералов, с возможным приложением технологических сведений»[3].

[1] *Лавровский 1879.* С. 165.
[2] См. ***1823. Июля 30. Нежин.***
[3] *Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 г.) // *Свод.* Т. 1. С. 457.

АВГУСТ. НЕЖИН

«Перед нами “Ведомость о поведении и успехах в латинском языке учеников Гимназии высших наук князя Безбородко. За август месяц 1825 года”, составленная <И. Г.> Кулжинским. В графе о пройденном учениками третьего отделения Кулжинский записал: “Повторили всю этимологию и из синтаксиса выучили от первых оснований языка до глаголов, управляющих именительным падежом. Сверх сего занимались переводом с русского языка на латинский”.

В объеме повторенного и пройденного вновь материала Кулжинский спрашивал учеников третьего отделения и поставил Гоголю отличную оценку».

Иофанов. С. 144–145; *Свод.* Т. 1. С. 464.

СЕНТЯБРЯ 12. СУББОТА. НЕЖИН

Директор гимназии «И. С. Орлай информирует Конференцию о поступившем ему предложении занять место лейб-медика Его Императорского Величества в Таганроге, сообщает о полученном им разрешении министра народного просвещения и почетного попечителя гимназии на отъезд и отдает необходимые распоряжения

по управлению учебным заведением в его отсутствие. Ответственность за ведение деловой переписки он возлагает на ученого секретаря С. М. Андрущенко».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 90.

СЕНТЯБРЯ 25. ПЯТНИЦА. С. ГОМБОРИ, ГРУЗИЯ

Двоюродный брат М. И. Гоголь И. П. Косяровский, который с братьями Петром и Павлом находится на военной службе на Кавказе, посылает ей письмо со стихами на смерть мужа В. А. Гоголя-Яновского:

«Покойный брат любил, когда я читал ему мои стихи[1] — это было в бытность его на земле; теперь же он прочтет их на небе и, может быть, похвалит при нашем свидании. Их можно вырезать на могильном кресте».

Перелетел от мира и сует,
От горя и мучений,
Туда, где вижу я лазурь и свет
Небесных наслаждений.
Где сам Творец беседует с тобой,
Где ангелов ты слышишь,
Где упоен любовию святой,
Сладчайшим благом дышишь.
Здесь дети — сироты, супруга — слезы льет,
Не знает утешенья,
Твой дух небесный нектар пьет
Любви и умиленья.
Ты путь свой совершил и с горних стран,
Далеких и блаженных,
Достойным стать желаешь благ и нам,
Ничем там неизменных!
Когда ж и я, — я крилы разверну,
На небо путь направлю,
Как ты, сойду в могилы глубину
И праху прах оставлю?

Чаговец В. А. Семейная хроника Гоголей // Памяти Гоголя. Киев, 1902. Отд. 3. С. 49.

[1] См. также ***1826. Декабря после 29. Васильевка.***

СЕНТЯБРЯ 30. СРЕДА. НЕЖИН

Гоголь в письме к матери, наконец[1], сообщает что на кисти и краски для занятий живописью у «профессора живописи» К. С. Павлова ему к началу октября нужно 50 рублей. Поздравляет мать с приближающимися именинами (1 октября); вновь просит найти и выслать ему затерявшуюся в Васильевке книгу А. X. Востокова «Опыт о русском стихосложении»[2] («у меня ее спрашивают»), уведомляет о предстоящем отъезде И. С. Орлая в Одессу:

«...Мы живем теперь совершенно в глуши, никто не посещает наш бедный Нежин. Скажу вам только, что наш Иван Семенович едет (хотя не так скоро[3]) в Одессу, в тамошний лицей. <...> Мы

совершенно, так сказать, в другом мире, старом и забытом. Я только как-то и оживляюсь вашим письмом, которого я теперь ожидаю с нетерпением. Надеюсь, что вы меня известите о нашем крае хоть немного, но: родной и дым приятен».

В конце письма прилагает полный отчет о всех полученных из дома почти за год (с конца августа – начала сентября 1824 г. до конца июня 1825 г.[4]) деньгах (общая сумма – 70 рублей).

[1] См. ***1825. Августа 15. Суббота. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Нежин.***
[2] См. ***1825. Августа 15. Суббота. Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Нежин.***
[3] См. ***1826. Августа 1. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[4] См. ***1824. Августа конец – сентября начало. Нежин; 1824. Сентября 28. Воскресенье. Нежин; 1824. Декабря 16. Вторник. Нежин; 1825. Января конец. Нежин; 1825. Марта 18. Среда. Нежин; 1825. Мая 24. Воскресенье. Васильевка; 1825. Июня конец. Нежин.***

ОКТЯБРЯ 1–2. ЧЕТВЕРГ-ПЯТНИЦА. НОВОЧЕРКАССК, НАХИЧЕВАНЬ, РОСТОВ-НА-ДОНУ

И. С. Орлай, по сделанному ему 23 сентября 1825 г. «предложению Господина исправляющего должность Попечителя Харьковского учебного округа из Таганрога» А. А. Перовского, осматривает «в качестве Визитатора» Новочеркасскую Гимназию и «Нахичеванские и Ростовские Училища на реке Дону».

Формулярный список Действительного Статского Советника и Кавалера, Директора Одесского Ришельевского Лицея Ивана Орлаи 1828-го года. <Подготовка текста и коммент. И. А. Виноградова> // Нові гоголезнавчі студії. Новые гоголеведческие студии. Симферополь; Киев, 2005. Вып. 2 (13). С. 49.

ОКТЯБРЯ 13. ВТОРНИК. НЕЖИН

Гоголь настоятельно просит мать взять его домой на Рождество, говоря об «особенных» и «основательных» причинах быть дома и обещая сказать ей нечто важное, чего не может написать в письме. В качестве еще одного довода сообщает о том, что «профессор физики и химии» (К. В. Шапалинский) собирается, по прошению Д. П. Трощинского, отправиться на Рождество в Кибинцы и что в интересах Марии Ивановны способствовать этой поездке, прислав коляску на четверых: для сына, А. С. Данилевского, П. А. Баранова и Шапалинского.

ОКТЯБРЯ 14. СРЕДА. НЕЖИН

«И. С. Орлай приступает к выполнению своих обязанностей после возвращения из Таганрога».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 91.

ОКТЯБРЯ 22. ЧЕТВЕРГ. ЧЕРНИГОВ, КОЗЕЛЕЦ (?), ОСТЕР (?)

И. С. Орлай, по предложению «исправляющего должность Попечителя Харьковского учебного округа из Таганрога» А. А. Перовского, осматривает «в качестве Визитатора» «Черниговскую Губернскую Гимназию и уездные Училища».

Формулярный список Действительного Статского Советника и Кавалера, Директора Одесского Ришельевского Лицея Ивана Орлаи 1828-го года. <Подготовка текста и коммент. И. А. Виноградова> // Нові гоголезнавчі студії. Новые гоголеведческие студии. Симферополь; Киев, 2005. Вып. 2 (13). С. 49.

ОКТЯБРЯ 22. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

«Инспектор Моисеев в длинном рапорте от 22 октября 1825 года доносит Конференции о “развратном вольнодумстве” ученика Любича-Романовича, который своим поведением оказывает вредное влияние на прочих учеников и между прочим в музее на стене написал: “При выпуске береги зубы, Моисеев!”»

Сребницкий 1902. С. 307.

ОКТЯБРЯ 23. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Гоголь посылает с Е. И. Бажановым письмо к матери в Кибинцы, в котором сообщает, что деньги, 50 рублей (на кисти и краски)[1], получил и «употребил их с пользою». Пишет, что возратить книги (вероятно, из библиотеки Д. П. Трощинского) пока не может, так как приятель, которому он их дал перед отъездом на каникулы, в Нежин еще не возвращался. Просит засвидетельствовать почтение бабушке Татьяне Семеновне и всем родным.

Отвечая на вопрос матери о его «сочинении» (вероятно, о поэме «Россия под игом татар»[2]), сообщает, что он его не брал, и обещает «вознаградить» мать «новым и гораздо лучшим»[3].

[1] См. ***1825. Сентября 30. Среда. Нежин.***
[2] См. ***1825. Январь-апрель. Нежин; 1825. Июня конец — августа начало. Васильевка.***
[3] См. ***1826. Июня 4. Пятница. Нежин.***

НОЯБРЯ 14. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Ученый комитет Главного правления училищ Министерства народного просвещения принимает решение о возобновлении преподавания «естественного права» в Гимназии высших наук князя Безбородко.

Машинский 1959. С. 46, 98. — См. также ***1824. Октябрь. Нежин.***

НОЯБРЯ 17. ВТОРНИК. НЕЖИН

Законоучитель протоиерей Павел Волынский сообщает конференции, что иконы, заказанные для восьмого и девятого классов, готовы.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 93.

НОЯБРЯ 19. ЧЕТВЕРГ. ТАГАНРОГ

Кончина Императора Александра I.

НОЯБРЯ 22. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВЕЧЕР. НЕЖИН

И. С. Орлай получил из Таганрога от баронета Я. В. Виллие неофициальное извещение о кончине Государя.

В Варшаве такое же известие было получено 25 ноября 1825 г., в Петербурге – 27-го[1].

Из воспоминаний Н. В. Кукольника: «Владея в совершенстве латинским языком, Иван Семёнович любил писать латинские стихи, иногда и макаронические, как тогда называли. Лучшим из этих стихотворений, сколько я помню, была элегия на смерть императора Александра I, к которому Иван Семёнович питал безграничное благоговение. Как теперь помню, было воскресенье. По обыкновению собрались гости; танцевали; а Иван Семёнович, как будто томимый тяжким предчувствием, ходил один по своей узенькой комнате и не принимал в потехах наших никакого участия. Воскресные балы обыкновенно оканчивались часов около 12-ти. Вдруг в десять часов Иван Семёнович входит в залу, останавливает мою музыку, говорит громко: "довольно! ступайте домой!", и скрывается. Мы все были поражены такою выходкой. Этого ещё никогда не случалось. Гости поспешили разъехаться; остались только домашние, в том числе и я; тогда Иван Семёнович вышел к нам и зарыдал, как ребенок. Испуганная Шарлотта Ивановна бросилась к мужу. "Скончался!, – едва мог вымолвить Иван Семёнович, – Государь скончался" – махнул рукой и, уйдя в свою комнату, запер дверь на замок. Мы заревели хором; такой же плач поднялся и в спальнях воспитанников, когда я воротился наверх и за тайну сообщил товарищам страшную новость»[2].

[1] См. ***1825. Ноября 29. Воскресенье. Санкт-Петербург.***
[2] *Кукольник Н.* И. С. Орлай. (Из памятной книжки) // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 79–80; То же // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 201–202.

НОЯБРЯ 23. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

После торжественной панихиды в гимназической церкви И. С. Орлай написал латинскую элегию на смерть Императора Александра I.

См. ***1825. Ноября 22. Воскресенье. Нежин.***

НОЯБРЯ 29. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В специальном выпуске газеты «Русский Инвалид» напечатано извещение о кончине Императора Александра I в Таганроге и о принесении в Санкт-Петербурге присяги Императору Константину Павловичу.

«*Санктпетербург*, 27-го ноября. <...> Фельдъегерь, прибывший сюда из Таганрога 27-го сего месяца, привез горестное известие о кончине ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА. Узнав о сем неожиданном бедствии, Высочайшие Члены Императорской Фамилии, Государственный Совет, Министры, собрались в Зимнем Дворце, где первый *Его Высочество* Великий Князь НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ, а за ним все Чиновники, тут находившиеся, так же, как все полки Императорской Гвардии, присягнули в верности и подданстве ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ИМПЕРАТОРУ КОНСТАНТИНУ I».

Внутренние известия // Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1825. Воскресенье, Ноября 29-го дня. С. 1.

НОЯБРЬ. НЕЖИН

«В ноябре (журн<ал> XXXII, § 1) департаментом народного просвещения доставлены учебники:

1) Арифметики первой части – 60 экз.
2) " второй части – 50 экз.
3) Математики Фусса первой части – 26.
4) " " второй части – 76.
5) третьей части– 75.
6) Всеобщого землеописания, изданного для Гимназий в 2-х частях – 50.
7) Землеописания Российской Империи нового издания – 30.
8) Истории краткой Российской с картами – 25.
9) Физики Шрадера[1] – 16.
10) Грамматики немецкой – 20.
11) Зрелища вселенной на латинском яз<ыке>[2]. – 50.
12) Основания Российской словесности <А. С.> Никольского – 1.
13) Руководства ко всеобщей истории Кайданова в трех частях – 25.
14) Сферы, представленной на плоскости[3] – 1.
15) Грамматики Латинской Кошанского – 36.
16) Букварей французских – 76.
17) « немецких – 76.
18) Карт пяти частей света с планиглобиями – 2.
19) Карт России в 16-ти картах – 2.
20) Грамматики французской Ломонда – 20».

Сребницкий 1902. С. 425.

[1] *Шрадер Г. Ф.* Начальные основания физики для употребления в гимназиях. СПб., 1807. Ч. 1; 1808. Ч. 2. (Перевод под редакцией В. В. Петрова.) – См. также: Начальныя основания физики, изданныя Главным правлением училищ, для употребления в гимназиях Российской империи. СПб.: Тип. Департ. нар. просв., 1820. Ч. 1. Об общих свойствах тел. С. 1–124 с.; Ч. 2 Об особенных или частных свойствах тел. С. 125–558; 6 л. табл. В списке книг, составленном осенью 1826 г. в Москве В. В. Тарновским, значится также, с пометой: «Гимназическая», «Физика Неандера» (*Гоголь 2009–2010*. Т. 9. С. 885).

[2] Зрелище вселенной, на латинском, российском и немецком языках, изданное для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующей Императрицы Екатерины Второй. СПб., 1788 (извлечение и переделка «Видимого мира» Яна Амоса Коменского) (одно из последних изданий – 1808 г.).

[3] *Шелехов П.* Описание употребления сферы, сделанной на плоскости: Для упражнений в познании математической географии. Пб.: Тип. морск. шляхет. кадет. корпуса, 1800. 75 с.: 2 черт.

НОЯБРЯ КОНЕЦ – ДЕКАБРЯ НАЧАЛО. НЕЖИН

«Исправляющий должность Професора Естественного и Римского Права» Н. Г. Белоусов приступает в гимназии к чтению лекций по «естественному праву».

Характер преподавания Белоусовым «естественного права» вскоре стал предметом официального расследования. С самого начала, находя книгу австрийского профессора К. А. Мартини «Positiones juris naturae»[1], рекомендованную для преподавания Министерством народного просвещения, «не так удобной» для этой цели, Белоусов выбрал руководство другого автора – немецкого профессора Т. А. Шмальца (1760–1831). Согласно позднейшему свидетельству самого Белоусова на допросе 15 августа 1830 г., разрешение на пользование книгой Шмальца было получено им от директора гимназии И. С. Орлая. Белоусов заявлял, что просил Орлая «позволить преподавать естественное право по тому автору, по которому преподавалось оно в Киевской гимназии, т. е. по Шмальцу»[2]. (Орлай, по словам Белоусова, книгу тогда просмотрел и согласие дал.) Имя профессора Шмальца упоминалось и в самих конспектах лекций Белоусова, рассматривавшихся в ходе следствия. В рапорте от 18 июня 1827 г. М. В. Билевич, в частности, писал: «При чтении мною оных тетрадок найдено: "естественное право действительно походит на этику и религию; Евангелие заключает в себе самые высокие истины и притом справедливые, и, как говорит Шмальц[3], такие истины, каких не выведут из всех философских результатов, но несмотря на сие, истины евангельские противоречат истине естественного права"»[4].

В протестантской Германии Шмальц считался, сравнительно с другими профессорами, «реакционером». В 1815 г. он выпустил брошюру, где предостерегал государей против революционного духа, за что озлобленные против профессора студенты – участники Вартбургского праздника 1817 г. – сожгли его книги[5]. «Реакционность» Шмальца была, однако, своеобразной: «Все критики Шмальца имели вид доноса <...> Некоторые уверяют, будто он никогда не писал иначе, как по заказу, и равно продавал свое перо и свой образ мыслей. В своем последнем сочинении "Об естественном праве" (изданном уже после его смерти) Шмальц старается доказать, что самый справедливый образ правления есть – султанский»[6].

Европейская репутация Шмальца как «реакционера» в России была не бесспорной. Сам Белоусов с осторожностью указывал на издание книги Шмальца, использованное им в своих лекциях (об этой книге биографы Гоголя узнали лишь спустя более столетия[7]). В рапорте от 16 декабря 1827 г. Белоусов писал: «Небольшое творение автора, взятого мною за руководство, под названием Jus naturae, переведено в С.-Петербурге <...> и посвящено тому <...> коего сведения употреблены были при воспитании Августейшего Монарха нашего...»[8] Открытая ссылка на «Августейшего Монарха», рассчитанная на определенное «устрашение» обвинителей, была чревата в то время – в силу переходного характера эпохи – непредсказуемыми последствиями как для той, так и для другой стороны. «Колебание умов от неизвестности, чему следовать и чего держаться» было «естественным» наследием александровской эпохи[9].

Упоминаемый Белоусовым перевод книги Теодора (Федора) Шмальца «Право естественное» был издан в Санкт-Петербурге в 1820 г. П. С. Сергеевым и сопровожден посвящением: «Его Превосходительству Господину действительному статскому советнику, Санктпетербургского Университета ректору, Публично-Ординарному Профессору политических наук, Доктору Прав и орденов: Св. равноапостольного Князя Владимира 3 степени и Св. Анны 2 класса кавалеру Михаилу Андреевичу Балугьянскому»[10]. Имя воспитателя Наследника Престола (впоследствии Императора Николая I) М. А. Балугьянского было небезызвестно профессорам Нежинской гимназии. Михаил Андреевич Балугьянский (1769–1847) был земляком первого и второго директоров гимназии – Кукольника и Орлая, с которыми он начинал свою ученую и педагогическую карьеру. Выходец из семьи униатского священника, Балугьянский в 1789 г. окончил вместе с Орлаем Венский университет. (Соучеником Балугьянского был здесь и Кукольник.) Во время обучения в Вене Балугьянский вступил в масонскую ложу, а в 1790 г. за преподавание в Надьварадской (Великоварадской, или Гросс-Вардейнской) академии учения, оскорбляющего «законы родины и христианскую религию», был взят на подозрение как политически неблагонадежный. В то время он принадлежал к тайному «Обществу свободы и равенства», суд над которым в 1795 г. завершился приговором к смертной казни восемнадцати из пятидесяти трех обвиняемых. (Балугьянский был оправдан.)

В 1803 г. Балугьянский по приглашению Орлая приехал вместе с Кукольником в Россию. Орлай, будучи в то время придворным лекарем (гоф-хирургом), был наделен от князя А. Н. Голицына полномочиями принимать в качестве профессоров и учителей способных людей из славян и карпатороссов. В феврале 1804 г. приглашенный Орлаем Балугьянский был назначен профессором политических наук петербургского Педагогического института. С 1813 по 1817 г. он, по поручению Императрицы Марии Феодоровны, он вместе с Кукольником обучал великих князей Николая и Михаила Павловичей[11]. При преобразовании Главного педагогического института в университет в 1819 г. князь А. Н. Голицын назначил Балугьянского ректором университета.

Однако, ко времени заведения в Нежине «дела о вольнодумстве» позиции Балугьянского резко пошатнулись. В 1821 г. Д. П. Рунич, расследовавший дело о вольнодумстве среди профессоров Петербургского университета, установил причастность Балугьянского к происходившим в университете беспорядкам. Собрав студенческие тетради с записями лекций профессоров (в том числе курса лекций по политической экономии Балугьянского), Рунич докладывал Голицыну, что в этих лекциях «опровергается достоверность Священного Писания, подрывается в основании учение Христа Спасителя, укореняются разрушительные начала, презрение к властям, от Бога установленным»[12]. Балугьянский, не будучи включен в число обвиняемых профессоров, принял, однако, их сторону, и, подав прошение об отставке, оставил пост ректора. Князь Голицын при этом докладывал Императору, что Балугьянский, «попустив во время ректората своего вредному духу вкрасться в учение, не пожелал, однако, участвовать в благотворительном попечении начальства об изгнании оного и введении лучшего, а при этом не захотел и ожидать и окончания сего дела, от прикосновенности к коему он никак освободиться не может»[13]. (В 1824 г. Балугьянский оставил также профессуру. При этом известно, что он являлся одним из членов масонских собраний И. А. Фесслера, тайно проводившихся в Петербурге после 1826 г.[14].)

Тем не менее положение Балугьянского после его ухода из Петербургского университета продолжало оставаться – вплоть до самого конца его жизни – достаточно прочным. 26 апреля 1826 г. он был назначен начальником II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и вместе с М. М. Сперанским (с которым был близок еще с 1810 г.) работал над составлением Полного Собрания и Свода Законов (в этой должности он и пробыл до смерти). Когда в 1833 г. новый управляющий Министерством народного просвещения С. С. Уваров (в прошлом – один из директоров Библейского общества) открыто провозгласил в своей деятельности следование началам Православия, Самодержавия и Народности, то одним из первых его распоряжений стал указ о приостановке преподавания в университетах предмета естественного права. Для составления нового курса этой дисциплины тогда же, в 1834 г., был создан особый комитет профессоров. Но председателем этого комитета был назначен... тот же Балугьянский[15]. В 1847 г. Балугьянский, «чувствуя приближение кончины, <...> за две недели до смертного своего часа пожелал в первый раз приобщиться Святых Таин в православной церкви Св. Симеона (на углу Моховой улицы)...»[16]

В свою очередь сотрудник и единомышленник Балугьянского бывший масон Сперанский (посетивший в 1825 г. Нежинскую гимназию[17]) был определен в те же годы в воспитатели к Наследнику: в 1835–1837 гг. он читал курс юридических наук Великому Князю Александру Николаевичу; незадолго до смерти (в 1839 г.) был возведен Императором Николаем I в графское достоинство[18]. Ученику Балугьянского А. П. Куницыну – уволенному за вольнодумство из Петербургского университета – было поручено тогда же составление Полного собрания «духовных узаконений в России со времени учреждения Святейшего Синода».

Как выяснилось позднее на следствии, Белоусов на своих лекциях высказывал взгляды, сходные с теми, каких придерживались декабристы, – из содержания своего курса он выводил прямую идею цареубийства[19].

Предположительно в этот же период учащиеся гимназии В. И. Любич-Романович, Г. И. Высоцкий, И. Н. Кобеляцкий, П. А. Баранов, Н. Я. Прокопович, А. С. Данилевский и П. И. Мартос распевали песню, имевшую хождение в декабристских кругах: «о Боже, коль ты еси, всех царей с грязью меси, Мишу, Машу, Колю, Сашу на кол посади»[20]. В песне, распевавшейся на мотив российского гимна «Боже, Царя храни...», подразумевались члены Императорской фамилии; ее содержание соответствует песне вартбургских студентов 1817 г. – «Drei und dreizig oder mher» (тридцать три или больше; *нем.*)[21].

23 декабря 1829 г. надзиратель Н. Н. Маслянников доложил новому директору Д. Е. Ясновскому, что в ноябре 1825 г., незадолго до декабристского бунта, «некоторые пансионеры говорили, что в России будут перемены, хуже французской революции» и что вскоре «все полетит кверху дном»[22]. По приказанию директора И. С. Орлая эти происшествия (разговоры учеников о революции и пение декабристских песен) были тогда скрыты, и виновные остались без наказания[23].

Ученики Е. И. Филипченко и А. С. Змиев при опросе также показали, что во время беспорядков в 1825–1826 гг. пансионеры, наряду с песнями политического содержания, «пели также разные развратительные песни Баркова»[24].

[1] См. ***1824. Сентября 6. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] *Байцура Т.* Иван Семенович Орлай. Жизнь и деятельность. Словацкое педагогич. изд-во в Братиславе; Отделение укр. литературы в Пряшеве, 1977. С. 146, 147.

[3] В русском переводе книги Т. А. Шмальца «Право естественное» издания 1820 г. этих слов нет. Согласно рапорту самого Белоусова, он пользовался одним из немецких изданий – Шмальц является автором пяти книг по «естественному праву», издававшихся в Германии на протяжении конца XVIII – начала XIX вв. Изданная в 1820 г. в Петербурге книга Шмальца представляет собой сокращенный перевод его обширного произведения «Руководство по философии права».

[4] *Савва В. И.* К истории о вольнодумстве в Гимназии высших наук кн. Безбородко. С. 18.

[5] См.: *Лоренц Ф.* История новейшего времени. От Венского конгресса до Парижского мира. (1815–1856). СПб., 1869. С. 41–44.

[6] Европеец. Журнал И. В. Киреевского. Издание подготовил Л. Г. Фризман. М., 1989. С. 230.

[7] См.: *Машинский 1959.* С. 140.

[8] *Иофанов.* С. 385.

[9] См.: *Багалей Д. И.* Опыт истории Харьковского университета. Харьков, 1904. Т. 2. С. 104.

[10] *Шмальц Ф.* Право естественное. Перевод с латинского. С прибавлением литературы естественного права. СПб., 1820 (ценз. раз. 18 апр.). С. V.

[11] См. ***1813. Февраля 1. Суббота. Санкт-Петербург.***

[12] *Машинский 1959.* С. 135.

[13] Там же. С. 136.

[14] См.: *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1111.

[15] См.: О преподавании Естественного Права // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 1. С. VI. – Окончательно из университетских программ предмет естественного права был исключен лишь в 1840-х гг.

[16] *Баранов П.* Михаил Андреевич Балугьянский, Статс-секретарь, Сенатор, тайный советник. (1769–1847). Биографический очерк. СПб., 1882. С. 36.

[17] См. ***1825. Августа 14 – декабря средина. Нежин.***

[18] Столетие со дня рождения М. М. Сперанского праздновалось 1 января 1873 г. в России «с соизволения Государя Императора» (Александра II). Об отношении Гоголя к М. М. Сперанскому см.: *Виноградов И. А.* Материалы по изучению масонского и декабристского движения, полученные Гоголем от декабриста И. А. Фонвизина и Н. Н. Шереметевой // Переписка Н. В. Гоголя с Н. Н. Шереметевой. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. С. 229–253.

[19] См. также ***1826. Июля 24. Суббота. Нежин.***

[20] Дело о нелепых разговорах и песнях учеников Гимназии и о сочинениях, у них отысканных // *РГИА.* Ф. 733. Оп. 69. Ед. хр. 59. Л. 9; опубл.: *Машинский 1959.* С. 166–167.

[21] М. Л. Магницкий в представленных им в 1831 г. Императору Николаю I записках, озаглавленных: «Обличение всемирного заговора против алтарей и тронов публичными событиями и юридическими актами» и «О водворении иллюминатства под разными его видами в Россию», писал: «...Составили они <заговорщики> <...> свой адский *союз цареубийц* (Wartbourg), стали петь неизвестно кем сочиненную кровавую песнь: drei und dreizig oder mehr (обрекавшую тридцать трех государей и министров Европы на убиение) и начали все прочие неистовства свои, начиная с Занда» (*Шильдер Н. К.* Два доноса в 1831 году // Русская Старина. 1899. № 3. С. 616).

[22] *Машинский 1959.* С. 165–166.

[23] Там же. С. 168–169.

[24] См. ***1828. Января вторая половина. Нежин*** (примечания).

ДЕКАБРЯ 2. СРЕДА. НЕЖИН

Гоголь уведомляет мать, что только что получил от нее письмо. Благодарит за возможность приехать домой на Рождество. Просит прислать за ним к 16 декабря санный экипаж на четверых – для него самого, А. С. Данилевского, П. А. Баранова и профессора К. В. Шапалинского[1]. В приписке напоминает об обещании прислать ему голубой материи на жилет, а также о деньгах: «Из тех денег, которые мне следуют пред Рождеством я заплачу за пошитье».

[1] См. ***1825. Октября 13. Вторник. Нежин.***

ДЕКАБРЯ 7. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

«Конференция Гимназии принимает решение: 14 декабря[1] привести к присяге на верность Императору Константину Павловичу по установленной форме всех чиновников, а их расписки препроводить в городскую полицию».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 94.

[1] См. также ***1825. Декабря 14. Понедельник. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 11. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Н. Я. Прокопович отправляет московскому знакомому своего отца письмо, к которому прилагает свои стихи «Сон Ратмира (отрывок из поэмы)» (с пометой: «Нежин, 1825»), для вручения «издателю “Телеграфа”[1] г. Полевому» («долгом почитаю начать свое поприще в одном из лучших журналов нашей Империи»)[2], и добавляет:

«Прошу еще покорно, чтобы не были напечатаны на месяц январь по тем причинам, что общество наше на следующий год будет выписывать “Телеграф” через моего соученика г. Яновского»[3].

[1] Московский Телеграф.

[2] См. также ***В течение 1824/25 учебного года (1824 август – 1825 май). Нежин*** (примечания); ***1824. Декабря конец. Санкт-Петербург.***

[3] *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 78–79; см. также: Гоголь в письмах Н. Я. Прокоповича // *Свод.* Т. 1. С. 581–582.

ДЕКАБРЯ 12. СУББОТА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВЯТИТЕЛЯ СПИРИДОНА ТРИМИФУНТСКОГО. СУББОТА. НЕЖИН

Гоголь пишет эпиграмму-акростих «СПИРИДОН» на Федора Бороздина:

Се образ жизни нечестивой,
Пугалище монахов всех,
Инóк монастыря строптивой,
Расстрига, сотворивший грех.
И за сие-то преступленье
Достал он титул сей.
О, чтец! имей терпенье,
Начальные слова в устах запечатлей[1].

В 1856 г. П. А. Кулиш (со слов Г. И. Высоцкого) сообщал: «...Охота писать стихи высказалась впервые у Гоголя по случаю его нападок на товарища Б<орозди>на, которого он преследовал насмешками за низкую стрижку волос и прозвал Расстригою Спиридоном. Вечером, в день именин Б<орозди>на, 12-го декабря <в день св. Спиридона; Бороздина же звали Федором>, Гоголь выставил в гимназической зале транспарант собственного изделия, с изображением чорта, стригущего дервиша, и с следующим акростихом: “Се образ жизни нечестивой, / Пугалище (дервишей) всех, / И.... строптивой, / Расстрига, сотворивший грех...”» (далее по тексту стихотворения)[2].

Более года спустя, 19 марта 1827 г., Гоголь, имея в виду свой акростих, писал Высоцкому в Петербург: «Спиридон, т. е. Федор Бороздин, точно в гусарах и отличный гусар из самого негодного попа. Кто бы думал? – Сам генерал его уважает».

По свидетельству Н. Я. Прокоповича, «Г. Высоцкий был соученик Гоголя по Гимназии Высших Наук и шел классом или двумя выше его. Сходство вкусов сблизило их, ибо тот и другой отличались мечтательностию и комизмом. Все юмористические прозвища, под которыми Гоголь упоминает в своих письмах о товарищах, принадлежат г. Высоцкому. Он имел сильное влияние на первоначальный характер гоголевых сочинений. Товарищи их обоих, перечитывая "Вечера на Хуторе" и "Миргород", на каждом шагу встречают слова, выражения и анекдоты, которыми г. Высоцкий смешил их еще в Гимназии»[3].

Сам Гоголь в письме к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. (предназначавшемся к публикации с названием «Искусство есть примирение с жизнью») замечал: «...Еще бывши в школе, чувствовал я временами расположенье к веселости и надоедал товарищам неуместными шутками. Но это были временные припадки, вообще же я был характера скорей меланхолического и склонного к размышлению»[4].

[1] *Кулиш П.* Н. В. Гоголь // Лицей князя Безбородко. СПб., 1859. Отд. 2. С. 33.
[2] Воспоминания Г. И. Высоцкого в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 574.
[3] Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 578.
[4] См. ***1848 января 10 <1847 декабря 29>. Понедельник. Неаполь.***

ДЕКАБРЯ 14. ПОНЕДЕЛЬНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Сенат и Св. Синод приносят присягу на верность Николаю Павловичу. Отказавшиеся присягнуть ему войска выстраиваются на Сенатской площади. После смертельного ранения военного губернатора Санкт-Петербурга графа М. А. Милорадовича и увещевательного воззвания к восставшим митрополита Серафима мятежники рассеяны артиллерийским огнем.

См. ***1825. Декабря 15. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 15. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В приложении к газете «Санкт-Петербургские ведомости» помещено сообщение о «восстании на законную Власть» 14 декабря 1825 г. части Московского полка.

«Вчерашний день будет, без сомнения, эпохою в Истории России. В оный жители Столицы узнали с чувством радости и надежды, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ воспринимает венец СВОИХ предков... <...> Но Провидению было угодно сей вожделенный день ознаменовать для нас и печальным происшествием, которое внезапно, но лишь на несколько часов, возмутило спокойствие в некоторых частях города. <...> ...В исходе первого часа дошло до сведения ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, что часть Московского полка (как сказывали, от 3 до 4 сот человек), выступив из своих казарм с распущенными знаменами и провозглашая ИМПЕРАТОРОМ Великого Князя КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧА, идет на Сенатскую площадь. Толпы народа сбегались к сей площади и перед Дворцом. <...> ...Две возмутившиеся роты Московского полка <...> построились в баталион-карре перед Сенатом; ими начальствовали семь или восемь Обер-Офицеров, к коим присоединилось несколько человек гнусного вида во фраках. Небольшие толпы черни окружали их и кричали: ура! Необходимость противопоставить им достаточное число верных войск была очевидна. <...> К ним подъехал Санктпетербургский Военный Генерал-Губернатор Граф Милорадович, в надежде, что его слова возвратят их к чувству обязанности, но в ту самую минуту стоявший возле него человек во фраке выстрелил по нем из пистолета и смертельно ранил сего верного и столь отличного Военачальника. Он умер нынешнюю ночь. <...> Но ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР еще щадил безумцев, и лишь при наступлении ночи, когда уже были вотще истощены все средства убеждения и самое воззвание

Преосвященного Митрополита Серафима пренебреженно мятежниками, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО наконец решился, вопреки желанию сердца СВОЕГО, употребить силу. Вывезены пушки и немногие выстрелы в несколько минут очистили площадь... <...>; виновнейшие из Офицеров пойманы и отведены в крепость».

Внутренние происшествия. Санкт-Петербург. 15-го декабря // Прибавление к С. П. Бургским Ведомостям № 100. 1825. Вторник, декабря 15 дня. С. 1–2. – Перепечатано: Внутренние известия // Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1825. Суббота, Декабря 19-го дня. № 300. С. 1206–1208.

ДЕКАБРЯ 16. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Русский Инвалид, или Военные Ведомости» напечатан Манифест Императора Николая I от 12 декабря 1825 г. о вошествии на престол 19 декабря.

Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1825. Среда, Декабря 16-го дня. № 298 <297>. С. 1191–1193. – См. также ***1825. Декабря 18. Санкт-Петербург.***

1825 ДЕКАБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА – 1826 ЯНВАРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА[1]. ВАСИЛЬЕВКА

В связи с приближающимся Рождеством гимназисты отпущены домой. После 16 декабря 1825 г. Гоголь вместе с А. С. Данилевским, П. А. Барановым и профессором К. В. Шапалинским выехал на каникулы[2], которые провел в Васильевке.

[1] См. ***1826. Января 16. Суббота. Нежин.***
[2] См. ***1825. Декабря 2. Среда. Нежин.***

ДЕКАБРЯ 17. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Высочайшим указом учрежден «Тайный комитет для изыскания соучастников злоумышленного общества, открывшегося 14 декабря 1825 года».

См. ***1825. Декабря 14. Понедельник. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 18. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В «Санкт-Петербургских Ведомостях» напечатан Манифест Императора Николая I от 12 декабря 1825 г. о вошествии на престол 19 декабря.

Санктпетербургские Ведомости. 1825. Пятница Декабря 18-го дня. № 101. С. 1187–1188. – См. также ***1825. Декабря 16. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 22. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В «Санкт-Петербургских Ведомостях» (№ 102) напечатан Манифест Императора Николая I от 19 декабря 1825 г. о суде над мятежниками 14 декабря 1825 г.

«Сей суд и сие наказание <...> смоет постыдное и для душ благородных несносное смешение подозрений и истины, проведет навсегда резкую и неизгладимую черту разделения между любовию к Отечеству и страстию к безначалию, между желанием лучшего и бешенством превращений...»

Санктпетербургские Ведомости. 1825. Вторник Декабря 22-го дня. № 102. С. 1187–1188.

ДЕКАБРЯ 29. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В приложении к газете «Санкт-Петербургские ведомости» помещено «Подробное описание происшествия, случившегося в Санктпетербурге 14-го декабря 1825 года», с именами зачинщиков.

«Декабря 14-го поутру ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР извещен был <...>, что несколько рот Лейб-Гвардии Московского полка отказались от должной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ присяги... <...> По второму выстрелу вся шайка рассыпалась... <...> По продолжающимся подробным достоверным допросам явно изобличены зачинщиками сего неслыханного предприятия: в чине Подпоручика Контратий Рылеев, Дворянин Орест Сомов, бывший Вице-Губернатор, Статский Советник Иосиф Горский, отставной Порутчик <П. Г.> Каховский, Лейб-Гвардии Московского Полка Штабс-Капитаны: Князь <Д. А.> Щепин-Ростовский и <М. А.> Бестужев, Адъютант Его Королевского Высочества Герцога Александра Виртембергского <А. А.> Бестужев, Лейб-Гвардии Гренадерского полка Штабс-Капитан <А. Н.> Сутгоф и Порутчик <Н. А.> Панов, Адъютант Командующего Гвардейскою пехотою Генерал-Лейтенента <К. И.> Бистрома Порутчик Князь <Е. П.> Оболенский, Дежурный Штаб-Офицер 4-го пехотного Корпуса Полковник Князь <С. П.> Трубецкий, Гвардейского Генерального Штаба Штабс-Капитан <А. О.> Корнилович, Флота Капитан-Лейтенант <Н. А.> Бестужев, Адъютант Адмирала <А. В. фон> Моллера Бестужев же <П. А.>, Лейб-Гвардии Конного полка Корнет Князь <А. И.> Одоевский; Коллежские Асессоры: <И. И.> Пущин, Вильгельм Кюхельберкер и Лейб-Гвардии Финляндского полка Порутчик <Н. Р.> Щебриков <Цебриков>. – Все они уже взяты и содержатся под арестом, кроме Кюхельбекера, который, вероятно, погиб во время дела».

Внутренние происшествия. Санкт-Петербург. 29-го декабря. Подробное описание происшествия, случившегося в Санктпетербурге 14-го декабря 1825 года // Прибавление к С. П. Бургским Ведомостям № 104. 1825. Вторник, декабря 29 дня. С. 1–2.

1825 ДЕКАБРЯ 29 – 1826 ЯНВАРЯ 3

Мятеж офицеров Черниговского и Полтавского полков[1], среди которых знакомые Гоголей: сыновья соседа по имению И. М. Муравьева-Апостола – Матвей[2], Сергей[3] и Ипполит[4]. Среди подозреваемых – сыновья покойного В. В. Капниста Сергей[5], член «Союза благоденствия», и Алексей[6], член «Союза благоденствия» с 1820 г. В Полтаве происходят обыски и аресты дворян в связи с возможностью их принадлежности к заговору.

[1] См. также ***1826. Января 9. Суббота. Санкт-Петербург***.

[2] С 1815 г. – член петербургской ложи «Соединенных друзей»; с 1816 г. – член петербургской ложи «Трех добродетелей»; в 1818 г. – посетитель лож «Евксинского понта» в Одессе, «Елизаветы к добродетели» в Петербурге, «Любви к истине» в Полтаве (*Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1042, 1059, 1096, 1103, 1112). – См. также ***1821. Октября 27. Четверг. Кибинцы***. – 10 июля 1826 г. приговорён в каторжную работу на 20 лет.

[3] С 1817 г. – член петербургской ложи «Трех добродетелей»; в 1818 г. – посетитель ложи «Евксинского понта» в Одессе (*Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1042, 1103). Казнен 13 июля 1826 г. (см. ***1826. Июля 13. Вторник. Санкт-Петербург***).

[4] Застрелился 3 января 1826 г. при разгроме Черниговского полка.

[5] Был женат (с 1823 г.) на сестре М. И., С. И. и И. И. Муравьевых-Апостолов Елене Ивановне.

[6] В конце десятых – первой половине двадцатых годов XIX в. – член киевской ложи «Соединенных славян», членами которой были также преподаватели Нежинской гимназии К. В. Шапалинский, И. Я. Ландражин и Ф. И. Зингер (см. ***1826. Июня 27–29. Воскресенье-вторник. Нежин***; *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1016). Арестован 14 января 1826 г. (см. ***1826. Января 14. Четверг. Киев***), освобожден из-под ареста 15 апреля 1826 г. (см. ***1826. Апреля 15. Великий четверг. Санкт-Петербург***).

1825

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ГОДА. ВАСИЛЬЕВКА

Умерла малолетняя сестра Гоголя Татьяна (родилась в марте-апреле 1822 г.).

См. ***1822. Март-апрель.***

ОДИН ИЗ ДНЕЙ ГОДА. НЕЖИН

Законоучитель гимназии протоиерей Павел Волынский награжден золотым наперсным крестом.

Кукольник Н. П. И. Волынский // Гимназия Высших Наук и Лицей князя Безбородко. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1881. С. 246.

КОНЕЦ ГОДА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская приобретает для переоборудования винокурни «железный паровик (1313 руб<лей> 55 коп<еек>), 2 аппарата (270 руб<лей>), медный куб (438 руб<лей>), и т. д., не остановившись перед общей суммой расхода на одно оборудование в 2285 руб<лей> 59 коп<еек>. (<...> “Счет купца Марулева”)».

Назаревский. С. 341; см. также: *Иофанов.* С. 24.

1826

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, НЕЖИН

«Придворный Штат. <...> Его Императорского Величества. <...> Медицинские Чиновники: <...> Придворные Докторы:

Иван Семенов<ич> Орлай, Ст<атский> Сов<етник>, Энского Физич<еского> Учен<ого> Общ<ества> Почетн<ый> Член и Дирек<тор> Гимназии высш<их> наук Князя Безбородко, орд<енов> с<вятой> Анны 2 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> Кав<алер>. <...>

Харьковский Учебный Округ. <...> Гимназия высших наук Князя Безбородко в Нежине[1]. Состоящая в ведении Попечителя Харьковского Учебного Округа <А. А. Перовского> :

Почетный Попечитель: Граф Александр Григорьев<ич> Кушелев-Безбородко, Над<ворный> Сов<етник>, Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Камерг<ер>, Докт<ор> Прав, орд<ена> с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<тепени> Кав<алер>.

Директор, Иван Семенов<ич> Орлай, Д<ействительный> Ст<атский> Сов<етник>, Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Докт<ор>, Свободн<ых> наук Магист<р>, любомудр<ия>, врачебн<ой> науки и Хирур<гии> Докт<ор>, Императ<орской> Медико-Хирург<ической> Акад<емии> и разн<ых> учен<ых> Общ<еств> Почетн<ый> Член, орд<енов> с<вятой> Ан<ны> 2 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> Кав<алер>, им<еет> брон<зовую> мед<аль> 1812 г.

Учитель Зак<она> Бож<ия> и Нравств<енного> Любомуд<рия> Павел Иванов<ич> Волынский, Протоиер<ей> Нежинск<ого> Собора, им<еет> Камил<авку> и наперс<ный> брон<-зовый> кр<ест> 1812 г.

Старшие Профессоры: Российс<ких> Гражд<анского> и Уголов<ного> Прав, Народ<ного> и Государст<венного> Хозяйст<ва> и науки Финан<сов> Михайло Васильев<ич> Билевич, Над<ворный> Сов<етник>, им<еет> брон<зовую> мед<аль> 1812 г.; Российс<кой> Словесн<ости> и Логики, Над<ворный> Сов<етник> Парфений Иванов<ич> Никольский; Российск<ой> и Всемирн<ой> Истории, Кирил<л> Абрамов<ич> Мойсеев, 8-го кл<асса> и орд<ена> с<вятой> Ан<ны> 3 ст<епени> Кав<алер>; Математ<ики> и Физики, Казимир Варфоломеев<ич> Шапалинский, орд<ена> с<вятой> Ан<ны> 3 ст<епени> Кав<алер>, он же Член Правлен<ия>.

Младшие Профессоры: Латин<ской> Словесн<ости>, Семен Матвеев<ич> Андрущенко, орд<ена> с<вятой> Ан<ны> 3 ст<епени> Кав<алер>, он же и учен<ый> Секр<етарь> Конф<еренции>, им<еет> брон<зовую> мед<аль> 1812 г.; Еллино-Греческ<ой> Словесн<ости>, Христофор Николаев<ич> Иеропес; Франц<узской> Словес<ности>, Иван Яковлев<ич> Ландражин; Немецк<ой> Слов<есности> Федор Осипов<ич> Зингер.

Исправл<яющий> должн<ость> Профес<сора> Естествен<ного> и Римск<ого> Права, Николай Григорьев<ич> Белоусов, он же и Секр<етарь> Правлен<ия>.

Естествен<ной> Истор<ии> и Технолог<ии> Никита Федоров<ич> Соловьев.

Военных наук, *вакансия*.

Учители: нисш<их> кл<ассов>: Геогр<афии>, Алексей Минин Самойленко, он же и Кассир; Арифм<етики>, Антон Васильев<ич> Лопушевский; Росс<ийского> яз<ыка>, Константин Андреев<ич> Персидский; Лат<инского> яз<ыка>, Иван Григорьев<ич> Кулжинский; Французск<ого> языка и Чистоп<исания>, Тит<улярный> Сов<етник> Яков Клавдиев<ич> Воаргард; Немецк<ого> языка, *вакансия*; Рисов<ания>, Капитон Степанов<ич> Павлов; Фехтов<ания>, Кол<лежский> Рег<истратор> Осип Демьянович Урсо; Верх<овой> езды, *вакансия*; Священ<-ного> Песнопения, музыки и Танцов<анию>, Федор Емельянов<ич> Севрюгин; Библиотекарь, 9 кл<асса> Август Иванов<ич> Аман.

Благородный Пансион: Инспектор, Кирилл Абрамов<ич> Моисеев, он же и Член Хозяйствен<ного> Правления.

Надзиратели: Егор Иванов<ич> Зельднер; Адольф Иванов<ич> Аман, Иван Григорьев<ич> Демиров-Мышковский, Николай Никитич Маслеников, Кол<лежский> Рег<истратор> Семен Иванов<ич> Ванновский.

Лекарь, Над<ворный> Сов<етник> Докт<ор> Медиц<ины> Карл Карлович Фибинг, орд<ена> с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> Кав<алер>, им<еет> сер<ебряную> мед<аль> 1812 г.

Эконом, Тит<улярный> Сов<етник> Афанасий Иванов<ич> Тарновский, им<еет> бронз<овую> мед<аль> 1812 г.

Писцы, Конференции, Петр Иванов<ич> Скороходов; Правления, Петр Юрьев<ич> Артинов. <...>

По Придворному Штату: <...> Пожалованы: <...>

Доктор Орлай в Д<ействительные> Ст<атские> Сов<етники>. <...>

По министерству Народного Просвещения: <...> По Харьковскому Университету: <...>

Директором Одес<с>кого Ришельевского Лицея определен Д<ействительный> Ст<атский> Сов<етник> Орлай».

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1826. СПб., 1826. Ч. 1. С. 16, 534–536; Прибавление. С. III, XIV.

[1] «Состояние чинов по 23 Марта 1826 г.» (примеч. в источнике).

ЯНВАРЯ 7. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газетах «Русский Инвалид, или Военные Ведомости» и «Северная Пчела» напечатаны новые известия о восстании 14 декабря 1825 г.

«Происшествия 14-го Декабря обнаружили ужасный заговор. Люди, недостойные имени Россиян, составили его во мраке. Они умышляли умерщвление Императорской Фамилии, безначалие, разграбление имуществ... <...> В числе допрошенных, благодаря Бога, нашлось несколько невинных, которые ту же минуту освобождены; другие, по молодости и детской неопытности, дозволили уловить себя в сии коварные сети, не зная ни цели, ни гибельных последствий своей неосторожности»[1].

Впоследствии, во втором томе «Мертвых душ», Гоголь писал о своем герое, помещике Тентетникове: «...Справедливо ли то, если юношу, который по неопытности своей был обольщен и сманен другими, осудить так, как и того, который был один из зачинщиков?»

[1] Внутренние известия. Прибавления к подробному описанию происшествия, случившегося в Санктпетербурге 14-го Декабря 1825-го года // Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1826. 7 янв. № 5. С. 19–20. – Ср.: «Другие ослепленные молодые люди вступили в сообщество, не зная настоящей его цели, не постигая, сколь гибельны могли быть последствия их неосторожности, и теперь с живым чувством раскаяния видят бездну, в которую влекло их коварство» (Внутренние известия // Северная Пчела. 1826. 7 янв. № 3. С. 1–2 (с пометой: «Из № 2 Санктпетербургских Ведомостей»).

ЯНВАРЯ 9. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Северная Пчела» напечатан приказ начальника Главного Штаба барона И. И. Дибича о прекращении бунта 29 декабря 1825 – 3 января 1826 г., устроенного в Черниговском пехотном полку подполковником С. И. Муравьевым-Апостолом.

Приказ Начальника Главного Штаба Его Императорского Величества. В Санктпетербурге. Января 8 дня 1826 года // Северная Пчела. 1826. 9 янв. № 4. С. 1–2. Перепечатано: Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1826. 10 янв. № 8. С. 31–32. – См. также ***1826. Января 12. Вторник. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 12. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Северная Пчела» напечатан приказ начальника Главного Штаба барона И. И. Дибича о «покорении мятежников» Черниговского полка.

Приказ Начальника Главного Штаба Его Императорского Величества. В Санктпетербурге. Января 9 дня 1826 года // Северная Пчела. 1826. 12 янв. № 5. С. 1–2. См. также ***1826. Января 9. Суббота. Санкт-Петербург.***

ЯНВАРЯ 13. СРЕДА. КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский отправляет Императору Николаю I поздравление с восшествием на престол.

«Провидение, сблизив срок, положенный рождением, возвело Ваше Императорское Величество на прародительский престол и первоначальное происшествие царствования, поразив сердца всех истинных сынов отечества глубоким сетованием о безумстве некоторых[1], вместе радостно открыло, что неотменно ожидать должна Россия от благости и духа своего Государя».

Попов 1868. С. 21–22.

[1] См. ***1826. Января 7. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1826. Января 9. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1826. Января 12. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1826. Января 27. Среда. Кибинцы.***

ЯНВАРЯ 13. СРЕДА

П. А. Болотов пишет отцу, А. Т. Болотову (1738–1833):

«Я читал с любопытством <...> письмо Ваше <...> с суждением <...> о происшедшем в Петербурге бунте. <...> В числе возмутителей видим имена известного Рылеева, Бестужевых, Кюхельбекеров как модных журнальных стихотворцев, которые все дышали безбожною философиею согласно с модным их оракулом Пушкиным[1], которого стихотворения столь многие твердят наизусть и, так сказать, почти бредят ими. Следовательно, корни этой заразы весьма глубоко распространились и нелегко выдернуть их и уничтожить. И вот отчего и не предвидится оного вожделенного спокойствия и тишины в мире, клонящемся к своему разрушению: и едва ли не совершится предсказание блаженного Бенгеля и Штиллинга, что пред 1836 годом[2] все последние должны быть весьма бедственные для рода человеческого, и, кажется, мы приближаемся к этому несчастию...»

Шиманова Н. А. Из переписки Болотовых о декабристах и А. С. Пушкине // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. 1938. Т. 1. С. 279–280.

[1] См. также ***1826. Октября 26. Вторник. Нежин*** (свидетельство А. И. Михайловского-Данилевского).
[2] Подробнее см.: ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург*** (примечания).

ЯНВАРЯ 14. ЧЕТВЕРГ. КИЕВ

За участие в «Союзе благоденствия» арестован А. В. Капнист.

Декабристы. Биографический справочник / Изд. подготовлено С. В. Мироненко. М., 1988. С. 77.

ЯНВАРЯ 16. СУББОТА. НЕЖИН

Гоголь вернулся после Рождественских праздников в гимназию.

См. ***1826. Января 17. Воскресенье. Нежин.***

ЯНВАРЯ 17. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Гоголь уведомляет мать о благополучном прибытии в гимназию накануне, 16 января:

«В замедлении моем ничего мне не стоило оправдаться; принят был, как самый добрый товарищ. <...> Я теперь почти в совершенной радости, изредка только вспоминание об вас туманит светлое лицо мое, только что недавно видевшее вас».

ЯНВАРЯ 27. СРЕДА. КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский пишет Л. И. Голенищеву-Кутузову:

«Происшествие, в последних газетах обнародованное[1], есть верх безумия людей, обрекших себя на явную пагубу, в которую вовлекли и других. Это плоды чужестранного воспитания, где при всех блестящих науках, пренебрежены внушения Главных оснований веры. Она одна служила бы воздержанием всякому злодейскому помышлению и озарялась бы светом истины, в чем состоит и долг, и честь, <с>толь худо ими понимаемые. — Не жалея о виновных, добровольно низринувшихся в ров погибели, нельзя не сокрушаться о несчастии родителей их и сродников, коим сыны беззакония оставили в удел вечное пятно бесчестия».

РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 29. Л. 5–5 об.

[1] Речь идет о восстании 14 декабря 1825 г. в Петербурге, а также о бунте 29 декабря 1825 – 3 января 1826 г. Черниговского полка на Украине (см. ***1825. Декабря 15. Санкт-Петербург***; ***1825. Декабря 22. Санкт-Петербург***; ***1825. Декабря 29. Санкт-Петербург***; ***1826. Января 7. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1826. Января 9. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1826. Января 12. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1826. Января 13. Среда. Кибинцы***; ***1826. Июля 7. Среда. Ярески***).

ЯНВАРЯ 29. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Русский Инвалид, или Военные Ведомости» напечатаны сведения о восстании 14 декабря 1825 г., собранные Следственной Комиссией:

«Следственная Комиссия, учрежденная по особенному повелению *Его Императорского Величества* вскоре после происшествий 14-го минувшего Декабря, <...> успела собрать многие достоверные сведения, объясняющие начало, ход и образование разных тайных обществ, коих руководители в замыслах своих, по счастию невозможных в исполнении, готовились изумить Россию злодействами и ввергнуть в бездну мятежей и бедствия. Представляем здесь в кратком извлечении и лишь предварительно сии сведения, почерпнутые из допросов и признаний самих виновных.

Таковы были преступные намерения управлявших сими сообществами, что число людей, способных принять в оных участие, долженствовало быть весьма невелико, и сие, к чести имени Русского, к утешению всех добрых граждан, совершенно доказано производящимся следствием. <...>

Первая мысль о составлении сего заговора родилась в распаленном воображении нескольких молодых людей, обольщенных пагубным примером мятежников[1], кои посреди революций, в последние тридцать лет потрясавших Европу, ознаменовали бытие свое кратковременными успехами; сии жалкие подражатели извергов, <...> забывая долг свой к *Государю* и отечеству, забывая данные ими клятвы и самые выгоды своего положения в обществе, слепо предались мечтательной надежде быть преобразователями России и предприняли готовить к сему средства.

Из показаний их явствует:

1-е) что для сего в конце 1815-го года они предположили, а в начале 1816-го уже начали заводить тайное общество, которое составлялось из многих отделений, и коего цель была двоякая. Одна, всем объявляемая: благотворение; другая, настоящая, но известная лишь небольшому числу членов, – изменение Государственных установлений в России[2];

2-е) что члены, знавшие истинную цель сообщества, еще в 1817-м году, в то самое время, когда в Бозе почивающий *Император* АЛЕКСАНДР с Августейшим Семейством Своим посетил Москву, Им освобожденную и Его щедротами подъятую из пепла, рассуждали о средствах умертвить *Государя* <...>, и один из них, не дожидаясь жеребья, долженствовавшего назначить убийцу, сам вызвался на злодейство. <...>;

3-е) что 1818-м году, находя, что их общества недовольно быстро распространяются, они собрались опять в Москве и дали оному новое образование, с именем *Союза благоденствия* или *Зеленой книжки*. Цель по-прежнему была двоякая: все члены, сверх дел благотворительности, обязывались способствовать успехам просвещения и улучшения нравов; намерение испровергнуть Государственные постановления в России оставалось тайною Начальников; они старались приуготовить к тому умы, умножая число своих сообщников, и мало-помалу открывая им свои мнения и виды; <...>

5-е) <...> ...Вступающие были избираемы с чрезвычайными предосторожностями; взаимные сношения оных были покрыты глубочайшею тайною;

6-е) что около того времени <1821> учредилось два общества, почитаемые главными, *Северное* и *Южное*. Они имели свои *Директории*, или *Думы*, первое – в Петербурге, другое – в Тульчине; от них зависело несколько отделений под названием *Управ*, или *Округов*, вскоре потом возникло третье общество: *Соединенных Славян*; с ним были в тесной связи два Члена *Южного*;

7-е) что вслед за теми Начальниками всех сих обществ составлен план для испровержения существующего порядка посредством вооруженной силы; для того они старались присоединять к себе военнослужащих и в особенности ротных и полковых Командиров;

8-е) что во всех вышеозначенных обществах первенствующие члены, и каждый лишь по видам своего личного честолюбия, делали разные предположения для будущего образования Государства; <...> ...Иные думали отторгнуть от Империи целые области и объявить их совершенно независимыми или уступить соседственным Государствам; <...>

Главные преступники, изверги, покушавшиеся на Цареубийство, возбудители мятежей или обнажавшие мечь на *Государя* и установленные Им начальства, уже уличены...»[3]

[1] К этим словам архимандрит Фотий (Спасский) в письме к Императору Николаю I от 4 февраля 1826 г. сделал примечание: «...О преобразовании всего Государства и Церкви прежде <...> было вне России предначертано <...> и именно в известном обществе Английских Методистов...» (*Фотий (Спасский), архимандрит.* Историческое повествование // *Фотий (Спасский), архимандрит.* Автобиография архимандрита Фотия (Спасского) (1792–1838) / Сост. В. В. Улыбин, Ю. Е. Кондаков. СПб., 2013. С. 327).

[2] К этим словам архимандрит Фотий в письме к Императору Николаю I также сделал примечание: «...Гораздо прежде, нежели в конце 1815 года образовалось *тайное общество* в России, уже повсюду дерзостно было опубликовано в разных видах, что *изменение Государственных постановлений в России нужно и непременно оное будет.* Чему весь план со всеми подробностями предначертан в Тайных обществах, и напечатан в 1815 году в С. Петербурге в Морской Типографии, в книге Победная Повесть <И. Г. Юнга-Штиллинга; см. ***1835. Октября конец. Санкт-Петербург*** – примечания>» (*Фотий (Спасский), архимандрит.* Историческое повестование // *Фотий (Спасский), архимандрит.* Автобиография архимандрита Фотия (Спасского) (1792–1838) / Сост. В. В. Улыбин, Ю. Е. Кондаков. СПб., 2013. С. 327).

Один из пунктов заговора, на который указывал архимандрит Фотий, состоял в том, что «революция непременно будет «чрез ложное просвещение, <...>, особливо чрез долговременную *роскошь*, охлаждение к вере, желание вольности и свободы от всяких уз, законов, дабы *устроить новое царство*, новое правление» (Там же. С. 328).

Позднее Гоголь в статье «Скульптура, живопись и музыка» (1835) писал: «Никогда не жаждали мы так порывов, воздвигающих дух <...> когда наступает на нас и давит вся дробь прихотей и наслаждений, над выдумками которых ломает голову наш XIX век. Все составляет заговор против нас; вся эта соблазнительная цепь утонченных изобретений роскоши сильнее и сильнее порывается заглушить и усыпить наши чувства». В статье «О Средних веках» (1835) он также замечал, что «улучшения для жизни», «подносимые» рыцарям торговцами Венеции и Ганзы, «отдаляли» их от «обетов и строгой жизни», «подогревали желание наслаждений и уменьшали энтузиазм религиозный». Подробнее об этой концепции Гоголя см.: *Виноградов И. А.* Гоголь – историк и на-

блюдатель быта. (К истории и психологии «общества потребления») // Н. В. Гоголь и его творческое наследие. Десятые Гоголевские чтения. Под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2010. С. 120–127.

[3] Внутренние известия. <...> Санкт-Петербург, 28-го Января 1826 // Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1826. 29 янв. № 24. С. 96–98.

ЯНВАРЬ. НЕЖИН

В связи с восшествием на престол Николая I старший профессор математики и физики К. В. Шапалинский и младший профессор французской словесности И. Я. Ландражин подтверждают ранее[1] данные заверения в том, что они больше не являются членами масонских лож[2].

[1] См. ***1822. Июля 1 или сентябрь. Чернигов.***

[2] *Машинский 1959.* С. 185. – См. также ***1826. Июня 27–29. Воскресенье-вторник. Нежин.***

ЯНВАРЯ КОНЕЦ. НЕЖИН

После сдачи полугодичных экзаменов в сводной ведомости за первое полугодие 1825/26 учебного года Гоголю выставлены следующие оценки:

– Закон Божий – 4;
– российская словесность – 4;
– всеобщая история – не аттестован;
– русская история – 4;
– математика – 2;
– физика – 4;
– естественная история – 3;
– латинский язык – 3;
– французский язык – 0;
– немецкий язык – 1;
«Средний вывод – 2 $^{7}/_{9}$».
Поведение – 4[1].

«В журнале IV-м конференции гимназии высших наук от 30 января 1826 года значится, что из закона Божия "с 1-го августа по 23 декабря 1825 г. в 7, 8 и 9-м классах прочитаны некоторые поучительные речи Василия Великого, Иоанна Златоустого, Никифора Монаха, Киприана, Макария, Исаака Сирина и многие статьи из Христианского чтения"»[2].

В январе 1826 г. из гимназии с аттестатом о ее окончании выпущен Ф. К. Бороздин[3]. Гоголь вместе с П. И. Мартосом начинает издавать рукописный журнал «Метеор Литературы». В первом номере помещает «Эпиграмму», – вероятно, на И. Г. Пащенко[4], который имел среди школьных товарищей репутацию «лгунишки»[5] и хвастуна[6]. Кроме этой эпиграммы, а также почерка, об участии Гоголя в составлении первого номера «Метеора литературы», может свидетельствовать эпиграф в журнале из первых восьми стихов басни Крылова «Орел и Пчела» (1811) – позднее Гоголь цитировал строки этой басни, с четвертой по восьмую, в статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями».

«*"Метеор Литературы. Январь 1826"*... <...> рукописная тетрадка, в зеленой обложке, из сероватой бумаги, в 42 неперенумерованные страницы, в малую осьмушку (по 16-ти строк на каждой странице); заглавие <...> написано на обложке, обведенной бордюром в роде коленчатой лестницы, с каемками по сторонам; на внутреннем заглавном листке читаем: *"Метеор литературы. Часть 1"*. Затем эпиграф – первые восемь стихов из басни Крылова "Орел и Пчела" и наконец: *"Нежин. 1826"*.

Очевидно, что это один из тех рукописных журнальцев, которые издавались в гимназии высших наук князя Безбородко, во время пребывания в ней Гоголя. Тетрадка писана вся одной рукою и несомненно рукою Гоголя, как видно из сличения письма тетрадки с другими автографами. Так как биограф его П. А. Кулиш упоминает, что Гоголь издавал в гимназии журнал "Звезда"[7], то мы сейчас же подумали: не тот ли это самый журнал лежит теперь перед нами? В названии его биографу легко можно было обмолвиться: "Метеор", "Звезда" несколько близки друг к другу и могли смешаться в памяти. Гоголь издавал свой журнал в течении полугода или более, – итак, это одна из книжек его. На первой странице текста читаем опять: *"Метеор литературы 1826 январь. № 1"*. А если это действительно первая книжка его существования, то в *первой* книжке участие Гоголя должно быть непременно. И мы внимательно прочитали все статейки "Метеора". Вот содержание его, написанное на нижнем листе зеленой обложки. Приводим его с нашими пояснениями:

Оглавление

Между 4-й и 5-й пьесой пропущено в оглавлении стихотворение "Романс", стр. 36. – Имени автора не указано нигде, ни под одной статьей. По содержанию своему, почти все эти статейки сентиментального, мечтательного, псевдоисторического и романтического характера, и мы решительно затрудняемся определить, что из них может принадлежать Гоголю. Впрочем, если бы и все содержание книжки несомненно принадлежало ему, оно ничего не представляет для его славы. Проза никоим образом не может быть приписана Гоголю: Гоголь в гимназии писал трагедии, баллады, акростихи, эпиграммы; с немецкого он переводить не мог, немецкого языка не терпел, не верил даже, чтобы Шиллер и Гете писали на немецком языке; другая повестушка – реторическая вещь в духе Марлинского. В стихотворениях рифмы очень часто бедны, размер кое-где не выдержан, нередко встречаются усеченные окончания прилагательных имен. Местного характера во всех статьях – ни тени. Гоголевский талант не выдается нигде. А между тем Гоголь был тогда уже 17-ти летним юношей, любил бродить по предместьям Нежина и всматриваться в игры и быт народа. Не имея возможности решить положительно, что же в "Метеоре" принадлежит Гоголю, мы думаем, что Гоголь несомненно был его редактором и вел свое дело с любовью; сам переписал все статьи его, сделал на нем красивенький бордюр, название журнала писал всякий раз различным манером, бока каждой страницы обвел карандашом, приложил указание описок в стихах, и проч. Почерк его здесь более твердый, устойчивый, старательный, даже более грамотный, чем он известен нам в позднейших рукописях Гоголя и особенно в его письмах. Статьи "Метеора", без сомнения, принадлежат и ему и товарищам его. Название журнальца, состав и самый формат его представляют собою очевидное подражание "Полярной Звезде", альманаху 1823–1825 годов, и хотя содержание всех статеек "Метеора" весьма жиденькое, все-таки оно указывает на внимательность нежинских

гимназистов к литературным явлениям своего времени и деятельность их в духе лучших писателей наших: Карамзина, Жуковского, Марлинского, Дельвига и Пушкина. <...> Комическая струя, которою отличался Гоголь и в гимназии, так была сродна ему и дорога, что никак не могла ему казаться "*низкой*" в литературе. Она пробивается и в эпиграммах "Метеора". Последнюю из них мы приведем здесь... <...> По нашему мнению, это лучшее из всего, что есть в "Метеоре":

Эпиграмма

Наш Вралькин в мире сем редчайший человек!
Подобного ему не сыщешь в целой век.
Как станет говорить – заслушаться всем нада,
Как станет – так и рай вдруг сделает из ада.
Был в Риме, в Лондоне... да где он не бывал –
Весь мир на языке искусно облетал»[8].

16 февраля 1866 г. П. И. Мартос писал П. И. Бартеневу:

«Прилагаю <...> стихи Яновского, автограф которых у меня. Они были помещены в издаваемом мною в 1826 г. журнале "Метеор".

Новоселье[9]

– Не весел ты! –
Я весел был, –
Так говорю друзьям веселья, –
Но радость жизни разлюбил
И грусть зазвал на новоселье.
Я весел был – и светлый взгляд
Был не печален; с тяжкой мукой
Не зналось сердце; темный сад
И голубое небо скукой
Не утомляли – я был рад...
Когда же вьюга бушевала
И гром гремел и дождь звенел
И небо плакало – грустнел
Тогда и я: слеза дрожала,
Как непогода плакал я...
Но небо яснело, гроза бежала –
И снова рад и весел я...
– Теперь, как осень, вянет младость.
Угрюм, не веселится мне,
И я тоскую в тишине,
И дик, и радость мне не в радость.
Смеясь, мне говорят друзья:
– Зачем расплакался? – Погода
И разгулялась и ясна,
И не темна, как ты, природа.
А я в ответ: – Мне всё равно,
Как день, все измененья года!
Светло ль, темно ли – всё одно,
Когда в сем сердце непогода!»[10]

«В делах Адеркаса хранится написанный рукой Белоусова <в апреле 1830 г.> "Реестр книгам и рукописям", представляющий выдающийся интерес (книги и рукописи были изъяты у пансионеров в начале декабря 1826 г.[11] – *И. В.*). Он состоит из четырех разделов[12].

"А. Журналы и альманахи, кои составлены были воспитанниками гимназии до вступления моего в должность инспектора <т. е. до 18 мая 1826 г.>[13]".

Здесь мы впервые узнаем названия ряда выходивших в гимназии рукописных журналов, в которых, несомненно, принимал участие Гоголь. Помимо известных изданий "Метеор литературы" (который в материалах Адеркаса называется "богомерзким и богопротивным") и "Парнасский навоз"[14], в этом перечне названы журналы "Северная заря" (1826, 1, 2, 3)[15], "Литературное эхо" (1826, № 1–7, 9–13), альманах "Литературный промежуток, составленный в один день + ½ Николаем Прокоповичем 1826 года", и какое-то безымянное издание — "литературное что-то", — как называет его Белоусов (1826, № 2).

Любопытно, что все перечисленные рукописные издания датированы одним годом. По словам Белоусова, в том же 1826 г. ученики "сочиняли и составляли разные журналы и альманахи, коих тогда число было более десяти"»[16].

Как следует из приведенного выше описания первого номера журнала «Метеор литературы» 1826 г., ничего сомнительного в религиозном или политическом отношении в содержании этого номера не было. Очевидно, статьи или произведения вызывающего содержания, отмеченные Адеркасом, помещал в последующих номерах «Метеора литературы» П. И. Мартос, — за что и вынужден был в 1827 г. покинуть гимназию[17].

14 октября 1829 г. Н. Г. Белоусов сообщал также попечителю Харьковского учебного округа А. А. Перовскому: «...Я твердо шел по пути, должностью мне предназначенному и, исправляя воспитанников собственным примером, увещеваниями и наказаниями, поселял в них страх Божий и повиновение начальству, удаляя и уничтожая все то, что могло их отвлекать от преуспевания в доброй нравственности. Таким образом истребил[18] я имевшуюся в самом пансионе библиотеку свободного чтения, составленную самими воспитанниками и накопленную из книг всякого рода без разбору, одно существование коей доказывает уж, что воспитанники не имели ни малейшего призора, будучи предоставлены самим себе, и прекратил составление и издание самими же учениками литературных журналов и альманахов, где помещались вздорные и неприличные благородному воспитанию статьи. Их было при вступлении моем в инспекторскую должность более десяти. Сии журналы и альманахи, составляемые детьми, не приобретшими еще способности правильно рассуждать, естественным образом совращали их более с пути правого и уклоняли к непотребным и ложным умствованиям, при помощи имевшейся у них библиотеки свободного чтения и других книг, отовсюду беспрепятственно получаемых»[19].

В свою рукописную «Книгу всякой всячины, или подручную Энциклопедию», датированную самим Гоголем 1826 г., он поместил «Виршу, говоренную Гетьману Потемкину запорожцами на Светлый Праздник Воскресения». (Существовал еще один список этой «Вирши...» рукою Гоголя.)

«Вирша эта когда-то была очень распространена в Малороссии... <...> Приготовляя ее к печати, мы имели под руками два списка ее: один из них сообщен нам А. А. Скальковским, другой передан С. И. Пономаревым. Последний писан собственною рукою Н. В. Гоголя и несколько полнее первого. <...> Список гоголевский представляет две особенности: во 1-х, описание мук и наказаний смерти в нем гораздо полнее, но сильно пародировано и вовсе неудобно для печати; во 2-х, каждые три стиха по списку А. А. Скальковского соединены в нем в один, что облегчает чтение, без потери для частой рифмы»[20].

«Записная книга Гоголя сшита в лист из синеватой бумаги хорошего, по своему времени, сорта и переплетена в кожу; толщиной она в вершок. На заглавном листе ее читаем: "Книга Всякой Всячины, или Подручная Энциклопедия. Составл. Н. Г. Нежин, 1826". (Она принадлежит теперь С. Т. Аксакову[21])»[22].

В «Реестре книгам и рукописям...», составленным Н. Г. Белоусовым, в разделе «D. Собственно ученические сочинения и переводы»[23] значатся: «1) Стихи. "Сумрак лег в полях зеленых" (на полулисте); 2) Тетрадь из пяти четвертушек, содержащая в себе разные сочинения вчерне (в последних описывается бывшая гимназическая жизнь); 3) "Элегия на разлуку с милым другом П. С." (из шести осьмушек); 4) "Вбежали разом — дверью хлоп" (песнь, похожая на вакхическую, изобра-

жающая прежнее пьянство и гувернеров); 5) "Мой идеал" (на двух четвертушках); 6) Из поэмы Доримон (на полулисте); 7) "Поцелуй" из Ж. Б. Руссо, перевод с французского в списках (<Ивана> Андреева); 8) "Программа" из Доримона; 9) Стихи: "Страшно в сумраке пустынном" (на листе); 10) Стихи на двух четвертушках: (а) "Я скучной в жизни шел дорогой"; (б) "Ты прав, забавный мой болтун"; (в) Элегия: "Блажен, кто примет дух волшебный"; 11) Стансы к Мартосу (одна четвертушка); 12) "Мой друг, прошла пора любви" (на полулисте); 13) "Прокоповичу" (на двух четвертушках); 14) Стихи: (а) "В те дни, как низкая любовь меня пленяла в отдаленьи"; (б) "Старцы и юноша"; 15) "Элегия при гробе родителя" (на полулисте); 16) Тетради из десяти осьмушек (стихи писаны карандашом и чернилами); 17) "Знакомы мне твои улыбки"; 18) Стихи: (а) "Пробуждение"; (б) "Мой друг, забыты мной следы минувших дней"; (в) "Друзьям" (на двух осьмушках); 19) Элегия: "Когда волшебною мечтою я уносился выше звезд" (одна четвертушка); 20) Стансы А. С. Д<анилевского?>. (на полулисте); 21) "Я полюбил тебя с начала признаться, милой мой, шутя" (на двух четвертушках); 22) Элегии: (а) "Я чужд забав и наслаждений"; (б) "Утраченный гений". 1826, Нежин (на четырех четвертушках); 23) Стихи: "Я отдыхал под сенью тишины, усталый на дороге жизни, меня как странника ласкали сны и слава моей отчизны" (на одной четвертушке); 24) "К родине" (четыре осьмушки); 25) Тетрадь на трех листах, содержащая в себе разные ученические стихотворения, а именно: (а) "Фиалка" В. <Любича>-Романовича; (б) Отрывок из описательной поэмы "Гимназические ночи"; (в) "Звезда" Прокоповича; (г) Элегия: "Желаю я, чтобы бродили глазенки милые на мне" и пр. 1826, апреля 28, Сушкова-младшего[24]; (д) Элегия: "Гранит немой, гранит безмолвной". П., 1825; (е) "Страсти" В. <Любича>-Романовича; (ж) "К.* Люби меня". Н. Кукольника, 24 апреля 1826[25] (тетрадь не кончена); 26) Стихи: (а) "Я часто слушаю печальный рокот бури"; (б) "Трепет" Н. Кукольника (одна осьмушка); 27) "Дорида, Дорида, любовью все дышит" (одна четвертушка); 28) Романс младшего Сушкова, 18 апреля 1826[26] (одна четвертушка); 29) Элегия: "О, дни любви и упоенья", младшего Сушкова (одна осьмушка) ; 30) "Воспоминания прекрасного"; 31 и 32) "Из истории Карла XII Короля Шведского", Г. Вольтера, часть I; 33) "Вот что говорит Г. Вольтер о россиянах до Петра I" (три четвертушки)[27]; 34) "Прощай прелестница моя". Д. (одна четвертушка); 35) Элегия: "Меня тягчит какой-то чудной гений" (одна четвертушка); 36) "Бывало часто на дворе гуляли мы густой толпою" (одна осьмушка); 37) Перевод из Вольтера (из Diction philosophique): (а) "О Генрихе IV"; (б) "Апокалипсис"; (в) "Кольцо Сатурна"; (г) "Жаворонок"; (д) "Аббат"; (е) "О любви": 1. "Предисловие"; 2. "Любовь к Богу"; 3. "Самолюбие"; 4. "О сократической и платонической любви" (с обверткой, 20 полулистов, проза); 38) "Я не знаю места моего рождения" и пр. (две статьи на шести полулистах); 39) Элегии-отрывки: (а) "Так я поэт! Люблю святые грезы". 1 апреля 1826[28]; 2) "Грусть: не спрашивай меня, зачем веселый дух"; 3) "Воспоминание"; 4) "Я позабыл мое блаженство"; 5) К Б.: "Когда над юною главою летала милая мечта"; 6) "Не зажигай забытых дум"; 7) Из отечественной трагедии: "Ксения"; 8) Из поэмы: "Черная пещера"; 9) "Мой идеал"; 10) "Чувство поэта"; 11) Савицкому: "О ты, кому я доверял"; 12) "Красавице"; 13) Стансы к П.: "Ты рано знала сердца радость"; 14) "Водопад Велино"; 15) Стансы (к <М. А.> фон Риттеру); 16) "К. Сожаленье: Во дни веселых заблуждений"; 17) Стансы (из Байрона)»[29].

В ноябре 1826 г. инспектор Н. Г. Белоусов изъял у пансионера Е. П. Гребенки список оды А. С. Пушкина «Вольность»[30].

Позднее, во время следствия, Гребенка сообщил, что пушкинская ода была «отобрана» у него ранее надзирателем Е. И. Зельднером[31]. «1830-го года мая 10-го дня <18 апреля> ученик 8-го класса Евгений Павлов сын Гребенкин, будучи спрошен директором <Д. Е. Ясновским>, где и как получил стихи, отобранные у него в 1825-м году надзирателем Зельднером, по совести отвечал: в 1825 году, будучи определен в сию гимназию в 4-й класс и второе отделение, он несколько месяцев спустя для облегчения занятий касательно французского языка получил от своих родителей полный словарь Татищева, в коем отыскал кусок серой бумаги, исписанный мелким письмом. Он в то время находился на квартире у профессора и ученого секретаря Андрущенка, где занимался по делам Конференции писец Петр Скороходов и, по молодости лет своих и неопытности, не могши разобрать трудного почерка, просил вышеписанного Скороходова прочесть оную бумагу; услышав же приятную гармонию стихов, там написанных, так был прельщен оною, что просил его переписать их для себя, ни мало не понимая смысла оных, которые, переписанные Скороходовым стихи, и были отобраны у его, Гребенкина, надзирателем Зельднером»[32].

18 апреля 1830 г. Гребенка писал родителям: «Я приехал вчера в Нежин благополучно и являлся сегодня к директору и Андрущенку. Они меня приняли ласково... <...> Меня выписывали в Нежин затем, чтобы спросить, откуда я достал ту оду, которую в 1825 г. взял у меня Зельднер, и помнили все, на что я отвечал, что листочек с сими стихами мне попался в "Лексиконе", который мне прислан из дому, а куплен у какого-то разносчика, и что я так тогда был малограмотен, что не понимал смысла оных и следственно мало обращал внимания. Сей ответ произвел общий смех, и директор сказал, что не для чего было меня выписывать»[33].

В 1825–1826 гг. среди учеников гимназии под именем «Кондратия Рылеева»[34] ходило по рукам стихотворение, «касающиеся до призывания к свободе» («Мы стонем под ярмом цепей...»; «За что России гражданин / Подавлен рабством безрассудным?»; «Расторгнем сильною рукой / Гнилые узы самовластья»). Это стихотворение, которое, по словам воспитанника А. С. Змиева, «пела в гимназии большая часть учеников»[35], было написано либо А. И. Колышкевичем[36], либо А. С. Данилевским, Н. Я. Прокоповичем и П. И. Мартосом[37]. Известно, что Мартос часто читал это стихотворение перед друзьями[38].

Одним из активных распространителей среди учащихся политического и религиозного вольнодумства был профессор французской словесности И. Я. Ландражин. По свидетельству профессора К. А. Моисеева, Ландражин, гуляя с учениками, часто напевал какую-то французскую песню. По двум дошедшим до нас строкам этой песни выясняется, что это была «Марсельеза»[39]. При опросе учеников, производившемся в мае 1828 г. директором Д. Е. Ясновским, ученики А. И. Колышкевич и братья Е. А. и Н. А. Котляревские «показали <...> что Ландражин раздавал ученикам разные книги для чтения: сочинения Вольтера, Гельвеция, Монтескье, Локка, Филоконнери[40], Грекура и Пирона...»[41] Ландражин при случае не гнушался и прямой угрозой доноса на ученика. По показанию, данному в мае 1828 г. Змиевым и тремя другими учениками (Колышкевичем и братьями Котляревскими), в январе 1828 г.[42] профессор Ландражин предложил ученикам «переводить на французский язык стихи по их собственному выбору». Змиев, получивший стихотворение «Кондратия Рылеева» от Мартоса, переведя «оные стихи на французский язык, послал их с своим служителем профессору Ландражину, который их у себя оставил». Во время расследования дела о вольнодумстве Ландражин, действуя в пользу Н. Г. Белоусова, «в ответ на просьбу Змиева вернуть ему его конспект лекций Белоусова по естественному праву[43] <...> грозил ему, Змиеву, что ежели он дальше будет требовать своей тетради, то Ландражин представит в конференцию стихи, переведенные на французский язык и поданные Змиевым Ландражину для поправки, после чего Змиев не требовал у Ландражина тетради»[44].

В 1854 г. И. Г. Кулжинский вспоминал: «Однажды <...> профессор <П. И. Никольский> приказал ученикам написать стихи на произвольную тему. Когда такие стихи были потом рассмотрены и поправлены профессором, вот Гребенка после обеда перелез чрез плетень ко мне и после разных разговоров, сопровождаемых детским смехом, сказал:

— А показать вам штуку?

— Покажи, друг мой.

— А никому не скажете?

— Что ж это такое? Разумеется, если можно, никому не скажу.

— Пожалуйста, не говорите никому.

С этими словами Гребенка вынул из кармана и подал мне, смеясь, стихи, которые он представлял профессору для исправления как свое собственное сочинение.

Это были известные стихи Козлова:

Вечерний звон! вечерний звон!
Ах! сколько дум наводит он! и проч.

Профессор, не читавши ничего нового, ужасно переправил эти стихи, почитая их произведением ученика *5-го класса Гребенкина;* не осталось ни одной строчки не поправленной, и в заключение всего профессор написал похвалу: "*изряднехонько*"»[45].

Один из соучеников Гоголя, записки которого были опубликованы в 1892 г. Шенроком (и приписаны К. М. Базили[46], 1809–1884), также вспоминал: «Презрение к новой литературе и происходившее отсюда невежество в этой области простирались у Никольского до того, что однажды

он попал в очень забавный просак, подписав, после многих помарок, на поданном ему учеником V класса, Гребенкою, впоследствии известным писателем, вместо *своего* – стихотворении Козлова “Вечерний Звон”[47]: “Изряднехонько”»[48].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1825/26 учебный год. Гоголь в 7 классе // *Свод.* Т. 1. С. 459.

[2] *Хойнацкий А. Ф., протоиерей.* Из истории философской науки в России в начале XIX века // *Свод.* Т. 1. С. 434.

[3] См.: *Супронюк. Словарь.* С. 35.

[4] *Иофанов.* С. 164–165.

[5] См. упоминание о нем в куплетах А. С. Данилевского и Гоголя 1836 г. : «Известный лгунишка бумаги в юстиции пишет, – / (Чорт его колышет!) (На этот раз Иван Григорьевич никак не ложился под стих. – *Примеч. А. С. Данилевского. – И. В.*» (см. ***1836. Декабря 4 и 5 (н. ст.?). Париж***).

[6] См. ***1827. Сентябрь. Нежин.***

[7] См. ***1825. Февраля 16. Санкт-Петербург***; ***1825. Январь-апрель. Нежин.***

[8] *Пономарев С. И.* Нежинский журнал Н. В. Гоголя. <Из библиотеки Н. П. Полторацкого> // *Свод.* Т. 1. С. 603–604.

[9] Стихотворение «Новоселье» в автографе Гоголя, сохранившемся у А. С. Данилевского, носит другое название – «Непогода». На автографе имеется приписка Данилевского: «Я нашел эти стихи, к сожалению, разорванные, они еще писаны в Нежине на школьной скамейке. А. Данилевский».

[10] Письмо П. И. Мартоса к П. И. Бартеневу. 16 февраля 1866 г. // *Свод.* Т. 1. С. 548–549.

[11] См. ***1826. Декабря 11. Суббота. Нежин.***

[12] «A. Журналы и альманахи, кои составлены были воспитанниками гимназии до вступления моего в должность инспектора»; «B. Книги»; «C. Рукописные сочинения разных авторов, бывшие напечатанные и не бывшие напечатанные»; «D. Собственные ученические сочинения и переводы» (*Машинский 1959.* С. 63–67). – Описание разделов «B» и «C» см.: ***1824. Декабря конец. Санкт-Петербург*** (примечания); описание раздела «D» см. ниже.

[13] См. ***1826. Мая 18. Нежин.***

[14] См. ***В течение 1824/25 учебного года (1824 август – 1825 май). Нежин***; ***1825. Январь-апрель. Нежин***; ***1836. Февраля 21. Санкт-Петербург.***

[15] «...1826, № 1, январь – состоит из 28 листков, № 2, февраль – из 49 листков и № 3, март – из 61 листка...» (*Машинский С. И.* Гоголь и «дело о вольнодумстве». М., 1959. С. 63).

[16] *Машинский С. И.* Гоголь и «дело о вольнодумстве» // *Свод.* Т. 1. С. 605.

[17] См. ***1826. Октября 26.***

[18] См. ***1826. Декабря 11. Суббота. Нежин.***

[19] *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 52.

[20] Пасхальная вирша «говоренная черноморцами его светлости, великому гетману, князю Потемкину, на Светлый день праздника Пасхи» (в 1786–1787 г.) // *Свод.* Т. 1. С. 606.

[21] См. ***1842. Мая 23. Суббота. Москва, с. Химки.***

[22] Фрагменты из воспоминаний С. Т. Аксакова в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 2. С. 659; см. также: Воспоминания о Гоголе С. Т. Аксакова, М. С. Щепкина, О. М. Бодянского в записи П. А. Кулиша (из материалов для биографии Гоголя). <Ноябрь 1852> // *Свод.* Т. 3. С. 36. – В «Книге всякой всячины...» 357 листов большого формата (314 × 197). Более чем на две трети она состоит из листов голубой бумаги с водяным знаком: «УФЛП 1823», – что означает: Угличская фабрика Лаврентия Попова (Л. А. Попова), 1823 г. Остальную часть книги составляют листы белой бумаги без водяных знаков – эти листы были вставлены в книгу при ее переплете: к листам голубой бумаги каждой литеры было добавлено по нескольку листов бумаги белой (от двух до шести), кроме того, в конце книги было вставлено еще десять листов такой же белой бумаги. Материалы в книге расположены согласно алфавитному указателю, сделанному на правом обрезе. («С правой стороны тетради, посредством обыкновенной в алфавитных справочниках надрезки, помещены буквы русской азбуки, начиная с *А* и оканчивая буквами: *щ, ь, я»; Шенрок В. И.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896.* Т. 7. С. 873.) Судя по входящим в книгу записям, источником которых являются как печатные издания, так и рукописи, Гоголь продолжал заполнять книгу вплоть до 1830 г., оставив ее не позже июня этого года, когда стал пользоваться другой рукописной книгой – 1830–1834 гг. (см. ***1829. Конец года. Санкт-Петербург***; см. ***1830. Января 2. Четверг. Москва***; ***1830. Апреля 2. Великая среда. Санкт-Петербург***; ***1830. Июня 26. Четверг. Санкт-Петербург***). Материалы, собранные Гоголем в «Книге всякой всячины...», были широко использованы им при создании «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Миргорода» и других произведений.

[23] «...К нему следует относиться с известной долей осторожности: по мемуарным свидетельствам, гимназисты часто переписывали произведения из журналов и других изданий и выдавали за свои. Подтверждение тому – отдельные названия произведений Пушкина, Дельвига, Вольтера, Байрона, оказавшиеся в данном документе» (*Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 100).

[24] См. ***1826. Апреля 28. Среда.***
[25] См. ***1826. Апреля 24. Суббота Светлой седмицы.***
[26] См. ***1826. Апреля 18. Светлое Христово Воскресение. Праздник Пасхи.***
[27] См. ***1826. Декабря 11. Суббота. Нежин.***
[28] См. ***1826. Апреля 1. Четверг. Нежин.***
[29] *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 61–62.
[30] См. также ***1826. Ноября 14. Воскресенье. Нежин.***
[31] См. также ***1826. Октября 24. Воскресенье. Нежин.***
[32] *Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 664.
[33] Там же. Т. 3. С. 554.
[34] См. также ***1827. Января 30. Воскресенье. Киев***; ***1828. Мая 17–29. Нежин.***
[35] *Машинский 1959.* С. 178.
[36] *Иофанов.* С. 409.
[37] *Машинский 1959.* С. 178–179.
[38] *Иофанов.* С. 409.
[39] *Машинский 1959.* С. 163.
[40] Возможно, имеется в виду итальянский экономист и публицист Г. Филанджери (Filangieri), автор «Науки о законодательстве» (8 т.; 1780–1788) – сочинения, которое имело хождение среди декабристов.
[41] *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 113; *Савва В. И.* К истории о вольнодумстве в Гимназии высших наук кн. Безбородко. Харьков, 1908. С. 13.
[42] См. ***1828. Января средина. Нежин.***
[43] См. ***1826. Июля 24. Суббота. Нежин.***
[44] *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 113; *Иофанов.* С. 409; *Машинский 1959.* С. 177–179.
[45] *Кулжинский И. Г.* Воспоминания учителя // *Свод.* Т. 1. С. 428. – 11 ноября 1826 г. Е. П. Гребенка, в частности, писал родителям: «Посылаю Вам стихи моего сочинения с похвалою профессора Никольского» (*Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 508).
[46] Характеристика в этих записках профессоров Нежинской гимназии К. В. Шапалинского, И. Я. Ландражина, Ф. И. Зингера, Н. Г. Белоусова и Н. Ф. Соловьева во многом совпадает с оценками, данными этим профессорам П. Г. Редкиным (см. ***1827. Июня 18. Нежин*** – примечания).
[47] Опубликовано в конце декабря 1827 г. в альманахе «Северные Цветы на 1828 год».
[48] Записки К. М. Базили в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 540.

ФЕВРАЛЬ-ИЮНЬ. НЕЖИН

Гоголь учится в седьмом классе гимназии. Изучает следующие дисциплины: Закон Божий, российскую словесность, всеобщую историю, математику, физику, естественную историю, латинский, французский и немецкий языки[1], а также «естественное право» (возможно, факультативно)[2].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1825/26 учебный год. Гоголь в 7 классе // *Свод.* Т. 1. С. 459.
[2] См. ***1825. Августа 14 – декабря средина. Нежин.***

МАРТ 13. СУББОТА. НЕЖИН

«...В ведомости от 13 марта 1826 года заявлено, что некоторые воспитанники или редко, или вовсе не ходят на уроки по языкам; в числе их поименован и Гоголь».

<Сведения о поведении Гоголя из ведомости от 13 марта 1826 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 458. – См. также ***1826. Март. Нежин.***

МАРТА ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. МОСКВА

В № 19 «Дамского журнала» князя П. И. Шаликова напечатано стихотворное послание одноклассника Гоголя М. А. фон Риттера «К И. П. С<имоновско>му».

МАРТА 19. ПЯТНИЦА

Гоголю исполнилось 17 лет.

МАРТ. НЕЖИН

Согласно ведомости, составленной в июле 1826 г. учителем латинского языка И. Г. Кулжинским, ученик третьего отделения по языкам Николай Яновский (Гоголь) в марте 1826 г. на занятиях «не был», вследствие чего не аттестован.

Ведомость о поведении и успехах в латинском языке учеников Гимназии высших наук за март – июнь 1826 г. // *Свод.* Т. 1. С. 458.

АПРЕЛЯ 1. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Один из учеников гимназии пишет стихотворение «Так я поэт! Люблю святые грезы» (не сохранилось).

См. ***1826. Января конец. Нежин*** (примечания).

АПРЕЛЯ 4. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Школьный приятеля Гоголь П. А. Лукашевич посылает в Петербург свою статью «О примечательных обычаях и увеселениях Малороссиян на праздник Рождества Христова и в Новый год».

См. ниже ***1826. Апреля конец. Санкт-Петербург.***

АПРЕЛЯ 7. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет альманаха «Северные Цветы на 1826 год», где напечатано несколько произведений А. С. Пушкина, в том числе отрывки из второй главы «Евгения Онегина» (строфы 24–29 – «Ее сестра звалась Татьяна...»; и 37–40 – «Своим пенатам возвращенный...»).

Цявловский, Тархова. С. 597.

АПРЕЛЯ 14. ВЕЛИКАЯ СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь отправляет сыну письмо в Нежин (письмо не сохранилось).

См. ***1826. Мая 14. Пятница. Нежин.***

АПРЕЛЯ 15. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Император Николай I повелел освободить А. В. Капниста из-под ареста[1], вменяя арест в наказание[2].

[1] См. ***1826. Января 14. Четверг. Киев.***
[2] Декабристы. Биографический справочник / Изд. подготовлено С. В. Мироненко. М., 1988. С. 77.

АПРЕЛЯ 18. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. НЕЖИН

Гоголь встречает праздник в стенах пансиона.

См. ***1826. Апреля 21. Среда Светлой седмицы. Нежин.***

АПРЕЛЯ 18. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ

Ученик пятого класса Нежинской гимназии П. В. Сушков пишет романс (не сохранился).

См. ***1826. Января конец. Нежин*** (примечания).

АПРЕЛЯ 21. СРЕДА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. НЕЖИН

Гоголь поздравляет мать с наступившей Пасхой; сообщает, что на праздники все разъехались, и он «один почти бегает по музеум<у>, попеременно заглядывая в окно, нет ли <...> какой <...> весточки» из дому. Спрашивает, насколько достоверен слух, что Д. П. Трощинского «приглашают в Петербург». Сообщает, что денег из дома он не получал с Рождества (а «должен был получить два раза»[1]), поэтому вошел в долги («теперь набралось всего на сорок рублей»):

> «Я был еще перед Рождеством немного болен, и так как у нас не всегда хорошее содержание для больных, то и занял у г-на профессора; после опять случилось мне занять на разные книги...»

Демонстрируя свое взросление, интересуется «скучными для юности»[2] хозяйственными делами:

> «Я теперь сделался большим хозяином, умею различать хлеба и на каникулах покажу вам, где сено, овес, жито и прочее, и могу даже целый час спорить с житными панами о посеве озимой гречихи. (Типографическая ошибка, самая непростительная при моем великом знании[3]. – *Приписка Н. В. Гоголя. – И. В.*). <...> ...Продолжается ли у нас теперь постройка дома? работают ли в саду? курится ли винокурня? Эти известия для меня весьма любопытны».

Передает поклоны А. А. и О. Д. Трощинским, бабушке Татьяне Семеновне и «всем родным», просит прислать сукна на шинель Симону Стокозе.

Позднее, 23 ноября 1830 г. М. И. Гоголь сообщала А. А. Трощинскому: «...Человек, который был при нем в Нежине (род дядьки)[4], говорил мне по секрету, что барин его не умеет беречь денег и себя же обижает, — говоря, что когда я дам ему денег по праздникам на конфеты, до которых он большой охотник, то когда не успеет еще купить и встретится ему бедной, то так и старается, как бы увильнуть от меня и отдать ему свои деньги, думая, что я не видал, но я всегда так и слежу за ним и, когда другие дети едят лакомства, то я его спрашиваю: что же он не ест? То он мне отвечает, что уже съел, но обманывает меня, старика; и заключает: не давайте ему денег; пропадут ни за что. Я уже ничего не говорила Никоше; он после и сам увидит, приходя в рассудок боле, что надобно делиться с бедными благоразумно, не лишая и себя необходимого; и он верно теперь сделался благоразумнее и осторожнее в издержках своих, претерпя иногда и нужду»[5].

Соученик Гоголя по Нежинской гимназии В. И. Любич-Романович также рассказывал: «Однажды ему даже случилось остаться в долгу у одной нищенки, которой ему нечего было подать в то время, когда он проходил мимо нее, и на ее слова "подайте Христа ради" ответил: "сочтите за мной...". И в следующий раз, когда та обратилась к нему с той же просьбой, как прежде, он подал ей вдвойне, добавив при этом: "тут и долг мой"... Вообще, Гоголь относился к бедности с большим вниманием и, когда встречался с нею, переживал тяжелые минуты...»[6]

О постоянном внимании Гоголя к нуждам бедных свидетельствует, в частности, и характерная заметка в его записной книжке 1842–1851 гг.: «Наменять денег для бедных». Запись эта говорит отнюдь не о скупости дающего, но, напротив, о постоянном внимании к нуждающимся. Это роднит Гоголя со многими христианскими подвижниками. Так, — заблаговременно разменивая деньги для раздачи бедным, — поступал, например, св. праведный Иоанн Кронштадтский. Имея в виду заповедь Апостола «помнить нищих» (Гал. 2, 10), Гоголь писал позднее в «Размышлéниях о Божественной Литургии»: «...Задолжали мы Самому Творцу в лице братий наших, Который ежедневно и ежеминутно в образе их протягивает нам руку Свою, надрывающим всю душу воплем умоляя о милости и милосердии».

[1] См. ***1826. Мая 11. Вторник. Васильевка.***

[2] Выражение из шестой главы первого тома «Мертвых душ»: «Подъезжая к деревне какого-нибудь помещика, я <...> старался <...> угадать, <...> весельчак ли он сам, или хмурен, <...> глядит в календарь да говорит про скучную для юности рожь и пшеницу».

[3] Гречиха не относится к числу озимых культур .

[4] С. Стокоза.

[5] См. ***1830. Ноября 23. Васильевка.***

[6] См. ***1825. Январь-апрель. Нежин.***

АПРЕЛЯ 21. СРЕДА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Указ Императора Николая I «истребовать по всему Государству вновь[1] обязательства от всех находящихся в службе и отставных чиновников и неслужащих Дворян в том, что они ни к каким тайным обществам, под каким бы они названием ни существовали, впредь принадлежать не будут, и если кто прежде к какому-либо из них когда бы то ни было принадлежал, то с подробным объяснением в обязательстве его: под каким названием оно существовало, какая была цель его и какие меры предполагаемо было употребить для достижения этой цели»[2].

[1] См. ***1822. Августа 1. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] 1826. Апреля 21. Именный, данный Управляющему Министерством Внутренних дел <В. С.> Ланскому. — *О истребовании от чиновников обязательств о несостоянии в тайных обществах* // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2. СПб., 1830. Т. 1. С. 391. — См. также ***1826. Июня 27–29. Воскресенье-вторник. Нежин.***

АПРЕЛЯ 24. СУББОТА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ

Н. В. Кукольник пишет стихотворное посвящение «К*» («Люби меня...») (не сохранилось).

См. ***1826. Января конец. Нежин*** (примечания).

Апреля 28. Среда. П. В. Сушков пишет элегию «Желаю я, чтобы бродили глазенки милые на мне» (не сохранилась).

См. ***1826. Января конец. Нежин*** (примечания).

АПРЕЛЯ КОНЕЦ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В журнале «Северный Архив», в разделе «Современные нравы», опубликована статья П. А. Лукашевича «О примечательных обычаях и увеселениях Малороссиян на праздник Рождества Христова и в Новый год» (Северный Архив. 1826. № 8. С. 386–393), с подписью: «Пл. Лукашевич», и датой: «1826 г., 4 Апр<е-ля>. Нежин».

Из статьи Лукашевича Гоголь год спустя сделал две выписки, которые включил в раздел «Обычаи Малороссиян» своей «Книги всякой всячины...» (начатой в Нежине в 1826 г.; выписки следует датировать 1827 г., так как они находится в «Книге всякой всячины...» после выписки из книги И. Г. Кулжинского «Малороссийская деревня», изданной в Москве в 1827 г.). Впоследствии содержание статьи Лукашевича было использовано Гоголем в изображении в «Вии» кулачных «битв» бурсаков в классе перед приходом учителя[1]. В статье Лукашевича содержится также описание обычая колядования, с замечанием: «Хотя против сего многие вооружаются, как против остатка язычества, но народ принимает оное без всякого предрассудка, как игру, служащую к увеселению детей»[2]. Кроме того, еще в 1824 г. Лукашевич стал составлять словарь малороссийского языка (о чем свидетельствует название его черновой рукописи: «Малороссийский словарь, собранный Платоном Лукашевичем с 1824–1849 г.»[3] Словарь украинского языка, или «Лексикон малороссийский», составлял с 1826 г. и Гоголь (см. «Книгу всякой всячины...»).

[1] *Виноградов И. А.* Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: Из истории интерпретаций // Н. В. Гоголь и современная культура: Шестые Гоголевские чтения. Под общ. ред. В. П. Викуловой. М., 2007. С. 108; *Виноградов И. А.* Комментарий // *Гоголь 2009.* С. 620–621 (здесь же отмечен целый ряд других бытовых черт из жизни воспитанников Нежинской гимназии, которые Гоголь использовал при описании бурсацкого быта в «Вии» и «Тарасе Бульбе»; см. также ***1821. Сентября 20. Вторник. Нежин***).

[2] Северный Архив. 1826. № 8. С. 390. – О преломлении этого мотива в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством» см.: *Виноградов И. А.* ...И по ту, и по эту сторону Диканьки // *Гоголь 2009–2010.* Т. 1–2. С. 520–521.

[3] *Супронюк. Словарь.* С. 107, 111; *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 96, 106.

АПРЕЛЬ. НЕЖИН

Согласно ведомости, составленной в июле 1826 г. учителем латинского языка И. Г. Кулжинским, ученик третьего отделения по языкам Николай Яновский (Гоголь) в апреле 1826 г. получил по успеваемости оценку «1», по поведению – «3».

Ведомость о поведении и успехах в латинском языке учеников Гимназии высших наук за март — июнь 1826 г. // *Свод.* Т. 1. С. 458.

МАЯ МЕЖДУ 3 И 9. НЕЖИН

Гоголь отправляет письмо к матери в Васильевку (письмо не сохранилось).

Позднее, в письме к матери от 14 мая 1825 г., Гоголь замечал: «Последнее письмо я отправил к вам на прошедшей неделе. Не знаю, каким образом оно так длило путь свой...»

См. также ***1826. Мая 15. Суббота. Васильевка.***

МАЯ 9. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО. НЕЖИН

Именины Гоголя.

МАЯ 10. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Вероятно, по случаю предстоящего окончания В. И. Любичем-Романовичем гимназии[1] Гоголь пишет в его альбоме:

«Свет скоро хладеет в глазах мечтателя. Он видит надежды, его подстрекавшие, несбыточными, ожидания неисполненными — и жар наслаждения отлетает от сердца... Он находится в каком-то состоянии безжизненности. Но счастлив, когда найдет цену воспоминанию о днях минувших, о днях счастливого детства, где он покинул рождавшиеся мечты будущности, где он покинул друзей, преданных ему сердцем».

[1] См. ***1826. Июня 30. Среда. Нежин.***

МАЯ 11. ВТОРНИК. НЕЖИН

Гоголь получает поздравительное[1] письмо от матери[2].

[1] См. ***1826. Мая 9. Воскресенье. День памяти св. Николая Мирликийского. Нежин.***
[2] См. ***1826. Мая 14. Пятница. Нежин.***

МАЯ 11. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь благодарит А. А. Трощинского за доставление письма от сына от 21 апреля[1] («письма, хотя самого бестолкового»):

«...Но слава Богу, что он жив, и я надеюсь, что в другой раз он не напишет мне таких глупостей, получа от меня строгий и справедливый выговор. Что он не извинялся в долгом молчании, то это оттого, что он верно не одно письмо писал ко мне, но я не получала; так же, как и он от меня из шести ни одного не получил — и 2 были с деньгами, положенными ему от покойного отца его: получать столько десятков рублей, сколько классов пройдет. Теперь он получает 70 руб<лей> в год, полагая к каждому празднику и к масляной по 10 руб<лей>, но о которых он пишет, что два раза

он должен был получать, и не получал. Я не могу понять, где бы деваться там письмам. А что он пустяки такие пишет, то воображает, что этим меня может развеселить, зная, что дома я горюю или хлопочу по хозяйству и не имею отрадной минуты...»[2]

[1] См. ***1826. Апреля 21. Среда Светлой седмицы. Нежин.***
[2] *Свод.* Т. 1. С. 83.

МАЯ 14. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Гоголь в письме к матери жалуется на работу почты и сообщает, что лишь к 11 мая[1] получил ее письмо от 14 апреля[2]. Добавляет, что только что к нему приехал крепостной Аврам из Васильевки с посылкой. Благодарит за поздравление с именинами[3]. Сообщает, что здоров и что И. С. Орлай, который «свидетельствует свое почтение», «приказал» ему чаще писать домой; обещает делать это два раза в месяц. Предвкушает время будущих каникул:

«Хорошая весна была у нас; думаю, теперь можно ожидать изобилия на фрукты. Я давно уже острю на них зубы, и эти каникулы увидят ужасное опустошение в нашем саду».

В тот же день И. С. Орлай обратился к исполняющему обязанности попечителя Харьковского учебного округа А. А. Перовскому с письмом, в котором содержалась просьба дать разъяснения, как проводить выпуск тех гимназистов, которые, успешно закончив курс основных наук, языковую программу не освоили и продолжали оставаться, по языкам, в пятом, четвертом и даже третьем отделениях[4].

[1] См. ***1826. Мая 11. Вторник. Нежин.***
[2] См. ***1826. Апреля 14. Великая среда. Васильевка.***
[3] См. ***1826. Мая 9. Воскресенье. День памяти св. Николая Мирликийского. Нежин.***
[4] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 103.

МАЯ 15. СУББОТА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская пишет двоюродному брату Петру П. Косяровскому:

«Расставшись с вами, любезнейший братец Петр Петрович, мы проводили в Псёловки время очень грус<т>но до возврату сестры Вариньки[1], дождавшись ее, тотчас поехала в Васильевку, где проводим его несколько приятнее, встаем рано, более живем в саду, нежели в комнате, иногда и обедаем там, и каждой день вспоминаем вас обеих. – В среду на сей недели[2] ездили мы в Ярески, распорядились с сестрой Варинькой, как нам помещаться во время приезду наших Трощинских, заняли квартиру себе у родителей моих[3] в доме, а сестра Катинька[4] распростилась там со всеми, кроме папиньки, которого о сю пору нет, и в пятницу[5] возвратились сюда, а завтра с Божией помощью поедем в Полтаву с Катинькой, оттудова она поедет к дочери своей[6], а я с родными нашими в Харьков. Варинька же хочет прожить до возврату моего у Варвары Сте<па>новны[7], она обещала, едучи к Зеленецким, заехать за ней. – Возвратясь с Харькова, я вам напишу, что с нами будет случаться. Я теперь, благодаря Бога, насчет сына моего спокойна, получила от него письмо[8], видно, что он много писал их ко мне, но я не получала, так же, как и он моих, и даже с деньгами ни одного не получил. Я просила Андрея Андреевича[9] справиться об них; вот какая исправность на почтах, и сколько стоило это моему здоровью.

Приехавши в Полтаву, я имею приятнейшую надежду найти от вас письмо, как вы доехали, меня очень беспокоят решетиловские лошади, которые, по словам сестры, помчали вас ужасно, и мы весь тот день не могли ни на минуту быть покойны, теперь мне остается только получить от вас, что вы хорошо доехали, и я за вас совершенно буду спокойна, зная, что вы там живете счастливо и спокойно, пользуясь морскими ваннами, и надеюсь на Бога, что они укрепят вас, и я увижу вас, когда буду жива, совершенно здорового, а до того счастливого времени душевно вас вместе с любезнейшим братом Павлом Петровичем обнимая, пребуду вечно истинно преданной вам сестрой и вернейшим другом».

Свод. Т. 1. С. 88.

[1] Варвара Петровна Косяровская (в замужестве Березина).
[2] 12 мая 1826 г.
[3] И. М. и М. И. Косяровские.
[4] Е. И. Ходаревская (рожд. Косяровская), сестра М. И. Гоголь.
[5] 14 мая 1826 г.
[6] М. Н. Ходаревская (в замужестве Синельникова).
[7] Зеленецкая.
[8] См. ***1826. Мая между 3 и 9. Нежин.***
[9] Трощинский.

МАЯ 18. ВТОРНИК. НЕЖИН

Младший профессор политических наук Н. Г. Белоусов после подачи К. А. Моисеевым прошения об оставке с должности инспектора пансиона приступает к исполнению обязанностей инспектора.

Михед, Якубина. С. 315–316. – См. также ***1826. Мая 31. Понедельник. Нежин.***

МАЯ 22. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Кончина Н. М. Карамзина.

См. ***1826. Мая 26. Санкт-Петербург.***

МАЯ 26. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Русский Инвалид» напечатано извещение о смерти Н. М. Карамзина.

«В минувшую суббота, 22-го маия в час по полудни, к великому прискорбию всех Россиян, скончался знаменитый Историограф *Николай Михайлович Карамзин.* Для похвалы сего великого Мужа довольно сказать, что *Император* АЛЕКСАНДР удостоивал его своей дружбы. История Государства Российского есть бессмертный памятник, воздвигнутый им своему Царю-благодетелю и России: памятник, которого не сокрушит рука времени. Обширный умом, высокий сердцем, *Карамзин,* как человек, был еще выше, нежели Писатель. Пользуясь Европейскою славою, осыпанный щедротами своих Монархов, стоя на верхней степени между отечественными Писателями, он, в домашней жизни был образцом семейственных добродетелей».

Внутренние известия // Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1826. Среда, Маия 26-го дня. № 123. С. 506–507.

МАЯ 31. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН.

И. С. Орлай обращается к исполняющему обязанности попечителя Харьковского учебного округа А. А. Перовскому с письмом, в котором уведомляет об увольнении от должности инспектора пансиона К. А. Моисеева и просит назначить на эту должность младшего профессора юридических наук Н. Г. Белоусова.

Михед, Якубина. С. 315-316. – См. также ***1826. Августа начало. Нежин.***

МАЙ. НЕЖИН

Согласно ведомости, составленной в июле 1826 г. учителем латинского языка И. Г. Кулжинским, ученик третьего отделения по языкам Николай Яновский (Гоголь) в мае 1826 г. на занятиях «не был», вследствие чего не аттестован.

Ведомость о поведении и успехах в латинском языке учеников Гимназии высших наук за март – июнь 1826 г. // *Свод.* Т. 1. С. 458.

ИЮНЯ 4. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Гоголь в письме к матери сообщает, что «годичное испытание <...> давно[1] началось и скоро кончится»; обещает на каникулах привезти ей «кое-что, в засвидетельствование», что «не даром провел здесь протекшее полугодие»[2] («Ваше одобрение будет для меня лестною наградою»). Передает поклон соседке А. Ф. Тимченко и спрашивает:

«Не знаю, захотите ли вы мне сделать здесь платье... <...> Я спрашивал у Симона[3], можно ли у него теперь занять, но он божится, что <...> его все деньги теперь на руках, которых он не надеется скоро получить... <...> Ежели угодно будет вам заказать мне здесь платье, то надо прежде 18-го прислать за мною...»

В. И. Шенрок в 1897 г. сообщал: «...Анна Васильевна говаривала: "<...> Из соседей брат особенно любил Александру Федоровну Тимченко и прежде всегда называл ее сестрой, также очень любил <Вас. Вас.> Черныша"»[4].

[1] Ср. ***1826. Июня 13. Воскресенье. Нежин***; ***1826. Июня 30. Среда. Нежин.***
[2] См. также ***1825. Январь-апрель. Нежин***; ***1825. Октября 23. Пятница. Нежин.***
[3] Стокозы.
[4] Воспоминания А. В. Гоголь в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 164.

ИЮНЯ 11. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Инспектор пансиона гимназии Н. Г. Белоусов подает ее руководству рапорт о недопустимом поведении, в котором «замечены Александр Миницкий (16 лет)... и Андрей Шрамченко».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 105. – См. также ***1826. Август.***

ИЮНЯ 13. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Гоголь сообщает матери, что директору «вздумалось» отложить экзамен[1], и поэтому просит прислать экипаж не к 18 июня, а к 22-му[2].

[1] Ср. ***1826. Июня 4. Пятница. Нежин.***
[2] См. ***1826. Июня 18. Пятница. Васильевка.*** – Ср. ***1826. Июня 30. Среда. Нежин.***

ИЮНЯ 14. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская пишет двоюродному брату Петру П. Косяровскому:

«Я обещала писать вам, возвратясь с Харькова, каков будет наш вояж, но, к сожалению, – ничего не могу сказать об нем хорошего, я провела все то время очень грус<т>но, приехавши домой с Ольгой Дмитриевной[1], послала за сестрой Варинькой[2] в Псёловку, и когда она приехала, то мы все трое ездили на праз<д>ники[3] в Обуховку; туда приехал и Дмитрий Прокофиевич[4] со всем своим семейством; и там не оставляла меня ужаснейшая грусть. Чем больше собрания, тем мне грус<т>нее; теперь я вижу, что лишась моего друга, нигде не могу быть, кроме дома, здесь только я бываю несколько покойнее. – Сестра Катинька[5] осталась у своих родных, и мы с Варинькой одни теперь; 18-го я посылаю за Николинькой моим взять на каникулы домой[6]. <...> ...Душевно вас вместе с любезнейшим братцом Павлом Петровичем обнимая, остаюсь истинно преданной вам сестрой и вернейшим другом...»

Свод. Т. 1. С. 88.

[1] Трощинская.
[2] Варвара Петровна Косяровская (в замужестве Березина).
[3] День Святой Троицы 6 июня 1826 г.
[4] Трощинский.
[5] Е. И. Ходаревская (рожд. Косяровская), сестра М. И. Гоголь.
[6] См. ***1826. Июня 4. Нежин.***

ИЮНЯ 17. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В отдельном «Прибавлении к Северной Пчеле» помещено подробное «Донесение Следственной Комиссии»[1] от 30 мая 1826 г. по делу о декабристах (20 с.)[2].

[1] См. также ***1826. Июля 7. Среда. Ярески.***
[2] См.: «При сем нумере раздается, с дозволения Высшего Начальства, Донесение Его Императорскому Величеству Следственной Комиссии, Высочайше учрежденной для изысканий о злонамеренных обществах» (Северная Пчела. 1826. 17 июня. № 72. С. 4).

ИЮНЯ 18. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь посылает за сыном экипаж в Нежин.

См. ***1826. Июня 14. Васильевка.***

ИЮНЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 22. НЕЖИН

В сводной ведомости за второе полугодие 1825/26 учебного года ученику седьмого класса Николаю Гоголю выставлены следующие оценки:

— Закон Божий — 4;
— российская словесность — 3;
— всеобщая история — 3;
— русская история — не аттестован;
— математика — 2;
— физика — 2;
— естественная история — 2;
— латинский язык — 1;
— французский язык — 2;
— немецкий язык — 1.
Поведение — 3.
Выводы конференции: по наукам — 3; по языкам — 3; средний балл успеваемости — $2\,{}^{5}/_{11}$[1].

В гимназии проходят годичные испытания. Гоголь сдает экзамены за седьмой класс[2].

О возможной теме, по которой Гоголь мог писать в июне 1826 г. сочинение по российской словесности, позволяет судить список «Темы для сочинений по Российской Словесности», составленный позднее, в конце 1827/28 учебного года, старшим профессором П. И. Никольским:

«Ученикам 7-го класса.
1. Прилежное внимание есть основание совершенного познания.
2. О пользе логического определения и разделения идей.
3. При всяком логическом суждении одно понятие должно или заключаться или не заключаться в другом.
4. О логическом ходе действий ума человеческого.
5. Два противные предложения могут быть вместе ложными, а истинными никогда (contraria).
6. Два противуречущие предложения никогда не могут быть вместе истинными и ложными (contradictoria).
7. Два подпротивные предложения могут быть оба вместе истинными, а ложными никогда (subcontraria).
8. Два предложения, из коих одно находится в подчинении другому, могут быть оба вместе истинными и ложными (subalternata).
9. О логической разности между понятиями о роде, виде и единственных предметах.
10. Почему единственное называется.
11. К чему полезно иметь понятие о родовых признаках или о родах и о видовой разности или о видах.
12. Как приобретается понятие о родах и видах или о родовых признаках и о видовой разности»[3].

Согласно ведомости, составленной в июле 1826 г. учителем латинского языка И. Г. Кулжинским, ученик третьего отделения по языкам Николай Яновский (Гоголь) в июне 1826 г. на занятиях по латыни «не был целый месяц и на экзамене не был», вследствие чего не аттестован[4].

М. В. Билевич в рапорте на имя исполняющего обязанности директора гимназии К. В. Шапалинского от 8 июня 1827 г.[5] сообщал: «В прошлом 1826 году в июле <в июне> месяце при публичном экзамене в присутствии г-на директора Гимназии Орлая, при вас и при многих других чиновниках сделал мне г-н мл<адший> профессор Белоусов на моей должности тяжкую обиду на чести, о которой я тогда же предъявлял словесно всем присутствующим, а после того предъявил я о таковой моей обиде и письменно г-ну директору Орлаю, того 1826 года. Ныне 8-го июня 1827 года я, зная таковой беспокойный характер его, г-на Белоусова, просил вас предупредить его с вашей стороны, дабы он теперь воздержался от таковых поступков при публичном экзамене, чтобы тем не дать юношеству соблазна»[6]. (Несмотря на предупреждение, Белоусов на публичном экзамене Билевича 1827 г. вновь вступил с ним в резкую полемику[7].)

В другом рапорте, от 9 декабря 1827 г.[8], Билевич также сообщал: «В прошлом 1826 году в июне месяце на публичном экзамене учеников из государственного хозяйства при бывшем г. директоре Орлае и при многих других чиновниках и учениках сей гимназии, г. младший профессор Белоусов нанес мне тяжкую обиду тем, что он на сем экзамене, делая ученикам разные вопросы по таким системам, какие вовсе не должны были входить в предмет преподавания науки государственного хозяйства, сказал при всех чиновниках и учениках, тогда присутствовавших, следующие слова: "...я вижу, что ни ученики, ни профессор ничего не знают". <...> ...Он, г. Белоусов, сам после того экзамена лично рассказывал <профессору Х. Н. Иеропесу> свои действия, какие он на экзамене к обиде моей производил, и повторяя ему, г. Иеропесу, те самые обидные для меня слова, какие он и на экзамене говорил, делал к тому еще, к обиде моей, разные похвалки»[9].

[1] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1825/26 учебный год. Гоголь в 7 классе // *Свод*. Т. 1. С. 459.
[2] См. ***1826. Июня 4. Нежин.***
[3] *Сребницкий 1902*. С. 386.
[4] Ведомость о поведении и успехах в латинском языке учеников Гимназии высших наук за март — июнь 1826 г. // *Свод*. Т. 1. С. 458.
[5] См. ***1827. Июня 8. Среда. Нежин.***
[6] *Михед, Якубина*. С. 450.
[7] См. ***1827. Июня 18. Суббота. Нежин.***
[8] См. ***1827. Декабря 9. Нежин.***
[9] *Иофанов*. С. 402.

ИЮНЯ 26. СУББОТА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская сообщает двоюродному брату Петру П. Косяровскому:

«Приехавши в Яресгки к 24-му сего месяца на тамошнюю ярманку, нашла я нечаянно ваше письмо ко мне, писанное 15-го мая, которое лежало у тётиньки[1]... <...> Плащаницу[2], мне кажется, лучше сделать по последнему описанию вашему, чтобы Спаситель наш нарисован был на гроденапле, а слова бы были как у рамах, бархата же можно пришить и голубого — хорошего цвету; впрочем, я отдаюсь совершенно на изящный вкус той особы, которая будет трудиться над приведением в порядок сего богоугодного дела и, верно, я буду восхищена плащаницей, когда ее увижу. Я ожидаю на сих днях Николая моего. За ним уже давно послала, а к Петру и Павлу[3] ожидают Дмитрия Прокофиевича[4] со всем его семейством; к тому дню и мы должны ехать с Варинькой[5] в Яресгки. Сестра Катинька[6] дома с своей дочерью[7], а Варинька со мной и, слава Богу, теперь здорова, только скучаем, воображая, что приедут сюда кибинские, и ей надобно будет больше с ними жить в продолжение лета. Как бы вы хорошо сделали, милые друзья моя, когда бы приехали к октябрю к нам; но на сие нужно финансы, то не могу вас и упрашивать. О! когда бы у меня их столько было, чтобы могла делиться с вами, как бы я была рада... <...> Письма ваши по приезде моем домой, выпроводя вас, тотчас были отправлены и росписка получена».

Свод. Т. 1. С. 90–91.

[1] Анна М. Трощинская.
[2] Для церкви в Васильевке.
[3] К 29 июня.
[4] Трощинский.
[5] Варвара Петровна Косяровская (в замужестве Березина).
[6] Е. И. Ходаревская (рожд. Косяровская), сестра М. И. Гоголь.
[7] М. Н. Ходаревская (в замужестве Синельникова).

ИЮНЯ 27–29. ВОСКРЕСЕНЬЕ-ВТОРНИК. НЕЖИН

Вследствие указа Императора Николая I на имя управляющего министерством внутренних дел В. С. Ланского, от 21 апреля 1826 г.[1] (в подтверждение рескрипта Императора Александра I на имя управляющего министерством внутренних дел графа В. П. Кочубея, от 1 августа 1822 г., «О уничтожении Масонских лож...»)[2], профессора, учителя и другие служащие гимназии дают расписки о непринадлежности к тайными обществам.

Профессоры М. В. Билевич, П. И. Никольский, К. А. Моисеев, а также еще двадцать пять из тридцати двух чиновников гимназии показали, что ни к каким тайным обществам не принадлежали[3].

Позднее, в 1830 г., «Адеркас требовал от Директора Ясновского всех расписок, по которым лица, принадлежавшие к Гимназии, отказывались от тайных обществ; по коим видно, что из 32 чиновников Гимназии 28 никогда не были членами тайных Обществ...»[4]

27 июня 1826 г. старший профессор политических наук М. В. Билевич и старший профессор истории, географии и статистики К. А. Моисеев представили расписки в том, что к тайным обществам никогда не принадлежали[5].

28 июня 1826 г. старший профессор российской словесности П. И. Никольский также дал расписку в том, что никогда не принадлежал к тайным обществам[6].

В тот же день письменные признания о своем прекращенном участии в тайных обществах дали директор гимназии И. С. Орлай, старший профессор физики и химии К. В. Шапалинский и младший профессор французской словесности И. Я. Ландражин[7].

Орлай сообщал о своем участии в тайном обществе в 1810 г.: «...Объявляю, что я короткое время принадлежал в 1810 г. в С.-Петербурге к ложе масонов, именовавшейся (сколько могу помнить) Александра, в которую я вступил было единственно из любопытства, но в том же году, в декабре месяце, по учинению присяги на вечное подданство России, <...> скоро отстал от оной и с того времени по днесь не принадлежал уже ни к одной и не имел никакого сношения с членами существовавших после оного времени лож. Цель вступления в вышеозначенную ложу мне сделалась известною токмо та, которая мне тогда же объявлена была, то есть упражнение в добродетели, человеколюбие, благотворительность неимущим раздачею денег, и вообще исполнение христианских и гражданских добродетелей»[8].

Орлай был членом петербургской ложи «Александра благотворительности к коронованному Пеликану», в которой, в частности, состояли также М. М. Сперанский, С. С. Уваров, М. А. Балугьянский и первый директор гимназии В. Г. Кукольник. Все они принимали непосредственное участие и в деятельности Библейского общества.

По другим источникам известно, что Орлай являлся также членом петербургской ложи «Елизаветы к добродетели» (выделившейся из ложи «Александр»), членом некоторых лож за рубежом[9] и, предположительно, – членом ложи Полярной звезды, работавшей в Петербурге в 1807–1810 гг, в которой, в свою очередь, состояли М. Л. Магницкий, М. М. Сперанский, С. С. Уваров, И. А. Фесслер и др.[10]

Профессор К. А. Моисеев в одном из рапортов отмечал, что дружба Орлая и Шапалинского «основывалась на связях тайного общества»[11]. Майор Л. П. Матушевич, сообщая в январе 1830 г. А. Х. Бенкендорфу о беспорядках в Нежинской гимназии, также называл бывшего директора Орлая человеком, склонным к тайным обществам и имевшим «сношения с людьми, обличенными в злых умыслах противу правительства»[12]. Примечательно, что первый официальный документ, в котором фамилии Орлая и Балугьянского фигурируют вместе – секретный документ венской полиции, где, в частности, говорится: «Орлаи познакомился в Вене с многими богатыми греками; <но> глава здешнего храма Святой Варвары утверждает, что Орлаи большой злодей»[13]. По распоряжению министра внутренних дел Австрии над перепиской Орлая и Балугьянского был установлен в то время строгий надзор.

Шапалинский сообщал: «...Я принадлежал к ложе братьев масонов, именуемой соединённых славян, состоящей в городе Киеве[14]... <...> ...Времени, когда вошел в поименованную ложу, точно не помню, в исходе ли 1818-го года, или в начале 1819-го года, в которой и бывал по 1-ое число января 1821 года, с того времени, получив предписание отправиться на должность в город Нежин, где и ныне нахожусь, более оной ложи не посещал»[15].

Ландражин писал: «...Я, принадлежавший масонскому обществу, сначала, яко член минской ложи под названием Pochodnia polnocna <Полночного шествия>, и потом Киевской под именем *Соединенных Славян*, сим чистосердечно объявляю, что никогда в оных ложах не приметил другой цели, кроме благотворительности, распространения просвещения и внушения любви к добродетели и повиновению государственным законам... <...> По перемещении же меня в 1822 году профессором в Нежинскую Гимназию я не имел никакого сношения с ложею...»[16]

29 июня 1826 г. младший профессор немецкой словесности Ф. И. Зингер дал следующее показание: «...Объявляю, что я в начале 1819 года, по представлению старшего учителя Ревельской гимназии, доктора философии Франца Фридриховича Козегартена, был баллотирован для поступления в тамочную ложу, называвшуюся *Изис*[17]. Но так как сия ложа того же дня была закрыта и потом никогда не открывалась, то я действительно принят не был... <...> К другим же масонским ложам или тайным обществам я никогда не принадлежал...»[18] (Зингер скрыл при этом, что являлся членом ложи «Соединенных славян»[19].)

Участие в масонском движении Орлая, Шапалинского, Ландражина и Зингера после двукратного запрещения в России масонских лож в 1822 и 1826 гг., по-видимому, не прекратилось[20]. В частности, сохранились сведения о тайных встречах профессоров Шапалинского, Ландражина и Н. Г. Белоусова с известным руководителем масонства на Украине, управляющим ложи «Соединенных славян» В. Л. Лукашевичем[21]. (Степень тамплиера (храмовника) Лукашевич получил в 1821 г. от члена варшавской ложи Изиды, польского капитана Ф. С. Маевского[22]. В 1811–1825 гг. Лукашевич был предводителем дворянства Переяславского уезда, а с 1826 г. находился в своем имении под полицейским надзором.) В 1825 г. — «незадолго до открытия» декабристского «заговора» (как подчеркивал Э. Б. Адеркас), Лукашевич встречался с указанными профессорами во время своего посещения Нежина (в Нежинской гимназии обучались два двоюродных племянника Лукашевича — Платон и Аполлон Лукашевичи; из них первый был приятелем Гоголя). Со своей стороны Шапалинский, Ландражин и Белоусов тайно навещали Лукашевича и после 1825 г. в его имении Борисполе[23].

Как обнаружилось позднее в процессе следствия, сплоченность и «взаимовыручка» нежинских «прогрессивных» профессоров объяснялась именно их принадлежностью к масонству. Так, в частности, Ландражин, сражавшийся в войне 1812 г. в войсках Наполеона против России («бывший простой солдат Наполеонова войска»[24]), а впоследствии, в годы проживания в Нежине, поддерживавший связи с польскими кругами, готовившими польское восстание 1830–1831 гг.[25], «хвалил», по свидетельству ученика А. С. Змиева, «масонов как людей благородных и благомыслящих». 18 марта 1830 г., допрашивая Змиева, Адеркас спросил у него: «Не известно ли вам чего о тайных связях в гимназии или инде где-либо?», — на что Змиев ответил, что этот отзыв Ландражина о масонах он слышал «несколько лет назад», на квартире у своего деда, генерала Рубана[26].

Во время временного директорства Шапалинского началась, по-видимому, даже вербовка учеников в члены масонского кружка. Как свидетельствовал на следствии Е. И. Филипченко, ученик Н. П. Родзянко «иногда выхвалял... благородную цель масонского общества». При этом Филипченко показал, что на квартире у Н. П. Родзянко часто бывали Ландражин и Зингер[27]. 29 февраля 1828 г. Е. П. Гребенка писал родителям: «У нас три ученика открыты масонами: Змиев, Колышкевич и Родзянка; но это и здесь тайна, а потому прошу вас сего нигде не рассказывать»[28].

В нежинском «деле о вольнодумстве» отмечены также загадочные, — очевидно, не соответствующие положению наставника — «знакомства» Белоусова в Нежине и Киеве, в которых он, по-видимому, оправдывался перед конференцией. По поводу этих «знакомств» Белоусова Билевич в своем рапорте от 3 сентября 1827 г. замечал: «Относительно же прекращения знакомств его, г. Белоусова, то он, как всем чиновникам сей Гимназии довольно известно, ныне пользуется теми же знакомствами, каковыми и до получения инспекторской над пансионом должности пользовался, и притом не только здесь в городе Нежине, но и в городе Киеве, куда он будучи уже инспектором и довольно значительное время, как в прошлом, так и в сем годе от инспекторской своей должности <отлучался> неоднократно...»[29]

[1] См. ***1826. Апреля 21. Среда Светлой седмицы. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1822. Августа 1. Вторник. Санкт-Петербург.***

[3] *Сребницкий 1902.* С. 348–352.

[4] Архив III-го Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии. О профессорах Не-

жинской князя Безбородко Гимназии Шапалинском Белоусове, Зингере и Ландражине, внушавших по показанию профессора Билевича вредные правила учащимся. 1830 года / Записка об открытых беспорядках в Гимназии высших наук Князя Безбородко. <Приложение к письму министра народного просвещения князя К. А. Ливена к А. Ф. Бенкендорфу от 22 октября 1830 г.> // *ГАРФ*. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Оп. 5. Ед. хр. 47. Л. 21; *Виноградов 2015*. С. 281.

[5] *Сребницкий 1902*. С. 349–350.

[6] Там же. С. 349–350.

[7] См. также ***1822. Июля 1 или сентябрь. Чернигов.***

[8] *Сребницкий 1902*. С. 348.

[9] См., в частности: ***1825. Ноября конец – декабря начало. Нежин.***

[10] *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1059, 1133, 1088–1089.

[11] *Машинский 1959*. С. 44.

[12] *Машинский 1959*. С. 44–45. – См. также: *Сергієнко Г. Я.* Суспільно-політичний рух на Україні після повстання декабристів. 1826–1850. Київ, 1971. С. 62.

[13] *Шультейс Э., Тарди Л.* Главы из истории русско-венгерских медицинских связей. М., 1976. С. 185. Ср. также: «Он <Орлай> здесь известен различным кругам состоятельных православных, но православный священник храма Св. Варвары утверждает здесь о нем, что у него чрезвычайно интригующая голова» (*Байцура Т.* Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Братислава, 1971. С. 153).

[14] См. также ***1822. Июля 1 или сентябрь. Чернигов***; ***1824. Марта 20. Четверг. Нежин***; ***1826. Январь. Нежин.***

[15] *Сребницкий 1902*. С. 350–351.

[16] *Сребницкий 1902*. С. 351–352. – См. также ***1822. Июля 1 или сентябрь. Чернигов***; ***1826. Январь. Нежин.***

[17] Изида. Ответственным за назначение руководителей в этой ложе был граф Мих. Ю. Виельгорский.

[18] *Сребницкий 1902*. С. 352.

[19] См.: *Серков А. И.* Русское масонство. С. 1016.

[20] См.: *Машинский С. И.* Гоголь и «дело о вольнодумстве». С. 44–45, 181–191.

[21] *Стогнут А. С., Кононенко И. К.* Новые страницы к «Делу о вольнодумстве» в Нежинской гимназии высших наук. С. 165–166, 169, 176–177; *Машинский 1959*. С. 186–190.

[22] См.: Декабристы. М., 1988. С. 279; *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 506, 1016, 1132.

[23] *Машинский 1959*. С. 190.

[24] По словам майора Л. П. Матушевича (см.: Архив III-го Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии. О профессорах Нежинской князя Безбородко Гимназии Шапалинском, Белоусове, Зингере и Ландражине, внушавших по показанию профессора Билевича вредные правила учащимся. 1830 года / Его Высокопревосходительству Шефу Жандармов, Командующему Императорскою Главною квартирою Господину Генерал-Адъютанту и Кавалеру Бенкендорфу Начальника 6-го Отделения 5-го Округа Корпуса Жандармов Майора Матушевича Рапорт. 6 января 1830. Чернигов. – Нежинской Гимназии Князя Безбородко высших наук *Некоторые профессора* // *ГАРФ*. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Оп. 5. Ед. хр. 47. Л. 4). Матушевич Лев Павлович (1794 — год смерти неизвестен), майор, боевой офицер, участник Отечественной войны 1812 г., имел несколько ранений и наград (орден Св. Анны 3-й степени, орден Св. Владимира 4-й степени с бантом). 22 мая 1829 г. вступил в Корпус жандармов; 16 августа 1832 г. по состоянию здоровья определен Высочайшим указом состоять при кавалерии, с сохранением прежнего жалованья (см.: *РГВИА*. Ф. 395. Оп. 21. Ед. хр. 576. Л. 1–12).

[25] *Машинский 1959*. С. 174–177.

[26] Там же. С. 185.

[27] Там же. С. 185.

[28] См. ***1828. Февраля 19. Воскресенье. Нежин.***

[29] *Стогнут А. С., Кононенко И. К.* Новые страницы к «Делу о вольнодумстве» в Нежинской гимназии высших наук // Уч. зап. Нежинского гос. пед. ин-та им. Н. В. Гоголя. Киев, 1954. Т. 4–5. С. 176.

ИЮНЯ 29. ВТОРНИК. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА. НЕЖИН

«В Гимназии проходит публичный экзамен: чтение оды Горация на латинском языке, отрывка трагедии Расина из французской словесности, а также “лучшие места из Гомеровой «Илиады»”. Секретарь зачитывает список учеников,

назначенных к переводу в высший класс, объявляет о награждении похвальными листами. В заключение экзаменов законоучитель П. Волынский произносит проповедь».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 107. – Ср. также ***1828. Июня 28. Нежин.***

ИЮНЬ. НЕЖИН

Гоголь переведен в восьмой класс гимназии. Конференция Гимназии принимает решение по результатам экзаменов оставить его в третьем отделении по языкам.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 107.

ИЮНЯ 30. СРЕДА. НЕЖИН

В Гимназии состоялся первый выпуск воспитанников в количестве 11 человек. Среди окончивших курс золотой медали удостоен П. Г. Редкин, серебряной – В. И. Любич-Романович и П. А. Баранов[1]. Кроме них кандидатами выпущены В. В. Тарновский, Н. Ф. Романович, Г. М. Садовничий; действительными студентами – Г. И. Высоцкий, Ф. К. Бороздин[2], И. О. Миницкий, братья С. Г. и Л. Г. Милорадовичи[3].

В тот же день протоиерей Павел Волынский доложил конференции гимназии о пройденных с учащимися темах по Закону Божию во втором полугодии 1825/26 учебного года:

«...О<тец> протоиерей Волынский доводит до сведения конференции, что "во втором полугодии" того же года, *по закону Божию*, в 7, 8 и 9 классах пройдено: "из нравоучительного любомудрия о действиях человеческих, об обязательстве, о законе естественном, о наказаниях и награждениях, о добродетели и пороке, о человеческом благополучии и о совести", – хотя и к этому тут же и присоединяет: "сверх сего из Христианского чтения присланы 16 бесед святых Отцов, а из Нового Завета прочитано сто глав"».

«Мы не станем судить здесь о достоинствах или недостатках такого преподавания *нравственной философии* в заведении, которое в свое время, особенно в высших классах, имело характер высшего учебного заведения. Нас приятно удивляет при этом замечательный такт о<тца> протоиерея Волынского, который с честию умел выйти из затруднительного положения, положивши в основу преподаваемого из *нравоучительного любомудрия* лучшие творения святых Отцов и учителей Церкви, у которых, как известно, прекрасные начала нравственного христианского богословия ближайшим образом соединяются почти на всяком шагу с требованиями здравого смысла человеческого, и таким образом не только для тогдашнего смутного времени в исторических судьбах отечественной науки, но и для всех времен и народов представляют надежнейшее соединение или сочетание христианской нравственности с общечеловеческими началами нравоучительного любомудрия или этики»[4].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 108. – См. также ***1826. Июля 23. Пятница. Нежин.***

[2] Ф. К. Бороздин был выпущен из гимназии еще в январе 1826 г. (см.: *Супронюк. Словарь.* С. 35).

[3] *Гербель Н. В.* Список студентов, окончивших курс в Гимназии Высших Наук князя Безбородко со времени ее основания до преобразования в Лицей // Гимназия Высших Наук и Лицей князя Безбородко. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1881. С. CXXIX–CXXX.

[4] *Хойнацкий А. Ф., протоиерей.* Из истории философской науки в России в начале XIX века // *Свод.* Т. 1. С. 434.

ИЮЛЯ НАЧАЛО. НЕЖИН

Гоголь прощается с окончившим курс Г. И. Высоцким и уезжает на летние каникулы в Васильевку.

См. ***1826. Июня 26. Суббота. Васильевка***; ***1826. Июня 30. Среда. Нежин.***

ИЮЛЬ. НЕЖИН

В гимназии каникулы.

См. ***1826. Октября 26. Вторник. Нежин*** (свидетельство А. И. Михайловского-Данилевского).

ИЮЛЯ 2. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

«Директор Гимназии И. С. Орлай обращается к и<сполняющему> о<бязанности> попечителя Харьковского учебного округа А. А. Перовскому и Почетному попечителю графу А. Г. Кушелеву-Безбородко с прошением утвердить секретарем правления Гимназии учителя латинского языка И. Г. Кулжинского вместо мл<адшего> профессора юридических наук Н. Г. Белоусова, занявшего должность инспектора пансиона».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 108.

ИЮЛЯ 7. СРЕДА. ЯРЕСКИ

Д. П. Трощинский пишет Л. И. Голенищеву-Кутузову:

«Несказанно одолжили вы меня сообщением печатного донесения Следственной коммисии[1]. Одолжение ваше тем более для меня чувствительно, что я от первых вас получил сию, подлинно весьма любопытную пиесу, обнаруживающую весь ход злодейского заговора. Полагать надобно, что по сю пору решение верховного суда, а может быть и высочайшая конфирмация о виновных уже последовала[2]. С нетерпением ожидаем, чем кончится сие толико важное и всякого благомыслящего интересующее дело»[3].

РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 29. Л. 24–24 об.

[1] См. ***1826. Июня 17. Четверг. Санкт-Петербург.***
[2] См. ***1826. Июля 13. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1826. Июля 16. Пятница. Санкт-Петербург.***
[3] См. также ***1826. Января 27. Кибинцы.***

ИЮЛЯ 11. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ. ЯРЕСКИ

Гоголь с матерью на праздновании именин Ольги Дмитриевны Трощинской.

См. ***1826. Июля 15. Четверг. Васильевка.***

ИЮЛЯ 13. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В Петропавловской крепости казнены государственные преступники полковник П. И. Пестель, подпоручик К. Ф. Рылеев, подполковник С. И. Муравьев-Апостол, подпоручик М. П. Бестужев-Рюмин, поручик П. Г. Каховский[1].

В этот же день был издан указ «О выдавании прогонов на одну лошадь арестантам из дворян и отставным офицерам, не имеющим состояния, при пересылке их под караулом». В «Полном собрании законов Российской Империи» этот указ следует за Именным указом по делу о декабристах и манифестом «О совершении приговора над государственными преступниками», которые датированы тем же числом[2].

Указ 13 июля 1826 г. «О выдавании прогонов арестантам из дворян и отставным офицерам...» имел в виду Гоголь позднее, когда описывал во вставной новелле в десятой главе первого тома «Мертвых душ» арест и «препровождение на место жительства» отставного капитана Копейкина: «...по крайней мере не нужно платить прогонов...»

[1] См. ***1826. Июля 15. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1826. Июля 16. Пятница. Санкт-Петербург.***
[2] См.: Полн. собр. законов Российской Империи. 2 собр. СПб., 1830. Т. 1. С. 753–774.

ИЮЛЯ 14. СРЕДА. ЯРЕСКИ, ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь с матерью возвращается из Яресок, с празднования именин О. Д. Трощинской.

См. ***1826. Июля 15. Четверг. Васильевка.***

ИЮЛЯ 15. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская пишет двоюродному брату, Петру П. Косяровскому, в Одессу:

«Усерднейше благодарю вас за уведомление меня о ценах <...> продуктов, но некоторые еще дешевле, нежели у нас. Пшеница у нас дороже, воск у нас всегда был 50 рублей пуд, и даже 60 бывает. Я его только всего пуд в год продаю, а больше дома расходится. Лошадей у меня вороных нет, а только серые, которыми я езжу, и, к сожалению, нельзя мне ничего послать в Одес<с>е продать. <...> Вчера приехала я сюда с докторшой Дмитрия Проковиевича[1], которая поколола уши Аниньке и Лиза<нь>ки, и Николаем моим с Яресек после именин Ольги Дмитриевны[2], Варинька[3] там проживает, а завтра опять еду в Ярески выпроводить Дмитрия Прокофиевича в Ромны на ярманку со всем его домом, а я поеду к Маше моей[4], покуда он возвратится; в начале августа отправлю Николеньку в Нежин. В Ятесках мне очень мучительно жить, имея горесть в сердце, быть в веселой конпании <так>, но я стараюсь как можно реже там бывать и больше в уединенной и спокойной моей Васильевке. <...> Николай мой свидетельствует вам свое истинное почтение и все маленькие дети цалуют вас, так же и Павла Петровича[5]».

Свод. Т. 1. С. 91.

[1] Трощинский.
[2] Трощинская. Память равноапостольной Ольги совершается 11 июля (ст. ст.).
[3] Варвара Петровна Косяровская (в замужестве Березина).

[4] В Полтаву.

[5] Косяровский, брат Петра П. Косяровского.

ИЮЛЯ 15. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Русский Инвалид, или Военные Ведомости» напечатан Высочайший манифест от 13 июля 1826 г. о завершении суда и исполнении наказания по делу декабристов.

В манифесте, в частности, сообщалось: «Да обратят родители все их внимание на нравственное воспитание детей. Не просвещению, но праздности ума, более вредной, нежели праздность телесных сил, – недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец погибель. Тщетны будут все усилия, все пожертвования Правительства, если домашнее воспитание не будет приуготовлять нравы и содействовать его видам. Дворянство, ограда Престола и чести народной, да станет и на сем поприще, как на всех других, примером всем другим состояниям. Всякий его подвиг к усовершению отечественного, природного, не чужеземного воспитания Мы примем с признательностию и удовольствием. <...> Правый суд, воинские силы, разные части внутреннего управления, все требует, все зависит от ревностных и знающих исполнителей»[1].

Положениям Высочайшего манифеста, касающимся «домашнего воспитания», во многом соответствуют позднейшие размышления Гоголя. В частности, надежным ручательством того, что дети будут ограждены от вредных влияний, Гоголь считал именно воспитание в семье. Так, гоголевский генерал-губернатор в заключительной главе второго тома «Мертвых душ» говорит: «...Пожалеем о детях, которых мы бросили в <чужие> руки и которых знать не хотим, тогда как кто лучшим бы мог быть воспитателем сына, как не отец? Да, ничего более, кроме только разумного чтения с ними этих книг, образующих уже измлада степенный, сильный характер, познанье жизни, познанье земли своей. <Одно это> уже было <бы> в несколько раз полезней всей этой истрачиваемой кучи денег на учителей с разными взглядами, разными понятия<ми>, со всех сторон загружающими до того голову, что он, наконец, не узнает до поздней старости, было ли в нем какое-нибудь собственное мнение или мысль, и готов, как послушная овца, последов<ать> за первым крикуном, за первой необдуманной брошюр<ой>».

Согласно дневниковой записи Е. А. Хитрово от 14 января 1851 г., «как-то Гоголь говорил о семействе Капниста: воспитывались дома и более из разговоров отца учились всему»[2] (имение Капнистов Обуховка находилось неподалеку от гоголевской Васильевки). «Еще раз, – добавляла Хитрово, – он говорил: “Еще не догадались, что нет добра в том, чтоб слишком занимать детей”»[3].

Эти же проблемы Гоголь ставит во втором томе «Мертвых душ» в образе «чудного наставника» Александра Петровича, а также в статье «Христианин идет вперед», содержание которой тесно связано с педагогической программой этого наставника. По свидетельству самого Гоголя, адресованная С. П. Шевыреву письмо-статья «Христианин идет вперед» и сам образ наставника Александра Петровича имеют «много общего» со статьей Шевырева «Об отношении семейного воспитания к государственному», прочитанной Гоголем в феврале 1843 г.[4] «...Да не подумают родители, – писал в своей статье Шевырев, – чтобы успехи публичного воспитания освобождали их <...> от священной обязанности править воспитанием семейным <...> Где лучше охраняется личность человека от всех посторонних влияний, если не в семье?»[5] Обнаруженное в этой статье Шевыревым понимание связи между «многосторонностью» европейского образования и «сильным расторжением национального единства», выразившимся в декабристском восстании[6], по-видимому, объясняет, почему именно Шевырева Гоголь – сам испытавший в юности определенное противоречие между школьным и домашним образованием – избрал в 1851 г. для слушания глав второго тома – и, в частности, главы о том, как Тентетникова неожиданно «арестовывают и отправляют в Сибирь». Главы эти Гоголь читал Шевыреву в обстановке полной секретности[7].

[1] Внутренние известия. Высочайший Манифест. В Царском Селе, 13-го Июля 1826 // Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1826. 15 июля. № 167. С. 681–682.

[2] См. ***1851. Января 14. Воскресенье. Одесса.***

[3] См. ***1851. Января 14. Воскресенье. Одесса.*** – В дневнике Е. А. Хитрово имеется еще одна запись (от 29 декабря 1850 г.), передающая суждение Гоголя о воспитании: «О том, что я ему сказала: “Мудрено воспитание”. – “Нет, не мудрено. Сделали мудреным. Стоит отцу и матери сидеть дома и чтоб ребенок рано почувство-

вал, что он член общества. А читать надобно, и читать можно: книги – подспорье хорошее для всех, хорошо и для детей"» (см. ***1850. Декабря. 28. Четверг. Одесса***).

[4] См. ***1843. Марта 2 <февраля 18>. Четверг. Рим***. – Выехав из Рима, Гоголь обращался к Шевыреву в письме из Гастейна: «Прежде всего пришли мне статью твою о воспитании, она, верно, напечатана отдельно, мне нужно ее иметь всегда при себе, а я прочел всего раз в журнале» (см. ***1843. Мая 17 <5>. Среда. Гастейн***). – См. также ***1851. Сентябрь-ноябрь. Москва*** (примечания).

[5] *Шевырев С.* Об отношении семейного воспитания к государственному. Речь, произнесенная в Торжественном Собрании Императорского Московского Университета 18 июня 1842 // Москвитянин. 1842. № 7. С. 38, 42–43.

[6] Там же. С. 110–111.

[7] См. письмо Гоголя к Шевыреву от 25–26 июля 1851 г. и ответ Шевырева от 27 июля 1851 г.; а также воспоминания Н. В. Берга и князя Д. А. Оболенского: ***1851. Июля не позднее 25–26. С. Троицкое, или Кагулово, по Рязанской дороге***; ***1851. Июля 25–26. Среда-четверг. Москва***; ***1851. Июля 27. Пятница. С. Троицкое, или Кагулово, по Рязанской дороге.***

ИЮЛЯ 16. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газете «Русский Инвалид, или Военные Ведомости» напечатан Высочайший указ от 13 июля 1826 г. о совершении казни над «пятью преступниками[1], постановленными вне разрядов и вне сравнений с другими по тяжести их злодеяний»[2], а также первая половина всеподданнейшего доклада Верховного Уголовного Суда по делу декабристов[3].

[1] См. ***1826. Июля 13. Вторник. Санкт-Петербург.***

[2] Внутренние известия. Верховный Уголовный Суд над злоумышленниками. Указ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержца Всероссийского. Из Правительствующего Сената. В Санктпетербурге, Июля 13-го дня, 1826-го года // Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1826. 15 июля. № 168 и 169. С. 684.

[3] Внутренние известия. Верховный Уголовный Суд над злоумышленниками. <...> Всепресветлейшему, Державнейшему, Великому Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому, Верховного Уголовного Суда всеподданнейший доклад // Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1826. 15 июля. № 168 и 169. С. 684–690.

Продолжение доклада: Верховный Уголовный Суд над злоумышленниками. (Продолжение). Роспись Государственным преступникам, приговором Верховного Уголовного Суда осужденным к разным казням и наказаниям // Русский Инвалид, или Военные Ведомости. 1826. 17 июля. № 170 и 171. С. 692–698. – См. также ***1826. Июля 7. Среда. Яресindividual***.

ИЮЛЯ 23. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

И. С. Орлай в письме к исполняющему обязанности попечителя Харьковского учебного округа А. А. Перовскому сообщает результаты экзаменов, указывает фамилии гимназистов, окончивших курс наук[1], и называет представленных к награждению медалями (П. Г. Редкина – золотой, В. И. Любича-Романовича и П. А. Баранова – серебряной). Отдельно докладывает о Г. И. Высоцком, который успешно окончив курс наук, овладел языками лишь в объеме программы третьего (начального) отделения. Сообщает о переэкзаменовке пажей С. Г. и Л. Г. Милорадовичей, возвратившихся после годичного пребывания в Харьковском университете[2].

[1] См. также ***1826. Июня 30. Среда. Нежин.***

[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 109.

ИЮЛЯ 24. СУББОТА. НЕЖИН

И. С. Орлай уезжает в Москву[1]. Полномочия по руководству Гимназией передаются, на два с половиной месяца[2], старшему профессору политических наук М. В. Билевичу[3], который поднимает вопрос о характере преподавания в гимназии младшим профессором Н. Г. Белоусовым естественного права[4].

Помимо существа самого дела, действия Билевича были, по-видимому, связаны, с одной стороны, с оскорбительным по отношению к нему поведением Белоусова на публичном экзамене по государственному хозяйству в июне 1826 г.[5], с другой, – с публикацией в газетах материалов следственной комиссии по делу о декабристах[6].

«В июле 1826 года Орлая вызвали в Москву, и Билевич, временно исполнявший <в течение первых двух месяцев после отъезда Орлая> обязанности директора гимназии, стал требовать от <Н. Г.> Белоусова немедленного представления <в конференцию> конспектов по курсу естественного права <в содержании которого Билевич усматривал, не без оснований, политическое и религиозное вольнодумство>. Белоусов не только не выполнил это требование, но, как <...> <впоследствии сообщал> Билевич, "еще превратил оное требование в насмешку"»[7].

По поводу преподавания в 1826 г. «исправляющим должность професора естественного и римского права» Н. Г. Белоусовым естественного права позднее было возбуждено расследование; в результате опроса учеников, проведенного новым директором Д. Е. Ясновским в мае 1828 г., было установлено, что Белоусов на своих лекциях высказывал взгляды, сходные с теми, каких придерживались декабристы, – из содержания своего курса он выводил прямую идею цареубийства.

Как явствует из материалов следствия, показания об этом (в частности, о том, что «и до посторонних людей дошли слухи о некоторых словах непристойных, говоренных в классе профессором Белоусовым»[8]) дал, одним из первых, ученик А. А. Котляревский[9]. Вслед за ним «1828 года мая 17 дня ученик 8-го класса Е. И. Филипченко, кроме ссылки <...> на Александра Котляревского <...> еще показал, что "прошлого 1827 года декабря 25 дня, когда он со своим братом Петром Филипченком, учителем нежинского поветового училища, был в доме дворянина Гаевского, живущего в Нежине, то бывший там же повета нежинского землемер Подгаевский сказал при нем, Ефиме Филипченко, при брате его и при хозяине Гаевском, что он, Подгаевский, слышал, будто профессор Белоусов на лекции говорил ученикам: «Что ежели государь дурак или подлец, то можно его изгнать и убить»[10]. Он же, Филипченко, тех слов от профессора не слыхал"...»[11]

Ученик А. И. Колышкевич 18 мая 1828 г. показал, «что он <...> в прошлом 1827 году осенью виделся в Нежине с служащим черниговской казенной палаты чиновником <А. П.> Тищинским, который ему говорил, что худые слухи в Чернигове о нем, Колышкевиче, носятся, что чуть ли он с некоторыми учениками и профессором Белоусовым не поедет в кибитке, и когда Колышкевич спросил Тищинского: "Да за что же?", то Тищинский отвечал, что профессор Белоусов читал на кафедре: "Если государь подл, то можно его убить". Когда же Колышкевич спросил Тищинского, от кого он о том слышал, то Тищинский сказал: "...что сие у них известно и что глас народа, глас Божий". <...> Колышкевич при сем изъяснил, что он слов, пересказанных от профессора Белоусова, никогда не слышал, но носился о сем слух по гимназии, но не помнит, от кого именно он о том слыхал»[12].

Спустя несколько дней были сняты показания у прямых свидетелей. 28 мая 1828 г. Егор Котляревский (брат опрошенного ранее Александра Котляревского) показал, что в 1826 г., когда он был в седьмом классе, профессор Белоусов во время чтения права естественного, говоря о верховной власти, «обратил свой вопрос к ученикам: "Что, если государь дурак, подлец, то что вы думаете с ним", и когда ученики замолчали, то Белоусов сказал: "Ну, изгнать его, убить"»[13].

29 мая Николай Котляревский подтвердил показание своего брата Егора, что «и сам он, Николай, слышал, что тот профессор при лекции естественного права, говоря о верховной власти, обратился к ученикам и спросил: "Если представитель народа – государь подл и во зло употре-

бляет вверенную ему от народа власть, то что с ним должно делать?" И когда ученики молчали, то профессор сказал, что можно таковых государя низвергнуть, убить»[14].

Вновь опрошенный ученик 8 класса Павел Горонович «также быв спрошен о сем предмете директором, показал, что профессор Белоусов, при повторении государственного права[15], говорил, что ежели верховный глава, или представитель верховной власти во зло оные употребляет, то можно его лишить оных прав»[16].

Согласно показанию Е. И. Филипченко от 17 мая 1828 г., «пансионеры, которые могли слышать непристойные слова Белоусова, суть: Николай Григоров, Владимир Марков, Николай Миллер, Николай Яновский, Андрей Божко, Иван Сушков, Яков Бороздин»[17]. Все эти ученики, в том числе Гоголь (Николай Яновский) не были, однако, опрошены Ясновским, так как директор, по его словам, «не решился допрашивать сих учеников, во-первых, не надеялся узнать через них истину: ибо пансионеры подчинялись инспектору <...>, а во-вторых, <...> опасался, открыв преждевременно сие дело, подвергнуть учеников Филипченко, Котляревских и Павла Гороновича неприятности»[18]. Спустя некоторое время, в конце июня 1828 г., в гимназии состоялись выпускные экзамены, и окончившие курс гимназисты оказались далеко за пределами Нежина: «Николай Григоров в Полтавском <ошибка; следует: в Митавском>[19] гусарском полку; Владимир Марков в Охотском пехотном полку; Николай Миллер в конноегерском принца Вюртембергского полку; Яков Бороздин у отца своего Псковской губернии в городе Пороховка, Николай Яновский, Андрей Божко, двоюродный брат пр<офессора> Белоусова, Иван Сушков и Риттер[20] – в Петербурге»[21]. Однако Э. Б. Адеркас счел собранный материал (к которому были приобщены также конспекты лекций Белоусова) достаточным, и следствие этими сведениями ограничилось.

Осенью 1830 г. по нежинскому делу был вынесен приговор: «Государь Император в 26 день сего октября Высочайше повелеть соизволил: "Профессоров Гимназии высших наук князя Безбородко Шапалинского и Белоусова, за вредное на юношество влияние, а Ландражина и Зингера, сверх того, и за дурное поведение, отрешить от должности <...> тех из них, кои не русские, выслать за границу, а русских – на места их родины, отдав под присмотр полиции"»[22].

Перед самым вынесением приговора по делу Белоусов отправился в Петербург, – вероятнее всего, заручиться высоким покровительством. Он пробыл тогда в столице около полутора месяцев (с 1 августа по 12 сентября 1830 г.) и 3 октября вернулся в Нежин[23]. Спустя месяц, 13 ноября 1830 г., он был отдан под надзор полиции и отправлен в Киев, по месту рождения[24]. Дальнейшая вполне благополучная карьера Белоусова говорит о том, что высокие заступники у него действительно были. По свидетельству Н. В. Кукольника, своим последующим продвижением по службе Белоусов был обязан близкому родству его родителей с семейством Киселевских – «едва ли не важнейшим домом в киевском гражданстве по магдебургскому праву»[25] (согласно послужному списку, Белоусов происходил «из киевских мещан»: «У матери его в городе Киеве имеется дом с жилыми покоями, каменными и деревянными»[26]). В январе 1831 г. Белоусов находился на службе у киевского военного генерал-губернатора В. В. Левашова (бывшего в 1826 г. членом Верховного уголовного суда по делу о декабристах). 17 ноября 1834 г. Левашов даже испрашивал у графа А. Х. Бенкендорфа разрешения использовать Белоусова в качестве чиновника по особым поручениям в канцелярии гражданского губернатора (после доклада об этом деле Императору последовало Высочайшее разрешение на устройство бывшего профессора чиновником «по гражданской части, но не по особым поручениям»[27]). 21 августа 1835 г. Белоусов был освобожден от полицейского надзора и переехал в Петербург, где в 1836 г. поступил на службу в Капитул Российских Императорских и Царских Орденов, директором канцелярии которого был родственник Белоусова действительный статский советник, бывший масон М. И. Киселевский[28], а главой – князь А. Н. Голицын. (В Капитуле Российских Императорских и Царских Орденов служил и двоюродный брат Белоусова А. А. Божко.) Здесь Белоусов оставался до конца жизни (умер в 1854 г.), достигнув поста начальника отделения и чина действительного статского советника (чин 4-го класса; при обращении к чиновникам, удостоенным этого ранга, полагалось именование «Ваше Превосходительство»)[29].

[1] *Иофанов*. С. 402.

[2] См. также ***1826. Октября 10. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[3] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 109.

[4] См. также ***1821. Апреля между 25 и 30. Между понедельником и субботой. Нежин*** (примечания); ***1826. Июля 16. Пятница. Санкт-Петербург.***

[5] См. ***1826. Июня не позднее 22. Нежин.***

[6] См. ***1826. Июня 17. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1826. Июля 15. Четверг. Санкт-Петербург***; ***1826. Июля 16. Пятница. Санкт-Петербург.***

[7] *Машинский 1959*. С. 46–47.

[8] *Иофанов*. С. 405–406; см. также: *Стогнут А. С., Кононенко И. К.* Новые страницы к «Делу о вольнодумстве» в Нежинской гимназии высших наук // Уч. зап. Нежинского гос. пед. ин-та им. Н. В. Гоголя. Киев, 1954. Т. 4–5. С. 205.

[9] 19 марта 1828 г. (см. ***1827. Август. Нежин*** – примечания; ***1828. Марта 19. Великий понедельник. Нежин***).

[10] См. также: *Савва В. И.* К истории о вольнодумстве в Гимназии высших наук кн. Безбородко. Харьков, 1908. С. 14–15; *Стогнут А. С., Кононенко И. К.* Новые страницы к «Делу о вольнодумстве» в Нежинской гимназии высших наук. С. 169; *Машинский 1959*. С. 158–160.

[11] *Иофанов*. С. 407–408; см. также: *Стогнут А. С., Кононенко И. К.* Новые страницы к «Делу о вольнодумстве» в Нежинской гимназии высших наук. С. 205; Заключение Гимназии высших наук директора Ясновского о показании учеников касательно непристойных слов, произнесенных в классе профессором Белоусовым во время преподавания в 1826 году естественного права. <Апрель 1830 г.> // *Свод*. Т. 1. С. 463.

[12] *Иофанов*. С. 406; см. также: *Лавровский 1879 (отд. изд.)*. С. 112.

[13] *Иофанов*. С. 406.

[14] *Иофанов*. С. 407. – По предположению В. И. Саввы, Белоусов, «предлагавший воспитанникам вопрос, как поступать с государем, проявившим неспособность к управлению, мог иметь в виду и факты русской истории – воцарения Екатерины II и Александра I» (*Савва В. И.* К истории о вольнодумстве в Гимназии высших наук кн. Безбородко. С. 18).

[15] Курс государственного права Белоусов читал в декабре 1826 г. в седьмом и восьмом классах (см. ***1826. Августа 16 – декабря 18. Нежин***).

[16] *Иофанов*. С. 407.

[17] *Иофанов*. С. 407–408; см. также: *Стогнут А. С., Кононенко И. К.* Новые страницы к «Делу о вольнодумстве» в Нежинской гимназии высших наук. С. 205.

[18] *Иофанов*. С. 408.

[19] См. фотокопию документа в изд.: Лит. наследство. Т. 58. М., 1852. С. 513.

[20] Против фамилии М. А. фон Риттера в документе помета: «Был в Петербурге, но здесь умер» (см.: Лит. наследство. Т. 58. М., 1852. С. 513).

[21] *Иофанов*. С. 408.

[22] *Иофанов*. С. 321; см. также: *Лавровский 1879 (отд. изд.)*. С. 127. Позднее, в 1832 г., был отстранен от должности, «по причине неспокойного характера и дурного образа мыслей», и профессор латинской словесности С. М. Андрущенко, который в присутствии Д. Е. Ясновского и других профессоров «говорил непристойно о религии» (*Иофанов*. С. 320).

[23] «Отпущен был на 28 дней, с 1-го по 28 августа 1830 года, в С.Петербург, но на срок не явился и, пропустив пять недель, не представил законных причин, за что по предписанию Г. Попечителя Харьковского учебного округа 7 февраля 1831 года № 191, и на основании законов, делаем был вычет из его жалованья» (Архив III-го Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии. О профессорах Нежинской князя Безбородко Гимназии Шапалинском, Белоусове, Зингере и Ландражине, внушавших по показанию профессора Билевича вредные правила учащимся. 1830 года / Формулярный список исправляющего должность Профессора в Гимназии высших наук князя Безбородко, Николая Белоусова. 1830 г. // *ГАРФ*. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Оп. 5. Ед. хр. 47. Л. 54).

[24] *Машинский 1959*. С. 194–195.

[25] *Кукольник Н.* Н. Г. Белоусов // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 96.

[26] Формулярный список исправляющего должность Профессора в Гимназии высших наук князя Безбородко, Николая Белоусова. 1830 г. // *ГАРФ*. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Оп. 5. Ед. хр. 47. Л. 53.

[27] *Машинский 1959*. С. 191.

[28] *Кукольник Н.* Н. Г. Белоусов. С. 98. – М. И. Киселевский был принят в масоны в петербургской ложе Соединенных друзей, в 1816–1818 гг. был членом петербургской ложи Северных друзей, в 1818 году посещал ложу Елизаветы к добродетели (*Серков А. И.* Русское масонство. С. 1095, 1090, 1057).

[29] *Машинский 1959*. С. 204.

ИЮЛЯ 31. СУББОТА. НЕЖИН

В Конференции заслушивается рапорт инспектора пансиона мл. профессора юридических наук Н. Г. Белоусова об «испорченности некоторых воспитанников». В Гимназии начинается следствие по делу о «мужеложстве» гимназистов А. О. Миницкого и А. С. Шрамченко[1].

Подробный отчет о событиях, связанных с историей Миницкого и Шрамченко, Конференция отправила графу А. Г. Кушелеву-Безбородко и исполняющему обязанности попечителя Харьковского учебного округа А. А. Перовскому. В нем были изложены причины, из-за которых окончательное решение судьбы двух воспитанников было отложено[2].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 109.
[2] Там же. С. 188.

АВГУСТА 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Высочайшим указом И. С. Орлай уволен от должности директора Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине и назначен директором Ришельевского лицея в Одессе.

Кукольник Н. В. Г. Кукольник. (Из памятной книжки) // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 200; Формулярный список Действительного Статского Советника и Кавалера, Директора Одесского Ришельевского Лицея Ивана Орлаи 1828-го года / *Виноградов И. А.* «Необыкновенный наставник»: И. С. Орлай как прототип одного из героев второго тома «Мертвых душ» // Нові гоголезнавчі студії. Новые гоголеведческие студии. Симферополь; Киев, 2005. Вып. 2 (13). С. 49–50.

АВГУСТА 1. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

В гимназии начинается новый учебный год.

Ср. ***1825. Августа 1. Суббота. Нежин***; ***1826. Августа 1. Понедельник. Нежин.***

АВГУСТА НАЧАЛО. НЕЖИН

Младший профессор юридических наук Н. Г. Белоусов, будучи утвержден в должности инспектора пансиона[1], всем пансионерам «велел идти в церковь для испрошения благодати Божьей для благого начинания»[2].

[1] См. ***1826. Мая 31. Понедельник. Нежин.***
[2] *Михед, Якубина.* С. 316.

АВГУСТА 13. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

«Г. Высоцкому выписан проездной билет и выдано за подписью и<сполняющего> о<бязанности> директора Гимназии М. В. Билевича свидетельство об окончании курса наук, в котором указано, что получение аттестата возможно лишь после утверждения высшим начальством его представления на чин».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 111; см. также: *Михед, Якубина.* С. 315.

АВГУСТА 16. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Гоголь в письме к матери уведомляет ее о своем благополучном прибытии в гимназию.

АВГУСТА 16[1] – ДЕКАБРЯ 18[2]. НЕЖИН

Гоголь учится в восьмом классе гимназии. Изучает следующие дисциплины: Закон Божий[3], российскую словесность, всеобщую и русскую историю, математику, физику, естественную историю (раздел ботаники), латинский, французский и немецкий языки[4], а также историю римского права[5] (вероятно, факультативно) и, в декабре, государственное право[6].

Профессором естественной истории и технологии Н. Ф. Соловьевым «в 8 классе излагалась *ботаника* по собственным запискам (анатомическое строение растений, питательные органы, питание, о цветке вообще, цветорасположение, органы плодородные, взаимное их действие или оплодотворение, плод и семя, рассеяние семян, понятие о болезнях и смерти растений, система ботаники и ботаническая номенклатура, изложение употребительнейших систем и показание практического способа определения по оным растений)»[7].

О серьезной ботанической подготовке в Нежинской гимназии свидетельствуют сохранившиеся рисунки акварелью двух растений в ученической тетради Гоголя, относящиеся к 1820-м гг.[8] На одном рисунке изображен тысячелистник обыкновенный в виде стебля с листьями, заканчивающегося соцветием. На другом – корневище и соцветие сусака зонтичного, причем рисунок корневища подписан: «Н Г–я». Ниже рисунков – названия растений: «Гулявица тысячелистая. Деревей» и «Сусак щитоцветный», а также их синонимы. Над рисунками – названия классов, к которым относятся эти растения согласно классификации ботаника К. Линнея. В первом случае – «Syngenesia. – Polygamia superflua» («Сингенезия – Полигамия суперфлуа»), то есть «растения, имеющие сложные цветы, бывающие в середине обоеродные, или обоих полов, в коих тычки соединены вверху своими шляпками, а под краями на одной половине женские, или из одних пестиков составленные, а на другой мужеские, или из тычков состоящие». Во втором случае – «Enneandria. – Hexagynia» («Эннеандрия – Гексагиния»), то есть растения, «имеющие в своем цвете по девяти тычков, или мужчинок», и шесть пестиков[9].

[1] См. ***1826. Августа 16. Понедельник. Нежин.***

[2] См. ***1826. Декабря 18. Суббота. Нежин.***

[3] Законоучитель протоиерей П. И. Волынский «преподавание нравоучительного любомудрия по Баумейстеру: “о действиях человеческих, о обязательстве, о законе естественном, о наказаниях” и пр.» по-прежнему сочетал «с чтением св. Отцов» (*Хойнацкий А. Ф., протоиерей.* Из истории философской науки в России в начале XIX века // *Свод.* Т. 1. С. 434). См. ***1826. Июня конец. Нежин.***

[4] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1826/27 уч<ебный> год. Гоголь в 8 классе // *Свод.* Т. 1. С. 463.

[5] Курс истории римского права читал исполняющий должность профессора естественного и римского права Н. Г. Белоусов. «Поступив в Нежинскую гимназию <см. ***1825. Августа 17. Нежин***>, Белоусов читал естественное, государственное и народное право, а также римское право с его историей. Курс был, очевидно, весьма краткий и сжатый. Для ознакомления с ним в немногих словах укажем, по его конспектам, с определением времени помесячно, на курс 1826/27 учебного года <...> в 8 <классе> (где был Гоголь). <...> В 8 классе пройдено: в августе <1826 г.> – история римского права до законов XII таблиц; в сентябре – таблицы, их содержание и достоинство; в октябре – история римского права до Августа; в ноябре – до Юстиниана; в декабре – законодательство Юстиниана и история римского законоведения до наших времен...» (*Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 г.) // *Свод.* Т. 1. С. 460).

Сведениям, сообщаемым Н. А. Лавровским, противоречит указание Д. И. Иофанова, что будто бы «в 1825/26 уч<ебном> году Белоусов читал <...> в седьмом <классе> историю римского права», а «в последующем 1826/27 уч<ебном> году, с августа по декабрь 1826 г., Белоусов прочитал в седьмом классе, где обучался Кукольник, и восьмом классе, где учился Гоголь, курс естественного права» (*Иофанов.* С. 282). – Белоусов действительно читал в 1826/27 учебном году курс естественного права в седьмом классе, где обучался Кукольник; но при этом Кукольник, по настоянию самого Белоусова, пользовался конспектами Гоголя по естественному праву, составленными в предшествующем, 1825/26 учебном году (см. ***1825. Августа 14 – декабря средина. Нежин***). Кроме того, историю римского права, вопреки указанию Иофанова (и согласно сведениям, сообщае-

мым Лавровским), Белоусов читал Гоголю и его одноклассникам не в 1825/26 учебном году в седьмом классе, а в 1826/27 – в восьмом.

[6] Д. И. Иофанов сообщал, что «в декабре <1826 г.> <...> в седьмом классе, где обучался Кукольник, и восьмом классе, где учился Гоголь, <...> Белоусов читал государственное <...> право» (*Иофанов.* С. 282).

[7] *Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 г.) // *Свод.* Т. 1. С. 457–458.

[8] *РГБ.* Ф. 74. К. 11. Ед. хр. 84; автограф, на бумаге с водяным знаком: «И Сазонов», размером 20,5 × 23 см, поступил в *РГБ* в 1969 г.

[9] *Мейер А.* Ботанический подробный словарь или Травник. М., 1781. Ч. 1. С. 560–567. – Коммент. В. С. Карташова в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 695–696.

АВГУСТА 20. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Гоголь в письме к матери сообщает, что Нежин «заснул в бездействии» и что он уже «не застал здесь Орлая»[1]. Просит писать ему о хозяйственных делах; обещает «тщательно нарисовать» «фасад и план» нового дома[2]. Вместо деревянных крыш предлагает сделать черепичные, для чего советует завести черепичный завод. «Для стен и щекотурки» обещает сообщить «дешевый способ», за надежность которого ручается.

[1] См. ***1826. Августа 1. Воскресенье. Санкт-Петербург.*** Ср. также ***1826. Сентября 10. Пятница. Нежин.***

[2] Постройка нового дома в Васильевке осуществилась, вероятно, только в 1832 г. (см. ***1832. Июля около 20 – октября 1. Суббота. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Васильевка***).

АВГУСТА 22. ВОСКРЕСЕНЬЕ. МОСКВА

Коронация Императора Николая I.

См. ***1826. Августа 31. Вторник. Санкт-Петербург.***

АВГУСТА 24. ВТОРНИК. НЕЖИН

«...В конференции обсуждалось дело о проступке, который, как выразился проф<ессор> Шапалинский, “в сем священном заведении терпим быть не может”: ученики Александр М<иниц>кий и Андрей Ш<рамчен>ко были «захвачены на самом действии мужеложства». Хотя большинство членов конференции и хотело затереть это дело и ограничилось увольнением М<иниц>кого по прошению, а Ш<рамчен>ко, как маловозрастного, наказанием “черным столом”, подвергнувши его, кроме того, усиленному надзору; но вследствие особого мнения профессоров Шапалинского и Ландражина, попечитель предписал конференции исключить обоих воспитанников из гимназии»[1].

«Конференция заслушивает рапорт инспектора пансиона Н. Г. Белоусова о развратном поведении пансионеров А. Миницкого и А. Шрамченко (“захвачены на самом действии мужеложства”). Ст<арший> профессор К. В. Шапалинский заявляет о недопустимости подобного и предлагает исключить из Гимназии обоих воспитанников. Его поддерживают проф<ессор> И. Я. Ландражин и проф<ессор> Н. Ф. Соловьев. Однако по “учиненному в точности с надлежащей осторожностью” исследованию, в ходе которого были обнаружены не всегда благопристойные шалости, Конференция принимает решение: А. Миницкого уволить из числа гимназистов, А. Шрамченко подвергнуть взысканию и наказанию “черным столом”. Принимаются меры по усилению бдительности в Гимназии, такие как организация постоянных дежурств (по два надзирателя в каждом музее и

спальне пансионеров днем и по одному ночью). Для наказания нарушителей дисциплины принимается решение "назначить карцер"»[2]. Для заведения карцера предписывалось «освободить помещение архива, а документы <...> переместить в особый шкаф библиотеки»[3].

[1] *Сребницкий 1902*. С. 307.
[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 111–112.
[3] *Якубина Ю.* К истокам страха у Гоголя (нежинский период) // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2001. Вып. 7. С. 31.

АВГУСТА 31. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

В газетах («Русский Инвалид», № 209; «Северная Пчела», № 104) напечатаны сообщения о коронации Государя Николая I Павловича.

См. ***1826. Августа 22. Воскресенье. Москва***.

СЕНТЯБРЯ 1. СРЕДА. НЕЖИН

Е. П. Гребенка сообщает отцу, П. И. Гребенке:

«Наш профессор Зингер, будучи на каникулах в Вене, привез оттуда оригиналы, которые необходимы для рисования. А как я хочу хорошо рисовать, то они мне необходимо нужны и потому покорнейше прошу Вас, почтеннейший папенька, не отказать в моей просьбе прислать за оные 16 рублей...»

Гребінка Е. П. Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 503.

СЕНТЯБРЯ 2. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Согласно распоряжению конференции, всем чиновникам гимназии предписано явиться на молебен по случаю коронации Императора Николая I.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 113. – См. также ***1826. Августа 22. Воскресенье. Москва***; ***1826. Августа 31. Вторник. Санкт-Петербург***.

СЕНТЯБРЯ 5. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская сообщает двоюродному брату Петру П. Косяровскому в Одессу:

«Я все время, что к вам не писала[1], проездила; была у своей Машиньки[2], брала ее домой на 3 дня для свидания с бабушкой, и опять отвозила, Николиньку отправила в Нежин, и приехавши в Яреску, нашла Дмитрия Прокофиевича[3] уже возвратившимся с Роменской ярманки, и проживши там неделю, взяла сестру Вариньку[4] с собой и ездила с ней к моим приятельницам за 60 верст в местечко Грунь, третьего дни возвратились оттудова в Васильевку, куда ожидаем Дмитрия Прокофиевича со всеми к 8-му сего месяца[5] на храм и ярманку, и теперь занимаюсь приготовлением к их приезду, а выпроводя их, хотим ехать в конце сего месяца к сестре Катиньке[6], навестить и несколько утешить ее, все разъезды мне теперь в тягость, я только в Васильевке бываю покойна,

воображая, что близко возле моего друга[7], когда же удаляюсь из сего места, то тоска ужасная преследует меня».

Свод. Т. 1. С. 92.

[1] См. ***1826. Июля 15. Васильевка.***
[2] В Полтаве.
[3] Трощинский.
[4] Варвара Петровна Косяровская (в замужестве Березина).
[5] Праздник Рождества Пресвятой Богородицы.
[6] Е. И. Ходаревская (рожд. Косяровская), сестра М. И. Гоголь.
[7] Покойного мужа.

СЕНТЯБРЯ 10. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Гоголь в письме к матери оправдывается, что не заслуживает упрека в невнимании к родственникам; извиняется, что до сих пор не закончил «узор» (вероятно, для ковра), обещанный О. Д. Трощинской; просит засвидетельствовать почтение В. П. Косяровской. На просьбу матери привезти к Рождеству «что-нибудь» из его сочинений отвечает: «Время еще далекое, однако ж постараюсь заготовить».

Благодарит за подробности домашней жизни и выражает удовлетворение, что мать некоторые из его советов «нашла полезными»[1]. Интересуется, приносит ли доход винокурня. Предлагает нарисовать «фасад или план» строящегося птичьего домика. Посылает «план и фасад нового дома[2], который <...> еще рисовал при папиньке»:

«Посылаю вам их, оне сниманы без маштаба, без исправности, но ими можно пользоваться, когда нет другого, и особливо касательно наружных украшений. Один фасад представляет передний вид дома, другой задний, при них приложенный план показывает расположение пристроек, он, я думаю, вам будет нужен в это время».

Просит известить о приезде Д. П. Трощинского в Васильевку:

«Уведомите, когда его высо<ко>пре<восходительство> Дмитрий Проковьевич будет у нас, что он там найдет хорошего, что ему понравится, мне с нетерпением хочется знать мнение великого человека, даже о самых маловажностях; сделайте милость, маминька, не пропустите ничего. Большое вы дадите мне удовольствие. <...> К Дмитрию Проковьевичу постараюсь написать; только не знаю, когда его высок<опревосходительства> именины[3]: вы не написали, 26-го ли сентября или октября».

Сообщает, что бывший директор И. С. Орлай «уже отправился в Одессу»[4]:

«Теперь мы одни. Однако ж теперь всё приняло другой порядок. Пансион наш приметно начал улучшаться: стол теперь сделался у нас прекрасный, и этим всем обязаны мы нынешнему нашему инспектору»[5].

[1] В частности, был найден полезным совет об изготовлении черепицы (см. ***1826. Августа 20. Пятница. Нежин***; ***1826. Октября 15. Пятница. Нежин***).
[2] См. также ***1826. Августа 20. Пятница. Нежин.***
[3] См. ***1826. Октября 26–28. Вторник-четверг. Кибинцы.***
[4] См. также ***1826. Августа 20. Пятница. Нежин.***

[5] Н. Г. Белоусову. Подробнее о нем см.: *Виноградов И. А.* Религиозное образование Гоголя в Нежинской гимназии высших наук // Н. В. Гоголь и Православие. М.: Отчий дом, 2004; *Виноградов 2015.*

СЕНТЯБРЯ 22. СРЕДА. НЕЖИН

Пансионер А. О. Миницкий покидает гимназию.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 114.

СЕНТЯБРЯ 22. СРЕДА. ЯРЕСКИ

Д. П. Трощинский пишет Л. И. Голенищеву-Кутузову:

«Нынешний день, который я привык ежегодно праздновать по ордену, полученному мною из рук *Великия Екатерины,* чему протекло уже с лишком 30 лет[1], принужден провести смиренно в круге только малого семейства моего, не имея против обыкновения в гостях у себя никого из дворян здешних, которые все теперь в Полтаве, в общем Дворянском Собрании, подвизаясь на выборах на новое трехлетие служения и состязаясь друг пред другом в преимуществе занять места, ими желаемые».

РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 29. Л. 30–30 об.

[1] См. ***1794. Сентября 22. Санкт-Петербург.***

СЕНТЯБРЯ 26. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение поэмы двоюродного дяди Гоголя И. П. Косяровского «Нина» (СПб., 1826).

СЕНТЯБРЯ 30. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Гоголь пишет матери, что не получил от нее ответа на предыдущее письмо (от 10 сентября)[1]. Посылает О. Д. Трощинской обещанный «узор»[2] и вновь извиняется за задержку, подробно излагая ее причины (в Васильевке «не имел ни красок, ни кистей»; по приезде в Нежин затерял начатый эскиз; заканчивая его, «изорвал три рисунка», так как впервые рисовал «по канве»): «...Я теперь постановил себе за правило, что должно сделать, делать тот же час, не откладывая».

Сообщает, что в гимназии «великое смятение: ожидают графа» (А. Г. Кушелева-Безбородко)[3]: «всё убирают». Спрашивает мать, не вредит ли ей уединение в Васильевке, навещают ли ее, получает ли она письма от дочери Марии из полтавского пансиона. Просит, чтобы сестра написала ему о своих нуждах, в которых он обещает быть ей полезным («Не знаю только, как адресовать к ней письма...»). Передает поклоны «дедушке <Ивану Матвеевичу>, бабушке Анне Матвеевне и тетиньке Варваре Петровне <Косяровским>».

[1] См. ***1826. Сентября 10. Пятница. Нежин.***
[2] См. там же.
[3] См. ***1826. Октября 8. Пятница. Нежин.***

ОКТЯБРЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. НЕЖИН

Гоголь ожидает денег из дома, обещанных к 1 октября.

См. ***1826. Октября 15. Пятница. Нежин.***

ОКТЯБРЯ 6. СРЕДА. КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский сообщает Л. И. Голенищеву-Кутузову:

«Прошедшую почту пропустил я, мой дражайший друг, по причине переселения моего из Яресек на старое свое пепелище. Хотя расстояние не велико, но сбор и переезд в несколько партий много уносят времени. Теперь, слава Богу, все на месте, и я принялся за обыкновенные свои упражнения. Жаль только, что упражнения мои похожи на сущее безделье. Сижу у себя в кабинете, смотрю в окошки на умирающую природу, прочитываю по несколько страниц из одной или другой книги, и скучая всем, остаюсь в бездействии, размышляя о прошедшем, сравнивая с настоящим и воображая будущее».

РНБ. Ф. 791. Ед. хр. 29. Л. 31.

ОКТЯБРЯ 8. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

В гимназию прибыл почетный попечитель граф А. Г. Кушелев-Безбородко.

На следующий день, 9 октября 1826 г., Е. П. Гребенка сообщал отцу, П. И. Гребенке: «...Наш граф вчера приехал в гимназию, и я не имел еще случая его видеть. Семен Матвеевич <Андрущенко> вчера ходил к нему обедать. <...> ...На сих днях привели в Нежин слона, на которого Семен Матвеевич водил нас смотреть и заплатил за всех свои деньги»[1].

Позднее, 23 ноября 1826 г., Гоголь писал матери: «К нам приезжал граф, был у нас немалое время[2], много говорил, ничего не сделал и уехал восвояси. Орлай наш успел везде так охулить нашу гимназию, что думаю и он оттого так мало о ней печется. Из Одессы получили на сих днях письмо от Орлая, он и тем заведением не доволен».

[1] *Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 505.

[2] 3 ноября 1826 г. Е. П. Гребенка сообщал родителям: «Наш граф уехал в Петербург...» (*Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 505).

ОКТЯБРЯ 10. ВОСКРЕСЕНЬЕ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Распоряжением исполняющего обязанности попечителя Харьковского учебного округа А. А. Перовского старший профессор математических и естественных наук К. В. Шапалинский назначен исполняющим обязанности директора гимназии[1] (вместо М. В. Билевича)[2].

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 116; см. также: *Михед, Якубина.* С. 315.

[1] См. также ***1826. Октября 28. Четверг. Нежин.***

[2] См. ***1826. Июля 24. Суббота. Нежин.***

ОКТЯБРЯ ОКОЛО 10. ВАСИЛЬЕВКА

Имение Гоголей посещает Д. П. Трощинский. Во время визита, возможно, интересуется сочинениями Гоголя.

См. ***1826. Октября 15. Пятница. Нежин.***

ОКТЯБРЯ 15. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Гоголь сообщает матери, что только что получил от нее письмо с подробным описанием приезда в Васильевку «почетного гостя» Д. П. Трощинского[1]. На просьбу матери прислать Трощинскому свои сочинения, отвечает, что «думал <...> было сперва то сделать, но после рассудил, что, поднесши какую-нибудь эфемерную мелочь», оставит о себе невысокое мнение и мало принесет себе «пользы», а потому решил «лучше приуготовить себя к занятиям гораздо важнейшим и сделать что-нибудь достойное внимания просвещенного вельможи, благодетеля Малороссии».

Увлеченный проектированием архитектурных фасадов[2], предлагает «хороший фасад» для садового домика, предназначенного тетке Марии Ивановны А. М. Лукашевич (рожд. Косяровской)[3].

Интересуется хозяйственными делами: закончен ли дом приказчика; поставлена ли ветряная мельница; «отыскана ли глина, годная для черепицы»[4]. Напоминает, что денег (которые должны были прийти к 1 октября) до сих пор не получил и что 15 декабря ему уже будет можно ехать домой на каникулы. Еще раз[5] просит прислать ему адрес сестры Марии; передает поклон В. П. Косяровской. Прилагает к письму «картинку нынешних мод».

[1] См. ***1826. Октября около 10. Васильевка.***
[2] См. также ***1826. Августа 20. Пятница. Нежин***; ***1826. Сентября 10. Пятница. Нежин.***
[3] Переехала в Васильевку после 1833 г. (см. ***1835. Мая около 17 – июнь; июля начало – августа около 11. Васильевка***).
[4] См. ***1826. Августа 20. Пятница. Нежин.***
[5] См. ***1826. Сентября 30. Четверг. Нежин.***

ОКТЯБРЯ ОКОЛО 20. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет отдельного издания второй главы «романа в стихах» «Евгений Онегин» А. С. Пушкина.

Цявловский, Тархова. С. 651.

ОКТЯБРЯ 24. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Почетный попечитель граф А. Г. Кушелев-Безбородко утверждает решение конференции Гимназии о награждении П. Г. Редкина золотой медалью, а П. А. Баранова и В. И. Любича-Романовича – серебряной, и дает разрешение на выдачу свидетельства об учебе пансионеру А. С. Шрамченко[1].

В тот же день надзиратель Е. И. Зельднер доложил инспектору гимназии Н. Г. Белоусову, что «он обнаружил у воспитанников большое количество книг и рукописей, “несообразных с целью нравственного воспитания”»[2].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 117.
[2] *Машинский 1959.* С. 62; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 120.

ОКТЯБРЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Инспектор пансиона младший профессор политических наук Н. Г. Белоусов по докладу надзирателя Е. И. Зельднера[1] доносит в конференцию, что «некоторые воспитанники пансиона, скрываясь от начальства, пишут стихи[2], не показывающие чистой нравственности, и читают их между собою, читают книги, неприличные для их возраста, держат у себя сочинения Александра Пушкина[3] и других подобных»[4].

[1] См. ***1826. Октября 24. Воскресенье. Нежин.***
[2] См. ***1826. Января конец. Нежин.***
[3] См. ***1826. Ноября 14. Воскресенье. Нежин.*** – См. также ***1826. Ноября 27. Суббота. Нежин.***
[4] *Лавровский 1879.* С. 149.

ОКТЯБРЯ 26. ВТОРНИК. НЕЖИН

По докладам надзирателя Е. И. Зельднера и инспектора Н. Г. Белоусова[1] почетный попечитель гимназии граф А. Г. Кушелев-Безбородко отдает правлению гимназии распоряжение отчислить учеников Н. Я. Прокоповича, А. С. Данилевского[2] и П. И. Мартоса (все – школьные товарищи Гоголя) за то, что они «читают неприличные возрасту книги и пишут стихи, не показывающие чистой нравственности». Предписывается также иметь строжайший надзор за воспитанниками[3].

О событиях в Нежине граф А. Г. Кушелев-Безбородко в ноябре 1826 г. поставил в известность министра народного просвещения А. С. Шишкова[4].

Распоряжение графа об отчислении Прокоповича, Данилевского и Мартоса явилось одним из предвестий так называемого «дела о вольнодумстве», начало к возбуждению которого в стенах Нежинской гимназии было положено профессором М. В. Билевичем в июле 1826 г.[5], а именно, вскоре после того, как летом этого года в печати были опубликованы материалы следственной комиссии по делу о декабристах[6].

Н. Я. Прокоповичу, вследствие ходатайства отца – предводителя нежинского дворянства Я. С. Прокоповича – удалось остаться в гимназии, он окончил ее в 1829 г.; впоследствии в Петербурге Прокопович сблизился с П. В. Анненковым[7] (которого ввел в кружок Гоголя), а через Анненкова – с В. Г. Белинским[8].

П. И. Мартос в 1827 г. оставил гимназию и вынужден был определиться в уланский полк[9]. Как можно судить из его воспоминаний о Гоголе, Мартос, подобно Белинскому, также неодобрительно воспринял выход в свет книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847)[10].

А. С. Данилевский оставил учебное заведение в конце 1826 г.[11], поступил в Московский университетский пансион, но в августе 1827 г., благодаря хлопотам родных, был вновь принят в Нежинскую гимназию[12].

А. И. Михайловский-Данилевский в своих записках замечал по поводу восстания 14 декабря 1825 г.: «Счастливыми бы мы себя должны были почесть, если бы с открытием сих бунтовщиков <...> уничтожено было зло или язва, наводнившая святую Русь, но она пустила корни свои в потомство, теперь в разных училищах воспитывающееся или отчасти из оных вышедшее. Я не говорю уже о петербургских заведениях, из коих, как например, из Царскосельского лицея, вышел

Кюхельбекер, участвовавший в бунте, а кто еще хуже — Пушкин[13], мерзкими, развратительными, но вместе щегольскими стихами осмеивающий императора Александра, правительство и основания, на которых опочиет величество России. Стихи сии в устах, а следственно и в сердцах мальчиков, находящихся в различных учебных заведениях. Меня уверяли, что воспитанники лицея князя Безбородко, который в Нежине, и где воспитываются большею частью малороссияне и дети чиновников Донского казачьего войска, будучи нынешним летом во время каникул[14] у своих родителей, привезли из Нежина целые тетради ругательных стихов Пушкина, ими наизусть выученных»[15].

[1] См. ***1826. 1826. Октября 24. Воскресенье. Нежин***; ***1826. Октября 25. Понедельник. Нежин.*** — С. И. Машинский ошибочно утверждал, что в своем распоряжении попечитель опирался на «слухи»: «...В <...> 1826 году <...> за пределы гимназии стали просачиваться слухи о том, что воспитанники читают какие-то крамольные книги и "пишут вздорные стихи". Эти слухи дошли до почетного попечителя гимназии Кушелева-Безбородко. 26 октября 1826 года он прислал <?> в правление гимназии гневное предписание, согласно которому подлежали немедленному изгнанию из гимназии ученики Прокопович, Даналевский и Мартос. ..» (*Машинский 1959*. С. 68).

[2] См. также ***1821. Декабря 20. Вторник. Нежин.***

[3] *Машинский 1959*. С. 68–69; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 117.

[4] См. ***1826. Ноябрь***.

[5] См. ***1826. Июля 24. Суббота. Нежин.***

[6] См. ***1826. Июня 29. Нежин***; ***1826. Июля 24. Нежин***

[7] Павел Васильевич Анненков (1813–1887), впоследствии литературный критик и мемуарист, составитель первого научного издания сочинений А. С. Пушкина (1855–1857), автор многочисленных воспоминаний.

[8] См. ***1829. Декабря 1. Санкт-Петербург.***

[9] 13 октября 1836 г. Мартос написал А. С. Пушкину письмо из Одессы, которое просил напечатать в издававшемся поэтом журнале «Современник». В письме Мартос возражал на опубликованное в третьем томе «Современника» 1836 г. пушкинское «Письмо к издателю» (якобы присланное из Твери неким А. Б.) (см. ***1836. Октября 13 <25>. Вторник. Одесса***). В этом письме Пушкин подверг критике «обвинения» «касательно г. Сенковского» в статье Гоголя «О движении журнальной литературы, в 1834 и 1835 году», опубликованной незадолго перед тем в первом томе «Современника». Анонимное «Письмо...» Пушкин сопроводил примечанием от своего имени, что статья «О движении журнальной литературы...» «не есть и не могла быть программою "Современника"» (*Свод*. Т. 1. С. 715). Откликаясь на эту публикацию, Мартос писал: «Мне кажется, г. А. Б. взял на себя напрасный труд: защищать Биб<лиотеку> для Чте<ния> <...> обвинения статьи № 1 Современника совсем не так маловажны, как это кажется г. А. Б.» (*Пушкин <А. С.>*. Полн. собр. соч. <В 16 т.> <М.; Л.:> Изд. АН СССР. 1949. Т. 16. С. 166). — См. также ***1836. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Санкт-Петербург***. — В 1837 г. Мартос вышел в отставку и поселился в своей деревне в Полтавской губернии.

[10] См. ***Около 1824 года. Нежин*** (примечания).

[11] См. ***1826. Декабря вторая половина. Нежин.***

[12] См. ***1827. Августа 29. Понедельник. Нежин.***

[13] См. также ***1826. Января 13. Среда.***

[14] См. ***1826. Июль. Нежин.***

[15] Вступление на престол императора Николая I в записках ген<ерал>-лейт<енанта> <А. И.> Михайловского-Данилевского. 1826 год / Сообщ. Н. К. Шильдер // Русская Старина. 1890. Ноябрь. С. 508–509; см. также: *Цявловский, Тархова*. С. 614.

ОКТЯБРЯ 26–28. ВТОРНИК-ЧЕТВЕРГ. КИБИНЦЫ

Празднование именин Д. П. Трощинского (28 октября — память святителя Димитрия, митрополита Ростовского). В числе гостей М. И. Гоголь-Яновская[1]. Вероятно, к именинам Трощинского в Кибинцы пришло поздравление от ее сына из Нежина[2].

27 октября 1826 г. Трощинский сообщал Л. И. Голенищеву-Кутузову: «Принимаясь за перо, едва надеюсь начертать вам, дражайший друг, несколько только строк без помехи, которую всечасно делает мне многолюдное общество, наполняющее каждый уголок сельского жилища моего. Не взирая ни на дурную погоду, ни на грязные дороги, съехалось ко мне гостей великое множество,

не только из Полтавской губернии, но из Черниговской и Киевской. Вместо удовольствия видеть у себя такое стечение, я подумал, что сие произошло от предчувствия, что, может быть, празднуют они у меня в последний уже раз. При всем том было весело. Число особ, сидевших за столом, сравнялось точно с числом выстрелов, какое обыкновенно производится в торжественные дни, и именно 101. Вместо пушек, которых я лишился в 812-м, пожертвовав их на ополчение, палили из покалов, и правду сказать, запасы погреба моего в один сей день довольно истощились. Что-то еще будет завтра?»[3]

Один из гостей Д. П. Трощинского, некто Антон К–ский, вероятно, в 1826 г., сообщал: «Приближается 26-е число октября – день рождения и именин его высокопревосходительства <...>; уже вижу большие приготовления: там суетятся учтивые дворецкие, чтобы заготовить квартиры для больших баров; здесь толпа избалованных официалистов чистят люстры, кадделабры, фонари, и бег часов сокращают смешными разговорами; тут зрятся, в облаках пыли, подобно привидениям, длинные лакеи, которых вся работа состоит в том, чтоб чистить пол щетками; далее отдается звук пробной музыки, чтоб лучше приготовиться к танцам.

К вечеру общество стало многочисленнее и вся гостинная занята была особами разного рода... Все флигеля и даже многие крестьянские хаты были заняты, или приготовлены для гостей.

На другой день прежде восхода солнца я уже был одет. Спешу во дворец к его превосходительству, ибо стук экипажей и ржание лошадей возвестили, что первоклассная знать приехала. Дошедши до огромнго крыльца, едва мог протиснуться сквозь толпу обшитых галунами лакеев; скидываю галоши и смиренно вхожу в лакейскую. Сапожный гром спесивых модников и брякание шпор наряженных в парадные мундиры военных кукол, почти оглушили меня. Пройдя наполненную уже залу, взошел наконец в великолепную, увешанную дорогими картинами и уставленную золоченой, покрытой малиновым штофом мебелью, гостиную...

Спустя несколько времени, Дмитрий Прокофьевич вышел и принял поздравления от всех; затем все гости пошли в придворную церковь[4] и, выслушав литургию и трогательную речь преосвященного пастыря[5], возвратились обратно в гостинную; иные из них прохаживались в портретной, другие в бильярдной, а прочие, развалившись спесиво в креслах, с нетерпением ожидали обеда.

Но вот, избалованный камердинер доложил, что стол накрыт. Первостепенные дамы шли с лучшими кавалерами, попарно; обед был роскошный, шампанское лилось рекою, венгерское наполняло длинные бокалы, янтарный виноград таял во рту и услаждал вкус; одних варениев было 30 сортов; во время обеда, певчие пели концерты.

Когда подали шампанское, то князь Николай Григорьевич Репнин встал, с бокалом в руках, и сказал громким голосом: “Господа, выпьемте за здоровье почтенного мужа, который оказал много пользы нашему отечеству!” Вслед за ним все встали и с заметную радостию на лицах все пили за здоровье именинника.

Обед, начавшийся в 4-м часу, окончился в 6-ть. Все гости разошлись, или лучше сказать, разбрелись лениво по комнатам, а дамы пошли переодеваться.

Наступил вечер; все комнаты освещены великолепными люстрами, оркестр помещается на хорах. Князь Репнин открыл бал польским, с молоденькью и прелестною генеральшеею Трощинскою[6], которая была одета в белом креповом платье с цветами. За польским наступил вальс, экосез и другие танцы, продолжавшиеся до 4-х часов утра. Княгиня <княжна> Хилкова много танцевала с молодым полковником, бароном Сакеном[7]; также отличались: генерал Бехлер, генерал Ушаков, граф Бутурлин, но лучше всех Бибиков. Всех гостей было 110 душ, а лошадей, которые все были на господском корме, было более 200. На третий день все разъехались, кроме самых близких друзей, оставшихся на более продолжительное время»[8].

Дочь В. В. Капниста С. В. Скалон вспоминала: «Дмитрий Прокофьевич Трощинский часто проживал у нас по целым месяцам и любил нас всех, истинно, как близких родных, распоряжался в доме нашем иногда совершенно как у себя, что доказывало искреннюю дружбу его к нам. <...>

Дом его, в Кибинцах, деревянный, в два этажа, снаружи не казался великолепным, но внутри был отлично и богато отделан множеством картин, фарфора, бронзы и мрамора.

Мы обыкновенно у него проживали по нескольку недель. Главный праздник был 26 октября, в день его именин. К этому времени съезжались к нему знакомые, родные, друзья с разных губерний и в особенности из Киевской. Театр, живые картины, маскарад и другие разные сюрпризы были приготовлены заранее к этому дню зятем его, князем Хилковым, и дочерью, которая была так хороша, так мила и привлекательна, что сводила с ума всех молодых людей, а женщины все искренно ее любили. Муж ее тоже был очень красивый, любезный и образованный молодой человек, любил очень тестя своего, стараясь всегда угождать и забавлять его, чем только мог. <...>

Ко дню именин Д<митрия> П<рокофьевича> иногда являлась какая-нибудь бедная старушка, родственница его, в платочке на голове и в простом ситцевом платье. Как ласково он ее принимал и, усадив подле себя, угощал за обедом!»[9]

[1] См. ***1826. Ноября 13. Васильевка.***

[2] См. ***1826. Сентября 10. Пятница. Нежин.***

[3] *РНБ*. Ф. 791. Ед. хр. 29. Л. 35–35 об.

[4] Домовая церковь в Кибинцах была освящена, вследствие настойчивых ходатайств Д. П. Трощинского, после 1822 г. 20 декабря 1822 г. он, в частности, писал Л. И. Голенищеву-Кутузову: «...С Божией помощию Церковь моя готова, и я ее вседневно посещаю, приспособляя все, что может служить к вящему ее украшению и благолепию. А что в ней, может быть, никогда не будет служения, это останется не на моей уже совести» (*РНБ*. Ф. 791. Ед. хр. 25. Л. 96).

[5] Вероятно, имеется в виду преосвященный Георгий (Ящуржинский), епископ Полтавский в 1824–1830 гг.

[6] О. Д. Трощинская, жена А. А. Трощинского.

[7] С. К. Остен-Сакен, будущий муж (с 1827 г.) княжны П. И. Хилковой.

[8] *Ореус*. С. 659–661.

[9] *Свод*. Т. 2. С. 484.

ОКТЯБРЯ 28. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

В связи с получением копии указа Сената об увольнении И. С. Орлая с должности директора и определении его в Ришельевский лицей и распоряжением исполняющего обязанности попечителя Харьковского учебного округа А. А. Перовского старший профессор математических и естественных наук К. В. Шапалинский приступает к исполнению обязанностей директора гимназии.

Редкин П. К. В. Шапалинский // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 318; *Машинский 1959*. С. 47; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 118.

ОКТЯБРЯ 31. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ЧЕРНИГОВ

Почетный попечитель гимназии граф А. Г. Кушелев-Безбородко отдает распоряжение произвести «строжайшее исследование, откуда ученики достают непозволительные сочинения»[1]; профессорам и учителям предписано просматривать литературу и строго следить за тем, какие книги читают воспитанники[2].

[1] *Лавровский 1879*. С. 149.

[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 118.

АВГУСТА ПОСЛЕ 16 – НОЯБРЯ НАЧАЛО. НЕЖИН

Предположительно в этот период Гоголь сочиняет песенную эпиграмму на надзирателя Е. И. Зельднера.

20 ноября и 6 декабря 1826 г. за распевание «песенки» «против надзирателя Зельднера» был дважды наказан друг Гоголя А. С. Данилевский[1].

В. К. Пашков, со слов Т. Г. Пащенко, в 1880 г. сообщал: «Гимназия высших наук князя Безбородко разделялась на три музея, или отделения, в которые входили и выходили мы попарно; так водили нас и на прогулки. В каждом музее был свой надзиратель. В третьем музее надзиратель был немец, З<ельднер>, безобразный, неуклюжий и антипатичный донельзя: высокий, сухопарый, с длинными, тонкими и кривыми ногами, почти без икр; лицо его как-то уродливо выдавалось вперед и сильно смахивало на свиное рыло... длинные руки болтались как будто привязанные; сутуловатый, с глуповатым выражением бесцветных и безжизненных глаз и с какою-то странною прическою волос. Зато же длинными кривушами своими З<ельднер> делал такие гигантские шаги, что мы и не рады были им. Чуть что — он и здесь: раз, два, три, и З<ельднер> от передней пары уже у задней; ну просто не дает нам хода. Вот задумал Гоголь умерить чрезмерную прыткость этого цыбатого (длинноногого) немца и сочинил на З<ельднера> следующее четырехстишие:

Гицель[2] — морда поросяча,
Журавлини ножки;
Той же чортик, що в болоти,
Тильно приставь рожки!

Идем, З<ельднер> впереди; вдруг задние пары запоют эти стихи — шагнет он, и уже здесь. “Хто шмела петь, што пела?” Молчание, и глазом никто не моргнет. Там запоют передние пары — шагает З<ельднер> туда — и там тоже; мы вновь затянем — он опять к нам, и снова без ответа. Потешаемся, пока З<ельднер> шагать перестанет, идет уже молча и только оглядывается и грозит пальцем. Иной раз не выдержим и грохнем со смеху. Сходило хорошо. Такая потеха доставляла Гоголю и всем нам большое удовольствие и поумерила гигантские шаги З<ельднера>»[3].

Приписываемая Гоголю эпиграмма на Зельднера напоминает изображение беса в переводной балладе П. П. Гулака-Артемовского «Твардовский»:

...Нимець
Стоить серед хаты!
Нис карлючка, рот свынячый,
Гыря вся в щетыни;
Нижкы курячи, собачый
Хвист, рижкы цапыни!
Дрыг ногою!.. круть рижками!..
В пояс поклонывся...[4]

По наблюдению П. Филипповича[5], образ нечистого из баллады «Твардовский» отразился в изображении беса в повести Гоголя «Ночь перед Рождеством» (1832): «Спереди совершенно немец: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая всё, что ни попадалось, мордочка, оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пятачком, ноги были так тонки, что если бы такие имел ересковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий...»

В мае-июне 1821 г. Гоголь жил в Нежине на квартире у Зельднера[6]; последний в 1821–1822 гг. переписывался с отцом Гоголя Василием Афанасьевичем[7]. Согласно сохранившимся листам из журнала классных надзирателей от 10–22 декабря 1821 г., Зельднер (как и другие надзиратели пансиона — К. С. Павлов, Авг. И. Аман) часто наказывал Гоголя, оставляя его «без чаю»: «Н. Яновский за то, что он занимался во время клас<с>а Священника с игрушками, был без чаю»[8]. Уважением гимназистов Зельднер не пользовался. Данилевский, вспоминая о поездке вместе с Гоголем домой на каникулы летом 1823 г., сообщал, что они постарались избавиться от Зельднера как попутчика при самом отправлении из Нежина[9]. Особенно

неприязненные отношения сложились у Зельднера с учеником И. Н. Кобеляцким. 1 октября 1824 г. Кобеляцкий «ударил швейцара, который прогонял расположившихся на ступенях Гимназии торговцев. В ответ на угрозу Е. И. Зельднера сообщить об этом директору, пансионер "в присутствии всех учеников и лакеев" выругал его "самым неблагопристойнейшим образом" и сказал, что приказы надзирателя "не уважает"»[10]. На следующий день, 2 октября 1824 г. Зельднер подал инспектору пансиона К. А. Моисееву рапорт «о недостойном поведении гимназиста И. Кобеляцкого, оказывающего плохое влияние на других учеников»[11]. В 1825 г. Зельднер в поданном им директору гимназии рапорте вновь жаловался, что ученик Кобеляцкий, в ответ на сделанное ему замечание, «начал хлестать его, Зельднера, по ногам хлыстиком, а когда Зельднер закричал: "что ты делаешь, негодяй?!", то он стал хлестать его и по голове, а когда Зельднер стал убегать от него, он гнался за ним»[12].

В конце октября 1826 г. Зельднер доложил инспектору пансиона Н. Г. Белоусову, что «он обнаружил у воспитанников большое количество книг и рукописей, "несообразных с целью нравственного воспитания"»[13].

[1] ***1826. Ноября 20. Суббота. Нежин***; ***1826. Декабря 6. Понедельник. Нежин***.

[2] Собачник, шкуродер (*укр.*).

[3] *Пашков В. К.* Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя <Т. Г. Пащенко> // *Свод.* Т. 1. С. 592.

[4] <*Гулак-Артемовский П. П.*> *Г.* Твардовский. Малороссийская баллада // Вестник Европы, составляемый Михаилом Каченовским. 1827. Март. № 6 (цензурное разрешение 19 марта). С. 123; см. также: Твардовский // Малороссийские песни, изданные М. Максимовичем. М., 1827 (цензурное разрешение 27 апр.). Кн. 1–4. <Отд. 3>. С. 3; Твардовский. Малороссийская Баллада // Славянин. 1827. № 27 (цензурное разрешение 2 июля). С. 29.

[5] См.: *Филипович П.* Українська стихія в творчості Гоголя. (Slavistica. Праці інституту слов'янознавства Української вільної академії наук. За редакцією Я. Б. Рудницького. Ч. 13.) Вінніпеґ. 1952. С. 19–20.

[6] См. ***1821. Мая 1. Воскресенье. Нежин***.

[7] См. ***1821. Июля конец – августа начало***; ***1821. Августа не позднее 12. Нежин***; ***1821. Августа 12. Пятница. Нежин***; ***1821. Августа 13. Суббота. Нежин***; ***1821. Августа 14. Воскресенье. Нежин***; ***1821. Августа 31. Среда. Нежин***; ***1821. Августа вторая половина. Нежин***; ***1821. Сентября 1. Четверг. Нежин***; ***1821. Октября 14. Пятница***; ***1821. Октября 22. Суббота. Нежин***; ***1822. Ноября 5. Воскресенье. Нежин***; ***1822. Ноября 8. Среда. Нежин***.

[8] См. ***1821. Декабря 20. Вторник. Нежин***. – См. также ***1821. Августа 12. Пятница. Нежин***.

[9] См. ***1823. Июль. Васильевка, Ярески, Кибинцы***.

[10] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 70.

[11] Там же. С. 71.

[12] *Сребницкий 1902.* С. 306–308.

[13] См. ***1826. Октября около 24. Нежин***.

НОЯБРЯ 3. СРЕДА. НЕЖИН

Е. П. Гребенка сообщает родным:

«Если даст Бог мне увидеться с Вами, то я также похвастаюсь стихами, за которые получаю от профессора похвалы. "Переяславль" и баснь "Мышь" я переделал другим образом и до сих пор еще сочинил: 1. "Осень"; 2. "Отзыв русского воина к товарищам его молодости"; 3. "Буря"; 4. "Пленник", песня; 5. "Вишня", баснь; 6. "Совет русскому гражданину"; 7. "Лилия"; 8. "Ручей" (аполог); 9. "Соловей"; 10. "Радость Мазепы, когда он узнал о смерти Кочубея". Все сии стихи я надеюсь представить вам при первом свидании»[1].

К 1827 г. относится также единственная в творческом наследии Гребенки пьеса «В чужие сани не садись»[2].

[1] *Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 507.

[2] Подробнее см.: *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 88–92.

НОЯБРЯ 7. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

На общем собрании чиновников и выпускников ученики А. П. Власенко (9 класс), А. А. Божко (8 класс), К. М. Базили (7 класс) по решению Конференции Гимназии (от 6 ноября 1826 г.) собственноручно вписывают свои имена в только что учрежденную в гимназии «Книгу чести» («Liber Honoris»).

На этом же собрании оглашается распоряжение Конференции (от 6 ноября), запрещающее воспитанникам читать какие бы то ни было книги, кроме учебных, и приказ составить «списки всех имеющихся у них собственных или занятых книг».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 118–119; *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 23–24.

НОЯБРЯ 13. СУББОТА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская сообщает двоюродному брату Петру П. Косяровскому:

«Я к вам писала[1], что жду Ми<трия> Про<кофиевича>; он у нас был, и чрезвычайно был доволен моим угощением; княжна[2] не была по причине приезду к ней отца ее[3], которого Дмитрий Прокофиевич простил и они оставались в Ересках. Выпроводя их, ездила я с Варинькой[4] к Катиньке[5], а там должна была ехать на именины[6] к благодетелю моему, тем более, что он был у меня, где провела время очень скучно. Оттуда ездила к тетиньке Агафии Матвеевне[7], и 5 дней как приехала в мирное убежище мое, где нашла в отсутствие мое все хозяйство свое совершенно рас<с>троенным, приказчик начал плутовать и безбожно красть[8], так что теперь мне нельзя иметь ни дня, ни ночи покою, покуда хотя немного приведу в порядок экономические дела. <...> ...Напишите мне хотя одно слово, что вы здоровы, <...> когда же вы ленитесь, то скажите брату Павлу Петровичу написать о себе...»

Свод. Т. 1. С. 92–93.

[1] См. ***1826. Сентября 5. Васильевка.***
[2] П. И. Хилкова (в замужестве баронесса Остен-Сакен).
[3] Князь Иван Хилков.
[4] Варвара Петровна Косяровская (в замужестве Березина).
[5] Е. И. Ходаревская (рожд. Косяровская), сестра М. И. Гоголь.
[6] См. ***1826. Октября 26–28. Вторник-четверг. Кибинцы.***
[7] Лукашевич (рожд. Косяновская).
[8] См. ***Около 1820, не позднее августа. Васильевка.***

НОЯБРЯ 14. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

В дополнение к своему рапорту от 25 октября 1826 г.[1] инспектор Н. Г. Белоусов прилагает «отнятый у пансионера Гребенкина» (надзирателем Е. И. Зельднером)[2] «отрывок рукописной оды Пушкина “на свободу”»[3] («Вольность»).

[1] См. ***1826. Октября 25. Понедельник. Нежин.***
[2] См. ***1826. Января конец. Нежин*** (примечния).
[3] *Лавровский 1879.* С. 149. – «Отнятый у Гребенки текст стихотворения хранится в материалах Адеркаса» (*Машинский 1959.* С. 172).

НОЯБРЯ 16. ВТОРНИК. НЕЖИН

Гоголь сообщает матери, что только что получил ее письмо:

«Досадно мне было, что не получал долго так денег, большую нужду терпел я в них, но теперь дело объяснилось: вы поручили его г. Тише<в>скому, так оно и теперь лежит в Полтаве».

Просит доставить ему легкую бричку А. А. Трощинского и зимний тулуп к 16 декабря 1826 г., а также прислать ему денег по почте: на фрак и панталоны («до ста рублей») и на «зимнее платье» (которого он «до сих пор» не имел).

На вопрос о новом директоре гимназии отвечает:

«...Директора у нас нет, и желательно, чтобы совсем не было. Пансион наш теперь на самой лучшей степени образования, на степени такой, до какой Орлай никогда не мог достигнуть, и этому всему причина — наш нынешний инспектор <Н. Г. Белоусов>; ему обязаны мы своим счастием; стол, одеяние, внутреннее убранство комнат, заведенный порядок, этого всего вы теперь нигде не сыщете, как только в нашем заведении. Советуйте всем везть сюда детей своих[1]: во всей России они не найдут лучшего. — Должность директора исправляет профессор физики и химии Шапалинский».

Обещает привести несколько своих новых сочинений[2] и картин:

«Сколько везу к вам теперь сочинений, картин; рад буду, сильно рад, когда сделаю вам ими удовольствие».

[1] Ср. ***1827. Апреля 16. Суббота. Нежин*** (примечания).
[2] См. также ***1826. Ноября 23. Вторник. Нежин.***

НОЯБРЯ 20. СУББОТА. НЕЖИН

В рапорте инспектора Н. Г. Белоусова отмечено, что «пансионер Данилевский посажен на последнее место за то, что “пел песенку, давно сочиненную против надзирателя Зельднера”»[1].

Лавровский 1879. С. 149.

[1] См. также ***1826. Августа после 16 — ноября начало. Нежин***; ***1826. Декабря 6. Понедельник. Нежин.***

НОЯБРЯ 23. ВТОРНИК. НЕЖИН

Гоголь в письме к матери напоминает[1] о присылке ему денег и экипажа к 16 или 18 декабря. Сообщает о пребывании графа А. Г. Кушелева-Безбородко в гимназии в октябре 1826 г.[2] и о полученном недавно в гимназии письме И. С. Орлая из Одессы («он и тем заведением[3] не доволен»). Вновь[4] упоминание о своих новых сочинениях:

«Думаю, удивитесь вы успехам моим, которых доказательства лично вручу вам. Сочинений моих вы не узнаете. Новый переворот настигнул их. Род их теперь совершенно особенный. Рад буду, весьма рад, когда принесу вам удовольствие».

[1] См. ***1826. Ноября 16. Вторник. Нежин.***
[2] См. ***1826. Октября 8. Пятница. Нежин.***
[3] Ришельевским лицеем.
[4] См. ***1826. Ноября 16. Вторник. Нежин.***

НОЯБРЯ 27. СУББОТА. НЕЖИН

Инспектор пансиона Н. Г. Белоусов в дополнение к докладу Е. И. Зельднера от 24 октября 1826 г.[1] подает в конференцию рапорт о «непозволительных» книгах, имеющихся у пансионеров, которые, по его словам, и стали причиной тех «шалостей, за которые некоторые из пансионеров вовсе удалены из сего заведения»[2].

[1] См. ***1826. Октября 24. Воскресенье. Нежин.***
[2] *Машинский 1959.* С. 62; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 120.

НОЯБРЬ

Почетный попечитель гимназии граф А. Г. Кушелев-Безбородко сообщает министру народного просвещения А. С. Шишкову о «непозволительных стихах»[1], распространяющихся в гимназии[2].

[1] См. ***1826. Января конец. Нежин; 1826. Октября 26. Вторник. Нежин.***
[2] *Машинский 1959.* С. 69–70.

ДЕКАБРЯ 2. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Инспектор пансиона Н. Г. Белоусов отдает распоряжение подчиненным ему надзирателям, чтобы они не пускали воспитанников ходить на дом к старшему профессору истории К. А. Моисееву.

См. ***1826. Декабря 4. Нежин.***

ДЕКАБРЯ 4. СУББОТА. НЕЖИН

«...Рапорт, от 4 декабря 1826 г., инспектора Белоусова и<сполняющему> д<олжность> директора, Шапалинскому:

"Г. профессор Моисеев, как из словесных своих донесений Вашему Высокоблагородию известно, воспитанникам благородного пансиона, приходящим в его квартиру, говорит с дурной стороны обо мне, о моих распоряжениях по пансиону и о моем характере. Сии же самые воспитанники мне о сем рассказали, а из многих обстоятельств я удостоверился, что он, действительно, обо мне с дурной стороны всегда пред ними отзывается, и хотя я сначала не обращал на сие внимания, извиняя таковые его, Г. Моисеева, поступки тем, что предместник о своем преемнике по должности редко говорит доброе и худыми о нем отзывами часто старается выказать себя, — но поелику вижу, что он не перестает сего делать, то для удержания воспитанников в благонравии и в повиновении себе, равно и во избежание неприличествующих с ними объяснений и возражений против речей Г. Моисеева, я дал 2-го числа сего месяца предписание Г. надзирателям обоих музеев, дабы они ни под каким предлогом не позволяли ходить воспитанникам в квартиру Г. профессора Моисеева, обязав

их к исполнению сего собственноручным подписанием на оном предписании, о чем сим Вашему Высокоблагородию донесть честь имею"».

Сребницкий 1902. С. 309.

ДЕКАБРЯ 6. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Инспектор пансиона Н. Г. Белоусов наказывает пансионеров А. С. Данилевского и П. И. Мартоса за распевание «песенки» «против надзирателя Зельднера».

См. ***1826. Декабря 12. Воскресенье. Нежин***. – См. также ***1826. Августа после 16 – ноября начало. Нежин***; ***1826. Ноября 20. Суббота. Нежин***.

ДЕКАБРЯ 11. СУББОТА. НЕЖИН

Старший профессор «Российских Гражданского и Уголовного Прав, Народного и Государственного Хозяйства и науки Финансов» М. В. Билевич обращается в конференцию гимназии с новым[1] рапортом по поводу преподавательской и, вероятно, инспекторской[2] деятельности «исправляющего должность Профессора Естественного и Римского Права», «секретаря Правления» Н. Г. Белоусова, на что временно исполняющий обязанности директора гимназии старший профессор математики и физики К. В. Шапалинский (один из сторонников Белоусова) публично заявляет: «Я не буду Шапалинский, ежели пущу сие мнение в ход»[3].

В тот же день Белоусов как инспектор пансиона подал в правление гимназии рапорт об изъятии у воспитанников непозволительных книг[4].

Среди рукописей[5], отобранных тогда же у воспитанников, находились, в частности, выписки «Из истории Карла XII Короля Шведского. Г<-на> Вольтера, часть 1»; «Вот что говорит Г. Вольтер о Россиянах до Петра I (3 четверт.)»[6]. – Очевидно, последняя выписка содержала следующее рассуждение Вольтера: «Россияне <...> будучи от природы рабами своих господ <...> утопали в невежестве <...> Строго наблюдали они четыре поста в год – и в это время воздержания не смели питаться молоком и яйцами. Власть патриарха была беспредельна, подобно их невежеству. <...> У них употреблялось исповедание <т. е. исповедь>»[7].

Позднее, в 1847 г., Гоголь писал В. Г. Белинскому: «Опомнитесь! Волтера называ<ете вы> оказавшим услугу Христианству и говорите, что это известно всякому ученику гимназии. Да я, когда был еще в гимназии, я и тогда не восхищался Волтером. У меня и тогда было настолько ума, чтоб видеть в Волтере ловкого остроумца, но далеко не глубокого человека».

О том, что знакомство воспитанников с русской историей через отзывы о России иностранцев практиковалось в Нежинской гимназии, свидетельствует также несколько выписок и материалов Гоголя в начатой им в 1826 г. в Нежине «Книге всякой всячине, или подручной Энциклопедии» – «Нечто о русской старинной масленице»[8] (из отдельного приложения к книге П. Одерборна «Жизнь царя Иоанна Васильевича Грозного»), «Нравы Русских» (Из Флетчера)[9], «О старинных русских свадьбах (Из Флетчера)»[10], «Об одежде и обычаях русских XVII века (Из Мейербер<га>)»[11], «Одежда и обычаи русских (Из Олеария)», «Карта, сделанная Бароном Герберштейном во время пребывания в России».

Н. М. Карамзин писал: «К сожалению, мы худо знаем старинные обычаи; а что и знаем, то по большей части от иностранцев, которые, быв в России, описывали их: например, Герберштейн, Олеарий, Маржерет и другие. Летописцы наши и не подозревали, что должно изображать характер времени в его обыкновениях; не думали, что сии обыкновения меняются, исчезают и делаются любопытным предметом для следующих веков»[12].

[1] См. ***1826. Июля 24. Суббота. Нежин.***

[2] См. также ***1827. Мая 7. Суббота. Нежин.***
[3] *Машинский 1959.* С. 47.
[4] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 121. – См. также ***1826. Октября около 24. Нежин.***
[5] См. ***1826. Января конец. Нежин.***
[6] Дело о нелепых разговорах и песнях учеников Гимназии и о сочинениях, у них отысканных // *РГИА.* Ф. 733. Оп. 69. Ед. хр. 59. Л. 20 об.; *Виноградов 2015.* С. 59; ***Января конец. Нежин*** (примечания).
[7] История Карла XII, Короля Шведского. Творение Г-на *Вольтера.* М., 1803. Ч. 1. С. 86–89.
[8] См. ***1827. Февраля около 23. Москва.***
[9] См. ***1827. Февраля около 23. Москва.*** – См. также ***1849. Декабря 21. Среда. Москва*** (примечания).
[10] См. ***1827. Марта 19. Суббота. Москва.*** – См. также ***1849. Декабря 21. Среда. Москва*** (примечания).
[11] См. ***1828. Февраля 15. Среда. Москва.***
[12] *Карамзин Н. М.* Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице // Вестник Европы. 1802. Ч. 4. № 15. С. 207.

ДЕКАБРЯ 12. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Инспектор пансиона Н. Г. Белоусов в рапорте на имя исполняющего обязанности директора гимназии старшего профессора К. В. Шапалинского сообщает о поведении пансионеров:

«За истекшую неделю воспитанники вели себя очень хорошо, исключая <П. Г.> Бута, <А. С.> Данилевского и <П. И.> Мартоса. Бут замечен в неблагопристойных словах, произносимых им пред товарищами в спальне... <...> Данилевский же и Мартос пели известную, давно сочиненную против надзирателя Зельднера песенку[1], за что оба и были наказаны 6-го декабря».

Сребницкий 1902. С. 353.

[1] См. ***1826. Декабря 6. Понедельник. Нежин.***

ДЕКАБРЯ 16. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

В связи с наступающим Рождеством Христовым гимназистов отпускают на каникулы[1]. Гоголь, не дождавшись экипажа из Васильевки, «нанял жида и в легкой шубке»[2] отправился домой.

[1] 4 декабря 1826 г. Е. П. Гребенка, в частности, писал родителям: «Ежели Вы намерены за мною прислать, то присылайте лошади к 18-му числу, ибо нас 16-го распустят по 7-е января» (*Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 511). – См. также: ***1826. Ноября 23. Вторник. Нежин.***
[2] См. ***1826. Декабря около 21. Васильевка.***

ДЕКАБРЯ 18. СУББОТА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская сообщает двоюродному брату Петру П. Косяровскому:

«...Езжу по хозяйственным [делам] заведениям, и дрожки никогда не откладываются, а только переменяют лошадей; надобно ж смотреть за порядком в доме, за детьми маленькими, и о больших думать, чтобы доставить им все нужное, а сверх того, беспрестанно должна писать к разным особам, о разных хозяйственных предметах, и отвечать добрым приятельницам моим, которые закидывают меня письмами, также из Кибенец почти каждую неделю посланной, а иногда и несколько раз на неделю, когда случаются нужные дела. Еще же я должна хотя в полгода один раз делать контрвизиты моим добрым соседам, которых, благодаря Бога, у меня очень много. У родителей моих каждую

неделю бываю при всех моих хлопотах; теперь рассудите, виновата ли я, что не пишу к вам беспрестанно... <...> Да, я еще одного обстоятельства вам не написала, что я живу 50 верст от почты... <...> Дом мой все в том же положении, каким вы его оставили; нет возможности мне его скоро кончить за трудностию доставать деньги; я только и думаю, как бы выплачивать в казну проценты за заложенное имение, да платить за людей подати и за сими расходами лишаю и себя нужного, не только, чтобы еще оставалось что на дом... <...> Плащаницу[1] вы сами привезете, это будет самое лучшее». Сообщает о том, что видела дочь графини А. В. Браницкой на балу в Киеве во время пребывания там Императора Александра I»[2].

Свод. Т. 1. С. 93–94.

[1] См. ***1826. Июня 26. Васильевка.***
[2] См. ***1816. Сентября 7 – сентября средина. Киев, Белая Церковь, Александрия.***

ДЕКАБРЯ 20. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская в письме к А. А. Трощинскому сообщает:

«...Своих лошадей я посылаю в Нежин, по обещанию моему, за Никошей. В эти праздники он всегда бывает дома. До октября я получала от него по несколько писем в месяцы, и во всех убедительно просит меня прислать за ним, и я решилась ему, также и себе, сделать сие удовольствие, а более для того, чтобы узнать, что с ним делается. Знаю, что не леность и нерадение сему причиною, а разве так сильно углубился в науки, что и не помнит, как пролетел месяц (что с ним случается), или нездоров. Когда же новый директор не позволит ученикам разъезжаться по домам, так, как при старом было, то нужды нет, что лошади мои проездятся даром...»

Свод. Т. 1. С. 83.

ДЕКАБРЯ ОКОЛО 21[1]. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь приезжает домой на Рождественские праздники[2].

М. И. Гоголь 3 апреля 1856 г. сообщала С. Т. Аксакову: «...Лишась моего мужа[3], я носила траур из самого грубого, шерстяного изделия платье, что очень огорчало моего сына: ему казалось, что оно было очень жестко и беспокоило меня, хотя я уверяла его, что совершенно не чувствовала его жесткости. Когда он приехал пред рождественскими праздниками домой из Нежина совсем неожиданный, это было рано поутру, и увидя, что в передней чистили мое одеяние, сказал подать ему ножницы, чтоб изрезать его, прибавя, "тогда маменька наденет и будет носить покойнее платье". Ему начали возражать, прибежавшая туда девушка моя уверяла, что у меня нет другого платья, и мне будет это очень неприятно; я, услыша что-то похожее на шум и оставя писать об нем к нашему благодетелю <Д. П.> Трощинскому, так как время приближалось к его выпуску[4], прибежала туда и чрезвычайно была испуганная, увидя его совершенно замерзшего, посиневшего (тогда была жестокая зима). Меня удивило то, что я отправила к нему в назначенное им самим число теплый экипаж с огромной, теплой шубой, теплым одеялом для ног и на вате шляпой. Он бы никогда не был в таком состоянии, как я его увидела, да и не мог бы так скоро приехать сюда по времени. Когда я спросила, что это значило, то он отвечал, что хотел скорее меня видеть, когда их раньше предположенного сроку отпустили, наняв жида и в легкой шубке прискакал; и вместо радости я напустилась на него, как он поступил так неблагоразумно, подвергая здоровье свое опасности. Надобно было его лечить, чтоб спасти от худых последствий. С каким восхищением он всегда ехал домой. И както, смотря на меня издали и подойдя, сказал мне: "как мы счастливы, что вы еще так молоды и долго проживете с нами". Не знал, мой голубчик, что я еще его переживу, к несчастию моему. День

принялся делать горы для катанья, по вечерам приготовлял марки для бостона, — у нас только для одного стола были, — делая их из картона, и наводил разной краской. И когда где недоставало 4-го, то и он играл. У нас составлялось тогда общество из одних дам и девиц. Он никогда не любил карт, а впоследствии времени и в руки их не брал: всегда писал мне из Нежина, как он веселится, но я знала, что он для того это писал, чтоб и я веселилась, но я была уверена, что он не веселился уже после смерти отца своего. Нежные заботы его обо мне во всю жизнь наполняют всю душу»[5].

[1] См. ***1826. Декабря 16. Четверг. Нежин***; ***1826. Декабря 20. Понедельник. Васильевка.***
[2] См. ***1827. Января 16. Воскресенье. Нежин***; ***1827. Января 18. Вторник. Кибинцы.***
[3] См. ***1825. Марта 31. Вторник Светлой седмицы. Кибинцы.***
[4] См. ***1828. Июня после 28. Нежин.***
[5] Из воспоминаний матери Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 77.

ДЕКАБРЯ 22. СРЕДА. НЕЖИН

Исполняющий обязанности директора гимназии высших наук профессор К. В. Шапалинский и секретарь правления И. Г. Кулжинский в официальном отношении к «коллежской ассесорше» Яновской напоминают, что ее сын, Николай Яновский, до поступления «на содержание казенное», с 1 мая 1821 до 1 июля 1822 г. находился в пансионе гимназии на родительском содержании[1] и просят ее выслать в правление 166 рублей 67 копеек, недоплаченные за содержание сына в мае и июне 1822 г.

Свод. Т. 1. С. 459–460.

[1] См. ***1821. Апреля между 25 и 30. Нежин.***

ДЕКАБРЯ 25. СУББОТА. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

ДЕКАБРЯ 28. ВТОРНИК. НЕЖИН

Исполняющий обязанности директора профессор К. В. Шапалинский, по его позднейшему свидетельству от 29 января 1827 г., получает «позволение высшего начальства» на проведение в гимназии театральных представлений. Об этом позволении начальства устроить в гимназии школьный театр Шапалинский не счел нужным поставить в известность членов конференции.

См. ***1827. Января 29. Нежин.***

ДЕКАБРЯ 29. СРЕДА. ПОЛТАВА

М. И. Гоголь получает на почте посылку от двоюродного брата И. П. Косяровского с несколькими экземплярами поэмы «Нина» (СПб., 1826), один из которых был сопровожден дарственной надписью дяди племяннику — Гоголю.

См. ***1826. Декабря после 29. Васильевка***; ***1827. Января 18. Вторник. Кибинцы.***

1826

ДЕКАБРЯ ПОСЛЕ 29. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь читает поэму своего двоюродного дяди И. П. Косяровского «Нина» (СПб., 1826)[1].

Позднее биограф Гоголя В. А. Чаговец видел в Васильевке два экземпляра поэмы И. П. Косяровского «Нина», на одном из которых была дарственная надпись двоюродному племяннику – Н. В. Гоголю[2].

В поэме, оказавшей определенное влияние на Гоголя[3], был, в частности, описан дом Д. П. Трощинского в Кибинцах, сам бывший министр, а также его внучка – княжна П. И. Хилкова, в которую был влюблен автор поэмы.

[1] См. ***1827. Января 18. Вторник. Кибинцы.***
[2] См.: *Чаговец В. А.* Дополнения и поправки // Памяти Гоголя. Киев, 1902 <вышло в свет в 1903>. Отд. 6. С. 10.
[3] См. ***1827. Января 18. Вторник. Кибинцы*** (примечания).

ДЕКАБРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА[1]. НЕЖИН

А. С. Данилевский оставляет гимназию[2] для продолжения учебы в Московском университетском пансионе[3].

В. И. Шенрок, беседовавший с Данилевским в 1887 г., писал: «В конце 1826 года Гоголю предстояло на непродолжительное время расстаться с Данилевским, оставившим по какому-то случаю гимназию высших наук и перешедшим в московский университетский пансион. <...> А. С. Данилевский сообщил мне на мой вопрос о подробностях: "Из Нежина я вышел в конце 1826 года и был в университетском пансионе в Москве до июня 1827 года; затем вновь поступил в нежинскую гимназию высших наук в конце <29 августа> того же 1827 года"»[4].

Удаление Данилевского из гимназии было связано с его неудовлетворительным поведением[5].

[1] См. ***1826. Декабря 12. Воскресенье. Нежин.***
[2] См. также ***1827. Февраля 28. Нежин.***
[3] См. также ***1827. Августа 29. Нежин.***
[4] Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 501–502. См. также: *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 121.
[5] См. ***1826. Октября 26. Вторник. Чернигов.***

1827

ЯНВАРЯ 1. СУББОТА. ПРАЗДНИК ОБРЕЗАНИЯ ГОСПОДНЯ. МОСКВА

Выход в свет первого номера журнала «Московский Вестник», где напечатано несколько произведений и статей, привлекших внимание Гоголя[1]: *Пушкин А.* Сцена из Трагедии *Борис Годунов.* 1605 год. Ночь. Келья в Чудове Монастыре. Отец Пимен, Григорий спящий[2]; *Шевырев С.* Разговор о возможности найти единый закон для изящного[3]; Известие о новой методе Стенографии <Эрдмана>[4]; и др.

Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 1 (цензурное разрешение 7 дек. 1826). № 1. С. 3–10; 32–51, 72–75.

[1] 10 марта 1835 г. Гоголь писал С. П. Шевыреву: «Я вас [любил] люблю почти десять лет, с того времени, когда вы стали издавать Московский вестник, который я начал читать, будучи еще в школе, и ваши мысли подымали из глубины души моей многое, которое еще доныне не совершенно развернулось». — См. также ***1827. Января 15. Суббота. Москва; 1827. Января конец — февраля начало. Москва; 1827. Февраля около 23. Москва; 1827. Марта 19. Суббота. Москва; 1827. Апреля начало. Москва; 1827. Апреля 23. Суббота. Москва; 1827. Мая 25. Среда. Москва; 1827. Июня средина. Москва; 1827. Июля конец. Москва; 1827. Сентября 13–14. Вторник-среда. Москва; 1827. Сентября конец. Москва; 1827. Октября 29. Суббота. Москва; 1827. Декабря 10. Суббота. Москва; 1827. Декабря конец. Москва; 1828. Января 15–18. Воскресенье-среда. Москва; 1828. Февраля 2–3. Четверг. Праздник Сретения Господня — пятница. Москва; 1828. Февраля 15. Среда. Москва; 1828. Марта 1. Четверг. Москва; 1828. Марта 24. Великая суббота. Москва; 1828. Мая 19. Суббота. Москва; 1828. Сентября 22. Суббота. Москва; 1847. Июня 20 <8>. Воскресенье. Франкфурт-на-Майне*** (письмо к А. О. Смирновой).

[2] Позднее, в конце 1830 или начале 1831 г., вскоре после выхода в свет отдельного издания «Бориса Годунова» А. С. Пушкина, Гоголем была написана восторженная статья с одноименным названием. См. ***Декабря конец, 1830 — январь 1831. Санкт-Петербург***.

[3] В «Разговоре о возможности найти единый закон для изящного» Шевырев называл целью искусства «примирение» человека с окружающим миром, а также говорил о присутствии в произведениях природы и искусства глубокой мысли. В уста одного из героев он вкладывал следующую реплику: «Я отрекаюсь от мертвых правил, когда вижу перед собою живое искусство — и в эту минуту я сжег бы с досады все Эстетики», — на что другой герой возражает: «Ищи другого закона красоте; может быть он сокрыт глубоко... <...> ...Во всех разнообразных видах изящного должна быть единая сущность, единый закон, который, действуя различными путями, приводит нас к единому всеобъемлющему чувству — к согласию с самими собою и со всем миром нас окружающим. <...> ...Сие чувство примиряет нас со всем миром: вот торжество красоты!» (Московский Вестник. 1827. Ч. 1. С. 35–36, 41, 44–45).

Позднее Гоголь неоднократно выступал против представления о бессознательности художественного творчества (теория, на которой настаивал В. Г. Белинский) и говорил об искусстве как средстве «примирения с жизнью». Эту мысль он повторял в «Театральном разъезде после представления новой комедии» (1836–1842), в неотправленном письме к Белинскому 1847 г. и в письме к В. А. Жуковскому от 10 января (н. ст.) 1848 г. «Искусство есть примирение с жизнью».

[4] Статья была сопровождена примечанием: «Рисунок приложен будет к следующей книжке» (С. 74). В то время в свою «Книгу всякой всячины...» Гоголь внес заметку «Ключ к Стенографии Эрдмана».

ЯНВАРЯ 1–15.
КИБИНЦЫ

Гоголь с матерью и С. В. Капнист гостит в имении Д. П. Трощинского.

См. ***1827. Января 18. Вторник. Кибинцы.***

НАЧАЛО ГОДА.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ОДЕССА, НЕЖИН, ЧЕРНИГОВ

«Придворный Штат <...> Его Императорского Величества. <...> Медицинские Чиновники: <...> Придворные Докторы:

Иван Семенов<ич> Орлай, Д<ействительный> Ст<атский> Сов<етник>, Энского Физич<еского> Учен<ого> Общ<ества> Почетн<ый> Член и Дирек<тор> Ришельев<ского> Лицея, орд<енов> с<вятой> Анны 2 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> Кав<алер>. <...>

Харьковский Учебный Округ. <...> Гимназия высших наук Князя Безбородко в Нежине[1]. Состоящая в ведении Попечителя Харьковского Учебного Округа <А. А. Перовского>:

Почетный Попечитель: Граф Александр Григорьев<ич> Кушелев-Безбородко, Кол<лежский> <Надворный> Сов<етник>, Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Камерг<ер>, Член Главн<ого> Учил<ищного> Правл<ения>, Докт<ор> Прав, орд<ена> с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<тепени> Кав<алер>.

Директор . . . . .[2]

Учитель Зак<она> Бож<ия> и Нравств<енного> Любомуд<рия> Павел Иванов<ич> Волынский, Протоиер<ей> Нежинск<ого> Собора, им<еет> Камил<авку> и наперс<ный> брон<-зовый> кр<ест> 1812 г.

Старшие Профессоры: Российс<ких> Гражд<анского> и Уголов<ного> Прав, Народ<ного> и Государст<венного> Хозяйст<ва> и науки Финан<сов> Михайло Васильев<ич> Билевич, Над<ворный> Сов<етник>, им<еет> брон<зовую> мед<аль> 1812 г.; Российс<кой> Словесн<ости> и Логики, Над<ворный> Сов<етник> Парфений Иванов<ич> Никольский; Российск<ой> и Всемирн<ой> Истории, Кирил<л> Аврамов<ич> Моисеев, 8-го кл<асса> и орд<ена> с<вятой> Ан<ны> 3 ст<епени> Кав<алер>; Математ<ики> и Физики, Казимир Варфоломеев<ич> Шапалинский, орд<ена> с<вятой> Ан<ны> 3 ст<епени> Кав<алер>, он же Член Правлен<ия>.

Младшие Профессоры: Латин<ской> Словесн<ости>, Семен Матвеев<ич> Андрущенко, орд<ена> с<вятой> Ан<ны> 3 ст<епени> Кав<алер>, он же и учен<ый> Секр<етарь> Конфер<енции>, им<еет> брон<зовую> мед<аль> 1812 г.; Еллино-Греческ<ой> Словесн<ости>, Христофор Николаев<ич> Иеропес; Франц<узской> Словес<ности>, Иван Яковлев<ич> Ландражин; Немецк<ой> Слов<есности> Федор Осипов<ич> Зингер.

Исправл<яющий> должн<ость> Профес<сора> Естествен<ного> и Римск<ого> Права, Николай Григорьев<ич> Белоусов, он же и Секр<етарь> Правлен<ия>.

Естествен<ной> Истор<ии> и Технолог<ии> Никита Федоров<ич> Соловьев.

Военных наук, *вакансия.*

Учители: нисш<их> кл<ассов>: Геогр<афии>, Алексей Минин Самойленко, он же и Кассир; Арифм<етики>, Антон Васильев<ич> Лопушевский; Росс<ийского> яз<ыка>, Константин Андреев<ич> Персидский; Лат<инского> яз<ыка>, Иван Григорьев<ич> Кулжинский; Французск<ого> языка и Чистоп<исания>, Тит<улярный> Сов<етник> Яков Клавдиев<ич> Воаргард; Немецк<ого> языка, *вакансия*; Рисов<ания>, Капитон Степанов<ич> Павлов; Фехтов<ания>, Кол<лежский> Рег<истратор> Осип Демьянович Урсо; Верх<овой> езды, *вакансия*; Священ<ного> Песнопения, музыки и Танцов<ания>, Федор Емельянов<ич> Севрюгин; Библиотекарь, 9 кл<асса> Август Иванов<ич> Аман.

Благородный Пансион: Инспектор, Кирилл Абрамов<ич> Моисеев, он же и Член Хозяйствен<ного> Правления.

Надзиратели: Егор Иванов<ич> Зельднер; Адольф Иванов<ич> Аман, Иван Григорьев<ич> Демиров-Мышковский, Николай Никитич Маслеников, Кол<лежский> Рег<истратор> Семен Иванов<ич> Панновский <Ванновский>.

Лекарь, Над<ворный> Сов<етник> Докт<ор> Медиц<ины> Карл Карлович Фибинг, орд<ена> с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> Кав<алер>, им<еет> сер<ебряную> мед<аль> 1812 г.

Эконом, Тит<улярный> Сов<етник> Афанасий Иванов<ич> Тарновский, им<еет> бронз<овую> мед<аль> 1812 г.

Писцы, Конференции, Петр Иванов<ич> Скороходов; Правления, Петр Юрьев<ич> Артинов. <...>

Одесского Ришельевского Лицея и Одесского Девичьего Народного Училища: <...>

Директор, Д<ействительный> Ст<атский> Сов<етник> Иван Семенов<ич> Орлай, орд<енов> с<вятой> Ан<ны> 2 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> Кав<алер> <...>

Черниговская Губерния. <...> В Генеральном Суде: <...> Во 2 Департ<аменте>:

Судья, Над<ворный> Сов<етник> Данило Емельянов<ич> Ясновский, орд<ена> с<вятого> Владимира 4 ст<епени> Кав<алер>».

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1827. СПб., 1827. Ч. 1. С. 25, 568–569, 589; Ч. 2. С. 360. Данные месяцеслова представляют полную информацию о штатах Гимназии высших наук в Нежине на 1827 г., а также о перемещении ее бывшего директора И. С. Орлая на новую должность.

[1] «Состояние чинов по 23-е Марта 1826» (примеч. в источнике).
[2] Так в источнике. См. ***1826. Октября 10.***

ЯНВАРЯ 15. СУББОТА. МОСКВА

Выход в свет второго номера журнала «Московский Вестник», где опубликованы стихотворения: *Языков Н.* Тригорское. (Послание к А. С. П<ушкину>)[1]; *Веневитинов Д.* Моя молитва[2]; статья: *<Погодин М. П.> М. П.* Исторические Афоризмы и вопросы[3]; несколько стихотворений А. С. Пушкина и др.

Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 1. № 2. С. 83–90, 93, 109–116.

[1] Позднее стихотворение Н. М. Языкова «Тригорское» Гоголь дважды цитировал в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Этому предшествовала просьба Гоголя в письме к Н. М. Языкову от 2 апреля (н. ст.) 1844 г.: «Пришли мне, пожалуйста <...> Оду твою к Давыдову, напечатанную в “Московск<ом> Наблюдателе”, и “Тригорское”. То и другое мне теперь очень нужно для некоторой статьи, уже давно засевшей в голове. Хорошо бы было прислать и весь том твоих сочинений».

[2] Впоследствии, в конце 1840 – начале 1850-х гг., Гоголь внес в «Оглавление» задуманного им сборника избранных стихотворений русской и западноевропейской поэзии (см. ***1851 конец – 1852 начало. Москва***) название стихотворения «Моя молитва» (без указания имени автора). – См. также ***1852. Февраля 21. Четверг второй недели Великого Поста. 7 часов 45 минут. Москва*** (примечания).

[3] Позднее, 1 февраля 1833 г., Гоголь, получив письмо Погодина, спрашивал его: «Как бы мне достать ваших Афоризмов? Меня очень обрадовало, что у вас их целая книга». 11 января 1834 г., он сообщал также Погодину по поводу публикации новых отрывков из его «Исторических афоризмов» в первом номере «Библиотеки для Чтения» (1834. Т. 1 (цензурное разрешение 31 дек.). Отд. 3. С. 101–111): «...Я прочел <...> изо всего № 1-го Брамбеуса (псевдоним О. И. Сенковского, под редакцией которого выходил журнал. – *И. В.*) твои Афоризмы. <...> Я люблю всегда у тебя читать их...» Весной 1836 г., в рецензии «Исторические афоризмы Михаила Погодина...», напечатанной в первом номере журнала «Современник», Гоголь писал о Погодине: «Он первый у нас сказал, что “история должна из всего рода человеческого сотворить одну единицу, одного человека, и представить биографию этого человека чрез все степени его возраста”; что “многочисленные народы, жившие и действовавшие в продолжение тысящелетий, доставят в такую биографию, может быть, по одной черте. Черту сию узнают великие историки”». Цитируемые Гоголем строки, в несколько иной редакции, в 1827 г. *открывали* статью Погодина (см.: *<Погодин М. П.> М. П.* Исторические Афоризмы и вопросы // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 1. № 2. С. 83). Далее в рецензии 1836 г. Гоголь замечал о Погодине: «Он первый говорил о великих писателях, указавших в творениях своих на истинное значение истории. Он переводил из них отрывки для своего журнала...» (имеется в виду журнал «Московский Вестник»).

ЯНВАРЯ 16. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Гоголь прибывает из Кибинец в Нежин.

На следующий день, 17 января 1827 г., Гоголь сообщал Г. И. Высоцкому: «Теперь только приехал я из дому, где был все праздники...»

См. также ***1827. Января 18. Вторник. Кибинцы.***

ЯНВАРЯ 16 – ИЮНЯ ОКОЛО 13[1]. НЕЖИН

Гоголь продолжает обучение в восьмом классе гимназии. Изучает следующие дисциплины: Закон Божий, российскую словесность, всеобщую и русскую историю, математику, физику, естественную историю, латинский, французский и немецкий языки[2], а также римское право[3] (возможно, факультативно) и, возможно, в январе, народное право[4].

[1] См. ***1827. Июня около 13 – июня 24. Нежин.***

[2] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1826/27 уч<ебный> год. Гоголь в 8 классе // *Свод.* Т. 1. С. 463.

[3] Исполняющий должность профессора естественного и римского права Н. Г. Белоусов «в январе <1827 г.> <читал> разделение лиц по римскому праву, о браке, правах и обязанностях родителей относительно к детям и обратно, об усыновлении малолетних и совершеннолетних; в феврале – об опеке и попечительстве у римлян, о вещах вообще и их разделении, о естественных способах приобретения обладания, о давности, дарении, о повинностях, о наследовании по завещанию, об отказах по завещанию (legata) о фидеикоммиссиях; в апреле – о договорах вообще и о контрактах; в мае – о контрактах, совершаемых одним согласием заключающих оные, о безыменных контрактах и обязанностях, основывающихся на предполагаемом согласии; в июне – о способах, коими прекращаются обязанности по контрактам, о преступлениях и наказаниях за оные...» (*Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 г.) // *Свод.* Т. 1. С. 460).

[4] Д. И. Иофанов отмечал, что «в январе 1827 г. <...> в седьмом классе, где обучался Кукольник, и восьмом классе, где учился Гоголь, <...> Белоусов читал <...> народное право» (*Иофанов.* С. 282).

ЯНВАРЯ 17. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Профессор К. В. Шапалинский вручает Гоголю «записку» от Г. И. Высоцкого, с просьбой прислать ему в Петербург аттестат об окончании гимназии.

В ответном письме[1] Гоголь сообщает приятелю о своем возвращении в Нежин, извиняется, что не отвечал на предшествующее письмо (не сохранилось) и замечает:

«С первоначального нашего здесь пребывания, уже мы поняли друг друга, а глупости людские уже рано сроднили нас; вместе мы осмеивали их[2] и вместе обдумывали план будущей нашей жизни. Половина наших дум сбылась: ты уж на месте, уже имеешь сладкую уверенность, что существование твое не ничтожно... <...> Ты живешь уже в Петербурге <...>, а мне еще не ближе полутора года видеть тебя[3], и эти полтора года длятся для меня нескончаемым веком... <...> Пиши мне о своей жизни, о своих занятиях, удовольствиях, знакомствах, службе и обо всем, что только напоминает прелесть жизни петербургской. <...> Я здесь совершенно один: почти все оставили меня; не могу без сожаления и вспомнить о вашем классе[4]. Много и из моих товарищей удалилось. Лукашевич[5] поехал в Одессу, Данилевский тоже выбыл. <...> Здесь он весьма худо вел себя[6]. <...> Писать тебе про пансион? он у нас теперь в самом лучшем, самом благородном состоянии, и всем этим мы одолжены нашему инспектору Белоусову. К масленице затевают театр[7]. Дураки всё так же глупы. Барончик, Доримончик, фон-Фонтик-Купидончик, Мишель Дюсенька, Хопцики[8] здрав и невредим, и час от часу глупеет. <И. Г.> Демиров-Мишковский, Батюшечка[9] и <О. Д.> Урсо кланяются по пояс. Мыгалыч[10] чуть-чуть было не околел. Впрочем всё благополучно. Бодян[11] только просит у тебя на водку. <...> <А. А.> Божко и <Н. Н.> Миллер благодарят, что ты не забыл их».

[1] Получив послание Гоголя, Высоцкий сделал на письме отметку: «Получено от Николая Васильевича Гоголя сие письмо 9 февр<аля> 1827 г. в С. Петербурге».

[2] См., в частности: ***1828. Июня не позднее 23. Нежин.***

[3] «...Высоцкого Гоголь не застал в Петербурге, когда прибыл туда в конце 1828 года...» (Письма *Н. В. Гоголя.* Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 122). Г. И. Высоцкий служил в Департаменте разных податей и сборов с 7 февраля 1827 г. по 19 марта 1828 г., после чего вернулся на родину (*Супронюк О. К.* Из комментариев к письмам Гоголя // Русская литература. 1989. № 1. С. 157). – См. также ***1839. В течение года. Переяславль.***

[4] Класс, с которым окончил гимназию Г. И. Высоцкий, был первым выпуском со времени ее основания. Вместе с Высоцким гимназию закончили П. А. Баранов, Ф. К. Бороздин, В. И. Любич-Романович и Н. Ф. Романович, братья Л. Г. и С. Г. Милорадовичи, И. О. Миницкий, П. Г. Редкин, Г. М. Садовничий и В. В. Тарновский (см. ***1826. Июня 30. Среда. Нежин***).

[5] См. ***1826. Апреля конец. Санкт-Петербург.***

[6] А. С. Данилевский был отчислен из гимназии по распоряжению ее почетного попечителя графа А. Г. Кушелева-Безбородко (см. ***1826. Октября 26. Вторник. Нежин***; ***1826. Конец года (декабря после 12). Нежин***; ***1826. Декабря вторая половина. Нежин***).

[7] Т. е. к 6–12 февраля 1827 г. Школьный театр в гимназии существовал ранее в 1824 г. (см.: ***1824. Января 22. Вторник. Нежин***; ***1824. Февраля 11–16. Понедельник-суббота. Масленица. Нежин***; ***1824. Ноября 4. Санкт-Петербург***). О возобновлении школьного театра в 1827 г. см. также: ***1826. Декабря 28. Нежин***; ***1827. Января 29. Нежин.***

[8] Прозвища, данные Гоголем М. А. фон Риттеру. 26 июня 1827 г. Гоголь писал также о Риттере Г. И. Высоцкому: «Мишель наш, барон Кунжут-фон-Фонтик – радуйся – снова у нас, а мы уже было думали, что он совсем нас оставит. Уже подал было прошение о принятии его в драгунский полк; но благоразумный отец, узнав об этом, отеческою рукою расписал ему задний фасад, в числе 150 ударов, и он, барончик Хопцики, обновленный явился у нас снова, празднуя свое перерождение. <...> Из Нежина к тебе кланяются все, – примечательнее: <...> барон фон-Фонтик, Давинье...»

[9] См. ***1821. Декабря 20. Вторник. Нежин.***

[10] Сторож Гимназии высших наук.

[11] По-видимому, прозвище Кирилла Колбасы, сторожа Нежинской гимназии с апреля 1823 г. (см.: *Супронюк О. К.* Из комментариев к письмам Н. В. Гоголя // Русская литература. 1989. № 1. С. 163).

ЯНВАРЯ 18. ВТОРНИК. КИБИНЦЫ

М. И. Гоголь сообщает двоюродному брату Петру П. Косяровскому:

«Последнее ваше письмо было о книгах, сочинении Ивана Петровича[1], за которыми я посылала бывшего моего приказчика, давши доверенность, но ему не дали посылки. Что не на гербовой бумаге написана была доверенность, посланной мой купил там лист бумаги гербовой и привез мне для подпису, а в то самое время я получила от Андрея Андреевича[2] письмо, в котором он просил меня взять из института сестру Ольги Дмитриевны, для чего, будучи в Полтаве, я сама взяла на почте посылку, и там же распечатавши, разослала куда следует по первой почте, это было 29-го числа декабря, и успела прочесть первое произведение ума, выпущенное в свет, брата нашего; в котором нашла точное описание кибинского дома и княжны[3], и на которое прежде получения слышала критику, обыкновенную участь всех сочинителей.

Никоша мой приезжал к Рождеству Христову домой, а к новому году я с ним и с Соничкой[4] приехала сюда; 15-го сего месяца отправила его в Нежин, пожидаю здесь возврату экипажа, чтобы ехать в милую мою Васильевку, без которой я уже соскучила».

Свод. Т. 1. С. 94–95.

[1] Имеется в виду поэма И. П. Косяровского «Нина» (СПб., 1826). – См. ***1826. Декабря после 29. Васильевка.***

[2] Трощинского.

[3] С «точного описания» дома в имении Д. П. Трощинского Кибинцы начинается поэма И. П. Косяровского: «Поднесь, как сторожа лугов, / Стоят еще, с нашествий Ханов, / Остатки вскопанных валов / И зыбкие ряд курганов. / Близ сих могил, горы крутой, / Река подошву омывает; / Она закрыта осокой, / Стеклом дрожащим отражает / Красивый и огромный дом: / Хлеб-соль, покой, веселье в нем, / Соседей добрых угощают. / По сторонам его сады: / В них гроты, рощи и пруды, / И за рекой в дали высокой, / Навстречу солнечным лучам, / Блестит Главами Божий Храм – / Величественный, одинокой» (Нина. Стихотворная повесть. Соч. *Ивана Косяровского.* СПб., 1826. С. 1–2). Ср. гоголевское описание деревни в поэме «Ганц Кюхельгартен»

(1828): «Вся в золоте сияет колокольня <...> Пленительно оборотилось всё / Вниз головой, в серебряной воде...»

К «точному описанию» дома в Кибинцах относятся и следующие строки поэмы: «Вельможи дом великолепный / Призывной роскошью блистал, / И сам хозяин многолетный / Любил гостей – и угощал. / И часто, средь огромной залы, / За сладкоявственным столом, / Заздравным пенились вином / Пирамидальные покалы» (Там же. С. 15). По-видимому, описание «душистой явствы» в «Ганце Кюхельгартене» в свою очередь могло быть навеяно строками поэмы Косяровского.

В предисловии к поэме, открывающейся посвящением «Двум братьям моим» (т. е. Петру и Павлу Косяровским), автор писал: «Чтоб исполнить желание приятелей моих, я написал сию повесть; но сам много не доволен ею, более потому, что содержание оной может быть занимательно только для коротких моих знакомых... Но это первое произведение пера моего – и я ожидаю снисхождения Вашего, просвещенный Читатель!» (Там же. С. II). Позднее Гоголь в таком же «патриархально-доверительном» тоне напишет свои предисловия к «Ганцу Кюхельгартену», «Арабескам» и второму изданию первого тома «Мертвых душ». С поэмой своего двоюродного дяди Гоголь познакомился в конце декабря 1826 г. (см. ***1826. Декабря после 29. Васильевка***). Свою поэму «Ганц Кюхельгартен» Гоголь датировал следующим, 1827 г.

Кроме дома в Кибинцах, в поэме узнаваем и сам министр Д. П. Трощинский, отправившийся вновь в 1814 г., после продолжительной отставки, на службу в Петербург: «...Он трем Царям служил умом, / А годы старости глубокой / Желал прожить в краю родном... / Но в сердце Русском бьется рвенье: / Свое отечество любя, / Сей старец, не жалев себя, / Оставил вновь уединенье...» (Там же. С. 4). Под именем Нины – семнадцатилетней девушки, лишившейся в детстве отца и матери, богатой невесты, – выведена внучка Трощинского, княжна Прасковья Ивановна Хилкова (дочь единственной побочной дочери Д. П. Трощинского княгини Надежды Дмитриевны Хилковой, ум. в 1817; смерть дочери стала причиной второй отставки Трощинского). П. И. Хилкова приходилась автору поэмы троюродной сестрой: его тетка Анна Матвеевна Трощинская (рожденная Косяровская) была замужем за братом Д. П. Трощинского Андреем Прокофьевичем Трощинским. Автобиографические черты носит образ главного героя, влюбленного в Нину, – юного офицера, служившего на Кавказе в войсках А. П. Ермолова (в первой половине 1820-х гг. там служил сам И. П. Косяровский).

В начале осени 1827 г. княжна П. И. Хилкова вышла замуж за барона Станислава Карловича Остен-Сакена. 31 марта 1827 г. М. И. Гоголь писала Петру П. Косяровскому: «О кибинской свадьбе мы не знаем, когда она назначена, а будучи там, я слышала, что Дмитрий Про<кофиевич> отлагает на осень, но Ольга Дм<итриевна> и все его окружающие хотели его просить, чтобы весной, и после того, как я выехала, то ничего и не слышу об этом, хотя довольно часто получаю письма от Ольги Д<митриевны>, но о сем предмете ничего не упоминает; обращение Сакена с княжной показывает, что они будут непременно друг другу принадлежать, но Д<митрий> Про<кофиевич> никому не говорит о сем и не рекомендует никому женихом своей внучки» (*Свод*. Т. 1. С. 95). Гоголь в письме к матери от 30 августа 1827 г. из Нежина упоминал об этой свадьбе: «Я думаю, вы ездили, или, может быть, поедете в Кибенцы на свадьбу...» В письме к Павлу П. Косяровскому от 13 сентября 1827 г. он также замечал о том, как княжна Хилкова «перерядилась в баронессу». Позднее, в письме из Петербурга от 3 января 1829 г., Гоголь сообщал матери: «Из прочих же, к кому письма имел, нашел одного только Ив. Косяровского, от которого думал выведать несколько сведений насчет житья в Петербурге. Но он хотя живет здесь долго, но столько же знает толку, сколько и всякой провинциал, не понимаю, как они живут здесь, ничего не видя и не слыша». Об отражении этих петербургских впечатлений Гоголя в замысле «Мертвых душ» см.: *Виноградов И. А.* «Дело, взятое из души» // *Гоголь 2009–2010*. Т. 5. С. 566.

[4] Капнист.

ЯНВАРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. НЕЖИН

Гоголь вместе с своими одноклассниками сдает экзамены за первое полугодие восьмого класса и получает следующие оценки по поведению и успехам (по четырехбалльной системе):

– Закон Божий – 4;
– российская словесность – 3;
– всеобщая история – 3;
– русская история – 3;
– математика – 4;
– физика – 4;
– естественная история – 4;
– латинский язык – 2;

— французский язык — 1;
— немецкий язык — 2.
Поведение — 3.
Выводы конференции: по наукам — 3; по языкам — 3; средний балл успеваемости —3.

Лавровский 1879. С. 242; см. также: *Лавровский 1879 (отд. изд.)*. С. 141; Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1826/27 уч<ебный> год. Гоголь в 8 классе // *Свод*. Т. 1. С. 463–464.

ЯНВАРЯ 22. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Д. Е. Ясновский назначается директором Нежинской гимназии[1].

Кулжинский И. Д. Е. Ясновский // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 209.

[1] Вступил в должность только 5 октября (см. ***1827. Октября 5. Нежин***).

ЯНВАРЯ 28. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская посылает в правление гимназии испрашиваемый долг[1] в размере 166 рублей 67 копеек за содержание и обучение сына в мае — июне 1822 г.

Свод. Т. 1. С. 111–112.

[1] См. ***1826. Декабря 22. Нежин.***

ЯНВАРЯ 29. СУББОТА. НЕЖИН

«...29 января 1827 года проф<ессор> Билевич донес конференции, что утром этого дня, услышав стук возле классов, он отправился туда и нашел работающих плотников, а также приготовления к театру[1], кулисы, палатки и возвышенные для сцены полы.

"А так как таковые театральные представления в учебных заведениях, — пишет Билевич, — не могут быть допущены без особого дозволения высшего начальства, то дабы мне, как члену конференции, <...> безвинно не ответствовать за мое о сем молчание перед высшим начальством, <...> прошу увольнить <так> меня по сему предмету от всякой ответственности и, записав мое прошение в журнал конференции, учинить о том надлежащее определение... <...>".

Исправлявший должность директора Шапалинский сделал след<ующую> надпись на этом прошении:

"Так как от 28 декабря истекшего 1826 года последовало на мое имя позволение высшего начальства[2], то сим г. профессору Билевичу и объясняется о бытности сего позволения"»[3].

[1] См. ***1827. Февраля 7–12. Понедельник-суббота. Масленица. Нежин.***
[2] См. ***1826. Декабря 28. Нежин.***
[3] *Лавровский 1879*. С. 158–159; см. также: *Лавровский 1879 (отд. изд.)*. С. 57–58; *Сребницкий 1902*. С. 353–354; *Сребницкий 1902 (отд. изд.)*. С. 65–66; *Свод*. Т. 1. С. 466.

ЯНВАРЯ 30. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Гоголь получает письмо от матери.

См. ***1827. Февраля 1. Вторник. Нежин.***

ЯНВАРЯ 30. ВОСКРЕСЕНЬЕ. КИЕВ

«Тридцатого января 1827 года киевский гражданский губернатор <И. Г. Ковалев> сообщил черниговскому губернатору <П. И. Могилевскому>, что у одного из офицеров слободско-украинских военных поселений обнаружен список стихотворения Рылеева[1]. Следствие установило, что этот список принадлежал студенту Харьковского университета Петру Балабухе, недавно приезжавшему в Киев. Будучи арестован, Балабуха заявил на допросе, что он многим лицам читал стихи Рылеева и дарил с них копии. Среди этих лиц он назвал своего родственника Андрея Божко, воспитанника Нежинской "гимназии высших наук", с которым встречался в Киеве в январе 1827 года. Киевский губернатор просил черниговского взять на учет Андрея Божко, расследовать, кто он таков, и установить, нет ли у него или у кого-либо из других гимназистов "к вольнодумству и даже к возмущению ведущих рукописных стихотворений"»[2].

«Черниговский губернатор отправился в Нежин и занялся тщательным изучением дела. Был вызван на допрос Божко, приходившийся двоюродным братом Белоусову и учившийся в одном классе с Гоголем. Одновременно в квартире Божко был произведен обыск, который, впрочем, ничего не дал. Божко заявил, что стихотворение Рылеева он читал у Петра Балабухи, но никаких копий с него не снимал»[3].

[1] См. также ***1826. Января конец. Нежин.***
[2] *Машинский 1959.* С. 172–173.
[3] *Машинский 1959.* С. 173.

ЯНВАРЯ КОНЕЦ – ФЕВРАЛЯ НАЧАЛО. МОСКВА

Выход в свет третьего номера журнала «Московский Вестник», где напечатана статья В. П. Титова «Несколько мыслей о Зодчестве», привлекшая, по-видимому, внимание Гоголя.

В. П. Титов писал: «Самая потребность, которой Зодчество обязано своими первыми успехами, не есть ли Богослужение – потребность, которой и все изящные искусства при начале своем служат? – ибо всякое искусство воспитано в лоне Религии. <...> Когда я восхищаюсь огромною башнею, ее размеры пленяют меня непосредственно, и возвышают мою душу гораздо прежде, нежели холодный рассудок успеет произнести свой приговор о удобстве или неудобстве ее построения. Итак, если возвышение души есть нравственная цель изящного, то сии размеры сами по себе уже исполнили цель свою, и сами по себе должны служить предметом для Зодчества. <...> ...Наружный образ храмов повсюду носит отпечаток окружающих предметов: в Арабской мечети заметно сходство с кущею, Греческая колонна есть подражание пальме Египетской, наконец, возвышенные, многоверхие, остроконечные здания западной Европы на первый взгляд имеют вид густой, дикой дубравы»[1].

Позднее в статье «Об архитектуре нынешнего времени» (1834) Гоголь замечал: «Башни огромные, колоссальные необходимы в городе, не говоря уже о важности их назначения для христианских церквей. <...> Вообще убирать строения листьями, вьющимися гроздьями винограда или украшениями, носящими неясный образ ветвей дерева, было инстинктом у всех народов. <...> В готической архитектуре более всего заметен отпечаток, хотя неясный, тесно сплетенного леса... <...> И потому смело возле готического строения ставьте греческое, исполненное стройности и простоты: оно будет стоять между ними, как между величественными, прекрасными деревьями».

[1] *Титов.* Несколько мыслей о зодчестве // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 1. № 3. С. 189–191.

ФЕВРАЛЯ 1. ВТОРНИК. НЕЖИН

Гоголь извещает мать, что «третьего дни» (30 января) получил от нее письмо. Сообщает:

«Масленницу мы надеемся провесть наилучшим образом. Театр наш готов совершенно, а с ним вместе сколько удовольствий!»

См. ***1827. Февраля 7–12. Понедельник-суббота. Масленица. Нежин.***

ФЕВРАЛЯ 7–12. ПОНЕДЕЛЬНИК-СУББОТА. МАСЛЕНИЦА. НЕЖИН

Гоголь принимает деятельное участие в спектаклях школьного театра[1].

Спустя две недели, 26 февраля 1827 г., Гоголь сообщал матери: «Масленицу всю неделю мы провели так, что желаю всякому ее провесть, как мы всю неделю веселились без устали. Четыре дня сряду был у нас театр, и к чести нашей признали единогласно, что из провинциальных театров ни один не годится против нашего. Правда, играли все прекрасно. Две французские пьесы соч. Мольера и Флорияна, одну немецкую соч. Коцебу. Русские: *Недоросль*[2], соч. Фонвизина, *Неудачный примиритель* Княжнина[3], *Лукавин* Писарева и *Береговое право* соч. Коцебу. Декорации были отличные, освещение великолепное, посетителей много, и всё приезжие, и все с отличным вкусом. Музыка тоже состояла из наших: восемнадцать увертюр Россини, Вебера и других были разыграны превосходно. Короче сказать, я не помню для себя никогда такого праздника, какой я провел теперь».

19 марта 1827 г. в письме к Г. И. Высоцкому Гоголь повторял: «Масленную мы провели прекрасно. – Четыре дни сряду был у нас театр, играли превосходно все. – Все бывшие из посетителей, людей бывалых, говорили, что ни на одном провинциальном театре не удавалось видеть такого прекрасного спектакля. – Декорации (4 перемены) сделаны были мастерски и даже великолепно. Прекрасный ландшафт на занавеси довершал прелесть. Освещение залы было блистательное. Музыка также отличилась; наших было 10 человек, но они приятно заменили большой оркестр и были устроены в самом выгодном, в громком месте. Разыграли четыре увертюры Росини, 2 Моцарта, одну Вебера, одну сочинения Севрюгина[4] и друг. Пьесы, представленные нами, были следующие: *Недоросль*, соч. Фонвизина, *Неудачный примиритель*, комедия Я. Княжнина, *Береговое право*, Коцебу, и в добавок еще одну французскую, соч. Флориана...»

В. П. Гаевский в 1852 г., со слов И. Г. Кулжинского, сообщал: «...Гоголь в первый раз обратил на себя внимание прекрасною игрою на гимназическом театре, особенно в комических ролях»[5].

В 1854 г. сам Кулжинский вспоминал: «Живо я помню представление *Митрофанушки-Недоросля* на гимназическом театре. Гоголь играл *Еремеевну*; хохотали до слез и не подозревали, что эта Еремеевна уже, может быть, обдумывала своего Ревизора»[6].

В. В. Толбин в 1859 г. сообщал: «Тогдашние <...> воспитанники, кроме литературных собраний (в комнатке П. Г. Редкина), на которых читались и критиковались разные литератур-

ные школьные произведения, устроили в 1827 <...> <году> домашний театр, душою которого был Гоголь. В этих пансионских спектаклях, образовавших и развивавших любовь к драматургии, Бородин был постоянно в числе актеров, исполняя женские роли. Так он играл Софью в комедии Фонвизина "Недоросль", где Гоголь, и тогда уже замечательный своим юмором и наблюдательностью, так неподражаемо исполнял роль Простаковой, где Кукольник смешил в роли Митрофана, а Базили представлял Стародума. В комедии <И. А. Крылова> "Урок дочкам", в которой Гоголь играл няню Василису, Бородин исполнял роль одной из дочек Лукерьи Ивановны»[7].

[1] См. также ***1824. Февраля 11–16. Понедельник-суббота. Масленица. Нежин.***

[2] О значении постановок «Недоросля» Д. И. Фонвизина на сцене Гимназии высших наук см., в частности: ***Конец 1820-х (не позднее 1829).***

[3] См. также ***1831. Ноября 2. Понедельник. Санкт-Петербург.***

[4] Ф. Е. Севрюгин, учитель музыки.

[5] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 328. См. также ***1825. Августа 4. Нежин.***

[6] *Кулжинский И. Г.* Воспоминания учителя // *Свод.* Т. 1. С. 427.

[7] *Толбин В.* А. Н. Бородин // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 18–20; То же // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 341–342; То же // *Михед, Якубина.* С. 152.

ФЕВРАЛЯ 8. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«Почетный попечитель граф А. Г. Кушелев-Безбородко направляет в Гимназию распоряжение о назначении директором надворного советника Д. Е. Ясновского».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 127.

ФЕВРАЛЯ 9. СРЕДА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Г. И. Высоцкий получает из Нежина письмо от Гоголя[1].

Автограф гоголевского письма сопровожден припиской Высоцкого: «Получено от Николая Васильевича Гоголя сие письмо 9 февр<аля> 1827 г. в С. Петербурге»[2].

[1] См. ***1827. Января 17. Понедельник. Нежин.***

[2] *Гоголь 1937–1952.* Т. 10. С. 404.

ФЕВРАЛЯ 15. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Цензурное разрешение № 112 «Сына Отечества», где напечатан прозаический перевод последней (четвертой) вставной поэмы в «восточную повесть» Т. Мура «Лалла Рук» (1817), под названием «Свет гарема» (имя переводчика не указано)[1].

Перевод был использован Гоголем при создании IV картины «Ганца Кюхельгартена»[2].

[1] Свет Гарема. (Из Томаса Мура) // Сын Отечества, журнал литературы, политики и современной истории, издаваемый Николаем Гречем и Фаддеем Булгариным. 1827. Ч. 112. № 5. С. 27–60.

[2] См.: *Алексеев М. П.* Гоголь и Т. Мур // *Алексеев М. П.* Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 346–349; *Гоголь 2009–2010.* Т. 7. С. 646–647.

ФЕВРАЛЯ 18. ПЯТНИЦА. БОГДАНОВКА, БЛИЗ ПОЛТАВЫ

Сестра Гоголя Мария пишет матери:

«...Мне очень горестно, что я не получаю никакого ответа на мое письмо к братцу; он, верно, меня совсем забыл или, может быть, я написала что-нибудь ему неприятное, то напишите ему, чтоб он мне простил по моей молодости...»

Свод. Т. 1. С. 140.

ФЕВРАЛЯ 23. СРЕДА. БОГДАНОВКА, БЛИЗ ПОЛТАВЫ

Сестра Гоголя Мария вновь пишет матери:

«...Братец всё еще не отвечает на мое письмо; он меня совсем забыл...»

Свод. Т. 1. С. 140.

ФЕВРАЛЯ ОКОЛО 23. МОСКВА

Выход в свет четвертого номера журнала «Московский Вестник», из двух статей которого (<*Титов В. П.*> *В. Т.* О домашней жизни Царя Феодора Иоанновича[1]; О старинной русской масленице[2]) Гоголь сделал выписки.

Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 1. № 4. С. 346–355.

[1] Фрагмент из книги английского посла в России в 1588–1589 гг. Дж. Флетчера «О Государстве Русском». Из статьи В. П. Титова Гоголь в «Книге всякой всячины...» начал выписку, озаглавленную «Нравы русских» (заглавие и текст в автографе зачеркнуты). Источник выписки: *В. Т.* <*Титов В. П.*> О домашней жизни Царя Феодора Иоанновича. <Из книги английского посла в России в 1588–1589 гг. Дж. Флетчера «О Государстве Русском»> // Московский Вестник. 1827. Ч. 1. № 4. С. 347.

[2] Выписка Гоголя в «Книге всякой всячины...» озаглавлена «Нечто о русской старинной масленице». Заметка «О старинной русской масленице» почерпнута Титовым из немецкого издания книги иностранного путешественника по России XVI века, П. Одерборна, «Жизнь царя Иоанна Васильевича Грозного». Выписку из этой заметки Гоголь в конце 1820-х гг. внес в свою «Книгу всякой всячины...» (см. ***1836. Февраля 2. Воскресенье. Неделя Масленая. Праздник Сретения Господня. Санкт-Петербург*** – примечания). В «Московском Вестнике» заметка была сопровождена примечанием Титова, которое также выписал Гоголь: «Взято из старинной немецкой компиляции о религии русских, помещенной при переводе известной книги Одерборна: "Жизнь царя Иоанна Васильевича Грозного", изданной в 1698-ом году в г. Лейпциге». (Павел Одерборн (ум. в 1604), пастор в Риге, историк, описание его путешествия по России впервые напечатано в 1585 г. в Виттенберге.)

ФЕВРАЛЯ 26. СУББОТА. НЕЖИН

Гоголь в письме к матери признается:

«Во сне и на яву мне грезится Петербург, с ним вместе и служба государству»[1].

Сообщает, что в гимназии со дня на день ожидают нового директора Д. Е. Ясновского, который, по слухам, «слишком добр, даже до слабости, чего мы бо-

имся». Рассказывает о прошедших на масленице представлениях школьного театра[2]:

«Посмотрите же, как я повеселился! Вы знаете, какой я охотник всего радостного? Вы одни только видели, что под видом иногда для других холодным, угрюмым таилось кипучее желание веселости (разумеется, не буйной) и часто в часы задумчивости, когда другим казался я печальным, когда они видели или хотели видеть во мне признаки сентиментальной мечтательности, я разгадывал науку веселой, счастливой жизни...»[3]

Помимо прочего, высказывает наблюдение, сказавшееся позднее в комедии «Женитьба» (1842)[4]. Просит прислать холста «самого толстого штуки две и, ежели можно, более» (вероятно, для театральных декораций).

«Свидетельствует почтение» бабушке, Т.С. Гоголь-Яновской, а также А. А. и О. Д. Трощинским[5].

[1] См. также ***1825. Августа 17. Понедельник. Нежин***; ***1827. Января 17. Понедельник. Нежин***.

[2] См. ***1827. Февраля 7–12. Понедельник-суббота. Масленица. Нежин.***

[3] См. ***1828. Марта 1. Четверг. Нежин*** (примечания).

[4] Причины неугомонных хлопот Кочкарева, явно недовольного собственной женитьбой («Ну послушай, на кой <...> ты меня женила?» – говорит он свахе), но стремящегося во что бы то ни стало женить своего друга, отчасти объясняются следующими строками письма: «Обыкновенно человеку, как говорят порядком повеселившемуся, всегда хочется сделать участником других, особливо ближайших к нему». Позднее, в письме к матери от 17 апреля 1827 г., Гоголь также замечал: «...Веселье хорошо, когда делишь...»

[5] См. ***1827. Апреля 11. Васильевка.***

ФЕВРАЛЯ 28. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

А. С. Данилевскому для продолжения учебы в Московском благородном пансионе, выданы документы, представленные им при поступлении в гимназию.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 189.

МАРТА 5. СУББОТА. НЕЖИН

«В гимназии получено распоряжение попечителя Харьковского учебного округа А. А. Перовского (10 февраля 1827 г.) об утверждении в должности директора надворного советника Д. Е. Ясновского».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 129.

МАРТА 9. СРЕДА. НЕЖИН

Исполняющим обязанности директора гимназии высших наук профессором К. В. Шапалинским и секретарем правления И. Г. Кулжинским выписана квитанция в том, что деньги, 166 рублей 67 копеек, следовавшие за содержание в пансионе Николая Яновского за май и июнь 1822 г.[1], правлением гимназии получены.

Свод. Т. 1. С. 112.

[1] См. ***1826. Декабря 22. Нежин***; ***1827. Января 28. Васильевка.***

МАРТА 11. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская пишет к О. Д. Трощинской:

«Не нахожу слов выразить мою благодарность тебе, мой ангел, за доставление мне писем моего сына, в которых он всегда говорит о тебе и Андрее Андреевиче[1], что он никогда не забывает вашего к нему внимания, и досадует, что не знает, чем доказать благодарность свою (*собственные его слова* в теперешнем письме)... Николай описывает мне, как весело он проводил масленую...» (следует пересказ письма сына от 26 февраля 1827 г.)[2].

Ореус. С. 675; *Свод.* Т. 1. С. 83.

[1] Трощинский, муж О. Д. Трощинской.
[2] См. ***1827. Февраля 26. Нежин.***

МАРТА 12. СУББОТА. НЕЖИН

Надзиратель И. Г. Демиров-Мышковский подает прошение об увольнении из гимназии, – чтобы вслед за И. С. Орлаем переехать в Одессу[1].

В тот же день Н. В. Кукольник писал Н. А. Маркевичу:

«Вы говорите, что, сравнив Сида[2] с Доктором Фаустом, не знаете, кто возьмет. Могу ручаться за Гете... <...> Найдите в Фаусте один нечистый или смешной или неприличный стих; а в Сиде Вы найдете много. <...> О! Как смешна сделалась прелесть древних трагиков. Вспомните Еврипидову “Электру”. В 1 действии и в 1 явлении Электра языком сухой геральдики рассказывает родословную цепь своих предков <...>, между тем, как глубокая скорбь должна занимать всю ее душу. Ей ли генеалогировать! Теперь не прикажет ли мне классицизм по сему примеру заставить какого-нибудь Мстислава рассказывает о Венетах, Словенах, Рюрике, основании Киева и проч.!

Насчет Горация и Пиндара скажу, что вся прелесть их простоты не может сравниться с одною строфою Державинской высокопарности. Не трудно в тридцати стихах горациевой оды сохранить единство; трудно сделать противное, но сохранить высокость благородную с единством в “Водопаде”, – это трудно. Не зная греческого языка, я сужу о Пиндаре по переводам. Взгляните на оду к Нерону на победу при олимпийских играх, где единство? Сравните строфы и антистрофы, первые с последними: разногласие!..

Всем сердцем и душою люблю я Лагарпа, Буало, Кондильяка, Лонгина, Эшенбурга и проч. – добрые малые, но много говорили неправды, и, если время дозволит, изберу из каждого по три любые правила и опровергну. <...> Фанатик не может быть справедлив; а предубеждение наших французов против Шекспира доказывает их фанатизм. На самой вершине величия Вольтер слышал справедливые упреки в своем пристрастии к классицизму»[3].

В другом письме к Маркевичу, отправленном в марте 1827 г., Кукольник также замечал: «Признаюсь, что Вольтер, Расин, Корнель, даже Кребильон <Кребийон> и Ротру прелестны; но теряют ли свое достоинство Шекспир и Шиллер. <...> Законоучители древнего драматического вкуса – Софокл и Еврипид вывели результаты своей эстетики <...> из собственных своих творений; французские герои драматургии сделали то же, опираясь на помочах древности, не всегда сообразной нашему времени. Пусть сколько ни стараются отыскивать сходство между Платоном и Кантом, по самому влиянию их творений мы можем видеть разность философского образования. Идеал наш сделался чище, ум постиг свое существо и вкус изменился. Вкус ума обширного должен быть обширен сообразно своему источнику; как же можно ограничивать его правилами? Кодекс стихотворных обязанностей, начертанных Буало, не может служить ничему доказательством, как обширна<я> и замысловатая эпиграмма. А умствования Кондильяка, Лагарпа, Батте, Эшенбурга и тому подобных литературных педагогов есть ни что иное, как собрание ложных правил вкуса. Да помилуйте. <...> может ли блиста-

тельная декламация сравниться с простым языком сердца, который гораздо очаровательнее ловкого и удачного подбора слов, заостренных жалким подобием рифмы. <...> Искренне благодарю за советы, <...> но уже Мстислав Удалой <...> находится на половине течения своего и скоро кончится. Я Вам посылаю эпизодическую речь князя Шуйского из давно написанной мною трагедии "Мария"»[4].

«Отрывки из своей трагедии он <Кукольник> читал также Н. А. Маркевичу в 1827 г.; об этом свидетельствует запись в дневнике последнего: "1826 г. – знакомством с Кукольником; 1827 г. – суждение Кукольника о трагедии Воейкова. Отрывок из трагедии Кукольника". <...> Одним из косвенных доказательств связи Маркевича с кругом нежинских литераторов является также список его стихотворений, зафиксированный в "Реестре" Белоусова»[5].

[1] *Супронюк О. К.* Из комментариев к письмам Гоголя // Русская литература. 1989. № 1. С. 161; *Михед, Якубина*. С. 474.

[2] Трагедия П. Корнеля «Сид» (1636).

[3] *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 70–71.

[4] Там же. С. 72–73. – См. также ***1827. Август. Нежин***; ***1827. Октября 30. Воскресенье. Нежин***.

[5] *Супронюк О. К.* Литературная среда раннего Гоголя. С. 102.

МАРТА 12 – МАРТА ПОСЛЕ 19. НЕЖИН

Предположительно в указанный период Гоголь был болен, находился в гимназической больнице.

19 марта 1827 г. Гоголь сообщал Г. И. Высоцкому: «Об себе скажу, что я пролежал целую неделю больным, и был болен весьма опасно, даже отчаивался об выздоровлении и теперь только начинаю учиться ходить, падаю от слабости. <...> Я <...> еще в лазарете...»

МАРТА 19. СУББОТА. НЕЖИН

Гоголю исполнилось 18 лет. Находясь в больнице[1], Гоголь в пространном письме к Г. И. Высоцкому благодарит приятеля за письмо «из стороны чуждой, льдистого севера» (из Петербурга), «где уже осуществилась» для него – «в мечте» – «жизнь будущая»:

«...Мысленно перескакиваю в Петербург: сижу с тобою в комнате, брожу с тобою по булеварам, любуюсь Невою, морем. Короче *я* делаюсь *ты*. Часто <...> среди самых удовольствий я впадаю в странное забытие, вспоминаю о тебе и сокрытая горечь ярко проскакивает на лице и освещает его печальное движение, несмотря что в пансионе у нас теперь весело. Все возможные удовольствия, забавы, занятия доставленны нам, и этим всем мы одолженны нашему инспектору <Н. Г. Белоусову>. Я не знаю, можно ли достойно выхвалить этого редкого человека. Он обходится со всеми нами совершенно как с друзьями своими, заступается за нас против притязаний конференции нашей и профессоров-школяров[2]. И, признаюсь, ежели бы не он, то у меня недостало бы терпения здесь окончить курс – теперь по крайней мере могу твердо выдержать эту жестокую пытку, эти 14 месяцев. <...> Об одном только молю я Бога, об одном думаю: чтобы скорее нам сблизиться[3]. Кстати ты еще о много-чем не известил меня касательно жизни петербургской: каковы там цены, в чем именно дороговизна, всё это с нетерпением хочу я узнать и заранее сообразоваться с своими предположениями. Каковы там квартиры? что нужно платить в год за две или три хорошенькие комнаты, в какой части города дороже, где дешевле, что стоит в год протопление их и проч. и проч. Да, и позабыл было совсем: как значительны жалованья и сколько ты получаешь? Сколько часов ты бываешь в присутствии и когда возвращаешься домой? <...> Ты видел Герарда[4], сделай милость, напиши, где он теперь; он был когда-то из числа немногих друзей моих, не забыл ли он меня?... <...> Кланяйся от меня Любичу[5], что-то,

я думаю, его муза поделывает, то-то раздолье. Сколько в Петербурге домов, памятников, иллюминаций, пожаров, наводнений, тезоименитств, а виды с Васильевского острова!..»

Признается, что с «минут» «выбытия» Высоцкого из гимназии[6], ощутил в душе «пустоту, какое-то безжизненное чувство»: «И вот ты меня высвободил из моего мертвого усыпления». Сообщает о своей болезни и о том, что в гимназии со дня на день ожидают нового директора Д. Е. Ясновского. Рассказывает о многочисленных постановках школьного театра на масленице месяц назад[7] и добавляет, что этими театральными представлениями они «еще не насытились» и «к Светлому празднику» «заготовляют еще несколько пьес»[8]. Передает приветы от школьных товарищей, извещает о событиях среди нежинских греков[9], о вызывающем поведении в гимназии М. А. фон Риттера, о местопребывании П. А. Баранова («в родовом своем поместье»), Ф. К. Бороздина («в гусарах»[10]); пишет, что видел «на сих днях» Н. Ф. Романовича: «Он теперь в Нарвском гусарском полку». «О Данилевском ничего не могу сказать, не знаю даже, где он»[11]. В заключение сообщает о литературной новости:

«Теперь у нас происходят забавные истории и анекдоты с Иваном Григорьевичем Кулжинским. Он теперь напечатал свое сочинение под названием *Малороссийская деревня*. Этот литературный урод причиною всех его бедствий: когда он только проходит через класс, тотчас ему читают отрывки из Малороссийской деревни, и почтенный князь бесится, сколько есть духу; когда он бывает в театре, то кто-нибудь из наших объявляет громогласно о представлении новой пьесы; ее заглавие: Малороссийская деревня или Закон дуракам не писан, комедия-водевиль. Несколько раз прибегая к покровительству и защите конференции и наконец видя, что его жалобы худо чествуют, решился унизительно и смиренно просить нашей милости не рушить стихотворное его спокойствие и не срамить печатный бред его, а особливо не запирать его в канцелярии с майором Шишкиным, как до сего делано».

Несмотря на критику, из книги Кулжинского «Малороссийская деревня» (М., 1827) Гоголь сделал несколько выписок в начатой им в Нежине «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» («Обычаи малороссиян»). Одной из выписок Гоголь позднее воспользовался при создании «Сорочинской ярмарки»[12]. Реминисценция из книги Кулжинского встречается также в «Вечере накануне Ивана Купала»[13].

[1] См. ***1827. Марта 12 – после 19. Нежин.***

[2] Профессор К. А. Моисеев в рапорте директору Д. Е. Ясновскому указывал на «чрезвычайное фамильярство наставников» Н. Г. Белоусова, К. В. Шапалинского, Ф. И. Зингера и И. Я. Ландражина с воспитанниками (см.: *Машинский 1959.* С. 142). Ясновский, говоря о распущенности пансиона, докладывал Э. Б. Адеркасу о деятельности Белоусова в должности инспектора: «Собственного поведения профессора Белоусова по лежавшей на нем должности инспектора пансиона я вовсе одобрить не могу, ибо – 1. Всячески старался он не допускать до меня сведений о беспорядках, случавшихся по пансиону, а если доходили оные ко мне через других, то они испытывали его негодование, а ученики – и самые преследования не только от него, но от Ландражина и Зингера. 2. При случаях, когда пансионеры явно виноваты были, то он старался их оправдывать или слагать их вину на других, о чем и пансионеры знали» (*Машинский 1959.* С. 143; см. также: *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 119). В донесении Адеркасу от 27 апреля 1830 г. Ясновский также указывал, что в период инспекторства Белоусова «находились в пансионе рукописания развратительные» (*Иофанов.* С. 411).

[3] См. ***1827. Января 17. Понедельник. Нежин*** (примечания).

[4] Н. И. Герард, пансионер Гимназии высших наук с января 1821 по июнь 1823 г. С марта 1825 г. находился на службе в лейб-гвардии Егерском полку (см.: *Супронюк. Словарь.* С. 45).

[5] См. ***1827. Июня 26. Воскресенье – июня конец. Нежин, Васильевка.***

[6] См. ***1826. Июля начало. Нежин.***

[7] См. ***1827. Февраля 7–12. Понедельник-суббота. Масленица. Нежин.***

[8] См. ***1827. Апреля 4–9. Светлая седмица. Нежин.***

[9] См. ***1827. Март. Нежин.***

[10] Гоголь напоминает Высоцкому свой акростих 1825 г. (см. ***1825. Декабря 12. Суббота. День памяти святителя Спиридона Тримифунтского. Суббота. Нежин***).

[11] См. ***1826. Декабрь. Нежин***; ***1827. Февраля 28. Нежин.***

[12] См. коммент. в изд.: *Гоголь 1994.* Т. 1–2. С. 430.

[13] См. коммент. в изд.: *Гоголь Н. В.* Вечера на хуторе близ Диканьки. М., 2000. С. 286–287.

МАРТА 19. СУББОТА. МОСКВА

Выход в свет шестого номера журнала «Московский Вестник»[1], из которого Гоголь сделал выписку «О старинных рус<с>ких свадьбах (из Флетчера)»[2]. В этом же номере напечатан перевод М. П. Погодина «О главных горных хребтах в Европе, их связи и мысах. (Из Риттера)»[3], а также произведения А. С. Пушкина: отрывок из седьмой главы «Евгения Онегина» под заглавием «Одесса» («Я жил тогда в Одессе пыльной <...> И так я жил тогда в Одессе»; без подписи) и «Эпиграмма» («Лук звенит, стрела трепещет...»; с подписью: «Ал. П»).

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 710.

[2] Источник выписки, внесенной Гоголем в «Книгу всякой всячины...», – статья В. П. Титова: *В. Т.* О старинных Русских свадьбах. (Из Флетчерова сочинения о России) // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 2 (цензурное разрешение 21 февр.). № 6. С. 189–193.

[3] *<Погодин М. П.> М. П.* О главных горных хребтах в Европе, их связи и мысах. (Из Риттера) // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 2 (цензурное разрешение 21 февр.). № 6. С. 147–165. Публикация была сопровождена примечанием М. П. Погодина: «Уверенный в великой пользе Риттерова сочинения *об Европе и отношении к физической Географии* для наших Гимназий, и вообще для учащихся, я перевел оное все и печатаю теперь в разных журналах для того, чтоб получить от критиков замечания и воспользоваться оными. Три первые статьи помещены были в Сыне Отечества прошлого года, четвертая предлагается здесь, пятая помещена будет в следующей книжке, а шестая в Вестнике Европы» (*<Погодин М. П.> М. П.* <Примечание> / Там же. С. 147).

Карл Риттер (1779–1859), немецкий географ, основоположник общего землеведения; проводил мысль о зависимости истории человечества от природных условий. В 1828 г. книга Риттера была издана Погодиным отдельно: Карты, представляющие: I. Главные хребты гор в Европе... II. Высоту гор в Европе... III. Распространение диких деревьев и кустов по Европе... <...> VI. Величину, народочисление, населенность и распространение народных племен по Европе. С объяснением. Соч. *Карла Риттера*, Профессора Географии в Берлинском Университете. Перевод с нем. М., 1828 (ценз. разр. 20 марта). В «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» Гоголя имеется выписка из третьего раздела этого издания «Распространение диких дерев и кустов в Европе (из Риттера)» (С. 25–29 указ. изд.).

Как установил С. Н. Киселев, о карте рельефа Европы из книги К. Риттера Гоголь упоминал позднее в статье «Мысли о географии. (Для детского возраста)», датированной 1829 г. (см. ***1831. Января 1. Четверг. Праздник Обрезания Господня. Санкт-Петербург***; *Киселев С. Н.* Статья Н. В. Гоголя «Мысли о географии» (история создания и источники) // Вопросы русской лит. Межвузовский научный сборник. Симферополь, 1996. Вып. 2). Кроме упоминания о «Риттеревом барельефном изображении Европы» в этой статье Гоголя имеется еще целый ряд перекличек с книгой Риттера.

МАРТА 22. ВТОРНИК. ЧЕРНИГОВ

Новый директор гимназии Д. Е. Ясновский отдает распоряжение Конференции до его приезда вскрывать всю корреспонденцию, приходящую на имя директора, выполнять поступающие предписания и уведомлять его об их исполнении.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 130.

МАРТА 23. СРЕДА. НЕЖИН

Гоголь получает письмо от матери.

См. ***1827. Марта 24. Четверг. Нежин.***

МАРТА 24. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Гоголь извещает мать, что накануне получил ее письмо[1] с «распиской за деньги». Сожалеет, что может не застать в Васильевке родственников Петра и Павла Петровичей Косяровских: «Они всегда назло приезжают перед тем временем, когда мне должно быть дома...»; передает поклон «тётиньке Варваре Петровне» (Косяровской), которую тоже надеется застать на каникулах: «Но и она так же, как и жестокосердные ее братцы, всегда уезжают перед моим прибытием...». Высказывает предположение, что Екименко, приглашаемый Марией Ивановной в качестве управителя имения, «вряд ли хорошо выполнит свою должность»; просит переслать прилагаемое письмо к «сестрице Машиньке»[2]; напоминает о толстом полотне (вероятно, для театральных декораций[3]). Вероятно, в надежде приехать домой на Пасху, вспоминает о «временах детства» и своей «жаркой страсти к садоводству»:

«Это-то время было обширный круг моего действия. Живо помню, как бы<ва>ло с лопатою в руке глубокомысленно раздумываю над изломанною дорожкою... Признаюсь, я бы желал когда-нибудь быть дома в это время. Я и теперь такой же, как и прежде, жаркий охотник к саду. Но мне не удастся, я думаю, долго побывать в это время. — Несмотря на всё, я никогда не оставлю сего изящного занятия, хотя бы вовсе не любил его. Оно было любимым упражнением папиньки[4], моего друга, благодетеля, утешителя... не знаю, как назвать этого небесного ангела, это чистое, высокое существо, которое одушевляет меня в моем трудном пути, живит, дает дар чувствовать самого себя и часто в минуты горя небесным пламенем входит в меня, рассветляет сгустившиеся думы. В сие время сладостно мне быть с ним, я заглядываю в него, т. е. в себя, как в сердце друга. Испытую свои силы для поднятия труда важного, благородного: на пользу отечества, для счастия граждан, для блага жизни подобных, и дотоле нерешительный, не уверенный (и справедливо) в себе, я вспыхиваю огнем гордого самосознания, и душа моя будто видит этого неземного ангела, твердо и непреклонно всё указующего в мету жадного искания[5]... Через год вступлю я в службу государственную».

Позднее архимандрит Феодор (Бухарев) вспоминал о разговоре с Гоголем в 1849 г.: «Говоря однажды об училищном воспитании, Гоголь вспомнил свою училищную жизнь, в которой особенно благодетельным для самого духовного своего развития находил садовые и огородные свои занятия возделыванием земли, рассаживанием и проч<ее> под<обное>. Всему этому, говорил он, много обязан я тем, что еще свежего сохранилось в душе моей»[6].

[1] См. ***1827. Марта 23. Среда. Нежин.***
[2] См. ***1827. Апреля 12. Вторник. Радоница. Богдановка, близ Полтавы.***
[3] См. ***1827. Апреля 4–9. Светлая седмица. Нежин.***
[4] См. ***1818. В течение года. Васильевка (?).***
[5] См. также ***1825. Июня конец – августа начало. Васильевка.***
[6] См. ***1849. Августа 19. Пятница. Абрамцево, Сергиев Посад, Абрамцево.***

МАРТА 25–28. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет альманаха «Северные Цветы на 1827 год»[1], где напечатаны два отрывка из третьей главы «Евгения Онегина»: «Письмо Татьяны»; «Ночной разговор Татьяны с ее няней»; стихотворения А. С. Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...»), «19 октября» («Роняет лес багряный свой узор...»; без строфы об Императоре Александре I – «Полней, полней! и, сердцем возгоря...»; с датой: «1825», и примечанием: «19 октября 1811 года было открытие Императорского Царскосельского лицея»).

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 713.

МАРТ. НЕЖИН

Гоголь, предположительно, пишет сатиру на жителей Нежина «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан» (не сохранилась).

По свидетельству школьного приятеля Гоголя Г. И. Высоцкого (окончившего гимназию в августе 1826 г.), «вскоре» после шутки над Ф. К. Бороздиным[1] Гоголь «написал сатиру на жителей города Нежина, под заглавием: "Нечто о Нежине, или Дуракам Закон не писан", и изобразил в ней типические лица разных сословий. Для этого он взял несколько торжественных случаев, при которых то или другое сословие наиболее выказывало характеристические черты свои, и по этим случаям разделил свое сочинение на следующие отделы: 1) "Освящение Церкви на Греческом Кладбище"; 2) "Выбор в Греческий Магистрат"; 3) "Всеедная Ярмарка"; 4) "Обед у Предводителя (Дворянства) П***"[2]; 5) "Роспуск и Съезд Студентов". Г. Высоцкий имел копию этого довольно обширного сочинения, списанную с автографа; но Гоголь, находясь еще в Гимназии, выписал ее от него из Петербурга, под предлогом, будто бы потерял подлинник, и уже не возвратил»[3].

Из свидетельства Высоцкого можно было бы заключить, что Гоголь написал сатиру в январе-феврале 1826 г. («вскоре» после того, как Бороздин в январе этого года окончил гимназию[4]), однако создание этой сатиры на самом деле относится, по-видимому, к более позднему времени, а именно к марту следующего, 1827 г. 19 марта 1827 г. Гоголь писал Высоцкому: «Спиридон, т. е. Федор Бороздин, точно в гусарах и отличный гусар из самого негодного попа. <...> В Нежине теперь беспрестанные движения между греками; шумят, спорят в магистрате, хотят нового образа правления и прошедшую субботу мятежные сенаторы самовольно свергнули архонта Бафу[5], а на его место и в сенаторское достоинство возвели до того неизвестного Афендулю. Базиль[6] уже заключил с ним мирный трактат и открыл греческую лавку».

Эти события, по-видимому, и получили тогда у Гоголя художественное воплощение, так как одна из глав сатиры «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан» называлась, как указано, «Выбор в греческий магистрат». В том же письме к Высоцкому Гоголь, иронизируя над книгой И. Г. Кулжинского «Малороссийская деревня» (М., 1827), в шутку добавляет к названию этой книги вторую половину двойного заглавия собственной сатиры: «Малороссийская деревня, *или Закон дуракам не писан...*» (курсив наш. – *И. В.*).

Позднее нежинские воспоминания о «движениях между греками», по-видимому, отразились во второй редакции «Тараса Бульбы», в сценах свержения запорожцами старого атамана и избрания нового – с открытием затем торговцем Янкелем своей лавочки[7].

[1] См. ***1825. Декабря 12. Нежин.***

[2] В 1826–1827 гг. поветовым маршалом, или уездным предводителем дворянства в Нежине был Гр. Вас. Забела.

[3] Воспоминания Г. И. Высоцкого в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 574.

[4] См. ***1826. Января конец. Нежин.***

[5] «В Нежинском архиве находятся переводы оригиналов документов <Х. Н. Иеропеса>, заверенные нежинскими бургомистром И. Карловым и ратманом Христофором Бафой. <...> В качестве переводчика оригиналов,

заверенных нежинскими бургомистром И. Карловым и ратманом Христофором Бафой, состоял Н. Артынов: “перевел с греческого на российский диалект нежинский грек Николай Артинов”» (*Михед, Якубина.* С. 460, 496).

[6] Вероятно М. В. Базили, грек по национальности, отец однокашника Гоголя К. М. Базили.

[7] См. также ***1663. Июня 18. Четверг. Нежин.***

МАРТА 31. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская сообщает двоюродному брату Петру П. Косяровскому:

«К папиньке[1] я послала ваше письмо для прочету. <...> Голубой бархат для плащаницы[2] вы выбрали самой лучшей и мой любимой цвет, что же она не поспела к празднику сему, то, видно, так Богу было угодно, нечего делать, так тому и быть. Маминька моя[3] усерднейше вам и брату Павлу Петровичу кланяется, она говела и сей день приобщалась Святых Таин вместе со мной; не сей ли день и вы приобщились? Сей час возвратились мы из церкви. Слушали Страдания Спасителя нашего и со свечами пришли домой. Чрезвычайная ночь!»

Рассказывет о готовящейся свадьбе барона С. К. Остен-Сакена и княжны П. И. Хилковой[4]; заключает: «Дети мои вас цалуют, Аничка и Лизанька».

Свод. Т. 1. С. 95–96.

[1] И. М. Косяровский.

[2] См. ***1826. Июня 26. Васильевка.***

[3] М. И. Косяровская.

[4] См. ***1827. Января 18. Вторник. Кибинцы*** (примечания).

АПРЕЛЯ НАЧАЛО. МОСКВА

Выход в свет седьмого номера журнала «Московский Вестник», в котором напечатана первая часть перевода П. И. Арапова «Иоанн Миллер. Соч. Герена».

Иоанн Миллер. Соч. Герена // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 2 (цензурное разрешение 21 февр.). № 7. С. 267–282. — См. также ***1827. Апреля 23. Суббота. Москва***; ***1827. Июля конец. Москва.***

АПРЕЛЯ 3. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. НЕЖИН

В гимназии нет занятий. Гоголь проводит праздничные дни в Нежине.

См. ***1827. Апреля 6. Среда Светлой седмицы. Нежин.***

АПРЕЛЯ 5. ВТОРНИК СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Попечитель Харьковского учебного округа А. А. Перовский подписал прошение надзирателя И. Г. Демирова-Мышковского об увольнении из Гимназии высших наук князя Безбородко[1].

Позднее, 26 июня 1827 г., Гоголь сообщал Г. И. Высоцкому: «У нас теперь у Нежине завелось сообщение с Одессою посредством парохода, или брички Ваныкина. Этот пароход отправляется отсюда ежемесячно с огурцами и пикулями, и возвращается набитый маслинами, табаком и гальвою. Семенович Орлай, который теперь обретается в Одессе, подманил отсюда Демирова-Мышковского, которому давно уже гимназия открыла свободный, без препятствий пропуск за пьянство, и по сему поводу пароход совершил седьмую экспедицию для взятия в пассажиры Мышковского, а на место его в гувернеры высадил директорскую ключницу...»

Михед, Якубина. С. 474.

АПРЕЛЯ 6. СРЕДА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. НЕЖИН

Гоголь поздравляет мать с праздником Воскресения Христова, благодарит ее и дедушку И. М. Косяровского за присланные деньги; оправдывается, что потратил их на книги:

«Мой план жизни теперь удивительно строг и точен во всех отношениях, каждая копейка теперь имеет у меня место. Я отказываю себе даже в самых крайних нуждах с тем чтобы иметь хотя малейшую возможность поддержать себя в таком состоянии, в каком нахожусь, чтобы иметь возможность удовлетворить моей жажде видеть и чувствовать *прекрасное*. Для него-то я с трудом величайшим собираю всё годовое свое жалованье, откладывая малую часть на нужнейшие издержки. За Шиллера[1], которого я выписал из Лемберга, дал я 40 рублей — деньги весьма немаловажные по моему состоянию; но я награжден с излишком и теперь несколько часов в день провожу с величайшею приятностью. Не забываю также и русских и выписываю что только выходит самого отличного. Разумеется, что я ограничиваюсь одним только чем-либо, в целые полгода я не приобретаю более одной книжки и это меня крушит чрезвычайно. Удивительно, как сильно может быть влечение к хорошему[2]. Иногда читаю объявление о выходе в свет творения прекрасного, сильно бьется сердце — и с тяжким вздохом роняю из рук газетный листок объявления, вспомня невозможность иметь его. Мечтание достать его смущает сон мой, и в это время получению денег я радуюсь более самого жаркого корыстолюбца... Не знаю, что бы было со мною, ежели бы я еще не мог чувствовать от этого радости — я бы умер от тоски и скуки».

Спрашивает, «приехали ли уже» в Васильевку «Петр Петрович и Павел Петрович» (Косяровские), высказывает сожаление, что не может их видеть. Передает поклоны В. П. Косяровской и А. Ф. Тимченко.

[1] В 1854 г. П. А. Кулиш сообщал: «Г<-н> Прокопович говорил мне, что у Гоголя скоро не стало терпения добиваться смысла в Шиллере, и что это было только минутное увлечение» (*Кулиш 1854 (2)*. С. 28; ср.: Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 1. С. 578).

[2] Позднее, 23 ноября 1830 г., в письме к А. А. Трощинскому, Мария Ивановна замечала о сыне: «Главный его расход — на книги, для которых он в состоянии лишиться и пищи. Когда выйдет новая книга, по названию многообещающая, то он готов выписывать ее из чужих краев — что он и делал, будучи в Нежине, из выпрошенных у меня для платья денег; после признался мне, что когда он зачитает о новой книге, то дрожит, как бы ее выписать скорее — и за это получил от меня репримаид. Я называю сию охоту страстью; хотя она и не постыдна, как карточная, но тоже может разорять» (см. ***1830. Ноября 23. Васильевка***). — См. также ***1827. Апреля 17. Воскресенье. Нежин***.

АПРЕЛЯ 4–9. СВЕТЛАЯ СЕДМИЦА[1]. НЕЖИН

В гимназии даны шесть публичных спектаклей школьного театра. На представления приглашались жители Нежина[2].

[1] См. ***1827. Марта 19. Суббота. Нежин.***
[2] См. ***1827. Апреля 16. Суббота. Нежин.***

АПРЕЛЯ 10. ФОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ. С. БОГДАНОВКА, БЛИЗ ПОЛТАВЫ

Сестра Гоголя Мария пишет матери:

«Я не получала ни одного письма от братца...»

Свод. Т. 1. С. 140.

АПРЕЛЯ 12. ВТОРНИК. РАДОНИЦА. С. БОГДАНОВКА, БЛИЗ ПОЛТАВЫ

Сестра Гоголя Мария вновь пишет матери:

«...Меня очень утешило любезное письмо моего дражайшего братца[1]... Посылаю вам письмо к братцу и прошу покорнейше отправить вместе с вашим... Я писала прежде получения братцового письма одно через почту к нему...»

Сохранился черновой набросок письма М. В. Гоголь к брату: «Любезнейший и почтеннейший братец, как долго я не видалась с вами», с надписью: «Любезнейшему братцу Николаю Васильевичу Гоголь-Яновскому. В Нежин, в Гимназии высших наук»[2].

[1] См. ***1827. Марта 24. Четверг. Нежин.***
[2] *Свод.* Т. 1. С. 140, 142.

АПРЕЛЯ 15. ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Почетный попечитель гимназии граф А. Г. Кушелев-Безбородко дает согласие назначить на должность надзирателя пансиона Н. Ф. Периона.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 132.

АПРЕЛЯ 16. СУББОТА. НЕЖИН

Бывший инспектор пансиона К. А. Моисеев «и его сторонники доносят конференции (рап<орт> 16 апр<еля> 1827 г.), что “пансионеры начинают читать недозволенные книги; в классах при задаваемых им вопросах оказываются занятыми не столько учением, сколько выучиванием театральных ролей; что ученики в городе проигрывают свое платье в карты, из окон пансиона обидно кричат и свищут на проходящих мимо гимназии благородных дам в сопровождении офицеров, прохаживаются в саду в неблагопристойном и безобразном виде” и т. д.»[1]

«16 апреля того же 1827 года проф<ессор> российской словесности Никольский представил в конференцию <...> рапорт о разных предметах и, в числе их, о театре.

“Публичный театр гимназии <...> по какому поводу, кем и с чьего дозволения открыт, <...> ни мне, ни другим членам конференции о том неизвестно[2]... <...> ...Если же <...> предоставлен выбор пиес всей конференции, то для чего и кем, без ведома оной, назначаемы были театральные пиесы, кои уже шесть раз разыгрывались[3], при стечении немалой публики, и притом разыгрывались, как слышно, с какими-то собственными, только неизвестно чьими, дополнениями и прибавлениями”»[4].

К. В. Шапалинский принимает решение о временной отмене постановок школьного театра[5].

[1] *Лавровский 1879.* С. 147.
[2] См. ***1827. Января 29. Нежин.***
[3] См. ***1827. Апреля 4–9. Светлая седмица. Нежин.***
[4] *Лавровский 1879.* С. 158–159; см. также: *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 57–58; *Свод.* Т. 1. С. 466. – Ср. строки рапорта Никольского в публикации И. А. Сребницкого: «Пансионеры <...> Гимназии, как это из ответов их на задаваемые в классах вопросы оказывается, не столько по-видимому учением преподаваемых предметов занимаются, сколько выучиванием театральных роль, которые они на открытом в Гимназии театре уже шесть раз для приглашаемых из города зрителей представляли; притом различные пиесы, столько раз уже представленные, Конференциею, как следует, не были рассматриваемы; следственно, и порядок театральной дирекции не соблюден, отчего слышны в публики по таковым занятиям учеников невыгодные отзывы для сего учебного заведения... <...> ...Для чего и кем <...> назначаемы были театральные пиесы, кои, как выше сказано, уже шесть раз разыгрывались при стечении немалой публики, и притом разыгрывались, как слышно, с какими-то собственными, только неизвестно чьими, дополнениями и прибавлениями. Между тем поелику неизвестна цель заведения здесь театральных зрелищ, то об оной остается только догадываться, и по догадке кажется, едва ли не для того особенно приглашается публика на зрелищные представления, чтобы наиболее выиграть ее внимание, по вниманию расположить и по расположению заохотить отдавать детей в пансион Гимназический... <ср. ***1827. Ноября 16. Вторник. Нежин***> <...> ...Публичный театр Гимназии, <...> без строжайшего рассматривания и выбора пиес, вместо какой-либо пользы один только вред принести может...» (*Сребницкий 1902.* С. 355–358; *Сребницкий 1902 (отд. изд.).* С. 67–70).
[5] 17 апреля 1827 г. Гоголь сообщал матери: «Театр наш покуда остановлен...»

АПРЕЛЯ 17. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Гоголь, пользуясь оказией, приездом в Нежин П. А. Баранова, отправляет матери новое[1] письмо. Интересуется состоянием сада, который в прошлом году он советовал «распространить» засаживанием молодых деревьев; спрашивает, какова была ярмарка:

«Никогда ее у нас не видывали[2]. Хотел бы знать ее положения место, где она выстанавливается, хорош ли на ней торг, выгоден ли для обеих сторон и насколько привозится товаров».

Сообщает, что закрытие[3] школьного театра, заставило его «повеся голову, сидеть неподвижно на одном месте, перебирая старые уроки».

Вновь[4] высказывает наблюдение, отразившееся позднее в его литературных произведениях, в частности, в повести «Вечер накануне Ивана Купала»[5]. Вероятно, размышляя о своей страсти к новым книгам[6], замечает:

«Человек странен касательно внутреннего своего пожелания. Он завидел что-то вдали, и мечта о нем ни на минуту не оставляет его. Она смущает покой его и заставляет употреблять все силы для доставки существенного. Иногда и меня самая по-видимому малость, но драгоценная для меня собственно, мучит меня тоскою и досадою за несостояние иметь ее».

Интересуется новостями из Кибинцов в связи с предстоящей свадьбой барона С. К. Остен-Сакена и княжны П. И. Хилковой[7] («слышал, что Сакен воротился из Петербурга»). Просит уведомить его о приезде в Васильевку Петра и Павла Петровичей и Варвары Петровны Косяровских. Передает поклон бабушке Татьяне Семеновне и, в том случае, если Мария Ивановна находится в Кибинцах, — Анне Матвеевне Трощинской.

[1] См. ***1827. Апреля 6. Среда Светлой седмицы. Нежин.***

[2] Ярмарки в Васильевке проводились четыре раза в год, начиная с 1824 г., при этом скотная, по словам самого писателя, была крупнейшей в губернии (Гоголь упоминал об этом в письме к А. С. Данилевскому от 29 декабря 1839 г.; см. ***1839. Декабря 29. Пятница. Москва***).

[3] См. ***1827. Апреля 16. Суббота. Нежин.***

[4] См. ***1827. Февраля 26. Суббота. Нежин.***

[5] См.: *Виноградов 2000.* С. 25.

[6] См. ***1827. Апреля 6. Среда Светлой седмицы. Нежин.***

[7] См. ***1827. Марта 31. Великий четверг. Васильевка.***

АПРЕЛЯ 23. СУББОТА. МОСКВА

Выход в свет восьмого номера журнала «Московский Вестник»[1], в котором напечатаны стихотворение Д. В. Веневитинова «Италия»[2]; пять малороссийских песен из собрания М. А. Максимовича[3] и вторая часть перевода П. И. Арапова «Иоанн Миллер. Соч. Герена»[4] и др.

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 720.

[2] <*Веневитинов Д. В.*> *В.* Италия // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 2 (цензурное разрешение 21 февр.). № 8. С. 311–312. — Стихотворение Д. В. Веневитинова послужило литературным источником для стихотворения Гоголя «Италия» (опубл. в 1829), представляющего собой, по всей видимости, фрагмент создававшейся в том же 1827 г. «идиллии в картинах» «Ганц Кюхельгартен» (см. ***1827. В течение года. Нежин***).

[3] Малороссийские песни // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 2 (цензурное разрешение 21 февр.). № 8. С. 315–319, 419–420; с редакционным примечанием: «Из драгоценного собрания Малор<оссийских> песен, приготовляемых к печати Г-ном Максимовичем» (С. 315). На первом месте здесь была напечатана песня «Ой на горе та женьци жнуть...» (С. 315–316). Начальные строки этой песни — *Ой на гори...* — см. в разделе <*XIV. Любимые Гоголем украинские народные песни (по воспоминаниям С. Т. Аксакова, О. М. Бодянского, М. А. Максимовича, записанным П. А. Кулишом)*>, № 26, — в изд.: *Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 428. См. также эту песню в гоголевском сборнике <*X. Украинские исторические песни и думы. Сборник Гоголя из бумаг А. А. Иванова*>: <XIV> Про козака Сагайдачного («Ой, на горі та женци жнуть....») (*Гоголь 2009–2010.* Т. 17. С. 394). — См. также ***1850. Февраля 14. Вторник. Москва.***

[4] Иоанн Миллер (окончание). С нем. П. Ар—в <П. И. Арапов> // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 2 (цензурное разрешение 21 февр.). № 8. С. 389–404. — См. также ***1827. Апреля начало. Москва***; ***1827. Июля конец. Москва.***

АПРЕЛЯ 26. ВТОРНИК. НЕЖИН

Некоторые из воспитанников, «открывши окошка, обидно кричали и свистали на проходивших мимо Гимназии благородных дам в сопровождении офицера».

Сребницкий 1902. С. 363. — Рапорт старшего профессора М. В. Билевича (см. ***1827. Мая 7. Нежин***).

АПРЕЛЯ 27. СРЕДА. НЕЖИН

«Исправляющий должность профессора Естественного и Римского Права» инспектор пансиона Н. Г. Белоусов, вместо проведения урока в восьмом классе, отсутствует на занятиях. Вследствие этого ученики восьмого класса проводят время в коридорах. Один из них, Н. П. Григоров, «прохаживаясь по коридору с другими учениками, с намерением толкнул <...> в бок рукою» нравонаблюдателя за вольноприходящими учениками, учителя русского языка К. А. Персидского.

Другой из учеников восьмого класса, пансионер Яновский (Гоголь), проходя мимо старшего профессора М. В. Билевича, на вопрос последнего, «почему он не в классе», отвечал, не останавливаясь, «что в 8-м классе учения нет, ибо Белоусов не будет в классе» («...к сему сказал г-н екзекутор <С. И.> Шишкин: вот смотрите, какое неуважение воспитанников к своим наставникам, что не захотел и оставаться, когда его спрашивали...»).

Сребницкий 1902. С. 363. – Рапорт старшего профессора М. В. Билевича (см. ***1827. Мая 7. Нежин***).

АПРЕЛЯ 30. СУББОТА. НЕЖИН

В конференции заслушиваются два рапорта: старшего профессора М. В. Билевича о беспорядках в гимназии и младшего профессора, инспектора пансиона Н. Г. Белоусова, обвинившего М. В. Билевича в деятельности, «вредной для нравственности пансионеров». Одновременно Белоусов ставит конференцию в известность, что из-за болезни не может занимать должность инспектора.

Сребницкий 1902. С. 358–359; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 134.

МАЯ 7. СУББОТА. НЕЖИН

Старший профессор «Российских Гражданского и Уголовного Прав, Народного и Государственного Хозяйства и науки Финансов» М. В. Билевич подает в конференцию ответный[1] рапорт, в котором подробно рассказывает об эпизодах 26 и 27 апреля 1827 г.[2], указывает, что «со стороны г. инспектора», младшего профессора Н. Г. Белоусова нет «надлежащего смотрения за поведением воспитанников пансиона»[3], объясняет это «малоопытностью» инспектора «в сем деле» и добавляет:

> «Равномерно необходимою обязанностию для себя поставляю, как старший профессор юридических наук, сказать, что я приметил у некоторых учеников некоторые основания вольнодумства, а сие, полагаю, может происходить от заблуждения в основаниях права естественного, которое, хотя и предписано преподавать здесь по системе Г-на Демартини, он, г-н младший профессор Белоусов, проходит оное естественное право по своим запискам, следуя в основаниях философии Канта и г-на Шада...»[4]

«Рапортом этим положено было начало пресловутому делу о неблагонамеренном преподавании естественного права и вольнодумстве профессора Белоусова[5], а затем и некоторых других профессоров»[6].

Обвинения Билевича имели под собой серьезные основания. Белоусов, в действительности, был знаком с философией И. Е. Шада. По окончании курса философских наук в Киевской Духовной академии Белоусов с 1814 г. учился в Харьковском университете, где в то время преподавал Шад (Иоганн Баптист Шад, в прошлом католический священник, протестант, ярый противник монашества, был приглашен в Харьковский университет на должность профессора философии в 1804 г. по рекомендации Гете и Шиллера)[7]. Однако в 1816 г. Министерство просвещения распорядилось об изъятии книг Шада по естественному праву из учебных заведений за «намеки на новейшие политические обстоятельства», а также за рассуждения, «несогласные с господствующими у нас началами и убеждениями, например, о власти Государя». Шад был отрешен от педагогической деятельности и выслан за границу; издания его сочинений были уничтожены[8].

Своеобразие ситуации заключалось, однако, в том, что если ссылки на отказ Белоусова от следования утвержденному пособию Мартини и на приверженность его официально запрещенным сочинениям Шада были вполне основательны, то такая же ссылка на подобные курсу Шада сочинения Канта столь же бесспорным обвинением уже не являлась. Этим и воспользовался Белоусов, когда в своем ответном рапорте в конференцию от 16 декабря 1827 г.[9], возражая на разбор его лекций протоиереем Павлом Волынским, писал: «Если же тут о. Павел хочет мне поставить в вину, что в истории естественного права отдается приметное преимущество Канту или его философии, то из записок г. Билевича, во всем одобренных о. Павлом[10], преимущество сие гораздо виднее. <...> Ежели о. Павел хотел показать неблагонамеренность моих записок, то ему не должно было упоминать о таких предметах, где идет дело об одном и том же у меня и у г. Билевича»[11].

[1] См. ***1827. Апреля 30. Суббота. Нежин.***

[2] См. ***1827. Апреля 26. Вторник. Нежин***; ***1827. Апреля 27. Среда. Нежин.***

[3] См. также ***1826. Июля 24. Суббота. Нежин***; ***1826. Декабря 11. Суббота. Нежин.***

[4] <Рапорт профессора М. В. Билевича от 7 мая 1827 г.> // *Свод*. Т. 1. С. 461–462.

[5] Начало этому делу было положено М. В. Билевичем еще летом 1826 г., вскоре после того, как в печати были опубликованы материалы следственной комиссии по делу о декабристах (см. ***1826. Июня 29. Нежин***; ***1826. Июля 24. Нежин***).

[6] *Сребницкий 1902*. С. 365.

[7] *Машинский 1959*. С. 90.

[8] *Машинский 1959*. С. 86–87. – О И. Б. Шаде см.: *Панибратцев А. В.* Взлет и падение И. Б. Шада, или о превратностях судьбы одного немецкого фихтеанца на русской службе // История философии / Ин-т философии РАН. М., 1999. № 4. С. 106–124.

[9] См. ***1827. Декабря 16. Пятница. Нежин.***

[10] Имеется в виду рапорт протоиерея П. И. Волынского конференции гимназии от 13 августа 1827 г. (см. ***1827. Августа 13. Суббота. Нежин***).

[11] *Иофанов*. С. 390–391.

МАЯ 16. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская сообщает двоюродному брату Петру П. Косяровскому:

«И еще раз пишу к вам в Оддесу <так>, милой братец Петр Петрович! И желаю, чтобы сие письмо было последнее до выезду вашего в Малороссию. <...> Усерднейше благодарю вас, милой братец, за попечение ваше о плащанице[1]. Да наградит вас Бог за то! Мне все в ней нравится, кроме хлопчатой бумаги, лучше гладко одна рисовка, а выпуклость припоминает нечто языческое, похоже на их истуканов, но когда уже кончено, то нечего делать, пусть и так, может немного положено бумаги, бахрому же к ней можно и в Харькове достать. – Сего ли году в июне месяце вы намерены приехать в Малороссию? Мне что-то уже не верится. Сильная лихорадка, лишая меня телесных сил, отнимает и душевные способности выдумать что-нибудь хорошее для печати, и преболезные несносные хлопоты привели мне на мысль сделать сноп хлеба и на нем отдыхающего человека, а вокруг сего слова: *покой всего дороже;* впрочем, отдаюсь на ваш вкус, какой девиз вам лучше понравится, такой и велите вырезать, когда только печать не задержит вас лишнего дня, а в противном случае я ею не буду довольна. Папинька к вам писал об указе; вы о сю пору получили уже его письмо; он ездил для него нарочно в Миргород и везде, где надобно, хлопотал, но не знаю, что он успел. Вы пишете, что у вас жара, а у нас напротив дожди и весна холодная. В городе только и хорошего для меня, что театры, но и то может наскучить, что вы теперь и испытываете, то ли дело бесценная

моя Васильевка, из которой за величайшее себе наказание считаю по необходимости куда выехать. – Николинька мой с нетерпением ожидает каникул, чтобы с вами видеться».

Далее следует приписка сестры Косяровского Варвары Петровны:

«Я ожидаю тебя с нетерпением...»

Свод. Т. 1. С. 96–97.

[1] См. ***1826. Июня 26. Васильевка.***

МАЯ 20. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Гоголь сообщает матери, что только что получил от нее письмо, из которого узнал о ее болезни: «Зачем вы, маминька, ездили в Полтаву? Это, я думаю, много вам повредило». Просит обнять сестер Анну, Елисавету и Ольгу:

«Я не могу не нарадоваться, вспомнив сколько меня ожидает дома близких моему сердцу, желая, чтобы этот год, как во все будущие, Бог подарил нам изобилие, чтобы роскошь плодородия упитала счастливое наше жилище, чтобы все крестьяне наши были награждены с избытком за годичные труды свои. У нас здесь поговаривали об плодородии этого года; я думаю, что и у вас также. – Желательно мне бы узнать об этом от вас, маминька, также и водится ли что в саду нашем. Здесь и на фрукты урожай».

Просит прислать как можно скорее 150 рублей на пошив «крупного платья» (шинели), легкого летнего сюртука, «чтобы ходить дома» («казенных нам теперь не шили, и мы принуждены ходить в суконных»), а также «разных безделушек»: галстуков, подтяжек, платков. Спрашивает:

«Что-то теперь делают пенаты[1] мои? Я думаю, все ожидают меня с нетерпением».

[1] Здесь: покровители домашнего очага; домашние. Ср. также соответствующее выражение Гоголя в письме к Павлу П. Косяровскому от 13 сентября 1827 г.: ***1827. Сентября 12–13. Понедельник-вторник. Нежин.***

МАЯ 25. СРЕДА. МОСКВА

Выход в свет десятого номера журнала «Московский Вестник»[1], в котором напечатана первая часть статьи А. В. Веневитинова «О трех единствах в Драме. (Из Шлегелевой Теории драматического искусства)»[2].

И. Г. Кулжинский в 1854 г. писал: «Вопрос о романтической поэзии был тогда животрепещущей современностью. Надеждин в Москве защищал <в 1830 г.> докторскую диссертацию по этому же предмету. Московский Телеграф целыми горстями сыпал на публику все то, что находил об этом в иностранных журналах; вся образованная Россия была разделена на *классиков* и *романтиков*, хотя – правду сказать – многие не совсем отчетливо понимали, что такое классицизм и романтизм»[3].

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 728.

[2] <*Веневитинов А: В.*> О трех единствах в Драме. (Из Шлегелевой Теории драматического искусства) // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 3 (цензурное разрешение 25 апр.). № 10. С. 149–166. – См. также ***1827. Июня начало. Москва.***

[3] *Кулжинский И. Г.* Воспоминания учителя // *Свод.* Т. 1. С. 429.

МАЯ КОНЕЦ. НЕЖИН

Гоголь получает письмо от П. А. Баранова.

Позднее, в письме к Г. И. Высоцкому от 26 июня 1826 г., Гоголь сообщал, что «месяц назад» получил письмо от Баранова.

ИЮНЯ 2. ЧЕТВЕРГ. С. БОГДАНОВКА, БЛИЗ ПОЛТАВЫ

Сестра Гоголя Мария пишет матери:

«Мы вас все ожидаем с братцем и сестрицами...»

Свод. Т. 1. С. 141.

ИЮНЯ 7. ВТОРНИК. НЕЖИН

Гоголь в письме к матери сообщает, что решил не заказывать себе шинель (так как она она «в лето не понадобится»), а потому просит прислать лишь 80 рублей на изготовление летнего «платья» (сюртука)[1], которого у него «совершенно нет». Передает приветы сестрам и В. П. Косяровской. Просит прислать за ним экипаж и обещает привезти свои новые картины[2] и сочинения:

«...Высылайте за мною как можно скорее; чуть только получите письмо, то сейчас же. Хорошо ежели бы 22-го и 23 был экипаж уже здесь, потому что мне 26-го числа уже можно ехать.

Извините, <...> что я так пишу наскоро и с такою поспешностью: теперь и у нас времени нет за этим скучным экзаменом; но он скоро кончится. <...> Присылайте за мною экипажец уместительный, потому что я еду со всем богатством вещественных и умственных имуществ, и вы увидите труды мои».

[1] См. ***1827. Мая 20. Пятница. Нежин.***

[2] Отзыв об одной из картин Гоголя соседа по имению Е. В. Надержинского см.: ***1829. Мая 22. Среда. Санкт-Петербург.***

ИЮНЯ 8. СРЕДА. НЕЖИН

Старший профессор юридических наук М. В. Билевич в рапорте на имя исполняющего обязанности директора гимназии К. В. Шапалинского просит предупредить возможные критические выступления в его адрес младшего профессора юридических наук Н. Г. Белоусова на будущем публичном экзамене по естественному праву[1], ссылаясь на соответствующее поведение Белоусова на экзамене прошлого года[2].

[1] См. ***1827. Июня 18. Суббота. Нежин.***
[2] См. ***1826. Июня не позднее 22. Нежин.***

ИЮНЯ ОКОЛО ПОНЕДЕЛЬНИКА 13. НЕЖИН

В гимназии начинаются годовые экзамены.

См. ***1827. Июня около 13 – июня 24. Нежин*** (примечания).

ИЮНЯ СРЕДИНА. МОСКВА

Выход в свет одиннадцатого номера журнала «Московский Вестник», в котором напечатана вторая часть статьи А. В. Веневитинова «О трех единствах в Драме».

<*Веневитинов А. В.*> *Ве–в А.* О трех единствах в Драме. (Из Шлегеля) // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 3 (цензурное разрешение 25 апр.). № 11. С. 256–274. – См. также ***1827. Мая средина. Москва.***

ИЮНЯ 16. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Младший профессор Н. Г. Белоусов сообщает ученикам пансиона, что намерен вступить в спор с старшим профессором М. В. Билевичем на публичном экзамене по естественному праву 18 июня 1827 г.

См. ***1827. Июня 8. Среда. Нежин; 1827. Июня 18. Суббота. Нежин.***

ИЮНЯ 18. СУББОТА. НЕЖИН

Младший профессор Н. Г. Белоусов, присутствуя на публичном экзамене по естественному праву в девятом классе, вновь, как и год назад[1], вступает в полемику со старшим профессором М. В. Билевичем по поводу содержания экзаменуемого предмета. Билевич подает на Белоусова рапорт[2], в котором отмечает противоречие содержания ученических конспектов лекций Белоусова по «естественному праву» евангельскому учению[3].

Позднее, в рапорте от 9 декабря 1827 г.[4], М. В. Билевич сообщал: «...В сем 1827 году июня 18-го дня, при бывшем экзамене учеников 9-го класса из преподанного мною им еще в 1824-м году предмета естественного права опять начал делать <Н. Г. Белоусов> ученикам разные вопросы по таким системам, которые вовсе не должны были входить в предмет преподавания, а когда я ему, г. Белоусову, в ответ на его вопросы сказал, что мною естественное право ученикам преподано было не по той системе и не в тех основаниях, как он, г. Белоусов, их спрашивает, а посему не место нам заводить диспуты в классе о системах, следует же учеников экзаменовать из того, что им читано и в таких основаниях, в каких сия наука им показана, то тогда он, г. Белоусов, подошедши к ученикам, взял из рук учен<ика> Бородина его тетрадку записок из оного права и тут же при учениках и при всех присутствовавших на экзамене, читая некоторые статьи из оной, стал изъяснять оные к обиде моей в превратном смысле, называя оные глупыми и бестолковыми, как то сие сказал он о праве на

честь и о разделении прав, на права и обязанности к Богу, к самому себе и к другим людям, утверждая по своей системе, что права на честь, а также и права в отношении к Богу, мы не можем иметь никакого, каковое действие его, г. Белоусова, хотя и было для меня весьма обидно и для юношества соблазнительно, но поелику г. исправлявший должность директора <К. В. Шапалинский>, присутствуя при сем, не останавливал его, г. Белоусова, в сем действии, наблюдая совершенное молчание, то я, дабы не подать неуместными оспариваниями юношеству с своей <стороны> соблазна, переносил все сие терпеливо... <...>

А что он, г. Белоусов, умышленно и с намерением к моей обиде все сие делал, то сие явствует из того, что перед экзаменом уже разнесен был между учениками слух, что г. Белоусов приготовлялся делать ученикам на экзамене помешательство, дабы они не могли отвечать, как о сем при мне за день перед экзаменом объявил гг. профессорам Моисееву и Никольскому ученик Змиев, который, хотя ныне, вероятно по чьему-либо научению, в том запирается, говоря, якобы он о том не помнит, но вышепрописанные чиновники, слышавшие о том от ученика Змиева, равно как и я сам, сие лично слышанное обстоятельство засвидетельствовать и совестью своею подтвердить готов<ы>»[5].

П. Г. Редкин вспоминал: «Внезапная кончина первого начальника юной гимназии <В. Г. Кукольника>[6] приостановила быстрый и правильный ход ее развития по прямому пути к истинной образованности. Наскоро, без разбора, наудачу или по связям, набран был, после В. Г. Кукольника, полк учителей и профессоров для новооткрытого заведения, между которыми только случайно попались и люди достойные. К числу последних принадлежали, кроме Шаполинского, еще профессор французской словесности Ландражин, профессор немецкой словесности Зингер, профессор латинской словесности Андрущенко и профессор естественной истории Соловьев. По закону взаимного притяжения профессора разделились, не скажу на две партии, потому что их не было и быть не могло, а на два кружка. К одному принадлежали люди благородные, умные и сведущие, а к другому — их большая или меньшая противуположность. Сперва эти кружки уживались кое-как между собою; но с того времени, когда Белоусов на окончательном экзамене воспитанников первого выпуска, не получив на свои вопросы по юридическим предметам удовлетворительных ответов ни от студентов, ни от профессора юридических наук Билевича, объявил во всеуслышание с запальчивостью и свойственною ему заносчивостью, в присутствии директора Орлая, что он находит недостаточными юридические познания окончивших курс юношей, — долго таившаяся вражда между двумя кружками вспыхнула, и между ними началась открытая война. К сожалению, некоторые из враждующих употребили не совсем рыцарские орудия для поражения своих противников: доносы и клевету. Жертвою клеветы пал и Шаполинский»[7].

[1] См. ***1826. Июня не позднее 22. Нежин*** (примечания).

[2] См. также ***1827. Июня 22. Среда. Нежин.***

[3] *Савва В. И.* К истории о вольнодумстве в Гимназии высших наук кн. Безбородко. Харьков, 1908. С. 18.

[4] См. ***1827. Декабря 9. Нежин.***

[5] *Иофанов.* С. 403–404.

[6] См. ***1821. Февраля 6. Воскресенье. Нежин.***

[7] *Редкин П.* К. В. Шапалинский // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. Отд. 1. С. 141–142; То же // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 316.

ИЮНЯ 21. ВТОРНИК. НЕЖИН

По свидетельству старшего профессора политических наук М. В. Билевича, младший профессор Н. Г. Белоусов отбирает у воспитанников тетради с записями своих лекций по естественному праву «с целию их исправления»[1].

«Ст<арший> профессор политических наук М. В. Билевич берет у своего квартиранта, ученика 7 класса Ф. Михно, тетради по естественному праву, принадлежащие А. Новохацкому <переписаны с конспекта Гоголя 1825/26 учебного года>[2] и Е. Филипченко, для изучения»[3].

[1] *Лавровский 1879*. С. 197; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 138.
[2] См. ***1827. Октября 31. Нежин***; ***1827. Ноября 1. Нежин***; ***1827. Ноября 3. Нежин***.
[3] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 138; см. также ***1827. Июля 18. Нежин***.

ИЮНЯ 22. СРЕДА. НЕЖИН

Старший профессор М. В. Билевич в рапорте на имя исполняющего обязанности директора гимназии К. В. Шапалинского сообщает, что 18 июня 1827 г.[1], на экзамене, проводимом Билевичем, в присутствии ряда профессоров, самого Шапалинского и при многих учениках, младший профессор Н. Г. Белоусов вступил в спор с экзаменатором, оспаривая правильность его лекций, «поясняя и защищая основания и систему своего преподавания, утверждая публично при сем случае, якобы человек не имеет никаких прав к Богу». Билевич требовал от Шапалинского, чтобы тот сделал Белоусову решительное внушение, «дабы он от <...> соблазнительных споров на экзамене воздерживался»[2]. Кроме того, Билевич поставил руководство в известность, что Белоусов «собрал у воспитанников тетради с записями лекций по естественному праву с целью их исправления»[3].

Шапалинский был вынужден подчиниться положению устава гимназии — согласно которому на заседаниях конференции предписывалось обсуждать «наблюдение доброй методы преподавания наук, и главнейше всего, чтобы все учение основано было на истинном духе благочестия и ни в чем не разнствовало с истинами Св. Писания»[4]. 4 июля 1827 г. конспекты лекций Белоусова были отданы Шапалинским на рассмотрение законоучителю отцу Павлу Волынскому[5], — причем Шапалинский, по словам Билевича в рапорте от 28 сентября 1827 г., оказав на его заявление от 22 июня «всему совершенное свое равнодушие и невнимание», «давал знать г. законоучителю, чтобы и он не показывал в ней <в конференции> ничего противного его желанию»[6]. Однако Шапалинский просчитался. Протоиерей Павел Волынский, рассмотрев лекции Белоусова, дал им резко отрицательную оценку[7]. (Кроме того, отец Павел, по-видимому, счел нужным разъяснить неправильное преподавание Белоусовым естественного права самим ученикам гимназии — а потому вынес соответствующие вопросы на выпускной экзамен 1828 г.[8])

[1] См. ***1827. Июня 18. Суббота. Нежин***.
[2] *Машинский 1959*. С. 89.
[3] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 138.
[4] Устав Гимназии высших наук князя Безбородко // Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. 1803–1864. СПб., 1867. Стб. 220.
[5] См. ***1827. Июля 4. Понедельник. Нежин***.
[6] *Стогнут А. С., Кононенко И. К*. Новые страницы к «Делу о вольнодумстве» в Нежинской гимназии высших наук // Уч. зап. Нежинского гос. пед. ин-та им. Н. В. Гоголя. Киев, 1954. Т. 4–5. С. 170.
[7] См. ***1827. Июля 20. Среда. Нежин***.
[8] См. ***1828. Июня не позднее 23. Нежин*** (примечания).

ИЮНЯ ОКОЛО 13 – ИЮНЯ 24[1]. НЕЖИН

Гоголь сдает экзамены за восьмой класс и получает следующие оценки по поведению и успехам (по четырехбалльной системе; итоговая ведомость от июля 1827 г.):

– Закон Божий – 4;
– российская словесность[2] – 3;
– всеобщая история – 3;
– русская история – 3;

— математика — 3;
— физика — 3;
— естественная история — 4;
— латинский язык (в третьем отделении) — 2;
— французский язык (в третьем отделении) — 2;
— немецкий язык (в третьем отделении) — 1.
Поведение — 3.
Выводы конференции: по наукам — 3; по языкам — 3; средний балл успеваемости — $2\,^{9}/_{12}$[3].

Позднее, в письме к Павлу П. Косяровскому от 3 октября 1827 г. Гоголь, в частности, сообщал: «Теперь мне последний год, и тот уже ущербился; дела, однако ж, почти нет. Прошлый только год мне был самый крепкий, никогда его не забуду, было над чем трудиться!»

Согласно отчету протоиерея Павла Волынского, преподавание «нравоучительного любомудрия» по Баумейстеру он по-прежнему[4] сочетал с чтением св. Отцов[5].

Н. В. Кукольник вспоминал: «Впрочем в 1827 году Павел Иванович достал какие-то записки, в которых этика названа была наукой о внутренних правах и обязанностях человека; но прочел всего одну лекцию по этим запискам. Ссора между профессорами[6], возникшая якобы по поводу естественного права, заставила Павла Ивановича бросить записки и преподавать этику по печатному Баумейстеру — и внутренние права и обязанности человека опять по-прежнему перемешались со внешними»[7].

Профессор П. И. Никольский в «Историческом обзоре беспорядков»[8], представленном Адеркасу, в частности, рассказывал, что в июне 1827 г. К. М. Базили на экзаменах по всеобщей истории, преподаваемой профессором К. А. Моисеевым, рассказывал о «гонениях и мучениях, претерпенных за христианскую веру святыми мучениками в первые века христианства». Базили говорил, что на многих святых, «обложенных удобовозгорающимися со смолою веществами, огнем возженными, пламенное воспаление нимало действия не производило, и они остались невредимыми». Присутствовавший на экзамене Шапалинский «с улыбкой» сказал Базили: «И вы этому верите? Разве вы не слушали физики, мною преподаваемой, коей началам или законам это совершенно противно?»[9] Сменивший в 1829 г. отца П. И. Волынского на должности законоучителя Нежинской гимназии протоиерей Иоанн Федорович Мерцалов (бывший ранее профессором словесности Черниговской семинарии и рукоположенный во священника в том же, 1829 г.) характеризовал Шапалинского как человека «без всякой религии» — и даже высказывал Э. Б. Адеркасу предположение, что, «кажется, он, г. Шапалинский, есть глава всякому злу»[10].

[1] См. ***1827. Июня 7. Вторник. Нежин***; ***1827. Июня 26. Воскресенье — июня конец. Нежин, Васильевка***; ***1825. Июня 17–27. Нежин***. — 4 июня 1827 г. Е. П. Гребенка (ученик пятого класса) сообщал родным: «...Экзамен в нашем классе кончится 24-го, а потому должно, чтоб лошади были здесь 25-го, на вечер 26-го отдохнули, а 27-го выехавши, я был бы дома 28-го...» (*Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 520). 15 июня 1827 г. он вновь писал родителям: «Экзамен у нас продолжается, в нашем классе уже был оный из латинского, немецкого и геометрии. Я, слава Богу, отвечал. Сегодня иду на французский, а завтра — история (предмет, с которого надеюсь хорошо отличиться) <...> ...Мы со дня на день ждем директора и, верно, до каникул не дождемся <см. ***1827. Октября 5. Среда. Нежин***>. <...> Посылаю Вам «Оду к Богу» своего сочинения...» (*Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 521–522).

[2] Тему, по которой Гоголь мог писать в июне 1827 г. сочинение по российской словесности, см. в наст. летописи: ***1828. Июня не позднее 23. Нежин***.

[3] *Лавровский 1879.* С. 242; см. также: *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 141; Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1826/27 уч<ебный> год. Гоголь в 8 классе // *Свод.* Т. 1. С. 463.

[4] См. ***1826. Июня конец. Нежин.***

[5] *Хойнацкий А. Ф., протоиерей.* Из истории философской науки в России в начале XIX века // *Свод.* Т. 1. С. 434.

[6] См. ***1827. Июля 4. Понедельник. Нежин***; ***1827. Июля 20. Среда. Нежин.***

[7] *Кукольник Н.* П. И. Волынский // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 100; То же // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 246.

[8] «Исторический обзор...» П. И. Никольского охватывал несколько лет.

[9] *Машинский 1959.* С. 164.

[10] Там же. С. 181.

ЯНВАРЬ – ИЮНЯ 26. НЕЖИН

К указанному периоду предположительно относятся два портрета Гоголя, сделанные его школьными товарищами.

«Н. В. Гоголь. С оригинала неизвестного художника, 1827. Фототипия с гравюры на дереве, 9,4 × 7,5. <...> Поясной, 1/2 влево; в гимназическом мундире. Оригинал не сохранился. Портрет известен только по гравюре на дереве, помещенной в журнале "Иллюстрация" 1858, № 15, стр. 237, с заметкой: "...любопытный портрет Гоголя-студента, снятый с натуры в 1827 г. одним из товарищей его по Лицею..." <...>

Н. В. Гоголь (?). С оригинала неизвестного художника, около 1827 г. (Есть предположение, что данный портрет изображает не Н. В. Гоголя, а студента Нежинского лицея А. И. Кулжинского, сына учителя Гоголя И. Кулжинского.) Хромолитография, 25,2 × 16,9. <...> Поясной, 1/2 влево; в гимназическом мундире; в очках. Оригинал был пожертвован в библиотеку Киевского университета в конце XIX в. Опубликован со статьей П. В. Владимирова "Из ученических лет Гоголя" (Киев, 1900).

"Портрет писан красками на картоне, на темной оборотной стороне которого сделана надпись: «Н. Гоголь»... нос Гоголя несколько приподнят, тогда как на позднейших портретах он имеет типичную заостренную форму. Такое отличие могло произойти от некоторой порчи нашего портрета, потрескавшегося и сморщившегося, или от особенностей незначительного художественного таланта, – по всей вероятности, одного из товарищей Гоголя" (П. В. Владимиров. Из ученических лет Гоголя. Киев, 1900, стр. 3–4)».

Описание материалов Пушкинского Дома (Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома). Н. В. Гоголь. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 44. – № 368, 369.

ИЮНЯ 26. ВОСКРЕСЕНЬЕ – ИЮНЯ КОНЕЦ. НЕЖИН, ВАСИЛЬЕВКА

26 июня, накануне отъезда из Нежина домой на каникулы[1], Гоголь в пространном письме к Г. И. Высоцкому выражает надежду на будущую встречу с приятелем и его новыми товарищами в Петербурге.

«Уже ставлю мысленно себя в Петербурге, в той веселой комнатке окнами на Неву... <...> ...Буду ли я точно живать в этаком райском месте, или неумолимое веретено судьбы зашвырнет меня с толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) в самую глушь ничтожности, отведет мне черную квартиру неизвестности в мире <...> Не знаю, может ли что удержать меня ехать в Петербург, хотя ты порядком пугнул и пристращал меня необыкновенною дороговизною, особливо съестных припасов. Более всего удивило меня, что самые пустяки так дороги, как-то: манишки, платки, косынки и другие безделушки. У нас, в доброй нашей Малороссии, ужаснулись таких цен и убоялись, сравнив суровый климат ваш, который еще нужно покупать необыкновенною дороговизною, и благословенный малороссийский, который достается почти даром[2], а потому многие из самых жарких желателей уже навостряют лыжи обратно в скромность своих недальних чувств и удовольнились ничтожностью, почти вечною. Хорошо, ежели они обратят свои дела для пользы человечества. Хотя в самой неизвестности пропадут их имена, но благодетельные намерения и дела освятятся благоговением потомков... <...> ...Я осиротел и сделался чужим в пустом Нежине. Я иноземец, забредший на чужбину искать того, что только находится в одной родине... <...> ...Я ничего теперь так не ожидаю, как твоих писем. Они – моя радость в скучном уединении. Несколько только и разгоняю его чтением новых книг, для которых берегу деньги, не составляющие для меня ничего, кроме их, и выписывание их составляет одно мое занятие и одну мою корреспонденцию. Никогда еще экзамен для меня не был так несносен, как теперь. <...> Как тяжко быть зарыту вместе с созданьями низкой неизвестности в безмолвие мертвое! Ты знаешь всех наших существователей, всех, населивших Нежин. Они задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое

назначение человека. И между этими существователями я должен пресмыкаться... Из них не исключаются и дорогие наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь в зеркале видишь меня[3]. Пожалей обо мне!»

Рассуждает о планах Высоцкого отправиться, через два года, с ним и петербургскими приятелями за границу. Сообщает, что получил письмо от В. И. Любича-Романовича:

«Изо всего письма я только мог заметить, что, увидевши мое письмо к тебе[4], он загорелся воспоминанием и решился подкрепить его посланием. На четырех страницах он не сказал об себе ни слова, даже не объявил при конце письма, что он Любич-Романович, а в заключение просил меня известить об *Кляроцьке* Курдюмовой[5], об которой ты, я думаю, сам знаешь, какого я глубокого сведения: даже не видал ее ни разу».

Спрашивает об И. Н. Кобеляцком («Нет ли там у вас Николаевича-Кобеляцкого?[6] Мы уже год как его не видим. Сначала было наведывался к нам, а теперь пропал без вести»); сообщает новости о других нежинцах: Н. В. Кукольнике (ходит с «бритою головою»), А. С. Данилевском («находится теперь в Москве»), П. А. Баранове, поступившем в Северский конно-егерский полк в Щиграх, о возвращении в гимназию М. А. фон Риттера, о свадьбах К. В. Шапалинского, А. И. Самойленко, К. А. Персидского, С. И. Ванновского, Х. Н. Иеропеса (последний женился «на Базилевой сестрице[7], которая приехала из Одессы»), А. В. Лопушевского, а также о намерении жениться «козака Моисеева»[8]. Передает поклоны от Лопушевского, Риттера, Е. Полякова, А. А. Божко, Н. Н. Миллера и др.

Извещает о бывшей жаркой весне, о засухе и выдавшемся обильном плодородии, а также о последовавших холодах:

«Деревья гнутся, ломятся от тяжести. Не знаем, девать куда. Я воображаю об необыкновенной роскоши, которою я буду пресыщаться, приехавши домой. Уже два дни экипаж стоит за мною».

Просит Высоцкого, сняв мерку с себя, заказать для него у «самого лучшего портного» фрак:

«...Главное — узнай, что стоит пошитье самое отличное фрака по последней моде, и цену выставь в письме[9], чтобы я мог знать, сколько нужно посылать тебе денег. А сукно-то, я думаю, здесь купить, оттого, что ты говоришь — в Петербурге дорого. <...> ...Мне хочется ужасно как, чтобы к последним числам или к первому ноября я уже получил фрак готовый. Напиши, пожалуста, какие модные материи у вас на жилеты, на панталоны, выставь их цены и цену за пошитье. <...> Какой-то у вас модный цвет на фраки? Мне очень бы хотелось сделать себе синий с металлическими пуговицами[10], а черных фраков у меня много, и они мне так надоели, что смотреть на них не хочется».

В заключение сообщает, что заканчивает письмо уже в Васильевке.

[1] 15 июня 1827 г. Е. П. Гребенка писал родным: «Я писал к папеньке, когда за мною присылать, а именно, чтоб 25-го были в Нежине, 26-го отдохнули, а 27-го выехавши, я поспел бы к папенькиным именинам <29 июня> домой» (*Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 521–522). — См. также ***1827. Июня 7. Вторник. Нежин.***

[2] Уже в этом гоголевском письме как бы намечена тема будущей «Шинели» — мороз, дающий «колючие щелчки без разбору по всем носам» и вынуждающий героя, бедного петербургского чиновника, положить все силы и средства на приобретение новой шинели («отрадный» контраст этому — изображение вольного южного быта в «Тарасе Бульбе», — чреватого, однако, «малороссийской ленью»).

[3] Ср. также в письмах к Г. И. Высоцкому от 19 марта 1827 г.: «Короче я делаюсь *ты*»; А. С. Данилевскому от 1 января 1832 г.: «Я... бы желал на время принять твой образ с твоими страстишками...»; М. П. Погодину от 10 января 1833 г.: «Послал вам адрес, просил и молил вас не забыть своего двойника, но вы позабыли».

[4] См. ***1827. Марта 19. Суббота. Нежин.***

[5] В. И. Шенрок, беседовавший в 1887 г. с А. С. Данилевским, пояснял: «Кларочка Курдюмова, по словам А. С. Данилевского, была сестра гувернера Августа Ивановича Амана; она была очень некрасива и служила предметом шуток для Гоголя и его товарищей» (Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 503).

[6] И. Н. Кобеляцкий уволен из гимназии в январе 1826 г. за дурное поведение; в августе 1827 г. поступил на службу в Департамент народного просвещения канцеляристом; в июне 1828 г. уволен и принят в число канцелярских служителей Царскосельского дворцового правления (*Супронюк. Словарь.* С. 86). В. И. Шенрок пояснял: «По словам покойного А. С. Данилевского, Иван Николаевич Кобеляцкий, одного курса с ним и Гоголем, перешел в Царскосельский лицей» (Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 503).

[7] Х. Н. Иеропес женился на другой избраннице, дочери профессора М. В. Билевича Софье (1809 г. рожд.) (см.: *Михед, Якубина.* С. 462).

[8] В. И. Шенрок пояснял: «Моисеев, Кирилл Абрамович — учитель словесности, истории и статистики... <...> По словам А. С. Данилевского, “казак” было его обычное выражение» (Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 503).

[9] См. ***1827. Октября 2–3. Воскресенье-понедельник. Нежин.***

[10] См. также ***1852. Апреля 30. Среда. Москва.***

ИЮНЬ. НЕЖИН

«Проф<ессор> Шапалинский, во время исправления им должности директора, в отчете за 1827 год <...> характеризует некоторых из <надзирателей пансиона> <...>:

“О. В<оаргард> не способен по причине нравственной слабости; Н. М<аслянникo>в весьма способен, если бы не препятствовали телесные недостатки к исправлению надзирательской должности; учитель фехтования О. У<рсо> способен, но имеет нравственную слабость”.

Об этом же учителе фехтования, бывшем некоторое время и «нравонаблюдателем», имеется в архиве целое дело, как его избили и даже ограбили на постоялом дворе в Нежине; в избиении этом участвовал и квартальный надзиратель, который, в заключение всего, забрал У<рсо> на “съезжую”, где продержал под караулом целую ночь. — Конечно, в этом эпизоде с злополучным учителем фехтования не последнюю роль играла указанная Шапалинским и “нравственная слабость”».

Сребницкий 1902. С. 308.

ИЮНЯ КОНЕЦ – АВГУСТА СРЕДИНА. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь проводит летние каникулы в Васильевке, где в то время гостят братья Петр и Павел Петровичи Косяровские и их сестра Варвара Петровна[1].

Сразу по приезде отправляет написанное еще в Нежине письмо Г. И. Высоцкому[2].

Позднее, 13 сентября 1827 г., в письме к Петру П. Косяровскому, Гоголь писал: «В часы и тоски и радости буду вспоминать то время, когда мы вместе составляли дружное семейство, как работали в саду, трудились и наконец собиралися к домашнему незатейливому обеду гораздо веселее и с большим апетитом, нежели в Кибинцах к тамошнему — разноблюдному и огромному».

В тот же день, 13 сентября 1827 г., он писал также Павлу П. Косяровскому: «Право, как подумаешь, как было весело нам, чего мы не делали. Помните ли, как мы бракованые арбузы отправляли на тот стол? Кушаете ли до сих пор дыни? а нижненький Елисей и Матрена Алекс<еевна>[3] не причаливали? Кстати: вы не знаете дальнейших приключений с онучею Петра Борисовича[4]? Ничего уже не вижу, что у вас делается, для меня всё прошло, по пословице: Всякая вологодская пивоварня имеет свою сметаняную тётку и всякая изюмная попадья имеет свою гарусную коровницу».

3 октября 1827 г. в письме к Павлу П. Косяровскому Гоголь также вспоминал: «Так ли вы еще весело проводите время, как и прежде? — Бывало (помните ли наши гулянья?) мы путешествуем даже до мельниц и приходим к вечеру, истомленные, на чай, или на богатую коллекцию дынь. Чаще всего я вспоминаю, когда после ужина отправляемся на ночлег по нашей шаткой лестнице в возвышенное наше обиталище».

Спустя год, 2 сентября 1828 г., Гоголь вновь писал Павлу П. Косяровскому: «...Только порою воспоминание о нашей благословенной веселой троице, обитавшей на верхнем жилье купно в здравии <и> благоденствии, шевелит мои думы».

Летом 1827 г. Гоголь, «в мундире нежинского лицея», вероятно, приезжает в гости к соседу по имению в Полтавской губернии, «высокому, благообразному старику, лет семидесяти», Ивану Федоровичу Г.....у. Среди многочисленного съезда гостей старшего возраста, дам и барышень, знакомится с единственным приехавшим туда юношей, будущим писателем Алексеем Петровичем Стороженко (1805–1874), который позднее, в 1859 г., оставил свои полуапокрифические воспоминания об этой встрече.

За обедом шел разговор о продолжающейся русско-персидской войне 1826–1828 гг. (окончилась 10 февраля 1828 г. подписанием Туркманчайского мирного договора); дама Пульхерия Трофимовна хвалилась мнимыми подвигами своего сына, отчего поссорилась с другими гостями. Гоголь всех передразнивал, «добавлял к их речам свои слова очень кстати и строил гримасы», чем довел соседа, Стороженко, до «истерического смеха».

После обеда, отделившись от гостей, Гоголь и Стороженко вышли в сад, откуда открывалась «очаровательная панорама» окрестностей; затем отправились, через реку, в лес: «...Спустились с горы прямиком, перелезли через забор и очутились в узком и длинном переулке, вроде того, какой разделял усадьбы Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича»; затем перелезли через плетень и оказались в чужом огороде, где их встретила бранью «высокая дебелая молодица, с грудным ребенком на руках». Гоголь еще более рассердил ее словами о том, что, мол, им сообщили, «что здесь живет молодица, у которой *дитина* похожа на поросенка». Подошедший ее муж, Остап, не стал браниться со «школярами», но, по оценке Гоголя, «поступил как самый тонкий дипломат: все обратил в шутку — настоящий Безбородко!» На продолжении пути еще раз встретив молодицу, Гоголь искусно укротил ее гнев тем, что стал, напротив, расхваливать ее сына: «Славный у тебя *хлопчик*; когда вырастет <...> в унтера произведут: придет до тебя в отпуск в крестах <...> пойдет по улице да брякнет шпорами, сабелькой, так дивчата будут глядеть на него и облизываться...»[5]

Отвечая на удивление приятеля, Гоголь признался, что хотел бы «всю жизнь» посвятить своей родине, «описывая ее природу, юмор ее жителей, с их обычаями, поверьями, изустными преданиями и легендами»: «Согласитесь: источник обильный, неисчерпаемый, рудник богатый и еще непочатый».

Перебравшись через реку и достигнув леса, Гоголь и его спутник прилегли отдохнуть. «Ударьте лихом об землю, — сказал Гоголь, ложась на спину, — раскиньтесь вот так, как я, поглядите на это синее небо, то всякое сокрушение спадет с сердца и душа просветлеет. <...> В этом положении фантазия как-то сильнее разыгрывается, в уме зарождаются мысли высокие, идеи светлые — не правда ли? <...> Примите к сведению и на будущее время, глядите на небо, чтоб сноснее было жить на земле»[6].

На вопрос, долго ли еще ему оставаться в «лицее», Гоголь ответил: «Еще год», — по истечении которого он отправится в Петербург.

После недолгого сна, Гоголь, проснувшись, сказал, подразумевая распространенную на Украине фамилию: «Славно разделался с храповицким»[7].

На обратном пути Гоголь «записывал некоторые слова и поговорки» Остапа; на следующий день Стороженко застал Гоголя за сочинением стихов[8].

[1] См. ***1827. Августа 19. Пятница. Нежин.***

[2] См. ***1827. Июня 26. Воскресенье — июня конец. Нежин, Васильевка.***

[3] Елисей Васильевич Надержинский и его жена, помещики, соседи М. И. Гоголь по имению. Отзыв Е. В. Надержинского об одной из картин Гоголя, привезенных из Нежина (см. ***1827. Июня 7. Вторник. Нежин***) см.: ***1829. Мая 22. Среда. Санкт-Петербург.***

[4] Приживал в доме Гоголей. «Петр Борисович и сестра его, Марья Борисовна, по объяснению А. В. Гоголь, были простые, не интеллигентные люди. Петр Борисович любил выпить» (Письма *Н. В. Гоголя.* Ред. В. И. Шенрока. СПб., <1901>. Т. 1. С. 83).

[5] Рассказ Стороженко может свидетельствовать о том, что Гоголь, еще будучи в Нежине, хорошо разбирался в «тайных изгибах сердца». Слова, сказанные им в 1827 г. молодой крестьянке, напоминают лесть торговца Янкеля польскому солдату в «Тарасе Бульбе»: «...Полковник, совсем полковник! <...> а цурки, где только увидят военных... ай, ай!» Цурка (из пол. córka – дочь) – «девушка, дочь» (гоголевский словарь «Малороссийских слов, встречающихся в первом и втором томах»).

[6] По воспоминаниям Анненкова (1857), «на даче княгини З. Волконской, упиравшейся в старый римский водопровод, который служил ей террасой», Гоголь «ложился спиной на аркаду <...> и по полусуткам смотрел в голубое небо, на мертвую и великолепную римскую Кампанью» (см. ***1841. Мая 6 <апреля 24>. Четверг. Рим***). – См. также аналогичные свидетельства А. О. Смирновой, опубликованные в 1854 и 1856 гг.: ***1843. Апреля 20 <8>. Великий четверг. Рим.***

[7] См. ***1841. Сентября 27 <15>. Дрезден***; ***1842. Августа 5 <июля 24>. Мюнхен***; ***1850. Июня 15–16. Калуга.***

[8] См.: *Стороженко А. П.* Воспоминание // *Свод.* Т. 1. С. 607–616.

ИЮЛЯ 2. СУББОТА. НЕЖИН

Младший профессор Н. Г. Белоусов подает в конференцию ответный рапорт[1], в котором, отвергнув обвинение в том, будто бы «за пансионерами нет надлежащего смотрения со стороны инспектора», утверждает, что, несмотря на чинившиеся препятствия со стороны отдельных профессоров, ему удалось добиться существенных успехов в наведении порядка и укреплении дисциплины среди воспитанников гимназии[2].

В рапорте Белоусов, в частности, писал: «...Бывший директор Орлай многократными убеждениями принудил меня принять на себя должность инспектора... Я долго отказывался, ибо видел, сколько труда, беспокойств и неприятностей должно было переносить при столь развращенном состоянии пансиона, в каком он тогда находился. Но когда сей почтенный своими заслугами в нашем отечестве муж, начал меня почти со слезами убеждать, представляя и гибель юношества, и обманутую надежду родителей, и пагубу, угрожающую целому заведению, присовокупляя, что на меня только он единственно полагает надежду, что я все могу исправить: тогда я уже решился принять на себя тяжкое бремя...»[3]

[1] См. ***1827. Июня 22. Нежин.***

[2] *Машинский 1959.* С. 89.

[3] *Байцура Т.* Иван Семенович Орлай. Жизнь и деятельность. Братислава; Пряшев, 1977. С. 141–142.

ИЮЛЯ 4. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Протоиерей Павел Волынский на заседании конференции получает от исполняющего обязанности директора гимназии К. В. Шапалинского конспекты лекций по естественному праву младшего профессора Н. Г. Белоусова[1].

Позднее, в рапорте от 9 декабря 1827 г.[2], М. В. Билевич сообщал: «...г. Белоусов, в конференции 4 июля сего года делал похвалки меня выгнать из гимназии, говоря, что он давно бы уже это сделал, но только жалеет моего семейства»[3].

Свое мнение о конспектах Белоусова о. Павел Волынский представил конференции 20 июля 1827 г.[4]

[1] *Иофанов.* С. 289. – См. также ***1827. Июня 22. Среда. Нежин*** (примечания).

[2] См. ***1827. Декабря 9. Нежин.***

[3] *Иофанов.* С. 403–404.

[4] См. ***1827. Июля 20. Среда. Нежин.***

ИЮЛЯ 18. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Старший профессор М. В. Билевич в рапорте конференции «представленные Белоусовым в конференцию записки <...> называет подложными и доносит <...>, что 21 июня Белоусов отбирал от учеников тетради <с записями своих лекций по «естественному праву»> с целию их исправления[1], но что он <Билевич>, однако, успел захватить у двоих учеников подлинные записки, писанные со слов преподавателя. Эти последние он и представил в конференцию вместе с их критическим разбором»[2].

Представленные Билевичем конспекты по «естественному праву» принадлежали ученикам седьмого класса А. М. Новохацкому (переписаны с конспекта Гоголя 1825/26 учебного года)[3] и Е. И. Филипченко.

«Происхождение упомянутых тетрадей Билевич объяснил следующим образом: "Первые две, т. е. Новохацкого, достались мне потому, что я, вникая в занятия ученика того же седьмого класса Михна, у меня квартирующего[4], нашел у него оные две пансионера Новохацкого тетради, взятые им, учеником Михно, для вернейшего с них, как исправленных самим г-м Белоусовым, исправления своих тетрадей, в коих найдя многие положения с целию нравственного воспитания несообразные, я удержал оные у себя, а для большего удостоверения, действительно ли сие естественное право г-м Белоусовым в таковых положениях преподается, и к сличению с оными взял и еще тетради того же права от ученика Филипченка". <...> Подробно разобрав содержание представленных тетрадей <...>, Билевич заключил свой рапорт выводом: "Словом, записки в означенных четырех тетрадках учеников Новохацкого и Филипченко, в коих совершенно не упоминается о должностях ни к Богу, так ни к самому себе, ни к ближнему, ни к родителям, ни к детям, ни к родным, ни к семейственной жизни и прочее, что составляет существенные принадлежности естественного права, преисполнены таких мнений и положений, которые неопытное юношество действительно могут вовлечь в заблуждение..."»[5]

[1] См. также ***1827. Июня 21. Нежин.***
[2] *Лавровский 1879.* С. 197–198; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 138.
[3] См. ***1827. Октября 31. Нежин***; ***1827. Ноября 1. Нежин***; ***1827. Ноября 3. Нежин.***
[4] См. ***1827. Июня 21. Нежин.***
[5] *Машинский 1959.* С. 92–93.

ИЮЛЯ 20. СРЕДА. НЕЖИН

Протоиерей Павел Волынский подает рапорт конференции с анализом конспектов лекций профессора Н. Г. Белоусова по естественному праву с заключением, что «они с благочестием несообразны» и что «в некоторых местах записок <он> нашел мысли при научении юношества к сбивчивым и ложным понятиям ведущие»[1].

В разборе лекций Белоусова, отец Павел Волынский ссылаясь на Послания св. апостола Павла, в частности, указывал, что ряд положений Белоусова об обидах и «вознаграждениях» прямо противоречит духу евангельских заповедей. «В главе об обидах, – писал отец Павел, – <...> в § 49 сказано: "Кто отказывается от вознаграждения, тот теряет свою неприкосновенность, составляющую, как выше сказано, достоинство разумной природы в чувственном мире"». «Сие, – указывал отец Павел, – <...> ведет к неблагомыслию, ибо в Послании к Солунянам, глава 5, стих 15, сказано: "Блюдите, да никтоже зла за зло кому воздаст: но всегда доброе

гоните и друг ко другу и ко всем", и еще в Послании к Колоссаем, глава 3, стих 13: "...приемлюще друг друга и прощающе себе, аще кто на кого имать поречение: якоже и Христос простил есть вам, тако и вы. Над всеми же сими стяжите любовь, яже есть соуз совершенства"»[2].

С этими размышлениями нежинского законоучителя мог вполне согласиться Гоголь – автор «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1833). Содержание этой повести прямо определяется мыслью о забвении ее героями как раз тех христианских заповедей, на которые указывал в своем разборе лекций Белоусова протоиерей Павел Волынский[3]. Много лет спустя «поздний» Гоголь, как бы прямо напоминая читателям бесконечную тяжбу героев своего «Миргорода», замечал: «Народ наш не глуп, что бежит, как от черта, от всякой письменной бумаги. Знает, что там притык всей человеческой путаницы, крючкотворства и каверзничеств» (статья «Русский помещик»). «Все до единого теперь видят, – добавлял он, – что множество <...> всяких кляуз произошло именно оттого, что европейские философы-законодатели стали заранее определять все возможные случаи уклонений... <...> Человеколюбивый производит теперь бесстыднейшим образом в виду всех жестокое дело <...> тогда как он устыдился бы и самой мысли о том <...> если бы <...> мирила человека с человеком Церковь, а не гражданский закон» (статья «Занимающему важное место»).

С другой стороны, одно из положений профессора Белоусова о том, что кто «отказывается» от вознаграждения за обиду, тот теряет «достоинство разумной природы», можно, кажется, усмотреть в гоголевском «Ревизоре» – в реплике унтер-офицерши, высеченной «по ошибке» городничим: «А за ошибку-то повели ему заплатить штрафт. Мне от своего счастья неча отказываться...», а также в образе коломенского будочника в «Шинели», который, будучи сбит поросенком, вытребовал за это по грошу на табак у смеявшихся над ним извозчиков.

По-видимому, уже в Нежине расследование «дела о вольнодумстве» (прямо затронувшее Гоголя[4]) заставило его, пусть невольно, обратить внимание на то, насколько в действительности соответствовало содержание курса «естественного права» учению Церкви. Не обратить внимания на это Гоголь не мог уже потому, что разногласия между преподавателями нашли, в частности, прямое отражение в вопросах отца Павла Волынского «из практической философии», вынесенных в июне 1828 г. на выпускные экзамены. Самые первые из этих более чем восьмидесяти вопросов содержат прямую полемику с положениями «естественного права». Очевидно, что Гоголь, готовясь к экзамену, должен был знать правильные ответы на эти вопросы: «Кто есть начальник и совершитель этики? Итак, этика на чем основание имеет? Священное Писание на чем основано? Что есть закон? Что есть право естественное? Что есть этика? Как разделяется этика, и что есть практическая философия? Какая разница между правом естественным и этикою? Чему учит право естественное, и чему этика, и какое из того вывели заключение?»[5]

[1] *Лавровский 1879*. С. 199–202; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 140. – См. также ***1827. Августа 1. Понедельник. Нежин***.

[2] Разбор лекций проф. Н. Г. Белоусова протоиереем Павлом Волынским. 1827. VII. 20 / Публ. Д. М. Иофанова и И. В. Шубинского // *Иофанов*. С. 368.

[3] См. об этом: *Виноградов И. А.* Неизвестный «Миргород» // *Гоголь Н. В.* Миргород. М., 1996. С. 72–73; *Виноградов 2000*. С. 105–178.

[4] См. ***1827. Ноября 3. Четверг. Нежин.***

[5] См. ***1828. Июня не позднее 23. Нежин.***

ИЮЛЯ 23. СУББОТА. НЕЖИН

Исполняющий обязанности директора гимназии К. В. Шапалинский представляет в конференцию для рассмотрения конспект лекций по курсу естественного права ученика Н. К. Бороздина, которые тот слушал у профессора М. В. Билевича.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 140.

ИЮЛЬ. НЕЖИН

Отъезд К. М. Базили в Одессу.

И. Д. Халчинский вспоминал: «...И. С. Орлай, познакомившись в Одессе с семейством Базили, советовал его матери перевести сына из Нежина в Одессу, и Константин Михайлович был взят на

вакации, по окончании седьмого класса. Базили отправился в Одессу в июле 1827 года, и хотя начальство Гимназии высших наук его требовало обратно[1], но он, под предлогом болезни, не возвратился».

Халчинский И. Д. К. М. Базили // *Свод.* Т. 1. С. 545. – См. также ***1827. Октября 29. Нежин.***

[1] См. также ***1827. Октября 29. Суббота. Нежин.***

ИЮЛЯ КОНЕЦ. МОСКВА

Выход в свет пятнадцатого номера журнала «Московский Вестник», в котором напечатан перевод князя В. Ф. Одоевского «Август Людвиг Шлецер. (Соч. Герена)».

<*Одоевский В. Ф., князь*>. *К.* Август Людвиг Шлецер. (Соч. Герена) // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 4 (цензурное разрешение 23 июня). № 15. С. 315–332. См. также ***1827. Апреля 23. Суббота. Москва***; ***1827***; ***1827. Марта конец. Москва***.

АВГУСТА 1. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

В гимназии начинается новый учебный год. Решением конференции приостановлено чтение естественного права[1].

«При последующем разбирательстве Шапалинскому особо вменялось в вину стремление скрыть от вышестоящего начальства "неправильное преподавание естественного права"»[2].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 140. – См. также ***1827. Октября 6. Четверг. Нежин***.
[2] *Машинский 1959.* С. 97.

АВГУСТА 5. ПЯТНИЦА. БОГДАНОВКА, БЛИЗ ПОЛТАВЫ

Сестра Гоголя Мария пишет матери:

«Братца и сестриц мысленно целую и обнимаю. Прошу братца, чтобы он меня не забывал, хоть иногда ко мне писал».

Свод. Т. 1. С. 141.

ЯНВАРЬ ИЛИ АВГУСТА 8. НЕЖИН

В число вольноприходящих воспитанников гимназии зачислен В. К. Каминский.

Супронюк. Словарь. С. 80–81.

АВГУСТА 10. СРЕДА. НЕЖИН

Младший профессор юридических наук Н. Г. Белоусов подает в правление гимназии рапорт с просьбой освободить его от должности инспектора пансиона.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 141.

АВГУСТА 13. СУББОТА. НЕЖИН

Протоиерей Павел Волынский подает в правление гимназии рапорт о том, что в конспекте лекций Н. К. Бороздина по курсу естественного права, прочитанному старшим профессором М. В. Билевичем[1], он не нашел «ничего противного ни Закону Божьему, ни гражданскому»[2].

[1] См. ***1827. Июля 23. Суббота. Нежин.***
[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 141.

АВГУСТА 18. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Гоголь в «пространной» бричке, данной для поездки А. А. Трощинским[1], поздно вечером приезжает в гимназию после летних каникул[2].

[1] См. ***1828. Мая 3. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Нежин.***
[2] См. ***1827. Августа 19. Пятница. Нежин.***

АВГУСТА 19. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Гоголь извещает мать о благополучном прибытии в Нежин; сообщает, что Антону[1] он «еще дал на дорогу из своих 4 р<убля> 80 к<опеек>», так как здесь «овес чрезвычайно дорог». Сожалеет, что Косяровские, Петр и Павел Петровичи и их сестра Варвара Петровна, которым он передает поклоны, не могли ближе его узнать из-за его упрямого характера:

> «...Могли ли они думать, чтобы под внешним видом настойчивого упрямства, которое резко означило характер мой, могло биться сердце, отворотившееся всего, носящего название злого»[2].

Позднее, в письме к Петру П. Косяровскому от 13 сентября 1827 г., Гоголь также замечал, что «ничем не мог доказать любви своей» к дяде «и даже огорчал» его «частенько»: «Живо помню, как был когда-то я рассеян, чем-то оскорбил вас и даже забыл поздороваться с вами. И как через минуту вы обняли меня с улыбкою примирения и всё было забыто. Да, бесценнейший Петр Петрович, вы слишком добры, чтобы видеть во мне корень характера — злое упрямство, и никогда не будете иметь обо мне худых мыслей...»

[1] Антон Шлапак, сопровождавший Гоголя из Васильевки в Нежин, крепостной Гоголей, доверенное лицо по хозяйственной части, пользовавшийся расположением В. А. Гоголя и — затем — при М. И. Гоголь.
[2] См. также ***1828. Марта 1. Четверг. Нежин.***

АВГУСТА 19 – ДЕКАБРЬ. НЕЖИН

Гоголь учится в девятом классе гимназии. Изучает следующие дисциплины: Закон Божий (с нравоучительной философией), российскую словесность (с логикой), всеобщую историю (с общей статистикой)[1], русскую историю, математику, естественную историю (раздел зоологии) и частную физику[2], латинский, французский и немецкий языки, юридические науки[3], полевую фортификацию (или военные науки)[4].

Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1827/28 уч<ебный> год. Гоголь в 9 классе // *Свод.* Т. 1. С. 480.

[1] «Чтение всеобщей истории конспект <старшего профессора российской и всемирной истории К. А. Моисеева> обещает заключать, при открытии 9 класса <см. ***1825. Августа 1. Нежин***>, в котором назначалось чтение общей статистики, "философским взглядом на важнейшие ее эпохи" по руководству "Дух истории" Феранда и известной речи Боссюэта» (*Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 г.) // *Свод.* Т. 1. С. 460).

Племянник профессора М. В. Билевича Н. И. Билевич, поступивший в гимназию в сентябре 1827 г., в седьмой класс (см. ***1827. Сентября 6. Вторник***), летом 1852 г., беседуя с С. П. Шевыревым, вспоминал: «Учитель Всеобщ<ей> Истории <К. А. Моисеев> рассказывал про подвиги Александра Македонского с большим жаром, – и заключив смертию, сказал: "Ну, Г<-н> Гоголь-Яновский, а по смерти Алекс<андра> М<акедонского> что последовало?" – "Похороны", – отвечал тот. Весь класс захохотал вместе с учителем» (Воспоминания о Гоголе Н. И. Билевича в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 1. С. 535).

Возможно, воспоминания Гоголя об этом школьном наставнике нашли отражение в известной реплике Городничего об «учителе по исторической части» в «Ревизоре»: «Он ученая голова – это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну покамест говорил об ассириянах и вавилонянах – еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-Богу! Сбежал с кафедры и что есть силы хвать стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?..»

[2] Профессором естественной истории и технологии Н. Ф. Соловьевым «в 9 классе <излагалась> зоология, по руководству <И. Ф. > Блюменбаха (имеется в виду «Руководство к естественной истории доктора Иоганна Фридриха Блуменбаха». СПб., 1797. Ч. 1–3; 2-е изд. – 1817. – *И. В.*), с пополнениями и некоторыми изменениями по сочинению <Ж. Л.> Кювье «Le regne animal distribute d'apres son organization» <Paris, 1817. Т. 1–4>. В том же отделении Соловьев читал частную физику по руководству Шрадера, с пополнениями из физики <Ж. Б.> Био, и химию по сочинению <Л. Ж.> Тенара (о теплороде, свете, электричестве, магнетизме, воздухе и его составе)» (*Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 г.) // *Свод.* Т. 1. С. 457–458).

[3] См. ***1827. Сентябрь. Нежин***; ***1827. Октябрь. Нежин***; ***1827. Ноябрь. Нежин***; ***1827. Декабрь. Нежин.***

[4] «С 1827/28 уч<ебного> года в своих конспектах Шапалинский назначает для 9 класса "правила полевой фортификации и основания артиллерии, буде конференция доставит для сего руководство". Впрочем, для военных наук скоро был назначен особый профессор» (*Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 г.) // *Свод.* Т. 1. С. 464).

Один из соучеников Гоголя, записки которого были опубликованы в 1892 г. Шенроком (и приписаны К. М. Базили, 1809–1884), вспоминал: «Летом, бывало, Шапалинский водил нас за город, верст за пять и за десять, с инструментами снимать планы. Любили мы его и учились прилежно; до сей поры засели в моей памяти иные тригонометрические формулы...» (Записки К. М. Базили в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 540) (походы могли совершаться либо в августе 1827 г., либо в июне 1828 г., однако в июне в гимназии уже устраивались экзамены). – См. также ***1827. Сентября 12–13. Понедельник-вторник. Нежин***; ***1828. Января конец. Нежин***; ***1828. Июнь. Нежин.***

АВГУСТА 20. СУББОТА. НЕЖИН

«Николай Гоголь и Николай Григоров подают в Конференцию Гимназии прошения о допуске к переводному экзамену по языкам из третьего в четвертое отделение»[1].

Ученик 9 класса Николай Гоголь-Яновский 20 августа 1827 г. обращается в конференцию: «В журнале Конференции XXVIII § II прошлого 1826-го года определено позволить держать экзамен на высшие отделения ученикам последнего трехлетия не далее 1-го Октября месяца того 1826-го года, а потом в другой раз не далее месяца сентября сего 1827-го года, и буде кто из таковых окажется достойным, переместить в высшее отделение. Почему находясь в 9-м клас<с>е, покорнейше прошу Конференцию на основании вышепрописанного определения позволить мне держать экзамен с 3-го на 4-ое отделение по языкам».

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 142. – См. также ***1827. Августа 27. Нежин.***

АВГУСТА 20. СУББОТА. БОГДАНОВКА, БЛИЗ ПОЛТАВЫ

Сестра Гоголя Мария пишет матери:

«...Я думаю, мой братец выехал[1], то прошу покорнейше ему написать, чтобы он когда-нибудь ко мне написал...»

Свод. Т. 1. С. 141.

[1] Имеется в виду отъезд Н. В. Гоголя в Нежин.

АВГУСТА 27. СУББОТА. НЕЖИН

«Николай Гоголь и Николай Григоров <успешно> сдают переводной экзамен из третьего в четвертое отделение по языкам»[1]. (Преподавателем латыни в четвертом отделении был С. М. Андрущенко.)

«Читаны прошения 9-го класса Гимназии воспитанников Николая Григорова и Николая Гоголя-Яновского о позволении им, на основании журнала Конференции XXVIII § II прошлого 1826 года, держать экзамен по языкам из 3-го на 4-ое отделение[2]; по произведенному же им в Конференции испытанию они оказались довольно способными поступить из 3-го в 4-ое отделение; почему определено переместить их, Григорова и Яновского, в сие 4-е отделение»[3].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 142.
[2] См. ***1827. Августа 20. Нежин.***
[3] Журнал конференции <Гимназии высших наук князя Безбородко>. XVII. 1827 года августа 27-го дня // *Свод.* Т. 1. С. 464–465.

АВГУСТА 29. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

А. С. Данилевский возвращается[1] в гимназию (зачислен в девятый класс и в четвертое отделение по языкам). Он и его братья Иван и Елисей приняты в число вольноприходящих пансионеров[2].

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., сообщал: «...Недолго оставался Данилевский в Москве: скоро он соскучился по товарищам и вернулся снова в Нежин. В Москве он пробыл меньше года»[3]; «Один из братьев Александра Семеновича Данилевского, Иван Семенович... <...> Другой брат, Елисей Семенович, был также в гимназии высших наук в Нежине, потом был помещиком и скончался в шестидесятых годах»[4].

[1] См. ***1826. Конец года (после декабря 12). Нежин.***
[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 142.
[3] Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 502.
[4] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 520.

АВГУСТА 30. ВТОРНИК. НЕЖИН

Гоголь, пользуясь тем, что в Нежин приехал отчим А. С. Данилевского, В. И. Черныш, отправляет с ним письмо к матери, в котором спрашивает, гостят ли еще в Васильевке Петр и Павел Петровичи Косяровские; передает привет В. П. Косяровской, спрашивает, почему «безмолвствует» «Елисавет Петровна» (Грибоедова, приживалка Гоголей). Дает совет, как увеличить «затёр» (затор, сусло) для винокурения. Просит уведомить, «отыскан ли» обещанный для него мальчик-слуга. Замечает:

«Я думаю, вы ездили, или, может быть, поедете в Кибенцы на свадьбу[1], и, может быть, письмо мое долго будет ждать вас в деревне Васильевке».

[1] Имеется в виду свадьба барона С. К. Остен-Сакена и княжны П. И. Хилковой (см. ***1827. Января 18. Вторник. Кибинцы*** – примечания).

АВГУСТ. НЕЖИН

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года старшим профессором российской словесности П. И. Никольским, «за август месяц» в девятом классе «из правил высшей словесности» пройдены следующие темы: «Общее обозрение изящной словесности: что разумеется под именем оной вообще и частно? Чем различается она от высших собственно называемых знаний и какую связь имеет с ними?»[1]

Согласно сводной ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам российской словесности за 1827/28 учебный год, Николай Яновский (Гоголь) в августе 1827 г. получил от профессора Никольского следующие оценки (по четырехбалльной системе): поведение – 3; успехи – 3[2].

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года профессором естественной истории и технологии Н. Ф. Соловьевым, «в августе месяце» 1827 г. в девятом классе «пройдено из естественных наук»:

«*Из зоологии:* Общее понятие о животных телах; отличие их между собою; основные формы животного тела. *Из частной физики:* в сем месяце не было читано по причине табельных дней, в понедельники[3] случившиеся»[4].

Согласно сводной ведомости об успеваемости учеников девятого класса по естественной истории и частной физике с августа 1827 г. по май 1828 г., Николай Яновский (Гоголь) в августе 1827 г. получил от профессора Соловьева следующие оценки: по поведению – 4, по успехам – 4[5].

Н. В. Кукольник замечен в вольнодумстве и знакомстве с масонской литературой.

«На <...> допросе, производившемся 17–29 мая <1828 г.>, ученики (Колышкевич и двое Котляревских) показали <...> что, до приезда нового директора[6], Кукольник и другие из меньшего

возраста в саду и в классе, до прихода Зингера, говорили свои наставления с кафедры, подобно лекциям, о метафизике, эстетике и магнетизме, причем вольно и непристойно говорили о религии; что Кукольник давал ученикам своего сочинения трагедию "Марию"[7], дерзко и непристойно написанную, и читал ее в классе большею частию перед лекциями Белоусова, которые иногда не скоро и даже спустя 3/4 часа начинались; читал и другую трагедию "Тасс"[8] и один роман»[9].

19 марта 1828 г. ученик А. А. Котляревский показал, что пансионер Н. В. Кукольник, вместе с некоторыми другими учениками, «говорил ему, Александру Котляревскому, в саду в августе месяце прошлого 1827-го года о Религии Христианской мнения свои весьма дерзкие; в прочем Александр Котляревский подтвердил показание Колышкевича о сочинениях Кукольника и прибавил, что сам Кукольник давал своего сочинения трагедию Марию ему, Александру Котляревскому, читать. На спрос же, какие точно слова говорил Кукольник насчет религии, то Александр Котляревский показал, что Кукольник именно говорил: что Христос был только великий философ, юрист; политик и великий человек; и что Лазарь, которого Христос воскресил, не умирал, а находился только в летаргическом сне от напитка, Петром Апостолом ему умышленно данного, что Апостолы были люди простые и что они не по нашествию Святаго Духа говорили разными языками, но были прежде уже научены тем языкам от Христа и прочее тому подобное»[10].

Любимым наставником Кукольника был младший профессор немецкой словесности Ф. И. Зингер (впоследствии Кукольник оставил о Зингере свои воспоминания[11]). В материалах следствия о Зингере говорится, что тот «везде имел предосудительное с воспитанниками пансиона фамильярство, читал им в классе на лекциях *вредные сочинения* и, при чтении оных, *наклонял своими разговорами к вольнодумству*, запрещал им под видом дружбы выносить из класса все в оном сказанное, говоря при том, что он надеется, что в сем роде он имеет дело с людьми благородными»[12]. Профессор К. А. Моисеев, сообщая Адеркасу о том, что среди учеников заметна «холодность к богослужению», полагал, что немалая роль в этом принадлежит именно Зингеру, который «давал читать и переводить ученикам статьи, заключающие в себе *осуждение постановлений Церкви*», а кроме того, «для классных же переводов выбирал и в классе переводил многие разные статьи о революциях»[13].

По показанию учеников, данному в мае 1828 г. директору Д. Е. Ясновскому, Зингер пренебрежительно отзывался о присяге, «вообще часто заменял лекции рассуждениями политическими», — и только со времени приезда Ясновского[14] «перестал это делать»[15]. Учащиеся гимназии представили новому директору свои классные тетради, в которых действительно оказались выражения «противные Греко-Российской Церкви». На заявление Зингера, что он не говорил и не читал ничего подобного — что «ученики приведенные выражения сами могли выписать из книги Канта, которую он носил в класс», директор Ясновский возразил, что «тетради писаны одинаковым скорым почерком, под диктовку, со многими погрешностями», что исключает возможность переписки отдельных фраз прямо из книги. При этом директор добавил, что «и прочие показания» допрошенных учеников (братьев Котляревских), «по свойствам Зингера, он считает вероятными»[16].

Из самых слов Зингера о возможности для учащихся заимствовать сомнительные выражения из книги Канта (приносимой им в класс) следует, что избранный профессором для преподавания предмет вполне располагал к соответствующим — «противным Греко-Российской Церкви» — высказываниям. Зимой 1826 г., Зингер, «читая для перевода из Канта о высоком и изящном, говорил ученикам, что частицы креста, носимые на шее, и самые мощи — суть глупость; при сем случае ученик Александр Котляревский, вставши, сказал профессору Зингеру, что у нас в России читать так нельзя, а тем более с кафедры, на что отвечал Зингер, что надеется, что имеет дело с благородными людьми» (то есть такими, которые не донесут о его замечаниях)[17].

Для перевода Зингером был избран фрагмент трактата Канта «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» (1764), где, в частности, говорится: «Отшельническая набожность древних пустынников была *причудлива*. Монастыри и другие подобного рода склепы для заточения в них живых святых — это *гримасы*. <...> Умерщвление плоти, обеты и другие монашеские добродетели суть *гримасы*. Мощи, священное дерево и всякого рода подобный хлам <...> — все это *гримасы*» (цитируется по современному переводу, 1994 г.[18]). В переводе этого фрагмента книги, изданного в 1804 г. «с дозволения Санктпетербургского гражданского губернатора»[19], слова Канта о мощах и «священном древе» («heilige Knochen» и «heiliges Holz») были вычеркнуты и заменены отточиями. Перевод выглядел следующим образом: «Древних пустынножителей уединенная набожность была странна. Монастыри, а особливо девические обители, и подобные сим гробы, в которых заключались живые святые, были у Д... К... н л. п с. т. <...> Изнурения и истязания плоти, обеты и другие . . . . мнимые добродетели походят более на пустоши. . . . . »[20] — Буквы «Д... К...» в этой публикации означают, очевидно, «Древо Креста», а аббревиатура «н л. п с. т.» — «нелепость». Несомненно, выбор Зингера, опиравшегося на немецкий оригинал книги Канта, преследовал прямую цель «восполнить» эти изъятия. (Оставлял желать лучшего и нравственный облик «прогрессивного» профессора. Подобно еще одному вольнодумному наставнику гимназии, младшему профессору французской словесности И. Я. Ландражину, Зингер был карточным игроком[21].)

Особенно популярны среди учащихся – сторонников «прогрессивной» части нежинских профессоров – были произведения Ф. Шиллера, вкус к которым прививал учащимся Зингер. Именно за увлечение Шиллером Кукольник получил от Гоголя, – вероятно, еще в Нежине, – ироническое прозвище «Возвышенный»[22]. (Кратковременного увлечения Шиллером не избежал в то время и сам Гоголь[23]. Впоследствии «эстетика» Шиллера подверглась его резкой критике в «Невском проспекте» и «Мертвых душах»[24].) Цена «возвышенности» Кукольника (как и наставника Зингера) была, по-видимому, хорошо известна Гоголю. Об этом позволяет судить свидетельство соучеников Гоголя и Кукольника братьев А. Ю. и П. Ю. Артыновых, переданное их братом Н. Ю. Артыновым: «Пред Кукольником все мы благоговели. Он когда еще приехал из Петербурга с отцом своим, который был назначен директором в нашу гимназию, то уже знал отлично языки французский, немецкий, итальянский. <...> Словом, он стоял выше всех нас целою головою. И представьте себе, один Гоголь, эта, можно сказать, пешка, не хотел признавать достоинства Кукольника и называл его просто шарлатаном. <...> Оно, правду сказать, и Кукольник был порядочный гуляка. Особенно любил игру на бил<л>иарде. Бывало, целые ночи просиживал для этого в трактирах и только к 6-ти часам утра возвращался в корпус. При этом он отлично умел надувать надзирателей... Бывало, так ловко проберется в корпус и покажет вид, будто бы и он встал вместе с прочими пансионерами, что надзирателям и в голову не приходило, что Кукольник не ночует в корпусе. Конечно, подобные отлучки бывали не часто, а больше Кукольник занимался науками»[25]. (О своих делах по «Рыцарству Бильярдного Шара» сообщал, в частности, сам Кукольник в письме Н. Я. Прокоповичу от 29 июля 1825 г. из Киева в Нежин[26].)

[1] *Сребницкий 1902*. С. 374.

[2] Ведомость о поведении и успехах учеников Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по предметам российской словесности с начала августа месяца 1827-го года <по май 1828> // *Свод*. Т. 1. С. 475.

[3] Имеются в виду три понедельника августа 1827 г.: 1 числа – Происхождение Честных Древ Животворящего Креста Господня (Первый Спас); 15-го – Успение Пресвятой Богородины; 29-го – Усекновение главы Иоанна Крестителя.

[4] *Сребницкий 1902*: С. 382.

[5] Ведомость о поведении и успехах учеников 9-го класса Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по естественной истории и частной физике с августа сего 1827 года по июль месяц будущего 1828 г. Профессор Никита Соловьев // *Свод*. Т. 1. С. 478.

[6] См. ***1827. Октября 5. Нежин.***

[7] См. также ***1827. Марта 12. Суббота. Нежин***; ***1827. Октября 30. Воскресенье. Нежин***.

[8] См. ***1827. Октября 30. Воскресенье. Нежин***.

[9] *Лавровский 1879 (отд. изд.)*. С. 112–113; *Лавровский 1879*. С. 213–214.

[10] Дело по обвинению Белоусова в нелепых словах, сказанных им в классе // *РГИА*. Ф. 733. Оп. 69. Ед. хр. 61. Л. 1 об.; опубл.: *Савва В. И.* К истории о вольнодумстве в Гимназии высших наук кн. Безбородко. Харьков, 1908. С. 13.

[11] См.: *Кукольник Н.* Ф. О. Зингер // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 107–108; То же // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 261–262.

[12] *Машинский 1959*. С. 161.

[13] *Машинский 1959*. С. 161–162.

[14] См. ***1827. Октября 5. Среда. Нежин.***

[15] *Лавровский 1879 (отд. изд.)*. С. 112; *Савва В. И.* К истории о вольнодумстве в Гимназии высших наук кн. Безбородко. С. 13; *Иофанов*. С. 310; *Машинский 1959*. С. 161.

[16] *Лавровский 1879 (отд. изд.)*. С. 113.

[17] *РГИА*. Ф. 733. Оп. 69. Ед. хр. 52. Л. 126; опубл.: *Лавровский 1879 (отд. изд.)*. С. 112; *Савва В. И.* К истории о вольнодумстве в Гимназии высших наук кн. Безбородко. С. 13; *Иофанов*. С. 310; *Машинский 1959*. С. 161. – См. также ***1828. Мая 17–29. Нежин***.

[18] *Кант И.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1994. Т. 2. С. 95.

[19] Петербургским гражданским губернатором был в ту пору сенатор С. С. Кушников (1765–1839), племянник Н. М. Карамзина, в прошлом адъютант князя А. В. Суворова; сторонник графа А. А. Аракчеева.

[20] *Кант И.* Наблюдения об ощущении прекрасного и возвышенного. СПб., 1804. С. 23.

[21] См. ***1828. Января вторая половина. Нежин*** (примечания).

[22] См. ***1827. Октября 30. Воскресенье. Нежин*** (примечания); а также коммент. в изд.: *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 5. С. 522–523.

[23] См. ***1827. Апреля 6. Среда Светлой седмицы. Нежин***.

[24] См.: *Зеньковский В. В.*, проф. прот. Н. В. Гоголь. Париж, <1961>. С. 127; *Виноградов 2000*. С. 214–216, 222, 227–228, 303; *Виноградов И. А.* Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М.: Наука, 2007. Вып. 1. С. 116–123; *Гоголь 2009–2010*. Т. 5. С. 600–601.

[25] *Мацеевич Л.* Гоголь и Кукольник в Нежинской гимназии высших наук // *Свод.* Т. 1. С. 556.
[26] См.: *Супронюк О. К.* Новые материалы о Н. Я. Прокоповиче (к изучению литературного окружения молодого Гоголя) // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М., 1995. С. 244.

СЕНТЯБРЯ 3. СУББОТА. НЕЖИН

М. В. Билевич подает в конференцию гимназии новый рапорт о «превратном преподавании» Н. Г. Белоусовым «оснований естественного права».

Билевич указывал, что Белоусов, «превратно преподавая основания естественного права», «решительно» «объявил в полном собрании Конференции, что он отнюдь не намерен следовать предписанному порядку и автору де Мартини[1] в преподавании права естественного»[2].

Рапорт был подан Билевичем вследствие того, что Белоусов не подчинился решению конференции[3] о приостановке преподавания в гимназии естественного права[4].

[1] Книга Мартини «Positiones juris naturae», рекомендованная Министерством народного просвещения (см. ***1824. Сентября 6. Суббота. Санкт-Петербург***).
[2] *Стогнут А. С., Кононенко И. К.* Новые страницы к «Делу о вольнодумстве» в Нежинской гимназии высших наук // Уч. зап. Нежинского гос. пед. ин-та им. Н. В. Гоголя. Киев, 1954. Т. 4–5. С. 180.
[3] См. ***1827. Августа 1. Понедельник. Нежин.***
[4] См. также ***1827. Октября 6. Четверг. Нежин.***

СЕНТЯБРЯ ОКОЛО 5. НЕЖИН

Гоголь получает из Васильевки письмо от матери.

См. ***1827. Сентября 12–13. Понедельник-вторник. Нежин.***

СЕНТЯБРЯ 6. ВТОРНИК

Надворный советник И. В. Билевич (брат профессора М. В. Билевича) подал прошение о зачислении его сына Николая (15 лет), окончившего курс наук в Курской гимназии, в число вольноприходящих учеников Гимназии высших наук князя Безбородко.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 143.

СЕНТЯБРЯ 12–13. ПОНЕДЕЛЬНИК-ВТОРНИК. НЕЖИН

Гоголь пишет письма матери, Косяровским и К. Ф. Тимченко.

В письме, датированном 12 сентября 1827 г., Гоголь извещает мать о получении от нее неделю назад письма с припиской Павла П. Косяровского: «Павел Петрович пишет, что отыскалась на том баштане, что за прудом (который весь высох) дыня с пупком (а не с хвостом). Удивляясь сему необыкновенному феномену, хотел бы я знать причину».

Вероятно, сообщение Косяровского позднее нашло отражение в повести Гоголя «Заколдованное место» (1832): «Я знаю хорошо эту землю: после того нанимали ее у батька под баштан соседние козаки. Земля славная! и урожай всегда бывал на диво; но на заколдованном месте никогда не было ничего доброго. Засеют как следует, а взойдет такое, что и разобрать нельзя: арбуз не арбуз, тыква не тыква...»

Спрашивает, когда можно будет с оказией отправить посылку сестре Марии в Полтавский пансион. В шуточной приписке к Е. П. Грибоедовой сообщает, что в нее влюблен Карп Дементьевич Прохвацкий.

В письме к Павлу П. Косяровскому, датированном 13 сентября 1827 г., благодарит его за приписку в письме от матери: «...Вы меня перенесли к себе: мне показалось уже, что я опять с вами, что совершаем вместе прогулки; вижу даже пенатов[1] наших, и глубокомысленный Дорогой, и остроумная Пупура, и наконец всезнающая Чцюцюшка[2] — всё так спестрилось в моем воображении, что я не знаю, к чему наперед обратиться: или к тому, что Дорогой поймал утку, или что княжна перерядилась в баронессу[3]».

Прилагает «письмецо» к К. Ф. Тимченко.

В шуточном письме к В. П. Косяровской, датированном 13 сентября 1827 г., спрашивает, как она проводит время, предполагает, что Тимченко часто у нее бывает; пародирует и передразнивает Тимченко, жалующуюся, что «Пупую <собаку Пупуру> юбят ючше», чем ее.

В письме к Петру П. Косяровскому («Косоревскому»), датированном 13 сентября 1827 г., интересуется планами дяди «вступить в тот полк, который стоит в Миргороде, где служит и Чихмарев». Сообщает, что «на днях <...> получил 5-ю часть *Ручной математической энциклопедии*[4], которая только что вышла»: «Не знаю, как воздать хвалу этому образцовому сочинению. Верите ли, что я, только читая ее, понял всё то, что мне казалось темным, неудовлетворительным, когда проходил математику. Как удивительно изъяснена теория диферинциального и интегрального исчисления...[5] Мне нравится, что во всем этом курсе (который состоит из 13 томов) всякая часть, даже самая арифметика написана так, что ее никак нельзя учить буквально, так, как многие делают с другими учебными книгами, особливо с геометриею — всё здесь изъясненно, выведенно, всё основанно на умственном созерцании, но так просто, так легко, ясно изложено, что дитя в состоянии понимать его. — За пять доныне вышедших частей я дал 12 рублей; в Кибинцах она должна быть, первые части я видел.

Теперь у нас проходят *полевую фортификацию*. Жаль, что мне нельзя с вами позадорить немного, а я б вам рассказал, какой план войны производил Тюрень, принц Евгений, Наполеон, Суворов, великий Конде, отчего проиграли имперцы, какую ошибку сделали французы в укреплениях в 1812 г., и проч., и пр., и пр.»

Военное дело в Нежинской гимназии преподавали учитель фехтования О. Д. Урсо[6] и профессор К. В. Шапалинский[7]. Изучение Гоголем полевой фортификации позднее нашло отражение в его произведениях. См., в частности, коммент. к строкам «Тараса Бульбы» — *...обнесши их возами в виде крепостей...* — и к встречающемуся в этой же повести слову «фашинник» — в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 2; а также коммент. к строкам статьи «О движении народов в конце V века» — *...забрасывали тиною и фашинником...* — в т. 7 указ. изд. Кроме того, в батальных сценах «Тараса Бульбы», нашли, по-видимому, отражение и уроки фехтования, преподававшегося в гимназии (здесь готовили не только гражданских чиновников, но и офицеров).

[1] Здесь: домашние. См. соответствующее выражение в письме Гоголя к матери от 20 мая 1827 г. (***1827. Мая 20. Пятница. Нежин***).

[2] Прозвище соседки Ксении Федоровны Тимченко.

[3] Имеется в виду выход замуж княжны П. И. Хилковой за барона С. К. Остен-Сакена (см. ***1827. Января 18. Вторник. Кибинцы*** — примечания).

[4] «(Перевощиков). Ручная математическая энциклопедия. Москва, в Университетской типогр., 1826–1828 г. Шесть книжек, 18°; 226+240+297+208+338+300. <...> ...Почему-то Гоголь считает в ней 13 частей <...> и иначе перечисляет ее содержание <...> Может быть существовало иное, старшее издание, библиографиями не отмечаемое? Тринадцатитомное издание вышло все в 1837 г. (1826–1837. Москва <...>). Или же Гоголь, имея только 5 книжек (вышедших в 1826–28 г.), основывался на каком либо объявлении о всем составе Энциклопедии? — <Собрание> Гимназии при Институте» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 286–287).

3 октября 1827 г. Гоголь писал также Павлу П. Косяровскому из Нежина: «Вы спрашиваете меня: что это за Ручная математическая энциклопедия? Она заключает полное собрание физико-математических наук; по своему новейшему, прекрасному расположению, по вмещению в себе новых истин и новейших открытий, изысканий и исчислений, наконец по легкости, удобности, с какой изложена, она может быть первым математическим сочинением; вмещается в 13-ти маленьких томах, которые все можно разместить по карманам; заключает в себе всю чистую и высшую математику, динамику, статику, гидродинамику, гидравлику, гидростатику, физику, оптику и астрономию».

С гоголевским описанием во многом перекликается содержание программы курса общей физики, который Гоголь слушал в 1827/28 учебном году, в девятом классе (программа курса была, вероятно, составлена профессором математики, физики и химии К. В. Шапалинским): «*Пройдено:* <...> *Из общей физики.* Определение, предмет, цель, различие от смежных наук, разделение на общую и частную, изложение общих свойств тел, как то: протяжение, фигуры, скважности, делимости, сцепления с выводом водоскоплений, упругости, тяжести с выводом сравнительного тел весу и движимости с объяснением при оном как простого так и сложного движения, равным образом и соударения тел совершенно твердых и совершенно упругих, также объяснены общие законы статики, механики, гидравлики и гидростатики, а равно и общие законы оптики, катоптрики и диоптрики» (*Сребницкий 1902.* С. 384). См. также ниже примеч. 5 и 7.

[5] *Перевощиков Д. М.* Ручная математическая энциклопедия: В 9 кн. Кн. 5: Теории дифференциальных и интегральных изчислений. М., 1828. 258 с. — Об изучении в 1827/28 учебном году в девятом классе нежинской гимназии дифференциального и интегрального исчисления, в свою очередь, позволяет судить сохранившаяся итоговая ведомость (составлена К. В. Шапалинским): «Пройдено: Из дифференциального исчисления, определение оного основания, вывод с нужным к тому пояснением, способы нахождения дифференций от простых и сложных функций как алгебраических так и трансцендентных с приложением сих начал к кривым линиям, как находить их точки изгиба и возврата, также наибольшая и наименьшие величины. Из интегрального исчисления, о снискивании интегралов простых и сложных функций как алгебраических, так трансцедентных с показанием интеграций сложных дифференциальных функций посредством преобразования и с применением оного к исчислению длины и поверхностей кривых линий. Казимир Шапалинский» (*Сребницкий 1902.* С. 383–384). См. также примеч. 4 и 7.

[6] См. ***1824. Октября 30. Четверг. Нежин.***

[7] «По уставу гимназии назначены были, как особый предмет, военные науки. Для замещения должности преподавателя военных наук, Орлай в конце 1824 г. обращался к подполковнику Терлецкому, герою Смоленска, Бородина, Малоярославца и пр., и получил от него согласие. В письме от 10 ноября Терлецкий благодарил за сделанное ему предложение и просил уведомить, “какие именно предметы придется ему преподавать, так как ему необходимо озаботиться составлением программы и урочных записок”. Дело не состоялось. В мае 1825 года Терлецкий отказался от “предложенной функции по недавнему оставлению воинской службы и крайне расстроенному здоровью”. Некоторое время преподавал военные науки, артиллерию и фортификацию, Шапалинский» (*Лавровский 1879.* С. 183–184). Полковник Антон Тимофеевич Терлецкий был членом киевской масонской ложи «Соединенных славян», в которой состояли также преподаватели Нежинской гимназии К. В. Шапалинский, И. Я. Ландражин и Ф. И. Зингер (см. ***1826. Июня 27–29. Воскресенье-вторник. Нежин***; *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1017). 10 января 1830 г. Терлецкий получил диплом на потомственное дворянство.

«С 1827/28 уч<ебного> года в своих конспектах Шапалинский назначает для девятого класса “правила полевой фортификации и основания артиллерии, буде конференция доставит для сего руководство”. Впрочем, для военных наук скоро был назначен особый профессор» (*Лавровский 1879.* С. 170; см. также: *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 69).

Сохранилась программа курса военных наук, изучавшегося в нежинской гимназии в девятом классе (составлена по истечении 1827/28 учебного года Шапалинским; см. также выше примеч. 4 и 5): «Пройдено: <...> *Из полевой фортификации.* О фортификации вообще, о пользе ее и о различии временного укрепления от долговременного; общие правила расположения укреплений, о началах, по коим определяется вид укреплений, о правилах укреплений горизонтальных и системах полевой фортификации, о вооружении укреплений и батарей, о волчьих ямах, палисадах, штурм-фалах, засеках, рогатках, барьерных воротах, о замкнутых укреплениях, употребляемых отдельно и в связи между собою, о употреблении воды к обороне позиций, о наводнениях, о понтонных мостах и другого рода наводимых по надобностям армии, о укреплениях, мостовыми прикрытиями называемых, о действиях относительно переправы чрез реки и о неправильной фортификации» (*Сребницкий 1902.* С. 384). — См. также ниже ***1828. Января конец. Нежин***; ***1828. Июнь. Нежин.***

СЕНТЯБРЯ 13–14. ВТОРНИК-СРЕДА. МОСКВА

Выход в свет семнадцатого номера журнала «Московский Вестник»[1], в котором напечатан отрывок из неоконченной поэмы А. С. Пушкина «Вадим»[2].

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 760.
[2] *Пушкин А.* Отрывок из неоконченной поэмы // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 5 (цензурное разрешение 8 авг.). № 17. С. 3–7.

СЕНТЯБРЯ СРЕДИНА. НЕЖИН

В гимназии возобновляются репетиции школьного театра.

См. ***1827. Сентября 26. Понедельник. Нежин.***

СЕНТЯБРЯ 26. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

«...В пятом часу по полудни в устроенном с позволения высшего начальства гимназическом театре[1] <...> г. профессор Михаил Билевич пансионеров, в театре бывших, назвал пьяными...»[2]

«Ст<арший> профессор М. В. Билевич заподозрил Гоголя в том, что он был нетрезв, и требует собрать Конференцию»[3].

В тот же день, со слов М. В. Билевича, в журнале конференции было записано: «...Г. профессор Михаил Билевич <...> в пятом часу по полудни шел по коридору мимо заводимого в Гимназии театра вместе с профессором Иеропесом, который, увидев вошедшего и спрятавшегося в оном пансионера, желал полюбопытствовать, что в нем делается, но его туда не впустили, почему он призвал экзекутора Гимназии майора Шишкина, который, когда постучался, сказав свое имя, то дверь отперли: тогда он, Билевич, с профессором Иеропесом и экзекутором Шишкиным вошедши в театр и увидев тут пансионеров: Маркова, Яновского, Гютен<а>, Тимофея и Андрея Пащенков, спросил, почему они не впускали г. профессора Иеропеса, потом, обратясь к ним с выговором, упрекал, что они занимаются не своим делом, и притом запершись одни без присмотра надзирателя, на что ему пансионер Яновский отвечал, что они не знали, что к ним стучался г. профессор; он же и товарищи его находятся и занимаются работою в театре с позволения их начальства, и как он, Яновский, сие и подобное сему, провожая его, Билевича, из театра, многократно повторял: то таковое повторение показалось ему, Билевичу, грубостию и дерзостию; почему он пансионеру Яновскому сказал: кажется, ты пьян; потом, обратясь к профессору Иеропесу и экзекутору Шишкину и указывая на Яновского, сказал: посмотрите, как он нагло ко мне суется, мне кажется, он пьян...»[4]

Об этом инциденте Билевич позднее сообщал в своих рапортах еще дважды. Наиболее подробно об рассказывал об этом 2 октября 1827 г.: «...Я и г. профессор Иеропес, возвращаясь из библиотеки, не нашед оную отпертою, шли по коридору, к классам ведущему, и, приметив какого-то ученика, по оному коридору бежавшего и за углы, в оном коридоре находящиеся, прятавшегося, мы, остановившись в оном коридоре, желали узнать, кто таков оной ученик, но ученик тот, вероятно, приметив нас, за ним наблюдавших, с поспешностию бросился к дверям той залы, в которой учрежден театр, и, приклонившись к замку тех дверей, позвав кого-то из внутри и сказав довольно в слух: свой, — был тотчас впущен в оную залу; после чего двери опять с поспешностию затворили и ключем из внутри заперли. Г. Иеропес и я, видя таковую необыкновенную торопливость бежавшего по коридору неизвестного нам ученика и по слову: *свой*, с поспешностию в оную залу впущенного, поспешили сами к тем дверям, чтобы узнать как причину сего, так и то, кто был тот

ученик. Подойдя к дверям той залы, г. Иеропес сначала несколько раз требовал, чтобы двери отперли ему; наконец, кто-то, подойдя извнутри к дверям, спрашивал: кто там? Г. Иеропес, полагая, что его по данному голосу узнают и отопрут двери, повторяя только, чтобы ему отперли; но получив в ответ несколько раз повторенных: *кто ты?* сказал наконец: я – профессор Иеропес, после сего спрашивавший, как слышно было, с поспешностию отбежал от дверей; после чего произошло там шептание и приметная суета; все сие его, г. Иеропеса, и меня еще более заняло и побуждало узнать, кто бы там был и что бы там происходило; но как и после сего по требованию г. Иеропеса не только не отперли ему двери, но сделалась в той зале чрезвычайная тишина, как будто бы там никого уже не стало, то мы, дабы не упустить из виду могущего в сем разе случиться чего-либо худого, решились обратиться к г. экзекутору сей Гимназии и попросить его, чтобы он приказал отпереть оную дверь и вместе бы с ним удостовериться, что там происходило, ибо ежели бы там ничего худого не делалось, то вовсе не было бы надобности так скрываться и таиться. <...> Когда же г. экзекутор вместе с нами, пришедши к тем дверям, в оные стучаться начал и кричать громко: отворите; я – экзекутор, – тогда уже дверь отперли. Вошедши мы все трое в оную залу, театром занятую, увидели одного только ученика Яновского, которому я, не говоря сначала ничего, а помня происходившую тут великую суету во время сказанных слов: “Я – профессор Иеропес”, поспешил пойти далее и, взошедши на сцену театра и заглянувши за кулисы, увидел там скрытно сидевшего воспитанника Маркова, которого я вызвал оттуда и, спрося, зачем он прячется, между прочим говорил ему, что если он был занят делом добрым, то прятаться вовсе не от чего было; затем, пройдя далее и любопытствуя более, увидел позади сцены театра в маленькой комнатке еще трех пансионеров: двоих Пащенков и Гютена; не считая совершенною обязанностию своею входить в исследование, чем они там занимались, находясь вдали от своих спален и от музеев, я спросил их только, почему они здесь без надзирателя находились, на что они мне отвечали, что им позволено быть и без надзирателя. В продолжение того времени, как я был на сцене, там любопытствовал за кулисами и в комнате того театра и разговаривал там с пансионерами, то г. Иеропес и г. экзекутор занимались разговорами с Марковым и Яновским; подошедши наконец и я к ним, обратился после к пансионеру Яновскому и спрашивал его, зачем они таились здесь и не отворяли дверей, когда требовал сего г. профессор Иеропес, тогда Яновский вместо должного вины своей сознания, начал с необыкновенною дерзостию отвечать мне свои разные суждения и при этом более, нежели сколько позволяют ученические границы благопристойности. Я, видя сильное его разгорячение и даже наглость в преследовании меня, я вместо наставлений ему, до сего деланных, начал уже просить его, чтобы он оставил меня; но он, как бы не слыша сего, с упорством до дверей и за двери преследуя меня с необыкновенною дерзостию, кричал против меня, и сим возродил во мне сомнение, не разгорячен ли он каким-либо крепким напитком; почему я, обратясь к г. экзекутору, сказал ему; да не пьян ли он? Г. экзекутор отвечал мне, что он не пьян, я же не мог иначе об нем заключить, видя его необыкновенную дерзость и странное его объяснение, притом же еще и потому, что я его, Яновского, давно уже знаю в сем заведении и никогда его так дерзким и нахальным не видал. После чего, расставаясь я с г. экзекутором, просил его объявить о сем кому следует, изъясняя ему, г. экзекутору, что сии ученики, запершись в зале театра, одни, без надзирателя, могут конечно производить и неприличные их возрасту и несообразные нравственному воспитанию занятия»[5].

9 декабря 1827 г. Билевич докладывал о случае в школьном театре новому директору Д. Е. Ясновскому: «...Я вместе с гг. экзекутором гимназии и профессором Иеропесом, случайным образом увидевши некоторых пансионеров в той зале, где устроен театр, зашел туда, и нашедши их там без всякого надзора, сказал г. экзекутору, чтоб он объявил, кому следует, что пансионер Яновский, находящийся в числе прочих без надзора в театральной зале, тут же своею дерзостью в словах против меня оказался неблагопристойным...»[6]

Экзекутор отставной майор С. И. Шишкин в рапорте на имя К. В. Шапалинского, в свою очередь, сообщал: «Профессор Билевич спросил ученика Яновского: так чего ж вы заперлись одни, почему здесь нет с вами надзирателя, когда вы занимаетесь работою, почему профессора не впустили? Яновский на сие сказал: потому что мы не знали, кто именно хотел к нам войти, а когда кто отзовется, как, например, г. экзекутор, то мы тотчас впустили в комнату. Ибо очень часто случается, что ученики стучатся, мы, не знавши, им отворяем дверь, а они приходят только мешать нам зани-

маться работою для театра, отнимают время, покуда их упросишь, чтоб вышли вон. Во избежание сего, продолжал Яновский, мы решились никого из них не пущать до окончания работы, а особливо вольноприходящих учеников.

На сие г. профессор Билевич сказал: вольноприходящие ученики такие же благородные, как и вы, пансионеры; а разница в том — что ученик и что профессор. Яновский отвечал: так мы же не знали, Михайло Васильевич, кто именно хотел войти к нам, профессор или ученик. На сие г. профессор Билевич сказал: стыдно такому дурню не знать, что ученик и что профессор. На сие Яновский сказал: как вам угодно, Михайло Васильевич, только мы действительно не знали, кто стучался; а если бы г. профессор объявил, то верно тотчас же бы ответили».

Далее Шишкин сообщал, что профессор Иеропес спросил у ученика Маркова, почему он, стоя у дверей, не отворил? Тот отвечал, что не узнал голоса Иеропеса. «Яновский же продолжал оправдываться перед г. Билевичем в ненамерении противо г. профессора Иеропеса. На оное г. профессор Билевич, отталкивая слегка рукою в грудь Яновского от дверей, ведующих из театра в коридор, сказал: молчи, дурень, что ты так богато говоришь, или ты пьян! И, обратясь ко мне, сказал: смотрите, он, мне кажется, пьян. Я для удостоверения подошел нарочно ближе к Яновскому, уговаривая отойти далее от дверей в комнату, дабы между тем услышать из рта его запах какого-либо напитка, но вместо того ничего не услышал и тут же тихо сказал: нет, Михайло Васильевич, он не пьян. На сие отвечал г. профессор Билевич: так чего же оцей дурень так ко мне лезет с своими резонами и дуже богато говорит, и с сим словом затворилась дверь».

После этого Билевич, по словам Шишкина, стал убеждать его в том, что Яновский пьян и что ученики заперлись в зале потому, что занимались там пьянством[7].

В тот же день, 26 сентября 1827 г., в восемь часов вечера, состоялось неочередное заседание конференции гимназии, на котором инспектор пансиона Н. Г. Белоусов, находящийся с 1826 г. в конфликтных отношениях со старшим профессором М. В. Билевичем[8], берет под свою защиту учеников В. М. Маркова, Н. В. Яновского (Гоголя), С. А. Гютена, Т. Г. и А. Г. Пащенко, заподозренных Билевичем в употреблении хмельных напитков (в наибольшей степени это обвинение касалось Гоголя). С этой целью на заседании проводится медицинское освидетельствование обвиненных учеников, по результатам которого они были оправданы[9].

«Сего двадцать шестого дня текущего сентября в восемь часов по полудни, г. исправляющий должность директора Гимназии старший профессор и кавалер Казимир Шапалинский, созвав экстроординарное собрание конференции, в присутствии всех гг. профессоров, также законоучителя протоиерея Волыньского и доктора медицины Карла Фибинга, объявил: что причина необыкновенного сего собрания есть чрезвычайное происшествие, случившееся того дня в пятом часу по полудни... <...> ...По приказании г. исправляющего должность директора Гимназии и г. инспектора пансиона профессора Белоусова, введены были в конференцию вышепоименованные пансионеры по одиночке, и на спрос о случившемся показали, что, когда к ним в театр кто-то стучался, не объявляя своего имени, то они, думая, что это были вольноприходящие ученики, которые им часто мешали производить в театре работу, дверей не отворяли, а когда г. экзекутор, постучавшись, объявил свое имя, то они дверь тотчас отперли; что г. профессор Билевич, вошедши к ним в театр с профессором Иеропесом и экзекутором Шишкиным, упрекал их, что они занимаются не своим делом и что они без надзирателя; когда же пансионер Яновский сказал, что они в театре находятся с позволения их начальства и при том под наблюдением старшего, именно пансионера Маркова, а г. профессор Билевич напрасно хочет лишить их удовольствия заниматься приуготовлением театра, тогда он, г. Билевич, ему, Яновскому, сказал: ты пьян и потому так много говоришь. После таковых показаний пансионеров, они по словесному поручению г. исправляющего должность директора были освидетельствованы от г. доктора медицины Фибинга и найдены не только трез-

выми, но и без малейшего признака хмельных напитков. За сим г. инспектор пансиона Белоусов доказывал, что вольноприходящие ученики Артюховы, квартирующие у Г. профессора Моисеева, слышали, что г. профессор Билевич действительно называл показанных пансионеров пьяными; квартирующие же у него Г. Белоусова Забела и два Бороздина слышали о сем от показанных Артюховых, почему по его, г. Белоусова, настоянию и по требованию г. исправляющего должность директора введены были в конференцию все оные вольноприходящие ученики по одиночке; но на спрос, слышали ли они от кого-либо, что г. профессор Билевич называл пансио<не>ров пьяными, единогласно отвечали, что не слышали и о сем ничего не знают»[10].

[1] См. ***1826. Декабря 28. Нежин.***
[2] Гимназии Высших Наук Князя Безбородко журнал XX. Сентября 26 дня 1827 года // *Свод.* Т. 1. С. 465.
[3] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 145. См. ***1827. Сентября 26, восемь часов вечера. Нежин.***
[4] Гимназии Высших Наук Князя Безбородко журнал XX. Сентября 26 дня 1827 года // *Свод.* Т. 1. С. 465.
[5] <Рапорт профессора М. В. Билевича от 2 октября 1827 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 467–468.
[6] Рапорт проф<ессора> Михаила Билевича. Подан 9 декабря 1827 // *Свод.* Т. 1. С. 469.
[7] *Машинский 1959.* С. 76–78.
[8] См. ***1826. Июня не позднее 22. Нежин***; ***1827. Мая 7. Нежин***; ***1827. Июня 18. Нежин***; ***1827. Июля 4. Нежин.***
[9] См. также ***1827. Октября 2. Нежин***; ***1827. Декабря 9. Пятница. Нежин.***
[10] Гимназии Высших Наук Князя Безбородко журнал XX. Сентября 26 дня 1827 года // *Свод.* Т. 1. С. 465–466.

СЕНТЯБРЯ 30. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Младший профессор Н. Г. Белоусов подает рапорт, в котором, с одной стороны, отвергает обвинения в изъятии им 21 июня 1827 г. у учеников конспектов по естественному праву[1] и, с другой, – отказывается признать соответствующими своим лекциям переданных в конференцию М. В. Билевичем 18 июля 1827 г.[2] записей по по этому предмету учеников седьмого класса А. М. Новохацкого (сделаны с конспекта Гоголя 1825/26 учебного года)[3] и Е. И. Филипченко[4].

В своем рапорте, вызванном критическим разбором его лекций протоиерем Павлом Волынским и прочитанном в конференции гимназии 15 октября 1827 г.[5], Белоусов заявил, что будто «никто из членов Конференции внутренне не верит, чтобы отец протоиерей сам сей разбор сделал, а напротив все уверены, что оный ему составлен тем же самым чиновником, который и Билевичу таковый рапорт писал»[6].

Отец Павел Волынский, аттестованный в глазах нового директора столь бесцеремонным образом, вынужден был отвечать: «...Что я мог и всегда могу рассмотреть и находить истину или заблуждения не только в его, г-на Белоусова, <сочинениях>, но и во всяких других, им подобных, то о сем тем удостоверяю, что, обучавшись в Киевской академии и в семинарии Черниговской, сверх богословия, выслушал и окончил я полный курс философии по началам Бавмейстера, где ясным образом в связи с нравственною философиею изложены и основания естественного права <...> в той же Черниговской семинарии был я десять лет учителем поэзии <...> седьмой год служу еще законоучителем сей Гимназии <...> и преподаю вместе нравственную философию»[7].

«Разбор Билевича, как обращенный к запискам, не им составленным, он <Белоусов> оставляет без внимания».

В своем рапорте Белоусов замечает: «Рассматривая так называемые изъяснения в записках <Новохацкого и Филипченко>, я нашел, что оные составлены весьма глупо, что многие самые

превосходные истины уничтожались худо приисканным сказуемым, что начало периода, показывающее благое учение, заключалось такою второю частию оного, от которой самое начало теряло смысл. Приметно некоторое желание растолковать другим образом мои слова и дать им дурное направление, а инде является такое, чего я не упоминал; то, что было опровергаемо, оставлено без опровержения. <...> ...При этом действовало особенное намерение или наущение изменить смысл»[8].

[1] См. ***1827. Июня 22. Среда. Нежин.***

[2] См. ***1827. Июля 18. Понедельник. Нежин.***

[3] См. ***1827. Октября 31. Нежин***; ***1827. Ноября 1. Нежин***; ***1827. Ноября 3. Нежин.***

[4] *Иофанов.* С. 299; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 146.

[5] См. ***1827. Октября 15. Суббота. Нежин.***

[6] *Лавровский 1879.* С. 203; *Стогнут А. С., Кононенко И. К.* Новые страницы к «Делу о вольнодумстве» в Нежинской гимназии высших наук // Уч. зап. Нежинского гос. пед. ин-та им. Н. В. Гоголя. Киев, 1954. Т. 4–5. С. 196–197. – «В рапорте от 30 сентября 1827 года (прочитан Конференцией 15 октября) Н. Г. Белоусов обвинял законоучителя в том, что тот не читал его конспектов лекций и заключения о том, что они не соответствуют официальным программным требованиям и с "благочестием не сообразны", *лично* не делал» (*Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 193).

[7] *Стогнут А. С., Кононенко И. К.* Новые страницы к «Делу о вольнодумстве» в Нежинской гимназии высших наук // Уч. зап. Нежинского гос. пед. ин-та им. Н. В. Гоголя. Киев, 1954. Т. 4–5. С. 182–183.

[8] *Лавровский 1879.* С. 203.

СЕНТЯБРЬ. НЕЖИН

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года старшим профессором российской словесности и логики П. И. Никольским, «за сентябрь месяц» в девятом классе «из правил высшей словесности» пройдены следующие темы: «О том, что знания усовершенствывают словесность, а словесность с своей стороны усовершенствывает знания – примеры в древней Греции, в Риме, в Африке и Европе»[1].

Согласно сводной ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам российской словесности за 1827/28 учебный год, Николай Яновский (Гоголь) в сентябре 1827 г. получил от профессора Никольского следующие оценки (по четырехбалльной системе): поведение – 3; успехи – 3[2].

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года профессором естественной истории и технологии Н. Ф. Соловьевым, «в сентябре месяце» 1827 г. в девятом классе «пройдено из естественных наук»:

«*Из зоологии:* Главные органы. Отправления животных, метод и главные формы животного царства. *Из физики:* О теплороде»[3].

Согласно сводной ведомости об успеваемости учеников девятого класса по естественной истории и частной физике с августа 1827 г. по май 1828 г., Николай Яновский (Гоголь) в сентябре 1827 г. получил от профессора Соловьева следующие оценки: по поведению – 4, по успехам – 4[4].

В ведомости об успехах в науках и поведении учеников девятого класса по предметам юридических наук за сентябрь 1827 г. знания Николая Яновского (Гоголя) оценены старшим профессором российских гражданского и уголовного

прав, народного и государственного хозяйства и науки финансов М. В. Билевичем на «3» (по четырехбалльной системе), а в графе «Поведение», сравнительно с другими учениками, получившими оценку «3», вместо балла, сделана помета: «до усмотрения под замечанием»[5].

Один из соучеников Гоголя, записки которого были опубликованы в 1892 г. В. И. Шенроком (и приписаны К. М. Базили[6], 1809–1884), вспоминал: «...В особенно незавидном положении было в то время в нашем лицее изучение Русского права, которое нам преподавал Билевич по единственному в то время руководству Кукольника, отца моего товарища и бывшего директором нашего заведения до Орлая. Преподавание заключалось в чтении профессором одной главы, с приказанием выучить. Затем в практическом ведении тяжб между слушателями по заданным профессором темам. Процессы эти представляли некоторый интерес, потому что сам руководитель профессор был, собственно, адвокат того времени, знаток судейских крючков, и учил нас, как выигрывать тяжебные дела, приводя то тот, то другой указ. Что же касается теории права по руководству, бывало, для сокращения урока обольем заблаговременно жидким клеем два листа книги профессора, потом склеим, и тем избавимся от двух лишних страниц in 4⁰. Помнится, случалось так, что страница оканчивалась словами: "то тех судей", а следующая после наклеенной начиналась словами: "сдают в архив". При чтении лекции это озадачило Билевича. Сначала подумал он, что это опечатка, и стал искать опечаток в конце книги, там ничего он не нашел; не теряя присутствия духа, он нам пояснил, что это, должно быть, метафора, а под словом "тех судей" надо понимать: "те судейские дела кладут в архив"...»[7]

Племянник профессора М. В. Билевича Н. И. Билевич, поступивший в гимназию в сентябре 1827 г., летом 1852 г. рассказывал С. П. Шевыреву о И. Г. Пащенко[8]:

«Был между учениками хвастун, который весьма часто хвастал перед ними именьями отца своего, хотя все знали, что это ложь. Хвастовство это надоело всем, но никто не решался унять товарища. Однажды случилось тоже хвастанье — и в самом его разгаре Гоголь вынул из кармана Малороссийскую дудочку и вдруг присвистнет посреди товарищей. Хвастун вдруг замолчал, покраснел, заплакал и с той поры прекратилось его хвастовство.

Находчивость и острое словцо были, по мнению всего Нежинского Лицея, всегда за ним <Гоголем>. Из писателей первоначально имел на него влияние Боккаччио»[9].

Единственное в литературе свидетельство о знакомстве Гоголя с творчеством итальянского писателя Дж. Боккаччо (1313–1375), главным произведением которого считается сборник новелл «Декамерон» (1350–1353, опубл. в 1470). В 1382 г. Боккаччо принял духовный сан и отрекся от гедонистического духа прежних сочинений. Возможно, знакомство Гоголя с произведениями Боккаччо состоялось не без влияния кого-либо из «свободомыслящих» профессоров Нежинской гимназии, осужденных позднее по «делу о вольнодумстве»[10]. Согласно материалам следствия, именно эти преподаватели, в частности, профессоры И. Я. Ландражин и Ф. И. Зингер, раздавали ученикам «неприличные возрасту» подопечных книги[11].

Из тогдашних печатных изданий новелл Боккаччо в распоряжении Гоголя могли быть следующие:

– *Батюшков К.* Моровая язва во Флоренции. (Из Боккачьо) // Соревнователь Просвещения и Благотворения. 1819. № 1 <январь> / Труды Высочайше утвержденного Вольного Общества Любителей Российской Словесности. 1819 год. Часть V. СПб.: В Медицинской Типографии, 1819. № 1. С. 39–50;

– Гризельда. Повесть из Боккачьо // Опыты в стихах и прозе *Константина Батюшкова.* СПб., 1817. Ч. 1 (цензурное разрешение 30 дек. 1816). С. 276–296;

– Повествование из Десятка Боккацова // Библиотека немецких романов. Переведена с Берлинского, 1778 года издания В<а>с<и>л<ием> Л<е>вш<и>н<ы>м. В Москве: В Университетской Типографии у Н. Новикова. 1780. Ч. 2. С. 302–309;

– Ивана Бокация славного Флорентинца. Сокол. Перевел В<асилий> С<анковский> // Доброе Намерение. Напечатано при Императорском Московском Университете, 1764. Март. С. 99–109;

– Ивана Бокацио, славного Флорентинца. Юпитер, звери и человек. Перевел В<асилий> С<анковский> // Доброе Намерение. Напечатано при Императорском Московском Университете, 1764. Апрель. С. 154–156;

Кроме того, несколько новелл Дж. Боккаччо имели также хождение в переведенном с польского языка рукописном сборнике XVII в. (немецкого происхождения) под названием «Смехотворные повести» (польское название: «Facecye polski, zartowne a trefne poewiesci biesiadne...»; в стихотворном предисловии к русскому переводу: «факеции или жарты польски, издевки смехотворны московски»). Это новеллы: «О друзех, о Марке и Шпинелете» (по «Декамерону», день VIII, новелла 8); «О жене и госте» («Декамерон», II, 7); «Повесть о господине Петре и о прекрасной Кассандре и о слуге Николае» («Декамерон», VII, 7); «О жене, обольстившей мужа, якобы ввержеся в кладезь» («Декамерон» VII, 4); «Повесть утешная о купце, который заложился з другим о добродетели жены своея» («Декамерон», II, 9); а также «О женах, обольстивших мужей, како муж пред женою каяся», мотивы которой использованы в новеллах «Декамерона» (VII, 4, 8)[12].

В. П. Науменко указал также на рукописный памятник XVII–XVIII в. «Историчние вирши», представляющий собой стихотворный перевод еще одной новеллы Боккаччо (см. «Декамерон», IV, 1)[13].

[1] *Сребницкий 1902*. С. 374.

[2] Ведомость о поведении и успехах учеников Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по предметам российской словесности с начала августа месяца 1827-го года <по май 1828> // *Свод*. Т. 1. С. 475.

[3] *Сребницкий 1902*. С. 382.

[4] Ведомость о поведении и успехах учеников 9-го класса Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по естественной истории и частной физике с августа сего 1827 года по июль месяц будущего 1828 г. Профессор Никита Соловьев // *Свод*. Т. 1. С. 478.

[5] Ведомость о успехах учеников <9 класса> в науках и поведении по предметам юридических наук за месяц сентябрь сего 1827 года. От профессора Михаила Билевича // *Свод*. Т. 1. С. 467. См. также: *Кулиш 1856*. Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод*. Т. 1. С. 481; ***1827. Октября 2. Нежин.***

[6] Характеристика в этих записках профессоров Нежинской гимназии К. В. Шапалинского, И. Я. Ландражина, Ф. И. Зингера, Н. Г. Белоусова и Н. Ф. Соловьева во многом совпадает с оценками, данными этим профессорам П. Г. Редкиным (см. ***1827. Июня 18. Нежин*** – примечания).

[7] Записки К. М. Базили в «Материалах для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 540–541.

[8] См. также ***1826. Января конец. Нежин.***

[9] Воспоминания о Гоголе Н. И. Билевича в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод*. Т. 1. С. 535.

[10] См., в частности: ***1828. Января вторая половина. Нежин*** (примечания).

[11] Подробнее см.: *Виноградов И. А.* Религиозное образование Гоголя в Нежинской гимназии высших наук // Н. В. Гоголь и Православие / Составление И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. Вступит. статья и примеч. И. А. Виноградова. М.: Отчий дом, 2004. (Серия «Православная Церковь и русская литература»). С. 154–306; *Виноградов 2015*.

[12] *Пыпин А.* Очерки из старинной русской литературы. Статья третья. <...> IV. Несколько новелл Боккачьо в русской литературе XVII-го века // Отечественные Записки. 1857. № 2. С. 458–465; Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. Соч. *А. Пыпина*. СПб., 1857. С. 275–278.

[13] *Науменко В.* Новелла Боккачьо в южно-русском стихотворном пересказе XVII–XVIII ст<олетий> // Киевская Старина. 1885. № 6. С. 273–306.

СЕНТЯБРЯ КОНЕЦ. МОСКВА

Выход в свет восемнадцатого номера журнала «Московский Вестник», в котором напечатан перевод Н. И. Пельта «Понятие о всеобщей Истории. (Из Шлецера)», с примечаниями М. П. Погодина[1].

Пельт Н. Понятие о всеобщей Истории. (Из Шлецера) // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 5 (цензурное разрешение 8 авг.). № 18. С. 157–175.

[1] В статье А. Л. Шлецер указывал, что «занимающийся преподаванием Всемирной Истории должен помышлять о двояком расположении своих материалов: Синтетическом, по народам, и Синхронистическом, по столетиям», и что для успешного изучения истории «нет другого средства, как дважды прочесть важнейшие всемирные события; один раз по способу Синтетическому, или Хронологическому – вдоль, а другой раз – по

способу Синхронистическому – поперег» (*Пельт Н.* Понятие о всеобщей Истории. (Из Шлецера) // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 2 (цензурное разрешение 8 авг.). № 18. С. 174). Позднее, в статье «О преподавании всеобщей истории» Гоголь замечал: «Только тогда вы знаете хорошо историю, говорит Шлецер, когда знаете ее и вдоль и поперег...»

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЯ НАЧАЛО. НЕЖИН

В гимназии ожидают почетного попечителя графа А. Г. Кушелева-Безбородко.

3 октября 1827 г. Гоголь, в частности, сообщал Павлу П. Косяровскому: «Верите ли, что у нас в Нежине так скучно стало, что не знаешь куда деться? сидишь целый день за книгой да зеваешь так жалко, что уши вянут. Хотя у нас и ярманка, хотя и графа[1] ждут, а всё что-то будто не клеится».

[1] А. Г. Кушелева-Безбородко.

ОКТЯБРЯ 1. СУББОТА. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ВАСИЛЬЕВКА

День рожденья и именин М. И. Гоголь.

ОКТЯБРЯ 2. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Старший профессор М. В. Билевич подает рапорт в конференцию с пояснениями инцидента в театре гимназии «с пансионером Яновским и его товарищами»[1], который заключает:

«...Необходимым полагаю отнюдь не позволять пенсионерам, особливо вне музеев и вне спален, на стороне отдельно быть одним, без их надзирателя. В рассуждении же дерзкого противу меня поступка, сделанного учеником Яновским, я его оставляю у себя на замечании[2] впредь до его исправления»[3].

[1] См. ***1827. Сентября 26. Понедельник. Нежин.***

[2] Соответствующая помета была внесена М. В. Билевичем в ведомость об успехах в науках и поведении учеников девятого класса по предметам юридических наук за сентябрь 1827 г. (см. ***1827. Сентябрь. Нежин***).

[3] <Рапорт профессора М. В. Билевича от 2 октября 1827 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 467; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 146.

ОКТЯБРЯ 2–3. ВОСКРЕСЕНЬЕ-ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Гоголь посещает Покровскую ярмарку. Пишет письма матери и Косяровским, Павлу и Петру Петровичам.

В письме, датированном 2 октября 1827 г., поздравляет мать с прошедшим днем Ангела[1], благодарит за присланные деньги и посылки с фруктами. Пишет, что ее «наставления касательно неупотребления напитков крепких могут быть даже излишни», потому что он «не слишком-то и охоч до них». Отсылает свой новый тулуп, понадобившийся Петру П. Косяровскому, и благодарит его за подаренную «материю» («Вы напишите, много ли аршин»). Сообщает, что на днях получил письмо из Петербурга (по-видимому, от Г. И. Высоцкого[2]), «касательно пошитья там фрака»: «Лучший портной с сукном своим (первого сорту) с подкладкою, с пуговицами и вообще со всем, требует

120 рублей. Не смея теперь (зная ваши не слишком благоприятные обстоятельства) просить вас об этом, я буду ждать, когда вам можно будет собрать такую сумму». Просит передать посылку с книгами и письмо сестре в Полтавский пансион: «К Машиньке посылочку, а в ней и письмо, посылаю. Сделайте милость, отправьте их к ней скорее: в ней я посылаю некоторые нужные ей книги»[3].

В письме к Павлу П. Косяровскому, датированном 3 октября 1827 г., спрашивает: «В Полтаве у вас опять рыскает новость об войне[4]. Она и сюда заехала... <...> Что, как ваши дела[5]? получили ли вы ответ от Рота? Когда бы он, проклятый, решил для вас повыгоднее!» Сообщает: «Верите ли, что у нас в Нежине так скучно стало, что не знаешь куда деться? сидишь целый день за книгой да зеваешь так жалко, что уши вянут. Хотя у нас и ярманка, хотя и графа ждут, а всё что-то будто не клеится».

Год спустя, 26 сентября 1828 г., Е. П. Гребенка сообщал родителям из Нежина: «Покровская ярмарка уже начинается, а с нею и движение народа: тяжелые гарбы татарские, наполненные изобилием юга — виноградом, с пронзительным криком тянутся по улицам; повсюду застучал молоток, движимый рукою прибыли, и новые балаганы длинными рядами появились на площади; там увертливый суздалец раскладывал целые коллекции своих картин: возле портретов Ильи Муромца и Соловья Разбойника видно изображение незабвенного мужа Рымникского <Суворова>; а против него для симметрии великий объедало, который в день изволил кушать около сорока пудов говядины»[6].

Далее в письме к Павлу П. Косяровскому Гоголь замечает: «Теперь от занятий остается времени довольно: в это время я читаю Bibliotheque des dames[7]. Очень хорошее издание; их всех 200 томов[8]. Здесь найдете всё. Я читаю путешествие во все страны. На днях читал я Письма о Восточной Сибири Алексея Мартоса[9]. Мне они очень понравились; желал бы я видеть выходящими побольше этаких книг в свет».

В письме к Петру П. Косяровскому, также датированном 3 октября 1827 г., Гоголь благодарит его за письмо, сообщает, что посылаемый ему тулуп «тепел, только слишком тяжел», делится своими планами: «К тому времени, когда я возвращусь домой, может быть, ваш полк выступит Бог знает куда, а меня судьба загонит в Петербург, откуда навряд ли залучу когда-либо в Малороссию. Да, может быть, мне целый век достанется отжить в Петербурге, по крайней мере такую цель начертал я уже издавна. Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимою ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу. Тревожные мысли, что я не буду мочь, что мне преградят дорогу, что не дадут возможности принесть ему малейшую пользу бросали меня в глубокое уныние. Холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что, может быть, мне доведется погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом — быть в мире и не означить своего существования — это было для меня ужасно. Я перебирал в уме все состояния, все должности в государстве и остановился на одном. На юстиции. — Я видел, что здесь работы будет более всего, что здесь только я могу быть благодеянием, здесь только буду истинно полезен для человечества. Неправосудие, величайшее в свете несчастие, более всего разрывало мое сердце. <...> Два года занимался я постоянно изучением прав других народов и естественных, как основных для всех, законов, теперь занимаюсь отечественными[10]. <...> Недоверчивый ни к кому, скрытный, я никому не поверял своих тайных помышлений, не делал ничего, что бы могло выявить глубь души моей. — Да и кому бы я поверил и для чего бы высказал себя, не для того ли, чтобы смеялись над моим сумасбродством, чтобы считали пылким мечтателем, пустым человеком? — Никому, и даже из своих товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойных. Я не знаю, почему я проговорился теперь перед вами <...>, предчувствие вошло в грудь мою, что вы не почтете ничтожным мечтателем того, который около трех лет неуклонно держится одной цели и которого насмешки, намеки более заставят укрепнуть в предположенном начертании. — Ежели же вы и не поучаствуете во мне, по крайней мере вы затаите мое письмо, так же, как я затаил в себе одном свои упрямые предначертания. Доказательством сему может <быть, что> во всё время бытия моего с вами я ни разу не давал себя узнать, занимался игрушками и никогда почти не заводил речь о выборе будущей своей службы, о

моих планах и пр. Даже маминька, которая хотела узнать мой образ мыслей, еще не может сказать наверно, куда я хочу... <...> ...Я не могу больше писать к вам. Совершенно истомился весь. 12-ть часов проиграло, а я еще не написал к сестре».

[1] См. ***1827. Октября 1. Суббота. Праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Васильевка.***

[2] См. ***1827. Июня 26. Воскресенье — июня конец. Нежин, Васильевка.***

[3] Гоголь посылал сестре литературные новинки 1827 г.: Вальтер Скотт. Владетель Островов. Поэма. М., 1827; Невский Альманах на 1827 год, изд. Е. Аладьиным. СПб., 1826; Литературный Музеум на 1827 год Владимира Измайлова. М., 1827 (см. ***1827. Ноября 24. Полтава***).

[4] Имеется в виду русско-турецкая война 1828–1829 гг.

[5] Речь идет о планах Павла П. Косяровского вступить опять в военную службу (см. ***1827. Сентября 12–13. Понедельник-вторник. Нежин***).

[6] *Науменко В.* Письма Е. П. Гребенки к родным // Киевская Старина. 1898. № 12. С. 436; см. также: *Гребенка Е. П.* Произведения: В 3 т. Київ, 1918. Т. 3. С. 532; *Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 532.

[7] Имеется в виду восемнадцатитомная «Всеобщая дамская библиотека. Путешествия», с двумя дополнительными томами географических атласов, использовавшаяся в качестве учебного пособия в Нежинской гимназии: «Bibliotheque universelle des dames. Voyages. T. I–XVIII. Atlas I–II. Paris. 1785–1790, 32° <...> <Собрание> И<нститута>» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 286).

[8] «Что и верно» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 286).

[9] «Письма о Восточной Сибири» Алексея Ивановича Мартоса, историка Малороссии, вышли в свет в Москве в 1827 г.: «Алексей Мартос. Письма о Восточной Сибири. Москва, в Университетской типографии, 1827, 16⁰, 291» (<*Сперанский М. Н., Сребницкий И. А.*> Учебники Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией, под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902. С. 287).

[10] Посвятить себя «юстиции» Гоголь намеревался под влиянием Н. Г. Белоусова, который читал в гимназии римское право, историю римского права, естественное право, государственное право и народное право на протяжении именно двух лет, в 1825/26 и 1826/27 учебных годах. Увлечение Гоголя в эти годы юридическими науками (так же, как и увлечение Шиллером; см. ***1827. Апреля 6. Среда Светлой седмицы. Нежин***) преувеличивать, однако, не стоит. Уже спустя два месяца после отправления письма к дяде у Гоголя возникает новый план. 15 декабря 1827 г. он пишет матери: «Я теперь совершенный затворник в своих занятиях. О потерянном времени жалеть нечего. <...> ...В короткие эти полгода я хочу произвесть <...> вдвое более, нежели во все время моего здесь пребывания, нежели в целые шесть лет. <...> ...Я положил себе за непременное — окончить совершенно изучение трех языков». Этот план занял Гоголя на гораздо более продолжительное время, чем высказанное незадолго перед тем намерение посвятить себя юстиции. Спустя почти год, 8 сентября 1828 г., Гоголь пишет дяде: «Я еду в Петербург <...> а оттуда Бог знает, куда меня занесет, весьма может быть, что попаду в чужие краи, что обо мне не будет ни слуху, ни духу несколько лет...»

Позднее Гоголь, описывая во втором томе «Мертвых душ» пребывание в училище Андрея Ивановича Тентетникова — после смерти директора Александра Петровича («соответствующей» отъезду из Нежина директора И. С. Орлая; см. ***1821. Сентября 3. Суббота. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1826. Августа 1. Воскресенье. Санкт-Петербург***; ***1826. Августа 20. Пятница. Нежин***) — замечал: «Он слушал и химию, и *философию прав и профессорские углубления во все тонкости политических наук,* и всеобщую историю человечества <...> но все это оставалось в голове его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму он чувствовал только, что не так должно преподаваться, а как — не знал. И вспоминал он часто об Александре Петровиче, и так ему бывало грустно, что не знал он, куда деться от тоски» (курсив наш. — *И. В.*). Описывая далее приезд Тентетникова в свое имение, Гоголь критически упоминает о юридической схоластике еще раз: «В делах судейских и разбирательствах оказались ровно ни к чему все эти юридические тонкости, на которые навели его профессора-философы <...> видел он, что нужней было тонкостей юридических и философских книг простое познанье человека...»

ОКТЯБРЯ 5. СРЕДА. НЕЖИН

В гимназию прибыл новый директор, надворный советник Д. Е. Ясновский.

Лавровский 1879. С. 204; *Кулжинский И.* Д. Е. Ясновский // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 209; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 148.

ОКТЯБРЯ 6. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Д. Е. Ясновский вступает в должность директора гимназии вместо исполнявшего эти обязанности К. В. Шапалинского[1].

В тот же день в гимназии получено распоряжение почетного попечителя графа А. Г. Кушелева-Безбородко, который утвердил решение Конференции[2] временно приостановить чтение естественного права по причине разногласий между старшим профессором М. В. Билевичем и младшим профессором Н. Г. Белоусовым о содержании и сущности этого курса[3]. (Белоусов этому распоряжению не подчинился и продолжал читать свои лекции[4].)

Позднее Ясновский сообщал Э. Б. Адеркасу, что «застал пансион в плохом состоянии, что его встретили всевозможные бесчинства пансионеров, жалобы учителей и чиновников на их непослушание, грубость и наглость. Особенно такое поведение пансионеров обращено было против тех наставников, к которым враждебно относился Белоусов»[5]. По словам Ясновского, пансионеры «заражены были <...> странным мнением», что «они не подчиняются директору», – и признавали своим начальником «одного только инспектора»[6] (т. е. Белоусова). Согласно донесению Ясновского Адеркасу от 27 апреля 1830 г., «все ученики, а еще более пансионеры знали неуважение г. Белоусова к бывшему законоучителю <протоиерею Павлу Волынскому>, которое, неуважение, обнаружил он, Белоусов, необыкновенным образом во многих бумагах, а от того и пансионеры, первые месяцы моего в гимназии служения, в классе законоучителя производили самые дерзкие шалости, пока, по жалобам законоучителя и донесениям экзекутора, не были удержаны наказаниями»[7]. Адеркас в свою очередь докладывал князю К. А. Ливену, что законоучитель отец Павел Волынский терпел «во время лекции явные насмешки»[8]. «В первые же дни моего здесь пребывания, – добавлял Ясновский в донесении Адеркасу 27 апреля 1830 г., – приносимы были мне жалобы от большей части учителей и от всех чиновников на непослушание, грубость и наглость пансионеров; а особливо таковые поступки относились к тем наставникам, коих не любил инспектор Белоусов. Последние говорили мне, что для них опасно ходить ночью по коридорам, ибо пансионеры при встрече не только не уступают им дороги, но и толкают их»[9].

Со своей стороны Белоусов 27 апреля 1830 г. подал Адеркасу прошение, где заявлял, будто он, «желая поселить сколько возможно более уважения к законоучителю и предмету, им преподаваемому, требовал, чтобы они <пансионеры> приносили от него всегда записку, что скромно сидели в классе и сам же всегда почти находился в коридоре, чтобы ученики, зная то, не всчинили шуму и шалостей, а в класс последнего трехлетия приходил часто сам, просиживая в оном»[10].

Ясновский, однако, сообщал: «...Законоучитель жаловался мне, что пансионеры в классе его производили такой шум, что ему учить и даже в классе быть не можно. <...> При всех подобных случаях инспектор оправдывал пансионеров и винил тех, которые открывали какие-либо беспорядки, а <...> меня за то, что я приказал записывать всех шалунов, без исключения пансионеров, хотя на них только и жаловался мне законоучитель, уверяя меня своею совестью, что они доходят до неистовства, и хотя сам инспектор Белоусов, приглашен бывший и придя по сей же причине в классы Закона Божия, приходил туда для усмирения пансионеров. В самом храме Божьем сделаны были беспорядки пансионерами. По сему случаю там же Белоусов хотел возложить вину их на пономаря, который ему о том донес. Видя, из какого источника проистекают все сии неустройства, и удостоверившись, что юноши сами по себе не могли дойти до такой крайности, я решил поступать с ними как с больными <...> больше действовал я увещаниями, которые с Божьею помощью не остались тщетными: ибо вскоре пансионеры начали иначе судить и поступать. Дерзость и непослушание прекратились. Самые ближайшие только к Белоусову пансионеры: Кукольник, Халчинский, Новохатский, да находившийся с ними в дружбе и тесной приятельской связи с профессорами Шапалинским, Белоусовым, Ландражиным и Зингером вольноприходящий ученик Родзянко покушались делать иногда неприятности профессору Билевичу, но и сии были, наконец, укрощены»[11].

[1] *Редкин П.* К. В. Шапалинский // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 318; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 148, 189.

[2] См. ***1827. Августа 1. Понедельник. Нежин.***

[3] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 148.

[4] См. ***1827. Декабря 21. Среда. Нежин.*** – См. также ***1827. Сентября 3. Суббота. Нежин.***
[5] *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 118.
[6] *Иофанов.* С. 413.
[7] Там же. С. 412.
[8] *Машинский 1959.* С. 145.
[9] *Иофанов.* С. 413.
[10] Там же. С. 412.
[11] *Иофанов.* С. 413–414, 317; *Лавровский Н.* Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 101.

ОКТЯБРЯ 10–11. ПОНЕДЕЛЬНИК-ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет отдельного издания третьей главы «романа в стихах» «Евгений Онегин» А. С. Пушкина.

Цявловский, Тархова. С. 766.

ОКТЯБРЯ 11. ВТОРНИК. МОСКВА

Цензурное разрешение первой книги третьей части «Трудов и летописей Общества Истории и Древностей Российских, учрежденного при Императорском Московском Университете», где напечатана статья И. С. Орлая «О Югозападной России»[1] (отправлена Орлаем в Общество в 1824 г.[2]).

[1] *Орлай Иван.* О Юго-Западной Русии. (Письмо из Нежина к Секретарю Общества) // Труды и летописи Общества Истории и Древностей Российских. М., 1827. Ч. 3. Кн. 1 (цензурное разрешение 11 окт.). С. 220–228.
[2] См. ***1824. Февраля 29. Пятница. Москва.***

ОКТЯБРЯ 15. СУББОТА. НЕЖИН

В конференции заслушан рапорт младшего профессора Н. Г. Белоусова (от 30 сентября 1827 г.)[1] с отчетом о преподавании им естественного права[2].

[1] См. ***1827. Сентября 30. Пятница. Нежин.***
[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 149.

ОКТЯБРЯ 15. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Временно исполняющий обязанности попечителя Харьковского учебного округа граф М. Ю. Виельгорский, вследствие донесения профессора М. В. Билевича, отправляет запрос директору гимназии Д. Е. Ясновскому, «кем и когда[1] разрешено для гимназии обучение естественному праву после сделанного повсеместно в 1824 году запрещения преподавать оное в гимназиях».

«До моего сведения дошло, – писал Виельгорский, – что в сей гимназии преподается естественное право не в том духе и не с тою целию, как бы следовало, и что проф<ессор> Белоусов, увлекаемый личными неудовольствиями, или другим чем, против проф<ессора> Билевича, входит при публичных экзаменах в такие споры[2], возражения и толкования, которые оскорбляют г. Билевича и служат к явному соблазну других, особенно учащихся».

Вследствие этого Виельгорский предписывает директору «принять необходимые меры к устранению такого соблазна, требует немедленного доставления в подлинниках относящихся к этому делу бумаг и представленных в конференцию ученических тетрадей»[3].

[1] См. ***1825. Ноября 14. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] См. ***1826. Июня не позднее 22. Нежин*** (примечания); ***1827. Июня 18. Суббота. Нежин.***

[3] *Лавровский 1879.* С. 204–205; *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 104; см. также *Стогнут А. С., Кононенко И. К.* Новые страницы к «Делу о вольнодумстве» в Нежинской гимназии высших наук // Уч. зап. Нежинского гос. пед. ин-та им. Н. В. Гоголя. Киев, 1954. Т. 4–5. С. 200; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 149. См. также ***1827. Октября 27. Четверг. Нежин.***

ОКТЯБРЯ 20. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Временно исполняющий обязанности попечителя Харьковского учебного округа граф М. Ю. Виельгорский отдает распоряжение, подтверждающее право на чин 12 класса Н. К. Бороздина, окончившего курс наук в июне 1827 г.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С.150.

ОКТЯБРЯ 27. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Директор гимназии Д. Е. Ясновский получает предписание временно исполняющего обязанности попечителя Харьковского учебного округа графа Мих. Ю. Виельгорского[1] от 15 октября 1827 г.[2]

[1] См. ***1827. Октября 15. Суббота. Санкт-Петербург.***

[2] *Лавровский 1879.* С. 204; *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 104.

ОКТЯБРЯ 24–29. НЕЖИН

Ученик восьмого класса пансионер А. М. Новохацкий «по спросу» младшего профессора Н. Г. Белоусова передает ему свой конспект по естественному праву, который был списан Новохацким в августе 1826 г. – по приказанию того же Белоусова – с тетрадей пансионера Яновского (Гоголя), слушавшего курс профессора в 1825/26 учебном году.

Показания учеников Гимназии высших наук князя Безбородко касательно естественного права, профессором Белоусовым преподанного. <29 октября – 3 ноября 1827 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 470. – См. также ***1826. Августа 16 – декабря 18. Нежин.***

ОКТЯБРЯ 29. СУББОТА. НЕЖИН

«Ст<арший> профессор М. В. Билевич подает в Конференцию очередной рапорт. Он подан в связи с отчетом мл<адшего> проф<ессора> Н. Г. Белоусова».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 150.

ОКТЯБРЯ 29 – НОЯБРЯ 3. НЕЖИН

Конференция гимназии, выполняя требования временно исполняющего обязанности попечителя Харьковского учебного округа графа М. Ю. Виельгорского[1], проводит первые[2] допросы учеников старших классов по поводу преподавания Н. Г. Белоусовым естественного права профессора Н. Г. Белоусова[3]. Гоголя допрашивали 3 ноября[4].

«До того времени, т. е. до 29 октября, были привлекаемы к допросу, и то вне конференции, владетели записок, перехваченных Билевичем (ученики: Марков, Филипченко и Новохацкий)...»[5]

[1] См. ***1827. Октября 27. Четверг. Нежин.*** – См. также: *Лавровский 1879.* С. 205.
[2] См. также ***1828. Мая 17–29. Нежин.***
[3] Показания учеников Гимназии высших наук князя Безбородко касательно естественного права, профессором Белоусовым преподанного. <29 октября – 3 ноября 1827 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 470–471.
[4] См. ***1827. Ноября 3. Четверг. Нежин.***
[5] *Лавровский 1879.* С. 208; *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 107.

ОКТЯБРЯ 29. СУББОТА. МОСКВА

Выход в свет двадцатого номера журнала «Московский Вестник»[1], в котором напечатаны начальные строфы четвертой главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина («В начале жизни мною правил / Прелестный, хитрый, слабый пол... ~ От мотыльков иль от лилей / И чувств глубоких и страстей»)[2].

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 774.
[2] *Пушкин А.* Женщины. Отрывок из Евгения Онегина // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 5. № 20. С. 365–367.

ОКТЯБРЯ 29. СУББОТА. НЕЖИН

«Ученик восьмого класса Константин Базили, отпущенный на каникулы в Одессу, с согласия родителей подает прошение об отчислении из Гимназии».

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 150. – См. также ***1827. Июль. Нежин.***

ОКТЯБРЯ 30. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Директор гимназии Д. Е. Ясновский отдает распоряжение изъять у воспитанников тетради с записями лекций по естественному праву.

«Спустя три дня по получении предписаний и<сполняющего> д<олжность> попечителя <графа М. Ю. Виельгорского>[1] директор предложил конференции “учинить распоряжение об отобрании у учеников всех тетрадей и записок, касающихся до естественного права, какие бы они ни были, так как, с одной стороны, из поданного г. законоучителем Волынским в конференцию рапорта явствует, что он в ученических тетрадях о естественном праве находит некоторые выражения сомнительные, а с другой, – и сам проф<ессор> Белоусов в поданных им в конференцию бумагах объясняет, что тетрадки, под именем его изъяснений или замечаний, не сообразно его изъяснениям составлены”»[2].

Н. В. Кукольник вспоминал: «В одно прекрасное утро, как говорится, ящики наших столов подверглись строжайшему досмотру. Это было в половине 1827 года. У многих, в том числе и у меня, забрали разные бумаги. Я лишился в этот раз целой драмы, главным действующим лицом которой была Мария[3], первая жена Иоанна III; сверх того, взяли у меня и начало драматической фантазии "Торквато Тассо"[4]. С тем вместе отобраны, у кого найдены, писаные номера литературного журнала, который мы, Гоголь и я, составляли для чтения товарищей; такие же номера и журналов, составленных воспитанником Мартосом и другими; шуточный альманах "Парнасский Навоз"[5] и еще несколько подобных сборников. В это же время я лишился второй оконченной трагедии "Марий в Минтурнах" и моих переводов "Димитрия Самозванца" и первого акта "Дон Карлоса" Шиллера[6]. <...> Как оказалось впоследствии, не наши сочинения были целью тщательных поисков, а классные записки естественного права...»[7]

[1] См. ***1827. Октября 27. Четверг. Нежин.***

[2] *Лавровский 1879.* С. 205.

[3] См. также ***1827. Марта 12. Суббота. Нежин***; ***1827. Август. Нежин.***

[4] См. ***1827. Август. Нежин.***

[5] См. также ***В течение 1824/25 учебного года (1824 август – 1825 май). Нежин.***

[6] Возможно, около этого времени Кукольник получил от Гоголя ироническое прозвище «Возвышенный» (см. ***1833. Февраля 8. Среда. Санкт-Петербург*** – примечания).

[7] *Кукольник Н.* Лицей князя Безбородко // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859 (цензурное разрешение 19 янв.). С. 20.

ОКТЯБРЯ 31. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Ученик восьмого класса пансионер А. М. Новохацкий дает показания в конференции гимназии о том, что его конспект по естественному праву был списан им с записей 1825/26 учебного года ученика старшего класса пансионера Яновского (Гоголя) («отданных в пользование Кукольнику» в начале 1826/27 учебного года) и что по требованию младшего профессора Н. Г. Белоусова, преподававшего этот предмет, указанный конспект был передан допрашиваемым профессору[1]. (Показание косвенно служило к обвинению Белоусова, так как в рапорте от 30 сентября 1827 г. он отказывался признать то, что эти конспекты были составлены на его лекциях[2].)

Старший профессор российской словесности П. И. Никольский в ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года, сообщил:

«...Октября 31 дня <1827 г.> на пополуденной лекции в 4-м классе взята мною от пансионера <А. Г.> Шимкова принесенная им в класс книжка сочинения Эккартсгаузена[3], содержащая третью и четвертую часть под заглавием *Терпимость и человеколюбие, представленные в виде трогательных повестей*[4] – в третьей части – Коллос <Каллос>, происшествие взятое из времен гонения на веру, а в четвертой – Карл Беттенгейм <Блитенгейм>, или пример благодарности, какая ныне не в обыкновении – книжка сия больше ко вреду, нежели к пользе ученику послужить может; то при сем и представляется»[5].

[1] См. ***1827. Октября 24–29. Нежин.***

[2] См. ***1827. Сентября 30. Нежин.***

[3] Карл фон Эккартсгаузен (1752–1803), немецкий писатель-мистик, сочинения которого были популярны в масонских кругах. Его «Ключ к таинствам натуры» (СПб., 1804. Ч. 1–4; 2-е изд. – 1821; перевод А. Ф. Лабзина) в ироническом контексте упомянут Гоголем в восьмой главе первого тома «Мертвых душ»: «Почтмейстер вдался более в философию и читал весьма прилежно, даже по ночам, Юнговы "Ночи" и "Ключ к таинствам

натуры" Эккартсгаузена, из которых делал весьма длинные выписки, но какого рода они были, это никому не было известно». Под «Юнговыми "Ночами"» подразумевается поэма английского поэта Эдварда Юнга (1671–1765), переведенная и изданная в 1780 г. другом Н. И. Новикова и А. Н. Радищева масоном А. М. Кутузовым: «Плач Эдуарда Юнга, или Нощное размышление о жизни, смерти и бессмертии» (2-е изд. – М., 1785; 3-е изд. – М., 1799. Ч. 1–2; 4-е изд. – СПб., 1813).

[4] Имеется в виду одно из изд.: Терпимость и человеколюбие, изображенные в трогательных повестях. Сочинения Г. Эккартсгаузена. Перевод с немецкого. <Подготовлено при участии А. Ф. Лабзина>. М., 1805. Ч. 1–2; 2-е изд. – М., 1817. Ч. 1–4; Орел, 1818. Ч. 1–2 (см.: Александр Фёдорович Лабзин (1766–1825). Материалы к библиографии / Сост. и предисл. А. Н. Стрижова // Литературоведческий журнал. 2014. № 35. С. 235, 239, 240).

[5] *Сребницкий 1902*. С. 374–375.

ОКТЯБРЬ. НЕЖИН

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года П. И. Никольским, в «октябре месяце» в девятом классе «читана по учебной книге Греча История Российской словесности от начала ее до царствования Императора Петра Великого»[1].

Согласно сводной ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам российской словесности за 1827/28 учебный год, Николай Яновский (Гоголь) в октябре 1827 г. получил от профессора Никольского следующие оценки (по четырехбалльной системе): поведение – 3; успехи – 3[2].

В ведомости об успехах в науках и поведении учеников девятого класса по предметам юридических наук за октябрь 1827 г. знания Николая Яновского (Гоголя) оценены старшим профессором российских гражданского и уголовного прав, народного и государственного хозяйства и науки финансов М. В. Билевичем на «3» (по четырехбалльной системе)[3].

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года профессором Н. Ф. Соловьевым, «в октябре месяце» 1827 г. в девятом классе «пройдено из естественных наук»:

«*Из зоологии:* О двуруких, четыреруких, плотоядных до отряда грызунов. *Из физики:* О свете вообще, о свойстве отражения и преломления света, о цветорассеянии; о строении глаза, недостатках и средствах, к исправлению оных служащих»[4].

Согласно сводной ведомости об успеваемости учеников девятого класса по естественной истории и частной физике с августа 1827 г. по май 1828 г., Николай Яновский (Гоголь) в октябре 1827 г. получил от профессора Соловьева следующие оценки: по поведению – 4, по успехам – 4[5].

[1] *Сребницкий 1902*. С. 374.

[2] Ведомость о поведении и успехах учеников Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по предметам российской словесности с начала августа месяца 1827-го года <по май 1828> // *Свод*. Т. 1. С. 475.

[3] *Кулиш 1856*. Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод*. Т. 1. С. 481.

[4] *Сребницкий 1902*. С. 382.

[5] Ведомость о поведении и успехах учеников 9-го класса Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по естественной истории и частной физике с августа сего 1827 года по июль месяц будущего 1828 г. Профессор Никита Соловьев // *Свод*. Т. 1. С. 478.

ОКТЯБРЯ КОНЕЦ. НЕЖИН

Младший профессор немецкой словесности Ф. И. Зингер убеждает Н. В. Кукольника при личной встрече, что, дав ложные показания на конференции в пользу профессора Н. Г. Белоусова, он не понесет «за то никакой ответственности».

См. ***1827. Ноября 1. Вторник. Нежин.***

НОЯБРЯ 1. ВТОРНИК. НЕЖИН

Ученик восьмого класса пансионер Н. В. Кукольник на допросе в конференции подтверждает показание пансионера А. М. Новохацкого о том, что «историю естественного права и самое естественное право» тот «списал <...> с тетради пансионера Яновского, находившейся у Кукольника»[1].

Это показание косвенно служило к обвинению Белоусова, так как в рапорте от 30 сентября 1827 г. он отказывался признать то, что этот конспект был составлен на его лекциях[2].

В то же время Кукольник, будучи незадолго перед тем убежден профессором Ф. И. Зингером в благополучном для него исходе дела[3], дает ложные показания в пользу профессора Н. Г. Белоусова, заявляя, что его собственные, Кукольника, конспекты по естественному праву (очевидно, содержавшие положения, которые могли послужить к обвинению) он составил «как материал для диссертации о естественном праве» не на лекциях Белоусова в седьмом классе в 1826/27 учебном году, а по выпискам из книг «разных авторов» (А. Вольтера, Ж. Ж. Руссо, И. Канта, Ш. Монтескье и др.) на французском и немецком языках, «читанных им в пятом и шестом классе <т. е. в 1824/25 и в 1825/26 учебных годах> до преподавания естественного права»[4].

«Показание Кукольника, как прямо направленное против обвиняющей стороны, не могло не обратить на себя особенного внимания последней. “С первого взгляда на сие показание, — пишет вслед за тем[5] в конференцию Моисеев, — всякий признает оное совершенно несправедливым и даже невероятным, чтобы он <Кукольник>, будучи еще в тех низших классах сей гимназии (5 и 6) и, как по спискам значится, в третьем отделении по языкам, где читается одна только грамматика языков, занимался уже из оных немецких и французских книг составлением на русском языке записок, и притом о естественном праве, т. е. о такой науке, которая от него впереди была еще далеко и о которой он тогда еще никакого понятия не имел и иметь не мог”»[6].

Позднее, после окончательного выпускного экзамена 21 мая 1829 г. и перед назначением чина, сам Кукольник отказался от своих показаний. «Приехал за ним из Вильны в Нежин брат, Платон, прежний учитель латинского языка в Нежинской гимназии и теперь экзекутор Виленского университета, и представил директору <Д. Е. Ясновскому> письменное подробное признание своего брата в ложности данных им в конференции показаний. <...> Все свои прежние показания Кукольник объясняет боязнью мщения со стороны Белоусова, как профессора и инспектора. “Находясь в ближайшем надзоре и власти инспектора, будучи молодым и неопытным, страшась и избегая преследователей, приведен был в горестную необходимость отвечать неисправно и принимать на себя обстоятельства, о которых не имел ни малейшего понятия... В сем положении, не желая подвергнуться негодованию, а с другой стороны, остаться в ответственности, я хотя и решился принять многое на себя, но в то же время показать таким образом, чтобы конференция легко удостоверится могла в невероятности моих показаний, а через то удостоверилась в моей невинности. Ныне, оставляя, по окончанию полного курса наук, гимназию и будучи совершенно свободен, нахожу необходимым объяснить с совершенною искренностию прежние мои ложные показания, в полной мере уничтожая и опровергая оные, а через то оправдать себя и очистить от всякого пятна труды мои, коих вы, начальник мой и благодетель, были ближайшим свидетелем, а также поведения моего, ничем в течение всего времени пребывания моего в гимназии не помраченного[7]... Записки мои начали быть мною составляемы с того времени, как начал я слушать естественное право <у Белоусова>.

Никогда я не полагал и не воображал, чтобы в оных могло находиться что-либо вредное, ибо иные составляли классные мои замечания и находились не только в классах, но и в музеях; а посему, если б в них оказалось что-либо вредное, основанное на собственных моих мыслях, тогда бы я старался их скрывать, как между тем г. инспектор мог во всякое время их рассмотреть, меня предостеречь, дурное исправить или уничтожить; но я напротив ни от кого никакого замечания не получал и не слышал... <...> При сем нахожу нужным объяснить и то, что до призыва меня в конференцию был я у проф<ессора> Зингера, с которым я советывался, что мне отвечать, и который, прежде о таковом призыве меня предуведомив, совершенно расположил меня к изъяснению вышеупомянутых показаний и уверял меня, что я не могу подвергнуться за то никакой ответственности". В заключение Кукольник изъявляет готовность подтвердить присягой истину своих настоящих показаний. Признание, однако, не помогло, и Кукольник дорого поплатился за свое увлечение. Окончательный экзамен <...> он сдал с отличием, и конференция большинством своих членов, несмотря на резкий протест, заявленный письменно Моисевым, Никольским и Билевичем, определила предоставить ему чин XII класса и наградить золотой медалью. <...> ...В феврале 1831 года, по окончательном решении дела о вольнодумстве, состоялась резолюция министра <князя К. А. Ливена>. <...> "Ныне г. министр соглашается <...> Кукольнику дать просто свидетельство о том, каким предметам и с каким успехом он обучался, без назначения класса..."»[8]

[1] См. ***1827. Октября 31. Нежин.***
[2] См. ***1827. Сентября 30. Нежин.***
[3] См. ***1827. Октября конец. Нежин.***
[4] Показания учеников Гимназии высших наук князя Безбородко касательно естественного права, профессором Белоусовым преподанного. <29 октября – 3 ноября 1827 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 470.
[5] См. ***1827. Декабря 21. Среда. Нежин.***
[6] *Лавровский 1879.* С. 211–212. – См. также ***1828. Декабря 21. Пятница. Нежин.***
[7] О вольнодумстве Н. В. Кукольника во время обучения в гимназии см., в частности: ***1827. Август. Нежин.***
[8] *Лавровский 1879.* С. 215–216.

НОЯБРЯ 3. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

В конференции гимназии допрошены Петр Н. Горонович[1], Н. П. Родзянко[2], Е. И. Филипченко[3] (ученики восьмого класса) и Гоголь (девятый класс).

«1827-го года ноября 3-го дня ученик 9-го класса Николай Яновский, 19-ти лет, призван будучи в Конференцию, [подтвердил показание Новохацкого[4], что у него, Новохацкого, была] показание Новохацкого подтвердил в том, что он тетрадь истории естественного права и самое естественное право [списанное по приказанию профессора Белоусова с начала учебного года с записок прошлого курса, принадлежавших ему, Яновскому] отдал [их] в пользование Кукольнику[5]; сверх того Яновский добавил, что объяснение о различии права и этики профессор Белоусов делал по книге»[6].

Возможно, именно этот допрос охладил тогда желание Гоголя посвятить себя «юстиции», высказанное за месяц перед тем в письме к дяде Петру П. Косяровскому[7], – заставив задуматься о характере преподавания Н. Г. Белоусовым предмета «естественного права». Уже спустя два месяца после отправления письма к дяде у Гоголя возникает новый план, связанный с изучением «трех языков»[8] и продолжительным пребыванием за границей. Этот план занял его на гораздо более продолжительное время[9].

[1] *Иофанов.* С. 378–381.
[2] Там же. С. 381–382.
[3] Там же. С. 382.
[4] См. ***1827. Октября 31. Нежин.***
[5] См. ***1827. Ноября 1. Нежин.*** – Показание косвенно служило к обвинению Н. Г. Белоусова, так как в рапорте от 30 сентября 1827 г. тот отказывался признать, что конспект этот был составлен на его лекциях (см. ***1827. Сентября 30. Нежин***).
[6] Показания учеников Гимназии высших наук князя Безбородко касательно естественного права, профессором Белоусовым преподанного. <29 октября – 3 ноября 1827 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 471.

По мнению Д. И. Иофанова, последнее «показание Гоголя свидетельствует о его стремлении "выгородить", "не выдавать" своего любимого профессора. Белоусова обвиняли главным образом в том, что он руко-

водствовался в чтении курса естественного и народного права не официально рекомендованными учебными пособиями, а своими собственными неблагонадежными записками» (*Иофанов*. С. 300).

Однако из материалов дела следует, что Белоусова обвиняли не только в том, что в изложении своего курса он пользовался рукописными материалами, но и в том, что, намеренно игнорируя утвержденную Министерством просвещения книгу австрийского профессора К. А. Мартини «Positiones juris naturae», руководствовался одной из печатных книг по «естественному праву» немецкого профессора Т. А. Шмальца, издававшихся в Германии на протяжении конца XVIII – начала XIX вв. (в частности, изданным в 1820 г. в Петербурге сокращенным переводом обширного произведения Шмальца «Руководство по философии права»: *Шмальц Ф.* Право естественное. Перевод с латинского. С прибавлением литературы естественного права. СПб., 1820).

Как представляется, юный Гоголь, не вполне представляя интересы противоборствующих в «деле о вольнодумстве» партий, не стремился никого ни обвинять, ни «выгораживать», а, в отличие от Н. В. Кукольника (см. ***1827. Ноября 1. Вторник. Нежин***) и Н. П. Родзянко (см. ***1828. Мая 21. Понедельник. Нежин***), просто честно отвечал на вопросы следствия. Подробнее см.: *Виноградов 2015*.

[7] См. ***1827. Октября 2–3. Воскресенье-понедельник. Нежин***.

[8] См. ***1827. Декабря 15. Четверг. Нежин***.

[9] Подробнее см.: ***1827. Октября 2–3. Воскресенье-понедельник. Нежин*** (примечания).

НОЯБРЯ 8. ВТОРНИК. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Почетный попечитель граф А. Г. Кушелев-Безбородко дает согласие на отчисление К. М. Базили из гимназии.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 152. – См. также ***1827. Октября 29. Суббота. Нежин.***

НОЯБРЯ 13. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Гоголь уведомляет мать, что «необходимость нужных занятий» в последний год пребывания в гимназии препятствует ему ехать домой на Рождественских каникулах; сообщает, что вся его жизнь будет посвящена благу и все его силы «будут порываться на то, чтобы означить ее одним благодеянием, одною пользою отечества». Пишет, что ожидает ответа от сестры Марии из Полтавского пансиона[1]. Передает поклоны В. П. Косяровской, Е. П. Грибоедовой, дедушке и бабушке И. М. и М. И. Косяровским.

[1] См. ***1827. Ноября 24. Четверг. Полтава***.

НОЯБРЯ 24. ЧЕТВЕРГ. ПОЛТАВА

Сестра Гоголя Мария сообщает матери:

«...Я получила ваши оба письма с посылками и посылку от брата[1], за что несчетно раз целую ваши ручки... Братец прислал мне пять книг: Владетель островов, Невский Альманах и Литературный Музеум и две немецкие, за что я его благодарю сердечно[2] и посылаю к нему при сем письмо, которое и прошу покорнейше отослать к нему».

Свод. Т. 1. С. 141.

[1] См. ***1827. Октября 2. Нежин.***

[2] В 1909 г. В. А. Чаговец указывал: «Сохранилось много тетрадей с конспектами и сочинениями Марии Гоголь по истории, географии и литературе на французском языке. И даже несколько стихотворных набро-

сков. Все это говорит о ее способностях и степени образованности» (Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод*. Т. 1. С. 195).

Ольга Васильевна вспоминала: «Эта же сестра потом нас учила. Она считалась в то время очень образованной, знала языки, по-французски свободно говорила. Помню, она всегда любила читать Пушкина стихи. Как только кто-нибудь приезжал – так сейчас читала. Вероятно, тогда только они вышли в печать, потому что в большой моде тогда были» (Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Свод*. Т. 1. С. 195).

НОЯБРЯ 29. ВТОРНИК. НЕЖИН

Преподаватель греческого языка и словесности Х. Н. Иеропес в своем рапорте докладывает, что на одном из заседаний конференции Белоусов обратился к нему со словами: «я тебя задушу»[1].

Весьма дерзко вел себя Белоусов и по отношению к законоучителю гимназии протоиерею Павлу Ивановичу Волынскому. Согласно заключению Д. Е. Ясновского, «профессор Белоусов в рапортах своих, в конференцию поданных, непристойными выражениями оскорблял заслуженных мужей: бывшего законоучителя протоиерея Волынского и профессора Билевича»[2].

[1] *Лавровский 1879 (отд. изд.)*. С. 112.
[2] *Иофанов*. С. 418.

НОЯБРЬ. НЕЖИН

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года старшим профессором П. И. Никольским, «за ноябрь месяц» в девятом классе «из правил высшей словесности» пройдена тема: «О происхождении изящных искусств и словесности и о общем их начале – о подражании природе». Кроме того, «продолжали чтение истории российской словесности от времен Петра Великого до царствования Екатерины второй» («сочинений однако не подавали по небрежению» учеников)[1].

Согласно сводной ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам российской словесности за 1827/28 учебный год, Николай Яновский (Гоголь) в ноябре 1827 г. получил от профессора Никольского следующие оценки (по четырехбалльной системе): поведение – 3; успехи – 2[2].

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года профессором Н. Ф. Соловьевым, «в ноябре месяце» 1827 г. в девятом классе «пройдено из естественных наук»:

«*Из зоологии:* Пройдены грызуны, беззубые и толстокожие. *Из физики:* Об электричестве вообще, о приборах для узнания, произведения и скопления электричества, об электрических явлениях и теория электричества, возбуждаемого трением»[3].

Согласно сводной ведомости об успеваемости учеников девятого класса по естественной истории и частной физике с августа 1827 г. по май 1828 г., Николай Яновский (Гоголь) в сентябре 1827 г. получил от профессора Соловьева следующие оценки: по поведению – 4, по успехам – 4[4].

В ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам юридических наук за ноябрь 1827 г. Николай Яновский (Гоголь) получает от профессора М. В. Билевича следующие оценки (по четырехбалльной системе): поведение – 3; успехи – 3. Вместе с ним низкий балл за поведение получает еще один ученик (из десяти): Я. К. Бороздин – 2[5].

[1] *Сребницкий 1902.* С. 375.

[2] Ведомость о поведении и успехах учеников Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по предметам российской словесности с начала августа месяца 1827-го года <по май 1828> // *Свод.* Т. 1. С. 475.

[3] *Сребницкий 1902.* С. 382.

[4] Ведомость о поведении и успехах учеников 9-го класса Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по естественной истории и частной физике с августа сего 1827 года по июль месяц будущего 1828 г. Профессор Никита Соловьев // *Свод.* Т. 1. С. 478.

[5] Ведомость о успехах учеников в науках и поведении по предметам юридических наук за месяц ноябрь сего 1827 года. От профессора Михаила Билевича // *Свод.* Т. 1. С. 472; см. также: *Кулиш 1856.* Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод.* Т. 1. С. 481.

ДЕКАБРЯ 9. ПЯТНИЦА.
НЕЖИН

Старший профессор М. В. Билевич подает директору гимназии Д. Е. Ясновскому рапорт о том, что «с начала вступления в должность г. Белоусова в гимназии», он стал «встречать от него разные неприятности и оскорбления» и что «впоследствии времени, продолжая оные оскорбления», Белоусов нанес ему «тяжкие обиды». Описывая события 26 сентября[1], Билевич отмечает:

«К вящей и сугубой моей обиде с преклонностью б<ывшего> исправлявшего должность директора профессора Шапалинского к г. Белоусову сего 1827 года сентября 26 дня по полудни в 10 часу собрана была экстраординарная полная конференция, в которой, к обиде моей и к соблазну учеников, призванных в конференцию и в оной спрашиваных, делано было формальное против меня следствие...»[2]

[1] См. ***1827. Сентября 26. Нежин.***

[2] *Иофанов.* С. 296–297.

ДЕКАБРЯ 10. СУББОТА.
МОСКВА

Выход в свет двадцать третьего номера журнала «Московский Вестник»[1], в котором напечатано стихотворение А. С. Пушкина «Поэт» («Пока не требует Поэта...»)[2].

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 787.

[2] *Пушкин А.* Поэт // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 6 (цензурное разрешение 27 окт.). № 23. С. 255–256.

ДЕКАБРЯ 12. ПОНЕДЕЛЬНИК.
НЕЖИН

Гоголь получает письмо от матери.

См. ***1827. Декабря 15. Четверг. Нежин.***

ДЕКАБРЯ 15. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Гоголь сообщает матери, что письмо ее «получил три дни тому назад»; пишет, что занимается изучением трех языков[1], для чего просит прислать 60 рублей на необходимые «учебные книги». Уверяет, что затраты на его образование окупятся и что через три года он перевезет мать в Петербург:

«Только разве на первые два или три года в Петербурге мне будет нужно вспоможение, а далее... разве я не умею трудиться. Разве я не имею твердого неколебимого намерения к достижению цели, с которым можно будет всё побеждать, и эти деньги, которые вы мне будете теперь посылать, не значит ли это отдача в рост с тем, чтоб после получить утроенный капитал с великими процентами. Продайте тот лес[2] большой, который мне назначен[3]. Деньгами, вырученными за него, можно не только сделать вспоможение мне, но и сестре моей Машиньке. Я как подумаю, что ей бедной слишком мало достается на часть, так не лучше ли будет, если разделюсь всем своим имением с нею, особливо как буду в Петербурге. Я бы оставил только домик для своего приезду, об меньших сестрах после подумаем. А вы, маминька, осчастливите (чего я надеюсь без сомнения) меня своим пребыванием и спустя каких-нибудь года три после своего бытия в Петербурге, я приеду за вами, вы тогда не оставите меня никогда. Тогда вы будете в Петербурге моим ангелом-хранителем...»

[1] См. ***1827. Октября 2–3. Воскресенье-понедельник. Нежин*** (примечания).
[2] См. также ***1849. Март. Москва*** (примечания).
[3] По завещанию бабушки Т. С. Гоголь-Яновской (см. ***1825. Июня 20. Суббота. Васильевка***).

НОЯБРЯ 29[1]. ВТОРНИК; ИЛИ ДЕКАБРЯ 16[2]. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Младший профессор Н. Г. Белоусов подает в конференцию рапорт, в котором подробно отвечает на разбор его лекций по естественному праву протоиереем Павлом Волынским[3] (возможно, рапорт был подан 29 ноября и рассмотрен 16 декабря).

В рапорте Белоусов, в частности, замечал: «...Подписать несправедливый разбор нетрудно было уговорить о. Павла, который даже иногда против себя подписывал, — и приводит случай, известный всем членам конференции, чиновникам и ученикам, — когда шалуны вписали однажды в число шаливших в классе и долженствующих быть наказанными его же самого, своего законоучителя, о. Павел, подписав таковую записку, препроводил оную, кому следовало, для наказания означенных в оной записке»[4].

[1] *Лавровский 1879*. С. 198, 203; *Иофанов*. С. 303–309.
[2] *Иофанов*. С. 383–401.
[3] См. ***1827. Июля 20. Среда. Нежин***.
[4] *Лавровский 1879*. С. 203.

ДЕКАБРЯ 17. СУББОТА. НЕЖИН

Конференция гимназии проводит специальное заседание по поводу раздоров между М. В. Билевичем и Н. Г. Белоусовым. Профессора Ф. И. Зингер, И. Я. Ландражин, Н. Ф. Соловьев записывают в журнал особое мнение.

Лавровский 1879. С. 205.

ДЕКАБРЯ 20. ВТОРНИК. НЕЖИН

Гоголь в письме к матери (отправляемом с А. С. Данилевским) сообщает, что посылает сестре Марии «посылочку с книжкою».

ДЕКАБРЯ 21. СРЕДА. НЕЖИН

Директор гимназии Д. Е. Ясновский знакомится с рапортом старшего профессора М. В. Билевича (от 9 декабря)[1], из которого следует, что младший профессор Н. Г. Белоусов, вопреки решению конференции (от 1 августа)[2] и распоряжению почетного попечителя графа А. Г. Кушелева-Безбородко (от 6 октября)[3], приостановивших чтение естественного права, продолжал читать этот курс[4].

В тот же день старший профессор К. А. Моисеев подал в конференцию рапорт о ложных свидетельствах – в пользу Белоусова[5], по поводу записей конспектов по естественному праву – пансионеров Н. В. Кукольника и А. М. Новохацкого[6].

[1] См. ***1827. Декабря 9. Пятница. Нежин.***
[2] См. ***1827. Августа 1. Понедельник. Нежин.***
[3] См. ***1827. Октября 6. Четверг. Нежин.***
[4] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 154–155. – См. также ***1827. Сентября 3. Суббота. Нежин.***
[5] См. ***1827. Октября конец. Нежин***; ***1827. Ноября 1. Вторник. Нежин.*** – См. также ***1828. Декабря 21. Пятница. Нежин.***
[6] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 155.

ДЕКАБРЯ 22. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет альманаха «Северные Цветы на 1828 год»[1], где напечатаны произведения А. С. Пушкина: «Граф Нулин», «Отрывок из “Бориса Годунова”» («1604. 16 октября. Граница Литовская»), «Элегия» («Под небом голубым страны своей родной...»), «Ангел» («В дверях Эдема Ангел нежный...»), «Не знаю, где, но не у нас...», «Череп» («Прими сей череп...»), «Отрывки из писем, мысли и замечания»; а также «отрывок из малороссийской повести» О. М. Сомова «Гайдамак» (под псевдонимом: П. Байский; со словариком украинских слов).

К альманаху был приложен портрет Пушкина, гравированный Н. И. Уткиным с портрета О. А. Кипренского.

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 790–791.

ДЕКАБРЬ. НЕЖИН

Согласно отчету протоиерея Павла Волынского, преподавание «нравоучительного любомудрия» по Баумейстеру он по-прежнему[1] сочетал с чтением св. Отцов[2].

Из разысканий протоиерея А. Ф. Хойнацкого (1879): «...Ко времени такового преподавания закона Божия с нравоучительным любомудрием относится обучение в гимназии высших наук князя Безбородко Н. В. Гоголя, окончившего курс учения в 1828 году и В. К. Каминского, окончившего курс в 1831 году. И тот и другой, как

известно, отличались выдающимся религиозно-мистическим направлением. <...> Спрашивается: направление, господствовавшее тогда в гимназии высших наук, при преподавании нравоучительного любомудрия, на началах учения св. Отцов, не имело ли влияния также и на умственный склад и религиозный характер того и другого?»[3]

Из книги Д. И. Иофанова «Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы» (1951): «В 1881 г., когда в Нежине сооружался памятник великому писателю, престарелый учитель Гоголя <...> Иван Кулжинский, писал: "Гоголь был не только гениальный писатель, но и христианин в собственном смысле этого слова. Нет сомнений, что лучшие его религиозные воззрения и симпатии воспитывались в церкви, и в особенности в церкви того заведения, где он учился"»[4].

Историк А. И. Маркевич в 1895 г. указывал: «Мне пришлось учиться в этой самой гимназии лет 30 после того, как оставил ее Гоголь; то так как слава его озарила и гимназию и самый г. Нежин, то они были еще полны Гоголем <...> Немногому мог научиться Гоголь в гимназии; единственный профессор, имевший на него сильное влияние, был богослов, что не осталось без значения в дальнейшей жизни Гоголя»[5].

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года старшим профессором П. И. Никольским, «за декабрь месяц» в девятом классе пройдены следующие темы: «Об основных правилах высшей словесности, пользе и о унижении добродетели, о уме, гении и вкусе, о ораторской речи, о трех ее действиях научать, нравиться и трогать, о избирании материи, о вникании в оную, о нахождении в ней главных частей для исследования, о изобретении доказательств, о методе связывать их и переходить из одних в другие с правилом Цицерона: ut augeatur ee crescat semper oratio, и краткий пример из речи того же Цицерона за Милона»[6].

Согласно сводной ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам российской словесности за 1827/28 учебный год, Николай Яновский (Гоголь) в декабре 1827 г. получил от профессора Никольского следующие оценки (по четырехбалльной системе): поведение — 3; успехи — 3[7].

В ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам юридических наук за декабрь 1827 г. Николай Яновский (Гоголь) получает от профессора М. В. Билевича следующие оценки (по четырехбальной системе): поведение — 2; успехи — 3.

Вместе с ним низкие баллы за поведение получают еще трое (из десяти) учеников: А. А. Божко — 1 (с примечанием: «за дерзость»); Я. К. Бороздин — 2 (с примечанием: «дерзок», и оценкой по успеваемости — 2); Н. А. Котляревский — 2 (с примечанием: «дерзок», и оценкой по успеваемости — 2)[8].

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года профессором Н. Ф. Соловьевым, «в декабре месяце» 1827 г. в девятом классе «пройдено из естественных наук»:

«*Из зоологии:* из класса млекопитающих, животные, жвачку отрыгающия (Pecora-Kuminantia). *Из физики:* Гальваническое и атмосферное электричество»[9].

Согласно сводной ведомости об успеваемости учеников девятого класса по естественной истории и частной физике с августа 1827 г. по май 1828 г., Николай Яновский (Гоголь) в декабре 1827 г. получил от профессора Соловьева следующие оценки: по поведению — 4, по успехам — 4[10].

[1] См. ***1826. Июня конец. Нежин.***

[2] *Хойнацкий А. Ф., протоиерей.* Из истории философской науки в России в начале XIX века // *Свод.* Т. 1. С. 434.

[3] *Хойнацкий А. Ф., протоиерей.* Из истории философской науки в России в начале XIX века // *Свод.* Т. 1. С. 435.

[4] *Иофанов.* С. 155. – Дело комитета по сооружению бюста Н. В. Гоголя в Нежине.

[5] *Маркевич А. И.* Николай Васильевич Гоголь // *Свод.* Т. 1. С. 436.

[6] *Сребницкий 1902.* С. 375.

[7] Ведомость о поведении и успехах учеников Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по предметам российской словесности с начала августа месяца 1827-го года <по май 1828> // *Свод.* Т. 1. С. 475.

[8] Ведомость о успехах учеников в науках и поведении по предметам юридических наук за месяц декабрь сего 1827 года. От профессора Михаила Билевича // *Свод.* Т. 1. С. 472–473; см. также: *Кулиш 1856.* Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод.* Т. 1. С. 481.

[9] *Сребницкий 1902.* С. 382.

[10] Ведомость о поведении и успехах учеников 9-го класса Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по естественной истории и частной физике с августа сего 1827 года по июль месяц будущего 1828 г. Профессор Никита Соловьев // *Свод.* Т. 1. С. 478.

1827 ДЕКАБРЯ 20 – 1828 ЯНВАРЯ ОКОЛО 9. НЕЖИН

Гоголь проводит трехнедельные Рождественские каникулы в стенах пансиона.

Ранее, 20 декабря 1827 г., Гоголь сообщал матери: «Так неожиданно и так скоро отправляется Данилевский, что я пишу к вам только для того, чтобы объявить вам, что я здравствую, что у меня бездна дел, ни капли времени, и что ожидаю с нетерпением пособия, о котором в прошлом письме упоминал».

Позднее, во второй половине января 1828 г., Гоголь также писал матери: «Я вам говорил --- <о моем усиле>нном занятии <языками> --- Еще с сентября мес<яца> --- мною безостановочно --- успехом сперва мне нуж<но было немного пока я> <?> занимался одним языком --- много усили<ли>сь когда в остав<шееся время?> --- сделать всё то, что мне нужно <было сделать в продолжение> всех лет моего здесь бытия. <...> ...Я воображал, что вы непременно вышлете --- <для мо>их занятий еще до нового года оные 60 рублей --- и расположил я, основываясь на книгах <которые> <собирался?> я купить, всё было у меня распределенно, часы назначенны, и ни один промежуток времени не долженствовал быть упущен – для этого я решился пожертвовать всеми удовольствиями. Вы помните, с каким ужасным энтузиазмом я всегда желал видеться <с> вами. – Как жарко я всегда хотел ехать на праздник, как это было предметом желаний моих. Я всем этим решился пожертвовать для однообразного, трудного занятия, вечного заточения. <...> Вы не можете вообразить тогдашнего моего бешенства, я был точно сумасшедший, заперся в своей комнате, грыз от досады стол, плакал, бегал от всех; и в уединении от всех разрывался в досадах и медленно начал успокоиваться только с прошествием праздников, но воспоминание о них режет мое сердце.

Я не жалею о тех почти даром ушедших 3 или шести годах, я не понимал этого. – Но в эти три недели, когда я думал столько сделать, когда я так ясно понимал всю важность моих занятий, когда я так пламенно жаждал употребить это самое лучшее время в самую великую пользу, когда никто не мешал мне, когда эти три недели были важнее для меня четырех месяцев, и видеть все свои надежды разбитыми – о! это ужасно! Но не думайте, почтеней<шая> милая маминька, чтобы я в это время досадовал на вас или хотя малейшее на вас имел неудовольствие, нет, я собственно досадовал на себя и наказывал одного себя. Но наказание мое было ужасно».

ДЕКАБРЯ МЕЖДУ 24 И 30. НЕЖИН

Протоиерей Павел Волынский обратился в правление гимназии с прошением довести до сведения высшего начальства об обидах, нанесенных ему профессором Н. Г. Белоусовым.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 155. – См. также ***1827. Сентября 30. Пятница. Нежин Октября 15. Суббота. Нежин***; ***1827. Ноября 29. Вторник; или декабря 16. Пятница. Нежин.***

ДЕКАБРЯ 30. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

«В Правление Гимназии представлены записи показаний учеников Ф. Михно, Е. Филипченко, А. Новохацкого, Н. Кукольника, Н. Котляревского, А. Колышкевича, Николая Гоголя-Яновского, П<етра> Гороновича, Н. Родзянко, А. Змиева, А. и В. Шапошниковых[1] относительно преподавания естественного права»[2].

В тот же день «все материалы делопроизводства по “делу о вольнодумстве”, а именно: рапорты Билевича, Волынского, показание Белоусова, протоколы допросов учеников вместе с объяснением конференции» были направлены временно исполняющему обязанности попечителя Харьковского учебного округа графу Мих. Ю. Виельгорскому[3] (согласно его требованию от 15 октября 1827 г.)[4].

«Реестр препровожденных бумаг заключал в себе 24 №№, да отправленный после того дополнительный[5] – 11 №№. Самое объяснение конференции, вместе с первым реестром, препровождено в Харьков <...> 30 декабря 1827 года»[6].

[1] Позднее, в 1880 г., брат Александра и Василия Степановичей Шапошниковых, Григорий Степанович, писал: «Да, Гоголь постоянно был мне близок душою в школе и любим как за свой симпатичный характер, так и за литературный талант, обнаружившийся в нем с самых еще юных лет... Его веселые и смешные рассказы, его шутки и самые штуки, всегда умные и острые, без которых не мог он жить, до того были комичны, что и теперь не могу вспомнить об них без смеха и удовольствия. Целых пять лет провел я с ним в незабвенной нашей гимназии. Эти пять лет постоянно живы в моей памяти и сердце и конечно умрут тогда, когда я сам закрою глаза навеки» (Воспоминания о Гоголе Г. С. Шапошникова // *Свод.* Т. 1. С. 597).

[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 154–155; *Свод.* Т. 1. С. 471.

[3] *Иофанов.* С. 309.

[4] См. ***1827. Октября 15. Суббота. Санкт-Петербург***; ***1827. Октября 27. Четверг. Нежин***; ***1827. Октября 29 – ноября 3. Нежин.***

[5] См. ***1828. Января 2. Понедельник. Нежин.***

[6] *Лавровский 1879.* С. 205.

ДЕКАБРЯ КОНЕЦ. МОСКВА

Выход в свет двадцать четвертого номера журнала «Московский Вестник», в котором напечатана статья княгини З. А. Волконской «Св. Екатерина Сиенская. (Из путевых записок об Италии)».

К<нягиня> Зинаида Волконская. Св. Екатерина Сиенская <ум. в 1380 г., в Риме>. (Из путевых записок об Италии) // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1827. Ч. 6 (цензурное разрешение 27 окт.). № 24 (цензурное разрешение 25 ноября). С. 392–397.

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА.
НЕЖИН

Гоголь пишет «идиллию в картинах» «Ганц Кюхельгартен»[1].

В. И. Шенрок, беседовавший с А. С. Данилевским в 1887 г., писал: «Идиллию "Ганц Кюхельгартен" мы относили к 1827 г. <...> Но покойный друг Гоголя, А. С. Данилевский, выражал мне некоторое сомнение, чтобы идиллия эта могла быть написана в Нежине: тогда бы о ней было известно товарищам, — соображение, которым, вероятно, руководился и Прокопович. В таком случае можно бы еще допустить, что она была написана во время полугодовой жизни Гоголя в деревне в 1828 г., но *во всяком случае* до переезда его в Петербург»[2].

При создании идиллии Гоголь, в частности, использовал свою выписку «Об одежде Персов (из Винкельмана)» (в «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии», 1826–1830).

Кроме того, в описании русалок в «Ганце Кюхельгартене» (так же, как позднее в «Майской ночи» и в «Вии») нашло отражение содержание стихотворения А. Н. Муравьева «Русалки» («Волнуется Днепр...»), напечатанное в 1827 г. в его сборнике «Таврида»[3]. Около того же времени Гоголь переписал в «Книгу всякой всячины...» стихотворение из этого же сборника Муравьева «Забвение» («Кто усладит мои страданья?»)[4]. Вынутый из «Книги...» листок с текстом стихотворения сохранился в рукописном фонде Гоголя *РГБ*[5].

В «Книге всякой всячины...» имеется также несколько рисунков, составляющих как бы «бытовой», или «ландшафтный» фон гоголевской идиллии: рисунки садовых беседок (в готическом стиле)[6]; наклеенные рисунки различных видов плетеных заборов, или решеток-изгородей[7] (помещены в книге под литерой «з»); рисунки двух садовых мостиков (один с изящной решеткой, другой — примитивный, из перекинутого дерева) (литера «м»); двенадцать рисунков садовых скамей (литера «с»); два рисунка фронтонов двухэтажных готических зданий, небольшого размера, и два рисунка фронтонов двухэтажных готических зданий, в большем размере (литера «ф»).

[1] См. ***1821. Сентября 19. Понедельник. Нежин***; ***1827. Января 18. Вторник. Кибинцы***; ***1827. Февраля 15. Вторник. Санкт-Петербург***; ***1827. Апреля 23. Суббота. Москва***.

[2] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока. Идиллия «Ганц Кюхельгартен» // *Свод*. Т. 1. С. 506, 507.

[3] *Муравьев А.* Таврида. М., 1827 (цензурное разрешение 3 янв.). С. 85–86.

[4] Там же. С. 102.

[5] Опубл.: *Гоголь 2001*. С. 352; см. также: *Гоголь 2009–2010*. Т. 17. С. 627.

[6] См. также ***1830. Января 5. Воскресенье. Крещенский сочельник. Санкт-Петербург*** (примечания).

[7] Ср. в «Ганце Кюхельгартене»: «Вокруг каштаны старые стоят, / <...> из-за них мелькает / Решетка из прекрасных лоз, красиво / И хитро сделана самим Вильгельмом...»

В ТЕЧЕНИЕ ГОДА.
С. БОГДАНОВКА ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Сестра Гоголя Мария пишет матери в Васильевку:

«Прошу покорнейше уведомить, был ли у нас почтеннейший наш благодетель Дмитрий Прокофьевич <Трощинский> и весело ли провел у нас время. Прошу за меня поцеловать его почтеннейшие ручки».

Назаревский. С. 321.

ОКОЛО 1827.
НЕЖИН

«...Н. Д. Белозерский[1], посещая в Нежине <...> инспектора Гимназии князя Безбородко, г. Белоусова, видал у него студента Гоголя, который был хорошо принят в доме своего начальника и часто приходил к его двоюродному брату, тоже студенту, г. Божко, для ученических занятий. Он описывает будущего поэта

в то время немножко сутуловатым и с походкою, которую всего лучше выражает слово *петушком*».

Воспоминания Н. Д. Белозерского в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод*. Т. 1. С. 643.

[1] Н. Д. Белозерский в 1827–1830 гг. в чине коллежского секретаря служил в уездном земском суде в Борзне (неподалеку от Нежина), сначала подсудком, затем с 1828 г. – судьей.

ЯНВАРЬ-МАРТ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, НЕЖИН

«Придворный Штат. <...> Его Императорского Величества. <...> Медицинские Чиновники: <...> Придворные Докторы:

Иван Семенов<ич> Орлай, Д<ействительный> Ст<атский> Сов<етник>, Энского Физич<еского> Учен<ого> Общ<ества> Почетн<ый> Член и Дирек<тор> Ришельев<ского> Лицея, орд<енов> с<вятой> Анны 2 <степени> и с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> Кав<алер>. <...>

Харьковский Учебный Округ. <...> Гимназия высших наук Князя Безбородко в Нежине[1]. Состоящая в ведении Попечителя Харьковского Учебного Округа:

Почетный Попечитель: Граф Александр Григорьев<ич> Кушелев-Безбородко, Кол<лежский> <Надворный> Сов<етник>, Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Камерг<ер>, Член Главн<ого> Училищ Правл<ения>, Докт<ор> Прав, орд<ена> с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<тепени> Кав<алер>.

Директор, Над<ворный> Сов<етник> Данило Емельянов<ич> Ясновский, орд<ена> с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<тепени> Кав<алер>, им<еет> бронз<овую> мед<аль 1812 г.>.

Учитель Зак<она> Бож<ия> и Нравоучит<ельного> Любомуд<рия> Павел Иванов<ич> Волынский, Протоиер<ей> Нежинск<ого> Собора, им<еет> Камил<авку> и наперс<ный> брон<-зовый> кр<ест> 1812 г.

Старшие Профессоры: Российс<ких> Гражд<анского> и Уголов<ного> Прав, Народ<ного> и Государст<венного> Хозяйст<ва> и науки Финан<сов> Михайло Васильев<ич> Билевич, Над<ворный> Сов<етник>, им<еет> брон<зовую> мед<аль> 1812 г.; Российс<кой> Словесн<ости> и Логики, Над<ворный> Сов<етник> Парфений Иванов<ич> Никольский; Российск<ой> и Всемирн<ой> Истории, Кирил<л> Аврамов<ич> Моисеев, 8-го кл<асса> и орд<ена> с<вятой> Ан<ны> 3 ст<епени> Кав<алер>; Математ<ики> и Физики, Казимир Варфоломеев<ич> Шапалинский, орд<ена> с<вятой> Ан<ны> 3 ст<епени> Кав<алер>, он же Член Правлен<ия>.

Младшие Профессоры: Латин<ской> Словесн<ости>, Семен Матвеев<ич> Андрущенко, орд<ена> с<вятой> Ан<ны> 3 ст<епени> Кав<алер>, он же и учен<ый> Секр<етарь> Конфер<енции>, им<еет> брон<зовую> мед<аль> 1812 г.; Еллино-Греческ<ой> Словесн<ости>, Христофор Николаев<ич> Иеропес; Франц<узской> Словес<ности>, Иван Яковлев<ич> Ландражин; Немецк<ой> Слов<есности> Федор Осипов<ич> Зингер. – Исправл<яющий> должн<ость> Профес<сора> Естествен<ного> и Римск<ого> Права, Николай Григорьев<ич> Белоусов, он же и Инсп<ектор> Панс<иона> Гимн<азии>; Естествен<ной> Истор<ии> и Технолог<ии> Никита Федоров<ич> Соловьев; Военных наук, *вакансия*.

Учители: нисш<их> кл<ассов>: Геогр<афии>, Алексей Минич Самойленко, он же и Кассир; Арифм<етики>, Антон Васильев<ич> Лопушевский; Росс<ийского> яз<ыка>, Константин Андреев<ич> Персидский; Лат<инского> яз<ыка>, Иван Григорьев<ич> Кулжинский, он же и Секр<етарь> Хоз<яйственного> Правл<ения>; Французск<ого> яз<ыка>, Тит<улярный> Сов<етник> Яков Клавдиев<ич> Воаргард; Немецк<ого> яз<ыка>, *вакансия*; Рисов<ания>, Капитон Степанов<ич> Павлов; Фехтов<ания>, Кол<лежский> Рег<истратор> Осип Демианович

Урсо; Верх<овой> езды, *вакансия*; Священ<ного> песнопения, музыки и танцов<ания>, Федор Емельянов<ич> Севрюгин.

Благородный Пансион: Инспектор, Николай Григорьев<ич> Белоусов. *Зри выше.*

Надзиратели: Егор Иванов<ич> Зельднер; Адольф Иванов<ич> Аман, Иван Григорьев<ич> Демиров-Мышковский, Пор<учик> Николай Никитич Маслеников, Кол<лежский> Рег<истратор> Семен Иванов<ич> Панновский <Ванновский>.

Лекарь, Над<ворный> Сов<етник> Докт<ор> Медиц<ины> Карл Карлович Фибинг, орд<ена> с<вятого> Вл<адимира> 4 ст<епени> Кав<алер>, им<еет> сер<ебряную> мед<аль> 1812 г.

Эконом, Тит<улярный> Сов<етник> Афанасий Иванов<ич> Тарновский, им<еет> бронз<овую> мед<аль> 1812 г.

Писцы, Конференции, Петр Иванов<ич> Скороходов; Правления, Илья Николаев<ич> Вельцестинов».

Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской Империи на лето от Рождества Христова 1828. СПб., 1828. Ч. 1. С. 27, 596–597.

[1] «Состояние чинов по 17-е Марта 1828 г.» (примеч. в источнике).

ЯНВАРЯ 2. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Старший профессор К. В. Шапалинский в рапорте временно исполняющему обязанности попечителя Харьковского учебного округа графу М. Ю. Виельгорскому сообщает, что «задержка с присылкой донесений и документов о событиях в гимназии вызвана тем, что расследование не было закончено и Конференция не имела возможности вынести своего окончательного суждения»:

«Что же касается существа дела, Шапалинский объявил виновником непорядков в гимназии профессора Билевича, который “действует неутомительно во всех случаях во вред саму заведения”. В том же рапорте Шапалинский сообщил о “театральном” инциденте[1], резко подчеркнув при этом неприглядную роль профессора Билевича и правоту пансионера Гоголя-Яновского».

Машинский 1959. С. 100.

[1] См. ***1827. Сентября 26. Понедельник. Нежин***.

ЯНВАРЯ 7. СУББОТА. НЕЖИН

Правление гимназии заслушивает рапорт законоучителя, протоиерея Павла Волынского, и церковных старост, старшего профессора российской словесности П. И. Никольского и эконома А. И. Тарновского, о состоянии церковной утвари и о необходимости приобретения двенадцати икон по числу двунадесятых праздников[1]. «Необходимые для гимназической церкви 12 икон на этом же заседании изъявил желание пожертвовать Н. Г. Белоусов. Конференция приняла решение собрать сведения о стоимости необходимой церковной утвари»[2].

[1] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 158.
[2] Там же. С. 194.

ЯНВАРЯ ОКОЛО 9 – ИЮНЯ ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА. НЕЖИН

Гоголь продолжает обучение в девятом классе гимназии. Изучает следующие дисциплины: Закон Божий (с нравоучительной философией), российскую словесность (с логикой), всеобщую историю (со статистикой), русскую историю, математику (конические сечения и дифференциальные и интегральные исчисления)[1], физику, естественную историю (раздел зоологии) и частную физику, латинский, французский и немецкий языки[2], юридические науки, полевую фортификацию (или военные науки)[3].

[1] См. ***1828. Июня 22. Нежин.***

[2] Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1827/28 уч<ебный> год. Гоголь в 9 классе // *Свод*. Т. 1. С. 480.

[3] См. ***1827. Августа 19 – декабрь. Нежин; 1827. Сентября не позднее 13. Нежин***; ***1828. Января конец. Нежин***; ***1828. Июнь. Нежин.***

ЯНВАРЯ 15–18. ВОСКРЕСЕНЬЕ-СРЕДА. МОСКВА

Выход в свет первого номера журнала «Московский Вестник»[1], в котором напечатаны стихотворение А. С. Пушкина «Стансы» («В надежде славы и добра...»; без подписи[2]), его же отрывок «Москва. (Из Евгения Онегина)» («Москва! России дочь любима! <...> Туда, где он явился ей»)[3] и статья С. П. Шевырева (без подписи) «Обозрение Русской Словесности за 1827 год», с пространными рецензиями на новые произведения Пушкина («Братья Разбойники», «Цыганы», «Третья песнь Онегина» и «Сцена из Бориса Годунова»)[4].

Г. П. Данилевский в 1852 г. сообщал: «Г. Кукольник говорил нам, что Гоголь, его соученик по Нежинскому лицею, вообще был веселого и предприимчивого характера. Он уже окреп, из хилого ребенка вышел сильный и пылкий юноша, страстный до всего изящного и высокого. На школьной скамейке будущий сатирик и юморист переписывал для себя только что выходившие в свет поэмы Пушкина: "Цыганы", "Полтава", "Братья Разбойники" и главы "Евгения Онегина". Он обыкновенно переписывал их на самой лучшей бумаге и украшал рисунками собственного изобретения»[5].

В статье «Обозрение Русской Словесности за 1827 год» Шевырев, в частности, замечал: «Если просвещеннейшие государства Европы, судя по направлению их умов к знаниям существенным, историческим, достигают уже поры зрелого мужества, той поры мудрого опыта, который граничит с возрастом старости, – то мы зато пользуемся преимуществом сил юных, бодрых, неистощимых, находясь в счастливой поре средины между юностью и мужеством. Так, – у нас не прошло еще время вдохновения, время Поэзии. Мы имели уже Ломоносова, имели Державина необразованного; но с тех пор, как его не стало, мы, кажется, не столько творили, сколько готовили материалы для творца будущего, а именно: очищали язык, отгадывали тайну его гармонии, обогащали его разнообразными размерами, оборотами, звучной рифмой, словом, – приуготовляли все для нового Гения, для Державина образованного, который может быть уже таится в России»[6].

Позднее, в 1846 г., в статье «Светлое Воскресенье» «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголь писал: «Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно <...> оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней». Здесь же, в статье о русской поэзии, посвященной характеристикам Ломоносова, «невозделенной громадной скалы» Державина, «по стопам» которого русская поэзия должна («скорей от Державина, чем от Пушкина») продолжить

свое развитие, Гоголь замечал: «...Сам необыкновенный язык наш есть еще тайна. В нем все тоны и оттенки.... <...> Все это еще <...> материалы <...>, из которых выкуется иная, сильнейшая речь».

Содержание первого номера «Московского Вестника» за 1828 г., вероятно, нашло отражение и в позднейшей гоголевской критике в повести «Портрет» (1834) творчества английского портретиста Дж. Доу (1781–1829), приглашенного в 1819 г. Императором Александром I для создания в Зимнем дворце портретной галереи героев 1812 года. (Всего Дж. Доу вместе с двумя молодыми живописцами А. В. Поляковым и В. А. Голике написано 336 портретов; он сделался модным и преуспевающим портретистом; используя помощников, писал необыкновенно быстро, умел польстить и угодить заказчикам[7]. В 1828 г. Дж. Доу покинул Россию.)

С строками гоголевского «Портрета» перекликается критический отзыв о портретах Доу в напечатанном Погодиным в этом номере «Письме к Редактору Московского Вестника», неизвестного автора (возможно, И. С. Мальцева). В «Портрете» старый профессор живописи, в словах которого отзывается, по мнению исследователей, суждение о Доу А. Г. Венецианова, предупреждает своего ученика от опасности писать «портретики за деньги»: «Смотри, чтоб из тебя не вышел модный живописец... <...> как раз попадешь в английский род». В 1828 г. неизвестный, сообщая Погодину свои впечатления о выставке в петербургской Академии художеств (в сентябре 1827 г.), замечал, что портреты, выполненные Доу, «не выступают за рубеж посредственности», исполнены «положений манерных и театральных»: «Кисть Г-на Дова груба, колорит сыр, освещение слишком резко... <...> ...Г. Дов эффектный живописец и отличный декоратор. Но для портретного живописца этого еще мало»[8]. (В том же анонимном письме Гоголь мог прочесть и об успехе картины А. А. Иванова «Иосиф в темнице, толкующий сны хлебодару и виночерпию», за которую художник был награжден поездкой в Италию.)

Венецианов, с которым Гоголь познакомился в первой половине 1830-х гг.[9], в записке «О предосудительных поступках английского художника Дова», составленной в 1827 г. совместно с литератором Б. М. Федоровым и художником Е. И. Гейтманом, замечал: «Довом управляет одна корысть – и он в выигрыше, а публика пожертвовала может быть сотнями тысяч рублей за то, что иностранец умел ее обманывать... Дов имеет отличные дарования, но манер его бойкий, более декорационный, нежели близкий к той окончательности и простоте, которой требует верное изображение натуры и в которой великие портретисты, Тициан, Вандик[10], Рембрандт и другие, оставляли образцы для подражания, ни в коем случае не мог быть полезен для русской школы художников... Он завел род фабрики портретной и лишил через то многих художников русских их занятия... и к самому совершенствованию молодых художников и портретной живописи прекратилась возможность»[11].

В свою очередь, издатель «Отечественных Записок», член Академии художеств П. П. Свиньин, с которым Гоголь сотрудничал в 1830 г.[12], в 1829 г. в статье «Ответ Фаддею Венедиктовичу Булгарину на письмо его в защиту Г. Дова» отмечал, что в произведениях Доу нет «правильного рисунка», что в Россию тот приезжал, «по-видимому, единственно» ради обогащения, а также полагал, что для создания галереи героев-патриотов 1812 г. предпочительнее было бы избрать русского, а не иностранного художника[13]. (Позднее, именно «патриотические» сочинения о 1812 годе Ф. В. Булгарина – одного из представителей «торгового направления» в русской литературе – виделись Гоголю написанными в доходном «английском роде»[14].)

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 799.

[2] <*Пушкин А. С.*> Стансы // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1828. Ч. 7 (цензурное разрешение 9 янв.). № 1. С. 3–4. – Имя Пушкина при стихотворении появилось позднее в составленном в средине февраля 1827 г. оглавлении первого – четвертого номеров седьмой части журнала.

[3] *Пушкин А. С.* Москва. (Из Евгения Онегина) // Московский Вестник. 1828. Ч. 7. № 1. С. 5–12.

[4] <*Шевырев С. П.*> Обозрение Русской Словесности за 1827 год // Московский Вестник. 1828. Ч. 7. № 1. С. 59–84.

[5] *Данилевский Г.* Хуторок близь Диканьки // *Свод.* Т. 1. С. 289.

[6] Московский Вестник. 1828. Ч. 7. № 1. С. 65–66.

[7] См.: *Машковцев.* С. 51–53.

[8] <*Мальцев И. М.*> *И. М.* Письмо к редактору М<осковского> В<естника> // Московский Вестник. 1828. Ч. 7. № 1. С. 124–125.

[9] См. ***1833. Декабря 21. Четверг. Санкт-Петербург.***

[10] Антонис Ван-Дейк (1599–1641), фламандский живописец.

[11] *Фомичева З. И.* А. Г. Венецианов – педагог. М., 1952. С. 34–35; *Леонтьева Г. К.* Алексей Гаврилович Венецианов. Л., 1988. С. 150; *Гоголь 2009–2010.* Т. 3–4. С. 585–586.

[12] См. ***1830. Мая 4. Воскресенье. Санкт-Петербург*** (примечания).

[13] См.: <*Свиньин П. П.*> *П. С.* Ответ Фаддею Венедиктовичу Булгарину на письмо его в защиту Г. Дова // Отечественные Записки. 1829. Ч. 37. Январь. № 105 (цензурное разрешение 20 ноября 1828). С. 153, 158, 160–161. – См. ***1829. Январь. Санкт-Петербург.***

[14] См.: *Виноградов И. А.* 1812 год и «Тарас Бульба»: прошедшее и настоящее в замысле Н. В. Гоголя // 1812 год и мировая литература. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 118.

ЯНВАРЯ СРЕДИНА. НЕЖИН

Младший профессор И. Я. Ландражин «предложил своим ученикам в порядке домашнего задания перевести на французский язык какие-нибудь стихи»:

«Ученик шестого класса Александр Змиев использовал для этой цели полученное в свое время[1] от воспитанника Мартоса *стихотворение Кондратия Рылеева, «заключающее в себе воззвание к свободе»*. Ландражин, разумеется, скрыл этот факт от Конференции и директора гимназии, сказав Змиеву: «Хорошо, что это досталось такому, как я, благородному человеку; ты знаешь, что за такие вещи в Вильне сделали нескольких молодых людей несчастными; *у нас в России правление деспотическое; вольно говорить не позволено*».

Машинский 1959. С. 177–178.

[1] См. ***1826. Января конец. Нежин***.

ЯНВАРЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА. НЕЖИН

Гоголь вместе с своими одноклассниками, вероятно[1], сдает экзамены за первое полугодие девятого класса и получает следующие оценки по поведению и успехам (по четырехбалльной системе):

– Закон Божий – 3;
– российская словесность – 3;
– всеобщая история – 3;
– русская история – 4;
– математика – 2;
– физика – 3;
– естественная история – 3;
– латинский язык (в четвертом отделении) – 2;
– французский язык (в четвертом отделении) – 1;
– немецкий язык (в четвертом отделении) – 2.
Поведение – 4.
Выводы конференции: по наукам – 3; по языкам – 3; средний балл успеваемости –$2\,^{8}/_{12}$[2].

Племянник профессора М. В. Билевича Н. И. Билевич, поступивший в гимназию в сентябре 1827 г., в седьмой класс, хотя и состоял двумя классами ниже Гоголя, однако по языкам находился с ним в одном, четвертом отделении, «и Николаю Ивановичу не раз случалось помогать знаменитому автору "Мертвых Душ" в мудреной для него латыни»[3].

Летом 1852 г. Н. И. Билевич рассказывал С. П. Шевыреву: «Был в Нежине погребщик Солунский, у которого по праздникам предавались кутежу и ученики и учители[4]. На другой день после такого кутежа, учитель Лат<инской> Слов<есности>[5], еще носивший сонные следы веселья, говорил об Саллустие, что это отличный Римский писатель. Ученик Гинтофт, кутивший накануне вместе с учителем, сказал, как будто в просонках: да, Солунский отличный писатель. Все засмеялись. Учитель также. И после имени Саллустия уже произнести невозможно было в классе без смеха. Эта шутка Гинтофта приобрела ему дружбу Г<оголя>[6], который с тех пор с ним очень сблизился»[7].

В эти же дни, во второй половине января 1828 г., получив от матери определенную сумму денег (20 рублей), упрекает ее, что она не выслала ему просимые 60 рублей[8] на «необходимо нуж<ные пособия к> уразумению языков» – и этим

нарушила его планы в «усиленных» занятиях на Рождественских каникулах[9]. Вновь просит ее продать часть имения, чтобы помочь ему и сестре Марии:

«...Теперь, когда я увидел свой план рушенным, когда, окончив одни занятия, чтобы приняться за другие, я увидел, что мне нечем заниматься, что я не только не получаю от вас желанных денег, но никакого ответа, я принужден был бросить всё. <...> Я теперь умоляю вас, почтенейшая маминька, сделайте милость, не оставте меня так растерзанным, ежели то уже пропало, дайте мне силы вознаградить его, мне нужно, кроме тех 20-ти рублей, которые вы прислали и которые я тщательно берегу, еще 80 *восемьдесят* рублей, хотя эта сумма чуть-чуть только меня удовлетворит... — Но вообразите, что вы ее даете мне взаймы, что по прошествии 3 или 4-х лет я вам возвращу ее усотеренную. — Сделайте милость, почтенейшая маминька, не жалейте моего имения... жалейте своего здоровья, а за малые, теперь претерпеваемые нам в имении уроны, вознаградит<есь> впоследствии».

[1] 1 января 1828 г. Е. П. Гребенка, в частности, писал родителям: «Экзамена не было и не будет — у нас больной профессор французской словесности; профессор немецкой, учитель французского языка и учитель арифметики, профессор математики и проф<ессор> прав уехали на контракты, а Семен Матвеевич <Андрущенко> в Пирятинский повет» (*Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 524).

[2] *Лавровский 1879*. С. 242; см. также: *Лавровский 1879 (отд. изд.)*. С. 141; Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1827/28 уч<ебный> год. Гоголь в 9 классе // *Свод*. Т. 1. С. 480.

[3] *Толбин В.* Н. И. Билевич // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1881. С. 336; см. также: *Свод*. Т. 1. С. 535.

[4] Речь прежде всего идет о так называемых «свободолюбивых» профессорах Нежинской гимназии высших наук, четверо из которых — К. В. Шапалинский, Н. Г. Белоусов, И. Я. Ландражин и Ф. И. Зингер — были осуждены в 1830 г., личным распоряжением Императора Николая Павловича, — «за вредное на юношество влияние» и «за дурное поведение», — по расследовавшемуся в стенах гимназии «делу о вольнодумстве» (см. ***1826. Июля 24. Суббота. Нежин*** — примечания). Одним из требований Журнала Комитета о беспорядках в Виленском университете, разосланного в 1824 г. по всем учебным округам, было именно принятие мер, «чтобы студенты <...> в публичных домах, как то: трактирах, билиардах и тому подобных местах, не бывали» (Записки, издаваемые от Департамента Народного Просвещения. 1825. Кн. 1. С. 25). Устав Нежинской гимназии в свою очередь предписывал наставникам служить для воспитанников «живым примером благочестивой жизни». Однако, согласно сохранившимся материалам дела, нравственный облик упомянутых профессоров оставлял желать лучшего. Карточными игроками были профессоры Ф. И. Зингер и И. Я. Ландражин. В 1826 г. Ландражин был даже дважды «замечен в драке за карточную игру» (Дела о ревизии Э. Б. Адеркасом Нежинской гимназии высших наук // *РГИА*. Ф. 733. Оп. 62. Ед. хр. 52. Л. 36). Как сообщал прибывшему из Петербурга члену Главного управления училищ Э. Б. Адеркасу ученик Е. И. Филипченко, оба этих профессора, Зингер и Ландражин, нередко «водили с собой по трактирам учеников, сколько-нибудь склонных к их образу мыслей» (*Машинский 1959*. С. 163). Начальник 6-го отделения 5-го округа Корпуса жандармов майор Л. П. Матушевич (боевой офицер, участник Отечественной войны 1812 г.), докладывая в январе 1830 г. А. Х. Бенкендорфу о беспорядках в Нежинской гимназии, так, в частности, характеризовал Ф. И. Зингера: «Зингер Фридрих Иосифович, Профессор Немецкой Словесности, еще более Ландражина слушает и соглашается с вредными мнениями Шапалинского; он сын Австрийского подданного, Лембергского купца — и промотавши товары своего отца, с которыми был послан в Ригу для торговли, шатался в [т<ом>] городе и был после счетчиком биллиарда в трактире. — Ныне, к удивлению, находится Профессором в Нежинской Гимназии, нимало не переменив своего поведения» (Архив III-го Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии. О профессорах Нежинской князя Безбородко Гимназии Шапалинском, Белоусове, Зингере и Ландражине, внушавших, по показанию профессора Билевича, вредные правила учащимся. 1830 года / Его Высокопревосходительству Шефу Жандармов, Командующему Императорскую Главною квартирою Господину Генерал-Адъютанту и Кавалеру Бенкендорфу Начальника 6-го Отделения 5-го Округа Корпуса Жандармов Майора Матушевича Рапорт. 6 января 1830. Чернигов. — Нежинской Гимназии Князя Безбородко высших наук *Некоторые профессора* // *ГАРФ*. Ф. 109. 1 эксп. 1830. Оп. 5. Ед. хр. 47. Л. 4).

Среди значительного количества фактов нарушения профессорами и учащимися Нежинской гимназии ее устава, выявленных при расследовании дела о вольнодумстве, особого упоминания заслуживает свидетельство, весьма существенно проясняющее нравственную атмосферу в Нежинской гимназии в период обучения здесь Гоголя. Ученики Е. И. Филипченко и А. С. Змиев при опросе показали, что во время беспорядков в 1825–1826 гг. пансионеры, наряду с песнями политического содержания, «пели также разные развратительные песни Баркова» (Дела о ревизии Э. Б. Адеркасом Нежинской гимназии высших наук // *РГИА*. Ф. 733. Оп. 69. Ед. хр. 52. Л. 109). Директор Д. Е. Ясновский, сообщая Э. Б. Адеркасу о необходимости запретить наставникам,

живущим в здании гимназии, держать в своих квартирах учеников, в частности, докладывал: «Особенно же не малое число нанятых для мытья белья молодых женщин и девок бывает причиною весьма соблазнительных происшествий, которых и предупредить невозможно» (*Лавровский 1879.* С. 121). Примечательно, что «дело о вольнодумстве» в Нежинской гимназии завершилось не только осуждением виновных преподавателей, но и выселением из Нежина нескольких публичных женщин. Н. В. Кукольник вспоминал: «Как теперь помню, в графском саду, вне гувернерского надзора, мы устроили осенью огромную дерновую скамью, куда собирались читать и, что греха таить (ведь вы никому не скажете?), курить; а уж если пошло на откровенность, так и полюбезничать с двумя толстейшими нимфами с пустынного предместия Магерок...» (*Кукольник Н.* И. С. Орлай. (Из памятной книжки) // Лицей князя Безбородко. Издал граф Г. А. Кушелев-Безбородко. СПб., 1859. С. 71; То же // Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1881. С. 197).

Нравы, царившие в то время в гимназии, – и свое нравственное одиночество в этой обстановке – Гоголь прямо изобразил в первой главе второго тома «Мертвых душ», говоря о пребывании в некоем «учебном заведении» юного помещика Андрея Ивановича Тентетникова: «Андрей Иванович был нрава тихого. Его не могли увлечь ни ночные оргии товарищей, которые обзавелись какой-то дамой перед самыми окнами директорской квартиры, ни кощунство их над святыней из-за того только, что попался не весьма умный поп». Тщательно изучивший архив Нежинской гимназии И. А. Сребницкий указывал, что в младших классах отмечаемые учителями и надзирателями проступки Гоголя не выходили за рамки обыкновенных детских провинностей, «в старших же классах Гоголя аттестуют дерзким только профессора Билевич и Моисеев, да у некоторых профессоров встречаются замечания о небрежности Гоголя в занятиях, уклонения от посещения лекций, чтении на лекциях посторонних книг. И только. Никакого намека на что-нибудь неприличное, грязное, низкое, чем, к сожалению, не бедна кондуитная хроника нежинских гимназистов гоголевского времени. <...> ...Та нравственная чистота и высота, которые отличали Гоголя в жизни <...> были <...> сохранены им в школе, несмотря на все неблагоприятные условия этой последней» (*Сребницкий 1902.* С. 306, 310). По словам В. П. Гаевского, «в Нежинской Гимназии высших наук Гоголь учился плохо. В ведомостях об успехах учеников у него редко встречаются полные баллы. Но в дурном поведении и беспорядках Гоголь не был замечен» (см. ***1828. Июня 27. Нежин***). По-видимому, похождения товарищей по Нежинской «бурсе» нашли также отражение в повести Гоголя «Вий» (см. ***1821. Сентября 20. Вторник. Нежин*** – примечания).

5 Вероятно, имеется в виду еще один из «свободомыслящих» преподавателей Нежинской гимназии, младший профессор латинской словесности Семен Матвеевич Андрущенко, который позднее других, в 1832 г., был отстранен от должности «по причине неспокойного характера и дурного образа мыслей» – он, в частности, в присутствии директора Д. Е. Ясновского и других профессоров «говорил непристойно о религии» (*Иофанов.* С. 320).

6 Возможно, шутка А. Л. Гинтовта отразилась позднее в именовании Гоголем в повести «Вий» (1834) разгульного бурсака Хомы «громким» фамильным прозвищем Брут. Осенью 1833 г. Гоголь давал также своим друзьям и знакомым имена известных европейских писателей (см. ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург***). Гоголю вообще свойственно было представлять, как один и тот же психологический тип проявляет себя на разных «поприщах». Говоря о создании поэмы, он, в частности, признавался: «...Взявши дурное свойство мое, я преследовал его в другом званьи и на другом поприще...» Еще в Нежине Гоголь дал также своему однокашнику Н. В. Кукольнику прозвище «Возвышенный» (с намеком на Ф. Шиллера), а позднее в «Невском проспекте» назвал именами Шиллера и Гофмана петербургских немцев-ремесленников (к Шиллеру, как и к модным французским знаменитостям, Гоголь относился критически; см. ***1833. Сентября вторая половина. Санкт-Петербург***; ***1831. Августа 21. Пятница. Санкт-Петербург***). Именно «европейская» сторона стала впоследствии объектом критики в образах «пошлых» героев-помещиков первого тома «Мертвых душ»: Манилова, Коробочки, Ноздрева, Собакевича, Плюшкина. Эти герои, подобно всякому человеку, заключающему в себе образ и подобие Божие, под наносным слоем «дурно понятого просвещенья» (а также тождественного ему «непросвещенья») скрывают в себе исконно положительные начала: каждый из них обнаруживает в себе сходство с тем или иным из лучших русских поэтов, детально охарактеризованных Гоголем в статье о русской поэзии «Выбранных мест из переписки с друзьями» – Жуковским, Батюшковым, Языковым, Державиным, Пушкиным (подробнее см.: *Виноградов 2000.* С. 313–347; *Виноградов И. А.* «Дело, взятое из души...» // *Гоголь 2009–2010.* Т. 5. С. 531–572; Т. 17. С. 884–886).

7 Воспоминания о Гоголе Н. И. Билевича в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 1. С. 535.

8 См. ***1827. Декабря 15. Четверг. Нежин.***

9 См. ***1827 декабря 20 – 1828 января около 9. Нежин.***

ЯНВАРЯ 23. ПОНЕДЕЛЬНИК. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская сообщает двоюродному брату Петру П. Косяровскому:

«Скотский падеж, благодаря Бога, прекратился у меня, хотя третья часть почти осталась и что было лучшее пропало, но слава Богу, что хотя что-нибудь осталось. Вы меня, мой друг, напугали, написав, что я должна в натуре поставить 21-н рекрут; у нас только по выезде вашем 3 набора рекрутских было... <...> Благодетелю нашему[1] все делается хуже, сердце мое раздирается при одной мысли его лишиться, не для того, что он несколько облегчает мою уча<с>ть, он все это делает по воле Божией, и я ни на кого на свете не надеюсь, кроме Творца моего, но мне кажется, что каждой день его жизни ознаменован новым благодеянием ближнему; я бы очень желала к нему еще поехать; на праздниках[2] не была по причине холоду; но без травуру нельзя туда явиться, а у нас его нет, потому что не ездят разносчики; всякой день я их ожидаю — и кажется, что не дождусь и тем кончится, что без травуру уеду».

Свод. Т. 1. С. 97.

[1] Имеется в виду Д. П. Трощинский.
[2] Рождество Христово и Рождественские святки с 25 декабря 1827 по 4 января 1828 г.

ЯНВАРЯ КОНЕЦ. НЕЖИН

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года старшим профессором российской словесности П. И. Никольским, «за генварь месяц» в девятом классе продолжалось изучение «основных правил высшей словесности»: «именно: располагать доказательства по возрастающей силе их; избегать двух главных недостатков — не настаивать на то<м>, что ясно, и не оставлять без удовлетворительного изъяснения и утверждения, что без того темно; уметь хорошо располагать доказательства значит дать хороший план сочинению и о совершенствах хорошего плана — о точности, ясности, простоте, богатообильности или плодовитости, о единстве и соразмерности»[1].

Согласно сводной ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам российской словесности за 1827/28 учебный год, Николай Яновский (Гоголь) в январе 1828 г. получил от профессора Никольского следующие оценки (по четырехбалльной системе): поведение — 3; успехи — 3[2].

В ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам юридических наук за январь 1828 г. Николай Яновский (Гоголь) получает от профессора М. В. Билевича следующие оценки (по четырехбалльной системе): поведение — 2 (с примечанием: «непослушен»); успехи — 3.

Вместе с ним низкие баллы за поведение получают еще шесть (из десяти) учеников: Н. П. Григоров — 1 (с примечанием: «строптив», и оценкой по успеваемости — 1); В. М. Марков — 1 (с примечанием: «непослушен», и оценкой по успеваемости — 2); А. С. Данилевский — 2 (с примечанием: «дерзок»); А. А. Божко — 1 (с примечанием: «очень требует исправления»); Я. К. Бороздин — 2 (с примечанием: «дерзок и груб»); Н. А. Котляревский — 2 (с примечанием: «дерзок и шалит»)[3].

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года профессором естественной истории и технологии Н. Ф. Соловьевым, «в генваре месяце» 1827 г. в девятом классе «пройдено из естественных наук»:

«*Из зоологии:* Последний отряд млекопитающих животных. Китообразные. *Из физики:* О магнитных явлениях вообще и разные способы сообщения магнетизма»[4].

Согласно сводной ведомости об успеваемости учеников девятого класса по естественной истории и частной физике с августа 1827 г. по май 1828 г., Николай Яновский (Гоголь) в январе 1828 г. получил от профессора Соловьева следующие оценки: по поведению — 4, по успехам — 4[5].

«Профессор Шапалинский в отчете своем о пройденном за январь месяц 1828 года пишет: “из полевой фортификации, по причине праздников и особой порученности господина Директора, не терпящей отлагательства, урока не имел, а сами занимались по моему назначению черчением”»[6].

[1] *Сребницкий 1902.* С. 375.

[2] Ведомость о поведении и успехах учеников Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по предметам российской словесности с начала августа месяца 1827-го года <по май 1828> // *Свод.* Т. 1. С. 476.

[3] Ведомость о успехах учеников в науках и поведении по предметам юридических наук за месяц генварь 1828-го года // *Свод.* Т. 1. С. 473; см. также: *Кулиш 1856.* Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод.* Т. 1. С. 481.

[4] *Сребницкий 1902.* С. 383.

[5] Ведомость о поведении и успехах учеников 9-го класса Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по естественной истории и частной физике с августа сего 1827 года по июль месяц будущего 1828 г. Профессор Никита Соловьев // *Свод.* Т. 1. С. 479.

[6] *Сребницкий 1902.* С. 298.

ЯНВАРЯ 31 – ФЕВРАЛЯ 2. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет отдельного издания четвертой и пятой глав «романа в стихах» «Евгений Онегин» А. С. Пушкина[1].

Сохранилась копия четвертой и пятой глав «Евгения Онегина», сделанная Н. В. Кукольником, с пометой на титульном листе: «Переписаны в скучном Нежине. 1828 года Марта 22 числа. Н. К.»[2]

По наблюдению Г. Л. Лозинского[3], реминисценцией строк 36-й строфы четвертой главы пушкинского романа (опубликованных в 1828 г. и опущенных в последующих изданиях) является рассуждение о «задорах» во второй главе первого тома «Мертвых душ»: «У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки <...>; третий мастер лихо пообедать; четвертый сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; пятый <...> спит и грезит о том, как бы пройтиться на гулянье с флигель-адъютантом <...>; шестой уже одарен такою рукою, которая чувствует желание сверхъестественное заломить угол какому-нибудь бубновому тузу <...>, тогда как рука седьмого так и лезет произвести где-нибудь порядок, подобраться поближе к личности станционного смотрителя или ямщиков...» Ср. в «Евгении Онегине»: «У всякого своя охота, / Своя любимая забота: / Кто целит уток из ружья, / Кто бредит рифмами, как я, / Кто бьет хлопушкой мух нахальных, / Кто правит в замыслах толпой, / Кто забавляется войной, / Кто в чувствах нежится печальных, / Кто занимается вином: / И благо смешано со злом».

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 802.

[2] Фотокопия титульного листа приведена в изд.: *Михед, Якубина.* С. 114.

[3] *Лозинский Г. Л.* Пушкин и Гоголь («Евгений Онегин» и «Мертвые души») // Трудный путь. Зарубежная Россия и Гоголь. М., 2002. С. 137 (статья впервые опубликована в 1937 г. в Париже).

ФЕВРАЛЯ 2–3. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК СРЕТЕНИЯ ГОСПОДНЯ – ПЯТНИЦА. МОСКВА

Выход в свет второго номера журнала «Московский Вестник»[1], в котором напечатан отрывок из четвертой главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина (строфы 27–30)[2].

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 804.
[2] *Пушкин А.* Альбомы. (Из IV-й главы Евгения Онегина) // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1828. Ч. 7. № 2 (цензурное разрешение 25 янв.). С. 148–150.

ФЕВРАЛЯ 15. СРЕДА. МОСКВА

Выход в свет третьего номера журнала «Московский Вестник»[1], в котором напечатано стихотворение А. С. Пушкина «Пророк»[2]; статья «Илиада и Одиссея», с редакционным примечанием: «Помещаем сей любопытный отрывок из нового, еще не вполне изданного сочинения Бенжамен-Констана»[3]; рецензия М. П. Погодина на книгу «Барон Мейерберг и путешествие его по России» (СПб., 1827)[4].

В. И. Любич-Романович в конце 1880-х гг. вспоминал: «...Приведу анекдот, характеризующий одного из добродушнейших наших профессоров П. И. Никольского, и имеющий отношение к Николаю Васильевичу.

Никольский заставлял учеников сочинять: это была его слабость, – и не только сочинять что-нибудь прозой, но даже и стихами. На одном уроке Гоголь подает ему стихотворение Пушкина, кажется, “Пророк”, и с спокойною совестью ожидает профессорской резолюции, которая, по расчету Николая Васильевича, должна была быть благоприятной. Никольский прочел это чудное стихотворение, поморщился и, по привычке своей, начал переделывать.

Когда пушкинский стих профессором был вконец изуродован и возвращен обратно мнимому автору с внушением, что так плохо писать стыдно, Гоголь не выдержал публичного посрамления за чужое произведение и сказал:

– Да ведь это не мои стихи-то...

– А чьи?

– Пушкина. Я нарочно вам их подсунул, потому что никак и ничем вам не угодить... А вы вон даже и его переделали...

– Ну, что ты понимаешь! – воскликнул профессор. – Да разве Пушкин-то безграмотно не может писать? Вот тебе явное доказательство... Вникни-ка, у кого лучше вышло...”»[5]

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 808.
[2] *Пушкин А.* Пророк // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1828. Ч. 7. № 3 (цензурное разрешение 10 февр.). С. 269–270.
[3] «...Религия Греков во времена Героические не заключала в себе никаких твердых правил нравственности. С чувством религиозным смешивалось понятие о человеколюбии, о великодушии, о правосудии; но между сим чувством и тою формою, которую оно принимало, не было согласия. В Одиссее видим уже совсем тому противное; в ней нравственные понятия входят уже в сущность религии» (Илиада и Одиссея. (Из Б. Констана) // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1828. Ч. 7. № 3 (цензурное разрешение 10 февр.). С. 302). «...Если Омир действительно существовал, то почему же, говоря о певцах, предшествовавших ему и повсюду честимых, он ни разу не обращает внимания на самого себя? <...> Омир есть имя генерическое, подобно Геркулесу, Будде. Омирические Поэмы суть произведения многих Бардов, из коих каждый выражал свой собственный век и был его представителем» (*А. В.* (*Ззъ В. И.*) Илиада и Одиссея. (Из Б. Констана) (окончание) // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1828. Ч. 7. № 4 (цензурное разрешение 20 февр.). С. 454–455).

Представление о нравственном содержании поэм Гомера Гоголь высказывал позднее в статье «Об Одиссее, переводимой Жуковским». При этом он выступил с возражением на теории «немецких умников, выдумавших, будто Гомер – миф, а все творения его – народные песни и рапсодии».

[4] Из настоящего издания книги Гоголь в «Книге всякой всячины...» сделал две выписки: «Об Одежде и обычаях Рус<с>ких XVII века (из Мейербер<га>)» и <Часы> («У барона Мейерберга находится известие о часах...»). Последнюю выписку Гоголь дополнил летописными сведениями, почерпнутыми из второй главы пятого тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: «В 1404 году Монах Афонской горы, именем Лазарь, родом Сербин, сделал в Москве первые боевые часы, которые были поставлены на Великокняжеском дворе, за церковию Благовещения, и стоили более полутораста рублей, то есть, около тридцати фунтов серебра. <...> В *Троицк<ой> Лет<описи>*: "В лето 6912, Индикта 12, Князь Великий замысли часник и постави е на своем двор за церковью за Св. Благовещеньем. Сий же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и разсчитая часы нощные и дневные; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно... <...>" ...» (см.: <*Карамзин Н. М.*> История государства Российского. 2-е изд, испр. СПб., 1819. Т. 5. С. 238–239; Примечания. С. 145–146).

[5] *Шевляков М. В.* Рассказы о Гоголе и Кукольнике // *Свод.* Т. 1. С. 558–559.

ФЕВРАЛЯ 19. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Торжества по случаю утверждения устава гимназии. Профессор П. И. Никольский произносит речь «О пользе наук вообще», в которой упоминает о посещении Нежина Императрицей Екатериной II в 1787 г.[1]

29 февраля 1828 г. Е. П. Гребенка сообщал родителям: «19 числа сего месяца было у нас торжество по случаю подписания в сей день[2] устава Гимназии Высш<их> Наук кн<язя> Безбородко. Ученикам велено было всем, у кого были мундиры, собраться в 8-мь часов утра в залу, из которой повели в церковь; в церкви была совершена литургия и пет концерт певчими гимназии, после службы отправились все посетители в библиотеку, в конце которой стоял портрет Александра Павловича в раззолоченых рамах. Когда посетители уселись, а ученики стали в два ряда, то, по прочтении устава ученым секретарем Андрущенком, были говорены речи: на русском – профессором Никольским, и на французском – профессором Ландражиным; в заключение пропета была кантата, и посетители отправились к директору на закуску и обед, а мы в 3-м часу побрели домой с тощими желудками. <...> У нас три ученика открыты масонами[3]: Змиев, Колышкевич и Родзянка; но это и здесь тайна, а потому прошу вас сего нигде не рассказывать. Еще много есть новостей, но я, как увижусь с вами, то лучше оные расскажу»[4].

В журнале конференции гимназии об этом дне сохранилась также запись: «После литургии и молебна происходил акт, начавшийся церковной песнью: *сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь*, возвестившею посетителям вину их приглашения <...> после речей воспитанники пропели кант, сопровождаемый музыкой "для сильнейшего выражения содержимых в нем обращений к Богу, к блаженной памяти Государю Императору Александру I, утвердившему устав гимназии и даровавшему ей отличные преимущества <...> и к ныне благополучно царствующему Государю Императору Николаю Павловичу"»[5].

[1] См. ***1787. Января 28–29. Четверг-пятница. Нежин.***

[2] В 1825 г.

[3] См. также ***1826. Июня 27–29. Воскресенье-вторник. Нежин.***

[4] *Науменко В.* Письма Е. П. Гребенки к родным // Киевская Старина. 1898. № 12. С. 431–432; см. также: *Гребiнка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 525.

[5] *Лавровский 1879 (отд. изд.).* С. 26.

ФЕВРАЛЬ. НЕЖИН

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года старшим профессором П. И. Никольским, «за февраль месяц» в девятом классе «после основных правил высшей словесности <изложенных в предшествующие месяцы> читаны и изъяснены были четыре плана четырех похвальных слов из Бурдалу и Масильона и прочитана, с замечанием также плана, речь Цицерона за Архия Стихотворца»[1].

Согласно сводной ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам российской словесности за 1827/28 учебный год, Николай Яновский (Гоголь) в феврале 1828 г. получил от профессора Никольского следующие оценки (по четырехбалльной системе): поведение – 4; успехи – 4[2].

В ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам юридических наук за февраль 1827 г. Николай Яновский (Гоголь) получает от профессора М. В. Билевича оценку «3»[3].

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года профессором Н. Ф. Соловьевым, «в феврале месяце» 1827 г. в девятом классе «пройдено из естественных наук»:

«*Из зоологии:* Общее понятие о классе птиц, разделение их на отряды и рассмотрены примечательные роды с породами в отрядах птиц хищных, воробьиных и лазунов. *Из физики частной:* Теория магнитных явлений и магнитизм земного шара»[4].

Согласно сводной ведомости об успеваемости учеников девятого класса по естественной истории и частной физике с августа 1827 г. по май 1828 г., Николай Яновский (Гоголь) в феврале 1828 г. получил от профессора Соловьева следующие оценки: по поведению – 4, по успехам – 4[5].

[1] *Сребницкий 1902.* С. 375.

[2] Ведомость о поведении и успехах учеников Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по предметам российской словесности с начала августа месяца 1827-го года <по май 1828> // *Свод.* Т. 1. С. 476.

[3] *Кулиш 1856.* Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод.* Т. 1. С. 481.

[4] *Сребницкий 1902.* С. 383.

[5] Ведомость о поведении и успехах учеников 9-го класса Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по естественной истории и частной физике с августа сего 1827 года по июль месяц будущего 1828 г. Профессор Никита Соловьев // *Свод.* Т. 1. С. 479.

МАРТА 1. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

Гоголь в письме к матери сожалеет, что доставил ей огорчение просьбой о деньгах. Объясняет свою просьбу неудовлетворительностью преподавания в гимназии и необходимостью самообразования:

«Недавно только понял я, что имел нужды не по своему состоянию, и что моей бедности тягостно было удовлетворять и ближайшие издержки... <...> Я не говорил никогда, что утерял целые 6 лет даром[1], скажу только, что нужно удивляться, что я в этом глупом заведении мог столько

узнать еще. Вы изъявляли сожаление, что меня в начале не поручили кому, но знаете ли, что для этого нужны были тысячи... Да что бы из этого было? Видел я здесь и тех, которые находились под особенным покровительством: им только лучше ставили классные шары, а в прочем они были глупее прочих, потому что они совершенно ничем не занимались. Я не тревожил вас уведомлением об этом, зная, что лучшего воспитания вы дать мне были не в состоянии, и что не во всякое заведение можно было так счастливо на казенный счет попасть. Кроме неискусных преподавателей наук, кроме великого нерадения и пр., здесь языкам совершенно не учат, доказательством сему служат те, которые приехавши сюда с некоторыми познаниями в языках, выезжали позабывши последние. Ежели я что знаю, то этим обязан совершенно одному себе. И потому не нужно удивляться, если надобились деньги иногда на мои учебные пособия... <...> Что же касается до бережливости в образе жизни, то будьте уверены, что я буду уметь пользоваться малым. Я больше поиспытал горя и нужд, нежели вы думаете. Я нарочно старался у вас всегда, когда бывал дома, показывать рассеянность, своенравие и проч., чтобы вы думали что я мало обтерся, что мало был прижимаем злом. Но вряд ли кто вынес столько неблагодарностей, несправедливостей глупых, смешных притязаний, холодного презрения и проч. Всё выносил я без упреков, без роптания, никто не слыхал моих жалоб, я даже всегда хвалил виновников моего горя. Правда, я почитаюсь загадкою для всех, никто не разгадал меня совершенно. <...> В одном месте я самый тихий, скромный, учтивый, в другом угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч. <...> Как угодно почитайте меня, но только с настоящего моего поприща вы узнаете настоящий мой характер, верьте только, что всегда чувства благородные наполняют меня, <...> что я всю жизнь свою обрек благу».

В 1847 г., после издания «Выбранных мест из переписки с друзьями», Гоголь в письме к школьному товарищу Н. Я. Прокоповичу замечал: «Если ты думаешь (особенно после прочтения моей книги), что я переменился или стал не тот, что был прежде, то скажу тебе, что я всё тот же и почти то же самое люблю, что любил в юности моей[2], хотя и не открывал никому многих сокровенных чувств...»[3] А. С. Данилевскому Гоголь 18 марта (н. ст.) 1847 г. также сообщал: «Дело у меня то же, какое и было всегда и о котором замышлял еще в юности, хотя не говорил о том...» С. Т. Аксакову Гоголь признавался: «От ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду. Я был только скрытен, потому что был неглуп — вот и всё»[4].

После смерти сына М. И. Гоголь-Яновская писала о нем С. П. Шевыреву: «Сердце этого ангела было полно нежнейших чувств, которые он скрывал, не знаю почему, под угрюмой наружностью и никому не любил показывать их»[5].

В 1852 г. Мария Ивановна в своей записке о сыне также сообщала: «Он имел самое чувствительное сердце и стремился как только мог скрыть эту нежность его души; желал показывать себе противуположным этому прекрасному чувству, и от того казался скрытным; он любил всеми силами души своих товарищей...»[6]

Школьный приятель Гоголя В. И. Любич-Романович, в свою очередь, свидетельствовал: «Вообще он <Гоголь>, бывая в обществе, ходил с опущенной головой и ни на кого не глядел. Это придавало ему вид человека, глубоко занятого чем-нибудь, или сурового субъекта, пренебрегавшего всеми людьми. Но в общем он вовсе не был зол, напротив, его душа всегда была отзывчива к ближнему»[7].

Во время пребывания Шевырева в Васильевке в 1852 г. Мария Ивановна говорила о сыне: «Эпитет от товарищей ему в Нежине <данный>: таинственный»[8].

Эти же сведения сообщал в 1887 г. В. И. Шенроку А. С. Данилевский: «В Нежине товарищи его любили, но называли: *таинственный карла*. Он относился к товарищам саркастически, любил посмеяться и давал прозвища»[9].

Установлено, что «таинственный карла» — прозвище, которое носил Гоголь в Нежинской гимназии, происходит от названия одного из романов В. Скотта, получившего в первом русском переводе заглавие «Таинственный Карло» (М., 1824; в оригинале: «The Black Dwarf» — черный карлик)[10].

Характер героя В. Скотта прямо перекликается с автохарактеристикой Гоголя в письме к матери от 1 марта 1828 г., а также с определением, которое давали ему мать и школьные товарищи. Поведение шотландского «таинственного Карла» определяется причудливым сочетанием напускной мизантропии и искренней, скрываемой под маской холодности любви к людям: «...Ни один лицемер не обладает таким искусством прикрывать благовидными причинами самые гнуснейшие поступки свои, как он умеет соглашать с правилами своего человеконенавидения действия, проистекающие из врожденного великодушия его и доброты сердечной»[11].

Пожалуй, точнее всего такое поведение можно определить как «юродство». В 1827 г. О. М. Сомов, откликаясь на отзыв М. П. Погодина об одном из своих произведений, писал: «...Говоря о малороссийской были Г. Байского[12] *Юродивый*, Г. Критик находит в ней сходство с сценами романа В. Скотта *Таинственный Карло*...»[13]

Позднее протопресвитер В. В. Зеньковский, размышляя над «загадкой» гоголевской личности, в одной из своих ранних работ о Гоголе заметил: «В Гоголе есть <...> черты несомненного юродства <...> Этот момент

юродства <...> психологически совершенно почти неизбежен <...> для всякого серьезно религиозного человека, стремящегося жить не по законам мира сего. Тот "соблазн", то "юродство проповеди", о котором говорил еще апостол Павел <1 Кор. 1, 18–21>, с веками лишь возрос, и для христианина часто приходится впадать в странности, в юродство, чтобы христиански выявить себя в современной культуре. <...> Тот, кто в себе не почувствовал когда-нибудь несходства "духа времени сего" и христианского начала, кто не почувствовал тех оков, какие кладет современная культура на все подлинно религиозное, тому трудно понять всю психологическую, религиозную и историческую неизбежность юродства»[14].

Противоречие между «духом времени» и христианскими началами Гоголю пришлось испытать, по-видимому, еще в раннем возрасте. Как указывал исследователь И. А. Сребницкий (изучавший быт Нежинской гимназии в период обучения здесь Гоголя по архивным документам), «преследовавшие Гоголя всю его жизнь страдания от противоречия между действительностью и его идеальными требованиями начались, вероятно, еще в школе»[15]. Тот же Любич-Романович, вспоминая о пребывании Гоголя в стенах Нежинской гимназии, рассказывал: «В числе странностей Гоголя было много его своеобразных взглядов на все окружающее его общество и на то, что общество признавало для себя законом или правилом жизни, как нечто неизбежное, чему следовало поклоняться, веровать... И это-то все Николай Васильевич игнорировал, называл баловством, недостойным делом, от которого надо было бежать, открещиваться, как от антихриста, и избавлять себя, как от врага, мечом мысли...»[16] Это не всегда понятное окружающим поведение, уже в школьные годы объяснялось, по свидетельству Любича-Романовича, присущим Гоголю с детских лет христианским мировоззрением[17].

[1] См. ***1828. Января вторая половина. Нежин.***

[2] См. также ***1825. Январь-апрель. Нежин***; ***1825. Июня конец – августа начало. Васильевка.***

[3] См. ***1847. Апреля 28 <16>. Среда. Неаполь.***

[4] См. ***1847. Января 20 <8>. Среда. Неаполь.***

[5] Письмо от апреля 1852 г. (*Свод.* Т. 1. С. 122). – См. также ***1851. Мая 22. Вторник. Васильевка.***

[6] Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 28.

[7] *Глебов С. И.* Гоголь в Нежинском лицее. (Из воспоминаний В. И. Любич<а>-Романовича) // Исторический Вестник. 1902. Февраль. С. 556; *Свод.* Т. 1. С. 564.

[8] Воспоминания М. И. Гоголь в путевом дневнике С. П. Шевырева // *Свод.* Т. 1. С. 13.

[9] См. ***1825. Февраля 16. Санкт-Петербург*** (примечания).

[10] *Воропаев В.* «...Я совершу свой путь...» // Библиотекарь. 1984. № 4. С. 49–50.

[11] Таинственный Карло. Повесть сира *Валтера Скотта.* М., 1824. Ч. 2. С. 138. Подробнее о смысле прозвища Гоголя см.: *Виноградов И. А.* Религиозное образование Гоголя в Нежинской гимназии высших наук // Н. В. Гоголь и Православие. М.: Отчий дом, 2004. С. 156–159.

[12] Байский – псевдоним О. М. Сомова.

[13] *Сомов О.* Обзор Российской словесности за 1827 год // Северные Цветы на 1828 год. СПб., 1827 (цензурное разрешение 3 декабря). С. 23.

[14] *Зеньковский В. В.* Н. В. Гоголь в его религиозных исканиях // Христианская Мысль. 1916. № 1. С. 30–31.

[15] *Сребницкий 1902.* С. 310.

[16] *Глебов С. И.* Гоголь в Нежинском лицее. (Из воспоминаний В. И. Любич<а>-Романовича) // Исторический Вестник. 1902. Февраль. С. 554; *Свод.* Т. 1. С. 562–563.

[17] См. ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы*** (примечания). – См. также ***1842. Августа 18 <6>. Четверг. Праздник Преображения Господня. Гастейн.***

МАРТА 1. ЧЕТВЕРГ. МОСКВА

Выход в свет четвертого номера журнала «Московский Вестник»[1], в котором напечатано стихотворение А. С. Пушкина «Зимняя дорога»[2].

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 813.

[2] *Пушкин А.* Зимняя дорога // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1828. Ч. 7. № 4 (цензурное разрешение 20 февр.). С. 405–406.

МАРТА 19. ВЕЛИКИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Гоголю исполнилось 19 лет.

В этот день одноклассник Гоголя А. А. Котляревский дал показания о пренебрежительных высказываниях зимой 1826 г. младшего профессора немецкой словесности Ф. И. Зингера о предметах христианского почитания (мощах) и о «дерзких» высказываниях воспитанника Н. В. Кукольника в августе 1827 г. о религии.

См. ***1827. Август. Нежин*** (примечания).

МАРТА 23. СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет отдельного издания шестой главы «романа в стихах» «Евгений Онегин» А. С. Пушкина.

Цявловский, Тархова. С. 820.

МАРТА 24. ВЕЛИКАЯ СУББОТА. МОСКВА

Выход в свет шестого номера журнала «Московский Вестник»[1], в котором напечатаны стихотворение А. С. Пушкина «Коварность»[2] и первая печатная работа И. В. Киреевского – статья «Нечто о характере поэзии Пушкина».

В позднейшем эссе «Несколько слов о Пушкине» (1834) Гоголь повторяет суждения Киреевского в статье 1828 г., когда замечает, что «сочинения Пушкина, где дышит у него русская природа, <...> может совершенно понимать тот, <...> чья душа <...> способна понять неблестящие с виду русские песни...» Киреевский писал, что в поэзии Пушкина есть «что-то невыразимое, понятное лишь русскому сердцу; <...> то чувство, которым дышат мелодии русских песен»[3]. Определение Киреевским Онегина как «существа совершенно обыкновенного и ничтожного» («Эта пустота главного героя была, может быть, одною из причин пустоты содержания первых пяти глав романа...»)[4] отзывается в многочисленных перекличках между чертами пушкинского героя и образом Хлестакова в «Ревизоре»[5].

По словам Н. В. Кукольника, «русская литература того времени была проникнута духом Байрона: Чайльд-Гарольдов и Онегиных можно было встречать не только в столицах, но даже у нас в гимназическом саду»[6].

[1] *Цявловский, Тархова*. С. 821.

[2] *Пушкин А*. Коварность // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1828. Ч. 8. № 6 (цензурное разрешение 20 марта). С. 136–137.

[3] <*Киреевский И. В.*> *9.11*. Нечто о характере поэзии Пушкина // Московский Вестник. 1828. Ч. 8. № 6. С. 193–194.

[4] Там же. С. 191–192.

[5] См.: *Виноградов 2000*. С. 300–312.

[6] *Кукольник Н*. Ф. О. Зингер // Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1881. С. 261–262.

МАРТА ДО 25. НЕЖИН

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года старшим профессором П. И. Никольским, «за март месяц» в девятом классе пройдены следующие темы: «О слоге вообще, о слоге простом или естественном и о слоге среднем или умеренном и цветном, о принадлежностях и отличиях их, – занимались сочинениями больших речей»[1].

Согласно сводной ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам российской словесности за 1827/28 учебный год, Николай Яновский

(Гоголь) в марте 1828 г. получил от профессора Никольского следующие оценки (по четырехбалльной системе): поведение – 4; успехи – 4[2].

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года профессором Н. Ф. Соловьевым, «в марте месяце» 1827 г. в девятом классе «пройдено из естественных наук»:

«*Из зоологии:* рассмотрены примечательные роды и виды птиц из отрядов куриного и отряда голенастых. *Из физики:* Воздух в физическом его отношении»[3].

Согласно сводной ведомости об успеваемости учеников девятого класса по естественной истории и частной физике с августа 1827 г. по май 1828 г., Николай Яновский (Гоголь) в марте 1828 г. получил от профессора Соловьева следующие оценки: по поведению – 4, по успехам – 4[4].

В ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам юридических наук за март 1828 г. Николай Яновский (Гоголь) получает от профессора М. В. Билевича следующие оценки (по четырехбальной системе): поведение – 3; успехи – 2.

В той же ведомости остались не аттестованными (из десяти учеников) Н. Н. Миллер и А. А. Божко (оба с одинаковым примечанием: «не являлся для переспрашивания пройденного в сем месяце»)[5].

[1] *Сребницкий 1902.* С. 376.

[2] Ведомость о поведении и успехах учеников Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по предметам российской словесности с начала августа месяца 1827-го года <по май 1828> // *Свод.* Т. 1. С. 476.

[3] *Сребницкий 1902.* С. 383.

[4] Ведомость о поведении и успехах учеников 9-го класса Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по естественной истории и частной физике с августа сего 1827 года по июль месяц будущего 1828 г. Профессор Никита Соловьев // *Свод.* Т. 1. С. 479.

[5] Ведомость о успехах учеников в науках и поведении по предметам юридических наук за месяц март 1828 года // *Свод.* Т. 1. С. 473–474.

МАРТА 25. СВЕТЛОЕ ХРИСТОВО ВОСКРЕСЕНИЕ. ПРАЗДНИК ПАСХИ. НЕЖИН

В гимназии нет занятий. Гоголь остается в пансионе.

См. ***1828. Марта 30. Пятница Светлой седмицы. Нежин.***

МАРТА 30. ПЯТНИЦА СВЕТЛОЙ СЕДМИЦЫ. НЕЖИН

Гоголь поздравляет мать с праздником Пасхи; спрашивает, закончилось ли обучение сестры Марии в Полтавском институте. Сожалеет, что вновь вынужден беспокоить мать просьбой о деньгах, нужных для «экипировки»[1]:

«Знаю, что вам последний раз уже сделать мне вспомоществование; но знаю и то, как трудно из нашего небогатого состояния это сделать».

[1] См. также ***1828. Апреля 7. Суббота. Нежин.***

АПРЕЛЯ 7. СУББОТА. НЕЖИН

Гоголь торопит мать прислать ему к 10 мая 1828 г., в связи с окончанием гимназии, «деньги на платье»:

«Желал бы, сколько возможно, уменьшить свои нужды (я трепещу, воображая, каким трудом вами достается нам даже необходимое), но несмотря на мои великие ограничения менее *200 рублей* не может обойтиться мне мое экипирование».

АПРЕЛЯ 17. ВТОРНИК. С. БОГДАНОВКА, БЛИЗ ПОЛТАВЫ

Сестра Гоголя Мария сообщает матери:

«Я очень беспокоюсь, что не получаю писем от братца. Прошу покорнейше уведомить меня, получили ли вы от него и что он пишет».

Свод. Т. 1. С. 141.

АПРЕЛЯ КОНЕЦ. НЕЖИН

Гоголь получает письмо от матери.

См. ***1828. Мая 3. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Нежин.***

АПРЕЛЬ. НЕЖИН

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года старшим профессором П. И. Никольским, «за апрель месяц» в девятом классе пройдены следующие темы: «О слоге высоком с изъяснением, что называется вообще высоким и с разделением его на высокое понятий, на высокое изображений и на высокое чувствований»[1].

Согласно сводной ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам российской словесности за 1827/28 учебный год, Николай Яновский (Гоголь) в апреле 1828 г. получил от профессора Никольского следующие оценки (по четырехбалльной системе): поведение — 4; успехи — 4[2].

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года профессором Н. Ф. Соловьевым, «в апреле месяце» 1827 г. в девятом классе «пройдено из естественных наук»:

«*Из зоологии:* Примечательные роды и виды класса птиц из отряда лапчатоногих; общия свойства класса животных пресмыкающихся и отряды в оном классе черепахообразных, ящерицеобразных и змеевидных. *Из физики:* Звук: т. е. причины звука, распространение его, причина чувствования нами звука, скорость оного и отраженный звук или эхо»[3].

Согласно сводной ведомости об успеваемости учеников девятого класса по естественной истории и частной физике с августа 1827 г. по май 1828 г., Николай

Яновский (Гоголь) в апреле 1828 г. получил от профессора Соловьева следующие оценки: по поведению — 4, по успехам — 3[4].

В ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам юридических наук за апрель 1828 г. Николай Яновский (Гоголь) получает от профессора М. В. Билевича следующие оценки (по четырехбалльной системе): поведение — 3; успехи — 3[5].

[1] *Сребницкий 1902.* С. 376.

[2] Ведомость о поведении и успехах учеников Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по предметам российской словесности с начала августа месяца 1827-го года <по май 1828> // *Свод.* Т. 1. С. 476.

[3] *Сребницкий 1902.* С. 383.

[4] Ведомость о поведении и успехах учеников 9-го класса Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по естественной истории и частной физике с августа сего 1827 года по июль месяц будущего 1828 г. Профессор Никита Соловьев // *Свод.* Т. 1. С. 479.

[5] Ведомость о успехах учеников в науках и поведении по предметам юридических наук за месяц апрель 1828 года // *Свод.* Т. 1. С. 473–474; см. также: *Кулиш 1856.* Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод.* Т. 1. С. 481.

МАЯ 1. ВТОРНИК. 4–10 ЧАСОВ УТРА. НЕЖИН

Воспитанники Гимназии в парадных мундирах ожидают визита Императора Николая I. Старший профессор российской словесности П. И. Никольский написал оду для встречи Государя[1]. Однако Император проехал Нежин инкогнито.

Е. П. Гребенка на следующий день, 2 мая 1828 г., сообщал: «Весь Нежин ждал его <Государя> с нетерпением: в Гимназии <у>красили классы разными цветами, вымыли полы и все приготовили наилучшим образом. В 4 часа утра 1-го мая велено нам собраться всем в мундирах в залу, дабы ожидать посещения государя. Разве у кого не русское сердце, кто бы не мог представить себе, с каким нетерпением ожидал я видеть самодержца России, как волновался дух мой при одной мысли, что человек, которого уважает Европа и трепещет Азия, освятит места сии своим присутствием! Но это все были мечты. Мы ждали до 10-ти часов и, наконец, были распущены, а государь, говорят, проехал инкогнито»[2].

[1] См. ***1828. Июня 28. Четверг. Нежин.***

[2] *Гребінка Е. П.* Твори: У 3 т. Київ, 1981. Т. 3. С. 526.

МАЯ 3. ЧЕТВЕРГ. ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ. НЕЖИН

Гоголь извещает мать, что ее письмо, с вложением денег, получил в конце апреля; благодарит за наставления:

«...Несмотря на мою нелюбовь к вытверженным наставлениям, ваше золотое правило, предписанное мне в конце письма вашего, глубоко врезалось в мое сердце, оно благодетельно было в тогдашнем моем состоянии...»

Сожалеет о болезни одной из сестер; радуется, что сестра Анна научилась читать; еще раз просит прислать 200 рублей «на платье». Просит приготовить для него «бричку попространнее» — «по крайней мере такую, в какой» он «возвращался прошлый год в Нежин»[1]: «Андрей Андреевич[2] верно не откажет в ней»[3].

[1] См. *1827. Августа 18. Четверг. Нежин.*
[2] Трощинский.
[3] «Это была необъятная брыка, которою ездили кибинские камердинеры. Я думаю, ее одной будет достаточно для моего укладу» (из письма Гоголя к матери от 16 мая 1828 г.). Ср. в повести Гоголя «Вий» (1834): «Он сошел вниз и увидел кибитку, которую принял было сначала за хлебный овин на колесах. В самом деле, она была так же глубока, как печь, в которой обжигают кирпичи. Это был обыкновенный краковский экипаж, в каком жиды полсотнею отправляются вместе с товарами во все города, где только слышит их нос ярмарку».

МАЯ 12. ТРОИЦКАЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА. НЕЖИН

Гоголь получает от матери письмо и деньги.

См. *1828. Мая 16. Среда. Нежин.*

МАЯ 16. СРЕДА. НЕЖИН

Гоголь извещает мать, что письмо и деньги от нее (вероятно, 200 рублей[1]) получил 12 мая – и «с платьем <...> уже почти распорядился». Просит Петра и Павла Петровичей Косяровских, которые гостят в Васильевке, задержаться до его приезда. Передает привет В. П. Косяровской, сестре Марии, бабушке Марии Ильиничне и дедушке Ивану Матфеевичу (Косяровским).

[1] См. *1828. Апреля 7. Суббота. Нежин*; *1828. Мая 3. Четверг. Праздник Вознесения Господня. Нежин.*

МАЯ 17–29. НЕЖИН

По распоряжению директора Д. Е. Ясновского в гимназии проводится второй[1] допрос воспитанников, во время которого опрашиваются ученики восьмого класса Е. И. Филипченко[2], А. И. Колышкевич[3], Н. П. Родзянко[4], Павел Н. Горонович[5], ученик шестого класса А. С. Змиев[6], а также одноклассники Гоголя братья А. А., Е. А. и Н. И. Котляревские[7].

«На <...> допросе, производившемся 17–29 мая, ученики (Колышкевич и двое Котляревских) показали: 1) что Белоусов позволял себе на лекциях преступные в политическом отношении выражения[8], что в городе толкуют: "чуть ли Белоусов с некоторыми учениками не поедут в кибитке". Зингер, переводя в классе статью Канта "о высоком и изящном"[9], выражался пренебрежительно о ношении крестов на теле, а также о значении присяги, и на замечание Котляревского, что "в России нельзя так говорить и при экзамене не можно это читать", отвечал, что имеет дело с благородными людьми; что Зингер вообще часто заменял лекции рассуждениями политическими, хотя, со времени приезда нового директора[10], перестал это делать; что, до приезда нового директора, Кукольник и другие из меньшего возраста в саду и в классе, до прихода Зингера, говорили свои наставления с кафедры, подобно лекциям, о метафизике, эстетике и магнетизме, причем вольно и непристойно говорили о религии... <...> При этом Котляревские представили свои классные тетради <по немецкой словесности>[11], в которых действительно оказались выражения, "противные Греко-Российской Церкви". Заявление Зингера при допросе, что "ученики приведенные выражения могли сами выписать из книги Канта, которую он носил в класс", директор отвергает, так как тетради писаны одинаковым скорым почерком, под диктовку, с многими погрешностями; при этом директор заметил, что "и прочие показания Котляревских, по свойствам Зингера, он считает вероятными". 3) Также ученики[12] показали, что Ландражин раздавал ученикам разные книги для чтения: сочи-

нения Вольтера, Гельвеция, Монтескье, Локка, Филоконнери[13], Грекура и Пирона; что Кукольник на лекциях делал выписки из книги Филоконнери в тетрадь, на заглавном листе которой написано "Ботаника"; что когда Ландражин представил однажды ученикам переводить на французский язык стихи по их собственному выбору, ученик Змиев[14] перевел стихи Кондратия Рылеева, "касающиеся до призывания к свободе"[15]. (Змиев на допросе не мог припомнить стихов Рылеева, но другой ученик, Колышкевич, написал их слово в слово в присутствии директора, причем объяснил, что он точно запомнил потому, что часто слушал чтение этих стихов в классе учеником Мартосом.) На этом допросе некоторые ученики представили свои тетради о естественном праве, писанные, как они утверждали, со слов Белоусова и прежде ими утаенный, причем заявили, что Кукольник советовал им сжечь эти тетради»[16].

[1] См. ***1827. Октября 29 – ноября 3. Нежин.***

[2] См. ***1828. Мая 17. Четверг. Нежин.***

[3] См. ***1828. Мая 18. Пятница. Нежин***; ***1828. Мая 20. Воскресенье. Нежин.***

[4] См. ***1828. Мая 21. Понедельник. Нежин.***

[5] См. ***1828. Мая 29. Вторник. Нежин.***

[6] См. ***1828. Мая 20. Воскресенье. Нежин.***

[7] См. ***1828. Мая 19. Суббота. Нежин***; ***1828. Мая 28. Понедельник. Нежин***; ***1828. Мая 29. Вторник. Нежин.***

[8] См. ***1826. Июля 24. Суббота. Нежин*** (примечания); ***1827. Август. Нежин.***

[9] См. ***1827. Август. Нежин*** (примечания).

[10] См. ***1827. Октября 5. Нежин.***

[11] См. ***1828. Мая 18. Пятница. Нежин.***

[12] «Во время <...> допроса ученик Колышкевич показал, что Ландражин раздавал ученикам для чтения сочинения Вольтера, Гельвеция, Монтескье, Локка и др.» (*Иофанов*. С. 311). – См. ***1828. Мая 18. Пятница. Нежин.***

[13] Возможно, имеется в виду итальянский экономист и публицист Г. Филанджери (Filangieri), автор «Науки о законодательстве» (8 т.; 1780–1788) – сочинения, которое имело хождение среди декабристов.

[14] «Ученик шестого класса Александр Змиев сообщил директору 20 мая 1828 г., что он, когда Ландражин предложил ученикам по их выбору перевести на французский язык поэтические произведения, перевел стихи Кондратия Рылеева, «касающиеся до призывания к свободе», полученные им от бывшего ученика шестого класса Мартоса, служившего во 2-м уланском украинском полку. На вопрос директора, какие именно стихи были переведены, Змиев ответил, что не помнит. Ученик Алексей Колышкевич, присутствовавший при допросе Змиева, рассказал, что он помнит содержание стихов Рылеева, и, по предложению директора, написал их, заявив при этом, что стихи Рылеева знали и читали кроме Мартоса и другие ученики гимназии. Дальнейшим расследованием было установлено, что перевод революционных стихов Рылеева, сделанный учеником Змиевым, проф<ессор> Ландражин оставил у себя» (*Иофанов*. С. 311).

[15] См. также ***1826. Января конец. Нежин***; ***1827. Января 30. Воскресенье. Киев.***

[16] *Лавровский 1879 (отд. изд.)*. С. 112–113; *Лавровский 1879*. С. 213–214. – См. также ***1827. Август. Нежин.***

МАЯ 17. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

В конференции гимназии допрошен ученик восьмого класса Е. И. Филипченко, который, «кроме ссылки»[1] на показания А. А. Котляревского[2], рассказал о ходивших в Нежине слухах «о некоторых словах непристойных, говоренных в классе профессором Белоусовым, каковых слов в тетрадях <с записями лекций> не находится, о каковых словах может показать сам Котляревский»[3] (по слухам, которые сообщал Филипченко, «профессор Белоусов на лекции говорил ученикам: "Что ежели государь дурак или подлец, то можно его изгнать и убить"»)[4].

[1] См. ***1826. Июля 24. Суббота. Нежин.***

[2] См. ***1828. Марта 19. Великий понедельник. Нежин***; ***1828. Мая 17–29. Нежин.***

[3] *Машинский 1959*. С. 157.

[4] См. ***1826. Июля 24. Суббота. Нежин*** (примечания).

МАЯ 18. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Ученик восьмого класса А. И. Колышкевич во время допроса показал[1], что «в 1826 г. профессор немецкой словесности <Ф. И.> Зингер, переводя и комментируя статью Канта о высоком и земном, заявил, что “частицы креста, носимые на шее, и самые мощи суть глупость”»[2]. «Ученик девятого класса Александр Котляревский, услышав это заявление, заметил: “у нас в России читать так нельзя, а тем более с кафедры”, в ответ на это Зингер выразил уверенность, что он “имеет дело с благородными людьми”, которые не донесут о его замечаниях».

Иофанов. С. 310.

[1] См. также ***1826. Июля 24. Суббота. Нежин.***
[2] См. также ***1827. Август. Нежин; 1827. Мая 17. Четверг. Нежин; 1828. Мая 17–29. Нежин.***

МАЯ 19. СУББОТА. НЕЖИН

Вновь[1] опрошенный А. А. Котляревский подтвердил все показания А. И. Колышкевича[2], и добавил, что младший профессор немецкой словесности Ф. И. Зингер «“часто заменял лекции рассуждениями политическими”, которые прекратились с приездом директора Ясновского». «Егор Котляревский, ученик девятого класса, подтвердил показание брата. Они передали директору для рассмотрения конспекты лекций по немецкой словесности, в которых Ясновский усмотрел выражения, направленные против канонов Греко-Российской Церкви».

Иофанов. С. 310, 313.

[1] См. ***1828. Марта 19. Великий понедельник. Нежин; 1828.*** **Мая 17–29. Нежин.**
[2] См. ***1828. Мая 18. Пятница. Нежин.***

МАЯ 19. СУББОТА. МОСКВА

Выход в свет девятого номера журнала «Московский Вестник»[1], в котором напечатана «Новая сцена между Мефистофелем и Фаустом» А. С. Пушкина[2].

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 845.
[2] *Пушкин А.* Новая сцена между Мефистофелем и Фаустом // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1828. Ч. 9. № 9 (цензурное разрешение 23 апр.). С. 3–7.

МАЯ 20. ВОСКРЕСЕНЬЕ. НЕЖИН

Директор гимназии Д. Е. Ясновский допрашивает ученика шестого класса А. С. Змиева и, повторно[1], ученика восьмого класса А. И. Колышкевича[2].

[1] См. ***1828. Мая 18. Пятница. Нежин.***
[2] См. ***1826. Января конец. Нежин; 1828. Мая 17–29. Нежин.***

МАЯ 21. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Ученик восьмого класса Н. П. Родзянко на допросе у директора Д. Е. Ясновского отказался от своих прежних[1] показаний, данных в пользу младшего профессора Н. Г. Белоусова:

«Отец его[2], явившись к директору, объявил, что сын его дал ложное показание по наущению Кукольника...»[3]

Год спустя, в конце мая — июне 1829 г., Кукольник также отказался от своих ложных свидетельств в пользу Белоусова[4].

[1] См. ***1827. Ноября 3. Четверг. Нежин.***
[2] П. Н. Родзянко, судья Хорольского уездного суда.
[3] *Лавровский 1879.* С. 214.
[4] См. ***1827. Ноября 1. Вторник. Нежин*** (примечания).

МАЯ 23. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская отправляет сыну письмо в Нежин.

См. ***1828. Мая 30. Среда. Нежин.***

МАЯ 28. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

На допрос к директору Д. Е. Ясновскому вызван одноклассник Гоголя Е. А. Котляревский.

«Егор Котляревский после долгого увещевания со стороны директора, чтоб он по сему важному предмету говорил, как в присутствии Божием, правду, показал, что в 1826 году, когда он, Егор Котляревский, был в 7-м классе, профессор Белоусов во время чтения права естественного, говоря о верховной власти, обратил свой вопрос к ученикам: “Что, если государь дурак, подлец, то что вы думаете с ним? — Ну, изгнать, убить”. При сем случае были в классе все ученики, которые теперь в 9-м классе...»

Иофанов. С. 406–407; *Машинский 1959.* С. 159.

МАЯ 29. ВТОРНИК. НЕЖИН

Одноклассник Гоголя Н. А. Котляревский на допросе у директора Д. Е. Ясновского «подтвердил показание своего брата Егора[1] о словах, сказанных профессором Белоусовым в классе»:

«...И сам он, Николай, слышал, что тот профессор при лекции естественного права, говоря о верховной власти, обратился к ученикам и спросил: “Если представитель народа — государь подл и во зло употребляет вверенную ему от народа власть, то что с ним должно делать?” И когда ученики молчали, то профессор сказал, что можно такового государя низвергнуть, убить. Сие должны были слышать все ученики тогда 7, а теперь 9 класса...»[2]

Воспитанник Павел Н. Горонович «также быв спрошен о сем предмете директором, показал, что профессор Белоусов, при повторении государственного права[3], говорил, что ежели верховный глава, или представитель верховной власти во зло оные употребляет, то можно его лишить оных прав»[4].

Опросами Е. И. Филипченко, А. И. Колышкевича, А. С. Змиева, Н. П. Родзянко, Павла Н. Горононовича и братьев А. А., Е. А. и Н. И. Котляревских директор Д. Е. Ясновский ограничился, опасаясь, «открыв преждевременно сие дело, подвергнуть учеников Филипченко, Котляревских и Павла Горононовича неприятности»[5].

В тот же день, 29 мая 1828 г., конференция гимназии приняла постановление, «запрещающее профессорам посылать в библиотеку воспитанников за необходимыми им, профессорам, книгами»[6]. «Кроме того, Конференция обязала всех преподавателей хранить свои книги дома таким образом, чтобы никто из живущих у них учеников не имел к этим книгам доступа»[7].

В тот же день Гоголь получил из Васильевки письмо от матери[8].

[1] См. ***1828. Мая 28. Понедельник. Нежин.***
[2] *Иофанов.* С. 312, 407.
[3] Курс государственного права Белоусов читал в декабре 1826 г. в седьмом и восьмом классах (см. ***1826. Августа 16 – декабря 18. Нежин***).
[4] *Иофанов.* С. 407.
[5] *Иофанов.* С. 314.
[6] Ср. ***1828. Мая 17–29. Нежин.***
[7] *Машинский 1959.* С. 162–163.
[8] См. ***1828. Мая 30. Среда. Нежин.***

МАЯ 30. СРЕДА. НЕЖИН

Гоголь извещает мать о получении накануне[1] от нее письма (от 23 мая), просит прислать за ним экипаж к 25 июня. Поздравляет сестру Марию с окончанием Полтавского института и возвращением в Васильевку.

[1] См. ***1828. Мая 29. Вторник. Нежин.***

МАЙ. НЕЖИН

Согласно отчету протоиерея Павла Волынского, преподавание «нравоучительного любомудрия» по Баумейстеру он по-прежнему[1] сочетал с чтением св. Отцов[2].

Согласно сводной ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам российской словесности за 1827/28 учебный год, Николай Яновский (Гоголь) в мае 1828 г. получил от профессора П. И. Никольского следующие оценки (по четырехбалльной системе): поведение – 4; успехи – 4[3].

Согласно ведомости, составленной в конце 1827/28 учебного года профессором Н. Ф. Соловьевым, «в мае месяце» 1827 г. в девятом классе «пройдено из естественных наук»:

«*Из зоологии:* Из класса пресмыкающихся пройден отряд лягушкообразных. Общее понятие о классе позвоночных, о рыбах. *Из физики:* Краткое понятие о химических началах вообще и в особенности о кислороде и водороде как началах, воду составляющих»[4].

Согласно сводной ведомости об успеваемости учеников девятого класса по естественной истории и частной физике с августа 1827 г. по май 1828 г., Николай Яновский (Гоголь) в мае 1828 г. получил от профессора Соловьева следующие оценки: по поведению – 4, по успехам – 3[5].

В ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам юридических наук за май 1828 г. Николай Яновский (Гоголь) получает от профессора М. В. Билевича следующие оценки (по четырехбалльной системе): поведение – 3; успехи – 3.

В той же ведомости низким баллом по поведению отмечен (из десяти учеников) А. А. Божко – 2 (с примечанием: «в поведении неблагонадежен»)[6].

[1] См. ***1826. Июня конец. Нежин.***

[2] *Хойнацкий А. Ф., протоиерей.* Из истории философской науки в России в начале XIX века // *Свод.* Т. 1. С. 434.

[3] Ведомость о поведении и успехах учеников Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по предметам российской словесности с начала августа месяца 1827-го года <по май 1828> // *Свод.* Т. 1. С. 476.

[4] *Сребницкий 1902.* С. 383.

[5] Ведомость о поведении и успехах учеников 9-го класса Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по естественной истории и частной физике с августа сего 1827 года по июль месяц будущего 1828 г. Профессор Никита Соловьев // *Свод.* Т. 1. С. 479.

[6] Ведомость о успехах учеников в науках и поведении по предметам юридических наук за месяц май 1828 года // *Свод.* Т. 1. С. 475; см. также: *Кулиш 1856.* Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод.* Т. 1. С. 481.

ИЮНЯ НЕ ПОЗДНЕЕ 23[1]. НЕЖИН

Согласно сводной ведомости успеваемости учеников за 1827/28 учебный год, за второе полугодие Гоголь получил следующие итоговые оценки по поведению и успехам (по четырехбалльной системе):

– Закон Божий – 4;
– российская словесность – 4;
– всеобщая история – 3[2];
– русская история – 3;
– математика – 2;
– физика – 2;
– естественная история – 3[3];
– латинский язык (в четвертом отделении) – 2;
– французский язык (в четвертом отделении) – 1;
– немецкий язык (в четвертом отделении) – 2.
Поведение – 4[4].
Выводы конференции: по наукам – 3; по языкам – 3; средний балл успеваемости –2 $^{8}/_{12}$[5].

Годичные результаты Николая Гоголя-Яновского (по четырехбалльной системе) за 1827/28 учебный год, согласно ведомости «Окончивших курс наук результаты годичные» в Журнале конференции от 27 июня 1828 г.:

— Закон Божий — 3 ½[6];
— нравоучительная философия — 3 ½;
— российская словесность — 3[7];
— история древняя — 3;
— история средняя — 2 ½;
— история новейшая — 3;
— история России — 3;
— логика — 3 ½;
— конические сечения — 2;
— дифференциальное и интегральное исчисление — 1;
— военные науки — 3 ½;
— общая физика — 3;
— частная физика — 4[8];
— минералогия — 4;
— ботаника — 3 ½;
— зоология — 4;
— история римского права — 3 ½;
— римское право — 3 ½;
— российское гражданское право — 3;
— российское уголовное право — 3;
— государственное хозяйство — 3;
— латинский язык (в четвертом отделении) — 2[9];
— французский язык (в четвертом отделении) — 3[10];
— немецкий язык (в четвертом отделении) — 2[11].
Выводы конференции: по наукам — 3; по языкам — 2; «общий результат» — 2 ½[12].

Согласно сводной ведомости об успеваемости учеников девятого класса по естественной истории и частной физике с августа 1827 г. по май 1828 г., Николай Яновский (Гоголь), вероятно, в июне 1828 г. получил от профессора Соловьева следующие итоговые оценки за 1827/28 учебный год: по поведению — 4, по успехам — 4[13].

В итоговой «Таблице для определения степеней успехов с соответствующих им классных чинов из результатов частного испытания и ежемесячных список о успехах и поведении учеников, окончивших полный курс учения в Гимназии» в Журнале конференции от 27 июня 1828 г. окончательные оценки Гоголя по «ежемесячным спискам»: по успехам — 2; по поведению — 4[14].

Гоголь сдает «частные» выпускные экзамены. Сохранились экзаменационные вопросы по «нравоучительной», или «практической» философии, составленные законоучителем гимназии протоиереем П. И. Волынским[15].

Вопросы
из практической философии

Кто есть начальник и совершитель этики?
Итак этика на чем основание имеет?
Священное писание на чем основано?
Что есть закон?
Что есть право естественное?
Что есть этика?
Как разделяется этика, и что есть практическая философия?
Какая разница между правом естественным и этикою?
Чему учит право естественное, и чему этика, и какое из того вывели заключение?[16]
Чем занимается этика, и что есть добродетель?
В чем состоит намерение этики, и как она действует?
Какая цель этики, и в чем она упражняется?

Кроме сего, что еще этика показывает?
А из сего что следует?
Не показывает ли этика еще какого-либо способа?
Дабы получить добродетель, что должно делать?
Кроме права естественнаго, что нужно еще для достижения добродетели?
Чрез какие способы можно достигнуть добродетели? Коликий бывает опыт?
Как посредством собственного опыта приобретаем познание живое?
Как посредством чужого опыта приобретаем познание живое?
Какия препятствия могут быть добродетели, и действительно ли они служат препятствиями?
Как снискивается добродетель, и как искореняются пороки?
Чем можно того достигнуть?
Чем исправляется воля?
Но прежде исправления воли, что должно исправить, и почему?
Что есть острота? и кто называется острый?
Каким способом можно приобресть остроту?
Что есть глубина разумения?
Что есть разумение?
Что есть знание?
Чем снискивается знание?
От чего зависит твердость, и что она есть?
Что есть мудрость?
В чем состоит мудрость?
Как мы приобретаем мудрость?
Что есть благоразумие, и чем разнствует от мудрости?
Какая наука особенно учит нас благоразумию?
Что есть наука?
Что способствует к приобретению науки, и чем сие подтвердить можно?
От чего происходят страсти?
В чем состоит укрощение страстей?
Что способствует еще к умалению страстей, и как сие объяснить примером?
Что есть воздержание, и кто называется воздержный?
В чем состоит воздержное употребление пищи и пития?
К чему служит воздержание?
Что есть пьянство, и в чем оно состоит?[17]
Что противуполагается пьянству, и что есть трезвость?
Что есть чистота?
В чем состоят правила чистоты?
Что есть любострастие?
Что есть прилежание?
Что есть леность?
Что должно отличить от лености, и что есть отдых?
Что есть самодовольствие, и что сребролюбие?
Что есть беспечность?
Что есть расточительность, и что бережливость?
Что есть скупость, и что называется гнусностию?
В чем заключается самодовольствие?
Как поступает сребролюбивый человек?
Как поступает воздержный и бережливый человек?[18]
Что есть щедрость и что есть великолепие?
Как поступает щедрый человек?
Обязывается ли кто к щедрости?
Каким образом мы достигаем чести?
Что есть скромность, и кто называется скромный?
Что есть честолюбие?
Кто называется скромный и кто спесивый?
Что называется терпением, и в чем оно состоит?
А что для спокойствия духа необходимо нужно, и почему?
Что есть великодушие, и как оное определяет Цицерон?
Как говорит Сенека о великодушии?

Кто называется великодушным?
Что называется смелостию или дерзостию, и кто также смелым?
Что называется умеренностию духа?
В чем заключается обязанности наши к другим?
Что мы называем кротостию? Что есть кроткии человек?
Что есть отмщение, и в чем состоит благородный дух?
Что есть правдивость, и что есть молчаливость?
Кто в обществе теряет доверенность, и почему?
Между клятвопреступным и лжецом полагает ли этика какое различие?
В чем состоит угрюмость?
В чем состоят насмешка и сквернословие?[19]
Должно ли убегать сих пороков, и почему?[20]

«Вопросы этики сформулированы таким образом: "Что есть священное писание, что есть нравственная этика? Что есть философия практическая? В чем разность права естественного и этики, чем отличается право естественное и этика? Какие нравственная этика предлагает правила к постижению добродетели? Что есть острота, что есть разумение, что знание, что мудрость, что есть наука? Из чего происходят страсти и какие правила предлагает этика для искоренения оных? Что есть воздержание, что пьянство и что есть трезвость? Что есть чистота и в чем состоят правила чистоты? Что есть прилежание, что леность, что сребролюбие, что беспечность? Что есть расточительность и бережливость, что есть скупость и гнусность, что есть щедрость и великолепие? В чем состоит скромность и честолюбие? Что есть терпение, что великодушие и что умеренность? Что называется кротостью, что есть отмщение, что благородный дух, что правдивость, что молчаливость, что угрюмость, в чем состоит насмешка и в чем сквернословие?"»[21]

В ведомости о успехах учеников девятого класса в науках и поведении по предмету российской словесности, составленной 23 июня 1828 г. профессором П. И. Никольским, в графе «Что пройдено», отмечено: «О том, что разумеется под изящною словесностию, о происхождении изящных искусств, о подражании природе, о основных правилах изящно-словесных произведений; о слогах; о критике[22]; о Гении; вкусе; о высоком и прекрасном»[23].

Согласно этой ведомости, а также согласно сводной ведомости успеваемости учеников девятого класса по предметам российской словесности за 1827/28 учебный год, Николай Яновский (Гоголь) получил от профессора Никольского следующие годовые оценки (по четырехбалльной системе): поведение – 3; успехи – 3[24]; «за успехи по экзамену» – 4[25].

Сохранился список тем для сочинений по российской словесности для восьмого и девятого классов, составленный профессором Никольским[26].

«Темы
для сочинений по Российской Словесности. Ученикам 8 и 9 классов

1. Какие в русском языке быть могут размеры стихов.
2. Чем начинается словесность в народах.
3. Различны ли между собою благородство, великодушие и честность.
4. О различии между ремеслом, навыком, художеством, искус<с>твом, знанием и наукою.
5. Кто в изящных искус<с>твах называется истинным знатоком.
6. О преимущественном пред другими стихотворениями эпопей.
7. Как должно писать историю Всеобщей и частной литературы.
8. Может ли музыка изображать полные мысли понятные во всех частях, так чтобы музыкант словами мог излагать их значения.

9. Какое различие между прихотью, причудой, предрассудком и предубеждением.
10. Антологическая поэзия может ли составить особенную ветвь вообще поэзии.
11. Какие суть способы к составлению совершенного сочинения в прозе.
12. В чем состоит совершенство поэзии.
13. О изяществе и пользе живописи.
14. О значении танцов в согласии с музыкою.
15. О приятностях и удовольствиях путешествий.
16. О различии между геройством, мужеством, храбростью, смелостию, отважностью и дерзостию.
17. Qui plus proficit in moribus, quam litteris, plus proficifc, quam deficit.
18. О духе новейшей Русской поэзии.
19. О искус<с>тве занимательно рассказывать происшествия.
20. О различии между печалью, скорбью, грустью, горестию, унынием и скукою и о средствах избавляться от оных.
21. Терпение составляет главную черту благоразумного человека.
22. Ordo est anima rerum.
23. Следуй добродетели и убегай пороков.
24. О пользе, доставляемой знанием древностей.
25. Si vis bene mori, bene vivas — necesse est»[27].

На экзамене по российской словесности Гоголь пишет сочинение: «О том, что требуется от критики[28]. (Из Теории Словесности)». На сочинении имеется отзыв: «Изрядно. П. Никольский»[29].

Сочинение по теории словесности, вероятно, было написано в один день с сочинением по русскому праву «Изложить законные обряды апелляции...» (см. ниже). «Оба сочинения написаны на одном полулисте голубоватой писчей бумаги. Первую страницу занимает сочинение, которое озаглавлено автором: "Из Теории Словес<-ности>". Под ним, рядом с подписью: "Н. Гоголь Яновский", стоит такая аттестация: "Изрядно. П. Никольский". Вторую страницу занимает упражнение на тему: "Из Рус<с>к<ого> Права". Внизу подпись: "Гоголь Яновский", а ниже аттестация: "Хотя не обстоятельно, но понятия о предмете видны. Профессор М. Билевич"»[30].

На экзамене по курсу российского права Гоголь пишет сочинение: «Изложить законные обряды апелляции, как из низших инстанций в высшую и в Департамент Сената. (Из Русского Права)». На сочинении имеется отзыв: «Хотя не обстоятельно, но понятия о предмете видны. Профессор М. Билевич»[31].

Сочинение по русскому праву, вероятно, было написано в один день с сочинением по теории словесности «О том, что требуется от критики» (см. выше).

Экзаменационные вопросы для учеников девятого класса по истории римского права были составлены младшим профессором Н. Г. Белоусовым[32].

«Вопросы
для испытания учеников 9 класса по предмету истории римского права

1. В чем состоит правоучение и какую цель должна иметь история римского права; какие источники истории римского права; как разделяется история римского права; что вам извстно о законах Ромула?
2. Что известно о законах Нумы Помпилия и его преемников до 244 года от основания Рима?
3. Что известно о законодательстве римлян со времени введения республиканского правления до обнародования законов XII таблиц, о причинах сих законов, истории и достоинствах их. Какие были в сие время чиноначальники в Риме?
4. Какие чиновники были в Риме со времени издания законов XII таблиц обыкновенные и чрезвычайные? Что извстно о народных постановлениях?
5. Что известно о постановлениях Сената, объявлениях градоначальников, толковании правоведцев, обычаях предков и образе правоучения в сие время у римлян?

6. Какия перемены сделал Август в республике: что вам известно вообще о законодательстве начиная с царствования Августа до Адриана; какие были источники права в сем периоде?

7. Что вы знаете о законодательстве и праве римском от Адриана до Константина Великаго?

8. Что вам извстно о законадательстве Христианских Императоров до Юстиниана?

<9.> Расскажите о законодательных подвигах Юстиниана и о судьбе права его на востоке и западе до начала XII столетия?

10. В каком состоянии находилось у Европейских народов учение права в XII столетии, какия основались школы, кем и когда?»[33]

Тем же Белоусовым были составлены экзаменационные вопросы для учеников девятого класса по римскому праву[34].

«Вопросы
для испытания учеников 9 класса по предмету Римского права

1. Как определяется закон в римском праве; что есть право; как оно разделяется; какия общие правила римского правоучения; что есть правоведение; какая цель правоведения; кто назывался правоведцем; сколько предметов права по Юстиниану; что есть лицо и как разделяются по р. п. люди по естественному и гражданскому состоянию?

2. Что есть брак; какия принадлежности для заключения законного брака; что есть обручение; какия права и обязанности супругов, что вы знаете о правах и обязанностях родителей к детям и детей к родителям?

3. Что есть усыновление (adoptatio et adrogatio) и какия из оного проистекают права и обязанности; что есть опека и попечительство; как разделяется опека по р. п.; какия должности опекунов и попечителей; как прекращается опека и какие законные иски могут последовать по прекращении опеки?

4. Что есть вещь; как разделяются вещи; что есть владение; как оно разделяется и какие последствия владения; как прекращается владение; что есть право в вещи и что право на вещь; какие виды права; что есть обладание (dominium); какие суть естественные способы приобретения обладания и что вам известно о каждом из них?

5. Какие суть гражданские способы приобретения обладания вообще и особенные; что есть usucapio и proscriptio; что составляет предмет давности и какия законные принадлежности, требуемые к приобретению собственности посредством давности; какой срок давности по древнему праву и как приобретается обладание посредством дарения?

6. Что вы знаете о повинностях вещественных и личных; расскажите историю законного наследования по древнему праву и какой порядок наследования по новому праву Императора Юстиниана?

7. Что есть завещание и что требуется для законности завещания; какия завещания называются privilegiata; кто имел право делать завещание; что есть наследник по завещанию; кто мог быть наследником; как различаются наследники по р. п.; что есть substitutio и как разделяется; что известно вам об исключении из наследства н как уничтожаются завещания; что вам известно о легатах?

8. Что есть договор (pactum) и что есть контракта; как разделяются контракты; что вам известяо о вещных контрактах; что есть контракт займа-ссуды отдания на сохранение; — залоги и ипотеки. Что вам известно о закладном праве?

9. Что вам известно о словесных контрактах, о письменных контрактах (litterarum obligatio)? Что вы знаете о контрактах совершаемых однпм согласием заключающих оные; какие виды сих контрактов и что о каждом из них заметить должно?

10. Что суть так называемые безимянные контракты и какия обязанности основываются на предполагаемом согласии; какими способами прекращаются обязанности; что вам известно о непозволенных деяниях или преступлениях и наказаниях?»[35]

Сохранился также список экзаменационных вопросов по древней истории для девятого класса, составленный старшим профессором К. А. Моисеевым[36].

«Вопросы
для 9-го класса из древней истории

1-ое. О истории вообще как то: о определении оной, ее достоинствах, источниках пособиях и о различных разделениях, потом какие древние епохи во всемирной древней истории, что известно о времени до

потопа, после потопа и о древнейших государствах, как то: о Ассириянах, о Вавилонянах и Египтянах до Псамитиха <Псамметиха>?

2-е. Какую перемену претерпел Египет во владение Псамметиха, каким государствам потом он подлежал в продолжении древней истории и какое в нем во все время было правление, вера, законы, нравы и вообще образование?

3-е. Что известно о первобытном состоянии Финикиян, о постепенном их возвышении, о причинах сего их возвышения, о промышленности, об изобретениях, о путешествиях, о переселениях и упадке; что известно о первоначальной истории Персов до Кира, что известно вообще о Кире, о его завоеваниях, о его правлении и вообще о состояние государства им основанного, кто были его преемники до царствования Дария Истаспа и чем каждый из них особенно известен был и какой был образ правления их, вера, законы и нравы?

4-е. Что вообще известно о древней истории Греков; о внутреннем состоянии их; о походах и войнах их до завоевания города Трои, и что известно о Троянском государстве, в каком виде и в каком состоянии является Греция после разорения города Трои; что было причиною сей войны и какие были следствия оной и что, не смотря на сию войну, было причиною всегдашнего соединения греков?

5-е. Какие были главные части Греции, что известно вообще о Спарте и о законах, ей Ликургом данных, какое было состояние Афин до прекращения у них правления царей, какой был у них после того образ правления, вера, что известно о законах Драконовых, Солоновых, и что вообще известно о Афинах до начатия войны греков с Персами?

6-е. Что побудило Греков предпринять войну против Персов, как долго сия война продолжалась и на сколько эпох может быть разделена, каким образом в каждую эпоху война сия была производима, кто чем в продолжении сей войны прославился и чем кончилась сия война греков с персами, что вообще известно о личных достоинствах Перикла, какою политикою достиг он верховной власти и как он управлял Афинами, от чего началась, как продолжалась и чем кончилась война Пелопонес<с>кая?

7-е. Что известно вообще о Македонии до времен Филиппа; как он сделался главою всей Греции, кто был ему преемником, как в Македонии, так и в начальствовании Грецией, и какие были успехи в Греции сего его преемника; что известно о походе Александра Македонского в Азию, какой ход был там его завоеваний, как далеко простер он свое оружие, что было причиною быстроты его завоеваний и что последовало с его завоеваниями после его смерти?

8-е. Какими народами в древнейшие времена была населена Италия, какие были в ней государства до основания города Рима, что известно о рождении Ромула и вообще о Ромуле до построения города Рима, какие учинены им распоряжения, кто и когда были его преемники и что о каждом из них известно?

9-е. Когда началось в Рим республиканское правление и что во время оного особенно произошло примечательного, как внутри так и вне Рима до изгнания Галлов, по изгнании Галлов какую систему войн приняли Римляне, с какими народами вели они войны до окончания третьей Пунической войны, какая была причина, какой ход и какой успех был каждой из сих войн и преимущественно войн Пунических и чему должно приписать преимущество Римлян над Карфагенянами.

10-е. Что примечательного представляет Римская История, с окончания Пунических войн до окончания в Риме Республиканского правления, чрез сколько веков Римская Империя была упраздняема(?) Императорами до падения Западной Римской Империи, кто из них примечателен своим управлением и почему?»[37]

Экзаменационные вопросы для учеников девятого класса по предмету российской истории были также составлены К. А. Моисеевым[38].

«Вопросы
из Российской истории для 9 класса

1. Что известно вам о состоянии России до введения самодержавия в России, какие народы в ней обитали, кто были первые Российские Государи со времени основания Монархии до Владимира Великого и что о каждом из них по истории известно?

2. Когда последовало разделение России на разные княжества и по какой причине, что было следствием сего разделения и какие из великих князей владевших во время разделения России особенного примечания достойны?

3. Когда татары в первый раз учинили нападение на Россию и во время владычества их в оной какие были известнейшие Великие князья, что способствовало России к освобождению ее от ига татарского, когда сие последовало и кто потом первый из князей положил начало величию нашего отечества?

4. До какого времени царствовал в России род Рюриков, кто были последние из рода его Государи и что об них известно, кто владел по смерти Феодора Иоанновича до вступления на престол Государей из дома Романовых и что вообще известно о состоянии России в сие время.

5. Какие были Государи в России из дому Романовых до Петра Великого, чем каждый ознаменовал свое царствование и что известно о делах и учреждениях Петра Великого?

6. Какие были владетели в России от Петра Великого до исхода 1796-го года и что о каждом из них известно?

7. Что известно о царствовании преемников Императрицы Екатерины 2-я и какие были в России известнейшие чиносостояния, со времени основания в России самодержавия до 18-го века.

8. Что вам известно относительно веры предков наших, управления Церкви с древних времен до учреждения Святейшего Правительствующего Синода, в каком состоянии были у нас науки и художества со времени основания Монархии до 18 века.

9. Кто из Российских Государей с начала 18-го века до нынешнего времени наиболее старались о распространении наук, искусств и художеств, кем, какие на сей раз сделаны учреждения и какие Государи особенно отличались законодательством.

10. Что известно вам о Российских законах до Петра Великого и что известно вам о Российской древней и новой монете»[39].

На письменном экзамене по истории Гоголь пишет сочинение: «В какое время делаются славяне известны по истории, где, когда и какими деяниями они себя прославили до расселения своего и какое их было расселение»[40]. На сочинении имеется отзыв: «Не соблюдена хронология и происшествия показаны в превратном порядке. Профессор К. Моисеев»[41].

См. также выше примеч. к экзаменационному сочинению Гоголя по российской словесности «О том, что требуется от критики».

«В деле с ведомостями о годичных и экзаменных успехах за 1828 год <...>, в числе вопросов и программ для окончательных испытаний учеников, находится список вопросов, в количестве 20-ти, “для письменного решения оных” учениками 9-го класса <...>. В этом списке рукою директора Ясновского отмечено, кому из державших экзамены какой вопрос достался. <...>

По истории
вопросы учеников 9-го класса для письменного ими решения оных

Дан(илевский)	1. Что было причиною Пелопонесской войны в Греции, какой был ход оной войны и какие следствия от оной войны ощутила Греция?
Н. Кот(ляревский)	2. Как Филипп, отец Александра Македонского, получил престол Македонский и какою политикою он достиг владычества над Грециею?
Бор(оздин)	3. Описать походы и завоевания Александра Македонского и показать причину быстроты оных.
	4. Кто были древние Географы до конца второго столетия по Р. Х., как далеки в то время были пределы их Географических сведений и почему оные их сведения заключались только в тех пределах?
Мил(лер)	5. Кто были древние Историки Греческие и Римские до разделения Римской Империи на Восточную и Западную; что они написали по Истории и что из оных сочинений до нас достигло?
	6. Что вообще в Древней Истории известно об искусстве письма, как где оно именовалось и в чем оно состояло?
	7. Изобразить систематическим образом переселение народов в Европе с третьего века до седьмого столетия по Р. Хр. и доказать, какие из сих народов соделались родоначальниками нынешних Государств в Европе?

Ян(овский)	8. В какое время Славяне делаются известными по Истории, где, когда и какими деяниями они себя прославили до расселения своего и какое было их расселение?
Марк(ов)	9. Как произошло начало феодальной системы правления, где оное правление существовало и как долго и что оное правление содержит в себе похвального и порицания достойного?
Егор Кот(ляревский)	10. Доказать, более ли вреда, или более пользы крестовые походы доставили Европе?
	11. Сделать сравнительное описание просвещения Европейских Государств и России со времени Святослава Игоревича до первого нашествия Татар на Россию.
	12. Сделать Историческое описание торговли с известнейшого времени в Древней Истории до разрушения Ганзейского союза.
	13. Какие в каком столетии Всеобщей средней истории были открыты изобретения и какую они собою принесли пользу роду человеческому?
Григор(ов)	14. Что известно вообще о гербе; с какого времени Российские Государи начали употреблять оный и какие были оного изменения до настоящего его вида?
	15. Начиная с истории Средних веков определить и доказать, в каком Государстве до наших времен преимущественно перед прочими другими Государствами всегда находилась веротерпимость?
Ал. Кот(ляревский)	16. Исчислить, какие и когда были нашествия Татар на Россию с начала 13-го до конца 15-го столетия и походы Россиян противу татар и показать, какие в первом случае бедствия потерпела Россия; а во втором – какие она приобрела выгоды.
	17. Показать причины и ход междоусобной войны во Франции с Царствования Франциска II до смерти Генриха III и такой же войны, бывшей во время малолетства Людовика XIV.
	18. Какой был постепенный ход открытий земель Европейцами с конца XV-го столетия до наших времен; где какие ими сделаны поселения и какую от сего Европа приобрела себе пользу?
Бож(ко)	19. Какой древнейший титул Российских Государей со времени установления в России самодержавия, когда, кем и как оный титул был изменяем до 1721-го года[42]?
	20. Какое пространство своего Государства оставил Владимир Великий детям своим; кто из великих князей Российских начал соединять раздробленные части России во время владычества Татар и после до Царя Михаила Феодоровича, и потом со времени Царя Алексея Михайловича до нашего времени кто из Государей Российских, когда и какими приобретениями увеличил свои владения?

<...> Эти же самые темы профессора Моисеева фигурировали и на окончательном экзамене предыдущих лет...»[43]

В ведомости о успехах учеников девятого класса в науках и поведении по предмету логики, составленной в июне 1828 г. профессором П. И. Никольским, в графе «Что пройдено», отмечено: «Логика по руководству Бавмейстера с дополнениями предварительных замечаний и объяснений».

Согласно этой ведомости, Николай Яновский (Гоголь) получил от профессора Никольского следующие итоговые оценки (по четырехбалльной системе): поведение – 4; успехи – 4; «за успехи по экзамену» – 4[44].

Согласно ведомости об успеваемости учеников девятого класса по математике от 22 июня 1828 г., Николай Яновский (Гоголь) получил следующие оценки:

— по предмету «конические сечения»: «как находил преподающий» — 2; «как оказался при испытании» — 3;

— по предмету «дифференциальное и интегральное исчисление»: «как находил преподающий» — 1; «как оказался при испытании» — 2[45].

«...К числу автографов Гоголя следует отнести еще одно его произведение, открытое нами в гимназическом архиве... <...> Это — ситуационный чертеж или план, относящийся к "военным наукам", преподававшимся в последнем классе гимназии.

Военные науки — полевую фортификацию и начала артиллерии — преподавал профессор математических наук Казимир Шапалинский, причем в состав этого преподавания входили и практические занятия в виде съемки планов и черчения...[46] <...> В деле с ведомостями о годичных и экзаменных успехах за 1828 год находятся чертежи по фортификации учеников 9-го класса, в том числе Гоголя. С этого чертежа мы помещаем здесь фототипический снимок. Рассматривая сохранившиеся в архиве восемь чертежей (чертежи Григорьева <Григорова> и Данилевского отсутствуют), в них можно различить два, так сказать, пошиба: с одной стороны чертежи трех братьев Котляревских: хотя на всех их изображены и различные местности, но характер рисунка настолько тождествен, что невольно приходишь к подозрению, что рука одного какого-нибудь из братьев поработала по-братски в пользу двух остальных. Из остальных пяти чертежей некоторые, по характеру и манере своей, представляют разительное сходство с чертежом Гоголя. Он ли другим прислужился, или ему кто-нибудь оказал товарищескую услугу? Скорее можно предполагать первое, принимая во внимание способность и охоту Гоголя к рисованию. (Не было ли тут и другого источника? В письме к матери от 3 мая 1828 г. Гоголь пишет: "Да, вот было позабыл! Сделайте милость, пришлите, да только как можно поскорее, маленькие *чертежи и планы* г-на Кафторова, которые он чертил, будучи еще учеником в Полтавской гимназии. Они должны находиться между планами и картинами в шкапу, где были книги" <...>)»[47]. (Далее в письме Гоголь добавлял: «Верите ли, что этот пустяк причиняет мне много беспокойства, самому чертить никак невозможно, работа долгая, а времени нет, а между тем требуют...»)

Экзаменационные результаты Николая Гоголя-Яновского (по четырехбалльной системе) за 1827/28 учебный год, согласно ведомости «Окончивших курс наук в Гимназии, кои все происхождения из дворян, результаты по экзамену» в Журнале конференции от 27 июня 1828 г.[48]:

— Закон Божий — 4 (итоговая оценка, вошедшая в аттестат: «очень хорошо»)[49];

— нравоучительная философия — 4 (итоговая оценка, вошедшая в аттестат: «очень хорошо»)[50];

— российская словесность — 4 (итоговая оценка, вошедшая в аттестат: «очень хорошо»)[51];

— история древняя — 4;

— история средняя — 4;

— история новейшая — 4;

— история России — 4 (итоговая оценка по «истории всеобщей и российской», вошедшая в аттестат: «очень хорошо»)[52];

— логика — 4 (итоговая оценка, вошедшая в аттестат: «очень хорошо»)[53];

— конические сечения — 3;

— дифференциальное и интегральное исчисление — 2 (итоговая оценка по «чистой математике», вошедшая в аттестат: «средственно»)[54];

— военные науки — 4 (итоговая оценка по «технологии» и «военным наукам», вошедшая в аттестат: «очень хорошо»)[55];

— общая физика — 3 (итоговая оценка по «физике и началах химии», вошедшая в аттестат: «хорошо»)[56];

— частная физика — 3;

— минералогия — 4;

— ботаника — 4;

— зоология — 4 (итоговая оценка по «естественной истории» — минералогии, ботанике, зоологии ,— вошедшая в аттестат: «превосходно»)[57];

— история римского права — 4;

— римское право — 4 (итоговая оценка, вошедшая в аттестат: «очень хорошо»)[58];

— российское гражданское право — 4 (итоговая оценка, вошедшая в аттестат: «очень хорошо»)[59];

— российское уголовное право — 4 (итоговая оценка, вошедшая в аттестат: «очень хорошо»)[60];

— государственное хозяйство — 4 (итоговая оценка, вошедшая в аттестат: «очень хорошо»)[61];

— латинский язык — 4 (итоговая оценка, вошедшая в аттестат: «хорошо»)[62];

— французский язык — 4 (итоговая оценка, вошедшая в аттестат: «очень хорошо»)[63];

— немецкий язык — 3 (в предварительном списке, на основании которого выписывались аттестаты[64], оценка по немецкому языку соответствовала экзаменационной — «довольно хорошо»[65]; итоговая оценка, вошедшая в аттестат, была повышена: «превосходно»)[66].

Выводы конференции: по наукам — 4; по языкам — 4; «общий результат» — 4.

Кроме того, в аттестат была внесена оценка по поведению — «очень хорошо», и по «географии всеобщей и российской» — «хорошо»[67].

В итоговой «Таблице для определения степеней успехов с соответствующих им классных чинов из результатов частного испытания и ежемесячных список о успехах и поведении учеников, окончивших полный курс учения в Гимназии» в Журнале конференции от 27 июня 1828 г. окончательная оценка Гоголя по «частным испытаниям» — 4[68].

[1] Согласно распоряжению конференции гимназии, «частные испытания учеников по наукам» должны были окончиться «23 числа текущего июня» (*Сребницкий 1902*. С. 416).

[2] «По всеобщей истории поведение 3, успехи 3» (*Кулиш 1856*. Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод*. Т. 1. С. 481).

[3] «По естественной истории и чистой <частной> физике 3» (*Кулиш 1856*. Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод*. Т. 1. С. 481).

[4] Такую же оценку за поведение Гоголь ежемесячно получал в 1827/28 учебном году от инспектора пансиона Н. Г. Белоусова. «В пансионе Гоголь в 1827 и 1828 году находился во втором *музее* и за поведение постоянно получал от инспектора Белоусова отметку 4» (*Кулиш 1856*. Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод*. Т. 1. С. 481).

[5] *Лавровский 1879*. С. 242; см. также: *Лавровский 1879 (отд. изд.)*. С. 141; Отметки Гоголя по поведению и успехам. 1827/28 уч<ебный> год. Гоголь в 9 классе // *Свод*. Т. 1. С. 480.

[6] П. А. Кулиш в 1856 г. в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» «снизил» оценку Гоголя на полбалла: «По закону Божию 3» (*Кулиш 1856*. Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод*. Т. 1. С. 481).

[7] «По русской словесности, поведение 4, успехи 3» (*Кулиш 1856*. Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод*. Т. 1. С. 481).

[8] «По физико-математическому классу поведение 4, успехи 4» (*Кулиш 1856*. Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод*. Т. 1. С. 481).

[9] «По латинской словесности (в 4-м отделении), поведение 3, успехи 2» (*Кулиш 1856*. Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод*. Т. 1. С. 481).

[10] «По французской словесности (в 4-м отд<елении>) поведение 4, успехи 3» (*Кулиш 1856*. Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод*. Т. 1. С. 481).

[11] «По немецкой словесности (в 4-м отд<елении>) поведение 4, успехи 2» (*Кулиш 1856*. Т. 2. С. 274; Отметки успехов Гоголя в науках и поведении, сделанные в общем выводе за <1827–>1828 <учебный> год // *Свод*. Т. 1. С. 481).

[12] Журнал конференции 1828 г. июля <июня> 27 дня. <Ведомости с итоговыми отметками Гоголя и его одноклассников>. Окончивших курс в Гимназии результаты годичные // *Свод*. Т. 1. С. 482–483.

[13] Ведомость о поведении и успехах учеников 9-го класса Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по естественной истории и частной физике с августа сего 1827 года по июль месяц будущего 1828 г. Профессор Никита Соловьев // *Свод*. Т. 1. С. 479.

[14] См. ***1828. Июня 27. Нежин***.

[15] См.: *Сребницкий 1902*. С. 300.

[16] Вопрос, по-видимому, предполагает определенную полемику с положениями так называемого «естественного права», по поводу преподавания которого в нежинской Гимназии высших наук в 1827 г. было начато расследование. Протоиерей Павел Волынский, составлявший настоящие вопросы, был одним из главных участников этого расследования, дав отрицательную оценку принципам преподавания естественного права младшим профессором Н. Г. Белоусовым. Поскольку вопросы о. Павла Волынского «из практической философии» были вынесены на итоговые экзамены, то, по-видимому, учащиеся, в том числе Гоголь, были посвящены в суть преподавательских разногласий, вызвавших нежинское «дело о вольнодумстве» (см. ***1827. Июня 22. Среда. Нежин***; ***1827. Июля 20. Среда. Нежин***).

[17] Представление о пьянстве как гибельном пороке воплощено Гоголем в «Тарасе Бульбе» (см.: *Виноградов 2000*. С. 139–143).

[18] Вопросы о различии «скупости» и «сребролюбия» от «бережливости» отчасти напоминают размышления Чичикова при визите к Плюшкину: «Он уже хотел было выразиться в таком духе, что, наслышась о добродетели и редких свойствах души его, почел долгом принести лично дань уважения, но спохватился и почувствовал <...>, что слово "добродетель" и "редкие свойства души" можно с успехом заменить словами "экономия" и "порядок"...»

[19] См., в частности: ***1827. Января 17. Нежин***.

[20] *Сребницкий 1902*. С. 371–374.

[21] *Михед, Якубина*. С. 418.

[22] См. ниже экзаменационное сочинение Гоголя «О том, что требуется от критики».

[23] <Ведомость о успехах учеников 9 класса в науках и поведении по предмету российской словесности, от 23 июня 1828 г.> // *Свод*. Т. 1. С. 476.

[24] <Ведомость о успехах учеников 9 класса в науках и поведении по предмету российской словесности, от 23 июня 1828 г.> // *Свод*. Т. 1. С. 476; Ведомость о поведении и успехах учеников Гимназии высших наук кн<язя> Безбородко по предметам российской словесности с начала августа месяца 1827-го года <по май 1828> // *Свод*. Т. 1. С. 476.

[25] <Ведомость о успехах учеников 9 класса в науках и поведении по предмету российской словесности, от 23 июня 1828 г.> // *Свод*. Т. 1. С. 476.

[26] См.: *Сребницкий 1902*. С. 300.

[27] Там же. С. 385–386.

[28] См. выше в ведомости о успехах учеников девятого класса в науках и поведении по предмету российской словесности, составленной 23 июня 1828 г. профессором П. И. Никольским, помету в графе «Что пройдено»: «...о критике; о Гении; вкусе; о высоком и прекрасном». – «Курс теории словесности (или "высшей словесности") проф<ессор> П. Никольский читал в 9 (выпускном) классе; Гоголь слушал этот курс в 1827/28 учебном году. Раздел "О критике" являлся одним из заключительных разделов курса Никольского и был им прочитан не раньше мая 1828 г.: предшествующий раздел курса – "О слогах" – читался в марте и апреле <см. ***1828. Марта до 25. Нежин***> <...> Заключительный экзамен по курсу состоялся в июне (не позднее 23, когда Никольским была составлена аттестационная ведомость с отметкой "4" Гоголю за экзамен). Таким образом, оба сочинения, очевидно, представляют, как и сочинение <...> по русской истории <см. ниже>, письменные работы на заключительных "частных" испытаниях по каждому предмету, которые происходили в Нежине перед выпуском Гоголя и его товарищей и предшествовали публичному выпускному экзамену, состоявшемуся 23 <28> июня 1828 г. <см. ***1828. Июня 28. Четверг. Нежин***>» (*Гоголь 1937–1952*. Т. 9. С. 616–617).

[29] *Кулиш 1854 (1)*. № 4. С. 151–152; *Кулиш 1854 (2)*. С. 203. – П. А. Кулишу классные сочинения Гоголя стали известны еще в 1852 г.: «Что касается до литературных успехов, то пишущему эти строки случайно достались классные упражнения на заданные темы г-на Кукольника, покойного Гребенки и Гоголя, который назывался и подписывался, во время пребывания своего в гимназии, только второю половиною своего имени: *Яновский*» (*Кулиш 1852*. С. 195).

[30] *Тихонравов Н. С.* Примечания редактора и варианты // *Гоголь 1889–1896*. Т. 5. С. 545.

[31] *Кулиш 1854 (1)*. № 4. С. 152–153; *Кулиш 1854 (2)*. С. 204.

[32] См.: *Сребницкий 1902*. С. 300.

[33] Там же. С. 376–377.

[34] Там же. С. 300.

[35] Там же. С. 377–378.

[36] Там же. С. 300.

[37] Там же. С. 378–380.

[38] Там же. С. 300.

[39] Там же. С. 381–382.

[40] В выпускном сочинении Гоголя встречается несколько реминисценций из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Высказано предположение, что распределение экзаменационных вопросов про-

водилось с учетом сложившихся интересов воспитанников — и потому вопрос о славянстве был отдан Гоголю как наиболее «славянофильствующему» ученику (см.: *Виноградов И. А.* «История государства Российского» в творческом наследии Гоголя // А. П. Сумароков и Н. М. Карамзин в литературном процессе России XVIII — первой трети XIX вв. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 146).

[41] *Науменко В.* Ученическое сочинение Н. В. Гоголя // Киевская Старина. 1894. № 1. С. 127–128.

[42] См. ***1721. Октября 22. Воскресенье. Санкт-Петербург.***

[43] *Сребницкий 1902.* С. 299, 389, 391–392, 300.

[44] <Ведомость о успехах учеников 9 класса в науках и поведении по предмету логики> // *Свод.* Т. 1. С. 477.

[45] <Ведомость о успехах учеников 9 класса в науках и поведении по предмету математики, от 22 июля <июня> 1828 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 477–478.

[46] См. выше ***1827. Август. Нежин***; ***1827. Сентября не позднее 13. Нежин***; ***1828. Января конец. Нежин.***

[47] *Сребницкий 1902.* С. 298–299.

[48] Журнал конференции 1828 г. июля <июня> 27 дня. <Ведомости с итоговыми отметками Гоголя и его одноклассников>. Окончивших курс в Гимназии, кои все происхождения из дворян, результаты по экзамену // *Свод.* Т. 1. С. 482.

[49] См. ***1829. Января 25. Пятница. Нежин.***

[50] См. там же.

[51] См. там же.

[52] См. там же.

[53] См. там же.

[54] См. там же.

[55] См. там же.

[56] См. там же.

[57] См. там же.

[58] См. там же.

[59] См. там же.

[60] См. там же.

[61] См. там же.

[62] См. там же.

[63] См. там же.

[64] См.: 1829 года список воспитанников, окончивших в 1828 году полный курс учения в Гимназии высших наук, с показанием поведения и успехов, по которым выданы им аттестаты // *Свод.* Т. 1. С. 488.

[65] В Гимназии была принята четырехбалльная система, где отметка 4 означала познания «превосходные» или «отлично хорошие», 3 ½ — «хорошие», 3 — «довольно хорошие», 2 — «удовлетворительные».

[66] Подробнее см.: ***1829. Января 25. Пятница. Нежин.***

[67] См. там же.

[68] См. ***1828. Июня 27. Среда. Нежин.***

ИЮНЯ 25. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

В гимназии по случаю дня рождения Императора Николая I проводится публичный экзамен по «свободным искусствам» — музыке, пению, танцам и фехтованию.

После увертюры и прелюдии на фортепьяно с оркестром, ученик восьмого класса Н. В. Кукольник исполнил, «под фортепьяно и музыку сочинения учителя музыки <Ф. Е.> Севрюгина», «Гимн Его Императорскому Величеству», собственного сочинения. Среди многочисленных танцевальных номеров (кадриль, мазурка, экосез, вальс и др.), голландский матросский танец «матлот» исполнил, вместе с пансионером А. О. Пузыревским, одноклассник Гоголя А. С. Данилевский; он же, вместе с одноклассниками Н. П. Григоровым и Н. П. Миллером, показывал, «по окончании музыки, пения и танцев», искусство фехтования «на рапирах и саблях».

Сребницкий 1902. С. 416–417.

ИЮНЯ 27. СРЕДА. НЕЖИН

Решением конференции Николай Гоголь-Яновский, на основании итоговых годовых и экзаменационных оценок за 1827/28 учебный год[1], сведенных в особую «Таблицу для определения степеней успехов...», признан, вместе с еще четырьмя одноклассниками, окончившим гимназию с правом на чин 14-го класса (коллежский регистратор). Пятеро из соучеников Гоголя получили более высокий 12-й класс (губернский секретарь).

«Таблица для определения степеней успехов и соответствующих им классных чинов из результатов частного испытания и ежемесячных списков о успехах и поведении учеников, окончивших полный курс учения в Гимназии

Имена учеников	Частное испытание	Ежемесяч<ные> списки		Сумма	Степень	Классный чин
		об успехах	о поведении			
Григоров Николай	3	3	3	9	II	XIV
Марков Владимир	4	3	4	11	I	XII
Миллер Николай	3	2	4	9	II	XIV
Гоголь-Яновский Ник<олай>	4	2	4	10	II	XIV
Божко Андрей	4	4	4	12	I	XII
Данилевский Алекс<андр>	3	3	3	9	II	XIV
Бороздин Яков	4	4	4	12	I	XII
Котляревский Алекс<андр>	4	3	4	11	I	XII
Котляревский Егор	4	3	4	11	I	XII
Котляревский Ник<олай>	3	3	4	10	II	XIV

Почему удостоиваются
в звание кандидатов:
Божко Андрей;
Марков Владимир;
Котляревский Александр;
Котляревский Егор;
Бороздин Яков;
в звание студентов:
Гоголь-Яновский Николай;
Котляревский Николай;
Данилевский Александр;
Григоров Николай;
Миллер Николай.

Из сих учеников, на основании устава Гимназии высших наук Князя Безбородко, § 42, назначаются от Конференции к награде медалями, именно: золотою — Божко Андрей; серебрянными — Марков Владимир и Котляревский Александр»[2].

В. И. Шенрок, беседовавший с Данилевским в 1887 г., сообщал: «В июне 1828 года Гоголь и Данилевский кончили курс в гимназии высших наук — оба действительными студентами»[3].

И. А. Сребницкий, комментируя факт, что Гоголь при выходе из гимназии получил 12-й, а не 14-й класс, пояснял: «Считаем необходимым объяснить значение отметок, употреблявшихся в Гимназии высших наук. В Гимназии была принята система 4-балльная, и при переводе цифровых баллов на словесные обозначения отметка 2 означала познания "удовлетворительные", 3 — "довольно хорошие", 3 ½ — "хорошие", и 4 — "превосходные", или "отлично хорошие". <...> ...<Когда> дошло дело до присуждения аттестатов и классных чинов, <...> Гоголь, как известно, получил XIV класс. <...> Почему же <...> не дали ему 12-й? <...> Из таблицы, помещенной у нас под № XXXV[4], можно видеть, на основании каких данных присуждались конференциею классные чины: брались три отметки – общий результат экзаменов и общий результат годичный по успехам и поведению, и сумма этих отметок — 11 или 12 давала право на XII класс, а 9 и 10 — на XIV класс. Из ведомости № XXXIV[5] мы видим, что общий годичный результат у Гоголя — 2 ½, а в таблице № XXXV стоит ровно 2. Дело в том, что по поводу удостоения учеников предыдущего выпуска министерством нар<одного> просвещения сделано было конференции разъяснение, чтобы дроби не вносились в ведомость при удостоении оканчивающих курс учеников классными чинами. Во власти конференции было или отбросить эту дробь ½, или превратить ее в целую единицу и вместо 2 ½ выставить 3, что она и сделала относительно некоторых учеников. В ведомости № XXXIV общий результат 2 ½, кроме Гоголя, стоит еще у Миллера, Данилевского и Котляревского 3-го (Николая), а в ведомости № XXXV "двойки" остались уже только у Миллера и Гоголя, у остальных же двух они превратились в "тройки". Положим, Миллер, хотя и по годовым отметкам и равняется почти с Гоголем, но по экзаменам оказался неизмеримо ниже его, так что, естественно, повышения отметки не заслуживал, тем более что и без того XIV класс у него выходил. Повышение отметки Данилевскому можно объяснить тем, что без этого он не получил бы никакой степени, так как, при отметке 3 за поведение, у него в сумме вышло бы только 8. Что же касается до Николая Котляревского, то у него превращение 2 ½ в 3 не вызывалось никакой необходимостью, так как он все-таки получил только 14 класс. Между тем ему прибавили отметку, а Гоголю нет, несмотря на то, что для Гоголя это делало большую разницу. Вот с этой точки зрения, быть может, Гоголь и имел некоторое основание считать себя обиженным и приписывать эту обиду раздорам профессорских партий. Действительно, распря этих партий, из коих во главе одной стоял проф<ессор> Билевич, а другой — проф<ессор> Белоусов, в 1828 г. достигла крайней степени своего напряжения. Сторонники обеих партий <...> не стеснялись делать и учеников орудием своей борьбы. <...> Когда по рапорту Билевича о неблагонамеренном преподавании Белоусовым естественного права началось расследование этого дела <...> ученики <...> употребляли все усилия, чтобы выгородить уважаемого учителя... <...> Особенно фигурируют в этом деле ученики 8-го класса: Горонович, Кукольник, Халчинский, Новохацкий, Колышкевич и Родзянка, и вот мы видим в списках <...>, что Билевич всем этим ученикам ставит очень плохие отметки, особенно за поведение, которое он квалифицирует самыми резкими отзывами. Зато Белоусов тем же ученикам поголовно ставит за все месяцы "четверки" за поведение, а также очень хорошие отметки за успехи. <...> ...И у него обнаружилась слабость человеческая, и он среди постоянных "четверок" поставил 2 за поведение в один месяц ученику Михно, который в этом деле играл несколько двусмысленную, по отношению к Белоусову, роль. Этот же Михно у Билевича получал всегда высшую отметку. Естественно поэтому предположить — да, вероятно, и сам Гоголь считал так — что враждебная Белоусову партия в Конференции воспрепятствовала прибавить к отметкам Гоголя ту половину, которая дала бы ему право на XII класс»[6].

Показательно, что одноклассник Гоголя двоюродный брат профессора Н. Г. Белоусова А. А. Божко, оценки которого по поведению от профессора М. В. Билевича в ноябре 1827 — мае 1828 гг. были еще более низкими, чем у Гоголя, получил однако, благодаря своей высокой успеваемости в целом, чин 12 класса и даже золотую медаль.

П. А. Кулиш в 1852 г., со слов соучеников Гоголя, в также из рассказа учителя рисования в нежинской гимназии К. С. Павлова, указывал: «Можно сказать вообще, что Гоголь мало вынес познаний из Нежинской Гимназии Высших Наук, а между тем он развился в ней необыкновенно. Он почти вовсе не занимался уроками. Обладая отличною памятью, он схватывал на лекциях верхушки и, занявшись перед экзаменом несколько дней, переходил в высший класс. Особенно не любил он математики. В языках он тоже был очень слаб, так что, до переезда в Петербург, едва ли мог понимать без пособия словаря книгу на французском языке[7]. К немецкому и английскому языкам он и впоследствии долго еще питал комическое отвращение[8]. Он шутя говаривал, что он "не верит, чтобы Шиллер и Гёте писали на немецком языке: верно на каком-нибудь особенном, но быть не может, чтобы на немецком". — Вспомните слова его: "по-английски произнесут как следует птице и даже физиономию сделают птичью, и даже посмеются над тем, кто не сумеет сделать птичьей физиономии" ("Мертвые души", стр. 313). Эти слова написаны им не из одного только побуждения попрекнуть русскую публику равнодушием к родному языку.

Зато в рисовании и в русской словесности он сделал большие успехи. В Гимназии было тогда, и до сих пор (в Лицее) есть, несколько хороших пейзажей, исторического стиля картин и портретов. Вслушиваясь в суждения о них учителя рисования, человека необыкновенно преданного своему искусству[9], и будучи приготовлен к этому практически, Гоголь уже в школе получил основные понятия об изящных искусствах, о которых впоследствии он так сильно, так пламенно писал в разных статьях своих и уже с того времени предметы стали обрисовываться для его глаза так определительно, как видят их только люди, знакомые с живописью»[10].

В. П. Гаевский в том же году отмечал: «В Нежинской Гимназии Высших Наук Гоголь учился плохо. В ведомостях об успехах учеников у него редко встречаются полные баллы. Но в дурном поведении и беспорядках Гоголь не был замечен. В школе, на родине, и вообще вне литературы, Гоголь был известен под именем Яновского. По словам одного из учителей Гоголя, И. Г. К<улжинско>го, преподаватели не замечали в нем ни успехов, ни способностей. Особенно плохо он занимался языками, так что с окончанием гимназического курса едва достиг третьего отделения по языкам, т. е. едва дошел до синтаксиса. По тогдашнему распределению учебных предметов, можно было быть в последнем классе по предметам и только во втором по языкам, которые составляли особую отрасль гимназического курса и не мешали переводу из класса в класс. По-французски, однако ж, он несколько понимал, но немецкий язык был для него вовсе недоступен»[11].

В 1859 г. сам Кулжинский писал: «От Гоголя менее всех можно было ожидать такой известности, какою он пользуется в нашей литературе. Это была terra rudis et inculta[12]. Чтоб грамматикальным образом оценить познания Гоголя при выпуске из гимназии, я не обинуясь могу сказать, что он тогда не знал спряжения глаголов ни на одном языке. Впрочем это не помешало ему сделаться первоклассным писателем-художником...»[13]

В 1854 г. Кулжинский также вспоминал: «Окончивши курс в 1828, Гоголь прежде всех товарищей своих, кажется, оделся в партикулярное платье. Как теперь вижу его, в светло-коричневом сюртуке, которого полы подбиты были какою-то красною материей в больших клетках. Такая подкладка почиталась тогда nec plus ultra молодого щегольства, и Гоголь, идучи по гимназии, беспрестанно обеими руками, как будто ненарочно, раскидывал полы сюртука, чтобы показать подкладку»[14].

В 1869 г. Кулжинский вновь отмечал: «Достойно замечания, что как будто нарочно и Гоголь очень плохо учился; хотя кончил курс Нежинской Гимназии (что ныне Лицей), но в ней ничему, даже правописанию русскому, не хотел научиться; не знал языков, и — говоря вообще — очертя голову бросился он в омут русской литературы. <...> В Гоголе, еще с отроческих лет, было уже расположение к авторству, известная школьная болезнь, pruritus scribendi. Как теперь вижу этого белокурого, кудрявого мальчика, в сером гимназическом сертучке, пробирающегося в латинском классе на отдаленную, заднюю скамейку, чтобы там под шум и говор переводов из латинской хрестоматии свободно читать какой-нибудь литературный журнал или альманах или же строчить какую-нибудь карикатуру. Кончивши таким образом курс, он уехал в С.Петербург»[15].

Позднее, в 1951 г., Д. И. Иофанов, анализируя итоговые годовые и экзаменационные оценки Гоголя за 1827/28 учебный год, указывал, что «фактические документальные данные» опровергают «версию, которая на протяжении ста лет широко распространялась биографами великого писателя о том, что Гоголь плохо учился в нежинской гимназии. Большое значение в ее возникновении и распространении имели воспоминания школьного учителя Гоголя И. Г. Кулжинского (1803–1884). <...> ...Между тем эти воспоминания в основе своей неверны. Они документально опровергаются материалами из архива нежинской гимназии, подписанными рукой самого же Кулжинского. <...> Если бы “Гоголь при выпуске не знал спряжения глаголов ни на одном языке”, он не получил бы на выпускном экзамене отличных отметок по латинскому и французскому языкам и хорошего балла по немецкому языку»[16].

[1] См. ***1828. Июня не позднее 23. Нежин.***

[2] Журнал конференции 1828 г. июля <июня> 27 дня. <Ведомости с итоговыми отметками Гоголя и его одноклассников>. Таблица для определения степеней успехов и соответствующих им классных чинов из результатов частного испытания и ежемесячных списков о успехах и поведении учеников, окончивших полный курс учения в Гимназии // *Свод.* Т. 1. С. 483–484.

[3] Воспоминания А. С. Данилевского о школьной жизни Гоголя, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 502.

[4] Имеется в виду извлеченная из журнала конференции нежинской гимназии от 27 июня 1828 г. «Таблица для определения степеней успехов и соответствующих им классных чинов из результатов частного испытания и ежемесячных списков о успехах и поведении учеников, окончивших полный курс учения в Гимназии» (см. выше).

[5] Имеется в виду выписка из журнала конференции нежинской гимназии от 27 июня 1828 г. «Окончивших курс наук результаты годичные» (см. ***1828. Июня не позднее 23. Нежин***).

[6] *Сребницкий И. А.* Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук // *Свод.* Т. 1. С. 484–485.

[7] «Аттестат, полученный Гоголем при выпуске из Гимназии <см. ***1829. Января 25. Нежин***>, противоречит этому преданию его товарищей. В нем сказано, что Гоголь окончил курс учения *с очень хорошими* успехами во французском и *с превосходными* в немецком языке. Но надобно знать, каково было тогда состояние языкознания в Гимназии Высших Наук Князя Безбородко. Этой части гимназического курса придавалось так мало важности, что решительное незнание иностранных языков не мешало воспитанникам переходить в высшие классы. По свидетельству знакомых со мной лично соучеников Гоголя, он, находясь в одном с ними классе по наукам, отставал от них постоянно двумя классами по языкам, и *превосходил* разве только тех, которые знали еще меньше его, то есть почти не умели

читать немецкой печати, при окончании курса, как это можно было встретить в малороссийских гимназиях и гораздо позже Гоголева времени. – Я видел книги Гоголя, по которым он обрабатывал свои лекции, будучи адъюнктом в С. Петербургском Университете. Все они на русском и на французском языках; на немецком – ни одной. Гоголь любил читать Шекспира, но, не зная английского языка (которому начал учиться под конец жизни), не мог пользоваться превосходным переводом Шлегеля и читал обыкновенно по-французски. Не мое дело догадываться, почему профессор немецкой словесности аттестовал так высоко успехи Гоголя в немецком языке. Я только укажу на его же отметку, сделанную в общем выводе за 1828-й год. <...> Не говоря уже о том, что Гоголь в этом году пребывания своего в Гимназии Высших наук находился по языкам не в шестом, высшем отделении, а в четвертом отделении, он не мог получить отметки полных баллов 4, а получил только 2. Где же тут *превосходные* успехи? – Гоголь принялся за основательное изучение языков только в последнее десятилетие своей жизни и прибавил к французскому знание языков итальянского, польского, немецкого, английского, латинского и греческого. В его бумагах сохранились следы занятий этими языками и кажется, что он читал книги на каждом из них» (примеч. П. А. Кулиша).

[8] «Впоследствии, во время неоднократного и продолжительного пребывания своего в Риме, он выучился итальянскому языку, так что мог довольно свободно объясняться, даже писал иногда из Рима в Петербург по-итальянски. Раз даже в остерии, в обществе художников, он произнес речь на итальянском языке без приготовления. Под конец жизни он учился и, может быть, знал по-английски; а в его бумагах найдено много тетрадей, исписанных упражнениями в греческом языке» (примеч. П. А. Кулиша).

[9] «Это был К. С. Павлов, от которого я многое узнал о Гоголе» (примеч. П. А. Кулиша).

[10] Воспоминания Н. Я. Прокоповича, а также К. С. Павлова и некоторых других знакомых Гоголя по Гимназии высших наук князя Безбородко в «Записках о жизни Н. В. Гоголя...» П. А. Кулиша // *Свод.* Т. 1. С. 575–576. – См. также ***1830. Июня 3. Вторник. Санкт-Петербург.***

[11] *Гаевский В. П.* Заметки для биографии Гоголя // *Свод.* Т. 1. С. 328. – См. также ***1825. Августа 4. Нежин.***

[12] почва невозделанная и необработанная (*лат.*).

[13] *Кулжинский И. Г.* Автобиография // *Свод.* Т. 1. С. 431.

[14] *Кулжинский И. Г.* Воспоминания учителя // *Свод.* Т. 1. С. 427.

[15] *Кулжинский И.* Н. В. Гоголь и Т. Г. Шевченко // *Свод.* Т. 1. С. 431–432.

[16] *Иофанов.* С. 144–145; <Оценки успеваемости Гоголя в девятом классе гимназии, с августа 1827 по июль 1828 г.> // *Свод.* Т. 1. С. 480. – См. также ***1828. Июня не позднее 23. Нежин.***

ИЮНЯ 28. ЧЕТВЕРГ. НЕЖИН

В гимназии проходит публичный выпускной экзамен, на котором «по приглашению г. директора <Д. Е. Ясновского> находились гг.: корпусный командир граф Павел Петрович Фон-дер-Пален и действительный статский советник князь Алексей Александрович Лобанов-Ростовский с фамилиею[1], также штаб и обер офицеры, учебных города Нежина заведений начальники и учители, гражданские чиновники, помещики, купцы и знатнейшие граждане, всех же особ находилось до ста, кои все были директором угощены»[2].

Представлялись ответы учеников по избранным темам следующих предметов:

– по Закону Божию («о Богопочтении и вере Евангельской») (выступали пять учеников 3-го и 4-го классов);

– по этике («о любви к добродетели») (отвечали три ученика 7-го и 8-го классов);

– по юридическим и политическим наукам: по истории римского права и римскому праву (отвечали три ученика 7-го и 8-го классов); по российскому гражданскому праву (выступали одноклассники Гоголя А. А. Котляревский, Я. К. Бороздин и В. М. Марков);

– по российской словесности («об основных правилах словесноизящных произведений и о критике», с чтением учениками «собственных сочинений») (отвечали одноклассники Гоголя братья Н. А. и А. А. Котляревские и ученик 8-го класса Н. В. Кукольник);

– по математике (по предмету сферической тригонометрии отвечал ученик 7-го класса; по физике – «о воздухе» – два ученика 8-го класса; по военным наукам (полевой фортификации) – одноклассник Гоголя В. М. Марков);

– по всеобщей истории («о великой Северной войне») (отвечал ученик 8-го класса);

— по латинской словесности (ода Горация «Laudabunt alli claram Rhodon aut Mytilenen...» («Пусть другие хвалят знаменитый Родос или Митилену...») (отвечали два ученика 8-го класса);

— по французской словесности («Hymne au soleil и декламирование стихов из Расиновой трагедии Athalie») (отвечали два ученика 6-го и 8-го классов),

— по немецкой словесности («Шиллерова баллада Der Graf von Habsburg») (выступал ученик 7-го класса), по греческой словесности («лучшие места из 1-й рапсодии Гомеровой Илиады») (отвечал ученик 6 класса),

— по рисованию («ученические рисунки и чистописание будут разложены на столе»).

В заключение был зачитан список учеников, «окончивших полный курс учения», с указанием, «кто <...> к какой ученой степени удостоен от Конференции Гимназии»; а протоиерей Павел Волынский произнес слово «в наставление выпускаемым ученикам»[3].

«При окончании сего испытания читана была профессором Никольским ода, сочиненная им по случаю ожиданного шествия[4] чрез Нежин Его Императорского Величества»[5].

[1] Князь А. А. Лобанов-Ростовский был женат на сестре попечителя гимназии Александре Григорьевне (рожд. графине Кушелевой; 1796–1848). – См. также ***1836. Июля конец – августа средина <июля средина – августа начало>. Баден-Баден.***

[2] *Сребницкий 1902.* С. 412.

[3] *Сребницкий 1902.* С. 412–413, 417–418. – Ср. также ***1826. Июня 29. Вторник. День памяти св. первоверховных апостолов Петра и Павла. Нежин.***

[4] См. ***1828. Мая 1. Вторник. 4–10 часов утра. Нежин.***

[5] *Сребницкий 1902.* С. 413.

ИЮНЯ 29. ПЯТНИЦА. ДЕНЬ ПАМЯТИ СВ. ПЕРВОВЕРХОВНЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА. НЕЖИН

Вероятно, после праздничного богослужения Гоголь выезжает в Васильевку.

См. ***1828. Мая 30. Среда. Нежин.***

ИЮНЬ. НЕЖИН

Н. Я. Прокопович обращается в правление гимназии с просьбой отчислить его для окончания курса в другом учебном заведении.

Прошение было согласовано с Я. И. Сполатбогом – «назначенным к 1828 <г.> попечителем над имением и детьми умершего коллежского советника Я. <С.> Прокоповича».

Супронюк. Словарь. С. 146. – См. также ***1828. Декабря 14–15. Пятница-суббота. Нежин; 1829. Март-апрель. Нежин.***

1826 ИЛИ 1827 ИЛИ 1828. ИЮНЯ КОНЕЦ – ИЮЛЯ НАЧАЛО

К концу июня – началу июля 1826 или 1827 или 1828 г., возможно, относится предполагаемая поездка Гоголя с А. С. Данилевским в гости «к их общим знакомым», которую позднее, со слов художника И. В. Гудовского[1] 1850-х гг., изложил Н. С. Лесков в «апокрифическом» рассказе «Путимец» (1883)[2]:

«В бытность Гоголя студентом Нежинского лицея старшему Чернышу[3] случилось ехать с ним вместе верст за пятьдесят или за сто от Нежина в деревню в гости к каким-то их общим знакомым[1]. <...> ...Ехали они вдвоем, "паркою на почтовых", и в перекладной тележке.

На дворе стоял невыносимый июньский зной, и раскаленный малороссийский воздух был полон той тонкой черноземной пыли, которая умеет пронизать все — обратить путников в арапов, слепить их волосы и запорошить им глаза, нос и уши. <...>

Родич рассказчика сильно измучился и раскис, а потому был не в хорошем расположении духа, но Гоголь, к удивлению его, не поддавался жаре и был, напротив, очень бодр и весел. Он, как известно, любил жару и теперь шутил, говоря, что на таком угреве хорошо было бы раздеться да полежать голому на солнце в горячем просе. Малороссийские сибариты старинного закала бывали большие охотники до этого своеобразного наслаждения, и Гоголю оно тоже нравилось, или он так поддразнивал своего нетерпеливого к жаре сопутника. <...> ...Ямщик на эту пору попался им самый несловоохотливый, и как Гоголь его ни заводил на разговоры, наконец должен был от бесед с ним отказаться. И вот тогда-то его перекинуло на спутника.

Родич Черныша столько же страстно любил малорусский народ, сколько недолюбливал "кацапов", то есть великороссов. <...> Особенно этого чудака раздражало "московское плутовство", о котором он сам, будучи человеком безукоризненно честным во всех делах, как крупных, так и мелких, не мог слышать без душевного раздражения... <...> Гоголь <...> не разделял крайностей малороссийской нетерпимости, а даже любил «русскую удаль», — он начал по поводу ямщика-малорусса разговор о типическом ямщике великорусском, человеке по преимуществу общительном, разговорчивом и веселом.

— Совсем другое! — восклицал Гоголь, — великоросс совсем другое: с тем всего какой-нибудь один час проедешь — и перед тобою вся его душа выложится; вся драма его жизни тебе станет открыта. "Душа нараспашку..." Совсем другое!

А Чернышев родич отмечал в этом расхваливаемом великорусском типе другие, противуположные черты: он указывал на кацапское бесстыдство, попрошайство, лживость, божбу и прочее, чем нас обыкновенно попрекают соседи.

Гоголь очень спокойно, но без пристрастия, делал на это свои возражения и до того раззадорил Черныша, что тот, несмотря на усталость, начал и с своей стороны отвечать горячо и нетерпеливо.

Слово за слово — разговор приятелей перешел в спор, который, по мнению Черныша, Гоголь, очевидно, нарочно путал, чтобы было больше о чем спорить без всякого конца и результата. Черныш это видел и знал, что Гоголю иногда приходили такие фантазии, чтобы подразнить приятеля, но впал в такой задор, что не мог удержаться и продолжал спорить. Да и нельзя было удержаться, потому что Гоголь, по его мнению, стал уже высказывать какие-то очевидные и для пылкого малороссийского патриота совершенно нестерпимые несообразности. <...>

— Читай, что писано в "Житиях" о русских святых... Какие удивительные повороты жизни! Сегодня стяжатель и грешник — завтра все всем воздал с лихвою и всем слуга сделался; сегодня блудник и сластолюбец — завтра постник и праведник... Как вы всего этого не понимаете и не цените!

— Зато ты ценишь.

— Да, я ценю, я очень ценю! Я люблю, кто способен на такие святые порывы, и скорблю о тех, кто их не ценит и не любит!

— Не скорби.

— Нет, нет: я не могу об этом не скорбеть! Ты их не любишь, а Христос их любил.

— Кого это: твоих кацапов?

— Да! то есть таких людей, как кацапы, — людей грешных, да способных быстро всходить вверх, как тесто на опаре... Закхей и Магдалина, слепец Вартимей... Над ними явлены чудеса! Только подумай, этот Вартимей... какая, по-твоему, была его слепота? Мне сдается — душевная. Чем он был слеп? — тем, что ничего не видали очи его помраченного ума... И вдруг... одно только слово, одно "малое брение", плюновение на землю, и очи отверзлися... И как широко... как далеко взглянул он. Все роздал — себе ничего не оставил. Чудо! и прекрасное чудо!.. Люблю это чудо, и люблю таких людей, с которыми оно творится.

И уж тут, как Гоголь зацепил Закхея с Магдалиной да этого Вартимея, то знавший его привычки Черныш только рукой махнул и сказал ему:

— Ну-ну, теперь "воссел еси, Господи, на апостоли Твоя, яко на кони, и мир бысть еждение Твое"[5].

Гоголь рассмеялся, но тем не менее все продолжал ораторствовать на свою тему. <...>

...Постепенно открылось большое село... <...> ...Молодые путники <...> поехали по селу к кацапову дому. <...> "Кацап" держал в аренде трактовый постоялый двор... <...> Гоголь <...> весело спросил:

— Молочко есть, хозяин? <...>

Подали молоко... <...> Гоголь, находясь все в том же веселом ударе, разговорился с хозяином: давно ли он здесь, откуда родом и как идут его дела, и пр., и пр.?

Почтенный Гостомысл на все отвечал не спеша и с повадкою, а на вопрос о том: «откуда», — он коротко молвил: "путимец". Это слово страсть как понравилось Гоголю... <...>

— "Путимец"! Путимцы! — повторял вполголоса, обращаясь к Чернышу, Гоголь. — Какие хорошие звуки! И как у них все это кстати. Не намеренно, но кстати: человек "путимский", и вот он сел и сидит *при пути*, и кому надо этот путимец сейчас услужит вот так, как нам, а проезжим людям, которые в этом нуждаются, хорошо. При

путях сидят "путимцы". Честное слово – это прекрасно! А притом ведь эти путимцы народ исторический: они ведь, как "куряне ведомые – то кмети"[6], – еще в «Слове о полку Игореве» упоминаются. Встарь они Ярославну оберегали, слышали ее стоны и вздохи, а нынче сошли на другое, сидят на путях дворниками, и все ничего: везде эти ведомые кмети пригодны...

И затем, прервав этот поток исторических воспоминаний, Гоголь весело обратился к дворнику и спросил:

– А сколько, почтенный господин хозяин, ваша милость с нас бесчестья за свое молочко положите? – и с этим сам уже опустил пальцы в кошелек, чтобы вынуть оттуда маленькую монету. <...>

– Да что с вас... давайте хоть один рубль[7]; и то будет.

Гоголь молча поднял на дворника глаза, и на устах его заиграла презрительная улыбка, но он сдержался. Зато Черныш вспылил не на шутку, стал нетерпеливо "лаяться", называя дворника мошенником, грабителем и всякими другими пристойными случаю именами. <...>

Гоголь <...> же обратился к Путимцу и преспокойно заговорил к нему.

– Не обижайтесь, пожалуйста, господин хозяин, на приятеля: он у меня всегда такой сердитый – не разберет, да и сердится. Вы ведь это, кажется, за два кувшина рубль спрашиваете?

– Знамо, что за два, – вы два выпили, я по полтине за штуку и спрашиваю; всего за два – один рубль.

– Ну вот то-то и есть! Я так и понял, что за два один рубль. А он думал, что вы за каждый глечик по рублю хотите... Это было бы дорого, а рубль за два... вот вам, возьмите рубль, возьмите... И еще спасибо вам на этом, потому что в том селе, которое мы раньше проехали, с нас по пяти злотых (75 коп<еек>) за кувшин взяли. И везде, везде теперь так берут, а у вас всех дешевле, Спасибо вам на этом, большое спасибо!

И с этим они уехали.

А Путимец, на которого Гоголь несколько раз оглядывался, все стоял и как взял в руки серебряный рубль, так на той же ладони и держал его, – очевидно, жалел, что взял дешево.

Гоголь был очень доволен и, улыбаясь своей тонкой улыбкой, не обращал ни малейшего внимания на то, что ему говорил Черныш и даже хранивший до сих пор молчание ямщик. А теперь даже и этот говорил, что "бисова кацапа стоило бы добре выбить". <...>

Едучи далее, Черныш несколько раз принимался рассуждать, как такой паук должен бедного пахаря грабить, и укорял Гоголя: зачем он позволил этому наглому человеку так грубо обмануть себя, но Гоголь все продолжал улыбаться и на все укоризны твердил одно:

– А ты погоди – он покается. Ты увидишь, зачем я так сделал, – я сделал это для того, чтобы он покаялся. Ты увидишь – глупо это или не глупо!

– Разумеется, преглупо, – спорил Черныш.

– Ну да это еще пан писарь знает да другие люди письменные, – отвечал Гоголь, – а ты погоди, братику! – погоди! – Он покается.

И Гоголь начал разводить рацеи о том, что никогда не нужно отчаиваться в раскаянии человека и не стоит самому ссориться и биться, а надо так сделать, чтобы человек сам себе получил вразумление от своего характера, чтобы он сам себя наказал за свою гадость.

– Как же это он сам себя наказывать будет? Он карбованца взял, да и рад теперь, что дурня встретил.

– Ну нет, – ошибаешься, он уже и не рад; он и теперь уже скучает, что мало взял, а дурни-то будем не мы, а он, потому что он сам себя за нас бить будет. Непременно! непременно сам себя бить будет. И вот, знаешь, – мне его теперь уже даже и жалко становится, потому что я над ним черт знает какую штуку подстроил. Ужасную штуку!

– Никакой.

– Нет – ужасную! Вот ты увидишь!

Черныш перестал возражать.

Путники еще раз сменили лошадей и приятной вечерней прохладой доехали до имения своих знакомых. Здесь им, разумеется, были очень рады, встретили их весело, с добрым малороссийским гостеприимством, и оживленная беседа шла до позднего сытного ужина. Перед ужином Гоголь ходил с хозяйкою в детскую смотреть, как "молят Бога"[8] и укладывают спать детей. Молящиеся дети и молодая мать или умная, благочестивая няня, руководящая детской молитвой, диктуя им слова прошений к Творцу миров, всегда нравились Гоголю и прекрасно его настраивали. А потому в коротко знакомых домах он просился в детские, и ему, разумеется, не отказывали.

В данном случае и в данном месте главным кормщиком детского корабля была няня – давняя знакомая Гоголя, орловка, понятливая, умная и с поэтическими замашками. Гоголь не раз выпрашивал у нее, чтобы она диктовала ему орловские прибаутки и песенки, и записывал их. Так и теперь – он сначала смотрел, как чинная старушка "молила детей Богу", а когда детей уложили в их постельки, он с тихого няниного пошепта записал песенную шутку про "блошку", о том, как:

Блошка банюшку топила,
С золой щелок щелочила,

Жарко парилася,
С полка вдарилася,
Себе боком –
Ненароком
Ребро проломила,
Крысу задавила.

Потом он ходил на поляну, где под развесистою березою танцевали после ужина наемные паробки и дивчата; потом, наконец, сам ужинал, а ужин в малороссийском хлебосольном доме составляет дело не скорое и не легкое. После ужина опять долго сидели на балконе, который выходил в старый тенистый сад и был окружен большими клумбами роскошнейших роз, разливавших тонкий раздражительный аромат; а потом разошлись далеко за полночь. <...>

На ночь приятелей поместили обоих вместе в очень просторной, даже огромной биллиардной комнате на мезонине. При комнате опять был небольшой балкон, выходивший в тот же самый сад и над теми же самыми клумбами благоухающих роз. <...>

Им прислуживал Харитон, старый слуга, которого все в доме уважали и которого давно знал и любил Гоголь.

Харитон был человек набожный, благочестивый и кроткий, и Гоголь находил удовольствие с ним беседовать.

Черныш сразу же разделся и лег в постель, а Гоголь облачился в поданный ему очень широкий и длинный хозяйский халат из белого пике... <...>, а потом исчез к Харитону и долго о чем-то с ним разговаривал. Потом опять прошел на балкон и оставался тут так долго, что Черныш уже успел заснуть. Но вдруг он был пробужден появлением Гоголя, который тихо подошел и уселся у него в ногах, на его постели.

– Что тебе нужно? – спросил Черныш.

– Извини меня, – отвечал взволнованно Гоголь.

– Отчего ты не спишь?

– Не могу.

– Нездоров, что ли? – объелся раков за ужином.

– Нет... не шути... никакие раки, а моя душа...

– Что там еще с твоей душою?

– Я был очень легкомыслен... я сделал дурное дело. Это невозможно так оставить: я сейчас должен уехать,

– Куда, зачем и на чем?

Гоголь назвал село, где была встреча с Путимцем.

– Опять про него!

– Не могу... я не обдумал и поддался дрянному искушению... Не могу...

– А ну его к черту! Я спать хочу.

– Нет, ты сделай милость, послушай... Я мог над ним пошутить, но я устроил над ним слишком злую... слишком злую насмешку... а у насмешника всегда бывает дрянное сердце. Это мучительно! <...>

Особенно его давило мнение Тацита, что "насмешки оставляют в уме смертельные уколы и ничего не исправляют"; потом он переносился к сатире, которая "должна нападать прямо на нравы", цитировал Вольтера и Декурселя[9], говорил о способностях разных народов различать насмешку и сатиру, о народе и о народах, об обязанностях тех, кому больше дано и с кого больше взыщется. <...>

Черныш сквозь сон с трудом все это слушал и потом совсем заснул и не заметил, когда Гоголь от него удалился, но когда ему через некоторое время случилось проснуться, то он увидал, что постель поэта пуста. Черныш приподнялся и, к удивлению своему, увидал, что Гоголь по-прежнему опять пребывает на балконе, но только теперь он уже не шаркал в ажитации желтыми шлепанцами, а стоял в том же белом халате на коленях, со сложенными на груди руками, с низко упавшею на груди головою. Он молился... <...>

Прошло сколько-то дней... <...> Но как всем удовольствиям и радостям на свете бывает везде конец, то молодым людям настала пора возвращаться в Нежин[10].

Ехать надо было опять через то же село, где сидел при своем постоялом дворе "Путимец".

На этот раз погода была совсем иная: жар не томил и жажда не мучила, да хоть бы и захотелось пить, так путники от того не потерпели бы: добрые хозяева <...> положили им в ноги в повозку <...> плетунец с двумя парами <...> наливки... <...> Однако, несмотря на весь этот богатый и роскошный запас освежающего питья, как только молодые панычи въехали в село, где сидел в своем постоялом дворе Путимец, Черныш сейчас же велел ямщику подвергать к "кацапову дому". <...>

<...> ...Путимец <...> в сенях громко позвал внука, того же самого Егорку, который их угощал ранее, и велел, чтобы он вынес кувшин молока.

Явился Егорка и принес молоко, но сам Путимец более уже не показывался.

– А где же твой дедушка? – спросил Гоголь. <...>

– Да зачем ему надобно выходить?
– Деньги с нас взять за молоко.
– Давайте – я возьму. <...>
– Да сколько?
– Сколько дадите.
– А я вот тебе гривенник дам.
– Ну так что ж...
– Довольно это будет?..
– Довольно.

Черныш и Гоголь переглянулись. Оборот выходил неожиданный и совершенно безэффектный. Гоголь подал мальчику двугривенный, и они поехали. <...> ...Ранычи зато узнали <...> прелюбопытную историю, которая случилась с Путимцем. Действительно, с ним случилось происшествие в том самом роде, как угадывал ямщик: ехали два офицера, спросили себе молока и выпили оное также без торгу, как Черныш и Гоголь, а когда дворник потребовал с них рубль за кувшин (по тому, что ему наговорил в насмешку Гоголь), то военные, как люди на руку весьма скорые, тотчас же его жестоко за это оттузили. <...> ...И глечик пустой кацапу об голову разбили, а больше всего ухо ему скризь так порвали, що аж и серьга выпала. <...>

– Что тебе, жаль его, что ли? – осведомился Черныш.

– Да, жаль, – отвечал Гоголь и, "размахнув руками, як крыльями, навкруг во вси стороны", добавил: – понимаешь... мне жаль всех их... всех... Они все так... сами себя выбьют. <...>

Через несколько дней, когда Черныш совсем уже и не вспоминал про Путимца, Гоголь признался ему, что все эти пустяки произвели на него сильное впечатление. Во-первых, его ужаснуло – как точно и как скоро исполнился в шутку им затеянный план, чтобы жадного вымогателя проучила чья-нибудь чужая суровая рука; а во-вторых – Гоголь во всем этом видел происшествие не случайное, а роковое откровение, и притом откровение, имеющее таинственную цель просветить его именно ум.

Один кацап давал ему повод к широким обобщениям. "Так всем, так всем, – говорил он, – можно Бог знает что наговорить и отъехать, как мы с тобой отъехали, обонять благоуханные розы, а тогда кто-то неожиданный подъезжает, слышит самообольщенную глупость и... рвет из уха золотую серьгу... Это скверно; нужен здоровый смех, нужно обличенье в душевной мерзости..."

И, Бог весть, не от сей ли поры, не с этой ли встречи с Путимцем пошли клубиться в общих очертаниях художественные облики, которые потом в зрелых произведениях Гоголя то сами себя секли, то сами над собою смеялись. А о Путимце он все-таки заключил, что он "непременно раскается и хорошо кончит". <...>

Кончина Гоголя в Москве последовала 21 февраля 1852 года. <...> Приятель[11], сообщавший мне в пятидесятых годах рассказываемое здесь сегодня предание, упоминал, что в то время, когда его земляки предавались общей скорби о Гоголе, многим из них просто невмочь было сидеть одному с глаза на глаз с мыслию, что "его уже нет", и все тогда охотно посещали друг друга, чтобы вместе потолковать и потосковать.

Чернышев родич в эти дни навестил тех своих знакомых, на дороге к которым сидел Путимец и у которых был в комнатных услугах старый, а теперь уже престарый Харитон. <...> ...Приятель, полный воспоминаний о друге, пожелал взглянуть и на Гостомысла или по крайней мере справиться: живет ли он и начал ли "хорошо кончать" и каяться. <...> И что же оказалось? – старик действительно еще был жив, но уже не торговал и совсем здесь не жил, а "сошел в далекий Нилов монастырь" на Столбной остров, что среди озера Селигера.

– Зачем ему было так далеко идти на Селигер? – вопросил приятель, – ведь Киев ближе, и монастырей там много.

А возмужавший внук Егорка отвечает, что дедушке на Селигере тамошний святой[12] очень нравился. <...> ...Тот, говорит, даже никогда не спал... <...> В житиях писано: никогда не ложился, а только облегался пазухами об острые крючья[13]. <...> Дедушка и хотел при таком святом потрудниться, чтобы в самой, какая возможно, черной работе»[14].

[1] Иван Васильевич Гудовский (ум. не позднее 1878); портретист, вольноприходящий ученик Академии художеств; в 1849 г. получил звание неклассного художника за «портрет с натуры»; знакомый Н. С. Лескова и Т. Г. Шевченко.

[2] Свой рассказ Лесков сопроводил следующим предисловием: «Напечатанные в 1883 г. в журнале "Киевская Старина" письма Н. В. Гоголя (которые до сих пор оставались неизвестными) (имеется в виду публикация трех писем Гоголя к В. В. Тарновскому: *Пономарев С.* Письма Гоголя к В. В. Тарновскому (1833–1834 г.) // Киевская Старина. 1883. Март. С. 623–629. – *И. В.*) пробудили в моей памяти воспоминание об одном устном рассказе, касающемся юношества поэта. Рассказ этот я не раз слыхал в пятидесятых годах в Киеве от большого моего приятеля, уроженца города Пирятина, художника Ив. Вас. Гудовского, а он сказывал это со слов другого своего земляка, известного в свое время малороссийского патриота и отчасти тоже немножко поэта – Черныша (речь, вероятно, идет о соседе Гоголей по имению Василии Васильевиче Черныше, сыне отставного майора, участника Отечественной войны 1812 года Василия Ивановича Черныша, отчима близкого друга Гоголя

А. С. Данилевского. – *И. В.*). Черныш же слышал это от какого-то своего родича, который был знаком и даже, кажется, дружен с Гоголем во время его студенчества в Нежинском лицее (возможно, имеется в виду А. С. Данилевский. – *И. В.*). Этого рассказа я нигде не встречал, ни в одних материалах для биографии Гоголя, но также и не смею думать, что он достоин занять там место. Правдивость события, о котором хочу рассказать из пятых уст, мне отнюдь не представляется несомненною, хотя, однако, в этом предании мне чувствуется что-то живое, что-то во всяком случае как будто не целиком выдуманное. А потому я думаю, что это необходимо сберечь, хотя бы даже как басню, сочиненную о крупном человеке людьми, которые его любили. Если даже это и целиком все сплошная фантазия (что допустить очень трудно), то почему не послушать, как фантазировали о гениальном юноше его соотечественники» (*Лесков Н.* Путимец. Из апокрифических рассказов о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 999).

[3] Т. е., предположительно, А. С. Данилевскому.

[4] «Помнится, будто родственник Черныша, сообщавшего этот рассказ Гудовскому, тоже назывался Черныш <см. предшествующее примеч.>. Во всяком случае, для удобства в изложении мы будем звать его этим именем» (примеч. Н. С. Лескова).

[5] Ирмос четвертой песни нескольких канонов богослужебной Минеи. См. одну из выписок Гоголя в его сборнике «Каноны и песни церковные» (см. ***1845. Января 14 – марта 1 <января 2 – февраля 17>. Париж***): «Всел еси на кони, апостолы Твоя, Господи, и приял еси руками Твоима узды их, и спасение бысть еждение Твое верно поющим: слава силе Твоей, Господи» (выписка *<CIX> CXV. Св<ятаго> Священномученика Анфима, Епископа Никомидийскаго, и Преподоб<наго> Отца нашего Феоктиста, спостника великаго Евфимия*). См. также: «Всел еси на Ангелы, якоже на кони, Человеколюбче, и приял еси рукою Твоею бразды их, и спасение бысть еждение Твое непрестанно вопиющим: славе силе Твоей, Господи» (выписка *<CXCVI> CCVI. Собор Св<ятаго> Архистратига Михаила и прочих Безплотных Сил*).

[6] «А мои ти Куряни свѣдоми къмети» («А мои ведь куряне – известные воины») («Слово о полку Игореве»).

[7] «...Еще двадцать лет позже не только в Нежине, но и в самом Киеве глечик <кувшин; *укр.*> превосходного, розового топленого молока <...> стоил три, а иногда даже две копейки...» (*Лесков Н.* Путимец. Из апокрифических рассказов о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 1003).

[8] «По-малороссийски говорят так: "молите детей Бога", то есть поучите детей молиться Богу» (примеч. Н. С. Лескова).

[9] Альфонс Шодрон де Курсель (1835–1919), французский дипломат.

[10] Возвращение в Нежин должно было состояться в конце июля – начале августа, после пребывания Гоголя и Данилевского на каникулах в родных домах.

[11] И. В. Гудовский.

[12] Имеется в виду основатель Нило-Столбенской пустыни преподобный Нил Столбенский (+ 1554; память совершается 7/20 декабря). Одна из примечательных черт жития этого святого – устрашающие явления ему нечистой силы: «...Диавол <...> всяко вооружашеся на святого многими страшилищи, преображаяся в звери и во вся гады, и устрашая привидениями во дни и в нощи...» (Житие преподобного отца нашего Нила Столобенского, Новогородского нового чудотворца // Книга житий святых на три месяца вторыя, еже есть Декамврий, Іаннуарий и Февруарий. 7 изд. М., 1796. Л. 59). Подобные явления многочисленны в житийной литературе (см., в частности: Житие преподобного отца нашего Антония Великого // Книга житий святых на три месяца вторыя, еже есть Декамврий, Іаннуарий и Февруарий. 7 изд. М., 1796. Л. 198). Эти явления Гоголь позднее прямо имел в виду, создавая повесть «Вий» (1834) (подробнее см.: *Виноградов И. А.* Неизвестный «Миргород» // *Гоголь Н. В.* Миргород. М., 1996. С. 69; *Виноградов И. А.* Повесть Н. В. Гоголя «Вий»: К истории замысла и его интерпретации // Гоголезнавчі студії. Гоголеведческие студии. Ніжин, 2000. Вып. 5. С. 95–105; *Виноградов 2000.* С. 155–156; *Виноградов И. А.* Неизвестный «Миргород» // *Гоголь 2009–2010.* Т. 1–2. С. 624–625).

[13] «И егда приспе время преставления его, причастися Святых Таин, и вшед в келлию свою, обычные молитвы творяше, и взем кадилницу, покади святыя иконы и всю келлию, и восклонися мышцами на обычныя жезлы своя, на нихже мало прежде телесный покой приимаше, преставися ко Господу Богу...» (Книга житий святых на три месяца вторыя, еже есть Декамврий, Іаннуарий и Февруарий. Л. 59 об.). – Позднее, в начале 1840-х гг., Гоголь, по свидетельству П. В. Анненкова, «добрую часть ночи» проводил, «дремля на диване и не ложась в постель», а «со светом взбивал и разметывал» ее, чтобы служанка, прибиравшая комнаты, не узнала об этом обычае своего жильца (см. ***1841. Апреля 7 <марта 26>. Великая среда. Рим***).

[14] *Лесков Н.* Путимец. Из апокрифических рассказов о Гоголе // *Свод.* Т. 3. С. 999–1014.

ИЮЛЯ 16. ПОНЕДЕЛЬНИК. НЕЖИН

Конференция гимназии обращается к временно исполняющему обязанности попечителя Харьковского учебного округа графу М. Ю. Виельгорскому с просьбой утвердить назначенные выпускникам 1828 г., в том числе Гоголю[1], классные чины[2].

[1] См. ***1828. Июня 27. Среда. Нежин.***

[2] Журнал конференции за 1829 г. <О выдаче аттестатов об окончании Гимназии высших наук князя Безбородко Гоголю и его одноклассникам> // *Свод.* Т. 1. С. 486. – См. также ***1828. Октября 4. Санкт-Петербург***; ***1828. Декабря 15. Санкт-Петербург***; ***1829. Января 7. Нежин.***

ИЮЛЯ 20. ПЯТНИЦА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская пишет двоюродному брату Петру П. Косяровскому: «Милого братца Павла Петровича[1] мысленно цалую. Николая моего нет дома, Машинька нездорова».

Свод. Т. 1. С. 97.

[1] Косяровский.

АВГУСТА 14. ВТОРНИК. ЯРЕСКИ

М. И. Гоголь с сыном приезжают из Васильевки в Яриски.

См. ***1828. Августа 17. Яриски.***

АВГУСТА 15. СРЕДА. ПРАЗДНИК УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ЯРЕСКИ

Гоголь, вероятно, после праздничной службы, возвращается в Васильевку, чтобы приготовиться к приезду Д. П. Трощинского[1].

[1] См. ***1828. Августа 17. Яриски.***

АВГУСТА СРЕДИНА

Гоголь предлагает матери записать на нее свою часть имения[1].

[1] См. ***1826. Октября 16. Васильевка.***

АВГУСТА 17. ПЯТНИЦА. ЯРЕСКИ

М. И. Гоголь-Яновская сообщает двоюродному брату Петру П. Косяровскому:

«Приехавши сюда 14-го сего месяца, нашла ваше ко мне письмо... <...> Жалею душевно о беспрерывных преградах вступить вам в службу, но вы не беспокойтесь о сем нимало; держитесь Панглос<с>овой системы: что ни деется, все к лучшему. <...> Недавно я была в большой тревоге: Машинька моя жестоко была больна; можно сказать, из мертвых воскресла, и вы можете себе представить, что я тогда чувствовала; но Бог устраевает все к лучшему и наказывает иногда для того, чтобы больше чувствовать милосердие Его. <...> Никоша мой уехал домой на другой день нашего приезду для устроения порядку на случай приезду к нам Дмитрия Прокофиевича. Кажется, ему хочется быть у нас».

[1] *Свод.* Т. 1. С. 98.

АВГУСТА 27 – СЕНТЯБРЯ 1. КРЕМЕНЧУГ

Гоголь находится на ярмарке в Кременчуге, где закупает припасы для ожидаемого приезда Д. П. Трощинского[1].

[1] См. ***1828. Августа 29. Яpréски***; ***1828. Сентября 2. Васильевка.***

АВГУСТА 29. СРЕДА. ЯРЕСКИ

М. И. Гоголь-Яновская сообщает двоюродному брату Петру П. Косяровскому:

«Никоша мой уехал третьего дня[1] в Кременчуг на ярманку, чтобы купить там все дешевле в дом, для приезда благодетеля нашего[2], который непременно будет со всеми, в том числе и Варинькой нашей[3], 7-го сентября, и проживет в Васильевке дней 3 или 4, а может быть и более, и я теперь хлопочу о помещении их в моей хижинке. <...> Не вините меня, милой братец, что часто не пишу к вам; беспрестанно хлопочу, чтобы устроить как лучше хозяйство свое и чрез то без расстройки состояния приготовить сына в С<анкт>-Пе<тербур>г, и для того езжу беспрерывно по хозяйству. У нас же теперь так холодно, как в глубокую осень, и я часто простужаюсь и болею... <...> Никогда в жизни моей не желала я иметь деньги, как теперь, чтобы послать вам, мои друзья, хотя одну сотиньку, и когда бы не приезд Д<митрия> П<рокофьевича>, то непременно бы послала, но теперь только и могу послать 25 р<ублей>, хотя на воду. <...> Когда Богу угодно будет еще вас задержать в Одес<с>е, то ради Бога напишите мне о своих нуждах и назначьте, сколько вам надобно выслать... <...> Сколько бы мне ни приятно было продолжать письменно разговор с вами, но чувствую сильной жар в голове от щеки, на которой, кажется, приготовляется нарыв...»

Свод. Т. 1. С. 98–99.

[1] 27 августа 1828 г.
[2] Д. П. Трощинский.
[3] Варвара Петровна Косяровская (в замужестве Березина).

СЕНТЯБРЯ 2. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

Гоголь пишет А. С. Данилевскому:

«Извини, друг мой, что я не сей час, по приезде моем, являюсь к тебе. Лошади наши все выморенны ужасно, колесивши из Полтавы по всем окрестностям[1]. <...> Приезжай, если тебе мила наша беседа...»

В тот же день отправляет послание Павлу П. Косяровскому, где благодарит его за письмо, сообщает, что скучает.

[1] См. ***1828. Августа 27 – сентября 1. Кременчуг.***

СЕНТЯБРЯ 6. ЧЕТВЕРГ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь-Яновская сообщает двоюродному брату Петру П. Косяровскому:

«Сей день получила я от Ольги Дм<итриевны>[1] письмо, что они[2] не будут по причине дурной погоды. У нас теперь проливной дождь, дня три сряду, я думаю, дурная будет и ярмонка[3]. <...> Никоша мой возвратился из Кременчуга и навез всего для угощения Дмитрия Прокофьевича, и он не будет, потому что нет возможности приехать по причине тесноты, а к нам теперь приехали Шамшевы, Софья Александровна и Ростистав; Иван Ефимович возвратился из Кибинец, я воображала, что тогда еще будет в Кибинцах, также и Ро<д>зянки[4] приехали, и мне никак невозможно было поместить всех, и, признаюсь вам, мой друг, что я и рада сему случаю. Жаль только, что употребила много денег, лучше бы послала к вам, жаль, что в сем месяце я не могу вам послать, мои голубчики, а в будущем постараюсь выслать вам свои, а от Варвары Степановны[5] не надеюсь скоро получить (за вашего мальчика), потому что не всегда можно продать так, как хочется».

Свод. Т. 1. С. 99.

[1] Трощинская.
[2] Д. П. Трощинский с домочадцами.
[3] См. ***1828. Сентября 8. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Васильевка.***
[4] Марфа Михайловна Родзянко и ее сыновья, гвардейские офицеры, в том числе, возможно, поэт А. Г. Родзянко.
[5] Зеленецкая.

СЕНТЯБРЯ 8. СУББОТА. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ВАСИЛЬЕВКА

В Васильевке храмовый праздник и начало ярмарки, на которой Гоголь в первый же день «промотал пару целковых», о чем он сообщает двоюродному дяде Петру П. Косяровскому:

«Теперь у нас ярмонка, и хотя его высокопревос<ходительство>[1] не благоволил приехать, но мы провели время всё-таки недурно, беспрестанно разъезжали по ярмонке и разорялися в пух... я один промотал пару целковых. Но она выгоднее всего была нашим людям, потому что все покупки шли им».

Пишет, что недавно вернулся из Кременчуга[2], где «также была ярмонка и где более всего» он «промотался на вина и на закуски»:

«Но как теперь яресковских гостей не было, то весь этот запас остался нам на всё годовое продовольствие. В праздник храмовой нашей церкви мы пили-таки винцо доброе, вспоминали вас, сочтя неполное наше семейство».

Рассказывая о своих планах, признается (возможно, не без влияния «доброго винца»), что собирается ехать на «десять» лет за границу[3], для чего отказывается от принадлежащей ему части имения[4], – а потому «просит... умоляет... заклинает» дядю приехать в Васильевку, чтобы стать «ангелом-утешителем» матери:

«Я еду в Петербург непременно в начале зимы, а оттуда Бог знает, куда меня занесет... <...> Я с своей стороны почти всё сделал, денег беру с собой немного, чтобы стало на проезд и на первое обзаведение; а для обеспечения ее состояния <...> занимаюсь составлением дарственной записи...[5] <...> Нужно всё предполагать. <...> ...Почему знать, каковы еще будут мои сестры, может быть, жадные наследники[6] не дадут ей и места, где бы преклонить голову. Вы знаете этого алчного попа

от<ца> Меркурия[7], который с такою жадностию следит наше имение, и который, пользуясь правом родства, уже зажилил порядочный кусок... <...> Что касается до меня... <...> Ежели для постоянного приобретения знаний не буду иметь всех способов, могу прибегнуть покуда к другому, вы еще не знаете всех моих достоинств. Я знаю кой-какие ремесла. Хороший портной, недурно раскрашиваю стены алфрескою живописью, работаю на кухне и много кой-чего уже разумею из поваренного искусства; вы думаете, что я шучу, спросите нарочно у маминьки... <...> Итак, хлеб у меня будет всегда. Дай только Бог, чтобы исполнили вы нашу просьбу, меня всё уверяет, что не оставите нас, что вы будете жить вместе с нами, что вы не оставите безутешную».

[1] Д. П. Трощинский.

[2] См. ***1828. Августа 27 – сентября 1. Кременчуг.***

[3] См. ***1829. Июля 26 <августа 7>. Пятница. Санкт-Петербург или Кронштадт – сентября 22 <октября 4>. Воскресенье. Санкт-Петербург.*** – В гоголевской «Книге всякой всячины, или подручной Энциклопедии» (1826–1830), в частности, имеются разделы «Деньги и монеты разных государств», «Сравнение монет разных государств с Российскими», <Таблицы мер веса разных государств>, <Таблицы мер длины и объема разных государств>.

[4] См. ***1825. Июня 20. Суббота. Васильевка.***

[5] См. также ***1828. Октября 16. Вторник. Васильевка***; ***1829. Июля 23. Вторник. Санкт-Петербург.***

[6] Ср. финал «Старосветских помещиков»: «Скоро приехал, неизвестно откуда, какой-то дальний родственник, наследник имения, <...> страшный реформатор. <...> Избы <...> развалились <...>; мужики распьянствовались и стали <...> числиться в бегах».

[7] Меркурий Кириллович Яновский, священник в Кононовке, племянник деда Гоголя А. Д. Гоголя-Яновского (сын иерея К. Д. Яновского). Позднее, 8 декабря 1831 г., Гоголь писал матери о сыне о. Меркурия С. М. Яновском: «Сделайте милость, не принимайте, как вы, так и сестра <Мария>, моих слов о Степане Меркурьевиче в дурную сторону. Очень рад, что он не таков, как думал, и никогда бы я и не думал о нем ничего подобного, если бы сестра уведомила меня об нем обстоятельнее». – Ср. также ***1832. Апреля 17. Фомино воскресенье. Васильевка.***

СЕНТЯБРЯ 19. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь сообщает двоюродному брату Петру П. Косяровскому:

«Сей день отправляю к вам, любезнейший братец, письмо в Полтаву на почту; ярмонки почти не было, за дурной погодой; завтра мы выедем в Ярески и проживем до отъезду Дмитрия Прокофьевича; возвратясь, поедем в Полтаву на ярмонку, и оттудова надеюсь еще к вам писать»[1].

[1] *Свод.* Т. 1. С. 99.

СЕНТЯБРЯ 22. СУББОТА. МОСКВА

Выход в свет семнадцатого номера журнала «Московский Вестник»[1], в котором напечатано стихотворное послание А. С. Пушкина «К К<аверин>у. 1817»[2].

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 877.

[2] *Пушкин А.* К К. 1817 // Московский Вестник. Журнал, издаваемый М. Погодиным. 1828. Ч. 11. № 17 (цензурное разрешение 10 сент.). С. 4–5.

ОКТЯБРЯ 1. ПОНЕДЕЛЬНИК. ПРАЗДНИК ПОКРОВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ. ВАСИЛЬЕВКА

День рожденья и именин М. И. Гоголь.

Позднее, 22 сентября 1835 г., Гоголь писал матери: «...Ваши Именины я помню <...>, назад лет пять слишком, когда я был еще дома. Когда был... Кто бишь был, я никого уже не помню... Кажется, Данилевский Федор Яким<ович>».

ОКТЯБРЯ 4. ЧЕТВЕРГ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Министр народного просвещения А. С. Шишков утверждает в праве на чин представленных ему Нежинской гимназией выпускников 1828 г., том числе Гоголя[1].

[1] Журнал конференции за 1829 г. <О выдаче аттестатов об окончании Гимназии высших наук князя Безбородко Гоголю и его одноклассникам> // *Свод*. Т. 1. С. 486. – См. также ***1828. Июля 16. Нежин***; ***1828. Декабря 15. Санкт-Петербург***; ***1829. Января 7. Нежин.***

ОКТЯБРЯ 10. СРЕДА

Гоголь подает прошение на имя директора Гимназии высших наук Д. Е. Ясновского о выдаче аттестата об окончании учебы для определения на службу[1]. Такое же прошение подает вместе с Гоголем А. С. Данилевский.

[1] Описание автографов Н. В. Гоголя. (Гос. публ. б-ка УССР. Отдел рукописей) / Сост. И. В. Шубинский. Киев, АН УССР, 1952. С. 51; *Жаркевич, Кирилюк, Якубина*. С. 171. – См. также ***1828. Октября 4. Санкт-Петербург***; ***1828. Декабря 15. Санкт-Петербург***; ***1829. Января 7. Нежин***; ***1829. Января 25. Нежин.***

ОКТЯБРЯ 16. ВТОРНИК. ВАСИЛЬЕВКА.

М. И. Гоголь в письме к двоюродному брату Петру П. Косяровскому сообщает:

«2 письма ваших, любезнейший братец Петр Петрович от 26 сентября и 6-го октября я получила вчера. <...> О рекруте еще я не получала ничего, а слышу что из 500 4-х, боюсь когда не назначут мне рекрута, которым конечно был бы Аврам[1], хотя он теперь и не пьет, а достанется мне платить по 4 рубля с души, чего Боже сохрани. Я не читала Никошино письмо к вам[2]: он принес ко мне его уже запечатанным и даже некогда мне было испросить, что он писал... <...> Я догадываюсь, не писал ли мой Никоша к вам насчет имения, он говорит, не помнит, что писал: назад тому месяца два он меня удивил, убеждая позволить ему записать мне свою часть имения, уверяя притом, как это будет полезно и даже необходимо для спокойной моей жизни, на случай, если я не буду иметь добрых зятей, а он, может быть, будет слишком далеко от меня, и сим поступком тронул меня до слез... <...> Никоша имеет чинок в ранге университетских студентов 14-го класса, с ним несправедливо поступили[3], так же, как и с другими, в его отделении бывшими, по причине партий их наставников, и ему следовало получить 12-й класс, но он нимало не в претензии, тем более, что обе партии сказали, что он достоин был получить даже 10-го, когда бы был положон в том училище, а 12-го по всем правам должно было ему дать, главное, что надобно было более ласкаться к ним, а он никак не мог сего сделать».

Свод. Т. 1. С. 100–101.

[1] См. ***1828. Декабря 16. Васильевка.***
[2] См. ***1828. Сентября 8. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Васильевка.***
[3] См. ***1828. Июня 27. Нежин.***

ОКТЯБРЯ 19. ПЯТНИЦА

Почетный попечитель гимназии граф А. Г. Кушелев-Безбородко утверждает классные чины окончивших полный курс наук выпускников: А. А. Божко,

В. М. Марков, А. А. и Е. А. Котляревские — 12 класса; Н. В. Гоголь-Яновский, Н. П. Григоров, Н. Н. Миллер, А. С. Данилевский, Н. А. Котляревский — 14 класса.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина. С. 171.

ОКТЯБРЯ 26–28. ПЯТНИЦА-ВОСКРЕСЕНЬЕ. КИБИНЦЫ

Гоголь вместе с матерью и А. С. Данилевским был на именинах Д. П. Трощинского[1]. Трощинский пишет для Гоголя рекомендательное письмо в Петербург к Л. И. Голенищеву-Кутузову[2]. Соответствующее письмо к Голенищеву-Кутузову вручает самому Гоголю. По получении этого письма Гоголь с Данилевским собираются из Кибинец отправиться прямо в Петербург.

[1] См. ***1828. Декабря 13. Четверг. Кибинцы, Миргород, Обуховка***; ***1828. Декабря 16. Кибинцы.***
[2] См. ***1828. Декабря 15. Суббота. Кибинцы.***

НОЯБРЯ 20. ВТОРНИК. НЕЖИН

Библиотекарь гимназии (с 24 апреля 1825 г.) Авг. И. Аман обращается к директору Д. Е. Ясновскому с письменным прошением «не выдавать аттестата[1] воспитаннику Николаю Гоголю-Яновскому» до тех пор, пока тот не возвратит в библиотеку “книги «Записки и труды Московского общества древностей русских”, две части, и первую часть “Русских достопамятностей”[2]», взятые им в 1825 г.[3] у бывшего библиотекаря И. Я. Ландражина[4].

[1] См. ***1828. Октября 10. Нежин.***
[2] Издание Общества Истории и Древностей Российских, выходившее с 1815 г.
[3] См. ***1825. Апреля 24. Нежин.***
[4] *Свод.* Т. 1. С. 486. См. также ***1828. Ноября 30. Нежин.***

НОЯБРЯ 30. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

На основании рапорта библиотекаря Авг. И. Амана[1] директор гимназии Д. Е. Ясновский предлагает «сделать в Конференции заключение о невыдаче аттестата, так и о том, что оных книг в течение более двух лет и даже при выпуске и выезде Яновского из гимназии отобраны не были, и ему, г-ну директору, о том не донесено»[2].

[1] См. ***1828. Ноября 20. Нежин.***
[2] *Жаркевич, Кирилюк, Якубина.* С. 171–172.

ДЕКАБРЯ 2. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь пишет двоюродному брату Петру П. Косяровскому:

«Прошу вас усерднейше, добрый и милый мой братец Петр Петрович, нимало не беспокоиться на счет долгу, я уже все сделала, что должно было, не нужно посылать процентов, вам деньги необходимы, покуда вы вступите в службу... <...> Сколько мне теперь затруднений, мой друг, вы-

проважая Николиньку, один Бог только видит... <...> В Кибинцах мы провели время и приятно и грустно, приятно потому, что я имела комнатку, где могла свободно предаваться своим мыслям и обдумывать свои планы. Я просила, чтобы мне дали в гостином флигеле комнатку, вместе с моей Машей, для того, что с Ольгой Дмитриевной мне надобно бы помещаться и с Капнистами и другими женщинами и поздно слишком ложиться, потому что все молодые люди после ужина всегда во флигеле собираются, а для моей Машиньки не годится поздно ложиться, и мы от ужина тотчас уходили в свою квартиру, в которой чрез стену жила сама Софья Александровна[1]; и для того я вам на такой дурной бумаге написала, что боялась задержать человека, покуда принесут мне лучшей бумаги, и Дмитрий Прокофьевич, отдав свои письма, тотчас велел отправлять на почту. Один Андрей Андреевич[2] истинно как родной брат со мной обходился там, а более никто, мне казалось, что ужаснейшая зависть меня окружала, впрочем, может, я и ошибаюсь, Бог знает, кажется, совсем нечего мне завидовать. Я ожидаю единственной и самой большой помощи от благодетеля моего Дмитрия Прокофьевича, рекомендательных писем для моего сына к тем особам, которые будут ему нужны, а более никакой помощи я не надеюсь, потому что слишком уже стараются отдалять меня от его сердца. О люди! я теперь только их узнаю, прежде мне никогда в голову не приходило, чтобы можно говорить и писать не то, что чувствовать, но оставим их в покое, Бог с ними. В наших местах теперь падеж на скот, и я лишилась более сорока штук самых лучших и не знаю, останется ли что-нибудь мне на развод... <...> Никоша мой хочет непременно чрез четыре дня[3] выехать, хотя еще не все ему готово, но никак уж не могу его удержать более, надобно определиться ему до нового году. <...> Маминька моя Тетьяна Семеновна вам усерднейше кланяется...»

Сам Гоголь в приписке к посланию матери прощается с дядей и обещает писать ему из Петербурга. Сестра Мария в своей приписке желает дяде здоровья.

Свод. Т. 1. С. 101–102.

[1] Софья Александровна Кудрявцева, мать О. Д. Трощинской. – См. также ***1821. Февраль-май. Москва*** (примечания).
[2] Трощинский.
[3] 6 декабря 1828 г., день памяти святителя Николая Мирликийского.

ДЕКАБРЯ 10. ПОНЕДЕЛЬНИК. СЕМЕРЕНЬКИ

Гоголь гостит у А. С. Данилевского.

См. ***1828. Декабря 12. Васильевка.***

ДЕКАБРЯ 12. СРЕДА. ВАСИЛЬЕВКА, ТОЛСТОЕ, МИРГОРОД, КИБИНЦЫ

Утром Гоголь писал А. С. Данилевскому из Васильевки в Семереньки:

«Как только от тебя приехал[1], то уже всё было готово. В ту же ночь Симон[2] приехал с подорожнею и кибиткой и если бы не проклятая невзгода, то я вчера совсем бы выехал. Теперь же снег посыпал. Приезжай сей час, позавтракаем у нас, у вас пообедаем[3], а на ночь[4] в Кибенцы».

В тот же день, по приезде Данилевского, Гоголь с матерью, слугой Я. Нимченко и Данилевским отправился в Кибинцы, куда они прибыли к вечеру[5].

Данилевский в 1887 г. рассказывал В. И. Шенроку: «Часто мы заезжали <...> с Гоголем детьми по дороге в Нежин к Трощинскому в Кибинцы; для подарков делались иногда небольшие предва-

рительные путешествия. Так, в 1828 г., в последний наш проезд через Кибинцы, Гоголь привез из Кременчуга[6] бутылку великолепной мадеры»[7].

[1] См. ***1828. Декабря 10. Понедельник. Семереньки.***

[2] Вероятно. С. Стокоза.

[3] В селе Толстое, находящееся на пути из Васильевки в Миргород и Кибинцы.

[4] Очевидно, А. С. Данилевский приехал в Васильевку сразу по получении записки, и Гоголь с ним, матерью и слугой Я. Нимченко прибыли в Кибинцы вечером 12 декабря 1828 г. (см. ***1828. Декабря 13. Четверг. Кибинцы, Миргород, Обуховка***).

[5] См. ***1828. Декабря 13. Четверг. Кибинцы, Миргород, Обуховка.***

[6] См. ***1828. Августа 27 – сентября 1. Кременчуг.***

[7] А. С. Данилевский о посещениях с Гоголем Кибинец в 1820-х гг. Фрагмент из «Материалов для биографии Гоголя» В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 497.

ДЕКАБРЯ 13. ЧЕТВЕРГ. КИБИНЦЫ, МИРГОРОД, ОБУХОВКА

Гоголь вместе с А. С. Данилевским и слугой Я. Нимченко выехал в Санкт-Петербург. В тот же день прибыли в Обуховку к Капнистам. Из Обуховки отправились в Нежин[1].

На следующий день, 14 декабря 1828 г., О. Д. Трощинская сообщала мужу А. А. Трощинскому из Кибинец: «Третьего дни вечером[2] приехала сюда Белянка[3], и вчера[4] после обеда выпроводили отсюда с рекомендательными письмами Никошу в Петербург, вместе с молодым Данилевским, который был здесь на праздниках»[5].

А. С. Данилевский в 1887 г. рассказывал В. И. Шенроку: «По окончании курса в Нежине два друга решили вместе ехать в Петербург: Данилевский для поступления в школу гвардейских подпрапорщиков, Гоголь – на государственную службу. Данилевский, как всегда, явился руководителем Гоголя в отношении путевых издержек, трудностей и хлопот. Было условлено, что он заедет за Гоголем из Толстого в Васильевку, откуда они должны были вместе <через Кибинцы> двинуться в дальний путь. Дело было в декабре 1828 г. Для дороги был приготовлен поместительный экипаж, и после продолжительных проводов и напутствий <в Кибинцах> Марьи Ивановны Гоголь кибитка двинулась.

Дорога лежала на Москву, но Гоголь ни за что не хотел проезжать через нее, чтобы не испортить впечатления первой торжественной минуты въезда в Петербург[6]. Поэтому они поехали по белорусской дороге, на Нежин, Чернигов, Могилев, Витебск и т. д.»[7]

Дочь В. В. Капниста Софья Васильевна вспоминала: «Я помню его и молодым человеком, только что вышедшим из Нежинского лицея. Он и тогда был так же серьезен, но с более наблюдательным взглядом. Ехавши в Петербург, он заехал к нам, и, прощаясь со мною, он удивил меня следующими словами: “Прощайте, Софья Васильевна! Вы, конечно, или ничего обо мне не услышите, или услышите что-нибудь весьма хорошее”. Эта самоуверенность в молодом человеке удивила нас до крайности, ибо в то время мы не видели в нем ничего особенного и не могли даже полагать, что уверенность эту хранил он, быть может, в душе своей по тайному предчувствию, что имя его не останется в безвестности и что он будет талантом своим полезен и отечеству и семейству своему.

Незадолго до смерти его я напомнила ему эти его слова[8]; он ничего не сказал мне на это, задумался, и слезы показались в глазах его. Он до смерти своей сохранил и привязанность, и дружбу к семейству нашему»[9].

[1] См. ***1828. Декабря 14–15. Пятница-суббота. Нежин.***

[2] 12 декабря 1828 г. (см. ***1828. Декабря 12. Среда. Васильевка, Миргород, Кибинцы***).

[3] М. И. Гоголь.

[4] 13 декабря 1828 г.

[5] <*Гиппиус В. В.*> *В. Г.* Документы из архива Гимназии высших наук кн. Безбородко в Нежине // Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 287; см. также: *Виноградов Г. С.* Даты жизни Н. В. Гоголя // *Гоголь 1937–1952.* Т. 10. С. 15.См. ***1828. Октября 26–28. Кибинцы.***

[6] См. ***1828. Декабря 24. Рождественский сочельник. Вечер. Санкт-Петербург.***

[7] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 506. – Дальнейший маршрут – Великие Луки, Порхов, Луга, Выра, Гатчина, Царское Село, Санкт-Петербург (см.: Почтовый дорожник, или Описание всех почтовых дорог Российской Империи, Царства Польского и других присоединенных областей, в трех частях, с принадлежащими к оному таблицами, росписаниями, почтовыми картами и другими сведениями. Издан от Почтового Департамента сообразно с последовавшими переменами вторым тиснением. СПб., 1829).

[8] См. ***1851. Августа 25. Суббота. Москва.***

[9] *Скалон С. В.* Воспоминания // *Свод.* Т. 1. С. 617–618.

ДЕКАБРЯ 14–15. ПЯТНИЦА-СУББОТА. НЕЖИН

Гоголь с А. С. Данилевским в сопровождении слуги Я. Нимченко по пути в Петербург останавливаются в Нежине, где, по-видимому, они надеялись получить аттестаты[1] и где повидались с некоторыми товарищами, в том числе Н. Я. Прокоповичем (который оканчивал гимназию в следующем году[2]).

А. С. Данилевский в 1887 г. сообщал В. И. Шенроку: «В Нежине прожили несколько дней, повидались с некоторыми товарищами и, между прочим, с не успевшим выехать в Петербург же Прокоповичем»[3].

[1] См. ***1828. Октября 4. Санкт-Петербург; 1828. Декабря 15. Санкт-Петербург; 1829. Января 7. Нежин; 1829. Января 25. Нежин.***

[2] См. ***1829. Июля средина, не позднее 21. Санкт-Петербург.***

[3] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 506.

ДЕКАБРЯ 15. СУББОТА. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Попечитель Харьковского учебного округа А. А. Перовский извещает правление Гимназии высших наук в Нежине об утверждении министром народного просвещения А. С. Шишковым в праве на чин представленных ему гимназией выпускников 1828 г., том числе Гоголя.

Журнал конференции за 1829 г. <О выдаче аттестатов об окончании Гимназии высших наук князя Безбородко Гоголю и его одноклассникам> // *Свод.* Т. 1. С. 486. – См. также ***1828. Октября 4. Санкт-Петербург; 1829. Января 7. Нежин.***

ДЕКАБРЯ 15. СУББОТА. КИБИНЦЫ

Д. П. Трощинский получает от Л. И. Голенищева-Кутузова ответное послание на свое рекомендательное письмо о Гоголе[1]. М. И. Гоголь, прочитав письмо Голенищева-Кутузова, выезжает из Кибинец в Васильевку[2].

[1] См. ***1828. Октября 26–28. Кибинцы.***

[2] См. ***1828. Декабря 16. Васильевка.***

ДЕКАБРЯ 16. ВОСКРЕСЕНЬЕ. ВАСИЛЬЕВКА

М. И. Гоголь сообщает Петру П. Косяровскому:

«Вчера я возвратилась из Кибинец, проводя моего Николиньку в С. Петербург[1], и грущу, что в такой холод он едет в дороге, но да будет воля Божия. Благодетель наш[2] приметно ослабевает, насилу мог написать письмо к своему другу Кутузову[3] о моем сыне, в котором назвал его своим родственником и просил принять в свое покровительство. Будучи в Кибинцах 26-го[4], я просила благотворителя моего написать об Николиньке, полагая, что он вслед за письмом уедет, но по разным обстоятельствам ему надобно было остаться, да и дороги совсем не было; и при мне получил Дми<трий> Про<кофиевич> ответ на первое свое письмо по выезде уже Николиньки, дал мне прочесть; и я в жизнь свою не читала такого милого и простого слова, прямо от сердца истекающего, между прочим благодарит его за доставление случая сделать ему угодное, и заключает письмо тем, что он с нетерпением ожидает Николая моего, которому он хочет быть другом и путеводителем в его жизни; представьте себе, мой друг, что я тогда чувствовала, я не находила слов, как благодарить великого благодетеля моего, по милости его мой сын приедет в столицу не как бесприютный сирота, но как родственник будет принят в доме немаловажного человека. – По приезде моем[5] Ольга Дмитриевна[6] спросила меня, есть ли деньги у Николиньки на дорогу. Я сказала, что будет на первый случай, не пояснила, что мне стоило достать те деньги, хотя и небольшие, без закладу не могла никак получить и принуждена заложить кое-что из своих вещей. Она, видно, сказала Дми<трию> Про<кофьевичу>, так, как мне и хотелось, и он не дал ничего Николеньке денег и чрез то избавил меня, слава Богу, от зависти, которая бы преследовала меня до гроба. На другой день после отъезда моего сына выехала я домой, осыпанная ласками кибинских жителей. Сей день отправила рекрута, бывшего моего кучера Аврама[7]. <...> Теперь и я переношу большие беспокойства и нужды, и все одна надежда на Бога меня утешает. Вообразите, что мы в шубах в своих комнатках не можем согреться, этакого холоду я никогда не терпела; видно, домик мой ветшает[8], прошлый год также холодная зима была, но я совсем не испытывала такого мученья, как теперь».

Свод. Т. 1. С. 103–104.

[1] См. ***1828. Декабря 13. Кибинцы.***
[2] Д. П. Трощинский.
[3] Л. И. Голенищев-Кутузов.
[4] См. ***1828. Октября 26–28. Кибинцы.***
[5] См. ***1828. Декабря 12. Кибинцы.***
[6] Трощинская.
[7] См. ***1828. Октября 16. Вторник. Васильевка.***
[8] См. ***1832. Июня начало.***

ДЕКАБРЯ 15–16 – 24

Гоголь с А. С. Данилевским и Я. Нимченко проезжают Чернигов, Могилев, Оршу, Витебск и (далее предположительно, согласно тогдашним почтовым трактам) Сураж, Усвят (Усвяты), Великие Луки, Бежаницы, Порхов, Лугу, Выру, Гатчину[1].

А. С. Данилевский в 1887 г. сообщал В. И. Шенроку: «Во время пути не произошло ничего особенно замечательного...»[2]

[1] См.: Почтовый дорожник, или Описание всех почтовых дорог Российской Империи, Царства Польского и других присоединенных областей, в трех частях, с принадлежащими к оному таблицами, росписаниями, почтовыми картами и другими сведениями. Издан от Почтового Департамента сообразно с последовавшими переменами вторым тиснением. СПб., 1829. С. 3.

[2] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 506.

ДЕКАБРЯ 21. ПЯТНИЦА. НЕЖИН

Старший профессор Гимназии высших наук князя Безбородко К. А. Моисеев подал в Конференцию гимназии рапорт о том, что свидетельства Н. В. Кукольника и А. М. Новохацкого относительно конспектов по естественному праву ложны.

Михед, Якубина. С. 326. – См. также ***1827. Ноября 1. Вторник. Нежин***; ***1827. Декабря 21. Среда. Нежин***.

ДЕКАБРЯ 24. ПОНЕДЕЛЬНИК. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. ЦАРСКОЕ СЕЛО

Вероятные дата и место, где – «на последней станции перед Петербургом»[1] – Гоголь с А. С. Данилевским «прочли объявление, где можно остановиться», выбрав дом купца Галибина на Гороховой улице, № 130[2].

Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод*. Т. 1. С. 506; см. также: ***1829. Января первая половина (после 5 числа). Санкт-Петербург.***
Письмо Гоголя к матери от 3 января 1829 г.
См. также ***1828. Декабря 24. Рождественский сочельник. Вечер. Санкт-Петербург.***

[1] Первая от Петербурга почтовая станция была в Царском Селе («Г. София, или Царское село – от Санктпетербурга верс<т> 22»); вторая станция (еще 22 версты) – в Гатчине; третья (25 верст от Гатчины) – в Выре (см.: Почтовый дорожник, или Описание всех почтовых дорог Российской Империи, Царства Польского и других присоединенных областей, в трех частях, с принадлежащими к оному таблицами, росписаниями, почтовыми картами и другими сведениями. Издан от Почтового Департамента сообразно с последовавшими переменами вторым тиснением. СПб., 1829. С. 3).
[2] «Теперь улица Дзержинского <с 1991 г. с прежним названием – Гороховая>, 46» (*Шубин Вл.* «Квартира моя... в доме Брунста» // Нева. 1982. № 12. С. 194).

ДЕКАБРЯ 24. ПОНЕДЕЛЬНИК. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. ВЕЧЕР. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вероятный день приезда Гоголя, А. С. Данилевского и слуги Гоголя Я. Нимченко в Петербург.

А. С. Данилевский вспоминал: «Дорога лежала на Москву, но Гоголь ни за что не хотел проезжать через нее, чтобы не испортить впечатления первой торжественной минуты въезда в Петербург. <...> ...По мере приближения к Петербургу нетерпение и любопытство путников возрастало с каждым часом. Наконец издали показались бесчисленные огни, возвещавшие о приближении к столице. Дело было вечером. Обоими молодыми людьми овладел невыразимый восторг... <...> Гоголь <...> за свое пылкое увлечение поплатился самым прозаическим образом, схватив насморк и легкую простуду <...> он <...> вынужден был первые дни просидеть дома»[1].

Важность и *торжественность* въезда в столицу, по-видимому, задумывалась Гоголем изначально. Вероятно, Гоголь стремился попасть в Петербург в канун Рождества Христова – и совершавшегося в самый день Рождества празднования победы над Наполеоном – «воспоминания избавления Церкве и Державы Российския от нашествия галлов и с ними двадесяти язык»[2]. Именно в «ночь перед Рождеством» прибывает в Петербург

герой написанной позднее Гоголем повести кузнец Вакула: «...Вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне. (Тогда была по какому-то случаю иллюминация.) <...> Боже мой! стук, гром, блеск...» Поводом поразившей гоголевского героя (а также самого Гоголя с Данилевским) петербургской «иллюминации» было, по-видимому, празднование 26-летия победы над Наполеоном. Исходя из этого, наиболее вероятным днем приезда Гоголя и Данилевского в Петербург («дело было вечером») следует, судя по всему, считать вечер рождественского сочельника 24 декабря 1828 г.

Сделанные наблюдения находят подтверждение и в хронологическом отношении. В письме к матери от 3 января 1829 г. Гоголь сообщал, что, сделав необходимые визиты И. П. Косяровскому и Л. И. Голенищеву-Кутузову, он «уже около недели» сидит, «поджавши руки», вследствие «хандры» и «другого подобного»[3]. Из того же письма следует, что несколько дней до болезни Гоголь, помимо визитов, занимался покупками и переделкой шинели, а также розысками адресатов переданных ему для вручения в Петербурге писем. Включая время болезни, этот период мог составить ровно полторы недели с 24 декабря 1828 г. по 3 января 1829 г. В свою очередь, дорога от Нежина до Петербурга, через Чернигов, Могилев, Витебск, Великие Луки, Порхов, Лугу и Царское Село, вполне могла занять в то время восемь-девять дней, с 15–16 по 24 декабря 1828 г.

[1] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 506.

[2] Следует иметь в виду, что день взятия русскими войсками Парижа 19 марта 1814 г. совпал с днем рождения Гоголя – в этот год ему исполнилось пять лет; впоследствии Гоголь праздновал оба эти события вместе (см. ***1809. Марта 19. Пятница накануне Лазаревой субботы. 9 часов вечера. Великие Сорочинцы*** – примечания). Видел, конечно, Гоголь и медали его родителей, награжденных в 1814 г. в связи с победой над Наполеоном 25 декабря 1812 г. (см. ***1814. Августа 30. Санкт-Петербург***). Мать Гоголя в 1852 г. вспоминала: «Французского языка он не любил, может быть и оттого, что тогда была большая вражда с Францией, когда часто были карикатуры на Бонапарта, его родных и приближенных, и осталось в памяти дитяти что-нибудь неприятное...» (Записка М. И. Гоголь о сыне // *Свод.* Т. 1. С. 28). Подробнее см.: *Виноградов И. А.* 1812 год и «Тарас Бульба»: прошедшее и настоящее в замысле Н. В. Гоголя // 1812 год и мировая литература. М., 2013. С. 91–140.

[3] См. ***1829. Января 3. Санкт-Петербург.*** О том, что Гоголю по приезде в Петербург «пришлось <...> проскучать несколько дней» на съемной квартире «в одиночестве», сообщал также А. С. Данилевский (см. ***1828 декабря 24. Рождественский сочельник. Вечер – 1829 январь. Санкт-Петербург***).

1828–29

1828 ДЕКАБРЯ 24. ПОНЕДЕЛЬНИК. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК. ВЕЧЕР – 1829 ЯНВАРЬ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Гоголь с А. С. Данилевским останавливаются и живут в доме купца Галибина на Гороховой улице[1].

Здесь, по свидетельству Данилевского, простудившемуся при самом въезде в Петербург Гоголю «пришлось <...> проскучать несколько дней в одиночестве, пока Данилевский, не будучи в состоянии устоять против соблазна и оставив его одного, пустился странствовать по стогнам Северной Пальмиры. Неудивительно, что первые впечатления, вынесенные им из знакомства с Петербургом, были несравненно отраднее, нежели у Гоголя»[2].

[1] См. ***1829. Января 3. Рождественские святки. Санкт-Петербург.***

[2] Воспоминания А. С. Данилевского о пребывании Гоголя в Петербурге и за границей, в пересказе В. И. Шенрока // *Свод.* Т. 1. С. 506.

1828

ДЕКАБРЯ 25. ВТОРНИК. ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

ДЕКАБРЯ ОКОЛО 28. РОЖДЕСТВЕНСКИЕ СВЯТКИ. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Вероятный визит Гоголя к Л. И. Голенищеву-Кутузову, который не принял его по болезни[1].

Тогда же Гоголь навестил двоюродного дядю И. П. Косяровского.

[1] См. ***1829. Января 3. Рождественские святки. Санкт-Петербург.***

ДЕКАБРЯ 27–31. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Выход в свет альманаха «Северные Цветы на 1829 год»[1], где напечатаны «IV глава из исторического романа» <Арап Петра Великого> и 16 стихотворений А. С. Пушкина, в том числе: «Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...»); «Город пышный, город бедный...»; «Не пой, красавица, при мне...»; «Портрет» («С твоей пылающей душой...») и др., а также повесть «Уединенный домик на Васильевском» В. П. Титова (под псевдонимом: Тит Космократов)[2]; стихотворение «Старая быль» П. А. Катенина[3], басни И. А. Крылова «Бритвы», «Пушки и Паруса»[4], «Бедный богач»[5].

[1] *Цявловский, Тархова.* С. 904.

[2] Повесть восходит к устному рассказу Пушкина и представляет собой переложение одного из его замыслов. «Уединенный домик на Васильевском» перекликается с содержанием «петербургской» поэмы Пушкина «Домик в Коломне» (1830; опубл. в 1833). С последней поэмой Гоголь был знаком еще в рукописи; в 1831 г. ее образы нашли отражение в гоголевской «Ночи перед Рождеством» (см. ***1831. Июля средина – августа начало. Царское Село*** – примечания).

В свою очередь, название повести Пушкина и Титова – «Уединенный домик на Васильевском» – напоминает заглавие чернового наброска Гоголя 1833 г. «Страшная рука. Повесть из книги под названием: “Лунный свет в разбитом окошке чердака на Васильевском острове в 16-й линии”». Это, вероятно, набросок повести Гоголя, предполагавшейся для совместного с Пушкиным и князем В. Ф. Одоевским альманаха «Тройчатка» (см. ***1833. Сентября 28. Четверг. Санкт-Петербург***).

[3] Напечатано с примечанием: «За стихотворение сие обязаны мы А. С. Пушкину, который доставил нам оное...» Стихотворение Катенина было упомянуто позднее Гоголем в «Учебной книге словесности для русского юношества» (1846; см. ***1845 октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4> – 1846 мая 6–8 <апреля 24–26>. Рим*** – примечания).

[4] Басня упомянута позднее Гоголем в «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1846).

[5] Содержание последней басни отзывается в повести «Портрет», а также в образе скряги Плюшкина в «Мертвых душах».

КОНЕЦ 1820-х (НЕ ПОЗДНЕЕ 1829)

Гоголь предположительно составляет сборник выписок «Из книги: Лествица, возводящая на небо»[1].

В 1928 г. В. М. Зуммер[2] сообщал: «...В Музее Слободской Украины <...> <хранятся> выписки из Иоанна Лествичника – “Лествица, возводящая на небо”... <...> ...Рукопись <...> <представляет> собой любопытный материал, который характеризует круг интересов Гоголя (см. статью И. Ерофеева[3] “Новий рукопис Гоголя”, Черв<оний> Шлях, 1926, № 10)»[4].

И. Ф. Ерофеев в упомянутой статье 1926 г. писал: «Заголовок ее такой: “Из книги: Лествица, возводящая на небо” – на 92 стр., in 8. Написание ее калиграфично... <...> Выборки, сделанные Гоголем, в своих темах типичны для настроений поры его “Переписки с друзьями”: “О подвизании, об уклонении от мира, о послушании, о покаянии, о гневе, о безгневии, о кротости” и т. п. Тут зародыш того наставничества, какое взял на себя Гоголь... <...> Тут реминисценция образа аскета из первой редакции повести “Портрет” <1834>; тут же есть и отзвуки любимых мыслей Гоголя – например, в разделе “О плаче” читаем про «плач наружный» и про “слезы душевные”, незримые, “которые проливаться могут всегда и всюду”. <...> Поражают своей огромностью <“величінністю”> выписки

про “Гордость, тщеславие”... <...> В этой короткой заметке мы не рассматриваем всех выписок... <...> Рукопись до сего времени находилась среди бумаг покойного <владыки> М<ихаила> Грибановского[5], близкого родственникам Гоголя – Быковым. Последние подарили ее Грибановскому в июле 1895 г.[6] Выходной лист в рукописи написан Кулишом»[7].

Позднее И. Ф. Ерофеев в статье «Рукописи Н. В. Гоголя в Харьковском Историческом музее (бывш. им. Сковороды)», предназначавшейся для публикации в сборнике «Звенья», но возвращенной автору редакцией в 1938 г. «по его просьбе», добавлял: «В различные моменты розысков рукописного материала для собрания Харьковского музея им. Сковороды, сейчас преобразованного в исторический, нам посчастливилось приобресть ряд рукописей Гоголя. Большинство из них касается истории рода Гоголей-Яновских, кое-что дает материал для характеристики писательских и иных интересов автора Ревизора. Рукописи, о которых у нас будет речь, составляли часть архива Быковых, родственников писателя, частью – архива их знакомого по Полтаве – <преосвященного> М<ихаила> Грибановского. Помощь в деле знакомства с первым архивом нам оказал известный киевский журналист В. А. Чаговец. Большинство найденного материала не было опубликовано в свое время или опубликовывалось частично, в извлечениях. <...> ...Документ из архива Грибановского. Это большая рукопись – на 92 стр., in 8°. Рукопись эта писана самим Гоголем (выходной лист – П. Кулиша). Заглавие ее: “Из книги: Лествица, возводящая на небо”. Написана она каллиграфически...»[8] (В настоящее время Харьковский Исторический музей, бывший Музей Слободской Украины им. Г. С. Сковороды рукописями Гоголя, в том числе сборником выписок «Из книги: Лествица, возводящая на небо» — оставшимся, к сожалению, неопубликованным, — не располагает.)

«Лествица» в тридцать глав, или «степеней» составлена преподобным Иоанном Синайским «в образ тридцати лет Господнего совершеннолетия» (Лк. 3, 23). С самых первых произведений в творчестве Гоголя появляется – и к средине 1830-х гг. получает развитие – тема «духовного недоросля»[9] – «мертвой души», не помышляющей о восхождении по «лествице» добродетелей, до Господня «возраста» (Еф. 4, 13)[10].

[1] См. также ***1841. Июня 10 <мая 29>. Четверг. Рим***; ***1851. Февраля 23. Пятница первой недели Великого поста. Одесса*** (примечания); ***1843 ноября 19 <7> – 1844 марта не позднее 19 <не позднее 7>. Ницца***.

[2] Всеволод Михайлович Зуммер (1885–1970), искусствовед, археолог.

[3] Иван Федорович Ерофеев, литературовед. О существовании выписок Гоголя из «Лествицы» И. Ф. Ерофееву было известно, возможно, еще до революции, так как он занимался творчеством Гоголя уже в те годы, и именно в Симферополе (см.: *Ерофеев И. Ф.* Исторические труды Н. В. Гоголя и его заметка о Таврии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1911. № 45. С.74–89).

[4] *Зуммер В. М.* Рисунки Н. В. Гоголя в Музее Слободской Украины // *Свод*. Т. 3. С. 364–365.

Еще ранее, в 1888 г., Т. И. Филиппов, вероятно, со слов графа А. П. Толстого, разбиравшего после смерти Гоголя его бумаги (см. ***1852. Апреля 30. Среда. Москва***; ***1852. Мая 1. Четверг. Москва***), сообщал, что «Лествица», «особенно <...> восхищала» Гоголя, так что и он переписал книгу «своею рукой, желая глубже запечатлеть в своей памяти ее божественное содержание» (см. ***1851. Октября 20 – ноября 6. Москва*** – примечания).

[5] Преосвященный Михаил (в мире Михаил Михайлович Грибановский, 1856 – 19/31 августа 1898), епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии (в 1894–1895), епископ Таврический и Симферопольский (с 19 января 1897), богослов.

[6] См. также ***1845. Октября между 12 и 16 <между сентября 30 и октября 4>. Рим***.

[7] *Ерофіїв Ив.* Новый рукопис Гоголя. (З рукописного відділу Музею Слободськоі України) // Червоний Шлях. Харьків, 1926. № 2. С. 175–176; *Свод*. Т. 3. С. 364–365.

[8] *РГАЛИ*. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 63. Л. 2, 5; *Свод*. Т. 3. С. 365. Подробнее см. в коммент. к сочинению Гоголя <О гневе и безгневии> в изд.: *Гоголь 2009–2010*. Т. 6. С. 663–668.

[9] В этом, безусловно, свою роль сыграли и постановки «Недоросля» Д. И. Фонвизина на школьной сцене нежинской гимназии (см. ***1827. Февраля 7–12. Понедельник-суббота. Масленица. Нежин***).

[10] Подробнее о теме духовного «недоросля» в раннем творчестве Гоголя см.: *Виноградов 2000*. С. 151–156; *Виноградов 2015*. С. 203–215. – См. также ***1810. Июля 7. Четверг. День памяти преподобного Акакия, о котором повествуется в Лествице***; ***1829. Июля 24. Среда. Санкт-Петербург*** (примечания); ***1833. Сентября первая половина. Санкт-Петербург***.

Список сокращений

Гоголь 1889–1896 – Соч. *Н. В. Гоголя.* 10-е изд. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. М., 1889. Т. 1–5; Соч. *Н. В. Гоголя.* Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым и В. Шенроком. М.; СПб., 1896. Т. 6; СПб., 1896. Т. 7.

Гоголь 1937–1952 – *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. <В 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1937. Т. 2 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, В. В. Гиппиус, В. П. Петров, Н. Л. Степанов, Б. М. Эйхенбаум; 1938. Т. 3 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, В. Л. Комарович, Н. И. Мордовченко, Н. Л. Степанов, Б. М. Энгельгардт; 1940. Т. 1 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, Н. П. Андреев, А. И. Белецкий, Г. С. Виноградов, В. В. Гиппиус, М. К. Клеман, Н. К. Пиксанов, Н. Л. Степанов, П. Т. Щипунов; 1940. Т. 10 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, Г. А. Бялый, Г. С. Виноградов, Ц. С. Вольпе, В. В. Гиппиус, Б. П. Городецкий, А. И. Грушкин, А. Г. Дементьев, С. Н. Дурылин, А. И. Комаров, Л. В. Крестова, А. Н. Михайлова, Л. Б. Модзалевский, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, Л. А. Плоткин, И. Г. Ямпольский; 1949. Т. 5 / Тексты и коммент. подготовили М. П. Алексеев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, А. Л. Слонимский; 1951. Т. 4 / Тексты и коммент. подготовили В. В. Гиппиус, В. Л. Комарович; 1951. Т. 6 / Тексты и коммент. подготовили В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур; 1951. Т. 7 / Тексты и коммент. подготовили В. А. Жданов, Э. Е. Зайденшнур, В. Л. Комарович; 1952. Т. 8 / Тексты и коммент. подготовили О. Б. Билинкис, Л. М. Лотман, В. Б. Томашевский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 9 / Тексты и коммент. подготовили И. Я. Айзеншток, А. А. Назаревский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 11 / Тексты и коммент. подготовили М. К. Азадовский, Ц. С. Вольпе, В. В. Гиппиус, Б. П. Городецкий, А. Г. Дементьев, С. Н. Дурылин, Л. В. Крестова, Н. Г. Машковцев, Н. И. Мордовченко, А. А. Назаревский, М. А. Панченко; 1952. Т. 12 / Тексты и коммент. подготовили Р. Б. Заборова, А. Н. Михайлова, А. А. Назаревский, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 13 / Тексты и коммент. подготовили А. Н. Михайлова, Г. М. Фридлендер; 1952. Т. 14 / Тексты и коммент. подготовила А. Н. Михайлова.

Гоголь 1963 – *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба. Издание подготовили Е. И. Прохоров, Н. Л. Степанов. М.: АН СССР, 1963. (Литературные памятники).

Гоголь 1994 – *Гоголь Н. В.* Собр. соч.: В 9 т. Сост., подгот. текстов и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. М.: Русская книга, 1994.

Гоголь 2001 – Неизданный Гоголь. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001. 600 с.

Гоголь 2009 – *Гоголь Н. В.* Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Издание подготовил И. А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

Гоголь 2009–2010 – *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. Сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. Т. 1–15; М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2010. Т. 17.

АВПРИ – Архив внешней политики Российской Империи Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва.

Величко 1848–1864 – Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке. Составил Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии войска Запорожского. 1720. Издана Временною Комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1848. Т. 1 (цензурное разрешение 7 мая); 1851. Т. 2 (цензурное разрешение 2 сент. 1850); 1855. Т. 3; 1864. Т. 4.

Виноградов 2000 – *Виноградов И. А.* Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы миросозерцания. М.: Наследие, 2000. 448 с.

Виноградов 2001 – *Виноградов И. А.* Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. Научное издание. М., 2001. 776 с. + 16 с. илл.

Виноградов 2015 – *Виноградов И. А.* Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: Из истории образования в России. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 352 с.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва (бывш. *ЦГАОР*).

ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва.

ГЛМ – Государственный литературный музей, Москва.

Грабянка 1793 – *<Грабянка Г. И.>* Летописец Малыя России // Российский Магазин. Трудами Феодора Туманского. СПб., 1793. Ч. 2. С. 15–97, 103–108, 209–290, 366–388; Ч. 3. С. 54–76, 125–156, 205–236, 280–311.

Грабянка 1854 – Действия презельной и от начала поляков крвавшой небывалой брани Богдана Хмел<ь>ницкого, гетмана Запорожского, с поляки, за Найяснейших Королей Пол<ь>ских Владислава, потом и Казимира, в року 1648, отправоватися начатой и за лет десять по смерти Хмел<ь>ницкого неоконченной, з розних летописцов и из диариуша, на той войне писанного, в граде Гадячу, трудом Григория Грабянки, собранная и самобитных старожилов свидетельстви утвержденная. Року 1710. Издана Временною Коммиссеию для разбора древних актов. Киев, 1854 (цензурное разрешение 16 окт. 1852).

Гриц – *Гриц Т. С.* М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества / Отв. ред. и сост. первой части (1788–1822) А. П. Клинчин. «Летопись» дополнили и снабдили справочным аппаратом Т. М. Ельницкая, А. П. Клинчин, Н. Г. Литвиненко, А. Я. Альтшуллер, Л. С. Данилова, И. А. Клецкая, Н. В. Королева, В. В. Сомина, М. Б. Рабинович. Иконографию М. С. Щепкина собрал и описал Н. П. Пахомов. Вступ. ст. В. Б. Шкловского / АН СССР; Ин-т истории искусств Мин. культуры СССР; Ин-т театра, музыки и кинематографии Мин. культуры СССР. М., 1966. 881 с.

ГЦТМ – Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Москва.

Дурылин 1928 – *Дурылин С.* Из семейной хроники Гоголя. Переписка В. А. и М. И. Гоголь-Яновских. Письма М. И. Гоголь к Аксаковым / Государственная Академия художественных наук. Тексты и материалы. Вып. 4. М., 1928.

Жаркевич, Кирилюк, Якубина – *Жаркевич Н. М., Кирилюк З. В., Якубина Ю. В.* Летопись жизни и творчества Николая Гоголя. Нежинский период (1820–1828) // Гоголеведческие студии. Нежин, 2002. Вып. 8.

Иофанов – *Иофанов Д.* Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы. Киев, 1951.

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург.

История Русов 1846 – История Русов, или Малой России. Сочинение Георгия Конисского, Архиепископа Белорусского. М., 1846 («по определению Общества. 1846 года, генваря 26-го дня. Секретарь Общества О. Бодянский»).

Казарин – Казарин В. П. Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»: Вопросы творческой истории. Киев; Одесса, 1986.

Каманин – Каманин И. М. Научные и литературные произведения Гоголя по истории Малороссии // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим обществом Нестора-летописца. Киев, 1902. Отд. 2.

Карпенко – Карпенко А. И. О народности Н. В. Гоголя. (Художественный историзм писателя и его народные истоки). Изд-во Киевского ун-та, 1973.

Клинчин – Клинчин А. П. Провинциальный театр <в 1826–1845 гг.> // История русского драматического театра: В 7 т. М., 1978. Т. 3.

Крикун – Крикун М. Г. Між війною і радою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII століття. Статті і матеріяли. Київ, 2006.

Кулиш 1852 – <Кулиш П. А.> Несколько черт для биографии Николая Васильевича Гоголя // Отечественные Записки. 1852. № 4. Отд. 8. С. 189–201.

Кулиш 1853 – <Кулиш П. А.> Выправка некоторых биографических известий о Гоголе // Отечественные Записки. 1853. № 2 (цензурное разрешение 25 янв.). Отд. 7. С. 109–121.

Кулиш 1854 (1) – <Кулиш П. А.> Опыт биографии Николая Васильевича Гоголя. Николая М. // Современник. 1854. Т. 43. № 2 (цензурное разрешение 31 янв.). Отд. 2. С. 37–92; Т. 44. № 3 (цензурное разрешение 28 февраля). Отд. 2. С. 1–84; Т. 44. № 4 (цензурное разрешение 31 марта). Отд. 2. С. 91–154.

Кулиш 1854 (2) – <Кулиш П. А.> Опыт биографии Н. В. Гоголя, со включением до сорока его писем. Сочинение *Николая М.* СПб., 1854 (цензурное разрешение 22 апр.).

Кулиш 1856 – <Кулиш П. А.> Николай М. Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856. Т. 1–2 (цензурное разрешение 15 янв.).

Кулиш 2003 – Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. В двух томах / Вступ. статья и коммент. И. А. Виноградова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 704 с.

Лавровский 1879 – Лавровский Н. А. Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 г.) // Известия Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине. 1879. Т. 3. Отд. 2.

Лавровский 1879 (отд. изд.) – Лавровский Н. А. Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине. (1820–1832 г.). (Извлечено из «Изв<естий> Ист<орико>-филолог<ического> инст<итута> кн<язя> Безбородко в Нежине» за 1879 г.). Киев, 1879.

Машинский 1940 – Машинский С. И. Историческая повесть Гоголя. М., 1940.

Машинский 1959 – Машинский С. И. Гоголь и «дело о вольнодумстве». М., 1959. 294 с.

Машковцев – Машковцев Н. Г. Гоголь в кругу художников. Очерки. М., 1955. 170 с.

Михальский – Михальский Е. Н. Внезапная кончина В. Г. Кукольника. Временное правление Гимназии высших наук князя Безбородко // Література та культура Полісся. Ніжин, 2000. Вип. 14. С. 219–237.

Михед, Якубина – Гоголь в Нежинской гимназии высших наук. Антология мемуаров. Сост. и коммент. П. В. Михед, Ю. В. Якубина. СПб., 2014. 628 с.

Назаревский – *Назаревский А. А.* Из архива Головни // Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 315–357.

НБУ – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского НАН Украины, Киев (бывш. *ЦНБ*).

Ореус – <*Ореус И. И.*> Дмитрий Прокофьевич Трощинский. 1754–1829 // Русская Старина. 1882. № 6. С. 641–682.

Попов 1868 – *Попов А. Н.* Записка Дмитрия Прокофьевича Трощинского об учреждении министерств // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1868. Т. 3. С. 1–22.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства, Москва (бывш. *ЦГАЛИ*).

РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва (бывш. *ГБЛ*).

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив, Москва.

РГИА – Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург (бывш. *ЦГИА*).

Ригельман 1848 – Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще... собрано и составлено чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана, 1785–86 года. М., 1847 (на с. VI «поправка» О. М. Бодянского, датированная 3 апр. 1848). Ч. 1–4.

РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (бывш. *ГПБ*).

Рубан 1777 – *Рубан В. Г.* Краткая летопись Малой России с 1506 по 1776 г., с изъявлением настоящего образа тамошнего правления и с приобщением списка преждебывших гетманов, генеральных старшин, полковников и иерархов. СПб., 1777.

Самовидец 1846 – Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого и о междоусобиях, бывших в Малой России по его смерти. Доведена продолжателями до 1734 года. Издание Имп. Общества Истории и Древностей Российских. М., 1846 (напечатано «по определению общества» от 1 июня).

Самовидец 1878 – Летопись Самовидца по новооткрытым спискам, с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малоросии» и «Собрания Исторического». Киев, 1878.

Свод – *Виноградов И. А.* Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание. В трех томах. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 1; 2012. Т. 2; 2013. Т. 3.

Сребницкий 1902 – *Сребницкий И. А.* Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук // Гоголевский сборник. Изданный состоящей при Истори-

ко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Коммиссией под редакцией проф. М. Сперанского. Киев, 1902.

Сребницкий 1902 (отд. изд.) – Сребницкий И. А. Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук. Киев, 1902.

Супронюк. Словарь – Супронюк О. К. Н. В. Гоголь и его окружение в Нежинской гимназии. Биобиблиографический словарь. Киев, 2009.

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (бывш. *ЛГИА*).

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы (бывш. *ЦГИАМ*).

Цявловский – Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. В 4 т. Т. 1. 1799–1824 / Сост. М. А. Цявловский. М., 1999.

Цявловский, Тархова – Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. В 4 т. Т. 2. 1825–1828 / Сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова. М., 1999.

Шенрок – Шенрок В. И. Материалы для биографии Гоголя. М., 1892. Т. 1; М., 1893. Т. 2; М., 1895. Т. 3; М., 1896. Т. 4.

Именной указатель

Именной указатель

Географическая канва жизни и творчества Гоголя 1809–1828

Содержание

Научное издание

Утверждено к печати Ученым советом
Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

И. А. ВИНОГРАДОВ

ЛЕТОПИСЬ
ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
Н. В. ГОГОЛЯ
в семи томах

том первый
1809–1828
с родословной летописью
1405–1808

Дизайн обложки и макет тома Д. К. Бернштейн
Корректор Е. Н. Сченснович
Компьютерная верстка А. З. Бернштейн

Подписано в печать 12.09.2017

Формат 70×100 1/16
Усл.-печ. л. 46,0; уч.-изд. л. 59,34.
Тираж 300 экз.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук
121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
тел. (495) 691-23-01, 690-05-61

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 1083

ISBN 978-5-9208-0512-6

ИМЛИ РАН

Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя

Том 1

Москва 2017